

////////////////////////////////////
№ 5
май
2025 г.

ПРАВО и УПРАВЛЕНИЕ

научно-правовой журнал

Издание включено в Перечень рецензируемых научных изданий Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

© Издательство «ЮРКОМПАНИ», 2025
////////////////////////////////////

ПРАВО
и УПРАВЛЕНИЕ

научно-правовой журнал

LAW and MANAGEMENT

scientific and legal journal

Ежемесячный аналитический научно-правовой журнал, посвященный актуальным вопросам гражданского, административного права, судебной власти, правоохранительной и правозащитной деятельности, а также правовому мониторингу гражданского законодательства в России и мире

Monthly analytical scientific and legal journal on topical issues of civil, administrative law, judicial power, law enforcement and human rights activities, as well as legal monitoring of civil legislation in Russia and the world

Председатель редакционного совета:

доктор юридических наук, профессор
Василий Васильевич Гущин

Главный редактор:

доктор юридических наук, профессор
Светлана Анатольевна Иванова

Заместитель главного редактора:

доктор юридических наук, доцент
Марат Селирович Шайхуллин

Заместитель главного редактора

по научному развитию:

Руслан Гандалоев
кандидат политических наук, доцент

Корректор:

Вера Ивановна Козлова

Компьютерная верстка и дизайн:

Марина Владимировна Горячева

Chairman of the Editorial Board:

doctor of law sciences, professor
Vasily Vasilievich Gushchin

Editor-in-Chief:

doctor of law sciences, professor
Svetlana Anatolyevna Ivanova

Deputy Editor-in-Chief:

doctor of law sciences, associate professor
Marat Selyovich Shaikhullin

Deputy Editor-in-Chief

for Scientific Development:

Ruslan Gandaloev
candidate of Political Science, Associate Professor

Corrector:

Vera Ivanovna Kozlova

Computer layout and design:

Marina Vladimirovna Goryacheva

Учредитель и издатель:

Издательство «ЮРКОМПАНИ»

Founder and Publisher:

Publishing house «YURKOMPANI»

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Свидетельство о регистрации СМИ ЭЛ № ФС 77-84981, ПИ № ФС77-46150 от 12 августа 2011 г.) Включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и зарегистрирован в Научной электронной библиотеке e-LIBRARY.RU.
ISSN: 2224-9133

Registered with the Federal Supervision Service in communications, information technology and mass communications (EL Media Registration Certificate No. FS 77-84981, PN FS77-46150 dated August 12, 2011) Included in the Russian Scientific Citation Index (RSCI) and registered with the Scientific Electronic library e-LIBRARY.RU.
ISSN: 2224-9133

Адрес редакции (для писем): 111397,

г. Москва, Зеленый проспект, 22-302.

Home page: www.law.law-books.ru

E-mail: mail@law-books.ru

Editorial address (for letters): 111397, Moscow, Green Avenue, 22-302.

Home page: www.law.law-books.ru

E-mail: mail@law-books.ru

При использовании опубликованных материалов ссылка на журнал «Право и управление» обязательна. Материалы, опубликованные в журнале, могут быть размещены в электронных правовых базах и справочных системах. Все присланные рукописи проходят обязательное рецензирование. Автор рукописи извещается о принятом решении. Мнение редакции может не совпадать с мнением автора.

When using published materials, the link to the magazine "Right and Control" is mandatory. Materials published in the journal can be placed in electronic legal databases and reference systems. All manuscripts sent are subject to mandatory review. The author of the manuscript is informed of the decision. The editorial opinion may not coincide with the opinion of the author.

Индекс подписки в каталоге «Пресса России» и «Библиотечном каталоге»: 46148

© Издательство «ЮРКОМПАНИ», 2025

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель: **В.В. Гушин** – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры авторского права, смежных прав и частноправовых дисциплин Российской государственной академии интеллектуальной собственности

Заместитель Председателя: **Р.М. Мырзалимов** - доктор юридических наук, советник Председателя Верховного Суда Кыргызской Республики, профессор кафедры административного права юридического факультета Кыргызского национального университета имени Жусупа Баласагына

Е.В. Богданов - ученый секретарь секции, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Российского экономического Университета им. Г.В. Плеханова

А.В. Барков - доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права Саратовской государственной юридической академии, Заслуженный юрист России

А.П. Галоганов - доктор юридических наук, Заслуженный юрист России, президент Адвокатской палаты Московской области, президент Федерального союза адвокатов России, вице-президент Международного союза (содружества) адвокатов

В.П. Камышанский - руководитель секции, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского права ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный аграрный университет», заведующий кафедрой гражданского права и процесса Института международного права, экономики, гуманитарных наук и управления имени К.В. Российского, Почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации

В.В. Комарова - доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой конституционного и муниципального права Российской Федерации Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

В.В. Сангаджиев - ученый секретарь секции, доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент РАЕН, профессор кафедры судебной власти, правоохранительной и правозащитной деятельности Юридического института РУДН

В.Н. Ткачев - доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист России, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Российского экономического Университета им. Г.В. Плеханова

О.В. Химичева - руководитель секции, доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры уголовного процесса Московского университета МВД имени В.Я. Кикотя

Л.А. Тхабисимова - доктор юридических наук, профессор, директор, заведующая кафедрой конституционного и муниципального права Юридического института Пятигорского государственного университета, директор Северо-Кавказского центра избирательного права и процесса, руководитель Северо-Кавказского научно-образовательного центра политико-правовых проблем, Академик АМАН, Почетный работник сферы образования Российской Федерации, Заслуженный юрист Республики Адыгея

EDITORIAL BOARD

Chairman: **V.V. Gushchin** - Doctor of Law, Professor, Department of Copyright, Related Rights and Private Law Disciplines of the Russian State Academy of Intellectual Property

Deputy Chairman: **R.M. Myrzalimov** - Doctor of Law, Advisor to the Chairman of the Supreme Court of the Kyrgyz Republic, Professor, Department of Administrative Law, Faculty of Law, Zhusup Balasagyn Kyrgyz National University

E.V. Bogdanov - Scientific Secretary of the Section, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Russian Economic University named after G.V. Plekhanov

A.V. Barkov - Doctor of Law, Professor, Department of Civil Law, Saratov State Law Academy, Honored Lawyer of Russia

A.P. Haloganov - Doctor of Law, Honored Lawyer of Russia, President of the Moscow Region Bar Association, President of the Federal Union of Lawyers of Russia, Vice President of the International Union (Commonwealth) of Lawyers

V.P. Kamyshansky - Section Head, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Civil Law of the Kuban State Agrarian University, Head of the Department of Civil Law and Process of the Institute of International Law, Economics, Humanities and Management named after K.V. Russian, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation

V.V. Komarova - Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Russian Federation, Moscow State Law University named after O.E. Kutafina (Moscow State Law Academy)

V.V. Sangadzhiev - Academic Secretary of the Section, Doctor of Law, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Natural Sciences, Professor of the Department of Judicial Power, Law Enforcement and Human Rights Activities of the RUDN Law Institute

V.N. Tkachev - Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of Russia, Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Russian University of Economics named after G.V. Plekhanov

O.V. Khimicheva - Section Head, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Procedure of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs named after V.Ya. Kikotya

L.A. Tkhabisimova - Doctor of Law, Professor, Director, Head of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Law Institute of Pyatigorsk State University, Director of the North Caucasus Center for Electoral Law and Process, Head of the North Caucasus Scientific and Educational Center for Political and Legal Problems, Academician of the AMAN, Honorary Worker of Education of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Republic of Adygea

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

С.А. Иванова - председатель, главный редактор, доктор юридических наук, профессор, заместитель первого проректора по учебной и методической работе, профессор Департамента Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, эксперт РАН.

М.С. Шайхуллин - первый заместитель главного редактора, доктор юридических наук, доцент, руководитель Центра государственно-правовых исследований Евразийского научно-исследовательского института проблем прав

Научная специальность: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки

Е.Г. Багреева - доктор юридических наук, профессор, профессор Департамента правового регулирования экономической деятельности ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»

А.И. Глушков - доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой права Института социально-гуманитарного образования Московского педагогического государственного университета

Л.Ю. Грудцына - доктор юридических наук, профессор, профессор ФГБОУ ВО «Российская государственная академия интеллектуальной собственности», профессор кафедры конституционного и международного права ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», Почетный адвокат России, эксперт РАН

И.В. Дойников - доктор юридических наук, профессор, профессор Московского городского университета управления Правительства Москвы

А.А. Дорская - доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой международного права Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена

Р.А. Каламкарян - доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора международно-правовых исследований Института государства и права Российской академии наук, профессор кафедры международного права Российского университета дружбы народов

А.Н. Левушкин - доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина, профессор кафедры гражданского права Российского государственного университета правосудия

Т.А. Сошникова - доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета, заведующая кафедрой гражданского процесса и социальных отраслей права Московского гуманитарного университета

Д.П. Стригунова - доктор юридических наук, доцент, доцент кафедры международного и интеграционного права Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Г.Г. Шинкарецкая - доктор юридических наук, главный научный сотрудник сектора международного права Института государства и права РАН, член Совета по международному праву при Министерстве иностранных дел Российской Федерации

Научная специальность: 5.1.4. Уголовно-правовые науки

М.Д. Давитадзе - доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики международно-правового факультета Московского государственного института международных отношений (Университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Одинцовский филиал, заведующий кафедрой уголовного права и процесса Открытого гуманитарно-экономического университета

М.М. Дикажев - доктор юридических наук, доцент, профессор Ингушского государственного университета

Ю.В. Николаева - доктор юридических наук, профессор, профессор Департамента правового регулирования экономической деятельности Финансового университета при Правительстве РФ

Г.Б. Прончев - кандидат физико-математических наук, доцент, доцент кафедры современной социологии социологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, старший научный сотрудник Федерального исследовательского центра химической физики им. Н.Н. Семенова Российской академии наук, действительный член Российской академии естественных наук, Россия, г. Москва

В.Е. Усанов - доктор юридических наук, профессор, академик Российской академии образования, профессор кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин Российского экономического университета им Г.В. Плеханова

Е.Н. Щербак - доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, профессор кафедры финансового права Российского государственного гуманитарного университета

Н.Д. Эриашвили - доктор экономических наук, кандидат юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, профессор кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, лауреат премии Правительства Российской Федерации в области науки и техники

Э.Г. Юзиханова - доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры предварительного расследования Санкт-Петербургского университета МВД России

EDITORIAL BOARD

S.A. Ivanova - Chairman, Editor-in-Chief, Doctor of Law, Professor, Deputy First Vice-Rector for Academic and Methodological Work, Professor of the Department of the Financial University under the Government of the Russian Federation, expert of the Russian Academy of Sciences.

M.S. Shaikhullin - First Deputy Editor-in-Chief, Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Center for State Legal Research of the Eurasian Research Institute of Rights Problems

Scientific specialty: 5.1.3. Private law (civil) sciences

E.G. Bagreeva - Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Legal Regulation of Economic Activities of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Financial University under the Government of the Russian Federation"

A.I. Glushkov - Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Law, Institute of Social and Humanitarian Education, Moscow State Pedagogical University

L.Yu. Grudtsyna - Doctor of Law, Professor, Professor of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Russian State Academy of Intellectual Property," Professor of the Department of Constitutional and International Law of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "All-Russian State University of Justice (RPA Ministry of Justice of Russia)," Honorary Lawyer of Russia, expert of the Russian Academy of Sciences

I.V. Doinikov - Doctor of Law, Professor, Moscow City University of Management, Moscow Government

A.A. Dorskaya - Doctor of Law, Professor, Head of the Department of International Law, Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen

R.A. Kalamkaryan - Doctor of Law, Professor, Leading Researcher of the International Legal Research Sector of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Professor of the Department of International Law of the Peoples' Friendship University of Russia

A.N. Levushkin - Doctor of Law, Professor, Department of Business and Corporate Law, Kutafin Moscow State Law University, Professor, Department of Civil Law, Russian State University of Justice

T.A. Soshnikova - Doctor of Law, Professor, Dean of the Faculty of Law, Head of the Department of Civil Procedure and Social Branches of Law, Moscow University of the Humanities

D.P. Strigunova - Doctor of Law, Associate Professor, Department of International and Integration Law, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

G.G. Shinkaretskaya - Doctor of Law, Chief Researcher of the International Law Sector of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Member of the Council on International Law under the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

Scientific specialty: 5.1.4. Criminal Law Sciences

M.D. Davitadze - Doctor of Law, Professor, Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics the International Law Faculty of the Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Odintsovo Branch, Head of the Department of Criminal Law and Process of the Open Humanitarian and Economic University

M.M. Dikazhev - Doctor of Law, Associate Professor, Professor of Ingush State University

Yu.V. Nikolaeva - Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Legal Regulation Economic Activity of the Financial University under the Government of the Russian Federation

G.B. Pronchev - Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Associate Professor, Associate Professor, Department of Modern Sociology, Faculty of Sociology, Moscow State University named after M.V. Lomonosov, Senior Researcher, Federal Research Center of Chemical Physics named after N.N. Semenov of the Russian Academy of Sciences, Full Member of the Russian Academy of Natural Sciences, Russia, Moscow

V.E. Usanov - Doctor of Law, Professor, Academician of the Russian Academy of Education, Professor of the Department of State Law and Criminal Law Disciplines of the Russian University Economics named after G.V. Plekhanov

E.N. Shcherbak - Doctor of Law, Candidate of Historical Sciences, Professor, Professor, Department of Financial Law, Russian State University for the Humanities

N.D. Eriashvili - Doctor of Economics, Candidate of Law, Candidate of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Civil and Labor Law, Civil Procedure of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot, laureate of the Prize of the Government of the Russian Federation in the field of science and technology

E.G. Yuzikhanova - Doctor of Law, Professor, Professor, Department of Preliminary Investigation, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Содержание:

ПОЛИТИКА И ПРАВО

Далелов М.Л. * Государство и общество: взаимосвязь в обеспечении безопасности	15
Ордоков М.Х. * Современный терроризм как угроза экономической безопасности Российской Федерации . . .	18
Шондилов Р.Х. * Криминализация политических протестов: грань между активизмом и экстремизмом	22
Полукаров А.В. * К вопросу об основных детерминантах коррупции в России (часть 1)	29
Ахмедханова С.Т. Белов Е.В. * Формирование наднациональной политико-правовой традиции в контексте тенденций интеграции и глобализации	35

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА И ПРАВООЗАЩИТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Крипович Н.Д., Баранов А.Д., Панов И.С. * Проблема осуществления принципа равного гражданства на территории Российской Федерации	42
Михайлов Д.Ю. * Проблемы правового регулирования защиты прав кредиторов при реализации мер по восстановлению платежеспособности	47
Бегичева Е.В., Папонов Д.К., Скаринина А.Ю. * Правовая защита жертв насилия в семьях Российской Федерации	52
Плутенко Д.С., Лопухов К.И. * Право на забвение в России и за рубежом	57

ТЕОРИЯ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

Литвинов М.Е. * К вопросу о соотношении принципов и методов правового регулирования в цивилистике. Теория принципов-методов	61
Сурков А.Н., Савватеев С.В., Шичко А.Р. * Категории добросовестности и разумности в привлечении лица к ответственности в соответствии со статьей 53.1 ГК РФ: теоретические и практические аспекты	65

ПРАВО И ПРАВОО ПРИМЕНЕНИЕ

Сотников А.Е. * Злоупотребление правом как основание для оспаривания сделок несостоятельного должника . .	69
Бондаренко П.К. * Правовая сущность договора перевозки в прямом смешанном сообщении	75
Ляшко Ю.О., Проваткина В.Е., Волошина Т.В. * Искусственный интеллект как субъект права: деликтоспособность искусственного интеллекта	78

КОРПОРАТИВНОЕ ПРАВО

Фетхуллина К.Р. * Институт привлечения контролирующих должника лиц (КДЛ) к субсидиарной ответственности («снятие корпоративной вуали») как граница автономии воли участников корпорации в отношении с третьими лицами	84
Плутенко Д.С., Лопухов К.И. * Транснациональные корпорации и многонациональные предприятия как особые субъекты международного предпринимательского права	88

ДОГОВОРНОЕ ПРАВО

Бондаренко П.К. * К вопросу об ответственности участников договора прямой смешанной перевозки по ГК РФ: коллизии между ГК РФ и отраслевыми уставами	94

ОБРАЗОВАНИЕ И ПРАВО

Укроженко Д.С., Неверова О.П., Ражина Е.В., Павлова Я.С., Кулешова О.С. * Дуальное образование в СПО: опыт и перспективы	97
Никулин С.В. * Государственно-правовое поощрение применения технологий искусственного интеллекта в науке и образовании: этико-правовой аспект	102

ПРАВО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Малахова Н.Л. * Прекращение исключительного права на товарные знаки	108

СЕМЕЙНОЕ ПРАВО

Сибатуллин Ф.Ф., Шайхуллин М.С. * Побой как форма семейно-бытового насилия	113

СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ И СУДОПРОИЗВОДСТВО

Сергеев А.А. * Парсинг судебных данных и государственных реестров: коллизия открытости информации и защиты данных в контексте автоматизации юридических процессов (правовые механизмы регулирования) . . .	118
Воропаев Н.А. * Соотношение судебского усмотрения и назначения наказаний по совокупности приговоров . .	126
Медведева И.Н. * К вопросу об особенностях реализации судебного запрета на использование информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» в отношении правонарушителей в Российской Федерации и США	129
Иванюк О.С. * Подготовка к судебному разбирательству по делам, вытекающим из договора о реализации туристского продукта	135
Соколова Л.В. * Электронные суды и онлайн разбирательства	140
Ляшко Ю.О., Проваткина В.Е., Волошина Т.В. * Злоупотребление правом в международном арбитраже	147

ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И АДВОКАТУРА

Омелин В.Н. * Постановление о проведении оперативно-розыскных мероприятий как основание ограничения конституционных прав и свободы личности: проблемы формы и содержания	152

Махнева П.А., Попова Д.К. * Порядок заключения досудебного соглашения о сотрудничестве	157

ТЕОРИЯ УГОЛОВНОГО ПРАВА

Авдюнин А.В., Лапшин И.Е., Мандрыка Ю.С. * Теоретические аспекты уголовной субкультуры	161
Батюкова В.Е. * Об уголовно-правовом понятии насилия в правоприменительной практике	165
Малолеткина Н.С. * К вопросу о некоторых проблемах освобождения от наказания в связи с болезнью	170
Мельчаков К.М. * Роль и место пожизненного лишения свободы в системе наказаний	174

ТЕОРИЯ УПРАВЛЕНИЯ

Ахмедханова С.Т., Белов Е.В. * Национальные правовые традиции и тенденция политико-правовой интеграции	181
Никулин С.В. * Институт искусственного интеллекта в публичном праве и государственном управлении	187
Горбунова О.С., Малькова Ю.В., Хайрова И.М., Зарубина Е.В., Стахеева Л.М., Пильников Л.Н. * Роль информационных систем в организации и управлении производством	193

ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ

Батюкова В.Е., Войстрикова Е.А. * К вопросу об отграничении преступлений, предусмотренных ст. ст. 235 и 238 УК РФ	198
Панкова А.С. * Уровни виктимности жертв вымогательства, совершаемого с использованием информационно-коммуникационных технологий	206
Симагина Н.А. * Особенности личности несовершеннолетнего преступника	213
Сокуров А.Б. * Выявление и раскрытие мошенничеств с использованием мобильных средств связи	219
Чернова А.М. * Административная преюдиция в уголовном праве: «за» и «против»	225
Махнева П.А., Попова Д.К. * Понятие, признаки и виды соучастия в преступлении	232
Дауров А.И. * Проблемы идентификации и задержания преступников с изменённой внешностью: современные аспекты биометрического уклонения	235
Зудин А.В., Мараховская К.Г., Сергеева К.А. * Основные формы проявления организованной преступности на Дальнем Востоке	242
Блажкова Т.О. * Формализация морального и физического вреда, причиненного потерпевшему от насильственных преступлений, и его последующее возмещение	247
Казаков А.А. * Актуальные вопросы предупреждения преступлений, связанных с изготовлением и использованием подложных документов	252
Маздогова З.З. * Преступность в молодежной среде: причины и решения	257
Рябко Н.В., Османов М.М., Медведев В.В. * Противодействие финансированию цифрового терроризма в Российской Федерации: правовые проблемы и механизмы взаимодействия	260
Тлупова А.В. * К вопросу о правовой характеристике состава преступления, предусмотренного ст. 150 Уголовного кодекса РФ «вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления»	265

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

Лубягин М.С. * Коллегиальные формы производства предварительного следствия по уголовным делам в уголовном судопроизводстве республики Молдова	269
Овчинников О.М., Моисеев Н.Д., Саутиев А.М. * Оперативно-розыскное мероприятие «наблюдение» в условиях принудительной изоляции: допустимость, законность, перспективы	274
Чаплыгина В.Н., Рудов Д.Н., Новикова Е.А. * Исследование голоса при производстве фоноскопической судебной экспертизы с точки зрения эмоционального состояния говорящего	279
Примкулов А.А. * Следственные действия в уголовном процессе: необходимость систематизации и унификации (по законодательству Кыргызской Республики)	286
Гофман А.А., Иванов М.В. * Дистанционный надзор в уголовно-исполнительной системе как необходимый фактор для осуществления оперативно-служебной деятельности	291
Шогенов З.А. * Правовые и функциональные проблемы обеспечения быстроты и полноты предварительного следствия	296
Зорина Н.С. * Инновационные методы ресоциализации несовершеннолетних осужденных: современные подходы и перспективы	299
Овчинников О.М., Моисеев Н.Д., Саутиев А.М. * Оперативное сопровождение социально уязвимых категорий осужденных к лишению свободы: теоретические и прикладные аспекты	302
Крапивин О.В., Гофман А.А., Уваров С.А. * Некоторые аспекты организации подготовки учреждений УИС в области защиты от чрезвычайных ситуаций и обеспечения пожарной безопасности	308

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

Ваняшин И.С., Давиденко А.И., Пшеуч Б.Х. * Государственный контроль и безопасность дорожного движения в условиях массовой автомобилизации: проблемы и пути совершенствования	315
Гордеев Д.В., Мандрыка Ю.С., Царёва Е.С. * Роль административной деятельности полиции в предотвращении массовых беспорядков: правовые и организационные аспекты	320

ДИСКУССИЯ

Харченко И.В., Дусева Н.Ю., Рыбников В.В., Шеков А.А. * Современные стили татуировок: классификация и криминалистическое значение	324
Магомедов А.М., Абдулгалимова Г.Н., Седирова З.М., Ахмедова М.А. * Влияние пепсина в сыре	332
Факов А.М. * Специально-криминологические меры противодействия финансированию террористической деятельности	337
Артемьев Р.Д., Русина О.Н., Михайлов М.С. * Проблема правового статуса платформенных работников в Российской Федерации	341

ТРУДОВОЕ ПРАВО

Алексеева А.А., Грехова К.Я. * Особенности регулирования дистанционной работы в современном трудовом праве: проблемы и перспективы	347
Строгович Ю.Н., Медведева И.Н. * О законодательном регулировании наставничества в сфере трудовых отношений	354
Васильченко Н.В. * Отдельные вопросы противодействия нелегальной занятости в Российской Федерации	358
Шичко А.Р., Савватеев С.В., Сурков А.Н. * Правовые аспекты выплаты заработной платы цифровыми рублями	364

КИБЕРПРЕСТУПНОСТЬ

Жмуров Д.В. * Сущностные признаки кибержертв	368
Таков А.З. * Криминальные субкультуры в закрытых онлайн-сообществах: анализ коммуникации в telegram-каналах	373
Шоров А.А. * О вопросе противодействия преступлениям в сети Интернет	380
Кодзов Т.Н. * Криминальные риски метавселенных: преступления в виртуальной реальности	383
Прохорова Е.Н. * Роль искусственного интеллекта в предотвращении дистанционного мошенничества	390
Шигалугова М.Х. * Актуальные проблемы борьбы с телефонным и интернет-мошенничеством	393
Гедугошев Р.Р. * Кибермсть: трансформация мести в эпоху цифровых технологий	397
Хавпачев А.З. * Кибербуллинг и киберсталкинг: пробелы в законодательной защите	404

ЦИФРОВОЕ ПРАВО

Татаринов К.А. * Экстремизм в цифровую эпоху	410
Коркин М.С. * К вопросу о правовом регулировании нейросетевых технологий в контексте цифровой трансформации: правовые парадигмы, этические дилеммы и регуляторные вызовы	417
Тихомиров А.А. * Правовая природа и проблемы закрепления цифровых прав в российском законодательстве	423
Шериев А.М. * Цифровые активы как предмет взятки: вызовы правоприменения	428
Старченко А.С. * Искусственный интеллект и право 2050: какое законодательство понадобится в эпоху искусственного интеллекта?	434

ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Тутуков А.Ю. * Актуальные вопросы борьбы с нелегальной миграцией	438
Наренкова А.А. * Неустойка как частно-правовой механизм защиты прав участников долевого строительства многоквартирных домов	443
Симачкова Н.Н., Чупина И.П., Зарубина Е.В., Журавлева Л.А., Фетисова А.В. * К проблеме правового регулирования публичного сервитута в земельном законодательстве	448
Образцова В.И. * Правовое регулирование оказания гостиничных услуг	454
Черных Н.В. * О некоторых вопросах применения национального режима при закупке услуг, результатом которых является поставка товара	461
Бондаренко П.К. * О некоторых особенностях регулирования организации и перевозки грузов в прямом смешанном сообщении	465
Строкин А.Г. * Развитие гражданско-правового регулирования отношений в сфере общественного питания в Российской Федерации	469
Туровский Н.С. * Международные стандарты и рекомендации в сфере факторинга	477
Минасян Г.М. * Проблемы обращения взыскания на заложенное транспортное средство, конфискованное в пользу государства	483
Саяпин С.П. * О различных экономико-правовых подходах к классифицированию краудфандинга	488

ЭКОНОМИКА И ПРАВО

Веселкова Е.Е. * К вопросу о правовом регулировании особых экономических зон на современном этапе	494

НАУЧНАЯ ДИСКУССИЯ

Ондар Е.Р. * Тувинская государственность и её значимость в составе Российской Федерации	497
Мельников Е.А. * Незаконные действия в отношении имущества, подвергнутого описи или аресту либо подлежащего конфискации (ст. 312 Уголовного кодекса Российской Федерации): дискуссионные вопросы объекта преступления	500
Шушеначева Е.Н., Сошенко М.В., Шмырев В.И., Арсланбекова Ф.Ф., Климова Е.В. * Роль должной осмотрительности общества в системе контроля за финансово-хозяйственной деятельностью общества	505
Кудряшева О.Ю., Сошенко М.В., Шмырев В.И., Арсланбекова Ф.Ф., Коверкина Е.В. * Правовая природа крупных сделок в Российской Федерации	510
Грудцына Л.Ю., Тарыгина Д.А. * Досудебная медиация как важная часть досудебного разрешения споров в Китае	517
Дубень А.К. * Философия права марксизма: история и перспективы	523
Машекуашева М.Х. * Идеологическое противоборство в информационной среде: вызовы и угрозы национальной безопасности	529
Зиганшина Е.А., Сошенко М.В., Шмырев В.И., Арсланбекова Ф.Ф., Коверкина Е.В. * Проблемы и перспективы государственного воздействия на деятельность публично-правовых компаний	532
Кудряшев А.А., Сошенко М.В., Шмырев В.И., Арсланбекова Ф.Ф., Климова Е.В. * Корпоративный контроль и управление: понятие и принципы	538

Contents:

POLICY AND LAW

Dalelov M.L. * State and society: interrelationship in security	15
Ordokov M.Kh. * Modern terrorism as a threat to the economic security of the Russian Federation	18
Shondirov R.Kh. * Criminalization of political protests: the line between activism and extremism	22
Polukarov A.V. * To the question of the main determinants of corruption in Russia (part 1)	29
Akhmedkhanova S.T., Belov E.V. * Formation of supranational political and legal tradition in the context of integration and globalization trends	35

HUMAN RIGHTS AND HUMAN RIGHTS ACTIVITIES

Kripovich N.D., Baranov A.D., Panov I.S. * Implementation of the principle of equal citizenship in the Russian Federation	42
Mikhailov D.Yu. * Problems of legal regulation of creditors' rights protection in the implementation of the recovery measures	47
Begicheva E.V., Paponov D.K., Skarinina A.Yu. * Legal protection of victims of domestic violence in the Russian Federation	52
Plutenko D.S., Lopuchov K.I. * The right to oblivion in Russia and other countries	57

CIVIL LAW THEORY

Litvinov M.E. * To the question of the correlation of principles and methods of legal regulation in civil studies. Principle-method theory	61
Surkov A.N., Savvateev S.V., Shichko A.R. * Categories of good faith and reasonableness in bringing a person to justice in accordance with article 53.1 of the civil code of the Russian Federation: theoretical and practical aspects	65

LAW AND ENFORCEMENT

Sotnikov A.E. * Abuse of law as a basis for challenging the transactions of an insolvent debtor	69
Bondarenko P.K. * Legal essence of the contract of carriage in direct mixed traffic	75
Lyashko Yu.O., Provatkina V.E., Voloshina T.V. * Artificial intelligence as a subject of law: tort capacity of artificial intelligence	78

CORPORATE LAW

Fetkhullina K.R. * The institution of bringing the debtor's controlling persons (CDL) to subsidiary responsibility («removing the corporate veil») as the boundary of the autonomy of the will of the corporation's participants in relation to third parties	84
Plutenko D.S., Lopuchov K.I. * Transnational corporations and multinational enterprises as special subjects of international business law	88

CONTRACT LAW

Bondarenko P.K. * On the issue of liability of the parties to a direct mixed transportation agreement under the civil code of the Russian Federation: conflicts between the civil code of the Russian Federation and industry charters	94

EDUCATION AND LAW

Ukrozhenko D.S., Neverova O.P., Razhina E.V., Pavlova Ya.S., Kuleshova O.S. * Dual education in secondary vocational education: experience and prospects	97
Nikulin S.V. * Application of artificial intelligence technologies in science and education: ethical and legal aspect	102

INTELLECTUAL PROPERTY LAW

Malakhova N.L. * Termination of exclusive trademark rights	108

FAMILY LAW

Sibagatullin F.F., Shaikhullin M.S. * Beatings as a form of domestic violence	113

JUDICIAL POWER AND PROCEEDINGS

Sergeev A.A. * Parsing of judicial data and state registers: conflicts of information openness and data protection in the context of automation of legal processes (legal regulatory mechanisms)	118
Voropaev N.A. * The ratio of judicial discretion and sentencing according to the totality of sentences	126
Medvedeva I.N. * To the question of the specifics of the implementation of the injunction against the use of the information and telecommunication network "internet" in relation to offenders in the Russian Federation and the USA	129
Ivanyuk O.S. * Preparation for trial of cases arising from the contract for the sale of tourist product	135
Sokolova L.V. * Electronic courts and online proceedings	140
Lyashko Yu.O., Provatkina V.E., Voloshina T.V. * Abuse of law in international arbitration	147

LAW ENFORCEMENT AND ADVOCACY

Omelin V.N. * Resolution on conducting operational-search measures as a basis for restricting constitutional rights and individual freedom: problems of form and content	152

Makhneva P.A., Popova D.K. * The procedure for concluding a pre-trial cooperation agreement	157

CRIMINAL LAW THEORY

Avdyunin A.V., Lapshin I.E., Mandryka Yu.S. * Theoretical aspects of criminal subculture	161
Batyukova V. * On the criminal law concept of violence in law enforcement practice	165
Maloletkina N.S. * On the issue of some problems of release from punishment due to illness	170
Melchakov K.M. * Role and place of life imprisonment in the punishment system	174

CONTROL THEORY

Akhmedkhanova S.T., Belov E.V. * National legal traditions and tendency of political and legal integration	181
Nikulin S.V. * Institute of artificial intelligence in public law and public administration	187
Gorbunova O.S., Malkova Yu.V., Khayrova I.M., Zarubina E.V., Staheeva L.M., Pilnikov L.N. * The role of information systems in the organization and management of production	193

CRIME AND PUNISHMENT

Batyukova V., Voystrikova E. * On the issue of delineation of crimes provided for in articles 235 and 238 of the criminal code of the Russian Federation	198
Pankova A.S. * Levels of victimization of victims of extortion committed with the use of information and communication technologies	206
Simagina N.A. * Personality characteristics of a juvenile offender	213
Sokurov A.B. * Identification and disclosure of mobile communication frauds	219
Chernova A.M. * Administrative prejudice in criminal law: «for» and «against»	225
Makhneva P.A., Popova D.K. * Concept, signs and types of complicity in crime	232
Daurov A.I. * Problems of identification and detention of criminals with altered appearance: modern aspects of biometric evasion	235
Zudin A.V., Marakhovskaya K.G., Sergeyeva K.A. * The main forms of organized crime in the far east	242
Blazhkova T.O. * Formalization of moral and physical harm caused to the victim of violent crimes and its subsequent compensation	247
Kazakov A.A. * Topical issues of prevention of crimes related to production and use of forged documents	252
Mazdagova Z.Z. * Youth crime: causes and solutions	257
Ryabko N.V., Osmanov M.M., Medvedev V.V. * Counteraction to the financing of digital terrorism in the Russian Federation: legal problems and mechanisms of interaction	260
Ilupova A.V. * On the question of the legal characteristics of the composition of a crime provided for by article 150 of the criminal code of the Russian Federation «involving a minor in the commitment of a crime»	265

CRIMINAL PROCEDURE

Lubyagin M.S. * Collegial forms of preliminary investigation in criminal cases in the criminal proceedings of the republic of Moldova	269
Ovchinnikov O.M., Moiseev N.D., Sautiev A.M. * Operational search activity “surveillance” in conditions of forced isolation: admissibility, legality, prospects	274
Chaplygina V.N., Rudov D.N., Novikova E.A. * The study of the voice during the production of phonoscopic forensic examination from the point of view of the emotional state of the speaker	279
Primkulov A.A. * Investigative actions in criminal proceedings: the need for systematization and unification (under the legislation of the Kyrgyz Republic)	286
Gofman A.A., Ivanov M.V. * Remote supervision in the penal system as a necessary factor for the implementation of operational and service activities	291
Shogenov Z.A. * Legal and functional problems of ensuring the speed and completeness of the preliminary investigation	296
Zorina N.S. * Innovative methods of resocialization of juvenile convicts: modern approaches and prospects	299
Ovchinnikov O.M., Moiseev N.D., Sautiev A.M. * Operational support of socially vulnerable categories of persons sentenced to imprisonment: theoretical and applied aspects	302
Krapivin O.V., Gofman A.A., Uvarov S.A. * Some aspects of the organization of the training of correctional institutions in the field of emergency protection and fire safety	308

ADMINISTRATIVE LAW

Vanyashin I.S., Davidenko A.I., Psheuch B.Kh. * State control and road safety in the conditions of mass automobilization: problems and ways of improvement	315
Gordeev D.V., Mandryka Yu.S., Tsareva E.S. * The role of police administrative activities in preventing mass disorders: legal and organizational aspects	320

DISCUSSION

Kharchenko I.V., Duseva N.Yu., Rybnikov V.V., Shekov A.A. * Modern tattoo styles: classification and forensic significance	324
Magomedov A.M., Abdugaliyeva G.N., Sedirova Z.M., Akhmedova M.A. * Influence of pepsin in cheese	332
Fakov A.M. * Special criminological measures to counter terrorist financing	337
Artemev R.D., Rusina O.N., Mikhailov M.S. * The problem of the legal status of platform workers in the Russian Federation	341

EMPLOYMENT LAW

Alekseeva A.A., Grekhova K.Ya. * Features of remote work regulation in modern labor law: problems and prospects ..	347

Strogovich Yu.N., Medvedeva I.N. * On legislative regulation of mentoring in the field of labor relations	354
Vasilchenko N. * Selected issues of countering illegal employment in the Russian Federation	358
Shichko A.R., Savvateev S.V., Surkov A.N. * Legal aspects of payment of wages in digital rubles	364
CYBER CRIME	
Zhmurov D.V. * The essential characteristics of cybervictims	368
Takov A.Z. * Criminal subcultures in closed online communities: an analysis of communication in telegram channels ...	373
Shorov A.A. * On the issue of combating crimes on the Internet	380
Kodzov T.N. * Crime risks of metaverses: crimes in virtual reality	383
Prokhorova E.N. * The role of artificial intelligence in preventing remote fraud	390
Shigalugova M.Kh. * Topical problems of combating telephone and internet fraud	393
Gedugoshev R.R. * Cybersmatch: the transformation of revenge in the digital age	397
Khavpachev A.Z. * Cyberbullying and cyberstalking: gaps in legal protection	404
DIGITAL LAW	
Tatarinov K.A. * Extremism in the digital age	410
Korkin M.S. * On the issue of legal regulation of neural network technologies in the context of digital transformation: legal paradigms, ethical dilemmas and regulatory challenges	417
Tikhomirov A.A. * The legal nature and problems of securing digital rights in russian legislation	423
Sheriev A.M. * Digital assets as a subject of a bribe: challenges of law enforcement	428
Starchenko A.S. * Artificial intelligence and law 2050: what kind of legislation will be needed in the era of artificial intelligence?	434
CIVIL LAW ISSUES	
Tutukov A.Yu. * Topical issues of combating illegal migration	438
Narenkova A.A. * Forfeit as a private-law mechanism of protection of rights of participants of shared construction of apartment buildings	443
Simachkova N.N., Chupina I.P., Zarubina E.V., Zhuravleva L.A., Fetisova A.V. * On the problem of legal regulation of public easement in land legislation	448
Obraztsova V.I. * Legal regulation of the provision of hotel services	454
Chernykh N.V. * On certain issues of application of national treatment in the procurement of services resulting in the delivery of goods	461
Bondarenko P.K. * On some features of contractual regulation of the organization and transportation of goods in direct mixed traffic	465
Strokin A.G. * Development of civil law regulation of public catering relations in the Russian Federation	469
Turovsky N.S. * International standards and recommendations in the sphere of factoring	477
Minasyan G.M. * Problems of foreclosure on a collateral vehicle confiscated in favor of the state	483
Sayapin S.P. * On different economic and legal approaches to categorize crowdfunding	488
ECONOMICS AND LAW	
Veselkova E.E. * On the issue of legal regulation of special economic zones at the present stage	494
SCIENTIFIC DISCUSSION	
Ondar E.R. * Tuvan statehood and its significance within the Russian Federation	497
Melnikov E.A. * Illegal actions in relation to property subjected to inventory or arrest or subject to confiscation (Article 312 of the Criminal Code of the Russian Federation): discussion issues of the object of the crime	500
Shushenacheva E.N., Soshenko M.V., Shmyrev V.I., Arslanbekova F.F., Klimova E.V. * The role of the company's due diligence in the system of control over the company's financial and business activities	505
Kudryasheva O.Yu., Soshenko M.V., Shmyrev V.I., Arslanbekova F.F., Koverkina E.V. * Legal nature of major transactions in the Russian Federation	510
Grudtsina L.Yu., Tarygina D.A. * Pre-trial mediation as an important part of China's pre-trial dispute resolution	517
Duben A.K. * Marxist philosophy of law: history and prospects	523
Mashekuasheva M.Kh. * Ideological confrontation in the information environment: challenges and threats to national security	529
Ziganshina E.A., Soshenko M.V., Shmyrev V.I., Arslanbekova F.F., Koverkina E.V. * Problems and prospects of state influence on the activity of public law companies	532
Kudryashev A.A., Soshenko M.V., Shmyrev V.I., Arslanbekova F.F., Klimova E.V. * Corporate control and management: concept and principles	538

Дата поступления рукописи в редакцию: 06.05.2025 г.

DOI: 10.24412/2224-9133-2025-5-15-17

Дата принятия рукописи в печать: 10.06.2025 г.

ДАЛЕЛОВ Мухадин Леонович,
Старший преподаватель кафедры СТП
Северо-Кавказского института (филиал)
Краснодарского университета МВД РФ,
e-mail: mail@law-books.ru

ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО: ВЗАИМОСВЯЗЬ В ОБЕСПЕЧЕНИИ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация. Политика противодействия преступности является результатом совместной деятельности общества и государства. Структура этой политики включает в себя государственную и общественную политику противодействия преступности, которые взаимосвязаны, но не тождественны. Важными направлениями научных исследований являются изучение резервов общества и его структур в противодействии преступности, а также поиск способов взаимодействия общества и государства в определении уголовно-правовой политики противодействия преступности.

Ключевые слова: преступность, политика, борьба, предупреждение, противодействие преступности, государственная политика, уголовная политика, политика противодействия преступности.

DALELOV Mukhadin Leonovich,
Senior Lecturer of the STP
Department North Caucasus Institute
(branch) Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of the Russian Federation

STATE AND SOCIETY: INTERRELATIONSHIP IN SECURITY

Annotation. Crime control policy is the result of joint activity of society and the state. The structure of this policy includes state and public policy of crime control, which are interconnected but not identical. Important areas of scientific research are the study of reserves of society and its structures in crime control, as well as the search for ways of interaction between society and the state in determining criminal-legal policy of crime control.

Key words: crime, policy, fight, prevention, crime control, state policy, criminal policy, crime control policy.

Политика общества и государства должна реализовываться не только привычными общегосударственными методами, но и путем вовлечения в нее различных общественных организаций, например, профсоюзов, религиозных объединений, иных общественных структур, в которых по какому-либо признаку объединяются граждане.

Государство должно обеспечивать безопасность общества, но если оно не может реализовать данную функцию, обязательно появляются социальные конфликты. Общество само начинает защищаться от опасных элементов. Могут появляться не только народные дружины, но и вершится самосуд, появляется гражданская самооборона, различные формы самоуправства.

Гражданская активность не всегда проявляется в данном случае положительно и нацелена исключительно на борьбу с преступной угрозой.

Она может перерасти в серьезную угрозу действующей власти, проявить неповиновение, вплоть до насильственного свержения государственного строя. Такие проявления говорят о том, что власть имеет сбой в механизме государственного управления, система противодействия преступности не работает или работает слишком слабо, в результате чего, общество уже не надеется на силы государственных ведомств и пытается обезопасить себя от угрозы своими силами.

Для власти здесь заключается опасность в том, что общество может решить избавиться от слабого элемента, не справляющегося со своими

обязанностями, и заменить его на новый строй, более эффективный, но не всего законный. Таким образом, может произойти смена государственного режима силовым методом.

Государство и общество должны действовать однонаправленно. Только такая политика противодействия преступности позволит добиться впечатляющих результатов. Имеющиеся у государства ресурсы должны распределяться справедливо, общество должно быть защищено от опасностей и угроз, которые представляет для него криминальная среда. Общество не должно оставаться в стороне, оно обязано развиваться духовно и нравственно, обеспечивать поддержку и сотрудничество с органами государственной власти. Оно не только должно быть патриотически настроено, но и обладать реальными возможностями контроля над деятельностью государства.

Совместно общество и государство могут реализовать грамотную политику по борьбе с преступными проявлениями. Политику противодействия преступности можно условно разделить на государственную и общественную. У каждого субъекта в ней будут свои задачи и функции, однако они неразрывно связаны между собой.

Общественная политика имеет механизм самоуправления, может развивать и поощрять культурное и духовно-нравственное развитие человека, привлекать людей к общественным событиям, например, направленным на просвещение, социально полезную деятельность, защиту от преступных посягательств, реабилитацию жертв преступлений. В данном случае ключевое направление деятельности общественных институтов заключается в профилактике преступлений.

Граждане могут помогать выявлять, пресекать, расследовать преступления, иным образом помогать государственным органам в борьбе с преступностью. Общество может и должно принимать участие в подобных процессах, однако они должны полностью контролироваться государством [1].

В современном уголовном законодательстве прослеживается политизированность, что является проблемой для современного общества. Именно по этой причине следует прежде всего научно обосновывать принимаемые решения и только затем развивать оперативный механизм, который сможет влиять на преступность в том числе и физически.

Общество и государство должны совместно выработать меры, способные не просто влиять на преступность, но и обеспечить ее полное уничтожение, а также нейтрализацию исходящих от нее угроз [2].

Для реализации подобной программы у государства есть большое количество ресурсов. Оно может реализовать политику борьбы и предупреждения преступности. Если борьба с преступными проявлениями — это право монополистическое, то предупреждение частично лежит на обществе. Пока оно не начнет активно содействовать государству, оказывая посильную помощь, достойного результата не будет.

Общество может помочь заложить основу правомерного поведения у отдельных личностей, романтизировать как раз работу следственных органов, а не деятельность преступных группировок.

Государство имеет возможность восстановить социальную справедливость, наказать нарушителей закона и общественного порядка, однако без участия общества в этих процессах оно не может реализовать свои функции полностью.

Зависимость государства и общества хорошо прослеживается в вопросах образования и воспитания, формирования социально приемлемого поведения.

Именно для этого нужны образовательные организации, однако их следуют защищать от преступного влияния [3]. Криминальные элементы всегда стараются воздействовать на самую незащищенную прослойку общества — несовершеннолетних, чтобы привить им свои деструктивные взгляды и идеи. Именно поэтому государство должно контролировать общественную политику в образовательной сфере, проводить профилактику преступной деятельности.

Стоит отметить, что разнообразные общественные объединения, которые могут вовлекать в свою деятельность подростков и детей, играют важную роль, так как они прививают не только правильные жизненные позиции, но и помогают оградить от воздействия криминального элемента, сокращая количество свободного времени, проводимого бесконтрольно.

От скуки и незнания, куда приложить силы, подростки могут связываться с различными деструктивными компаниями, вступать в организованные преступные группировки. Чтобы этого не происходило, государственная и общественная политика должны быть слаженными, общественные институты должны иметь возможность морально формировать положительно настроенную личность, а государство — помогать делать это путем предоставления ресурсов.

При высоких морально-нравственных позициях общество начинает чистку само с себя. Если каждый человек начинает обращать внимание на собственное поведение, стараясь сделать его достойным, контролирует происходящее вокруг, уровень преступности снижается, так как само это явление считается зазорным и недопустимым [4].

Преступный мир представляет для общества опасность, поэтому, чем выше престиж власти, больше поддержка со стороны граждан, тем меньше шансов развить мощную преступную структуру внутри государства, так как преступность является определенным противовесом легитимной власти.

Государство должно обращать внимание на объекты воздействия, направлять усилия на профилактику преступности и противодействие преступникам. Совместно с общественными институтами подрастающему поколению должны прививаться соответствующие взгляды и навыки, которые не будут противоречить социальным установкам. Это своеобразная замена некогда существовавшей четкой идеологической основы, которая помогала упорядочить общественную деятельность и сделать ее однонаправленной с государством. В связи с отсутствием в современной России идеологической основы за фундаментальные ценности можно взять законность, добродетель, семью, формирование правового государства.

Важную роль в формировании общества играют как раз подрастающие граждане. Стоит отметить, что определенные привычки и воспитание им прививается не только в семье, но и в общественных, в том числе государственных институтах, например, школах, высших учебных заведениях [5]. Должен расти уровень доверия к государственным органам, за счет которого которая будет препятствовать не только развитию, произойдет объединение государственных и, но и проявлению преступности в принципе. Чем общественных институтов, как это было до негативнее общество относится к криминальному перестройки. элементу, тем легче следственным органам.

Список литературы:

[1] Никовская Л.И., Якимец В.Н. Местное самоуправление и муниципальная публичная политика: особенности и проблемы развития на современном этапе в России (по материалам социологического исследования) // Социально-политические исследования. 2019. №3.

[2] Дуйунов В.К. Цели государственной политики в сфере противодействия преступности // Евразийский Союз Ученых. Серия: экономические и юридические науки. 2021 № 7. С. 22-30.

[3] Лист Ф. Задачи уголовной политики. Преступление как социально-патологическое явление. Преступность как социально-патологическое явление. М., 2023. 104 с.

[4] Номоконов В.А. Антикриминальная политика: методологические и нравственные основы // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2023. № 25 (3). С. 106-116.

[5] Машекуашева М.Х. Современные приемы и средства взаимодействия органов государственной власти. Право и управление. 2023. № 11. С. 34-36.

[6] Никовская, Л. И., Якимец, В. Н. О состоятельности институтов публичной политики [Текст] / Л. И. Никовская, В. Н. Якимец // Власть. - 2015. - № 6. - С. 16-22.

Spisok literatury:

[1] Nikovskaya L.I., Yakimec V.N. Mestnoe samoupravlenie i municipal'naya publichnaya politika: osobennosti i problemy razvitiya na sovremen-nom etape v Rossii (po materialam sociologicheskogo issledovaniya) // Social'no-politicheskie issledovaniya. 2019. №3.

[2] Dujunov V.K. Celi gosudarstvennoj politiki v sfere protivodejstviya prestupnosti // Evrazijskij Soyuz Uchenyh. Seriya: ekonomicheskie i yuridich-eskie nauki. 2021 № 7. S. 22-30.

[3] List F. Zadachi uglovoj politiki. Prestuplenie kak social'no-patologicheskoe yavlenie. Prestup-nost' kak social'no-patologicheskoe yavlenie. M., 2023. 104 s.

[4] Nomokonov V.A. Antikriminal'naya politika: metodologicheskie i нравstvennye osnovy // Aziat-sko-Tihookeanskij region: ekonomika, politika, pravo. 2023. № 25 (3). S. 106-116.

[5] Mashekuasheva M.H. Sovremennye priemy i sredstva vzaimodejstviya organov gosudarstvennoj vlasti. Pravo i upravlenie. 2023. № 11. S. 34-36.

[6] Nikovskaya, L. I., Yakimec, V. N. O sostoya-tel'nosti institutov publichnoj politiki [Tekst] / L. I. Nikovskaya, V. N. Yakimec // Vlast'. - 2015. - № 6. - S. 16-22.

ОРДОКОВ Мирзабек Хаутиевич,
старший преподаватель кафедры огневой подготовки,
Северо-Кавказский институт повышения квалификации
(филиал) Федерального государственного казенного
образовательного учреждения высшего образования
«Краснодарский университет Министерства внутренних дел
Российской Федерации»,
Россия,
e-mail: mail@law-books.ru

СОВРЕМЕННЫЙ ТЕРРОРИЗМ КАК УГРОЗА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. Одним из направлений возрождения Российской Федерации, а именно обеспечения социально-экономической стабильности и повышения конкурентоспособности является проведение мероприятий, гарантирующих высокий уровень экономической безопасности. Именно данное обстоятельство определяет повышенное внимание к вопросам обеспечения экономической безопасности в России на современном этапе развития. Политические деятели, специалисты в данной отрасли и иные слои населения проявляют повышенный интерес к проблемам обеспечения экономической безопасности. Повышенное внимание к экономической безопасности РФ в современных условиях обусловлено наличием реальных угроз, которые наносят значительный урон экономической безопасности в условиях таких процессов как цифровизация, информатизация. Обеспечение экономической безопасности, как свидетельствует, международный опыт – это гарант независимости государства, стабильности социально-политической ситуации и повышения конкурентоспособности государства по всем параметрам. К числу национальных приоритетов относится обеспечение экономической безопасности. Экономическая безопасность – это один из базовых элементов системы национальной безопасности. Экстремистские и террористические проявления оказывают существенное влияние на обеспечение экономической безопасности, в связи с чем учет данных аспектов необходим при оценке эффективность системы экономической безопасности.

Ключевые слова: терроризм, экстремизм, национальная безопасность, экономическая безопасность, финансирование, дестабилизация, территориальная целостность, независимость, суверенитет.

ORDOKOV Mirzabek Khautievich,
Senior Lecturer, Department of Fire Training,
North Caucasus Institute for Advanced Studies
(branch) of the Federal State Budgetary Educational Institution
of Higher Education "Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of the Russian Federation",
Russia

MODERN TERRORISM AS A THREAT TO THE ECONOMIC SECURITY OF THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. One of the areas of the revival of the Russian Federation, namely ensuring socio-economic stability and increasing competitiveness, is the implementation of measures that guarantee a high level of economic security. It is this circumstance that determines the increased attention to issues of ensuring economic security in Russia at the current stage of development. Politicians, specialists in this industry and other segments of the population show increased interest in the problems of ensuring economic security. Increased attention to the economic security of the Russian Federation in modern conditions is due to the presence of real threats that cause significant damage to economic security in the context of such processes as digitalization and informatization. Ensuring economic security, as international experience shows, is a

guarantor of the independence of the state, stability of the socio-political situation and increasing the competitiveness of the state in all respects. Ensuring economic security is one of the most important national priorities. Economic security is one of the basic elements of the national security system. Extremist and terrorist manifestations have a significant impact on ensuring economic security, and therefore it is necessary to take these aspects into account when assessing the effectiveness of the economic security system.

Key words: terrorism, extremism, national security, economic security, financing, destabilization, territorial integrity, independence, sovereignty.

Введение. Терроризм в современном мире представляет собой многогранную систему. Экономическая безопасность государства испытывает воздействие различных факторов, в том числе, и терроризма, следует отметить, что терроризм оказывает влияние на внутренний и внешний сектора экономики. Наибольшее воздействие на способность общества к устойчивому, динамичному и стабильному развитию оказывает международный терроризм. Воздействие соответственно носит дестабилизирующий характер, так как оказывает разрушающее влияние на все аспекты жизнедеятельности общества и функционирование государственных органов. Российская Федерация находится на данный момент в сложных геополитических условиях, национальные и экономические интересы государства требуют применения особых механизмов по их защите. Распространение терроризма представляет собой серьезную угрозу для национальной и экономической безопасности государства. Угрозы террористического характера дестабилизируют стабильность конституционного строя и функционирование системы государственной власти. Гражданский мир и национальное согласие в российском обществе также подвержены влиянию угроз террористического характера. Современный терроризм оказывает комплексное негативное воздействие на все компоненты национальной безопасности: территориальную целостность; комплексность внешнеторгового пространства; суверенитет государства; устойчивое развитие общества [6, с.332].

Экономическая безопасность – компонент национальной безопасности Российской Федерации. Национальные интересы РФ в пограничной и военной сферах также подвержены влиянию угроз террористического характера. В отношении РФ проявляется в определенной степени военная агрессия, которая не способствует формированию условий, обеспечивающих мирное и демократическое развитие РФ.

Терроризм является существенным препятствием для обеспечения в государстве процессов мирного и демократического развития. В современном обществе терроризм приобретает различные формы, и появляются новые виды терроризма. В числе новых видов экономический терроризм. Для понимания уровня угрозы терро-

ризма для национальной экономики необходимо понимать сущность понятия экономический терроризм. Под экономическим терроризмом следует понимать действия экономического характера, которые оказывают дискриминационное влияние на конкурентов, социальные категории и государства и основная цель заключается в получении экономических выгод [2, с.126].

В структуре национальной безопасности с каждым годом возрастает роль такого компонента как экономическая безопасность. В настоящее время для экономической безопасности серьезную угрозу представляют различные формы современного терроризма (кибертерроризм, экономический терроризм). Уровень защиты экономических интересов РФ определяет эффективность выполнения государственными органами своих непосредственных функций и задач, которые в свою очередь, определяют стабильность российской экономики и ее конкурентоспособность на мировой арене.

Экономика РФ находится под негативным воздействием преступлений террористического характера, так как они приводят к значительным материальным потерям, но особого внимания требуют такие процессы как снижение инвестиционной привлекательности, сокращение объема инвестиционных вложений, в целом государство теряет имидж, что отражается на всех сферах жизнедеятельности общества и функционировании государства [2, с.126].

Терроризм и экстремизм – угроза экономической безопасности РФ в современных условиях. Рассмотрим ключевые направления, по которым экстремизм и терроризм представляют угрозу экономической безопасности РФ:

- нарушение территориальной и экономической целостности государства;
- нарастание в обществе сепаратистских настроений;
- рост теневой экономики, которая оказывает деструктивное воздействие на экономические отношения.

Существуют факторы, из которых складывается в целом угроза территориальной и экономической целостности государства: возникновение споров относительно территорий; сепаратизм регионов отличается явностью и латентностью; некоторые сопредельные государства

несут экономические и миграционные угрозы; оказание извне давления военно-политического характера [4, с.21].

Взаимосвязь теневой экономики и терроризма является основным проявлением угрозы экономической безопасности. В последние годы особое внимание правоохранные органы уделяют преступлениям, которые связаны с финансированием терроризма и сепаратизма на территории РФ. Источников финансирования терроризма множество, при этом следует отметить, что среди них имеются источники финансирования легального характера. К таким источникам финансирования относятся: средства от реализации сделок в сфере торговли, добровольные пожертвования объединений религиозной направленности и этнических общностей. На практике известны случаи, когда финансирование террористической деятельности осуществлялось правительствами некоторых государств, которые стремились к реализации политических целей деструктивного характера.

Осуществление спонсорских вложений через такие объединения как землячество, общества по оказанию гуманитарной помощи, религиозные сообщества. Данный вид финансирования наиболее часто используют террористы и террористические организации. Таким образом, можно констатировать, что террористы, террористические объединения формируют свой капитал и используют для этого различные средства и методы, важно отметить и расширение возможностей финансирования терроризма [3, с. 24].

Террористы и террористические организации активно используют каналы иностранных неправительственных организаций, которые они скрывают под видом поставок гуманитарного характера. Снабжение и обеспечение террористической деятельности предполагает не только финансовое обеспечение, но и материально-техническое снабжение (вещевое имущество, продукты питания, медицинские принадлежности, портативные электрогенераторы).

Выводы. В последние годы сложилась тенденция перехода терроризма на самоснабжение и снижение зависимости от внешних источников финансирования. Самоснабжение террористических организаций осуществляется посредством участия террористических объединений в международных криминальных промыслах, которые активно развиваются. К ним относятся: торговля наркотическими веществами; реализация деятельности в сфере нелегальной миграции; контрабанда ценных ископаемых и прочих ценностей [5, с. 95].

В целях «отмывания» доходов, полученных преступным путем, террористические объедине-

ния используют различные механизмы прикрытия, сформированы масштабные и действенные механизмы прикрытия. Легальные бензоколонки, транспортные компании, торговые точки – это наиболее применяемые формы прикрытия. Для современного терроризма характерны процессы коммерциализации, в результате которых у терроризма появляются основные характеристики мафии.

Финансирование террористической деятельности из источников, которые формируются в сфере организованной преступности, имеет свои особенности, а именно финансирование террористов и террористических объединений другими преступными группировками осуществляется при выполнении определенных условий. Криминальные структуры осуществляют финансирование террористических объединений и террористов только при получении определенных выгод. Иногда члены преступного сообщества заинтересованы в том, чтобы дестабилизировать ситуацию в гражданском обществе и функционировании органов государственной власти. В таком случае лидеры преступных группировок самостоятельно проявляют инициативу о финансировании террористических преступлений. Преступные объединения финансируют террористов, террористические объединения, чтобы они своими действиями создали благоприятные условия для достижения ими своих целей.

Заключение. В современной России часть экономики переориентирована на реализацию криминальными структурами своих противоправных действий, таким образом, формируется материально-техническая база, обеспечивающая деятельность террористических и экстремистских объединений. В результате материальные ресурсы из сферы легальной экономики переходят в нелегальный сектор. Следствием таких процессов является утрата инвестиционных ресурсов, возникновение проблем в сфере обслуживания внешнего и внутреннего долга.

Доходы террористических и экстремистских организаций с каждым годом увеличиваются, что является прямой угрозой экономической безопасности государства. Новые виды преступной деятельности проникают в органы государственной власти, что приводит к возникновению угроз не только для экономической безопасности, угрозы возникают в других сферах: экологической, военной, внешнеполитической. Одной из негативных тенденций в сфере международного терроризма является его трансформация в самостоятельный субъект современного противоборства в геополитической среде, что является для экономической безопасности значимой угрозой. Причин таких процессов является

усиление глобализационных процессов, которые приводят к значительному ослаблению деятельности политических, экономических и социальных институтов, управление которыми осуществляется «по вертикали». Параллельно происходит усиление субъектов, управление которыми осуществляется по сетевому принципу. Сетевой принцип характерен для системы управления транснациональными компаниями, некоммерческими организациями. Данный принцип также характерен и для системы управления международными террористическими организациями [1, с.215].

Составной частью национальной безопасности является экономическая безопасность. Разработка и внедрение комплексных мер экономического характера необходимы для парирования террористической угрозы. Данные меры следует применять в целях пресечения финансового обеспечения террористических объединений, искоренения социальных и экономических причин терроризма (разрыв между уровнем доходов и расходов бедных и богатых), устранения в международной торговой системе террористических элементов. В мировом экономическом продукте необходимо сократить долю валютно-финансовых спекуляций.

Таким образом, современный терроризм – это прямая угроза национальной безопасности России, в том числе и экономической безопасности, которая является ее структурным компонентом. Он характеризуется возрастанием организованности, финансово-экономического потенциала, в его идеологии начинают доминировать геополитические цели, непосредственно затрагивающие как мировую экономику, так и экономику России.

Список литературы:

- [1] Абазов, И. С. Экстремизм и терроризм как продукты глобализации / И. С. Абазов, А. И. Воскобоев // Евразийский юридический журнал. – 2021. – № 8(159). – С. 214-216
- [2] Имангазина, Р. С. Международный терроризм и экономическая безопасность государства / Р. С. Имангазина // Молодёжь XXI века: шаг в будущее: Материалы XXIII региональной научно-практической конференции. В 4-х томах, Благовещенск, 24 мая 2022 года. Том 2. – Благовещенск: Дальневосточный государственный аграрный университет, 2022. – С. 126-127.
- [3] Лавров, С. А. Теневая экономика как угроза экономической безопасности России / С. А. Лавров // Человек: преступление и наказание: Сборник материалов Международной научно-теоретической конференции адъюнктов, аспирантов, соискателей, курсантов и студентов. В 3-х частях, Рязань, 26 марта 2021 года. Том

Часть 3. – Рязань: Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2021. – С. 19-25

[4] Махненко, С. И. Экономика терроризма как наука / С. И. Махненко, А. В. Осипова // Деловой вестник предпринимателя. – 2022. – № 8(2). – С. 20-22.

[5] Сувальская, Д. В. Теоретические подходы и практики для эффективного решения проблем национальной безопасности в современном мире // Научно-исследовательский центр «Вектор развития». – 2023. – № 13. – С. 93-97.

[6] Шайнуров, Р. Р. Влияние международного терроризма на экономическую безопасность России // Экономическая безопасность: финансовые, правовые и IT-аспекты: Материалы 6-й Всероссийской научно-практической конференции, Иркутск - Томск, 28 ноября 2024 года. – Иркутск: Байкальский государственный университет, 2025. – С. 331-337.

Spisok literatury:

- [1] Abazov, I. S. Ekstremizm i terrorizm kak produkty globalizacii / I. S. Abazov, A. I. Voskoboev // Evrazijskij juridicheskij zhurnal. – 2021. – № 8(159). – S. 214-216
- [2] Imangazina, R. S. Mezhdunarodnyj terrorizm i ekonomicheskaya bezopasnost' gosudarstva / R. S. Imangazina // Molodyozh' XXI veka: shag v budushchee: Materialy XXIII regional'noj nauchno-prakticheskoy konferencii. V 4-h tomah, Blagoveshchensk, 24 maya 2022 goda. Tom 2. – Blagoveshchensk: Dal'nevostochnyj gosudarstvennyj agrarnyj universitet, 2022. – S. 126-127.
- [3] Lavrov, S. A. Tenevaya ekonomika kak ugroza ekonomicheskoy bezopasnosti Rossii / S. A. Lavrov // Chelovek: prestuplenie i nakazanie: Sbornik materialov Mezhdunarodnoj nauchno-teoreticheskoy konferencii ad'yunktov, aspirantov, soiskatelej, kursantov i studentov. V 3-h chastyah, Ryazan', 26 marta 2021 goda. Tom Chast' 3. – Ryazan': Akademiya prava i upravleniya Federal'noj sluzhby ispolneniya nakazaniy, 2021. – S. 19-25
- [4] Mahnenko, S. I. Ekonomika terrorizma kak nauka / S. I. Mahnenko, A. V. Osipova // Delovoj vestnik predprinimatel'ya. – 2022. – № 8(2). – S. 20-22.
- [5] Suval'skaya, D. V. Teoreticheskie podhody i praktiki dlya effektivnogo resheniya problem nacional'noj bezopasnosti v sovremennom mire // Nauchno-issledovatel'skij centr «Vektor razvitiya». – 2023. – № 13. – S. 93-97.
- [6] Shajnurov, R. R. Vliyanie mezhdunarodnogo terrorizma na ekonomicheskuyu bezopasnost' Rossii // Ekonomicheskaya bezopasnost': finansovye, pravovye i IT-aspekty: Materialy 6-j Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Irkutsk - Tomsk, 28 noyabrya 2024 goda. – Irkutsk: Bajkal'skij gosudarstvennyj universitet, 2025. – S. 331-337.

ШОНДИРОВ Руслан Хазраилович,
преподаватель кафедры огневой подготовки,
майор полиции СКИПК (филиал),
Краснодарского университета
МВД России,
e-mail: mail@law-books.ru

КРИМИНАЛИЗАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОТЕСТОВ: ГРАНЬ МЕЖДУ АКТИВИЗМОМ И ЭКСТРЕМИЗМОМ

Аннотация. В данной статье проводится комплексный анализ проблемы криминализации политических протестов в Российской Федерации и зарубежных странах. Автор исследует историческую эволюцию и современные тенденции в правовом регулировании протестной активности, выявляет критерии разграничения законного политического активизма и деяний, квалифицируемых как экстремистские. В работе анализируются фундаментальные правовые принципы, лежащие в основе регулирования публичных мероприятий, правоприменительная практика, а также социально-политические последствия криминализации различных форм протеста. Особое внимание уделяется трансформации законодательства РФ в сфере публичных мероприятий, его соответствию международным стандартам в области защиты права на свободу собраний. На основе сравнительно-правового анализа демонстрируются различные модели баланса между обеспечением общественной безопасности и защитой фундаментальных политических свобод в разных правовых системах.

Ключевые слова: Политический протест, экстремизм, свобода собраний, криминализация, правовое регулирование, Российская Федерация, международное право, права человека, гражданское общество, демократия, общественная безопасность, публичные мероприятия, политический активизм.

SHONDIROV Ruslan Khazrailovich,
Lecturer at the Department of Fire Training,
Major of the SKIPK Police (branch), Krasnodar University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia

CRIMINALIZATION OF POLITICAL PROTESTS: THE LINE BETWEEN ACTIVISM AND EXTREMISM

Annotation. This article provides a comprehensive analysis of the problem of criminalization of political protests in the Russian Federation and foreign countries. The author examines the historical evolution and modern trends in the legal regulation of protest activity, identifies criteria for distinguishing between legitimate political activism and acts classified as extremist. The work analyzes the fundamental legal principles underlying the regulation of public events, law enforcement practice, as well as the socio-political consequences of the criminalization of various forms of protest. Particular attention is paid to the transformation of the legislation of the Russian Federation in the field of public events, its compliance with international standards in the field of protecting the right to freedom of assembly. Based on a comparative legal analysis, various models of balance between ensuring public safety and protecting fundamental political freedoms in different legal systems are demonstrated.

Key words: Political protest, extremism, freedom of assembly, criminalization, legal regulation, Russian Federation, international law, human rights, civil society, democracy, public safety, public events, political activism.

Право на мирные собрания является одним из краеугольных камней демократического общества, обеспечивающим возможность гражданского участия в политической

жизни и формирования публичного дискурса. История развития гражданских прав и свобод неразрывно связана с борьбой за признание и защиту этого права, которое нашло свое закре-

пление в ключевых международных документах о правах человека и конституциях большинства современных государств [1, с. 15-17].

Однако определение границ реализации этого права, особенно в контексте обеспечения общественной безопасности и предотвращения экстремистской деятельности, остается одной из наиболее сложных проблем современного права.

Как отмечает Авакьян С.А., степень свободы публичных мероприятий является важнейшим индикатором демократичности политического режима и уровня развития гражданского общества [5, с. 125]. В этом отношении особую актуальность приобретает изучение процесса криминализации определенных форм политического протеста и выявление критериев, по которым проводится грань между законным выражением гражданской позиции и противоправными деяниями.

Прежде чем приступить к анализу конкретных правовых механизмов регулирования протестной активности, необходимо рассмотреть теоретические подходы к концептуализации ключевых понятий, используемых в дискурсе о политических протестах и экстремизме.

Политический протест как форма коллективного действия представляет собой публичное выражение несогласия с определенными политическими решениями, курсом властей или социальными условиями. Как отмечает Черных А.Б., политический протест является неотъемлемым элементом функционирования политической системы, обеспечивающим обратную связь между обществом и государством [10, с. 30].

Понятие экстремизма, несмотря на его широкое использование в правовом и политическом дискурсе, характеризуется значительной неопределенностью. Согласно определению, предложенному Ивановым Н.И., экстремизм представляет собой «приверженность к крайним взглядам и методам действий, характеризующимся нетерпимостью к оппонентам, отрицанием компромиссов и стремлением к насильственному достижению политических целей [8, с. 68]. В российском законодательстве понятие экстремизма трактуется чрезвычайно широко, что вызывает критику со стороны правоведов и правозащитников.

Методологической основой разграничения активизма и экстремизма в правовой науке выступают принципы пропорциональности, правовой определенности и недискриминации. Как указывает Лукьянова Е.А., ключевым критерием должно выступать наличие реальной, а не гипотетической угрозы правам и свободам других лиц, безопасности государства или общественному порядку [9, с. 39].

Правовое регулирование публичных мероприятий в постсоветской России прошло слож-

ный путь трансформации: от либерализации в начале 1990-х годов до значительного ужесточения в 2010-2020-х годах. Исследование этой эволюции позволяет выявить ключевые тенденции в подходах законодателя к определению границ свободы собраний и формированию механизмов контроля над протестной активностью.

Первым значимым актом в этой сфере был Указ Президента РСФСР от 25.05.1992 №524 «О порядке организации и проведения митингов, уличных шествий, демонстраций и пикетирования», который ввел уведомительный порядок проведения публичных мероприятий [3, с. 80].

Новый этап в регулировании публичных мероприятий начался с принятием Федерального закона № 54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» от 19.06.2004 [2]. Изначально закон сохранял уведомительный характер проведения публичных мероприятий, однако устанавливал более детальную регламентацию порядка подачи уведомления, прав и обязанностей организаторов и участников, а также оснований для прекращения мероприятия.

Существенный поворот в сторону ужесточения законодательства произошел в 2012 году, после массовых протестов на Болотной площади в Москве. Федеральный закон от 08.06.2012 № 65-ФЗ, получивший неофициальное название «закон о митингах», внес значительные изменения в регулирование публичных мероприятий. Как указывает Исаков А.Р., поправки 2012 года ознаменовали переход от уведомительной к квазиразрешительной системе [3, с. 81].

Среди ключевых нововведений следует выделить:

- Многократное увеличение размеров штрафов за нарушения порядка проведения публичных мероприятий (до 300 тысяч рублей для граждан и до 600 тысяч рублей для должностных лиц);
- Введение обязательных работ как вида административного наказания за нарушения при проведении публичных мероприятий;
- Запрет на проведение публичных мероприятий лицами, имеющими непогашенную судимость за преступления против общественной безопасности и порядка;
- Введение ответственности за организацию массового одновременного пребывания граждан в общественных местах, повлекшего нарушение общественного порядка.

Последующие изменения законодательства (2014, 2016, 2018, 2020-2021 гг.) продолжили тенденцию к ужесточению регулирования протестной активности [4, с. 42-45].

Как отмечает Митин Г.Н., изменения законодательства о публичных мероприятиях 2020-2021

годов фактически завершили трансформацию уведомительного порядка в разрешительный, расширив дискреционные полномочия органов власти по ограничению свободы собраний [4, с. 46].

Процесс криминализации протестной активности в России осуществляется посредством нескольких правовых механизмов: ужесточения административной ответственности за нарушения при проведении публичных мероприятий, введения уголовной ответственности за отдельные формы протестной активности, а также применения законодательства о противодействии экстремизму к участникам и организаторам протестов.

Ключевую роль в регулировании протестной активности играет Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в частности статья 20.2, предусматривающая ответственность за нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования. Как отмечает Смирнов Д.А., эволюция статьи 20.2 КоАП РФ демонстрирует тенденцию к дифференциации составов правонарушений и ужесточению санкций [7, с. 200].

Анализ правоприменительной практики по делам об административных правонарушениях, связанных с проведением публичных мероприятий, свидетельствует о значительном росте количества возбуждаемых дел и тенденции к назначению максимальных санкций. По данным Верховного Суда РФ, в 2020 году было рассмотрено более 7 тысяч дел по статье 20.2 КоАП РФ, что в 2,5 раза превышает показатели 2015 года [7, с. 203].

Уголовный кодекс РФ (далее – УК РФ) содержит ряд статей, которые могут применяться к участникам и организаторам протестных акций. Среди них ключевое значение имеют:

- Статья 212 УК РФ «Массовые беспорядки», предусматривающая ответственность за организацию массовых беспорядков, участие в них, а также призывы к массовым беспорядкам;
- Статья 212.1 УК РФ «Неоднократное нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования»;
- Статья 318 УК РФ «Применение насилия в отношении представителя власти».

Особую дискуссию в юридическом сообществе вызвала введенная в 2014 году статья 212.1 УК РФ. Данная норма устанавливает уголовную ответственность за неоднократное (более двух раз в течение 180 дней) нарушение порядка организации или проведения публичного мероприя-

тия. Критики данной нормы указывают на ее несоответствие конституционному принципу соразмерности ограничения прав и свобод [8, с. 69-70].

В 2017 году Конституционный Суд РФ в Постановлении от 10.02.2017 №2-П признал статью 212.1 УК РФ соответствующей Конституции РФ, но установил ряд ограничительных условий ее применения. В частности, Суд указал, что уголовная ответственность может наступать только в случае, если нарушение порядка проведения публичного мероприятия повлекло реальную угрозу или причинение вреда охраняемым законом ценностям [8, с. 70-71].

Несмотря на позицию Конституционного Суда, правоприменительная практика по статье 212.1 УК РФ вызывает критику правозащитных организаций. По данным Иванова И.И., в период с 2017 по 2021 год было возбуждено более 30 уголовных дел по данной статье, при этом в большинстве случаев судами не проводилась должная оценка наличия реальной угрозы охраняемым законом ценностям [8, с. 71-72].

Значимым механизмом криминализации определенных форм протестной активности является применение законодательства о противодействии экстремистской деятельности. Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности».

Как отмечает Черных А.Б., размытость формулировок в определении экстремистской деятельности создает риски расширительного толкования и применения данных норм к активистам и участникам протестных акций [10, с. 26]. Анализ правоприменительной практики показывает, что под действие законодательства о противодействии экстремизму могут подпадать публичные выступления с критикой власти, распространение оппозиционных материалов, а также публикации в социальных сетях, содержащие критические высказывания в адрес государственных органов.

Особую озабоченность вызывает практика признания экстремистскими материалами информационных ресурсов, используемых для координации протестных акций [10]. Как указывает Морозова А.А., в последние годы наблюдается тенденция к признанию экстремистскими материалами информационных ресурсов не по содержанию распространяемой информации, а по функциональному назначению данных ресурсов [12, с. 92].

Международное право содержит систему норм, устанавливающих стандарты в области защиты права на свободу мирных собраний и определяющих допустимые ограничения данного права, в том числе в контексте противодействия экстремизму.

Основополагающими документами универсального характера, закрепляющими право на свободу мирных собраний, являются Всеобщая декларация прав человека (статья 20) и Международный пакт о гражданских и политических правах (статья 21) [11, с. 33].

Важным источником толкования данных норм являются Замечания общего порядка Комитета по правам человека ООН. В Замечании общего порядка № 37 (2020) о праве на мирные собрания Комитет подчеркнул, что «государства-участники должны создавать для них благоприятную среду без необоснованного вмешательства, а также защищать их участников» [11, с. 34].

Кроме того, Комитет разъяснил, что собрания могут считаться «немирными» только в исключительных случаях, когда имеет место широкомасштабное насилие [11, с. 35]. Это толкование имеет существенное значение для определения границы между мирным протестом и действиями, подлежащими криминализации.

В рамках европейской системы защиты прав человека ключевую роль играет статья 11 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, закрепляющая право на свободу мирных собраний. Практика Европейского суда по правам человека (далее - ЕСПЧ) по делам, связанным с ограничением свободы собраний, формирует детальную систему стандартов в данной области.

ЕСПЧ разработал «тест на необходимость в демократическом обществе», который включает оценку того, было ли вмешательство в право на свободу собраний: (а) предусмотрено законом; (б) преследовало легитимную цель; (в) было необходимым и соразмерным преследуемой цели. При этом Суд неоднократно подчеркивал, что «государства обладают ограниченной свободой усмотрения при оценке необходимости вмешательства в право на свободу собраний» [13, с. 188].

В ряде решений против России (в частности, по делам «Каспаров и другие против России», «Навальний и Яшин против России», «Лашманкин и другие против России») ЕСПЧ сформулировал позицию о том, что «чрезмерно строгие меры, принимаемые в отношении участников мирных демонстраций, могут иметь сдерживающий эффект на реализацию свободы собраний» [13, с. 193-194].

Венецианская комиссия Совета Европы совместно с Организацией по безопасности и сотрудничеству в Европе (далее - ОБСЕ) разработала «Руководящие принципы по свободе мирных собраний», которые содержат детальные рекомендации по правовому регулированию в данной сфере. Документ подчеркивает, что «сле-

дует всегда отдавать предпочтение наименее ограничительным мерам для достижения законной цели» [12, с. 17].

Международное право признает необходимость борьбы с экстремизмом, однако подчеркивает важность соблюдения прав человека в данном процессе. Резолюция Совета Безопасности Организации объединенных наций (далее - ООН) №1624 (2005) призывает государства принимать меры против подстрекательства к террористическим актам, но при этом указывает, что такие меры должны соответствовать международным обязательствам государств в области прав человека.

План действий по запрещению пропаганды национальной, расовой или религиозной ненависти, представляющей собой подстрекательство к дискриминации, вражде или насилию (2012), устанавливает шеститочечный тест для определения случаев, когда высказывание должно подлежать ограничению как «язык ненависти». Этот тест включает оценку контекста, статуса оратора, намерения, содержания, объема распространения и вероятности причинения вреда [11, с. 39-40].

Подходы к регулированию политических протестов и определению границы между активизмом и экстремизмом существенно различаются в разных странах, отражая особенности правовых систем и политических традиций.

В США право на мирные собрания защищено Первой поправкой к Конституции, которая гарантирует свободу слова, печати, собраний и петиций. Американская модель характеризуется высоким уровнем защиты свободы выражения мнения и собраний, однако допускает регулирование «времени, места и способа» проведения демонстраций.

Верховный суд США в ряде решений сформулировал доктрину «явной и непосредственной опасности» (clear and present danger), согласно которой ограничение свободы слова и собраний допустимо только в случае, если они создают реальную угрозу причинения существенного вреда [14, с. 79]. В деле *Brandenburg v. Ohio* (1969) Суд установил, что пропаганда насилия может быть запрещена только если она направлена на подстрекательство к неминуемым незаконным действиям и вероятно приведет к таким действиям.

В США отсутствует разрешительный или уведомительный порядок проведения публичных мероприятий на федеральном уровне, хотя местные власти могут устанавливать требования о получении разрешения на использование общественных мест для проведения крупных собраний. При этом отказ в выдаче разрешения может быть обжалован в судебном порядке, и суды часто становятся на сторону организаторов мероприятий [14, с. 80-81].

Законодательство о противодействии экстремизму в США фокусируется на противодействии терроризму и преступлениям на почве ненависти (hate crimes), а не на ограничении политического активизма. Закон о внутренней безопасности (Homeland Security Act) и Патриотический акт (USA PATRIOT Act) расширили полномочия правоохранительных органов по борьбе с терроризмом, однако их применение к активистам и участникам протестов вызывает острую критику со стороны правозащитных организаций [14, с. 83-84].

Германская модель регулирования протестной активности характеризуется детальной законодательной регламентацией при сохранении высокого уровня защиты права на свободу собраний. Основной закон ФРГ гарантирует право на мирные собрания без оружия (статья 8), а детальное регулирование содержится в Федеральном законе о собраниях (Versammlungsgesetz) и законах о собраниях земель.

Немецкое законодательство предусматривает уведомительный порядок проведения публичных мероприятий (за 48 часов), однако запрет на проведение собрания может быть установлен только в исключительных случаях, когда существует непосредственная угроза общественной безопасности, которую невозможно устранить посредством наложения ограничений или условий [15, с. 120].

Федеральный конституционный суд Германии в своих решениях неоднократно подчеркивал фундаментальное значение свободы собраний для демократического общества. В знаменитом решении по делу Brokdorf (1985) Суд указал, что «право на свободу собраний имеет особое значение в демократическом правовом государстве, поскольку оно является выражением общественной свободы, самоопределения и активной гражданской позиции» [15, с. 122].

В Германии существует жесткое законодательство о противодействии экстремизму, в частности, запрет на использование нацистской символики и отрицание Холокоста. Уголовный кодекс ФРГ содержит ряд составов преступлений, направленных на борьбу с проявлениями экстремизма, включая разжигание ненависти (§ 130), создание террористических организаций (§ 129a) и нарушение общественного порядка (§ 125). Однако, как отмечает Хабриева Т.Я., применение данных норм строго ограничено случаями, когда деяния создают реальную угрозу общественной безопасности и демократическому порядку [15, с. 123].

Французская модель регулирования публичных мероприятий традиционно характеризовалась либеральным подходом, однако в последние

годы наблюдается тенденция к ужесточению законодательства в данной сфере. Конституция Франции 1958 года непосредственно не содержит нормы о свободе собраний, однако это право признается как конституционная ценность, вытекающая из Декларации прав человека и гражданина 1789 года.

Основным законодательным актом, регулирующим проведение публичных мероприятий, является Закон от 30 июня 1881 года о свободе собраний. Закон устанавливает уведомительный порядок проведения демонстраций (за 3 дня), при этом власти могут запретить демонстрацию только в случае, если она представляет угрозу общественному порядку [11, с. 197-198].

Развитие информационных технологий привело к появлению новых форм протестной активности и создало дополнительные вызовы для правового регулирования в данной сфере. Цифровые формы протеста включают онлайн-петиции, кампании в социальных сетях, активизм (использование хакерских методов для политического активизма), виртуальные демонстрации и координацию офлайн-протестов через цифровые платформы.

В Российской Федерации правовое регулирование цифровых форм протестной активности осуществляется Федеральным законом от 27.07.2006 №149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [12, с. 93-94].

Ответственность за распространение в интернете информации, связанной с протестной активностью, может наступать по различным статьям КоАП РФ и УК РФ, включая статьи о призывах к экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ), призывах к массовым беспорядкам (ч. 3 ст. 212 УК РФ), а также по статье 20.2 КоАП РФ за публичные призывы к участию в несогласованном публичном мероприятии [12, с. 95-96].

Международные стандарты в области регулирования интернета, разработанные ООН, ОБСЕ и Советом Европы, подчеркивают, что основные права и свободы человека, включая свободу выражения мнения и собраний, должны защищаться в цифровом пространстве так же, как и в офлайн-среде. Совместная декларация специальных докладчиков по вопросам свободы выражения мнения ООН, ОБСЕ, Организации американских государств (далее – ОАГ) и Африканской комиссии (2011) указывает, что «ограничения свободы выражения мнения в интернете допустимы только в случаях, когда они необходимы для защиты законных интересов» [11, с. 42].

В условиях развития цифровых технологий особую актуальность приобретает вопрос о правовом регулировании новых форм протестной

активности в цифровой среде. Международные стандарты подчеркивают, что основные права и свободы человека должны защищаться в цифровом пространстве так же, как и в офлайн-среде, а ограничения свободы выражения мнения в интернете допустимы только в случаях, когда они соответствуют установленным стандартам необходимости и пропорциональности.

Обобщая результаты исследования, можно сформулировать ряд рекомендаций по совершенствованию правового регулирования в данной сфере:

Необходимо более четкое законодательное определение критериев разграничения мирного протеста и действий, подлежащих криминализации как экстремистские, с акцентом на наличие реальной угрозы общественной безопасности или правам и свободам других лиц;

Целесообразно пересмотреть подход к регулированию публичных мероприятий в направлении восстановления подлинно уведомительного порядка их проведения и ограничения дискреционных полномочий органов власти по отказу в согласовании мероприятий;

Требуется совершенствование судебной практики по делам, связанным с протестной активностью, с целью обеспечения более тщательной оценки пропорциональности применяемых ограничений и соблюдения международных стандартов в данной области;

Необходимо развитие правового регулирования цифровых форм протестной активности с учетом специфики цифровой среды и соблюдения баланса между обеспечением безопасности и защитой фундаментальных прав и свобод.

В целом, определение оптимального баланса между защитой права на свободу собраний и обеспечением общественной безопасности остается одной из ключевых задач современного правового регулирования, требующей постоянного диалога между государством и гражданским обществом.

Список литературы:

[1] Денисов С.А. Ограничение свободы мирных собраний в современном мире: сравнительно-правовой анализ // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 8. С. 12-22.

[2] Федеральный закон от 19.06.2004 № 54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» // Собрание законодательства РФ. 2004. № 25. Ст. 2485.

[3] Исаков А.Р. Эволюция законодательства о публичных мероприятиях в Российской Федерации // Государство и право. 2018. № 3. С.75-86.

[4] Митин Г.Н. Новые правовые ограничения и запреты для организаторов и участников

публичных мероприятий // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 2. С. 37-48.

[5] Авакьян С.А. Демократия протестных отношений: конституционно-правовое измерение // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 1. С.123-138.

[6] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

[7] Смирнов Д.А. Судебная практика по делам о нарушениях законодательства о публичных мероприятиях // Журнал российского права. 2022. № 7. С. 198-210.

[8] Иванов Н.И. Правоприменительная практика по статье 212.1 УК РФ: проблемы и противоречия // Уголовное право. 2019. № 4. С. 63-72.

[9] Лукьянова Е.А. Конституционные риски ограничения права на мирные собрания // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 7. С. 37-46.

[10] Машекуашева М.Х. О значимости информационно-психологической защиты индивида и социума: особенности воздействующего потенциала. Право и управление. 2024. № 2. С. 375-377.

[11] Саликов М.С., Гончаров В.В. Свобода собраний в контексте международных стандартов прав человека // Международное право и международные организации. 2019. № 3. С. 27-39.

[12] Руководящие принципы по свободе мирных собраний. БДИПЧ ОБСЕ. Второе издание. Варшава/Страсбург, 2010. - 194 с.

[13] Бурков А.Л. Практика Европейского суда по правам человека по делам о свободе собраний в России // Журнал конституционного правосудия. 2021. № 5. С. 186-197.

[14] Сунгуров А.Ю. Сравнительный анализ правового регулирования публичных мероприятий в различных странах // Сравнительное конституционное обозрение. 2018. № 1. С. 76-94.

[15] Хабриева Т.Я., Чиркин В.Е. Зарубежный опыт правового регулирования публичных мероприятий // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2018. № 3. С. 118-129.

Spisok literatury:

[1] Denisov S.A. Ogranichenie svobody mirnyh sobranij v sovremennom mire: sravnitel'no-pravovoj analiz // Konstitucionnoe i municipal'noe pravo. 2020. № 8. S. 12-22.

[2] Federal'nyj zakon ot 19.06.2004 № 54-FZ «O sobraniyah, mitingah, demonstraciyah, shestviyah i piketirovaniyah» // Sbranie zakonodatel'stva RF. 2004. № 25. St. 2485.

[3] Isakov A.R. Evolyuciya zakonodatel'stva o publichnyh meropriyatiyah v Rossijskoj Federacii // Gosudarstvo i pravo. 2018. № 3. S.75-86.

[4] Mitin G.N. Novye pravovye ogranicheniya i zaprety dlya organizatorov i uchastnikov publichnyh meropriyatij // Konstitucionnoe i municipal'noe pravo. 2021. № 2. S. 37-48.

[5] Avak'yan S.A. Demokratiya protestnyh otnoshenij: konstitucionno-pravovoe izmerenie // Konstitucionnoe i municipal'noe pravo. 2019. № 1. S.123-138.

[6] Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 13.06.1996 № 63-FZ // Sobranie zakonodatel'stva RF. 1996. № 25. St. 2954.

[7] Smirnov D.A. Sudebnaya praktika po delam o narusheniyah zakonodatel'stva o publichnyh meropriyatiyah // Zhurnal rossijskogo prava. 2022. № 7. S. 198-210.

[8] Ivanov N.I. Pravoprimeritel'naya praktika po stat'e 212.1 UK RF: problemy i protivorechiya // Ugolovnoe pravo. 2019. № 4. S. 63-72.

[9] Luk'yanova E.A. Konstitucionnye riski ogranicheniya prava na mirnye sobraniya // Konstitucionnoe i municipal'noe pravo. 2020. № 7. S. 37-46.

[10] Mashekuasheva M.H. O znachimosti informacionno-psihologicheskoy zashchity individa i sociuma: osobennosti vozdeystvuyushchego potentsiala. Pravo i upravlenie. 2024. № 2. S. 375-377.

[11] Salikov M.S., Goncharov V.V. Svoboda sobranij v kontekste mezhdunarodnyh standartov prav cheloveka // Mezhdunarodnoe pravo i mezhdunarodnye organizacii. 2019. № 3. S. 27-39.

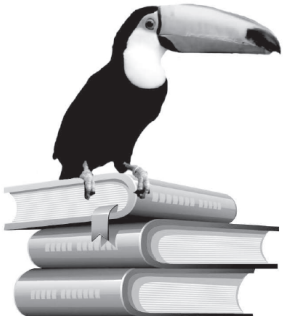
[12] Rukovodyashchie principy po svobode mirnyh sobranij. BDIPCh OBSE. Vtoroe izdanie. Varshava/Strasburg, 2010. - 194 s.

[13] Burkov A.L. Praktika Evropejskogo suda po pravam cheloveka po delam o svobode sobranij v Rossii // Zhurnal konstitucionnogo pravosudiya. 2021. № 5. S. 186-197.

[14] Sungurov A.Yu. Sravnitel'nyj analiz pravovogo regulirovaniya publichnyh meropriyatij v razlichnyh stranah // Sravnitel'noe konstitucionnoe obozrenie. 2018. № 1. S. 76-94.

[15] Habrieva T.Ya., Chirkin V.E. Zarubezhnyj opyt pravovogo regulirovaniya publichnyh meropriyatij // Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya. 2018. № 3. S. 118-129.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ПОЛУКАРОВ Александр Викторович,
доктор юридических наук,
e-mail: mail@law-books.ru

К ВОПРОСУ ОБ ОСНОВНЫХ ДЕТЕРМИНАНТАХ КОРРУПЦИИ В РОССИИ (ЧАСТЬ 1)

Аннотация. В статье проводится анализ детерминант коррупции в России, рассматривающейся как системный феномен, деформирующий институциональную среду общества. Особое внимание уделяется экономическим и политическим факторам, влияющим на уровень коррупционной преступности в России, подкрепляя анализ данными социологических опросов. Подчеркивается взаимосвязь коррупции и теневой экономики, а также запрос общества на усиление контроля за субъектами коррупции и бюджетными расходами. Статья служит основой для дальнейших исследований, направленных на разработку комплексных мер противодействия коррупции в России.

Ключевые слова: Коррупция, коррупционная преступность, детерминанты преступности.

POLUKAROV Alexander Viktorovich,
Doctor of Law

TO THE QUESTION OF THE MAIN DETERMINANTS OF CORRUPTION IN RUSSIA (PART 1)

Annotation. The article provides an interdisciplinary analysis of the determinants of corruption in Russia, which is considered as a systemic phenomenon that deforms the institutional environment of society. Particular attention is paid to economic and political factors influencing the level of corruption crime in Russia, supporting the analysis with sociological survey data. The relationship between corruption and the shadow economy is emphasized, as well as the demand of society for increased control over officials and budget expenditures. The article serves as a basis for further research aimed at developing comprehensive measures to combat corruption in Russia.

Key words: Corruption, corruption crime, determinants of crime.

Коррупция представляет собой одну из наиболее острых и многоаспектных проблем современного общества, затрагивающую все государства мира, независимо от их экономического развития и политического устройства. Она не только замедляет темпы экономического роста, но и негативно сказывается на качестве предоставляемых государственных услуг, увеличивает социальное неравенство и подрывает доверие граждан к институтам власти.

Эффективная борьба с коррупцией требует глубокого анализа причин и условий, способствующих ее распространению. Данная статья охватывает экономические и политические детерминанты, которые создают благоприятную почву для коррупции.

В научной литературе коррупция рассматривается как системный феномен, отражающий деформацию институциональной среды общества.

Существует несколько теоретических подходов к её изучению, включая идеалистиче-

ски-философский, междисциплинарный, экономический и социально-антропологический. Каждый из этих подходов предлагает собственный взгляд на природу коррупции и её влияние на общество, что позволяет глубже понять сложность этого явления и разработать более эффективные стратегии борьбы с ним. Дадим краткую характеристику каждого из перечисленных подходов:

1. Идеалистически-философский подход фокусируется на нравственных и этических аспектах коррупции. Исследователи, разделяющие эту точку зрения, рассматривают коррупцию как отражение общего морального состояния общества, анализируя исторические и культурные контексты, в которых она проявляется [7]. Этот подход основывается на работах античных мыслителей, таких как Платон и Аристотель, которые видели в коррупции разрушительное явление, оказывающее негативное воздействие на общество и государство. Аристотель

отмечал, что коррупция может привести к деградации государства, что делает борьбу с ней необходимой для поддержания стабильности [6].

2. Междисциплинарный подход, учитывающий экономические, политические и социокультурные факторы, позволяет глубже понять сложность коррупционных явлений и их влияние на различные аспекты жизни общества.
3. Экономический подход анализирует коррупцию как особый вид поведения, связанный с совершением правонарушения и возможным наказанием за него.
4. Социально-антропологическое направление в исследовании коррупции связано с исследованием конкретной национально-культурной среды как фактора возникновения и развития коррупции. Такой подход очень эффективно реализуется при исследовании коррупционных проявлений в незападных обществах, поскольку западная точка зрения на коррупцию разрабатывалась с учетом веберовской концепции бюрократии как рационального явления. Речь в незападных обществах идет скорее не о «коррупции», а о различных, весьма многочисленных «коррупциях» Социокультурный подход в его современном развитии представлен работами (Г. Хофстеда, С. Шварца, Г. Триандиса, Э. Холла и др.) Эта исследовательская парадигма связана с анализом коррупции как характеристики культуры определенного типа. В рамках подобного подхода разрабатываются различные индикаторы культуры, которые могут оказывать влияние на коррупцию: индивидуализм-коллективизм, дистанция власти, маскулинность, избегание неопределенности, конфуцианский динамизм [2].

Для России ретроспективное сочетание институциональных трансформаций, культурных элементов и экономических факторов формирует особый контекст для понимания причин коррупционной преступности. Учитывая все это, междисциплинарный подход к изучению детерминант коррупционной преступности, на наш взгляд, выступает более предпочтительным.

Несмотря на большое количество определений коррупции, в рамках исследования, мы основываемся на определении сформулированном Ю.М. Антоняном. «Коррупция – это негативное социальное явление, принимающее в современных условиях масштабы, угрожающие национальной безопасности государства, связанное с противоправным использованием лицом, занимающим определенное служебное положение в государственных, негосударственных и коммерческих структурах, своих полномочий в корыстных целях, а также противоправное предоставле-

ние ему материальных или иных преимуществ (подкупа) физическими и юридическими лицами за действия (бездействие), совершаемые в их пользу с использованием служебного положения» [4].

Основываясь на междисциплинарном подходе, следует выделить следующие группы детерминант: экономические, политические, социальные и культурные.

Экономические факторы играют важную роль в формировании коррупционной среды. К основным экономическим детерминантам коррупции можно отнести:

1. Низкий уровень заработной платы и сокращение социальных гарантий у отдельных субъектов коррупционных правонарушений. Когда заработная плата государственных служащих и работников социальной сферы не соответствует их уровню ответственности и квалификации, они становятся более уязвимыми к коррупции. Взятки в таком случае становятся способом компенсировать низкий уровень дохода.

Данный тезис подтверждает и недавний (декабрь 2024 года) всероссийский опрос по противодействию коррупции, проведенный на базе Федеральной государственной информационной системы «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)». Так, по вопросу «Как Вы считаете, каковы основные причины коррупции?» были получены следующие результаты (Рис. 1) [3]:

Ответ о том, что низкий уровень заработной платы является одной из основных причин коррупции - стал четвертым по популярности.

2. Отсутствие надлежащего контроля за расходованием бюджетных средств и непрозрачность в управлении государственными финансами, также создают благоприятные условия для коррупции.
3. Сложность и непрозрачность регулирования бизнеса. Чрезмерное регулирование бизнеса, сложность процедур лицензирования и получения разрешений создают дополнительные возможности для коррупции.

Показательным, на наш взгляд, является исследование проведенное компанией «Spezia» по заказу Правительства Республики Алтай в 2020 году. На вопрос о том, приходилось ли предпринимателям в Республике Алтай сталкиваться с коррупцией - 35,6% респондентов ответили положительно, что говорит о вероятно высокой степени распространенности такого явления. При этом на вопрос о причинах и целях готовности предпринимателей оказать влияние на должностное лицо через неформальные прямые / скрытые платежи, респонденты ответили следующим образом (Рис.2 и Рис.3) [5]:

Рис. 1

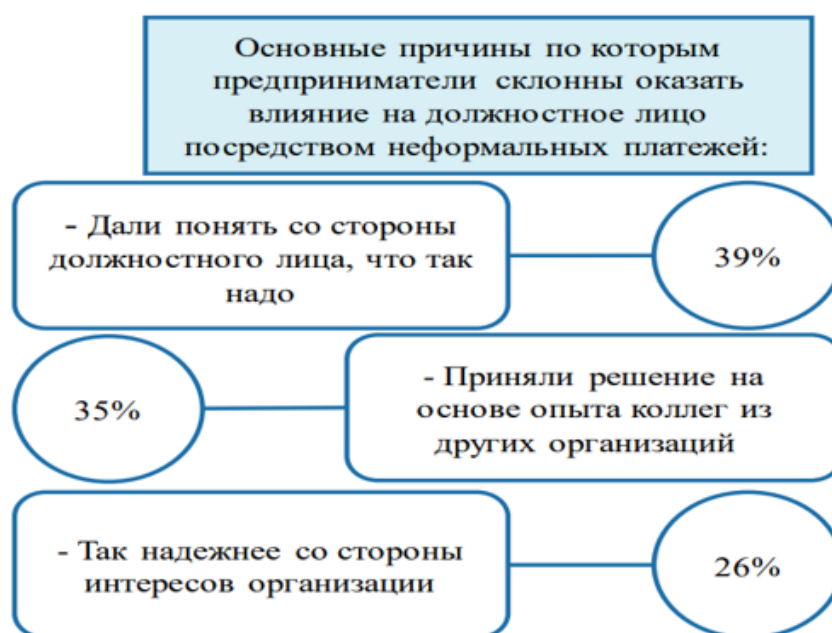

Рис. 2

Проведенное исследование наглядно иллюстрирует, что предприниматели готовы давать взятки, чтобы ускорить процесс получения необходимых документов, обхода сложных требований законодательства, а также с целью избежать нежелательных проверок.

4. Монополии и олигополии. Наличие монополий и олигополий в экономике создает возможности для коррупции. Предприятия,

обладающие монопольным положением, могут давать взятки государственным служащим, чтобы сохранить свое положение и ограничить конкуренцию.

5. Теневая экономика. Развитие теневой экономики способствует росту коррупции, поскольку она создает благоприятные условия для совершения различных коррупционных правонарушений.

Рис. 3

Теневая экономика и коррупция – социально-экономические «близнецы». Теневая экономика, безусловно, порождает коррупцию, а коррупция, в свою очередь, создает основу для расцвета теневой экономики. Причина и следствие, цель и средство здесь настолько взаимоувязаны и переплетены, что создают замкнутый круг [4].

Политические факторы также играют не менее важную роль в формировании коррупционной среды. Слабые институты демократии и недостаточное качество государственного управления могут оказывать существенное влияние на уровень коррупции в стране.

Состояние и эффективность институтов власти играют ключевую роль в борьбе с коррупцией. В России наблюдается низкая прозрачность управленческих решений, недостаточная подотчетность чиновников и слабость системы сдержек и противовесов. Следствием этого становится высокий уровень коррупционной преступности среди представителей власти.

Показательный пример, мнения граждан о проблемах в области политики и высшей управленческой деятельности отражен в опросе проведенном в 2024 году АНО «ЛЕВАДА-ЦЕНТР» (АНО «ЛЕВАДА-ЦЕНТР» – признан иностранным агентом) – «Массовые представления о коррупционных расследованиях в министерстве обороны».

Согласно данным опроса, большинство россиян (73%) слышало о расследованиях финансовых махинаций и должностных злоупотреблениях в министерстве обороны, которые повлекли за собой уголовные дела в отношении нескольких высокопоставленных военных. 12% респондентов

внимательно следили за развитием событий, 31% слышаны об этом и ещё 31% что-то слышали, но не знают в чём суть. Впервые слышат об этом 27% опрошенных. При этом, две трети россиян (64%) считают, что коррупционные схемы, в которых подозревают задержанных – это проявление всеобщего разложения, коррумпированности власти. Говорит о том, что это единичное, нетипичное явление для высшего руководства страны, лишь каждый четвёртый опрошенный (25%) [1].

Неэффективная система контроля за деятельностью государственных служащих, включая декларирование доходов и имущества, проверки на конфликт интересов и санкции за коррупционные правонарушения, также способствует распространению коррупции.

Представляет интерес мнение граждан нашей страны по данному вопросу. В уже упомянутом всероссийском опросе по противодействию коррупции, проведенном в 2024 году на базе Федеральной государственной информационной системы «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)» на вопрос «Какие методы борьбы с коррупцией Вы считаете наиболее эффективными?» были получены следующие ответы (Рис. 4) [3]:

Совершенствование законодательной базы, эффективная реализация существующих законов, усиление государственного и общественного контроля, усиление контроля за расходами чиновников, членов их семей, ограничение взаимодействия государственных и муниципальных служащих с гражданами при предоставлении

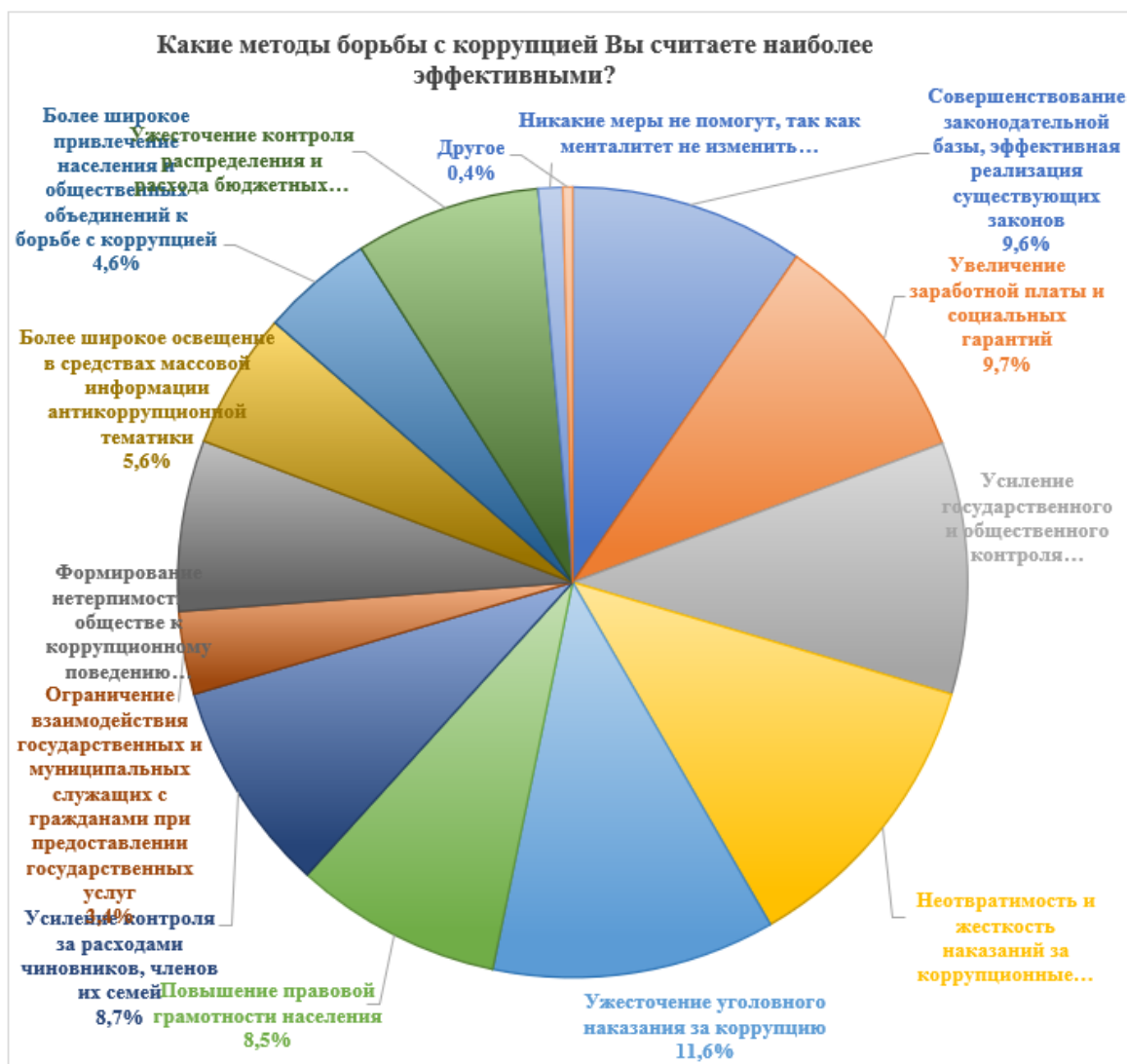

Рис. 4

государственных услуг, ужесточение контроля распределения и расхода бюджетных средств составили порядка 40% от общего числа ответов. Такая фиксация опрошенных на данных мерах противодействия коррупции явно свидетельствует о наличии обозначенных проблем в области государственного и муниципального управления.

В заключение отметим, что данная работа задает важный вектор для последующих исследований. Учитывая глобальный характер проблемы, ее деструктивное влияние на различные сферы жизни общества и необходимость комплексного подхода к ее изучению, подчеркнем необходимость ее дальнейшего углубленного анализа. В последующих исследованиях, нами будут рассмотрены иные факторы, оказывающие влияние на коррупцию в России, а также обозначены пути решения и конкретные рекомендации в расчете на снижение ее уровня.

Список литературы:

- [1] АНО «ЛЕВАДА-ЦЕНТР». Массовые представления о коррупционных расследованиях в министерстве обороны // [Электронный ресурс]: <https://www.levada.ru/2024/Рис07/02/massovye-predstavleniya-o-korrupsionnyh-rassledovaniyah-v-ministerstve-oborony/> (дата обращения 15.05.2025).
- [2] Кондакова, О. А. Основные подходы к исследованию коррупции: перспективы юридической науки / О. А. Кондакова // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2021. Т. 7 (73), № 1.
- [3] Опрос по противодействию коррупции. Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций) // [Электронный ресурс] URL: <https://pos.gosuslugi.ru/lkp/polls/474458/> (дата обращения 15.05.2025).

[4] Причины преступности в России: монография / Антонян Ю.М., Тимошина Е.М.; Под ред.: Антонян Ю.М. М., СПб.: Нестор-История, ФГКУ ВНИИ МВД России, 2013.

[5] Социологического исследования об оценке восприятия населением и предпринимательским сообществом уровня распространенности коррупции в Республике Алтай «Spezia» // [Электронный ресурс] URL: <https://xn04vicihi2j.xnp1ai/upload/iblock/cf4/dhov0ryv11emgbvuqbearjgknueuvx1v/Sotsiologicheskoeissledovanieobotsenkevospriyatiyanaseleniemurovnyarasprostranyennostikorrupsii.pdf> (дата обращения 15.05.2025).

[6] Цырендоржиева, Д. Ш. Социально-философское осмысление феномена коррупции в трудах Платона и Аристотеля / Д. Ш. Цырендоржиева, К. В. Лугавцов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 10-2(84).

[7] Шедий, М. В. Основные теоретические подходы исследования коррупции / М. В. Шедий // Среднерусский вестник общественных наук. 2011. № 2(19).

Spisok literatury:

[1] АНО «LEVADA-CENTR». Massovye predstavleniya o korruptsionnykh rassledovaniyakh v ministerstve oborony // [Elektronnyj resurs]: <https://www.levada.ru/2024/Ris07/02/massovye-predstavleniya-o-korrupsionnykh-rassledovaniyakh-v-ministerstve-oborony/> (data obrashcheniya 15.05.2025).

[2] Kondakova, O. A. Osnovnye podhody k issledovaniyu korruptcii:perspektivy yuridicheskoy nauki / O. A. Kondakova // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki. 2021. T. 7 (73), № 1.

[3] Opros po protivodejstviyu korruptcii. Edinyj portal gosudarstvennyh i municipal'nyh uslug (funkcij) // [Elektronnyj resurs] URL: <https://pos.gosuslugi.ru/lkp/polls/474458/> (data obrashcheniya 15.05.2025).

[4] Prichiny prestupnosti v Rossii: monografiya / Antonyan Yu.M., Timoshina E.M.; Pod red.: Antonyan Yu.M. M., SPb.: Nestor-Istoriya, FGKU VNII MVD Rossii, 2013.

[5] Sociologicheskogo issledovaniya ob ocenke vospriyatiya naseleniem i predprinimatel'skim soobshchestvom urovnya rasprostrannosti korruptcii v Respublike Altaj «Spezia» // [Elektronnyj resurs] URL: <https://xn04vicihi2j.xnp1ai/upload/iblock/cf4/dhov0ryv11emgbvuqbearjgknueuvx1v/Sotsiologicheskoeissledovanieobotsenkevospriyatiyanaseleniemurovnyarasprostranyennostikorrupsii.pdf> (data obrashcheniya 15.05.2025).

[6] Cyrendorzhieva, D. Sh. Social'no-filosofskoe osmyslenie fenomena korruptcii v trudah Platona i Aristotelya / D. Sh. Cyrendorzhieva, K. V. Lugavcov // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. 2017. № 10-2(84).

[7] Shedij, M. V. Osnovnye teoreticheskie podhody issledovaniya korruptcii / M. V. Shedij // Srednerusskij vestnik obshchestvennyh nauk. 2011. № 2(19).

ЮРКОПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

АХМЕДХАНОВА Самира Телхатовна,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного права
Северо-Кавказского института (филиал)
ВГУЮ (РПА Минюста России),
e-mail: mail@law-books.ru

БЕЛОВ Евгений Витальевич,
аспирант ОЧУ ВО
«Московский Инновационный Университет»,
e-mail: mail@law-books.ru

ФОРМИРОВАНИЕ НАДНАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ ТРАДИЦИИ В КОНТЕКСТЕ ТЕНДЕНЦИЙ ИНТЕГРАЦИИ И ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Аннотация. В последние десятилетия широкое распространение получила концепция, согласно которой человечество в своем развитии идет к слиянию различных национальных традиций в единую общецивилизационную культуру, не знающую национальных различий. Такое видение проблемы соотношения национального и наднационального переносится и в политико-правовую сферу, что, безусловно, имеет объективные причины. Причем чаще всего, когда имеют в виду наднациональную правовую культуру ее ассоциируют с политико-правовыми ценностями западного образца и, соответственно, ведущая роль в интеграционных процессах отводится западной политико-правовой традиции (так называемая концепция вестернизации).

Ключевые слова: нарушение, специальные объекты, опасность, посягательство, ответственность.

AKHMEDKHANOVA Samira Telkhatovna,
Candidate of Law, Associate Professor of the Department
of Criminal Law of the North Caucasus Institute (branch)
of VGUYU (RPA of the Ministry of Justice of Russia)

BELOV Evgeny Vitalievich,
postgraduate student
at the Moscow Innovation University

FORMATION OF SUPRANATIONAL POLITICAL AND LEGAL TRADITION IN THE CONTEXT OF INTEGRATION AND GLOBALIZATION TRENDS

Annotation. In recent decades, the concept has become widespread, according to which humanity in its development is going to merge various national traditions into a single civilization culture that does not know national differences. Such a vision of the problem of the ratio of national and supranational is transferred to the political and legal sphere, which, of course, has objective reasons.

Moreover, most often, when they mean a supranational legal culture, it is associated with political and legal values of the Western model and, accordingly, the leading role in integration processes is assigned to the Western political and legal tradition (the so-called concept of Westernization).

Key words: violation, special objects, danger, encroachment, responsibility.

А.Д. Градовский, известный в России правовед, выдвинул мысль, которая представляется нам абсолютно правильной, о том, что каждая

национальная культура несёт уникальное историческое послание. Он утверждал, что многообразие национальных черт является фундаменталь-

ным для здорового развития всемирной цивилизации. Он подчеркивал, что каждая нация способна внести лишь определённый вклад в общую культуру человечества, и что исключение любой из этих уникальных вкладов могло бы привести к потере целостности и многообразия в мировой истории, ограничивая полноту проявления человеческого духа [3, с.23].

Разнообразие культурных выражений необходимо для человеческого развития, в то время как однообразие может мешать прогрессу. Хотя наука признает значение общечеловеческой цивилизации, подразумевая, что крупнейшие достижения в умственной, моральной и экономической сферах одних народов обогащают всех остальных, данные истории подтверждают, что многие из этих достижений возникли на основе уникальных национальных историй. Например, статуи Фидия и философия Платона были результатами греческой культуры, римское право произошло из римской истории, а конституция Англии стала отражением её национального опыта.

Социальная интеграция может происходить через принуждение, общие интересы или экономическое сходство. В этом контексте, важно понимать, как политические и правовые системы одного общества влияют на другое. Один из наиболее результативных методов заключается в том, что нация сохраняет свою уникальность, включая политическую систему, культуру, религиозные убеждения и образ жизни, при этом свободно относясь к достижениям других народов. Несмотря на это, такие взаимодействия способствуют глобальному развитию в областях искусства, философии и политики, придавая им общечеловеческую значимость в образованных кругах мира [8, с. 123].

Влияние одной цивилизации на другую часто приводит к значимым культурным и законодательным изменениям, как это видно на примере исторических взаимодействий между Египтом, Финикией, Грецией и Римом. Эти связи оказали существенное влияние на формирование романо-германской Европы, включая переосмысление и принятие античных государственно-правовых идеалов во время Ренессанса и адаптацию римского права. Такие процессы подчеркивают, как через обмен знаниями и идеями между цивилизациями происходит взаимное обогащение и развитие.

Культурная уникальность каждого народа не подлежит заимствованию, так как основана на уникальном восприятии и оценке мира, что делает ее непередаваемой и строго индивидуальной. Однако в области научных достижений, технических инноваций и промышленных улучшений, народы различных культур могут и должны извле-

кать пользу из опыта друг друга. При этом, чужая цивилизация, решая свои задачи, не учитывает чужие социальные принципы, что делает их решения специфичными и не всегда применимыми в другом контексте. Так, результаты и методы в науках и технике могут быть адаптированы и применены, в то время как культурная самобытность остается за пределами возможного копирования и должна рассматриваться скорее как объект сравнения, чем как потенциальный объект для заимствования.

Ю.В. Ячменев, известный учёный в области западных исследований, подчеркивает, что демократия и либерализм являются ключевыми ценностями западной цивилизации. Он утверждает, что распространение этих принципов за пределы Запада часто происходило под влиянием западного колониализма. Ю.В. Ячменев также отмечает, что демократические идеалы иногда принимались в не западных странах, но это было скорее исключением, вызванным внешним давлением. Исследуя внутреннюю динамику западных обществ, он указывает на постоянный экономический рост как на основу их либерального образа жизни, который подпитывался как территориальной, так и идеологической экспансией на протяжении истории [10, с. 67].

Западные страны активно старались внедрить свои культурные идеалы в другие регионы, чего можно считать довольно успешной инициативой. Однако также наблюдается сильное сопротивление этому процессу со стороны не западных стран. Согласно Ю.В. Ячменев, к 1995 году усилия Запада по распространению своих ценностей в основном не достигли ожидаемого успеха, поскольку многие незападные цивилизации противостояли этим влияниям.

Согласно выше сказанному, распространение демократических идеалов и структур прошло через несколько ключевых этапов. Начало было положено Американской и Великой Французской революциями, которые заложили основы национального суверенитета и личной свободы, став первыми реализаторами этих идей. Последующий значительный период демократизации произошел в 1944-1945 годах, когда силы союзников освободили значительные территории Центральной Европы, тем самым расширив зону влияния демократических ценностей [9, с. 45-48].

В 1974 году в Португалии начался процесс, ставший известным как третья волна демократизации. Этот процесс не только зажег искру либерализма в Южной Европе и Латинской Америке, но и в конце 1980-х оказал влияние на Центральную Европу, где демократические идеи начали распространяться по своим, отчасти уникальным, причинам.

Западные страны, столкнувшись с нехваткой внутренних ресурсов для поддержания своего экономического процветания, часто обращаются к стратегии экстенсивного развития. Это включает присвоение территорий других государств в качестве «сферы своих национальных интересов». В связи с этим возникает потребность в политическом и правовом оправдании таких мер и в создании идеологически подходящей атмосферы, которая бы облегчала формирование соответствующего правосознания у населения этих стран. П. Фрейре описывает это как манипуляцию сознанием, целью которой является угнетение народов, позволяющее правящим кругам добиваться своих интересов за счёт других [5, с. 70-76].

Идеологическое влияние, осуществляемое через принудительное внедрение государственно-правовых ценностей извне, фактически равносильно угнетению общества, на которое оно распространяется. В качестве одной из стратегий, эффективно способствующих распространению западных идеалов, выступает поощрение идеи вестернизации в академических и политических кругах. Эта концепция подразумевает, что благодаря Западу мир получил шанс на модернизацию и переход к обществу Нового времени.

В процессе модернизации, который включает в себя развитие индустрии, урбанизацию, социальное движение, а также повышение уровня грамотности и образования, наблюдается тенденция к усвоению западных норм и образа жизни. Это приводит к тому, что народы отходят от своих традиционных ценностей и обычаев, постепенно принимая западные. Так, вестернизация представляется неотъемлемым аспектом исторического развития человечества. Однако мы считаем, что аргументы сторонников этой концепции не всегда достаточно убедительны.

Значимость возникновения перечисленных явлений можно сравнить с эволюционным преобразованием, подобным переходу человечества от простых общин к развитым обществам. В современном мире принципы культуры, знаний и ценностей радикально трансформировались по сравнению с тем, что наблюдалось в традиционных обществах. Хотя на первый взгляд может показаться, что западная культура широко распространена по всему миру, на более глубоком уровне западные идеи и взгляды существенно различаются от убеждений и ценностей других цивилизаций.

А.М. Величко отмечает, что в таких культурах, как исламская, конфуцианская, японская, индуистская, буддийская и православная, западные концепции редко находят поддержку. Запад, будучи пионером в области модернизации, опе-

режает в адаптации к культуре модернизированных обществ. Ожидается, что с достижением схожих стандартов модернизации другими обществами, начнется период глобальной модернизации. Важно, однако, четко различать вестернизацию и модернизацию как разные процессы. Модернизация и экономическое развитие не обязательно ведут к культурной вестернизации [1, с. 120-125].

Модернизация общества не ведет к его демократизации, скорее, она способствует укреплению местных культурных особенностей. Вместо того чтобы размывать традиционные образы жизни, на индивидуальном уровне изменения могут вызывать дезориентацию и кризис самоидентификации, чему часто противостоит обращение к религиозным убеждениям. На общественном же уровне, модернизация приводит к улучшению экономического и военного статуса, подчеркивая значимость сохранения уникальной культурной идентичности. Эти наблюдения подтверждают, что модернизация углубляет ценность национальной культуры.

Метод, о котором идет речь, базируется на теории конвергенции. Эта теория утверждает, что общества в домодернистскую эпоху существенно различаются, что обусловлено двумя ключевыми факторами: разнообразием культурных традиций и различиями в элитах, которые могут отличаться образовательным уровнем, опытом в бизнесе и социально-экономическим положением. Тем не менее, с развитием индустриализации и под влиянием экономических и технических процессов, общества начинают все больше сходиться.

В.П. Колесова, выдающийся деятель в контексте теории конвергенции в России, предложил проект Конституции для Союза Советских Республик Европы и Азии, отражающий его идеи.[2, с. 45-48] В четвертой статье проекта он утверждает, что стремление к плюралистическому сближению (конвергенции) социалистических и капиталистических систем является необходимым для решения как глобальных, так и внутренних проблем. В отличие от вестернизации, которая подразумевает распространение западных стандартов, теория конвергенции не ставит Запад в центр прогресса для не западных обществ. Однако часто можно заметить, что сторонники этой теории предлагают западные ценности под видом универсальных, что может быть неприемлемо для культур, подвергающихся такому влиянию. Д.А. Керимов критиковал два подхода, которые неправильно соотносят универсальные и национальные ценности [4, с. 56-59].

Первоначально, представления о космополитизме предполагают, что уникальные национальные особенности считаются второстепен-

ными по сравнению с глобальными идеалами. В рамках такого взгляда, глобальные ценности настолько значимы, что национальные амбиции и цели должны отступить на второй план, уступая место более широкому, всеобъемлющему стремлению. Похоже, что национальное должно подчиняться международному, а уникальные национальные стремления блекнут на фоне общемировых.

Астафьев критикует идеи, которые полностью отвергают национальные аспекты в таких сферах как история или политика, утверждая, что такие взгляды проявляются в учениях Руссо, энциклопедистов и Канта, чьи идеалы включают понятия как «естественный человек» и «гражданин вселенной». Эти концепции нашли свое продолжение в современных теориях коммунизма и социализма. В дополнение, Астафьев отмечает, что есть менее очевидные, но похожие мнения, которые не ставят национальное начало в прямое противоречие с общечеловеческим, однако наделяют его второстепенной ролью, признавая его значение лишь в контексте служения глобальным ценностям. По мнению философа, такие взгляды также являются ошибочными.

Из такой перспективы, уникальная культура народов рассматривается как инструменты для достижения глобальных человеческих целей. Национальные особенности и культурные достижения приобретают значение только в контексте их вклада в решение универсальных задач и интересов, а также в создании благ, которые они способны производить. По этой логике, все прошлые и современные народы лишь готовят почву для будущего процветания идеализированного, объединённого человечества.

В.Н. Онишко активно выражает несогласие с двумя представленными точками зрения, утверждая, что уникальность национального духа является фундаментальной для развития и силы универсальных человеческих идеалов. Он подчеркивает, что именно национальный дух обеспечивает этим идеалам жизнеспособность, глубину и четкую форму. По его мнению, особенности национальности не только не противоречат глобальным ценностям, но и способствуют их полноценному проявлению и развитию [6, с. 103-107].

С точки зрения философа, приверженность национальным идеалам и духовным требованиям не только отражает вечные, транснациональные и глобальные принципы, но и поддерживает их значимость и влияние. Без такого служения эти универсальные ценности могут потерять свою силу и истинность. Кроме того, представители различных национальностей всегда находили общий язык в областях религии, науки, искусства, морали, права и политики. Не существует культурно развитого народа, который бы полно-

стью отвергал общие человеческие идеалы истины, красоты, добра, а также силы или богатства.

В.Н. Онишко в своих рассуждениях приходит к выводу, что каждый народ придает свое особое значение и ценность науке и искусству, исходя из своих духовных задач. Мотивы, которые могут вдохновлять людей на выбор задач в науке или искусстве, различны для греков, римлян, евреев и славян. Каждый из них использует свои собственные методы исследования и доказательства, а также художественного творчества, в зависимости от своего культурного и духовного наследия [6, с. 120].

Один из них отличается в своем анализе точностью и глубиной, в то время как второй с увлечением ищет параллели везде; первый стремится к полноте в своей узкой области, в то время как второй стремится к общим выводам, избегая деталей; для первого наиболее ценно начало, принцип, ведущий к крайним выводам (как это характерно для французов), в то время как другой (особенно англичанин) не уделяет большого внимания ни чистоте начала, ни крайним выводам, а предпочитает *axiomata media* (основные средние положения); один сосредоточен на накоплении и систематизации холодного, объективного знания, в то время как другой стремится к мудрости, вдохновляющей моральную жизнь, и больше интересуется изучением субъективного, духовного мира, и так далее.

В национальной культуре, национальном искусстве, а также в правовой системе, нравственных устоях и религии проявляются различия в мотивах, целях, методах и оценках, сохраняя свою общечеловеческую ценность и не отклоняясь от своего общечеловеческого предназначения. Разные народы имеют различные подходы к этим аспектам: одни более сосредоточены на разуме, другие на чувствах, третьи на воле и так далее. Считается, что российская правовая культура, общественное правосознание и национальная правовая идеология должны признавать достижения других правовых культур, но вместе с тем придавать им социальное значение и ценность, соответствующие «духовным задачам и богатствам» российского общества.

Идеалы государственно-правовой культуры различных народов должны быть оценены с точки зрения традиционных духовных ценностей, присущих российской правовой системе, чтобы приобрести конструктивное значение и быть принятыми обществом. Древняя Русь смогла адаптировать идеалы Православия, а Россия успешно восприняла ценности Древнего Рима, содержащиеся в римском праве, благодаря такому подходу.

В России необходимо провести пересмотр ценностей и государственно-правовых идеалов,

которые приняты из различных форм правовой культуры Запада. Элемент надгосударственности фактически представляет собой элемент наднациональности. Наднациональность возникает, когда государства вынуждены подчиняться нормам, установленным без их согласия. Многие международные организации получили возможность влиять на действия государств-членов на основе своей правосубъектности, не требуя их согласия в каждом конкретном случае.

Работа международных организаций характеризуется наличием определенного объема самостоятельных полномочий по отношению к своим членам-государствам. Признаки наднациональности проявляются в деятельности различных международных организаций, как регионального, так и всемирного масштаба, а также в механизмах правового регулирования процессов интеграции (например, в рамках Евросоюза, СНГ, Союза России и Белоруссии и прочих).[7, с. 50-56]

Некоторые из таких признаков включают в себя следующее: внутреннее законодательство наднациональной организации становится частью национального законодательства ее членов; данное законодательство создается органом, который действует независимо от государств-участников и принимает обязательные для них решения, несмотря на возможное недовольство одной или нескольких стран; соответствующие вопросы целиком или частично переносятся из компетенции государств; представители международных органов выступают от своего имени, а не от имени государств; решения органов наднациональных организаций принимаются большинством голосов с использованием взвешенного голосования, без прямого участия заинтересованных стран.

«Право МВФ» является ключевым элементом международного финансового права, где присутствует наднациональный характер норм и принципов. Способ единообразного регулирования жизни государств вступает в силу через наднациональность, которая выражает практическую взаимозависимость государств. Наднациональность имеет двойственную природу: с одной стороны, она функциональна и ограничена влиянием государств, с другой стороны, она существует независимо от первоначальной воли государств в определенных границах.

В постижении наднационального контроля можно узнать законы *jus cogens*, понятие общего наследия человечества, также искусственную общую валюту, применяемую Международным валютным фондом как особые заемные права (СДР), идеи мировой валюты и прочее. Наднациональное управление представляет собой промежуточный этап в направлении к «глобальному федерализму».

Планетарный рынок товаров, услуг, инвестиций, трудовых ресурсов, который появится в XXI веке, а также весь мировой социум в целом требуют соответствующей системы регулирования - сложной, многосистемной, всеобъемлющей.

В современном мире внутреннее право стран и международное право все чаще сливаются в единое целое, включая наднациональное право. В рамках Европейского союза наблюдается наднациональный характер в том, что органы ЕС могут принимать обязательные для членов государств и их граждан законы, которые имеют приоритет перед внутренними законами, принимают решения большинством голосов, а не консенсусом. Сотрудники органов ЕС действуют от своего имени, а не от имени своего государства.

В 50-е годы в Европе начался процесс формирования новой «особой наднациональной» организации публичной власти, согласно определению Федерального конституционного суда ФРГ. Эволюция европейских сообществ (Европейское объединение угля и стали; Европейское экономическое сообщество; Европейское сообщество по атомной энергии) послужила основой для создания Европейского союза в 1992 году. В условиях глобализации, опыт укрепления интеграционных связей между независимыми и суверенными европейскими государствами становится особенно важным и актуальным.

Сложный и противоречивый процесс перехода от Европейского экономического сообщества к Европейскому союзу характеризуется тем, что государства отказываются от своих суверенных прав в различных сферах и передают их наднациональным органам власти. Евросоюз представляет собой межгосударственный союз, где основной акцент делается на осознании общности интересов европейцев и понимании, что совместные действия и согласование сил и средств способствуют наиболее эффективной реализации этих интересов.

Государства-члены ограничили свои суверенные права в определенных областях, создавая совокупность правовых норм, которые обязывают как их самих, так и лиц, находящихся под их юрисдикцией. Суд ЕС отметил, что Сообщество имеет свои институты, статус юридического лица, собственную правоспособность и международную правосубъектность, а также реальные полномочия, вытекающие из ограничения компетенции или передачи полномочий Сообществу.

Новая «наднациональная» социальная общность, формирующаяся на пространстве Западной Европы, является результатом международной интеграции, которая в XX веке стала одним из важных направлений общественного развития.

Интеграция в рамках Европейского союза привела к радикальным преобразованиям в системе общественных институтов и отношений государств и народов Западной Европы, в первую очередь в экономической, политической и правовой сферах.

Европейские структуры, в первую очередь, являются правовыми образованиями и реализуют свои полномочия с помощью правовых средств. Их задачи решаются через применение законодательства и строгое соблюдение права. Развитие юридической системы Европейского союза направлено на расширение области его регулирования, структурное разнообразие его норм и институтов. В рамках правовой системы ЕС существуют нормы, которые в российской юридической науке относятся к различным отраслям права: конституционному, административному, финансовому, гражданскому, трудовому, социальному обеспечению, а также банковскому, корпоративному, таможенному, процессуальному праву и другим.[9, с. 110-114]

Европейская интеграция опирается на основу права, которое объединяет участников и регулирует отношения между различными субъектами. Поэтому нельзя пренебрегать внутренними механизмами функционирования европейских объединений и распределением компетенции между уровнями принятия решений. Важно понимать, что право ЕС является автономной системой права и ядром европейского правосознания.

В Протоколе к Амстердамскому договору страны Европейского союза четко определили свою точку зрения на данную проблему. В нем подчеркивается, что принципы субсидиарности и пропорциональности должны учитывать общие цели и принципы Договора, включая сохранение достижений Сообщества и равновесие между институтами. Важно отметить, что эти принципы не должны нарушать принципы, развиваемые Судом, касающиеся соотношения национального права и права Сообщества. Также важным является учет статьи F(4) Договора о Европейском Союзе, которая утверждает, что Союз должен обеспечивать себя необходимыми средствами для достижения своих целей и успешной реализации своей политики.

Некоторые западноевропейские юристы считают, что развитие правовой интеграции в Европейском союзе представляет собой повторение исторического процесса, который происходил в Западной Европе в средние века. В то время на большей части этой территории действовало общее *jus commune*. Однако следует отметить существенное отличие между средневе-

ковым и современным «европейским» правом. В основе первого лежало римское право, которое было вновь «открыто» глоссаторами и их последователями. Современное «европейское» право в основном является результатом правотворческой деятельности органов Европейского союза, осуществляемой в пределах их компетенции и в соответствии с полномочиями, предоставленными им учредительными договорами [10, с.34-38].

Европейский союз осуществляет перераспределение полномочий в пользу новых надгосударственных органов с целью эффективного управления экономикой и другими аспектами общественной жизни. Политическая интеграция необходима для продвижения интеграционного процесса в различных направлениях. К началу 90-х годов ЕС принимал больше законодательных актов, чем многие его члены, и около 75-80% национальных законов принималось после консультаций с Европейской комиссией. Исследование показывает, что политическая интеграция в Европейском союзе способствует эффективному регулированию экономических и правовых вопросов и ускоряет интеграционный процесс.

В современном мире наблюдается стойкая тенденция к формированию всеобщей правовой культуры, проявляющейся в различных аспектах. Этому способствуют следующие факторы:

- утверждение универсального правового мышления, основанного на западных ценностях (приоритет прав человека, демократия, народный суверенитет и другие);
- развитие наднационального объективного права, такого как право Европейского Союза;
- формирование институтов наднационального политико-правового управления и регулирования;
- международная юридическая практика включает в себя разнообразные виды юридической деятельности, такие как правоотношения, правоприменение, правотворчество и другие аспекты.

В глобальном контексте происходит взаимное проникновение различных правовых культур и интеграционных процессов в политико-правовой сфере. Формирование общецивилизационной правовой культуры, не связанной с национальными особенностями, предполагает достижения человечества в области права. Это является основой для формирования наднациональной политико-правовой традиции, которая определяется как система отношений между настоящим и прошлым, включающая отбор, стереотипизацию и передачу правового опыта и стереотипов в рамках соответствующей правовой культуры.

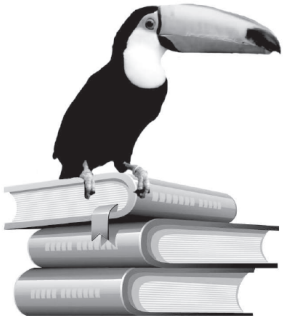
Список литературы:

- [1] Величко А.М. Нравственные и национальные основы права (сборник статей по философии и истории права). СПб., 2002.
- [2] Глобализация мирового хозяйства и национальные интересы России / Под ред. В.П. Колесова. М. 2002.
- [3] Иванов П.В., Луцкий В.В. Воспитание сотрудников на традициях органов внутренних дел: учебное пособие. СПб., 2002.
- [4] Керимов Д.А. Методология права: Предмет, функции, проблемы философии права. М., 2003.
- [5] Кефели И.Ф. Судьба России в глобальной геополитике. СПб., 2004.
- [6] Онишко В.Н. Парламентаризм и парламентское право в политико-правовой мысли дореволюционной России. М., 2003.
- [7] Саидов А.Х. Сравнительное правоведение (основные правовые системы современности). М., 2000.
- [8] Сморгунова В.Ю. Гражданское общество и формирование гражданских добродетелей: теоретико-правовые проблемы. СПб., 2004.
- [9] Шахрай С.М. Глобализация. Государство. Право: теоретико-методологические проблемы (вопросы теории и практики). Монография. М., 2003.
- [10] Ячменев Ю.В. Правда и закон. Из истории российского правоведения: Монография. СПб., 2001.

Spisok literatury:

- [1] Velichko A.M. Nravstvenny'e i nacional'ny'e osnovy` prava (sbornik statej po filosofii i istorii prava). SPb., 2002.
- [2] Globalizaciya mirovogo hozyajstva i nacional'ny'e interesy` Rossii / Pod red. V.P. Kolesova. M. 2002.
- [3] Ivanov P.V., Luczkin V.V. Vospitanie sotrudnikov na tradiciyax organov vnutrennix del: uchebnoe posobie. SPb., 2002.
- [4] Kerimov D.A. Metodologiya prava: Predmet, funkcii, problemy` filosofii prava. M., 2003.
- [5] Kefeli I.F. Sud'ba Rossii v global'noj geopolitike. SPb., 2004.
- [6] Onishko V.N. Parlamentarizm i parlament-skoe pravo v politiko-pravovoj my'sli dorevolucion-noj Rossii. M., 2003.
- [7] Saidov A.X. Sravnitel'noe pravovedenie (osnovny'e pravovy'e sistemy` sovremennosti). M., 2000.
- [8] Smorgunova V.Yu. Grazhdanskoe obsh-hestvo i formirovanie grazh-danskix dobrodetelej: teoretiko-pravovy'e problemy`. SPb., 2004.
- [9] Shaxraj S.M. Globalizaciya. Gosudarstvo. Pravo: teoretiko-metodologicheskie problemy` (voprosy` teorii i praktiki). Monografiya. M., 2003.
- [10] Yachmenev Yu.V. Pravda i zakon. Iz istorii rossijskogo pravovede-niya: Monografiya. SPb., 2001.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА И ПРАВООЩИТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Дата поступления рукописи в редакцию: 26.05.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.06.2025 г.

DOI: 10.24412/2224-9133-2025-5-42-46

КРИПОВИЧ Никита Денисович,
Студент Юридической школы ФГАОУ ВО
Дальневосточного федерального университета,
e-mail: kripovich.nd@dvfu.ru

БАРАНОВ Артём Дмитриевич,
Студент Юридической школы ФГАОУ ВО
Дальневосточного федерального университета,
e-mail: baranov.ad@dvfu.ru

ПАНОВ Иван Сергеевич,
Студент Юридической школы ФГАОУ ВО
Дальневосточного федерального университета,
e-mail: panov.is@dvfu.ru

Научный руководитель:
ОХОТНИКОВ Роман Андреевич,
И.о. заведующего кафедрой, кандидат юридических наук,
доцент кафедры Конституционного и административного права
Юридической Школы ФГАОУ ВО Дальневосточного
Федерального университета,
e-mail: okhotnikov.ra@dvfu.ru

ПРОБЛЕМА ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРИНЦИПА РАВНОГО ГРАЖДАНСТВА НА ТЕРРИТОРИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В статье анализируется реализация принципа равного гражданства в Российской Федерации (далее - РФ), акцентируя внимание на различиях в правовом статусе граждан по рождению и натурализованных граждан, особенно в контексте оснований прекращения гражданства для последних (например, за неисполнение обязанности по воинскому учету). Рассматривается позиция Конституционного Суда РФ, согласно которой прекращение гражданства натурализованных лиц является не лишением, а конституционно-восстановительной мерой, возвращающей лицо в исходное правовое состояние при несоблюдении условий приобретения гражданства.

Ключевые слова: гражданство РФ; принцип равного гражданства; приобретение гражданства; прекращение гражданства; натурализация; конституционно-восстановительные меры; Конституционный Суд РФ; правовой статус гражданина; воинский учет.

KRIPOVICH Nikita Denisovich,
Student of the Law School
of the Federal State Autonomous Educational Institution
of Higher Education of the Far Eastern Federal University

BARANOV Artyom Dmitrievich,
Student of the Law School
of the Federal State Autonomous Educational Institution
of Higher Education of the Far Eastern Federal University

PANOV Ivan Sergeevich,
Student of the Law School
of the Federal State Autonomous Educational Institution
of Higher Education of the Far Eastern Federal University

Scientific supervisor:
OKHOTNIKOV Roman Andreevich,
Acting Head of the Department, Candidate of Law,
Associate Professor, Department of Constitutional and Administrative Law
Law School of FSAEI HE Far Eastern Federal University

IMPLEMENTATION OF THE PRINCIPLE OF EQUAL CITIZENSHIP IN THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. *The article analyses the implementation of the principle of equal citizenship in the Russian Federation, focusing on the differences in the legal status of citizens by birth and naturalised citizens, especially in the context of the grounds for termination of citizenship for the latter (for example, for failure to fulfil the obligation of military registration). The article considers the position of the Constitutional Court of the Russian Federation, according to which the termination of citizenship of naturalised persons is not a deprivation, but a constitutional and restorative measure that returns the person to the original legal status in case of non-compliance with the conditions for acquiring citizenship.*

Key words: *citizenship of the Russian Federation; principle of equal citizenship; acquisition of citizenship; termination of citizenship; naturalisation; constitutional-restorative measures; Constitutional Court of the Russian Federation; legal status of a citizen; military registration.*

В правовой науке встречается определение понятия «Гражданство» в качестве совокупности правовых норм, в которых содержатся критерии принадлежности лица к определенному государству, а также порядок и условия приобретения и прекращения гражданства [1].

Согласно статье 6 Конституции Российской Федерации: «Гражданство Российской Федерации приобретается и прекращается в соответствии с федеральным законом, является единым и равным независимо от оснований приобретения.» Данный принцип закреплён и в статье 15 Всеобщей декларации прав человека: «Каждый человек имеет право на гражданство. Никто не может быть произвольно лишен своего гражданства или права изменить свое гражданство». Помимо этого, все граждане РФ имеют равные права и несут равные обязанности, а самое главное - ни один гражданин не может быть лишён гражданства или права изменить его.

При рассмотрении определения, данного выше, в его взаимосвязи со ст. 6 Конституции РФ возникает правовая проблема, связанная с принципом равного гражданства, поскольку условия и порядок приобретения и прекращения гражданства у разных категорий лиц значительно различаются, их правовые статусы дифференцируются. Различие в правовом положении граждан может вызвать ощущение неправопорядка, зависящее от способа приобретения гражданства РФ.

Следует начать с того, в статье 12 Федерального закона (далее - ФЗ) «О гражданстве

Российской Федерации» перечислены основания приобретения гражданства РФ, в числе которых:

- 1) Приобретение гражданства РФ по рождению;
- 2) Приобретение гражданства РФ в результате приема в гражданство Российской Федерации;

Приобретение гражданства РФ совершеннолетним и дееспособным лицом с гражданством иностранного государства или без гражданства возможно при наличии условий, закреплённых в статье 15 ФЗ «О гражданстве Российской Федерации»:

1. Обязанность соблюдать Конституцию и законы РФ
2. Обязанность принести присягу гражданина РФ
3. Соответствие критериям, указанным в соответствующей статье ФЗ «О Гражданстве Российской Федерации».

Лица, принимаемые в гражданство, должны соблюдать данные требования в совокупности. В то время, как обязанность принести присягу исполняется единообразно, а критерии удовлетворяются путём сдачи определённых экзаменов, обязанность соблюдать Конституцию и законы РФ сохраняется за вновь принятым гражданином, лежит бременем на протяжении всей его жизни, так как данная обязанность, помимо ФЗ «О гражданстве Российской Федерации», закреплена также в части 2 статьи 15 Конституции РФ.

Статья 22 Федерального закона «О гражданстве Российской Федерации» содержит в себе основания прекращения гражданства РФ, в число которых, помимо прочего, входит сообщение заведомо ложных сведений соблюдать Конституцию и законы РФ, которое может выражаться в:

- 1) Совершении преступления;
- 2) Совершение действий, создающих угрозу национальной безопасности РФ;
- 3) Неисполнение обязанности по первоначальной постановке на воинский учёт.

А также в соответствии с п.3 статьи 22 ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» к основаниям прекращения гражданства относится установление факта представления лицом поддельных, подложных или недействительных документов либо сообщения им заведомо ложных сведений, на основании которых принималось решение о приеме в гражданство Российской Федерации или решение о признании гражданином Российской Федерации;

Таким образом, для вновь принятого гражданина обязанность по соблюдению Конституции и законов РФ означает законность факта приёма его в гражданство, а нарушение данной обязанности является основанием для прекращения гражданства РФ. На первый взгляд, данная ситуация может быть расценена, как нарушение принципа устойчивости гражданства, поскольку государство «не может быть инициатором прекращения отношения состояния лица в гражданстве, так как в Конституции РФ закреплено, что гражданин РФ не может быть лишен своего гражданства или права изменить его» [2].

Явным различием правовых статусов граждан, выступает возможность применения конституционно-восстановительных мер исключительно в отношении натурализованных лиц, в то время как меры административной ответственности за неисполнение обязанности по первоначальной постановке на воинский учет распространяются на всех граждан РФ.

Пример такой конституционно-восстановительной меры содержится в отчёте Управления по вопросам миграции ГУ МВД России по городу Москва: «В ходе взаимодействия с Военным комиссариатом города Москвы полицейские выявили двоих мужчин, граждан Российской Федерации, которые не встали на первоначальный воинский учет в течение двух недель», как это предусмотрено Федеральным законом «О воинской обязанности и военной службе». В отношении указанных лиц приняты решения о прекращении гражданства Российской Федерации. Ранее выданные им паспорта граждан Российской Федерации изъяты и признаны недействительными. Нарушители были лично уведомлены о принятых решениях. Им сообщили о необходимо-

сти покинуть страну в связи с прекращением законных оснований для нахождения на территории Российской Федерации.»

Также, согласно отчёту пресс-службы управления МВД России по Хабаровскому Краю, в отношении троих натурализованных граждан было принято решение об отмене приёма в российское гражданство, т. к. они не были поставлены на воинский учёт:

«Данными гражданами не исполнена обязанность по первоначальной постановке на воинский учет. УМВД России по Хабаровскому краю на основании подпункта «в» пункта 2 части 1 статьи 22 Федерального закона от 28 апреля 2023 г. № 138-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» вынесены решения о прекращении гражданства Российской Федерации в отношении нарушителей. Они были лично уведомлены о принятых решениях».

Стоит упомянуть, что в прежнем Федеральном законе «О гражданстве Российской Федерации» от 31.05.2002 N 62-ФЗ, отмена решения о приёме в российское гражданство на основании сообщения заведомо ложных сведений в отношении обязательства соблюдать Конституцию и законы РФ хоть и являлось отдельным основанием прекращения гражданства РФ [3], но в данное основание законодатель включал исключительно совершение преступлений, перечисленных в ст. 22 предыдущего ФЗ. Но в новом ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» перечень заведомо ложных сведений расширили, включив в него неисполнение обязанности по первоначальной постановке на воинский учёт, а также совершение действий, создающих угрозу национальной безопасности РФ, что позволяет применять меры конституционно-правовой ответственности в отношении большего круга нарушителей.

Поскольку Конституционный Суд РФ на текущий момент не давал специальных разъяснений по нормам о прекращении гражданства РФ, содержащимся в п. 2 ст. 22 ФЗ от 28 апреля 2023 года № 138-ФЗ, на нововведенные сведения из пп. «б» и «в» распространяется логика законодателя, как на единое основание прекращения гражданства, существовавшее и в предыдущем ФЗ. Руководствуясь единой правовой природой данных законов, можно сделать вывод, что акты толкования Конституционного Суда РФ распространяются как на предыдущий, так и на действующий законы.

Согласно определению Конституционного Суда РФ от 11 февраля 2021 года, институт прекращения гражданства не нарушает принцип равного гражданства», закреплённый в Конституции РФ, поскольку, согласно статье 6, лишение законно приобретенного гражданства РФ недопустимо. Но как пишет Конституционный Суд РФ:

«Отмена же решения о приеме лица в российское гражданство, когда после его вынесения выявлен факт невыполнения этим лицом установленных законом условий приобретения гражданства, не является лишением гражданства, а представляет собой конституционно допустимую меру, при том, что решение уполномоченного органа об отмене решения о приеме в гражданство не носит произвольный характер.»

Сущность конституционно-восстановительных мер раскрывается в этом же определении Конституционного Суда РФ:

Во-первых, сама мера предполагает, что лицо, которое приобрело гражданство в нарушение законодательно установленных условий, без достаточных оснований, возвращается в правовое состояние, предшествовавшее гражданству РФ, то есть происходит реституция между государством и лицом, незаконно вступавшим в гражданство. Поскольку обязательство не нарушать Конституцию и законы РФ носит длящийся характер, его нарушение, вне зависимости от срока, означает несоблюдение условий для приёма иностранного лица в гражданство РФ, указанных в статье 15 ФЗ «О гражданстве Российской Федерации».

Во-вторых, целевое назначение норм о прекращении гражданства заключается как в восстановлении нормального состояния конституционно-правовых отношений, так и в наступлении неблагоприятных последствий для лица, нарушившего норму конституционного права [4].

В-третьих, решение принимается публичным органом власти при наличии судебного решения об установлении Судом факта сообщения им заведомо ложных сведений, на основании которых принималось решение о приеме в гражданство РФ или решение о признании гражданином РФ или представления лицом поддельных, подложных или недействительных документов, т. е. носит не произвольный, а законный характер.

Необходимо отметить, что обязанность по постановке на воинский учёт с 08.08.2024 распространяется не только на лиц, принимаемых в гражданство, но и уже принятых, поскольку обязанность по соблюдению Конституции и законов РФ носит длящийся характер, а применение новой редакции норм ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» только к тем, кто приобрел гражданство после ее вступления в силу, необоснованно поставит таких лиц в неравное положение с теми, кто стал гражданином России раньше, - такой вывод мы сделали на основании определения Конституционного Суда РФ от 11 февраля 2021 года.

Соответственно, основание для отмены решения о приёме в гражданство при несоблю-

дении требований по постановке на воинский учёт также распространяется на граждан, принятых в гражданство до введения в действие новой редакции, поскольку конституционно-восстановительная мера не является применением норм, содержащих уголовное или административное наказание, а восстанавливает изначальный законный порядок отношений между лицом и государством. Таким образом, обратная сила в данном случае неприменима.

Как было сказано выше, в принцип равного гражданства вкладывается 2 критерия: во-первых, все граждане государства равны перед Законом независимо от происхождения, расовой и национальной принадлежности, вероисповедания, образования, языка, политических и иных убеждений, рода занятий, места жительства [5]. Во-вторых, граждане обладают в равной мере правами, свободами, несут обязанности, вытекающие из российского законодательства [6]. Поскольку основание прекращения гражданства напрямую закреплено в законе и не влияет на объём прав и обязанностей граждан, мы можем сделать вывод, что процедура приёма в гражданство и его прекращения находится вне правового статуса лица, а значит, не охватывается принципом равного гражданства.

Таким образом, новая редакция ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» не противоречит принципу равного гражданства, дифференциация прав и обязанностей в зависимости от способа приобретения гражданства обосновывается изначально различными отношениями между лицом и государством, а новая редакция норм законодательства о гражданстве РФ позволяет сбалансировать права граждан путём уравнивания их обязанностей.

Список литературы:

- [1] Гражданство Российской Федерации: учеб. пособие / М. С. Савченко, В. Н. Опарин, Е. Г. Петренко. – Краснодар: КубГАУ, 2018. – 146 с.
- [2] Петренко Н.И., Ровенская А.С. Некоторые аспекты института гражданства в Российской Федерации // Марийский юридический вестник. 2017. №2 (21).
- [3] Коновалов Д. Д. Прекращение гражданства как мера конституционно-правовой ответственности // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2024. №3.
- [4] Володько И. А. Виды мер конституционно-правового принуждения // Вестн. Омского ун-та. Сер. Право. 2014. № 3 (40). С. 58.
- [5] Шахрай С.М. Конституционное право Российской Федерации: Учебник для академического бакалавриата и магистратуры. 4-е изд., изм. и доп. — М. Изд-во «Статут», 2017. — 624 с.

[6] Конституционное право России. Учебный курс: учеб. пособие: в 2 т./ С. А. Авакьян. — 5е изд., перераб. и доп. — М.: Норма ИНФРАМ, 2014

Spisok literatury:

[1] Grazhdanstvo Rossijskoj Federacii: ucheb. posobie / M. S. Savchenko, V. N. Oparin, E. G. Petrenko. — Krasnodar: KubGAU, 2018. — 146 s.

[2] Petrenko N.I., Rovenskaya A.S. Nekotorye aspekty instituta grazhdanstva v Rossijskoj Federacii // Marijskij yuridicheskij vestnik. 2017. №2 (21).

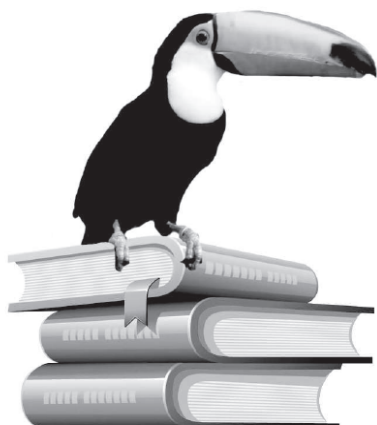
[3] Konovalov D. D. Prekrashchenie grazhdanstva kak mera konstitucionno-pravovoj otvetstven-

nosti // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11. Pravo. 2024. №3.

[4] Volod'ko I. A. Vidy mer konstitucionno-pravovogo prinuzhdeniya // Vestn. Omskogo un-ta. Ser. Pravo. 2014. № 3 (40). S. 58.

[5] Shahrj S.M. Konstitucionnoe pravo Rossijskoj Federacii: Uchebnik dlya akademicheskogo bakalavriata i magistratury. 4-e izd., izm. i dop. — M. Izd-vo "Statut", 2017. — 624 s.

[6] Конституционное право России. Учебный курс: учеб. пособие: в 2 т./ С. А. Авак'ян. — 5е изд., перераб. и доп. — М.: Норма ИНФРАМ, 2014

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

МИХАЙЛОВ Дмитрий Юрьевич,
Аспирант Юридического факультета ФГБОУ ВО
«Финансовый университет при Правительстве
Российской Федерации»,
e-mail: mih123654@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЗАЩИТЫ ПРАВ КРЕДИТОРОВ ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ МЕР ПО ВОССТАНОВЛЕНИЮ ПЛАТЕЖЕСПОСОБНОСТИ

Аннотация. Настоящая статья посвящена анализу существующей системы мер по восстановлению платежеспособности в реабилитационных процедурах банкротства. Основной акцент в рамках настоящего исследования сфокусирован на систематизации существующих в Законе о несостоятельности (банкротстве) в зависимости от способа законодательного регулирования. В статье также рассматриваются некоторые проблемы конкретных мер по восстановлению платежеспособности на примерах судебной практики, затрагиваются вопросы определения «мер по восстановлению платежеспособности» в системе конкурсного права России.

Ключевые слова: несостоятельность, банкротство, защита прав кредиторов, нарушения прав кредиторов, права кредиторов, меры по восстановлению платежеспособности, внешнее управление, финансовое оздоровление.

MIKHAILOV Dmitrii Yurievich.
post-graduate, Financial University
under the Government of the Russian Federation

PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF CREDITORS' RIGHTS PROTECTION IN THE IMPLEMENTATION OF THE RECOVERY MEASURES

Annotation. This article is devoted to the analysis of the existing system of measures to restore solvency in bankruptcy rehabilitation procedures. The main focus of this study is on the systematization of existing laws on insolvency (bankruptcy), depending on the method of legislative regulation. The article also examines some of the problems of specific measures to restore solvency using examples of judicial practice, and addresses the issues of defining "measures to restore solvency" in the Russian competition law system.

Key words: insolvency, bankruptcy, protection of creditors' rights, violations of creditors' rights, creditors' rights, recovery measures, external management, financial recovery.

Одним из возможных подходов к определению восстановления платёжеспособности, является его восприятие как дополнительной цели процедуры внешнего управления и финансового оздоровления, предполагающей достижение путем сохранения деятельности должника, ограничение прав кредиторов в отношении исполнении обязательств должника, ограничение юридической правоспособности должника.

Однако, следует отметить, что дискуссия о соотношения указанной цели процедур банкротства с целью наиболее полного удовлетворения требований кредиторов, является актуальной. Так, например, А.Ф. Маликов, считает данные

цели взаимодополняющими в рамках реабилитационных процедур [1].

По мнению Л.Ю. Грудцыной: «Российское законодательство о банкротстве ставит сразу три цели: попытку сохранить бизнес у должника посредством проведения реабилитационных (реорганизационных) процедур, сохранение бизнеса вообще (вне зависимости от будущего собственника бизнеса) и исключение недобросовестных субъектов из гражданского оборота» [2]

В противовес ему, вторым из подходов к толкованию восстановления платежеспособности в рамках дела о банкротстве является «узкий подход», при котором меры по восстановлению платёжеспособности воспринимаются в строгом

смысле как ряд мероприятий, предусмотренных статьей 105.13 Закона о банкротстве [3] и направленных на реабилитацию должника, то есть возвращение его к обычной хозяйственной деятельности.

В науке конкурсного права есть разные точки зрения на классификацию мер по восстановлению платёжеспособности.

Один из вариантов классификации предлагает Е. Л. Налбандян: в зависимости от того, когда их можно применять: «Универсальные (меры, которые применимы при любом соотношении обязательств должника и его активов, они имеют широкий охват применения, отличаются простотой и гибкостью) и исключительные (имеют ограниченное применение и требуют наличие ряда обстоятельств таких как состав кредиторов или имущества должника)» [4].

В зависимости от источника финансирования, классификация мер возможна как «мер, осуществляемых за счет должника, (путем сокращения затрат и повышения эффективности его деятельности) и осуществляемых за счет средств других лиц (участники либо третьи лица)» [5].

А.Ф. Маликов, говоря о восстановлении платёжеспособности в целом предлагает «выделение реорганизационный (реструктуризационный) механизм восстановления платёжеспособности, который направлен на достижение цели сохранения предприятия (бизнеса), который отличается по своему содержанию от традиционного восстановительного механизма» [1].

Каждый из указанных подходов к классификации восстановительных мер раскрывают различные аспекты их применения, однако классификация мер по восстановлению платёжеспособности в зависимости от способа правового регулирования отсутствует.

Легальное закрепление мер по восстановлению платёжеспособности должника предусмотрены статьей 109 Закона о Банкротстве. Перечень мер является открытым, последний абзац данной статьи предусматривает возможность применения «иных мер по восстановлению платёжеспособности» то есть закладывает диспозитивное регулирование.

Такой диспозитивный подход к регулированию даёт возможность участникам конкурсного процесса самим выбирать определённые действия после анализа финансового положения должника. Но указывая в статье о конкретные меры, законодатель прямо указывает на их правомерность и мотивирует к их применению должника и кредиторов, подчеркивает их приоритетность.

Для большинства мер законодатель и вовсе предусмотрел отдельные статьи в Законе о бан-

кротстве, а именно: продажа предприятия должника, продажа части имущества должника, уступка прав требования должника, исполнение обязательств должника учредителями (участниками) либо третьими лицами, замещение активов должника; размещение дополнительных обыкновенных акций имеют более детализированное регулирование.

При этом, часть мер по восстановлению платёжеспособности в том числе: перепрофилирование производства, закрытие нерентабельных производств, взыскание дебиторской задолженности, увеличение уставного капитала должника за счет взносов участников и третьих лиц не были урегулированы в отдельных статьях, а лишь перечислены в перечне мер.

Анализируя данные положения главы VI Закона о Банкротстве, можно справедливо обозначить следующие вопросы:

- 1) По какому принципу Законодателем были выбраны конкретные меры по восстановлению платёжеспособности, обособленные от неопределенного множества хозяйственных операций и сделок, включаемых в «иные мер»
- 2) Почему для ряда мер из числа обособленных, не предусмотрено отдельное регулирование в виде самостоятельной статьи Закона о банкротстве

Вопросы систематизации различных норм и институтов конкурсного права заслуживают отдельного внимания в доктрине конкурсного права.

Так, например, систематизация прав кредиторов, по принципу их исключительного (ограниченного) применения в рамках одной из процедур, либо в рамках нескольких процедур является значимой в целях поиска способов защиты, применимых к одной процедуре в рамках иных процедур банкротства.

Представляется возможным систематизация мер по восстановлению платёжеспособности, аналогично систематизации прав кредиторов по принципу основного интереса стороны в реабилитационных процедурах. Подобный подход дает нам представление о том, чьим правам (должника или кредиторов) представлено большее благоприятствование, и в чью сторону смещается баланс интересов в деле о банкротстве при применении конкретной меры.

В рамках данной статьи, систематизируя полученное нами представление в форме классификации мер по восстановлению платёжеспособности в зависимости от способа законодательного регулирования, мы можем сделать вывод, о том, что текущая система, регулирующая меры по восстановлению платёжеспособности, выглядит следующим образом:

1. Урегулированные (детализированные) меры — это та часть мер по восстановлению платежеспособности, которая имеет обособленное правовое регулирование в отдельных статьях Закона о Банкротстве, в качестве примера – продажа предприятия должника, порядок применения которой детально урегулирован статьей 110 Закона о Банкротстве.

Соответствующая статья закрепляет легальное определение «предприятия должника» для целей Банкротства, уполномочивает исполнительные органы должника на заключения соглашений о «продаже предприятия», регламентирует виды имущества, подлежащие продаже, обязательства, не подлежащие продаже и самое главное – содержит изложенный в двадцати подпунктах, глубоко регламентированный порядок продажи предприятия начиная от формы торгов, заканчивая сроками, правами и обязанностями участников торгов и т.д.

Такая группа мер по восстановлению платежеспособности имеет преимущество перед остальными мерами, поскольку законодатель напрямую установил их правомерность и соответствие целям процедуры внешнего управления, а также предоставил участниками дела о банкротстве разумный и понятный порядок их реализации, соблюдение которого должно исключать возможность их оспаривания.

Несмотря на наличие урегулированного порядка применения таких мер, он не является панацеей. В частности, можно констатировать значительный объем недостатков правового регулирования меры «исполнение обязательств должника третьим лицом или учредителем» (статья 113 Закона о банкротстве). Основным из них является прекращение дела о банкротстве при наличии непогашенных требований по текущим платежам, и кредиторов, не включенных в реестр вне процедуры банкротства.

В судебной практике имеются дела [6], [7] в которых реального восстановления платежеспособности при подобном прекращении дела также не наступает. У организации-бывшего должника, по-прежнему сохраняется задолженность перед кредиторами, чьи требования не успели рассмотреть к моменту погашения.

Подробное регулирование данных мер, как наиболее радикальных для должника и значительно влияющих на статус кредиторов в деле о банкротстве, также вытекает из комплексного характера отрасли конкурсного права, наличия у должника обязательств публично-правового характера и трудовых отношений.

2. Поименованные меры – это та часть мер, которые лишь упомянуты как возможные для включения в план внешнего управле-

ния, однако не содержат правового механизма их реализации, например – «закрытие нерентабельных производств»

Понятия «производство», «перепрофилирование» «нерентабельное производство», порядок определения достаточного уровня рентабельности, применимые для этих целей показатели рентабельности не имеют закрепления в Законе о Банкротстве. Более того общественные отношения, предполагаемые к регулированию в рамках данной меры по восстановлению платежеспособности, носят ярко выраженный экономический характер и не могут применяться без закрепления их в нормах права.

Подход законодателя к простому перечислению операций закладывает правоприменительные проблемы, связанные с затруднением отнесения тех или иных хозяйственных операций к «перепрофилированию» или же «закрытию нерентабельных производств» и в конечном итоге приводящим к потенциальному оспариванию плана внешнего управления или действий внешнего управляющего, относимым к данным мерам, а как следствие ставит под угрозу достижение целей процедуры внешнего управления.

Примечательна позиция С.А. Денисова, приведенная им в качестве рационализации выборочного подхода к регулированию мер по восстановлению платежеспособности. Согласно указанной позиции, норма статьи 109 Закона о Банкротстве не закладывает регулирование таких мер как «перепрофилировании производства» и «закрытие нерентабельных производств», поскольку: «эти меры сами по себе не связаны с распоряжением имуществом должника в юридическом смысле» [5].

У нас нет оснований полагать, что этот критерий является ключевым для определения отсутствия необходимости отдельного регулирования в отдельной статье. Это объясняется следующим:

Во-первых, Закон о банкротстве подробно описывает другие меры, которые не предполагают распоряжение имуществом должника. Например, погашение учредителем (участником) либо третьими лицами задолженности должника по обязательным платежам – статья 112.1, исполнение обязательств должника учредителем (участником) либо третьими лицами – статья 113, размещение дополнительных обыкновенных акций должника – статья 114.

Во-вторых, законодатель не уделяет особого внимания отдельной статье и для таких мер, как взыскание дебиторской задолженности, которая явно подразумевает распоряжение имущественными правами должника.

В-третьих, в отсутствие законодательного закрепления понятий перепрофилировании производства и закрытии нерентабельных произ-

водств невозможно сделать однозначный вывод о том, происходит ли при данных операциях какое-либо распоряжение имуществом должника.

Таким образом, вопрос о возможности выделения новых мер по восстановлению платежеспособности из числа иных и детализация уже существующих, поименованных, но нерегламентированных мер является актуальным для доктрины конкурсного права

3. Иные (непоименованные) меры - значительная часть мер, вовсе не поименована в Законе о банкротстве. Представляется, что любые правомерные действия, направленные на восстановление платежеспособности должника, предпринимаемые участниками дела о банкротстве и прямо не указанные в статье 109 Закона о Банкротстве, входят в число иных мер.

Вопросы правомерности применения и порядка их реализации предоставлены субъектам конкурсного процесса, путем диспозитивного закрепления возможности применения «иных мер».

Диспозитивный подход к регулированию мер по восстановлению платежеспособности сочетает в себе как положительные, так и отрицательные аспекты. Среди отрицательных, не только уже обозначенная нами ярко выраженная правовая неопределенность в регулировании части мер, но также и неопределенность круга хозяйственных операций, которые теоретически можно считать направленными на восстановление платежеспособности.

Оценка отнесения конкретных хозяйственных операций и сделок к непоименованным мерам по восстановлению платежеспособности является прерогативой арбитражного управляющего, собрания кредиторов и должника в рамках утверждения плана внешнего управления, а в случае возникновения споров относительно их правомерности либо порядка реализации - прерогативой арбитражных судов.

На наш взгляд существующая конструкция содержит в себе изъяны, способные привести к нарушению прав кредиторов должника, как со стороны самого должника, так и в аспекте нарушения прав миноритарных кредиторов перед мажоритарным. Указанные недостатки системы мер по восстановлению платежеспособности, также являются отражением природы происхождения нарушения прав кредиторов, вытекающей из нарушения принципов конкурсного права, а именно баланса интересов должника и кредиторов, а также равенства кредиторов.

Отмечая недостатки существующей правовой системы «мер по восстановлению платежеспособности», следует также и отметить и избы-

точное употребление экономической терминологии, не урегулированной соответствующими нормами права. Данную проблему, применительно ко всему Закону о Банкротстве упоминает С.А. Кузнецов [8], приводя примеры соответствующей терминологии: «активы должника», «финансовое состояние» и так далее.

Нельзя игнорировать и отсутствие легальной дефиниции и для мер по восстановлению платежеспособности, например, таких как «перепрофилирование производства» и «закрытие нерентабельных производств».

Существующая проблема заключается в том, что данные меры по восстановлению платежеспособности не имеют правового регулирования, а значит, не установлен порядок и пределы их применения, а также возможность юридической оценки конкретных хозяйственных операций и сделок в качестве мер по восстановлению платежеспособности.

Эти недостатки снижают эффективность использования таких нерегламентированных мер и эффективность реабилитационных процедур в целом.

Кроме того, такая ситуация создает риски, связанные с невозможностью восстановления платежеспособности и снижением эффективности процедуры внешнего управления.

Отсутствие конкретной регламентации мер по восстановлению платежеспособности, наряду с широтой судебного усмотрения при утверждении плана внешнего управления увеличивает уязвимость плана внешнего управления для оспаривания и ставит под угрозу возможность введения самой процедуры внешнего управления.

Список литературы:

- [1] Маликов, А.Ф. Правовое регулирование реабилитационных процедур несостоятельности (банкротства): Специальность 12.00.03 – гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право: диссертация на соискание степени кандидата юридических наук / Маликов А.Ф. – Москва, 2017. – 220 с
- [2] Грудцына, Л.Ю. Новый Закон «О несостоятельности (банкротстве)» / Л.Ю. Грудцына – Москва: Адвокат. – 2003. – 21 с.
- [3] Российская Федерация. Законы. Федеральный закон от 26.10.2002 №127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – №43. – Ст. 4190.
- [4] Налбандян, Е.Л. Мировое соглашение как реабилитационная процедура в делах о несостоятельности (банкротстве): Специальность 12.00.03 – гражданское право; предприниматель-

ское право; семейное право; международное частное право: диссертация на соискание степени кандидата юридических наук / Налбадян Е.Л. – Санкт-Петербург, 2023. – 220 с.

[5] Научно-практический комментарий (постатейный) к Федеральному закону «О несостоятельности (банкротстве)» / С.Е. Андреев, В.В. Витрянский, С.А. Денисов и др.; под ред. В.В. Витрянского. М.: Статут, 2003. 1037 с.

[6] Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 08.04.2024 N Ф01-934/2024 по делу N A29-2445/2021

[7] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 24.05.2024 N 306-ЭС21-14236(6) по делу N A57-27583/2019

[8] Кузнецов С.А. Основные проблемы правового института несостоятельности (банкротства): монография. М.: Инфотропик Медиа, 2015. 304 с.

Spisok literatury:

[1] Malikov, A.F. Pravovoe regulirovanie reabilitacionnyh procedur nesostoyatel'nosti (bankrotstva): Special'nost' 12.00.03 – grazhdanskoe pravo; predprinimatel'skoe pravo; semejnoe pravo; mezhdunarodnoe chastnoe pravo: dissertaciya na soiskanie stepeni kandidata yuridicheskikh nauk / Malikov A.F. – Moskva, 2017. – 220 s

[2] Grudcyna, L.Yu. Novyj Zakon «O nesostoyatel'nosti (bankrotstve)» / L.Yu. Grudcyna – Moskva: Advokat. – 2003. – 21 s.

[3] Rossijskaya Federaciya. Zakony. Federal'nyj zakon ot 26.10.2002 №127-FZ «O nesostoyatel'nosti (bankrotstve)» // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. – 2002. – №43. – St. 4190.

[4] Nalbandyan, E.L. Mirovye soglasenie kak reabilitacionnaya procedura v delah o nesostoyatel'nosti (bankrotstve): Special'nost' 12.00.03 – grazhdanskoe pravo; predprinimatel'skoe pravo; semejnoe pravo; mezhdunarodnoe chastnoe pravo: dissertaciya na soiskanie stepeni kandidata yuridicheskikh nauk / Nalbandyan E.L. – Sankt-Peterburg, 2023. – 220 s.

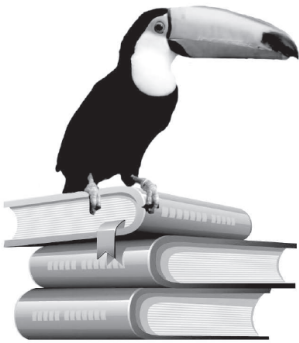
[5] Nauchno-prakticheskij kommentarij (postatejnyj) k Federal'nomu zakonu «O nesostoyatel'nosti (bankrotstve)» / S.E. Andreev, V.V. Vitryanskij, S.A. Denisov i dr.; pod red. V.V. Vitryanskogo. M.: Statut, 2003. 1037 s.

[6] Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Volgo-Vyatskogo okruga ot 08.04.2024 N F01-934/2024 po delu N A29-2445/2021

[7] Opredelenie Sudebnoj kollegii po ekonomicheskim sporam Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 24.05.2024 N 306-ES21-14236(6) po delu N A57-27583/2019

[8] Kuznecov S.A. Osnovnye problemy pravovogo instituta nesostoyatel'nosti (bankrotstva): monografiya. M.: Infotropik Media, 2015. 304 s.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

БЕГИЧЕВА Елена Вячеславовна,
судья в отставке, старший преподаватель
Института кибербезопасности и цифровых технологий
Российского технологического университета «МИРЭА»,
e-mail: sherlen.new@gmail.com

ПАПОНОВ Денис Кириллович,
студент института кибербезопасности и цифровых технологий
Российского Технологического Университета «МИРЭА»,
e-mail: paponov.denis@gmail.com

СКАРИНИНА Анна Юрьевна,
Студент института кибербезопасности и цифровых технологий
Российского Технологического Университета «МИРЭА»,
e-mail: anskara@yandex.ru

ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА ЖЕРТВ НАСИЛИЯ В СЕМЬЯХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В статье рассматриваются аспекты защиты жертв насилия в семьях РФ. Анализируются существующие нормативно-правовые акты, а также зарубежный опыт, регулирующие вопросы профилактики семейно-бытового насилия, оказания помощи пострадавшим. Выявляются проблемы и недостатки действующего законодательства, препятствующие эффективной защите прав жертв насилия. Предлагаются конкретные рекомендации по совершенствованию законодательства и НПА, направленные на предотвращение подобных преступлений.

Ключевые слова: семейно-бытовое насилие, семья, насилие, жертва, законопроект, профилактика, правовая защита семьи.

BEGICHEVA Elena Vyacheslavovna,
retired judge, senior lecturer at the Institute
of Cybersecurity and Digital Technologies
of the Russian Technogical University "MIREA"

PAPONOV Denis Kirillovich,
student of the Institute
of Cybersecurity and Digital Technologies
of the Russian Technogical University "MIREA"

SKARININA Anna Yurievna,
student of the Institute
of Cybersecurity and Digital Technologies
of the Russian Technogical University "MIREA"

LEGAL PROTECTION OF VICTIMS OF DOMESTIC VIOLENCE IN THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. The article discusses aspects of protection of victims of domestic violence in the RF. The article analyzes existing regulatory legal acts, as well as foreign experience regulating the prevention of domestic violence and assistance to victims. The problems and shortcomings of the current legislation that hinder the effective protection of the rights of victims of violence are identified. Specific recommendations are proposed for improving legislation and regulations aimed at preventing such crimes.

Key words: domestic violence, family, violence, victim, bill, prevention, legal protection.

Проблема семейно-бытового насилия в Российской Федерации не перестаёт утрачивать свою актуальность, востребованность и необходимость в огласке, ввиду влияния на различные общественные институты, и непосредственно на институт семьи.

В ч. 2 ст. 21 Конституции РФ прямо указано: «Никто не должен подвергаться пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию. Никто не может быть без добровольного согласия подвергнут медицинским, научным или иным опытам» [1]. Это даёт понимание того, что любые насильственные действия наказуемы, но семейно-бытовое насилие – тоже насилие, не подлежащее умалению в значительности.

Существующий проект Федерального Закона «О профилактике семейно-бытового насилия в Российской Федерации», направленный на создание эффективной и комплексной системы профилактики и противодействия семейно-бытовому насилию, где основным принципом является защита прав и законных интересов жертв насилия и нацеленность на предотвращение новых случаев насилия в семьях. Отсутствие чёткого законодательного регулирования способствует росту числа актов применения физической силы в семьях. Законопроект предполагает урегулирование общественных отношений, возникающих в сфере профилактики семейно-бытового насилия в РФ, определения полномочий субъектов и формы профилактического воздействия.

Безусловно, пробел в данной области и непринятие соответствующего НПА, каким бы мог быть указанный выше Федеральный Закон, оказывают влияние и на психологическую оценку общества относительно подобных ситуаций. Наиболее уязвимые категории населения, женщины, не видят необходимости обращения в органы исполнительной власти, опираясь на мысль о «самотёчном» разрешении проблемы. Также определённой причиной, побуждающих жертв сомневаться в том, стоит ли придавать огласке происходящего или произошедший акт семейно-бытового насилия, является безынициативность уполномоченных на то инстанций.

В подтверждение наших слов хотим привести небольшую сводку статистических данных «С 2011 по 2019 года 66% убитых женщин стали жертвами домашнего насилия, то есть погибли от рук партнеров или родственников, которые до этого систематически применяли насилие по отношению к ним. С 2020 по 2021 года во время пандемии и режима самоизоляции уровень домашнего насилия среди приговоров за убийство женщин поднялся до 71%. С 2022 по 2023 года 67% убитых женщин стали жертвами домаш-

него насилия. Всего с 2011 по 2023 год в приговорах 17 173 случаев, когда женщины стали жертвами домашнего насилия» [5]. Приведенные данные являются подтверждением для принятия срочных мер по недопущению случаев домашнего насилия, а также это свидетельствует о критической потребности в комплексном правовом и социальном регулировании. Необходимо принять вышеупомянутый Федеральный Закон «О профилактике семейно-бытового насилия в Российской Федерации» и наряду с этим повысить квалификацию сотрудников для эффективного выявления и пресечения подобного рода инцидентов.

РФ является многоконфессиональной страной, что подтверждает неумолимое влияние религии на общественное мнение. Несмотря на большое количество вероисповеданий, самой распространенной религией на территории РФ является православие. РПЦ служит источником мнения для общественности, приверженной к религии, и высказывания служителей могут стать своего рода «фундаментом», заложенным в мыслях верующих.

Тема данной научной статьи не осталась без внимания председателя Патриаршей комиссии по вопросам семьи, защиты материнства и детства иерей Федора Лукьянова. На пресс-конференции, посвящённой Дню защиты детей, он выразил своё мнение, касающееся федеральной программы по борьбе с домашним насилием: «Это уже 48-я попытка продвинуть этот сомнительный международный документ, который фактически сегодня спускается сверху из международных организаций, из стран коллективного Запада, с которыми у нас существует сегодня противостояние, в том числе в области духовно-нравственных ценностей... Те, кто пытается объявить семью источником насилия, работают на западные глобалистские структуры, чтобы они не говорили о якобы защите женщин. Женщин уже защищает УК РФ» [6]. Бесспорно, мы считаем, что данное мнение некорректно, и не в полной мере отражает объём затронутой нами проблемы, и, в свою очередь, оно также может дать не совсем чёткое и полноценное представление о срочной необходимости её разрешения. Относительно части цитаты, в которой Ф. Лукьянов упоминает ненужность принятия иных НПА, так как женщины и так находятся под защитой уголовного законодательства, мы хотели бы выразить своё несогласие. УК РФ обозначает своими задачами охрану прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка и общественной безопасности, окружающей среды, конституционного строя Российской Федерации от преступных посягательств, обеспечение мира и безопасности человечества, а также предупреждение преступлений [2]. Данный зако-

нопроект, будет регулировать отношения, связанные с конкретными правонарушениями, а именно с актами домашнего насилия.

Обращая внимание на понимание термина «домашнее насилие», нельзя не упомянуть религию ислам, так как она занимает второе место по численности верующих в РФ. В регионах с преобладанием ислама прослеживается тенденция увеличения выявленных случаев домашнего насилия, в частности из-за святости традиций, таких как «убийства чести», убийство за «позор», «за аморальное поведение». Такие устои стимулируют процесс нормализации жестокого обращения с женщинами. Существующая статистика доказывает правдивость нашего высказывания - «Было проведено масштабное исследование, посвященное правам женщин, в четырех республиках Северного Кавказа: Чечне, Ингушетии, Дагестане и Кабардино-Балкарии. Один из вопросов, который задавали в 732 анкетах и 80 интервью, касался насилия в семье: «Знакомы ли вы лично с женщинами, которых регулярно избивает муж?». Утвердительно про родственников, подруг и соседок ответили 92,8% женщин в Чечне, 66,5% — в Дагестане, 27,6% — в Кабардино-Балкарии, 18,3% — в Ингушетии. От 71 до 86% женщин во всех четырех республиках отметили, что насилие совершается супругом. А свекровь в числе агрессоров назвали 21% в Кабардино-Балкарии и 33% в Чечне» [7]. Исследование показывает плачевность положения женщин, проживающих в южных регионах РФ. Но не только традиции и религия дают положительную оценку семейно-бытовому насилию.

В данном контексте невозможно не упомянуть аспект приверженности стереотипам как предпосылкам для принятия ситуаций домашнего насилия, как нормы. В нашей работе уже были упомянуты источники формирования мнения масс, но какие конкретно идеи продвигаются в народ самим обществом? Как этому можно противостоять с правовой точки зрения?

Самым известным, по нашему мнению, стереотипом является мысль о том, что насилие случается с определенным типом женщин. В реальности этот миф стигматизирует пострадавших от домашнего насилия. Он подразумевает, что женщины должны заранее распознавать агрессора. Ответственность полностью переносится на них, а обидчики исключаются из дискуссии на тему насилия.

Существование данной точки зрения можно поставить под сомнение, так как, в большинстве случаев, агрессор проявляет себя далеко не сразу. Свою истинную натуру он может показать спустя время, когда у его жертвы сформируется сильная эмоциональная привязанность.

Общественность поощряет эту мысль и порицает жертву за желание выйти из отношений, оправдывая это осознанностью выбора партнера либо наличием у пары детей. Когда насилие в семье – норма, дети тоже становятся жертвами. В таких случаях ребенку может быть нанесена непоправимая психологическая травма, которая непосредственно скажется в его будущем. Впоследствии, обретенная травма может привести к тому, что человек с большой вероятностью примет на себя «социальную роль» – агрессора или жертвы. «Детям нужен родитель, даже если он – обидчик» – данный стереотип не должен восприниматься как нечто собой разумеющееся, а, наоборот, должен указывать на необходимость тщательной оценки ситуации о безопасности и благополучия ребенка, а также на приоритет защиты прав и личных интересов ребенка и его психоэмоционального состояния.

Для эффективной борьбы в частности с данным стереотипом, и общей проблемой семейно-бытового насилия в целом, предлагается создание кризисных центров, которые закреплены статьей 22 Федерального закона «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» [4] для предоставления социальных услуг жертвам. К ним могут относиться как меры юридической, социальной или психологической помощи: консультации, терапии, специализированные психологические программы, так и способы иного взаимодействия, способствующие реабилитации лиц, подвергшимся негативному воздействию со стороны партнера.

Реализация кризисных центров представляет многогранную картину, где переплетаются государственные и некоммерческие инициативы. Пострадавшие сами обращаются в организацию, узнав о центрах из интернета, от знакомых, известных людей, которые хотят помочь жертве, а также могут направлять правоохранительные органы. Им предоставляется бесплатное временное жилье, прохождение курсов по финансовой грамотности, профессиональной переподготовкой и может быть предложена индивидуальная программа. После выписки над жертвами продолжают присматривать и оказывать дальнейшую поддержку и адаптацию к самостоятельной жизни. В субъектах подход к кризисным центрам очень схож с городами федерального значения. Люди, испытавшие насилие и обратившиеся в кризисные центры, помогают осознать происходящее и вернуться к умеренной жизни. Региональные центры часто сталкиваются с меньшим финансированием и ограниченной инфраструктурой, в отличие от Москвы. Полностью искоренить крепко устоявшиеся в обществе мысли –

невозможно. Но поднимая уровень информированности о работе данных органов помощи и поддержки, а также благодаря публикации возможной положительной статистики их работы мы сможем повысить уровень доверия граждан к ним, тем самым сокращая поток идей относительно нормализации бытового насилия. Мы хотим донести, что огромное количество факторов побуждают агрессоров применять насилие. Но ни один из них не оправдывает такое поведение.

В целях совершенствования системы защиты жертв семейно-бытового насилия, важно изучить опыт Франции, в которой очень активно развивается семейное законодательство в области защиты прав женщин. Гражданский кодекс Франции (Кодекс Наполеона) включает в себя титул «О мерах защиты лиц, подвергающихся насилию». Для регулирования отношений, связанных с сожительством существует статья 519-9, в которой закреплено: «Если насильственные действия, имеющие место между двумя проживающими вместе лицами, или со стороны бывшего супруга, бывшего партнера по договору о совместной жизни, или же бывшего сожителя ставят под угрозу личность потерпевшего, ребенка или детей, судья по семейным делам может в срочном порядке выдать такому потерпевшему постановление о защите» [2]. Законодатель ввел нормы, регулирующие борьбу с физическим и психологическим насилием. Главным НПА в этой области является закон Франции 09.07.2010 года «О насилии над женщинами, семейном насилии и последствиях данного насилия для детей». Помимо этого, законы от 04.08.2014 и 07.03.2016 годов защитили женщин, посредством увеличения списка насильственных действий, дающих право жертвам получить ВНЖ. Отличительными чертами являются: судебной защиты женщин во Франции является возможность издания в экстренном порядке Постановления о запрете на приближение к супругу (сожителю), принуждение нарушителя покинуть жилье на время действия Постановления, вне зависимости от того, является ли он собственником данного жилья, а также необходимость выплаты ежемесячной финансовой помощи жертве, под угрозой наказания в виде штрафа в размере до 15 000 евро и лишения свободы сроком до двух лет.

Изучив положения российского законодательства и опыт зарубежных стран, можно точно сказать, что правовая защита жертв насилия в семьях РФ остается недостаточно эффективной и нуждается в совершенствовании, несмотря на огромное внимание со стороны общественности и принимаемых государством мер. Правоохранительным органам не хватает практики в области

работы с жертвами и неэффективность уголовного расследования по заявлениям о семейно-бытовом насилии, что подтверждает отсутствие единого нормативного правового акта регулиющую данную сферу. Укоренившиеся стереотипы о домашнем насилии, как метод решения проблемы, а также низкая правовая грамотность большинства населения, приводят к тому, что насильственные действия со стороны агрессора остаются скрытыми, а жертва в силу определенных побуждений: страха, стыда или чувства вины боится обращаться в уполномоченные органы за предоставлением помощи.

Список литературы:

[1] Конституция РФ: принятая всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 5.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) // [Электронный ресурс] // режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru/constitution/> (дата обращения 26.05.2025).

[2] Гражданский кодекс Франции (Кодекс Наполеона) = Code civil des Français (Code Napoléon) / пер. с фр. [Захватаева В.Н.] – М.: Инфотропик Медиа, 2012. – 624 с. – ISBN 978-5-9998-0053-4 // [Электронный ресурс] // режим доступа: <https://ivanpristansky.wordpress.com/wpcontent/uploads/2023/04/d097d0b-0d185d0b2d0b0d182d0b0d0b5d0b2d092d09dd093d180d0b0d0b6d0b4d0b0d0bdd181d0bad0b8d0b9d09ad0bed0b4d0b5d0bad181d0a4d180d0b0d0b-dd186d0b8d0b8d09ad0bed0b4d0b5d0bad-181d09dd0b0d0bfd01.pdf> (дата обращения 26.05.2025).

[3] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 28.12.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 08.01.2025) // [Электронный ресурс] // режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru/constitution/> (дата обращения 26.05.2025).

[4] Федеральный закон от 28.12.2013 N 442-ФЗ (ред. от 26.12.2024) «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» // [Электронный ресурс] // режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru/constitution> (дата обращения 26.05.2025).

[5] Алгоритм света. Исследование масштаба домашнего насилия в России // [Электронный ресурс] // режим доступа: <https://algorithmsveta.com> (дата обращения 26.05.2025).

[6] В РПЦ раскритиковали инициативу по борьбе с домашним насилием [Электронный ресурс] // режим доступа: <https://ria.ru/20240531/nasilie1949705171.html> (дата обращения 26.05.2025).

[7] Домашнее насилие на Северном Кавказе: статистика, традиции и работа кризисных центров [Электронный ресурс] //режим доступа: <https://nasiliu.net/pronasilie/domashneenasilienasevernomkavkazestatistikatradicziirabotakrizisnyhcentrov> (дата обращения 26.05.2025).

Spisok literatury:

[1] Konstituciya RF: prinyataya vsenarodnym golosovaniem 12 dekabrya 1993 g. (s uchetom popravok, vnesennyh Zakonami RF o popravkah k Konstitucii RF ot 30.12.2008 № 6-FKZ, ot 30.12.2008 № 7-FKZ, ot 5.02.2014 № 2-FKZ, ot 21.07.2014 № 11-FKZ, ot 14.03.2020 № 1-FKZ) // [Elektronnyj resurs] // rezhim dostupa: <http://www.pravo.gov.ru/constitution/> (data obrashcheniya 26.05.2025).

[2] Grazhdanskij kodeks Francii (Kodeks Napoleona) = Code civil des Français(Code Napoléon) / per. s fr. [Zahvataeva V.N.] – M.: Infotropik Media, 2012. –624 s. – ISBN 978-5-9998-0053-4 // [Elektronnyj resurs] // rezhim dostupa: <https://ivanpristan-sky.wordpress.com/wpcontent/uploads/2023/04/d097d0b0d185d0b2d0b0d182d0b0d0b5d-0b2d092d09dd093d180d0b0d0b6d0b4d0b0d0bdd181d0bad0b8d0b9d09ad0bed0b4d0b5d-0bad181d0a4d180d0b0d0bdd186d0b8d0b8d09ad->

0bed0b4d0b5d0bad181d09dd0b0d0bfd01.pdf (data obrashcheniya 26.05.2025).

[3] Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 13.06.1996 N 63-FZ (red. ot 28.12.2024) (s izm. i dop., vstup. v silu s 08.01.2025) // [Elektronnyj resurs] // rezhim dostupa: <http://www.pravo.gov.ru/constitution/> (data obrashcheniya 26.05.2025).

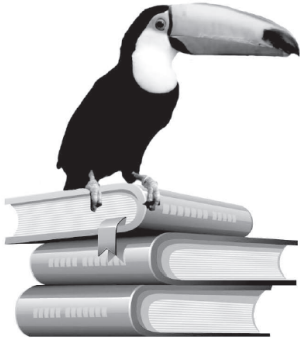
[4] Federal'nyj zakon ot 28.12.2013 N 442-FZ (red. ot 26.12.2024) \”Ob osnovah social’nogo obsluzhivaniya grazhdan v Rossijskoj Federacii” // [Elektronnyj resurs] // rezhim dostupa: <http://www.pravo.gov.ru/constitution> (data obrashcheniya 26.05.2025).

[5] Algoritm sveta. Issledovanie masshtaba domashnego nasiliya v Rossii // [Elektronnyj resurs] // rezhim dostupa: <https://algorithmsveta.com> (data obrashcheniya 26.05.2025).

[6] V RPC raskritikovali iniciativu po bor’be s domashnim nasiliem [Elektronnyj resurs] //rezhim dostupa: <https://ria.ru/20240531/nasilie1949705171.html> (data obrashcheniya 26.05.2025).

[7] Domashnee nasilie na Severnom Kavkaze: statistika, tradicii i rabota krizisnyh centrov [Elektronnyj resurs] //rezhim dostupa: <https://nasiliu.net/pronasilie/domashneenasilienasevernomkavkazestatistikatradicziirabotakrizisnyhcentrov> (data obrashcheniya 26.05.2025).

ЮРИДИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ
www.law-books.ru

ПЛУТЕНКО Даниил Сергеевич,
Студент,
кафедра предпринимательского права,
гражданского и арбитражного процесса
Института философии и права Федеральное государственное
автономное образовательное учреждение высшего образования
«Новосибирский национальный исследовательский
государственный университет»,
e-mail: plutenko_daniil@mail.ru

ЛОПУХОВ Кирилл Иванович,
Студент,
кафедра предпринимательского права, г
ражданского и арбитражного процесса
Института философии и права Федеральное государственное
автономное образовательное учреждение высшего образования
«Новосибирский национальный исследовательский
государственный университет»,
e-mail: k.lopukhov@g.nsu.ru

ПРАВО НА ЗАБВЕНИЕ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

Аннотация. В настоящей статье авторами исследуются подходы к правовому регулированию права на забвение в различных правовых системах. Устанавливаются применимые в различных правовых системах правила и критерии, позволяющие установить применимость права на забвение в отдельных случаях. На основе анализа законодательства Российской Федерации и иных государств, актов международного права, правоприменительной практики и научной доктрины, авторами устанавливаются различия в правовом обеспечении реализации права на забвение в разных государствах и формулируются выводы относительно текущего состояния и вектора развития законодательства Российской Федерации в вопросах правового регулирования права на забвение.

Ключевые слова: Право на забвение, правовое регулирование права на забвение, право на удаление информации из сети Интернет, критерии определения общественной значимости информации, неактуальная и устаревшая информация, подлежащая удалению.

PLUTENKO Daniil Sergeevich,
Student, Department of Business Law,
Civil and Arbitration Procedure Institute of Philosophy and Law
Federal State Autonomous Educational Institution
Novosibirsk National Research State University of Higher Education
“Novosibirsk National Research State University”

LOPUCHOV Kirill Ivanovich,
Student, Department of Business Law,
Civil and Arbitration Procedure Institute of Philosophy and Law
Federal State Autonomous Educational Institution
Novosibirsk National Research State University of Higher Education
“Novosibirsk National Research State University”

THE RIGHT TO OBLIVION IN RUSSIA AND OTHER COUNTRIES

Annotation. In this article, the authors explore approaches to the legal regulation of the right to oblivion in various legal systems. The rules and criteria applicable in various legal systems are established, which make it possible to establish the applicability of the right to oblivion in individual cases. Based on the analysis of the legislation of the Russian Federation and other states, acts of international law, law enforcement practice and

scientific doctrine, the authors establish differences in the legal provision of the right to oblivion in different states and formulate conclusions regarding the current state and vector of development of the legislation of the Russian Federation in matters of legal regulation of the right to oblivion.

Key words: *The right to be forgotten, legal regulation of the right to be forgotten, the right to delete information from the Internet, criteria for determining the public significance of information, irrelevant and outdated information to be deleted.*

Право на забвение — это концепция, позволяющая людям требовать удаления личной информации из публичного доступа, прежде всего, в интернете[1]. В условиях цифровизации, происходящей одновременно во многих сферах общественной жизни, когда информация о нас распространяется мгновенно и сохраняется надолго, возникает необходимость исследования такого феномена как право на забвение в контексте защиты персональных данных и существующих правовых средствах, позволяющих обеспечить контролируемое распространение информации о субъектах права. Цель настоящей работы – исследовать сущность права на забвение, провести сравнительный анализ регулирования данного права в различных правовых системах и выявить особенности и степень его реализации в России.

В научной доктрине право на забвение определяется как возможность потребовать удаления устаревшей, недостоверной или нежелательной информации о себе из поисковых систем и иных публичных источников. Такое описание позволяет охарактеризовать его как, своего рода, инструмент защиты частной жизни в эпоху цифровых технологий.

Первые попытки формирования концепции права на забвение предпринимались во второй половине 20 века в Аргентине контексте права лиц требовать исключения из общедоступных источников информации о совершенных ими ранее преступлениях, если такая информация более не пользуется общественным интересом. Однако принято считать, что концепция права на забвение в современном ее понимании была сформирована и начала развиваться в Испании после дела Марио Костеха Гонсалеса против Google в 2014 году[2]. С указанного времени эта концепция постепенно начала реципироваться и использоваться в практике правоприменения других стран. Сущность дела состояла в том, что испанец Марио Костеха Гонсалес обратился в суд с требованием об исключении из поисковой выдачи Google ссылок на газетные статьи 1998 года, содержащие информацию о продаже его имущества для погашения долгов. Несмотря на то, что эти данные были достоверными, истец считал, что они утратили актуальность и нарушали его право на приватность. Европейский суд признал право гражданина требовать удаления устаревших и неактуальных сведений, если они наносят ущерб его репутации или частной жизни.

До настоящего времени в отечественной правовой системе право на забвение формулируется в ограниченном его толковании, по сравнению с иными правовыми системами. Имеет смысл говорить о его ограниченном правовом регулировании посредством норм ряда законодательных актов. Одним из основополагающих нормативно-правовых актов, содержащих положения, устанавливающие право гражданина на удаление информации о себе, является Федеральный закон № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и защите информации», согласно которому каждый гражданин имеет право направить оператору поисковой системы заявление с просьбой удалить ссылки на информацию о себе, которая утратила актуальность. При этом, под «неактуальной» или «устаревшей» понимается та информация, которая потеряла значение для общества или уже не представляет существенного интереса для третьих лиц. К такой информации относят, в частности, информацию о погашенных долговых обязательствах или судебных делах, завершившиеся оправдательным приговором.

При этом стоит подчеркнуть, что российское право на забвение имеет ряд отличий от европейского подхода. Во-первых, в российском законодательстве право на забвение, как право об удалении сведений, распространяется только на поисковые системы и предполагает лишь требование об удалении из поисковой выдачи ссылок на страницы, содержащие неактуальные сведения. Однако содержимое страниц остается доступным другим пользователям, из чего возникает проблема фактической нереализуемости права на забвение, поскольку сами сведения, утратившие актуальность, но оказывающие негативное влияние на репутацию лица, не подлежат удалению в рамках заявляемого требования. Кроме того, статья 10.3 рассматриваемого федерального закона не предусматривает полного автоматического удаления всех ссылок на указанную информацию. Оператор поисковой системы обязан рассмотреть каждое обращение индивидуально и принять решение на основе представленных доказательств нарушения прав заявителя. Во-вторых, российское законодательство не содержит четкого механизма оценки баланса между приватностью и общественными интересами, как это предусматривается в правовых нормах стран Европы. Например, в ряде

европейских правовых порядков право на забвение рассматривается как часть общего права на защиту персональных данных, и существует сложная система критериев, благодаря которой правоприменитель с достаточной степенью точности и однозначности определяет, должна ли информация оставаться доступной или подлежит удалению. В России такой механизм отсутствует, что снижает гибкость применения права на забвение.

Обращаясь к отечественной судебной практике, также необходимо заметить, что российские суды часто принимают решения, исходя из принципов добросовестности и общественной значимости информации, что, с одной стороны, затрудняет применение права на забвение в полной мере, а с другой – создает значительную свободу для применения внутреннего убеждения судьи, то есть определяется преимущественно на основе субъективных данных, ввиду чего унификация правил и критериев отнесения информации к утратившей общественную значимость усложняется. Таким образом, хотя в России существует правовая основа для защиты частной жизни в интернете, её применение остаётся довольно ограниченным по сравнению с международными стандартами.

Переходя к более подробному рассмотрению правового регулирования права на забвение в иных правовых порядках, следует начать с права европейских государств. Наиболее полно это право было сформулировано в рамках Общего регламента по защите данных (GDPR)[3]. Как уже было обозначено ранее, европейское право содержит ряд четких критериев, позволяющих установить, в каких случаях право на забвение подлежит применению. Так, европейским правом выделяются следующие признаки, позволяющие с достаточной степенью однозначности определить, подлежит ли информация удалению:

1. Актуальность и значимость информации. Информация должна быть актуальной и значимой для поддержания общественных интересов. Если информация устарела, утратила свое значение или перестала представлять общественный интерес, у лица возникает основание требовать её удаления.
2. Достоверность информации. Нормы европейского права достаточно подробно регулируют вопросы достоверности размещённой информации. Лица имеют право требовать удаления недостоверных или вводящих в заблуждение данных. В случае спора относительно достоверности информации проводится её оценка на предмет соответствия действительности.
3. Баланс между частным и общественным интересом. Один из главных принципов

европейского подхода к регулированию права на забвение заключается в оценке соотношения частного интереса в виде права на приватность и общественного интереса в виде свободы информации. Если общественное благо от сохранения информации перевешивает личные интересы, то удаление информации может быть отклонено. Примером может служить информация о должностном лице, например, политике. Такая информация может иметь высокую общественную ценность, вследствие чего принцип прозрачности и открытости имеет приоритет перед правом данного частного лица на забвение.

Существуют также иные исключения в применении права на забвение. Так, указанная концепция не применяется в отношении информации, имеющей историческое значение, или относящейся к вопросам национальной безопасности, которая может остаться доступной независимо от требований отдельного лица.

В отличие от государств Европы, где право на забвение регулируется актами Европейского Союза и высших органов власти государств, регулирование права на забвение в США находится на уровне штатов и значительно отличается от европейских стандартов. Первой поправкой Конституции США защищается свобода слова, что создает серьезные препятствия для введения норм, подобных европейским. Однако некоторые штаты разрабатывают собственные законы, направленные на защиту персональных данных в интернете и тем самым более полно регулируют различные аспекты применения права на забвение. Например, в Калифорнии действует California Consumer Privacy Act (CCPA), который предоставляет жителям штата право требовать удаления своей личной информации у компаний.

Основные положения нормы Раздела 1798.105 данного нормативно-правового акта можно изложить следующим образом:

1. Потребители имеют право требовать от компаний удалить любую собранную компанией личную информацию о себе.
2. После получения и подтверждения правомочности запроса от потребителя компания обязана удалить личную информацию этого потребителя из своих записей и уведомить своих поставщиков услуг сделать то же самое.
3. В качестве исключения, компании обязаны удовлетворять запрос на удаление, если сохранение информации необходимо для выполнения определенных действий, к которым относятся завершение транзакций или предоставление товаров или услуг, запрошенных потребителем; выявление и

предотвращение мошенничества, вредоносной деятельности или незаконных действий; устранение ошибок и отладка программного обеспечения; защита свободы слова потребителей или выполнение других законных прав; соблюдение требований законодательства Калифорнии и иные.

Последние судебные дела, касающиеся права на забвение, включают дело *Doe v. Google* (2019), в котором истец пытался добиться удаления из результатов поиска информации о своем прошлом преступлении, и дело *Khalid v. Facebook* (2020), связанное с удалением ложной информации, нанесшей ущерб репутации истца.

Дело *Khalid v. Facebook*, рассмотренное в 2020 году, касалось вопроса удаления ложной информации, которая нанесла ущерб репутации истца. Данное дело рассматривалось в судах Соединённого Королевства (Великобритании). Первоначально иск был подан в Высокий суд Англии и Уэльса, который занимается разбирательствами по гражданским делам. Важность выбора британской юрисдикции обусловлена тем, что британское законодательство традиционно считается более благоприятным для истцов в делах о клевете, чем американское, где стандарты защиты свободы слова гораздо строже. Истцом в рассматриваемом деле был Мохаммед Халид, гражданин Великобритании, который утверждал, что в социальной сети Facebook были размещены ложные утверждения о его участии в террористической деятельности. Эти утверждения появились в виде комментариев пользователей под различными постами, и Халид настаивал на том, что такая информация является клеветой и должна быть удалена. Facebook отказался удалить комментарии, сославшись на принципы свободы слова и свою политику в отношении пользовательского контента. Халид подал иск, утверждая, что Facebook несет ответственность за публикацию клеветы и нарушение его права на репутацию. Он требовал не только удаления ложной информации, но и компенсации за моральный ущерб. В результате Судом были признаны нарушение репутации истца подобными действиями со стороны третьих лиц и недостоверность самой распространяемой информации, в связи с чем суд обязал Facebook удалить указанные комментарии.

Рассмотренные аспекты правового регулирования права на забвение в различных правовых системах позволяют сделать выводы о том, что Россия и многие зарубежные юрисдикции идут разными путями в регулировании данной концепции, отражая собственные национальные интересы и культурные особенности.

Европа, в частности Испания и Германия, демонстрирует стремление к защите частной

жизни граждан, тогда как в США этот вопрос остаётся предметом дебатов, осложнённых конституционными гарантиями свободы слова. В некоторых других правовых системах регулирование направлено в большей степени на обеспечение государственных интересов, чем на защиту частной жизни. В России, несмотря на существование законодательной базы, практика применения права на забвение пока ещё формируется и оставляет пространство для дальнейшего совершенствования нормативно-правового регулирования в данной области.

В процессе эволюции цифровой среды и увеличения объема данных, хранимых в сети Интернет, более подробное нормативное регулирование права на забвение ещё большую значимость и требует международного сотрудничества и гармонизации подходов. Вопросы, связанные с трансграничностью данных и юрисдикционной ответственностью, остаются открытыми и требуют дальнейшей проработки как на международном уровне, так и в системах права отдельных государств.

Список литературы:

- [1] Михайлов С.В. Что такое право на забвение // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2017. N 17. С. 19-25.
- [2] Дружинин М.И. Право на забвение и право на информацию // Скиф. 2023. N 4. С. 267-272.
- [3] Пашченко И.Ю. Право быть забытым: зарубежный и российский опыт правового регулирования // Наука. Мысль: электронный периодический журнал. 2016. N 4. С. 189-192.
- [4] Druschel P. The right to be forgotten – between expectations and practice // Eur. Network and info. Sec. Agency (ENISA). 2011. P. 3-15.
- [5] Rustad M.L., Kulevska S. Reconceptualizing the Right To Be Forgotten // Harvard Journal of Law & Technology. 2015. N 2. P. 380-386.

Spisok literatury:

- [1] Mihajlov S.V. Chto takoe pravo na zabvenie // Zhurnal Suda po intellektual'nym pravam. 2017. N 17. С. 19-25.
- [2] Druzhinin M.I. Pravo na zabvenie i pravo na informaciyu // Skif. 2023. N 4. S. 267-272.
- [3] Pashchenko I.Yu. Pravo byt' zabytym: zarubezhnyj i rossijskij opyt pravovogo regulirovaniya // Nauka. Mysl': elektronnyj periodicheskij zhurnal. 2016. N 4. S. 189-192.
- [4] Druschel P. The right to be forgotten – between expectations and practice // Eur. Network and info. Sec. Agency (ENISA). 2011. P. 3-15.
- [5] Rustad M.L., Kulevska S. Reconceptualizing the Right To Be Forgotten // Harvard Journal of Law & Technology. 2015. N 2. P. 380-386.

ТЕОРИЯ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

Дата поступления рукописи в редакцию: 31.05.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.06.2025 г.

DOI: 10.24412/2224-9133-2025-5-61-64

ЛИТВИНОВ Максим Евгеньевич,
Студент 1 курса магистратуры,
Томский государственный университет,
e-mail: me_litvinov@mail.ru

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ПРИНЦИПОВ И МЕТОДОВ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В ЦИВИЛИСТИКЕ. ТЕОРИЯ ПРИНЦИПОВ-МЕТОДОВ

Аннотация. В статье поднимается проблема соотношения таких базовых юридических понятий как метод правового регулирования и принципы права. Оценивается парадокс теоретической неопределенности в понимании общих категорий права при их важнейшей роли в формировании у студентов-юристов базовых представлений о праве и юридических явлениях. При том, что эти понятия являются фундаментальными для общей теории права в доктрине нет единой точки зрения к определению их содержания и соотношению этих категорий. В работе попытка определить объем данных понятий производится на примере цивилистической доктрины и норм частно-правовых отраслей права. На примере позитивизма и юснатурализма рассматривается влияние типа правопонимания на отношение ученого к решению вопроса о соотношения метода и правовых принципов. Особое внимание уделяется теориям, отражающим теснейшую взаимосвязь данных категорий, в частности, теории принципов-методов. Дается характеристика основных положений теории принципов-методов, производится сравнение ее с другими классификациями принципов права. Анализируется содержание целеполагающих (конституционных) принципов и принципов функциональных, которые как раз таки и именуются «принципами-методами». Описываются признаки принципов-методов, выдвигаемые авторами этой концепции. Оценивается целесообразность выделения принципа добросовестности в качестве примера функционального принципа. Приводится и анализируется судебная практика высших судебных инстанций, на основании которой делается вывод о практическом характере теории принципов-методов как их отличительной черте. Делается вывод о достоинствах теории принципов-методов и тех ее аспектах, которые нуждаются в более детальной проработке применительно к гражданскому праву.

Ключевые слова: теория права, метод правового регулирования, принципы права, принцип-метод, целеполагающие принципы, функциональные принципы, тип правопонимания, позитивизм, юснатурализм, правовой механизм.

LITVINOV Maxim Evgenyevich,
1st year Graduate student,
Tomsk State University

TO THE QUESTION OF THE CORRELATION OF PRINCIPLES AND METHODS OF LEGAL REGULATION IN CIVIL STUDIES. PRINCIPLE-METHOD THEORY

Annotation. The article raises the problem of the correlation of such basic legal concepts as the method of legal regulation and the principles of law. The article evaluates the paradox of theoretical uncertainty in understanding the general categories of law, given their crucial role in shaping the basic concepts of law and legal phenomena among law students. Despite the fact that these concepts are fundamental to the general theory of law, the doctrine expresses different points of view on the definition of their content and the relationship of these categories. In this paper, an attempt is made to determine the scope of these concepts using the example of civil doctrine and the norms of private law branches of law. Using the example of positivism and naturalism, the influence of the type of legal understanding on the attitude of a scientist to

solving the issue of the correlation of method and legal principles is considered. Special attention is paid to theories reflecting the closest relationship between these categories, in particular, the theory of principles and methods. The main provisions of the theory of principles and methods are characterized, and it is compared with other classifications of principles of law. The content of goal-setting (constitutional) principles and functional principles, which are called «principles-methods», is analyzed. The features of the principles and methods put forward by the authors of this concept are described. The expediency of highlighting the principle of good faith as an example of a functional principle is assessed. The judicial practice of the highest judicial instances is presented and analyzed, on the basis of which a conclusion is drawn about the practical nature of the theory of principles and methods as their distinctive feature. The conclusion is made about the advantages of the theory of principles and methods and those aspects of it that need to be studied in more detail in relation to civil law.

Key words: *theory of law, method of legal regulation, principles of law, principle-method, goal-setting principles, functional principles, type of legal understanding, positivism, naturalism, legal mechanism.*

Изучение любой науки начинают с изучения и усвоения ее общих фундаментальных положений: законов физики, математических аксиом и теорем, топографических обозначений и т.п. Так и изучение правовых наук начинается с уяснения содержания таких фундаментальных теоретических категорий как предмет, метод, принципы права или правовая система.

Однако первое изучение всегда поверхностно в силу абстрактности этих основ и отсутствия у изучающего необходимых навыков, способности связать теоретические положения с конкретными нормами закона. Последующее изучение специальных юридических наук уже позволяет сформировать системное представление о праве: о роли предмета, метода, принципов в правоприменительной практике. И вернувшись впоследствии к этим основам, постигает осознание всей сложности и неоднозначности данного вопроса.

Так, например, от типа правопонимания конкретного ученого будут зависеть его взгляды на различные правовые явления, его реакции на те или иные новеллы законодательства и даже его отношение к своей профессиональной деятельности. Поскольку конкретный тип правопонимания по-разному определяет, что есть право, вся система дальнейших представлений о праве (предмете отрасли права, принципах права) подстраивается и адаптируется именно под «собственные представления о праве» у каждого отдельно взятого ученого. Отсюда, совершенно очевидно, что теоретическое единство в понимании даже таких базовых понятий как метод и принципы права – недостижимо, а потому вопрос об их соотношении – предмет острых дискуссий до сих пор.

В цивилистической науке предложены разные ответы на вопрос о соотношении принципов гражданского права с его методом. Ряд авторов большее значение придают методу, как совокупности реально используемых приемов, способов оказывающих воздействие на отношения, состав-

ляющие предмет регулирования. С.С. Алексеев отводил методу роль одного из двух основных критериев (наряду с предметом) выделения отдельных отраслей права [1; С. 131].

Ученые-позитивисты, к числу которых относится Г.Ф. Шершеневич, придавали большее значение именно методу гражданского права, указывая на декларативный характер правовых принципов [7; С. 282]. Сторонники школы юснатурализма напротив вовсе видели сущность права в этих самых правовых принципах и отдавали им первостепенную роль. Схожую позицию высказал А.Я. Рыженков. Автор отмечал, что уникальность метода предопределяется особенностями принципов права, а не предмета. По отношению и к предмету, и к методу принципы первичны. Являясь ценностными идеалами и мировоззренческими постулатами, они лежат в основе любой деятельности, отношений и регулирующих их инструментов [6; С. 10].

А.И. Бибииков указывал на сильную взаимосвязь метода с принципами правового регулирования, отмечая, что «ст. 1 ГК РФ в определении основных начал дублирует базовые элементы метода гражданско-правового регулирования (равенство и диспозитивность)». Он объяснял это общим функциональным началом принципов и методов, занимающих однако разное иерархическое положение. Принципы – «командные» этажи в структуре права и механизме правового регулирования. Элементы метода «оседают в нижнем отсеке», выступают инструментами, представляющие собой динамику изменения реалий регулируемых отношений, политической ситуации и реальную картину общественной оценки существующего правового механизма [2; С. 3].

В основе идеи о принципах-методах гражданского права связь двух этих категорий вовсе перерастает в их некий симбиоз. Фактически это теория систематизации принципов права, предложенная и поддерживаемая такими учеными как Е.В. Вавилин и А.А. Волос. Данная теория заключается в разделении всех правовых принципов на

«целеполагающие» и «принципы-методы». Согласно теории, принципы-методы – это второй уровень системы принципов гражданского права, представляющие собой частное проявление начал первого уровня (т. е. целеполагающих принципов) [4; С. 4].

Под целеполагающими принципами понимаются принципы, отраженные в Конституции РФ, которые получают свое дальнейшее развитие в отраслях права. Причем интерпретация этих принципов в отдельных отраслях права далеко не одинакова. Тот же провозглашенный в Конституции принцип равенства понимается в отдельных отраслях по-разному. В уголовном праве – это равенство перед уголовным законом лиц, совершивших преступление и неотвратимость ответственности, в трудовом — защита прав работника, недопустимость дискриминации в сфере труда, в семейном — равный объем прав супругов, в процессуальном — равенство всех перед законом и судом. Абсурдным было бы иное представление, например, равенство преступника и потерпевшего в уголовном праве или равенство работника работодателю.

Такая интерпретация базовых конституционных принципов и является предпосылкой для возникновения правовых принципов «второго уровня», а именно принципов-методов. На первый взгляд, может показаться, что данная систематизация ничем не отличается от другой устоявшейся в доктрине систематизации принципов на: общеправовые, межотраслевые, отраслевые, институциональные и субинституциональные. Однако последняя систематизация больше отражает иерархию правовых принципов, в то время как систематизация А.А. Волоса и Е.В. Вавилина раскрывает их функциональную направленность [3; С. 11]. Приставка «метод» в названии этой категории отнюдь не случайна. Она олицетворяет, что фактически посредством указанных принципов реализуются принципы целеполагающие и через их неоднократное воспроизводство в нормах права как раз осуществляется воздействие, регулирование общественных отношений, что свойственно для метода.

Авторы концепции выделяют следующие признаки «принципов-методов»:

- Они раскрываются в совокупности норм (образуют институт или находят свое отражение в нескольких институтах);
- Принципы-методы выступают связующим звеном между нормой и методом (обеспечивают соответствие содержания нормы основным идеям, целеполагающим принципам);
- Практическая значимость.

На рассмотрении последнего признака стоит остановиться поподробнее. Верховный Суд

указывал, что поведение одной из сторон может быть признано недобросовестным не только при наличии заявления участника правоотношений, но и по инициативе суда, если последний усмотрит очевидное отклонение действий участника гражданского оборота от принципа добросовестности [9]. Таким образом, по мнению А.А. Волоса, суд признал правоприменительное значение добросовестности как принципа-метода.

Интересной представляется мысль В.В. Кулакова, заявившего, что принципы не предписаны в виде обязанностей субъектам правоотношений, а адресованы самому законодателю. Обращая внимание на легальные формулировки некоторых принципов, есть основания утверждать, что они устанавливают права и обязанности или правила их осуществления, например, принцип добросовестности. Также, В.В. Кулаковым справедливо сделан акцент и на обязанности законодателя следовать этим принципам [5; С. 4]. Стоит отметить, что законодатель обязан следовать не столько принципам права, сколько праву в целом, то есть и принципам, и любой норме закона. Это вытекает из самой идеи правового государства, «связывающей» государство правом, создании публичной властью для себя ограничений, которых она обязана придерживаться при реализации властных полномочий.

Вместе с тем, выводы авторов теории «принципов-методов» об их практической значимости представляются несколько сомнительными. Во-первых, возможность самостоятельного применения судами принципов права, в частности принципа добросовестности, не является чем-то новым и уникальным. Принципы гражданского права применяются судами при невозможности использования аналогии закона, в целях устранения пробелов и разрешения коллизий в любом деле. Вышестоящие инстанции также могут отменять решения нижестоящих судов на том основании, что они противоречат основным началам гражданского законодательства. Например, Верховный суд, отменяя решения суда округа, указал, что толкование судами норм банкротного законодательства привело к освобождению должника от ответственности, что противоречит требованиям добросовестности, разумности и справедливости, нарушает баланс интересов кредиторов и должника в частно-правовых отношениях [10].

Руководствуясь подобной логикой, можно говорить о практической значимости не только принципов-методов, но и целеполагающих принципов, поскольку суды при разрешении споров могут напрямую применять нормы Конституции когда закрепленные в ее норме положения, исходя из ее смысла, не требуют дополнительной регламентации и не содержат указания на воз-

возможность ее применения [8]. Также целеполагающими принципами руководствуется в своей деятельности Конституционный суд, чьи постановления носят чрезвычайно важный характер для всей судебной практики.

В связи с этим, рассмотрение практической значимости в качестве отличительного признака принципов-методов не позволяет их в полной мере отделить от целеполагающих принципов. Выглядит это скорее как попытка авторов придать своей теории систематизации практикоориентированный характер, усилив тем самым ее значимость. Не соглашаясь с практической значимостью теории «принципов-методов», невозможно не оценить ее теоретическое значение. Во-первых, данная теория в целом обогащает юридическую науку, затрагивая проблему соотношения принципов права и методов правового регулирования и предлагая уникальное и нетривиальное решение этой проблемы. Во-вторых, подобная теория систематизации является «глотком свежего воздуха» среди других систематизаций правовых принципов, поскольку она отражает не только иерархию принципов, но и их деление по функциональной направленности.

Список литературы:

- [1] Алексеев, С. С. Структура советского права / С. С. Алексеев. – Москва: Издательство «Юридическая литература» Администрации Президента Российской Федерации, 1975. – 264 с.
- [2] Бибииков, А.И. К вопросу о принципах гражданского права, гражданского законодательства и элементах метода гражданско-правового регулирования / А.И. Бибииков // Правовая политика и правовая жизнь. 2012. № 1. – 71-76 с.
- [3] Вавилин Е. В., Волос А. А. Системность принципов и их действие в гражданском праве России и Китая // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2018. №39. 53-73 с.
- [4] Волос А.А. Сущность и характеристика принципов-методов гражданского права / А.А. Волос // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2017. № 5. – 133-139 с.
- [5] Кулаков В.В. Основные принципы гражданского права как особая форма права // Вестник Пермского ун-та. Юридические науки. 2013. № 4 (22). – 185-192 с.
- [6] Рыженков А.Я. О соотношении методов и принципов правового регулирования (на примере гражданского и предпринимательского права). 2022 № 2 – 5-17 с.
- [7] Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. М. 1911. Вып. 1. – 805 с.
- [8] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.1995 N 8 (ред. от 03.03.2015) «О

некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия»// СПС «КонсультантПлюс».

[9] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 N 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

[10] «Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации N 2 (2019)» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 17.07.2019) // СПС «КонсультантПлюс».

Spisok literatury:

- [1] Alekseev, S. S. Struktura sovetского prava / S. S. Alekseev. – Moskva: Izdatel'stvo «Yuridicheskaya literatura» Administracii Prezidenta Rossijskoj Federacii, 1975. – 264 s.
- [2] Bibikov, A.I. K voprosu o principah grazhdanskogo prava, grazhdanskogo zakonodatel'stva i elementah metoda grazhdansko-pravovogo regulirovaniya / A.I. Bibikov // Pravovaya politika i pravovaya zhizn'. 2012. № 1. – 71-76 s.
- [3] Vavilin E. V., Volos A. A. Sistemnost' principov i ih dejstvie v grazhdanskom prave Rossii i Kitaya // Vestnik Permskogo universiteta. YUridicheskie nauki. 2018. №39. 53-73 s.
- [4] Volos A.A. Sushchnost' i harakteristika principov-metodov grazhdanskogo prava / A.A. Volos // Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoy akademii. 2017. № 5. – 133-139 s.
- [5] Kulakov V.V. Osnovnye principy grazhdanskogo prava kak osobaya forma prava // Vestnik Permskogo un-ta. YUridicheskie nauki. 2013. № 4 (22). – 185-192 s.
- [6] Ryzhenkov A.YA. O sootnoshenii metodov i principov pravovogo regulirovaniya (na primere grazhdanskogo i predprinimatel'skogo prava). 2022 № 2 – 5-17 s.
- [7] SHershenevich G. F. Obshchaya teoriya prava. M. 1911. Vyp. 1. – 805 s.
- [8] Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 31.10.1995 N 8 (red. ot 03.03.2015) «O nekotoryh voprosah primeneniya sudami Konstitucii Rossijskoj Federacii pri osushchestvlenii pravosudiya»// SPS «Konsul'tantPlyus».
- [9] Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 23.06.2015 N 25 «O primenении sudami nekotoryh polozhenij razдела I chasti pervoj Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii» // SPS «Konsul'tantPlyus».
- [10] «Obzor sudebnoj praktiki Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii N 2 (2019)» (utv. Prezidium Verhovnogo Suda RF 17.07.2019) // SPS «Konsul'tantPlyus».

СУРКОВ Артём Николаевич,

Студент,
Дальневосточный федеральный университет,
Юридическая школа,
e-mail: surkov.an@dvfu.ru

САВВАТЕЕВ Сергей Владимирович,

студент,
Дальневосточный федеральный университет,
Юридическая школа,
e-mail: savvateev.sv@dvfu.ru

ШИЧКО Алексей Романович,

студент,
Дальневосточный федеральный университет,
Юридическая школа,
e-mail: shichko.aro@dvfu.ru

Научный руководитель:

ВРОНСКАЯ Мария Владимировна,

Доцент кафедры гражданского права и процесса
Дальневосточного федерального университета,
e-mail: vronskaia.mv@dvfu.ru

КАТЕГОРИИ ДОБРОСОВЕСТНОСТИ И РАЗУМНОСТИ В ПРИВЛЕЧЕНИИ ЛИЦА К ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СООТВЕТСТВИИ СО СТАТЬЕЙ 53.1 ГК РФ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Аннотация. В статье исследуются актуальные проблемы толкования и применения критериев добросовестности и разумности действий руководителей и иных обязанных лиц юридического лица в контексте ст. 53.1 ГК РФ. Авторы проводят комплексный анализ доктринальных подходов к определению данных правовых категорий, особое внимание уделяется критическому осмыслению существующих в науке гражданского права концепций, а также анализу современной судебной практики, включая постановления высших судебных инстанций и решения судов общей юрисдикции. На основе проведенного исследования авторами формулируется система из семи взаимосвязанных критериев оценки добросовестности и разумности поведения соответствующих лиц.

Ключевые слова: добросовестность, разумность, ответственность руководителя, юридическое лицо, корпоративное управление, директор, корпоративная ответственность.

SURKOV Artem Nikolaevich,

Student, Far Eastern Federal University, Law School

SAVVATEEV Sergey Vladimirovich,

student, Far Eastern Federal University, Law School

SHICHKO Alexey Romanovich,

student, Far Eastern Federal University, Law School

Scientific supervisor:

VRONSKAYA Maria Vladimirovna,

Associate Professor of the Department
of Civil Law and Procedure Far Eastern Federal University

CATEGORIES OF GOOD FAITH AND REASONABLENESS IN BRINGING A PERSON TO JUSTICE IN ACCORDANCE WITH ARTICLE 53.1 OF THE CIVIL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION: THEORETICAL AND PRACTICAL ASPECTS

Annotation. The article examines the current problems of interpretation and application of criteria of good faith and reasonableness of actions of managers and other obligated persons of a legal entity in the context of art. 53.1 of the Civil Code of the Russian Federation. The authors conduct a comprehensive analysis of doctrinal approaches to the definition of these legal categories, with special attention paid to a critical understanding of existing concepts in the science of civil law, as well as an analysis of modern judicial practice, including rulings of higher courts and decisions of courts of general jurisdiction. Based on the conducted research, the authors formulate a system of seven interrelated criteria for assessing the integrity and reasonableness of the behavior of the relevant persons.

Key words: integrity, reasonableness, executive responsibility, legal entity, corporate governance, director, corporate responsibility.

Статья 53.1 ГК РФ закрепляет основу привлечения к ответственности лица, уполномоченного выступать от имени юридического лица, членов коллегиальных органов юридического лица и лиц, определяющих действия юридического лица (далее – обязанные лица).

Ч.3 статьи 53.1 ГК РФ предусматривается возможность привлечения к ответственности ранее перечисленных субъектов по факту нарушения обязанности действовать добросовестно и разумно в интересах юридического лица. Понятия “добросовестности” и “разумности” в действиях обязанных лиц являются оценочными, при этом однозначного перечня критериев законом не приводится, в связи с чем на практике возникает ряд сложностей. В данной статье мы попытаемся более детально раскрыть этот неоднозначный вопрос.

В теории гражданского права категории “добросовестности” и “разумности” толкуются разнообразно. Так, Е. А. Суханов под “разумностью” понимает “осмысленность (рациональность), логичность и целесообразность поведения субъекта” [1, с. 468], и тогда разумным следует считать поведение, в рамках которого лицо осмыслило окружающую обстановку, поступает логично и целесообразно для него, в свою очередь данное толкование разумности во многом зависит от конкретных фактических обстоятельств дела. В рамках же “добросовестности” Е. А. Суханов выделяет ее субъективное и объективное понимание, где в объективном смысле понимается поведение лица с учетом прав и законных интересов других лиц, и содействие в достижении общих целей [1, с. 469], а в субъективном смысле поведение в рамках которого лицо заблуждалось, но не знало и не должно было знать о существовании некоторого юридического факта [1, с. 470]. Данная точка зрения достаточно подробно раскрывает сущность

“добросовестности” и “разумности”, многие цивилисты ее придерживаются, поэтому мы не можем с ней не согласиться, однако она не дает конкретного ответа относительно категории добросовестности, и вновь дает отсылку к оценочным дефинициям “целесообразность”, “логичность”.

При этом мы считаем правильным при определении критериев “добросовестности” учитывать и субъективное, и объективное понимание одновременно, поскольку это позволит раскрыть эту сложную категорию более качественно, не упустив важные детали, которые обусловлены спецификой корпоративных правоотношений.

При этом О. В. Гутников, делает акцент на том, что необходимо отличать общегражданскую и корпоративную добросовестность и разумность, поскольку непонимание отличий между ними может привести к “безграничной ответственности директора за любые неразумные и (или) недобросовестные действия” [2, с. 11]. Данная мысль, как мы считаем, правильна, поскольку деятельность в рамках юридического лица отличается от общегражданской своей спецификой, это обусловлено ее корпоративным характером, а также непосредственной связью с предпринимательским риском, профессиональным характером субъектов коммерческой деятельности. Именно поэтому это следует принимать во внимание, говоря о добросовестности и разумности в пределах статьи 53.1 ГК РФ.

Цивилист И. А. Покровский вообще делает акцент на том, что в судебной практике недобросовестность и неразумность поведения обязанных лиц смешиваются, и никаких разграничений не производится [3]. По нашему мнению, это связано с тем, что они часто используются в нормах закона вместе, а также немаловажное значение имеет их оценочный характер, к тому же отсутствует их конкретное определение, в таком слу-

чае правоприменителю зачастую приходится отождествлять их, во избежание сложностей. Однако мы не считаем правильным трактовать эти категории как синонимы, ведь, как отмечалось нами ранее, они в своем содержании различны, поэтому их следует рассматривать как самостоятельные, но тесно взаимосвязанные единицы.

Обобщая вышеизложенное, мы можем уверенно сказать, что несмотря на многочисленную научно-теоретическую проработку категорий “добросовестность” и “разумность”, отсутствие формально закрепленных легальных критериев сохраняет возможность их произвольного применения и толкования. Для того, чтобы их понимать и применять на практике, необходимо учитывать достаточное количество аспектов, а именно, прежде всего стоит дифференцировать эти категории при оценке поведения, также стоит принимать во внимание специфику и сущность тех отношений, в рамках которых эти категории используется, это позволит избежать необоснованного применения, и конечно же важно смотреть на них с разных сторон, учитывая одновременно как объективную, так и субъективную стороны.

Рассмотрев теоретические аспекты категорий “добросовестности” и “разумности”, можно перейти к судебной практике, но прежде чем переходить к практике стоит обратиться к позициям высших судов. В первую очередь это Постановление Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 N 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица», где была предпринята попытка раскрыть вопросы, касающиеся добросовестности и разумности в статье 53.1 ГК РФ. Так, “добросовестность и разумность при исполнении возложенных на директора обязанностей заключаются в принятии им необходимых и достаточных мер для достижения целей деятельности, ради которых создано юридическое лицо”. Исходя из позиции ВАС РФ, ключевым становится принятие необходимых и достаточных мер для достижения целей юридического лица, но данная позиция не вносит полной ясности в вопрос привлечения к ответственности, поскольку одни оценочные категории сменяются другими, и вопрос критериев “добросовестности” и “разумности” остается открытым.

Немного другая идея была раскрыта в Постановлении Пленума Верховного суда от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», где определяющим становится именно объективное понимание добросовестности. Здесь Верховный Суд

отдает предпочтение внешнему поведению субъекта, независимо от того осознает ли лицо наличие тех или иных юридических фактов или нет. Данная позиция кажется логичной, поскольку, делая критерием добросовестности и разумности оценку внешнего поведения, мы освобождаем правоприменителя от необходимости оценивать психологическое отношение лица к совершаемым действиям и возможным последствиям. Но не все так однозначно как кажется, ведь тогда положение обязанного лица значительно ухудшается, и становится намного проще признать его недобросовестным и неразумным.

В судебной практике мнения судов относительно “добросовестности” и “разумности” расходятся. Суды различных инстанций, мотивируя решения по делам, по разному трактуют эти категории, но несмотря на это можно выделить ключевые аспекты из практики.

Так, в Решении № 2-1820/2024 2-1820/2024~М-1695/2024 М-1695/2024 от 10 сентября 2024 г. по делу № 2-1820/2024 Димитровградского городского суда при рассмотрении вопроса о добросовестности и разумности поведения руководителя юридического лица, повлекшего неуплату долга, суд ссылается на то, что сам факт наличия задолженности уже не может свидетельствовать о добросовестности и разумности в действиях руководителя юридического лица. Точно такая же позиция суда и в Решении № 2-2103/2024 2-2103/2024~М-1472/2024 М-1472/2024 от 3 сентября 2024 г. по делу № 2-2103/2024 Азовского городского суда Ростовской области. Исходя из этих решений, формируется закономерный вывод: для того, чтобы поведение обязанного лица было добросовестным и разумным, необходимо своевременно исполнять все возложенные на лицо обязанности, иначе это не сможет свидетельствовать о добросовестности и разумности дальнейших действий этого лица.

При относительно схожих обстоятельствах, иная правовая позиция отражена в Решении № 2-3176/2024 2-3176/2024~М-2284/2024 М-2284/2024 от 29 июля 2024 г. по делу № 2-3176/2024 Орджоникидзевского районного суда г. Уфы, где суд, разрешая вопрос о добросовестности и разумности действий руководителя юридического лица, повлекших неисполнение обязанности по подаче заявления о банкротстве в арбитражный суд, признал его действия добросовестными ввиду того, что истец не был лишен права самостоятельно обратиться в суд с подобным иском. Исходя из этого, можно сказать, что поведение обязанного лица допускается считать добросовестным, и в случае неисполнения возложенной на него обязанности, если необходимое

действие могло быть совершено иным лицом, и у него не было никаких препятствий для этого, в таком случае сам факт неисполнения обязанности руководителя не будет иметь значение при решении вопроса о добросовестности и разумности его действий.

Не менее интересно Решение № 2-2889/2023 2-309/2024 2-309/2024(2-2889/2023;)~М-2561/2023 М-2561/2023 от 2 мая 2024 г. по делу № 2-2889/2023 Центрального районного суда города Твери, в котором решался все тот же вопрос, но здесь суд признал поведение обязанных лиц недобросовестным и неразумным ввиду несоответствия его обычным условиям гражданского оборота или обычному предпринимательскому риску, что повлекло за собой неспособность ООО исполнить свои обязательства перед истцом. Следовательно, на основе данного примера можно сказать, что еще одним немаловажным аспектом, который стоит учитывать при признании поведения обязанного лица добросовестным и разумным является необходимость соответствия этого поведения условиям гражданского оборота и предпринимательскому риску, что в свою очередь правильно, ведь это предопределено особенностями хозяйственной деятельности юридического лица, которые отмечались нами ранее.

Таким образом, проведенный анализ позволяет утверждать, что поведение лиц, уполномоченных выступать от имени юридического лица, членов коллегиальных органов юридического лица и лиц, определяющих действия юридического лица можно и следует, на наш взгляд, считать добросовестным и разумным при одновременном соблюдении совокупности следующих критериев.

Во-первых, лицо своевременно исполняет возложенные на него обязанности. Это играет важную роль, поскольку деятельность этих лиц непосредственно связана с конкретными обязанностями в рамках юридического лица, от исполнения которых не следует уклоняться.

Во-вторых, обязанность лица, которая проявлялась в конкретном действии, не была исполнена, но при всем этом иные лица в рамках юридического лица имели возможность совершить это же действие, но не совершили его. В таком случае ключевым становится то, что лицо не является единственным субъектом, способным осуществить необходимое действие.

В-третьих, обязанное лицо в своих действиях соблюдает интересы юридического лица, его действия направлены на достижение целей организации, а не на личную выгоду или интересы третьих лиц.

В-четвертых, лицо в своих действиях следует обычаям делового оборота. Это также немаловажно для деятельности в рамках юридического лица, поскольку лицо обязано учитывать сложившиеся в предпринимательской среде правила поведения, даже несмотря на то, что они прямо не закреплены в законе.

В-пятых, в противоправных действиях лица отсутствует умысел или грубая неосторожность, а именно лицо не знало и не должно было знать об ошибочности своих действий. Субъективную сторону поведения лица также важно учитывать, так как многое зависит от его психологического отношения к совершаемым действиям и возможным последствиям.

В-шестых, поведение лица в конкретных условиях логично (действия обоснованы с точки зрения логики), целесообразно (меры направлены на достижение конкретных целей) и осуществляется с учетом возможных рисков.

В-седьмых, действия лица соответствуют предпринимательскому риску, а точнее не выходят за рамки обычного предпринимательского риска, в том числе лицо не игнорирует очевидные угрозы и проблемы в хозяйственной деятельности.

Список литературы:

- [1] Гражданское право: учебник / отв. ред. Е. А. Суханов. М.: Статут, 2019. 576 с.
- [2] – Гутников О. В. Основания разработки категории корпоративной ответственности в гражданском праве // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 4.
- [3] – Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. 8-е изд. М.: Статут, 2020.

Spisok literatury

- [1] Grazhdanskoe pravo: uchebnik / otv. red. E. A. Sukhanov. M.: Statut, 2019. 576 s.
- [2] – Gutnikov O. V. Osnovaniia razrabotki kategorii korporativnoi otvetstvennosti v grazhdanskom prave // Pravo. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki. 2019. № 4.
- [3] – Pokrovskii I.A. Osnovnye problemy grazhdanskogo prava. 8-e izd. M.: Statut, 2020.

Дата поступления рукописи в редакцию: 31.05.2025 г

DOI: 10.24412/2224-9133-2025-5-69-74

Дата принятия рукописи в печать: 10.06.2025 г.

СОТНИКОВ Алексей Евгеньевич,

Адвокат,

Адвокатская палата Санкт-Петербурга,

e-mail: advokatsotnikov@mail.ru

ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ПРАВОМ КАК ОСНОВАНИЕ ДЛЯ ОСПАРИВАНИЯ СДЕЛОК НЕСОСТОЯТЕЛЬНОГО ДОЛЖНИКА

Аннотация. В настоящей статье исследованы вопросы злоупотребления правом как основания для оспаривания сделок несостоятельного должника. Рассмотрены способы недобросовестного осуществления права, которые следует квалифицировать как злоупотребление правом в зависимости от содержания действий по осуществлению права. Обосновано, что одним из ключевых критериев анализа злоупотребления правом в рамках банкротного производства является содержание действий участников. Если намерения отражают их цели, то содержание указывает на суть юридического действия, осуществляемого участниками производства, раскрывая механизм неправомерного поведения. Действия в обход закона, являясь одним из основных способов злоупотребления правом в делах о несостоятельности, характеризуются формальной законностью и видимой добросовестностью. Недобросовестность в банкротстве выражается не только в нарушении законодательства, а в осознанных действиях, противоречащих установленным стандартам добросовестного поведения. При анализе содержания действий, связанных со злоупотреблением правом, необходимо проводить четкое различие между фраздаторными и симулятивными сделками. Фраздаторные сделки представляют собой реальные сделки, заключенные с намерением причинить вред кредиторам путём вывода имущества должника. Данный вид сделок носит явно противоправный характер и совершаются целенаправленно. Симулятивные (мнимые и притворные) сделки заключаются только для видимости и не направлены на реальные правовые последствия. В отличие от фраздаторных, симулятивные сделки не реализуют заявленные последствия, а служат лишь формальным прикрытием противоправных действий. Сделан вывод о необходимости более четкого разграничения указанных типов сделок на практике, поскольку правоприменители склонны объединять их в одну категорию, что приводит к трудностям при доказывании и квалификации содержания сделок.

Ключевые слова: банкротство, злоупотребление правом, симулятивные сделки, фраздаторные сделки, должник, имущество, обход закона, недобросовестность, банкротные правоотношения.

SOTNIKOV Alexey Evgenievich,

Lawyer St. Petersburg Law Chamber

ABUSE OF LAW AS A BASIS FOR CHALLENGING THE TRANSACTIONS OF AN INSOLVENT DEBTOR

Annotation. This article examines the issues of abuse of law as grounds for challenging the transactions of an insolvent debtor. The article considers the methods of unfair exercise of the right, which should be qualified as abuse of the right, depending on the content of the actions to exercise the right. It is proved that one of the key criteria for analyzing the abuse of law in bankruptcy proceedings is the content of the actions of the participants. If the intentions reflect their goals, then the content indicates the essence of the legal action carried out by the participants in the proceedings, revealing the mechanism of misconduct. Circumvention of the law, being one of the main ways of abusing the law in insolvency cases, is characterized by formal legality and apparent good faith. Dishonesty in bankruptcy is expressed not only in violation of the law, but in deliberate actions contrary to established standards of good behavior. When analyzing the content of actions related to abuse of law, it is necessary to make a clear distinction between fraudulent and fraudulent transactions. Crowdatory transactions are real transactions concluded with the intention of harming creditors

by withdrawing the debtor's property. This type of transaction is clearly illegal and is carried out purposefully. Simulated (imaginary and pretended) transactions are concluded only for the sake of appearances and are not aimed at real legal consequences. Unlike fraudulent transactions, simulated transactions do not realize the stated consequences, but serve only as a formal cover for illegal actions. It is concluded that there is a need for a clearer distinction between these types of transactions in practice, since law enforcement agencies tend to combine them into one category, which leads to difficulties in proving and qualifying the content of transactions.

Key words: *bankruptcy, abuse of law, simulated transactions, crowdatory transactions, debtor, property, circumvention of the law, dishonesty, bankruptcy legal relations.*

Одним из оснований для классификации эпизодов злоупотребления правом в рамках банкротных правоотношений является содержание действий по осуществлению права. Если намерения сторон отражают целевую установку действия участников банкротного производства, то содержание их действий составляет существо юридической действия, которое разворачивается в рамках отношений, связанных с несостоятельностью. Злоупотребление правом в этом случае выражается в практическом претворении в жизнь действий, направленных на осуществление субъективных прав, и это осуществление происходит неправомерным образом.

Одно из главных мест в ряде деяний, квалифицируемых как злоупотребление правом в рамках банкротного производства, принято считать действие в обход закона, как разновидность недобросовестного поведения.

Обход закона является проблемной категорией юридической науки, поскольку в ряд случаев он, либо противопоставляется злоупотреблению правом, либо отождествляется с ним. Однако в целом превалирующей точкой зрения в доктрине является квалификация обхода закона как специфической разновидности злоупотребления правом, а иногда как наивысшая форма злоупотребления правом [1, с. 2-7]. Действия в обход закона представляет собой юридическую конструкцию, которая привлекает все большее внимание ученого сообщества. Его толкование, как намеренное уклонение от исполнения требований закона, вызывает интерес с точки зрения правоотношений. Отдельные авторы рассматривают обход закона как хитрость, указывающую на интеллект и изворотливость личности, применяющей эту форму поведения. При этом суть данного злоупотребления правом «в форме обхода закона также образует то или иное правоосуществление в форме того или иного юридического акта» [2, с. 75].

Действия в обход закона нередко встречаются в банкротной сфере и могут быть осуществлены любым участником дела, обладающим соответствующим уровнем знаний в данной области права, что связано как с техническими, так и юридическими недостатками законодательного

регулирования. Кроме того, такие действия могут нарушать нравственные нормы и традиции делового оборота, так как носят активный характер и затрагивают права отдельных лиц. Таким образом, обход закона представляет общественно вредное поведение и под ним следует понимать «одну из форм злоупотребления правом, при котором имеет место законная по форме, но по сути неправомерная, целенаправленная деятельность, гражданина, юридического лица, публичных образований, которая противоречит основным началами и принципами гражданского права, посягает на права и законные интересы граждан или юридических лиц по их осуществлению и защите» [3, с. 183].

По своей природе, действия обход закона направлены на достижение конкретных правовых последствий, чем, к примеру, отличается от мнимых или притворных сделок, поскольку, в частности, в рамках притворной сделки реальная воля сторон не соответствует их фактическому волеизъявлению, что приводит к несоответствию юридических последствий сделки и намерений сторон. Так, в рамках банкротных правоотношений злоупотребление правом может осуществляться путем реализации субъективного права, направленного на заключение сделки, но в обход закона для достижения неправомерного интереса. Такие действия участника банкротного производства предполагают наличие умысла и использование нетипичных юридических средств или конструкций, направленных на достижение правового результата. К примеру, иницируя собственное банкротство производство, должник, желая обойти запрет установленный банкротным законодательством на возможность предложения кандидатуры арбитражного управляющего, может обратиться за помощью к «дружественным» кредиторам, которые обладают правовой возможностью предложения нужной кандидатуры.

В действиях участника банкротного производства, направленных на обход закона, явным образом проявляется неправомерность цели его поведения. Им используются неподходящие, нерелевантные положения банкротного законодательства, для создания иллюзии правомерного

достижения интереса, в то время как на самом деле этот интерес не входит в состав его субъективного права. Таким образом, игнорирование положений законодательства выступает исключительным способом обхода закона в рамках банкротных правоотношений с противоправной целью, «она направлена на достижение именно того результата, который декларируют стороны, но в силу несовершенства законодательства он не может быть достигнут при использовании предназначенных для этого правовых средств» [4, с. 185].

Помимо обхода закона, в юридической доктрине также принято выделять и иные способы недобросовестного осуществления права, которые также попадают в категорию злоупотребления правом в зависимости от содержания действий по осуществлению права. Данная категория случаев формируется по остаточному принципу, поскольку конкретные способы злоупотребления правом не подлежат классификации по каким-либо основаниям.

Недобросовестность – как антипод правомерного поведения личности также может быть рассмотрена в двух смыслах. В объективном понимании она является примером противоправного поведения личности, поскольку индивид действует в нарушение принципов и положений законодательства. В субъективной интерпретации недобросовестность ставит вопрос о вине лица, допустившего неправомерное поведение. Следовательно, лицо совершающее неправомерные действия, осознает свою вину и понимает последствия своих поступков.

Российская цивилистическая наука рассматривает добросовестность как эталонный образец поведения участника гражданских правоотношений, соответствие которому требуется от всякого лица, причем это поведение является ожидаемым и предполагает соответствие правилам этики и законности всех субъектов при взаимодействии друг с другом. Несоблюдение минимального стандарта правомерного поведения будет свидетельствовать о недобросовестности участника правоотношения и может иметь последствия в виде отказа в защите права.

Нормативное содержание ст. 10 ГК РФ позволяет сделать вывод, что не всякое недобросовестное поведение по умолчанию является злоупотреблением правом, а только такое, которое носит заведомый характер. Иными словами, лицо должно осознавать недобросовестный характер своего поведения и продолжать его осуществление. Недобросовестным будет такое поведение лица, которое не соответствует общественным ожиданиям, и противоречит предполагаемой обществом модели поведения.

Соревновательная природа отношений в сфере несостоятельности обуславливает стремление участников банкротного производства к защите собственных интересов, причем зачастую любыми способами, в том числе посредством недобросовестного поведения. Так, для контролирующих должника лиц это выражается в принятии мер по сокрытию имущества на ранних стадиях процедуры банкротства, либо в предбанкротный период с целью предотвращения его использования для погашения требований кредиторов. В результате контролирующие должника лица совершают юридически значимые действия, которые фактически направлены на уменьшение имущественной массы должника, не позволяющее обеспечить в полной мере удовлетворение требований кредиторов. Банкротное законодательство на противодействие такого рода действиям, в частности, им предусмотрен механизм оспаривания сделок, которые в рамках юридической доктрины обыкновенно принято именовать фраздаторными сделками.

Фраздаторные сделки необходимо отличать от симулятивных сделок, к числу которых относятся мнимые и притворные сделки (ст. 170 ГК РФ). Совершение фраздаторных сделок следует рассматривать в качестве примера недобросовестных действий, направленных на обход закона. Это «злонамеренное противоправное поведение субсидиарного должника в отношении кредиторов юридического лица» [5, с. 53].

В свою очередь, притворная сделка «совершается лишь для вида, одним из внешних показателей ее притворности служит несовершенство сторонами тех действий, которые предусматриваются данной сделкой» [6, с. 40]. Отсутствие направленности на правовые последствия является сущностным признаком симулятивной сделки.

Использование правовых конструкций для достижения экономических преимуществ, предусматривающих минимизацию возможных негативных экономических последствий для должника, в том числе заключение симулятивных и фраздаторных сделок, является широко распространенной практикой в банкротных производствах. Стоит отметить, что такие действия, несущие риски наступления негативных для сторон правовых последствий, таких как реституция с понижением возникшего в результате нее требования в очередности удовлетворения, чем закон стимулирует стороны придерживаться законных и этических норм при осуществлении сделок в предбанкротный период.

Действия в обход закона остаются достаточно расплывчатой категорией в юридической доктрине, в силу чего правоприменитель

часто объединяет в одну группу и фраздаторные, и симулятивные сделки, однако необходимо констатировать, что симулятивные сделки предполагают исключительно создание видимости правоотношения с целью сокрытия неправомерного характера действия, а фраздаторные отличаются от симулятивных сделок реальностью правоотношения, имеющей противоправный характер, направленный на обход закона.

Популярность оспаривания сделок как правового механизма защиты интересов добросовестных участника банкротного правоотношения позволяет сделать вывод, как о его действительности, так и о его релевантности эпизодам злоупотребления правом, связанным с содержанием действий по осуществлению права. Этот инструмент способствует предотвращению злоупотреблений правом и обеспечивает эффективное осуществление правовых действий. Учитывая сложность современной бизнес-среды, популярность оспаривания сделок становится необходимым инструментом для поддержания правопорядка и справедливости в юридической практике.

Российское законодательство предусматривает два типа оснований для оспаривания фраздаторных сделок – общие основания, предусмотренные гражданским законодательством, и специальные основания, установленные в нормах банкротного законодательства. Несмотря на различие в основаниях, используемых для оспаривания рассматриваемого типа сделок, их общей чертой является стремление недобросовестных участников банкротных правоотношений к изъятию ликвидных активов должника в собственных интересах.

В юридической литературе зачастую высказывается мнение, что законодательство не содержит точных критериев, которые позволяют квалифицировать совершение сделки как злоупотребление правом, что «затрудняет правоприменение и влечет ряд проблем» [7, с. 36]. В результате бремя квалификации сделки в качестве совершенной со злоупотреблением правом практически полностью возложено на правоприменителя, который вынужден, в условиях наличия пробелов в гражданском и банкротном законодательстве, самостоятельно определять критерии для выявления случаев недобросовестного поведения.

В сложившихся правоприменительной практике при квалификации сделки, как совершенной со злоупотреблением правом выделяют несколько подходов. Первым критерием будет факт того, что правовым последствием является уменьшение конкурсной массы и сопутствующее нарушение прав добросовестных кредиторов в рамках банкротного производства. Вторым критерием является специфика правового поведения сторон сделки, которая позволяет сделать

вывод о несоответствии этого поведения стереотипным моделям, характерным для участников гражданского оборота. Наконец, еще одним критерием может быть сам сговор между сторонами сделки, который направлен на причинение вреда иным лицам, либо получение какого-либо имущества в процедуре банкротства.

При квалификации сделки как совершенной со злоупотреблением правом также имеет место практика учета целевой направленности сделки и ее юридических последствий, а также наличие других обязательств, для исполнения которых такие сделки могут создать объективные препятствия. Поскольку изложенные критерии в своей совокупности не образуют стройную систему, то и признать их в качестве исчерпывающего изложения универсальных маркеров для квалификации сделок со злоупотреблением правом нельзя.

Также следует принимать во внимание то обстоятельство, что участники банкротного правоотношения, как правило, совершают множество сделок, призванных сформировать иллюзорное представление о правомерном характере осуществляемых транзакций, в результате которых заинтересованные лица осуществляют вывод имущества должника, создавая объективные барьеры на пути удовлетворения требований кредиторов, чем затрудняют квалификацию рассматриваемых действий как злоупотребление правом. Сделки, представляющие собой звенья обхода закона, «маскируют подлинную волю сторон совершением действий, направленных на исполнение притворной сделки, чаще, чем звенья последующие, ввиду того что такой предварительный этап, даже если ни у одного разумного человека и не возникло бы сомнений в существовании замысла сторон, во всяком случае минимизировал бы формальные поводы для признания сделки недействительной» [8, с. 18].

В практике судов арбитражной юрисдикции имеет достаточное количество примеров оспаривания цепочек сделок, хотя судебные инстанции применяют различные основания для квалификации этих сделок как неправомерных действий (Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 18 апреля 2018 г. по делу № А56-5017/2016).

Существенное значение также имеет и выявление намерений стороны сделки – их цели, мотивация, материально-правовой интерес, получение встречного исполнения. В результате выявления элементов состава сделки устанавливается противоправный характер действий сторон, позволивший реализовывать им своей интерес, в том числе такой интерес может заключаться в получении безосновательного контроля в рамках банкротного производства за счет увеличения кредиторской задолженности. В усло-

виях, когда недобросовестные участники банкротного процесса стремятся защитить свои активы и сократить имущественную массу должника, препятствующую удовлетворению требований кредиторов, оспаривание сделок становится важным механизмом защиты интересов добросовестных участников и борьбы против действий участников банкротного производства, злоупотребляющих правом.

Актуальной проблемой правоприменения при оспаривании сделок, совершенных со злоупотреблением правом, в рамках банкротного производства, до настоящего времени остается конкуренция общих и специальных оснований для оспаривания. Универсальным правилом разрешения конкуренции общей и специальной нормы, как известно, является признание приоритета последней. Противоположное решение этого вопроса в конечном итоге приводит к тому, что все специальные основания для оспаривания сделок в рамках банкротного производства будут поглощаться общими основаниями для оспаривания сделок, предусмотренных нормами гражданского законодательства.

На основании вышеизложенного сделаем следующие выводы.

Одним из ключевых критериев анализа злоупотребления правом в рамках банкротного производства является содержание действий участников, и если намерения отражают их цели, то содержание указывает на суть юридического действия, осуществляемого участниками производства, раскрывая механизм неправомерного поведения.

Действия в обход закона, являясь одним из основных способов злоупотребления правом в делах о несостоятельности, характеризуются формальной законностью и видимой добросовестностью, в действительности направлены на достижение неправомерного результата, противоречащего духу закона и принципам правопорядка. Такие действия имеют явно выраженную неправомерную цель и проявляются в применении нетипичных юридических схем или конструкций.

Недобросовестность в банкротстве выражается не только в нарушении законодательства, а в осознанных действиях, противоречащих установленным стандартам добросовестного поведения. Участники процесса, осознавая противоправность своих действий, продолжают их совершать, нанося вред интересам других участников процесса. Недобросовестное поведение в банкротстве обычно проявляется в сокрытии имущества, манипуляциях с конкурсной массой и в создании искусственных препятствий для удовлетворения требований кредиторов.

При анализе содержания действий, связанных со злоупотреблением правом, необходимо проводить четкое различие между фраздаторными и симулятивными сделками. Фраздаторные сделки представляют собой реальные сделки, заключенные с намерением причинить вред кредиторам путём вывода имущества должника. Данный вид сделок носит явно противоправный характер и совершаются целенаправленно. Симулятивные (мнимые и притворные) сделки заключаются только для видимости и не направлены на реальные правовые последствия. В отличие от фраздаторных, симулятивные сделки не реализуют заявленные последствия, а служат лишь формальным прикрытием противоправных действий. Также мы приходим к выводу о необходимости более четкого разграничения указанных типов сделок на практике, поскольку правоприменители склонны объединять их в одну категорию, что приводит к трудностям при доказывании и квалификации содержания сделок.

Список литературы:

- [1] Волков А.В. Обход закона как наивысшая форма злоупотребления правом // Гражданское право. 2013. № 2. С. 2-7.
- [2] Волков А.В. Понятие «обход закона» в доктрине и практике гражданского права // Законы России: опыт, анализ, практика. 2013. № 1. С. 75.
- [3] Камышанский В.П. Категория «обход закона» в российском гражданском праве // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2014. № 101. С. 183.
- [4] Харсеева В.Л. Понятие обхода закона с противоправной целью как форма злоупотребления правом // Теория и практика общественного развития. 2014. № 6. С. 185.
- [5] Гутников О.В. Субсидиарная ответственность в корпоративных правоотношениях: проблемы и перспективы // Журнал российского права. 2022. Т. 26. № 7. С. 53.
- [6] Лаптев В.А., Фейзрахманова Д.Р. Правовая квалификация «прикрываемой сделки» и вытекающие из нее юридические факты // Журнал российского права. 2023. Т. 27. № 11. С. 40.
- [7] Гурылева К.И. Злоупотребление правом как основание для оспаривания сделок несостоятельного должника // Вестник арбитражной практики. 2021. № 6 (97). С. 36.
- [8] Вольфсон В.Л. О притворности, мнимости и лжеатрибуции: «обход закона» как когнитивная деформация фиктивных сделок // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2015. № 1. С. 18.

Spisok literatury:

[1] Volkov A.V. Obxod zakona kak naivny'sshaya forma zloupotrebleniya pravom // Grazhdanskoe pravo. 2013. № 2. S. 2-7.

[2] Volkov A.V. Ponyatie «obxod zakona» v doktrine i praktike grazhdanskogo prava // Zakony Rossi: opyt, analiz, praktika. 2013. № 1. S. 75.

[3] Kamyshanskij V.P. Kategoriya «obxod zakona» v rossijskom grazhdanskom prave // Politematicheskij setevoy e'lektronnyj nauchnyj zhurnal Kubanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta. 2014. № 101. S. 183.

[4] Xarseeva V.L. Ponyatie obxoda zakona s protivopravnoj cel'yu kak forma zloupotrebleniya pravom // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. 2014. № 6. S. 185.

[5] Gutnikov O.V. Subsidiarnaya otvetstvennost' v korporativnyx pravootnosheniyax: problemy i perspektivy // Zhurnal rossijskogo prava. 2022. T. 26. № 7. S. 53.

[6] Laptev V.A., Fejzraxmanova D.R. Pravovaya kvalifikaciya «pikry'vaemoj sdelki» i vytekayushhie iz nee yuridicheskie fakty // Zhurnal rossijskogo prava. 2023. T. 27. № 11. S. 40.

[7] Gury'leva K.I. Zloupotreblenie pravom kak osnovanie dlya osparivaniya sdelok nesootvetstvennogo dolzhnika // Vestnik arbitrazhnoj praktiki. 2021. № 6 (97). S. 36.

[8] Vol'fon V.L. O pritivornosti, mnimosti i izheatribucii: «obxod zakona» kak kognitivnaya deformaciya fiktivnyx sdelok // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo. 2015. № 1. S. 18.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

БОНДАРЕНКО Павел Константинович,
Аспирант Российского государственного
университета правосудия имени В.М. Лебедева,
e-mail: mail@law-books.ru

ПРАВОВАЯ СУЩНОСТЬ ДОГОВОРА ПЕРЕВОЗКИ В ПРЯМОМ СМЕШАННОМ СООБЩЕНИИ

Аннотация. Автор в своей статье проводит исследования договорного регулирования ПСМ в рамках гражданского законодательства Российской Федерации обусловленного рядом факторов как: фрагментарность правовой базы, практические сложности, экономическая значимость, а также проводит комплексный анализ договорных механизмов, регламентирующих прямую смешанную перевозку, с акцентом на положения ГК РФ, а также в выявлении проблем правоприменительной практики и разработке рекомендаций по их минимизации.

Ключевые слова: транспорт, экономика, договор, инфраструктура, мультимодальная логистика, смешанная перевозка, бесперебойное перемещение, коллизии, нормы права, законодательство, судебная практика.

BONDARENKO Pavel Konstantinovich,
Postgraduate student of the Russian State University
of Justice named after V.M. Lebedev

LEGAL ESSENCE OF THE CONTRACT OF CARRIAGE IN DIRECT MIXED TRAFFIC

Annotation. The author in his article conducts research on contractual regulation of PSM within the framework of the civil legislation of the Russian Federation due to a number of factors such as: fragmentation of the legal framework, practical difficulties, economic significance, and also conducts a comprehensive analysis of contractual mechanisms regulating direct mixed transportation, with an emphasis on the provisions of the Civil Code of the Russian Federation, as well as in identifying problems of law enforcement practice and developing recommendations for their minimization.

Key words: transport, economy, contract, infrastructure, multimodal logistics, mixed transportation, uninterrupted movement, collisions, legal norms, legislation, judicial practice.

Современные тенденции глобализации экономики и интенсификация международных торговых отношений определяют возрастающую значимость мультимодальных логистических систем, обеспечивающих бесперебойное перемещение грузов между различными географическими точками. В данном контексте прямая смешанная перевозка (ПСМ), предполагающая использование нескольких видов транспорта по единому документу, становится ключевым элементом транспортно-правовой инфраструктуры. Однако правовое регулирование таких перевозок сопряжено с комплексом юридических коллизий, обусловленных необходимостью согласования норм, регламентирующих деятельность разнородных транспортных систем, а также обеспечением баланса интересов всех участников правоотношений.

Договор перевозки в прямом смешанном сообщении (ПСМ) представляет собой сложное гражданско-правовое обязательство, опосредующее перемещение грузов или пассажиров с использованием двух и более видов транспорта (железнодорожного, автомобильного, воздушного, водного) по единому документу. Его правовая природа обусловлена синтезом элементов различных транспортных договоров, что порождает дискуссии в доктрине относительно квалификации данного соглашения. В соответствии со ст. 785 ГК РФ, договор перевозки в ПСМ формально относится к категории реальных, возмездных и публичных договоров, однако специфика смешанных перевозок вносит в его структуру ряд особенностей, требующих детального анализа.

Правовая квалификация договора ПСМ

В научной литературе отсутствует единый подход к определению договора ПСМ. Ряд исследователей (В.А. Егиазаров, А.Г. Быков) рассматривают его как самостоятельный вид транспортного договора, обладающий уникальными признаками:

- Комплексность обязательства — объединение действий нескольких перевозчиков в единый технологический процесс.
- Сквозной характер ответственности — грузоотправитель взаимодействует с первым перевозчиком, который выступает организатором всей цепочки доставки (ст. 799 ГК РФ).
- Единый документооборот — оформление транспортной накладной (ст. 785 ГК РФ), заменяющей множество договоров между отдельными перевозчиками.

Однако иные авторы (например, М.К. Александров-Дольник) трактуют ПСМ как совокупность последовательных договоров перевозки, заключённых с каждым из перевозчиков. Такой подход акцентирует внимание на отсутствии в ГК РФ прямого указания на «смешанный договор», что порождает коллизии при толковании норм.

Судебная практика (Постановление Президиума ВАС РФ № 13256/13 от 12.11.2013) склоняется к первой позиции, признавая договор ПСМ единым обязательством с множественностью лиц на стороне перевозчика. Это подтверждается, в частности, правилом о солидарной ответственности участников перевозки (п. 2 ст. 799 ГК РФ).

Субъектный состав и содержание обязательств

Сторонами договора ПСМ традиционно выступают:

- Грузоотправитель (клиент) — инициатор перевозки, заключающий договор с оператором ПСМ.
- Перевозчики — юридические лица или ИП, осуществляющие транспортировку на определённом этапе (например, железная дорога + авиакомпания).
- Грузополучатель — третье лицо, в пользу которого исполняется обязательство.

Особенность субъектного состава заключается в том, что грузоотправитель не вступает в прямые договорные отношения со всеми перевозчиками. Организатор перевозки (первый перевозчик) берёт на себя функции координатора, что закрепляется в транспортной накладной. Данный документ, как подчёркивается в п. 1 ст. 785 ГК РФ, служит доказательством заключения договора и определяет права и обязанности сторон.

Содержание обязательств включает:

- Обязанность перевозчика доставить груз в пункт назначения с использованием нескольких видов транспорта.
- Право клиента требовать сохранности груза и соблюдения сроков доставки.
- Обязанность грузоотправителя оплатить услуги в порядке, установленном договором.

Соотношение общих и специальных норм
Регулирование ПСМ осуществляется на стыке общих положений ГК РФ и специальных транспортных уставов. Например:

- Устав железнодорожного транспорта (ст. 2) предусматривает особенности приёмки груза при переходе с ж/д на автомобильный транспорт.
- Воздушный кодекс РФ (ст. 105) устанавливает правила комбинированных перевозок с участием авиации.

Данная дуалистичность порождает проблему иерархии норм. Согласно ст. 3 ГК РФ, специальные законы применяются субсидиарно, если иное не вытекает из существа отношений. Например, в Постановлении Арбитражного суда Уральского округа № Ф09-9872/19 от 20.12.2019 суд указал, что условия о сроке доставки, закреплённые в Уставе автомобильного транспорта, не могут противоречить общим принципам ст. 792 ГК РФ.

Дискуссионные аспекты

К числу спорных вопросов относится:

1. Момент заключения договора. В силу реального характера договора (ст. 785 ГК РФ) обязательство возникает с момента передачи груза первому перевозчику. Однако в практике встречаются случаи заключения консенсуальных соглашений, что противоречит букве закона.
2. Правовой статус оператора ПСМ. Некоторые исследователи предлагают закрепить в законодательстве понятие «оператор смешанной перевозки» по аналогии с международными правилами (Конвенция ООН 1980 г.), что упростит распределение ответственности.

Договор ПСМ обладает признаками сложного обязательства, сочетающего элементы публичности и множественности субъектов. Его правовая природа требует унификации норм ГК РФ и транспортных уставов, а также чёткого закрепления статуса оператора перевозки. Судебная практика демонстрирует тенденцию к признанию единства обязательства, что соответствует потребностям современной логистики.

Пример из практики:

В деле № А40-123456/2021 Арбитражный суд г. Москвы признал недействительным условие договора, возлагавшее на грузоотправителя

обязанность самостоятельно согласовывать переход груза между перевозчиками, указав, что координация этапов входит в зону ответственности оператора ПСМ на основании ст. 799 ГК РФ.

В заключении целесообразно выделить, что правовое регулирование договора ПСМ остаётся динамичной областью, требующей дальнейшего научного осмысления и законодательных корректировок.

Проведённое исследование позволяет не только систематизировать теоретические знания о договорных аспектах ПСМ, но и предложить практические решения для снижения рисков в транспортно-логистической деятельности.

Список литературы:

- [1] Федеральный закон от 08.08.2024 № 288-ФЗ «О прямых смешанных (комбинированных) перевозках» (Вступает в силу с 01.09.2025. Устанавливает правила оформления единого транспортного документа, порядок заключения договоров и ответственность сторон)
- [2] Проект Федерального закона «О прямых смешанных (комбинированных) перевозках» (подготовлен Минтрансом России 03.07.2017)
- [3] Приказ Минтранса России от 13.01.2025 № 4 «Об установлении Перечня допускаемых для перевозок в прямом смешанном сообщении...»
- [4] Устав железнодорожного транспорта РФ (ФЗ № 18-ФЗ от 10.01.2003)
- [5] Кодекс внутреннего водного транспорта РФ (ФЗ № 24-ФЗ от 07.03.2001)
- [6] Левушкин А.Н., Кузьмина И.К. «Заключение, изменение и исполнение узлового соглашения» // «Транспортное право», 2023, № 4
- [7] Морозов С.Ю. «Правовые проблемы организации смешанных перевозок» // Журнал транспортного права, 2022.
- [8] Определение ВС РФ № 305-ЭС23-1234 от 12.01.2024
- [9] Конвенция ООН о международных смешанных перевозках грузов (1980 г.).
- Spisok literatury:
- [1] Federal'nyj zakon ot 08.08.2024 № 288-FZ "O pryamyx smeshannyx (kombinirovannyx) perevozках" (Vstupayet v silu s 01.09.2025. Ustanavlivaet pravila oformleniya edinogo transportnogo dokumenta, poryadok zaklyucheniya dogovorov i otvetstvennost' storon)
- [2] Proekt Federal'nogo zakona "O pryamyx smeshannyx (kombinirovannyx) perevozках" (podgotovlen Mintransom Rossii 03.07.2017)
- [3] Prikaz Mintransa Rossii ot 13.01.2025 № 4 "Ob ustanovlenii Perechnya dopuskaemyx dlya perevozok v pryamom smeshannom soobshhenii..."
- [4] Ustav zheleznodorozhnogo transporta RF (FZ № 18-FZ ot 10.01.2003)
- [5] Kodeks vnutrennego vodnogo transporta RF (FZ № 24-FZ ot 07.03.2001)
- [6] Levushkin A.N., Kuz'mina I.K. "Zaklyuchenie, izmenenie i ispolnenie uzlovogo soglashiya" // "Transportnoe pravo", 2023, № 4
- [7] Morozov S.Yu. "Pravovy'e problemy organizatsii smeshannyx perevozok" // Zhurnal transportnogo prava, 2022.
- [8] Opredelenie VS RF № 305-E'S23-1234 ot 12.01.2024
- [9] Konvenciya OON o mezhdunarodnyx smeshannyx perevozках грузов (1980 g.).

ЮРКОПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

ЛЯШКО Юлия Олеговна,
Студент Юридической школы
Дальневосточного федерального университета,
e-mail: lyashko.yo@dvfu.ru

ПРОВАТКИНА Валерия Евгеньевна,
Студент Юридической школы
Дальневосточного федерального университета,
e-mail: provatkina.ve@dvfu.ru

ВОЛОШИНА Татьяна Владимировна,
Студент Юридической школы
Дальневосточного федерального университета,
e-mail: voloshina.tv@dvfu.ru

Научный руководитель:
КОРЧАГИН Анатолий Георгиевич,
к.ю.н., И.о. заведующего кафедрой
конкурентного и предпринимательского права ЮШ ДВФУ,
e-mail: mail@law-books.ru

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК СУБЪЕКТ ПРАВА: ДЕЛИКТОСПОСОБНОСТЬ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Аннотация. В статье рассматривается проблема правосубъектности искусственного интеллекта (ИИ) в контексте деликтной ответственности. Анализируются подходы к определению правового статуса ИИ, возможности признания его субъектом права. Особое внимание уделяется вопросам деликтоспособности ИИ, то есть способности нести ответственность за причиненный вред. Отмечается, что существующие правовые нормы не в полной мере учитывают специфику ИИ как потенциального субъекта деликтных обязательств. Предлагаются варианты решения проблемы, в том числе введение специального правового режима для ИИ, разработка критериев определения вины и причинно-следственной связи при причинении вреда с участием ИИ, создание системы страхования ответственности разработчиков и пользователей ИИ. Делается вывод о необходимости дальнейшего развития правового регулирования в данной сфере.

Ключевые слова: искусственный интеллект, правосубъектность, деликтоспособность, ответственность, причинение вреда, вина, причинно-следственная связь, страхование ответственности.

LYASHKO Yulia Olegovna,
Student of the Law School
of the Far Eastern Federal University

PROVATKINA Valeria Evgenievna,
Student of the Law School
of the Far Eastern Federal University

VOLOSHINA Tatyana Vladimirovna,
Student of the Law School
of the Far Eastern Federal University

Scientific supervisor:
KORCHAGIN Anatoly Georgievich,
Ph.D., Acting Head of the Department
of Competitive and Entrepreneurial Law, FEFU

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AS A SUBJECT OF LAW: TORT CAPACITY OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Annotation. *The article deals with the problem of legal personality of artificial intelligence (AI) in the context of tort liability. Approaches to determining the legal status of AI and the possibility of recognizing it as a subject of law are analyzed. Special attention is paid to the issues of tort capacity of AI, that is, the ability to be liable for the harm caused. It is noted that the existing legal norms do not fully take into account the specifics of AI as a potential subject of tort obligations. Solutions to the problem are proposed, including the introduction of a special legal regime for AI, the development of criteria for determining guilt and causation in causing harm with the participation of AI, the creation of a liability insurance system for AI developers and users. It is concluded that further development of legal regulation in this area is necessary.*

Key words: *artificial intelligence, legal personality, tort capacity, liability, causing harm, guilt, causation, liability insurance.*

Введение

Стремительное развитие технологий искусственного интеллекта (далее – ИИ) ставит перед юридическим сообществом ряд сложных вопросов, связанных с определением правового статуса ИИ. Одним из ключевых аспектов данной проблемы является деликтоспособность ИИ, то есть его способность нести гражданско-правовую ответственность за причиненный вред.

Актуальность темы деликтоспособности искусственного интеллекта обусловлена стремительным проникновением систем ИИ во все сферы жизнедеятельности социума. Сегодня ИИ активно применяется в здравоохранении, на транспорте, в финансовом секторе, промышленности и многих других областях [4, с. 47]. Цифровизация и автоматизация процессов с использованием ИИ, безусловно, несут в себе значительные выгоды и преимущества, позволяя оптимизировать ресурсы, повысить эффективность и точность выполнения задач. Вместе с тем, по мере расширения применения ИИ, все чаще возникают прецеденты, когда действия интеллектуальных систем влекут за собой причинение вреда жизни, здоровью или имуществу человека. Такие инциденты могут быть связаны с ошибками и сбоями в работе ИИ, непредсказуемостью его поведения в нестандартных ситуациях, а также автономностью принятия решений, основанных на самообучении.

Возникновение подобных казусов с участием ИИ порождает закономерный вопрос: кто должен нести ответственность за причиненный вред? Традиционно в рамках деликтных правоотношений ответственным субъектом признается лицо, чьи виновные действия привели к неблагоприятным последствиям. Однако в случае с ИИ применение классических правовых конструкций вызывает определенные затруднения. С одной стороны, ИИ является продуктом интеллектуальной деятельности человека, результатом работы программистов и разработчиков. Следовательно, может возникнуть соблазн возложить всю пол-

ноту ответственности именно на создателей ИИ, допустивших ошибки в его архитектуре или обучении. С другой стороны, современные системы ИИ обладают способностью к самостоятельному обучению, непрерывно совершенствуют свои алгоритмы на основе поступающих данных и способны принимать решения автономно, без непосредственного контроля со стороны человека. Более того, обладая объективными преимуществами в скорости обработки информации и выявлении закономерностей, ИИ нередко действует таким образом, что его поведение не всегда поддается прогнозированию и не укладывается в привычные рамки человеческой логики. Означает ли это, что в подобных случаях ответственность должен нести сам ИИ как самостоятельный субъект права? Или же бремя ответственности лежит на пользователях ИИ, извлекающих выгоду из его применения и осуществляющих управление его работой? Однозначного и универсального ответа на этот вопрос пока не существует, что делает проблему деликтоспособности ИИ еще более острой и дискуссионной.

Кроме того, специфика ИИ вносит определенные коррективы в устоявшиеся правовые подходы к установлению вины и причинно-следственной связи как обязательных условий деликтной ответственности. Применительно к ИИ сложно говорить о наличии свободы воли и осознанности действий в привычном понимании. Процесс принятия решений ИИ основан на анализе огромных массивов данных и выявлении неочевидных закономерностей, что делает затруднительным установление прямой причинной связи между действиями разработчиков или пользователей и негативными последствиями, наступившими в результате работы ИИ.

Все это свидетельствует о необходимости тщательного исследования проблемы деликтоспособности ИИ, разработки новых правовых подходов и конструкций, учитывающих особенности ИИ как потенциального субъекта ответственности. Задача эта не из легких, ведь речь

идет об уникальном феномене, не имеющем прямых аналогов в правовой реальности. Однако игнорировать эту проблему нельзя, поскольку она напрямую затрагивает права и законные интересы всех членов общества, сталкивающихся с проявлениями ИИ в своей повседневной жизни. Только сбалансированный и взвешенный подход, основанный на глубоком анализе технологической и правовой составляющих проблемы, позволит выработать оптимальную модель регулирования деликтной ответственности с участием ИИ, обеспечивающую соблюдение прав и интересов всех вовлеченных сторон.

Цель данной статьи – проанализировать проблему деликтоспособности ИИ, выявить особенности правового регулирования в данной сфере и предложить возможные варианты решения существующих проблем.

Результаты исследования

Правосубъектность искусственного интеллекта

Прежде чем приступить к анализу вопроса о деликтоспособности искусственного интеллекта (ИИ), представляется необходимым определиться с его правовым статусом в целом. В современной юридической доктрине сложилось несколько концептуальных подходов к решению этой неординарной проблемы, каждый из которых имеет свои особенности и нюансы [1, с. 39-49].

Первый подход, получивший достаточно широкое распространение, базируется на постулате, согласно которому ИИ является разновидностью имущества, объектом права, но никак не субъектом. Следовательно, ответственность за вред, причиненный ИИ, должна возлагаться на его собственника или иного законного владельца, обладающего вещными правами в отношении данного объекта [12, с. 358]. Такая позиция, на первый взгляд, представляется вполне логичной и обоснованной, поскольку она соответствует традиционному пониманию правосубъектности, связывающему ее исключительно с человеком или коллективным образованием людей.

Второй подход, напротив, предполагает признание ИИ своеобразным квазисубъектом права, обладающим ограниченной правосубъектностью по аналогии с юридическими лицами. При таком понимании ИИ может участвовать в гражданском обороте, вступать в правоотношения, но его правосубъектность носит специальный, ограниченный характер, очерченный целями создания и функционирования данной системы [6, с. 74-77]. Сторонники этого подхода исходят из того, что современные передовые технологии ИИ обладают признаками автономности, способности к самообучению и принятию самостоятель-

ных решений, что позволяет говорить о наличии у них особого правового статуса, отличного от обычных объектов гражданских прав.

Наконец, третий подход, являющийся наиболее радикальным и дискуссионным, основан на концепции электронного лица. Приверженцы данной позиции считают целесообразным и обоснованным предоставление ИИ полноценного статуса субъекта права, включая возможность нести самостоятельную юридическую ответственность за свои действия [7, с. 113]. Такой подход базируется на идее, что высокоразвитый ИИ, обладающий способностью к саморазвитию, автономному мышлению и принятию решений, фактически приобретает свойства субъекта, личности, пусть и в нетрадиционном понимании этого слова. Соответственно, наделение ИИ правосубъектностью рассматривается здесь как закономерный и неизбежный шаг в развитии права в условиях технологической революции.

Представляется, что наиболее взвешенной и обоснованной является позиция тех авторов, которые отстаивают необходимость дифференцированного подхода к определению правосубъектности ИИ в зависимости от уровня его развития и автономности [2, с. 13]. Действительно, вряд ли можно ставить знак равенства между примитивными системами ИИ, лишенными способности к самообучению и принятию самостоятельных решений, и продвинутыми формами ИИ, демонстрирующими поразительный уровень автономности и зачатки самосознания. Очевидно, что первые могут рассматриваться исключительно как объекты права, в то время как вторые потенциально способны претендовать на статус квазисубъекта или даже полноценного субъекта права со всеми вытекающими отсюда последствиями [3, с. 102].

Таким образом, вопрос о правосубъектности ИИ остается открытым и дискуссионным, требующим глубокого научного осмысления и выработки консенсусных подходов. От его решения во многом зависит будущее правового регулирования отношений, связанных с использованием технологий ИИ, в том числе в контексте определения деликтоспособности последнего. Представляется, что по мере дальнейшего развития и усложнения систем ИИ неизбежно будет происходить трансформация традиционных правовых конструкций и появление новых, учитывающих специфику этого феномена. Вместе с тем, уже сегодня необходимо вырабатывать адекватные правовые механизмы, позволяющие обеспечить баланс интересов разработчиков, пользователей и иных лиц, взаимодействующих с ИИ, а также гарантировать соблюдение прав и свобод человека в условиях все большего проникновения ИИ во все сферы общественной жизни.

Деликтоспособность искусственного интеллекта.

Деликтоспособность, будучи неотъемлемым элементом правосубъектности, подразумевает возможность субъекта права нести гражданско-правовую ответственность за причиненный им вред, что приобретает особую актуальность и остроту в контексте функционирования искусственного интеллекта (ИИ), действия которого зачастую характеризуются непредсказуемостью и потенциальной способностью причинить существенный ущерб [5, с. 88-89]. Необходимо подчеркнуть, что действующие нормы деликтного права в большинстве своем не адаптированы к регулированию отношений, осложненных участием ИИ, что порождает ряд сложностей и коллизий. В частности, ст. 1064 ГК РФ императивно предписывает, что вред, причиненный личности или имуществу гражданина, равно как и вред, причиненный имуществу юридического лица, подлежит возмещению в полном объеме лицом, причинившим вред, что актуализирует дискуссионный вопрос о возможности квалификации ИИ в качестве «лица» в контексте данной нормы и возложения на него ответственности за причиненный вред.

Следует акцентировать внимание на том, что привлечение к деликтной ответственности обусловлено необходимостью установления вины причинителя вреда, а также наличия причинно-следственной связи между его действиями и наступившими негативными последствиями, что в случае с ИИ приобретает весьма специфическое звучание. Возникает закономерный вопрос о допустимости оперирования категорией вины применительно к ИИ, учитывая отсутствие у него свободы воли в общепринятом смысле, а также сложности в определении причинно-следственной связи, обусловленные способностью ИИ к самообучению и непрогнозируемостью его поведения [14, с. 132-141].

Принимая во внимание вышеизложенное, целесообразно акцентировать внимание на том, что особенности функционирования ИИ, в частности, его способность к автономным действиям и самообучению, детерминируют необходимость пересмотра традиционных подходов к определению деликтоспособности и разработки специальных правовых механизмов, учитывающих специфику ИИ как потенциального субъекта деликтных обязательств. В этом контексте заслуживает внимания позиция, согласно которой ответственность за вред, причиненный ИИ, должна возлагаться на лицо, создавшее соответствующий риск и извлекающее выгоду от использования ИИ, что в большинстве случаев предполагает фигуру разработчика или пользователя ИИ [8, с. 52].

Вместе с тем, нельзя исключать и возможность привлечения к ответственности самого ИИ при условии достижения им высокого уровня автономности и самостоятельности, что может быть реализовано посредством ограничения деликтоспособности ИИ определенной суммой или страховым покрытием, сформированным за счет отчислений разработчика или пользователя [11, с. 401-402]. Важным шагом на пути решения проблемы деликтоспособности ИИ видится создание специального правового режима, в рамках которого будут определены критерии установления вины и причинно-следственной связи при причинении вреда с участием ИИ, а также предусмотрена возможность страхования ответственности разработчиков и пользователей ИИ, что позволит гарантировать возмещение вреда потерпевшим вне зависимости от финансового состояния конкретного причинителя вреда [9, с. 5].

Резюмируя вышеизложенное, следует констатировать, что проблема деликтоспособности ИИ является одной из наиболее сложных и дискуссионных в современной юридической науке, что обусловлено спецификой ИИ как потенциального субъекта права и несовершенством действующего правового регулирования. Представляется, что адекватное решение данной проблемы возможно лишь при условии разработки специального правового режима, учитывающего особенности функционирования ИИ и обеспечивающего баланс интересов всех заинтересованных субъектов. При этом в основу такого режима должны быть положены принципы риск-ориентированного подхода, дифференциации правового регулирования, разработки специальных критериев вины и причинно-следственной связи, введения обязательного страхования ответственности и создания компенсационных фондов. Только комплексный и взвешенный подход, основанный на глубоком осмыслении проблемы и учете интересов всех вовлеченных субъектов, позволит создать эффективный правовой механизм регулирования деликтоспособности ИИ и обеспечить надлежащую защиту прав и законных интересов личности, общества и государства в условиях стремительного развития технологий искусственного интеллекта.

Важным шагом на пути решения проблемы деликтоспособности ИИ могло бы стать создание специального правового режима, учитывающего особенности ИИ как потенциального субъекта деликтных обязательств. В рамках такого режима следовало бы определить критерии, позволяющие установить наличие вины и причинно-следственной связи при причинении вреда с участием ИИ [15, с. 155].

Кроме того, целесообразно предусмотреть возможность страхования ответственности разработчиков и пользователей ИИ. Такое страхование позволило бы гарантировать возмещение вреда потерпевшим независимо от финансового состояния конкретного причинителя вреда [9, с. 5].

Еще одним вариантом решения проблемы могло бы стать создание специальных компенсационных фондов для выплаты возмещения пострадавшим от действий ИИ. Источниками формирования таких фондов могли бы выступать обязательные отчисления разработчиков и пользователей ИИ, а также средства государственного бюджета [13, с. 5].

Заключение

Проведенный анализ показывает, что проблема деликтоспособности ИИ является весьма сложной и многоаспектной. Существующие правовые нормы не в полной мере учитывают специфику ИИ как потенциального субъекта деликтных обязательств. В связи с этим необходима разработка специального правового режима, определяющего особенности гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный с участием ИИ.

Представляется, что в основу такого правового режима должны быть положены следующие принципы:

- 1) Риск-ориентированный подход, предполагающий возложение ответственности на лицо, создавшее риск причинения вреда и извлекающее выгоду от использования ИИ;
- 2) Дифференциация правового регулирования в зависимости от уровня развития и автономности ИИ;
- 3) Разработка специальных критериев для установления вины и причинно-следственной связи при причинении вреда с участием ИИ;
- 4) Введение обязательного страхования ответственности разработчиков и пользователей ИИ;
- 5) Создание компенсационных фондов для обеспечения возмещения вреда пострадавшим.

Реализация данных принципов позволит обеспечить баланс интересов разработчиков, пользователей и потенциальных жертв ИИ, создаст необходимые гарантии прав и законных интересов всех участников соответствующих отношений. Вместе с тем, следует признать, что формирование оптимальной модели правового регулирования деликтоспособности ИИ – это сложный и длительный процесс, требующий дальнейших научных исследований и практической апробации.

Список литературы:

- [1] Барюков П.Н. Ответственность за вред, причиненный технологиями с искусственным интеллектом: подход Европейского союза // Территория новых возможностей. Вестник владивостокского государственного университета экономики и сервиса. - 2020. - Т. 12, № 4. - С. 39-49.
- [2] Болотаева О.С. Правосубъектность искусственного интеллекта // Право и государство: теория и практика. - 2022. - № 4 (208). - С. 13.
- [3] Данилов Ю.Д. Некоторые размышления о правосубъектности искусственного интеллекта // Скиф. - 2021. - № 10 (62). - С. 102.
- [4] Душкин Р.В. Искусственный интеллект. - М.: ДМК Пресс. - 2019. - С. 47.
- [5] Латпев В.А. Понятие искусственного интеллекта и юридическая ответственность за его работу // Право. Журнал Высшей школы экономики. - № 2. - 2019. - С. 88-89.
- [6] Морхарт П.М. Концепт индивидуального субъекта права применительно к электронному лицу (правосубъектность очистки коррекции интеллекта) // Право и государство: теория и практика (зарубежный опыт). - 2018. - № 8 (164). - С. 74-77.
- [7] Морхат П.М. Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: научно-методический и правовой асп. // Ростов н/Д. - 2019. - С. 113.
- [8] Перькова В.В. Проблемы правосубъектности носителей искусственного интеллекта // Закон и власть. - 2023. - № 2. - С. 52.
- [9] Писаренко М.С. К вопросу об искусственном интеллекте и его субъектности // Вопросы российской юстиции. - 2020. - № 10. - С. 5.
- [10] Торгов Л.О. О правосубъектности искусственного интеллекта // Право и управление. - 2023.
- [11] Трофимов П.В. Правосубъектность искусственного интеллекта в интеллектуальном праве // Скиф. - 2024. - № 4 (92). - С. 401-402.
- [12] Ужов Ф.В. Искусственный интеллект как субъект права / Ф.В. Ужов // Пробелы в российском законодательстве. - 2017. - № 3. - С. 358.
- [13] Marshall, Willick S. Artificial intelligence: Some legal approaches and implications // AI Magazine. - 1983. - Vol. 4, № 2. - P. 5. (in French).
- [14] Radutny O.E. Criminal Liability of the Artificial Intelligence // Problems of legality. - 2017. - No. 138. - Pp. 132-141. (in English).
- [15] Solaiman S.M. Legal personality of robots, corporations, idols and chimpanzees: a quest for legitimacy // Artificial Intelligence and Law. - 2017. - Vol. 25. - № 2. - P. 155. (in English).

Spisok literatury:

[1] Baryukov P.N. Otvetstvennost' za vred, prichinennyj tekhnologiyami s iskusstvenny'm intellektom: podxod Evropejskogo soyuza // Territoriya novyx vozmozhnostej. Vestnik vladivostskogo gosudarstvennogo universiteta e'konomiki i servisa. - 2020. - T. 12, № 4. - S. 39-49.

[2] Bolotaeva O.S. Pravosub'ektnost' iskusstvennogo intellekta // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. - 2022. - № 4 (208). - S. 13.

[3] Danilov Yu.D. Nekotory'e razmy'shleniya o pravosub'ektnosti iskusstvennogo intellekta // Skif. - 2021. - № 10 (62). - S. 102.

[4] Dushkin R.V. Iskustvennyj intellekt. - M.: DMK Press. - 2019. - S. 47.

[5] Latpev V.A. Ponyatie iskusstvennogo intellekta i yuridicheskaya otvetstvennost' za ego rabotu // Pravo. Zhurnal Vy'sshej shkoly e'konomiki. - № 2. - 2019. - S. 88-89.

[6] Morxart P.M. Koncept individual'nogo sub'ekta prava primenitel'no k e'lektronnomu liczu (pravosub'ektnost' ochistki korrekcii intellekta) // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika (zarubezhnyj opyt). - 2018. - № 8 (164). - S. 74-77.

[7] Morxat P.M. Pravosub'ektnost' iskusstvennogo intellekta v sfere prava intellektual'noj sobst-

vennosti: nauchno-metodicheskij i pravovoj asp. // Rostov n/D. - 2019. - S. 113.

[8] Per'kova V.V. Problemy pravosub'ektnosti nositelej iskusstvennogo intellekta // Zakon i vlast'. - 2023. - № 2. - S. 52.

[9] Pisarenko M.S. K voprosu ob iskusstvennom intellekte i ego sub'ektnosti // Voprosy rossijskoj yusticii. - 2020. - № 10. - S. 5.

[10] Torgov L.O. O pravosub'ektnosti iskusstvennogo intellekta // Pravo i upravlenie. - 2023.

[11] Trofimov P.V. Pravosub'ektnost' iskusstvennogo intellekta v intellektual'nom prave // Skif. - 2024. - № 4 (92). - S. 401-402.

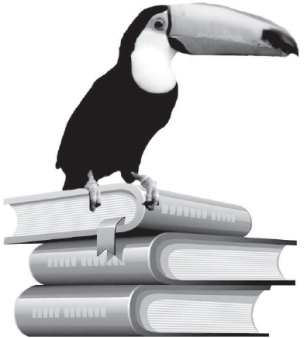
[12] Uzhov F.V. Iskustvennyj intellekt kak sub'ekt prava / F.V. Uzhov // Probely v rossijskom zakonodatel'stve. - 2017. - № 3. - S. 358.

[13] Marshall, Willick S. Artificial intelligence: Some legal approaches and implications // AI Magazine. - 1983. - Vol. 4, № 2. - P. 5. (in French).

[14] Radutny O.E. Criminal Liability of the Artificial Intelligence // Problems of legality. - 2017. - No. 138. - Pp. 132-141. (in English).

[15] Solaiman S.M. Legal personality of robots, corporations, idols and chimpanzees: a quest for legitimacy // Artificial Intelligence and Law. - 2017. - Vol. 25. - № 2. - P. 155. (in English).

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, Е-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 28.05.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.06.2025 г.

DOI: 10.24412/2224-9133-2025-5-84-87

ФЕТХУЛЛИНА Карина Рамилевна,
обучающаяся по программе специалитета 5 курса
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
e-mail: s0131929@edu.msal.ru

ИНСТИТУТ ПРИВЛЕЧЕНИЯ КОНТРОЛИРУЮЩИХ ДОЛЖНИКА ЛИЦ (КДЛ) К СУБСИДИАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ («СНЯТИЕ КОРПОРАТИВНОЙ ВУАЛИ») КАК ГРАНИЦА АВТОНОМИИ ВОЛИ УЧАСТНИКОВ КОРПОРАЦИИ В ОТНОШЕНИИ С ТРЕТЬИМИ ЛИЦАМИ

Аннотация. Статья посвящена проблемам определения пределов диспозитивности в корпоративных отношениях. Автор рассматривает институт привлечения контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности как механизм защиты добросовестных участников гражданского оборота (контрагентов должника) от злоупотреблений законодательно предоставленными возможностями диспозитивного урегулирования корпоративных отношений.

Ключевые слова: корпоративное право, корпоративная ответственность, субсидиарная ответственность, контролирующие должника лица.

FETKHULLINA Karina Ramilevna,
5nd year specialist program student Kutafin
Moscow State Law University (MSAL)

THE INSTITUTION OF BRINGING THE DEBTOR'S CONTROLLING PERSONS (CDL) TO SUBSIDIARY RESPONSIBILITY («REMOVING THE CORPORATE VEIL») AS THE BOUNDARY OF THE AUTONOMY OF THE WILL OF THE CORPORATION'S PARTICIPANTS IN RELATION TO THIRD PARTIES

Annotation. The article is devoted to the problems of determining the limits of dispositivity in corporate relations. The author considers the institution of bringing persons controlling the debtor to subsidiary responsibility as a mechanism for protecting bona fide participants in civil turnover (the debtor's counterparties) from abuse of legally provided opportunities for dispositive settlement of corporate relations.

Key words: corporate law, corporate responsibility, subsidiary liability, persons controlling the debtor.

«Корпорация – хитроумное изобретение для получения личной прибыли без личной ответственности». А. Бирс

Фраза А. Бирса неслучайно выбрана в качестве эпиграфа данной работы. Она в полной мере отражает цель, преследуемую участниками гражданского оборота при создании такого сложного субъекта экономических отношений как корпорация. Корпорация – не только и не столько орга-

низационная форма бизнеса, – это объединение являет собой один из ключевых продуктов, порожденных рыночной экономикой, и, одновременно, элемент, формирующий ее облик. Возникновение и развитие корпораций обусловлены фундаментальными принципами и потребностями рыночной системы: свободой предпринимательства, конкуренцией, стремлением к непрерывной максимизации прибыли.

В условиях конкурентного рынка, корпоративная форма организации бизнеса предоставляет ряд преимуществ ее членам. Так, например, им, в отличие от индивидуальных игроков, доступна реализация масштабных проектов, требующих больших ресурсо- и капиталовложений; ответственность участников корпорации носит ограниченный характер, что, в свою очередь снижает инвестиционные риски и стимулирует приток капитала в экономику. Кроме того, профессиональный управленческий аппарат (менеджмент), являющийся характерной составляющей корпорации, способствует принятию эффективных управленческих решений, соответствующих условиям, диктуемым извне. Вместе с этим, корпорация, как форма организации бизнеса, оказывает положительный эффект и на поддержание стабильности в социальной и экономической областях, тем самым удовлетворяя фундаментальные потребности населения и государства. Так, в условиях непрекращающейся борьбы за рынки сбыта, крупные игроки направляют свои ресурсы на оперативную разработку и внедрение в производственные процессы механизмов повышения его эффективности, инноваций, совершенствование качества продукции и услуг при максимально возможном удержании конкурентных цен. С целью стимулирования положительного эффекта от деятельности корпораций, государство, в лице законодателя, дает им большую автономию воли в регулировании внутриорганизационных отношений.

При этом под корпоративными отношениями для целей рассмотрения дел о привлечении контролирующих должника лиц (далее – КДЛ) к субсидиарной ответственности правильно понимать в том числе отношения, связанные с определением деятельности (руководством) юридического лица с контрагентами в рамках договорных отношений [1].

Гарантируя свободу предпринимательства и предоставляя каждому право использовать свои способности и имущество, в том числе путем создания и участия в хозяйственных обществах, законодатель также обязывает проводить ликвидацию юридического лица в строгом соответствии с установленным порядком, обеспечивающим, среди прочего, соблюдение прав его кредиторов.

Природа корпорации, как особого субъекта права, исключает возможность использования ее юридической формы в качестве инструмента для нанесения ущерба добросовестным участникам гражданского оборота [2], на что также обращено внимание в п. 1 постановления Пленума ВС РФ от

21 декабря 2017 г. № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве». Лицо, которое фактически может осуществлять руководство действиями юридического лица, обязано действовать в интересах последнего разумно и добросовестно и несет ответственность за убытки, причиненные по его вине юридическому лицу [3, 4].

Вместе с тем, корпорации часто становятся инструментом для незаконного извлечения финансовой выгоды. Злоупотребляя предоставленными возможностями диспозитивного урегулирования отношений, связанных с осуществлением экономической деятельности, лица, в ведении которых находится принятие управленческих решений, преследуя цель пополнения личных карманов, наносят урон иным субъектам отношений, что противоречит природе юридического лица.

Можно выделить две укрупненные группы лиц, чьи права и интересы могут быть ущемлены недобросовестными действиями КДЛ:

- участники (преимущественно – миноритарии);
- третьи лица (в лице кредиторов и государства)

Наибольший интерес с практической точки зрения представляет последняя категория субъектов. Основопологающим принципом гражданского права является свобода договора. Корпоративное право является подотраслью гражданского права, и, как следствие, регулируемые им отношения, также базируются на этом принципе. Зачастую злоупотребления в корпоративных отношениях выражаются в заключении сделок на заведомо невыгодных для компании условиях. Направленных на вывод активов и наращивание кредиторской задолженности, что может значительно ухудшить финансовое состояние компании. Следом – всем известный сценарий: возбуждение дела о банкротстве, введение соответствующих процедур, проведение собраний и комитетов кредиторов, расчет по требованиям кредиторов и ликвидация. За набором незамысловатых словосочетаний скрываются многомиллиардные долги, многотомные дела и многолетние судебные тяжбы в стенах Фемиды. Но как же можно привлечь к ответственности «нежилыца»? Корпорация к началу банкротства уже «опустошена», ее ликвидность стремится к нулевым показателям... Следует понимать, что такое состояние не возникает одномоментно, – как правило ему предшествует долгая планомерная работа по выводу активов, т.е. в такое состояние

ее приводят экономические решения, принимаемые лицами, имеющими контроль над ее управлением.

При этом КДЛ может быть привлечено либо к возмещению корпоративных убытков по ст. 53.1 Гражданского кодекса Российской Федерации, либо – к субсидиарной ответственности (ст. 61.11 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве)). Критерием, по которому суд оценивает, какие нормы подлежат применению, является степень существенности негативного воздействия КДЛ на финансово-экономические показатели подконтрольного ему хозяйствующего субъекта. Если результаты действий стали необходимой причиной банкротства, лицо подлежит субсидиарной ответственности. В иных случаях с КДЛ взыскиваются корпоративные убытки.

Наиболее неблагоприятным для КДЛ исходом событий является привлечение его к субсидиарной ответственности, поскольку ее размер не ограничен фактически причиненными лицу убытками, а определяется как разница между активами корпорации – банкрота на момент приостановления расчетов с кредиторами по причине исчерпания конкурсной массы должника и пассивами. Поэтому ответственность таких лиц может доходить до миллиардов рублей. Так, например, Арбитражным судом Ростовской области бизнесмен-банкрот Вадим Ванев был привлечен к субсидиарной ответственности в размере 6,6 млрд. руб. по обязательствам ООО «Донстар» [5], владельцем которого он являлся.

С целью ограничения злоупотреблений со стороны КДЛ, а также обеспечения защиты кредиторов корпораций и, как следствие, обеспечения стабильности гражданского оборота, законодатель предусмотрел ряд опровержимых презумпций (п. 2 ст. 61.11 Закона о банкротстве). Благодаря им перераспределено бремя доказывания между кредитором корпорации – должником (истцом) и КДЛ (ответчиком) в рамках обособленного спора о привлечении КДЛ к субсидиарной ответственности. Таким образом, закон упрощает для истцов задачу установления причинно-следственной связи между действиями КДЛ и невозможностью удовлетворения требований кредиторов.

Таким образом, обывательское мнение о том, что банкротство является способом списания задолженности не отвечает действительности. Институт банкротства – сложный механизм, подлежащий применению, в большинстве случаев, вследствие наступления неблагоприятных

последствий от действий КДЛ, выходящих за рамки обычной хозяйственной жизни и обычного делового риска, то есть злоупотребления предоставленной им автономии в принятии корпоративных решений, и позволяющий защитить права кредиторов корпорации.

За рубежом, например, в США, есть схожий механизм под названием «снятием корпоративной вуали» («piercing the corporate veil»). «Снятие корпоративной вуали» представляет собой юридическую доктрину, позволяющую суду игнорировать принцип ограниченной ответственности корпорации и привлекать к ответственности по ее долгам акционеров или аффилированных лиц. Эта мера является исключительной и подлежит применению в случае, когда формальное разделение между корпорацией и ее владельцами используется для совершения мошенничества, обхода закона или причинения несправедливого вреда третьим лицам.

Таким образом, справедливо будет спроецировать широко известное выражение М. Бакунина: «Свобода одного человека заканчивается там, где начинается свобода другого», – на субъектов экономической жизни. Действительно, граница диспозитивности корпоративных отношений находится на стыке с правами и интересами третьих лиц.

Анализ пределов диспозитивности в корпоративных отношениях показал: институт субсидиарной ответственности очерчивает границы в принятии решений КДЛ, выходя за которые оно рискует быть привлеченным к удовлетворению требований кредиторов юридического лица. Возможность привлечения КДЛ к ответственности собственным имуществом служит важным ограничителем свободы усмотрения в принятии корпоративных решений. Она предотвращает злоупотребление диспозитивными нормами и направлена на защиту интересов кредиторов и обеспечение стабильности гражданского оборота. Субсидиарная ответственность выступает гарантом добросовестного использования предоставленной законом гибкости в регулировании внутрикорпоративных отношений, подчеркивая необходимость баланса между свободой договора и ответственностью за ее последствия.

Список литературы:

[1] Веде Ю.В. О некоторых вопросах разграничения подведомственности // Арбитражный и гражданский процесс. 2018. № 10. С. 36 - 39.

[2] П. 3, 4 ст. 1, п. 1 ст. 10 Гражданского кодекса Российской Федерации // СПС «КонсультантПлюс».

[3] Там же. П. 3 ст. 53.1.

[4] Ст. 40, 44 Федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «Об обществах с ограниченной ответственностью».

[5] Определение Арбитражного суда Ростовской области от 26 марта 2025 г. по делу № А53-9340-171/19 // Картотека арбитражных дел: интернет - портал. - URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/04eb3cbe-0461-4461-a89e-51d9ddc1efd3/52b394b1-f6db-47f8-bc1e-04abf38a5b01/A53-9340_2019_20250326_Prochie_sudebnye_dokumenty.pdf?isAddStamp=True.

Spisok literaturey:

[1] Vede Yu.V. O nekotoryh voprosah razgraničeniya podvedomstvennosti // Arbitrazhnyj i grazhdanskij process. 2018. № 10. S. 36 - 39.

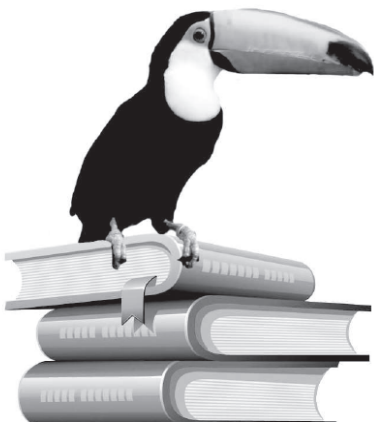
[2] P. 3, 4 st. 1, p. 1 st. 10 Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii // SPS «Konsul'tantPlyus».

[3] Tam zhe. P. 3 st. 53.1.

[4] St. 40, 44 Federal'nogo zakona ot 08.02.1998 № 14-FZ (red. ot 08.08.2024) «Ob obshchestvah s ogranichennoj otvetstvennost'yu».

[5] Opreделение Arbitrazhnogo suda Rostovskoj oblasti ot 26 marta 2025 g. po delu № А53-9340-171/19 // Kartoteka arbitrazhnyh del: internet - portal. - URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/04eb3cbe-0461-4461-a89e-51d9ddc1efd3/52b394b1-f6db-47f8-bc1e-04abf38a5b01/A53-9340_2019_20250326_Prochie_sudebnye_dokumenty.pdf?isAddStamp=True.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ПЛУТЕНКО Даниил Сергеевич,

Студент, кафедра предпринимательского права,
гражданского и арбитражного процесса
Института философии и права Федеральное государственное
автономное образовательное учреждение высшего образования
«Новосибирский национальный исследовательский
государственный университет»,
e-mail: plutenko_daniil@mail.ru

ЛОПУХОВ Кирилл Иванович,

Студент, кафедра предпринимательского права,
гражданского и арбитражного процесса
Института философии и права Федеральное государственное
автономное образовательное учреждение высшего образования
«Новосибирский национальный исследовательский
государственный университет»,
e-mail: k.lopukhov@g.nsu.ru

ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫЕ КОРПОРАЦИИ И МНОГОНАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРЕДПРИЯТИЯ КАК ОСОБЫЕ СУБЪЕКТЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО ПРАВА

Аннотация. В настоящей статье авторами исследуются подходы к пониманию транснациональных корпораций и многонациональных предприятий как субъектов международного предпринимательского права. Авторами выделяются основные квалифицирующие признаки, отличающие рассматриваемые субъекты от иных субъектов предпринимательского права. Также исследуются вопросы применимых источников права, регулирующих вопросы организации и деятельности транснациональных корпораций и многонациональных предприятий, анализируются подходы к определению личного закона указанных субъектов. В результате авторами формулируются выводы относительно характеристики и особенностей транснациональных корпораций и многонациональных предприятий, а также принципов определения применимого к ним права.

Ключевые слова: транснациональные корпорации (ТНК), многонациональные предприятия (МНП), личный закон, применимое право, источники правового регулирования, признаки транснациональных корпораций и многонациональных предприятий, понятие ТНК и МНП, международное предпринимательское право, субъекты международного предпринимательского права.

PLUTENKO Daniil Sergeevich,

Student, Department of Business Law,
Civil and Arbitration Procedure Institute of Philosophy and Law
Federal State Autonomous Educational Institution
Novosibirsk National Research State University of Higher Education
“Novosibirsk National Research State University”

LOPUCHOV Kirill Ivanovich,

Student, Department of Business Law,
Civil and Arbitration Procedure Institute of Philosophy and Law
Federal State Autonomous Educational Institution
Novosibirsk National Research State University of Higher Education
“Novosibirsk National Research State University”

TRANSNATIONAL CORPORATIONS AND MULTINATIONAL ENTERPRISES AS SPECIAL SUBJECTS OF INTERNATIONAL BUSINESS LAW

Annotation. *In this article, the authors explore approaches to understanding transnational corporations and multinational enterprises as subjects of international business law. The authors identify the main qualifying features that distinguish the subjects under consideration from other subjects of business law. The authors also examine the issues of applicable sources of law governing the organization and activities of transnational corporations and multinational enterprises, and analyze approaches to defining the personal law of these entities. As a result, the authors formulate conclusions regarding the characteristics and features of transnational corporations and multinational enterprises, as well as the principles of determining the law applicable to them.*

Key words: *transnational corporations (TNCs), multinational enterprises (MNEs), personal law, applicable law, sources of legal regulation, features of transnational corporations and multinational enterprises, the concept of TNCs and MNEs, international business law, subjects of international business law.*

Современная мировая экономика, несмотря на вводимые в отношении Российской Федерации в течение нескольких последних лет ограничения международной торговли, характеризуется высокой степенью интеграции национальных рынков, продолжающейся глобализацией и ростом влияния транснациональных корпораций и многонациональных предприятий на глобальные и региональные товарные рынки. Глобализация влечет усложнение существующих общественных отношений, что обуславливает необходимость адаптации национального законодательства и международно-правовых институтов к изменяющимся и вновь возникающим правовым явлениям. Транснациональные корпорации и многонациональные предприятия играют ключевую роль в международной торговле, инвестиционной деятельности и трансграничном перемещении капитала, однако до настоящего времени отсутствует единое понимание правового положения данных субъектов, в связи с чем возникает необходимость глубокого анализа их правовой природы, определения их правового статуса, а также выявления источников регулирования и правил определения и применения личного закона. Данная работа нацелена на исследование указанных вопросов и представление выводов на основе соответствующего нормативного материала, правоприменительной практики и доктринальных источников.

Транснациональные корпорации (далее – ТНК) и многонациональные предприятия (далее – МНП) являются формами организации международного бизнеса, функционирующими в более чем одной юрисдикции. Несмотря на схожесть, данные понятия не являются синонимичными.

Рассматривая подходы к пониманию транснациональной корпорации, следует заметить, что несмотря на употребление термина «корпорация», в данном конкретном случае некорректно толковать его в понимании п. 1 ст. 65.1 Гражданс-

кого кодекса Российской Федерации, как юридическое лицо, учредители (участники) которого обладают правом членства в них и формируют их высших орган. В международном праве транснациональные корпорации характеризуются более широко.

Так, в практике Организации объединенных наций (далее – ООН), ТНК представлена как международная компания, масштаб предпринимательской деятельности которой охватывает несколько стран, централизованно управляющая своими подразделениями из одной или нескольких точек[1]. Г. М. Вельяминов определяет ТНК как во многом не зависящие от страны происхождения и формы собственности предприятия, имеющие подразделения не менее чем в двух странах, функционирующие в соответствии с системой принятия решений, обеспечивающей согласованную политику и общую стратегию[3]. Однако более полным представляется определение, формулируемое В.Д. Федчуком, который характеризует ТНК как группу компаний, представляющую собой экономическое единство, состоящую из двух или более компаний, каждая из которых является самостоятельным юридическим лицом, но которые связаны или контролем, осуществляемым одной компанией, называемой материнской, над другими компаниями, или же фактом, что эти компании, являясь независимыми, находятся под общим управлением[6]. Аналогичной позиции об экономической целостности транснациональных корпораций при их юридической разделенности придерживается и М.М. Богуславский[2].

В отличие от ТНК, многонациональное предприятие представляет собой единую организацию, осуществляющую предпринимательскую деятельность на территории различных государств. Так, Джон Дэниэлс отмечает, что многонациональное предприятие – это фирма, независимо от формы собственности, имеющая произ-

водственные мощности в более чем одной стране, в состав собственников которой входят как исключительно частные лица, так и государство[7]. В.А. Садиков в отношении многонационального предприятия указывает, что данный термин применяется для обозначения тех случаев, когда участие в капитале или управлении единой компании осуществляется представителями разных государств.

Из анализа научной литературы можно заключить, что в российской правовой доктрине учеными зачастую поддерживается обозначенное разграничение и устанавливается соотношение ТНК и МНП. В дополнение к указанным ранее определениям следует указать, что, Садиков В.А. определяет ТНК как корпорации, действующие в нескольких странах с единым центром принятия решений. Комаров К.А. предлагает использовать термин «многонациональное предприятие» для случаев распределенного управления и участия капитала из разных государств.

Зарубежные исследователи, в частности Дэниэлс и Радебау, трактуют МНП как предприятия, имеющие производственные и иные активы в двух и более странах, независимо от централизованности управления. Однако, несмотря на разграничение, проводимое отдельными зарубежными учеными, следует отметить, что в международно-правовой доктрине и практике существует определенное смешение рассматриваемых понятий. Термин «транснациональная корпорация» чаще используется в контексте международного права и деятельности ООН, тогда как «многонациональное предприятие» – в англосаксонской корпоративной практике и литературе по международному бизнесу. Более того, из анализа документов ООН следует, что рассматриваемые термины используются как синонимичные.

Помимо исследования практики международных организаций и научной литературы, разумно также проанализировать, как воспринимаются и применяются указанные термины судебной практикой. В данном контексте разумно заметить, что судами, как правило, не проводится четкое разграничение данных субъектов, а также не устанавливаются их квалифицирующие признаки, которые будут раскрыты далее в настоящей работе, в связи с чем в отдельных делах суды формулируют позиции, противоречащие пониманию ТНК и МНП. Так, например, в решении по делу *United States v. Nippon Paper Industries Co.*, американский суд применил антимонопольное законодательство США к японской корпорации на основании того, что ее действия затрагивали рынок США, несмотря на отсутствие дочернего юрлица в США. Данное дело иллюстрирует практический подход к понятию ТНК в странах англо-американской правовой системы, основан-

ный не на юридической характеристике данных форм корпораций, а в большей степени на воздействии, осуществляемом компанией на товарные рынки определенного государства.

Исходя из рассмотренного, можно говорить о том, что рассмотренные понятия имеют ряд существенных различий, в связи с чем не должны смешиваться в правоприменении, однако зачастую эти различия игнорируются, прежде всего, при привлечении корпорации к ответственности на территории иного государства. Корректно говорить о том, что ТНК юридически представляют собой группу юридических лиц с централизованным управлением, в то время как МНП – это единая компания, ведущая предпринимательскую деятельность на рынках различных государств и в управлении которой участвуют субъекты из разных стран.

После определения понятий транснациональной корпорации и международного предприятия, выявления их ключевых различий, разумно установить совокупность признаков, позволяющих отнести компанию к одному из рассматриваемых видов.

Международные организации, такие как Конференция ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД), Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), Международный валютный фонд (МВФ), Всемирная торговая организация (ВТО), Статистический отдел Организации Объединенных Наций и Статистическое бюро Европейского сообщества (Евростат) сыграли ключевую роль в разработке концепции и методологии, необходимых для учета транснациональных корпораций. В 1973 г. ООН предлагала относить к транснациональным корпорации, объем торговли которых составляет не менее 100 миллионов долларов. Однако масштабы деятельности ТНК нельзя в полной мере оценить по внешним признакам, таким как число филиалов, объем продаж или инвестиций, количество занятых лиц. В каждом конкретном случае возможны вариации форм, масштабов, отношений собственников и т.д., что делает крайне затруднительным установить четкие единые критерии для отнесения субъекта к ТНК или МНП. Оценке мешает и значительное количество внутрикорпоративных операций, искажающих предложенные для оценки показатели.

В результате проведенного анализа Конференция ООН по торговле и развитию сформулировала два основных критерия для отнесения корпорации к ТНК: наличие зарубежных филиалов и возможность ими управлять. Однако доктриной выделяется ряд дополнительных признаков, позволяющих с большей точностью определить относимость компании к транснациональным корпорациям, а также дополнительно

разграничить транснациональные корпорации и многонациональные предприятия. Обобщая вышесказанное, к признакам следует отнести:

1. Наличие хозяйственной деятельности в нескольких странах. Это может выражаться в создании филиалов, представительств, дочерних компаний, участии в проектах, совместных предприятиях за пределами страны регистрации материнской организации. Следует учитывать, что наличие дочерних компаний, зарегистрированных в других государствах характерно исключительно для ТНК, тогда как МНП представляет собой одно юридическое лицо.
2. Международная структура капитала. Часто ТНК и МНП формируются с участием инвесторов из различных государств, что усиливает их трансграничную природу.
3. Наличие централизованного или распределенного управления. Для ТНК характерен единый центр управления, в то время как в МНП может преобладать децентрализация и автономия региональных подразделений.
4. Глобальная стратегия развития. ТНК и МНП разрабатывают стратегические планы, охватывающие весь мир, оптимизируя цепочки поставок, налогообложение, логистику и маркетинг с учетом особенностей юрисдикций.
5. Влияние на национальные экономики. ТНК и МНП могут существенно влиять на занятость, ВВП, инновационную активность в странах своего присутствия за счет объединения компетенций специалистов из разных стран и распространения одного продукта в разных юрисдикциях.
6. Юридическое оформление деятельности. Как правило, ТНК создают дочерние юридические лица в других странах, что обеспечивает гибкость и соответствие местному законодательству, в то время как МНП зарегистрированы в одном из государств и открывают внешние структурные подразделения в других государствах.

Таким образом, следует говорить о том, что доктриной и международной практикой выделены ряд ключевых характеристик, позволяющих не только разграничить транснациональные корпорации и многонациональные предприятия между собой, но и отграничить их от иных компаний, не обладающих аналогичным статусом на международном рынке.

Правовое регулирование транснациональных корпораций и многонациональных предприятий представляет собой сложную и многоуровневую систему, включающую нормы как национального, так и международного характера. Из-за трансграничной деятельности таких компаний их

правовой статус составляют публичные и частные элементы, что требует особого внимания к источникам регулирования и к вопросу определения применимого права (личного закона, *lex societatis*).

Первый уровень регулирования представлен национальными источниками, которыми выступают национальные законы стран, на территории которых зарегистрированы головные или дочерние компании. Именно по праву соответствующего государства определяются: а) правосубъектность юридического лица; б) порядок учреждения, реорганизации и ликвидации; в) структура корпоративного управления; г) права и обязанности акционеров (участников); д) формы и пределы ответственности. Так, в Российской Федерации на юридические лица распространяются положения Гражданского кодекса РФ и ряда специальных федеральных законов. В США на корпорации распространяется действие федеральных актов, например, Модельного закона «О предпринимательской корпорации», «Закона о ценных бумагах» 1933 года, «Единого торгового кодекса США», однако ввиду большей самостоятельности штатов, основная часть законодательства, определяющего правовое положение компаний, формируется на уровне штатов и распространяется на компании, зарегистрированные в соответствующем штате. Так, например, юридические лица, зарегистрированные в Калифорнии, применяются нормы Кодекса о корпорациях штата Калифорнии, либо нормы «Общих положений о корпорациях», содержащихся в сводах законов штатов, где законодательство не кодифицировано[4].

Вторым уровнем правового регулирования выступает Международное публичное право. В регулировании деятельности ТНК и МНП значительную роль играют, прежде всего, нормы: Конвенций ВТО (в том числе Генерального соглашения по торговле услугами — GATS); двусторонних и многосторонних соглашений о защите инвестиций (BITs); Конвенции ICSID (1965) о разрешении инвестиционных споров между государствами и иностранными лицами; руководящих принципов ОЭСР для транснациональных предприятий (OECD Guidelines), которые, хотя и не являются юридически обязательными, оказывают значительное влияние на формирование мягкого права в корпоративной сфере. Они содержат нормы, касающиеся прозрачности бизнеса, корпоративного управления, трудовых прав, охраны окружающей среды и антикоррупционного поведения. Также стоит отметить Глобальный договор ООН (UN Global Compact), к которому присоединились многие ТНК. Он предусматривает добровольное соблюдение принципов в области прав человека, трудовых стандартов и устойчивого развития.

Третий уровень регулирования – международное частное право. Коллизионные нормы играют ключевую роль в определении личного закона и разрешении трансграничных корпоративных споров. Основными источниками здесь выступают: Гаагские конвенции, включая Конвенцию от 1 июня 1956 года о признании правосубъектности иностранных компаний, ассоциаций и учреждений, Конвенцию от 22 декабря 1986 года о праве, применимом к договорам международной купли-продажи товаров; Римская конвенция 1980 года и Регламент Рим I и II в рамках ЕС; национальные коллизионные нормы (например, ст. 1202-1208 ГК РФ).

Современной международно-правовой доктриной сформированы два основных подхода к определению личного закона юридического лица:

1. Право инкорпорации (*incorporation theory*) – юридическое лицо действует в соответствии с правом той страны, где оно зарегистрировано. Применение данной теории придает гибкость выбору юрисдикции, что используется многими ТНК для снижения налоговой нагрузки или воздействия регуляторов на их деятельность.
2. Право реального местонахождения (*real seat theory*) – к юридическому лицу применяется право страны, где осуществляется фактическое управление. Данный подход распространен в странах континентального права, прежде всего, в Германии и Франции. В соответствии с ним применимым правом считается право страны, где расположен фактический центр управления корпорацией. Однако в рамках ЕС эта теория претерпела изменения под влиянием практики Суда Европейского союза, расширив возможности компаний сохранять инкорпорацию при фактическом перемещении бизнеса в другую страну.

В Российской Федерации, согласно ст. 1202 Гражданского кодекса РФ, личный закон юридического лица определяется по праву страны его учреждения, если иное не установлено международным договором РФ или законом. В то же время в отношении филиалов и представительств иностранных юридических лиц применяются положения российского законодательства в части их правового статуса.

Несмотря на выделение двух основных подходов к определению личного закона юридического лица, в трансграничной деятельности ТНК и МНП нередки случаи, когда применяется комбинированный подход. Так, например, в вопросах налогов может использоваться место ведения деятельности, а в корпоративных спорах – страна регистрации.

На правовое регулирование деятельности ТНК и МНП также влияет судебная практика. В ряде дел, рассмотренных судами, используются различные подходы к определению применимого права. К таким делам относится, в частности, решение Суда ЕС по делу *Cartesio*, где было признано право государства требовать соответствия формы юридического лица его законодательству при перемещении головного офиса. Ранее в настоящей работе также было упомянуто дело *United States v. Nippon Paper Industries Co.*, в котором американский суд распространил действие антимонопольного законодательства США на иностранную корпорацию, действовавшую за пределами юрисдикции, но оказывавшую влияние на рынок США.

Таким образом, следует говорить о значительном объеме норм как национального права отдельных государств, так и международного права, регулирующих правовое положение и деятельность транснациональных корпораций и многонациональных предприятий.

Подводя итог проведенному исследованию, следует говорить о том, что транснациональные корпорации и многонациональные предприятия являются важнейшими участниками международных экономических отношений. Несмотря на схожесть характеристик, их правовая природа и организационные особенности имеют ряд существенных различий. Кроме того, практикой ООН и доктриной международного права определены основные признаки, установление которых позволяет отнести компанию к ТНК или МНП. Для правовой квалификации и регулирования деятельности рассматриваемых субъектов международного предпринимательского права требуется учет многоуровневой системы источников права и применение гибких механизмов коллизионного регулирования. В условиях глобализации и усиления трансграничной деятельности компаний вопросы определения применимого права и правового статуса ТНК и МНП приобретают особую актуальность. Необходимо дальнейшее исследование проблем, связанных с характеристикой и деятельностью транснациональных компаний и многонациональных предприятий в целях актуализации и модернизации законодательств отдельных государств в части правового статуса рассматриваемых субъектов, особенностей ведения ими предпринимательской деятельности, процедур контроля и надзора за их деятельностью. Кроме того, необходимо также обеспечение надлежащего международно-правового регулирования отдельных аспектов ведения деятельности ТНК и МНП, ввиду их распространения на территории многих государств и ведения деятельности одновременно во многих правовых порядках. Вслед-

ствие указанных процессов видится логичным и дальнейшая унификация правоприменительной практики разных стран, прежде всего в части судебных дел, участниками которых выступают ТНК и МНП, что в итоге приведет к контролируемому и прогнозируемому ведению указанными субъектами предпринимательской деятельности.

Список литературы:

[1] Асанова Л.Р. ТНК как субъект международного частного права // Аллея науки. 2019. N 1. С. 703-705.

[2] Богуславский М.М. Международное частное право: учебник / М.М. Богуславский. М.: Норма, 2024. 672 с.

[3] Вельяминов Г.М. Международное экономическое право и процесс: учебник / Г.М. Вельяминов. М.: Волтерс Клувер, 2004. 477 с.

[4] Карпович О.Г. Регулирование международной деятельности современных транснациональных корпораций // Право и политика. 2017. N 1. С. 47-58.

[5] Смагина В.И. Понятие и сущность ТНК // Вестник Тамбовского университета. 2007. N 8. С. 66-71.

[6] Федчук В.Д. De facto зависимость de jure независимых юридических лиц: проникновение за корпоративный занавес в праве ведущих зарубежных стран. / В.Д. Федчук. М.: Волтерс Клувер, 2008. 400 с.

[7] Daniels J.D. International business: environments and operations / J.D. Daniels. Upper Saddle River, N.J.: Prentice Hall, 2004. 701 p.

Spisok literatury:

[1] Asanova L.R. TNK kak sub"ekt mezhdunarodnogo chastnogo prava // Alleya nauki. 2019. N 1. S. 703-705.

[2] Boguslavskij M.M. Mezhdunarodnoe chastnoe pravo: uchebnik / M.M. Boguslavskij. M.: Norma, 2024. 672 s.

[3] Vel'yaminov G.M. Mezhdunarodnoe ekonomicheskoe pravo i process: uchebnik / G.M. Vel'yaminov. M.: Volters Kluver, 2004. 477 s.

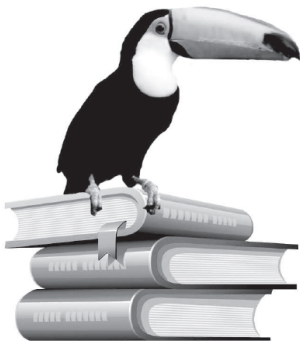
[4] Karpovich O.G. Regulirovanie mezhdunarodnoj deyatel'nosti sovremennyh transnacional'nyh korporacij // Pravo i politika. 2017. N 1. S. 47-58.

[5] Smagina V.I. Ponyatie i sushchnost' TNK // Vestnik Tambovskogo universiteta. 2007. N 8. S. 66-71.

[6] Fedchuk V.D. De facto zavisimost' de jure nezavisimyyh yuridicheskikh lic: proniknovenie za korporativnyj zhanaves v prave vedushchih zarubezhnyh stran. / V.D. Fedchuk. M.: Volters Kluver, 2008. 400 s.

[7] Daniels J.D. International business: environments and operations / J.D. Daniels. Upper Saddle River, N.J.: Prentice Hall, 2004. 701 p.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 31.05.2025 г.

DOI: 10.24412/2224-9133-2025-5-94-96

Дата принятия рукописи в печать: 10.06.2025 г.

БОНДАРЕНКО Павел Константинович,
Аспирант Российского государственного университета
правосудия имени В.М. Лебедева,
e-mail: mail@law-books.ru

К ВОПРОСУ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ УЧАСТНИКОВ ДОГОВОРА ПРЯМОЙ СМЕШАННОЙ ПЕРЕВОЗКИ ПО ГК РФ: КОЛЛИЗИИ МЕЖДУ ГК РФ И ОТРАСЛЕВЫМИ УСТАВАМИ

Аннотация. Автор в данной научной статье рассматривает вопросы, связанные с ответственностью участников договора прямой смешанной перевозки, регулируемые нормами гражданского кодекса, акцентирует внимание на возникающие проблемные вопросы возмещения ущерба, различными коллизиями между отраслевыми уставами и гражданским кодексом Российской Федерации, приводит примеры из судебной практики по регулированию различных правоотношений между участниками прямых смешанных сообщений.

Ключевые слова: договор, перевозчик, солидарность, ответственность, коллизии, гражданский кодекс, логистика, прямая смешанная перевозка, грузополучатель, устав, судебная практика, транспортная компания, доставка.

BONDARENKO Pavel Konstantinovich,
Postgraduate student of the Russian State University
of Justice named after V.M. Lebedev

ON THE ISSUE OF LIABILITY OF THE PARTIES TO A DIRECT MIXED TRANSPORTATION AGREEMENT UNDER THE CIVIL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION: CONFLICTS BETWEEN THE CIVIL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION AND INDUSTRY CHARTERS

Annotation. The author in this scientific article examines issues related to the liability of the parties to a direct mixed transportation agreement, regulated by the norms of the civil code, focuses on emerging problematic issues of compensation for damage, various conflicts between industry charters and the civil code of the Russian Federation, gives examples from judicial practice on the regulation of various legal relations between participants in direct mixed communications.

Key words: agreement, carrier, solidarity, liability, conflicts, civil code, logistics, direct mixed transportation, consignee, charter, judicial practice, transport company, delivery.

Ответственность участников договора прямой смешанной перевозки (ПСМ) регулируется нормами Гражданского кодекса РФ, которые устанавливают специфические правила распределения обязанностей и санкций в условиях множественности перевозчиков.

Данный институт направлен на обеспечение баланса интересов грузоотправителя, грузополучателя и транспортных компаний, однако его применение сопряжено с рядом правовых коллизий, требующих детального анализа.

Говоря об основаниях и условиях наступления ответственности, целесообразно отметить, что согласно ст. 796 ГК РФ, перевозчик несёт ответственность за утрату, недостачу, повреждение груза или просрочку доставки, если не докажет, что вред возник вследствие непреодолимой силы, свойств груза либо умысла или небрежности самого отправителя/получателя.

Особенность ПСМ заключается в необходимости идентификации этапа транспортировки, на котором произошло нарушение. Например, если

груз повреждён при перегрузке с железнодорожного на автомобильный транспорт, ответственность возлагается на перевозчика, осуществлявшего этот этап (п. 3 ст. 799 ГК РФ).

Вместе с тем актуально выделить следующие ключевые условия ответственности:

- Наличие ущерба (физическая утрата, порча, нарушение сроков).
- Причинно-следственная связь между действиями перевозчика и ущербом.
- Вина перевозчика, которая презюмируется (бремя доказывания отсутствия вины лежит на транспортной компании).

Также весьма значительно в данном контексте затронуть речь и солидарной ответственности перевозчиков и отметить тот момент, что в соответствии с п. 2 ст. 799 ГК РФ, все перевозчики, участвующие в ПСМ, несут солидарную ответственность перед грузовладельцем.

Исходя из вышеуказанного становится очевидным тот факт, что грузополучатель вправе предъявить требование о возмещении ущерба:

- К любому из перевозчиков (например, к оператору, организовавшему перевозку).
- Ко всем перевозчикам одновременно.

Однако после удовлетворения требований перевозчик, компенсировавший ущерб, может взыскать сумму потерь с виновного участника цепочки через регрессный иск (ст. 1081 ГК РФ). Данный механизм закреплён в п. 3 ст. 799 ГК РФ, что подтверждается судебной практикой (Постановление АС Московского округа № Ф05-12345/2023 от 15.03.2023).

На основании вышеизложенного становится вполне приемлемым рассмотрение вопроса связанного с ограничением размера возмещения, в части которой статьями 796–797 ГК РФ устанавливаются пределы финансовой ответственности перевозчика:

- За утрату или повреждение груза — в размере его объявленной стоимости, указанной в транспортной накладной.
- За просрочку доставки — в размере провозной платы, если иное не предусмотрено договором.

Это правило направлено на минимизацию рисков перевозчиков, но порождает конфликты, если реальная стоимость груза превышает заявленную.

Например, в деле № А56-78901/2022 Арбитражный суд Санкт-Петербурга отказал в возмещении ущерба на сумму 5 млн руб., так как в накладной была указана стоимость 2 млн руб., а доказательств умысла перевозчика истцом представлено не было.

Специальные транспортные уставы (УЖТ РФ, Воздушный кодекс, Кодекс внутреннего водного транспорта) зачастую устанавливают

иные правила ответственности, что противоречит принципу приоритета ГК РФ (ст. 3 ГК РФ). В качестве примера можно привести следующие моменты:

- Устав автомобильного транспорта (ст. 34) предусматривает возмещение ущерба в полном объёме, если перевозчик не доказал отсутствие вины, что шире пределов ст. 796 ГК РФ.
- Воздушный кодекс (ст. 119) ограничивает ответственность авиаперевозчика суммой, эквивалентной 20 МРОТ за кг груза, что может конфликтовать с условиями договора ПСМ.

Судебная практика разрешает такие коллизии через применение норм ГК РФ как основного регулятора (Постановление Пленума ВАС РФ № 30 от 06.10.2005). Однако отсутствие единообразия в толковании создаёт правовую неопределённость и зачастую приводит к различным дилеммам доказывания и в последствии способствует возникновению судебных споров.

Основные сложности в реализации ответственности при ПСМ связаны со следующими моментами:

1. Идентификацией виновного этапа — грузовладелец не всегда имеет доступ к информации о моменте возникновения ущерба.
2. Доказыванием вины перевозчика — даже при солидарной ответственности истец должен подтвердить факт нарушения обязательств (Определение ВС РФ № 305-ЭС23-1234 от 12.01.2024).
3. Расчётом размера ущерба — споры возникают при оценке стоимости груза, особенно если она не была задекларирована.

Пример из практики:

В деле № А40-56789/2023 перевозчик доказал, что повреждение контейнера произошло из-за ненадлежащей упаковки груза, выполненной отправителем. Суд отказал в иске, сославшись на п. 1 ст. 796 ГК РФ, так как вина перевозчика не была установлена.

Институт ответственности в ПСМ, закреплённый в ГК РФ, обеспечивает защиту интересов грузовладельцев через механизм солидарной ответственности, но требует совершенствования в части:

- Унификации правил расчёта возмещения с учётом международных стандартов (например, Гаагско-Висбийских правил).
- Чёткого регулирования взаимодействия норм ГК РФ и отраслевых уставов.
- Внедрения цифровых технологий (трекинг грузов, электронные накладные) для упрощения доказывания.

Таким образом, ответственность в ПСМ остаётся одним из наиболее дискуссионных

аспектов транспортного права, требующим дальнейшего законодательного и доктринального развития.

На основании вышеизложенного считается целесообразным выделить следующие рекомендации:

Во-первых, закрепить в ГК РФ понятие «оператор смешанной перевозки» с возложением на него обязанности страхования рисков.

Во-вторых, внести изменения в ст. 799 ГК РФ, уточнив порядок регрессных требований между перевозчиками.

В-третьих, разработать методические указания по определению виновного этапа в ПСМ с участием Роспотребнадзора и транспортных ассоциаций.

Значение исследования заключается в том, что предложенные меры способны минимизировать риски участников ПСМ, повысить эффективность грузоперевозок и укрепить позиции России в международной логистике.

Список литературы:

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) (Статьи 785, 788, 796–800, 1047, 1050, 1053, регулирующие общие положения о перевозках, ответственности и соглашениях)

[2] Федеральный закон от 08.08.2024 № 288-ФЗ «О прямых смешанных (комбинированных) перевозках» (Вступает в силу с 01.09.2025. Устанавливает правила оформления единого транспортного документа, порядок заключения договоров и ответственность сторон)

[3] Проект Федерального закона «О прямых смешанных перевозках» (подготовлен Минтрансом России 03.07.2017)

[4] Егiazаров В.А. Транспортное право. — М.: Юстицинформ, 2020.

[5] Романов О.Е. «О взаимоотношениях и ответственности лиц, исполняющих перевозку в прямом смешанном сообщении» // «Юрист», 2023, № 8

[6] Левушкин А.Н., Кузьмина И.К. «Заключение, изменение и исполнение узлового соглашения» // «Транспортное право», 2023, № 4

[7] Морозов С.Ю. «Правовые проблемы организации смешанных перевозок» // Журнал транспортного права, 2022.

[8] Постановление Президиума ВАС РФ № 13256/13 от 12.11.2013

[9] Постановление АС Московского округа № Ф05-12345/2023 от 15.03.2023

Spisok literatury:

[1] Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' vtoraya) (Stat'i 785, 788, 796–800, 1047, 1050, 1053, reguliruyushchie obshchie polozheniya o perevozkah, otvetstvennosti i soglasheniyah)

[2] Federal'nyj zakon ot 08.08.2024 № 288-FZ «O pryamyh smeshannyh (kombinirovannyh) perevozkah» (Vstupayet v silu s 01.09.2025. Ustanavlivaet pravila oformleniya edinogo transportnogo dokumenta, poryadok zaklyucheniya dogovorov i otvetstvennost' storon)

[3] Proekt Federal'nogo zakona «O pryamyh smeshannyh perevozkah» (podgotovlen Mintransom Rossii 03.07.2017)

[4] Egiazarov V.A. Transportnoe pravo. — М.: Yusticinform, 2020.

[5] Romanov O.E. «O vzaimootnosheniyah i otvetstvennosti lic, ispolnyayushchih perevozku v pryamom smeshannom soobshchenii» // «Yurist», 2023, № 8

[6] Levushkin A.N., Kuz'mina I.K. «Zaklyuchenie, izmenenie i ispolnenie uzlovogo soglashiya» // «Transportnoe pravo», 2023, № 4

[7] Morozov S.Yu. «Pravovye problemy organizacii smeshannyh perevozk» // Zhurnal transportnogo prava, 2022.

[8] Postanovlenie Prezidiuma VAS RF № 13256/13 ot 12.11.2013

[9] Postanovlenie AS Moskovskogo okruga № F05-12345/2023 ot 15.03.2023

Дата поступления рукописи в редакцию: 29.04.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.06.2025 г.

DOI: 10.24412/2224-9133-2025-5-97-101

УКРОЖЕНКО Дарья Сергеевна,
преподаватель кафедры

биотехнологии и пищевых продуктов,
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: darya.ukrozhenkozoo@mail.ru

НЕВЕРОВА Ольга Петровна,
кандидат биологических наук,
доцент кафедры биотехнологии и пищевых продуктов,
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: opneverova@mail.ru

РАЖИНА Ева Валерьевна,
кандидат сельскохозяйственных наук,
доцент кафедры биотехнологии и пищевых продуктов
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: eva.mats@mail.ru

ПАВЛОВА Яна Сергеевна,
кандидат сельскохозяйственных наук,
старший преподаватель кафедры
биотехнологии и пищевых продуктов,
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: yana.laborant.pavlovova@mail.ru

КУЛЕШОВА Ольга Сергеевна,
преподаватель кафедры биотехнологии и пищевых продуктов,
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: kulieshova_01@mail.ru

ДУАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В СПО: ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация. Дуальное образование представляет собой инновационную модель обучения, сочетающую теоретическую подготовку в учебных заведениях среднего профессионального образования (СПО) с практической деятельностью на предприятиях. Такой подход позволяет адаптировать образовательные программы под запросы рынка труда, обеспечивая студентов актуальными профессиональными навыками и сокращая разрыв между теорией и практикой. Основная цель дуального образования — подготовка квалифицированных специалистов, готовых к работе сразу после выпуска, что повышает их востребованность и снижает затраты на обучение. В статье рассматривается дуальное образование как инновационная модель обучения, сочетающая теоретическую подготовку в учебных заведениях среднего профессионального образования (СПО) с практической деятельностью на предприятиях. Авторы анализируют преимущества данной системы, такие как повышение мотивации студентов, удовлетворение потребностей работодателей в квалифицированных кадрах и сокращение разрыва между теорией и практикой. Особое внимание уделяется роли дуального образования в подготовке специалистов, готовых к работе сразу после выпуска, что способствует их востребованности на рынке труда. Также в статье обсуждаются трудности внедрения дуальной системы, включая недостаток ученических мест на предприятиях, несоответствие теоретической подготовки практическим требованиям и необходимость адаптации нормативно-правовой базы.

Ключевые слова: дуальное образование, среднее профессиональное образование (СПО), теоретическая подготовка, практическая деятельность, рынок труда, квалифицированные кадры.

UKROZHENKO Daria Sergeevna,
*Lecturer, of the Department of Biotechnology and Food Products,
Ural State Agrarian University*

NEVEROVA Olga Petrovna,
*Candidate of Biological Sciences, Associate Professor
of the Department of Biotechnology and Food Products
Ural State Agrarian University*

RAZHINA Eva Valerievna,
*Candidate of Agricultural Sciences,
Associate Professor of the Department of Biotechnology and Food Products
Ural State Agrarian University*

PAVLOVA Yana Sergeevna,
*Candidate of Biological Sciences,
Associate Professor, of the Department of Biotechnology and Food Products,
Ural State Agrarian University*

KULESHOVA Olga Sergeevna,
*Lecturer, of the Department of Biotechnology and Food Products,
Ural State Agrarian University*

DUAL EDUCATION IN SECONDARY VOCATIONAL EDUCATION: EXPERIENCE AND PROSPECTS

Annotation. *Dual education is an innovative training model that combines theoretical training in secondary vocational education institutions with practical work at enterprises. This approach allows adapting educational programs to labor market demands, providing students with relevant professional skills and reducing the gap between theory and practice. The main goal of dual education is to train qualified specialists ready to work immediately after graduation, which increases their demand and reduces training costs. The article considers dual education as an innovative training model that combines theoretical training in secondary vocational education institutions with practical work at enterprises. The authors analyze the advantages of this system, such as increasing student motivation, meeting employers' needs for qualified personnel, and reducing the gap between theory and practice. Particular attention is paid to the role of dual education in training specialists ready to work immediately after graduation, which contributes to their demand in the labor market. The article also discusses the difficulties of implementing the dual system, including the lack of apprenticeship places at enterprises, the discrepancy between theoretical training and practical requirements, and the need to adapt the regulatory framework.*

Key words: *dual education, secondary vocational education (SVE), theoretical training, practical activities, labor market, qualified personnel.*

Современные вызовы экономики и стремительное развитие технологий предъявляют новые требования к системе профессионального образования. В условиях растущей конкуренции на рынке труда и необходимости подготовки высококвалифицированных кадров особую актуальность приобретают инновационные подходы к организации учебного процесса. Одним из таких подходов является дуальное образование, которое успешно зарекомендовало себя в ряде зарубежных стран и активно внедряется в систему среднего профессионального образования (СПО) России.

Дуальное образование предполагает тесное взаимодействие образовательных учреждений и

работодателей, что позволяет студентам совмещать теоретическую подготовку с практической деятельностью на производстве. Такой подход не только способствует формированию профессиональных компетенций, но и обеспечивает плавный переход выпускников от обучения к трудовой деятельности. Однако, несмотря на очевидные преимущества, внедрение дуальной системы в СПО сталкивается с рядом трудностей, связанных с нормативно-правовым регулированием, недостаточной готовностью работодателей к участию в образовательном процессе, а также необходимостью адаптации учебных программ.

Дуальное профессиональное образование (ДПО) — это модель обучения, сочетающая тео-

ретическую подготовку в учебных заведениях СПО с практикой на предприятиях. Такой подход позволяет гибко адаптировать образовательные программы под запросы рынка труда, обеспечивая студентов актуальными профессиональными навыками. Основная цель ДПО — подготовить специалистов, готовых к работе сразу после выпуска, что снижает затраты на обучение и повышает его эффективность. Ключевая особенность ДПО — партнерство между образовательными учреждениями и работодателями. Предприятия предоставляют студентам реальный опыт работы, а учебные заведения — теоретическую базу. Это взаимодействие помогает студентам лучше понять профессию, а работодателям — получить подготовленные кадры. Однако успешная реализация ДПО требует четкого распределения обязанностей и поддержки со стороны государства. Актуальность этой модели растет благодаря ее способности сокращать разрыв между теорией и практикой, что особенно важно в условиях быстро меняющегося рынка труда [5, 6].

Дуальное образование — это модель обучения, сочетающая теоретическую подготовку в учебных заведениях СПО с практикой на предприятиях. Его эффективность определяется следующими ключевыми признаками: партнерство между образовательными учреждениями, вузами и предприятиями, что позволяет вовлечь работодателей в образовательный процесс; ориентация на потребности рынка труда и экономики региона; использование технологических стандартов, интегрированных в образовательные программы; применение практико-ориентированных методов обучения, направленных на развитие конкретных профессиональных навыков.

Дуальное образование рассматривается как система, где теоретическая подготовка проходит в учебных заведениях, а практическая — на предприятиях. Это позволяет сократить разрыв между теорией и практикой, повысить качество подготовки специалистов и обеспечить их востребованность на рынке труда. Однако успешная реализация дуальной модели требует четкого распределения обязанностей между участниками процесса, а также поддержки со стороны государства и бизнеса. Дуальная система профессионального обучения основана на взаимодействии двух ключевых участников: предприятий и профессиональных школ. Предприятия обеспечивают практическую подготовку на рабочих местах, а школы — теоретическое обучение. Вместе они работают над общей целью — подготовкой квалифицированных кадров, отвечающих требованиям рынка труда. Предприятия заключают договоры с учениками, выделяют ресурсы на подготовку наставников и контролируют про-

цесс обучения. Они также организуют итоговую аттестацию через торгово-промышленные или ремесленные палаты. Профессиональные школы, в свою очередь, дополняют практику теоретическими знаниями, что делает обучение комплексным [7].

Дуальное обучение в высшем образовании включает несколько ключевых компонентов, обеспечивающих его эффективность. Концептуальный компонент основан на системно-деятельностном, компетентностном и личностно-ориентированном подходах, которые направлены на активное вовлечение студентов в процесс обучения и формирование у них профессиональных компетенций. Содержательный компонент предполагает совместную разработку учебных программ, практик и оценочных средств вузами и профильными организациями. Это позволяет адаптировать обучение под реальные требования работодателей и включить в образовательный процесс актуальные темы и задачи. Функциональный компонент объединяет теоретическую подготовку в вузе и практическую деятельность на базе профильных организаций. Вуз обеспечивает освоение теоретических знаний, а работодатели — формирование практических навыков и профессионального опыта. Субъектный компонент включает всех участников процесса: студентов, преподавателей вуза, педагогов-практиков и руководителей профильных организаций. Их взаимодействие направлено на достижение общей цели — подготовку специалистов, готовых к решению профессиональных задач [9].

Теоретическая часть (30-40% учебного времени) проходит в колледже, а практическая (60-70%) — на производстве, что позволяет студентам уже в процессе обучения адаптироваться к реальным условиям работы. Примером внедрения дуального обучения является Соликамский социально-педагогический колледж, где студенты специальности «Дошкольное образование» проходят практику в детских садах под руководством наставников. Это позволяет укрепить практическую составляющую обучения, повысить готовность выпускников к профессиональной деятельности и усилить связь между образовательными учреждениями и работодателями. Таким образом, дуальное образование становится эффективным инструментом подготовки кадров, отвечающих современным требованиям рынка труда [8].

Основные преимущества дуального образования: снижение затрат на обучение; повышение мотивации студентов за счет реального опыта работы; удовлетворение потребностей работодателей в квалифицированных кадрах. Для студентов дуальное обучение — это шанс рано обрести независимость, адаптироваться к трудовой дея-

тельности и развить профессиональные компетенции. Для образовательных учреждений — возможность использовать современное оборудование и вовлекать в процесс высококвалифицированных специалистов. Государство также остается в выигрыше, так как такая система эффективно решает задачу подготовки квалифицированных кадров для экономики. Реализация дуального подхода способствует переходу на новый уровень подготовки специалистов, формированию у выпускников востребованных компетенций и повышению их конкурентоспособности на рынке труда. Кроме того, это укрепляет социальное партнерство между образовательными учреждениями и работодателями, что делает систему профессионального образования более эффективной и ориентированной на реальные потребности экономики [1, 2].

Несмотря на преимущества, внедрение дуальной системы сталкивается с трудностями, такими как недостаток ученических мест на предприятиях, несоответствие теоретической подготовки практическим требованиям и организационные сложности. Для успешной реализации дуального образования необходима разработка единой методологии взаимодействия всех участников процесса: студентов, учебных заведений, работодателей и органов власти [3].

Помимо дуального обучения, существуют и другие формы практико-ориентированного образования, такие как практика на рабочих местах, обучение в мастерских, лабораториях или учебных фирмах. Эти формы могут использоваться как отдельно, так и в комбинации, в зависимости от специфики направления подготовки. Например, для социальной сферы, услуг и сервиса наиболее эффективно обучение на специально оборудованных рабочих местах в образовательных организациях. В условиях современной России внедрение элементов дуального обучения наиболее успешно при участии крупного бизнеса, который берет на себя ответственность за результаты обучения и активно вовлекается в образовательный процесс. Для эффективного взаимодействия между региональной властью, бизнесом и системой профессионального образования необходима специальная организация-оператор, которая будет координировать их совместные усилия [4].

Подводя итоги, необходимо отметить, что дуальная система предполагает активное участие работодателей в образовательном процессе, включая право на обучение по программам СПО. В России это затруднено из-за законодательных и исторических особенностей, поэтому речь идет о внедрении элементов дуального образования, а не полноценной системы. Однако успешные при-

меры взаимодействия между образовательными учреждениями и работодателями показывают, что дуальная система способна повысить качество подготовки специалистов и их востребованность на рынке труда. Ключевыми элементами успеха являются развитие социального партнерства, поддержка наставничества и адаптация лучших международных практик к российским условиям [10].

Заключение. Дуальное образование — это модель обучения, сочетающая теоретическую подготовку в учебных заведениях СПО с практикой на предприятиях. Такой подход позволяет адаптировать образовательные программы под запросы рынка труда, обеспечивая студентов актуальными навыками и сокращая разрыв между теорией и практикой. Основная цель — подготовка специалистов, готовых к работе сразу после выпуска, что повышает их востребованность и снижает затраты на обучение. Преимущества дуальной системы включают повышение мотивации студентов, удовлетворение потребностей работодателей и укрепление связи между образованием и производством. Однако внедрение в России сталкивается с трудностями: недостаток ученических мест, несоответствие теории и практики, необходимость адаптации нормативной базы. Для успешной реализации требуется четкое распределение обязанностей между учебными заведениями, работодателями и государством. Важную роль играет вовлечение крупного бизнеса, а также создание организации-оператора для координации взаимодействия. Таким образом, дуальное образование становится ключевым инструментом повышения качества подготовки кадров, отвечающих современным экономическим требованиям. Его развитие укрепит связь между образованием и реальным сектором экономики, что особенно важно в условиях динамичного рынка труда.

Список литературы:

- [1] Блехер Н.Е. Дуальное обучение как одна из форм практико-ориентированного обучения в ГАПОУ «Бугульминский строительно-технический колледж» // Межрегиональная научно-практическая конференция «Актуальные вопросы развития профессионального образования», 11–24 декабря 2017 года, г. Киров.
- [2] Гумбрис О.В. Дуальное обучение как форма подготовки специалистов // Образование. Карьера. Общество. 2020. № 1 (64). С. 27–28.
- [3] Влияние дуальной системы профессионального образования на качество подготовки обучающихся организаций СПО / В.А. Беликов [и др.] // Вестник ЮУрГУ. Серия: Образование. Педагогические науки. 2020. № 1. С. 20–34.

[4] Есенина Е.Ю. Дуальное обучение: возможности, ограничения, условия и практика использования // Профессиональное образование и рынок труда. 2015. № 8. С. 16–18.

[5] Затеева Т.Г. Структурно-функциональная модель профессиональной социализации будущего специалиста при дуальном обучении // Кант. 2019. № 4 (33). С. 258–260.

[6] Конеева Е.В. Дуальное образование как способ повышения качества среднего профессионального образования в современных условиях / Е.В. Конеева, О.Э. Егiazарян, С.Н. Богатырева // МНКО. 2025. № 1 (110). С. 282–285.

[7] Листвин А.А. Дуальное обучение в России: от концепции к практике // Образование и наука. 2016. № 3. С. 44–56. <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2016-3-44-56>

[8] Мазунина Н.М. Особенности организации дуального обучения в учреждениях СПО по специальности 44.02.01 Дошкольное образование // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2016. Т. 46. С. 244–248. URL: <http://e-koncept.ru/2016/76521>.

[9] Пятибратова И.И. Модель дуального обучения в профессиональной подготовке педагогических кадров // Вестник ВГУ. 2022. С. 51–54.

[10] Шерстобитов А.В. Практико-ориентированное (дуальное) обучение в СПО // Индивидуальное проектирование образования как условие успешной профессиональной деятельности : Материалы I Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов, молодых ученых, Кемерово, 15 июня 2020 года / Под ред. И. Ю. Кузнецовой. Кемерово: ООО «Аэтерна», 2020. С. 293–298. EDN VKHHWW.

Spisok literatury:

[1] Blekher N.E. Dual'noe obuchenie kak odna iz form praktiko-orientirovannogo obucheniya v GAPOU «Bugul'minskij stroitel'no-tehnicheskij kolledzh» // Mezhtseleobrazovatel'naya nauchno-prakticheskaya konferenciya «Aktual'nye voprosy razvitiya professional'nogo obrazovaniya», 11–24 dekabrya 2017 goda, g. Kirov.

[2] Gumbis O.V. Dual'noe obuchenie kak forma podgotovki specialistov // Obrazovanie. Kar'era. Obshchestvo. 2020. № 1 (64). С. 27–28.

[3] Vliyaniye dual'noj sistemy professional'nogo obrazovaniya na kachestvo podgotovki obuchayushchihsiya organizacij SPO / V.A. Belikov [i dr.] // Vestnik YuUrGU. Seriya: Obrazovanie. Pedagogicheskie nauki. 2020. № 1. С. 20–34.

[4] Esenina E.Yu. Dual'noe obuchenie: vozmozhnosti, ogranicheniya, usloviya i praktika ispol'zovaniya // Professional'noe obrazovanie i rynek truda. 2015. № 8. С. 16–18.

[5] Zateeva T.G. Strukturno-funkcional'naya model' professional'noj socializacii budushchego specialista pri dual'nom obuchenii // Kant. 2019. № 4 (33). С. 258–260.

[6] Koneeva E.V. Dual'noe obrazovanie kak sposob povysheniya kachestva srednego professional'nogo obrazovaniya v sovremennyh usloviyah / E.V. Koneeva, O.E. Egiazaryan, S.N. Bogatyreva // MNKO. 2025. № 1 (110). С. 282–285.

[7] Listvin A.A. Dual'noe obuchenie v Rossii: ot koncepcii k praktike // Obrazovanie i nauka. 2016. № 3. С. 44–56. <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2016-3-44-56>

[8] Mazunina N.M. Osobennosti organizacii dual'nogo obucheniya v uchrezhdeniyah SPO po special'nosti 44.02.01 Doshkol'noe obrazovanie // Nauchno-metodicheskij elektronnyj zhurnal «Koncept». 2016. Т. 46. С. 244–248. URL: <http://e-koncept.ru/2016/76521>.

[9] Pyatibratova I.I. Model' dual'nogo obucheniya v professional'noj podgotovke pedagogicheskikh kadrov // Vestnik VGU. 2022. С. 51–54.

[10] Sherstobitov A.V. Praktiko-orientirovannoe (dual'noe) obuchenie v SPO // Individual'noe proektirovanie obrazovaniya kak uslovie uspešnoy professional'noj deyatel'nosti : Materialy I Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii studentov, aspirantov, molodyh uchenyh, Kemerovo, 15 iyunya 2020 goda / Pod red. I. Yu. Kuznecovoj. Kemerovo: ООО «Aeterna», 2020. С. 293–298. EDN VKHHWW.

НИКУЛИН Святослав Вячеславович,
магистрант 2 курса
Новосибирского национального исследовательского
государственного университета (НГУ),
e-mail: s.nikulinSv@yandex.ru

ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЕ ПООЩРЕНИЕ ПРИМЕНЕНИЯ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В НАУКЕ И ОБРАЗОВАНИИ: ЭТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Аннотация. В конце 2020 г. Президент РФ заявил о необходимости цифровой трансформации в России, осуществление которой невозможно представить без внедрения искусственного интеллекта и его последовательного применения в различных общественных сферах, включая сферу науки и образования. Значимость искусственного интеллекта признана на международном уровне, несмотря на это, в научном сообществе продолжают оживленные дискуссии на предмет понимания и выработки оптимальных этических методов использования искусственного интеллекта, которые бы позволили применять его в рамках правового поля.

В статье обосновывается, что практическое использование возможностей искусственного интеллекта в научной и образовательной сферах осложняется рядом обстоятельств. Во-первых, недостаточной правовой основой использования возможностей искусственного интеллекта при создании результатов интеллектуальной деятельности. Во-вторых, отсутствием единого понимания искусственного интеллекта и сфер прикладного применения. В-третьих, имеются и практические проблемы при внедрении цифровых технологий в данную сферу общественных отношений. В-четвертых, на сегодняшний день остается актуальным вопрос о правовом статусе искусственного интеллекта. В заключительной части статьи обосновывается необходимость совершенствования законодательства, что позволит повысить эффективность применения искусственного интеллекта не только в области образования и науки, но и в иных сферах общественных отношений.

Ключевые слова: образование, наука, цифровые технологии, искусственный интеллект, результаты интеллектуальной деятельности, нейросеть, цифровые данные.

NIKULIN Svyatoslav Vyacheslavovich,
2st year master's student,
Novosibirsk National Research State University (NSU)

APPLICATION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE TECHNOLOGIES IN SCIENCE AND EDUCATION: ETHICAL AND LEGAL ASPECT

Annotation. At the end of 2020 The President of the Russian Federation stated the need for digital transformation in Russia, the implementation of which is impossible to imagine without the introduction of artificial intelligence and its consistent application in various public spheres, including science and education. The importance of artificial intelligence is recognized internationally, despite this, lively discussions continue in the scientific community on the subject of understanding and developing optimal ethical methods of using artificial intelligence that would allow it to be applied within the legal framework.

The article substantiates that the practical use of artificial intelligence capabilities in the scientific and educational fields is complicated by a number of circumstances. Firstly, there is an insufficient legal basis for using the capabilities of artificial intelligence in creating the results of intellectual activity. Secondly, there is a lack of a common understanding of artificial intelligence and fields of application. Thirdly, there are also practical problems in the implementation of digital technologies in this area of public relations. Fourth, the issue of the legal status of artificial intelligence remains relevant today. The final part of the article substantiates the need to improve legislation, which will increase the effectiveness of the use of artificial intelligence not only in the field of education and science, but also in other areas of public relations.

Key words: *education, science, digital technologies, artificial intelligence, results of intellectual activity, neural network, digital data.*

В настоящее время одним из фундаментальных факторов, определяющих конкурентоспособность российской экономики и положительно влияющих на эффективность обеспечения национальной безопасности, является высокий темп освоения новых знаний и создания наукоемкой продукции. В соответствии с п. 13 Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации, к числу стратегических приоритетов государства относится научно-технологическое развитие, которое напрямую зависит от внешних и внутренних факторов [2]. В свете сказанного нельзя игнорировать тот факт, что исторически Российская Федерация является крупной научной державой, ученые и исследователи которой своевременно и весьма эффективно решали сложнейшие задачи в области социально-экономического развития, обеспечения и поддержания безопасности страны, сделали ощутимый вклад в создание передовых технологий и накопление научных знаний в глобальном масштабе.

Кроме того, в рамках выполнения Указа Президента РФ «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» [3] Минобрнауки России подготовило Стратегию цифровой трансформации отрасли науки и высшего образования [4]. Фундаментальная цель данной Стратегии определяется необходимостью обеспечения цифрового единства науки и образования для последующего перехода к DDM (Data driven management – управление, основанное на данных). Цифровая трансформация науки и образования невозможна без применения разнообразных цифровых технологий, включая искусственный интеллект (далее также – ИИ).

В юридической науке вопрос определения сущности искусственного интеллекта обсуждается весьма продолжительное время. Легальное определение искусственного интеллекта представлено законодателем в Указе Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в РФ» [1], из смыслового содержания которого можно выделить и сущностные признаки искусственного интеллекта. Наличие возможности у искусственного интеллекта самостоятельно обучаться, а также принимать решения с учетом полученных данных в дальнейшем выводит на новый, более сложный уровень эτικο-правовые аспекты применения ИИ.

В научном сообществе отмечается, что термин «искусственный интеллект» традиционно используется для того, чтобы подчеркнуть, что

созданные, цифровые объекты с течением времени обретут способности человека [10]. Общеизвестный тест Тьюринга определяет искусственный интеллект по принципу, действует ли он как человек. Критикует такой подход к определению ИИ Дж. Каплан: «машины не имеют мозгов и есть очень малая вероятность того, что когда-нибудь будут иметь» [12]. Ярко иллюстрирует слова Дж. Каплана известное высказывание В. Найта: «Искусственный интеллект – это компьютер, который может сделать идеальный шахматный ход во время пожара в комнате» [13]. Подобный эτικο-этимологический подход к определению искусственного интеллекта, как представляется, не вполне соответствует критериям точности, практичности и понятности.

Отдельные зарубежные исследователи рассматривают искусственный интеллект исключительно сквозь призму его технологических составляющих. Так, М. Флорис отмечает, что с научной точки зрения единого понятия ИИ нет и его в принципе быть не может. Искусственный интеллект охватывает столь разные технологии обработки данных (машинное обучение, обработка естественного языка, глубинное обучение и т.п.), которые затруднительно отразить в одной дефиниции. Кроме того, М. Флорис, как представляется, ошибочно ассоциирует искусственный интеллект с технологией машинного обучения [14]. Необходимо подчеркнуть, что современное развитие искусственного интеллекта в России – это закономерное и вполне логичное продолжение ещё советских программ, которые были посвящены промышленным роботам. Интересен тот факт, что особое значение в данный период уделялось именно технологической составляющей искусственного интеллекта. Вопросы регулирования условий и порядка его применения оставались без внимания, равно как и этическая сторона.

Советские власти стремились к скорейшему достижению успехов в области робототехники, поскольку в странах Западной Европы и в США ещё до начала Второй мировой войны уже существовали «роботы-манипуляторы», управление которыми осуществлялось с помощью дистанционного подхода для упрощения процесса достижения промышленных задач. В 1937 г. на Парижской выставке советский школьник получил диплом за изобретение робота-андроида «В2М». К концу 40-х гг. прошлого века в СССР впервые был реализован проект цифровой ЭВМ, на базе которой были разработаны различные прототипы счетных машин. Так, аналоговая вычислительная машина была представлена

мировой общественности в 1958 году в Нью-Йорке (руководство проектом осуществлял С.А. Лебедев) [8].

Советские разработчики уделяли повышенное внимание разработке роботов, предназначенных для использования прежде всего в космической промышленности. В конце 40-х гг. XX века ученые Советского Союза активно работали над созданием «механической руки». «Если первоначально такой лабораторный робот представлял собой простейшую схему, то в дальнейшем он с помощью различного рода датчиков и телевизионного контроля уже был способен характеризовать не только режимы собственной работы, но и параметры окружающей среды. Чуть позже появилось и автоматическое программное управление, которое использовалось при применении подобного механизма» [6]. В 50-60-е гг. прошлого столетия в СССР стремительно развивались космические программы: появились первые роботизированные системы, к числу которых относятся станции «Венера 1» (1961) и «Венера 3» (1965), аппарат «Луна 9» (1966) и дистанционно управляемый самоходный аппарат «Луноход 1» (1970), использовавшиеся в программе освоения космоса [6].

В 60-70-е гг. XX века советские ученые сошлись во мнении, что автоматические манипуляторы могут оказаться весьма полезными при укладке тяжелых металлических конструкций. Учитывая всю важность дальнейшей работы над созданием роботов, на XXVI съезде КПСС были сформулированы фундаментальные задачи в данном направлении, которые состояли в том, чтобы добиться широкого применения манипуляторов, автоматизировать заводы, применять микропроцессоры в промышленности. И только лишь в 1981 г. в соответствующем Постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об увеличении производства и внедрении в народное хозяйство автоматических манипуляторов с программным управлением (промышленных роботов) в 1981–1985 годах» обозначенные выше задачи были детализированы и уточнены [5].

Важно подчеркнуть, что в 1985-1990 гг. Советский Союз владел 1 млн промышленных роботов, что составляло примерно 40% от их мирового количества. Несмотря на данное достижение, еще в 1985 г. советские власти допустили системную ошибку в механизме развития робототехники. Было принято решение копировать лучшие мировые образцы и применять зарубежные практики, отказавшись от отечественного развития и разработки роботов и кибернетики. Отказ от отечественных научных достижений затормозил развитие советской робототехники и на длительное время приостановил компьютеризацию,

в связи с чем вопросы применения искусственного интеллекта актуализировались спустя только несколько десятилетий.

Накопленный советский опыт применения искусственного интеллекта в науке и образовании, а также существующие дискуссии в настоящее время несколько затрудняют понимание искусственного интеллекта, а также создают определенные препятствия для полноценного правового регулирования данного цифрового инструмента.

Отметим, что на международном уровне понятие искусственного интеллекта впервые было закреплено Международной службой стандартизации и Международной электротехнической комиссией в 1993 г. в международном стандарте ISO/IEC 2382:2015 «Информационные технологии» (впоследствии он был пересмотрен дважды – в 1995 и 2015 гг.) [11]. Эти определения ассоциируют искусственный интеллект с выполнением функций, присущих человеческому интеллекту. Положительным является то, что дефиниция сужает для ИИ перечень неограниченных возможностей человеческого мозга до аргументирования, обучения и самосовершенствования. Кроме того, международный стандарт предлагает определение ИИ как области научных исследований, а не объекта правового регулирования.

Организацией экономического сотрудничества и развития система ИИ была определена как механическая система, способная достигать определенных человеком целей, делать прогнозы, давать рекомендации, принимать решения, влияющие на реальный или виртуальный мир. Соответственно, искусственный интеллект может иметь разный уровень автономии. Е.Б. Подузова уточняет, что применительно к образовательной и научной среде искусственный интеллект обладает признаками адаптивности, разноплановости, автономности [7].

В то же время, Т.М. Чернявская выделяет иные признаки искусственного интеллекта: системность, наличие объективной формы, возможность обработки большого потока информации, контакт с окружающей средой, с помощью сенсорного восприятия, сканирования и записи полученного в результате этого контакта материала [9].

На данный момент искусственный интеллект, включая алгоритмы глубокого обучения, может и должен использоваться для повышения качества образования и развития науки в Российской Федерации. Особым образом этические аспекты применения искусственного интеллекта актуализируются при получении результатов интеллектуальной деятельности. Отметим, что создание объектов интеллектуальной собствен-

ности с помощью искусственного интеллекта, очевидно, не защищается режимом авторско-правовой охраны, из-за отсутствия творческого характера и технического способа представления информации в виде, выдаваемом алгоритмом нейросети как графический объект с улучшенными качествами. К примеру, правильной цветовой палитры, светопередачи, яркости-контраста, так как в базе нейросети содержится бессчетная информация о примерах использования подобных изображений.

Учитывая повсеместное внедрение технологий нейросетей (искусственный интеллект), каждый пользователь с этико-правовой точки зрения должен владеть информацией о том, какие функции программного обеспечения используют эту технологию, чтобы избежать ситуации создания объекта без творческого вклада, и иметь возможность отключения подобных функций без блокировки доступа к использованию технологии.

Многоуровневая природа создания разнообразных объектов интеллектуальной собственности с помощью технологий нейросетей не делает их самодостаточными, ведь с теоретической стороны может порождать такие режимы как: соавторство, производное произведение, что значительно усложняет определение авторского вклада при создании объекта. А с практической точки зрения доказать факт соавторства или наличия признаков оригинального произведения в сгенерированном объекте проблематично. Правовой режим общественного достояния не применим к объектам, созданным с помощью нейросетей. Поскольку такие объекты изначально должны быть отнесены к объектам авторского права, с установлением срока их правовой охраны, прекращение которого обусловит переход в режим общественного достояния.

Учитывая сказанное выше, мы можем говорить, что общее правовое регулирование искусственного интеллекта в контексте его применения в сфере науки и образования вытекает из положений не только национального, но и международного законодательства. Однако применение как отечественных, так и международных актов осложняется ситуациями, когда речь идет о получении результата интеллектуальной деятельности при осуществлении научно-технических разработок с участием искусственного интеллекта. Так, исполнители могут использовать цифровые технологии для осуществления научно-исследовательских, технических работ. В связи с этим встает вопрос об охране прав на получаемые результаты интеллектуальной деятельности. Например, процесс создания такого результата может происходить с помощью использования

специальных программ, которые уже содержат готовые шаблоны. В таком случае следует также исходить из того, что результат интеллектуальной деятельности создан с использованием программного обеспечения, которое принадлежит иному лицу. Исходя из этого, на наш взгляд, должна строиться и правовая охрана прав на полученные результаты, которые получены с использованием программного обеспечения.

Представляется, что данный вопрос нуждается в законодательном разрешении в рамках положений ГК РФ. В связи с этим следует восполнить правовой пробел в аспекте регламентации отношений, связанных с признанием, осуществлением и защитой прав на результаты интеллектуальной деятельности, созданные без непосредственного участия человека носителями искусственного интеллекта. Нуждается в теоретическом осмыслении и допустимость признания ограниченной правосубъектности носителей искусственного интеллекта как юридической фикции.

Одновременно на законодательном уровне следует разграничить обладателя авторского права на техническую документацию (например, если результат научных изысканий получен с помощью шаблона программного обеспечения, то фактически обладателем авторского права на результат является его разработчик – гражданин, вложивший в проект свой творческий труд) и обладателя исключительного права.

Следует систематизировать и права лица, использующего искусственный интеллект для осуществления научно-технических работ. При этом сам искусственный интеллект целесообразно рассматривать как техническое средство, инструмент, с помощью которого получен тот или иной результат интеллектуальной деятельности. В данной связи следует на законодательном уровне признать искусственный интеллект техническим средством, с помощью которого может быть получен результат интеллектуальной деятельности, в том числе и в сфере науки и образования.

Таким образом, краеугольное значение в условиях цифровой реальности занимает вопрос, связанный с определением юридических и этических аспектов применения искусственного интеллекта в сфере науки и образования. Камнем преткновения являются пробелы в правовом регулировании данного вопроса. С учетом этого в рамках настоящего исследования нами предлагается, во-первых, урегулировать в целом правовое положение искусственного интеллекта в правовом поле. Это может быть реализовано путем принятия самостоятельного Федерального закона, который будет посвящен такой цифровой

технологии. Во-вторых, необходимо внести дополнения и в положения гражданского законодательства, а именно предлагаем дополнить часть 4 ГК РФ самостоятельной статьей «Результат интеллектуальной деятельности, созданный искусственным интеллектом, как объект гражданских прав». В данной статье должны быть отражены способы создания такого объекта с помощью искусственного интеллекта, и с учетом каждого из них следует установить особенности содержания интеллектуальных прав на те или иные объекты, созданные посредством искусственного интеллекта, а также особенности и способы их защиты.

Список литературы:

[1] Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2019. № 41. Ст. 5700.

[2] Указ Президента Российской Федерации от 28.02.2024 № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2024. № 49. Ст. 6887.

[3] Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // Собрание законодательства РФ. 2024. № 20. Ст. 2584.

[4] Стратегия цифровой трансформации отрасли науки и высшего образования [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://minobrnauki.gov.ru> (дата обращения: 23.11.2024).

[5] Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 11.06.1981 «Об увеличении производства и внедрении в народное хозяйство автоматических манипуляторов с программным управлением (промышленных роботов) в 1981–1985 годах» (документ утратил силу) // СПС «Консультант Плюс».

[6] Бондаренко М.Ф., Русакова Н.Е., Шабанов-Кушнаренко Ю.П. О мозгоподобных структурах академика Виктора Михайловича Глушкова // Бионика интеллекта. 2011. № 2 (76). С. 3–14.

[7] Подузова Е.Б. Пользовательское соглашение, соглашение о конфиденциальности: особенности содержания в контексте использования технологий искусственного интеллекта // Актуальные проблемы российского права. 2023. № 2. С. 71–78.

[8] Попова А.В., Пожарский Д.В., Горохова С.С. Развитие электроники и робототехники в Советском государстве: об истоках научно-технического прогресса в России // Вопросы истории. 2022. № 6 (1). С. 115–121.

[9] Чернявская Т.М. Категория «искусственный интеллект» в понятийном аппарате юридиче-

ской науки // Актуальные проблемы права, экономики и управления: Сб-к мат. студ. науч. конф. М., 2021. С. 282–284.

[10] Шиткина И.С., Бирюков Д.О. Искусственный интеллект: правовые аспекты // Право и экономика. 2023. № 11. С. 5–14.

[11] International Organization for Standardization. (2015). ISO/IEC 2382:2015(en), Information technology - Vocabulary. ISO. Online Browsing Platform. URL: <https://www.iso.org/obp/ui/#iso:std:iso-iec:2382:ed-1:v1:en> (дата обращения: 23.11.2024).

[12] Kaplan J. Artificial intelligence: Think again // Communications of the ACM. 2016. № 60(1). P. 36–38.

[13] Knight W. Put Humans at the Center of AI. MIT Technology Review. URL: <https://www.technologyreview.com/2017/10/09/3988/put-humans-at-the-center-of-ai/> (дата обращения: 23.11.2024).

[14] Mertens S. The use of artificial intelligence in corporate decision-making at board level: A preliminary legal analysis. WP 2023-1. URL: <https://financiallawinstitute.ugent.be/index.php/wps/the-use-of-artificial-intelligence-in-corporate-decision-making-at-board-level-a-preliminary-legal-analysis/> (дата обращения: 23.11.2024).

Spisok literatury:

[1] Ukaz Prezidenta RF ot 10.10.2019 № 490 «O razvitii iskusstvennogo intellekta v Rossijskoj Federacii» // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2019. № 41. St. 5700.

[2] Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 28.02.2024 № 145 «O Strategii nauchno-technologicheskogo razvitiya Rossijskoj Federacii» // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2024. № 49. St. 6887.

[3] Ukaz Prezidenta RF ot 07.05.2024 № 309 «O nacional'ny'x celyax razvitiya Rossijskoj Federacii na period do 2030 goda i na perspektivu do 2036 goda» // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2024. № 20. St. 2584.

[4] Strategiya cifrovoj transformacii otrasli nauki i vy'sshego obrazovaniya [E'lektronny'j resurs]. Rezhim dostupa: <https://minobrnauki.gov.ru> (data obrashheniya: 23.11.2024).

[5] Postanovlenie CzK KPSS i Soveta Ministrov SSSR ot 11.06.1981 «Ob uvelichenii proizvodstva i vnedrenii v narodnoe hozyajstvo avtomaticheskix manipulyatorov s programmny'm upravleniem (promyshlenny'x robotov) v 1981–1985 godax» (dokument utratil silu) // SPS «Konsul'tant Plyus».

[6] Bondarenko M.F., Rusakova N.E., Shabanov-Kushnarenko Yu.P. O mozgopodobny'x strukturax akademika Viktora Mixajlovicha Glushakova // Bionika intellekta. 2011. № 2 (76). S. 3–14.

[7] Poduzova E.B. Pol'zovatel'skoe soglashenie, soglashenie o konfidencial'nosti: osobennosti

soderzhaniya v kontekste ispol'zovaniya texnologij iskusstvennogo intellekta // Aktual'ny'e problemy` rossijskogo prava. 2023. № 2. S. 71-78.

[8] Popova A.V., Pozharskij D.V., Goroxova S.S. Razvitie e'lektroniki i robototexniki v Sovetskom gosudarstve: ob istokax nauchno-texnicheskogo progressa v Rossii // Voprosy` istorii. 2022. № 6 (1). S. 115-121.

[9] Chernyavskaya T.M. Kategoriya «iskusstvenny`j intellekt» v ponyatijnom apparate yuridicheskoy nauki // Aktual'ny'e problemy` prava, e'konomiki i upravleniya: Sb-k mat. stud. nauch. konf. M., 2021. S. 282-284.

[10] Shitkina I.S., Biryukov D.O. Iskusstvenny`j intellekt: pravovy'e aspekty` // Pravo i e'konomika. 2023. № 11. S. 5-14.

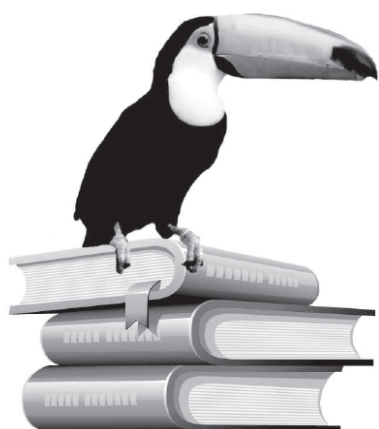
[11] International Organization for Standardization. (2015). ISO/IEC 2382:2015(en), Information

technology - Vocabulary. ISO. Online Browsing Platform. URL: <https://www.iso.org/obp/ui/#iso:std:iso-iec:2382:ed-1:v1:en> (data obrashheniya: 23.11.2024).

[12] Kaplan J. Artificial intelligence: Think again // Communications of the ACM. 2016. № 60(1). R. 36-38.

[13] Knight W. Put Humans at the Center of AI. MIT Technology Review. URL: <https://www.technologyreview.com/2017/10/09/3988/put-humans-at-the-center-of-ai/> (data obrashheniya: 23.11.2024).

[14] Mertens S. The use of artificial intelligence in corporate decision-making at board level: A preliminary legal analysis. WP 2023-1. URL: <https://financiallawinstitute.ugent.be/index.php/wps/the-use-of-artificial-intelligence-in-corporate-decision-making-at-board-level-a-preliminary-legal-analysis/> (data obrashheniya: 23.11.2024).

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 31.05.2025 г.

DOI: 10.24412/2224-9133-2025-5-108-112

Дата принятия рукописи в печать: 10.06.2025 г.

МАЛАХОВА Н.Л.,

Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского,
e-mail: nadezhda.malakhova@itc.unn.ru

ПРЕКРАЩЕНИЕ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОГО ПРАВА НА ТОВАРНЫЕ ЗНАКИ

Аннотация. Статья посвящена актуальным вопросам прекращения исключительного права на товарный знак. В статье изучаются некоторые особенности прекращения исключительного права, выявляются различия в основаниях и последствиях прекращения правовой охраны и признания недействительной правовой охраны товарного знака. В статье рассматриваются особенности защиты и ответственности за нарушение исключительного права на товарные знаки в зависимости от оснований их аннулирования.

Ключевые слова: товарные знаки, прекращение правовой охраны товарного знака, оспаривание и признание недействительной правовой охраны товарного знака, ответственность за нарушение исключительного права на товарный знак.

MALAKHOVA N.L.,

National Research Nizhny Novgorod State University
named after N.I. Lobachevsky

TERMINATION OF EXCLUSIVE TRADEMARK RIGHTS

Annotation. The article is devoted to topical issues of termination of the exclusive right to a trademark. The article examines some features of the termination of an exclusive right, reveals differences in the grounds and consequences of the termination of legal protection and recognition of the invalid legal protection of a trademark. The article discusses the specifics of protection and liability for violation of the exclusive right to trademarks, depending on the grounds for their cancellation.

Key words: trademarks, termination of legal protection of a trademark, challenging and invalidating legal protection of a trademark, liability for violation of an exclusive right to a trademark.

Правовая охрана товарных знаков имеет несколько ярких особенностей. Во-первых, срок их правовой охраны ограничен (хотя и с возможностью продления). Во-вторых, исключительное право на это средство индивидуализации может быть прекращено досрочно независимо от воли правообладателя.

Известно, что прекращение исключительного права на товарный знак (в рамках настоящей статьи - аннулирование) не является однородным правовым явлением, представляет собой комплексный институт. Аннулирование включает две основные категории: признание недействительным предоставления правовой охраны товарному знаку (п.1,2 ст. 1512 ГК РФ) и прекращение правовой охраны товарного знака (ст. 1514 ГК РФ).

Традиционно для оспаривания предоставления правовой охраны товарному знаку выделяют абсолютные и относительные основания. При наличии абсолютных оснований инициировать оспаривание правовой охраны товарному знаку может любое лицо в неограниченный период времени. При наличии относительных оснований запрос на аннулирование правовой охраны может исходить только от специально оговоренных в законе лиц (в российском законодательстве – заинтересованные лица), и период возможности оспаривания обычно ограничен. Перечень абсолютных и относительных оснований не унифицирован на международном уровне, и национальные законодательства предусматривают различные основания того или иного вида. Так, например, по законодательству Бенелюкса

к абсолютным основаниям относят отсутствие различительной способности (*caractère distinctif*) или неправомерность самого обозначения, заявленного для регистрации в качестве товарного знака (*l'illicéité du signe déposé comme marque*). Общим основанием для относительной недействительности товарного знака являются его «незанятость» (*disponibilité*), которое в российском законодательстве зафиксировано через категорию сходства до степени смешения с уже имеющимися объектами, прежде всего товарными знаками других производителей.

Прекращение правовой охраны товарного знака также имеет множество оснований, его можно проиллюстрировать на примере досрочного прекращения товарного знака в связи с его неиспользованием. Согласно статье 1486 Гражданского кодекса РФ, товарный знак может быть досрочно прекращён в случае его непрерывного неиспользования правообладателем в течение трёх лет.

Для обоих рассматриваемых случаев аннулирования товарных знаков есть общая черта: с исчезновением знака правовые последствия его регистрации и использования не прекращаются. Указанные последствия могут касаться как правообладателя, так и других лиц, использовавших знак, правомерно или нет. Последствия аннулирования знака отличаются в зависимости от его оснований, закон устанавливает очевидные различия этих категорий.

В силу абз. 7 п. 1 ст. 1486 ГК РФ правовая охрана товарного знака, который не используется его владельцем, прекращается с даты вступления в законную силу решения суда. При этом сохраняются в юридической силе действия по регистрации, использованию, распоряжению исключительным правом, а также запретительные действия в адрес других лиц, которые были предприняты правообладателем в период действия охраны знака. То есть товарный знак прекращает свое действие на будущее.

В свою очередь признание правовой охраны знака недействительной становится возможным, если выявляется обстоятельство несоответствия знака критериям охраноспособности (предусмотренным ст. 1483 ГК РФ). Следствием признания правовой охраны недействительной является отмена решения Роспатента о регистрации товарного знака (абз.2 п.1 ст. 1512 ГК РФ).

Закон не устанавливает временные рамки признания правовой охраны недействительной. Недосказанность закона была компенсирована судебной практикой. В силу пункта 139 Постановления Пленума ВС РФ № 10 [1], решение Роспатента о признании недействительным правовой охраны товарному знаку вступает в силу

со дня его принятия. Указанное решение влечёт прекращение исключительного права с даты подачи заявки на регистрацию.

В обоих случаях интерес вызывает вопрос о правовом статусе отношений, возникших до момента аннулирования товарного знака. Прежде всего это касается действий правообладателя по защите своего исключительного права в случае его нарушения другими лицами.

Для всех рассматриваемых случаев работает одно стартовое правило: пока исключительное право еще действует, нельзя отказать в его защите. Это положение применяется до момента признания предоставления правовой охраны знака недействительным или прекращения его правовой охраны (п. 154 Постановления № 10). Однако далее последствия для нарушителя начинают различаться в зависимости от основания аннулирования знака.

Верховный суд подчёркивает (п. 174 Постановления № 10), что прекращение правовой охраны неиспользованного знака на будущее означает, что лица, допустившие нарушение исключительного права на товарный знак до его прекращения, не освобождаются от ответственности за нарушение. Правообладатель вправе обращаться к нарушителю с иском при условии соблюдения сроков исковой давности. При этом при рассмотрении иска к нарушителю суд не будет принимать во внимание ссылки последнего на наличие оснований для прекращения охраны защищаемого в рамках рассматриваемого дела объекта. Получается, что правообладатель, не реализующий в силу неиспользования знака главные правомочия в составе исключительного права – правомочие использования и правомочие распоряжения, может без ограничений реализовывать третье правомочие – запрета и защиты средства индивидуализации. Это создает необычную правовую ситуацию – исключительное право на товарный знак прекращается из-за не реализации двух базовых полномочий в его составе, но продолжает действовать в части третьего правомочия запрета третьим лицам использовать средство индивидуализации.

Но в то же время не могут быть признаны нарушением действия третьих лиц по использованию товарного знака с изначально недействительной правовой охраной. Поэтому если спор о неправомерном использовании товарного знака возникает между сторонами судебного процесса одновременно с оспариванием правовой охраны защищаемого знака ввиду его противоречий требованиям статьи 1483 ГК РФ, суд приостанавливает рассмотрение дела и ожидает решения Роспатента о судьбе знака – останется ли он в силе или будет аннулирован.

Если суд уже вынес решение в пользу правообладателя до аннулирования его правовой охраны, в абз. 2 п. 142 Постановления № 10 судам предложено руководствоваться следующим. Признание недействительным правовой охраны признается новым обстоятельством, отсутствовавшим на момент рассмотрения дела о нарушении исключительного права. В этом случае работает диспозиция нормы п. 1 ч. 3 ст. 311 АПК РФ, в силу которой новым обстоятельством является отмена решения иного органа, послужившего основанием для принятия судебного акта по данному делу. Соответственно может быть пересмотрено и решение суда о нарушении исключительного права [2]. В этом случае правообладателем активно реализуются все три правомочия исключительного права – он сам использует знак и разрешает или запрещает использовать его другим лицам.

Главным вопросом в исках о нарушении исключительного права всегда является вопрос выплаты правообладателю компенсации за факт нарушения. В случае прекращения правовой охраны на будущее изготовители контрафактного товара продолжают быть нарушителями и обязаны выплатить правообладателю компенсацию невзирая на то, что товарного знака уже нет. В этом случае платят за незаконное использование уже недействующего товарного знака. В случае признания недействительной правовой охраны товарного знака лица, незаконно использовавшие знак, прекращают быть нарушителями. Если они уже выплатили компенсацию, то в этом случае возможен поворот исполнения решения суда и возврат правообладателем полученных сумм. Нарушитель освобождается от ответственности за нарушение.

На первый взгляд это выглядит вполне логичным и справедливым в отношении нарушителей – зачем платить за знак, который не должен был существовать. Но при внимательном рассмотрении в справедливости такого подхода возникают серьезные сомнения. Прежде всего, такая справедливость не распространяется на правообладателей аннулированных знаков.

В случае прекращения правовой охраны знака исключительное право возникает правомерно, но прекращается из-за неправильного поведения правообладателя. Недействительность же права на товарный знак означает, что это право было предоставлено изначально необоснованно, что превращает «правильное» в период действия знака поведение правообладателя в неправомерное.

В случае аннулирования знака по причине его неиспользования налицо поведение правообладателя, которое вряд ли следует считать правомерным по своей сути. Основной и единствен-

ной функцией товарного знака является индивидуализация товаров и услуг, выпускаемых на рынок, что постоянно подтверждается судебной практикой. Значимость использования товарного знака правообладателем является типичным положением для большинства правовых систем, включая единое экономическое право Европейского союза и национальные законы государств. Согласно статье 1 Регламента Совета о товарном знаке ЕС [3], если товарный знак ЕС в течение пяти лет с даты регистрации реально не используется правообладателем в ЕС по отношению к товарам и услугам, по которым он зарегистрирован, либо правообладатель приостановил использование знака непрерывно в течение пяти лет, правовая охрана такого знака может быть прекращена по процедуре оппозиции (*l'opposition*). При этом учитывается не просто использование знака, а его реальное (или подлинное) использование (*l'usage sérieux*), которое необходимо доказывать. Интересно отметить, что такое требование реального использования товарного знака обращено не только к правообладателю, но и к лицу, которое оспаривает товарный знак. В соответствии со статьей 42 Регламента, правообладатель более раннего (противопоставленного в качестве основания для оспаривания) товарного знака ЕС, также по запросу должен предоставить доказательства реального (подлинного) использования более раннего знака в ЕС в течение пяти лет, предшествующих дате публикации заявки на оспоренный товарный знак. Если доказательства не будут представлены, и при этом правообладатель не приведет весомых причин для такого неиспользования, заявление об оспаривании (оппозиция) будет отклонено. Российское законодательство напрямую не закрепляет концепции реального (или подлинного) использования товарного знака, но также полагает использование знака безусловной и главной обязанностью его правообладателя. Типичной является следующая позиция судов по данному вопросу: статьи 1484 и 1486 ГК РФ закрепляют необходимость использования знака в отношении всех товаров, в отношении которых он зарегистрирован; правообладатель должен использовать товарный знак для индивидуализации каждого из товаров, указанных в свидетельстве о регистрации знака [4].

Тем не менее, правообладатель, не использующий знак, удерживает государственную монополию на его использование до момента его прекращения. Наличие монополии препятствует другим лицам использовать такой знак или зарегистрировать такое же либо сходное обозначение для своих товаров. Также, опираясь на свое не используемое исключительное право, правообладатель может предъявлять претензии тре-

тым лицам о незаконном использовании сходных обозначений, возражать против государственной регистрации сходных знаков другими участниками рынка либо получать имущественную выгоду от предоставления другим лицам писем-согласия на регистрацию сходных знаков, выдаваемых в порядке ст. 1486 ГК РФ.

Получается, что до прекращения правовой охраны неиспользованного знака пассивный правообладатель пользуется всеми выгодами от владения исключительным правом и не несет никаких негативных последствий ни от неправомерного неиспользования знака, ни в связи с предъявления претензии третьим лицам.

Парадоксально, но неиспользование знака, противоречащее его правовой природе, влечет гораздо более мягкие последствия, чем законное использование знака, чья правовая охрана была признана недействительной. Для правообладателя такого знака наступают серьезные негативные последствия, причем, в отличие от предыдущего случая, именно за абсолютно правомерные действия по регистрации и использованию знака.

Наиболее яркой иллюстрацией данного положения является признание правовой охраны знака недействительной на основании п. 6 (2) ст. 1483 ГК РФ, который запрещает регистрировать товарные знаки, сходные до степени смешения с товарными знаками (заявками на товарные знаки) других лиц.

Как показывает судебная практика одним из последствий применения п. 6 (2) ст. 1483 ГК РФ является возможность признания действий правообладателя по использованию недействительного знака в период его действия нарушением прав на сходные товарные знаки, противопоставленные в ходе аннулирования знака. Поскольку знак считается недействительным с даты подачи заявки на регистрацию (приоритета знака), действия правообладателя по использованию товарного в период его действия утрачивают признаки правомерности. В случае, если правообладатель оспоренного товарного знака производил в период действия товарного знака продукцию с размещением знака на товаре (упаковке), такая продукция признается судами контрафактной, поскольку рассматривается как произведенная с использованием не собственного товарного знака правообладателя, а с использованием обозначений, сходных до степени смешения с противопоставленными знаками. Возникает казусная юридическая ситуация: правообладатель исчезнувшего знака несет ответственность за его законное в принципе использование. Происходит прямо предусмотренная законом переквалификация поведения правообладателя по использованию знака из

правомерного в неправомерное. Правообладатели противопоставленных товарных знаков получают юридическое основание для предъявления претензии о незаконном использовании их товарных знаков на основании статей 1229, 1484 ГК РФ. Обычным последствием для правообладателя исчезнувшего товарного знака является необходимость выплаты компенсации за незаконное использование противопоставленных знаков на основании статьи 1515 ГК РФ. При этом не принимается во внимание, что правообладатель при регистрации и использовании оспоренного знака мог действовать вполне добросовестно, что у него не было умысла на использование чужих средств индивидуализации. Получается, что правообладатель оспоренного товарного знака фактически должен нести ответственность за использование товарного знака в период действия его правовой охраны. Можно заключить, что применение общих норм об ответственности за незаконное использование товарных знаков в рассматриваемых случаях приводит к перекосу правоприменения в пользу правообладателей противопоставленных знаков в ущерб интересам правообладателя товарного знака, чья правовая охрана была признана недействительной. Также такой правообладатель оказывается в неравноправном положении по сравнению с правообладателем неиспользуемого знака, который сохраняет все преимущества владельца исключительного права до момента его прекращения. Такие последствия вызывают серьезные сомнения в части их соответствия принципам справедливости и добросовестности участников гражданских правоотношений.

Список литературы:

[1] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» //Бюллетень Верховного Суда РФ.2019. № 7, июль.

[2] Постановление Суда по интеллектуальным правам от 29.01.2025 № C01-2367/2024 по делу № A41-35535/2020; Постановление Суда по интеллектуальным правам от 19.12.2024 № C01-934/2021 по делу № A40-98681/2020; Определение Верховного Суда РФ от 01.11.2022 № 305-ЭС21-9248 по делу № A40-24634/2020; Постановление Суда по интеллектуальным правам от 19.12.2024 № C01-934/2021 по делу № A40-98681/2020. Документы опубликованы не были. Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

[3] Règlement (CE) du Conseil, du 26 février 2009, sur la marque communautaire (JO L 78, p.1).

[4] Решение Суда по интеллектуальным правам от 24.01.2024 по делу № СИП-741/2023,

Решение Суда по интеллектуальным правам от 13.02.2024 по делу № СИП-1176/2023; Постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 01.03.2024 № С01-2923/2023 по делу № СИП-686/2023; Решение Суда по интеллектуальным правам от 06.02.2024 по делу № СИП-173/2023; Решение Суда по интеллектуальным правам от 06.02.2024 по делу № СИП-1043/2023. Документы опубликованы не были. Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

Spisok literatury:

[1] Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 23.04.2019 № 10 «O primenении chasti chetvertoj Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii» // Byulleten' Verhovnogo Suda RF. 2019. № 7, iyul'.

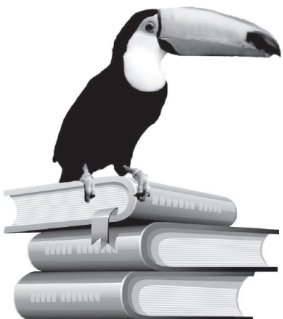
[2] Postanovlenie Suda po intellektual'ny'm pravam ot 29.01.2025 № S01-2367/2024 po delu № A41-35535/2020; Postanovlenie Suda po intellektual'ny'm pravam ot 19.12.2024 № S01-934/2021 po

delu № A40-98681/2020; Opreделение Verhovnogo Suda RF ot 01.11.2022 № 305-E'S21-9248 po delu № A40-24634/2020; Postanovlenie Suda po intellektual'ny'm pravam ot 19.12.2024 № S01-934/2021 po delu № A40-98681/2020. Dokumenty opublikovany ne by'li. Rezhim dostupa: SPS «Konsul'tantPlyus».

[3] Règlement (CE) du Conseil, du 26 février 2009, sur la marque communautaire (JO L 78, p.1).

[4] Reshenie Suda po intellektual'ny'm pravam ot 24.01.2024 po delu № SIP-741/2023, Reshenie Suda po intellektual'ny'm pravam ot 13.02.2024 po delu № SIP-1176/2023; Postanovlenie Prezidiuma Suda po intellektual'ny'm pravam ot 01.03.2024 № S01-2923/2023 po delu № SIP-686/2023; Reshenie Suda po intellektual'ny'm pravam ot 06.02.2024 po delu № SIP-173/2023; Reshenie Suda po intellektual'ny'm pravam ot 06.02.2024 po delu № SIP-1043/2023. Dokumenty opublikovany ne by'li. Rezhim dostupa: SPS «Konsul'tantPlyus».

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 31.05.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.06.2025 г.

DOI: 10.24412/2224-9133-2025-5-113-117

СИБАГАТУЛЛИН Финат Фаязович,

Адъюнкт адъюнктуры
Уфимского юридического института МВД России,
e-mail: mail@law-books.ru

ШАЙХУЛЛИН Марат Селирович,

профессор кафедры уголовного права и криминологии
Уфимского юридического института МВД России,
доктор юридических наук, доцент,
e-mail: mail@law-books.ru

ПОБОИ КАК ФОРМА СЕМЕЙНО-БЫТОВОГО НАСИЛИЯ

Аннотация. В статье анализируются криминологические вопросы семейно-бытового насилия. Побои как форма семейно-бытового насилия рассматривается в аспекте физического и эмоционального насилия. Отмечается, что общественная опасность побоев проявляется в их способности порождать негативные изменения в социальной реальности. По мнению авторов, побои как форма семейно-бытового насилия нарушают стабильность общественных отношений, подрывают условия, необходимые для нормального функционирования социума.

Ключевые слова: побои, семейно-бытовое насилие, правонарушение, преступление, статья 116.1 УК РФ, административная преюдиция.

SIBAGATULLIN Finat Fayazovich,

Adjunct adjunct of the Ufa Law Institute
of the Ministry of Internal Affairs of Russia

SHAIKHULLIN Marat Selirovich,

Professor, Department of Criminal Law and Criminology,
Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Doctor of Law, Associate Professor

BEATINGS AS A FORM OF DOMESTIC VIOLENCE

Annotation. The article analyzes criminological research in the field of domestic violence. Beatings as a form of domestic violence are considered in the aspect of physical and emotional violence. It is noted that the social danger of beatings is manifested in their ability to generate negative changes in social reality. According to the authors, beatings as a form of domestic violence violate the stability of social relations, undermine the conditions necessary for the normal functioning of society.

Key words: побои, семейно-бытовое насилие, правонарушение, преступление, статья 116.1 УК РФ, административная преюдиция.

Криминологические исследования в области семейно-бытового насилия свидетельствуют от том, что побои являются формой домашнего насилия

[1, с. 55]. В соответствии с предлагаемыми в юридической литературе классификационными группами семейного (домашнего) насилия побои следует отнести как к физическому, так и к эмоциональному насилию [2, с. 311]. Действующее

законодательство Российской Федерации не содержит однозначных определений таких понятий, как «побои» и «иные насильственные действия». Вместе с тем в юридической литературе уже давно выработаны научные определения понятий побоев, под которыми обычно понимается нанесение множественных ударов, что является посягательством на телесную неприкосновенность потерпевшего. Судебная практика, в

свою очередь, выделяет и позволяет классифицировать различные виды насильственных проявлений, включая такие действия, как «щипание», «сечение», «выкручивание конечностей», «защемление», «толкание», «связывание и укусы» [3, с. 51]. Все указанные акты насилия могут оказывать негативное воздействие, прежде всего на психоэмоциональное состояние жертв преступлений.

Для квалификации побоев в качестве преступного деяния необходимо установить наличие причинно-следственной связи между совершённым деянием и возникшей физической болью у потерпевшего. В теории уголовного права к категории иных насильственных действий также относятся избиения, уколы, укусы, щипания, термическое воздействие, а также принудительное лишение пищи, воды или тепла [4, с. 47]. Эти деяния наносят ущерб личной безопасности и физическому состоянию жертвы.

Общественная опасность побоев и иных насильственных действий проявляется в их способности порождать негативные изменения в социальной реальности. Подобные преступления нарушают стабильность общественных отношений и подрывают условия, необходимые для нормального функционирования социума. Они оказывают влияние на соблюдение нравственных норм, физическую безопасность и телесную неприкосновенность граждан, создавая атмосферу страха и агрессии. Более того, данные действия дезорганизуют установленный правопорядок, что может привести к распространению правонарушений и порождать социальное напряжение.

Необходимость защиты прав личности от насилия, которое выражается в форме побоев, является актуальной задачей современного уголовного права, призванного обеспечивать безопасность и стабильность в обществе [5, с. 19]. Побои и иные насильственные действия нарушают как индивидуальные права, так и общепринятые моральные нормы, что требует адекватной реакции со стороны законодательства и правоохранительных органов.

В широком смысле насильственная преступность представляет собой категорию деяний, которые проявляются в использовании криминального насилия. В этом контексте побои выступают явными примерами такого насилия, так как они непосредственно затрагивают телесную неприкосновенность людей и наносят им физический вред, а так же обуславливает риски наступления психофизиологических факторов.

Следует отметить, что насилие, даже если оно направлено против самого себя или неживых объектов, обычно свидетельствует о наличии агрессивных наклонностей у субъекта. Однако

важно различать насилие как акт агрессии и агрессивность как черту характера. Насилие может быть одним из способов выражения воли людей, включая ситуации, когда ненасильственный индивид вынужден прибегнуть к нему в целях самозащиты. Это расширяет объем понятия насилия, которое охватывает широкий спектр действий – от физического до психологического, включая семейно-бытовое насилие.

В контексте семейных отношений насилие, направленное против несовершеннолетних, представляет собой осознанный акт поведения со стороны родителей или законных представителей, осуществляемый вопреки правам и законным интересам ребенка. Такое насилие наиболее опасно, поскольку причиняет не только физический вред, но и психический ущерб несовершеннолетнему, что недопустимо в рамках социального и правового порядка. Особенно опасным является насилие в форме побоев, поскольку оно может оставить неизгладимый отпечаток в сознании, памяти несовершеннолетнего и со временем привести к негативным последствиям. В общей структуре преступности за последние 10 лет ситуация с привлечением к уголовной ответственности по статьям 116 и 116.1 УК РФ серьезно менялась. Если в 2016 году за совершение преступлений по статье 116 УК РФ было осуждено 19 770 человек, то по статье 116.1 УК РФ осуждено всего 34 человека. Существенные различия количественных показателей связаны с тем, что статья 116.1 УК РФ, во-первых, была введена в 2016 году Федеральным законом № 323-ФЗ и, во-вторых, что эта статья относится к категории административно-преюдициальных норм. В дальнейшем динамика привлечения к уголовной ответственности по статье 116.1 УК РФ стала характеризоваться повышением количества лиц, привлекаемых к уголовной ответственности за совершение такого преступления. Наши исследования показывают, что переломным моментом в правоприменительной практике привлечения к уголовной ответственности за побои по статьям 116 и 116.1 УК РФ, в части соотношения количественных показателей лиц, осужденных за данные преступления, стал 2019 год, когда количество осужденных за совершение побоев лицами, подвергнутыми административным наказанию или имеющими судимость превысило показатели привлечения к уголовной ответственности за побои совершенные из хулиганских побуждений, а также по различным мотивам указанным в статье 116 УК РФ. В частности в 2019 году по статье 116 УК РФ было осуждено 723 человека, а по статье 116.1 УК РФ – 1386. С этого времени количественные показатели лиц осужденных за совершение побоев с административной преюдицией

стали только возрастать, и к 2024 году достигли колоссальной разницы – по статье 116 УК РФ было осуждено 394 человека, тогда как к уголовной ответственности по статье 116.1 УК РФ было привлечено 6360 человек. Это означает, что правоохранительные органы и суды все чаще стали привлекать к уголовной ответственности лиц, которые ранее совершили административное правонарушение по ст. 6.1.1 КоАП РФ. Таким образом, лица, совершившие неквалифицированные побои и продолжающие повторно совершать такую форму насилия, стали привлекаться к уголовной ответственности, что не могло не повлиять на возрастание количественных показателей осужденных, совершивших преступление, предусмотренное статьей 116.1 УК РФ. Несмотря на общее снижение количественных показателей привлечения к уголовной ответственности лиц за совершение побоев (в 2016 году было осуждено 19770 человек, а в 2024 – 6754) на 34,16%, актуальность побоев, как формы семейно-бытового насилия еще долгое время не потеряет своего значения, а наоборот, несмотря на приведенные данные, будет только возрастать, поскольку проводимые нами исследования показывают, что количественные показатели побоев совершенных с административной преюдицией имеют тенденции к росту. Это означает, что в области профилактики семейно-бытового насилия компетентным органам власти, государственным учреждениям и общественным организациям необходимо обратить внимание на меры предупреждения конфликтов в семье, поскольку как справедливо отметил президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин, семья является не только основой государства и общества, но духовным явлением, основой нравственности [6].

Семья, являясь основой формирования индивидуальности, должна предоставлять детям необходимые материальные и духовные ресурсы. Однако конфликты, возникающие в результате различных противоречий, порой могут перерасти в насильственные действия. Нередко такие конфликты приводят к нарушениям уголовно-охраняемых объектов, что указывает на неспособность родителей выполнять свои функции по воспитанию детей и требуют принятия административных и уголовных мер защиты несовершеннолетних.

Дети, оказывающиеся жертвами семейного насилия, подвергаются глубоким травмам, последствия которых могут сопровождать их на протяжении всей жизни. Эти травмы могут сохраняться долгое время и в последствии способны трансформироваться в агрессивное поведение, что создает порочный круг жестокости и наносит

значительный моральный ущерб обществу в целом. Таким образом, насилие в семье является не только личной трагедией конкретных людей, но и социальной проблемой, требующей комплексного подхода к решению.

Общеизвестно, что семейно-бытовое насилие представляет собой сложное и многогранное явление, которое требует серьезного внимания в правовом и социальном контексте. Это явление охватывает не только уголовные преступления, но и широкий спектр социальных, экономических и психологических факторов, связанных с его возникновением и распространением. Важно отметить, что разрешение проблем семейно-бытового насилия невозможно без глубокого анализа его причин, условий и последствий.

Проблема предупреждения семейно-бытового насилия заключается в том, что это явление часто остается вне поля зрения общественности и правоохранительных органов. Латентный характер таких преступлений – одна из ключевых особенностей, делающая их еще более опасными. Жертвы, как правило, не сообщают о насилии, испытывая страх, стыд или недоверие к внешнему миру. Многие из них считают, что такие проблемы следует решать внутри семьи, что способствует закреплению круговой зависимости и дальнейшему ухудшению ситуации. Этот аспект подчеркивает необходимость исследования не только самих актов насилия, но и тех социальных причин, которые лежат в основе конфликтогенов, возникающих в семье.

Исследования показывают, что большинство случаев семейно-бытового насилия происходит в условиях домашней среды, где жертвами становятся как женщины, так и дети [7, с. 68]. Конфликты могут иметь разные причины: от повседневных недоразумений до глубоко укоренившихся проблем в личных отношениях. Нередко спонтанные вспышки агрессии возникают на фоне алкогольного опьянения, когда эмоциональная нестабильность и предрасположенность к насилию приводят к трагическим последствиям [8, с. 325]. В этом контексте важно рассматривать индивидуальные характеристики личностей, вовлеченных в конфликт, включая их психическое состояние и жизненные обстоятельства.

Существует мнение, что значительная часть убийств и телесных повреждений связана именно с семейными конфликтами [9, с. 20]. Применение насилия в таких ситуациях становится своего рода индикатором (показателем) не только нарушений закона, но и уязвимости социальной структуры в целом. Эти обстоятельства обуславливают необходимость на законодательном уровне разработки специальных мер по предупреждению насилия в семье. Среди них могут быть про-

граммы по повышению осведомленности, обучение навыкам разрешения конфликтов, создание безопасных каналов для обращения за помощью.

С этой позиции, семейно-бытовое насилие представляет собой комплексную социальную проблему, требующую применения системного подхода к ее разрешению. Необходимое внимание должно уделяться не только юридическим аспектам, но и обстоятельствам, способствующим возникновению насилия. Только всесторонний анализ этого негативного явления позволит разработать эффективные стратегии по его предотвращению и обеспечению защиты жертв и явится важным шагом на пути к созданию более безопасной и стабильной социальной среды.

Домашнее насилие представляет собой глубокую и многогранную социальную проблему с циклическим характером. Цикличность такого насилия включает несколько взаимосвязанных этапов, каждый из которых имеет свои особенности и последствия. На первом этапе, который можно условно назвать этапом «напряжения», обостряется психологическая атмосфера в отношениях. Здесь проявляются отдельные вспышки ненависти, переходящие в оскорбления и унижения. Женщины, как правило, пытаются разрядить напряжение, находя различные способы защитить себя или сгладить конфликтные ситуации. Однако с течением времени их способность к балансированию становится всё более затруднённой, что приводит к накоплению напряжения [10, с. 79]. Следующий этап – это «острое насилие». На этом этапе все накопленные негативные эмоции выливаются в насильственный акт. Обидчик теряет контроль над своими чувствами, и всплеск насилия становится неизбежным. Это может принимать разные формы: от психического давления до нанесения побоев. Жертва оказывается в состоянии крайнего стресса и страха.

После акта насилия наступает третий этап, который можно охарактеризовать как «разрешение ситуации». Здесь возможны разные варианты развития событий. Одним из них является разрыв отношений, что может произойти как по инициативе жертвы, так и по желанию агрессора. В некоторых случаях жертвы решаются на обращение в правоохранительные органы, чтобы привлечь насильника к уголовной ответственности. Однако нередко насилие замыкается в рамках «домашней среды» – жертвы могут пытаться урегулировать конфликт мирным путем, что зачастую приводит к повторению цикла.

Причины, по которым возникают побои, разнообразны и могут включать социально-экономические обстоятельства, такие как безработица, снижение уровня благосостояния, отсутствие видения в перспективах дальнейшего раз-

вития отношений и т.д. Проблемы с наркоманией и алкоголизмом также создают почву для агрессивного поведения. Конфликты на работе и в семейной жизни усугубляют ситуацию, а специфические черты виктимного поведения жертв могут способствовать совершению насилия. Виктимное поведение чаще всего наблюдается у женщин в возрасте 27-30 лет, несовершеннолетних и пожилых людей, которые могут быть более уязвимыми [10, с. 79].

Для борьбы с домашним насилием необходим комплексный подход, включающий создание специализированных центров помощи для жертв насилия, а также их реабилитации. Важно предоставить безопасные пространства, где люди смогут получить поддержку и ресурсы для решения своих проблем. При этом следует обеспечить условия анонимности жертв насилия. Также необходимо активизировать работу правоохранительных органов и проводить воспитательную работу в образовательных учреждениях, чтобы повышать осведомленность молодежи [11, с. 53] о проблемах и последствиях насилия. Снижение уровня семейно-бытового насилия требует реализации государственных и региональных программ, направленных на профилактику этого явления. Использование средств массовой информации и социальных сетей для повышения осведомленности граждан о способах противодействия насилию в семье формами ненасильственных действий, является важным инструментом в борьбе с насилием. Интеграция криминологии и юридической психологии поможет глубже понять природу насилия и разработать эффективные меры противодействия исследуемому явлению.

Необходимо отметить, что наиболее проблемной областью семейно-бытового насилия, является домашнее насилие, которое представляет собой, не только физическое проявление агрессии, но и серьёзную проблему, оказывающую существенное влияние на психологическое состояние жертв преступлений. Комплексный подход к профилактике и борьбе с таким насилием является необходимым для создания безопасной и гармоничной социальной среды, где каждый человек имеет право на уважение, телесную неприкосновенность и безопасность. Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что побои как разновидность семейно-бытового насилия представляют собой сложное социально-правовое явление, обусловленное комплексом когнитивных и правовых факторов. Когнитивный подход выявляет глубинные механизмы развития данного вида преступного поведения, выражающиеся в деформации правосознания, искаженных социальных установках и патологических поведенческих стереотипах.

Эффективное противодействие рассматриваемому явлению требует синтеза уголовно-правовых и психолого-криминологических методов воздействия. Особое значение приобретает разработка специализированных методик диагностики когнитивных искажений у потенциальных правонарушителей, а также внедрение психолого-правовых механизмов ранней профилактики.

Список литературы:

[1] Золотухин С. Н. Криминальное насилие в сфере семейно-бытовых отношений: монография. – Челябинск : ЗАО «Библиотека А. Миллера», 2019. – 195 с.

[2] Волосова Н.Ю. Семейное (домашнее) насилие как проблема междисциплинарного характера // Вопросы российского и международного права. 2017. Том 7. № 3А. С. 310-319.

[3] Уголовное право. Особенная часть : учебник для вузов / под общ. ред. Л.М. Прокументова. – Томск: Издательский Дом Томского государственного университета, 2019. – 844 с.

[4] Матушкин П. А. Предупреждение побоев и истязаний: дисс... канд. юрид. наук. – Саратов, 2018. – 201 с.

[5] Харламов В. А. Теория и практика противодействия преступному насилию в семье: системное криминологическое и уголовно-правовое исследование: дисс... докт. юрид. наук. – СПб, 2018. – 718 с.

[6] Выступление президента Российской Федерации В.В. Путина на Всемирном русском народном Соборе // Российская газета. 2023. 28 нояб.

[7] Джалилов А. Причины и последствия бытового насилия в семье // Символ науки. 2022. №3-2. С. 67-69.

[8] Бадретдинов А. И. Состояние алкогольного опьянения как детерминант подростковой преступности / А. И. Бадретдинов // Сборник научных трудов по итогам научно-представительских мероприятий, проводимых в Уфимском юридическом институте МВД России в 2024 году, Уфа, 29 января – 14 2024 года. – Уфа: Уфимский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2024. – С. 325-329.

[9] Гильфанова, И. И. К вопросу об основных детерминантах, способствующих совершению преступлений семейно-бытового характера / И. И. Гильфанова. – Текст : непосредственный // Исследования молодых ученых : материалы LIII Междунар. науч. конф. (г. Казань, январь 2023 г.). – Казань : Молодой ученый, 2023. – С. 19-24.

[10] Матушкин П. А. Побои в структуре насильственной преступности // Вестник Академии права и управления. 2015. №1 (38). С 76-81.

[11] Бабаева, К. Р. Защита прав и интересов несовершеннолетних уголовно-правовыми средствами / К. Р. Бабаева // Право и государственность. – 2025. – № 1(6). – С. 51-56. – DOI 10.70569/2949-5725.2025.6.1.009. – EDN YVETXY.

Spisok literatury:

[1] Zolotuhin S. N. Kriminal'noe nasilie v sfere semejno-bytovyh otnoshenij: monografiya. – Chelyabinsk : ZAO «Biblioteka A. Millera», 2019. – 195 s.

[2] Volosova N.YU. Semejnoe (domashnee) nasilie kak problema mezhdisciplinarnogo haraktera // Voprosy rossijskogo i mezhdunarodnogo prava. 2017. Tom 7. № 3A. S. 310-319.

[3] Ugolovnoe pravo. Osobennaya chast' : uchebnik dlya vuzov / pod obshch. red. L.M. Prokumentova. – Tomsk: Izdatel'skij Dom Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, 2019. – 844 s.

[4] Matushkin P. A. Preduprezhdenie poboev i istyazanij: diss... kand. jurid. nauk. – Saratov, 2018. – 201 s.

[5] Harlamov V. A. Teoriya i praktika protivodejstviya prestupnomu nasiliyu v sem'e: sistemnoe kriminologicheskoe i ugolovno-pravovoe issledovanie: diss... dokt. jurid. nauk. – SPb, 2018. – 718 s.

[6] Vystuplenie prezidenta Rossijskoj Federacii V.V. Putina na Vsemirnom russkom narodnom Sobore // Rossijskaya gazeta. 2023. 28 noyab.

[7] Dzhaliylov A. Prichiny i posledstviya bytovogo nasiliya v sem'e // Simvol nauki. 2022. №3-2. S. 67-69.

[8] Badretdinov A. I. Sostoyanie alkohol'nogo op'yaneniya kak determinant podrostkovoj prestupnosti / A. I. Badretdinov // Sbornik nauchnyh trudov po itogam nauchno-predstavitel'skih meropriyatij, provodimyh v Ufimskom juridicheskom institute MVD Rossii v 2024 godu, Ufa, 29 yanvarya – 14 2024 goda. – Ufa: Ufimskij juridicheskij institut Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii, 2024. – S. 325-329.

[9] Gil'fanova, I. I. K voprosu ob osnovnyh determinantah, sposobstvuyushchih soversheniyu prestuplenij semejno-bytovogo haraktera / I. I. Gil'fanova. – Tekst : neposredstvennyj // Issledovaniya molodyh uchenyh : materialy LIII Mezhdunar. nauch. konf. (g. Kazan', yanvar' 2023 g.). – Kazan' : Molodoj uchenyj, 2023. – S. 19-24.

[10] Matushkin P. A. Pobo'i v strukture nasil'stvennoj prestupnosti // Vestnik Akademii prava i upravleniya. 2015. №1 (38). S 76-81.

[11] Babaeva, K. R. Zashchita prav i interesov nesovershennoletnih ugolovno-pravovymi sredstvami / K. R. Babaeva // Pravo i gosudarstvennost'. – 2025. – № 1(6). – S. 51-56. – DOI 10.70569/2949-5725.2025.6.1.009. – EDN YVETXY.

СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ И СУДОПРОИЗВОДСТВО

Дата поступления рукописи в редакцию: 06.05.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.06.2025 г.

DOI: 10.24412/2224-9133-2025-5-118-125

СЕРГЕЕВ Алексей Артемович,
студент Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации,
e-mail: mail@law-books.ru

ПАРСИНГ СУДЕБНЫХ ДАННЫХ И ГОСУДАРСТВЕННЫХ РЕЕСТРОВ: КОЛЛИЗИЯ ОТКРЫТОСТИ ИНФОРМАЦИИ И ЗАЩИТЫ ДАННЫХ В КОНТЕКСТЕ АВТОМАТИЗАЦИИ ЮРИДИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ (ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ)

Аннотация. Цель исследования. Статья исследует правовые коллизии, возникающие при автоматизированном сборе данных (парсинге) из государственных реестров и судебных порталов в контексте цифровизации юридических процессов. Автор исследует коллизию между принципами открытости информации, закреплёнными в процессуальном законодательстве (ст. 10 ГПК РФ, ст. 11 АПК РФ), Федеральном законе «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» от 22.12.2008 N 262-ФЗ, и нормами защиты баз данных (ст. 1334 ГК РФ). Акцент сделан на анализе последствий коммерциализации доступа к публичным данным через платные API-интерфейсы, ведущей к монополизации рынка LegalTech-услуг, технологическим барьерам для доступа к правосудию и нарушению баланса интересов правообладателей и общества. В качестве механизмов гармонизации предлагается легализация парсинга публичных данных при условии обезличивания (анонимизации) конфиденциальных сведений, внедрение обязательных открытых API-интерфейсов для государственных реестров и судебных систем, а также антимонопольные меры, направленные на предотвращение злоупотреблений доминирующим положением правообладателей баз данных.

Результаты направлены на создание экосистемы, где открытость реестров сочетается с защитой вложенных инвестиций в базы данных, а инновационные сервисы получают равный доступ к информации, критичной для автоматизации юриспруденции. Таким образом, результаты исследования подтверждают необходимость:

легализации «дата майнинга» для публичных данных при анонимизации персональной информации;

внедрения обязательных открытых API для государственных реестров с недискриминационными квотами;

антимонопольного регулирования доступа к данным (дополнение ст. 10 Федерального закона от 26.07.2006 N 135-ФЗ «О защите конкуренции»);

гармонизации норм ГК РФ с международными стандартами (Директива ЕС 2019/790, практика HiQ v. LinkedIn).

Обоснована системная модель, сочетающая законодательные реформы, технологические решения и публичный контроль. Предложенные меры направлены на преодоление монополизации данных, снижение барьеров для LegalTech-стартапов и укрепление цифрового суверенитета через прозрачность судебной системы.

Ключевые слова: парсинг, открытые данные, LegalTech, API, монополизация данных, цифровизация юриспруденции, регулирование баз данных, дата майнинг, каптча, датасет.

SERGEEV Alexey Artemovich,
Student of the Financial University
under the Government of the Russian Federation

PARSING OF JUDICIAL DATA AND STATE REGISTERS: CONFLICTS OF INFORMATION OPENNESS AND DATA PROTECTION IN THE CONTEXT OF AUTOMATION OF LEGAL PROCESSES (LEGAL REGULATORY MECHANISMS)

Annotation. *The purpose of the study. The article investigates legal conflicts arising from automated data collection (parsing) from state registers and court portals in the context of digitalization of legal processes. The author investigates the conflict between the principles of openness of information, enshrined in procedural legislation (Article 10 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation, Article 11 of the Arbitral Procedure Code of the Russian Federation), Federal Law No. 262-FZ «On Ensuring Access to Information about the Activities of Courts in the Russian Federation» (December 22, 2008), and database protection norms (Article 1334 of the Civil Code of the Russian Federation). The focus is on the analysis of the consequences of commercialization of access to public data through paid API interfaces, leading to monopolization of the LegalTech-services market, technological barriers for access to justice and the imbalance of interests of rights holders and society. As mechanisms for harmonization, it is proposed to legalize public data parsing under the condition of depersonalization (anonymization) of confidential information, the introduction of mandatory open API interfaces for state registries and judicial systems, and anti-trust measures, Aimed at preventing abuse of dominant position by database rights holders*

The results are aimed at creating an ecosystem where registry openness is combined with protection of investments in databases, and innovative services have equal access to information critical for automating jurisprudence. Thus, the results of the study confirm the need for:

legalization of «mining data» for public data when anonymizing personal information;

Implementation of mandatory open APIs for government registries with non-discriminatory quotas;

anti-trust regulation of access to data (supplement art. 10 of the Federal Law of 26.07.2006 N 135-F3 «On protection of competition»);

harmonization of the norms of the Russian Civil Code with international standards (EU Directive 2019/790, practice HiQ v. LinkedIn).

The system model combining legislative reforms, technological solutions and public control is justified. The proposed measures aim to overcome data monopolization, reduce barriers for LegalTech startups and strengthen digital sovereignty through transparency of the judicial system.

Key words: *parsing, open data, LegalTech, API, data monopolization, digitization of jurisprudence, database regulation, data mining, captcha, dataset.*

В условиях глобальной цифровой трансформации юридическая сфера переживает системную модернизацию, ключевым вектором которой становится интеграция «Больших данных» и технологий искусственного интеллекта в правоприменительную практику. Автоматизация документооборота, предиктивный анализ судебных рисков и «Due Diligence» контрагентов сегодня немыслимы без доступа к структурированным данным из государственных реестров (ЕГРЮЛ, ЕФРСБЮЛ) и судебных порталов (ГАС «Правосудие», «КадАрбитр»). Эти ресурсы формируют инфраструктурную основу для LegalTech-решений, позволяя обучать нейросетевые модели и создавать алгоритмы для генерации юридических документов.

Однако правовое регулирование сбора и обработки такой информации демонстрирует глубокие коллизии. С одной стороны, ст. 7–8 Федерального закона от 22.12.2008 №262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов» гарантируют не только открытость дан-

ных, но и способы их получения, включая сеть «Интернет». С другой стороны, ст. 1334 ГК РФ защищает исключительные права изготовителей баз данных, предоставляя им возможность ограничивать использование контента, даже если он является публичным.

Данное противоречие порождает парадоксальную ситуацию: информация, формально находящаяся в открытом доступе, де-факто монополизирована правообладателями платформ. Например, судебные решения, опубликованные на портале «КадАрбитр», могут быть заблокированы для парсинга, несмотря на их статус как публично-правового ресурса. Это создаёт правовую неопределённость для разработчиков LegalTech-сервисов, вынужденных балансировать между соблюдением авторских прав и реализацией конституционных гарантий доступа к информации (ст. 29 Конституции РФ).

Указанная коллизия усугубляется технологическими барьерами. Государственные порталы всё чаще внедряют динамические интерфейсы,

основанные на языках программирования (JavaScript, React), требующие для автоматизированного сбора информации, достаточно сложных технических инструментов, а также устанавливаются лимиты запросов и каптчи. Эти меры, формально направленные на защиту от DDoS-атак, на практике становятся инструментом коммерциализации данных через платные API ключи.

В результате малые IT-стартапы, не имеющие ресурсов для оплаты дорогостоящих подписок или разработки обходных решений, оказываются в неравных условиях с крупными игроками, нарушая принципы справедливой конкуренции (ст. 10 ФЗ №135 «О защите конкуренции»).

Таким образом, цифровизация юридической сферы, призванная повысить эффективность правовой системы, сталкивается с институциональным кризисом [2, С. 10]. Разрешение этого кризиса требует устранения недобросовестной конкуренции в отрасли, а также пересмотра баланса между исключительными правами на базы данных и публичными интересами в эпоху алгоритмического права.

Для начала разберемся с основными понятиями, таким как парсинг (скрапинг) – это автоматизированный метод извлечения данных с веб-ресурсов с помощью специальных программ, называемых ботами (от англ. robot). Эти программы предназначены для быстрого и массового выполнения однотипных задач, таких как сбор информации по заданным алгоритмам, что превышает возможности человека в скорости и объеме [2, с. 7].

Ключевой аспект парсинга – работа с общедоступными данными, без нарушения ограничений доступа или хищения контента. Речь идет не о копировании всей базы сайта, а о выборочном извлечении конкретной информации. Например, парсинг часто применяется для анализа цен конкурентов или ассортимента товаров – задач, которые пользователи выполняют вручную, но в меньших масштабах и медленнее.

Механизм работы выглядит так: бот обращается к странице сайта, получает её HTML-разметку, анализирует структуру, извлекает нужные данные и сохраняет их в базу. Типичный пример – индексация сайтов поисковыми системами (Google, Яндекс). Их роботы сканируют веб-страницы, чтобы включить их в поисковую выдачу. Для упрощения этого процесса разработчикам советуют размещать в корне сайта файл robots.txt, который указывает ботам, какие страницы индексировать в первую очередь. Без этого файла робот может проигнорировать важные разделы, что негативно скажется на продвижении ресурса.

Файл robots.txt также позволяет запретить индексацию определенных страниц. Однако это

не единственный способ защиты от парсинга. Существуют и другие технические методы о которых говорилось ранее (например, капчи, ограничение запросов), но они лишь затрудняют, а не блокируют сбор данных полностью. Как отмечают эксперты, создать абсолютную защиту от скрапинга невозможно – пользователи постоянно находят обходные пути.

В связи с этим владельцы сайтов всё чаще обращаются к правовым механизмам, пытаясь запретить автоматизированный сбор информации через судебные иски или изменения в пользовательских соглашениях. Тем не менее, подобные меры остаются спорными, особенно когда речь идет о публичных данных.

Таким образом, парсинг остается мощным инструментом анализа данных, балансирующим на грани технических возможностей, этики и законодательства. Его применение требует четкого понимания как потенциала, так и рисков, связанных с нарушением правил конкретных ресурсов или локальных законов.

В контексте альтернативы парсингу стоит рассмотреть использование API-интерфейсов. API (Application Programming Interface) — это стандартизированный протокол, позволяющий программам взаимодействовать с сервером напрямую, без необходимости имитировать действия пользователя через веб-браузер (непосредственно парсинг). API-ключ представляет собой уникальный идентификатор, выдаваемый разработчику для авторизации запросов к такому интерфейсу. Принцип работы заключается в следующем: приложение отправляет на сервер запрос с указанием API-ключа, сервер проверяет его подлинность и права доступа, после чего возвращает данные в структурированном формате. Это исключает необходимость «парсить» страницы, так как информация предоставляется в готовом для машинной обработки виде.

Однако ключевая проблема заключается в том, что доступ к API-интерфейсам государственных реестров или судебных порталов часто отсутствует или предоставляется на платной основе. Такая коммерциализация создает неравные условия на рынке LegalTech: крупные компании, способные оплачивать доступ, получают конкурентное преимущество, тогда как новые игроки сталкиваются с финансовыми и технологическими барьерами. Кроме того, условия использования API-ключей могут ограничивать объем запросов, типы доступных данных или способы их дальнейшего применения, что противоречит принципам открытости публичной информации.

С правовой точки зрения, API-ключи формализуют доступ к данным через лицензионные соглашения, что снижает риски судебных споров, связанных с нарушением авторских прав или

правил использования ресурсов. В отличие от парсинга, который может трактоваться как несанкционированный доступ, взаимодействие через API легитимизируется договором между поставщиком данных и разработчиком. Однако платность такого доступа де-факто трансформирует публичную информацию в коммерческий продукт, что нарушает баланс между исключительными правами владельцев баз данных и общественными интересами в прозрачности правосудия. Это особенно критично в условиях, когда государственные реестры финансируются из бюджета, но их данные монетизируются через закрытые API, создавая правовые и этические коллизии.

Рассмотрим парсинг в контексте автоматизированного извлечения и структурирования информации из общедоступных источников, например, судебные решения в формате PDF преобразуются в машиночитаемые таблицы с полями «истец», «ответчик», «дата решения». Для LegalTech это критически важно: обучение нейросетевых моделей (таких как GPT, Deepseek, YandexGPT) требует анализа десятков тысяч решений, а оперативная проверка контрагента – нуждается в актуальных данных из ЕГРЮЛ.

Однако государственные порталы ограничивают сбор данных через различные системы защиты автоматизированного сбора информации, такие как вышеописанные – каптчи, лимиты на запросы с определенного IP или установление платных API ключей – доступ к информации только в условиях подписки к сервису или сайту.

Пример: сервис «КадАрбитр» (Официальный сайт картотеки арбитражных дел РФ) блокирует парсинг, но предоставляет доступ коммерческим платформам по платной подписке, которую не могут позволить себе субъекты малого и среднего предпринимательства, а самое важное начинающие стартапы в сфере Legal Tech. Что нарушает по-нашему мнению, ст. 10 ФЗ «О защите конкуренции» (запрет злоупотребления доминирующим положением) и ст. 29 Конституции РФ (право свободно получать информацию).

Таким образом, парсинг стал основным инструментом автоматизации юридических процессов, обеспечивая преобразование неструктурированных данных (судебные решения, реестры) в форматы, пригодные для машинного анализа. Его роль проявляется в трех ключевых направлениях.

Во-первых, автоматизация документооборота. Любые нейросетевые модели, обучаются на массивах данных (так называемых датасетах), в нашем случае – это судебные решения и нормы права для генерации исковых заявлений, ходатайств и иных типовых документов для суда, вдо-

бавок с помощью таких датасетов можно автоматизировать генерацию договоров, которые составляют основную рутинную деятельности юристов всего мира. Но для этого необходимо своевременно собирать и обрабатывать эти данные через парсинг или API. В связи с тем, что сфера IT требует значительных затрат на разработку новых продуктов, поэтому все чаще разработчики пытаются прибегать к минимизации расходов, а использование такого «серого» инструмента как парсинг решает эту проблему, но создает правовую неопределенность.

Например, нами было составлено официальное обращение к правообладателям сайта Арбитражного суда РФ (ими являются АО «Право.Ру» - с которыми заключен государственный контракт на обслуживание Арбитражных судов).

В дальнейшем наше обращение зарегистрировали и дали ответ, о том что сбор данных с данного портала через парсинг запрещен и единственным выходом было предложено непосредственное использование ручного поиска «человеческим способом», что, по сути, противоречит принципу гласности и открытости закрепленных в законодательных актах РФ.

Во-вторых, анализ судебных рисков. Системы типа «Caselook», которую продвигают АО «Право.Ру», оценивает вероятность удовлетворения иска на основе полученной статистики. Такие данные повышают прозрачность судебной системы и снижают риски для юристов, но не стоит забывать, что получения таких данных происходит строго по закрытому каналу и таким образом также ограничивает многих разработчиков.

Такие, технические барьеры, вынуждают их все чаще обходить защиту, что приводит к судебным искам о нарушении как гражданского законодательства в части ст. 1334 ГК РФ. Исключительное право изготовителя базы данных, ст. 1270 ГК РФ. Авторское право, но и также ст. 272 УК РФ. Неправомерный доступ к компьютерной информации, которую можно применить, классифицировав обход каптч и других мер защиты как неправомерный доступ.

В-третьих, проверка контрагентов. Сервисы вроде «Контур.Фокус» и «СПАРК» агрегируют данные из большого количества государственных источников (ЕГРЮЛ, ЕФРСБ и др.), выявляя связи бенефициаров, финансовые риски и участие компаний в судебных спорах.

Массовая смена директоров в ЕГРЮЛ, например, служит индикатором потенциальных проблем. Однако отсутствие API на официальных порталах и блокировки IP-адресов из-за автоматизированных запросов усложняют доступ к данным.

Технологические ограничения усугубляют ситуацию. Лимиты запросов делают массовый сбор данных невозможным без распределенных серверов (запросы осуществляются периодически с разных ip-адресов), что недоступно для малых стартапов. При этом государство не предлагает альтернатив: кроме открытого API Росреестра, где были созданы специальные квоты.

Обобщая все вышесказанное, можно сделать вывод о том, что доступ к данным государственных порталов реализуется через два основных метода: парсинг и API и их регулирование отражает конфликт между принципом открытости информации и монополизацией данных.

Росреестр демонстрирует пример прозрачного подхода, предоставляя открытый API с квотами для некоммерческого использования (с лимитом запросов/месяц). Иной уже закрытый подход демонстрирует система «КадАрбитр», о которой говорилось выше.

Правовые коллизии усугубляют эту проблему. Так в 2021 г. суд в деле «ВКонтакте v. Double Data» признал парсинг общедоступных профилей нарушением смежных прав.

Рассматриваемый спор между социальной сетью «ВКонтакте» и стартапом «Дабл Дата» (дело № А40-18827/2017) стал знаковым для регулирования автоматизированного сбора данных в России. Компания «Дабл Дата», резидент «Сколково», разработала ПО для анализа общедоступных профилей пользователей «ВКонтакте», включая поисковую систему (DOUBLE SEARCH), инструмент визуализации (SOCIAL LINK) и алгоритм обработки метаданных (SOCIAL ATTRIBUTES). Истец («ВКонтакте») утверждал, что продукты ответчика нарушают исключительные права на базу данных пользователей (ст. 1334 ГК РФ), тогда как «Дабл Дата» настаивала на правомерности обработки публичной информации.

Суд по интеллектуальным правам (СИП) в постановлении № СП-21/26 от 18.11.2021 закрепил два ключевых тезиса. Во-первых, права на базу данных возникают у оператора платформы даже при её наполнении пользователями (создании контента), если доказаны существенные инвестиции в создание и поддержание инфраструктуры. Это решение отвергло доктрину «побочного продукта», распространенную в ЕС (дело *British Horseracing Board vs William Hill*), где охраняются только прямые вложения в формирование базы. Во-вторых, СИП подчеркнул объективный характер критерия «существенных затрат», не требующий доказательств субъективного намерения правообладателя.

Коллизия подходов к парсингу проявилась в аргументации сторон. «ВКонтакте» настаивала на буквальном толковании ст. 1334 ГК РФ, трактуя

любое извлечение данных как нарушение. «Дабл Дата» апеллировала к европейскому прецеденту *CV-Online Latvia v Melons* (2021), где парсинг был признан правомерным при отсутствии вреда бизнес-модели правообладателя. Ответчик также акцентировал технические отличия своего ПО от классического копирования: индексация данных для поиска, аналогичная работе Google, и временное кэширование, как в браузерах.

Эксперты отмечают, что кейс выявил системные пробелы регулирования. Учёные МГЮА и практикующие юристы (например, представители OZON и HeadHunter) указывают на необходимость закрепления в ГК РФ исключений для добросовестного использования данных, таких как анализ для неконкурирующих целей или обучение ИИ. Отсутствие аналога доктрины «правомерного пользования» в РФ, создаёт риски для LegalTech-стартапов, вынужденных балансировать между инновациями и соответствием закону.

Кроме того, подчёркивается, что текущие нормы не учитывают экономическую природу данных: монополизация через платные API (как в случае «КадАрбитр») противоречит принципу открытости государственной информации.

Мировое соглашение, завершившее спор, оставило ключевые вопросы нерешёнными. Однако практическое значение кейса заключается в формировании прецедента детального исследования технологических аспектов парсинга. СИП обязал суды учитывать не только юридическую, но и техническую специфику ПО, включая алгоритмы индексации и кэширования. Это создаёт ориентир для будущих споров, где защита интеллектуальных прав не должна подавлять развитие цифровых инноваций.

В заключение, дело «ВКонтакте vs Дабл Дата» демонстрирует необходимость реформы ст. 1334 ГК РФ. Речь идёт о введении критерия «существенного вреда» (согласно европейской практике), разграничении конкурирующего и неконкурирующего использования данных, а также разработке стандартов открытых API для государственных реестров. Без таких изменений правовая система рискует стать тормозом для цифровой трансформации, где доступ к информации является ключом к технологическому суверенитету.

Обращаясь к международной практике: к примеру, в США дело *HiQ v. LinkedIn* (2019) легализовало сбор открытых данных, если не нарушаются технические барьеры (сбор паролей, логинов пользователей). Что также подтверждает необходимость аналога доктрины «добросовестного использования», которая решает правовую неопределённость.

В ЕС Директива 2019/790 разрешает так называемый, «дата майнинг» для научных и коммерческих целей при легальном доступе к исходным данным.

Во Франции платформы анализируют судебную практику, используя парсинг в рамках «добросовестного использования».

В Японии Закон APPI (закон о персональных данных) разрешает парсинг при анонимизации данных (обезличивании и т.д.), а реестр компаний доступен через открытый API, снижая потребность в автоматизированном сборе.

В свою очередь Китай ввел «Закон о кибербезопасности», который требует лицензию для автоматизированного сбора информации.

Таким образом, парсинг требует законодательного закрепления его статуса либо полного запрета. Однако последнее неизбежно потребует альтернативных решений — например, обязательного внедрения API для государственных реестров и сайтов, которые, в соответствии с принципом открытости, должны обеспечивать доступ к информации для любых форм автоматизированной обработки, включая коммерческое использование.

Делая вывод о вышесказанном, монополизация API и блокировка парсинга создают порочный круг: данные, которые должны служить обществу, становятся инструментом контроля для коммерческих игроков. Решение требует законодательного закрепления равного доступа и прозрачных правил использования публичной информации.

Ограничения на парсинг и коммерциализация доступа к данным через платные API, при бесспорной важности защиты прав правообладателей, формируют значимые вызовы для технологического развития. Реализация сбалансированного подхода, который гармонично учитывает интересы, как владельцев digital-ресурсов, так и разработчиков инновационных решений, способна усилить позиции России в глобальной цифровой трансформации. Снижение административных барьеров и создание прозрачных условий для работы с данными откроет новые возможности для построения конкурентоспособной цифровой экономики, где LegalTech-проекты и IT-стартапы смогут:

- Масштабировать решения – автоматизация рутинных процессов (анализ судебной практики, проверка контрагентов), что повысит эффективность юридического сектора;
- Снизить цены для МСП – малый бизнес получит доступ к аналитике, которая сейчас доступна лишь крупным игрокам;
- Ускорить импортозамещение – локализация IT-инструментов на основе открытых данных сократит зависимость от зарубежных платформ.

Это не только укрепит позиции страны в технологической гонке, но и создаст основу для устойчивого роста предпринимательства, где инновации становятся драйвером экономики.

Для преодоления правовых и технологических барьеров необходим комплекс законодательных и организационных мер.

Первый способ, легализация процессов автоматизированного сбора и обработки больших массивов информации через внесение поправок в ГК РФ. Это исключит парсинг публичных данных из списка нарушений авторских прав и иных прав при соблюдении двух условий: анонимизации персональных данных и соблюдении разумных лимитов запросов (например, 100/сек). Опыт ЕС показывает, что такие изменения увеличивают число LegalTech-стартапов на 25–30%.

Второй способ, обязательное внедрение открытых API для государственных реестров и судебных порталов. API должны предоставлять данные в машиночитаемых форматах с квотами для использования. Для коммерческих проектов, тарифы следует, либо оставить бесплатными или установить на уровне себестоимости обработки запроса (0,1–0,3 руб.), что предотвратит монополизацию, как в случае с «КадАрбитр», где стоимость доступа невероятно высокая для маленьких стартапов.

Важнейшим также будет шаг по антимонопольному регулированию. Дополнение ст. 10 ФЗ №135 нормами, запрещающими дискриминацию в доступе к API (например, ценовые перекосы или избирательные блокировки), создаст равные условия для всех участников рынка. Решением будет являться, к примеру, создание при ФАС Департамента цифровых рынков с полномочиями налагать штрафы и предписания.

Реализация предложенных мер требует не только координации между Министерством цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации, ФАС и судебной системой, но и активного участия IT-сообщества, бизнеса и гражданского общества [4, С. 16].

Без системного лоббирования интересов цифровой экономики даже прогрессивные инициативы рискуют остаться декларациями, усугубляя цифровой разрыв между государством и рынком. Ключевым условием успеха является создание открытого диалога: публичные обсуждения проектов законов, экспертные рабочие группы при профильных министерствах и включение представителей LegalTech-стартапов в процесс разработки регуляторных решений.

Международная практика демонстрирует, что преодоление монополизации данных возможно через симбиоз законодательных реформ и публичного контроля. Они показывают, что прозрачные правила доступа к информации стимули-

руют конкуренцию, снижая барьеры для малого бизнеса. Внедрение аналогичных механизмов в России — например, обязательных публичных отчётов операторов API о квотах и тарифах — повысит доверие к государственным порталам и сократит злоупотребления.

Будущее права — за открытостью, а не монополиями.

Тут стоит процитировать ключевой вывод зарубежного суда, который важно подчеркнуть: разрешение компаниям (например, LinkedIn) контролировать сбор и использование данных, которыми они не владеют, которые публично доступны и которые они сами заимствуют, может привести к монополизации информации. Это ставит под удар публичные интересы, превращая данные в инструмент доминирования, а не общее благо.

Легализация парсинга, внедрение API и антимонопольные меры превратят LegalTech из инструмента элит в драйвер массовой цифровизации. Это позволит не только автоматизировать рутину (анализ дел, проверку контрагентов), но и повысить качество правосудия: нейросетевые алгоритмы, обученные на миллионах судебных дел, смогут прогнозировать коллизии, а открытые данные — сделать судебную систему понятной для граждан. Уже сегодня проекты существующие проекты, демонстрируют снижение сроков на рутинные юридические задач до 30%.

Однако бездействие чревато стратегическими рисками. Отказ от реформ приведёт к архаизации юридической сферы: пока глобальные платформы внедряют ChatGPT для анализа контрактов, а DoNotPay в США, оспаривает штрафы через чат-боты, российские юристы будут тратить часы на ручной сбор данных. Это не только снизит конкурентоспособность отечественных IT-решений, но и усилит зависимость от зарубежных технологий, противореча курсу на цифровой суверенитет.

Таким образом, принятие сбалансированной модели регулирования — вопрос не только технологического прорыва, но и сохранения актуальности российской правовой системы в условиях цифровой эпохи. Открытость данных, подкреплённая защитой прав создателей баз, станет основой для экономики, где инновации доступны каждому, а право служит обществу, а не корпоративным интересам.

Список литературы:

[1] Буняева, М. В. Формирование правовых основ регулирования в условиях цифровой трансформации сельского хозяйства / М. В. Буняева // Правовой альманах. – 2020. – № 1. – С. 5-12.

[2] Васильева, О. Н. Регистрация субъектов предпринимательской деятельности и учета

налогоплательщиков в условиях цифровизации / О. Н. Васильева // Правовой альманах. – 2023. – № 3(25). – С. 9-13.

[3] Калятин В.О. Право интеллектуальной собственности. Правовое регулирование баз данных: учеб. пособие для бакалавриата и магистратуры / - М.: Юрайт, 2018. С. 35.

[4] Немчик, Ю. А. Теоретико-правовые основы создания и совершенствования Электронного правительства в интересах социального развития России / Ю. А. Немчик // Правовой альманах. – 2022. – № 7(20). – С. 15-27.

[5] Павлова Е.А., Калятин В.О., Суспицына М. Гражданско-правовое и антимонопольное регулирование исключительных прав: инструмент на выбор? // Конкуренция и право. - 2013, - № 4. С. 50-60.

[6] Рожкова М.А. Скрапинг/парсинг интернет-ресурсов – что это такое и законно ли это? // [Электронный ресурс] // Закон.ру. 2019. 30 декабря. - URL: <https://zakon.ru/>

[7] Рожкова М.А. Базы данных и сервисы онлайн-классифайдов: пользование базой и использование информации [Электронный ресурс] // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2019. URL: <http://ipcmagazine.ru/legal-issues/databases-and-services-online-classification-use-of-the-database-and-use-of-information>

[8] Решение Арбитражного суда города Москвы от 22 марта 2021 г. по делу № А40-18827/17-110-180.

[9] Директива Европейского парламента и Совета Европейского Союза 96/9/EC от 11 марта 1996 г. «О правовой охране баз данных».

[10] См.: Jeffrey D. Neuburger. Supreme Court Vacates LinkedIn-HiQ Scraping Decision, Remands to Ninth Circuit for Another Look // The National Law Review. 2021. 16 June. - URL: <https://www.natlawreview.com>

[11] HiQ labs, inc. V. LinkedIn Corp., D.C. № 3:17-cv-03301-EMC. US DC for the Northern District of California, March 15, 2018. - URL: <http://cdn.ca9.uscourts.gov/datastore/opinions/2019/09/09/17-16783.pdf>

[12] Капточка дела № А40-18827/2017. URL: <http://kad.arbitr.ru/Card/1f33e071-4a16-4bf9-ab17-4df80f6c1556>

Spisok literatury:

[1] Bunyaeva, M. V. Formirovanie pravovy`x osnov regulirovaniya v usloviyax cifrovoj transformacii sel'skogo xoz'yajstva / M. V. Bunyaeva // Pravovoj al'manax. – 2020. – № 1. – S. 5-12.

[2] Vasil'eva, O. N. Registraciya sub`ektov predprinimatel'skoj deyatel'nosti i ucheta nalogo-platel'shnikov v usloviyax cifrovizacii / O. N. Vasil'eva // Pravovoj al'manax. – 2023. – № 3(25). – S. 9-13.

[3] Kalyatin V.O. Pravo intellektual'noj sobstvennosti. Pravovoe regulirovanie baz danny'x: ucheb. posobie dlya bakalavriata i magistratury / - M.: Yurajt, 2018. S. 35.

[4] Nemchik, Yu. A. Teoretiko-pravovy'e osnovy' sozdaniya i sovershenstvovaniya E'lektronного pravitel'stva v interesax social'nogo razvitiya Rossii / Yu. A. Nemchik // Pravovoj al'manax. – 2022. – № 7(20). – S. 15-27.

[5] Pavlova E.A., Kalyatin V.O., Suspicya M. Grazhdansko-pravovoe i antimonopol'noe regulirovanie isklyuchitel'ny'x prav: instrument na vy'bor? // Konkurenciya i pravo. - 2013, - № 4. S. 50-60.

[6] Rozhkova M.A. Skraping/parsing internet-resursov – chto e'to takoe i zakonno li e'to? // [E'lektronny'j resurs] // Zakon.ru. 2019. 30 dekabrya. - URL: <https://zakon.ru/>

[7] Rozhkova M.A. Bazy' danny'x i servisy' onlajn-klassifajdov: pol'zovanie bazoj i ispol'zovanie informacii [E'lektronny'j resurs] // Zhurnal Suda po intellektual'ny'm pravam. 2019. URL: <http://ipcmaga->

zine.ru/legal-issues/databases-and-services-online-classification-use-of-the-data-base-and-use-of-information

[8] Reshenie Arbitrazhnogo suda goroda Moskvy' ot 22 marta 2021 g. po delu № A40-18827/17-110-180.

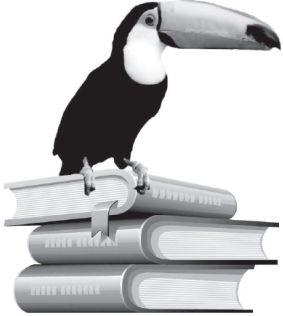
[9] Direktiva Evropejskogo parlamenta i Soveta Evropejskogo Soyuza 96/9/ES ot 11 marta 1996 g. «O pravovoj oxrane baz danny'x».

[10] Sm.: Jeffrey D. Neuburger. Supreme Court Vacates LinkedIn-HiQ Scraping Decision, Remands to Ninth Circuit for Another Look // The National Law Review. 2021. 16 June. - URL: <https://www.natlawreview.com>

[11] HiQ labs, inc. V. LinkedIn Corp., D.C. № 3:17-cv-03301-EMC. US DC for the Northern District of California, March 15, 2018. - URL: <http://cdn.ca9.uscourts.gov/datastore/opinions/2019/09/09/17-16783.pdf>

[12] Kartochka dela № A40-18827/2017. URL: <http://kad.arbitr.ru/Card/1f33e071-4a16-4bf9-ab17-4df80f6c1556>

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ВОРОПАЕВ Никита Алексеевич,
аспирант кафедры уголовного права и криминологии
ОмГУ им Ф.М. Достоевского,
e-mail: nikita.voropaev.99@mail.ru

Научный руководитель:
СТЕПАШИН Виталий Михайлович,
профессор кафедры
уголовного права и криминологии
ОмГУ им Ф.М. Достоевского, д.ю.н.,
e-mail: mail@law-books.ru

СООТНОШЕНИЕ СУДЕЙСКОГО УСМОТРЕНИЯ И НАЗНАЧЕНИЯ НАКАЗАНИЙ ПО СОВОКУПНОСТИ ПРИГОВОРОВ

Аннотация. В статье рассматривается фактор влияния судебного усмотрения на процесс назначения наказаний, законодательные ограничения полномочий суда, а также дается оценка действующим положениям по вопросу назначения наказаний по совокупности приговоров.

Тема соотношения судебного усмотрения и назначения наказаний по совокупности приговоров является ключевой в области уголовного права, так как она затрагивает баланс между индивидуальным подходом к каждому делу и необходимостью следовать общим правилам судебной практики. В данной работе рассматриваются основные аспекты и проблемы, связанные с использованием судебного усмотрения при вынесении приговоров, а также анализируется роль этого усмотрения в контексте назначения наказаний по совокупности приговоров.

Особое внимание уделяется исследованию законодательных и нормативных основ, регулирующих процесс назначения наказаний, а также судебной практике, демонстрирующей различные подходы к интерпретации и применению данных норм.

Ключевые слова: судебское усмотрение, судебный приговор, уголовное право, совокупность приговоров, преступление.

VOROPAEV Nikita Alekseevich,
Postgraduate student at Omsk State University
named after F.M. Dostoevsky

Scientific supervisor:
STEPASHIN Vitaly Mikhailovich,
Professor,
Department of Criminal Law and Criminology,
Omsk State University F.M. Dostoevsky,
Doctor of Law

THE RATIO OF JUDICIAL DISCRETION AND SENTENCING ACCORDING TO THE TOTALITY OF SENTENCES

Annotation. The article examines the influence of judicial discretion on the sentencing process, legislative restrictions on the court's powers, and evaluates the current provisions on sentencing based on the totality of sentences.

The topic of the relationship between judicial discretion and the imposition of punishments based on the totality of sentences is a key one in the field of criminal law, as it affects the balance between an individual approach to each case and the need to follow the general rules of judicial practice. This paper examines the main aspects and problems related to the use of judicial discretion in sentencing, as well as analyzes the role of this discretion in the context of sentencing based on the totality of sentences.

Special attention is paid to the study of the legislative and regulatory frameworks governing the sentencing process, as well as judicial practice demonstrating various approaches to the interpretation and application of these norms.

Key words: *judicial discretion, court sentence, criminal law, totality of sentences, crime.*

Назначение наказаний является одной из ключевых функций судебной системы, позволяющей поддерживать законность и правопорядок в обществе.

Однако в реалиях современных правовых систем процедура определения наказания может становиться весьма сложной, особенно когда речь идет о совокупности приговоров. Данный институт уголовного права требует тщательного рассмотрения и анализа, так как точная регламентация правил определения конечного наказания оказывает непосредственное влияние на эффективность правосудия и защиту прав человека.

В настоящем исследовании следует начать с того, что совокупность приговоров имеет место, когда одно и то же лицо осуждено за совершенные преступные деяния несколькими приговорами в разное время. Такая ситуация может сложиться по двум основным причинам.

Во-первых, новый приговор может быть вынесен за преступление, совершенное до вынесения предыдущего приговора. Во-вторых, новое преступление может быть совершено после вынесения предыдущего приговора, но до его фактического полного исполнения.

Законодателем в ст. 70 УК РФ определены правила, используемые правоприменителями при определении конечного наказания, складываемого из множества приговоров, вынесенных в отношении лица, привлекаемого к уголовной ответственности, однако данные правила вызывают ряд вопросов в части самого определения наказаний.

Не является скрытым тот факт, что при определении наказания суд определяет все имеющие для разрешения дела обстоятельства, такие как: личность привлекаемого к уголовной ответственности, обстоятельства преступного деяния, мотивы и умысел противоправного деяния, что является обстоятельством для назначения как более, так и менее строгого наказания в пределах допустимых санкций статей УК РФ, что является проявлением судейского усмотрения при правоприменении.

Однако, как следует из самой сути нормы ст. 70 УК РФ, складывающаяся ситуация в отношении лица, к которому применяются уголовно-правовые санкции, обстоятельства, при которых в отношении подсудимого выносится новый приговор при неотбытом наказании по прошлому приговору, могут свидетельствовать о ведении

лицом преступного образа жизни, что в свою очередь, исходя из общих целей наказания должно влечь за собой более строгое применение уголовно-правовых санкций.

Рассматривая вопрос назначения лишения свободы лицу, подвергнутому наказанию в виде лишения свободы, исходя из правил назначения наказаний, в случае уже назначенного максимума, выявляется дискуссионный момент определения окончательного наказания, в случае если все наказания являются исчислимыми и относятся к лишению свободы.

Так, в случае если лицом совершены деяния, за которые лицо приговорено к лишению свободы на 15 лет, вскрываются обстоятельства, свидетельствующие о совершении в момент отбытия наказания либо в момент до совершения преступления, за совершение которого лицо уже осуждено, иных преступных деяний, максимальный срок лишения свободы по ч. 3 ст. 70 УК РФ, не может быть больше чем 30 лет, в связи с чем происходит поглощение «избыточного» наказания, назначенного сверх установленного лимита[1].

Однако, подобная ситуация маловероятна, ввиду того, что максимальное наказание назначается в исключительных случаях, а при анализе судебной практики по ч. 1 ст. 105 УК РФ, судами в среднем назначается наказание от 7 до 10 лет лишения свободы, в то время как максимальный потолок в 15 лет почти не применяется.

Как отмечает в своем исследовании Б.Я. Гаврилов, назначаемое судом уголовное наказание, зависит напрямую от усмотрения судьи и определяется его знанием буквы и духа закона, уровнем его правосознания, пониманием своей роли в обществе, в том числе его жизненным опытом[2].

Соответственно, соотнося назначение наказаний за отдельные преступления, где судейское усмотрение наличествует и выражается в правилах ст. 60 и ст. 64 УК РФ, с правилами назначения наказаний по совокупности приговоров, где регламентированы рамки сложения приговоров как частично, так и полностью, закономерен вывод об искусственном ограничении полномочий суда при применении полного сложения наказаний, как бы понуждая суд вынести заведомо более мягкое наказание в виде лишения свободы, что не отвечает принципам справедливости и соразмерности уголовного наказания.

Кроме того, ст. 70 УК РФ не предусматривает регламентации пожизненного наказания в

случае назначения множества исчислимых санкций в виде лишения свободы, что также является дискуссионным моментом, ограничивающим судебское усмотрение в части назначения более строгого наказания лицу, подвергнутому лишению свободы на исчислимый срок.

При таких вводных, применение правил частичного сложения при назначении наказаний представляется скорее вынужденной мерой по снижению сроков исчислимых наказаний и ограничения вынесения судом возможностей по пожизненному лишению свободы лиц, неоднократно совершающих преступления и ведущих преступный образ жизни.

Ч. 1 ст. 9 УИК РФ, предусматривает исправление осуждённого как формирование у него уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития, а также стимулирование правопослушного поведения. Все эти качества полагаются необходимым свидетельством утраты лицом (преступником) признака общественной опасности[3].

В случае же с «закоренелыми» преступниками цель исправления представляется недостижимой ввиду регулярности допущения лицом уголовно-наказуемых деяний, в связи с чем возникает вопрос регламентации новых целей наказания введением цели изоляции нежелательных элементов от правопослушного общества с допущением законодателем назначения пожизненного наказания лицам за преступления по совокупности приговоров в случае если полная совокупность назначенных наказаний в приговорах достигает допустимого максимума при назначении наказаний в виде лишения свободы по совокупности приговоров.

Таким образом, в цепочке право-суд-наказание образуется некоторое несоответствия закона общим целям наказания. Если в случае назначения наказания более строгого, предусматриваемого санкциями статей, по которым такое наказание назначается, то в случае отсутствия пожизненного лишения свободы в санкциях статей такая мера становится недоступной суду в случае если привлекаемый к уголовной ответственности «закоренелый» преступник.

Представляется комплексным решением проблемы введения критерия исправимости подсудимого, и в случае неисправимости лица регламентирование невозможности применения частичного сложения приговоров к таким лицам.

На основании вышеизложенного, выявлены следующие проблемы по исследуемой теме:

1. Ограничение законодателем полномочий суда в части применения пожизненного наказания.
2. Немотивированное законодателем ограничение максимально исчислимого наказания в виде лишения свободы.
3. Отсутствие подхода законодателя к оценке личности преступника по классификации подверженности лица исправлению.

Вышеуказанные проблемы при рассмотрении в комплексе представляют собой существенный пробел законодателя, ограничивающий возможности суда в случае невозможности исправления личности, совершающей преступления регулярно и ведущего асоциальный и преступный образ жизни.

Возложение обязанности определения личностных качеств подсудимого на суд без возможности осуществления автономных функций по определению наказания представляется дискуссионным и является подходом, не отражающим сути и цели наказания.

В таком случае правила назначения наказаний по совокупности приговоров скорее выступают ограничителем для правоприменителя, не позволяющим раскрыть потенциал карательной функции наказания.

Список литературы:

- [1] Степашин В.М. Алгоритм назначения наказания по совокупности преступлений и приговоров // Вестник Омского университета. Серия «Право», № 3. – 2022. – С. 95.
- [2] Гаврилов Б.Я. Современная уголовная политика России: цифры и факты. М. : Проспект : ТК Велби, 2008. С. 111.
- [3] Комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации (постатейный) / А.В. Бриллиантов, С.И. Курганов; под ред. А.В. Бриллиантова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2015.

Spisok literatury:

- [1] Stepashin V.M. Algoritm naznacheniya nakazaniya po sovokupnosti prestuplenij i prigovorov // Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Pravo», № 3. – 2022. – S. 95.
- [2] Gavrilov B.Ya. Sovremennaya ugolovnaya politika Rossii: cifry i fakty. M. : Prospekt : TK Velbi, 2008. S. 111.
- [3] Kommentarij k Ugolovno-ispolnitel'nomu kodeksu Rossijskoj Federacii (postatejnyj) / A.V. Bril'liantov, S.I. Kurganov; pod red. A.V. Brilliantova. 2-e izd., pererab. i dop. M.: Prospekt, 2015.

МЕДВЕДЕВА Инна Николаевна,
научный сотрудник
Научно-исследовательского института
ФСИН России,
e-mail: medvedeva.i.n@fsin.gov.ru

К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ РЕАЛИЗАЦИИ СУДЕБНОГО ЗАПРЕТА НА ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННОЙ СЕТИ «ИНТЕРНЕТ» В ОТНОШЕНИИ ПРАВОНАРУШИТЕЛЕЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И США

Аннотация. В статье представлен краткий анализ реализации судебного запрета использования сети Интернет, который применяется в нашей стране при избрании мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста, в Российской Федерации и США, где подобный запрет применяется в отношении условно осужденных. Проведённый сравнительный анализ законодательства России и США по исследуемой проблеме показал, что некоторые положения зарубежного законодательства в случае их имплементации в российское законодательство позволили бы существенно повысить эффективность альтернативных заключению под стражу мер пресечения.

Ключевые слова: уголовно-исполнительные инспекции ФСИН России, запрет определенных действий, залог, домашний арест, запрет на использование сети Интернет, зарубежный опыт, США.

MEDVEDEVA Inna Nikolaevna,
Researcher of the Research Institute
of the Federal Penitentiary Service of Russia

TO THE QUESTION OF THE SPECIFICS OF THE IMPLEMENTATION OF THE INJUNCTION AGAINST THE USE OF THE INFORMATION AND TELECOMMUNICATION NETWORK “INTERNET” IN RELATION TO OFFENDERS IN THE RUSSIAN FEDERATION AND THE USA

Annotation. The article gives a brief analysis of the implementation of the judicial ban on the use of the Internet, which is applied in the Russian Federation in the election of preventive measures in the form of prohibition of certain actions, bail and house arrest, in the Russian Federation and the United States, where such a ban is applied to probationers. The comparative analysis of the legislation of the Russian Federation and the United States on the problem under study has shown that some provisions of foreign legislation, if implemented in Russian legislation, would significantly increase the effectiveness of alternative preventive measures to detention.

Key words: Criminal Executive Inspectorates of the Federal Penitentiary Service of Russia, prohibition of certain actions, bail, house arrest, ban on the use of the Internet, foreign experience, USA.

В Российской Федерации судебный запрет на использование средств связи и информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» (далее - сеть Интернет) согласно п. 5 ч. 6 ст. 105.1, ч. 8.1 ст. 106, ч. 7 ст. 107 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее - УПК РФ) применяется лишь в отношении подозреваемых и обвиняемых на время

избрания мер пресечения в виде запрета определенных действий (ст. 105.1 УПК РФ), залога (ст. 106 УПК РФ) или домашнего ареста (ст. 107 УПК РФ).

Между тем рассматриваемый запрет появился в российском уголовно-процессуальном законодательстве относительно недавно с принятием Федерального закона от 07.12.2011 № 420-

ФЗ[1], которым фактически в действующую редакцию УПК РФ введена новая редакция статьи 107 «Домашний арест». В первоначальной редакции (УПК РФ от 18.12.2001 № 174-ФЗ) домашний арест не предусматривал возможности наложения запрета на использование сети Интернет, а лишь предполагал запрет на переговоры с использованием любых средств связи. Отсутствие упоминания запрета на использование сети Интернет при домашнем аресте в первоначальной редакции статьи 107 УПК РФ, по нашему мнению, объясняется тем обстоятельством, что возможность доступа в сеть Интернет в конце 90-х и начале 2000-х годов, то есть в период разработки проекта УПК РФ, имела у крайне ограниченного числа граждан, в отличие от последующих лет, когда возможность (техническая и материальная) доступа в сеть Интернет появилась у большинства граждан.

Дальнейшим развитием применения органом дознания, следствием и судом запрета на использование сети Интернет можно считать принятие Федерального закона от 18.04.2018 № 72-ФЗ[2], который распространил применение рассматриваемого запрета на другие меры пресечения – залог (статья 106 УПК РФ) и новую меру пресечения в виде запрета определенных действий (статья 105.1 УПК РФ).

В научной литературе одной из причин введения в уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации запрета определенных действий, залога и домашнего ареста, при избрании которых применяется запрет на использования сети Интернет, называется переполненность мест содержания под стражей ввиду чрезмерного применения дознанием, следствием и судом меры пресечения в виде заключения под стражу (статья 108 УПК РФ) и ее продление по формальным основаниям. Авторы справедливо отмечают, что в 90-е годы уголовное судопроизводство могло длиться годами, а обвиняемые все это время находились под стражей ожидая приговора суда. Например, в работе Поповой М.Е. приводятся статистические данные о том, что численность лиц в местах лишения свободы в 1990-е годы достигала 15 млн. человек[3]. В работе Жилиева Р.М. говорится о том, что на 01.01.2002 свободы были лишены 960,6 тыс. человек, а спустя 10 лет численность «тюремного населения» страны сократилась уже до 482,8 тыс. человек[4].

Сокращению «тюремного населения» страны способствовала проводимая политика гуманизации уголовного законодательства (введение нового наказания в виде принудительных работ, сокращение количества осужденных к лишению свободы за счет более широкого применения наказаний, не связанных с лишением

свободы), частью которой было и совершенствование уголовно-процессуального законодательства, направленного на более широкое применение альтернативных заключению под стражу мер пресечения, предусмотренных УПК РФ, а значит в конечном итоге и увеличение количества лиц, которым суд запретил использовать сеть Интернет[5;6].

Приведем конкретные статистические данные, содержащиеся в научных публикациях, формах статистического наблюдения судов и некоторых органов государственной власти Российской Федерации, о сложившейся судебной практике применения мер пресечения в Российской Федерации за период с 2002 г. по 2020 г. Наиболее ранние данные приводятся в работе Овчинникова Ю.Г., согласно которым домашний арест избирался в 2002-2005 гг. лишь в отношении 403 человек[7]. Статистические данные о практике дальнейшего применения домашнего ареста с 2007 по 2020 гг. представлены в работе Жилиева Р.М. Так, в частности с 2007 по 2010 гг. домашний арест применялся в отношении 1107 человек. Однако начиная с 2011 г. количество случаев применения домашнего ареста стало расти в геометрической прогрессии (2011 г. – 1346, 2012 г. – 2714, 2013 г. – 3086, 2014 г. – 3333, 2015 г. – 4676, 2016 г. – 6056, 2017 г. – 6442, 2018 г. – 6329, 2019 – 6037, 2020 – 6949). При этом, как следует из работы данного автора, в среднем запрет на использование сети Интернет и средств связи налагался в 93,6% случаях избрания меры пресечения в виде домашнего ареста[8].

Помимо Конституции Российской Федерации (статьи 23 и 24) и УПК РФ, порядок осуществления контроля за соблюдением подозреваемыми и обвиняемыми запрета на использование сети Интернет регламентируется постановлением Правительства Российской Федерации от 18.02.2013 № 134[9], которым утвержден перечень аудиовизуальных, электронных и иных технических средства контроля и порядок их применения, и совместным приказом Минюста России № 189, МВД России № 603, СК России № 87, ФСБ России № 371 от 31.08.2020[10] (далее – приказ).

Проведенный анализ положений вышеуказанного постановления Правительства Российской Федерации и приказа позволяет говорить о крайне незначительном внимании уделённом регламентации порядка контроля за исполнением подозреваемым или обвиняемым запрета на использование сети Интернет.

В частности, пункт 18 приказа позволяет контролирующему органу – Уголовно-исполнительной инспекции (далее – УИИ) применять в целях контроля за соблюдением обвиняемым запретов, в том числе на использование сети Интернет, технические средства для сбора

информации о возможных нарушениях. Между тем функционал включенных в перечень технических средств контроля, утвержденный постановлением Правительства Российской Федерации от 18.02.2013 № 134, не позволяет обеспечить исполнение данного пункта приказа.

Среди других полномочий УИИ в соответствии с приказом, касающихся контроля за соблюдением запрета на использование сети Интернет, можно назвать беседу с подозреваемым или обвиняемым (пункт 12), получение подписки с поднадзорного лица с обязательством не нарушать условия исполнения меры пресечения (пункт 14), проверка подозреваемого или обвиняемого по месту исполнения меры пресечения (пункт 18), ведение учета использования правонарушителем телефонной связи для вызова экстренных служб или связи с органом предварительного расследования, судом или контролирующим органом (пункт 18), фиксирование и документирование фактов нарушения подозреваемым или обвиняемым условий избрания меры пресечения (пункты 24-27), а после начала рассмотрения уголовного дела в суде и проведение проверок по всем фактам нарушения условий избрания меры пресечения (пункты 28-32).

Таким образом, уголовным, уголовно-процессуальным и уголовно-исполнительным законодательством Российской Федерации для осужденных к наказаниям, не связанным с лишением свободы и иным уголовно-правовым мерам, запрет на использование сети Интернет и персональным компьютером не предусмотрен.

В США суд может запретить использование компьютера и сети Интернет условно осужденным. Реализация подобного запрета осуществляется в рамках программы «Управление компьютером и Интернетом (Computer & Internet Management Program)» (далее - программа).

Данная программа предполагает заключение соглашения (Computer & Internet Management Program Participant Agreement) между осужденным и сотрудником контролирующего органа (U.S. Probation Officer). Подписывая соглашение осужденный обязуется безусловно соблюдать все правила, обязанности, ограничения и запреты, предусмотренные программой, которые изложены в соглашении.

Так, в частности, осужденный в соответствии с программой и соглашением должен информировать сотрудника службы пробации о всех устройствах, позволяющих использовать сеть Интернет (персональные компьютеры, мобильные телефоны, смартфоны, планшеты и т.д.), к которым у него имеется доступ, причем данные устройства могут принадлежать как непосредственно осужденному, так и третьим лицам.

Такая информация должна включать сведения о серийном номере устройства или иные сведения, позволяющие идентифицировать устройство в сети Интернет. Однако судебный запрет не распространяется на банкоматы и электронные платежные системы.

Кроме того, программа предполагает осуществление контроля за осужденным с помощью устройств, принадлежащих или используемых осужденным, путем изменения их настроек, установки на устройства специального программного обеспечения с функцией наблюдения и записи, в том числе на сетевые и облачные хранилища, онлайн-сервисы и периферийные устройства. При этом расходы, связанные с установкой, эксплуатацией и обслуживанием программного обеспечения и мониторинга, ложатся на осужденного.

Тем не менее участие в программе не означает полный запрет на использование осужденным персонального компьютера и сети Интернет. При наличии такой необходимости для выполнения трудовых функций или учебы осужденному разрешается использование сети Интернет, персонального компьютера и других устройств. О подобных фактах использования сети Интернет, персонального компьютера и других устройств осужденный ставит в известность сотрудника службы пробации.

Похожий порядок, как следует из абзаца пятого пункта 40 Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 11.06.2020 № 7, применяется и в Российской Федерации на случаи использования сети Интернет подозреваемыми или обвиняемыми для обмена информацией с учебным заведением[11].

В целях исполнения условий программы сотрудники службы пробации вправе опечатывать (запечатывать) корпус и порты персонального компьютера и других устройств, используемых осужденным.

Также в соответствии с программой осужденный обязан ежемесячно предоставлять в службу пробации копии счетов за использование сотовой связью и сетью Интернет.

Кроме того, осужденный должен сообщить в службу пробации обо всех устройствах, не имеющих выхода в сеть Интернет, но оснащенных цифровой камерой и функционально предназначенных для записи, хранения и воспроизведения электронных медиафайлов.

Нарушением условий участия в программе, влекущем тюремное заключение для осужденного, считается:

- 1) любая умышленная попытка удаления, изменения или обхода программного обеспечения или настроек службы пробации;

- 2) установка без разрешения службы пробации каких-либо программ на устройства, принадлежащие или используемые осужденным;
- 3) сокрытие от службы пробации информации о созданных или используемых учетных записях (аккаунтах), принадлежащих или используемых осужденным в сети Интернет. Под информацией понимается сетевой адрес учетной записи, название приложения, имя пользователя, пароль для входа в учетную запись, а также цель создания учетной записи;
- 4) нарушение осужденным 48 часового срока уведомления службы пробации о внесенных изменениях в учетную запись (смена пароля, имени и т.д.);
- 5) не санкционированное службой пробации обновление используемых операционных систем на персональном компьютере или иных устройствах (например, Windows, iOS, Android и т.д.), использование программного обеспечения виртуальных ЭВМ;
- 6) скрытое использование операционных систем с загрузочных съемных носителей (например, CD-R, DVD, USB-накопители);
- 7) создание и обслуживание без разрешения службы пробации веб-сайтов;
- 8) использование программ (услуг) для сокрытия или изменения адреса Интернет протокола IP (VPN);
- 9) создание, хранение или просмотр материалов, описывающих изменение или обход программных приложений (мер защиты).

Проведенный сравнительный анализ положений законодательства и подзаконных нормативных правовых актов Российской Федерации и США в сфере пробации в части, касающейся исполнения запрета на использование сети Интернет подозреваемыми и обвиняемыми в Российской Федерации и соответственно осужденными условно в США, позволяет сформулировать ряд предложений, которые позволили бы существенно повысить эффективность осуществления контроля за соблюдением подозреваемыми или обвиняемыми запрета на использование сети Интернет при залоге, запрете определенных действий и домашнем аресте.

Прежде всего, для осуществления эффективного контроля за исполнением рассматриваемого запрета контролирующему органу (УИИ) необходимо располагать информацией о всех абонентских договорах, заключенных между абонентом (в нашем случае подозреваемом или обвиняемом) и операторами связи на предоставление услуг связи и доступа к сети Интернет.

В настоящее время в соответствии с частью пятой статьей 64 Федерального закона от

07.07.2003 № 126-ФЗ «О связи» (далее - Федеральный закон «О связи») операторы связи обязаны оказывать содействие компетентным органам в проведении следственных действий в соответствии с требованиями уголовно-процессуального законодательства.

Согласно части 1.1 статьи 64 Федерального закона «О связи» информация о пользователях услугами связи, об оказанных услугах связи и иная необходимая информация предоставляется операторами связи органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность или обеспечение безопасности Российской Федерации для выполнения возложенных на них задач.

Кроме того, подобную информацию вправе получать органы прокуратуры в связи с осуществлением ими прокурорского надзора (пункт 2.1 статьи 4 Федерального закона от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации»), полиция по находящимся в производстве уголовным делам, делам об административных правонарушениях, материалам проверок (пункт 4 части 1 статьи 13), судебные приставы-исполнители при осуществлении исполнительных действий (пункт 2 части 1 статьи 64 Федерального закона от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве»), органы государственной охраны в целях осуществления государственной охраны (подпункт 11 статьи 15 Федерального закон от 27.05.1996 № 57-ФЗ «О государственной охране»), органы федеральной службы безопасности (пункт «м» части 1 статьи 13 Федерального закона от 03.04.1995 № 40-ФЗ «О федеральной службе безопасности»), органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность (статья 6 Федерального закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»), органы, обеспечивающие государственную защиту, при осуществлении государственной защиты (подпункт 1 пункта 1 статьи 24 Федерального закона от 20.08.2004 № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства»).

Как видим, УИИ не наделены полномочиями получать информацию от операторов связи о пользователях услугами связи и об оказанных услугах связи при осуществлении контроля за соблюдением возложенных судом запретов подозреваемыми или обвиняемыми, в отношении которых в качестве меры пресечения избран запрет определенных действий, домашний арест или залог. В США предоставление данной информации возложено на осужденных, помимо этого, осужденных в США возложено еще ряд обязанностей: ежемесячно предоставлять счета за использование сотовой связью и сетью Интернет, информацию об всех используемых устройствах, позволяющих использовать сеть Интернет, соз-

данных учетных записях, облачных хранилищах, электронной почте. Также сотрудники контролирующего органа вправе настраивать устройства для выхода в сеть Интернет, устанавливать на них специальное программное обеспечение для осуществления контроля, печатывать такие устройства (устанавливать заглушки в порты и т.д.).

По нашему мнению, имплементация перечисленных положений из программы «Управление компьютером и Интернетом (Computer & Internet Management Program)» в приказ позволила бы значительно повысить эффективность как запрета на использование сети Интернет, так и в целом альтернативных заключению под стражу мер пресечения (запрета определенных действий, залога и домашнего ареста).

Список литературы:

[1] Федеральный закон от 07.12.2011 № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 12.12.2011, № 50, ст. 7362.

[2] Федеральный закон от 18.04.2018 № 72-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части избрания и применения мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста» // Собрание законодательства РФ, 23.04.2018, № 17, ст. 2421.

[3] Попова М.Е. Обязательные работы как вид уголовного наказания: проблемы назначения // Марийский юридический вестник. 2017. № 2 (21). С. 14-20.

[4] Жилиев, Р. М. Технологии контроля и ограничения использования сотовой связи и сети Интернет лицами, в отношении которых избрана мера пресечения в виде домашнего ареста с запретом определенных действий / Р. М. Жилиев // Актуальные вопросы информатизации Федеральной службы исполнения наказаний : Сборник материалов IV круглого стола, посвященного 100-летию со дня рождения Владимира Савельевича Харичева. – Тверь : Федеральное казенное учреждение «Научно-исследовательский институт информационных технологий Федеральной службы исполнения наказаний», 2022. – С. 142-150. – EDN AYGTFE.

[5] Постановление Правительства Российской Федерации от 15.04.2014 № 312 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Юстиция» // Собрание законодательства Российской Федерации, 05.05.2014, № 18 (часть II), ст. 2158.

[6] Распоряжение Правительства РФ от 14.10.2010 № 1772-р «О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской

Федерации до 2020 года» // Собрание законодательства Российской Федерации, 25.10.2010, № 43, ст. 5544.

[7] Овчинников Ю.Г. Домашний арест как мера пресечения в уголовном процессе. С. 4.

[8] Жилиев Р.М. Снова возвращаясь к проблеме применения альтернативных заключению под стражу мер пресечения // Проблемы и перспективы уголовной юстиции : сб. матер. круг. ст. Москва, 2020. С. 84.

[9] Постановление Правительства Российской Федерации от 18.02.2013 № 134 «О порядке применения аудиовизуальных, электронных и иных технических средств контроля, которые могут использоваться в целях осуществления контроля за нахождением подозреваемого или обвиняемого в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста, а также за соблюдением возложенных судом запретов подозреваемым или обвиняемым, в отношении которого в виде меры пресечения избран запрет определенных действий, домашний арест или залог» // Российская газета, № 39, 22.02.2013.

[10] Приказ Минюста России № 189, МВД России № 603, СК России № 87, ФСБ России № 371 от 31.08.2020 «Об утверждении Порядка осуществления контроля за нахождением подозреваемых или обвиняемых в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением возложенных судом запретов подозреваемыми или обвиняемыми, в отношении которых в качестве меры пресечения избран запрет определенных действий, домашний арест или залог» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 04.09.2020.

[11] Приказ Минюста России № 189, МВД России № 603, СК России № 87, ФСБ России № 371 от 31.08.2020 «Об утверждении Порядка осуществления контроля за нахождением подозреваемых или обвиняемых в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением возложенных судом запретов подозреваемыми или обвиняемыми, в отношении которых в качестве меры пресечения избран запрет определенных действий, домашний арест или залог» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 04.09.2020. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 11.06.2020 № 7 «О внесении изменений в отдельные постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам» // Российская газета, № 138, 26.06.2020.

Spisok literatury:

[1] Federal'nyj zakon ot 07.12.2011 № 420-FZ «O vnesenii izmenenij v Ugolovnyj kodeks Rossijskoj

Federacii i otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii» // Sobranie zakonodatel'stva RF, 12.12.2011, № 50, st. 7362.

[2] Federal'nyj zakon ot 18.04.2018 № 72-FZ «O vnesenii izmenenij v Ugolovno-processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii v chasti izbraniya i primeneniya mer presecheniya v vide zapreta opredelennyh dejstvij, zaloga i domashnego aresta» // Sobranie zakonodatel'stva RF, 23.04.2018, № 17, st. 2421.

[3] Popova M.E. Objazatel'nye raboty kak vid ugolovnogo nakazaniya: problemy naznacheniya // Marijskij juridicheskij vestnik. 2017. № 2 (21). S. 14-20.

[4] Zhiljaev, R. M. Tehnologii kontrolja i ogranicheniya ispol'zovaniya sotovoj svyazi i seti Internet licami, v otnoshenii kotoryh izbrana mera presecheniya v vide domashnego aresta s zapretom opredelennyh dejstvij / R. M. Zhiljaev // Aktual'nye voprosy informatizacii Federal'noj sluzhby ispolneniya nakazanij : Sbornik materialov IV kruglogo stola, posvjashhennogo 100-letiju so dnja rozhdenija Vladimira Savel'evicha Haricheva. – Tver' : Federal'noe kazennoe uchrezhdenie «Nauchno-issledovatel'skij institut informacionnyh tehnologij Federal'noj sluzhby ispolneniya nakazanij», 2022. – S. 142-150. – EDN AYGTFE.

[5] Postanovlenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 15.04.2014 № 312 «Ob utverzhdenii gosudarstvennoj programmy Rossijskoj Federacii «Justicija» // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii, 05.05.2014, № 18 (chast' II), st. 2158.

[6] Rasporjazhenie Pravitel'stva RF ot 14.10.2010 № 1772-r «O Konceptcii razvitiya ugolovno-ispolnitel'noj sistemy Rossijskoj Federacii do 2020 goda» // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii, 25.10.2010, № 43, st. 5544.

[7] Ovchinnikov Ju.G. Domashnij arest kak mera presecheniya v ugolovnom processe. S. 4.

[8] Zhiljaev R.M. Snova vozvrashhajas' k probleme primeneniya al'ternativnyh zakljucheniju pod strazhu mer presecheniya // Problemy i perspektivy ugolovnoj justicii : sb. mater. krug. st. Moskva, 2020. S. 84.

[9] Postanovlenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 18.02.2013 № 134 «O porjadke primeneniya audiovizual'nyh, jelektronnyh i inyh tehnicheskikh sredstv kontrolja, kotorye mogut ispol'zovat'sja v celjah osushhestvleniya kontrolja za nahozhdeniem podozrevaemogo ili obvinjaemogo v meste ispolneniya mery presecheniya v vide domashnego aresta, a takzhe za sobljudeniem vozlozhennyh sudom zapretov podozrevaemym ili obvinjaemym, v otnoshenii kotorogo v vide mery presecheniya izbran zapret opredelennyh dejstvij, domashnij arest ili zalog» // Rossijskaja gazeta, № 39, 22.02.2013.

[10] Prikaz Minjusta Rossii № 189, MVD Rossii № 603, SK Rossii № 87, FSB Rossii № 371 ot 31.08.2020 «Ob utverzhdenii Porjadka osushhestvleniya kontrolja za nahozhdeniem podozrevaemyh ili obvinjaemyh v meste ispolneniya mery presecheniya v vide domashnego aresta i za sobljudeniem vozlozhennyh sudom zapretov podozrevaemyh ili obvinjaemyh, v otnoshenii kotoryh v kachestve mery presecheniya izbran zapret opredelennyh dejstvij, domashnij arest ili zalog» // Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii <http://www.pravo.gov.ru>, 04.09.2020.

[11] Prikaz Minjusta Rossii № 189, MVD Rossii № 603, SK Rossii № 87, FSB Rossii № 371 ot 31.08.2020 «Ob utverzhdenii Porjadka osushhestvleniya kontrolja za nahozhdeniem podozrevaemyh ili obvinjaemyh v meste ispolneniya mery presecheniya v vide domashnego aresta i za sobljudeniem vozlozhennyh sudom zapretov podozrevaemyh ili obvinjaemyh, v otnoshenii kotoryh v kachestve mery presecheniya izbran zapret opredelennyh dejstvij, domashnij arest ili zalog» // Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii <http://www.pravo.gov.ru>, 04.09.2020. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 11.06.2020 № 7 «O vnesenii izmenenij v otdel'nye postanovleniya Plenuma Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii po ugolovnym delam» // Rossijskaja gazeta, № 138, 26.06.2020.

ИВАНЮК Ольга Степановна,
аспирант кафедры гражданского процесса,
ФГБОУ ВО «СГЮА»,
e-mail: ol_stiff@mail.ru

ПОДГОТОВКА К СУДЕБНОМУ РАЗБИРАТЕЛЬСТВУ ПО ДЕЛАМ, ВЫТЕКАЮЩИМ ИЗ ДОГОВОРА О РЕАЛИЗАЦИИ ТУРИСТСКОГО ПРОДУКТА

Аннотация. Интерес к начальным стадиям гражданского судопроизводства – отличительная черта развития современного гражданского процессуального законодательства. Логика исследования подготовительной стадии обуславливают постоянный научный интерес к проблеме методологических основ изучения гражданского судопроизводства. В процессе подготовки осуществляются ключевые меры, направленные на всестороннее и правильное рассмотрение дел, что позволяет не только оптимизировать судебное разбирательство, но и сократить временные затраты на рассмотрение дела. Исследование стадии подготовки дел к судебному разбирательству, возникающим из договора о реализации туристского продукта в условиях настоящего приобретает исключительное значение. Автор, акцентирует внимание на том, что именно на стадии подготовки закладывается основа для дальнейшего разбирательства, и эффективность судебного процесса по рассмотрению и разрешению споров, возникающих из договора о реализации туристского продукта, в значительной степени зависит от качества подготовки, как самостоятельной и обязательной стадии гражданского процесса. Наличие специфического комплекса задач, присущих подготовке дела, вытекающего из договора о реализации туристического продукта к судебному разбирательству, не только характеризует ее как самостоятельную стадию гражданского процесса, но и обуславливает такой ее специфический признак, как завершенность. Своеобразие процессуальной деятельности детерминирует отличие подготовки от судебного разбирательства, формирует ее сущность и является ориентиром в установлении целей. То есть, подготовка по делам, возникающим из договора о реализации туристского продукта призвана вобрать в себя ту необходимую процессуальную деятельность, которая невозможна или неэффективна на стадии судебного разбирательства.

Ключевые слова: подготовка к судебному разбирательству; задачи подготовительной стадии; доказывание; примирение; стороны; туристский продукт; эффективное рассмотрение гражданских дел; своевременное рассмотрение гражданских дел; рассмотрение дел, возникающих из договора о репарации гражданского процесса.

IVANYUK Olga Stepanovna,
Postgraduate student of the Department of Civil Procedure, FSBEI VO "SSLA"

PREPARATION FOR TRIAL OF CASES ARISING FROM THE CONTRACT FOR THE SALE OF TOURIST PRODUCT

Annotation. Interest in the initial stages of civil proceedings is a distinctive feature of the development of modern civil procedural legislation. The logic of the study of the preparatory stage determines the constant scientific interest in the problem of methodological foundations for studying civil proceedings. In the process of preparation, key measures are taken to ensure a comprehensive and correct consideration of cases, which allows not only to optimize the trial, but also to reduce the time spent on considering the case. The study of the stage of preparation of cases for trial arising from a contract for the sale of a tourist product in the current conditions is of exceptional importance. The author emphasizes that it is at the stage of preparation that the basis for further proceedings is laid, and the effectiveness of the trial for the consideration and resolution of disputes arising from a contract for the sale of a tourist product largely depends on the quality of preparation, as an independent and mandatory stage of the civil process. The presence of a specific set of tasks inherent in the preparation of a case arising from a contract for the sale of a tourist product for trial not only characterizes

it as an independent stage of the civil process, but also determines such a specific feature as completeness. The uniqueness of procedural activity determines the difference between preparation and trial, forms its essence and is a guideline in setting goals. That is, preparation for cases arising from a contract for the sale of a tourist product is intended to incorporate the necessary procedural activity that is impossible or ineffective at the trial stage.

Key words: *preparation for trial; tasks of the preparatory stage; proof; reconciliation; parties; tourist product; effective consideration of civil cases; timely consideration of civil cases; consideration of cases arising from a contract on reparation of civil proceedings.*

Как центральная стадия гражданского процесса судебное разбирательство ни в коей мере не уменьшает значение стадии подготовительного производства по делам, вытекающим из договора о реализации туристического продукта, без которой в судебном заседании установить истину и принять справедливое решение на практике невозможно. На подготовительном производстве принимаются меры для всестороннего и объективного рассмотрения и решения дел, вытекающих из договора о реализации туристического продукта в одном судебном заседании в течение разумного срока. В гражданских делах подготовительное производство является тем фундаментом, на котором развивается дальнейшее производство по делу и которое во многом предопределяет исход судебного разбирательства. Эффективность деятельности суда по рассмотрению и решению гражданских дел, и возможность максимального выполнения задач правосудия в значительной степени зависит от качества распорядительных действий, которые осуществляются именно на стадии подготовительного производства [7, с. 220].

Подготовка дел, возникающим из договора о реализации туристического продукта происходит в соответствии с ГПК РФ (глава 14) и Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 24.06.2008 № 11 «О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству».

Процессуальное законодательство в ст. 148 называет задачами подготовительного производства следующие: «1) уточнение фактических обстоятельств, имеющих значение для правильного разрешения дела; 2) определение закона, которым следует руководствоваться при разрешении дела, и установление правоотношений сторон; 3) разрешение вопроса о составе лиц, участвующих в деле, и других участников процесса; 4) представление необходимых доказательств сторонами, другими лицами, участвующими в деле; 5) примирение сторон».

Важными целями и задачами такого законодательного регулирования подготовки дела возникающего из договора о реализации туристического продукта к судебному разбирательству является стремление с формального этапа судеб-

ной деятельности сделать его реально значимым, в ходе которого можно достичь не только примирения сторон (урегулирования спора), но и решения задач, стоящих перед судопроизводством в целом, путем подготовки дела таким образом, чтобы своевременно, без отложения надолго или других препятствий процессуального характера защитить права, интересы или свободы субъектов, обратившихся за защитой. Преуменьшение роли данной стадии процесса, может стать ошибкой для судей, по словам Д. Д. Луспеника, с самого начала дают неверное направление всему судебному разбирательству, влекут многочисленные нарушения сроков рассмотрения дела и нередко являются основанием отмены судебных решений.

Задачей подготовительного производства по делам, вытекающим из договора о реализации туристического продукта, является:

- 1) окончательное определение предмета спора и характера спорных правоотношений, исковых требований и состава участников судебного процесса;
- 2) выяснение возражений против исковых требований;
- 3) определение обстоятельств дела, подлежащих установлению, и собрание соответствующих доказательств;
- 4) решение отводов;
- 5) определение порядка рассмотрения дела;
- 6) совершение иных действий с целью обеспечения правильного, своевременного и беспрепятственного рассмотрения дела по существу;
- 7) примирение сторон [2, с.56].

Сущность стадии подготовительного производства по делам, вытекающим из договора о реализации туристического продукта, обуславливается как необходимостью всестороннего и объективного рассмотрения и решения правового спора, так и потребностью выяснения возможности урегулирования спора между сторонами процесса путем примирения до судебного рассмотрения дела.

Без полного рассмотрения дел, вытекающих из договора о реализации туристического продукта суд не может вынести законного и обоснованного решения. В соблюдении процессу-

альных прав и обязанностей лиц, участвующих в деле во время подготовительного производства, необходимо видеть фундамент судебного разбирательства. Материалы и доказательства, истребованные во время подготовительного производства по делам, вытекающим из договора о реализации туристического продукта, составляют основу, на которой разворачивается деятельность суда, а надежность этого фундамента проверяется ходом и результатами судебного рассмотрения дела [4, с.60].

Представляется, во-первых, подготовку дел, вытекающих из договора о реализации туристического продукта, составляют не только процессуальные действия, определенные ГПК РФ, но и другие, потребность в совершении которых может возникнуть в процессе подготовки конкретного дела, а также интеллектуальная деятельность. Например, при решении вопросов о принадлежности и допустимости доказательств, готовности дела к судебному разбирательству, осуществляемых на этапе подготовки, судья наряду с процессуальными действиями осуществляет комплекс мысленно-логических операций. При этом определить, является ли объем последних «незначительным», практически невозможно.

То есть не объем, а содержание обуславливают признание той или иной совокупности процессуальных действий самостоятельной процессуальной стадией. Главным здесь должен выступать критерий достаточности данных действий для достижения ближайшей процессуальной цели.

Во-вторых, после возбуждения дела, вытекающего из договора о реализации туристического продукта, судья решает комплекс задач (вопросов), направленных на обеспечение готовности конкретного дела к судебному разбирательству, в частности:

- определение характера правоотношений, имеющих место между сторонами;
- определение субъектного состава участников процесса (в конкретном деле);
- определение предмета доказывания, то есть необходимо уточнить факты, которыми стороны обосновывают свои требования и / или возражения, а также другие обстоятельства, имеющие значение для дела;
- определение круга доказательств необходимых для решения дела и обеспечения их предоставления;
- решения других вопросов, обусловленных особенностями конкретного дела, вытекающего из договора о реализации туристического продукта.

Следовательно, подготовительное производство по делам, вытекающим из договора о реализации туристического продукта – это ста-

дия гражданского процесса, которая состоит из следующих этапов: подготовки дела, приглашение сторон для беседы без использования протокола судебного заседания и аудио-протокола (начальный этап), предварительного судебного заседания (основной этап) и проверка результатов стадии подготовительного процесса к судебному заседанию (заключительный этап).

Необходимо подчеркнуть, что действия, имеющие соответствующую правовую природу – основа подготовительного производства по делам, возникающим из договора о реализации туристического продукта. Своеобразие процессуальной деятельности детерминирует отличие подготовки от судебного разбирательства, формирует ее сущность и является ориентиром в установлении целей. То есть, подготовка по делам, возникающим из договора о реализации туристического продукта призвана вобрать в себя ту необходимую процессуальную деятельность, которая невозможна или неэффективна на стадии судебного разбирательства.

Следует отметить, что в доктринальной юридической литературе имеются и критические замечания по этой задаче подготовительного производства. Отдельные авторы настаивают на том, что определение предмета доказывания, круга доказательств, необходимых для решения дела, и обеспечение их своевременного представления противоречит принципам состязательности и диспозитивности [6, с. 222].

Не вступая в дискуссию, отметим, что речь идет о реализации принципов состязательности и диспозитивности на этапе подготовки дела к судебному разбирательству. Правомочия сторон по формированию доказательной базы в деле совмещены с полномочиями суда. Стороны остаются хозяевами процесса, от их активности зависит результативность судебного разбирательства. В то же время суд должен иметь полномочия по корректировке неправильного направления судебного разбирательства. И стадия подготовки дела в этом контексте играет важную роль.

Неполное осуществление участниками судебного процесса деятельности по наполнению доказательной базы по делу может привести не только к получению неблагоприятного для них судебного решения. Можно взглянуть на эту проблему еще шире. Формирование доказательной базы по делам, возникающим из договора о реализации туристического продукта, напрямую влияет на эффективность всего гражданского судопроизводства, и прежде всего на требования обеспечить своевременность, беспрепятственность и скорость судебного разбирательства дел, возникающим из договора о реализации туристического продукта. Важно помнить, что «на каждой стадии

процесса, в каждом виде процесса, при реализации любого процессуального института при сущствует доказывание в том или ином объеме.» [6, с. 24].

Основным письменным доказательством при разрешении судами дел, возникающих из договора о реализации туристского продукта, выступает непосредственно соответствующий договор, который имеет сложную правовую природу, который охватывает все договоры, заключаемые с туристом в сфере организации туристской поездки по его перевозке и размещению. Договор о реализации туристского продукта – это своего рода «зонтичная» конструкция для договоров любой правовой природы, в рамках которых осуществляются туристские поездки.

Примечательно, что в делах, где отказ от туристского продукта происходил в силу сложной эпидемиологической обстановки и распространения коронавирусной инфекции, как правило, не требовалось дополнительных доказательств, подтверждающих основания соответствующего отказа. При этом, в случаях, когда отказ от туристского продукта происходит по другим обстоятельствам, требуются дополнительные доказательства. Необходимо отметить, что специально установленные в договоре условия являются единственным гарантом реальной защиты прав потребителя (Определение Верховного Суда Российской Федерации г. Москва от 02 августа 2022 г.).

Помимо договора о реализации туристского продукта, важными доказательствами при рассмотрении соответствующей категории дел, выступают документы, подтверждающие обращение к туроператору или турагенту в досудебном порядке, а также документы, свидетельствующие об отказе туроператора или турагента осуществить возврат денежных средств.

Представляется, что описанная в научной литературе закономерность доказывания в делах, возникающих из договора об оказании туристских услуг, свидетельствует о некоторой формализации процесса доказывания, когда особое внимание уделяется тем письменным и вещественным доказательствам, которые могут иметь официальное заверение, например, у нотариуса.

Еще одной задачей на подготовительном этапе теории гражданского процесса нередко называют примирение сторон.

Интересные рассуждения о сущности примирительных процедур и возможности их реализации, собственно, на этапе подготовительного процесса приводит в своем труде О.Н. Здрок. Понимая необходимость надлежащего развития в законодательстве концептов примирения сто-

рон, автор, с одной стороны, констатирует отдельные попытки законодателя признать необходимость примирительных процедур, с другой – отсутствие действительно эффективной процессуальной деятельности суда по урегулированию правовых конфликтов [3, с. 30].

Под примирением сторон в процессуальной литературе обычно понимают заключение сторонами мирового соглашения на любой стадии судебного процесса. Однако по мнению автора, данному понятию целесообразно предоставить более широкую трактовку, и понимать под ним не только достижение сторонами мирового соглашения, но и такие формы примирения как отказ истца от иска, признание иска ответчиком. Это связано с тем, что так же, как и при заключении собственно мирового соглашения, так и при отказе истца от иска или признании иска ответчиком происходит исчерпание правового конфликта, стороны по своему усмотрению, пользуясь своими диспозитивными правами тем или иным способом решают урегулировать свой спор [5, с. 136]. Не всегда для исчерпания правового конфликта стороны заключают мировые соглашения, возможны и такие случаи, когда сторона спора в ходе предыдущего судебного заседания, оценив свою правовую позицию и имеющиеся у нее доказательства, ознакомившись с доказательствами и аргументами своего процессуального противника приходит к выводу о бесперспективности положительного решения спора в свою пользу, возможна ли ситуация, при которой ответчик добровольно выполнит свои обязанности перед истцом. При таких условиях сторона либо отказывается от своих исковых требований или признает исковые требования, тем самым существенно экономя не только собственные силы, время, средства, но и своего противника, и в первую очередь экономя процессуальные ресурсы суда [1, с. 22].

Представляется, примирение сторон по делам, вытекающим из договора о реализации туристического продукта, может рассматриваться как цель и задача подготовительного производства, хотя закон прямо не выделял и продолжает не выделять примирение сторон как первоочередную задачу подготовки дела к судебному разбирательству.

Таким образом, подготовку дела, вытекающего из договора о реализации туристического продукта к судебному разбирательству как важный этап судебной деятельности можно считать стадией судебного производства. Подготовка дела, вытекающего из договора о реализации туристического продукта, осуществляется не только судом первой инстанции, она имеет место и при производстве, связанном с пересмотром

судебных решений, хотя и в несколько сокращенном виде. Невозможно достичь цели судебного процесса без прохождения определенных его этапов. Это, пожалуй, главное во всем процессе, поэтому и подготовка дела, вытекающего из договора о реализации туристического продукта, является необходимым этапом деятельности в любой судебной инстанции.

Наличие специфического комплекса задач, присущих подготовке дела, вытекающего из договора о реализации туристического продукта к судебному разбирательству, не только характеризует ее как самостоятельную стадию гражданского процесса, но и обуславливает такой ее специфический признак, как завершенность. Ведь в процессе их выполнения судья совершает процессуальные действия, направленные на достижение процессуальной цели подготовки (создание базиса для правильного и оперативного рассмотрения и решения дела по существу). Если судьей в процессе подготовки будет выявлена невозможность или нецелесообразность следующего судебного разбирательства (например, в случае смерти одной из сторон при невозможности правопреемства, или в связи с добровольным исполнением должником своих обязательств и т.п.), производство по делу, вытекающего из договора о реализации туристического продукта, должно быть прекращено.

Список литературы:

[1] Афанасьев С.Ф. Примирение сторон как приоритетная форма прекращения спора в гражданском процессе: ретроспектива и перспектива с учетом цифровых технологий // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2021. – № 8. – С. 22-26. – EDN EHBGHV.

[2] Диордиева О.Н. Подготовка гражданских дел к судебному разбирательству: монография. – М.: Проспект, 2018. – 144 с. – ISBN: 978-5-392-24106-4.

[3] Здрок О.Н. Примирительные процедуры в гражданском процессе: автореф. дис. ... док-ра юрид. наук: по специальности 12.00.15 Гражданский процесс; хозяйственный процесс; арбитражный процесс / Здрок Оксана Николаевна; Белорусский государственный университет. – Минск, 2019. – 50 с.

[4] Минасян О.К. Рассмотрение споров о невозможности исполнения договора о предоставлении туристских услуг // Судья. – 2019. – № 2. – С. – 58-64. – EDN LUUPYT.

[5] Патимат Т.Т., Хадижат М.И. К вопросу о примирении сторон на стадии подготовки дела к судебному разбирательству // Образование. Наука. Научные кадры. 2021. №2. С.136-138.

[6] Решетникова И.В. Доказывание в гражданском процессе: учебно-практическое пособие для вузов // Юрайт – 8-е изд., перераб. и доп. – 2023 – Москва — С. 24.

[7] Ухова А.А. Эффективность стадии подготовки гражданских дел к судебному разбирательству // Молодой ученый. 2022. № 44 (439). С. 220-223.

Spisok literatury:

[1] Afanas'ev S.F. Primirenie storon kak prioritnaya forma prekrashheniya spora v civilisticheskom processe: retrospektiva i perspektiva s uchetom cifrovyy'x tekhnologij // Zakony` Rossii: opy`t, analiz, praktika. – 2021. – № 8. – S. 22-26. – EDN EHBGHV.

[2] Diordieva O.N. Podgotovka grazhdanskix del k sudebnomu razbiratel'stvu: monografiya. – M.: Prospekt, 2018. – 144 s. – ISBN: 978-5-392-24106-4.

[3] Zdrok O.N. Primiritel'ny'e procedury` v civilisticheskom processe: avtoref. dis. ... dok-ra yuridich. nauk: po special'nosti 12.00.15 Grazhdanskij process; hozyajstvennyj process; arbitrazhnyj process / Zdrok Oksana Nikolaevna; Belorusskij gosudarstvennyj universitet. – Minsk, 2019. – 50 s.

[4] Minasyan O.K. Rassmotrenie sporov o nevozmozhnosti ispolneniya dogovora o predostavlenii turistskix uslug // Sud'ya. – 2019. – № 2. – S. – 58-64. – EDN LUUPYT.

[5] Patimat T.T., Xadizhat M.I. K voprosu o primireнии storon na stadii podgotovki dela k sudebnomu razbiratel'stvu // Obrazovanie. Nauka. Nauchny'e kadry`. 2021. №2. S.136-138.

[6] Reshetnikova I.V. Dokazy`vanie v grazhdanskom processe: uchebno-prakticheskoe posobie dlya vuzov // Yurajt – 8-e izd., pererab. i dop. – 2023 – Moskva — S. 24.

[7] Uxova A.A. E`ffektivnost` stadii podgotovki grazhdanskix del k sudebnomu razbiratel'stvu // Molodoj uchenyj. 2022. № 44 (439). S. 220-223.

СОКОЛОВА Лилия Владимировна,
Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«Дальневосточный федеральный университет» (ДВФУ),
Юридическая школа, Кафедра конкурентного
и предпринимательского права,
e-mail: mail@law-books.ru

ЭЛЕКТРОННЫЕ СУДЫ И ОНЛАЙН РАЗБИРАТЕЛЬСТВА

Аннотация. В статье рассматриваются современные тенденции развития электронных судов и онлайн-разбирательств в Российской Федерации. Анализируются этапы цифровизации судебной системы, внедрение ключевых информационных систем (ГАС «Правосудие», «Мой Арбитр» и др.), а также использование видеоконференцсвязи и искусственного интеллекта в судопроизводстве. Особое внимание уделяется преимуществам и недостаткам онлайн-разбирательств, вопросам информационной безопасности, защите персональных данных и проблемам цифрового неравенства. Рассматриваются особенности применения электронных технологий в различных видах судопроизводства и анализируется международный опыт цифровизации правосудия. На основе проведённого анализа предложены рекомендации по совершенствованию нормативно-правовой базы и практики электронного судопроизводства в России.

Ключевые слова: электронное правосудие, онлайн-разбирательство, цифровизация судопроизводства, информационные системы судов, искусственный интеллект, электронные доказательства, видеоконференцсвязь, информационная безопасность, международный опыт.

SOKOLOVA Lilia Vladimirovna,
Federal State Autonomous Educational Institution
of Higher Education "Far Eastern Federal University" (FEFU), Law School,
Department of Competitive and Entrepreneurial Law

ELECTRONIC COURTS AND ONLINE PROCEEDINGS

Annotation. The article examines current trends in the development of electronic courts and online proceedings in the Russian Federation. It analyzes the stages of judicial digitalization, the implementation of key information systems (such as GAS "Pravosudie" and "My Arbitr"), as well as the use of video conferencing and artificial intelligence in judicial practice. Special attention is paid to the advantages and disadvantages of online hearings, issues of information security, personal data protection, and digital inequality. The article reviews the application of electronic technologies in various types of legal proceedings and provides an overview of international experiences in judicial digitalization. Based on the analysis, recommendations are proposed for improving the legal framework and the practice of electronic justice in Russia.

Key words: electronic justice, online proceedings, judicial digitalization, court information systems, artificial intelligence, electronic evidence, video conferencing, information security, international experience.

Актуальность темы электронного правосудия в современной России обусловлена стремительным развитием цифровых технологий и необходимостью повышения доступности, скорости и прозрачности судебных процессов. Внедрение электронных сервисов позволяет снизить бумажную волокиту, обеспечить возможность участия в судебных процессах граждан из отдалённых регионов и повысить качество правосудия через автоматизацию и стандартизацию процедур. Государственная поддержка цифрови-

зации судебной системы выражена в проведении масштабных программ и законодательных инициатив, направленных на создание единого электронного пространства при осуществлении правосудия. При этом сохраняются значительные препятствия, связанные с техническим обеспечением и нормативно-правовым регулированием, что обуславливает высокую актуальность рассматриваемой проблематики для последующих научных исследований и совершенствования правоприменительной практики.

Необходим комплексный анализ электронного правосудия в Российской Федерации посредством изучения основных преимуществ и проблем, а также этапов цифровизации судебного делопроизводства. В рамках исследования осуществляется систематическое изучение нормативно-правовой базы и практики применения электронных технологий в судах, а также сравнительный анализ международного опыта с целью выявления эффективных моделей и подходов. Методологической основой служат системный и сравнительно-правовой методы, позволяющие всесторонне оценить современное состояние и перспективы цифровизации правосудия, выявить сходства и различия в правовых решениях, а также обосновать рекомендации по совершенствованию законодательства и практики в данной сфере.

Определение понятия «электронное правосудие»

В широком смысле электронное правосудие рассматривается как совокупность автоматизированных информационных систем, обеспечивающих публикацию судебных актов, ведение электронных дел и предоставление доступа к материалам дела всем участникам процесса, что значительно упрощают взаимодействие суда и сторон, повышают гласность и доступность судопроизводства. Однако сами способы ведения судебного процесса неизменны, выступая в основном как вспомогательные инструменты [1].

В узком смысле электронное правосудие понимается как возможность осуществления судами и участниками процесса юридически значимых процессуальных действий в электронной форме. К таким действиям относятся подача документов в электронном виде, участие в судебных заседаниях с помощью видеоконференц-связи, получение судебных извещений и копий документов в цифровом формате. Этот подход рассматривает электронное правосудие как способ непосредственного проведения процессуальных действий с использованием современных информационных технологий [2].

В данном исследовании определение понятия «электронное правосудие» будет интерпретироваться в соответствии с Приказом Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации как способ и форма осуществления предусмотренных законом процессуальных действий, основанных на использовании информационных технологий в деятельности судов, включая взаимодействие судов, физических и юридических лиц в электронном (цифровом) виде [3].

Концепция электронного правосудия и определение его основных задач

Историческое развитие процесса внедрения электронных технологий в судебную систему

России отражает постепенную трансформацию традиционного судопроизводства в цифровое пространство. Начало этому процессу было положено в 1990-х годах, когда высшие судебные инстанции начали создавать частные вычислительные сети и базы данных судебной практики, что стало первым этапом автоматизации работы судов. В начале 2000-х годов началось формирование концепции единой автоматизированной системы для арбитражных судов. Следующим важным этапом стало создание Государственной автоматизированной системы «Правосудие», призванной объединить суды общей юрисдикции в единое информационное пространство и обеспечить электронный документооборот. В 2010-е годы развитие электронного правосудия получило новую предпосылку внедрения современных технологий, таких как видеоконференцсвязь и мобильные сервисы, а также принятие нормативных актов, регулирующих использование электронных документов и участие в судебных процессах в дистанционном формате [4].

Первостепенными целями электронного правосудия выступают повышение оперативности, прозрачности и доступности судебных процедур. Внедрение цифровых технологий позволяет существенно сократить время рассмотрения дел, снизить административные издержки и минимизировать влияние субъективных факторов, что способствует укреплению справедливости и единообразия судебной практики. Электронные инструменты открывают новые возможности для участников процесса: от удобного доступа к материалам дела до дистанционного участия в заседаниях и подачи документов в электронном формате. Кроме того, цифровизация судебной системы усиливает открытость и подотчетность судов, что положительно сказывается на уровне общественного доверия к правосудию. Электронное правосудие становится не просто технологическим новшеством, а фундаментальным инструментом трансформации судебной системы в условиях цифровой эпохи.

Технологические аспекты электронного правосудия:

В российской судебной системе цифровые технологии прочно вошли в повседневную практику [5] благодаря развитию информационных платформ. Одной из центральных является Государственная автоматизированная система «Правосудие» [6], которая объединяет суды общей юрисдикции и Судебный департамент при Верховном Суде РФ в унифицированную цифровую платформу. Для подачи документов в суд в электронном виде необходимо воспользоваться онлайн-сервисами, предоставляемыми системой «Правосудие» через её официальный портал или Единый портал государственных и муниципаль-

ных услуг [7]. Процесс начинается с авторизации в личном кабинете, после чего пользователь выбирает раздел подачи электронных документов и заполняет интерактивную форму заявления, указывая всю необходимую информацию об участниках дела и характере судопроизводства. После отправки документов система автоматически регистрирует дату и время подачи, что служит подтверждением соблюдения сроков. Эта система не только автоматизирует ведение дел и документооборот, но и обеспечивает круглосуточный доступ участников к актуальной информации о ходе судебных дел, а также поддерживает управление кадровыми и финансовыми ресурсами судов, что значительно повышает эффективность работы всей судебной системы.

В отличие от системы судов общей юрисдикции, в арбитражных судах функционирует ряд специализированных электронных сервисов, обеспечивающих прозрачность и оперативность судебного процесса. Ключевым из них является Картотека арбитражных дел [8]. Этот ресурс содержит актуальную информацию по всем делам, рассматриваемым арбитражными судами, включая даты и время заседаний, процессуальные действия, поступление документов от участников, а также тексты вынесенных судебных актов. Другим важным инструментом является Банк решений арбитражных судов [9], где публикуются все судебные акты арбитражных судов. Эта база данных, регулярно обновляемая, предоставляет возможность полнотекстового поиска по судебным решениям, что обеспечивает свободный доступ к судебной практике без необходимости использования платных правовых систем. Также в арбитражных судах активно используется специализированный сервис «Мой Арбитр», который предоставляет участникам возможность подавать документы онлайн, получать оперативные уведомления о статусе дел и контролировать процесс рассмотрения споров в режиме реального времени. Такой подход существенно упрощает взаимодействие между сторонами и судом.

Не менее важным инструментом электронного правосудия стали технологии видеоконференцсвязи, позволяющие проводить судебные заседания удалённо. Это решение особенно востребовано в условиях географической протяжённости страны, обеспечивая равные возможности для всех участников процесса независимо от их местонахождения. В совокупности эти технологии создают современную цифровую платформу, которая видоизменяет традиционное судопроизводство, делая его более прозрачным, оперативным и доступным для всех участников правового процесса.

Анализ перспектив использования искусственного интеллекта в судопроизводстве

Внедрение технологий искусственного интеллекта в судебную систему открывает новые возможности для повышения качества правосудия. Существует множество определений искусственного интеллекта, обусловленных разными целями и областями применения. Различия между его техническим и юридическим пониманием выявляют проблему отсутствия общего языка между юристами и программистами. Для решения этой задачи разрабатывается машиночитаемое право, позволяющее адаптировать юридические нормы для искусственного интеллекта. На данный момент единое определение сложно сформулировать. Можно выделить два направления: 1) программные системы, выполняющие функции без участия человека; 2) «иная форма жизни» с правосубъектностью, которая пока остаётся теоретической. Государственное регулирование необходимо, чтобы предотвратить возможный вред, например, при использовании искусственного интеллекта в предиктивном правосудии. Системы искусственного интеллекта позволяют значительно облегчить деятельность судей и других участников процесса, автоматизируя однообразные операции и обеспечивая глубокий анализ материалов дела. Одним из наиболее перспективных направлений является автоматизированное создание проектов судебных документов. Анализируя большие объёмы судебной практики и нормативных актов, системы искусственного интеллекта формируют предварительные версии решений, что позволяет сократить время подготовки, снизить нагрузку на судей и повысить единообразие и предсказуемость судебных актов. Кроме того, искусственный интеллект способен проводить комплексный анализ доказательств, выявляя взаимосвязи и закономерности, которые могут быть неочевидны при классическом рассмотрении дел. Это способствует более объективной оценке фактов и уменьшению ошибок, связанных с человеческим фактором. Использование искусственного интеллекта также открывает перспективы прогнозирования исходов судебных процессов, что помогает сторонам принимать более дальновидные решения.

Однако, несмотря на преимущества, использование искусственного интеллекта в судопроизводстве требует тщательного регулирования и контроля, чтобы предотвратить возможные риски дискриминации, нарушения прав участников и обеспечить прозрачность используемых алгоритмов. Важно, чтобы программы выступали в роли инструмента поддержки, а не замены человеческого правосудия.

Преимущества и недостатки онлайн-разбирательств

Онлайн-разбирательства открывают новые возможности в судопроизводстве, предоставляя ряд значительных преимуществ. В первую очередь, они существенно экономят время и ресурсы, избавляя участников от необходимости физически присутствовать в зале суда. Это особенно ценно для жителей отдалённых регионов или лиц с ограниченной мобильностью, которым теперь доступно правосудие без географических барьеров. Возможность оперативно подавать документы, отслеживать ход дела и использовать онлайн-справочники значительно упрощает процесс и повышает его эффективность. Кроме того, онлайн-формат минимизирует риски, связанные с распространением инфекций, и обеспечивает дополнительную безопасность для всех участников.

Однако, наряду с преимуществами, онлайн-разбирательства имеют и свои недостатки. Отсутствие личного контакта с судьёй и другими участниками может затруднить оценку невербальных сигналов, которые играют важную роль в коммуникации и восприятии информации. Технические неполадки, нестабильное интернет-соединение или низкое качество видеосвязи могут привести к перебоям в заседаниях и искажению данных. Кроме того, онлайн-формат может способствовать упрощению устной части процесса, делая акцент на письменных доказательствах, что требует от юристов адаптации к новым требованиям.

С другой стороны, онлайн-процесс меняет психологию судебного разбирательства, снижая формальность и дисциплину, что требует разработки новых правил поведения и кодексов этики. Несмотря на это, онлайн-разбирательства становятся более востребованными и представляют собой прогрессивный способ организации судебного процесса, который требует постоянного совершенствования технической инфраструктуры, нормативной базы и адаптации участников к новым форматам взаимодействия.

Электронное правосудие в различных видах судопроизводства

Внедрение электронного правосудия связано с множеством сложностей, которые затрагивают как технические, так и организационные элементы. Одной из главных проблем является обеспечение информационной безопасности. Системы электронного правосудия обрабатывают огромное количество конфиденциальных данных, и их защита от утечек, взломов и подделок документов требует привлечения высококвалифицированных IT-специалистов и современных средств защиты. Кроме того, недостаточная техническая оснащённость судов, особенно в отдалённых регионах,

приводит к перебоям в работе видеоконференцсвязи и снижает качество судебных заседаний. Не менее важна проблема цифрового неравенства: не все участники процесса имеют доступ к необходимым устройствам и стабильному интернету, что ограничивает их возможности участвовать в электронном судопроизводстве. Также вызывает затруднения отсутствие единой системы для всех судов, например, мировые суды зачастую не интегрированы в общую платформу, что снижает эффективность документооборота и доступность правосудия. Решение этих проблем требует комплексного подхода - модернизации технической базы, повышения квалификации работников суда, совершенствования законодательства и расширения цифровой грамотности населения.

Электронное правосудие внедряется с учётом особенностей разных видов судопроизводства: гражданского, арбитражного, уголовного и административного. В гражданском и арбитражном процессах цифровизация идёт наиболее активно: здесь широко используются электронный документооборот, онлайн-подача заявлений и видеоконференцсвязь, что ускоряет рассмотрение дел и упрощает доступ к правосудию. В уголовном процессе внедрение электронных технологий происходит более осторожно, поскольку необходимо обеспечить права обвиняемых, соблюдение процессуальных гарантий и конфиденциальность информации. Административное судопроизводство, как правило, ориентировано на оптимизацию взаимодействия с государственными органами, где электронные сервисы помогают повысить прозрачность и оперативность рассмотрения дел. Соответственно электронное правосудие адаптируется под специфику каждого вида судопроизводства, учитывая его уникальные требования и ограничения.

Особенности применения электронных технологий в гражданском, арбитражном, уголовном и административном судопроизводстве

В гражданском и арбитражном процессах электронные технологии позволяют значительно упростить процедуры: участники могут подавать документы онлайн, получать уведомления о ходе дела и участвовать в заседаниях дистанционно. В уголовном процессе особое внимание уделяется защите персональных данных и соблюдению прав обвиняемых, поэтому использование электронных средств строго регламентировано и ограничено. В административном судопроизводстве цифровые технологии помогают повысить эффективность взаимодействия между гражданами и государственными органами, ускоряя рассмотрение споров и обеспечивая прозрачность процедур. При этом каждый вид судопроизводства требует разработки специализированных

нормативных актов и технических решений, способных учитывать его особенности и обеспечить баланс между эффективностью и защитой прав участников [10].

Электронные доказательства в суде

С развитием цифровых технологий электронные доказательства становятся неотъемлемой частью судебных процессов. К ним относятся электронная переписка, аудио- и видеозаписи, файлы с цифровыми подписями и другие материалы в электронном формате. Для их успешного использования в суде важно обеспечить достоверность, целостность и юридическую значимость таких доказательств [11,12,13]. Например, в деле Арбитражного суда Московского округа [14] истец предоставил нотариально заверенную электронную переписку, подтверждающую переговоры и выполнение работ по договору. Суд признал такие доказательства допустимыми и значимыми, и это позволило пересмотреть решение предыдущих инстанций. В другом деле [15] в рамках разбирательства эксперты в области компьютерной криминалистики провели исследование исходного кода программного продукта и подтвердили его уникальность, что в итоге позволило суду отклонить необоснованные претензии истца. Данное решение демонстрирует значимость цифровых доказательств и экспертных заключений, полученных с использованием современных информационных технологий, в условиях электронного судопроизводства и онлайн-разбирательства.

Тем не менее, судебная практика сталкивается с трудностями в оценке электронных доказательств, особенно когда возникают вопросы о подлинности файлов или возможности их изменения. Поэтому необходимы четкие стандарты и процедуры экспертизы электронных доказательств, а также повышение квалификации судей и экспертов в этой области. В гражданских процессах электронная переписка может служить подтверждением фактов и договоренностей только при наличии судебно-технической экспертизы, подтверждающей её подлинность и юридическую значимость. Правильное использование цифровых доказательств способствует объективности и полноте судебного разбирательства.

Применение электронных средств в процессе примирения сторон

Электронные технологии находят всё большее применение и в процедурах альтернативного разрешения споров, таких как медиация и примирение сторон. Онлайн-платформы и видеоконференцсвязь позволяют участникам обсуждать спорные вопросы дистанционно, что снижает временные и финансовые издержки и способствует более быстрому достижению соглашения. К примеру, центры медиации активно используют

онлайн-сервисы для проведения дистанционных сессий, в том числе с применением защищённых видеоконференций. Это позволяет сторонам, находящимся в разных регионах, оперативно урегулировать споры без личного присутствия. Также с 2020–2021 годов в связи с пандемией COVID-19 многие российские центры медиации и третейские суды перешли на онлайн-форматы рассмотрения споров. Например, Арбитражный центр при Российском союзе промышленников и предпринимателей [16] утвердил регламент, допускающий проведение слушаний с использованием видеоконференцсвязи. В международной практике, а именно в Европейском союзе онлайн-медиация и электронные платформы для получили развитие в виде действующей платформы Online Dispute Resolution для разрешения трансграничных споров между потребителями и компаниями [17]. Однако успешное применение электронных средств в примирении требует адаптации методик и обучения медиаторов работе с цифровыми инструментами, а также обеспечения конфиденциальности и безопасности коммуникаций.

Обзор международного опыта использования цифровых технологий

В странах с англосаксонской системой права цифровизация судопроизводства также достигла значительных успехов. Например, в США функционируют интегрированные электронные системы, позволяющие подавать и отслеживать документы онлайн, участвовать в заседаниях через видеоконференцию и получать доступ к судебным материалам в любое время. Тем не менее, здесь также возникают проблемы с обеспечением кибербезопасности и защитой персональных данных. А в Великобритании активно развиваются онлайн-суды, где небольшие споры рассматриваются полностью в цифровом формате, что значительно снижает нагрузку на судебную систему. Анализ зарубежных практик демонстрирует, что ключевым фактором успеха является не только техническая оснащённость, но и гибкость законодательства, а также обучение участников процесса работе с новыми технологиями. Их опыт важен для России, где цифровизация правосудия находится на стадии активного развития и требует учёта иностранного опыта для избежания типичных ошибок и повышения эффективности системы.

Основные выводы по теме исследования и оценка перспектив развития электронного правосудия в России

Обобщая результаты исследования, следует подчеркнуть, что внедрение таких технологий, как ГАС «Правосудие», системы «Мой Арбитр» и видеоконференцсвязи, существенно повышает оперативность, прозрачность и доступность

судебных процедур, снижая затраты времени и ресурсов участников процесса. Вместе с тем проблемы, связанные с обеспечением информационной безопасности, защитой персональных данных, техническими сбоями и цифровым неравенством всё ещё требуют системного решения. При этом перспективы развития электронного правосудия в России выглядят многообещающими: технологический прогресс и государственная поддержка позволяют рассчитывать на дальнейшее расширение функционала электронных сервисов, интеграцию искусственного интеллекта для автоматизации подготовки судебных актов и анализа доказательств, а также развитие дистанционных форм участия в судебных заседаниях. А успешное внедрение этих инноваций зависит от совершенствования нормативно-правовой базы, повышения квалификации судебных работников и обеспечения равного доступа к цифровым ресурсам для всех граждан.

В целях эффективного развития электронного правосудия необходимо усилить законодательное регулирование вопросов информационной безопасности и защиты персональных данных, внедрить стандарты оценки и использования электронных доказательств, а также расширить меры по преодолению цифрового неравенства. Внедрение искусственного интеллекта и других инновационных технологий должно сопровождаться прозрачностью алгоритмов и контролем за соблюдением прав и свобод граждан. Таким образом, электронное правосудие в России обладает значительным потенциалом для трансформации судебной системы в более эффективную, прозрачную и доступную структуру, что требует последовательных усилий государства, судебных органов и общества в целом.

Список литературы:

[1] Пономаренко В.А. К вопросу о модернизации судебно-арбитражной процессуальной формы в свете изменений АПК РФ и концепции электронного правосудия // Российский юридический журнал. – 2013. - №2. – С.2

[2] Романенкова С.В. Понятие электронного правосудия, его генезис и внедрение в правоприменительную практику зарубежных стран // Вестник академии права и управления. 2010. № 18. С.5

[3] Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. Приказ от 26.11.2015. - №362 «Об утверждении Перечня основных понятий и терминов, применяемых в нормативных правовых актах Судебного департамента, регламентирующих использование информационно-телекоммуникационных технологий в деятельности судов, управлений Судеб-

ного департамента в субъектах Российской Федерации и учреждениях Судебного департамента» // Бюллетень актов по судебной системе. - 2016. - №2

[4] Совет судей Российской Федерации. Постановление от 29.11.1999. - №19 «Об информатизации судов общей «юрисдикции» // Документ опубликован не был

[5] Постановления Правительства Российской Федерации от 20.11.2001. - №805 «О федеральной целевой программе» «Развитие судебной системы России» на 2002–2006 годы» (с изменениями и дополнениями) // СЗ РФ. - 2001. - №49. С.4623; от 21.09.2006. - №583 «О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России» на 2007–2011 годы» // СЗ РФ. - 2006. - №41. С.4248

[6] ГАС «Правосудие». – Официальный сайт. - URL: <https://ej.sudrf.ru/?fromOa=52OS0000> (дата обращения: 15.04.2025)

[7] Единый портал государственных и муниципальных услуг (ЕПГУ). – Официальный сайт. - URL: <https://www.gosuslugi.ru/> (дата обращения: 16.04.2025)

[8] Картотека арбитражных дел. Официальный сайт Федеральных арбитражных судов Российской Федерации. – Официальный сайт. - URL: <https://kad.arbitr.ru> (дата обращения: 17.04.2025).

[9] Банк решений арбитражных судов. Официальный портал арбитражных судов РФ. – Официальный сайт. - URL: <https://ras.arbitr.ru> (дата обращения: 16.04.2025)

[10] Аналитический доклад «Информационные технологии в правосудии: состояние и перспективы» / Коллектив авторов: Кашанин А.В., Козырева А.Б., Курносова Н.А., Малов Д.В. // Программа фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». - 2020. – С.128

[11] Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации (часть первая) от 14.11.2002 N 138-ФЗ (ред. от 05.12.2022) // Собрание законодательства РФ. — 18.11.2002. - №46. – С.4532

[12] Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 №95-ФЗ (ред. от 05.12.2022) // «Собрание законодательства Российской Федерации» от 29.07.2002. - №30. – С.3012

[13] Федеральный закон от 27.07.2006. - № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2006. - № 31. – С.3371

[14] Арбитражный суд Московского округа. Постановление от 11.04.2023 №Ф05-4835/23 по делу №А40-149353/2022

[15] Арбитражный суд Московского городского округа. Решение от 05.12.2017 по делу №3-0292/2017

[16] Арбитражный центр при РСПП / Регламент проведения онлайн-разбирательств. - Официальный сайт. - URL: <https://arbitration-rspp.ru/> (дата обращения: 17.04.2025)

[17] European Commission. Online Dispute Resolution // URL: <https://ec.europa.eu/consumers/odr/> (дата обращения: 17.04.2025)

Spisok literatury:

[1] Ponomarenko V.A. K voprosu o modernizatsii sudebno-arbitrazhnoj processual'noj formy v svete izmenenij APK RF i koncepcii e'lektronnogo pravosudiya // Rossijskij yuridicheskij zhurnal. - 2013. - №2. - S.2

[2] Romanenkova S.V. Ponyatie e'lektronnogo pravosudiya, ego genesis i vnedrenie v pravoprimeritel'nuyu praktiku zarubezhny'x stran // Vestnik akademii prava i upravleniya. 2010. № 18. S.5

[3] Sudebny'j departament pri Verhovnom Sude Rossijskoj Federacii. Prikaz ot 26.11.2015. - №362 «Ob utverzhdenii Perechnya osnovny'x ponyatij i terminov, primenyaemy'x v normativny'x pravovy'x aktax Sudebnogo departamenta, reglamentiruyushix ispol'zovanie informacionno-telekommunikacionny'x tehnologij v deyatel'nosti sudov, upravlenij Sudebnogo departamenta v sub`ektax Rossijskoj Federacii i uchrezhdeniyax Sudebnogo departamenta» // Byulleten' aktov po sudebnoj sisteme. - 2016. - №2

[4] Sovet sudej Rossijskoj Federacii. Postanovlenie ot 29.11.1999. - №19 «Ob informatizatsii sudov obshhej «yurisdikcii» // Dokument opublikovan ne by'l

[5] Postanovleniya Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 20.11.2001. - №805 «O federal'noj celevoj programme» «Razvitie sudebnoj sistemy` Rossii» na 2002–2006 gody`» (s izmeneniyami i dopolneniyami) // SZ RF. - 2001. - №49. S.4623; ot 21.09.2006. - №583 «O federal'noj celevoj programme «Razvitie sudebnoj sistemy` Ros-sii» na 2007–2011 gody`» // SZ RF. - 2006. - №41. C.4248

[6] GAS «Pravosudie». - Oficial'ny'j sajt. - URL: <https://ej.sudrf.ru/?fromOa=52OS0000> (дата обращения: 15.04.2025)

[7] Ediny'j portal gosudarstvenny'x i municipal'ny'x uslug (EPGU). - Oficial'ny'j sajt. - URL: <https://www.gosuslugi.ru/> (дата обращения: 16.04.2025)

[8] Kartoteka arbitrazhny'x del. Oficial'ny'j sajt Federal'ny'x arbitrazhny'x sudov Rossijskoj Federacii. - Oficial'ny'j sajt. - URL: <https://kad.arbitr.ru> (дата обращения: 17.04.2025).

[9] Bank reshenij arbitrazhny'x sudov. Oficial'ny'j portal arbitrazhny'x sudov RF. - Oficial'ny'j sajt. - URL: <https://ras.arbitr.ru> (дата обращения: 16.04.2025)

[10] Analiticheskij doklad «Informacionny'e tehnologii v pravosudii: sostoyanie i perspektivy`» / Kollektiv avtorov: Kashanin A.V., Kozy'reva A.B., Kurnosova N.A., Malov D.V. // Programma fundamental'ny'x issledovanij Nacional'nogo issledovatel'skogo universiteta «Vysshaya shkola e'konomiki». - 2020. - S.128

[11] Grazhdanskij processual'ny'j kodeks Rossijskoj Federacii (chast' pervaya) ot 14.11.2002 N 138-FZ (red. ot 05.12.2022) // Sobranie zakonodatel'stva RF. — 18.11.2002. - №46. - S.4532

[12] Arbitrazhny'j processual'ny'j kodeks Rossijskoj Federacii ot 24.07.2002 №95-FZ (red. ot 05.12.2022) // «Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii» ot 29.07.2002. - №30. - S.3012

[13] Federal'ny'j zakon ot 27.07.2006. - № 149-FZ «Ob informacii, informacionny'x tehnologiyax i o zashhite informacii» // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. - 2006. - № 31. - S.3371

[14] Arbitrazhny'j sud Moskovskogo okruga. Postanovlenie ot 11.04.2023 №F05-4835/23 po delu №A40-149353/2022

[15] Arbitrazhny'j sud Moskovskogo gorodskogo okruga. Reshenie ot 05.12.2017 po delu №3-0292/2017

[16] Arbitrazhny'j centr pri RSPP / Reglament provedeniya onlajn-razbiratel'stv. - Oficial'ny'j sajt. - URL: <https://arbitration-rspp.ru/> (дата обращения: 17.04.2025)

[17] European Commission. Online Dispute Resolution // URL: <https://ec.europa.eu/consumers/odr/> (дата обращения: 17.04.2025)

ЛЯШКО Юлия Олеговна,
Студент Юридической школы
Дальневосточного федерального университета,
e-mail: lyashko.yo@dvfu.ru

ПРОВАТКИНА Валерия Евгеньевна,
Студент Юридической школы
Дальневосточного федерального университета,
e-mail: provatkina.ve@dvfu.ru

ВОЛОШИНА Татьяна Владимировна,
Студент Юридической школы
Дальневосточного федерального университета,
e-mail: voloshina.tv@dvfu.ru

Научный руководитель:
КОРЧАГИН Анатолий Георгиевич,
к.ю.н., И.о. заведующего кафедрой конкурентного
и предпринимательского права ЮШ ДВФУ,
e-mail: mail@law-books.ru

ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ПРАВОМ В МЕЖДУНАРОДНОМ АРБИТРАЖЕ

Аннотация. Международный арбитраж представляет собой эффективный механизм разрешения коммерческих споров, основанный на принципах добросовестности и процессуального равноправия сторон. Исследование посвящено анализу феномена злоупотребления правом в контексте международного арбитражного разбирательства. Рассматриваются теоретические аспекты недобросовестного процессуального поведения, его признаки и формы проявления в практике МКАС. Систематизируются методы противодействия злоупотреблениям и предложены пути совершенствования регулирования данной проблемы.

Ключевые слова: международный арбитраж, злоупотребление правом, процессуальная недобросовестность, МКАС, третейское разбирательство, эстоппель, процессуальные права.

LYASHKO Yulia Olegovna,
Student of the Law School
of the Far Eastern Federal University

PROVATKINA Valeria Evgenievna,
Student of the Law School
of the Far Eastern Federal University

VOLOSHINA Tatyana Vladimirovna,
Student of the Law School
of the Far Eastern Federal University

Scientific supervisor:
KORCHAGIN Anatoly Georgievich,
Ph.D., Acting Head of the Department
of Competitive and Entrepreneurial Law, FEFU

ABUSE OF LAW IN INTERNATIONAL ARBITRATION

Annotation. *International arbitration is an effective mechanism for commercial dispute resolution based on principles of good faith and procedural equality of parties. The research focuses on analyzing the phenomenon of abuse of rights in international arbitration proceedings. Theoretical aspects of unfair procedural behavior, its signs and forms of manifestation in ICAC practice are examined. Methods of counteracting abuses are systematized and ways to improve regulation of this problem are proposed.*

Key words: *international arbitration, abuse of rights, procedural bad faith, ICAC, arbitration proceedings, estoppel, procedural rights.*

Введение

Современный международный коммерческий арбитраж функционирует как глобальный институт разрешения трансграничных экономических споров, где особую роль играют принципы добросовестности и процессуальной справедливости. Концепция злоупотребления правом, имеющая многовековую историю развития в различных правовых системах, приобретает специфическое звучание применительно к арбитражному процессу. Международно-правовые акты, включая Нью-Йоркскую конвенцию 1958 года [3] и Женевскую конвенцию 1961 года [2], закрепляют фундаментальные гарантии процессуальных прав сторон, однако не содержат прямых механизмов защиты от их недобросовестной реализации.

Проблематика злоупотребления процессуальными правами в международном арбитраже характеризуется особой сложностью ввиду диспозитивности регулирования, автономии воли сторон и ограниченности принудительных полномочий арбитров. В отличие от государственных судов, где законодательно установлены санкции за недобросовестное поведение участников процесса, третейские суды вынуждены формировать собственные подходы к противодействию злоупотреблениям, опираясь на общие принципы права и устоявшиеся стандарты процессуального поведения.

Методология исследования

Методологическую основу исследования составляет комплексный подход, включающий общенаучные и специально-юридические методы познания. Применение формально-юридического метода позволило проанализировать нормативные акты, регулирующие процедуру международного коммерческого арбитража, включая Нью-Йоркскую конвенцию 1958 года [3], Европейскую конвенцию о внешнеторговом арбитраже 1961 года [2] и Закон РФ «О международном коммерческом арбитраже» [4].

Сравнительно-правовой метод использован для сопоставления подходов к пресечению злоупотреблений в государственных судах и международном арбитраже. Эмпирическую базу исследования составили материалы судебной практики

МКАС при ТПП РФ [6], разъяснения Верховного Суда РФ [5], а также решения иностранных арбитражных институтов. Применение метода case-study позволило детально проанализировать конкретные примеры недобросовестного поведения сторон и выработанные арбитражной практикой способы противодействия им.

Результаты и обсуждение

Категория злоупотребления правом в международном арбитраже представляет собой сложный юридический феномен, находящийся на стыке материального и процессуального права. Доктринальное понимание злоупотребления процессуальным правом базируется на концепции недобросовестного осуществления субъективных прав, направленного против целей правосудия и законных интересов других участников процесса [7].

Верховный Суд РФ определяет злоупотребление субъективным правом как поведение лица, использующего право с целью, противоречащей той, что установлена законом, либо создающего условия для нарушения прав иных лиц при видимой законности действий. Применительно к арбитражному процессу это означает осуществление процессуальных прав не для достижения правосудия, а с целью получения необоснованных преимуществ, затягивания разбирательства или создания препятствий для справедливого разрешения спора [8].

Особенностью международного арбитража является более гибкое регулирование процессуальных вопросов по сравнению с государственными судами. Регламент МКАС содержит положение о недопустимости злоупотребления процессуальными правами (п. 2 § 21), однако не раскрывает содержание данного принципа и не устанавливает конкретных санкций за его нарушение [4]. Это создает определенные трудности в квалификации действий сторон и выборе адекватных мер реагирования.

Концептуальное значение имеет разграничение злоупотребления процессуальным правом и реализации права на защиту. Граница между агрессивной защитой позиции стороны и недобросовестным поведением не всегда очевидна. Критерием разграничения выступает направлен-

ность действий — защита собственных прав не должна преследовать цель причинения вреда процессуальному противнику или нарушения нормального хода разбирательства [10].

Международная практика выработала принцип эстоппеля как универсальный инструмент противодействия недобросовестному поведению. Согласно данному принципу, сторона утрачивает право ссылаться на определенные обстоятельства, если ее поведение противоречит ранее занятой позиции или создало у другой стороны разумные ожидания, на которые последняя полагалась. Эстоппель признается частью *lex mercatoria* и применяется арбитражами вне зависимости от применимого материального права [9].

Исследование практики Международного коммерческого арбитражного суда при ТПП РФ позволяет выявить широкий спектр форм злоупотребления процессуальными правами и систематизировать подходы арбитров к противодействию недобросовестному поведению сторон. Несмотря на режим конфиденциальности арбитражных разбирательств, опубликованные обзоры практики и обезличенные решения десятилетней давности дают возможность проанализировать ключевые тенденции в данной сфере [6].

Наиболее распространенной формой злоупотребления правом выступает тактика процессуального затягивания. В деле № 220/2009 ответчик, получивший иски в декабре 2009 года, представил отзыв только в апреле 2010 года — в день первого заседания состава арбитража. При установленном регламентом 30-дневном сроке такая задержка на четыре месяца была расценена как умышленное создание препятствий для своевременного рассмотрения спора. Аналогичные действия выявлены в деле № 99/2009, где сторона систематически не являлась на заседания без уважительных причин, и в деле № 218/2010, где заявлялись многочисленные необоснованные ходатайства об отложении разбирательства [6].

Особую категорию составляют случаи запоздалого выдвижения возражений о недействительности сделок. В деле № 302/1996 ответчик оспаривал действительность контракта по ст. 168 ГК РФ через полтора года после его заключения и частичного исполнения. МКАС установил, что сторона знала или должна была знать о предполагаемых основаниях недействительности значительно раньше, но умышленно выжидала момент для заявления возражений, что квалифицировано как явное злоупотребление процессуальным правом [6].

Сходная ситуация рассмотрена в деле № 88/2000, где должник ссылался на отсутствие у внешнего управляющего полномочий на заклю-

чение сделки. При этом установлено, что должник располагал информацией о предполагаемом отсутствии полномочий в момент заключения договора, но сообщил об этом только после его полного исполнения кредитором. МКАС применил ст. 10 ГК РФ, отказав в защите права на основании злоупотребления правом [6].

В деле № 73/2000 ответчик более полутора лет не информировал истца о нарушении конкурсным управляющим требований законодательства о банкротстве, которые могли послужить основанием для оспаривания сделки. Состав арбитража усмотрел в таком поведении элементы процессуальной недобросовестности, направленной на создание искусственных оснований для отмены сделки после ее исполнения [6].

Принципиальное значение имеет практика применения доктрины эстоппеля как универсального инструмента противодействия противоречивому поведению. В деле № 516/1996 ответчик выдвинул требование об аннулировании контракта, ссылаясь на несоответствие условий императивным нормам применимого права. МКАС отклонил данное возражение, указав на принцип *lex mercatoria*, согласно которому сторона не может ссылаться на обстоятельства, противоречащие ее предшествующему поведению, если это создало у другой стороны разумные ожидания [6].

Показательным примером комплексного подхода к оценке добросовестности является дело № 165/2009. Истец — акционер общества — располагал возможностью одобрить крупную сделку в соответствии с корпоративными процедурами, но намеренно воздержался от реализации этого права. Впоследствии он обратился с иском о признании сделки недействительной именно по основанию отсутствия корпоративного одобрения. Состав арбитража квалифицировал такое поведение как элементы недобросовестной предпринимательской деятельности и злоупотребление правом, применив ст. 10 ГК РФ для отказа в удовлетворении иска [6].

Анализ решений МКАС позволяет выделить следующие критерии квалификации злоупотребления процессуальными правами:

- явное отклонение от общепринятых стандартов процессуального поведения;
- умышленное создание препятствий для правильного и своевременного разрешения спора;
- противоречие между заявленными требованиями и предшествующим поведением стороны;
- использование процессуальных механизмов исключительно для получения необоснованных преимуществ;

- осознанное несоблюдение процессуальных сроков без уважительных причин.

Важной тенденцией является расширительное толкование арбитрами понятия добросовестности. В деле № 185/2000 МКАС признал злоупотреблением право необоснованного изменения подсудности через сложные договорные конструкции, направленные на искусственное создание международного характера спора. В деле № 83/2009 отказ стороны от представления доказательств в обоснование своей позиции без объяснения причин был расценен как проявление процессуальной недобросовестности [6].

Особого внимания заслуживает практика применения негативных процессуальных последствий при злоупотреблении правом. В деле № 75/2009 сторона заявила о фальсификации доказательств, не представив обоснования своих подозрений. МКАС не только отклонил данное заявление, но и учел этот факт при распределении арбитражных расходов, возложив на недобросовестную сторону дополнительные издержки [6].

Сравнительный анализ подходов МКАС с практикой иных арбитражных институтов демонстрирует общность проблем, связанных с недобросовестным поведением участников процесса. Однако именно МКАС демонстрирует наиболее последовательный подход к применению принципа добросовестности и доктрины эстоппеля, что позволяет эффективно противодействовать процессуальным злоупотреблениям.

Системные проблемы выявляются при анализе возможностей арбитров по пресечению недобросовестного поведения. В отличие от государственных судов, обладающих властными полномочиями, арбитры МКАС ограничены в применении процессуальных санкций. Они не могут налагать штрафы, лишать слова участников процесса, требовать покинуть зал заседаний. Эта проблема особенно остро проявляется в случаях открытого игнорирования процессуальной дисциплины, когда стороны прибегают к угрозам и обвинениям в адрес арбитров.

Председатель Президиума МКАС А.С. Комаров подчеркивает, что арбитры практически беззащитны перед подобными проявлениями недобросовестности, поскольку третейское разбирательство строится на доверии и уважении к составу арбитража. Отсутствие эффективных инструментов принуждения создает благоприятные условия для злоупотреблений и требует поиска альтернативных механизмов обеспечения процессуальной дисциплины [6].

Проведенный анализ судебной практики МКАС позволяет сделать вывод о формировании устойчивых подходов к противодействию злоупотреблениям процессуальными правами. Арбитры

последовательно применяют принципы добросовестности и эстоппеля, используют негативные процессуальные последствия, критически оценивают противоречивое поведение сторон. Однако ограниченность инструментария воздействия на недобросовестных участников процесса требует совершенствования регламентного регулирования и расширения дискреционных полномочий арбитров.

Заключение

Исследование феномена злоупотребления правом в международном арбитраже выявило комплексный характер данной проблемы, требующей системного подхода к регулированию. Практика МКАС демонстрирует наличие устойчивых форм недобросовестного процессуального поведения — затягивание процесса, противоречивое поведение сторон, необоснованное оспаривание сделок.

Арбитражные институты выработали определенные механизмы противодействия злоупотреблениям, включая применение принципа эстоппеля, отказ в защите права при недобросовестном поведении, критическую оценку запоздалых возражений. Однако ограниченность принудительных полномочий арбитров создает объективные трудности в обеспечении процессуальной дисциплины.

Представляется необходимым совершенствование регламентного регулирования путем конкретизации норм о злоупотреблении процессуальными правами, введения механизмов процессуальных санкций, расширения дискреционных полномочий арбитров по контролю за поведением сторон. Дальнейшее развитие практики противодействия злоупотреблениям должно опираться на баланс между защитой процессуальных прав сторон и обеспечением эффективности арбитражного разбирательства.

Список литературы:

- [1] «Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» от 24.07.2002 N 95-ФЗ (ред. от 01.04.2025). [Электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37800/
- [2] «Европейская Конвенция о внешнеторговом арбитраже» (Заключена в г. Женеве 21.04.1961). [Электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2717/
- [3] «Конвенция Организации Объединенных Наций о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений» (Заключена в г. Нью-Йорке в 1958 г.). [Электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2692/

[4] Закон РФ «О международном коммерческом арбитраже» от 07.07.1993 N 5338-1. [Электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2303/

[5] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.12.2019 N 53 «О выполнении судами Российской Федерации функций содействия и контроля в отношении третейского разбирательства, международного коммерческого арбитража». [Электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_340189/

[6] Обзор материалов судебной практики МКАС. [Электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL: <https://legalinsight.ru/articles/zloupotreblenie-proczessualnym-pravom-pri-rassmotrenii-del-v-mkas/>

[7] Абсаямов, В. В. О злоупотреблении процессуальными правами в международном арбитраже / В. В. Абсаямов // Законодательство. — 2024. — № 12. — С. 46-50. — DOI 10.58741/16818695_2024_12_46. — EDN UHGBHN.

[8] Максимов, Д. М. Злоупотребление правом в международном арбитраже / Д. М. Максимов, П. К. Пакшин // Теоретическая и прикладная юриспруденция. — 2024. — № 2(20). — С. 73-82. — DOI 10.22394/2686-7834-2024-2-73-82. — EDN MQUWJX.

[9] Мохаммад, Ж. Реализация решений международного арбитража военной силой в соответствии с положениями международного права / Ж. Мохаммад // Аграрное и земельное право. — 2023. — № 12(228). — С. 287-289. — DOI 10.47643/1815-1329_2023_12_287. — EDN QPVKRC.

[10] Смотраков, Д. В. Подходы к формированию состава арбитража и принципы выбора арбитра в международном коммерческом праве / Д. В. Смотраков, Е. Л. Шабалина // Проблемы формирования правового социального государства в современной России : Материалы XIX всероссийской национальной научно-практической конференции, Новосибирск, 01—02 декабря 2023 года. — Новосибирск: ИЦ НГАУ «Золотой колос», 2023. — С. 358-360. — EDN AJUPJE.

Spisok literatury:

[1] «Arbitrazhnyj processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii» ot 24.07.2002 N 95-FZ (red. ot 01.04.2025). [E'lektronnyj resurs]. — Rezhim dostupa. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37800/

[2] «Evropejskaya Konvenciya o vneshnetorgovom arbitrazhe» (Zaklyuchena v g. Zheneve

21.04.1961). [E'lektronnyj resurs]. — Rezhim dostupa. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2717/

[3] «Konvenciya Organizacii Ob`edinennyx Nacij o priznanii i privedenii v ispolnenie inostrannyx arbitrazhnyx reshenij» (Zaklyuchena v g. N'yu-Jorke v 1958 g.). [E'lektronnyj resurs]. — Rezhim dostupa. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2692/

[4] Zakon RF «O mezhdunarodnom kommercheskom arbitrazhe» ot 07.07.1993 N 5338-1. [E'lektronnyj resurs]. — Rezhim dostupa. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2303/

[5] Postanovlenie Plenuma Verxovnogo Suda RF ot 10.12.2019 N 53 «O vy`polnenii sudami Rossijskoj Federacii funkcij sodejstviya i kontrolya v otnoshenii tretejskogo razbiratel'stva, mezhdunarodnogo kommercheskogo arbitrazha». [E'lektronnyj resurs]. — Rezhim dostupa. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_340189/

[6] Obzor materialov sudebnoj praktiki MKAS. [E'lektronnyj resurs]. — Rezhim dostupa. — URL: <https://legalinsight.ru/articles/zloupotreblenie-proczessualnym-pravom-pri-rassmotrenii-del-v-mkas/>

[7] Absalyamov, V. V. O zloupotreblenii processual'ny`mi pravami v mezhdunarodnom arbitrazhe / V. V. Absalyamov // Zakonodatel'stvo. — 2024. — № 12. — S. 46-50. — DOI 10.58741/16818695_2024_12_46. — EDN UHGBHN.

[8] Maksimov, D. M. Zloupotreblenie pravom v mezhdunarodnom arbitrazhe / D. M. Maksimov, P. K. Pakshin // Teoreticheskaya i prikladnaya yurisprudenciya. — 2024. — № 2(20). — S. 73-82. — DOI 10.22394/2686-7834-2024-2-73-82. — EDN MQUWJX.

[9] Moxammad, Zh. Realizaciya reshenij mezhdunarodnogo arbitrazha voennoj siloj v sootvetstvii s polozheniyami mezhdunarodnogo prava / Zh. Moxammad // Agrarnoe i zemel'noe pravo. — 2023. — № 12(228). — S. 287-289. — DOI 10.47643/1815-1329_2023_12_287. — EDN QPVKRC.

[10] Smotrakov, D. V. Podxody` k formirovaniyu sostava arbitrazha i principy` vy`bora arbitra v mezhdunarodnom kommercheskom prave / D. V. Smotrakov, E. L. Shabalina // Problemy` formirovaniya pravovogo social'nogo gosudarstva v sovremennoj Rossii : Materialy` XIX vserossijskoj nacional'noj nauchno-prakticheskoy konferencii, Novosibirsk, 01—02 dekabrya 2023 goda. — Novosibirsk: ICz NGAU «Zolotoj kolos», 2023. — S. 358-360. — EDN AJUPJE.

ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И АДВОКАТУРА

Дата поступления рукописи в редакцию: 08.05.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.06.2025 г.

DOI: 10.24412/2224-9133-2025-5-152-156

ОМЕЛИН Виктор Николаевич.

Главный научный сотрудник
ФКУ НИИ ФСИН России,
доктор юридических наук,
профессор,
e-mail: v.omelin@mail.ru

ПОСТАНОВЛЕНИЕ О ПРОВЕДЕНИИ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ КАК ОСНОВАНИЕ ОГРАНИЧЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ И СВОБОДЫ ЛИЧНОСТИ: ПРОБЛЕМЫ ФОРМЫ И СОДЕРЖАНИЯ

Аннотация. В статье анализируются нормы Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», регулирующие порядок подготовки постановления руководителями оперативно-розыскных органов о проведении оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права и свободы личности. Формулируются рекомендации, обеспечивающие законность и обоснованность подготовки данных постановлений.

Ключевые слова: Оперативно-розыскная деятельность, оперативно-розыскные мероприятия, ограничение конституционных прав и свобод личности, мотивированность, законность, обоснованность постановления о проведении оперативно-розыскных мероприятий.

OMELIN Victor Nikolaevich.

Chief research scientist of the Scientific research institute
of the Federal service for execution of punishment
of Russia Doctor of law, Professor

RESOLUTION ON CONDUCTING OPERATIONAL-SEARCH MEASURES AS A BASIS FOR RESTRICTING CONSTITUTIONAL RIGHTS AND INDIVIDUAL FREEDOM: PROBLEMS OF FORM AND CONTENT

Annotation. The article analyzes the norms of the Federal Law “On Operational Investigative Activities”, which regulate the procedure for the preparation of resolutions by the heads of operational investigative bodies on the conduct of operational investigative measures that restrict the constitutional rights and freedoms of individuals. Recommendations are formulated to ensure the legality and validity of the preparation of these resolutions.

Key words: Operational investigative activities, operational investigative measures, restriction of constitutional rights and freedoms of the individual, motivation, legality, validity of the resolution on the conduct of operational investigative measures.

Особенностью организации проведения оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ), ограничивающих конституционные права граждан, является обязательное нали-

чие для их осуществления судебного решения (ст.ст. 8, 9 Федерального закона от 12.08.1995 N 144-ФЗ (ред. от 28.12.2022) «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Закон об ОРД). К

числу таких прав в силу ст. 23 и 25 Конституции Российской Федерации относятся права на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, передаваемых по сетям электрической и почтовой связи, а также право на неприкосновенность жилища.

Наряду с этим, бесспорно, что недостаточно провозгласить права и свободы граждан и закрепить их в законах, главное - добиться их реального обеспечения, гарантировать неукоснительное выполнение законов всеми членами общества. Только такой подход к основным правам и свободам граждан, их эффективной защите способствует построению правового государства, которое, в свою очередь, должно быть оснащено системой процедур, механизмов, институтов, гарантирующих обеспечение конституционных прав и свобод граждан.

Порядок получения судебных решений на проведение ОРМ, ограничивающих конституционные права граждан, регламентирован ст.9 Закона об ОРД и детализирован постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 декабря 1993 г. N 13 (ред. от 06.02.2007) [1], а также ведомственными нормативными правовыми актами органов, уполномоченных на осуществление оперативно-розыскной деятельности.

Согласно предписаниям ч. 3 ст. 9 Закона об ОРД основанием для решения судьей вопроса о проведении ОРМ, ограничивающего конституционные права граждан, является мотивированное постановление одного из руководителей органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность. Данное постановление представляется в суд в одном экземпляре, регистрируется судьей в специальном журнале, который имеет гриф «секретно». Такие журналы ведутся по каждому органу, осуществляющему оперативно-розыскную деятельность.

Наличие мотивированного постановления — это формализованное обращение органа, уполномоченного на осуществление оперативно-розыскной деятельности, в суд для получения разрешения на проведение конкретного ОРМ, влекущего ограничение того или иного конституционного права человека и гражданина на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, передаваемых по сетям электрической и почтовой связи, а также право на неприкосновенность жилища.

Постановление должно содержать необходимые реквизиты (гриф секретности (если присвоен), дату, место вынесения, точное наименование должности, фамилию, инициалы лица, вынесшего постановление, описательно мотивировочную часть с обоснованием необходимости

проведения конкретного ОРМ, подпись должностного лица, заверенную печатью органа. В постановлении наименование ОРМ, разрешение на проведение которого запрашивается у суда, указывается в точном соответствии с перечнем ОРМ, определенном в ст. 6 Закона об ОРД. В постановлении указывается адрес, по которому планируется проведение ОРМ, а также имеющиеся данные о лице, в отношении которого проводится ОРМ.

В научной литературе предлагается в целях обеспечения законности проведения ОРМ органами, осуществляющими эту деятельность, и защиты прав граждан, на законодательном уровне определить категории должностных лиц, уполномоченных подписывать решения о проведении ОРМ, ограничивающих конституционные права граждан, путем внесения изменений в Закон об ОРД [2, С. 73].

С приведенной позицией мы не согласны по следующим соображениям. Мотивированное постановление о проведении указанных ОРМ выносится одним из руководителей оперативно-розыскного органа. В их число входят, как правило, начальник оперативно-розыскного органа и его заместители, которые по должности уполномочены осуществлять оперативно-розыскную деятельность. Закон об ОРД устанавливает, что перечень категорий таких руководителей устанавливается ведомственными нормативными правовыми актами (ч. 3 ст. 9). При этом в каждом оперативно-розыскном органе приняты свои, отличные от других, перечни категорий руководителей, полномочных утверждать постановление, направляемое в суд для получения санкции на ограничение конституционного права гражданина. Поэтому судья при возникновении необходимости (сомнения в полномочиях руководителя и т.п.) вправе ознакомиться с ведомственным нормативным правовым актом, которым установлен соответствующий перечень.

Мотивированное постановление, являясь решением одного из руководителей органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, для судьи играет роль ходатайства - официальной просьбы названного субъекта о проведении определенного правоограничительного ОРМ. В этой связи его следует именовать «Постановление о возбуждении перед судом ходатайства о проведении...» (далее указывается название конкретного оперативно-розыскного мероприятия).

Мотивированность постановления призвана объяснить, почему уполномоченное должностное лицо оперативно-розыскного органа приняло конкретное решение, т.е. постановление должно содержать объяснения и доводы в обоснование позиции, занятой названным субъектом.

Общих требований к форме постановления законодателем не предусмотрено, поэтому обычно оно может быть составлено в произвольной форме. Вместе с тем должно быть указано, какое конкретно ОРМ просит разрешить соответствующий оперативно-розыскной орган, какие материалы представлены и можно ли на их основе сделать вывод о наличии оснований и условий проведения ОРМ, предусмотренных ст.ст. 7 и 8 Закона об ОРД.

Содержание постановления руководителя оперативно-розыскного органа о проведении правоограничительных ОРМ должно отвечать общим требованиям, предъявляемым к любым решениям в оперативно-розыскной деятельности, включающим в себя законность и обоснованность.

Законность постановления предполагает наличие законодательно установленных оснований (ст. 7 Закона об ОРД) и условий проведения правоограничительных ОРМ (наличие информации, указанной в ч. 2 ст. 8 Закона об ОРД и судебного решения). Это общее правило, когда оперативно-розыскное мероприятие только планируется. Но из него имеются исключения. К таковым следует отнести проведение:

- правоограничительных ОРМ, в случаях, которые не терпят отлагательства (ч. 3 ст. 8 Закона об ОРД). Следует отметить, что в Законе об ОРД нет четко перечисленных случаев, которые не терпят отлагательства, когда проведение ОРМ, связанных с ограничением конституционных прав человека и гражданина, возможно без судебного решения. Неопределенность указанного понятия вынуждает правоприменителя трактовать их содержание по своему личному усмотрению, вкладывать в его смысл, соответствующий собственным представлениям. В связи со сказанным полагаем, что в ведомственных нормативных правовых актах, регламентирующих проведение ОРМ, целесообразно установить примерный перечень случаев, которые не терпят отлагательства;
- прослушивания телефонных переговоров в случае возникновения угрозы его жизни, здоровью, собственности отдельных лиц (ч. 6 ст. 8 Закона об ОРД);
- снятия информации с технических каналов связи в случае получения сообщения о без вести пропавшем лице (ч. 7 ст. 8 Закона об ОРД);
- правоограничительных ОРМ в целях обеспечения безопасности органов, осуществляющих ОРД (ч. 11 ст. 8 Закона об ОРД).

При подготовке постановления подбор и изучение оперативных материалов, анализ све-

дений о лице, объекте оперативной заинтересованности имеют своей главной задачей определение фактических и юридических оснований для проведения правоограничительных ОРМ.

Исходя из анализа указанных выше предписаний Закона ОРД, следует, что помимо упомянутого постановления руководителя оперативно-розыскного органа формальными юридическими основаниями о проведении конкретного вида ОРМ являются: заявление или письменное согласие лица о прослушивании его телефонных переговоров (в случае возникновения угрозы его жизни, здоровью, собственности) (ч. 6 ст. 8 Закона об ОРД), а также согласие лица, являющегося объектом государственной защиты (ч. 11 ст. 8 Закона об ОРД). В случае получения сообщения о без вести пропавшем несовершеннолетнем либо о лице, признанном в установленном законом порядке недееспособным или ограниченно дееспособным, качестве формального юридического основания получения информации о соединениях абонентского устройства является письменное согласие законного представителя такого без вести пропавшего лица (ч. 7 ст. 8 Закона об ОРД).

По мнению некоторых авторов, для совершенствования законодательства, регулирующего правовую основу проведения оперативно-розыскных мероприятий, необходимо внести поправки в Закон ОРД. Предлагается в ч. 3 ст. 9 постановление о руководителях оперативно-розыскного органа о проведении правоограничительных ОРМ согласовывать с прокурором соответствующего района [2, С. 74]. Полагаем, что реализация данных предложений отрицательно скажется на оперативности проведения правоограничительных ОРМ, особенно в случаях, которые не терпят отлагательства, а также в случаях возникновения угрозы жизни, здоровью, собственности отдельных лиц (ч. 3 и 6 ст. 8 ФЗ об ОРД). Представляется, что более оптимальной следует признать существующую процедуру получения судебного решения на проведение правоограничительных ОРМ на основании указанного мотивированного постановления одного из руководителей органа, осуществляющего ОРД.

Обоснованность постановления о проведении правоограничительного ОРМ означает, что соответствующее должностное лицо оперативно-розыскного органа при его вынесении исходило из анализа документально оформленных материалов и строило свои выводы на имеющихся фактических данных в их совокупности, которые обуславливают необходимость проведения ОРМ в конкретной сложившейся ситуации. Как отмечалось выше, в постановлении указываются основания и условия их проведения, а также

приводятся конкретные фактические данные об обстоятельствах, в связи с которыми планируется проведение ОРМ. При этом недостаточно одного лишь указания в постановлении ходатайствующего органа на наличие у него информации, перечисленной в пп.1-3 ч. 2 ст. 8 Закона об ОРД. В таком случае судья должен затребовать дополнительные материалы, достаточные для вынесения обоснованного и мотивированного решения по представленному ходатайству о проведении ОРМ, за исключением данных о лицах, внедренных в организованные преступные группы, о штатных негласных сотрудниках оперативно-розыскных органов, лицах, оказывающих им содействие на конфиденциальной основе, об организации и о тактике проведения ОРМ.

Объем и содержание сведений, необходимых для принятия обоснованного решения о проведении правоограничительных ОРМ, не всегда одинаковы и зависят от конкретного вида ОРМ. К примеру, анализ постановлений руководителей оперативно-розыскных органов о проведении ОРМ «прослушивание телефонных переговоров» показал, что в них указываются:

- (когда, где и какое именно преступление имеет место; обстоятельства, позволяющие его отнести к категории преступлений средней тяжести, тяжких, особо тяжких преступлений; материалы, свидетельствующие о существовании реальной угрозы жизни, здоровью, собственности отдельных лиц и др.;
- фамилия, имя и отчество лица, чьи телефонные переговоры предусматривается прослушивать;
- ходатайство перед судом о разрешении осуществления в отношении проверяемого лица прослушивания телефонных переговоров по месту проживания и службы с указанием личного мобильного и иного телефона, оператора сотовой связи;
- наименование оперативно-технического подразделения, которому поручается техническое осуществление прослушивания телефонных переговоров.

Таким образом, принятие решения о проведении конкретного вида ОРМ обусловлено выводом о том, что именно оно необходимо и оптимально в данной оперативно-розыскной ситуации и позволит получить, а затем использовать интересующие сведения с целью выявления, предупреждения или раскрытия преступлений или решения иных задач оперативно-розыскной деятельности.

Некоторые вопросы рассмотрения судьей ходатайства органа, осуществляющего ОРД, о даче разрешения на проведение ОРМ, связанных

с ограничением конституционных прав граждан, сформулированы в определениях Конституционного Суда РФ. Так, в определении от 14 июля 1998 г. № 86-0 указывается, что, как следует из ст. 9 Закона об ОРД, судья не вправе отказать в рассмотрении материалов об ограничении конституционных прав граждан, но не обязан давать разрешение на проведение ОРМ лишь на основании поступившего к нему представления руководителя оперативно-розыскного органа, если не приходит к выводу о необходимости такого разрешения, его обоснованности и законности, в том числе с точки зрения требований ст. 1—3, 5, 7 и 8 Закона об ОРД. В данном случае обязанность обосновать необходимость проведения ОРМ лежит на лицах, обратившихся в суд за разрешением. Поэтому выражение «по требованию судьи ему могут представляться материалы» с учетом положения ч. 1 ст. 9 Закона об ОРД «рассмотрение материалов осуществляется судом» означает, что для обоснования своей позиции руководитель, испрашивающий разрешение на проведение ОРМ, связанного с ограничением конституционных прав граждан, может представлять судье все материалы, касающиеся оснований для его проведения (ч. 3 ст. 9) [3].

Из сказанного следует, что Конституционным Судом сформулирована правовая позиция, заключающаяся в том, что судье могут представляться все материалы, в том числе материалы дел оперативного учета, из которых следует необходимость соответствующего ОРМ, за некоторым исключением, о котором говорилось выше. В этой связи трудно согласиться с предложением о закреплении в Законе об ОРД перечня оперативно-служебных документов, представляемых оперативно-розыскным органом в суд совместно с соответствующим ходатайством [4, С. 702]. Как отмечалось выше, в зависимости от конкретного вида ОРМ перечень и содержание таких документов не может быть универсальным и определяется в каждом конкретном случае.

Список литературы:

- [1] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 декабря 1993 г. N 13 (ред. от 06.02.2007) «О некоторых вопросах, связанных с применением статей 23 и 25 Конституции Российской Федерации» (п. 1) //СПС «КонсультантПлюс».
- [2] Иванова А. В. Актуальные аспекты судебного контроля за оперативно-розыскной деятельностью // Молодой ученый. 2024. № 35 (534). С. 72-75. — URL: <https://moluch.ru/archive/534/117347/> (дата обращения: 11.04.2025).
- [3] Определение Конституционного Суда РФ от 14 июля 1998 г. № 86-0 «По делу о проверке конституционности отдельных положений Феде-

рального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» по жалобе гражданки И.Г. Черновой» (п. 6) // СПС «КонсультантПлюс».

[4] Федорова А.С. Особенности судебного контроля за оперативно-розыскной деятельностью // Вопросы российской юстиции в 2019 году, № 1, С. 702.

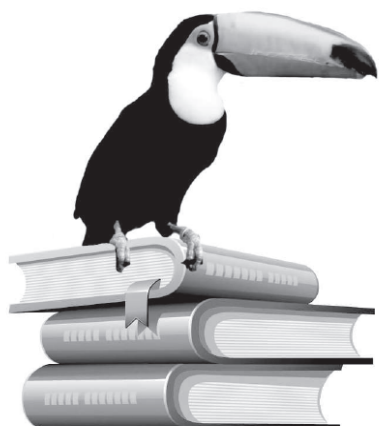
Spisok literatury:

[1] Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 24 dekabrya 1993 g. N 13 (red. ot 06.02.2007) «O nekotoryh voprosah, svyazannyh s primeneniem statej 23 i 25 Konstitucii Rossijskoj Federacii» (p. 1) // СПС «КонсультантПлюс».

[2] Ivanova A. V. Aktual'nye aspekty sudebnogo kontrolya za operativno-rozysknoj deyatel'nost'yu // Molodoj uchenyj. 2024. № 35 (534). S. 72-75. — URL: <https://moluch.ru/archive/534/117347/> (data obrashcheniya: 11.04.2025).

[3] Opredelenie Konstitucionnogo Suda RF ot 14 iyulya 1998 g. № 86-0 «Po delu o proverke konstitucionnosti otdel'nyh polozhenij Federal'nogo zakona «Ob operativno-rozysknoj deyatel'nosti» po zhalobe grazhdanki I.G. Chernovoj» (p. 6) // СПС «КонсультантПлюс».

[4] Fedorova A.S. Osobennosti sudebnogo kontrolya za operativno-rozysknoj deyatel'nost'yu // Voprosy rossijskoj yusticii v 2019 godu, № 1, S. 702.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

МАХНЕВА Полина Андреевна,
магистрант, кафедра уголовного права и
уголовного процесса Института философии и права,
Новосибирский национальный исследовательский
государственный университет,
e-mail: polinamakhneva15@gmail.com

ПОПОВА Дарья Константиновна,
магистрант, кафедра гражданского права
Института философии и права,
Новосибирский национальный исследовательский
государственный университет,
e-mail: dasha-popova-2012@bk.ru

ПОРЯДОК ЗАКЛЮЧЕНИЯ ДОСУДЕБНОГО СОГЛАШЕНИЯ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ

Аннотация. Настоящая статья посвящена анализу существующей процедуры заключения досудебного соглашения о сотрудничестве (далее по тексту – ДСС). Авторами рассматриваются дискуссионные вопросы, связанные с субъектным составом заключения и подписания ДСС, с перераспределением и дополнением обязанностей участвующих в данной процедуре лиц, с отсутствием возможности обжалования постановления следователя в порядке ст. 125 УПК РФ, с оставлением законодателем без разъяснения вопросов о том, какой именно прокурор вправе принимать участие в заключении соглашения, а также о процессуальных сроках, в течение которых должно быть составлено и подписано ДСС, и некоторые иные вопросы. В результате проведенного исследования авторами предлагается внесение в действующее уголовно-процессуальное законодательство определенных изменений, направленных на совершенствование анализируемой процедуры.

Ключевые слова: процедура, заключение, досудебное соглашение о сотрудничестве, этапы.

MAKHNEVA Polina Andreevna,
Novosibirsk State University

POPOVA Daria Konstantinovna,
Novosibirsk State University

THE PROCEDURE FOR CONCLUDING A PRE-TRIAL COOPERATION AGREEMENT

Annotation. This article is devoted to the analysis of the existing procedure for concluding a pre-trial cooperation agreement (hereinafter referred to as the DSS). The authors consider controversial issues related to the subject matter of the conclusion and signing of the DSS, with the redistribution and addition of duties of persons participating in this procedure, with the lack of an opportunity to appeal the investigator's decision in accordance with Article 125 of the Code of Criminal Procedure, with the legislator leaving questions about which prosecutor has the right to participate in the conclusion of the agreement, as well as about the procedural deadlines during which the DSS must be drawn up and signed, and some other issues. As a result of the conducted research, the authors propose certain amendments to the current criminal procedure legislation aimed at improving the analyzed procedure.

Key words: procedure, conclusion, pre-trial cooperation agreement, stages.

Анализ действующего уголовно-процессуального законодательства позволяет выделить следующую процедуру заключения ДСС.

В соответствии с ч. 1 и ч. 2 ст. 317.1 УПК РФ ходатайство подается подозреваемым (обвиняемым) в письменном виде на имя прокурора, подписывается защитником подозреваемого (обви-

няемого), после чего передается через следователя прокурору. На наш взгляд, защитник, не являясь лицом, заявляющим ДСС, должен не просто подписывать ходатайство о заключении ДСС, но и вносить отметку, удостоверяющую факт получения подозреваемым (обвиняемым) консультации защитника. Указанная обязанность подлежит закреплению в ч. 1 ст. 317.1 УПК РФ.

Согласно ч. 3 ст. 317.1 УПК РФ следующим этапом является разрешение следователем соответствующего ходатайства. В юридической литературе существует дискуссия относительно субъекта, уполномоченного на его рассмотрение – по мнению одних исследователей, логичным является направление ходатайства напрямую прокурору [6, с. 193], по мнению других – о целесообразности заключения соглашения может судить только следователь [5, с. 11]. Считаем возможным согласиться с последней позицией, вместе с тем, на наш взгляд, прокурор должен утверждать постановление следователя об удовлетворении ходатайства о заключении ДСС, в связи с чем видится необходимым внесение соответствующих изменений в ч. 3 ст. 317.1 УПК РФ.

Далее следует этап разрешения следователем ходатайства. На данном этапе у следователя по понятным причинам отсутствует возможность предвидеть перечень конкретных следственных и иных процессуальных действий, которые будут производиться в ходе предварительного следствия, а также необходимость участия в них подозреваемого (обвиняемого). Именно поэтому лицу, заявляющему ходатайство о заключении ДСС, достаточно дать письменное обязательство участвовать в производстве следственных и иных процессуальных действий в принципе, а уже непосредственно при заключении ДСС такое обязательство может быть уточнено.

Факультативным этапом рассматриваемой процедуры является обжалование отказа в удовлетворении ходатайства о заключении ДСС подозреваемым (обвиняемым), его защитником руководителю следственного органа, а также прокурору.

Обжалование указанного постановления следователя в порядке ст. 125 УПК РФ законом не предусматривается. На взгляд О.В. Карпова и И.В. Маслова, возможность обжалования решения следователя исключительно в ведомственном порядке входит в противоречие со ст. 19 УПК РФ, в соответствии с положениями которой свобода выбора обжалования представляет собой принцип уголовного судопроизводства [7, с. 4].

На наш же взгляд, отсутствие возможности обжаловать постановление следователя в судебном порядке вполне обоснованно и объясняется недопустимостью принуждения судом сторон к

заключению ДСС, а также тем, что отказ следователя в заключении ДСС не влечет последствий, перечисленных законодателем в ч. 1 ст. 125 УПК РФ.

Следующим этапом процедуры заключения ДСС является рассмотрение прокурором ходатайства и постановления следователя в течение трёх суток с момента их поступления в канцелярию прокуратуры.

В.В. Горюнов подчеркивает особую ответственность рассматриваемого этапа, поскольку заключение ДСС влечет существенные правовые последствия [4, с. 41]. По результатам рассмотрения прокурор принимает либо постановление об удовлетворении ходатайства о заключении ДСС, либо постановление об отказе в его удовлетворении, которое может быть обжаловано в судебном порядке.

Однако в связи с ранее предложенными нами изменениями, связанными с закреплением за прокурором обязанности по утверждению постановления следователя, ст. 317.2 УПК РФ нуждается в замене наименования, а также в корректировке ее содержания. Видится необходимым внесение изменений также в п. 5.2. ст. 37 и ч. 2 ст. 317.4 УПК РФ.

Далее следователь, подозреваемый (обвиняемый) и его защитник приглашаются прокурором для составления ДСС.

А.С. Александров и И.А. Александрова высказывают замечание об оставлении законодателем без разъяснения вопроса о том, какой именно прокурор вправе принимать участие в заключении соглашения. Исходя из смысла закона, им может быть любой прокурор, которому поднадзорна деятельность ведущего данное уголовное дело следователя, однако в литературе высказывается мнение, что такого рода соглашения должны заключаться исключительно на уровне прокурора субъекта Федерации. Свою позицию авторы объясняют необходимостью защитить институт от потенциальных ошибок и злоупотреблений, а также наработать позитивную практику [1, с. 6]. На наш взгляд, учитывая географические особенности Российской Федерации, указанное предложение представляется труднореализуемым, поскольку, например, возникает риск разглашения данных при транспортировке подозреваемого (обвиняемого) в прокуратуру субъекта.

О.В. Карпов и И.В. Маслов в качестве существенного недостатка ч. 1 ст. 317.2 и ч. 1 ст. 317.3 УПК РФ называют «отсутствие положения о процессуальных сроках, в течение которых должно быть составлено и подписано ДСС» [7, с. 4].

Однако, на наш взгляд, обязанность по приглашению подозреваемого (обвиняемого) и его

защитника, составлению ДСС и его подписи должна быть возложена на следователя, а значит и отпадает необходимость в установлении процессуальных сроков, в течение которых указанная обязанность подлежит исполнению. Следователь вправе самостоятельно определить момент составления ДСС, исходя из конкретных обстоятельств дела и избранной им тактики.

Требования к содержанию ДСС перечислены в ч. 2 ст. 317.3 УПК РФ. Ряд авторов подвергает критике положения, закрепленные в п. 4 и п. 5 ч. 2 рассматриваемой статьи, поскольку их изложение в тексте ДСС в самом начале предварительного следствия может оказаться невозможным, они могут быть еще не установлены с необходимой достоверностью [2, с. 259]. Данное замечание видится нам небезосновательным, в связи с чем нуждается в дальнейшем осмыслении.

Дискуссионным вопросом в рамках рассматриваемого этапа является также субъектный состав подписания ДСС. Так, некоторые ученые недоумевают, почему следователь, будучи участником подписания соглашения, сам его не визирует своей подписью. В доктрине высказывается положение о необходимости подписи следователя, как лица, обеспечивающего всестороннее, полное и объективное исследование всех обстоятельств дела [2, с. 125]. В.В. Горюнов придерживается позиции, согласно которой следователь выражает свое согласие на заключение соглашения еще при вынесении постановления о возбуждении перед прокурором ходатайства о заключении с подозреваемым (обвиняемым) ДСС, а значит необходимости в его подписи на самом соглашении нет [4, с. 41]. На наш взгляд, как уже было сказано ранее, именно на следователя должна быть возложена обязанность по составлению ДСС и, соответственно, по его подписанию, в связи с чем необходимо внести изменения в ч. 1, ч. 2.1. и ч. 3 ст. 317.3 УПК РФ.

Важно отметить, что в доктрине различные точки зрения существуют относительно не только состава участников подписания ДСС, но и состава лиц, в принципе участвующих в процедуре его заключения. Так, на взгляд В.В. Кониной, предлагает исключить руководителя следственного органа, включив при этом суд, который утверждает достигнутое между сторонами соглашение [9, с. 20]. На наш же взгляд, участие руководителя следственного органа в рассматриваемой процедуре является целесообразным ввиду осуществления данным лицом внутриведомственного контроля за законностью и целесообразностью действий следователей, находящихся в его подчинении.

Что касается вопроса включения суда в перечень субъектов заключения ДСС, то это

кажется лишним, поскольку суд, став участником данной процедуры, потеряет свою беспристрастность, что, в свою очередь, входит в противоречие с основополагающими принципами уголовного судопроизводства.

На взгляд ряда авторов, одним из обязательных условий заключения ДСС должно быть согласие на это потерпевшего, как, например, предусмотрено главой 40 УПК РФ [3, с. 85]. Однако обоснованной видится позиция, согласно которой игнорирование законодателем участия потерпевшего в процедуре заключения ДСС объясняется «публично-правовой природой и назначением данного института», а также недопустимостью ставить в зависимость от «чаще всего эгоистической позиции потерпевшего» борьбу с наиболее опасными преступлениями [8, с. 65].

Таким образом, предусмотренная главой 40.1 УПК РФ процедура заключения ДСС, будучи не лишенной законодательных пробелов и прочих недостатков, нуждается в совершенствовании.

Список литературы:

- [1] Александров А.С., Александрова И.А. Соглашение о досудебном сотрудничестве со следствием: правовая сущность и вопросы толкования норм, входящих в главу 40.1 УПК РФ // Уголовный процесс. 2009. № 8. С. 3-11.
- [2] Безлепкин Б.Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). 9-е изд., перераб. и доп. М.: КНОРУС. 2010. 507 с.
- [3] Великий, Д.Н. Досудебное соглашение о сотрудничестве в российском уголовном процессе / Д.Н. Великий // Журнал российского права. 2010. № 2. С. 84-90.
- [4] Горюнов В.В. Новый правовой институт (институт досудебного соглашения о сотрудничестве) // Законность. М., 2010, № 5. С. 40-43.
- [5] Иванов А.А. Теоретические и организационно-правовые аспекты реализации института досудебного соглашения о сотрудничестве в российском уголовном процессе: автореф. ... дис. канд. юрид. наук. Челябинск, 2013. 25 с.
- [6] Терёхин А.А. Роль прокурора при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве // Вестник ОмГУ. Серия. Право. 2011. № 1. С. 192-196.
- [7] Карпов О.В., Маслов И.В. Досудебное соглашение о сотрудничестве: проблемы правового регулирования и вопросы порядка применения // Уголовный процесс. 2009. № 9. С. 3-7.
- [8] Колесник В.В. Основание, условия, порядок заключения досудебного соглашения о сотрудничестве с подозреваемым, обвиняемым // Наука. Мысль: электронный периодический журнал. 2015. № 10. С. 58-78.

[9] Конин В. В. Особый порядок рассмотрения уголовных дел: проблемы законодательства и судебной практики // Российский судья. 2010. № 3. С. 18-21.

Spisok literatury:

[1] Aleksandrov A.S., Aleksandrova I.A. Soglasenie o dosudebnom sotrudnichestve so sledstviem: pravovaya sushhnost' i voprosy' tolkovaniya norm, vkhodyashchix v glavu 40.1 UPK RF // Ugolovny'j process. 2009. № 8. S. 3-11.

[2] Bezlepkin B.T. Kommentarij k Ugolovno-processual'nomu kodeksu Rossijskoj Federacii (postatejny'j). 9-e izd., pererab. i dop. M.: KNORUS. 2010. 507 s.

[3] Velikij, D.N. Dosudebnoe soglasenie o sotrudnichestve v rossijskom ugolovnom processe / D.N. Velikij // Zhurnal rossijskogo prava. 2010. № 2. S. 84-90.

[4] Goryunov V.V. Novy'j pravovoj institut (institut dosudebnogo soglaseniya o sotrudnichestve) // Zakonnost'. M., 2010, № 5. S. 40-43.

[5] Ivanov A.A. Teoreticheskie i organizacionno-pravovy'e aspekty' realizacii instituta dosudebnogo soglaseniya o sotrudnichestve v rossijskom ugolovnom processe: avtoref. ... dis. kand. jurid. nauk. Chelyabinsk, 2013. 25 s.

[6] Teryoxin A.A. Rol' prokurora pri zaklyuchenii dosudebnogo soglaseniya o sotrudnichestve // Vestnik OmGU. Seriya. Pravo. 2011. № 1. S. 192-196.

[7] Karpov O.V., Maslov I.V. Dosudebnoe soglasenie o sotrudnichestve: problemy' pravovogo regulirovaniya i voprosy' poryadka primeneniya // Ugolovny'j process. 2009. № 9. S. 3-7.

[8] Kolesnik V.V. Osnovanie, usloviya, poryadok zaklyucheniya dosudebnogo soglaseniya o sotrudnichestve s podozrevaemy'm, obvinyaemy'm // Nauka. My'sl': e'lektronny'j periodicheskij zhurnal. 2015. № 10. S. 58-78.

[9] Konin V. V. Osoby'j poryadok rassmotreniya ugolovny'x del: problemy' zakonodatel'stva i sudebnoj praktiki // Rossijskij sud'ya. 2010. № 3. S. 18-21.

**ЮРИДИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ЮРКОМПАНИ»**

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

ТЕОРИЯ УГОЛОВНОГО ПРАВА

Дата поступления рукописи в редакцию: 23.05.2025 г.

DOI: 10.24412/2224-9133-2025-5-161-164

Дата принятия рукописи в печать: 10.06.2025 г.

АВДЮНИН Андрей Владимирович,
старший преподаватель кафедры физической подготовки
Рязанского филиала Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат психологических наук,
майор полиции,
e-mail: F9156126508@yandex.ru

ЛАПШИН Игорь Ефимович,
доцент кафедры Теоретические
основы физического воспитания,
Академии физической культуры и спорта,
Южный федеральный университет,
кандидат педагогических наук, доцент,
e-mail: v.shanko@mail.ru.

МАНДРЫКА Юлия Сергеевна,
старший преподаватель кафедры уголовного процесса
Ростовского юридического института МВД России,
подполковник полиции, кандидат педагогических наук,
e-mail: v.shanko@mail.ru

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ УГОЛОВНОЙ СУБКУЛЬТУРЫ

Аннотация. В статье рассматриваются теоретические аспекты криминальной субкультуры как социального феномена, характеризующегося системой ценностей, норм и традиций, отличных от господствующей культуры общества. Проанализированы основные подходы к пониманию криминальной субкультуры, ее виды и функции, а также влияние на поведение индивидов и группы. Особое внимание уделено пенитенциарной субкультуре и ее роли в формировании криминальной идентичности. В работе также раскрыты вопросы уголовной ответственности за распространение и пропаганду криминальной субкультуры, включая законодательные меры по противодействию экстремистским движениям, таким как «Арестантское уголовное единство» (АУЕ) [8]. Используются методы социологического и криминологического анализа. Сделан вывод о необходимости дальнейшего изучения криминальной субкультуры для эффективного правового регулирования и профилактики преступности.

Ключевые слова: криминальная субкультура; уголовная ответственность; пенитенциарная субкультура; экстремизм; пропаганда; «Арестантское уголовное единство»; правовое регулирование.

AVDYUNIN Andrey Vladimirovich,
Senior Lecturer, Department of Physical Training,
Ryazan Branch, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs
of Russia named after V. Ya. Kikot,
Candidate of Psychological Sciences, Police Major

LAPSHIN Igor Efimovich,
Associate Professor, Department of Theoretical
Foundations of Physical Education,
Academy of Physical Culture and Sports,
Southern Federal University,
Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor

THEORETICAL ASPECTS OF CRIMINAL SUBCULTURE

Annotation. *The article examines the theoretical aspects of criminal subculture as a social phenomenon characterized by a system of values, norms and traditions that differ from the dominant culture of society. The main approaches to understanding criminal subculture, its types and functions, as well as its influence on the behavior of individuals and groups are analyzed. Particular attention is paid to the penitentiary subculture and its role in the formation of criminal identity. The work also reveals issues of criminal liability for the dissemination and propaganda of criminal subculture, including legislative measures to counter extremist movements such as the "Prisoner Criminal Unity" (AUE). The methods of sociological and criminological analysis are used. A conclusion is made about the need for further study of the criminal subculture for effective legal regulation and crime prevention.*

Key words: *criminal subculture; criminal liability; penitentiary subculture; extremism; propaganda; "prisoner criminal unity"; legal regulation.*

В настоящее время криминальная ситуация в России является одной из основных проблем национальной безопасности. За последние годы политические, экономические и социальные преобразования серьезно повлияли на все сферы жизни. В процессе реформирования были допущены не только просчеты проведения реформ, но и снижение контроля. Безусловно, влияние на ухудшение криминальной ситуации в государстве оказывает не только, экономический кризис в стране, но и несовершенство законодательства, а также отсутствие четкой государственной политики в социальной сфере [1].

Понятие субкультуры возникло как отражение неоднородности культурного пространства общества. Субкультура - это совокупность социальных образований, отличающихся от господствующей культуры по обычаям, нормам, ценностям и стилю поведения. В отличие от контркультуры, которая противостоит и разрушает общепринятую культуру, субкультура дополняет и сосуществует с ней. В современном обществе выделяют формальные (официальные) и неформальные (неофициальные) субкультуры. Последние подразделяются на асоциальные и криминальные. Асоциальные субкультуры характеризуются отклонениями от норм, но не обязательно нарушают уголовное законодательство, тогда как криминальная субкультура представляет собой систему ценностей и норм, подменяющих официальные правила поведения и регулирующих жизнь преступных сообществ и отдельных лиц.

Криминальная субкультура представляет собой сложную и многогранную социальную систему, включающую совокупность ценностей, норм, традиций и ритуалов, которые противоре-

чат официальным культурным нормам и законодательству общества [2]. Она формируется как альтернатива и противовес господствующей культуре, обеспечивая сплоченность и организованность преступных групп и отдельных лиц. В основе криминальной субкультуры лежит особая криминальная идеология, которая оправдывает и поощряет преступный образ жизни, формирует специфическую нравственность, противопоставленную социальной, и создает привлекательный образ жизни для ее носителей. Криминальная субкультура, которая развиваясь в обществе, включает в себя большой нравственный заряд и негативно влияет на формирование личности, что в результате приводит к снижению духовного и нравственного потенциала общества в целом. Это является достаточно серьезной криминологической проблемой, т. к. противодействие данной субкультуре позволяет достичь цель науки криминологии — предупреждение совершения преступлений [3].

Одним из ключевых элементов криминальной субкультуры является тюремная, или пениitenciарная, субкультура, которая формируется в условиях изоляции осужденных и регулирует их внутренние отношения, иерархию и поведение. Она способствует сохранению и передаче криминального опыта, а также формированию идентичности осужденных, что затрудняет их ресоциализацию и способствует рецидиву преступлений. Тюремная субкультура выступает своеобразной «фабрикой преступности», где формируются устойчивые нормы и традиции, поддерживающие криминальную активность [4].

Современные тенденции развития криминальной субкультуры демонстрируют ее активное проникновение в молодежную среду, что вызы-

вает серьезную обеспокоенность специалистов и общества в целом. Криминальная субкультура в молодежной среде характеризуется высокой степенью референтности, механизмами психического заражения, подражания и социального давления, что создает психотравмирующую ситуацию для подростков и молодых людей. Распространение криминальной субкультуры среди несовершеннолетних приобретает массовый характер и служит мощным фактором криминализации молодежи, затрудняя процесс социализации и стимулируя антиобщественное поведение.

Важной современной формой криминальной субкультуры является экстремистское движение «Арестантское уголовное единство» (АУЕ) [9], деятельность которого признана Верховным судом РФ экстремистской и запрещена на территории страны. АУЕ пропагандирует криминальные ценности и нормы, оказывает влияние на молодежь и способствует формированию криминального мировоззрения. Функции криминальной субкультуры многогранны: она выступает связующим звеном между преступным поведением до и после совершения преступления, регулирует внутренние отношения в криминальной среде, обеспечивает психологическую защиту и самоутверждение ее участников, а также извращает общественное сознание, формируя оправдание преступлений и подрывая авторитет правовых институтов. Кроме того, криминальная субкультура способствует вовлечению новых членов, особенно молодежи, в преступную деятельность, что делает ее одним из основных механизмов криминализации общества.

Разнообразие видов криминальной субкультуры отражает сложность и неоднородность этого явления. Среди них выделяют субкультуру профессиональных преступников, организованных преступных групп, наркоманов, несовершеннолетних и молодежи, экстремистов и других маргинальных групп. Каждая из этих субкультур имеет свои особенности, но объединяет их общая направленность на нарушение законов и противопоставление официальным нормам [5].

Анализируя вышеизложенное, мы видим, что криминальная субкультура по своей сути является устойчивым социальным феноменом, который оказывает значительное влияние на формирование и развитие преступного поведения в обществе. Ее сложная структура, включающая разнообразные виды и уровни, отражает глубинные социальные, культурные и психологические процессы, связанные с девиантностью и криминализацией личности, где особое значение имеет проникновение криминальной субкультуры

в молодежную среду, что требует комплексного подхода к профилактике и борьбе с ее негативными проявлениями.

Уголовно-правовая оценка криминальной субкультуры и применение мер уголовной ответственности за ее распространение и пропаганду являются важными элементами государственной политики в сфере противодействия преступности и экстремизму, статья 282.1 УК РФ предусматривает уголовную ответственность за создание, руководство и участие в таких экстремистских сообществах. Как пример можно привести случай, когда в сентябре 2020 г. в России был вынесен первый приговор за пропаганду «АУЕ-идей»: в отношении А. Зуева, а также супружеской пары Бабарика. В зависимости от роли и степени участия они признаны виновными в совершении преступлений, предусмотренных чч. 1, 2 ст. 282.1 УК РФ (организация экстремистского сообщества), ч. 2 ст. 280 УК РФ (публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности), п. «в» ч. 2 ст. 282 УК РФ (возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства) [6]. В период с ноября 2011 года по май 2018 года Н. Бабарика опубликовал в сообществе АУЕ в сети «Интернет» около 30 тысяч материалов, в том числе содержащие призывы к осуществлению экстремистской деятельности. В начале марта 2017 года его супруга добровольно вступила в экстремистское сообщество, организатором которого являлся Н. Бабарика. В её обязанности входило распространение предметов с символикой движения, их реализация и администрирование интернет-сообщества. Зуев систематически предоставлял подсудимой свой аккаунт для администрирования сообщества, а также ведения переговоров с подписчиками групп по распространению им предметов с символикой движения. В июне 2017 года он создал в социальной сети сообщество, в котором опубликовал материалы, касающиеся деятельности движения АУЕ, а также размещал рекламу об изготовлении и продаже предметов с символикой данного движения [7].

Отметим так же, что кроме уголовной ответственности существуют административные меры за пропаганду и распространение их идеологии. Эти правовые меры направлены на предотвращение вовлечения граждан в криминально-экстремистские структуры и защиту общества от деструктивного влияния криминальной субкультуры. Однако, на наш взгляд, для эффективного противодействия криминальной субкультуре необходимы не только правовые меры, но и социальные, воспитательные и профилактические программы, направленные на снижение привле-

кательности криминального образа жизни, поддержку законопослушного поведения и реабилитацию лиц, вовлеченных в преступную среду. Особое внимание следует уделять молодежи, создавая условия для ее полноценной социализации и развития, что позволит снизить риски криминализации.

Таким образом, дальнейшее изучение криминальной субкультуры с учетом современных тенденций и вызовов, а также совершенствование уголовно-правового регулирования и комплексных мер профилактики, является необходимым условием для укрепления правопорядка и обеспечения безопасности общества в целом.

Список литературы:

[1] Минстер М. В. Современные тенденции развития криминальной субкультуры и ее негативное воздействие на преступность несовершеннолетних // Бюллетень науки и практики. 2017. №6 (19).

[2] Тулегенов В. В. Криминальная субкультура и ее криминологическое значение : автореферат дис. ... кандидата юридических наук : 12.00.08 / Рост. юрид. ин-т МВД РФ. - Ростов-на-Дону, 2003. - 30 с.

[3] Куринова Я. И. Современная преступность несовершеннолетних: криминологическая характеристика и предупреждение: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2011. 27 с.

[4] Влияние криминальной субкультуры на молодежь в России. [Электронный ресурс], URL: <https://hsedesign.ru/project/852ada33a086414ca22cede7227e1785> (дата обращения 16.05.2025).

[5] Хорошая В.С. Теоретическое осмысление феномена криминальной субкультуры // Психология, социология и педагогика. 2017. № 9 [Электронный ресурс]. URL: <https://psychology.snauka.ru/2017/09/8366> (дата обращения: 26.04.2025).

[6] Маркова Н.С., Бычкова А.М. Криминальная субкультура в молодежной среде как криминологически значимая проблема в контексте кризиса культуры современности // Пролог: журнал о праве. – 2020. – № 3. – С. 43–53. – DOI: 10.21639/2313-6715.2020.3.6.

[7] Иванов А. В России вынесен первый приговор за пропаганду АУЕ. [Электронный ресурс]. URL: https://zavtra.ru/events/v_rossii_vinesen_pervij_prigovor_za_propagandu_aue. (дата обращения: 26.04.2025).

[8] АУЕ - Арестантское уголовное единство - организация признана Верховным судом экс-

тремистской и ее деятельность запрещена на территории России. URL: <https://pravo.ru/news/227072/> (дата обращения 16.05.2025)

[9] АУЕ - Арестантское уголовное единство - организация признана Верховным судом экстремистской и ее деятельность запрещена на территории России. URL: <https://pravo.ru/news/227072/> (дата обращения 16.05.2025)

Spisok literatury:

[1] Minster M. V. Sovremennyye tendencii razvitiya kriminal'noj subkul'tury i ee negativnoe vozdejstvie na prestupnost' nesovershennoletnix // Byulleten' nauki i praktiki. 2017. №6 (19).

[2] Tulegenov V. V. Kriminal'naya subkul'tura i ee kriminologicheskoe znachenie : avtoreferat dis. ... kandidata yuridicheskix nauk : 12.00.08 / Rost. yurid. in-t MVD RF. - Rostov-na-Donu, 2003. - 30 s.

[3] Kurinova Ya. I. Sovremennaya prestupnost' nesovershennoletnix: kriminologicheskaya karakteristika i preduprezhdenie: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Rostov-na-Donu, 2011. 27 s.

[4] Vliyanie kriminal'noj subkul'tury na molodezh' v Rossii. [E'lektronnyj resurs], URL: <https://hsedesign.ru/project/852ada33a086414ca22cede7227e1785> (data obrashheniya 16.05.2025).

[5] Xoroshaya V.S. Teoreticheskoe osmy'slenie fenomena kriminal'noj subkul'tury // Psixologiya, sociologiya i pedagogika. 2017. № 9 [E'lektronnyj resurs]. URL: <https://psychology.snauka.ru/2017/09/8366> (data obrashheniya: 26.04.2025).

[6] Markova N.S., By'chkova A.M. Kriminal'naya subkul'tura v molodezhnoj srede kak kriminologicheskij znachimaya problema v kontekste krizisa kul'tury sovremennosti // Prolog: zhurnal o prave. – 2020. – № 3. – S. 43–53. – DOI: 10.21639/2313-6715.2020.3.6.

[7] Ivanov A. V Rossii vy'nesen pervyj prigovor za propagandu AUE. [E'lektronnyj resurs]. URL: https://zavtra.ru/events/v_rossii_vinesen_pervij_prigovor_za_propagandu_aue. (data obrashheniya: 26.04.2025).

[8] AUE - Arestantskoe ugovnoe edinstvo - organizaciya priznana Verxovny'm sudom e'kstremistskoj i ee deyatel'nost' zapreshhena na territorii Rossii. URL: <https://pravo.ru/news/227072/> (data obrashheniya 16.05.2025)

[9] AUE - Arestantskoe ugovnoe edinstvo - organizaciya priznana Verxovny'm sudom e'kstremistskoj i ee deyatel'nost' zapreshhena na territorii Rossii. URL: <https://pravo.ru/news/227072/> (data obrashheniya 16.05.2025)

БАТЮКОВА Вера Евгеньевна,
ст. научный сотрудник сектора
уголовного права, уголовного процесса и криминологии
Института государства и права РАН,
к.ю.н., доцент,
e-mail: Batuykova@yandex.ru

ОБ УГОЛОВНО-ПРАВОВОМ ПОНЯТИИ НАСИЛИЯ В ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ

Аннотация. В представленной научной статье автор рассматривает вопросы рассмотрения судами уголовного дела, в которых в качестве конструктивного или квалифицирующего признака необходимо установить содержание насилия. Автором отмечается, что для правильной квалификации содеянного необходимо устанавливать конкретные действия, которые характеризуют насилие или угрозу его совершения.

Ключевые слова: преступление, Уголовный кодекс Российской Федерации, Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации, насилие, насилие опасное для жизни и здоровья, насилие неопасное для жизни и здоровья, виновное лицо.

BATYUKOVA Vera,
Senior Researcher in the sector of Criminal Law,
Criminal Procedure and Criminology Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences Candidate of Law,
Associate Professor

ON THE CRIMINAL LAW CONCEPT OF VIOLENCE IN LAW ENFORCEMENT PRACTICE

Annotation. In the presented scientific article, the author examines the issues of consideration by the courts of criminal cases in which the content of violence must be established as a constructive or qualifying feature. The author notes that in order to properly qualify what has been done, it is necessary to establish specific actions that characterize violence or the threat of its commission.

Key words: crime, Criminal Code of the Russian Federation, Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, violence, violence dangerous to life and health, violence not dangerous to life and health, the perpetrator.

При конструировании составов преступлений законодатель достаточно часто указывает, что конкретное преступление может совершаться с применением насилия или его угрозой. Насилие может являться как конструктивным признаком состава преступления, так и квалифицирующим или особо квалифицирующим, а в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ) встречается в той мере часто, а его значение для квалификации деяния по тому или иному составу в той мере велико, что мы вынуждены обращаться к существующим теоретическим исследованиям данного уголовно-правового явления, проводить свои собственные, а также исследовать судебную практику для определения реально существующих форм реализации упомянутого явления.

Насилие является сложным социальным феноменом, имеющим далеко не только уголовно-правовую интерпретацию. Вполне очевидно, что оно существовало в человеческом обществе всегда и перманентно сопровождало его становление и развитие. Эта мысль должна подвести нас к тому, что законодатели различных эпох, определяя содержание насилия, не могли не ссылаться на существующие общеправовые исследования данного явления. Отмечается, что к 21-му столетию сложилось два цельных философских подхода к трактовке насилия [7; 35-41].

Первый подход, именуемый абсолютистским, определяет насилие как предельно широкое явление, охватывающее всё зло как таковое. Любые проявления ненависти человека к человеку, имеющие формы лицемерия, лжи, ненави-

сти считаются насилием. Оно может обретать форму как физического, так и психологического, экономического подавления всяких других людей. Последующее рассмотрение насилия как уголовно правовой категории даст нам ясное понимание того, что такой подход к определению насилия не воспринимается современным уголовным правом.

Второй подход, именуемый прагматическим, считает насилием только такие меры воздействия человека на другого человека, при которых потерпевшему причиняется непосредственный вред: физический, экономический, психологический и прочего характера. В этом подходе происходит отстранение от восприятия отдельных качеств, проявлений социального поведения личности в качестве формы насилия, что сближает его с уголовно-правовым восприятием этого явления. Тем не менее, в силу своего общесоциального характера такой подход не обладает достаточным количеством критериев разграничения насильственного поведения от ненасильственного, что не вписывается в правовую концепцию. Однако же необходимо подчеркнуть основное: насилие всегда влечёт причинение определенного вреда – эта особенность проведена красной нитью через всю теорию и практику уголовного права.

Рассмотрению понятия насилия в границах составов преступлений против общественной безопасности в обязательном порядке предшествует рассмотрение его с уголовно-правовой точки зрения в целом, поскольку то насилие, что используется в качестве признака составов таких преступлений, удовлетворяет всем особенностям насилия, выделенным в науке уголовного права. Соответствие должно быть, так как только таким образом представляется возможным универсальное правоприменение и непротиворечивое толкование отличных друг от друга норм.

Современное уголовное право России определяет насилие как специфичную категорию, являющуюся насилием лишь в силу соответствия требованиям уголовного законодательства. В случае, если речь заходит про то причинение вреда лицу, что было допущено при, например, необходимой обороне (ст. 37 УК РФ), или задержании лица, совершившего преступление (ст. 38 УК РФ), то законодателем понятие насилия к такому причинению вреда не применяется. То есть насилие является более правовой категорией в рассматриваемом случае. В предельной короткой форме понятие насилие было сформулировано уже достаточно давно и представить его можно как «всякое воздействие на телесную неприкосновенность потерпевшего» [4; 722].

Содержание этой категории составляет воздействие (физическое – на тело, или психическое – на сознание и поведение), оказываемое

одним человеком по отношению к другому человеку и нарушающее права последнего на жизнь, здоровье, телесную неприкосновенность. Насилие всегда означает собой воздействие, которое может быть как реальным – физическим, так и подразумеваемым – угроза применения насилия. В отличие от причинения имущественного ущерба, которое должно всегда влечь последствие как обязательный компонент объективной стороны – наличие этого ущерба в действительности, насилие может быть как влекущим некоторые последствия, так и беспоследственным [5; 522–534].

Как уже упоминалось, в уголовном праве насилие – разновидность физического воздействия [6; 24–26]. При этом под таким физическим воздействием должно пониматься как применение человеком непосредственно своей маскулинной силы, направленной на причинение телесного вреда, так и прочих средств: силу тока, механизмов, транспортных средств, а также ядовитых и токсичных веществ, сильнодействующих препаратов и прочего. Например, если для осуществления хищения в организм потерпевшего путём обмана и против его воли введено ядовитое сильнодействующее вещество, что ввело того в беспомощное состояние, то такое деяние следует квалифицировать как разбой, а если было введено такое вещество, какое не представляет опасности для жизни и здоровья, то содеянное следует квалифицировать в зависимости от последствий как грабёж с применением насилия [1]. Исходя из буквального толкования данного положения, можно сделать вывод о том, что такой способ, как введение каких-либо веществ, призванное облегчить совершение основного преступления, квалифицируется в качестве насильственного.

Большие споры в научной среде вызывает дифференциация насилия на «опасное для жизни и здоровья» и «не опасное для жизни и здоровья». Рассмотрение этого вопроса является важным ещё и как следствие того, что в основном предмете рассмотрения в настоящей работе имеет место такое разделение (например, п. «г» ч. 3 ст. 226 УК РФ и п. «б» ч. 4 ст. 226 УК РФ). В законе нет указания на признаки, позволяющие отграничить один вид насилия от другого, вследствие чего исследователи обращаются к толкованию норм в Постановлении Пленумов Верховного Суда Российской Федерации и положений судебной практики. Полохина А. О., исследуя проблему такого разделения, ссылаясь на Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29, указала, что «насилие, не опасное для жизни или здоровья, подразумевает: побои; совершение иных насильственных действий (например, причинение физической боли, применение наручников для ограничения движений), не повлекших

причинение ощутимого ущерба здоровью, жизни потерпевшего; насилие, опасное для жизни и здоровья, предполагает наступление определенных последствий: легкий, средней тяжести, тяжкий вред здоровью; это приводит к: а) кратковременному расстройству здоровья; б) незначительной стойкой утрате общей трудоспособности»[8; 139-142].

Отграничение «насилия, не опасного для жизни и здоровья» от отсутствия насилия происходит с опорой на объективные данные: например, факт того, что человек ототкнул другого ладонью, но не кулаком, а также факт необращения потерпевшего с жалобами на состояние здоровья могут свидетельствовать об отсутствии насилия вообще – отмечается тем же автором на основе представленной судебной практики.

В свою очередь угроза применения насилия является своего рода формой психического насилия, при котором, как ранее указывалось, непосредственное физическое воздействие является предполагаемым, подразумеваемым. Угроза реализуется в форме запугивания потерпевшего причинением вреда его жизни и здоровью, истязанием, пытками, побоями и прочим. Она может доноситься до потерпевшего как непосредственно, так и через третьих лиц, являться из обстановки, а также передаваться посредством отправки сообщений, писем, совершения конклюдентных действий. При всём этом угроза должна удовлетворять ключевым признакам.

В их числе: реальность угрозы, включающая в себя как объективную возможность воплощения угрозы, так и субъективное восприятие её как реализуемой со стороны потерпевшего. Можно считать, что субъективное восприятие имеет превалирующее значение при определении реальности угрозы, что следует из позиции Пленума Верховного Суда Российской Федерации по хищению: в случае, если субъект хищения, пользуясь заведомо для него негодным или незаряженным оружием либо предметами, имитирующими оружие, не намереваясь использовать эти предметы для причинения вреда, опасного для жизни или здоровья, его действия с учетом конкретных обстоятельств дела следует квалифицировать как разбой, а в том случае, когда потерпевший знал о негодности оружия, то следует квалифицировать как грабеж [5; 139-142].

Также в числе таких признаков: угроза должна быть наличной, то есть явно донесенной до потерпевшего, конкретной и определенной (последние два признака являются спорными).

Ещё важным представляется то, что такой признак, как «с применением насилия», или «с угрозой применения насилия» может являться как конструктивным основным состава преступления, так и квалифицирующим. Нужно отметить, что применение насилия как конструктив-

ный признак основного состава, например, ч. 1 ст. 212 УК РФ (массовые беспорядки), п. «а» ч. 1 ст. 213 УК РФ (хулиганство).

Рассмотрим практическую реализацию применения насилия на примере судебной практики по ч. 1 ст. 212 УК РФ (массовые беспорядки), где применение насилия является конструктивным признаком. Крайне показательным является Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Московского городского суда № 10-15187/2014 от 27 ноября 2014 г. по делу № 1-253/14. Суд первой инстанции рассматривал организацию массовых беспорядков гражданами Гуциным, Гаскаровым и другими, имевших место в ходе известных протестных акций на Болотной площади в городе Москве.

Судом было установлено, что указанные лица прибегли к нарушению установленного порядка проведения акции, игнорированию законных требований представителей власти, призыву к беспорядкам и применению насилия. Последнее рассмотрим подробнее. Судом установлены следующие сценарии использования насилия в данном деле:

1. «неустановленные участники массовых беспорядков забрасывали указанных представителей власти кусками асфальтного покрытия, камнями, палками и другими предметами, которые попадали тем по различным частям тела»;
2. «Гаскаров схватил сотрудника полиции ИИ.О за ногу, и применяя физическое насилие, совместно с другими неустановленными лицами, оттащил И И.О. от задержанного и повалил его на асфальт, после чего неустановленные лица нанесли не менее * ударов по голове потерпевшего»;
3. «Гаскаров применял физическое насилие, а именно: при выставлении войсковой цепочки в указанном месте, Гаскаров находясь за спиной у представителя власти, схватил его двумя руками за левую руку и со значительной силой, позволяющей опрокинуть человека, применяя физическое насилие, резко дернул последнего на себя, вытащил потерпевшего из войсковой цепочки, тем самым, разорвав ее, образовывая проход в ней для участников массовых беспорядков»;
4. «Физическое насилие, а именно: стоя позади А.С.А., применяя физическую силу, схватив потерпевшего правой рукой за бронежилет, а левой рукой за защитный шлем «*», совместно с неустановленным лицом оттащил А. С.А. в сторону, после чего толкнул его обеими руками в спину, отчего тот упал на землю, испытав при этом физическую боль» и т.д.

Исходя из представленного, можно сделать такие выводы: в данном случае требования к ква-

лификации насилия, выдвинутые в науке и рассмотренные выше, соблюдаются; насилие всегда предполагает использование неправомерной в конкретной ситуации физической силы (удары по голове, удары ногой – применение человеческой маскулинной силы); но это воздействие может не влечь причинение значительного вреда здоровью (как следует из определения, насилием были квалифицированы неправомерные захват руки, вытаскивание из оцепления представителя власти – такое насилие считается не опасным для жизни и здоровья, однако для данного состава эта дифференциация насилия значения не имеет); как отмечалось, насилие может быть осуществлено через использование предметов внешней среды, таких как бутылки, части выдернутого асфальта и прочих подобных.

Для более полного анализа рассмотрим содержание насилия, содержащегося в п. «в» ч. 2 ст. 206 УК РФ (захват заложника с применением насилия, опасного для жизни и здоровья). Практика, что будет рассмотрена далее, имеет ценность по причине того, что позволит выделить те признаки, которые отличают насилие, опасное для жизни и здоровья, от иного.

«Приговором Пермского краевого суда от 18 января 2010 г. за ряд преступлений, в том числе и по п. п. «в», «г», «з» ч. 2 ст. 206 УК РФ был осужден И., который, придя в помещение касс на железнодорожном вокзале города, вооружившись ножом, напал сзади на посетительницу ФИО-1, приставил его лезвие к ее шее и потребовал от кассиров передать ему денежные средства, находящиеся в кассах вокзала. В противном случае И. угрожал убить ФИО-1. Последняя оказала ему сопротивление, но И. в целях ее удержания в качестве заложника нанес женщине ножом резаную рану левой кисти, а также причинил телесные повреждения в виде ссадины на шее, кровоподтеков на лице, относящихся к легкому вреду здоровью» [9].

На данном примере видно, что основанием для квалификации примененного насилия как опасного для жизни и здоровья, послужило то, что Н. нанес потерпевшей рану левой кисти, что, очевидно, влекло возможность причинения наступления последствий в виде потери крови или повреждения жизненно важных сосудистых соединений. Наличием были ссадины, кровавые подтеки. Более того, непосредственное применение ножа, способного причинить значительные (тяжкие) последствия для здоровья потерпевшего, а также смерть, уже само по себе может свидетельствовать о наличии в деле насилия, опасного для жизни и здоровья, что и было установлено судом. Более того, как было указано выше в контексте рассмотрения дифференциации насилия, опасного и не опасного для жизни и здоровья, первое включает в себя случаи причинения лёгкого вреда здоровью.

Разобравшись с насилием, следует обратить внимание на практическое воплощение угрозы применения насилия. Невероятно ценным в этом контексте является Постановление Шарангского районного суда Нижегородской области № 1-17/2021 от 18 марта 2021 г. по делу № 1-17/2021. Гражданин Волков обвиняется в совершении преступлений, одно из которых предусмотрено п. «а» ч. 1 ст. 213 УК РФ (хулиганство с применением насилия или угрозой его применения).

Судом установлено, что «Волков Р.В., нарушая спокойствие граждан и общепринятые нормы и правила поведения в обществе, а также противопоставляя себя окружающим и демонстрируя пренебрежительное к ним отношение (прим. хулиганство), взял в расположенной на территории дома хозяйственной постройке топор и, используя его в качестве оружия, умышленно, осознавая общественную опасность своих действий, желая наступления общественно-опасных последствий в виде оказания психического воздействия, направленного на запугивание Бахтина Н.А. и Шишмаковой З.А., с целью вызвать у них чувство тревоги и беспокойства за свою жизнь, выражаясь нецензурно в адрес последних, стал размахивать топором в присутствии Бахтина Н.А., стучать им в дверь и окно квартиры Шишмаковой З.А., разбив стекло». Далее в деле указывается, что потерпевший Бахтин воспринял угрозу как реальную.

Необходимо отметить, что обвиняемому вменялся состав преступления, предусмотренного п. «а» ч. 1 ст. 213 в редакции Федерального закона от 29.02.2020 № 192-ФЗ, где преступное деяние представляет из себя «хулиганство, совершенное с применением предметов, используемых в качестве оружия», однако анализ данного примера позволяет заключить, что в действиях виновного есть угроза применения насилия. Данный пример показывает, что в деянии имеются все признаки угрозы применения насилия: в действительности угроза имеет место тогда, когда она имеет объективную возможность реализации (обвиняемый мог свободно применить насилие с использованием предмета – топора), когда она является наличной (потерпевший воспринял угрозу как реальную). Более того, в данном случае угроза является в той мере конкретной и определенной (потерпевший отчетливо осознавал, как именно и с использованием чего может быть совершено посягательство на его жизнь и здоровье), что позволяет без сомнений квалифицировать содеянное по п. «а» ч. 1 ст. 213 УК РФ и в текущей редакции, хотя его действия должны квалифицироваться по другой части ст. 213 УК. Стоит отметить, что судом обращается внимание на то, что содеянное причинило потер-

певшему страдания и моральный вред – это можно считать практическим признаком применения по отношению к нему угрозы насилием.

Однако в данном случае имеет место определенная сложность квалификации, состоящая в отграничении «угрозы применения насилия» от «угрозы убийством» (ч. 1 ст. 119 УК РФ). В данном деле виновному судом был вменен еще и другой состав преступления, предусмотренный ст. 119 УК: «в другой день виновным были совершены аналогичные действия, однако обвиняемый «держал в руках топор, высказал в адрес Бахтина Н. А. угрозу убийством, сказав, что убьет потерпевшего» - наличие этого объективно существующего деяния свидетельствует о содержании в действиях виновного и другого состава преступления, т.е. угрозы убийством.

Подводя итоги, следует отметить, что для правоприменительной практики важное значение имеет установление содержания насилия для конкретных составов преступлений, поскольку от этого зависит квалификация содеянного.

Список литературы:

[1] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 N 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» (Электронный ресурс) // СПС КонсультантПлюс. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_40412/ (Дата обращения: 22.04.2025).

[2] Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Московского городского суда № 10-15187/2014 от 27 ноября 2014 г. по делу № 1-253/14 (Электронный ресурс) // Информационный портал «Судебные и нормативные акты РФ» / Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/hOeQKg3kHMQI/> (Дата обращения: 23.04.2025).

[3] Постановление Шарангского районного суда Нижегородской области № 1-17/2021 от 18 марта 2021 г. по делу № 1-17/2021 (Электронный ресурс) // Информационный портал «Судебные и нормативные акты РФ» / Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/34YG0jtpwkmC/> (Дата обращения: 23.04.2025).

[4] Меньшагин В. Д. Курс советского уголовного права. Особенная часть. / Меньшагин В.Д., Пионтковский А.А. // Т. 1. М., 1955. 800 С.

[5] Безверхов А. Г. Соотношение категорий «насилие» и «угроза» в современном уголовном праве России / А. Г. Безверхов, Ю. С. Норвартян // Вестник СПбГУ. Право. 2018. Т. 9. Вып. 4. С. 522–534.

[6] Безручко Е. Использование термина «насилие» в уголовном законодательстве России // Уголовное право. М.: АНО «Юридические программы», 2014, № 5. С. 24–26.

[7] Гусейнов А. А. Понятия насилия и ненасилия // Вопросы философии. 1994. № 4. С. 35–41.

[8] Полохина, А. О. Насилие, не опасное для жизни или здоровья, а также угроза его применения как квалифицирующий признак грабежа: теоретические и практические аспекты // Молодой ученый. 2021. № 43 (385). С. 139–142.

[9] Боровиков В. Б. Оценка применения насилия при захвате заложника (Электронный ресурс) // Информационный портал «Антонов и партнеры; адвокатское бюро» / Режим доступа: <https://pravo163.ru/ocenka-primeneniya-nasiliya-pri-zaxvate-zalozhnika/> (Дата обращения: 25.04.2025).

Spisok literatury:

[1] Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 27.12.2002 N 29 «O sudebnoj praktike po delam o krazhe, grabezhe i razboe» (Elektronnyj resurs) // SPS Konsul'tantPlyus. Rezhim dostupa: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_40412/ (Data obrashcheniya: 22.04.2025).

[2] Apellyacionnoe opredelenie Sudebnoj kollegii po ugolovnym delam Moskovskogo gorodskogo suda № 10-15187/2014 ot 27 noyabrya 2014 g. po delu № 1-253/14 (Elektronnyj resurs) // Informacionnyj portal «Sudebnye i normativnye akty RF» / Rezhim dostupa: <https://sudact.ru/regular/doc/hOeQKg3kHMQI/> (Data obrashcheniya: 23.04.2025).

[3] Postanovlenie Sharanskogo rajonnogo suda Nizhegorodskoj oblasti № 1-17/2021 ot 18 marta 2021 g. po delu № 1-17/2021 (Elektronnyj resurs) // Informacionnyj portal «Sudebnye i normativnye akty RF» / Rezhim dostupa: <https://sudact.ru/regular/doc/34YG0jtpwkmC/> (Data obrashcheniya: 23.04.2025).

[4] Men'shagin V. D. Kurs sovetskogo ugolovnogo prava. Osobennaya chast'. / Men'shagin V.D., Piontkovskij A.A. // T. 1. M., 1955. 800 S.

[5] Bezverhov A. G. Sootnoshenie kategorij «nasilie» i «ugroza» v sovremennom ugolovnom prave Rossii / A. G. Bezverhov, Yu. S. Norvartyan // Vestnik SPbGU. Pravo. 2018. T. 9. Vyp. 4. S. 522–534.

[6] Bezruchko E. Ispol'zovanie termina «nasilie» v ugolovnom zakonodatel'stve Rossii // Ugolovnoe pravo. M.: ANO «Yuridicheskie programmy», 2014, № 5. S. 24–26.

[7] Gusejnov A. A. Ponyatiya nasiliya i nenasiliya // Voprosy filosofii. 1994. № 4. S. 35–41.

[8] Polohina, A. O. Nasilie, ne opasnoe dlya zhizni ili zdorov'ya, a takzhe ugroza ego primeneniya kak kvalificiruyushchij priznak grabezha: teoreticheskie i prakticheskie aspekty // Molodoj uchenyj. 2021. № 43 (385). S. 139–142.

[9] Borovikov V. B. Ocenka primeneniya nasiliya pri zahvate zalozhnika (Elektronnyj resurs) // Informacionnyj portal «Antonov i partnery; advokatskoe byuro» / Rezhim dostupa: <https://pravo163.ru/ocenka-primeneniya-nasiliya-pri-zaxvate-zalozhnika/> (Data obrashcheniya: 25.04.2025).

МАЛОЛЕТКИНА Наталья Сергеевна,
начальник кафедры административно-правовых дисциплин
Самарский юридический институт ФСИН России,
e-mail: Levkovka707@mail.ru

К ВОПРОСУ О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ НАКАЗАНИЯ В СВЯЗИ С БОЛЕЗНЬЮ

Аннотация. В статье автором анализируются некоторые проблемные вопросы освобождения от наказания в связи с болезнью. В частности, обосновывается необходимость в детализации правового статуса лиц, освобожденных от наказания как по причине психического расстройства, так и в связи с иной тяжелой болезнью. Обоснована необходимость в разработке и регламентации на законодательном уровне перечня критериев, которые должны приниматься во внимание судом наряду с основанием в виде иной тяжелой болезни при принятии решения об освобождении. В результате исследования автором предложено на уровне внесения изменений в действующее уголовно-исполнительное законодательство установить постпенитенциарное сопровождение в виде контроля за анализируемой категорией лиц.

Ключевые слова: психическое расстройство, иная тяжелая болезнь, освобождение от наказания, правовой статус, освобожденный осужденный, постпенитенциарный контроль.

MALOLETKINA Natalia Sergeevna,
Head of the Department of Administrative
and Legal Disciplines, Samara Law Institute
of the Federal Penitentiary Service of Russia

ON THE ISSUE OF SOME PROBLEMS OF RELEASE FROM PUNISHMENT DUE TO ILLNESS

Annotation. In the article, the author analyzes some problematic issues of release from punishment due to illness. In particular, the author substantiates the need to detail the legal status of persons released from punishment both because of a mental disorder and due to another serious illness. The necessity of developing and regulating at the legislative level a list of criteria that should be taken into account by the court along with the grounds of another serious illness when deciding on release is substantiated. As a result of the research, the author proposed, at the level of amendments to the current penal enforcement legislation, to establish post-penitentiary support in the form of control over the analyzed category of persons.

Key words: mental disorder, other serious illness, release from punishment, legal status, released convict, post-penitentiary control.

Развитие института освобождения от наказания в связи с болезнью порождает ряд теоретических и практических вопросов, касающихся как его правовой природы, так и значения и роли в системе иных мер правового воздействия.

Вопросы, возникающие при освобождении от наказания по причине болезни, обуславливаются существенными противоречиями в практике применения норм, прописанных в уголовном, уголовно-исполнительном и уголовно-процессуальном законодательстве. Неясность оснований для освобождения приводит к различным интерпре-

тациям и, как следствие, к разнообразным подходам в этой области.

Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) регламентирует три отдельных вида освобождения от наказания, связанных с состоянием здоровья: освобождение по причине психического расстройства, освобождение в связи с иной тяжелой болезнью и освобождение военнослужащих, по причине заболеваний, делающих их непригодными для прохождения воинской службы.

Часть 1 статьи 81 УК РФ определяет условия освобождения от наказания для лиц, у кото-

рых после совершения преступления в период его отбытия было обнаружено психическое расстройство, не позволяющее им осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (или бездействий) либо контролировать их.

Анализируя данный вид освобождения, с нашей точки зрения, стоит отметить, что основание для освобождения от наказания в виде психического расстройства требует серьезного внимания, прежде всего, со стороны законодателя. Человек, страдающий психическим расстройством, на наш взгляд, представляет собой значительную угрозу для общества. Поэтому вопросы правового регулирования освобождения от наказания в связи с психическим расстройством явно нуждаются в более детальной проработке, и это, полагаем, должно быть урегулировано в первую очередь на законодательном уровне.

Немаловажным, представляется, необходимость четкого определения правового статуса лиц, освобожденных от наказания в связи с психическим расстройством, после их фактического убытия из исправительного учреждения.

Васеловская А. В. об этом пишет: «поскольку лица, страдающие психическими расстройствами, не исключаящими вменяемости, подлежат уголовной ответственности и к ним применяется наказание, основное внимание при реализации в отношении них мер уголовной ответственности уделяется именно исполнению назначенного судом наказания как основной формы реализации уголовной ответственности. Контроль за динамикой их психического состояния в случае, если им не назначено наряду с наказанием принудительное наблюдение и лечение у врача психиатра в амбулаторных условиях ограничивается наблюдением за психическим состоянием лица со стороны врача-психиатра на основе так называемого консультативного учета (по обращаемости и при наличии согласия самого пациента)» [1, с. 37].

Соглашаясь с вышеприведенным мнением, отметим, что в связи со спецификой заболевания как на этапе отбывания наказания у лиц, страдающих психическими расстройствами, так и при их освобождении, в их правовом статусе есть характерные особенности и отличия от общего правового статуса освобожденных осужденных. Например, такие лица имеют право на оказание должного лечения со стороны врача-психиатра в постпенитенциарный период, а при явном ухудшении психического состояния здоровья у них возникает законный интерес на прохождение лечения в стационарных условиях медицинской организации. Следовательно, несмотря на то, что при освобождении данные лица теряют статус

«осужденного», на период неотбытой части наказания, на наш взгляд, они обязаны следовать предписаниям врача, добросовестно относиться ко всем его рекомендациям, не совершать действия, направленные на умышленное ухудшение здоровья и др.

Кроме освобождения от наказания по причине психического расстройства, уголовное законодательство в соответствии с частью 2 исследуемой статьи, предусматривает случаи, когда условием освобождения может быть тяжёлое физическое заболевание. Важно отметить, что подобные освобождения обосновываются не только состоянием здоровья осуждённого, но и его способностью выполнять ограничения, обусловленные наказанием, а также с учётом общего состояния здоровья, которое может препятствовать его нахождению в местах лишения свободы.

В настоящее время данный вид освобождения также вызывает множество вопросов. Интересно, что в законе не прописан перечень условий или критериев, при выполнении которых лицо может рассчитывать на досрочное освобождение по состоянию здоровья, не закреплён на период неотбытой части перечень их прав, обязанностей и законных интересов, как лиц, досрочно освобожденных в связи с болезнью. Вместе с тем, законодатель установил четкие критерии для условно-досрочного освобождения и возможности замены неотбытой части наказания более мягким видом. Что касается освобождения по болезни, закон лишь указывает на наличие заболевания, которое должно быть подтверждено заключением медицинской комиссии. Также предусмотрено направление заключения вместе с соответствующим ходатайством и личным делом осужденного, но больше никаких конкретных требований не обозначено.

Таким образом, не совсем понятно, как будут или как должны учитываться материалы личного дела осужденного, который ходатайствует об его освобождении от наказания по состоянию здоровья [2, с. 50]. На данный момент никаких разъяснений по этому поводу не существует. Отсутствие четких критериев может указывать на то, что с одной стороны, наличие болезни, препятствующей отбыванию наказания, является безусловным основанием для освобождения, с другой стороны, стоит задуматься о целесообразности игнорирования индивидуальных характеристик осужденного, например, отбывающего пожизненное лишение свободы, в процессе рассмотрения его ходатайства о освобождении.

О том, что пробел в законодательстве относительно отсутствия оговорки на учет личности осужденного при освобождении от наказания в

связи с болезнью, фактически позволяет освобождать лиц, отбывающих пожизненное лишение свободы, в своих работах писал и профессор В. И. Селиверстов. По мнению ученого, недостаток в законодательстве, проявляющийся в отсутствии указания на степень тяжести совершённого преступления, открывает возможность для освобождения от наказания в связи с болезнью осужденного, который отбывает пожизненное лишение свободы, так как пожизненное лишение свободы является одним из видов уголовного наказания [3, с. 46].

На наш взгляд, данная проблема определено нуждается в решении путем внесения соответствующих изменений в действующее законодательство. Пожизненное лишение свободы – это наказание, которое назначается в том числе и в целях предупреждения подобного поведения в будущем. Если осужденный представляет собой реальную угрозу, его беспрепятственное освобождение по состоянию здоровья может вызвать общественное недовольство и привести к рискам совершения им новых преступлений.

Стоит обратить внимание и на морально-этическую сторону учета судом тех или иных критериев при освобождении от наказания в связи с болезнью. Насколько справедливо только лишь на основании наличия заболевания освобождать от наказания тех, кто совершил тяжкие преступления или умышленно на протяжении отбывания наказания ухудшал состояние своего здоровья (например, не соблюдал рекомендации врача, уклонялся от лечения и пр.)? Эта дилемма часто оказывается в центре рассмотрения апелляционных жалоб на отказ в освобождении судами первой инстанции.

Таким образом, на законодательном уровне следует выработать отнюдь не формальный подход к процессу освобождения, основываясь лишь на медицинских выводах и наличии заболевания, как основания к освобождению, игнорируя личность осужденного, тяжесть совершенного им преступления, его отношения к лечению и своему деянию. По нашему мнению, следует учитывать широкий спектр факторов, не забывая о защите общества и о необходимости тщательной оценки рисков, связанных с таким решением. Такой подход позволит найти баланс между интересами общества и правами осужденных, имеющих серьезные проблемы со здоровьем.

Продолжая исследовать актуальные и проблемные вопросы, связанные с досрочным освобождением от наказания по состоянию здоровья, крайне интересным является тот факт, что такой вид освобождения остается единственным, где законодательно не предусмотрено постпенитенциарное сопровождение освобожденных по данному основанию.

На важность постпенитенциарного контроля за освобожденными от наказания по болезни в своих работах не раз акцентировал внимание А. П. Скиба. По мнению ученого, в настоящее время отсутствие на законодательном уровне системы постпенитенциарного сопровождения для лиц, освобожденных от наказания по причине болезни, представляет собой значительный правовой недостаток, который существенно препятствует эффективному достижению целей уголовно-исполнительного законодательства [4, с. 106].

С точки зрения, Ю. А. Головастовой и Т. Н. Елисеевой, постпенитенциарный контроль за лицами, освобожденными от наказания в связи с болезнью, «...зачастую, выступает гарантом правового положения лиц, освобожденных...», а также «...способствует проведению объективной оценки ситуации, складывающейся с осужденным в период после его фактического освобождения из исправительного учреждения, путем ведения статистической отчетности, а также информационно-аналитической и иной документации» [5].

Безусловно, если говорить о лицах, освобожденных от наказания по болезни в том числе, имеющих психическое заболевание, по причине отсутствия законодательной регламентации контроля за данной категорией лиц, они, как правило, не продолжают назначенное им лечение, что приводит к обострению заболевания. Указанные обстоятельства, лишний раз указывают на необходимость установления за такими осужденными «посткриминального контроля», в том числе выполняющего функцию не только наблюдения за их состоянием здоровья и оказанием им помощи в должном лечении, но и функцию, способствующую предупреждению рецидива.

В заключение следует подчеркнуть, что проблемы правового регулирования освобождения от наказания в связи с психическими расстройствами и иными тяжелыми заболеваниями требуют неотложного решения, прежде всего на уровне законодательства. Важно не только установить в законодательных нормах контроль за теми осужденными, освобожденными в связи с болезнью, как важный элемент данного правового института, но и определить правовой статус этих лиц. На наш взгляд, нормы по постпенитенциарному сопровождению анализируемой категории лиц на период неотбытой части наказания, равно, как и права, обязанности и законные интересы анализируемой категории лиц, должны найти свое закрепление в отдельной статье Уголовно-исполнительного кодекса РФ, а детальный механизм, в подведомственном документе. Такой способ решения, сложившийся ситуации позволит не только минимизировать риск совершения

данными лицами новых преступлений и оказать им соответствующую помощь в продолжении лечения, но и конкретизирует их правовой статус, а также внесет ясность относительно вопроса об окончательном прекращении уголовно-исполнительных отношений с указанными лицами.

Список литературы:

[1] Васеловская А. В. Меры контроля за лицами, совершившими преступление и страдающими психическими расстройствами, не исключающими вменяемости / А. В. Васеловская // Вестник Кузбасского института. – 2023. – № 2 (55). – С. 35-50.

[2] Елисеева Т. Н. Критерии освобождения от дальнейшего отбывания наказания в виде лишения свободы в связи с иной тяжелой болезнью / Т. Н. Елисеева // Вестник Томского института повышения квалификации работников ФСИН России. – 2024. – № 3(21). – С. 47-54.

[3] Селиверстов В. И. Правовые проблемы освобождения осужденных от отбывания уголовного наказания по болезни / В. И. Селиверстов // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2017. – № 7(35). – С. 42-49.

[4] Скиба А. П. Правовое положение осужденного при досрочном освобождении от отбывания наказания в связи с болезнью // Юридическая наука и правоохранительная практика 2 (40). 2017. С. 104-108.

[5] Головастова, Ю. А. Понятие и признаки контроля за лицами, освобожденными от наказа-

ния в связи с болезнью / Ю. А. Головастова, Т. Н. Елисеева // Уголовно-исполнительное право. – 2025. – Т. 20, № 1. – С. 92-98.

Spisok literatury:

[1] Vaselovskaya A. V. Mery kontrolya za licami, sovershivshimi prestuplenie i stradayushchimi psicheskimi rasstrojstvami, ne iskluchayushchimi vmenyaemosti / A. V. Vaselovskaya // Vestnik Kuzbasskogo instituta. – 2023. – № 2 (55). – S. 35-50.

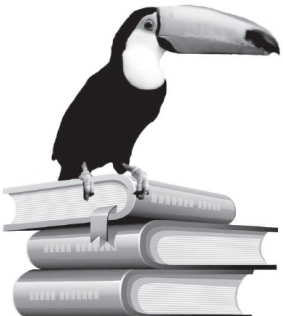
[2] Eliseeva T. N. Kriterii osvobozhdeniya ot dal'nejshego otbyvaniya nakazaniya v vide lisheniya svobody v svyazi s inoj tyazhelej boleznyu / T. N. Eliseeva // Vestnik Tomskogo instituta povysheniya kvalifikacii rabotnikov FSIN Rossii. – 2024. – № 3(21). – S. 47-54.

[3] Seliverstov V. I. Pravovye problemy osvobozhdeniya osuzhdennyh ot otbyvaniya ugovnogo nakazaniya po bolezni / V. I. Seliverstov // Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA). – 2017. – № 7(35). – S. 42-49.

[4] Skiba A. P. Pravovoe polozhenie osuzhdennogo pri dosrochnom osvobozhdenii ot otbyvaniya nakazaniya v svyazi s boleznyu // Yuridicheskaya nauka i pravoohranitel'naya praktika 2 (40). 2017. S. 104-108.

[5] Golovastova, Yu. A. Ponyatie i priznaki kontrolya za licami, osvobozhdannymi ot nakazaniya v svyazi s boleznyu / Yu. A. Golovastova, T. N. Eliseeva // Uголовно-исполнительное право. – 2025. – Т. 20, № 1. – S. 92-98.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

МЕЛЬЧАКОВ Кирилл Михайлович,
студент 4-го курса
Новосибирского государственного университета,
Институт философии и права,
кафедра гражданского права,
e-mail: K.melchakov@g.nsu.ru

РОЛЬ И МЕСТО ПОЖИЗНЕННОГО ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ В СИСТЕМЕ НАКАЗАНИЙ

Аннотация. Автор ставит перед собой задачу изучить роль и место пожизненного лишения свободы в системе наказаний, проследить эволюцию этого вида уголовной ответственности в российском праве, а также проанализировать особенности его применения. В качестве методологической базы используются формально-юридический и сравнительный методы, а также анализ и синтез. В исследовании рассматриваются ключевые проблемы, связанные с нормативным регулированием пожизненного лишения свободы, в том числе вопросы его соразмерности, прав осуждённых, а также перспективы совершенствования правового механизма в рамках уголовного законодательства Российской Федерации.

Пожизненное лишение свободы, являясь альтернативой смертной казни, выступает одной из самых строгих мер уголовного наказания. В России этот институт прошёл значительный путь становления, однако до сих пор вызывает научные и практические споры, особенно в части его соотношения с принципами гуманизма и справедливости.

В научной литературе эта тема довольно широко освещена. Так, в процессе работы в качестве теоретических материалов были использованы труды таких авторов, как Бобылева И.Ю., Упоров И.В., Кирюхина Е.Л., Мазурина Ю.Е., Желоков Н.В., Уткин В.А., Детков А.П., А.И. Рарог и др.

Ключевые слова: пожизненное лишение свободы, уголовное наказание, уголовное право, права осуждённых, судебная практика, пенитенциарная система, смертная казнь.

MELCHAKOV Kirill Mikhailovich,
4th year student of Novosibirsk State University,
Institute of Philosophy and Law,
Department of Civil Law

ROLE AND PLACE OF LIFE IMPRISONMENT IN THE PUNISHMENT SYSTEM

Annotation. The author sets the task of studying the role and place of life imprisonment in the punishment system, tracing the evolution of this type of criminal liability in Russian law, and analyzing the features of its application. Formal legal and comparative methods, as well as analysis and synthesis, are used as a methodological base. The study examines key issues related to the normative regulation of life imprisonment, including issues of its proportionality, the rights of convicts, as well as prospects for improving the legal mechanism within the framework of the criminal legislation of the Russian Federation. Life imprisonment, being an alternative to the death penalty, is one of the most severe measures of criminal punishment. In Russia, this institution has come a long way in its development, but it still causes scientific and practical debate, especially in terms of its relationship with the principles of humanism and justice.

This topic is quite widely covered in scientific literature. Thus, in the process of work, the works of such authors as Bobyleva I.Yu., Uporov I.V., Kiryukhina E.L., Mazurina Yu.E., Zhelokov N.V., Utkin V.A., Detkov A.P., A.I. Rarog and others were used as theoretical materials.

Key words: life imprisonment, criminal punishment, criminal law, rights of convicts, judicial practice, penitentiary system, death penalty.

Впервые законодательное упоминание пожизненного заключения содержится в Судебнике Ивана Грозного 1550 г. Срок заключения не устанавливался, бессрочное тюремное заключение применялось одновременно с смертной казнью, в зависимости от признания виновным своей вины. При этом в данный исторический период времени бессрочное заключение применяется наряду с телесными наказаниями.

В 16 в. появляются новые законодательные акты - акты местного самоуправления. Например, в 1555 г. принимается «Медынский губной наказ», в котором пожизненное лишение свободы предусматривалось уже в трех статьях.

Дальнейшее развитие институт пожизненного лишения свободы получил в Соборном Уложении 1649 г. Появляется новый вид наказания «вкнуть его в тюрьму по Государеву Указу», которое, как отмечается современными исследователями, могло становиться пожизненным заключением. В период действия данного законодательного акта рассматриваемое наказание продолжает применяться наряду с телесными, однако, уже намечается тенденция выделения в качестве основного вида наказания.

В воинском Артикуле Петра Великого 1795 г. появляется еще одна цель наказания – каторга, в связи с этим происходит трансформация пожизненного лишения свободы в бессрочные каторжные работы.

В 1845 г. подготовлен первый в истории России Уголовный кодекс, который перечислял виды лишения свободы, в том числе ссылка на каторжные работы. Каторжные работы могли быть назначены на срок до 20 лет или без такового. Наблюдается тенденция расширения сферы применения пожизненного заключения, предусматривается возможность его назначения не только за совершение преступлений против жизни, но и за восстание против властей. Уголовное уложение 1903 г. также предусматривало каторжные работы. При этом прослеживается тенденция гуманизации законодательства, при наличии определенных обстоятельств бессрочная каторга заменялась срочной. Кроме того, уже в этот период существовал прототип современного института условно-досрочного освобождения от отбывания наказания в виде пожизненного заключения. По истечении 15 лет отбывания наказания в виде бессрочных каторжных работ в случае их примерного поведения могли быть переведены из каторжной тюрьмы на поселение, а через десять лет вообще полностью освобождены от наказания [1].

Отсутствие пожизненного лишения свободы в советский период времени объяснялось наличием двух причин. Во-первых, считалось, что в силу господства исправительных целей наказа-

ния, лишение свободы в принципе не может быть пожизненным. С другой стороны, господствовала идеологическая позиция, в соответствии с которой было принято считать, что лишение свободы не может быть бессрочным. Эта была характерная черта советского социалистического права по сравнению с буржуазным законодательством.

Возобновление применения пожизненного лишения свободы было вызвано принятием закона от 17 декабря 1992 г., в соответствии с которым в статью 24 УК РСФСР 1960 г. было внесено дополнение, согласно которому «при замене в порядке помилования смертной казни лишением свободы оно может быть назначено пожизненно. При этом пожизненное лишение свободы, не рассматривалось как вид наказания, а применялось в соответствии с Указом Президента РФ о помиловании.

Как самостоятельный вид наказания, пожизненное лишение свободы впервые стало рассматриваться только в УК РФ 1996 г. Данное обстоятельство было связано с вступлением России в 1996 г. в Совет Европы и подписание в 1997 г. Протокола № 6 к Европейской Конвенции, который предусматривал отмену смертной казни и запрет на ее применение. Как следствие, объявление приоритета общечеловеческих ценностей.

Что касается соотношения с другими видами наказаний, то при сопоставлении основных признаков лишения свободы на определенный срок и пожизненного лишения свободы видно, что единственным отличием пожизненного лишения свободы является отсутствие определенного срока. Данная черта не может быть сколько-нибудь значительным основанием выделения пожизненного лишения свободы как самостоятельного вида уголовного наказания наряду с обычным лишением свободы, в противном случае логичным было бы существование и таких самостоятельных видов наказания, как краткосрочное лишение свободы, например, до трех лет, срочное лишение свободы и лишение свободы на длительный срок, например, свыше 10 лет. Правильной представляется также позиция законодателя, согласно которой, Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации (УИК РФ) не содержит специальной главы об исполнении пожизненного лишения свободы, как это присуще исполнению всех иных самостоятельных наказаний и регулирование исполнения данного вида наказания осуществлено в главе УИК РФ об исполнении наказания в виде лишения свободы [2].

Также сравнительный анализ пожизненного лишения свободы и смертной казни позволяет выявить ряд общих и отличительных черт. Одним из главных признаков пожизненного лишения

свободы, отличающего его от смертной казни, безусловно, является сохранение жизни осужденного. Профессор А. С. Михлин по вопросу помилования отмечал: «Помимо гуманной направленности этого акта, это еще и акт доверия осужденному» [3]. То, что применение пожизненного лишения свободы, в отличие от идеи смертной казни, является более гуманным, не вызывает сомнений, но, с другой стороны, пожизненное лишение, по сути, обрекает человека на страдания вне свободы, поэтому трудно говорить о его гуманном характере

Таким образом, появление пожизненного лишения свободы в российском уголовном законодательстве, было связано с сокращением применения смертной казни и объявлением прав и свобод человека и гражданина высшей ценностью. Идеи о необходимости отмены смертной казни и смягчения наказания рассматривались мыслителями в философско-правовом аспекте еще в 18 в. На сегодняшний день дискуссия о необходимости и целесообразности введения института пожизненного лишения свободы продолжается. По моему мнению, данный институт имеет право на существование, так как учитывает и реализует требования и сторонников, и противников пожизненного лишения свободы. С одной стороны, при назначении пожизненного лишения свободы сохраняется самая ценная жизнь, в законодательстве предусматривается возможность условно-досрочного освобождения, с другой данное наказание учитывает общественную опасность преступления, изолируя осужденного от общества на длительный срок, тем самым удовлетворяя интересы населения.

Понятие, сущность и признаки пожизненного лишения свободы

Попытки сформулировать дефиницию пожизненного лишения свободы, определить его сущность, содержание и характерные признаки неоднократно предпринимались представителями уголовно-правовой науки. Обобщая имеющиеся определения, можно выделить несколько ключевых подходов.

Первый основан на использовании семантического анализа всех входящих в определение слов. «Анализ термина “пожизненное лишение свободы”, – указывает Б.З. Маликов, – дает возможность более полно постичь сущность данного правового и социального явления: 1) пожизненное – на протяжении всей жизни и до ее конца; 2) лишение – утрата, потеря, принудительное ограничение в пользовании определенными благами; 3) свобода (в философии) – возможность проявления субъектом своей воли на основе осознания законов развития природы и общества, познания необходимости (независимость, отсутствие стеснений и ограничений)».

«Таким образом, – пишет Б.З. Маликов, – под пожизненным лишением свободы, с точки зрения философии и теории права, следует понимать особый вид лишения свободы, назначаемый судом лицу, виновному в совершении особо тяжкого преступления, и выражающийся в утрате, потере субъектом возможности проявления в полном объеме своей воли, независимости, а также в наличии стеснений и ограничений, обеспечиваемых принудительно, в течение всей последующей жизни путем изоляции осужденного от общества и содержания его в специально предназначенном для этих целей учреждении под надзором и охраной» [4].

Случаи, когда используют семантический анализ только части терминов, составляющих искомое определение, объединяя его с профессиональной терминологией (законодательными терминами), можно обозначить как комплексно-семантический анализ. Например, Н.В. Желокhov, соединив словарные разъяснения понятия «пожизненное» и содержащиеся в ч. 1 ст. 56 УК РФ признаки «лишения свободы», получил следующее определение: пожизненное лишение свободы – это изоляция осужденного от общества путем направления его в колонию определенного вида режима на срок, ограничиваемый физиологическим существованием человека, то есть его смертью [5].

Второй подход активно применяется при подготовке учебных изданий и связан с использованием при формулировании определения понятия «пожизненное лишение свободы» законодательных положений, закрепленных в ч. 1 ст. 57 УК РФ. Пожизненное лишение свободы при этом понимается как вид наказания, применяемый только за совершение особо тяжких преступлений, посягающих на жизнь, а также за совершение особо тяжких преступлений против здоровья населения и общественной нравственности, общественной безопасности, половой неприкосновенности несовершеннолетних. В данном случае упускаются очень важные признаки этого наказания. Но главное – в нем не раскрывается сущность пожизненного лишения свободы, поскольку, как указывает В.Н. Кудрявцев, «не возмездие и страдания есть цель пожизненного заключения, а только изоляция от общества» [6].

В рамках третьего подхода, который условно можно назвать интегративным, авторы включают в анализируемое понятие признаки и характерные черты, присущие не только лишению свободы (ч. 1 ст. 56 УК РФ), но и наказанию в целом, а также условия назначения пожизненного лишения свободы (ч. 1 ст. 57 УК РФ). Рассмотрим некоторые из них.

По мнению О.В. Захарихиной, «пожизненное лишение свободы является самостоятельным

исключительным видом наказания, назначаемым бессрочно лицам мужского пола, признанным судом виновными в совершении особо тяжких преступлений против жизни и общественной безопасности, и выражающимся в установлении осужденным определенных правоограничений, предусмотренных действующим уголовным и уголовно-исполнительным законодательством в целях восстановления социальной справедливости, исправления осужденных и предупреждения совершения преступлений как осужденными, так и иными лицами» [7].

«Пожизненное лишение свободы, – указывает А.И. Рарог, – заключается в изоляции осужденного от общества путем помещения в специальные исправительные колонии особого режима для осужденных, отбывающих пожизненное лишение свободы, и для осужденных, которым смертная казнь заменена пожизненным лишением свободы» [8].

Е.Л. Кирюхина рассматривает пожизненное лишение свободы как «наказание, бессрочно назначаемое лицам мужского пола, осужденным за совершение особо тяжких преступлений, посягающих на жизнь и общественную безопасность, отбываемое в колониях особого режима и выражающееся в установлении для осужденного правоограничений, предусмотренных действующим уголовным и уголовно-исполнительным законодательством, в целях восстановления социальной справедливости, исправления осужденных и предупреждения совершения преступлений» [9].

«Пожизненное лишение свободы, – пишет Ю.Е. Мазурина, – есть мера государственного принуждения, назначаемая судом за совершение особо тяжких преступлений, посягающих на жизнь, общественную безопасность и безопасность человечества, заключающаяся в строгой изоляции осужденного с покаянным содержанием его в специальных учреждениях» [10].

Приведенные определения понятия пожизненного лишения свободы в ряде случаев значительно отличаются друг от друга не только по количеству включенных в дефиницию признаков, но и подходом к определению сущности и содержания данного наказания, в очередной раз демонстрируя полисемантическую научную дефиницию при отсутствии официального толкования.

По мнению некоторых авторов (Е.Л. Кирюхина, О.В. Захарихина, Н.Е. Крылова), пожизненное лишение свободы является бессрочным. Следует поддержать точку зрения тех, кто считает использование данного термина не вполне целесообразным. «Нет сомнения в том, что и при бессрочном, и при пожизненном лишении свободы осужденный на длительный срок изолируется от общества, – пишет Н.В. Желокhov, – однако

следует полагать, что при бессрочном лишении свободы осужденный должен оставаться в местах лишения свободы, без ограничения срока его жизни, и после его физиологической смерти, навечно» [11].

Спорной видится и необходимость учета в дефиниции пожизненного лишения свободы права осужденного на условно досрочное освобождение. Считается, что данный признак не определяет сущность и содержание данного наказания, а лишь указывает на относительный характер пожизненного лишения свободы в уголовном законодательстве России. Кроме того, если подходить к вопросу с точки зрения логики, то слова «пожизненное» и «освобождение» взаимоисключают друг друга, поскольку при применении досрочного освобождения наказание перестает быть пожизненным по своей сути.

Обобщая вышесказанное, можно предложить следующее определение. Пожизненное лишение свободы представляет собой наказание, заключающееся в изоляции осужденного от общества в исправительных колониях особого режима до конца жизни и назначаемое лицам мужского пола, совершившим преступления после достижения восемнадцати лет и не достигшим шестидесятипятилетнего возраста, за совершение особо тяжких преступлений в случаях, предусмотренных санкциями статей УК РФ. Использование в рамках представленной дефиниции выражения «в случаях, предусмотренных санкциями статей УК РФ» можно считать оправданным, поскольку, как показала практика, законодатель постоянно дополняет указание на соответствующие объекты уголовно-правовой охраны, содержащиеся в ч. 1 ст. 57 УК РФ.

Особенности применения пожизненного лишения свободы в России

Вопросу формирования единообразной практики применения судами наказания в виде пожизненного лишения свободы посвящен ряд положений постановлений Пленума Верховного Суда РФ.

Пункт 28 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2016 г. № 55 «О судебном приговоре» устанавливает: исходя из того что в соответствии с ч. 1 ст. 57 УК РФ пожизненное лишение свободы устанавливается за совершение особо тяжких преступлений, посягающих на жизнь, а также за совершение особо тяжких преступлений против здоровья населения и общественной нравственности, общественной безопасности, половой неприкосновенности несовершеннолетних, не достигших четырнадцатилетнего возраста, суды должны учитывать, что такой вид наказания в предусмотренных законом случаях может применяться лишь тогда, когда необходимость его назначения обусловлена

исключительной опасностью для общества лица, совершившего преступление. Суд, мотивируя в приговоре назначение наказания в виде пожизненного лишения свободы, должен привести в подтверждение этого вывода конкретные обстоятельства дела и данные, характеризующие личность подсудимого [12].

Важность применения судами на практике положений вышеуказанного Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2016 г. № 55 «О судебном приговоре» можно проиллюстрировать следующим примером по конкретному уголовному делу:

По приговору суда Харин осужден по п. «а», «ж», «к» ч. 2 ст. 105, ч. 3 ст. 30 и другим статьям УК РФ. По совокупности преступлений Харину назначено наказание в виде пожизненного лишения свободы. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ приговор изменила, указав следующее. Наказание в виде пожизненного лишения свободы Харину назначено с нарушением закона. В соответствии со ст. 44 УК РФ лишение свободы на определенный срок и пожизненное лишение свободы являются отдельными, самостоятельными видами наказаний. Между тем в описательно-мотивировочной части приговора содержится вывод суда о необходимости назначения Харину наказания, связанного с лишением свободы на длительный, т. е. определенный срок. В нарушение требований п. 4 ст. 307 УПК РФ назначенное Харину наказание в виде пожизненного лишения свободы в приговоре не мотивировано. При таких обстоятельствах Судебная коллегия приговор в отношении Харина изменила, пожизненное лишение свободы заменила наказанием в виде лишения свободы сроком на двадцать пять лет [13].

Из приведенного примера видно, что допущенные нарушения, связанные с не указанием в приговоре судом первой инстанции мотивировки назначения осужденному наказания в виде пожизненного лишения свободы, которая подтверждала бы выводы суда о необходимости назначения такого наказания ввиду исключительной опасности для общества лица, совершившего преступление, повлекло изменение вышестоящей инстанцией приговора со смягчением осужденному наказания с пожизненного лишения свободы на лишение свободы на определенный срок.

Согласно п. 20 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 (в ред. от 29.11.2016) «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» следует, что «исходя из положений части 4 статьи 78 УК РФ вопрос о применении сроков давности к лицу, совершившему преступление, за которое предусмотрено наказание в виде пожизненного

лишения свободы, разрешается только судом и в отношении всех субъектов независимо от того, может ли это наказание быть назначено лицу с учетом правил части 2 статьи 57, частей 2 и 2.1 статьи 59, части 4 статьи 62 и части 4 статьи 66 УК РФ. Освобождение от уголовной ответственности за такие преступления является правом, а не обязанностью суда» [14].

Показательным примером судебной практики является определение Верховного Суда РФ от 9 апреля 2015 г. № 66-АПУ15-12. Приговором Иркутского областного суда от 14 января 2015 г. П. осуждён по п. «е», «з» ст. 102 УК РСФСР и п. «а», «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ за убийство 22 женщин, включая преступления, сопряжённые с изнасилованием и насильственными действиями сексуального характера, совершённые в период с 1994 по 2000 гг. Ему назначено наказание в виде пожизненного лишения свободы.

Несмотря на истечение сроков давности по 19 эпизодам, суд учёл исключительную общественную опасность П., ранее служившего в органах внутренних дел, и отказал в применении положений ст. 78 УК РФ. Верховный Суд РФ оставил приговор без изменения, отметив, что характер и количество совершённых особо тяжких преступлений, их системность и осознанное нарушение П. возложенных на него обязанностей по защите прав граждан, свидетельствуют о его продолжающейся опасности для общества, что обоснованно повлекло назначение пожизненного лишения свободы.

Как понимают и как мотивируют судьи исключительную опасность для общества лица, совершившего преступление, при назначении такому лицу наказания в виде пожизненного лишения свободы, позволяет проиллюстрировать проведенное исследование практики назначения пожизненного лишения свободы судьями Свердловского областного суда.

Приговором Свердловского областного суда от 11 марта 2016 г. по делу № 1-8/2016 З.А. осужден по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ за умышленное убийство малолетней дочери.

При назначении наказания суд учёл положения ст. 6, 43, 60–63 УК РФ, указав на высокую степень общественной опасности преступления, данные о личности осужденного и смягчающие обстоятельства: признание вины, раскаяние, содействие следствию, принесение извинений, заболевание.

В то же время, в силу ч. 1.1 ст. 63 УК РФ суд призналотягчающим обстоятельством совершение преступления в состоянии алкогольного опьянения, что исключает применение ч. 1 ст. 62 УК РФ, и применил ч. 3 ст. 62 УК РФ.

Суд квалифицировал содеянное как особо тяжкое преступление против жизни, представля-

ющее исключительную опасность для общества, и, руководствуясь принципом справедливости и невозможностью исправления вне изоляции, назначил наказание в виде пожизненного лишения свободы.

Анализ судебной практики Свердловского областного суда свидетельствует о том, что пожизненное лишение свободы назначается исключительно лицам, совершившим особо тяжкие преступления, обладающим высокой степенью общественной опасности. При формировании правовой позиции суды руководствуются положениями ст. 6, 43, 60–63 УК РФ, учитывают характер и степень общественной опасности деяния, данные о личности виновного, смягчающие и отягчающие обстоятельства, а также влияние назначенного наказания на цели уголовного наказания.

В приговорах детально мотивируется невозможность назначения лишения свободы на определённый срок, подчёркивается исключительная опасность личности осуждённого и характер совершённого преступления, что в совокупности обуславливает необходимость применения наказания в виде пожизненного лишения свободы как соразмерного и способствующего восстановлению социальной справедливости.

Таким образом, ключевым критерием при назначении данного вида наказания выступает совокупность высокой степени общественной опасности деяния и исключительной опасности личности. Применение судами положений УК РФ, актов толкования Пленума ВС РФ, а также правовых позиций Конституционного Суда РФ свидетельствует о необходимости формирования устойчивой и единообразной судебной практики в данной сфере.

Список литературы:

- [1] Мазурина Ю.Е. Уголовное наказание в виде пожизненного лишения свободы и его объект: автореф. дис. канд. юрид. наук / Ю.Е. Мазурина. – Рязань, 2010. – 24 с.
- [2] Уткин В.А., Детков А.П. Пожизненное лишение свободы: монография / В.А. Уткин, А.П. Детков. – Томск, Изд-во НТЛ, 1997. – 136 с.
- [3] Михлин А.С. Заключен пожизненно // Государство и право. – 1995. – № 4.
- [4] Маликов Б.З. Теоретические проблемы сущности и содержания лишения свободы и их выражение в уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве России: дис. д-ра юрид. наук / Б.З. Маликов. – Рязань, 2004. – 482 с.
- [5] Захарихина О.В. Исполнение наказания в виде пожизненного лишения свободы в России: дис. канд. юрид. наук / О.В. Захарихина. – М., 2005. – 208 с.

[6] Кудрявцев В.Н. Стратегии борьбы с преступностью / В.Н. Кудрявцев. – М. Юрист, 2003. – 349 с.

[7] Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. А.И. Рарога. – М. Проспект, 2011. – 848 с.

[8] Кирюхина Е.Л. Уголовно-правовые и уголовно-исполнительные аспекты применения наказания в виде пожизненного лишения свободы: дис. канд. юрид. наук / Е.Л. Кирюхина. – М., 2008. – 174 с.

[9] Мазурина Ю.Е. Уголовное наказание в виде пожизненного лишения свободы и его объект: дис. канд. юрид. наук / Ю.Е. Мазурина. – Рязань, 2010. – 207 с.

[10] Желоков Н.В. Пожизненное лишение свободы в системе наказаний УК РФ и его назначение: дис. канд. юрид. наук / Н.В. Желоков. – Саратов, 2007. – 197 с.

[11] О судебном приговоре: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2016 г. № 55 [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[12] Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за IV квартал 2004 года: обзор судебной практики Верховного Суда РФ от 9 февраля 2005 г. [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[13] О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 (ред. от 29.11.2016) // Российская газета. – 2013. – 5 июля. – № 145.

[14] О судебной практике: определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 9 апреля 2015 г. № 66-АП/15-12.

Spisok literatury:

- [1] Mazurina Yu.E. Ugolovnoe nakazanie v vide pozhiznennogo lisheniya svobody i ego ob`ekt: avtoref. dis. kand. yurid. nauk / Yu.E. Mazurina. – Ryazan`, 2010. – 24 s.
- [2] Utkin V.A., Detkov A.P. Pozhiznennoe lishenie svobody: monografiya / V.A. Utkin, A.P. Detkov. – Tomsk, Izd-vo NTL, 1997. – 136 s.
- [3] Mixlin A.S. Zaklyuchen pozhiznenno // Gosudarstvo i pravo. – 1995. – № 4.
- [4] Malikov B.Z. Teoreticheskie problemy sushhnosti i sodержaniya lisheniya svobody i ix vy`razhenie v ugodovnom i ugodovno-ispolnitel'nom zakonodatel'stve Rossii: dis. d-ra yurid. nauk / B.Z. Malikov. – Ryazan`, 2004. – 482 s.
- [5] Zaxarixina O.V. Ispolnenie nakazaniya v vide pozhiznennogo lisheniya svobody v Rossii: dis. kand. yurid. nauk / O.V. Zaxarixina. – M., 2005. – 208 s.

[6] Kudryavcev V.N. Strategii bor'by s prestupnost'yu / V.N. Kudryavcev. – M. Yurist, 2003. – 349 s.

[7] Kommentarij k Ugolovnomu kodeksu Rossijskoj Federacii / pod red. A.I. Raroga. – M. Prospekt, 2011. – 848 s.

[8] Kiryuxina E.L. Ugolovno-pravovy'e i ugolovno-ispolnitel'ny'e aspekty primeneniya nakazaniya v vide pozhiznennogo lisheniya svobody: dis. kand. yurid. nauk / E.L. Kiryuxina. – M., 2008. – 174 s.

[9] Mazurina Yu.E. Ugolovnoe nakazanie v vide pozhiznennogo lisheniya svobody i ego ob`ekt: dis. kand. yurid. nauk / Yu.E. Mazurina. – Ryazan, 2010. – 207 s.

[10] Zhelokov N.V. Pozhiznennoe lishenie svobody v sisteme nakazaniy UK RF i ego naznachenie: dis. kand. yurid. nauk / N.V. Zhelokov. – Saratov, 2007. – 197 s.

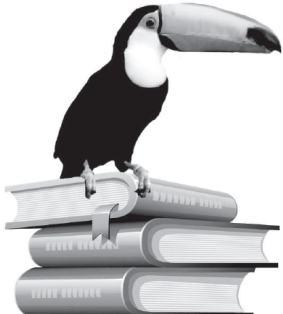
[11] O sudebnom prigovore: postanovlenie Plenuma Verxovnogo Suda RF ot 29 noyabrya 2016 g. № 55 [E'lektronnyj resurs]. – Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».

[12] Obzor zakonodatel'stva i sudebnoj praktiki Verxovnogo Suda Rossijskoj Federacii za IV kvartal 2004 goda: obzor sudebnoj praktiki Verxovnogo Suda RF ot 9 fevralya 2005 g. [E'lektronnyj resurs]. – Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».

[13] O primenenii sudami zakonodatel'stva, reglamentiruyushhego osnovaniya i poryadok osvobozhdeniya ot ugolovnoj otvetstvennosti: postanovlenie Plenuma Verxovnogo Suda RF ot 27 iyunya 2013 g. № 19 (red. ot 29.11.2016) // Rossijskaya gazeta. – 2013. – 5 iyulya. – № 145.

[14] O sudebnoj praktike: opredelenie Sudebnoj kollegii po ugolovny'm delam Verxovnogo Suda RF ot 9 aprelya 2015 g. № 66-APU15-12.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 02.05.2025 г.

DOI: 10.24412/2224-9133-2025-5-181-186

Дата принятия рукописи в печать: 10.06.2025 г.

АХМЕДХАНОВА Самира Телхатовна,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного права
Северо-Кавказского института (филиал) ВГУЮ
(РПА Минюста России),
e-mail: mail@law-books.ru

БЕЛОВ Евгений Витальевич,
аспирант ОЧУ ВО
«Московский Инновационный Университет»,
e-mail: mail@law-books.ru

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРАВОВЫЕ ТРАДИЦИИ И ТЕНДЕНЦИЯ ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Аннотация. В рамках каждого общества осуществляется переход от поколения к поколению социальных ценностей, достижений, происходит отбор и стереотипизация юридического и политического опыта, передача правовых и политических стереотипов. Этот процесс обусловлен определенным ходом истории, особенностями конкретной социально-политической, географической среды и т.д. Все это позволяет вести речь о национальном аспекте рассматриваемой проблемы, т.е. о том аспекте, в котором политико-правовая традиция «проявляет себя через те или иные конкретные этнокультурные и религиозные формы».

Ключевые слова: тенденции, традиции, право, интеграция, демократизация, изменения, развитие.

AKHMEDKHANOVA Samira Telkhatovna,
Candidate of Law,
Associate Professor of the Department of Criminal Law
of the North Caucasus Institute (branch) of VGUYU
(RPA of the Ministry of Justice of Russia)

BELOV Evgeny Vitalievich,
postgraduate student
at the Moscow Innovation University

NATIONAL LEGAL TRADITIONS AND TENDENCY OF POLITICAL AND LEGAL INTEGRATION

Annotation. Within each society, there is a transition from generation to generation of social values, achievements, selection and stereotyping of legal and political experience, transmission of legal and political stereotypes. This process is due to a certain course of history, the peculiarities of a specific socio-political, geographical environment, etc. All this allows us to talk about the national aspect of the problem under consideration, i.e. about the aspect in which the political and legal tradition “manifests itself through certain specific ethnocultural and religious forms”.

Key words: trends, traditions, law, integration, democratization, changes, development.

В данной статье важно подчеркнуть, что традиции могут содержать элементы, характерные как для отдельных национальностей, так и для цивилизации в целом. Не следует

забывать, что традиции, которые передаются через поколения, могут быть как уникальными и специфическими, так и универсальными, принадлежащими к общечеловеческому наследию. Это

подразумевает, что определенные социальные ценности, которые мы считаем традиционными, могут быть распространены среди многих правовых и политических культур по всему миру. Таким образом, невозможно однозначно классифицировать каждую традицию как исключительно национальную.

Необходимо подчеркнуть, что траектория социально-политической эволюции человечества стабильно подтверждает процессы слияния и взаимного влияния различных политико-правовых культур. Это взаимодействие, несмотря на кажущуюся парадоксальность, происходит через национальные политико-правовые традиции, которые служат своеобразными инструментами укрепления и распространения социально значимой информации, такой как ценности, идеалы, модели поведения, традиции и прочее, в контексте политико-правовых культур. Эти взаимодействия обычно называют интеграционными процессами, происходящими в направлении унификации и восстановления целостности (от латинского *integra-tio*, что означает восстановление, восполнение и от *integer* - целый) [2, с.12-17].

Интеграция в современной науке интерпретируется как аспект развития, который занимается соединением различных, ранее несвязанных элементов в единое целое. Согласно определению, представленному в Философском энциклопедическом словаре, интеграционные процессы могут происходить внутри уже существующих систем, улучшая их структурированность и уровень интегрированности. Кроме того, они могут способствовать формированию новых систем из элементов, которые раньше не были соединены. В процессе создания интегрированной структуры, её отдельные компоненты могут сохранять различные уровни независимости.

В рамках интеграционных процессов происходит наращивание взаимодействий и связей между различными компонентами, что приводит к созданию новых уровней управления. Этот процесс можно успешно применить и к социальным отношениям. Обычно под социальной интеграцией понимают наличие структурированных связей между личностями, группами, организациями и даже государствами. Одним из аспектов социальной интеграции является политическая интеграция [4, с. 120-126].

В рамках либо национальной, либо более обширной международной сферы происходит процесс объединения общественных и государственных структур, известный как интеграция. Этот процесс часто включает в себя создание новых политических институтов, которым передаются определённые суверенные права от национальных органов власти. Основной целью такой передачи прав является установление наднациональной правовой системы, которая разрабатывает универсальные правовые принципы и

методы управления, приемлемые для всех участвующих стран и не ограниченные национальными особенностями.

В настоящее время, интеграция в области права и политики происходит на более глубоком и активном уровне по сравнению с такими сферами, как искусство, литература или быт. Это связано с тем, что право и политика обладают универсальными характеристиками, которые превосходят национальные границы, хотя и могут включать элементы национальной уникальности в своём содержании. Сегодня особенно важна роль правовых систем в процессах интеграции, что видно на примере слияния разнообразных правовых традиций в рамках создания общей международной правовой системы [7, с. 90-96].

В то время как в англо-саксонских странах наблюдается тенденция к усилению роли законодательства по сравнению с судебными прецедентами, в России, хотя прецеденты официально не признаются источниками права, на практике суды могут проявлять предпочтение к сторонам, которые ранее получили положительные решения по схожим кейсам. С обретением независимости после распада Советского Союза, Россия перенесла значительные изменения в своём законодательстве. Новая Конституция страны поставила в центр права и свободы человека, признав их высшей ценностью, и установила основы для справедливой юридической системы, гарантирующей равенство перед законом и судом, а также обязательное исполнение судебных решений.

В современной России значительное влияние на правовую систему оказывают международные институты, такие как Европейский Суд по правам человека, Всемирная Торговая Организация и Международный институт по унификации частного права (УНИДРУА). В международном контексте все чаще признаётся важность Гаагских Конвенций, которые способствуют интеграции процессуальных норм в большинстве национальных систем.

Внедрение элементов национальных правовых систем в рамки международного права приводит к его универсализации и усилению влияния на внутренние правовые структуры государств. Эта интеграция способствует созданию более мощной и взаимосвязанной правовой системы, которая включает в себя лучшие и наиболее эффективные аспекты каждой национальной традиции. Однако, стоит учесть, что такая трансформация может оказывать значительное воздействие на национальные политико-правовые традиции, что требует дополнительных разъяснений и анализа.

Кабалкин А., Санникова Л. обсуждают трансформацию национальных правовых систем в контексте глобализации, указывая на то, что происходит не замещение национальных законов универсальным международным правом, а ско-

рее их унификация на международном уровне. Эта унификация не ведет к созданию однообразного законодательства, принятого на глобальном уровне, но подразумевает изменения национальных правовых и политических традиций. В этом контексте, глобализация действует как сила, способствующая интеграции и взаимному влиянию между странами [1, с. 56-59].

Глобализация олицетворяет собой сложный процесс, включающий в себя изменения в политических, экономических и социальных аспектах на глобальном уровне, направленные на создание единой мировой геостратегии. Это явление способствует превращению локальных и региональных вызовов в мировые задачи, а также ведет к формированию новой глобальной экономической и экологической реальности. Также к аспектам глобализации относятся развитие научно-технических инноваций, принятие универсальных морально-этических стандартов, а также появление новых вызовов международной безопасности, таких как транснациональная преступность, международный терроризм и распространение оружия массового поражения.

Термин «глобализация» применяется в различных аспектах, включая такие концепции как «концепция глобализации», «доктрина глобализации», и «программа глобализации». Эти подходы можно классифицировать по трём основным направлениям. Первое направление - апологетическое, оно рассматривает глобализацию как процесс, выгодный «золотому миллиарду» или конкретным странам, например США. Второе - конструктивное, которое стремится найти баланс между преимуществами и недостатками глобализации, предлагая меры для справедливого распределения её выгод среди всех стран, особенно в решении социальных вопросов. Третье направление - критическое, варьирующееся от полного отрицания глобализации как новой формы капитализма до признания её неизбежности, методов и подходов её реализации.

В дискуссии о влиянии глобализации на национальные правовые системы, принято выделять два основных пути развития: либо интеграция в международное правовое пространство, либо самоизоляция и превращение в изолированное государство. Эта дилемма особенно заметна в контексте прав человека и механизмов их реализации. Как подчеркивает П.О. Оль, глобализация привела к тому, что признание и защита прав человека стали главной задачей и основополагающим принципом для всех современных правовых систем [6, с. 230-235].

Изучение того, как права человека понимаются и применяются в разных странах и юридических системах, позволяет выявить ключевые аспекты, определяющие траекторию развития этих прав. Влияние на формирование, аргументацию и решение проблем, связанных с правами

человека, оказывает научное понимание права, которое обеспечивает многоуровневое и объективное осмысление основных принципов прав человека в контексте современных достижений в познании права. Вторая половина двадцатого века отметились двумя основными направлениями в интерпретации правовых вопросов.

В современном мире наблюдается одновременный рост интереса к универсальным принципам прав человека и международным нормам, а также к уникальным национальным и региональным правовым традициям. Эти традиции становятся всё более значимыми в контексте формирования региональных государственных альянсов, которые вносят свой вклад в структуру многополярного мира. В толковании этой новой глобальной динамики, особое значение приобретает правовое восприятие, которое учитывает как глобализацию через международные стандарты, так и регионализацию, проявляющуюся в уважении к особенностям каждого региона и его составляющих государств.

При глобализации и интеграции возникают сложности, в частности, изменения в национальных правовых и политических системах. Эти изменения часто вызваны влиянием внешних сил, что может привести к сдвигу от национальных ценностей к интересам, которые представляют транснациональные и элитные группы. В ходе создания нового глобального порядка, национальные правовые и политические элементы могут потерять свою первоначальную значимость, уступая место более широким, международным интересам.

В рамках усугубляющейся глобализации, политические и правовые традиции на национальном уровне всё чаще подвергаются влиянию транснациональных корпораций. Эти мощные субъекты, как отмечают исследователи, функционируют подобно независимым государствам с собственной администрацией и акционерами. Однако влияние распространяется далее - на мировую олигархию, которая включает в себя не только международные корпорации и банки, но и юридические, консультационные службы, которые эти структуры используют, а также международные финансовые организации и политические идеологи, стремящиеся к новому мировому порядку. Эта сеть включает различные официальные и неофициальные институты, которые играют ключевую роль в политическом воздействии и манипуляции общественным мнением.

А.Г. Москвина подчеркивает, что влияние глобализации на государственно-правовые системы неизбежно приведет к изменениям не только в их основных и важнейших элементах, но и во всех аспектах государственных институтов, включая методы управления, формы правоприменения, принципы власти и суверенитет. В современном мире, где культурные, экономиче-

ские и политические различия между странами остаются значительными, важно стремиться к межгосударственным отношениям, основанным на общих интересах и универсальных человеческих ценностях. Это укрепляет международное сотрудничество и поддерживает глобальное сообщество, независимо от внутренних особенностей каждого государства [5, с. 67-69].

Жители разнообразных стран могут говорить на разных языках и следовать уникальным культурным традициям, однако их объединяет общая человечность. С. Ковалев подчеркивает, что наша главная связь – это принадлежность к человечеству, которое стоит выше всех национальных различий. Жизнь, права и свободы каждого человека имеют весомое значение, и это гораздо важнее любых созданных нами границ.

Совершенствование механизма имплементации – один из ключевых факторов, определяющих глобализацию и возрастание роли международного права. Проведение комплекса мероприятий в пределах юрисдикции государства, называемое внутригосударственной имплементацией международно-правовых норм, является процессом осуществления этих норм. Каждое государство должно усовершенствовать механизм имплементации международных норм и закрепить основные принципы международного права в качестве конституционных основ своей внешнеполитической стратегии.

В последние годы национальное законодательство и его применение активно подстраиваются под общепризнанные принципы международного права и международные договоры, в которых участвует данное государство. Это привело к интернационализации права, унификации национальных законов и соответствию с международными стандартами. В результате признается необходимость обеспечения верховенства права каждым государством как внутри страны, так и в международных отношениях [7, с. 13-19].

В политике главное значение имеет принцип преобладания закона. Санкции от мирового сообщества следуют в случае нарушения международного права во внешней политике государства. Глобализация способствовала демократизации международной сферы, что привело к признанию равноправия всех стран, равенству их прав на выбор системы управления, равенству в участии в решении мировых проблем, особенно тех, что затрагивают их законные интересы.

Формирование некой наднациональной политико-правовой традиции возникает из сложившихся предпосылок, благодаря различным международным механизмам и институтам. Постепенно баланс сил уступает место сбалансированности интересов при решении международных проблем. Это одно из последствий глобализации для международного права – уважение

законных интересов всех государств, даже при их разнообразии, и стремление к согласованию с общечеловеческими интересами.

И.И. Лукашук в своем исследовании озвучивает принципы современного международного сообщества, включая демократию, суверенное равенство, невмешательство, равноправие народов, уважение прав человека и справедливость. Он также подчеркивает влияние «ментальной» глобализации на правовую систему России, которая представляет собой процесс унификации культурных предпочтений человечества.

Анализируя развитие глобальной сверхкультуры Кривошеева Т.А. предполагает, что в течение ближайших 10-15 лет она может стать действительностью. Уже сегодня можно увидеть очертания такой сверхкультуры – это синтез различных культурных традиций (классической европейской, массовой американской, латиноамериканской, дальневосточной, мусульманской и индийской) в сочетании с инновационными формами (сетевой культуры, киберкультуры). Следовательно, можно предположить, что происходит формирование единой правовой сверхкультуры в результате процесса глобализации [4, с. 76-77].

Относительно участия нашей страны в формировании этой сверхкультуры можно отметить, что в настоящее время Россия выровняла свою национальную правовую систему с общепринятыми и признанными нормами о праве и государстве.

История России характеризуется постоянным чередованием циклов поддержки глобализации и изоляционизма на протяжении многих веков. Первый цикл, начавшийся в период правления Петра I, продлился около полувека, завершившись с кончиной монарха. Затем последовал второй цикл, начавшийся при Екатерине II и закончившийся после победы в войне 1812 года. Тенденция интеграции России в мировую политико-правовую систему не является исключительной в ее истории.

Четвертый цикл поддержки глобализации начался в 1991 году, в то время как третий цикл ограничен периодом с 60-х годов XIX века до 1917 года. Первый цикл самоизоляции России предшествовал петровским реформам, второй пришелся на послепетровский период XVIII века, а третий цикл совпал с «николаевской» реакцией XIX века. Самым продолжительным оказался четвертый период изоляционизма (1917-1991 годы). Препятствия в интеграционных процессах обусловлены различными объективными причинами, в первую очередь факторами, связанными с особенностями стабилизирующей роли политико-правовой традиции. Эта традиция характеризуется внедрением элементов устойчивости в социальные отношения, что позволяет им сохранять свои основные черты в условиях общей изменчивости внешних факторов.

Адаптационная функция в рамках национальной политико-правовой традиции имеет менее значимое значение по сравнению со стабилизирующей функцией. Примером этого служат прогрессивные взгляды руководителей. Кроме того, для России всегда было сложно справиться с информационно-коммуникационным аспектом глобализации. Неиспользуемые территории создали проблему своевременной доставки управленческих команд в регионы. Вся информация устаревает быстрее, чем доходит до исполнителей.

В числе стран, стремящихся стать мировыми лидерами в процессах глобализации, нашей стране мешает Мировое правительство своим неконструктивным подходом. Они представили теорию «золотого миллиарда», которая искусственно ограничивает участие людей и государств в глобализационных процессах на ключевых позициях. Россия, по мнению Мирового правительства, не имеет права на статус мирового лидера, а рассматривается как поставщик сырьевых ресурсов. Исследователь С.М. Шахрай указывает на три возможных сценария развития событий для нашей страны в данной ситуации.

В процессе глобализации российское право активно принимает в себя лучшие практики международного права и других современных правовых систем. Существует возможность, что Россия может стать одним из главных игроков в «Новом мировом порядке», обеспечив своему населению и элите достойное положение в будущей истории человечества. Однако, если Россия будет просто следовать глобализационным тенденциям, существует риск стать всего лишь сырьевым элементом в новом порядке.

Исследователи А. Кабалкин и Л. Санникова обсуждают влияние глобализации на развитие российского гражданского законодательства, подчеркивая процесс адаптации международных правовых стандартов к российской действительности. Они отмечают, что в современном мире наблюдается тенденция к принятию более универсальных правовых принципов и моделей. Это находит отражение в принятии ГК РФ новых типов договоров, ранее не применявшихся в российском гражданском праве. Таким образом, процесс глобализации оказывает влияние на все сферы права, способствуя интеграции международных и национальных правовых норм.

В современной теории государства все чаще утверждается, что государственный суверенитет теряет свою значимость из-за процессов глобализации. Авторы призывают к позитивной оценке ситуации, которая способствует соответствию российского гражданского права мировым правовым стандартам и стимулирует сближение правовых систем.

В условиях глобальной интеграции и развития мировых отношений, акцент смещается на

обеспечение и поддержание внешнего суверенитета государств. Это свидетельствует о растущей значимости проблемы гарантирования национальных интересов на международной арене. Стирание границ между государствами не означает уменьшения значения государственного суверенитета, а, наоборот, подчеркивает необходимость защиты и обеспечения этого принципа. Глобализация экономики, политики и права только усиливает важность вопросов, связанных с сохранением национальных интересов и суверенитета на мировой арене.

Суверенитет – это ключевой фактор для государства, который делает его независимым участником мировых дел. В юридической теории отмечается, что государственный суверенитет тесно связан с международной правосубъектностью. Этот принцип отражает индивидуальность, позволяющую определенному государству действовать самостоятельно на международной арене. В то время как территориальный аспект суверенитета может изменяться, юридический компонент постепенно становится определяющим.

Согласно Москвина А.Г., процесс глобализации представляет собой серьезное испытание для национального государства и его суверенитета. Хотя основные функции государства остаются прежними – разработка законов, обеспечение макроэкономической стабильности, создание инфраструктуры и социальных услуг, – но появляются новые аспекты в его деятельности. Потеря суверенитета государством означает утрату своей уникальности и самобытности на мировой арене [5, с.35-38].

Ученый, отвечая на вопросы, подчеркивает отсутствие единственного ответа на подобные вопросы в литературе, как отечественной, так и зарубежной. Мнения разнообразны: от исчезновения национального государства и права в эпоху глобализации и возникновения планетарной управляющей системы до сохранения национальных структур при любых обстоятельствах, хотя с неизбежными изменениями.

Внимание Ковалева С. привлекают не столько точки зрения и суждения о влиянии глобализации на национальное государство и право, сколько факторы глобального масштаба, определяющие влияние на национальный государственно-правовой механизм. Среди этих факторов ученый выделяет: экономические и технологические изменения, которые привели к появлению международного рынка и новых участников рыночных отношений в виде транснациональных корпораций; ускоренную глобализацию финансовых рынков и появление мощных институтов с интересами, не всегда совпадающими с интересами государств; влияние глобализации средств массовой информации на общественное сознание; увеличивающееся международное разделе-

ние труда; усиливающееся давление на слабо-развитые страны со стороны развитых государств; риск изоляции для многих стран из-за развития передовых технологий [2, с. 5-7].

Следует заметить, что глобальные факторы имеют неоспоримое воздействие как на национальное государство и право, так и на его формальные и сущностные аспекты. Это является очевидным фактом, который будет усиливаться в будущем и приведет к тому, что те страны, не учитывающие его влияние на окружающий мир, окажутся на периферии цивилизации.

Возможно, что при анализе изменения объекта нашего изучения данный метод также может быть применен, так как функции государства не только являются основным элементом государств, не способных существовать без них, но и отражают динамику действующих в обществе политико-правовых традиций. При этом изменение национальной политико-правовой традиции в условиях глобализации происходит по следующим ключевым направлениям:

В процессе эволюции экономики, общества и государства под воздействием глобальных факторов возникают новые проблемы, требующие формирования новых традиций, несвойственных прежней политико-правовой системе. Некоторые старые традиции, приспособленные к устаревшим условиям, исчезают, не соответствуя требованиям изменяющейся действительности. В это же время развиваются или возникают традиционные начала, ранее не замеченные в рамках соответствующей политико-правовой системы, в результате взаимодействия с новыми вызовами, стоящими перед большинством государств. Существенные изменения национальных политико-правовых традиций претерпевают развитие под воздействием глобализации.

Список литературы:

[1] Кабалкин А., Санникова Л. Глобализация правового пространства и новеллы российского гражданского законодательства // Российская юстиция. 2001. №1.

[2] Ковалев С. Сны политического идеалиста, или как нам обустроить Европу и мир // Новое время. 2000. № 10.

[3] Кононов А.А. Базовые элементы российской правовой системы // Место российской правовой системы среди правовых систем современности. Труды теоретического семинара юридического факультета СПбИВЭСЭП. Вып. 6.Ч.II. СПб., 2003.

[4] Кривошеева Т.А. Интеграция российского права в обеспечении мирового правопорядка на примере обеспечительных мер в частном праве. Практический взгляд. // Интеграция и опыт правовых преобразований в условиях

вызова мировому правопорядку: Сборник материалов Международной научно-практической конференции (Москва, 17-18 октября 2003 г.) / Под ред. Г.П. Давыдова. М., 2003.

[5] Москвина А.Г. О некоторых аспектах формирования правовой культуры в России // Правовая культура современного российского общества: Материалы научно-практической конференции 31 января 2002 г. СПб.: ИВЭ-СЭП, Знание, 2002.

[6] Оль П.А. Русская религиозно-нравственная философия права и «западная традиция права» // Зарубежный опыт и национальные традиции в отечественном праве: Материалы всероссийского научно-методологического семинара. СПб, 28 - 30 июня 2004 г. / Под ред. В.П. 8. Сальникова, Р.А. Ромашова. СПб., 2004

[7] Шумилов В.М. Международное право и глобальная правовая система // Московский журнал международного права. 2002. № 4.

Spisok literatury:

[1] Kabalkin A., Sannikova L. Globalizaciya pravovogo prostranstva i novelly` rossijskogo grazhdanskogo zakonodatel'stva // Rossijskaya yusticiya. 2001. №1.

[2] Kovalev S. Sny` politicheskogo idealista, ili kak nam obustroit` Evropu i mir // Novoe vremya. 2000. № 10.

[3] Kononov A.A. Bazovy`e e`lementy` rossijskoj pravovoj sistemy` // Mesto rossijskoj pravovoj sistemy` sredi pravovy`x sistem sovremennosti. Trudy` teoreticheskogo seminaru yuridicheskogo fakul'teta SPbIVE`SE`P. Vy`p. 6.Ch.II. SPb., 2003.

[4] Krivosheeva T.A. Integraciya rossijskogo prava v obespechenii mi-rovogo pravoporyadka na primere obespechitel'ny`x mer v chastnom prave. Prakticheskiy vzglyad. // Integraciya i opyt` pravovy`x preobrazovaniy v usloviyax vy`zova mirovomu pravoporyadku: Sbornik materialov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii (Moskva, 17-18 oktyabrya 2003 g.) / Pod red. G.P. Davy`dova. M., 2003.

[5] Moskvina A.G. O nekotory`x aspektax formirovaniya pravovoj kul'tury` v Rossii // Pravovaya kul'tura sovremennogo rossijskogo obshhestva: Materialy` nauchno-prakticheskoy konferencii 31 yanvarya 2002 g. SPb.: IVE`-SE`P, Znanie, 2002.

[6] Ol' P.A. Russkaya religiozno-nravstvennaya filosofiya prava i «zapadnaya tradiciya prava» // Zarubezhny`j opyt` i nacional'ny`e tradicii v otechestvennom prave: Materialy` vserossijskogo nauchno-metodologicheskogo seminaru. SPb, 28 - 30 iyunya 2004 g. / Pod red. V.P. 8. Sal'nikova, R.A. Romashova. SPb., 2004

[7] Shumilov V.M. Mezhdunarodnoe pravo i global'naya pravovaya sis-tema // Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava. 2002. № 4.

НИКУЛИН Святослав Вячеславович,
магистрант 2 курса
Новосибирского национального исследовательского
государственного университета (НГУ),
e-mail: s.nikulinsv@yandex.ru

ИНСТИТУТ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ПУБЛИЧНОМ ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕННОМ УПРАВЛЕНИИ

Аннотация. *Нынешний век по праву можно назвать веком цифровизации. Во все сферы жизни общества происходит активное внедрение информационно-телекоммуникационных технологий. Одной из уникальных инноваций, получившей широкий резонанс, является искусственный интеллект, который нашел активное применение как в сфере публичного права, так и в государственном управлении. Вместе с тем, это привнесло определенные риски и угрозы, в частности, возможную неподконтрольность в будущем искусственного интеллекта человеку, нарушение положений о персональных данных. Осложняется ситуация и отсутствием необходимой правовой основы, которая бы устанавливала правовой статус AI (искусственного интеллекта) и иные положения, относящиеся к такой технологии. В данной связи видится актуальным в рамках научного исследования уделить внимание проблематике применения искусственного интеллекта в публичном праве и государственном управлении, а также сформулировать рекомендации, направленные на повышение эффективности использования AI на практике.*

Целью исследования является исследование искусственного интеллекта в публичном праве и государственном управлении, а также выработка и обоснование направлений совершенствования правового регулирования в данном направлении.

Научная новизна исследования выражается в полученных авторских выводах, основанных на анализе нормативной базы, эмпирических данных, а также научной литературы. Сформулированные позиции и предложения являются новыми для теории и практики.

В качестве выводов исследования подчеркивается актуальность и многоаспектность использования искусственного интеллекта в публичном праве и государственном управлении, а также с учетом выявленных проблем сформулированы рекомендации по совершенствованию законодательства по вопросам темы настоящей научной статьи.

Ключевые слова: *искусственный интеллект, публичное право, уголовное право, государственное управление, здравоохранение, транспорт, оборона.*

NIKULIN Svyatoslav Vyacheslavovich
2st year master's student,
Novosibirsk National Research State University (NSU)

INSTITUTE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN PUBLIC LAW AND PUBLIC ADMINISTRATION

Annotation. *The current century can rightfully be called the age of digitalization. Information and telecommunication technologies are being actively introduced into all spheres of society. One of the unique innovations that has received wide response is artificial intelligence, which has found active application both in the field of public law and in public administration. At the same time, this has brought certain risks and threats, in particular, the possible future uncontrollability of artificial intelligence to humans, violation of the provisions on personal data. The situation is also complicated by the lack of the necessary legal framework that would establish the legal status of AI (artificial intelligence) and other provisions related to such technology. In this regard, it seems relevant in the framework of scientific research to pay attention to the problems of the use of artificial intelligence in public law and public administration, as well as to formulate recommendations aimed at improving the effectiveness of the use of AI in practice.*

The purpose of the study is to study artificial intelligence in public law and public administration, as well as to develop and justify ways to improve legal regulation in this area.

The scientific novelty of the research is expressed in the author's conclusions based on the analysis of the regulatory framework, empirical data, as well as scientific literature. The positions and proposals formulated are new to theory and practice.

The conclusions of the study emphasize the relevance and multidimensional nature of the use of artificial intelligence in public law and public administration, and taking into account the identified problems, recommendations are formulated to improve legislation on the topic of this scientific article.

Key words: artificial intelligence, public law, criminal law, public administration, healthcare, transport, defense.

На сегодняшний день курс государственной политики взят на внедрение цифровых технологий во все сферы общественных отношений. В данном концепте особое внимание привлекает искусственный интеллект, который в нынешнее время способен ускорить выполнение большинства технологических и организационных задач.

Так, актуальность темы исследования подтверждается и статистическими данными. Так, количество пользователей сети Интернет ежегодно растет, что подтверждается данными статистики, которые публикуются DIGITAL: «сегодня в мире насчитывается 5,16 миллиарда интернет-пользователей, что означает, что 64,4 процента всего населения мира в настоящее время находится в сети» [11].

Рост пользователей сети Интернет подтверждается и ежегодными данными, публикуемыми Росстатом [9].

В данных условиях повышается и значение использования цифровых технологий в рамках государственного управления, реализации деятельности организаций.

Так, определенные статистические данные, выявленные в ВШЭ, свидетельствуют о том, что «среди организаций, освоивших решения на основе ИИ, широко используют их лишь 35%, а 65% – пока тестируют [6]. Более того, благодаря федеральному проекту по ИИ в России, по разным оценкам, появилось от 200 до 400 стартапов, которые занимаются решениями на основе ИИ» [6].

Значимость использования таких цифровых технологий подтверждается, в частности, принимаемыми нормативными правовыми актами, задающими курс развития общества.

Так, в 2017 году Президентом страны утверждена Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы [4], которой были установлены такие положения, как место России в современном информационном обществе, цели стратегии и стратегические национальные приоритеты Российской Федерации при развитии информационного общества.

Дополняет данную Стратегию и Указ Президента от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» [3]. В рамках Указа акцентируется внимание на необходимости ускорения технологического развития Российской Федерации, в первую очередь посредством использования цифровых технологий в различных сферах общественной жизни и государственном управлении.

Особое значение в контексте рассматриваемой темы занимает и Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») [2], которым было определено значение искусственного интеллекта в современных общественных отношениях, дано легальное его определение и смежных с ним терминов.

Принятие указанных нормативных правовых актов предопределяет необходимость доктринального исследования искусственного интеллекта в публичном праве и государственном управлении.

Практическое использование искусственного интеллекта в настоящее время происходит в рамках многих сфер государственного управления. Примером будет сфера транспорта, а именно с помощью AI осуществляется анализ данных о транспортных потоках на улицах города с целью оптимизации движения, что приводит к уменьшению количества заторов и улучшению пропускной способности дорог [8].

При этом следует отметить, что искусственный интеллект на сегодняшний день может использоваться по ряду направлений и в сфере обороны. Так, например, одними из таковых можно назвать распознавание типов средств воздушно-космического нападения противника, функционирование автономных наземных машин, беспилотных летательных, а также подводных аппаратов. Для данных направлений в нынешнее время особенно перспективно могут использоваться нейросети. Указанные аспекты следует учитывать на практике, что особенно важно в

современных условиях нестабильной политической обстановки в мире. Более того, такие возможности искусственного интеллекта уже достаточно продолжительное время изучаются в рамках зарубежных стран.

Искусственный интеллект на сегодняшний день активно применяется в практике и правоохранительных органов при расследовании тех или иных преступлений. Так, мы можем говорить о том, что существуют и определенные программы, которые направлены на автоматизацию процессов расследования определенных категорий преступных деяний. Примером будут такие программы как «Блок», «Маньяк», «Сейф» и т.д. Однако следует отметить, что искусственный интеллект не может заменить полностью весь процесс расследования. Есть определенные процессуальные действия, которые не под силу исполнить с помощью искусственного интеллекта (например, проведение допроса). Автоматизация всего процесса расследования могла бы способствовать нарушению конституционных прав субъектов уголовного судопроизводства, пренебрежению основополагающими принципами. В связи с этим следует говорить о том, что искусственный интеллект может только служить вспомогательным средством для проведения расследования правоохранительными органами.

Следует также отметить, что с внедрением искусственного интеллекта в практику правоохранительных органов увеличилось и количество раскрываемости преступлений. Так, возможности искусственного интеллекта могут находить активное применение при идентификации личности по его биометрическим данным, которые его фактически индивидуализируют [10].

Кроме того, нами уже было отмечено, что на практике применяются определенные программы, которые позволяют более качественно и быстро расследовать преступления. Данные программы позволяют автоматизировать решения определенных задач, которые возникают в процессе расследования преступлений. Например, имеется программа в аспекте вычисления личности серийного убийцы. Была создана самообучаемая нейронная сеть, которая использует некоторые характеристики известных серийных убийц, в том числе их биологические, психологические и социальные параметры. С учетом этого программа позволяет сравнить личностные факторы и определить склонность человека, например, к насилию. Однако данные программы на практике не так часто используются, как и заносятся туда данные, позволяющие учитывать современные реалии совершения преступлений (новые способы совершения преступных деяний). На наш же взгляд, такие программы особенно актуально

использовать на первоначальном этапе расследования преступления для обработки большого объема данных лиц, которые подозреваются в совершении преступлений. Полученные результаты позволят выявить лиц, на которых необходимо будет первоначально уделить особое внимание при расследовании преступления правоохранительными органами.

Вместе с тем практическое использование возможностей искусственного интеллекта в данной сфере осложняется рядом обстоятельств. Во-первых, недостаточной правовой основой использования возможностей искусственного интеллекта в процессе расследования преступлений. Во-вторых, отсутствием единого понимания искусственного интеллекта и сферам использования его в рамках криминалистики. В-третьих, имеются и практические проблемы при внедрении цифровых технологий в данную сферу общественных отношений. В частности, следует отметить, что искусственный интеллект не должен заменять человека. В целом процесс расследования должен осуществляться исключительно человеком, а искусственный интеллект должен помогать автоматизировать ряд процессов для более быстрого и эффективного выявления и расследования преступных деяний.

Таким образом, проблемы использования возможностей искусственного интеллекта в криминалистике, на наш взгляд, связаны со следующими обстоятельствами. Во-первых, отсутствует необходимая правовая основа для использования цифровых технологий (в т.ч. и искусственного интеллекта) в процессе расследования преступлений. В связи с этим данные вопросы следует более содержательно урегулировать на законодательном уровне. Необходимо также обозначить и само понятие искусственного интеллекта применительно к сфере уголовного судопроизводства (как и возможности его практического использования). Во-вторых, на сегодняшний день имеются определенные программные обеспечения, которые позволяют автоматизировать процесс выявления преступников, однако его возможности на практике используются не в полной мере. На наш взгляд, такие программы особенно важно использовать на первоначальном этапе расследования преступления для обработки большого объема данных лиц, которые подозреваются правоохранительными органами в совершении того или иного преступления. Полученные результаты позволят выявить лиц, на которых необходимо будет первоначально уделить особое внимание при расследовании преступления правоохранительными органами. В-третьих, важно продолжать разработку по внедрению таких программ в деятельность правоохранительных орга-

нов. Например, особое внимание следовало бы уделить возможностям идентификации субъектов по их биометрическим данным.

Говоря об использовании искусственного интеллекта в сфере публичного права следует акцентировать внимание и на уголовном праве. Взаимодействие искусственного интеллекта и человека содержит в себе угрозы безопасности человека, а также общества и государства. В связи, с чем в Уголовный кодекс Российской Федерации [1] необходимо внести новый состав преступления, который установил бы ответственность за применение искусственного интеллекта в преступных целях, а также ответственность за допущение ошибки в процессе создания искусственного интеллекта, что привело к совершению преступления. Например, в 2018 году беспилотный автомобиль одноименного мобильного приложения – Uber Technologies Inc., созданное американской международной компанией, сбил девушку в американском штате Аризона из-за программной ошибки. В Вене в 2019 году беспилотный автобус Navya совершил наезд на пешехода [7].

А. С. Процай отмечает, что «в 2013 году студенту из Техаса удалось «распечатать» полноценный пистолет из пластмассы - Liberator («Освободитель»). А потом выложил чертежи в свободный доступ в интернете, и в соответствии с этим чертежом в 2014 году японец распечатал сразу несколько пистолетов и выложил в сеть видео с пистолетом. Его задержали, и выяснилось, что как минимум два пистолета могли действительно убить человека. Из данного примера следует, что приобрести пистолет можно без лицензии, стоит лишь иметь 3D-принтер. Исходя из приведенных выше примеров, в законодательстве необходимо предусмотреть вопросы уголовной ответственности в подобных ситуациях» [7].

Что касается применения ИИ в здравоохранении, то существует ряд проблем, например, медицинская халатность. Поскольку роботы – это новая технология, то, если обратиться к статистике, за восемь лет работы роботов-хирургов было зарегистрировано 144 смерти пациентов и 1 391 травма, можно прийти к выводу, что у роботов бывают сбои в программах, нарушение стандартов оказания медицинской помощи и тд [7]. В данной ситуации, кто понесет ответственность за халатность? Данный вопрос стоит урегулировать в законодательстве. А также особое внимание стоит уделить защите персональных данных пациентов в телемедицине, поскольку этим может воспользоваться злоумышленник. Например, зная о какой-либо болезни, будет шантажировать разглашением ее широкому кругу лиц.

Кроме того, как отмечается в научной литературе, «нейронные сети, которые подделывают отпечатки пальцев человека, преобразуют изображение личности, с преступной целью получить доступ к какой-либо информации, должны нести уголовную ответственность. Посредством видео-сообщений или голосовых сообщений ИИ может помочь преступникам санкционировать денежные переводы, имитируя манеру речи или образ человека, от которого зависит принятие решения. В 2017 году появился новый вид киберпреступности с искусственным интеллектом – дипфейки. Особенностью такого вида преступления является видео, в котором лицо одного человека заменено на другое. Это придумано для порчи репутации человека, а также выманивании денег» [5]. Таким образом, следует предусмотреть отдельную квалификацию такого вида преступления.

С учетом вышеизложенного можно отметить, что совершение преступления через цифровое пространство набирает обороты, и способствует виновному достижению преступной цели, тем самым повышая общественную опасность совершенного преступления.

Таким образом, искусственный интеллект получает особую популяризацию в сфере публичного права и государственного управления. Вместе с тем, правовое регулирование в целом искусственного интеллекта нуждается в существенном дополнении. Так, основные положения об искусственном интеллекте находят отражение только в рамках подзаконных нормативных правовых актов. Правовой статус искусственного интеллекта в полной мере не отражен на законодательном уровне. Особое внимание должно быть акцентировано и на сферах, а также порядке использования искусственного интеллекта, в т.ч. в рамках публичного права и государственного управления. В данной связи следует говорить о том, что правовое регулирование искусственного интеллекта в исследуемых сферах является недостаточным и фактически правовой базис (в виде федеральных законов) отсутствует.

В связи с тем, что правовое регулирование искусственного интеллекта в Российской Федерации находится на зачаточном уровне, то и практика правоприменения в данной сфере не отличается единообразием. В научной среде имеются дискуссии в аспекте определения правового положения искусственного интеллекта, порядка его использования, складываются различные подходы и к определению авторства произведений, созданных при помощи искусственного интеллекта, в т.ч. используемых в сфере публичного права и государственного управления. Как

следствие, основной акцент должен быть сделан на совершенствовании правового регулирования искусственного интеллекта. Для этого представляется необходимым внести следующие изменения в законодательство:

- 1) Принять Федеральный закон «Об искусственном интеллекте в Российской Федерации», в котором указать не только правовой статус такой технологии, но и особенности, а также пределы ее использования, сферы применения и иные вопросы, нуждающиеся в законодательном уточнении.
- 2) Представляется необходимым в УК РФ урегулировать отношения, которые так или иначе связаны с искусственным интеллектом. В т.ч. необходимо пересмотреть нормы уголовного законодательства и дополнить их специальными составами преступлений, которые получают широкое распространение в связи с использованием искусственного интеллекта. Например, предусмотреть как квалифицирующий признак в отдельных составах преступлений – «совершение преступления с использованием технологии дипфейк». В таком случае в обязательном порядке должно быть представлено законодательное определение термина «дипфейк».

В совокупности предложенные направления совершенствования действующего законодательства позволят внести ясность по вопросу специфики и возможностей использования искусственного интеллекта в публичном праве и государственном управлении, что позволит извлечь из этого и максимальную пользу, минимизировав возможные угрозы и риски, которые актуализировались в последние годы.

Список литературы:

- [1] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
- [2] Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») // Собрание законодательства РФ. 2019. № 41. Ст. 5700.
- [3] Указ Президента РФ от 07.05.2018 № 204 (ред. от 21.07.2020) «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // Собрание законодательства РФ. 2018. № 20. Ст. 2817.
- [4] Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного обще-

ства в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы» // Собрание законодательства РФ. 2017. № 20. Ст. 2901.

[5] Аверинская, С.А. Создание искусственного интеллекта с целью злонамеренного использования в уголовном праве Российской Федерации / С. А. Аверинская, А. А. Севостьянов // Закон и право. – 2019. – № 2. – С. 94-96.

[6] Искусственный интеллект дает людям шанс стать умнее и счастливее. – URL: <https://issek.hse.ru/news/830132491.html> (дата обращения: 24.01.2025).

[7] Процай, А. С. Искусственный интеллект в уголовном праве РФ / А. С. Процай // Вопросы российской юстиции. – 2020. – № 10. – С. 412-417.

[8] Сулимин, В. В. Анализ использования искусственного интеллекта в цифровой экономике для улучшения прозрачности и эффективности государственного управления / В. В. Сулимин, В. В. Шведов // Теория и практика общественного развития. – 2023. – № 6(182). – С. 181-186.

[9] Федеральная служба государственной статистики. – URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/business/it/ikt22/index.html (дата обращения: 24.01.2025).

[10] Ящук, К. Д. Идентификация человека по внешним признакам внешности / К. Д. Ящук // Современные проблемы социально-гуманитарных и юридических наук: теория, методология, практика : Материалы IX Международной научно-практической конференции, Краснодар, 15 октября 2021 года. – Краснодар, 2021. – С. 263-265.

[11] Digital 2023: global overview report. – URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2023-global-overview-report> (дата обращения: 24.01.2025).

Spisok literatury:

- [1] Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 13.06.1996 № 63-FZ (red. ot 28.12.2024) // Sobranie zakonodatel'stva RF. 1996. № 25. St. 2954.
- [2] Ukaz Prezidenta RF ot 10.10.2019 № 490 «O razvitii iskusstvennogo intellekta v Rossijskoj Federacii» (vmeste s «Nacional'noj strategiej razvitiya iskusstvennogo intellekta na period do 2030 goda») // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2019. № 41. St. 5700.
- [3] Ukaz Prezidenta RF ot 07.05.2018 № 204 (red. ot 21.07.2020) «O nacional'nyh celyah i strategicheskikh zadachah razvitiya Rossijskoj Federacii na period do 2024 goda» // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2018. № 20. St. 2817.
- [4] Ukaz Prezidenta RF ot 09.05.2017 № 203 «O Strategii razvitiya informacionnogo obshchestva v Rossijskoj Federacii na 2017 - 2030 gody» // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2017. № 20. St. 2901.

[5] Averinskaya, S.A. Sozdanie iskusstvennogo intellekta s cel'yu zlonamerennogo ispol'zovaniya v ugovnom prave Rossijskoj Federacii / S. A. Averinskaya, A. A. Sevost'yanov // Zakon i pravo. – 2019. – № 2. – S. 94-96.

[6] Iskusstvennyj intellekt daet lyudyam shans stat' umnee i schastlivee. – URL: <https://issek.hse.ru/news/830132491.html> (data obrashcheniya: 24.01.2025).

[7] Procaj, A. S. Iskusstvennyj intellekt v ugovnom prave RF / A. S. Procaj // Voprosy rossijskoj yusticii. – 2020. – № 10. – S. 412-417.

[8] Sulimin, V. V. Analiz ispol'zovaniya iskusstvennogo intellekta v cifrovoj ekonomike dlya uluchsheniya prozrachnosti i effektivnosti gosudarstvennogo upravleniya / V. V. Sulimin, V. V. Shvedov //

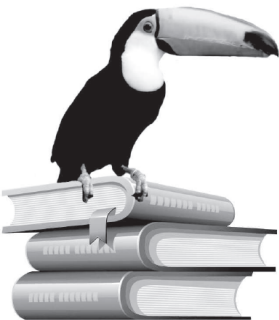
Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. – 2023. – № 6(182). – S. 181-186.

[9] Federal'naya sluzhba gosudarstvennoj statistiki. – URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/business/it/ikt22/index.html (data obrashcheniya: 24.01.2025).

[10] Yashchuk, K. D. Identifikaciya cheloveka po vneshnim priznakam vneshnosti / K. D. Yashchuk // Sovremennye problemy social'no-gumanitarnyh i yuridicheskikh nauk: teoriya, metodologiya, praktika : Materialy IX Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Krasnodar, 15 oktyabrya 2021 goda. – Krasnodar, 2021. – S. 263-265.

[11] Digital 2023: global overview report. – URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2023-global-overview-report> (data obrashcheniya: 24.01.2025).

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ГОРБУНОВА Олеся Сергеевна,

кандидат экономических наук, доцент кафедры
экономики, бухгалтерского учета и финансового контроля
Уральского государственного аграрного университета,
e-mail: os-bakunova@mail.ru

МАЛЬКОВА Юлия Вадимовна,

кандидат экономических наук, доцент кафедры
экономики, бухгалтерского учета и финансового контроля
Уральского государственного аграрного университета,
e-mail: malkova0404@mail.ru

ХАЙРОВА Инна Михайловна,

старший преподаватель кафедры хирургии, акушерства и микробиологии
Уральского государственного аграрного университета,
e-mail: khairova70@mail.ru

ЗАРУБИНА Елена Васильевна,

кандидат философских наук, доцент кафедры философии
Уральского государственного аграрного университета,
e-mail: ethos08@mail.ru

СТАХЕЕВА Любовь Михайловна,

кандидат экономических наук, доцент кафедры
экономики, бухгалтерского учета и финансового контроля
Уральского государственного аграрного университета,
e-mail: staheeva53@mail.ru

ПИЛЬНИКОВ Леонид Николаевич,

старший преподаватель кафедры
техносферной и экологической безопасности
Уральского государственного аграрного университета,
e-mail: pilnikov960@mail.ru

РОЛЬ ИНФОРМАЦИОННЫХ СИСТЕМ В ОРГАНИЗАЦИИ И УПРАВЛЕНИИ ПРОИЗВОДСТВОМ

Аннотация. Современный мир невозможно представить без использования информационных систем (ИС). Они играют важную роль в организации и управлении производством, обеспечивая эффективное функционирование предприятия и повышение его конкурентоспособности. Одним из основных преимуществ использования информационных систем в организации и управлении производством является увеличение оперативности и точности принятия решений. Благодаря ИС возможно получать актуальную информацию о состоянии производства, запасах сырья и готовой продукции, финансовых показателях и других аспектах, которые позволяют управляющим лицам оперативно реагировать на изменяющиеся условия и принимать правильные решения [1]. Цель исследования – определить этапы внедрения информационных систем в производство и определить препятствия, возникающие на пути их внедрения.

Ключевые слова: информационные системы, организация, управление, автоматизация производства, эффективность производства, мониторинг, аналитика данных, оптимизация, ресурсное планирование, управление качеством.

GORBUNOVA Olesya Sergeevna,

PhD in Economics, Associate Professor of the Department
of Economics, Accounting and Financial Control
Ural State Agrarian University

MALKOVA Yulia Vadimovna,
PhD in Economics, Associate Professor
of Economics, Accounting and Financial Control
Ural State Agrarian University

KHAYROVA Inna Mikhailovna,
Senior Lecturer at the Department
of Surgery, Obstetrics and Microbiology,
Ural State Agrarian University

ZARUBINA Elena Vasilyevna,
Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor of the Department of Philosophy
Ural State Agrarian University

STAHEEVA Lyubov Mikhailovna,
PhD in Economics, Associate Professor
of Economics, Accounting and Financial Control
Ural State Agrarian University

PILNIKOV Leonid Nikolaevich,
Senior Lecturer at the Department
of Technosphere and Environmental Safety,
Ural State Agrarian University

THE ROLE OF INFORMATION SYSTEMS IN THE ORGANIZATION AND MANAGEMENT OF PRODUCTION

Annotation. *The modern world cannot be imagined without the use of information systems (IS). They play an important role in the organization and management of production, ensuring the effective functioning of the enterprise and increasing its competitiveness. One of the main advantages of using information systems in the organization and management of production is to increase the efficiency and accuracy of decision-making. Thanks to IP, it is possible to obtain up-to-date information about the state of production, stocks of raw materials and finished products, financial indicators and other aspects that allow managers to quickly respond to changing conditions and make the right decisions [1]. The purpose of the study is to determine the stages of information systems implementation in production and identify the obstacles that stand in the way of their implementation.*

Key words: *information systems, organization, management, production automation, production efficiency, monitoring, data analytics, optimization, resource planning, quality management.*

В современной действительности и экономических реалиях ни одно предприятие не обходится без применения компьютерных программ и технологий. Информационные системы представляют собой инструменты с высоким уровнем надежности и мощности, способные собрать, проанализировать, сохранить и передать информацию, необходимую для принятия управленческих решений на предприятии. Они могут обеспечивать автоматизацию всех процессов или их часть в сфере производства – от заказа сырья до отгрузки готовой продукции клиенту.

Еще одним фундаментальным аспектом роли информационных систем в организации и управлении производством является оптимизация бизнес-процессов. Эти системы предостав-

ляют автоматическую помощь в выполнении повседневных задач, упрощают протекание процессов и сокращают риск возникновения ошибок. Например, благодаря информационным системам становится возможным автоматическое контролирование запасов и оптимальное распределение ресурсов, оптимизация процесса сбора и анализа данных, а также мониторинг проектов и сокращение времени, затрачиваемого на производственные цели.

Другими важными преимуществами использования информационных систем в организации и управлении производством являются повышение координации и сокращение издержек. Благодаря информационным системам все действующие лица в производственном процессе имеют доступ к одной общей базе данных, что повышает

координацию и сотрудничество между различными подразделениями предприятия [2]. Кроме того, они позволяют уменьшить затраты на бумажную документацию, сократить затраты на производство и снабжение, оптимизировать загрузку оборудования и многое другое.

Информационные системы создают эффективные механизмы внутрикорпоративного взаимодействия. Современные платформы для обмена информацией и совместной работы позволяют персоналу эффективнее коммуницировать, что способствует более гибкому и отзывчивому управлению производством [5].

«Цифровые технологии наиболее востребованы в производстве продуктов и услуг - в этой сфере их используют 50,5% организаций. Чаще всего в них применяются робототехника и сенсорика (72,6%) и цифровые двойники (65,9%), фиксирует Институт статистических исследований и экономики знаний (ИСИЭЗ) НИУ ВШЭ. В его основе - результаты обследования более 4 тыс. организаций из десяти отраслей экономики в июне -июле 2023 года. На втором месте (28,6%) по внедрению «цифры» - разработка продуктов и услуг, для этого в основном используются цифровое проектирование и моделирование (47,1%) и аддитивные технологии (46,1%). На третьем месте расположились продажи, доставка и постпродажное обслуживание (26,2%) - чаще всего тут применяются автоматизация бизнес-процессов (57,5%) и искусственный интеллект (ИИ, 46,7%)» [3].

Внедрение информационных систем дает очевидные преимущества организации, такие как повышение эффективности, улучшение контроля и автоматизация процессов. Однако, существует множество проблем, с которыми могут столкнуться организации при их внедрении.

Одной из самых значительных проблем является сложность адаптации информационных систем к специфике конкретного производства. Каждое предприятие имеет свои уникальные процессы, и стандартные решения могут не учитывать всех нюансов, что может привести к снижению эффективности системы. Например, детали производственного процесса, специфичные для определенного предприятия, могут быть не поддержаны программным обеспечением, что требует дополнительных затрат на доработку.

Еще одной серьезной проблемой является интеграция новых информационных систем с уже существующими. Многие предприятия используют различные программные решения, которые устарели или малоэффективны, и внедрение новых технологий может потребовать значительных усилий и затрат. При этом важно гарантировать, что данные будут корректно передаваться между системами без потерь и ошибок.

В любой отрасли, внедряющей информационные технологии может возникнуть кадровая проблема. Существует риск нехватки квалифицированных специалистов, способных работать с новыми системами. Кроме того, сотрудникам может быть сложно перейти с привычных методов работы на новые технологии, возникает сопротивление новым изменениям и новой корпоративной культуре.

Нельзя забывать и о финансовых проблемах, связанных с внедрением информационных систем. Существуют как прямые затраты на покупку программного обеспечения и его внедрение, так и косвенные затраты, такие как обучение персонала, временные потери в производительности во время переходного периода и другие сопутствующие расходы.

Не всегда очевидно, что инвестиции в информационные технологии оправдают себя на начальных этапах, что может вызывать сомнения у руководства.

Еще одной проблемой может послужить риск безопасности данных. С внедрением более сложных информационных систем возрастают и риски утечек информации, кибератак и других угроз, связанных с использованием новых технологий. Поэтому необходимо обеспечивать надежные меры по защите информации и кибербезопасности на всех уровнях.

Таким образом, внедрение информационных систем в управление производством сопряжено с множеством вызовов, требующих комплексного подхода и внимательного планирования. Преодоление этих трудностей требует совместных усилий всех участников процесса, включая руководство, IT-специалистов и конечных пользователей, что в конечном итоге приведет к успешной реализации проектов и достижению поставленных целей.

Для успешной реализации этого процесса можно выделить несколько ключевых этапов (см. рис. 1).

После внедрения системы важно провести контроль и мониторинг для оценки эффективности внедрения. Здесь важно собирать отзывы пользователей, анализировать ключевые показатели эффективности и вносить необходимые корректировки. Это может включать обновления программного обеспечения, доработки функционала или дополнительные тренинги для сотрудников.

В заключении можно отметить, что внедрение информационной системы - это не разовый проект, а процесс непрерывного совершенствования. Организация должна быть готова к обновлениям, адаптациям и изменениям в ответ на новые вызовы и возможности, что позволит ей оставаться конкурентоспособной в быстро меняющемся мире технологий.

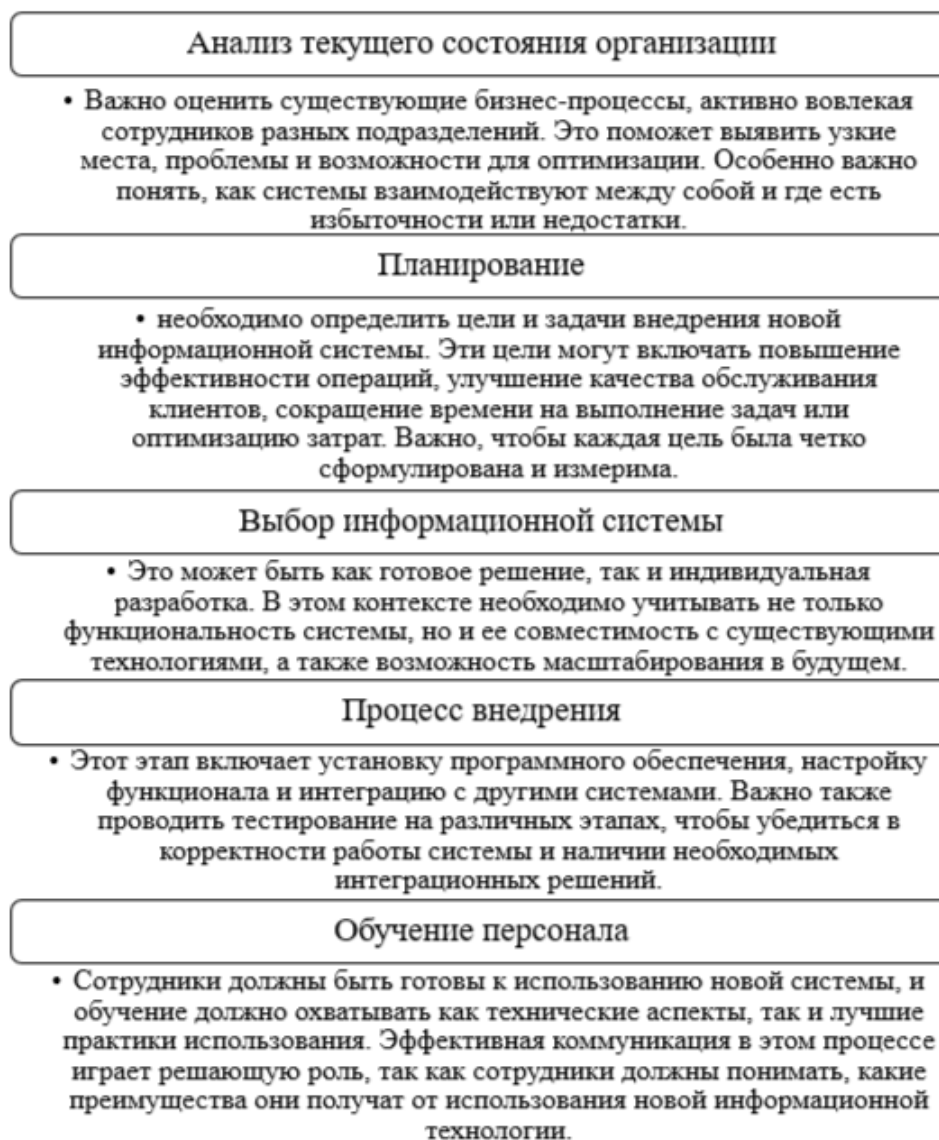

Рисунок 1 – Этапы процесса внедрения информационных систем

Таким образом, внедрение информационных систем можно рассматривать как стратегическую инициативу, требующую внимательного планирования, активного участия всех сотрудников и постоянного мониторинга результатов. Правильный подход к каждому этапу значительно увеличивает шансы на успешное достижение поставленных целей и улучшение производственных процессов.

Список литературы:

- [1] Гешель В.П. Информационное обеспечение в системе управления издержками производства сельскохозяйственных организаций / В. П. Гешель // Экономика, труд, управление в сельском хозяйстве. – 2010. – № 1(2). – С. 60-65.
- [2] Горбунова, О. С. Цифровая трансформация агропромышленного комплекса / О. С. Горбунова // Международный журнал прикладных наук и технологий Integral. – 2022. – № 4. – DOI 10.55186/02357801_2022_7_4_2. – EDN GKDRMZ.
- [3] Дорогая цифра не дается в руки / Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/6466899>.
- [4] Кротов, М.И. Влияние внедрения цифровых технологий на эффективность системы управления сельскохозяйственной организации / М. И. Кротов, Ю. В. Малькова, О. С. Горбунова [и др.] // Образование и право. – 2024. – № 10. – С. 497-503. – DOI 10.24412/2076-1503-2024-10-497-503. – EDN UIVNMI.
- [5] Кротов, М. И. Анализ эффективности системы управления: методологический аспект / М. И. Кротов // Вектор экономики. – 2024. – № 11(101). – EDN BWVMAX.
- [6] Пахомова, Н. А. Информационные технологии в управлении производством органической продукции / Н. А. Пахомова // Когнитивные аспекты развития бизнеса и общества : сборник

статей Международной научно-практической конференции, Москва, 14 марта 2018 года. – Москва: ООО «ИМПУЛЬС», 2018. – С. 426-429. – EDN YWMBPA.

[7] Скубрий, Д. В. Информационные технологии в системе управления предприятием / Д. В. Скубрий // Актуальные проблемы общества, экономики и права в контексте глобальных вызовов : Сборник материалов XIX Международной научно-практической конференции, Москва, 14 апреля 2023 года. – Санкт-Петербург: Печатный цех, 2023. – С. 31-34.

[8] Чернышева О.А. Информационные системы в управлении производством. - М.: Издательство «Питер», 2018. - 304 с.

Spisok literatury:

[1] Gesheľ V.P. Informacionnoe obespechenie v sisteme upravleniya izderzhkami proizvodstva sel'skoxozyajstvenny'x organizacij / V. P. Gesheľ // E'konomika, trud, upravlenie v sel'skom xozyajstve. – 2010. – № 1(2). – С. 60-65.

[2] Gorbunova, O. S. Cifrovaya transformaciya agropromy'shlennogo kompleksa / O. S. Gorbunova // Mezhdunarodny'j zhurnal prikladny'x nauk i texnologij Integral. – 2022. – № 4. – DOI 10.55186/02357801_2022_7_4_2. – EDN GKDRMZ.

[3] Dorogaya cifra ne daetsya v ruki / Rezhim dostupa: <https://www.kommersant.ru/doc/6466899>.

[4] Krotov, M.I. Vliyanie vnedreniya cifrovyx texnologij na e'ffektivnost' sistemy upravleniya sel'skoxozyajstvennoj organizacii / M. I. Krotov, Yu. V. Mal'kova, O. S. Gorbunova [i dr.] // Obrazovanie i pravo. – 2024. – № 10. – С. 497-503. – DOI 10.24412/2076-1503-2024-10-497-503. – EDN UIV-NMI.

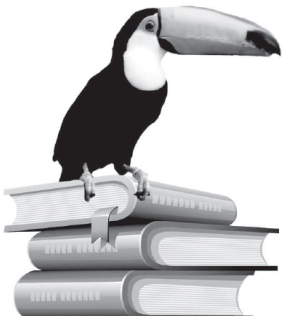
[5] Krotov, M. I. Analiz e'ffektivnosti sistemy upravleniya: metodologicheskij aspekt / M. I. Krotov // Vektor e'konomiki. – 2024. – № 11(101). – EDN BWVMAX.

[6] Paxomova, N. A. Informacionny'e texnologii v upravlenii proizvodstvom organicheskoy produkcii / N. A. Paxomova // Kognitivny'e aspekty razvitiya biznesa i obshhestva : sbornik statej Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Moskva, 14 marta 2018 goda. – Moskva: ООО "IMPUL'S", 2018. – С. 426-429. – EDN YWMBPA.

[7] Skubrij, D. V. Informacionny'e texnologii v sisteme upravleniya predpriyatiem / D. V. Skubrij // Aktual'ny'e problemy obshhestva, e'konomiki i prava v kontekste global'ny'x vy'zovov : Sbornik materialov XIX Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Moskva, 14 aprelya 2023 goda. – Sankt-Peterburg: Pechatny'j cex, 2023. – С. 31-34.

[8] Cherny'sheva O.A. Informacionny'e sistemy v upravlenii proizvodstvom. - М.: Izdatel'stvo "Piter", 2018. - 304 с.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ

Дата поступления рукописи в редакцию: 16.05.2025 г.

DOI: 10.24412/2224-9133-2025-5-198-205

Дата принятия рукописи в печать: 10.06.2025 г.

БАТЮКОВА Вера Евгеньевна,

ст. научный сотрудник сектора уголовного права,
уголовного процесса и криминологии
Института государства и права РАН,
к.ю.н., доцент,
e-mail: Batuykova@yandex.ru

ВОЙСТРИКОВА Екатерина Андреевна,

студентка 3 курса Юридического факультета
Финансового университета при Правительстве РФ,
e-mail: 221342@edu.fa.ru

К ВОПРОСУ ОБ ОТГРАНИЧЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТ. СТ.235 И 238 УК РФ

Аннотация. Актуальность данной статьи обусловлена широким ростом выявления незаконно-функционирующих медицинских учреждений, а также специалистов без образования, занимающихся частной медицинской практикой без лицензии. Примерами таких громких дел являются судебные разбирательства в отношении Юлии Качан, Емельяна Брауде, Алены Верди, Екатерины Лонской и иных. Более того, несмотря на большое количество подобных общественно-опасных действий, судебная практика по 235 статье УК РФ остается крайне малочисленной, несмотря на формальный охват деяний данных лиц составом именно этой статьи, а применение судами 238 статьи УК РФ, в свою очередь, при рассмотрении данной категории дел не является надлежащим с точки зрения теории уголовного права и претерпевает изменения, которые мы рассмотрим далее.

В статье проанализированы признаки составов преступлений, содержащиеся в ст. ст. 235 и 238 УК РФ, рассмотрены особенности применения данных статей при квалификации действий лиц, которые не обладали ни медицинским образованием, ни лицензией на осуществление медицинской деятельности, а также предложены и обоснованы возможные пути решения сложившейся ситуации.

Ключевые слова: медицинская услуга, медицинское право, вопросы квалификации, уголовное право, уголовная ответственность.

BATYUKOVA Vera,

Senior Researcher in the sector of Criminal Law,
Criminal Procedure and Criminology Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences Candidate of Law,
Associate Professor

VOYSTRIKOVA Ekaterina,

3rd year student at the Faculty of Law Financial University
under the Government of the Russian Federation

ON THE ISSUE OF DELINEATION OF CRIMES PROVIDED FOR IN ARTICLES 235 AND 238 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. The relevance of this article is due to the widespread increase in the identification of illegally functioning medical institutions, as well as specialists without education engaged in private medical practice without a license. Examples of such high-profile cases are the trials of Yulia Kachan, Yemelyan Braude, Alena Verdi, Ekaterina Lonskaya and others. Moreover, despite the large number of such socially dangerous

actions, judicial practice under Article 235 remains extremely small, despite the formal coverage of the acts of these persons by this particular article of the Criminal Code of the Russian Federation, and the application by courts of Article 238 of the Criminal Code of the Russian Federation, in turn, when considering this category of cases is not appropriate from the point of view of theory. criminal law is also undergoing changes, which we will consider further.

The article analyzes the elements of crimes contained in Articles 235 and 238 of the Criminal Code of the Russian Federation, examines the specifics of the application of these articles in qualifying the actions of persons who did not have a medical education or a license to carry out medical activities, and suggests and justifies possible solutions to the current situation.

Key words: medical service, medical law, qualification issues, criminal law, criminal liability.

Жизнь и здоровье граждан являются особыми объектами уголовно-правовой охраны. Глава 16 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), в которую включаются преступления против жизни и здоровья граждан, содержит в себе перечень преступлений, которые на основании ст. 15 УК РФ отнесены к категориям тяжких и особо тяжких. Любое посягательство на жизнь и здоровье гражданина является общественно-опасным и, в первую очередь, уголовно-правовой закон призван защищать граждан. В Стратегии национальной безопасности РФ, утвержденной Указом Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400, отмечается, что здоровье граждан стало одним из социальных факторов угрозы национальной безопасности. В этой связи укрепление и сохранение здоровья граждан как экономической основы России рассматривается одной из основных целей президентской программы. В настоящее время ситуация со здоровьем населения в стране вызывает особую тревогу, поэтому в системе правового регулирования охраны здоровья населения важная роль отводится уголовно-правовым нормам [5, С.1]. Сфера оказания медицинских услуг и ведения медицинской деятельности, о которой и будет в дальнейшем вестись речь в данной статье неразрывно связана с вышеуказанным объектом уголовно-правовой охраны, но в настоящем Уголовном кодексе квалификация действий данных лиц неразрывно связана с юридическим фактом осуществления предпринимательской деятельности. В связи с чем, нарушения в сфере осуществления медицинской деятельности по родовому объекту в настоящем кодексе отнесены к преступлениям против общественного порядка и общественной безопасности, а по видовому объекту к преступлениям против здоровья населения и общественной нравственности, в отличие от преступлений против жизни и здоровья.

Примечательно, что в рамках квалификации противоправных действий лиц при осуществлении медицинской деятельности применяются:

- ч. 2 ст. 109 УК РФ «Причинение смерти по неосторожности вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей»;

- ч.2 ст. 293 УК РФ «Халатность»;
- ч.2 ст. 118 УК РФ «Причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности, совершенное вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей»;
- п. в) ч.2 ст. 238 УК РФ в части оказания услуг, не отвечающих требованиям безопасности (также применялась к случаям оказания медицинскими работниками медицинской помощи до внесения изменений Федеральным законом «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» от 28.12.2024 N 514-ФЗ) [18];
- ст. 235 УК РФ «Незаконное осуществление медицинской деятельности или фармацевтической деятельности».

Составы, указанные в первых четырех пунктах, применяются к лицам, обладающим правом на осуществление медицинской деятельности в Российской Федерации в связи с получением медицинского или иного образования в российских организациях, осуществляющих образовательную деятельность, и прошедшим аккредитацию специалиста в медицинских организациях, обладающих лицензией на осуществление медицинской деятельности. В статье же пойдет речь о квалификации действий лиц, осуществляющих свою деятельность в отсутствие соответствующего образования и лицензии на осуществление медицинской деятельности. На основании Уголовного кодекса Российской Федерации данный состав охватывается 235 статьей, но по факту чаще всего данным лицам вменяется 238 статья УК РФ.

На основании п. 5 ст. 3 Федерального закона «О лицензировании отдельных видов деятельности» от 04.05.2011 N 99-ФЗ (далее – ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности») соискателями лицензии могут являться как юридические лица, так и индивидуальные предприниматели [15]. То есть, физические лица, которые являются субъектами данного преступления, ввиду осуществления ими предпринимательской деятельности без образования юридического лица, должны быть оформлены надлежащим

образом в качестве индивидуальных предпринимателей, на реквизиты которого и получается впоследствии лицензия, в связи с чем данные субъекты являются надлежащими в случае применения 235 статьи УК РФ.

На основании пункта 5 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 18.11.2004 N 23 (ред. от 07.07.2015) «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве» действия лица, занимающегося частной медицинской практикой или частной фармацевтической деятельностью без соответствующего специального разрешения (лицензии), если они повлекли по неосторожности причинение вреда здоровью или смерть человека, надлежит квалифицировать по соответствующей части статьи 235 УК РФ [6]. При этом действия лиц в данных случаях продолжают квалифицироваться в соответствии с 238 статьей УК РФ, что с точки зрения определения состава преступления не является фактической ошибкой, но при вынесении приговора теряет особый квалифицирующий признак.

Главной проблемой в данном контексте является разобщенность судебной практики в части применения 235 статьи и 238 статьи УК РФ. Судебная практика по 235 статье УК РФ, в свою очередь, не складывается именно из-за формального единства данных составов преступления. Согласно информации, размещенной на сайте государственной автоматизированной системы Российской Федерации «Правосудие» в 2012 г. судами было рассмотрено 3 уголовных дела, возбужденных по ст. 235 УК РФ, в 2013 г. всего 1, в 2014 – 2017 гг. по 2 дела ежегодно, в 2018 г. – 9, а в 2019 и 2020 годах по 7 [13, С. 2-3]. На основании статистических данных в 2021 году по ст. 235 УК РФ было вынесено 2 приговора, в 2022 году вынесен 1 приговор, а в 2023 году 2 приговора [1, С.2]. Для того, чтобы понять в чем именно состоит проблема, необходимо разоб- рать диспозиции этих двух статей.

Диспозиция 235 статьи УК РФ звучит следующим образом: осуществление медицинской деятельности или фармацевтической деятельности лицом, не имеющим лицензии на данный вид деятельности, при условии, что такая лицензия обязательна, если это повлекло по неосторожности причинение вреда здоровью человека. Уголовно-наказуемым является общественно-опасное действие, а именно осуществление медицинской или фармацевтической деятельности без лицензии при обязательном наступлении общественно-опасных последствий, выраженных в причинении вреда здоровью человека (ч. 1 ст. 235 УК РФ) или причинении смерти по неосторожности (ч. 2 ст. 235 УК РФ). В осуществление медицинской деятельности на основании п.10 ст.

2 Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21.11.2011 N 323-ФЗ (далее – ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации») входит профессиональная деятельность по оказанию медицинской помощи, проведению медицинских экспертиз, медицинских осмотров и медицинских освидетельствований, санитарно-противоэпидемических (профилактических) мероприятий и профессиональная деятельность, связанная с трансплантацией (пересадкой) органов и (или) тканей, обращением донорской крови и (или) ее компонентов в медицинских целях [16].

Медицинская помощь же, которая включается в понятие медицинской деятельности, представляет собой комплекс мероприятий, направленных на поддержание и (или) восстановление здоровья и включающих в себя предоставление медицинских услуг, на основании п. 3 ст. 2 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». Более того, А.В. Тихомиров в своем научном труде «Теория медицинской услуги и медицинского деликта» отмечает, что медицинская деятельность осуществляется в договорной форме оказания медицинских услуг и в квазидоговорной форме действий в чужом интересе без поручения [14; С.12-13].

То есть, в рамках данной статьи, мы все равно выходим на оказание медицинских услуг лицами. Более того, ввиду отсутствия лицензии у субъекта на осуществление медицинской деятельности, данные лица осуществляют оказание медицинских услуг, которые заведомо не отвечают требованиям безопасности жизни или здоровья потребителей.

Диспозиция статьи 238 УК РФ, в свою очередь, включает в себя оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности жизни или здоровья потребителей, а равно неправомерные выдача или использование официального документа, удостоверяющего соответствие указанных товаров, работ или услуг требованиям безопасности. В процессе осуществления медицинской деятельности без лицензии фактически происходит оказание медицинских услуг, которые заведомо не отвечают требованиям безопасности жизни и здоровья, так как юридическое лицо или индивидуальный предприниматель не прошли процедуру обязательного лицензирования. На основании п. 1 ст. 2 ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» лицензирование отдельных видов деятельности осуществляется в целях предотвращения ущерба правам, законным интересам, жизни или здоровью граждан. Задачами лицензирования отдельных видов деятельности являются предупреждение, выявление и пресечение нарушений юридическим лицом,

его руководителем и иными должностными лицами, индивидуальным предпринимателем, его уполномоченными представителями требований, которые установлены Федеральным законом и иными нормативно-правовыми актами. В случае с осуществлением медицинской деятельности именно соответствие помещений, находящихся во владении субъекта, требованиям и санитарно-эпидемиологическим нормам, наличие квалификации и образования у сотрудников, с которыми заключены трудовые договоры, соответствие соискателя лицензии требованиям отдельных федеральных законов обеспечивают соответствие предоставляемых услуг требованиям безопасности жизни и здоровья потребителей [8].

То есть, в случае если юридическое лицо или индивидуальный предприниматель начинают вести свою деятельность в обход лицензионных требований, они уже предоставляют услуги, которые заведомо не отвечают требованиям безопасности, и действуют в ущерб интересам как Российской Федерации, так и граждан.

Таким образом, мы наблюдаем действительное единство двух составов преступления, которое напрямую отражается на правоприменительной практике. В связи с данными обстоятельствами 235 статья УК РФ применяется очень редко. В случае же с 238 статьей УК РФ в рамках ее диспозиции оказываются как нарушения требований пожарной безопасности, нарушение оборота спиртосодержащей продукции и др., так и осуществление медицинской деятельности без лицензии ввиду фактического предоставления лицами некачественных услуг. Более того, часть 1 статьи 238 УК РФ содержит в своей дефиниции сразу два состава преступления с разными предметами:

- 1) товары, услуги, продукция, работы, не отвечающие требованиям безопасности;
- 2) документы, подтверждающие соответствие обозначенных объектов требованиям безопасности [3, С.2]. Важно отметить, что на основании примечания к статье 238 УК РФ, введенного относительно недавно, действие настоящей статьи более не распространяется на случаи оказания медицинскими работниками медицинской помощи. Данное существенно снизило «нагрузку» на статью, так как ранее под ее диспозицию также попадали и преступления, совершенные медицинскими работниками в процессе осуществления их профессиональной деятельности (пример – Приговор Уссурийского районного суда Приморского края от 26 января 2023 г. по делу N 1-14/2023) [10]. Многоэтапность медицинс-

ких услуг требует для квалификации произошедшего оценки всего процесса медицинской помощи в целом, а также его отдельных этапов [2, С.10].

Также на основании Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25.06.2019 № 18 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьей 238 Уголовного кодекса Российской Федерации» уголовная ответственность по части 1 или по пунктам «а», «б» части 2 статьи 238 УК РФ наступает при условии, что опасность товаров, продукции, работ или услуг для жизни или здоровья человека является реальной [7]. О реальности опасности выполняемых оказываемых (оказанных) услуг свидетельствует такое их качество, при котором выполнение работ или оказание услуг в обычных условиях могло привести к указанным тяжким последствиям. Все вышеперечисленное существенно повышает нагрузку как на правоохранительные органы, так и на суды, ввиду сложности и многоэтапности оценки данного состава преступления. На наш взгляд, категория дел, которая связана с оказанием медицинских услуг и нарушением права на охрану жизни и здоровья граждан, требует особого внимания и всегда является одной из самых сложных категорий дел, ввиду специфики предмета.

Обратимся также и к приговорам суда, чтобы на практике увидеть формальное единство составов преступлений. Из приговора Черноморского районного суда Республики Крым от 05 марта 2024 г. по делу № 1-7/2024: Коляко Т.В., являясь физическим лицом, не имея лицензии на осуществление косметологической деятельности и деятельности в области пластической хирургии, отнесенных к Перечню работ (услуг), составляющих медицинскую деятельность, не имея специального образования и сертификата по специальности «пластическая хирургия», а также стажа работы по данной специальности, не являясь врачом-пластическим хирургом, не имея должного опыта работы в указанной сфере, при отсутствии стажа работы по вышеуказанной специальности, без организации внутреннего контроля качества и безопасности медицинской деятельности и специального оборудования, в нарушение порядка оказания медицинской помощи по профилю «пластическая хирургия», утвержденному Приказом Министерства здравоохранения, действуя из корыстных побуждений, извлекая прибыль от граждан, не имея на то законных оснований умышленно оказывала населению услуги по профилю «пластическая хирургия». В результате осуществления своих общественно-опасных действий был причинен тяжкий вред здоровью потерпевшей по данному делу. Действия

Коляко Т.В. же, по мнению суда, образуют состав 238 статьи УК РФ. По ней же и был вынесен обвинительный приговор [11].

Из приговора Кировского районного суда г. Махачкалы Республики Дагестан от 09 января 2024 г. по делу N 1-96/2024: Мирзаева У.З., не являясь квалифицированным специалистом в области медицины, не имея лицензии на осуществление медицинской деятельности, которая подлежит обязательному лицензированию в соответствии с п. 46 ч. 1 ст. 12 Федерального Закона № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» и в том числе, не имея лицензии на осуществление косметологической деятельности, отнесенной к перечню работ (услуг), составляющих медицинскую деятельность, оказала услугу, не отвечающую требованиям безопасности, что повлекло по неосторожности смерть человека. Мирзаеву У.З. признали виновной в совершении преступления, предусмотренного п. «в» ч. 2 ст. 238 УК РФ [9].

Если проанализировать приговоры суда, что приведены выше, то во всех данных делах присутствует состав 235 статьи УК РФ: в частности все лица в вышеупомянутых уголовных делах незаконно оказывали медицинские услуги, составляющие медицинскую деятельность, без лицензии при условии, что такая лицензия была обязательна, что впоследствии повлекло общественно-опасные последствия, выраженные в причинении вреда здоровью или же причинении смерти. При этом судом их действия квалифицируются по статье 238 УК РФ. В частности данное происходит ввиду наличия в диспозиции 238 статьи УК РФ части «оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности жизни или здоровья потребителей», ведь фактически при инкриминировании деяния, предусмотренного 235 статьей УК РФ автоматически образуется состав 238 статьи УК РФ и наоборот. Но несмотря на это, на наш взгляд, в случае, когда мы квалифицируем деяния лиц, заведомо не имевших лицензии на осуществление подобной деятельности и медицинского образования, позволяющих осуществлять данную деятельность, применение в отношении указанных лиц 238 статьи УК РФ является юридической ошибкой, так как: 1) они заведомо не обладали правом на оказание подобных услуг; 2) присутствует особый объект преступного посяательства: общественные отношения, направленные на охрану граждан от незаконной медицинской деятельности. В рамках 238 статьи УК РФ непосредственный объект существенно размыт, а наличие в уголовном кодексе отдельного состава преступления еще раз подтверждает тезис об особой важности такого объекта уголовно-правовой охраны как жизнь и здоровье граждан,

а также общественных отношений, связанных с ними, и выявляет особую необходимость верной квалификации преступного деяния.

В качестве решения проблемы, рассмотренной в настоящей статье, на наш взгляд будет целесообразно:

1. Внести изменения, которые будут напрямую затрагивать составы 238 и 235 статьи УК РФ. Как уже было сказано ранее, примечанием, введенным Федеральным законом «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» от 28.12.2024 N 514-ФЗ, действие настоящей статьи более не распространяется на случаи оказания медицинской помощи медицинскими работниками. На наш взгляд, будет целесообразно вынести в целом сферу оказания медицинских услуг из данной статьи ввиду того, что случаи нарушения порядка предоставления медицинских услуг медицинскими работниками более не относятся к диспозиции данной статьи. А любая медицинская деятельность, которая включает в себя и оказание медицинских услуг, подлежит лицензированию, а значит ведение медицинской деятельности без лицензии автоматически образует состав 235 статьи УК РФ. Более того, состав 238 статьи УК РФ находится словно над составом 235 статьи УК РФ, поскольку осуществления медицинской деятельности без лицензии уже подразумевает оказание услуг, которые не отвечают требованиям безопасности, так как их соответствие требованиям безопасности в качестве юридического факта устанавливается посредством прохождения соискателем лицензии утвержденного порядка лицензирования и проведением различных проверок, в порядке установленном как ранее приведенными федеральными законами, так и Федеральным законом «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» от 31.07.2020 N 248-ФЗ [17].
2. Ввести уголовную ответственность за осуществление медицинской деятельности без лицензии вне зависимости от наступления общественно-опасных последствий. Большим преимуществом при квалификации действий лиц по 238 статье УК РФ является формальность ее состава. Несмотря на необходимость наличия критерия реальности, установленного Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 25.06.2019 N 18 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьей 238 Уголовного кодекса Российской Федерации»

факт наступления общественно-опасных последствий не является необходимым основанием для наступления уголовной ответственности. Достаточным является факт оказания подобных услуг в совокупности с наличием реальности возникновения угрозы для жизни и здоровья лиц. В соответствии с диспозицией 235 статьи УК РФ основанием для наступления ответственности по данной категории дел является причинение вреда здоровью или смерть человека. Получается такая ситуация, что посягательство на жизнь и здоровье граждан, которое выражается в ведении незаконной медицинской деятельности, сопряженной с особыми рисками для жизни и здоровья граждан, в рамках рассмотрения подобной категории уголовных дел не является уголовно-наказуемым. Санкция в общем порядке за данное правонарушение предусмотрена Кодексом Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. N 195-ФЗ: на основании ст. 14.1 КоАП РФ осуществление предпринимательской деятельности без специального разрешения (лицензии), если такое разрешение (такая лицензия) обязательно (обязательна) влечет наложение административного штрафа или конфискацию изготовленной продукции [4].

На наш взгляд, административные санкции в данном случае не могут обеспечить всестороннюю охрану граждан от подобных правонарушений, так как наложение штрафа не приводит к приостановлению или прекращению данной деятельности. В рамках данной статьи приостановление деятельности возможно только при ведении лицами своей деятельности с лицензией, что не охватывается составом рассматриваемого правонарушения. На данный момент, оштрафовать физическое лицо за ведение незаконной медицинской деятельности могут максимум на две тысячи пятьсот рублей, а юридических лиц максимум на пятьдесят тысяч. Законодатель выделяет некоторые виды безлицензионной предпринимательской деятельности в специальный состав. Такими примерами является сфера транспорта, азартных игр и управления многоквартирными домами. Безлицензионная медицинская деятельность же, в свою очередь, все еще, подпадает только под общий состав КоАП РФ, предусмотренный ст. 14.1. Административная преюдиция по данной категории правонарушений также отсутствует. Главным преимуществом специальных составов в рамках административного регулирования является наиболее высокая степень материальной ответственности субъек-

тов за совершение правонарушения. К примеру, в рамках ранее упомянутой статьи 14.1.2 размер штрафа будет составлять для граждан и должностных лиц пятьдесят тысяч рублей; индивидуальных предпринимателей – сто тысяч рублей; для юридических лиц – четыреста тысяч рублей. Повторное же совершение административного правонарушения может повлечь за собой наложение штрафа в том же объеме или конфискацию имущества или административное приостановление деятельности. Размышляя о достижении целей административного наказания в случае наложения санкций на лиц в данной категории правонарушений, на наш взгляд, административное регулирование в данном случае не является эффективным. Дело все в том, что ни одна из санкций, предусмотренных кодексом об административных правонарушениях за подобные нарушения, не приведет к прекращению деятельности данных лиц. Более того, вряд ли штраф в размере двух с половиной тысяч, даже не превышающий сумму одной процедуры у правонарушителей (к примеру, у обвиняемой Мирзаевой сумма косметологической услуги, которая повлекла смерть потерпевшей, составляла от 18 до 20 тысяч), остановит осуществление незаконной предпринимательской деятельности лиц в данной сфере. И также вряд ли, взыскание пятидесяти тысяч как-либо сможет повлиять на представителей целого рынка серой косметологии, обороты которых существенно превышают суммы штрафа. Таким образом, ситуация с охраной института жизни и здоровья граждан, в рамках рассмотрения данной статьи остается неразрешенной со стороны законодателя.

Более того, на основании п. 5 Постановления Пленума Верховного Суда от 18 ноября 2004 N 23 «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве» ведение незаконной медицинской деятельности является специальными видами предпринимательской деятельности. Ввиду особого порядка регулирования предпринимательской деятельности, ущерб наносится не только гражданам, но и экономическим интересам государства, а также хозяйствующим субъектам, в части неуплаты соответствующих налогов, добросовестности и конкуренции. На наш взгляд, ввиду особенности и важности института, уголовно-наказуемым должно признаваться само по себе осуществление медицинской деятельности без лицензии еще до наступления общественно-опасных последствий, так как данное еще в самом начале ставит под угрозу здоровье граждан. «Среди средств, препятствующих появлению на рынке медицинских услуг некачественных и недобросовестных специалистов, особое место занимает уголовная репрес-

сия, резерв которой, – по справедливому мнению Н.Ю. Скрипченко, используется не в полном объеме» [12, С. 23–26]. Данный довод также может быть рассмотрен и с точки зрения основных задач уголовно-правового законодательства, а именно охраны прав и свобод человека и гражданина, общественного порядка и общественной безопасности от преступных посягательств, а также предупреждения преступлений (ч. 1 ст. 2 УК РФ).

3. Увеличение меры ответственности за данную категорию преступлений. При обвинении лица в совершении преступления, предусмотренного частью 1 и частью 2 статьи 235 УК РФ, мера ответственности в виде лишения свободы не изменяется – максимальный срок в данном случае составляет 3 года. Обращаясь к пункту в) части 2 статьи 238 УК РФ, мы можем заметить существенные различия в санкциях, несмотря на единство формы вины (в обоих случаях причинение вреда здоровью или смерть потерпевшего происходит по неосторожности) и ранее разобранные единство составов преступления. Максимальный срок за оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности, если эти деяния по неосторожности повлекли причинение тяжкого вреда здоровью либо смерть потерпевшего, составляет 6 лет. В связи с этим, мы наблюдаем нарушение прав и законных интересов граждан, которые являются потерпевшими по данной категории дел, а также несоответствие меры ответственности за действия лиц по 235 статье УК РФ характеру и степени общественной опасности преступления, а также обстоятельствам его совершения.

Список литературы:

[1] Банк судебной статистики [Электронный ресурс]. – URL: <https://судебнаястатистика.рф/>.
[2] Гецманова И. В. К вопросу о разграничении уголовно-правовой и иных видов юридической ответственности за оказание медицинских услуг, не отвечающих требованиям безопасности / И. В. Гецманова // Проблемы экспертизы в медицине. – 2016. – Т. 16, № 1–2(61–62). – С. 9–11. – EDN WWCIFP.
[3] Кириллова К. Р., Шакиров Р. Р. Особенности предмета преступления, предусмотренного статьей 238 УК РФ / К. Р. Кириллова, Р. Р. Шакиров // Человек. Социум. Общество. – 2022. – № S16. – С. 151–156. – EDN CTXRMV.
[4] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 1 (ч. I). – Ст. 1.

[5] Лихолетов А. А. Некоторые проблемы квалификации незаконного осуществления медицинской деятельности или фармацевтической деятельности / А. А. Лихолетов // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2020. – № 1(52). – С. 55–61. – DOI 10.25724/VAMVD.MJKL. – EDN GQBQPC.

[6] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18 ноября 2004 г. № 23 «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2005. – № 1.

[7] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25 июня 2019 г. № 18 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьей 238 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2019. – № 9.

[8] Постановление Правительства РФ от 01 июня 2021 г. № 852 (ред. от 20.03.2024) «О лицензировании медицинской деятельности...» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://pravo.gov.ru>.

[9] Приговор Кировского районного суда г. Махачкалы Республики Дагестан от 09 января 2024 г. по делу № 1-96/2024 [Электронный ресурс] // СПС «Гарант».

[10] Приговор Уссурийского районного суда Приморского края от 26 января 2023 г. по делу № 1-14/2023 [Электронный ресурс] // СПС «Гарант».

[11] Приговор Черноморского районного суда Республики Крым от 05 марта 2024 г. по делу № 1-7/2024 [Электронный ресурс] // СПС «Гарант».

[12] Скрипченко Н. Ю. Незаконное осуществление медицинской деятельности: уголовно-правовая регламентация и вопросы квалификации / Н. Ю. Скрипченко // Российская юстиция. – 2019. – № 10. – С. 23–26. – EDN EOZGRG.

[13] Сунгурова Е. Д. К вопросу о необходимости реформирования санкции ст. 235 УК РФ «Незаконное осуществление медицинской и фармацевтической деятельности» / Е. Д. Сунгурова // Юридические исследования. – 2021. – № 7. – С. 61–73. – DOI 10.25136/2409-7136.2021.7.36047. – EDN HWWQDN.

[14] Тихомиров А. В. Теория медицинской услуги и медицинского деликта. – М. : НП ИЦ «ЮрИнфоЗдрав», 2012. – 278 с.

[15] Федеральный закон от 04 мая 2011 г. № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» (последняя ред.) // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 19. – Ст. 2716.

[16] Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 48. – Ст. 6724.

[17] Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2024. – № 53 (ч. I). – Ст. 8524.

[18] Федеральный закон от 28 декабря 2024 г. № 514-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2024. – № 53 (ч. I). – Ст. 8524.

Spisok literatury:

[1] Bank sudebnoj statistiki [Elektronnyj resurs]. – URL: <https://sudebnayastatistika.rf/>.

[2] Gecmanova I. V. K voprosu o razgranichenii ugovno-pravovoj i inyh vidov yuridicheskoy otvetstvennosti za okazanie medicinskih uslug, ne otvechayushchih trebovaniyam bezopasnosti / I. V. Gecmanova // Problemy ekspertizy v medicine. – 2016. – T. 16, № 1–2(61–62). – S. 9–11. – EDN WWCIFF.

[3] Kirillova K. R., Shakirov R. R. Osobennosti predmeta prestupleniya, predusmotrennogo stat'ej 238 UK RF / K. R. Kirillova, R. R. Shakirov // Chelovek. Socium. Obshchestvo. – 2022. – № S16. – S. 151–156. – EDN CTXRMV.

[4] Kodeks Rossijskoj Federacii ob administrativnyh pravonarusheniyah ot 30 dekabrya 2001 g. № 195-FZ // Sobranie zakonodatel'stva RF. – 2002. – № 1 (ch. I). – St. 1.

[5] Liholetov A. A. Nekotorye problemy kvalifikacii nezakonnogo osushchestvleniya medicinskoj deyatel'nosti ili farmacevticheskoy deyatel'nosti / A. A. Liholetov // Vestnik Volgogradskoj akademii MVD Rossii. – 2020. – № 1(52). – S. 55–61. – DOI 10.25724/VAMVD.MJKL. – EDN GQBQPC.

[6] Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 18 noyabrya 2004 g. № 23 «O sudebnoj praktike po delam o nezakennom predprinimatel'stve» // Byulleten' Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii. – 2005. – № 1.

[7] Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 25 iyunya 2019 g. № 18 «O sudebnoj praktike po delam o prestupleniyah, predusmotrennyh stat'ej 238 Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii» // Byulleten' Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii. – 2019. – № 9.

[8] Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 01 iyunya 2021 g. № 852 (red. ot 20.03.2024) «O licenzirovanii medicinskoj deyatel'nosti...» [Elektronnyj resurs] // Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii. – URL: <http://pravo.gov.ru>.

[9] Prigovor Kirovskogo rajonnogo suda g. Mahachkaly Respubliki Dagestan ot 09 yanvarya 2024 g. po delu № 1-96/2024 [Elektronnyj resurs] // SPS «Garant».

[10] Prigovor Ussurijskogo rajonnogo suda Primorskogo kraja ot 26 yanvarya 2023 g. po delu № 1-14/2023 [Elektronnyj resurs] // SPS «Garant».

[11] Prigovor Chernomorskogo rajonnogo suda Respubliki Krym ot 05 marta 2024 g. po delu № 1-7/2024 [Elektronnyj resurs] // SPS «Garant».

[12] Skripchenko N. Yu. Nezakonnoe osushchestvlenie medicinskoj deyatel'nosti: ugovno-pravovaya reglamentaciya i voprosy kvalifikacii / N. Yu. Skripchenko // Rossijskaya yusticiya. – 2019. – № 10. – S. 23–26. – EDN EOZGRG.

[13] Sungurova E. D. K voprosu o neobходимости reformirovaniya sankcii st. 235 UK RF «Nezakonnnoe osushchestvlenie medicinskoj i farmacevticheskoy deyatel'nosti» / E. D. Sungurova // Yuridicheskie issledovaniya. – 2021. – № 7. – S. 61–73. – DOI 10.25136/2409-7136.2021.7.36047. – EDN HWWQDN.

[14] Tihomirov A. V. Teoriya medicinskoj usluzhi i medicinskogo delikta. – M. : NP IC «YurInfoZdrav», 2012. – 278 s.

[15] Federal'nyj zakon ot 04 maya 2011 g. № 99-FZ «O licenzirovanii otдел'nyh vidov deyatel'nosti» (poslednyaya red.) // Sobranie zakonodatel'stva RF. – 2011. – № 19. – St. 2716.

[16] Federal'nyj zakon ot 21 noyabrya 2011 g. № 323-FZ «Ob osnovah ohrany zdorov'ya grazhdan v Rossijskoj Federacii» // Sobranie zakonodatel'stva RF. – 2011. – № 48. – St. 6724.

[17] Federal'nyj zakon ot 31 iyulya 2020 g. № 248-FZ «O gosudarstvennom kontrole (nadzore) i municipal'nom kontrole v Rossijskoj Federacii» // Sobranie zakonodatel'stva RF. – 2024. – № 53 (ch. I). – St. 8524.

[18] Federal'nyj zakon ot 28 dekabrya 2024 g. № 514-FZ «O vnesenii izmenenij v Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii» // Sobranie zakonodatel'stva RF. – 2024. – № 53 (ch. I). – St. 8524.

ПАНКОВА Александра Сергеевна,
адвокат, управляющий партнер
коллегии адвокатов «Law Tech Solutions»,
соискатель ученой степени кандидата юридических наук
Российского университета адвокатуры и нотариата
имени Г.Б. Мирзоева,
e-mail: mail@law-books.ru

УРОВНИ ВИКТИМНОСТИ ЖЕРТВ ВЫМОГАТЕЛЬСТВА, СОВЕРШАЕМОГО С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО- КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Аннотация. Виктимологическое исследование преступности целесообразно осуществлять с учетом различных уровней детерминации и проявления виктимности. Исследование виктимности жертв вымогательства, совершаемого с использованием информационно-коммуникационных технологий, на индивидуальном уровне позволяет путем анализа конкретных случаев устанавливать факторы и процессы виктимизации каждой конкретной жертвы преступления. Выделение группового уровня виктимности позволяет рассматривать ключевых виктимогенные признаки, характерные для той или иной группы «кибержертв» вымогательства. Рассматривая массовый уровень виктимности жертв данного преступления, наряду с факторами, детерминирующими виктимность жертв корыстно-насильственных преступлений в целом, следует учитывать факторы, связанные с развитием информационных технологий и формированием информационного типа общества.

Ключевые слова: вымогательство, жертва, фактор, виктимность, виктимизация, информационно-коммуникационные технологии.

PANKOVA Alexandra Sergeevna,
lawyer, managing partner of the bar association “Law Tech Solutions”,
applicant for the degree of candidate of legal sciences
of the Russian University of Advocacy and Notary named after G.B. Mirzoeva

LEVELS OF VICTIMIZATION OF VICTIMS OF EXTORTION COMMITTED WITH THE USE OF INFORMATION AND COMMUNICATION TECHNOLOGIES

Annotation. Victimization study of crime is expedient to carry out taking into account different levels of determination and manifestation of victimhood. The study of victimization of victims of extortion committed with the use of information and communication technologies at the individual level allows by analyzing specific cases to establish the factors and processes of victimization of each particular victim of crime. Identifying the group level of victimization allows us to consider the key victimogenic features characteristic of this or that group of “cyber victims” of extortion. When considering the mass level of victimization of victims of this crime, along with the factors determining the victimization of victims of acquisitive crimes in general, it is necessary to take into account the factors associated with the development of information technologies and the formation of an information type of society.

Key words: extortion, victim, factor, victimhood, victimization, victimization, information and communication technologies.

Криминологическая доктрина и практика доказала значимость исследования не только преступников, но и жертв преступлений, поскольку жертва является столь же значимым элементом механизма преступления, как и преступник [1]. Жертва преступления является одним

из ключевых факторов детерминации преступности, детерминистическое значение которого определяется именно ролью жертвы в механизме преступления [2]. С учетом указанного, предупреждение преступности невозможно без виктимологических знаний. В свою очередь виктимологи-

ческое исследование преступности предполагает, прежде всего, получение знаний о характеристиках жертвы преступления, ее виктимности и процессе виктимизации.

Принимая во внимание тот факт, что преступность как система характеризуется, в частности, различными уровнями организации и взаимодействия ее элементов (преступлений, видов преступного поведения и преступности в целом) [3], виктимологическое исследование преступности также целесообразно осуществлять с учетом различных уровней детерминации и проявления виктимности.

В научной литературе выделяют различные виды виктимности жертв преступлений, в зависимости от уровня ее проявления. Так, например, выделяют индивидуальную, групповую, видовую, а также массовую виктимность [4]. На наш взгляд, наиболее рациональным является выделение трех уровней виктимности в зависимости от масштабов ее проявления: индивидуального, группового и массового. Видовая же виктимность определяется спецификой преступлений (насилованных, корыстных, должностных, террористических и пр.), жертвами которых становятся конкретные лица или группы лиц. Таким образом, видовая виктимность может проявляться на индивидуальном, групповом и массовом уровнях.

Одним из специфических видов виктимности является виктимность жертв вымогательства, совершаемого с использованием информационно-коммуникационных технологий (далее – ИКТ). В данном случае, как и вообще, виктимность жертвы преступления детерминирована комплексом субъективных и объективных факторов. Преобладание факторов субъективного или объективного характера, а также их конкретное сочетание во многом зависит от уровня проявления виктимности.

Как отмечают К.В. Вишневецкий и Е.О. Кубякин, определение факторов виктимности, их классификация и дифференциация имеет огромное теоретико-прикладное значение, поскольку это позволяет иметь представление о видовом разнообразии данных факторов, а также их многоуровневой структуре, что является залогом эффективности девиктимологических мер, реализуемых, как на индивидуальном уровне, так и на уровне различных социальных групп, и служит необходимой предпосылкой организации виктимологической профилактики на системном уровне [5]. По нашему мнению, исследование проблемы виктимности с учетом различных уровней ее проявления позволяет осуществить дифференциацию факторов ее детерминации и соответствующих им мер виктимологического предупреждения как преступности в целом, так и рассматриваемого преступления в частности.

На индивидуальном уровне виктимность жертв вымогательства, совершаемого с использованием ИКТ, во многом определяется субъективными факторами, связанными с характеристиками личности жертвы. Так, виктимность жертвы рассматриваемого преступления может быть обусловлена психофизиологическими характеристиками и особенностями состояния лица. Также индивидуальную виктимность во многом определяют морально-психологические качества лица, его ценностные ориентации и установки, отношение к собственной безопасности и безопасности окружающих лиц. Нередко индивидуальная виктимность детерминирована легкомысленным отношением к правилам общественного порядка и общественной безопасности, нигилистическим отношением к нормам права и непосредственно противоправным поведением жертвы преступления.

Развитие ИКТ значительно повлияло на процессы виктимизации не только активных пользователей технологий, но и каждого человека. Механизмы цифровой виктимизации затрагивают в полной мере и жертв такого преступления как вымогательство, совершение которого невозможно без коммуникации преступника и жертвы. Проявление виктимности жертв вымогательства, совершаемого с использованием ИКТ, на индивидуальном уровне обусловлено различными характеристиками жертвы, связанными с возрастом, социально-ролевым и профессиональным статусом, профессиональной деятельностью и прочими индивидуальными особенностями жертвы. При этом степень вовлеченности лица в виртуальную среду и владения ИКТ в сочетании с личностными характеристиками являются субъективными факторами виктимности жертвы современного вымогательства и учитываются преступником как при выборе потенциальной жертвы, так и непосредственно при совершении преступления [6].

Разнохарактерные индивидуальные проявления виктимности, в различной степени детерминирующие преступления, реализующиеся в своей массе, определяют степень уязвимости населения в целом и его отдельных групп. Таким образом, на статистическом уровне индивидуальная виктимность формирует массовую виктимность и групповую виктимность, выступая ее частным случаем [7].

Исследование виктимности жертв вымогательства, совершаемого с использованием ИКТ, на индивидуальном уровне позволяет путем анализа конкретных случаев устанавливать факторы и процессы виктимизации каждой конкретной жертвы преступления. В свою очередь анализ индивидуальной виктимности на массовом уровне ее проявления позволяет из всего множе-

ства факторов индивидуальной виктимности выявить наиболее типичные, установить закономерности их влияния на процессы виктимизации, что в конечном итоге позволяет перейти на более высокий уровень абстракции и исследовать виктимность жертв рассматриваемых преступлений на групповом уровне.

Групповой уровень виктимности следует рассматривать как проявление виктимности, детерминированное факторами, характерными для определенной социальной группы. Как правило групповую виктимность определяют исходя из того, что она отражает свойство (предрасположенность) отдельных групп населения становиться жертвами преступлений в силу общих для них демографических, биофизических, психологических, социальных или иных качеств. Как разновидность групповой виктимности К.В. Вишневецкий предлагает рассматривать виктимность социальных страт, исходя из того, что различные социальные общности, состоят из множества лиц, обладающих отличительными признаками общими для всех них, и статусом в обществе, обусловленном данными признаками (признаком), который определяет отношения его носителей с другими стратами. Страты занимают неравное положение в обществе, что определяет иерархию соответствующих социальных групп в обществе. Каждая страта обладает определенной степенью и уникальными параметрами виктимности. При этом, исходя из выделения различных видов виктимности (обусловленная виктимогенной деформацией личности, возрастная виктимность, «виктимность-патология», ролевая или профессиональная виктимность [8]) предлагается конкретизировать степень и определять тип виктимности различных социальных страт, исходя из того, какой вид виктимности наиболее характерен для той или иной страты, как сочетаются различные виды виктимности [9].

Безусловно, проблема стратификации общества (экономической, политической и пр.), определяемая ею структура общества и влияние данного явления на уровень его виктимности представляет огромный интерес для виктимологии и криминологии в целом. Однако, по нашему мнению, при исследовании жертв вымогательства, совершаемого с использованием ИКТ, групповую виктимность следует рассматривать с позиции ключевых виктимогенных признаков (субъективных и объективных факторов), позволяющих выделять различные группы жертв с целью обеспечения дифференцированного подхода к их исследованию. Рассматривая групповой уровень виктимизации, следует акцентировать внимание на том, что, как и субъективные, так и объективные факторы виктимности тесно связаны между собой, находятся в непосред-

ственном взаимодействии. Так, например, исследователи подчеркивают, что факторы виктимности различных групп лиц, связанные с их профессиональной деятельностью, в частности ее опасным, экстремальным характером, могут детерминировать виктимное поведение данных лиц исключительно в сочетании с определенными личностными особенностями [10]. Поэтому при выделении группового уровня виктимности следует вести речь именно о ключевых виктимогенных признаках, характерных для той или иной группы жертв.

Глобальная распространенность такого способа совершения преступления, как использование ИКТ, определяет объективно обусловленную необходимость выделения отдельной группы жертв преступлений - так называемых «кибержертв» [11]. Ключевым виктимогенным фактором выделения данных жертв в отдельную группу является то, что они являются пользователями ИКТ. Использование ими в различной степени технологий определяет их виктимность, а также специфику и закономерности процесса их виктимизации. В свою очередь, разнообразие жертв данной категории обуславливает необходимость исследования их виктимности на групповом уровне, т.е. выделяя различные группы «кибержертв» на основании ключевых виктимогенных признаков.

Анализ правоприменительной практики по делам о вымогательстве, совершаемом с использованием ИКТ, позволяет констатировать, что наиболее виктимными являются следующие группы лиц: 1) несовершеннолетние и пожилые лица; 2) представители бизнес-сообщества и иные материально обеспеченные лица; 3) представители власти и политические деятели; 4) активные пользователи ИКТ [12]. Установление субъективных и объективных факторов виктимности, общих для всех групп жертв, а также характерных для каждой отдельной группы, позволяет на системном уровне исследовать процессы виктимизации жертв вымогательства, совершаемого с использованием ИКТ, и выработать дифференцированные меры виктимологического предупреждения, в т.ч. индивидуальные.

Массовый уровень виктимности охватывает наиболее высокий уровень абстракции при рассмотрении факторов детерминации и проявлений виктимности. К определению понятия массовой виктимности среди криминологов существуют различные подходы. Так, массовую виктимность рассматривают как совокупность отдельных проявлений (актов) индивидуальной виктимности [13]. Также массовую виктимность описывают как проявление способности (объективной возможности) определенной части людей в силу их субъективных качеств стать жертвой (нести ущерб)

преступлений [14]. По мнению А.А. Кочина и В.С. Харламова, массовую виктимность следует понимать как «социальное явление, отражающее способность любой общности, реальной либо потенциальной, стать жертвой преступления в силу личностных, ситуационных, иных внешних компонентов и нести физический, материальный и/или моральный вред от преступных посягательств. В данном случае под общностью подразумевается группа лиц свыше двух человек, в том числе: семья, любой социум, частные и публичные образования, коалиции стран» [15].

На наш взгляд, следует исходить из того, что массовую виктимность следует рассматривать как наиболее масштабный уровень проявления виктимности, характерный для определенной общности людей. Ключевые факторы виктимности данного уровня образуют не совокупность субъективных и объективных факторов виктимности отдельных индивидов или их групп, а факторы, характерные для всей общности. Что касается подхода к определению общности, как критерию выделения массового уровня виктимности, то нельзя согласиться с тем, что два человека образуют общность в массовом ее понимании. Равно как и выделение коалиции стран в качестве жертвы преступлений не является обоснованным и рациональным с практической точки зрения. По нашему мнению, с учетом выделения группового уровня виктимности, в данном случае целесообразно говорить об общности в масштабах населения страны.

Криминологи отмечают, что виктимность во многом обусловлена неспособностью общества и государства обеспечить защиту своих граждан от преступных посягательств [16]. Как справедливо указывает А.А. Бочков, «основные направления массовой девиктимности осуществляются на уровне общества и направлены на устранение условий, факторов, обстоятельств, способствующих виктимизации всего населения, его пассивности, не критичности и бездействия» [17]. Следует согласиться А.Н. Игнатовым в том, что массовая виктимность российского общества во многом обусловлена недостатками системы обеспечения безопасности граждан государством. Это связано как с недостатками организации противодействия преступности, дисфункциями организационного компонента данной системы, так и с проблемой несформированности у большинства населения, прежде всего, молодежи, криминологического типа мышления. Государство не устанавливает и не учитывает при организации и реализации виктимологической профилактики фактической степени виктимности населения, не принимает мер по ограничению чрезмерной свободы виктимности. Реализуемая на массовом уровне свобода воли в форме виктим-

ного поведения приводит к виктимизации населения. Как отмечает автор, «в ответ на ожидания и/или требования населения от государства реализации его прав, в том числе права не быть жертвой преступлений и правонарушений, фактически мы получаем полную свободу виктимности» [18].

Рассматривая массовый уровень виктимности вымогательства, совершаемого с использованием ИКТ, наряду с факторами, детерминирующими виктимность жертв корыстно-насильственных преступлений в целом, следует учитывать факторы, связанные с развитием информационных технологий и формированием информационного типа общества. Специалисты отмечают, что информационная и техническая оснащенность общества, с одной стороны, уменьшают виктимизацию населения, а, с другой стороны, виктимизация становится более сложной и многомерной, в том числе «технически «окрашенной» [19]. Таким образом, развитие информационных технологий в современном обществе оказывает существенное как девиктимогенное, так и виктимогенное влияние, во многом определяя параметры массовой виктимности.

Виртуальная среда создает условия не только для социальной интеграции и самореализации, но и способствует социальной изоляции, когнитивной и личностной деградации. Учитывая вовлеченность в виртуальную коммуникацию большинства населения, данные эффекты проявляются на массовом уровне. И это касается как активных пользователей, так и пассивных «потребителей» деструктивной информации, непосредственно влияющей на формирование их мировоззрения [20]. Широко используемые преступниками информационно-когнитивные технологии, позволяющие не только контролировать объем и характер предоставляемой объекту воздействия информации, но и изменять или формировать мировоззрение человека, управлять его поведенческими практиками, играют ключевую роль в механизме массовой цифровой виктимизации. Данные технологии активно используются для исследования как отдельных индивидов, так и широкой популяции на предмет когнитивных способностей, обладания актуальной информацией, поведенческих реакций. Такого рода исследования основываются на анализе исходящей от пользователя информации, в частности его сетевой активности. В дальнейшем у пользователей формируется «привычное» восприятие виктимогенных и виктимно опасных ситуаций как нормальных, отключаются «за ненадобностью» механизмы виктимологической защиты, критической оценки окружающего мира и собственного поведения [21]. Ярким примером формирования и проявления массовой виктимности под воздей-

ствием указанных факторов является количество фактических и потенциальных жертв дистанционного мошенничества.

Таким образом, с помощью информационных технологий преступниками выявляется и анализируется виктимная уязвимость населения, что позволяет успешно формировать виктимность на массовом уровне. Сформированное у населения «привычное» восприятие виктимогенности виртуальной среды и информационных технологий и более того, «нормальности» виктимности каждого человека в данной среде активно используется преступниками при выработке и реализации новых технологий вымогательства, совершаемого с использованием ИКТ. Механизм совершения вымогательства предполагает взаимодействие преступника и жертвы на индивидуальном уровне. Однако в современном информационном обществе именно анализ и формирование виктимности на массовом уровне позволяет преступникам выявлять наиболее виктимные группы населения и в последующем, с учетом ключевых факторов их виктимности, осуществлять преступное воздействие на потенциальных жертв на индивидуальном уровне. Указанное определяет значимость исследования массового уровня виктимности жертв рассматриваемого преступления.

На основании изложенного приходим к следующим выводам. Виктимологическое исследование преступности целесообразно осуществлять с учетом различных уровней детерминации и проявления виктимности. Исследование виктимности жертв вымогательства, совершаемого с использованием ИКТ, на индивидуальном уровне позволяет путем анализа конкретных случаев устанавливать факторы и процессы виктимизации каждой конкретной жертвы преступления.

В свою очередь, выявленные на индивидуальном уровне наиболее типичные факторы виктимности, закономерности их влияния на процессы виктимизации позволяют перейти на более высокий уровень абстракции и исследовать виктимность жертв рассматриваемых преступлений на групповом уровне. Глобальная распространенность такого способа совершения преступления, как использование ИКТ, определяет объективно обусловленную необходимость выделения пользователей данных технологий в отдельную группу. При этом разнообразие «кибержертв» вымогательства обуславливает необходимость исследования их виктимности на групповом уровне, выделяя различные их группы на основании ключевых виктимогенных признаков.

Значимость исследования массового уровня виктимности жертв рассматриваемого

преступления определяется тем, что в современном информационном обществе именно анализ и формирование виктимности на массовом уровне позволяет преступникам выявлять наиболее виктимные группы населения и в последующем, с учетом ключевых факторов их виктимности, осуществлять преступное воздействие на потенциальных жертв на индивидуальном уровне.

Список литературы:

- [1] Уткин В.А., Иванцов С.В. Защита жертв преступлений как критерий доверия полиции // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 6. С. 163-166.
- [2] Вишневецкий К.В. Механизм виктимологической детерминации // Теория и практика общественного развития. 2014. № 10. С. 154-157; Вишневецкий К.В. Классификация виктимности // Теория и практика общественного развития. 2014. № 2. С. 417-418.
- [3] Игнатов А.Н. Преступность как система // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2024. № 9. С. 97-104.
- [4] Полубинский В.И. Виктимологические аспекты профилактики преступлений. М., 1980. С. 32-33.
- [5] Вишневецкий К.В., Кубякин Е.О. Криминологическая модель виктимности социальных групп как элемент системы профилактики преступности // Виктимология. 2014. № 1(1). С. 32-37.
- [6] Панкова А.С. Субъективные факторы виктимности жертв вымогательства, совершаемого с использованием информационно-коммуникационных технологий // Учёные труды Российского университета адвокатуры и нотариата имени Г.Б. Мирзоева. 2024. № 4 (75). С. 125-132.
- [7] Ривман Д.В. Криминальная виктимология. СПб., 2002. С. 13-14.
- [8] Репецкая А.Л. Виновное поведение потерпевшего и принцип справедливости в уголовной политике. Иркутск, 1994. С. 14-15.
- [9] Вишневецкий К.В. К вопросу о виктимности социальных страт в современном российском обществе // Юрист-Правовед. 2004. № 4 (11). С. 39-41; Вишневецкий К.В. Криминогенная виктимизация социальных групп в современном обществе: монография / под ред. С.Я. Лебедева. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2010.
- [10] Иванцов С.В., Дроздов Д.Е. Профессиональная виктимность должностных лиц правоохранительных органов в сфере исполнения обязанностей по противодействию преступности // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2022. № 1 (93). С. 106-110.
- [11] Жмуров Д.В. Содержательный подход к классификации кибержертв // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории

и практики: материалы XXVI межд. науч.-практ. конференции. Красноярск: Сибирский юридический институт МВД России, 2023. С. 150-151.

[12] Панкова А.С. Субъективные факторы виктимности жертв вымогательства, совершаемого с использованием информационно-коммуникационных технологий // Учёные труды Российского университета адвокатуры и нотариата имени Г.Б. Мирзоева. 2024. № 4 (75). С. 125-132.

[13] Частная криминология / Отв. ред. Д.А. Шестаков. СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2007. С. 737.

[14] Полубинский В.И. Криминальная виктимология и виктимность // Научный портал МВД России. 2010. № 2 (10). С. 69-77.

[15] Кочин А.А., Харламов В.С. Юридические лица в контексте массовой виктимности // Право и государство: теория и практика. 2022. № 3 (207). С. 127.

[16] Криминология: Учебник / Под ред. В.Н. Кудрявцева и В.Е. Эминова. 2-е изд. перераб. и доп. М.: Юрист, 2000. С. 199; Фещенко П.Н. Массовая виктимность в России: состояние, проблемы и возможные направления снижения // Право и общество. 2022. № 3 (8). С. 25-28.

[17] Бочков А.А. Основные направления снижения массовой и индивидуальной виктимности населения // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2014. № 4 (25). С. 87-88.

[18] Игнатов А.Н. Свобода виктимности // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2017. № 3 (40). С. 83.

[19] Бочков А.А. Основные направления снижения массовой и индивидуальной виктимности населения // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2014. № 4 (25). С. 85.

[20] Михеев Е.А., Нестик Т.А. Дезинформация в социальных сетях: состояние и перспективы психологических исследований // Социальная психология и общество. 2018. Т. 9. № 2. С. 5-20; Лисова Е.Н. Групповая террористическая виктимность в российских виртуальных сообществах // Мировые цивилизации, 2020 №1-2, <https://wcj.world/PDF/04PSMZ120.pdf>

[21] Игнатов А.Н., Соловьев В.С. Информационно-когнитивные технологии в механизме цифровой виктимизации // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2023. Т. 14. № 1 (51). С. 59-66.

Spisok literatury:

[1] Utkin V.A., Ivancov S.V. Zashchita zhertv prestuplenij kak kriterij doveriya policii // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2018. № 6. С. 163-166.

[2] Vishneveckij K.V. Mekhanizm viktimologicheskoy determinacii // Teoriya i praktika obshchest-

vennogo razvitiya. 2014. № 10. С. 154-157; Vishneveckij K.V. Klassifikaciya viktimnosti // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. 2014. № 2. С. 417-418.

[3] Ignatov A.N. Prestupnost' kak sistema // Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki. 2024. № 9. С. 97-104.

[4] Polubinskij V.I. Viktimologicheskie aspekty profilaktiki prestuplenij. M., 1980. С. 32-33.

[5] Vishneveckij K.V., Kubyakin E.O. Kriminologicheskaya model' viktimnosti social'nyh grupp kak element sistemy profilaktiki prestupnosti // Viktimologiya. 2014. № 1(1). С. 32-37.

[6] Pankova A.S. Sub"ektivnye faktory viktimnosti zhertv vymogatel'stva, sovershaemogo s ispol'zovaniem informacionno-kommunikacionnyh tekhnologij // Uchyonye trudy Rossijskogo universiteta advokatury i notariata imeni G.B. Mirzoeva. 2024. № 4 (75). С. 125-132.

[7] Rivman D.V. Kriminal'naya viktimologiya. SPb., 2002. С. 13-14.

[8] Repeckaya A.L. Vinovnoe povedenie potepshhego i princip spravedlivosti v ugodovnoj poli tike. Irkutsk, 1994. С. 14-15.

[9] Vishneveckij K.V. K voprosu o viktimnosti social'nyh strat v sovremennom rossijskom obshchestve // Yurist"-Pravoved". 2004. № 4 (11). С. 39-41; Vishneveckij K.V. Kriminogennaya viktimizaciya social'nyh grupp v sovremennom obshchestve: monografiya / pod red. S.Ya. Lebedeva. M.: YuNITI-DANA, 2010.

[10] Ivancov S.V., Drozdov D.E. Professional'naya viktimnost' dolzhnostnyh lic pravoohranitel'nyh organov v sfere ispolneniya obyazannostej po protivodejstviyu prestupnosti // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2022. № 1 (93). С. 106-110.

[11] Zhmurov D.V. Soderzhatel'nyj podhod k klassifikacii kiberzhertv // Aktual'nye problemy bor'by s prestupnost'yu: voprosy teorii i praktiki: materialy XHVI mezhd. nauch.-prakt. konferencii. Krasnoyarsk: Sibirskij yuridicheskij institut MVD Rossii, 2023. С. 150-151.

[12] Pankova A.S. Sub"ektivnye faktory viktimnosti zhertv vymogatel'stva, sovershaemogo s ispol'zovaniem informacionno-kommunikacionnyh tekhnologij // Uchyonye trudy Rossijskogo universiteta advokatury i notariata imeni G.B. Mirzoeva. 2024. № 4 (75). С. 125-132.

[13] Chastnaya kriminologiya / Отв. ред. Д.А. Шестаков. СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2007. С. 737.

[14] Polubinskij V.I. Kriminal'naya viktimologiya i viktimnost' // Nauchnyj portal MVD Rossii. 2010. № 2 (10). С. 69-77.

[15] Kochin A.A., Harlamov V.S. Yuridicheskie lica v kontekste massovoj viktimnosti // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2022. № 3 (207). S. 127.

[16] Kriminologiya: Uchebnik / Pod red. V.N. Kudryavceva i V.E. Eminova. 2-e izd. pererab. i dop. M.: Yurist, 2000. S. 199; Feshchenko P.N. Massovaya viktimnost' v Rossii: sostoyanie, problemy i vozmozhnye napravleniya snizheniya // Pravo i obshchestvo. 2022. № 3 (8). S. 25-28.

[17] Bochkov A.A. Osnovnye napravleniya snizheniya massovoj i individual'noj viktimnosti naseleniya // Vestnik Sankt-Peterburgskoj yuridicheskoy akademii. 2014. № 4 (25). S. 87-88.

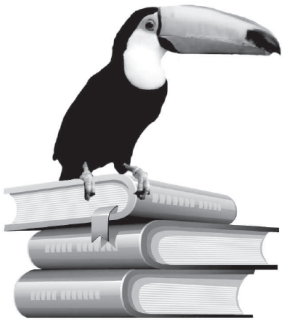
[18] Ignatov A.N. Svoboda viktimnosti // Vestnik Dal'nevostochnogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2017. № 3 (40). S. 83.

[19] Bochkov A.A. Osnovnye napravleniya snizheniya massovoj i individual'noj viktimnosti naseleniya // Vestnik Sankt-Peterburgskoj yuridicheskoy akademii. 2014. № 4 (25). S. 85.

[20] Miheev E.A., Nestik T.A. Dezinformatsiya v social'nyh setyah: sostoyanie i perspektivy psichologicheskikh issledovanij // Social'naya psichologiya i obshchestvo. 2018. T. 9. № 2. S. 5-20; Lisova E.N. Gruppovaya terroristicheskaya viktimnost' v rossijskikh virtual'nyh soobshchestvakh // Mirovye civilizatsii, 2020 №1-2, <https://wcj.world/PDF/04PSMZ120.pdf>

[21] Ignatov A.N., Solov'ev V.S. Informacionno-kognitivnye tekhnologii v mekhanizme cifrovoj viktimizatsii // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2023. T. 14. № 1 (51). S. 59-66.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство

«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

СИМАГИНА Наталья Анатольевна,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры конституционного и муниципального права,
Владимирский филиал РАНХиГС,
e-mail: simagina.n@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ПРЕСТУПНИКА

Аннотация. В статье рассматриваются особенности личности несовершеннолетнего преступника. Отмечается, что изучение личности несовершеннолетнего обусловлено тем, что подростки являются наиболее уязвимой социальной группой, нуждающейся в особой защите и поддержке со стороны государства и общества. Затрагивается роль средств массовой информации в формировании личности несовершеннолетнего. Проанализированы статистические данные о состоянии преступности несовершеннолетних за 2024 г. на федеральном уровне и уровне субъекта РФ (Владимирской области). Автор делает акцент на том, что особое внимание в системе профилактических мероприятий должно быть отведено семье и образовательным учреждениям. Обозначается, что одним из определяющих факторов формирования личности несовершеннолетнего, совершившего преступление, является трансформация системы ценностей.

Ключевые слова: личность, несовершеннолетний, преступность, возраст, семья, школа, средства массовой информации, образование, девиантное поведение, профилактика, безопасность.

SIMAGINA Natalia Anatolyevna,
PhD (Law), associate professor,
assistant professor of the department
of constitutional and municipal law,
Vladimir branch, the Russian Academy
of National Economy and Public Administration

PERSONALITY CHARACTERISTICS OF A JUVENILE OFFENDER

Annotation. The article examines the personality characteristics of a juvenile offender. It is noted that the study of the personality of a minor is due to the fact that adolescents are the most vulnerable social group in need of special protection and support from the state and society. The role of the media in shaping the personality of a minor is touched upon. Statistical data on the state of juvenile delinquency for 2024 at the federal level and at the level of the subject of the Russian Federation (Vladimir region) are analyzed. The author emphasizes that special attention in the system of preventive measures should be given to the family and educational institutions. It is indicated that one of the determining factors in the formation of the personality of a minor who has committed a crime is the transformation of the value system.

Key words: personality, minor, crime, age, family, school, mass media, education, deviant behavior, prevention, safety.

Проблема преступности несовершеннолетних находится в центре внимания. Это обусловлено тем, что подростки являются уязвимой категорией, которая нуждается в особой защите со стороны общества и государства.

Личность ребенка, как правило, изначально характеризуется преобладанием позитивных свойств и качеств. Исключение составляют незначительные негативные факторы, связанные преимущественно с физическим или психическим здоровьем. Положительные черты могут

доминировать в его личности, пока на него оказывают благоприятное влияние объективные факторы ближайшего окружения (семья, друзья, одноклассники). Однако появление негативного внешнего воздействия может привести к существенным изменениям в структуре личности. В этом случае запускается процесс социальной деформации, который постепенно трансформирует положительные личностные качества в отрицательные. И это связано с тем, что период становления личности человека, его мировоззрение

неустойчиво, социальная роль и место в обществе еще не определены, а жизненный опыт ограничен. Данные факторы часто приводят к конфликтам, сопровождаемым агрессивным поведением. Формирование личности подростка происходит под воздействием социально-экономической среды. В совокупности все эти обстоятельства определяют специфику субъекта преступления, совершенного несовершеннолетним, что имеет решающее значение при привлечении его к уголовной ответственности.

Характеристика личности несовершеннолетнего преступника представляет собой комплексный анализ, включающий оценку различных аспектов его развития. В нее входят:

- социально-демографические характеристики (возраст, пол, семейное положение, уровень образования);
- социально-психологические особенности (тип темперамента, уровень интеллекта, коммуникативные навыки, установки и ценности);
- правовые и нравственные качества (знание правовых норм, понимание последствий своих действий, моральные принципы);
- направленность поведения (мотивы, цели, которые преследовал несовершеннолетний, характер взаимодействия с другими людьми). Этот анализ необходим для понимания причинного комплекса преступления и разработки адекватных мер воздействия на несовершеннолетнего.

Так, в современной России несовершеннолетние преступники классифицируются по четырем возрастным группам:

- 1) от 14 до 15 лет;
- 2) от 15 до 16 лет;
- 3) от 16 до 17 лет;
- 4) от 17 до 18 лет.

В подростковом возрасте (пубертатный период), характеризующемся интенсивными гормональными изменениями, несовершеннолетние чаще всего склонны к совершению преступлений. Данная тенденция обусловлена процессом формирования собственной идентичности, который может сопровождаться пренебрежением к авторитету взрослых и сопротивлением общественным нормам. Так, статистические данные свидетельствуют о преобладании среди них юношей в возрасте 16-17 лет. Данный возрастной период характеризуется повышенной уязвимостью к негативному влиянию криминальной среды и внешних деструктивных факторов.

Типично для этой категории подростков характерно отсутствие трудовой и/или учебной занятости, либо посещение учреждений среднего профессионального образования или вечерних школ с низкой успеваемостью, частыми прогулами и нежеланием посещать занятия.

Наблюдается явная тенденция к негативному отношению или полному отсутствию интереса к обучению у подавляющего большинства несовершеннолетних. Данное обстоятельство создает серьезные препятствия для их полноценного развития и социализации, что затрудняет формирование социально значимых навыков и способствует упрощению (примитивизации) их активной деятельности. Их кругозор, как правило, ограничен, интересы к художественной самодеятельности, различным видам спорта и в иных сферах общественной жизни у подростков-преступников в разы меньше, нежели чем у законопослушных лиц. Данная ситуация обусловлена, прежде всего, тем, что в ходе процесса социализации индивид усвоил неверные образцы поведения и был подвержен внедрению ложных интересов и потребностей. Несовершеннолетние проявляют склонность к рискованному поведению, так их привлекают азартные игры, употребление алкоголя в компании друзей, пренебрежительное поведение, бессистемные сексуальные связи.

Важно отметить, что условия, способные негативно повлиять на формирование личности подростка, заслуживают особого внимания. С этой целью необходимо провести тщательный анализ, чтобы понять механизмы воздействия окружающей среды на поведение и мировоззрение несовершеннолетнего преступника.

Личность молодых преступников характеризуется специфическими чертами, обусловленными процессом ее становления. В подростковом возрасте индивид еще не сформировал окончательно свое «Я» и жизненные ориентиры, ценностные установки находятся в стадии развития. Кроме того, молодые преступники могут испытывать трудности в коммуникации и установлении гармоничных отношений с окружающими. Неумение выражать свои эмоции и находить рациональные решения проблем приводит к социальной изоляции. Чувство неприятия со стороны общества способствует формированию низкой самооценки у подростков, что может стать причиной стремления привлечь внимание к себе, в том числе через совершение преступлений.

Следовательно, представители рассматриваемой в статье возрастной группы, обладают рядом специфических психологических особенностей. К ним относятся: потребность в самоутверждении через причинение страданий другому человеку, желание занять лидирующие позиции среди сверстников, страх показаться слабым, демонстрация независимости и зрелости («взрослости»). Важно отметить, что несовершеннолетние находятся в стадии непрерывного психологического и физического развития. Они

еще не обладают достаточным жизненным опытом, четко сформулированной позицией и пониманием последствий своих действий. Типичными чертами несовершеннолетних преступников являются: повышенная эмоциональность, агрессивность, дерзость, резкие перепады настроения, импульсивность и т.д. Также у несовершеннолетних наблюдается сильное чувство групповой солидарности, что может способствовать совершению преступлений в соучастии. Как правило, преступность несовершеннолетних имеет в большинстве случаев спонтанный характер, является незапланированной и главным образом происходит вследствие употребления алкоголя, наркотических средств.

В соответствии со статистическими данными, представляемые Министерством здравоохранения РФ, «с 2019 по 2023 гг. общая наркологическая заболеваемость у подростков 15-17 лет снизилась на 40,9 %. Как отметили в ведомстве, подавляющее большинство (94,7 %) несовершеннолетних с опытом употребления наркотиков наблюдаются у врача с профилактической целью, синдрома зависимости у них нет» [1]. Что говорит о положительной динамике о наркоситуации в стране. Но, так или иначе, даже в нынешних объемах подростковая наркомания представляет существенную угрозу обществу. Ведь за последние годы именно стационарная комплексная психолого-психиатрическая (сексолого-психолого-психиатрическая) экспертиза в подростковой среде является доминирующим и обоснованным видом экспертизы [2, с. 23].

Склонение к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов может быть обусловлено комплексом индивидуальных, поведенческих и личностных факторов. К числу таких факторов относятся повышенная тревожность и возбудимость. В данных случаях запрещенные вещества могут рассматриваться как средство для стимуляции, возбуждения или, напротив, успокоения и улучшения эмоционального состояния. Что касается подростковой наркомании, то следует отметить, как было сказано выше, что подростки находятся в стадии формирования личности. В стремлении к независимости и самостоятельности, подросток может не осознавать своих истинных целей и желаемого результата.

Довольно таки интересными представляются исследования последних десятилетий, которые отмечают, что неблагоприятные перинатальные события могут быть связаны с повышенным риском развития криминогенного поведения у детей. Они возникают в результате сложного сочетания социальных и физиологических факторов, что делает их интересными с биопсихосоциальной криминологической точки зрения: отклонения от ожидаемого нормального хода

событий во время беременности и родов считаются фактором риска формирования противоправного поведения [3, с. 47-53]. Важность данных исследований отрицать не стоит, а наоборот следует подчеркнуть их значимость, ведь есть связь между конкретными пренатальными факторами риска (социальные заболевания во время течения беременности, неблагополучный психосоциальный фон) и возможностью расстройства личности у выборки несовершеннолетних преступников.

Далее перейдем к семье, ведь именно она играет решающую роль в формировании модели поведения ребенка, оказывая значительное влияние на его нравственное развитие и выбор жизненного пути, который может быть как законопослушным, так и асоциальным. На сегодняшний день, государство признает семью важным институтом, играющим ключевую роль в социализации и формировании у детей законопослушного поведения, что является основой для создания «микросреды», способствующей профилактике правонарушений (преступлений) среди несовершеннолетних. За последние 10 - 15 лет государством предприняты значительные усилия, направленные на укрепления семьи, материнства и детства. Данные меры привели к достижению некоторых успехов в сокращении преступности среди несовершеннолетних.

Успешность воспитательного процесса определяется качеством наставничества, а не врожденными характеристиками ребенка. Подростковый возраст часто характеризуется повышенной потребностью во внимании и признании. Если подросток ощущает недостаток поддержки и уважения со стороны родителей (законных представителей), он может искать одобрение у других взрослых, пытаясь таким образом компенсировать эмоциональный дефицит. Недостаточное воспитание в семье негативно сказывается на социальной адаптации подростка. Окружение, где преобладают антисоциальные нормы поведения, аморальный образ жизни, формирует искаженное восприятие действительности и приводит к усвоению нестандартных ценностей. Часто семьи молодых людей, совершивших преступления, имеют низкий социально-экономический статус, а именно: ограниченный доход, недостаточный уровень образования и культуры. Характерно также отсутствие перспектив социального роста в таких семьях.

Также небрежное отношение родителей или законных представителей к воспитанию детей и отсутствие надлежащего контроля со стороны взрослых могут негативно сказаться на формировании потребностей, влечений и склонностей подростков, что повышает риск девиантного поведения с их стороны.

Одним из факторов, способствующих некорректному воспитанию, может являться физическое насилие по отношению к детям. Насильственные действия оказывают существенное влияние на поведение и развитие несовершеннолетних, потенциально повышая риск совершения ими противоправных действий в будущем. Систематическое унижение и пренебрежение со стороны близких в детском возрасте могут привести к формированию низкой самооценки и неуверенности в собственных силах. Как правило, насильственные и сексуальные преступники зачастую сами стали жертвами насилия со стороны родителей, это так называемый «порочный круг насилия: от поколения к поколению». Следовательно, дети, подвергшиеся домашнему насилию, лишённые любви, внимания, ласки и заботы, отвергнутые, униженные и чувствующие себя ненужными, с высокой долей вероятностью перенесут травму детства во взрослую жизнь. Впоследствии, обладая физической и социальной силой, они могут направлять свою накопившуюся злость и враждебность на окружающих, мстя за пережитые страдания, даже если эти люди не имеют к ним никакого отношения.

Одно из ключевых качеств, которое дети усваивают от родителей - это умение избегать конфликтных ситуаций и конструктивно решать возникающие проблемы. Необходимо подчеркнуть важность оказания материальной поддержки семьям, испытывающим финансовые затруднения, в том числе и в случаях временного характера.

Благополучная семейная атмосфера оказывает положительное влияние на подростка, минимизируя риски поиска приюта, любви, незаконного обогащения или нарушения общественного порядка.

Внедрение практики работы с семьей как основополагающим фактором формирования личности индивида способно оказать существенное влияние на снижение уровня преступности среди несовершеннолетних и впоследствии - среди других возрастных категорий. Необходима превентивная работа, включающая детальный анализ потенциала семей для выявления и устранения факторов риска.

Кроме того, дети активно усваивают опыт окружающих, создавая собственную модель поведения на основе наблюдения за старшими. Современные кумиры подростков не всегда являются носителями позитивных образцов поведения, что, в свою очередь, может привлекать внимание молодых людей. Подростковый возраст характеризуется повышенной восприимчивостью к различным факторам воздействия. Мнения окружающих играют решающую роль в принятии подростком решений, в том числе и касающихся

противоправной деятельности. В подавляющем большинстве случаев подростки, совершающие преступления, характеризуются пониженной самооценкой и повышенной внушаемостью авторитетными для них людьми. Данным фактором умело манипулируют взрослые и сверстники, нередко имеющие криминальный опыт, вовлекая молодых людей в противоправную деятельность. В результате подобного влияния несовершеннолетний преступник формирует убеждение в возможности самоутвердиться и обрести независимость посредством совершения преступлений (правонарушений).

Помимо семьи, и школа, как образовательное учреждение, играет ключевую роль в формировании личности подростка. Дефицит времени для личных бесед и недоверие к педагогам (учителям) и школьным психологам толкают подростков искать ответы в виртуальном пространстве. Ориентация образовательного процесса на решение тестовых заданий в ущерб развитию аналитических навыков, способности генерировать идеи и формулировать предложения, а также нежелание к чтению разнообразной литературы ведут к ограниченному словарному запасу, зависимости от гаджетов. В конечном итоге это порождает страх самовыражения.

В связи с этим образовательные учреждения должны уделять пристальное внимание проблеме преступности несовершеннолетних, а именно реализовывать различные профилактические мероприятия и программы, направленные на предотвращение преступлений (правонарушений), совершаемых несовершеннолетними.

Информатизация также оказывает влияние на преступность несовершеннолетних. Так сеть «Интернет» встает на первое место, обгоняя такие традиционные институты, как семья и школа. Конечно же, не вся информация, которая есть в сети является деструктивной, несомненно, есть качественный и полезный контент, однако, в столь большом массиве информации он теряется.

Подростки проводят значительное количество времени в этих цифровых пространствах, что вызывает беспокойство. Важно отметить, что некоторые виртуальные миры и игры создаются с целью стимулирования агрессии и подавления индивидуальности подростков, что требует пристального внимания и анализа.

Так, средства массовой информации (далее - СМИ), в том числе сеть «Интернет» оказывают значительное влияние на воспитание и формирование личности несовершеннолетних. В отсутствие ясных социальных ориентиров в обществе, агрессивная реклама преступного образа жизни в СМИ, недостаточная акцентировка на социально-воспитательных программах в образовании

молодежи, а также активное привлечение новых членов в криминальные сообщества профессиональными преступниками - все эти факторы негативно сказываются на здоровом развитии личности несовершеннолетних и препятствуют нормальному становлению молодых людей с предрасположенностью к девиантному поведению. Подростки «вдохновляются» преступниками и становятся их фанатами, впоследствии они не воспринимают свои действия как преступные, подражая стрелкам, террористам и экстремистам.

В связи с этим в России было принято ряд нормативных правовых актов, которые направлены на защиту подростков от деструктивного контента. Так, 01.02.2021 г. вступил в силу закон о самоконтроле социальных сетей (№ 530-ФЗ), в соответствии с которым интернет-площадки осуществляют мониторинг и блокируют запрещенную информацию. Нововведения в законе позволяют добиться быстрого удаления социально опасной информации, требующей немедленного реагирования, например, треш-стримов и другого противоправного контента (призывы к экстремизму и терроризму, порнография, информация об изготовлении и использовании наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, новых потенциально опасных психоактивных веществ, способы совершения суицида, а также призывы к его совершению и пр.).

Или, 28.04.2023 г. Правительство утвердило Концепцию информационной безопасности детей. В качестве одного из решений новая Концепция предлагает проводить в школах уроки цифровой безопасности и компьютерной грамотности. Часы на обучение этим навыкам добавят в курсы информатики и ОБЖ.

В соответствии со статистическими данными МВД России за 2024 г. количество уголовно наказуемых деяний, совершенных несовершеннолетними или при их соучастии, уменьшилось на 3,4 %, по сравнению с 2023 г. [4] Данный результат подчеркивает значимость профилактической работы, которую проводят сотрудники полиции совместно с другими ведомствами и общественными организациями.

Что же касается Владимирской области, то «за 2024 г. следователи возбудили 173 уголовных дела, фигурантами которых стали подростки. Наибольшая часть преступлений (67 случаев) связана с имущественными посягательствами: кражами, мошенничеством, грабежами и угонами автомобилей. Еще 65 дел касались преступлений, связанных с незаконным оборотом запрещенных веществ.

Всего в суды направлено 138 уголовных дел, причем почти 70 % из них классифициру-

ются как тяжкие и особо тяжкие. В группах подростки совершили 23 преступления. Также зарегистрировано 6 случаев нанесения тяжких телесных повреждений, в двух из которых потерпевшие скончались.

Кроме того, было возбуждено 8 уголовных дел по фактам хулиганства с применением насилия или угрозами его применения. При этом, случаев диверсий или умышленных поджогов, совершенных несовершеннолетними, не зафиксировано» [5]. Но в целом по России, среди подростков имелись случаи совершения преступлений против государственной власти, в частности диверсий. Так, в Волгоградской области и Красноярском крае обнаружена вербовка подростков через чат-боты для поджогов. Глава Следственного комитета РФ А.И. Бастрыкин заявил, что несовершеннолетние координировались куратором и получали задания с целью получения финансовой выгоды [6].

Следовательно, в системе профилактических мероприятий решающее значение имеют семья и образовательные учреждения. Родителям (законным представителям) важно проявлять бдительность по отношению к жизни своих детей, своевременно замечая любые изменения (отклонения) в их поведении и социальной среде. Образовательные учреждения всех уровней, в свою очередь, могут внедрять программы, направленные на развитие личности и социальную адаптацию учащихся. Такие программы должны обучать подростков навыкам аналитического мышления и саморегуляции душевного состояния.

Одним из определяющих факторов формирования личности несовершеннолетнего, совершившего преступление, является изменение системы ценностей. У данной возрастной категории система ценностей и представления о нормах поведения формируются под воздействием ключевых институтов социализации - семьи, школы и ближайшего окружения. Для понимания и прогнозирования поведения такого ребенка необходимо учитывать его восприятие окружающего мира, а также мотивы, побуждающие к совершению преступных деяний.

Рост преступности среди несовершеннолетних в России обусловлен комплексом факторов, включающих неблагоприятные социально-экономические условия, семейное неблагополучие, влияние криминальной субкультуры, недостатки системы образования и воспитания, а также влияние СМИ и недостаточную работу правоохранительных органов. Решение этой проблемы требует скоординированных усилий со стороны государства, общества и семьи, направленных на устранение причин и условий, способствующих совершению преступлений подрост-

ками. В связи с этим, современная уголовная политика в отношении несовершеннолетних должна быть основана на последних достижениях науки в области детской психологии, а также учитывать специфические особенности этой категории граждан. При определении целесообразности уголовного преследования и вида наказания необходимо прогнозировать наиболее эффективные воспитательные и правовые меры воздействия. Важным условием для достижения этой цели является создание условий, способствующих полноценной социальной жизни несовершеннолетних, развитию их индивидуальных способностей и получению качественного образования.

Список литературы:

[1] Коммерсантъ: последние новости России и мира [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7622973?ysclid=ma9iq1b5wc766181290> (дата обращения: 02.04.2025).

[2] Бойко Е.О. Судебно-психиатрические аспекты оценки риска рецидивной преступности среди несовершеннолетних / Е.О. Бойко [и др.] // Медицинский вестник Юга России. 2025. Т. 16. № 1. С. 22-27.

[3] Яхиева-Онихимовская Д.А. Влияние перинатального анамнеза несовершеннолетних правонарушителей на формирование их личности / Д.А. Яхиева-Онихимовская [и др.] // Здравоохранение Дальнего Востока. 2024. № 4 (102). С. 47-53.

[4] Официальный сайт МВД России [Электронный ресурс]. URL: <https://мвд.рф/reports/item/60248328/> (дата обращения: 30.03.2025).

[5] Новости Владимира и Владимирской области сегодня [Электронный ресурс]. URL: <https://33-news.ru/news/v-2024-godu-podrostki-vo-ladimirskoj-oblasti-sovershili-bolee-170-prestuplenij/> (дата обращения: 30.03.2025).

[6] Новости в России и мире - ТАСС [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/23595435?ysclid=m95r2zualz342713184> (дата обращения: 04.04.2025).

Spisok literatury:

[1] Kommersant: poslednie novosti Rossii i mira [Elektronnyj resurs]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7622973?ysclid=ma9iq1b5wc766181290> (data obrashhenija: 02.04.2025).

[2] Bojko E.O. Sudebno-psihiatricheskie aspekty ocenki riska recidivnoj prestupnosti sredi nesovershennoletnih / E.O. Bojko [i dr.] // Medicinskij vestnik Yuga Rossii. 2025. T. 16. № 1. S. 22-27.

[3] Yahieva-Onihimovskaya D.A. Vliyanie perinatal'nogo anamneza nesovershennoletnih pravonarushitelej na formirovanie ih lichnosti / D.A. Yahieva-Onihimovskaya [i dr.] // Zdravoohranenie Dal'nego Vostoka. 2024. № 4 (102). S. 47-53.

[4] Oficial'nyj sajt MVD Rossii [Elektronnyj resurs]. URL: <https://мвд.рф/reports/item/60248328/> (data obrashhenija: 30.03.2025).

[5] Novosti Vladimira i Vladimirskoj oblasti segodnya [Elektronnyj resurs]. URL: <https://33-news.ru/news/v-2024-godu-podrostki-vo-vladimirskoj-oblasti-sovershili-bolee-170-prestuplenij/> (data obrashhenija: 30.03.2025).

[6] Novosti v Rossii i mire - TASS [Elektronnyj resurs]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/23595435?ysclid=m95r2zualz342713184> (data obrashhenija: 04.04.2025).

ЮРКОПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

СОКУРОВ Азнаур Баширович,
подполковник полиции, преподаватель
Северо-Кавказский институт повышения
квалификации сотрудников МВД России (филиал)
Краснодарского университета МВД России,
кафедра организации правоохранительной деятельности,
e-mail: mail@law-books.ru

ВЫЯВЛЕНИЕ И РАСКРЫТИЕ МОШЕННИЧЕСТВ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ МОБИЛЬНЫХ СРЕДСТВ СВЯЗИ

Аннотация. В данной статье рассматриваются методы выявления и раскрытия мошенничеств с использованием мобильных средств связи, проанализированы их характеристика и статистические данные. Особое значение уделено действиям сотрудников органов внутренних дел по расследованию данных преступных деяний. На основе анализа реальных примеров представлены способы борьбы с мошенничеством, включая организационные и тактические мероприятия. Полученные результаты могут способствовать улучшению системы выявления и раскрытия подобных преступлений.

Ключевые слова: IP-телефония, IT-технологии, алгоритм, выявление и раскрытие преступлений, мошенничество с использованием мобильных средств связи, оперативно - розыскные мероприятия, органы внутренних дел, преступность, раскрываемость.

SOKUROV Aznaur Bashirovich,
police colonel, teacher North Caucasus Institute
for Advanced Training qualifications of employees
of the Ministry of Internal Affairs of Russia (branch)
Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Department of Law Enforcement Organization

IDENTIFICATION AND DISCLOSURE OF MOBILE COMMUNICATION FRAUDS

Annotation. This article discusses methods for detecting and uncovering fraud using mobile communications, analyzes their characteristics and statistical data. Special attention is paid to the actions of law enforcement officers to investigate these criminal acts. Based on an analysis of real-world examples, ways to combat fraud, including organizational and tactical measures, are presented. The results obtained can contribute to improving the system of detection and disclosure of collateral crimes.

Key words: IP telephony, IT technologies, algorithm, detection and disclosure of crimes, fraud using mobile communications, operational investigative measures, law enforcement agencies, crime, disclosure.

В современной экономической системе собственность занимает центральное место. Защита прав собственников выступает приоритетной государственной задачей. Это обусловлено тем, что право собственности служит основой материального благополучия граждан, а также гарантом их свободы и самостоятельности. Однако, с развитием современных цифровых технологий и внедрением искусственного интеллекта, в последние годы наблюдается крайне неблагоприятная криминальная ситуация, которая характеризуется ростом мошенничеств с использованием мобильных средств связи.

Анализируемые преступные деяния характеризуются высокой латентностью и низким уровнем раскрываемости. По данным официальной статистики МВД России за 2024 год, из числа всех преступлений (1911,3 тыс.) зарегистрировано 346 тыс. случаев мошенничества с использованием мобильных средств связи, что на 42,2% превышает показатели прошлого года. В 2024 году из них было раскрыто 37,634 тыс. (+24,5%), не раскрыто 307,387 тыс. (+38,7%), раскрываемость составила 10,9% [9].

Несмотря на распространенность данной категории преступлений и существующие иссле-

дования на эту тему, до сих пор сохраняются многочисленные проблемные вопросы в отношении их выявления и раскрытия, что препятствует эффективной работе правоохранительных органов и, в конечном счете, негативно влияет на борьбу с ними.

Предупреждение, пресечение, выявление и раскрытие анализируемых преступлений в 2024 году оставалось одной из приоритетных задач оперативно-служебной деятельности МВД России. Отмечалось увеличение количества фишинговых атак, осуществляемых в том числе с территории Украины, распространение сайтов и приложений, предоставляющих фиктивный доступ к бесконтактной оплате посредством NFC-технологии, фиксировались спам-рассылки с так называемых сайтов-двойников и т.д. Появились новые схемы телефонного мошенничества, в частности, перевод денег в безопасную виртуальную ячейку из-за отключения системы SWIFT и хищение под предлогом закрытия карт международных платежных систем. Кроме того, распространение получили мошеннические предложения по установке за плату VPN-сервисов, предназначенных для обхода блокировки Facebook и Instagram. Подмена абонентских номеров продолжала оставаться одним из способов совершения телефонных звонков с виртуальных абонентских номеров операторов IP-телефонии, а также операторов связи, осуществляющих свою деятельность на территории Российской Федерации [2].

Во многом возможности совершения преступлений с использованием средств мобильной связи были обусловлены несанкционированным доступом к персональным данным граждан, в том числе содержащимся в базах данных различных коммерческих и государственных организаций. Так, в открытом доступе в сети Интернет оказались базы: онлайн-ритейлеров «DNS» и «Ozon», ООО «Лаборатория Гемотест», транспортно-логистической компании «СДЭК», сервиса доставки еды «Delivery Club», сети магазинов «Спортмастер» и т.д.

На фоне специальной военной операции в регистрации мошеннических посягательств с использованием мобильных средств связи наметилась динамика, свидетельствующая об активизации лиц, причастных к совершению таких преступлений с территории Украины. Так, удельный вес мошенничеств с использованием мобильных средств связи в общем массиве преступности в 2023 году составил 25,8%, а в 2024 году - 26,5%, при этом в 37 регионах отмечалось превышение общероссийского показателя. В 2024 году наблюдался прирост количества зарегистрированных преступлений, совершенных с использованием мобильных средств связи, на объектах транспорта

(6,3 тыс.; +15%), их доля в числе всех зарегистрированных преступлений составила 18,1%, что выше на 3% чем в 2023 году.

По итогам 2024 года в общей структуре анализируемых преступлений отмечалось уменьшение количества тяжких составов на 11,5% (209,2 тыс.), особо тяжких составов на 21,6% (63,1 тыс.). Как и в 2023 году, большая часть преступлений в рассматриваемой сфере совершена с использованием сети Интернет (в 2024 году 381,1 тыс. или 73%, что на 8,4% больше чем в 2023 году. Всего в 2024 году правоохранительными органами окончены расследованием уголовные дела по 142,4 тыс. преступлениям (+19,7%), в том числе по 137,9 тыс. - лица установлены органами внутренних дел (+19,7%). В суды направлены уголовные дела по 133,5 тыс. (+20,1%) преступлений. Установлены 96,7 тыс. лиц, совершивших IT-преступления (+11,5%), из них 93,8 тыс. (+10,8%) - органами внутренних дел [2].

Органами внутренних дел в 2024 году раскрыто 96,8 тыс. (+19,8%) тяжких и особо тяжких деяний данного вида (2023 год: 84,7 тыс.; +18,2%). Установлены лица по 16,8 тыс. (+41,3%) преступлений, совершенных в составе организованной группы или преступного сообщества, из них органами внутренних дел - 16,5 тыс. (+41,8%). Так, в мае 2024 года в городе Москве сотрудниками МВД России за совершение с использованием IP-телефонии мошеннических действий под предлогом выплаты денежной компенсации за ранее приобретенные лекарства (БАДы) задержаны 15 участников организованной группы. В ходе обысков изъято 28 сотовых телефонов, 50 банковских карт, 8 ноутбуков, документация, а также записи, имеющие отношение к совершенным деяниям. Возбуждено уголовное дело по ч. 4 ст. 159 УК РФ.

Сотрудниками специализированных подразделений по борьбе с киберпреступностью в 2024 году установлены лица, виновные в совершении 43,7 тыс. (+33,4%) IT-преступлений (31,7% от общего количества посягательств этой категории; 2023 г.: 28,4%), в том числе IT - подразделениями в составе подразделений уголовного розыска - 25,4 тыс. (+23,1%), специальных технических мероприятий - 6,3 тыс. (+33,1%), экономической безопасности и противодействия коррупции - 4,4 тыс. (+86,7%) [2].

Расследование мошенничеств с использованием мобильных средств связи представляет собой сложную задачу, поскольку данные преступления совершаются на расстоянии и не предусматривают личного контакта между злоумышленником и жертвой. Для эффективного выявления и раскрытия таких преступлений проводится комплекс оперативно-розыскных мероприятий,

который позволяет установить личность преступников, собрать улики, предотвратить незаконные действия и задержать правонарушителей.

В научной литературе оперативно - розыскные мероприятия трактуются неоднозначно. Так, В.В. Прудник и Т.Ю. Завгородняя под ними понимают специальные методы познания, которые отражают суть данной деятельности в правоохранительной сфере [8, с.207]. Е.А. Непрокин определяет их как целенаправленные действия сотрудников оперативных подразделений органов внутренних дел, которые направлены на получение оперативно-значимой информации, решение оперативно-розыскных задач и достижение конкретных результатов, необходимых для предотвращения преступлений [5, с. 44].

Выявление и раскрытие преступлений включает в себя разнообразные методы и техники, направленные на сбор, анализ и обработку информации о конкретных объектах, выявление паттернов и возможных связей между ними, систематизацию и хранение собранных данных для дальнейшего исследования, что позволяет правоохранительным органам адаптироваться к специфике анализируемых преступлений, решать поставленные задачи и повышать эффективность расследования [7, с. 149]. Отсюда, можно сказать, что они носят информационно-аналитический характер и направлены на изучение объектов, которые представляют оперативный интерес.

Главная цель оперативно-розыскных мероприятий – получение разведывательной информации о криминальных событиях, лицах и фактах, поэтому они направлены на выявление и предотвращение преступлений и имеют следующие отличительные признаки:

- законодательная закреплённость, которая означает, что данные мероприятия регулируются федеральными нормативными и ведомственными актами, определяющими их перечень, правила и условия проведения;
- специальный субъект (орган, должностное лицо), который уполномочен на проведение оперативно-розыскной деятельности в рамках своей компетенции и полномочий;
- разведывательный характер, который направлен на сбор ранее неизвестных, тщательно скрываемых сведений о криминальных событиях, лицах и фактах;
- применение негласных методов и средств, которые помогают обеспечить их конфиденциальность, секретность и эффективность, что необходимо для успешного выполнения поставленных задач, защиты интересов государства и граждан [10, с. 125].

В зависимости от уровня сложности и специфики преступной деятельности мероприятия по выявлению и раскрытию преступлений можно разделить на:

1. Простые, которые не требуют специального санкционирования (постановления или решения), проводятся самостоятельно или в комплексе для сбора первичной информации и подтверждения факта совершения преступления. Например: опрос свидетелей и потерпевших для получения информации о происшествии и установления обстоятельств дела; наведение справок и проверка архивов для сбора дополнительной информации о подозреваемых лицах и связей между ними; наблюдение за подозреваемыми лицами для выявления их действий и определения связей с другими участниками; отождествление личности для установления или подтверждения того, что конкретное лицо является тем, за кого оно себя выдаёт или кем его считают другие люди.
2. Сложные, которые требуют специального санкционирования, проводятся самостоятельно и можно разделить на:
 - проводимые на основании специального постановления, утвержденного руководителем органа (проверочная закупка, оперативное внедрение т.д.);
 - проводимые на основании судебного решения, которые реализуются исключительно негласными методами и средствами, и включают: контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений; прослушивание телефонных переговоров; снятие информации с технических каналов связи и т.д. [5, с. 203].

В связи с тем, что в нормативных актах не определено, какие оперативно-розыскные мероприятия необходимо проводить на первоначальном этапе, а какие на последующем, создание единой модели выявления и раскрытия мошенничеств представляется сложной задачей.

Если учитывать все выше названные критерии, то в общем виде процесс выявления и раскрытия мошенничеств с использованием мобильных средств связи строится от установления данных средств к способу совершения и участику(ам), до движения похищенных денежных средств от потерпевшего к покупателю. В связи с этим, комплекс мероприятий может включать:

1. Опрос, который включает использование гласного и негласного общения сотрудника подразделения уголовного розыска с гражданами, которые обладают необходимыми сведениями о совершенном преступлении [10, с. 199].

2. Наведение справок, которое подразумевает проведение исследований и сбор информации путем изучения и анализа как бумажных, так и электронных документов, направления запросов в адрес лиц, обладающих информацией.

Для сбора и анализа данных сотрудники органов внутренних дел используют различные модификации систем технических средств, которые необходимы для получения: личных персональных данных (пол, возраст, имя, фамилия, дату и место рождения, адрес проживания, прописки и т.д.); контактной информации (номера телефонов, адреса электронной почты, аккаунты в социальных сетях и мессенджерах, логины, пароли, IP-адреса и т.д.); сведения об активности в интернете и связях с преступниками, а также отслеживание посещаемых веб-ресурсов, скачиваемых файлов и т.д.; геолокационных данных (информация о нахождении и перемещении подозреваемого или обвиняемого); финансовой информации (номера расчетных и банковских счетов, проведенных транзакций и т.д.) и другой информации.

1. Наблюдение – мероприятие, используемое правоохранительными органами для отслеживания перемещений подозреваемых лиц с использованием слухового, электронного, радиолокационного или других устройств и методов. Для этого определяется: вид транспорт, которым пользовался курьер, маршрут его движения, возможные местоположения преступников и т.д.
2. Отождествление личности – это оперативно-розыскное мероприятие, которое заключается в идентификации искомого лица для последующего привлечения его к ответственности и проводится с использованием различных методов и технологий. Сюда входят следующие действия: снятие отпечатков пальцев, сравнение фотографий и анализ видеоучетов, сличение по голосу, походке, одежде и т.д.
3. Обследование зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств с использованием различных технических средств, таких как фото- и видеоаппаратура, дроны и другое оборудование для более детального изучения объектов и получения необходимой информации. Результаты обследования оформляются протоколом, который содержит материалы, необходимые для дальнейшей работы сотрудников подразделений уголовного розыска [6, с. 156].

Осуществление выявления и раскрытия мошенничеств с использованием мобильных

средств связи осложняется: идентификацией лиц, совершивших преступные деяния, т.к. с развитием современных технологий и применением различных методов обмана и манипуляций мошенники используют анонимные номера, услуги переадресации звонков, подменные номера и другие технические уловки; противоречиями между местом нахождения потерпевшего и местом совершения преступления, в связи с тем, что мошенники могут находиться в другом доме, городе или стране [1, с.8]. Поэтому в общем виде процесс выявления и раскрытия должен строиться по следующему алгоритму:

1. Установление средств мобильной связи и компьютерной техники (идентификация устройств, используемых при совершении мошенничеств, и определение их характеристик, таких как IMEI номера телефона, IP-адрес компьютера, серийный номер устройства и т.д.).
2. Определение способа совершения преступления (анализ методов мошенничества, изучение способов сокрытия следов и т.д.).
3. Идентификация участников группы (определение возможных соучастников в совершении преступления, проведение анализа связей между участниками группы и выявления их ролей в преступной деятельности).
4. Отслеживание движения похищенных денежных средств или имущества (анализ транзакций денежных средств (имущества) на банковских или расчетных счетах, выявление возможных посредников и получателей выгоды, установление схемы перемещения или передачи денежных средств (продажи/покупки имущества) от потерпевшего к мошеннику и т.д. [3, с. 91].

Для выявления и раскрытия изучаемых преступлений информация, полученная в следствии оперативно-розыскных мероприятий, имеет диагностическое и идентификационное значение. Диагностическое значение заключается в том, что она помогает определить характер и масштаб преступления, установить его участников, выявить схемы и методы совершения, а также сделать выводы о возможных мотивах и целях преступника. Идентификационное значение заключается в том, что она помогает выявить лиц, совершивших преступные деяния, и связать их с конкретными действиями, совершенными в рамках преступления [4, с. 143].

Проведение данных мероприятий осложняется способом совершения мошенничества, поэтому они должны быть направлены на:

- поиск всех финансовых счетов потерпевшего (расчетных, лицевых, сберегательных, кредитных, дебетовых и т.д.) и анализ движений денежных средств на них;

- изучение фактов использования преступником электронных платежных систем, анализ данных о переводах, оплатах и других действиях, связанных с данными системами;
- установление способов получения персональных данных потерпевших путем анализа фишинговых сайтов, электронных писем и сообщений, мониторинг социальных сетей, онлайн-форумов и т.д.;
- анализ детализации действий потерпевших и преступников путем просмотра списка звонков, текстовых сообщений и т.д., определения местонахождения сотовых телефонов для установления связей между потерпевшим и преступником, а также времени и места взаимодействия;
- изучение и анализ поведения потерпевших и мошенников на различных онлайн-площадках для выявления паттернов и характера их взаимодействия.

В зависимости от вида совершенного мошенничества с использованием средств мобильной связи и для быстрого получения данных сотрудники органов внутренних дел должны действовать по следующему алгоритму:

- направить запрос представителям мобильных операторов и поисковых систем для установления абонентских, мобильных и виртуальных номеров, адресов электронной почты (включая изменения) IP-адресов, с которых пользователь выходил в интернет и т.д.;
- при установлении IP-адресов, используемых пользователем для выхода в интернет, с помощью сетевого ресурса 2ip.ru необходимо: установить провайдера, предоставляющего доступ в сеть; определить тип IP-адреса; направить запрос поставщику услуг с целью определения местонахождения абонента, анкетные данные пользователя с кем заключен договор и адрес установки оборудования; направить запрос поставщику услуг с целью определения точного времени выхода в сеть за максимально возможный период времени, запросить детализацию звонков и т.д.;
- в случае выявления факта использования пользователем VPN-соединения для выхода в сеть, необходимо провести повторную проверку с целью анализа файлов Cookie и установления актуального (реального) IP-адреса;
- при установлении абонентских номеров необходимо провести снятие информации с технических каналов связи (СИТКС) с указанием направления соединения (входящие-исходящие); осуществить прослушивание телефонных переговоров по установленным

абонентским номерам, а также реализовать такие мероприятия, как контролируемая поставка, оперативный эксперимент и т.д.;

- при получении результатов СИТКС провести анализ на предмет установления связей, использования банковских карт, сервисов такси, доставки еды и направить запросы как в вышеуказанные сервисы, так и в финансово-кредитные организации для установления номера и владельца банковской карты с выявленным абонентским номером, получить данные о перемещении похищенных денежных средств до их вывода через банкомат и т.д.; направить запросы представителям курьерских служб с целью установления отправления или получения посылок, а также сведений о предоставленных контактных данных;
- получить образцы голоса от операторов сотовых связей, видеоматериалы с камер банкоматов, камер видеонаблюдения в зоне нахождения банкоматов, а также городских уличных видеокамер и частных видеокамер для сравнительного анализа путем направления запросов в данные организации или обращения к гражданам, в пользовании которых находятся данные видеокамеры;
- провести анализ полученных сведений, оценить их достоверность и значимость для расследования совместно со следователем для определения дальнейших шагов и действий по установлению обстоятельств дела.

Таким образом, современное состояние преступности, связанной с совершением мошенничеств с использованием мобильных средств связи, показывает, что количество данных преступлений, из года в год увеличивается, а уровень раскрываемости сокращается, что можно рассматривать как отрицательный факт в деятельности правоохранительных органов.

Список литературы:

[1] Алексеева Т.А., Ахмедшин Р.Л., Юань В.Л. Исследование личности обвиняемого посредством анализа материала социальных сетей // Уголовно-процессуальные и криминалистические чтения на Алтае: проблемы и перспективы противодействия преступлениям, совершаемым с применением информационных технологий: сб. науч. статей. Барнаул : Изд-во Алт. унта, 2018. Вып. XV. С. 7-14.

[2] Аналитические материалы Организационно - аналитического департамента МВД России «Состояние правопорядка в Российской Федерации и основные результаты деятельности органов внутренних дел в 2024 году». – М.: 2024.

[3] Багреева Е.Г., Исмаилов Н.Э. Оглы, Бобылева Л.М. Искусственный интеллект как проти-

водействие мошенничеству в банковской сфере // Евразийская адвокатура. 2022. № 2 (57). С. 90-95.

[4] Люев Р.Х. Проблемы расследования мошенничества, совершенного с использованием банковских карт // Пробелы в российском законодательстве. 2021. № 4. С.142–145.

[5] Непрокин Е.А. Оперативно-розыскная деятельность, ее основные задачи, соотношение с уголовно-процессуальной деятельностью // Молодой ученый. 2019. №37(275). С. 44-45

[6] Оперативно-розыскная деятельность: учебник и практикум для среднего профессионального образования / А. Г. Маркушин. - 5-е изд., перераб. и доп. - М. : Юрайт, 2019. 342 с.

[7] Поздышев Р.С. Проблемные вопросы практики расследования хищений безналичных и электронных денежных средств // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2021. № 1 (53). С.143-148.

[8] Прудник В.В., Завгородняя Т.Ю. Межведомственное информационное взаимодействие в оперативно-розыскной деятельности // Актуальные вопросы информатизации Федеральной службы исполнения наказаний на современном этапе развития уголовно-исполнительной системы: Сборник материалов круглого стола. ФКУ «Научно-исследовательский институт информационных технологий ФСИН. – Тверь: НИИ Информационных технологий ФСИН, 2018. С. 206-208

[9] Статистический сборник «Состояние преступности в России за январь-декабрь 2024 года». - М.: ЦСИ ФКУ «ГИАЦ МВД России», 2024.

[10] Стаценко В.Г. К вопросу об использовании результатов ОРД при расследовании преступлений // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2018. № 1. С. 199.

Spisok literatury:

[1] Alekseeva T.A., Axmedshin R.L., Yuan` V.L. Issledovanie lichnosti obvinyaemogo posredstvom analiza materiala social'ny'x setej // Uголовно-процессуаль'ny'e i kriminalisticheskie chteniya na Altae: problemy i perspektivy protivodejstviya prestupleni-

yam, sovershaemy'm s primeneniem informacionny'x texnologij: sb. nauch. statej. Barnaul : Izd-vo Alt. unta, 2018. Vy`p. XV. S. 7-14.

[2] Analiticheskie materialy` Organizacionno - analiticheskogo departamenta MVD Rossii «Sostoyanie pravoporyadka v Rossijskoj Federacii i osnovny'e rezul'taty` deyatel'nosti organov vnutrennix del v 2024 godu». – М.: 2024.

[3] Bagreeva E.G., Ismailov N.E`. Ogly`, Bobyleva L.M. Iskusstvenny`j intellekt kak protivodejstvie moshennichestvu v bankovskoj sfere // Evrazijskaya advokatura. 2022. № 2 (57). С. 90-95.

[4] Lyuev R.X. Problemy` rassledovaniya moshennichestva, sovershennogo s ispol'zovaniem bankovskix kart // Probely` v rossijskom zakonodatel'stve. 2021. № 4. С.142–145.

[5] Neprokin E.A. Operativno-rozy'sknaya deyatel'nost`, ee osnovny'e zadachi, sootnoshenie s ugovovno-processual'noj deyatel'nost'yu // Molodoj uchenyj. 2019. №37(275). С. 44-45

[6] Operativno-rozy'sknaya deyatel'nost': uchebnik i praktikum dlya srednego professional'nogo obrazovaniya / A. G. Markushin. - 5-e izd., pererab. i dop. - М. : Yurajt, 2019. 342 с.

[7] Pozdy'shev R.S. Problemny'e voprosy` praktiki rassledovaniya xishhenij beznalichny'x i e'lektronny'x denezhny'x sredstv // Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii. 2021. № 1 (53). С.143-148.

[8] Prudnik V.V., Zavgorodnyaya T.Yu. Mezhdомstvennoe informacionnoe vzaimodejstvie v operativno-rozy'sknoj deyatel'nosti // Aktual'ny'e voprosy` informatizacii Federal'noj sluzhby` ispolneniya nakazaniy na sovremennom e'tape razvitiya ugovovno-ispolnitel'noj sistemy`: Sbornik materialov kruglogo stola. FКУ «Nauchno-issledovatel'skij institut informacionny'x texnologij FSIN. – Tver': NII Informacionny'x texnologij FSIN, 2018. С. 206-208

[9] Statisticheskij sbornik «Sostoyanie prestupnosti v Rossii za yanvar'-dekabr` 2024 goda». - М.: CzSI FКУ «GIAcz MVD Rossii», 2024.

[10] Stacenko V.G. K voprosu ob ispol'zovanii rezul'tatov ORD pri rassledovanii prestuplenij // Rassledovanie prestuplenij: problemy i puti ix resheniya. 2018. № 1. С. 199.

ЧЕРНОВА Анна Михайловна,
адъюнкт 3-го факультета
(подготовки научных и научно-педагогических кадров)
Академии управления МВД России,
e-mail: annachernova557@gmail.com

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ПРЕЮДИЦИЯ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ: «ЗА» И «ПРОТИВ»

Аннотация. Предметом исследования в данной статье выступили основные научные позиции относительно трактовки понятия «административная преюдиция» в уголовном праве, а также о необходимости существования и правового регулирования института административной преюдиции. Основная цель исследования состоит в определении актуальности решения проблемы выделения института административной преюдиции в уголовном праве России, а также в рассмотрении основных подходов к ее сущности и системе признаков. Методология настоящего исследования основана на диалектическом методе познания, который позволил выявить и разрешить дискуссионные противоречия по теме административной преюдиции в уголовно-правовых отношениях. Также в ходе исследования применялись такие методы научного анализа, как обобщение, сравнение, логический метод и другие.

Результаты исследования проблемы института административной преюдиции позволили автору сделать вывод о целесообразности его существования и функционирования в современном уголовном праве России и справедливости решения законодателя о включении административной преюдиции в уголовный закон, ввиду ее превентивного и профилактического характера. Помимо этого, автором сделан вывод о том, что в настоящее время требуется детальная теоретическая и прикладная проработка профилактической функции административной преюдиции, которую можно охарактеризовать как воздействие норм уголовно-правового законодательства с административной преюдицией на физических лиц, в частности, на лиц, подвергнутых административному наказанию, в целях недопущения совершения ими новых деяний, наказуемых по тем же статьям, а также для решения задач профилактики преступлений, стоящих перед уголовным законодательством в целом.

Ключевые слова: административная преюдиция, административно-преюдиционное деяние, виновный, деликт, наказание, повторность, правонарушение, преступление, проступок, уголовная ответственность.

CHERNOVA Anna Mikhaylovna,
adjunct of the 3rd faculty (training of scientific
and scientific-pedagogical personnel) Academy of Management
of the Ministry of Internal Affairs of Russia

ADMINISTRATIVE PREJUDICE IN CRIMINAL LAW: «FOR» AND «AGAINST»

Annotation. The subject of the research in this article are the main scientific positions regarding the interpretation of the concept of “administrative prejudice” in criminal law, as well as the need for the existence and legal regulation of the institute of administrative prejudice. The main objective of the study is to determine the relevance of solving the problem of identifying the institute of administrative prejudice in the criminal law of Russia, as well as to consider the main approaches to its essence and system of features. The methodology of this study is based on the dialectical method of cognition, which made it possible to identify and resolve controversial contradictions on the topic of administrative prejudice in criminal law relations. Also, such methods of scientific analysis as generalization, comparison, logical method and others were used in the course of the study.

The results of the study of the problem of the institute of administrative prejudice allowed the author to conclude that it is appropriate to exist and function in the modern criminal law of Russia and the fairness of the legislator’s decision to include administrative prejudice in the criminal law, due to its preventive and

prophylactic nature. In addition, the author concluded that at present there is a need for detailed theoretical and applied study of the preventive function of administrative prejudice, which can be characterized as the impact of criminal law norms with administrative prejudice on individuals, in particular, on individuals subject to administrative punishment, in order to prevent them from committing new acts punishable under the same articles, as well as to solve the problems of crime prevention facing criminal legislation as a whole.

Key words: *administrative prejudice, administrative-prejudicial act, guilty party, tort, punishment, repetition, offense, crime, misdemeanor, criminal liability.*

Актуальность исследования вопросов, связанных с определением необходимости существования института административной преюдиции в уголовном праве, определяется, прежде всего, сложностью уголовно-правовых отношений, в рамках которых решаются проблемы установления виновности и привлечения к ответственности лиц, совершающих преступления, как наиболее опасные деяния для личности, общества и государства. Также рассмотрение проблемы существования института административной преюдиции в уголовном праве связано с динамичностью уголовно-правового и административно-правового законодательства, которая совершенствуется в связи с запросами современного мира.

С принятием в 1996 г. действующего Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) административная преюдиция исключена из норм закона, поскольку неоднократно подвергалась резкой критике со стороны научной общественности. Как указывает К.А. Шлыкова «главным аргументом, в пользу отказа от использования данной юридической конструкции являлась позиция о том, что она противоречит конституционному принципу, в соответствии с которым никто не может быть повторно осужден за одно и то же преступление» [29, с.528]. Впоследствии, начиная с 2009 г. преюдиция уже имеет место во многих других уголовно-правовых составах. При этом проблема ее необходимости и действенности выступает одним из дискуссионных вопросов науки уголовного права, что было связано также с отсутствием легальной дефиниции в теории уголовного права, отсутствие законодательно оформленной системы ее признаков в УК и т.д.

После выступления Президента РФ, озвученного в рамках послания Федеральному Собранию Российской Федерации от 12 ноября 2009 г. [32], сложились объективно значимые предпосылки для введения института административной преюдиции в некоторые статьи действующего УК РФ.

В теории уголовного права существуют различные точки зрения в отношении роли административной преюдиции и можно встретить разные толкования этого понятия. Некоторые авторы [19, с. 145] указывают на тождественность круга правоотношений, которые регулируются и охра-

няются нормами уголовного и административного права. Тем самым обосновывают возможность существования единых рычагов воздействия на правонарушающее (деликтное) поведение, а также на систему превенции.

Тема административной преюдиции в уголовном праве является достаточно разработанной в науке. Так, еще в XIX в. данная проблема привлекла внимание таких русских ученых как Н.С. Таганцев [26], В.К. Случевский [24], Н.А. Буцковский [8,] и др. В советский период теме административной преюдиции в уголовном праве также уделялось внимание в научных исследованиях И.О. Грунтова [10], Ч.Ф. Мустафаева [18] и др.

В современной уголовно-правовой науке административная преюдиция становилась предметом исследования таких ученых, как А.Г. Безверхов [7], А.В. Богданов [5], И.М. Гошаев [9], Н.Ф. Кузнецова [12], З.Э. Эргашева [30], Г.В. Ямашева [31] и др. Отдельные вопросы квалификации преступлений с административной преюдицией рассмотрены Н.И. Пикуровым [20, 21], Т.В. Серковой [23] и др.

Дискуссии относительно различных аспектов административной преюдиции в уголовном праве не утихают и продолжают в настоящее время. Основными спорными вопросами являются, как понятие административная преюдиция в уголовном праве, так и ее необходимость в УК РФ. В настоящее время эта тема актуальна потому, что российский законодатель постоянно включает в УК РФ новые нормы, содержащие административную преюдицию. Так, к примеру, одними из последних статей, введенных в УК РФ, включающих конструкцию административной преюдиции, стали: ст.171.5 УК РФ; ст. 264.2 УК РФ; ст.280.3 УК РФ; ст. 284.2 УК РФ и др. В целом, по состоянию на 2025 год, более двадцати статей Особенной части УК РФ в качестве критерия криминализации используют факт привлечения к административной ответственности.

Возвращаясь к теме актуальности аргументов «за» и «против» административной преюдиции в уголовном праве, рассмотрим некоторые определения данной конструкции, которые высказаны учеными-правоведами. Так, по мнению Ч.Ф. Мустафаева, который отмечал, что в советском уголовном законодательстве под

административной преюдицией понимается «придание уголовно-правовой нормой факту законного и обоснованного применения административного взыскания за проступок значения необходимого предварительного условия признания, совершенного после этого деяния (аналогичного по объективной стороне) – преступления» [18, с. 203].

Достаточно подробно излагают определения административной преюдиции такие советские ученые, как И.О. Грунтов [10, с. 7] и Н.И. Пикуров [20, с. 177], рассматривая ее в качестве специальной правовой конструкции и способа коррекции границ между правонарушениями и преступлениями.

Что касается современного периода развития уголовно-правовой науки, то также можно выделить отсутствие единого понимания термина «административная преюдиция». Так, достаточно развернутое понятие данного термина представлено в диссертационном исследовании А.В. Богданова, который утверждает, что «административно-преюдиционное деяние – это административное правонарушение, установленное судом по результатам рассмотрения дела об административном правонарушении, совершение которого влечет за собой наличие у виновного специальной административной наказанности как условия привлечения к уголовной ответственности за совершение повторного деяния с признаками однородного административного правонарушения, в период времени, в течении которого лицо считается подвергнутым административному наказанию, в случаях прямо предусмотренных уголовным законом» [5, с. 8-9].

Таким образом, в указанном определении административная преюдиция позиционируется в качестве наказуемого в особом порядке деяния, которое представлено в качестве условия наступления именно уголовной ответственности. Подобный подход содержится и в позициях других современных российских ученых. Так, например, З.З. Мамхягов отмечает, что «административная преюдиция - это совершение административного правонарушения при наличии правового статуса административной наказанности лица за ранее совершенное тождественное правонарушение» [15, с. 86]. Т.В. Серкова полагает, что «административная преюдиция это - совершение лицом, ранее подвергнутым административному наказанию, нового тождественного или однородного административного правонарушения, за повторное совершение которого предусмотрена уголовная ответственность» [23, с. 12]. По мнению Е.В. Ямашевой «административная преюдиция - это привлечение к уголовной ответственности, если деяние совершено в течении определенного периода времени после наложения

одного или двух административных взысканий за такое же правонарушение» [31, с. 69]. Административную преюдицию в качестве особого процесса привлечения лица к уголовной ответственности, рассматривают Д.А. Сюзов и Н.В. Малышев, которые отмечают, что «если лицо в течение определенного периода времени после одного или двух административных взысканий за правонарушение совершит такое же правонарушение, оно привлекается к уголовной ответственности» [25, с. 156-158].

В своих исследованиях А.Г. Безверхов отмечает, что «сущность административной преюдиции состоит в признании неоднократно совершенных виновным лицом в течение определенного периода времени административных правонарушений после наложения за первое из них административной ответственности, юридическим фактом, порождающим уголовно-правовые последствия» [7, с. 140-147].

В научной литературе также существует мнение о том, что административную преюдицию в уголовном праве следует рассматривать в качестве особого положения участника уголовно-правовых отношений. Так, например, по мнению З.Э. Эргашевой «административная преюдиция - это «положение, при котором деяние считается преступлением лишь в случае, если лицо, его совершившее, ранее привлекалось к административной ответственности за подобное правонарушение» [30, с. 29]. В.И. Колосова выделяет административную преюдицию как «положение, при котором деяние считается преступлением лишь в случае, если лицо, его совершившее, ранее привлекалось к административной ответственности за подобное правонарушение» [11, с. 247].

Следует отметить актуальность определения, приведенного И.М. Гошаевым, который отмечает, что «административная преюдиция - это привлечение лица к уголовной ответственности, если оно в течение определённого периода времени (чаще всего в течение одного года) после одного или двух административных взысканий за правонарушение совершит такое же правонарушение» [9, с. 81-82]. А, к примеру, А.И. Бойко считает, что «административная преюдиция представляет собой «вариант индивидуальной криминализации», а нарушение административного запрета «накануне преступления выглядит как самостоятельно изготовленный индивидом повод» [6, с. 29].

Достаточно лаконичным представляется определение, приведенное в исследованиях Н.Ф. Кузнецовой, которая определяет административную преюдицию в качестве повторного совершения деяния, первые случаи которого образуют административное правонарушение [12, с. 400].

Дискуссионный характер темы административной преюдиции в уголовном праве также связана с отсутствием единой системы признаков, в соответствии с которыми можно говорить о ее выделении в качестве самостоятельного уголовно-правового института. Анализ указанных доктринальных и научных подходов к определению преюдиции в уголовном праве, позволил выделить в качестве таковых:

- 1) наступлению уголовной ответственности предшествует привлечение к административной ответственности;
- 2) повторность (тождественность, схожесть) совершаемых деяний, предусмотренных соответствующими нормами УК РФ и КоАП РФ;
- 3) установленный УК РФ срок учета повторности нарушений, влекущих ответственность в рамках конструкции составов административной преюдиции;
- 4) различная степень общественной опасности при однократном и повторном совершении противоправных действий.

Рассмотрим различные точки зрения, поддерживающих и отрицающих юридическую конструкцию административной преюдиции в уголовном праве. Одним из аргументов «за» административную преюдицию является то, что введение таких составов эффективно для предупреждения преступлений. Так, например, по мнению Е.А. Федоровой «использование административной преюдиции является одним из наиболее перспективных и интересных направлений развития уголовного закона Российской Федерации» [27, с.194]. В свою очередь, В.Н. Курченко рассматривает преюдицию, как «административное наказание как правовое средство борьбы с преступлениями» [14, с. 10-11].

Как отмечает О.С. Капинус, «административная преюдиция резко повышает профилактический потенциал соответствующего уголовно-правового запрета» [13, с. 78-79]. Аналогичной позиции придерживается Н.И. Пикуров, который утверждает, что «нормы с административной преюдицией объединяют профилактические функции уголовного закона и предупредительную функцию административно правового регулирования. В таком случае образуется не просто двойная, а многослойная система превенции» [21, с. 97].

В постановлении Конституционного Суда РФ от 8 апреля 2021 г. № 11-П также отстаивается позиция о необходимости института административной преюдиции. Так, «повторное совершение аналогичных или однородных административных правонарушений объективно свидетельствует как о недостаточности примененных средств для результативного противодействия возмущае-

мому поведению, так и о повышенной общественной опасности содеянного, что вкупе с иными факторами может рассматриваться в качестве конституционно значимой причины для криминализации соответствующих действий» (п.4) [4].

Некоторые исследователи [22, с. 254-259]., выступающие против существования в уголовном праве конструкции административной преюдиции, отрицают ее предупредительный (превентивный) характер, указывая на невозможность его эффективного использования в качестве средств борьбы с преступностью и правонарушающим поведением.

Противниками административной преюдиции в уголовном праве выступают некоторые судьи Конституционного суда РФ [33] и другие правоведы. К основным аргументам «против» административной преюдиции в уголовном праве ими отнесены: во-первых, нарушение принципа невозможности наступления уголовной ответственности дважды за одно и то же деяние; во-вторых, отсутствие возможности «ужесточить» наказание ввиду прошлых мер примененной ответственности; в-третьих, очевидный характер криминализации, которым наделяется институт административной преюдиции.

Важным представляется мнение Д.С. Чикина, который считает, что «так как основой состава преступления с административной преюдицией является деяние, за которое лицо ранее привлекалось к административной ответственности, из этого проистекает двойная юридическая оценка действий, и, как следствие, нарушение принципа «не дважды за одно» в виде повторной ответственности» [28, с. 18].

Однако, считая необходимым существование в уголовном праве института административной преюдиции, стоит обратить внимание на мнение А.И. Марцева, который справедливо утверждает, что «поскольку административные проступки не являются общественно опасными, а преступления данным признаком обладают, постольку мы имеем дело с переходом количества в новое качественное образование. Совершение нескольких административных проступков, за которые правонарушитель привлекался к административной ответственности, приводит к скачку: в его поведении образуется новое качество – преступление» [17, с. 87, 95].

Таким образом, подчеркивая дискуссионность рассмотренного вопроса, полагаем справедливым решение законодателя о включении административной преюдиции в уголовный закон, ввиду ее превентивного и профилактического характера.

Однако, в настоящее время требуется детальная теоретическая и прикладная проработка профилактической функции администра-

тивной преюдиции, т.к. представляется целесообразным рассматривать данную конструкцию в качестве эффективного средства борьбы с преступностью и правонарушающим поведением

Административную преюдицию в уголовном праве следует определять как закрепленную в УК РФ специальную конструкцию, имеющую связь с нормами административного права, при этом наделяющую противоправное поведение признаками преступления.

Список литературы:

- [1] Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 г. (с учетом изм. от 4.10.2022 г.) // РГ. 1993. №237.
- [2] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федеральный закон от 30.12.2001 №195-ФЗ (ред. от 28.02.2025 г.) // СЗ РФ. 2002. №1 (ч. 1). Ст.1.
- [3] Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 13.06.1996 г. №63-ФЗ (в ред. от 28.02.2025 г.)// СЗ РФ. 1996. №25. Ст. 2954.
- [4] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 8 апреля 2021 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности статьи 116.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Л.Ф. Саковой» // СПС «КонсультантПлюс».
- [5] Богданов А.В. Административная преюдиция в уголовном праве России: автореф. дис. канд. юрид. наук: специальность 12.00.08 / Богданов Алексей Викторович; ФГКОУ ВО Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации. Москва, 2019. 25 с.
- [6] Бойко А.И. Административная преюдиция в уголовном праве: за и против // Юрист-Правовед. 2004. №3. С. 29-31.
- [7] Безверхов А.Г. «Административная преюдиция» в уголовном законодательстве России: историко-правовой анализ // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы IX Международной научно-практической конференции (26–27 января 2012 г.). М.: Проспект, 2012. С. 140–147.
- [8] Буцковский Н.А. Основания кассационной практики по вопросам преюдициальным предсудимым. СПб., 1872. 61 с.
- [9] Гошаев И.М. Административная преюдиция в уголовном законодательстве: понятие и виды // Вестник Московского ун-та МВД России. 2016. № 7. С. 81-85.
- [10] Грунтов И.О. Уголовно-правовые нормы с административной преюдицией: дис. ... канд. юрид. наук: специальность 12.00.08 / Грунтов Игорь Олегович; БГУ им. В.И. Ленина. Минск., 1985. 156 с.
- [11] Колосова В.И. Административная преюдиция как средство предупреждения и совершенствования уголовного законодательства // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2011. № 5 (1). С. 247.
- [12] Кузнецова Н.Ф. Преступление и преступность / Избранные труды / Предисл. В.Н. Кудрявцева. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. С. 400–531.
- [13] Капинус О.С. Административная преюдиция в уголовном праве: проблемы теории и практики // Журнал российского права. 2019. № 6. С. 78-86.
- [14] Курченко В.Н. Парадигма административной преюдиции в уголовном праве // Российское право: образование, практика, наука. 2018. № 2 (104). С. 10- 21.
- [15] Мамхягов З.З. Административная преюдиция в уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук: специальность 5.1.4 / Мамхягов Зураб Зунелевич; ФГКОУ ВО «Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации Ставрополь. 2022. С. 86.
- [16] Мамхягов З.З. О допустимости использования административной преюдиции в уголовном законодательстве // Административное право и процесс. 2015. № 8. С. 72-74.
- [17] Марцев А.И. Диалектика и вопросы теории уголовного права. Красноярск, 1990. 130 с.
- [18] Мустафаев Ч.Ф. Административная преюдиция в советском уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук: специальность 12.00.08 / Мустафаев Ченгиз Фейруз оглы; Ин-т философии и права АН Азерб. ССР. Баку, 1986. С. 203.
- [19] Пантюхина И.В., Сидорова С.А. Формы взаимодействия охранительных норм КоАП РФ и УК РФ: проблемы разграничения и квалификации преступных деяний // Эпомен. 2022. №67. С. 145-162.
- [20] Пикуров Н.И. Уголовное право в системе межотраслевых связей. Волгоград: ВЮИ МВД РФ, 1988. С. 177.
- [21] Пикуров Н.И. Превентивная функция административной преюдиции в уголовном праве //Двойная превенция в борьбе с преступностью: вопросы теории и практики / отв. ред. Р.В. Жубрин. М.: Ун-т прокуратуры Рос. Федерации. 2018. С. 97-104.
- [22] Родин А.Ю., Ростокинский А.В. Административная преюдиция и профилактика преступлений // Образование и право. 2021. № 11. С. 254-259.
- [23] Серкова Т.В. Неоднократное преступное поведение: теоретико-прикладное исследование: дис. ... канд. юрид. наук: специальность 12.00.08 / Серкова Татьяна Валентиновна; Нижегородская академия МВД РФ. Н. Новгород, 2016. С. 12.

[24] Случевский В.К. Учебник русского уголовного процесса. Судопроизводство. СПб., 1892. 683 с.

[25] Сюзев Д.А., Малышев Н.В. Административная преюдиция в уголовном праве и права человека // В сборнике: Россия - Евразия - мир: интеграция - развитие - перспектива. Материалы XIV Евразийского экономического форума молодежи. В 4-х томах. Екатеринбург, 2024. С. 156-158.

[26] Таганцев Н.С. О повторении преступлений: Исследование Н.С. Таганцева / Издание Журнала министерства юстиции. СПб., 1867. 296 с.

[27] Федорова Е.А. Подходы к пониманию профилактической функции административной преюдиции в уголовном праве // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2024. № 2 (55). С. 194-200.

[28] Чикин Д.С. Преступление с административной преюдицией как вид сложного единичного преступления // Российский следователь. 2012. №23. С. 17-21.

[29] Шлыкова К.А. Составы преступлений с административной преюдицией: за и против // Вопросы российской юстиции. 2022. №20. С. 526-539.

[30] Эргашева З.Э. Административная преюдиция в уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук: специальность 12.00.08 / Эргашева Зарина Эркиновна; Ун-т прокуратуры РФ. Москва, 2018. 215 с.

[31] Ямашева Г.В. К вопросу о восстановлении института административной преюдиции в уголовном законе // Журнал российского права. 2009. № 10. С. 69.

[32] Послание Президента РФ Дмитрия Медведева Федеральному Собранию Российской Федерации от 12.11.2009 г. // РГ. 2009. №214(5038).

[33] Ориентир для судов - Административной преюдиции в УК РФ - «да», учет политических убеждений подсудимого - «нет» [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.advgazeta.ru> (дата обращения: 20.04.2025 г.).

Spisok literatury:

[1] Konstituciya Rossijskoj Federacii ot 12.12.1993 g. (s uchetom izm. ot 4.10.2022 g.) // RG. 1993. №237.

[2] Kodeks Rossijskoj Federacii ob administrativnyx pravonarusheniyax: federal'nyj zakon ot 30.12.2001 №195-FZ (red. ot 28.02.2025 g.) // SZ RF. 2002. №1 (ch. 1). St.1.

[3] Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii: federal'nyj zakon ot 13.06.1996 g. №63-FZ (v red. ot 28.02.2025 g.)// SZ RF. 1996. №25. St. 2954.

[4] Postanovlenie Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 8 aprelya 2021 g. № 11-P «Po

delu o proverke konstitucionnosti stat'i 116.1 Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii v svyazi s zhaloboj grazhdanki L.F. Sakovoj» // SPS «Kon-sul'tantPlyus».

[5] Bogdanov A.V. Administrativnaya preyudiciya v ugovnom prave Rossii: avtoref. dis. kand. yurid. nauk: special'nost' 12.00.08 / Bogdanov Aleksej Viktorovich; FGKOU VO Akademiya upravleniya Ministerstva vnutrennix del Rossijskoj Federacii. Moskva, 2019. 25 s.

[6] Bojko A.I. Administrativnaya preyudiciya v ugovnom prave: za i protiv // Yurist-Pravoved. 2004. №3. S. 29-31.

[7] Bezverxov A.G. «Administrativnaya preyudiciya» v ugovnom zakonodatel'stve Rossii: istoriko-pravovoj analiz // Ugolovnoe pravo: strategiya razvitiya v XXI veke: materialy IX Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii (26-27 yanvarya 2012 g.). M.: Prospekt, 2012. S. 140-147.

[8] Buczkovskij N.A. Osnovaniya kassacionnoj praktiki po voprosam preyudicial'ny'm predsumim'y'm. SPb., 1872. 61 s.

[9] Goshayev I.M. Administrativnaya preyudiciya v ugovnom zakonodatel'stve: ponyatie i vidy // Vestnik Moskovskogo un-ta MVD Rossii. 2016. № 7. S. 81-85.

[10] Gruntov I.O. Ugolovno-pravovy'e normy s administrativnoj preyudiciej: dis. ... kand. yurid. nauk: special'nost' 12.00.08 / Gruntov Igor' Olegovich; BGU im. V.I. Lenina. Minsk., 1985. 156 s.

[11] Kolosova V.I. Administrativnaya preyudiciya kak sredstvo preduprezhdeniya i sovershenstvovaniya ugovnogo zakonodatel'stva // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. 2011. № 5 (1). S. 247.

[12] Kuzneczova N.F. Prestuplenie i prestupnost' / Izbranny'e trudy / Predisl. V.N. Kudryavceva. SPb.: Yuridicheskij centr Press, 2003. S. 400-531.

[13] Kapinus O.S. Administrativnaya preyudiciya v ugovnom prave: problemy teorii i praktiki // Zhurnal rossijskogo prava. 2019. № 6. S. 78-86.

[14] Kurchenko V.N. Paradigma administrativnoj preyudicii v ugovnom prave // Rossijskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka. 2018. № 2 (104). S. 10- 21.

[15] Mamxyagov Z.Z. Administrativnaya preyudiciya v ugovnom prave: dis. ... kand. yurid. nauk: special'nost' 5.1.4 / Mamxyagov Zurab Zunelevich; FGKOU VO «Krasnodarskij universitet Ministerstva vnutrennix del Rossijskoj Federacii Stavropol'. 2022. S. 86.

[16] Mamxyagov Z.Z. O dopustimosti ispol'zovaniya administrativnoj preyudicii v ugovnom zakonodatel'stve // Administrativnoe pravo i process. 2015. № 8. S. 72-74.

[17] Marcev A.I. Dialektika i voprosy teorii ugovnogo prava. Krasnoyarsk, 1990. 130 s.

[18] Mustafaev Ch.F. Administrativnaya preysuditsiya v sovetskom ugolovnom prave: dis. ... kand. yurid. nauk: special'nost' 12.00.08 / Mustafaev Chengiz Fejruz ogly'; In-t filosofii i prava AN Azerb. SSR. Baku, 1986. S. 203.

[19] Pantyuxina I.V., Sidorova S.A. Formy` vzaimodeystviya oxranitel'ny`x norm KoAP RF i UK RF: problemy` razgranicheniya i kvalifikatsii prestupny`x deyanij // E`pomen. 2022. №67. S. 145-162.

[20] Pikurov N.I. Ugolovnoe pravo v sisteme mezhotraslevy`x svyazej. Volgograd: VYul MVD RF, 1988. S. 177.

[21] Pikurov N.I. Preventivnaya funktsiya administrativnoj preysuditsii v ugolovnom prave //Dvojnaya prevenciya v bor'be s prestupnost'yu: voprosy` teorii i praktiki / otv. red. R.V. Zhubrin. M.: Un-t prokuratury` Ros. Federatsii. 2018. S. 97-104.

[22] Rodin A.Yu., Rostokinskij A.V. Administrativnaya preysuditsiya i profilaktika prestuplenij // Obrazovanie i pravo. 2021. № 11. S. 254-259.

[23] Serkova T.V. Neodnokratnoe prestupnoe povedenie: teoretiko-prikladnoe issledovanie: dis. ... kand. yurid. nauk: special'nost' 12.00.08 / Serkova Tat'yana Valentinovna; Nizhegorodskaya akademiya MVD RF. N. Novgorod, 2016. S. 12.

[24] Sluchevskij V.K. Uchebnik russkogo ugolovnogo processa. Sudoproizvodstvo. SPb., 1892. 683 s.

[25] Syuzev D.A., Maly`shev N.V. Administrativnaya preysuditsiya v ugolovnom prave i prava cheloveka // V sbornike: Rossiya - Evraziya - mir: integratsiya - razvitie - perspektiva. Materialy` XIV

Evrazijskogo e`konomicheskogo foruma molodezhi. V 4-x tomax. Ekaterinburg, 2024. S. 156-158.

[26] Tagancev N.S. O povtoreнии prestuplenij: Issledovanie N.S. Taganceva / Izdanie Zhurnala ministerstva yustitsii. SPb., 1867. 296 s.

[27] Fedorova E.A. Podxody` k ponimaniyu profilakticheskoy funktsii administrativnoj preysuditsii v ugolovnom prave // Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2024. № 2 (55). S. 194-200.

[28] Chikin D.S. Prestuplenie s administrativnoj preysuditsiej kak vid slozhnogo edinichnogo prestupleniya // Rossijskij sledovatel'. 2012. №23. S. 17-21.

[29] Shly`kova K.A. Sostavy` prestuplenij s administrativnoj preysuditsiej: za i protiv // Voprosy` rossijskoj yustitsii. 2022. №20. S. 526-539.

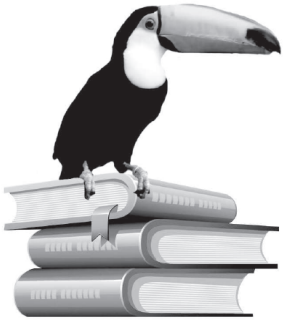
[30] E`rgasheva Z.E. Administrativnaya preysuditsiya v ugolovnom prave: dis. ... kand. yurid. nauk: special'nost' 12.00.08 / E`rgasheva Zarina E`rkinovna; Un-t prokuratury` RF. Moskva, 2018. 215 s.

[31] Yamasheva G.V. K voprosu o vosstanovlenii instituta administrativnoj preysuditsii v ugolovnom zakone // Zhurnal rossijskogo prava. 2009. № 10. S. 69.

[32] Poslanie Prezidenta RF Dmitriya Medvedeva Federal'nomu Sobraniyu Rossijskoj Federatsii ot 12.11.2009 g. // RG. 2009. №214(5038).

[33] Orientir dlya sudov - Administrativnoj preysuditsii v UK RF – «da», uchetu politicheskix ubezhdenij podsudimogo – «net» [E`lektronny`j resurs] // Rezhim dostupa: <https://www.advgazeta.ru> (data obrashheniya: 20.04.2025 g.).

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

МАХНЕВА Полина Андреевна,
магистрант, кафедра уголовного
права и уголовного процесса
Института философии и права,
Новосибирский национальный исследовательский
государственный университет,
e-mail: polinamakhneva15@gmail.com

ПОПОВА Дарья Константиновна,
магистрант, кафедра гражданского права
Института философии и права,
Новосибирский национальный исследовательский
государственный университет,
e-mail: dasha-popova-2012@bk.ru

ПОНЯТИЕ, ПРИЗНАКИ И ВИДЫ СОУЧАСТИЯ В ПРЕСТУПЛЕНИИ

Аннотация. В настоящей статье авторами подвергается анализу понятие соучастия в преступлении, приводятся сложившиеся на этот счет в юридической литературе позиции как дореволюционных, так и современных исследователей, дается оценка возможности соучастия в преступлениях, совершенных по неосторожности. Особое внимание уделяется вытекающим из определения признакам соучастия – совместность участия, умышленность участия, наличие двух или более лиц в преступлении, совершение участниками умышленного преступления – раскрываемым не только в доктрине, но и в правовых позициях Верховного суда РФ. Кроме того, в рамках настоящей статьи исследуется вопрос, связанный с отграничением форм соучастия от его видов – авторы приходят к выводу о невозможности их отождествления и необходимости отдельного изучения видов соучастия как самостоятельной категории.

Ключевые слова: соучастие в преступлении, понятие, признаки, формы соучастия, виды соучастия.

MAKHNEVA Polina Andreevna,
Novosibirsk State University

POPOVA Daria Konstantinovna,
Novosibirsk State University

CONCEPT, SIGNS AND TYPES OF COMPLICITY IN CRIME

Annotation. In this article, the authors analyze the concept of complicity in a crime, present the positions of both pre-revolutionary and modern researchers on this subject in the legal literature, and assess the possibility of complicity in crimes committed through negligence. Special attention is paid to the signs of complicity arising from the definition – joint participation, intentional participation, the presence of two or more persons in a crime, the commission of an intentional crime by participants – disclosed not only in the doctrine, but also in the legal positions of the Supreme Court of the Russian Federation. In addition, this article examines the issue of distinguishing the forms of complicity from its types – the authors conclude that it is impossible to identify them and the need for a separate study of the types of complicity as an independent category.

Key words: complicity in a crime, concept, signs, forms of complicity, types of complicity.

Институт соучастия интересовал исследователей разных столетий, которые стремились дать ему определение в соответствии с последними достижениями науки уголовного права. Так, ученый конца XIX в. Г.Е. Колоколов

рассматривал данную категорию как через отношение нескольких лиц к единичному результату, при котором каждое из них способствует достижению результата «виновным образом» [1, с. 56], не соглашаясь с признаваемой и по сей день

позицией Н.С. Таганцева о невозможности неосторожной формы вины при соучастии или наличии «соглашения участвующих лиц» [1, с. 51].

Последователями неосторожного соучастия были А.Я. Вышинский, А.Н. Трайнин, а также многие дореволюционные ученые. Представляются исчерпывающими комментарии М.И. Ковалева о том, что совершение преступления несколькими лицами нуждается в особом правовом регулировании только в случаях, когда действия лиц объединены общим замыслом. Автор приводит аргументы и с точки зрения теории: соучастники не выполняют преступление своими действиями, а лишь создают благоприятные условия для деятельности исполнителя; последний использует «труды» соучастников только после того, как они отразятся в его сознании и будут оценены [2, с. 23].

Законодательное оформление понятия соучастия в отечественном уголовном праве претерпевало изменения: только действующий Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) распространил умысленность на характеристику преступления [3, с. 14]. Итак, согласно статье 32 УК РФ соучастием в преступлении признается умысленное совместное участие двух или более лиц в совершении умысленного преступления [4].

А.А. Арутюнов считает данное уголовным законом определение полным и правильным, указывая лишь, что при грамматическом толковании нормы выявляется удвоение за счет словосочетания «совместное участие», однако, по мнению автора, это особо подчеркивает интегративный характер категории [3, с. 28].

Из раскрытого в уголовном законе понятия соучастия вытекают такие его признаки, как:

- совместность участия;
- умысленность участия;
- наличие двух или более лиц в преступлении;
- совершение участниками умысленного преступления.

Признак совместности С.Н. Наумов относит к числу оценочных. Автор говорит о разном проявлении признака в материальном и формальном составах: в формальном составе совместность подразумевает объединение усилий, а в материальном – важной характеристикой будет наступление общих для всех соучастников преступных последствий.

Особый интерес у С.Н. Наумова вызывает признак, раскрывающий количественную составляющую соучастников преступления, который автор также характеризует как оценочный. Так, в законе не указано, какими признаками должны обладать «два и более лица», в связи с чем в научных кругах бытуют разные мнения: одни

говорят о достаточности наличия признаков субъекта преступления у одного такого лица, другие – об отсутствии в этом случае соучастия [5, с. 67].

Менялось и мнение Верховного Суда. В Обзоре судебной практики за IV квартал 2000 года, инстанция утверждает о признании преступления совершенным группой лиц по предварительному сговору, независимо от того, что участвовавшие могли быть не привлечены к уголовной ответственности в силу не достижения возраста или невменяемости [6].

Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 6 февраля 2007 г. № 7 сделано уточнение о возможности квалификации действий лиц по ст. 158, 161 и 162 УК РФ по признакам «группа лиц по предварительному сговору», «организованная группа» лишь для двух и более исполнителей, подлежащих уголовной ответственности [7].

Сам же С.Н. Наумов соглашается с новой позицией Верховного Суда, обосновывая такое толкование потребностью установления «двухсторонней субъективной связи между соучастниками», что требует осознанности факта совершения преступления [5, с. 73]. Такого же мнения придерживается А.Н. Мондохонов, раскрывая признак умысленного участия, под которым автор понимает охват умыслом соучастника как собственного деяния, так и деяний других соучастников [8, с. 35].

Нельзя обойти стороной и деление признаков категории на объективные и субъективные. К первой группе следует относить количественный признак соучастия и качественный признак – признак совместности, ко второй – соответственно, оставшиеся.

Кроме того, признаки соучастия можно найти не только в статье 32 УК РФ, но и в рамках статей 33, 35 Общей части, а также в статьях Особенной части, раскрывающих отдельные составы преступлений [5, с. 20].

Для целей данной статьи представляется важным отграничение форм соучастия от его видов.

Далеко не все авторы считают такое деление значимым. К примеру, А.Б. Калмыкова в своей диссертации отмечает, что отграничение видов и форм соучастия условно из-за наличия между ними неразрывной связи [9, с. 11].

В.С. Комиссаров указывал на различие критериев выделения этих категорий: по основанию характера выполнения объективной стороны преступления автор разграничивал такие виды соучастия, как простое (соисполнительство) и сложное (с разделением ролей) [10, с. 227]. Подобную классификацию выводил и М.И. Ковалёв, предлагая дополнить легальное определение

указанием на возможность соучастия как с разделением ролей, так и без него (иначе ограничительное толкование исключает из соучастия соисполнительство), при этом непосредственного отделения видов от форм исследования не производил [2, с. 19]. А.П. Козлов в своем исследовании указывает на два критерия выделения видов соучастия: в зависимости от выполняемых соучастниками функций при совместной их деятельности и в зависимости от степени организованности действий, призывая «для удобства» использовать термин «виды» по отношению к первому критерию, «формы» – ко второму [11, с. 298]. Так, авторами делается акцент на разных основаниях разграничения видов соучастия и его форм.

Важно отметить, что с видами соучастия связано также установление ответственности соучастников и её индивидуализация, а наличие самостоятельного уголовно-правового значения, в свою очередь, ещё раз подтверждает «неакцессорный» характер видов соучастия.

Таким образом, считаем правильным согласиться с позицией С.Н. Наумова о том, что соучастие составляет совместное участие не менее двух субъектов, отвечающее признаку умышленности участия. Этот и другие признаки, упомянутые в статье 32 УК РФ, не являются исчерпывающими ни в теории, ни в самом уголовном законе, однако представляется возможным отметить их общепризнанный характер. В дискуссии о разграничении понятий виды и формы соучастия мы придерживаемся позиции, согласно которой виды – самостоятельная категория, заслуживающая отдельного исследования.

Список литературы:

- [1] Колоколов Г.Е. О соучастии в преступлении: монография. М.: б.и., 1881. 215 с.
- [2] Ковалев М.И. Соучастие в преступлении: монография. Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 1999. 202 с.
- [3] Арутюнов А.А. Соучастие в преступлении: монография. М.: Статут, 2013. 408 с.
- [4] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. N 63-ФЗ (ред. от 25.03.2022) // Собрание законодательства РФ. - 1996. - №25. - ст. 2954.
- [5] Наумов С.Н. Оценочные признаки соучастия в преступлении: дис. ... кан.юрид.наук. Краснодар, 2009. 195 с.
- [6] Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за IV квартал 2000 г. // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>.
- [7] Об изменении и дополнении некоторых постановлений Пленума Верховного Суда Рос-

сийской Федерации по уголовным делам: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 06.02.2007 №7 (ред. от 29.11.2018) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2007 г. - №5.

[8] Мондохонов А.Н. Соучастие в преступной деятельности: монография. М.: ГОУ ВПО РПА МЮ РФ, 2006. 124 с.

[9] Калмыкова А.Б. Соучастие в преступлении (социальная и юридическая сущность): автореф. дис. ... канд.юрид.наук. М., 2010. 28 с.

[10] Комиссаров В.С. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник для вузов. М.: Статут, 2012. 466 с.

[11] Козлов А.П. Соучастие: уголовно-правовые проблемы: дис. ... канд.юрид.наук. СПб, 2003. 502 с.

Spisok literatury:

- [1] Kolokolov G.E. O souchastii v prestuplenii: monografiya. M.: b.i., 1881. 215 s.
- [2] Kovalev M.I. Souchastie v prestuplenii: monografiya. Ekaterinburg: Izd-vo UrGYuA, 1999. 202 s.
- [3] Arutyunov A.A. Souchastie v prestuplenii: monografiya. M.: Statut, 2013. 408 s.
- [4] Ugolovny'j kodeks Rossijskoj Federacii ot 13.06.1996 g. N 63-FZ (red. ot 25.03.2022) // Sbornie zakonodatel'stva RF. - 1996. - №25. - st. 2954.
- [5] Naumov S.N. Ocenochny'e priznaki souchastiya v prestuplenii: dis. ... kan.yurid.nauk. Krasnodar, 2009. 195 s.
- [6] Obzor sudebnoj praktiki Verxovnogo Suda Rossijskoj Federacii za IV kvartal 2000 g. // Oficial'ny'j internet-portal pravovoj informacii <http://www.pravo.gov.ru>.
- [7] Ob izmenenii i dopolnenii nekotory'x postanovlenij Plenuma Verxovnogo Suda Rossijskoj Federacii po ugovolny'm delam: Postanovlenie Plenuma Verxovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 06.02.2007 №7 (red. ot 29.11.2018) // Byulleten' Verxovnogo Suda Rossijskoj Federacii. – 2007 g. - №5.
- [8] Mondoxonov A.N. Souchastie v prestupnoj deyatel'nosti: monografiya. M.: GOU VPO RPA MYu RF, 2006. 124 s.
- [9] Kalmy'kova A.B. Souchastie v prestuplenii (social'naya i yuridicheskaya sushhnost'): avtoref. dis. ... kand.yurid.nauk. M., 2010. 28 s.
- [10] Komissarov V.S. Ugolovnoe pravo Rossijskoj Federacii. Obshhaya chast': uchebnik dlya vuzov. M.: Statut, 2012. 466 s.
- [11] Kozlov A.P. Souchastie: ugovolno-pravovy'e problemy': dis. ... kand.yurid.nauk. SPb, 2003. 502 s.

ДАУРОВ Алим Ибрагимович,
старший преподаватель кафедры огневой подготовки,
подполковник полиции, СКИПК (филиал),
Краснодарского университета
МВД России,
e-mail: mail@law-books.ru

ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ И ЗАДЕРЖАНИЯ ПРЕСТУПНИКОВ С ИЗМЕНЁННОЙ ВНЕШНОСТЬЮ: СОВРЕМЕННЫЕ АСПЕКТЫ БИОМЕТРИЧЕСКОГО УКЛОНЕНИЯ

Аннотация. В статье рассматриваются современные проблемы, с которыми сталкиваются правоохранительные органы при идентификации и задержании преступников, целенаправленно изменивших свою внешность. Анализируются технологические, правовые и практические аспекты биометрического уклонения в контексте развития систем распознавания лиц и других биометрических технологий. Исследованы основные методы изменения внешности, используемые для избегания идентификации, включая хирургическое вмешательство, маскировку и технологические способы обмана систем распознавания. Представлен обзор современных подходов к решению данных проблем и перспективные направления совершенствования методов идентификации в условиях растущей сложности биометрического уклонения. Особое внимание уделяется междисциплинарному взаимодействию и международному сотрудничеству как необходимым условиям для эффективного противодействия данному явлению.

Ключевые слова: Биометрическая идентификация, изменение внешности, распознавание лиц, биометрическое уклонение, правоохранительные органы, криминалистика, мультимодальная биометрия, пластическая хирургия, доказательная база, международное сотрудничество.

DAUROV Alim Ibragimovich,
Senior Lecturer at the Department of Fire Training,
Police Lieutenant Colonel, SKIPK (branch),
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia

PROBLEMS OF IDENTIFICATION AND DETENTION OF CRIMINALS WITH ALTERED APPEARANCE: MODERN ASPECTS OF BIOMETRIC EVASION

Annotation. The article discusses the current problems that law enforcement agencies face when identifying and detaining criminals who have deliberately changed their appearance. It analyzes the technological, legal and practical aspects of biometric evasion in the context of the development of facial recognition systems and other biometric technologies. The main methods of changing appearance used to avoid identification are studied, including surgical intervention, disguise and technological methods of deceiving recognition systems. An overview of modern approaches to solving these problems and promising areas for improving identification methods in the context of the growing complexity of biometric evasion are presented. Particular attention is paid to interdisciplinary interaction and international cooperation as necessary conditions for effectively countering this phenomenon.

Key words: Biometric identification, appearance modification, facial recognition, biometric evasion, law enforcement, forensics, multimodal biometrics, plastic surgery, evidence base, international cooperation.

Проблема идентификации и задержания лиц, совершивших преступления и целенаправленно изменивших свою внешность, ста-

новится всё более актуальной в современном мире. Развитие биометрических технологий, особенно систем распознавания лиц, значительно

повысило возможности правоохранительных органов по выявлению преступников. Однако параллельно с этим развиваются и методы уклонения от биометрической идентификации, что создаёт серьёзные вызовы для систем безопасности.

Как отмечает А.В. Коновалов [7, с. 42], технологическая гонка между средствами идентификации и методами биометрического уклонения создаёт постоянно меняющийся ландшафт рисков в сфере безопасности. Эта дуэль технологий приобретает особую остроту в контексте трансграничной преступности, когда преступники активно используют различные юрисдикции для затруднения своей идентификации и преследования. Коновалов подчёркивает, что каждое значимое усовершенствование систем биометрической идентификации порождает ответные меры со стороны криминальных структур, вкладывающих значительные ресурсы в разработку новых методов уклонения [7, с. 44].

По данным исследования Н.П. Майорова и С.И. Петрова [9, с. 127], за последние пять лет наблюдается рост числа случаев целенаправленного изменения внешности среди лиц, совершивших тяжкие преступления, что усложняет работу правоохранительных органов. Авторы проанализировали более 300 случаев задержания лиц, находившихся в международном розыске, и выявили, что в 47% случаев преступники предпринимали существенные меры по изменению внешности. «Особенно тревожной тенденцией является рост числа случаев комплексного изменения внешности, включающего как хирургические вмешательства, так и использование современных технологических средств для обмана биометрических систем», — указывают исследователи [9, с. 129].

Системы распознавания лиц (далее - СРЛ) стали одним из основных инструментов идентификации в работе правоохранительных органов. По данным И.М. Смирнова [12, с. 89], точность современных алгоритмов распознавания лиц достигает 99,8% в контролируемых условиях. СРЛ широко применяются как для оперативного поиска в местах массового скопления людей, так и для ретроспективной идентификации по видеозаписям.

Смирнов детально анализирует различные типы алгоритмов распознавания лиц, отмечая, что «наибольший прогресс в последние годы связан с применением глубоких нейронных сетей (DNN) и сверточных нейронных сетей (CNN), которые демонстрируют значительно более высокую устойчивость к частичному закрытию лица, изменениям освещения и ракурса» [12, с. 91]. Автор отмечает, что точность современных алгоритмов

на основе DNN при распознавании лиц в неконтролируемых условиях (уличное видеонаблюдение, толпа) выросла с 60-70% в 2015 году до 85-95% в 2022 году.

Т.К. Власова [2, с. 54] подчёркивает, что интеграция искусственного интеллекта в биометрические системы позволила существенно повысить устойчивость к различным способам маскировки, включая макияж, ношение аксессуаров и частичную закрытость лица [12]. Исследования Власовой демонстрируют, что современные алгоритмы машинного обучения способны не только идентифицировать лицо в условиях частичной маскировки, но и предсказывать вероятный вид полного лица на основе видимых фрагментов.

Значительный прорыв произошёл благодаря применению генеративно-сопоставительных нейронных сетей (GAN), которые позволяют моделировать различные варианты изменения внешности и тренировать системы распознавания на распознавание этих изменений [2, с. 56].

Развитие систем биометрической идентификации, по мнению Власовой, движется в направлении создания «самообучающихся адаптивных систем, способных автоматически выявлять и анализировать новые методы маскировки и уклонения от идентификации» [2, с. 59]. Такие системы в перспективе будут способны не только идентифицировать лиц с изменённой внешностью, но и выявлять сам факт применения методов биометрического уклонения.

Существует несколько категорий методов, используемых преступниками для уклонения от биометрической идентификации. Д.Н. Борисов [1, с. 78] классифицирует их следующим образом:

1. Хирургические вмешательства: пластические операции лица, изменение разреза глаз, коррекция ушей, изменение формы носа, подбородка и скул. По данным исследования Г.М. Дроздова [4, с. 132], за последние 10 лет отмечается рост числа случаев радикальной пластической хирургии среди лиц, находящихся в международном розыске.

Дроздов проводит детальный анализ конкретных случаев, когда преступникам удавалось годами избегать задержания благодаря хирургическому изменению внешности. Наиболее эффективными с точки зрения уклонения от идентификации являются комплексные хирургические вмешательства, затрагивающие одновременно несколько ключевых областей лица — носовую перегородку, скуловые дуги, подбородок и веки [4, с. 134]. Автор отмечает, что особую опасность представляют случаи, когда преступники используют услуги нелегальных хирургов в

странах с низким уровнем регулирования медицинской деятельности [5], что затрудняет отслеживание таких операций.

Борисов указывает на то, что «хирургическое изменение внешности стало доступнее благодаря развитию медицинского туризма и снижению стоимости пластических операций в ряде стран Азии и Латинской Америки» [1, с. 80]. По его данным, стоимость комплексного изменения внешности может составлять от 10 до 50 тысяч долларов США, что делает эту услугу доступной для представителей организованной преступности.

2. Нехирургические методы изменения внешности: использование профессионального грима, накладных элементов, изменение причёски и цвета волос, ношение контактных линз, имитация шрамов и рубцов, использование масок из силикона и других материалов.

Борисов подробно описывает эволюцию этих методов: Если ранее преступники ограничивались простыми способами маскировки — отращиванием или сбриванием усов и бороды, изменением причёски и цвета волос, то сегодня они применяют профессиональные технологии, используемые в киноиндустрии и индустрии спецэффектов [1, с. 82]. Автор отмечает появление специализированных нелегальных услуг по созданию «альтернативных личностей» с использованием высококачественных силиконовых масок, имитирующих черты лица других людей.

Особое внимание Борисов уделяет проблеме детектирования таких масок: Современные силиконовые маски высшего качества изготавливаются с учётом особенностей работы систем распознавания лиц — они имитируют естественную текстуру кожи, поры, мелкие несовершенства, а также обеспечивают возможность мимических движений [1, с. 83]. Такие маски могут быть неразличимы не только для автоматических систем, но и для человеческого глаза при визуальном наблюдении с небольшого расстояния.

3. Технологические методы: использование специальных аксессуаров и материалов, блокирующих инфракрасное излучение и затрудняющих работу СРЛ, применение световых проекторов, создающих помехи для камер, использование специальных текстур и узоров на одежде и аксессуарах.

Борисов детализирует эти методы, указывая на растущую доступность специализированных средств: В свободной продаже появились очки и головные уборы с инфракрасными светодиодами, которые создают засветку для камер видеонаблюдения, но невидимы человеческому глазу. Разрабатываются специальные ткани с

узорами, создающими конфликтные области для алгоритмов распознавания [1, с. 85]. Автор отмечает, что некоторые из этих технологий изначально разрабатывались как средства защиты приватности, но были быстро взяты на вооружение криминальными структурами.

Особую опасность, как отмечает Л.А. Кузнецова [8, с. 201], представляет появление доступных технологий изготовления высококачественных масок на основе 3D-печати, которые могут обмануть не только системы автоматической идентификации, но и визуальный контроль со стороны сотрудников правоохранительных органов.

Кузнецова провела экспериментальное исследование, в рамках которого группе экспертов предлагалось отличить настоящие лица от лиц, скрытых за высококачественными силиконовыми масками. Результаты эксперимента показали тревожную тенденцию — даже опытные сотрудники правоохранительных органов в 37% случаев не смогли определить факт использования маски при визуальном наблюдении [8, с. 203]. Автор отмечает, что при использовании масок, созданных на основе 3D-моделей с применением современных эластомеров и силиконов медицинского назначения, процент ошибок возрастал до 48%.

Технология создания таких масок, по данным Кузнецовой, включает несколько этапов: Сначала создаётся цифровая 3D-модель лица, затем на основе этой модели с помощью 3D-принтера изготавливается форма для литья, после чего в форму заливается многокомпонентный силикон или другой эластомер с добавлением красителей, имитирующих оттенки кожи. Финальный этап — ручная доработка маски профессиональными гримёрами с добавлением волос, бровей, ресниц и мелких деталей [8, с. 205]. Автор подчёркивает, что стоимость такого изделия составляет от 3000 до 15000 долларов США в зависимости от качества и сложности работы.

По данным исследования Р.М. Хакимова и А.В. Соколова [14, с. 17], наиболее эффективными с точки зрения уклонения от идентификации оказываются комбинированные подходы, включающие как физическое изменение внешности, так и технологические методы противодействия биометрическим системам.

Хакимов и Соколов провели серию экспериментов, в ходе которых тестировались различные методы уклонения от биометрической идентификации. Комбинированный подход, включающий умеренное изменение внешности (наращивание бороды, изменение причёски, ношение очков с диоптриями) в сочетании с технологическими средствами (специальный макияж, блокирующий

инфракрасное излучение, и аксессуары с противораспознавательными узорами), позволял снизить эффективность идентификации с помощью современных СРЛ с 95% до 23% [14, с. 19]. Авторы подчёркивают, что такие методы не требуют сложного оборудования и могут быть реализованы с минимальными финансовыми затратами.

Проблема идентификации и задержания лиц с изменённой внешностью имеет важные правовые аспекты. О.Н. Ежова [3, с. 176] отмечает сложности, возникающие при юридическом обосновании задержания на основании только биометрического совпадения в случаях, когда внешность подозреваемого значительно отличается от имеющихся фотографий.

Ежова анализирует несколько прецедентных дел, в которых возникали сложности с идентификацией и последующим задержанием лиц, изменивших внешность: В деле Государство против Морено (2019) суд отклонил доказательства, полученные исключительно на основе биометрического совпадения, указав на необходимость дополнительных подтверждающих данных в случаях, когда внешность задержанного существенно отличается от имеющихся в базе данных фотографий [3, с. 178]. Автор подчёркивает, что данный прецедент создаёт серьёзные препятствия для оперативного задержания лиц, находящихся в розыске и изменивших внешность [14].

Ежова выделяет три основные правовые проблемы в данной области: «Во-первых, отсутствие чётких критериев достаточности биометрических совпадений для задержания; во-вторых, неопределённость в вопросе допустимости доказательств, полученных с помощью биометрических систем; в-третьих, коллизии между правом на неприкосновенность частной жизни и необходимостью использования биометрических данных в правоохранительной деятельности» [3, с. 180].

Для решения этих проблем автор предлагает разработку специальных правовых норм, регламентирующих порядок использования биометрических данных в уголовном процессе, а также установление чётких критериев допустимости биометрической идентификации как основания для задержания.

Ю.А. Николаев [10, с. 89] подчёркивает, что правовая база во многих странах не успевает за технологическим развитием, создавая пробелы в законодательстве, касающемся применения биометрических систем и определения пределов их доказательной силы.

Автор проводит сравнительный анализ законодательства различных стран в области биометрической идентификации: В то время как

законодательство Европейского Союза, в частности Общий регламент по защите данных (GDPR), устанавливает строгие ограничения на сбор и использование биометрических данных, законодательство многих стран Азии и Латинской Америки содержит значительные пробелы в этой области [10, с. 91]. Эти различия, по мнению Николаева, создают благоприятные условия для преступников, которые могут перемещаться между юрисдикциями, выбирая наиболее выгодные с точки зрения биометрического уклонения.

Особое внимание Николаев уделяет проблеме трансграничного обмена биометрическими данными: Существующие международные соглашения в области правовой помощи по уголовным делам часто не содержат положений, регламентирующих обмен биометрическими данными, что создаёт правовой вакуум при расследовании трансграничных преступлений [10, с. 94].

Сложности возникают и в международно-правовом аспекте. А.П. Тимофеев [13, с. 234] указывает на проблемы экстрадиции лиц с изменённой внешностью, особенно в случаях, когда биометрическая идентификация проводилась с использованием технологий, не признаваемых судебной системой запрашиваемой стороны.

Тимофеев анализирует конкретные случаи: В 2021 году запрос на экстрадицию гражданина К., разыскиваемого за финансовое мошенничество, был отклонён судом страны пребывания на основании недостаточности доказательств идентичности задержанного лица и разыскиваемого преступника, несмотря на 94% совпадение по результатам анализа изображения радужной оболочки глаза [13, с. 236].

Тимофеев предлагает разработку международных стандартов в области биометрической идентификации, которые могли бы быть признаны всеми странами, участвующими в международном сотрудничестве в борьбе с преступностью. Необходимо создание международной системы сертификации биометрических технологий, результаты которой признавались бы всеми участниками международных соглашений о правовой помощи и экстрадиции [13, с. 239].

Для преодоления проблем идентификации преступников с изменённой внешностью предлагаются различные подходы. С.В. Петров и Н.А. Иванова [11, с. 152] выделяют следующие перспективные направления:

1. Развитие мультимодальных биометрических систем, объединяющих различные биометрические характеристики, труднее поддающиеся одновременному изменению.

Авторы подробно описывают архитектуру таких систем: Современные мультимодальные системы используют не только различные биоме-

трические модальности (лицо, голос, походка, радужная оболочка глаза), но и различные алгоритмы анализа каждой модальности, результаты которых объединяются с помощью специальных алгоритмов консенсуса [11, с. 154].

Петров и Иванова приводят результаты экспериментальных исследований: «Тестирование мультимодальной системы, объединяющей распознавание лица, голоса и походки, показало, что даже при успешном обмане одной из подсистем общая точность идентификации снижалась не более чем на 15-20%, оставаясь достаточной для практического применения» [11, с. 155].

2. Использование алгоритмов, анализирующих не только статические характеристики лица, но и микромимику, что значительно сложнее поддаётся маскировке.

Авторы отмечают, что микродвижения лицевых мышц являются во многом индивидуальными и формируются в раннем детстве, что делает их крайне сложными для сознательного изменения даже при профессиональной подготовке [11, с. 157]. Системы, анализирующие микромимику, способны выявлять характерные паттерны движений мышц лица при различных эмоциональных состояниях, что может служить дополнительным идентификатором даже при существенном изменении внешности.

Петров и Иванова подчёркивают, что особую эффективность показывают системы, анализирующие микромимику в контексте психологической реакции на стимулы — например, при ответах на определённые вопросы или при демонстрации специфических изображений [11, с. 158]. Такой подход может быть особенно полезен при проведении пограничного контроля и скрининга потенциально опасных лиц.

3. Применение технологий глубокого обучения для моделирования возможных вариантов изменения внешности и их последующего распознавания.

Современные генеративно-сопоставительные нейронные сети (GAN) способны создавать высококачественные изображения лиц с различными модификациями внешности, которые затем используются для обучения систем распознавания [11, с. 160]. Авторы отмечают, что такие системы могут быть обучены не только распознаванию известных методов изменения внешности, но и предсказанию потенциальных изменений на основе анализа анатомических особенностей конкретного лица.

Петров и Иванова описывают экспериментальную систему, которая «на основе исходного изображения лица генерирует до 1000 вариантов его возможного изменения с учётом хирургических вмешательств, старения, изменения веса,

наличия растительности на лице и различных аксессуаров» [11, с. 161]. Эти сгенерированные изображения затем используются для создания расширенной поисковой базы, что существенно повышает вероятность идентификации даже при значительном изменении внешности.

4. Разработка методов идентификации на основе анализа ДНК, включая технологии бесконтактного сбора биоматериала.

Авторы отмечают значительный прогресс в данной области: Современные технологии позволяют выделять ДНК из минимального количества биологического материала - отдельных волос, частиц кожи или следов слюны на предметах общего пользования [11, с. 163]. Особый интерес представляют разрабатываемые технологии бесконтактного сбора ДНК с помощью специальных воздушных фильтров, позволяющих выделять генетический материал из частиц в воздухе замкнутых помещений.

Петров и Иванова подчёркивают, что генетическая идентификация имеет особое значение в случаях радикального изменения внешности, поскольку ДНК-профиль остаётся неизменным независимо от хирургических вмешательств и других методов маскировки [11, с. 164]. Основным ограничением этого метода остаётся необходимость наличия образца ДНК разыскиваемого лица в базе данных, однако авторы отмечают постоянное расширение национальных и международных баз генетических данных.

5. Создание международных баз данных, содержащих не только фотографии, но и 3D-модели лиц, дактилоскопическую информацию и другие биометрические данные [11].

М.С. Комарова [6, с. 93] предлагает также развивать методы поведенческой биометрии, основанные на анализе характерных двигательных паттернов, которые сложно изменить даже при радикальной трансформации внешности.

Комарова детально описывает методику анализа походки как одного из наиболее перспективных направлений поведенческой биометрии: Индивидуальный характер походки формируется под влиянием множества факторов — анатомических особенностей скелета и мышечной системы, перенесённых травм, профессиональных привычек и психологических особенностей личности [6, с. 95]. Автор подчёркивает, что сознательное изменение походки на длительное время практически невозможно, поскольку требует постоянного контроля и создаёт значительную когнитивную нагрузку.

Особый интерес представляет предложенная Комаровой методика комплексного анализа

поведенческих паттернов, включающая одновременное отслеживание походки, жестикуляции, характерных поз и микродвижений при выполнении обыденных действий.

Комарова также подчёркивает важность развития специализированных алгоритмов анализа поведенческих данных: «В отличие от статических биометрических характеристик, поведенческие данные представляют собой сложные временные последовательности, анализ которых требует применения специальных алгоритмов, способных выявлять характерные паттерны в условиях значительной вариативности» [6, с. 99].

Проблема идентификации преступников с изменённой внешностью имеет не только технический, но и правовой аспект, связанный с определением допустимости биометрических данных как доказательств в уголовном процессе и разработкой процедур задержания лиц на основании биометрической идентификации. Необходима дальнейшая разработка правовых норм, регламентирующих применение биометрических технологий и устанавливающих баланс между эффективностью правоохранительной деятельности и защитой прав личности.

Дальнейшее развитие в данной области требует тесного междисциплинарного взаимодействия специалистов в области информационных технологий, криминалистики, права и психологии, а также активного международного сотрудничества правоохранительных органов.

Список литературы:

- [1] Борисов Д.Н. Современные методы уклонения от биометрической идентификации: криминалистический анализ // Криминалистический вестник. 2022. № 3. С. 76-84.
- [2] Власова Т.К. Искусственный интеллект в системах биометрической идентификации: возможности и ограничения // Вестник криминалистики. 2023. № 2. С. 48-59.
- [3] Ежова О.Н. Правовые проблемы доказывания личности в случаях изменения внешности // Юридический вестник. 2022. № 4. С. 172-183.
- [4] Дроздов Г.М. Пластическая хирургия как способ уклонения от уголовной ответственности: анализ тенденций // Судебная медицина. 2021. № 1. С. 128-139.
- [5] Иванов В.А., Соколова Е.Н. Мультимодальные биометрические системы в правоохранительной деятельности // Научный журнал МВД России. 2022. № 3. С. 210-221.
- [6] Комарова М.С. Поведенческая биометрия как перспективное направление идентификации личности // Криминалистика и судебная экспертиза. 2023. № 1. С. 87-98.

[7] Коновалов А.В. Технологическое противостояние в сфере биометрической идентификации // Вопросы безопасности. 2022. № 2. С. 38-47.

[8] Кузнецова Л.А. 3D-печать в контексте биометрического уклонения: технологические и правовые аспекты // Цифровая криминалистика. 2023. № 2. С. 194-208.

[9] Майоров Н.П., Петров С.И. Статистический анализ случаев изменения внешности среди лиц, совершивших тяжкие преступления // Журнал криминологических исследований. 2022. № 4. С. 124-133.

[10] Николаев Ю.А. Правовое регулирование применения биометрических технологий: международный опыт // Международное право и правоохранительная деятельность. 2022. № 3. С. 82-94.

[11] Петров С.В., Иванова Н.А. Перспективные технологии идентификации лиц с изменённой внешностью // Вестник криминалистики. 2023. № 3. С. 146-158.

[12] Смирнов И.М. Современные алгоритмы распознавания лиц: эффективность и ограничения // Информационные технологии в правоохранительной деятельности. 2022. № 2. С. 84-96.

[13] Тимофеев А.П. Международно-правовые аспекты экстрадиции лиц с изменённой внешностью // Международное уголовное право и правосудие. 2023. № 2. С. 228-240.

[14] Хакимов Р.М., Соколов А.В. Комбинированные методы биометрического уклонения: экспериментальное исследование // Судебная экспертиза. 2022. № 1. С. 12-24.

Spisok literatury:

- [1] Borisov D.N. Sovremennyye metody ukloneniya ot biometricheskoj identifikacii: kriminalisticheskij analiz // Kriminalisticheskij vestnik. 2022. № 3. S. 76-84.
- [2] Vlasova T.K. Iskusstvennyj intellekt v sistemah biometricheskoj identifikacii: vozmozhnosti i ogranicheniya // Vestnik kriminalistiki. 2023. № 2. S. 48-59.
- [3] Ezhova O.N. Pravovye problemy dokazyvaniya lichnosti v sluchayah izmeneniya vneshnosti // Yuridicheskij vestnik. 2022. № 4. S. 172-183.
- [4] Drozdov G.M. Plasticheskaya hirurgiya kak sposob ukloneniya ot ugovnoy otvetstvennosti: analiz tendencij // Sudebnaya medicina. 2021. № 1. S. 128-139.
- [5] Ivanov V.A., Sokolova E.N. Mul'timodal'nye biometricheskie sistemy v pravoohranitel'noj deyatel'nosti // Nauchnyj zhurnal MVD Rossii. 2022. № 3. S. 210-221.

[6] Komarova M.S. Povedencheskaya biometriya kak perspektivnoe napravlenie identifikacii lichnosti // Kriminalistika i sudebnaya ekspertiza. 2023. № 1. S. 87-98.

[7] Konovalov A.V. Tekhnologicheskoe protivostoyanie v sfere biometricheskoj identifikacii // Voprosy bezopasnosti. 2022. № 2. S. 38-47.

[8] Kuznecova L.A. 3D-pechat' v kontekste biometricheskogo ukloneniya: tekhnologicheskie i pravovye aspekty // Cifrovaya kriminalistika. 2023. № 2. S. 194-208.

[9] Majorov N.P., Petrov S.I. Statisticheskij analiz sluchaev izmeneniya vneshnosti sredi lic, sovershivshih tyazhkie prestupleniya // Zhurnal kriminologicheskikh issledovanij. 2022. № 4. S. 124-133.

[10] Nikolaev Yu.A. Pravovoe regulirovanie primeneniya biometricheskikh tekhnologij: mezhdun-

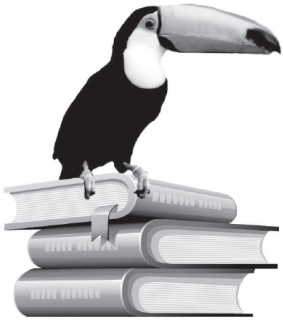
arodnyj opyt // Mezhdunarodnoe pravo i pravoohranitel'naya deyatel'nost'. 2022. № 3. S. 82-94.

[11] Petrov S.V., Ivanova N.A. Perspektivnye tekhnologii identifikacii lic s izmenyonnoj vneshnost'yu // Vestnik kriminalistiki. 2023. № 3. S. 146-158.

[12] Smirnov I.M. Sovremennye algoritmy raspoznavaniya lic: effektivnost' i ogranicheniya // Informacionnye tekhnologii v pravoohranitel'noj deyatel'nosti. 2022. № 2. S. 84-96.

[13] Timofeev A.P. Mezhdunarodno-pravovye aspekty ekstradicii lic s izmenyonnoj vneshnost'yu // Mezhdunarodnoe ugovnoe pravo i pravosudie. 2023. № 2. S. 228-240.

[14] Hakimov R.M., Sokolov A.V. Kombinirovannye metody biometricheskogo ukloneniya: eksperimental'noe issledovanie // Sudebnaya ekspertiza. 2022. № 1. S. 12-24.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

ЗУДИН Александр Викторович,

магистрант,
Дальневосточный Федеральный университет,
Юридическая школа,
e-mail: zudin.av@dvfu.ru

МАРАХОВСКАЯ Кристина Геннадьевна,

магистрант,
Дальневосточный Федеральный университет,
Юридическая школа,
e-mail: marakhovskaya.kg@dvfu.ru

СЕРГЕЕВА Ксения Алексеевна,

магистрант,
Дальневосточный Федеральный университет,
Юридическая школа,
e-mail: 1475256@mail.ru

ОСНОВНЫЕ ФОРМЫ ПРОЯВЛЕНИЯ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

Аннотация. В статье анализируются основные формы организованной преступности на российском Дальнем Востоке, где протяжённая граница и создание свободных экономических зон способствовали росту трансграничных связей и криминальных сообществ. На примере «Дальневосточного воровского общака» описывается структура, охватывавшая в 1990–2000-е гг. свыше 100 группировок и их деятельность в автобизнесе, наркоторговле и финансовых махинациях. Рассмотрены этнические конфликты ОПГ в Находке (1992–1994 гг.) и современные «ресурсные» преступления: контрабанда леса, экспорт стратегических ресурсов и схемы отмывания денег. В заключении подчёркивается необходимость укрепления правоприменения, международного сотрудничества и решения социально-экономических причин криминалитета.

Ключевые слова: организованная преступность, Дальний Восток, свободные экономические зоны, Дальневосточный воровской общак, трансграничные связи, ресурсные преступления, отмывание денежных средств.

ZUDIN Alexander Viktorovich,

master's student,
Far Eastern Federal University, Law School

MARAKHOVSKAYA Kristina Gennadievna,

master's student,
Far Eastern Federal University, Law School

SERGEYEVA Ksenia Alekseevna,

master's student,
Far Eastern Federal University, Law School

THE MAIN FORMS OF ORGANIZED CRIME IN THE FAR EAST

Annotation. The article analyzes the main forms of organized crime in the Russian Far East, where the long border and the creation of free economic zones have contributed to the growth of cross-border ties and criminal communities. Using the example of the “Far Eastern thieves’ Collective”, the structure is described, which in the 1990s and 2000s covered over 100 groups and their activities in the automotive business, drug trafficking and financial fraud. Ethnic conflicts of organized criminal groups in Nakhodka (1992-1994) and

modern "resource" crimes are considered: timber smuggling, export of strategic resources and money laundering schemes. The conclusion highlights the need to strengthen law enforcement, international cooperation, and address the socio economic causes of criminality.

Key words: *organized crime, Far East, free economic zones, Far Eastern thieves' community, cross-border communications, resource crimes, money laundering.*

Для российского Дальнего Востока одним из главных факторов развития преступных формирований явилось наличие протяженной государственной границы: весь Дальний Восток – это сплошная граница со странами Северо-Восточной Азии и США. Открытие границ в конце 1980-х гг., формирование транснациональных связей, туристические потоки, финансовые операции, миграция способствовали деятельности организованной преступности. Использование международных связей стало стержневым фактором получения максимальной прибыли преступными группировками, что и привело к возникновению транснациональной преступности [2].

На Дальнем Востоке самым крупным преступным сообществом является «Дальневосточный воровской общак». В «общак», по различным данным, в 1990–2000-е гг. входило более 100 различных преступных групп численностью 2000 человек. Это формирование является структурированным сообществом, с группировками по всему Дальнему Востоку. Самые крупные составные части дислоцировались в Хабаровске и Хабаровском крае, на Сахалине, Камчатке. В наименьшей степени под влиянием группировки находился Приморский край, где сформировались собственные преступные сообщества, работающие по своим правилам.

Основными направлениями деятельности «общака» стали автобизнес, наркобизнес, оружие; экспортно-импортные операции; аферы в кредитно-финансовой сфере; нелегальная миграция; фальшивые банкротства и т. д.

Предпосылкой формирования организованных преступных сообществ в Приморском крае, а именно в городе Находка, была одна из первых экономических реформ в годы перестройки.

В конце 80-х годов было принято решение о создании на территории СССР свободных экономических зон. Первая такая зона была выбрана в районе города Находка, где находился огромный порт.

23 ноября 1990 года Постановлением Совета Министров РСФСР № 540 было утверждено Положение [1] (ныне утратившее силу), которым была создана свободная экономическая зона в районе г. Находки Приморского края, а также были определены правовые основы хозяйственной деятельности на данной территории. Примерами которых являются:

- действует льготный налоговый и таможенный режим и упрощенный порядок осуществления экспортно - импортных операций;
- На территории СЭЗ Находка советские и иностранные юридические лица и граждане создают предприятия, филиалы и представительства в любых формах и ведут хозяйственную деятельность в любых сферах, за исключением запрещенных действующим в РСФСР законодательством.
- Предприятия, расположенные в СЭЗ Находка, независимо от форм собственности, самостоятельно решают вопросы о создании совместных предприятий с участием отечественных и иностранных инвесторов
- Советские и иностранные юридические и физические лица, действующие в СЭЗ Находка, имеют право без ограничений получать кредиты у иностранных банков, фирм и организаций, привлекать иностранные страховые компании для заключения всех видов страховых сделок.
- Предприятия СЭЗ Находка самостоятельно формируют производственные программы и реализуют производимую продукцию (услуги). Продукция предприятий СЭЗ Находка поступает в их полное распоряжение.
- А также беспоплатный порядок для ввоза и вывоза товаров.

Иными словами, внутри нее создаются особые условия, благоприятствующие для максимально быстрого развития экономических отношений. Подобные благоприятные предпринимательству условия привлекали внимание бизнесменов. А вслед за большими деньгами пришли и преступные группировки.

В основном это были выходцы с Кавказа, Средней Азии и соседних стран по Азиатско-Тихоокеанскому региону. Лидирующее положение среди них занимали чеченцы. Значимой фигурой является Асланбек Хатуев, основавший частное предприятие «Сфера», вскоре ставшее соучредителем Торгово-Индустриального банка. Банк дал ключи ко многим коммерческим структурам и рынкам Находки, которые легли «под крышу» чеченцев [4]. Практически весь бизнес Находки был обложен данью чеченской ОПГ Хатуева. Противовесом им выступила банда славян Юрия Давыдкина и Андрея Вытирайлова по кличке

«Вэпс», обладавшие большим криминальным авторитетом в тех местах [5]. С 1992-1994 год в городе происходила «война» между ОПГ. Прямо на улицах расстреливали автомобили, бросали гранаты в окна квартир, похищали бизнесменов. В конечном итоге после вмешательства прокуратуры Приморского края и Генеральной Прокуратуры России произошли массовые аресты причастных, суд над которыми завершился в 1999 году. Однако Хатуев и Вытирайлов скрылись от правосудия. Банды промышляли убийствами, разбоями, похищением людей, вымогательством.

Территория Дальнего востока значительно отдалена от Центра, имеет крупные запасы полезных ископаемых, леса, энергетических и других природных ресурсов, а, следовательно, более или менее развитую добывающую и перерабатывающую промышленность, транспортные узлы, связывающие ее с Центром России, Юго-Восточной и Средней Азией. Эти факторы привлекают различные преступные сообщества [3].

Преступные группировки Дальневосточного региона наибольший интерес проявляют к самым доходным отраслям экономики — лесной, рыбной, золото- и алмазодобывающей. Самым лакомым куском для криминала в последние годы остаётся лесопромышленный комплекс. Дальневосточный федеральный округ занимает первое место в России по площади лесов и второе место (после Восточной Сибири) по запасу древесины.

Подавляющая часть нелегального лесного бизнеса ориентирована на Китай. На складах, где хранится древесина, предназначенная для отправки в эту страну, часто учёт не ведётся, активно скупается ворованный лес, а документы на него предоставляются поддельные. Нелегальная древесина скупается китайскими предпринимателями за наличный расчет, причём поддельные документы на неё могут быть целиком изготовлены в Китае.

Примером преступного сообщества занимающегося незаконным оборотом леса может послужить следующее:

2016 году в Приморском крае мужчина вошел в состав преступного сообщества, организовав структурированную обособленную преступную группу из четырех человек, которая занималась контрабандой нелегально заготовленных лесоматериалов [6].

«Участники преступного сообщества с целью перевозки нелегально заготовленной древесины в иностранное государство формировали пакет фиктивных документов для получения экспортных разрешений, подавали таможенные декларации от имени специально созданных для совершения преступлений «технических фирм» и вносили в декларации на товары недостоверные сведения о происхождении лесоматериалов для

придания незаконным действиям видимости легитимности. Стоимость незаконно перемещенных за рубеж лесоматериалов составила свыше 450 млн рублей», - сообщила пресс-служба.

В 2018 году незаконная деятельность преступного сообщества была выявлена и пресечена сотрудниками Дальневосточной оперативной таможни и пограничного управления ФСБ России по Приморскому краю. В отношении остальных троих участников преступного сообщества ранее был постановлен приговор.

Традиционными для приграничных районов России являются, прежде всего, трансграничные преступные посягательства: контрабанда, нелегальная торговля потребительскими импортными товарами, операции по незаконному вывозу из России сырья, энергоносителей, цветных, редкоземельных металлов и других природных ресурсов.

Примером организованного преступного сообщества, занимающегося контрабандой, может послужить «дело бизнесмена Олега Кана о создании преступного сообщества» [7].

По версии следствия, лидер преступного сообщества Кан с привлечением иных соучастников с 2014 по 2019 годы осуществил контрабандные поставки стратегически важных ресурсов за границу. При вывозе краб декларировался к поставке подконтрольным Кану и зарегистрированным в офшорных зонах иностранным компаниям по одной цене, а в действительности отгружался по цене, значительно превышающей заявленную при декларировании в таможенных органах. Преступный доход использовался для финансирования деятельности принадлежащих Кану организаций и созданного им преступного сообщества.

Кроме того, обвиняемый, являясь фактическим владельцем и руководителем группы пяти российских предприятий, умышленно, используя схему разделения единого крупного бизнеса на формально автономные организации, незаконно применяя систему налогообложения для сельскохозяйственных товаропроизводителей, уклонился от уплаты налогов на прибыль организаций и на добавленную стоимость.

Отмывание денежных средств является одной из форм проявления организованной преступности на Дальнем Востоке. Отмывание денег — придание правомерного вида владению, пользованию или распоряжению денежными средствами или иным имуществом, полученным в результате совершения преступления, то есть их перевод из теневой, неформальной экономики в экономику официальную для того, чтобы иметь возможность пользоваться этими средствами открыто и публично.

Один из примеров. По версии следствия, 39-летний фигурант не позднее февраля 2017

года вступил в сговор с тремя знакомыми, которые действовали в регионе в составе организованных групп, осуществляя незаконные банковские операции [8]. В состав ОПС также были привлечены и другие участники, отметили в СК. Для проведения незаконных банковских операций использовались счета и реквизиты более 12 подконтрольных коммерческих организаций. За процент от осуществления банковских операций члены преступного сообщества привлекали клиентов. Также они занимались легализацией денежных средств, полученных в результате незаконной банковской деятельности, и подозреваются в уклонении от уплаты налогов на сумму почти в 2 млрд рублей. По данным СК, результате преступных действий подозреваемых причинен ущерб в размере более 3 млрд рублей.

В настоящее время продолжает существовать форма организованной преступности присущая группировкам времен 90-х годов. Речь идет о вымогательстве.

Так в 2022 году в Петропавловске-Камчатском возбуждено уголовное дело в отношении криминального авторитета из Новосибирска Эльшада Гулиева (Молодой), арестованного в апреле 2022 года за вымогательство [9]. По данным правоохранительных органов, протеже убитого вора в законе Лоту Гули прибыл на Камчатку, чтобы обложить данью местных предпринимателей и взять под контроль крупные оптово-розничные базы для пополнения криминального общака.

В 2020 году Молодой получил поддержку едва ли не самого влиятельного на постсоветском пространстве вора в законе Надира Салифова (Лоту Гули, он же Гули Бакинский) и перешел под его руководство. Когда законника не стало (был застрелен в августе 2020 года в номере пятизвездного отеля Alva donna exclusive hotel spa в Анталии), стал выполнять поручения его преемника. Последний поручил ему «разморозить» деятельность в Камчатском крае, которую местному криминалитету пришлось свернуть из-за активности сотрудников полиции.

От Гулиева требовалось взять под контроль крупные оптово-розничные базы, перспективные коммерческие фирмы, обложить данью местных бизнесменов и таким образом обеспечить пополнение общака. По пути на Камчатку он принял участие в воровской сходке в Иркутской области, на которой были подтверждены его самые высокие полномочия. Завершив дела, авторитет вернулся в Новосибирск.

Организованная преступность на Дальнем Востоке представляет собой серьезную угрозу для безопасности и экономического развития региона. Она проявляется в различных формах, от традиционного рэкета и вымогательства до отмывания денежных средств и контрабанды.

Для борьбы с организованной преступностью необходим комплексный подход, включающий усиление правоохранительных органов, ужесточение законодательства и сотрудничество с международными партнерами. Необходимо также решать социально-экономические проблемы, которые способствуют росту организованной преступности, такие как бедность, безработица и коррупция.

Только совместными усилиями правоохранительных органов, государственных структур и гражданского общества можно эффективно противостоять организованной преступности и обеспечить безопасность и процветание на Дальнем Востоке.

Список литературы:

[1] Постановление Совмина РСФСР от 23.11.1990 N 540 (ред. от 03.10.2002) «О первоочередных мерах по развитию свободной экономической зоны в районе г. Находки (СЭЗ Находка) Приморского края» (вместе с «Положением о свободной экономической зоне в районе г. Находки Приморского края») [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_31/ca1820d99f2c758e82d835816b28c0a34417dc33/

[2] Шалагин А. Е. Транснациональная преступность: понятие, признаки, меры противодействия // Вестник экономики, права и социологии. 2016. № 3. С. 138–142.

[3] Организованная преступность на Дальнем Востоке: тенденции и особенности развития за 20 лет: монография / В.А. Номоконов и [др.] ; [отв. ред. В.А. Номоконов]. – Владивосток: Издательский дом Дальне-вост. федерал. ун-та, 2013

[4] Как «чехи» Приморье брали [Электронный ресурс]. – URL: https://www.compromat.ru/page_11678.htm

[5] «Дело Вэпса. Вся бандитская власть». Документальный фильм из цикла «Криминальная Россия» [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=UGs9iwjDdUo>

[6] В Приморье главу сообщества осудили за незаконный экспорт леса на 450 млн рублей [Электронный ресурс]. – URL: <https://tass.ru/proisshestiya/16234505>

[7] Генпрокуратура передала в суд дело бизнесмена Олега Кана о создании преступного сообщества [Электронный ресурс]. – URL: <https://sakhalinmedia.ru/news/1557394/>

[8] В Приморье задержали четверых участников ОПС [Электронный ресурс]. – URL: <https://tass.ru/proisshestiya/16964121>

[9] Молодому добавили дел [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5841294>

Spisok literatury:

[1] Postanovlenie Sovmina RSFSR ot 23.11.1990 N 540 (red. ot 03.10.2002) \»O pervoочerednyh merah po razvitiyu svobodnoj ekonomicheskoy zony v rajone g. Nahodka (SEZ Nahodka) Primorskogo kraya\» (vmeste s \»Polozheniem o svobodnoj ekonomicheskoy zone v rajone g. Nahodka Primorskogo kraya) [Elektronnyj resurs]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_31/ca1820d99f2c758e82d835816b-28c0a34417dc33/

[2] Shalagin A. E. Transnacional'naya prestupnost': ponyatie, priznaki, mery protivodejstviya // Vestnik ekonomiki, prava i sociologii. 2016. № 3. S. 138–142.

[3] Organizovannaya prestupnost' na Dal'nem Vostoke: tendencii i osobennosti razvitiya za 20 let: monografiya / V.A. Nomokonov i [dr.] ; [otv. red. V.A. Nomokonov]. – Vladivostok: Izdatel'skij dom Dal'ne-vost. federal. un-ta, 2013

[4] Kak \»chekhi\» Primor'e brali [Elektronnyj resurs]. – URL: https://www.compromat.ru/page_11678.htm

[5] «Delo Vepsa. Vsyas banditskaya vlast'». Dokumental'nyj fil'm iz cikla «Kriminal'naya Rossiya» [Elektronnyj resurs]. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=UGs9iwjDdUo>

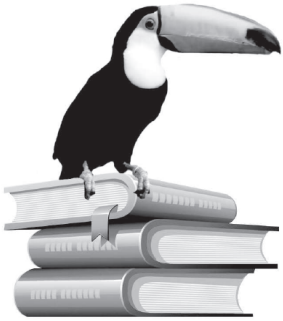
[6] V Primor'e glavu soobshchestva osudili za nezakonnyj eksport lesa na 450 mln rublej [Elektronnyj resurs]. – URL: <https://tass.ru/proisshestviya/16234505>

[7] Genprokuratura peredala v sud delo biznesmena Olega Kana o sozdanii prestupnogo soobshchestva [Elektronnyj resurs]. – URL: <https://sakhalin-media.ru/news/1557394/>

[8] V Primor'e zaderzhali chetveryh uchastnikov OPS [Elektronnyj resurs]. – URL: <https://tass.ru/proisshestviya/16964121>

[9] Molodomu dobavili del [Elektronnyj resurs]. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5841294>

ЮРИДИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

БЛАЖКОВА Татьяна Олеговна,
адъюнкт кафедры уголовной политики
Академии управления МВД России,
e-mail: tatochka-99@mail.ru

ФОРМАЛИЗАЦИЯ МОРАЛЬНОГО И ФИЗИЧЕСКОГО ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ПОТЕРПЕВШЕМУ ОТ НАСИЛЬСТВЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, И ЕГО ПОСЛЕДУЮЩЕЕ ВОЗМЕЩЕНИЕ

Аннотация. Статья посвящена проблемам возмещения вреда, причиненного насильственными преступлениями, в российской правовой системе. Автор анализирует недостатки действующего механизма компенсации, включая субъективность оценки морального вреда, дублирование процессуальных процедур при заявлении гражданского иска и значительный разброс присуждаемых сумм. Особое внимание уделяется отсутствию четких критериев формализации физического, психического и морального вреда, что приводит к несоразмерности выплат и снижению доверия к правосудию.

В качестве решения предложена комплексная реформа, предполагающая интеграцию компенсационных механизмов в уголовное судопроизводство. Для физического и психического вреда автор разрабатывает балльную систему оценки, основанную на медицинских стандартах (Правила определения степени тяжести вреда здоровью и МКБ-10), с привязкой к среднемесячной заработной плате. Моральный вред предлагается стандартизировать через фиксированные диапазоны выплат в зависимости от категории преступления. Кроме того, обосновывается необходимость автоматического возмещения всех видов вреда в рамках уголовного процесса без подачи гражданского иска, что исключит дублирование доказательств и снизит психологическую нагрузку на потерпевшего.

Подчеркивается, что внедрение формализованных критериев и отказ от судебного усмотрения минимизируют коррупционные риски и обеспечат единообразие судебной практики. Автор апеллирует к международному опыту, включая практику ЕСПЧ, и концепции восстановительного правосудия, акцентирующей репарацию ущерба. Реализация предложений требует внесения изменений в гражданское и уголовное законодательство, разработки подзаконных актов и обучения экспертов.

Ключевые слова: возмещение вреда, моральный вред, физический вред, психический вред, уголовное судопроизводство, гражданский иск, формализация критериев, восстановительное правосудие, судебная практика, стандартизация компенсаций.

BLAZHKOVA Tatyana Olegovna,
Adjunct of the Department of Criminal Policy
of the Academy of Management of the Ministry
of Internal Affairs of Russia

FORMALIZATION OF MORAL AND PHYSICAL HARM CAUSED TO THE VICTIM OF VIOLENT CRIMES AND ITS SUBSEQUENT COMPENSATION

Annotation. The article is devoted to the problems of compensation for harm caused by violent crimes in the Russian legal system. The author analyzes the shortcomings of the current compensation mechanism, including the subjectivity of assessing moral damage, duplication of procedural procedures when filing a civil claim, and a significant range of awarded amounts. Particular attention is paid to the lack of clear criteria for the formalization of physical, mental, and moral harm, which leads to disproportionate payments and a decrease in trust in justice. A comprehensive reform is proposed as a solution, which involves the integration of compensation mechanisms into criminal proceedings. For physical and mental harm, the author develops a scoring system based on medical standards (Rules for Determining the Severity of Harm to Health and ICD-10), linked to the average monthly salary. Moral damage is proposed to be standardized through fixed ranges

of payments depending on the category of crime. In addition, the need for automatic compensation for all types of harm in criminal proceedings without filing a civil claim is substantiated, which will eliminate duplication of evidence and reduce the psychological burden on the victim.

It is emphasized that the introduction of formalized criteria and the rejection of judicial discretion will minimize corruption risks and ensure uniformity of judicial practice. The author appeals to international experience, including the practice of the ECHR, and the concept of restorative justice, which emphasizes reparation of damage. The implementation of the proposals requires amendments to civil and criminal legislation, the development of by-laws and the training of experts.

Key words: *compensation for damage, moral damage, physical damage, mental damage, criminal proceedings, civil claim, formalization of criteria, restorative justice, judicial practice, standardization of compensation.*

Восстановление нарушенного права потерпевшего является базовым условием осуществления справедливого правосудия. Возмещение причиненного преступлением вреда выступает не только мерой социальной ответственности государства, но и гарантией защиты достоинства личности, закрепленной в Конституции РФ. Уголовный закон, выполняя карательную функцию, вместе с этим, обязан обеспечить возмещение причиненного преступлением вреда, будь то физические повреждения, материальные потери или нравственные страдания [1, с. 259]. Однако процесс формализации вреда и его возмещения сопряжен с рядом правовых и практических сложностей, требующих детального анализа.

Физический вред, причиняемый насильственными преступлениями, регламентирован Уголовным кодексом РФ через критерии тяжести вреда здоровью (ст. 111, 112, 115). Такие параметры, как длительность расстройства здоровья, утрата общей трудоспособности, утрата органов, позволяют объективизировать оценку [2 с. 35]. Например, тяжкий вред выражается в опасности для жизни или значительной стойкой утратой трудоспособности, что подтверждается судебно-медицинской экспертизой.

Психический вред, хотя и не материален, признается законодателем через последствия психотравмирующих воздействий (например, ст. 117 УК РФ - истязание). Однако его регламентация ограничена рамками тяжкого вреда здоровью, без указания конкретной тяжести самого расстройства, что отражено в Медицинских критериях определения степени тяжести вреда здоровью. Для доказывания требуются заключения психологов и психиатров, фиксирующих расстройства (шизофрению, депрессию), вызванные преступлением.

Проблема возмещения морального вреда заключена между субъективностью и правовой объективацией. Моральный вред, в соответствии со ст. 151 ГК РФ, связан с нравственными или физическими страданиями. Его возмещение (ст. 1100 ГК РФ) возможно даже при отсутствии иму-

щественного вреда, что особенно актуально для потерпевших от насильственных преступлений. Однако отсутствие четких критериев суммы компенсации приводит к вариативности судебных решений. Например, в деле о насильственных действиях сексуального характера (ст. 132 УК РФ) компенсация может достигать сотен тысяч рублей, но на практике часто оказывается символической из-за недостатка доказательств [3 с. 25, 4 с. 180]

Одним из ключевых различий между физическим (психическим) вредом здоровью и моральным вредом в уголовном и гражданском праве является степень их объективации. Если вред здоровью поддается относительно четкой формализации благодаря медицинским критериям, то моральный вред остается категорией субъективной, что создает сложности в правоприменительной практике. В действующей процессуальной модели возмещение вреда, причиненного преступлением, осуществляется посредством заявления гражданского иска в рамках уголовного дела (ст. 44 УПК РФ). Однако данный механизм предполагает последующий перенос вопроса о компенсации в сферу гражданского судопроизводства, что порождает ряд существенных проблем.

Во-первых, подобная процессуальная конструкция вынуждает потерпевшего повторно обосновывать необходимость возмещения вреда, его характер и размер, несмотря на то, что данные обстоятельства уже устанавливались в ходе предварительного расследования и судебного разбирательства по уголовному делу. Это приводит к неоправданной дублируемости процессуальных действий и избыточной нагрузке на потерпевшего, который вынужден вновь представлять доказательства и участвовать в судебных заседаниях.

Во-вторых, существующий порядок не учитывает психологическую составляющую повторного обращения потерпевшего к обстоятельствам преступления, что зачастую усугубляет его нравственные страдания. Необходимость вновь детализировать причиненный вред и его последствия

может оказывать ретравматизирующее воздействие, особенно в случаях тяжких и особо тяжких преступлений.

Отсутствует прямое указание уголовно-процессуального закона на форму предъявления гражданского иска, что также вызывает сложности правоприменительной практики и дискуссии среди ученых-юристов [5, с. 174].

Более рациональной представляется модель, при которой установление характера и размера причиненного вреда полностью осуществлялось бы в рамках уголовного процесса уполномоченными должностными лицами (следователем, дознавателем, судом). Это позволило бы исключить дублирование процессуальных процедур, минимизировать временные и материальные затраты потерпевшего, а также снизить психологическую нагрузку, связанную с повторным доказыванием обстоятельств дела. Кроме того, такой подход способствовал бы оптимизации судопроизводства за счет исключения необходимости параллельного рассмотрения тождественных вопросов в рамках гражданского и уголовного процессов.

Проведенный анализ судебных решений выявил существенную диспропорцию и значительный разброс присуждаемых сумм компенсации за причинение физического, морального и имущественного вреда. Наблюдается системная проблема, заключающаяся в отсутствии четкой дифференциации компенсационных выплат по видам причиненного вреда. В настоящее время суды определяют размер возмещения, исходя из совокупной оценки имущественного и морального вреда, при этом физический вред как самостоятельная категория фактически не получает отдельного стоимостного выражения. Моральный вред оценивается преимущественно на основании субъективного запроса потерпевшего, который формулирует сумму, способную, по его мнению, компенсировать перенесенные нравственные страдания. Однако окончательный размер компенсации определяется судом, который вправе значительно уменьшить заявленные требования, что зачастую приводит к неудовлетворенности потерпевшего вынесенным решением. Имущественный вред и упущенная выгода рассчитываются более объективно, поскольку основываются на документально подтвержденных расходах (например, затратах на лечение или реабилитацию), но и здесь отсутствуют унифицированные методики оценки и такие показатели не в полной мере отражают именно тяжесть вреда здоровью, так как основаны на экономическом критерии.

Ключевая проблема заключается в том, что действующая система компенсации вреда опира-

ется исключительно на судебское усмотрение, что создает риски непоследовательности судебной практики. Отсутствие законодательно закрепленных критериев и методик расчета приводит к значительным колебаниям в размерах присуждаемых выплат, которые могут варьироваться в зависимости от субъективного восприятия судьи, региональных особенностей или иных внешних факторов. Такая ситуация не только порождает неопределенность для потерпевших, но и создает предпосылки для коррупционных рисков, поскольку отсутствие прозрачных и объективных ориентиров открывает возможность для необоснованного завышения или занижения компенсационных сумм.

Кроме того, даже присуждаемые выплаты зачастую не покрывают реальный объем причиненного вреда, поскольку суды, руководствуясь принципом разумности (ст. 1101 ГК РФ), склонны ограничивать размер компенсации, не учитывая в полной мере индивидуальные последствия преступления для потерпевшего [6, с.115]. В результате пострадавшие лица не получают адекватного возмещения, что снижает восстановительный потенциал правосудия и подрывает доверие к судебной системе.

Решение проблемы несоразмерности и субъективности компенсационных выплат за причинение вреда здоровью заключается в разработке формализованной системы оценки, основанной на универсальных медицинских критериях, но отличающихся от уже имеющихся Медицинских критериях оценки степени тяжести вреда здоровью, так как они основаны на экономических признаках, что не отражает реальную тяжесть вреда, причиненного здоровью. Предлагаемая модель предполагает разделение физического и психического вреда с последующим построением обособленных компенсационных механизмов для каждого вида. Основным аспектом является отказ от экономических и социально-адаптационных факторов в пользу сугубо медицинских показателей, отражающих объективные характеристики повреждений. Универсальными критериями оценки психического и физического вреда здоровья выступают:

- 1) степени нарушения анатомической целостности и физиологических функций организма;
- 2) длительности и необратимости последствий;
- 3) влияния на качество жизни потерпевшего (при исключении имущественного компонента). Аналогично для психического вреда предлагается использовать классификацию МКБ-10, выделяя диагностированные расстройства (посттравматическое стрес-

совое расстройство, депрессивные состояния) и их последствия для социальной и профессиональной деятельности.

Основой модели является балльная система оценки тяжести вреда, интегрирующая существующие медицинские стандарты. Физические повреждения соотносятся с «Правилами определения степени тяжести вреда здоровью», а психические расстройства — с клиническими критериями МКБ-10. Каждому критерию присваивается определённое количество баллов: лёгкий вред оценивается в 3–4 балла, средний — 5–6, тяжкий — 7–9. Суммирование баллов по отдельным категориям (физический и психический вред) позволяет отнести вред к конкретной степени тяжести. Денежная компенсация рассчитывается путём умножения итогового балла на среднемесячную номинальную заработную плату в РФ, что обеспечивает привязку к актуальным экономическим реалиям. Например, при средней зарплате в 89 646 рублей и оценке вреда в 5 баллов сумма компенсации составит 448 230 рублей. Для случаев смерти потерпевшего предусматривается фиксированная выплата в 2 млн рублей, что соответствует принципам справедливости и международной практике. Причем физический и психический вред здоровью оцениваются и возмещаются отдельно, в случае комбинированного причинения вреда здоровью (психического и физического одновременно) – до 1 613 628 руб (т.к. 9 – самый максимальный балл и при умножении на среднемесячную заработную плату получим сумму 806 814 руб – за один вид вреда здоровью).

Преимуществами предложенной системы являются объективность, прозрачность и единообразие судебных решений. Исключение субъективного усмотрения суда за счёт строгих медицинских критериев минимизирует риски коррупции и неоправданных отклонений в размерах компенсаций. Разделение физического и психического вреда позволяет точнее отразить специфику каждого вида ущерба, а привязка к среднемесячной зарплате обеспечивает социальную адекватность выплат. Внедрение модели требует внесения изменений в гражданское законодательство, разработки подзаконных актов, регламентирующих порядок балльной оценки, и обучения экспертов новым методикам.

Возмещение морального вреда, причинённого насильственными преступлениями, требует учёта степени общественной опасности деяния, уже заложенной в санкциях уголовно-правовых норм. Субъективность оценки нравственных страданий, а также риски заведомо ложных показаний потерпевших делают индивидуальный подход к определению размера компенсации неэффективным. В связи с этим предлагается связать формализацию морального вреда с категорией

преступления, установив фиксированные диапазоны выплат в зависимости от тяжести совершённого деяния. Для преступлений небольшой тяжести целесообразно установить компенсацию в пределах 10-50 тыс. рублей, средней тяжести – 100-200 тыс. рублей, тяжких – 500-600 тыс. рублей, а особо тяжких – 800 тыс. – 1 млн рублей. Такой подход минимизирует произвольность судебных решений, обеспечит предсказуемость сумм и снизит конфликтность процесса.

Стандартизация оценки морального вреда, основанная на объективных критериях тяжести преступления, позволит усилить восстановительную функцию правосудия, приблизив его к идеалам справедливости. Как отмечал А.Ф. Кони, закон призван не только карать, но и защищать права уязвимых лиц, что актуализирует необходимость создания механизмов, гарантирующих потерпевшим адекватное возмещение. Реализация предложенной модели требует внесения изменений в гражданское и уголовное законодательство, а также разработки методических рекомендаций для судов, что позволит гармонизировать правоприменительную практику и укрепить доверие к институтам правовой защиты.

Возмещение морального, имущественного, физического и психического вреда в рамках уголовного процесса, без обязательного заявления гражданского иска, представляется логичным шагом к усилению восстановительной функции правосудия. Интеграция компенсационных механизмов в уголовное судопроизводство обусловлена следующими факторами. Во-первых, уголовный процесс уже устанавливает факт совершения преступления, виновность лица и причинно-следственную связь между действиями обвиняемого и наступившими последствиями, что исключает необходимость дублирования доказательственной базы в гражданском процессе. Во-вторых, обязательное возмещение всех видов вреда по умолчанию соответствует принципу полноты восстановления нарушенных прав потерпевшего, закреплённому в ст. 52 Конституции РФ, поскольку пострадавший не должен нести дополнительную процессуальную нагрузку, связанную с инициированием отдельного гражданского иска.

Обособленная оценка каждого вида вреда (морального, физического, психического, имущественного) в рамках уголовного дела обеспечит прозрачность и объективность компенсации. Так, физический вред может определяться на основе судебно-медицинской экспертизы, психический – через заключения клинических психологов, имущественный – через расчёт документально подтверждённых убытков, а моральный – через фиксированные диапазоны сумм, привязанные к категории преступления. Это позволит избежать

субъективизма, снизить риски занижения выплат и минимизировать конфликтность при исполнении решений. Кроме того, исключение необходимости подачи гражданского иска сократит временные и эмоциональные издержки потерпевшего, который зачастую вынужден повторно переживать травмирующие обстоятельства в ходе двух разбирательств.

Правовым обоснованием такой модели служит и международный опыт. Европейский суд по правам человека неоднократно указывал на обязанность государства обеспечивать эффективные средства правовой защиты, включая компенсацию вреда в разумные сроки (ст. 13 Конвенции о защите прав человека). Внедрение автоматического возмещения вреда в уголовном процессе также соответствует концепции восстановительного правосудия, акцентирующей внимание на репарации вреда, а не только на наказании виновного.

Таким образом, интеграция компенсационных механизмов в уголовное судопроизводство не только усилит защиту прав потерпевших, но и повысит эффективность правосудия, сделав его более гуманным и социально ориентированным.

Список литературы:

[1] Медведева С.В., Дементьев О.М. Восстановительное правосудие краткий экскурс // Science Time. 2014. №7 (7). - 254-260 с.

[2] Смирнов, Р.Ю. Судебная медицина (судебно-медицинская оценка вреда здоровью): учебно-методическое пособие / Р. Ю. Смирнов; Яросл. гос. ун-т им. П.Г. Демидова. — Ярославль: ЯрГУ, 2018. - 52 с.

[3] Трунов И.Л., Айвар Л.К., Харисов Г.Х. Эквивалент стоимости человеческой жизни [Текст] / И.Л. Трунов, Л.К. Айвар, Г.Х. Харисов // «Представительная власть-XXI век». - 2006. - № 3. - С. 24-29.

[4] Быков А.А. О методологии экономической оценки жизни среднестатистического человека (пояснительная записка) [Текст] / А.А. Быков // Научно-практический журнал «Проблемы анализа риска». Т. 4. № 2, 2007. - С. 178 - 191.

[5] Никурадзе Наталья Олеговна Гражданский иск в уголовном процессе: актуальные вопросы практической реализации // Право и государство: теория и практика. 2020. №5 (185). - С. 174 – 177.

[6] Мухина Е. А. Процессуальное положение гражданского истца в уголовном процессе // Вестник магистратуры. 2013. №1 (16). - С. 111-114.

Spisok literary:

[1] Medvedeva S.V., Dement'ev O.M. Vosstanovitel'noe pravosudie kratkij ekskurs // Science Time. 2014. №7 (7). - 254-260 s.

[2] Smirnov, R.Yu. Sudebnaya medicina (sudebno-medicinskaya ocenka vreda zdorov'yu): uchebno-metodicheskoe posobie / R. Yu. Smirnov; Yarosl. gos. un-t im. P.G. Demidova. — Yaroslavl': YarGU, 2018. - 52 s.

[3] Trunov I.L., Ajvar L.K., Harisov G.H. Ekvivalent stoimosti chelovecheskoj zhizni [Tekst] / I.L. Trunov, L.K. Ajvar, G.H. Harisov // «Predstavitel'naya vlast'-XXI vek». - 2006. - № 3. - S. 24-29.

[4] Bykov A.A. O metodologii ekonomicheskoy ocenki zhizni srednestatisticheskogo cheloveka (poyasnitel'naya zapiska) [Tekst] / A.A. Bykov // Nauchno-prakticheskij zhurnal «Problemy analiza riska». Т. 4. № 2, 2007. - S. 178 - 191.

[5] Nikuradze Natal'ya Olegovna Grazhdanskij isk v ugovnom processe: aktual'nye voprosy prakticheskoy realizacii // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2020. №5 (185). - С. 174 – 177.

[6] Muhina E. A. Processual'noe polozhenie grazhdanskogo istca v ugovnom processe // Vestnik magistratury. 2013. №1 (16). - S. 111-114.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

КАЗАКОВ Аслан Аликович,
преподаватель кафедры
государственных и гражданско-правовых дисциплин
Северо-Кавказского института повышения квалификации
(филиал) Краснодарского университета МВД России,
старший лейтенант полиции,
e-mail: mail@law-books.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ИЗГОТОВЛЕНИЕМ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ПОДЛОЖНЫХ ДОКУМЕНТОВ

Аннотация. В современных реалиях, связанных с динамикой совершенствования преступного функционирования, активно развивается практика изготовления и использования подложных документов. Данные деяния осуществляются в рамках организованной преступности и сопряжены с иными преступлениями, а также могут выступать самостоятельным противоправным поведением. В представленной статье акцентируется внимание на предупредительных механизмах, применяемых в настоящее время в целях противодействия преступности, связанной с изготовлением и использованием подложных документов. Проанализированы актуальные тенденции формирования и развития преступной практики, выявлены проблемы фрагментарной эффективности предупредительного функционирования, определены способы их решения. Отмечается перспективность дальнейшего прикладное изучение заявленной проблематики в целях совершенствования действующих предупредительных механизмов.

Ключевые слова: изготовление и использование подложных документов, преступная деятельность, предупреждение распространения преступного поведения, уголовно-правовые меры, совершенствование механизмов предупреждения.

KAZAKOV Aslan Alikovich,
Lecturer at the Department of State and civil law disciplines
North Caucasus Institute for Advanced Studies (branch)
Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
senior police lieutenant

TOPICAL ISSUES OF PREVENTION OF CRIMES RELATED TO PRODUCTION AND USE OF FORGED DOCUMENTS

Annotation. In modern realities associated with the dynamics of improving the criminal functioning, the practice of producing and using forged documents is actively developing. These acts are carried out within the framework of organized crime and are associated with other crimes, and can also act as independent illegal behavior. The presented article focuses on the preventive mechanisms currently used to counter crime associated with the manufacture and use of forged documents. The current trends in the formation and development of criminal practice have been analyzed, problems of fragmented effectiveness of preventive functioning have been identified, and ways to solve them have been identified. The prospects for further applied study of the stated problems in order to improve the existing preventive mechanisms are noted.

Key words: production and use of forged documents, criminal activity, prevention of the spread of criminal behavior, criminal law measures, improvement of prevention mechanisms.

Динамика современной преступности демонстрирует постоянное совершенствование средств и методов противоправного функционирования. В данном контексте значительно актуализируется практика изготовления и

использования подложных документов, которые могут применяться как в рамках организации деятельности преступных сообществ, так и в качестве самостоятельного преступного деяния. В современных реалиях подделываются различ-

ные официальные документы, поскольку их предъявление требуется для реализации прав граждан и исполнения возложенных на них обязанностей. Документы могут быть подделаны как полностью, так и частично, что в некоторой степени усложняет выявление соответствующего противоправного функционирования. Также отметим, что качественным многообразием характеризуются сферы, в которых распространяется подобная преступная практика. Учитывая спрос в обществе на подобные услуги, изготовление подложных документов осуществляется в организованных формах преступными сообществами, в том числе в целях их дальнейшего сбыта.

В рамках представленного исследования видится необходимым проанализировать существующую следственную и судебную статистику в целях определения масштабов распространения преступной практики вышеназванной направленности. По данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ количество уголовных дел по преступлениям с использованием поддельных документов с 2019 по 2022 г. выросло на 43% [2]. Пиком распространения указанного преступного поведения стал 2022 год, когда, согласно официальной статистике МВД России, было выявлено 761 преступление по ст. 327 УК РФ, что на 87,4 % больше чем в 2021 году (406 преступлений) [7]. В 2023 году выявлено 575 преступлений [8], а за 2024 год – 397 преступлений [9]. Таким образом в последние годы наблюдается снижение количества совершаемых преступлений, связанных с изготовлением и использованием подложных документов. Данная тенденция выступает результатом эффективного функционирования правоохранительных органов по выявлению и пресечению противоправной практики, в том числе в части привлечения к ответственности за организованный сбыт подложных документов.

Чаще всего подделывают документы, удостоверяющие личность (паспорта, водительские удостоверения и т.д.). Также в следственной практике встречаются случаи подделки нотариальных доверенностей и судебных приказов [3, с. 40]. Несмотря на то, что с 2023 года наметился спад анализируемой преступности, указанные деяния представляют высокую степень общественной опасности и игнорировать подобное противоправное поведение нельзя. Кроме того, следует отметить высокий уровень латентности анализируемой преступной деятельности.

Анализ научной литературы по заявленной проблематике демонстрирует крайне фрагментарное ее исследование. Чаще всего современные правоведы обращаются к анализу практики различных разновидностей мошенничества с использованием подложных документов [1, с.

320]. В последние годы были проведены отдельные работы по оценке эффективности института ответственности за преступления, связанные с изготовлением и использованием подложных документов. Однако неизученными остаются практически все вопросы, связанные с противодействием распространению данного преступного функционирования.

Противодействие преступлениям, связанным с изготовлением и использованием подложных документов, традиционно осуществляется по двум основным направлениям:

1. выявление, пресечение и расследование преступных деяний указанной направленности, в том числе с учетом привлечения к ответственности виновных лиц и назначения им справедливого и соразмерного наказания исходя из специфики совершенного деяния и степени его общественной опасности;
2. профилактика и предупреждение преступлений указанной направленности, ориентированные на определение обстоятельств и факторов, влияющие на формирование и развитие подобного противоправного поведения, в целях их дальнейшей ликвидации.

Как отмечалось ранее, первое из вышеназванных направлений демонстрирует в последнее десятилетие качественную результативность. В данном контексте следует подчеркнуть не только необходимость оперативного выявления анализируемых преступных деяний, но и сложность их расследования. К настоящему моменту в криминалистической практике разработаны достаточно эффективные методы экспертной деятельности. Так, например, в рамках расследования указанных деяний важное доказательственное значение приобретают заключения эксперта, в том числе по результатам технико-криминалистической экспертизы документов [4, с. 85]. Современная преступная практика постоянно совершенствует методики подделки документов, что объективно обусловлено и техническим прогрессом и распространением масштабов применения информационных и цифровых технологий, в связи с чем для выявления признаков подделки необходимо проведение специальных исследований и участие лица, обладающего экспертными знаниями в данной сфере.

В отношении профилактики и предупреждения преступлений, связанных с изготовлением и использованием подложных документов следует отметить не только фрагментарность изученности и научного осмысления данной деятельности, но и относительную ее эффективность. В данном контексте объективным представляется конкретизировать современные подходы к организации и проведению вышеназванной деятельности.

Предупреждение преступлений, связанных с изготовлением и использованием подложных документов, осуществляется уголовно-правовыми мерами. В данном случае речь идет об эффективности института ответственности в рамках заявленной проблематики. Действующий УК РФ предусматривает отдельную ст. 327, которая определяет правовые последствия за целый ряд преступных деяний, связанных с изготовлением и использованием подложных документов. Указанная норма определяет совокупность подобных действий, и разграничивает масштабы соответствующих последствий с учетом степени общественной опасности деяний. Подделку официальных документов в рамках уголовно-наказуемого деяния российский законодатель связывает непосредственно с предоставлением права или освобождением от обязанностей, если таковой целенаправленности соответствующие документы не имеют – действия не квалифицируются по ст. 327 УК РФ.

Примечательно, что квалифицирующие признаки рассматриваемого преступления определяются не только в контексте разной совокупности деяний, но и применительно к отдельным официальным документам. Так, например, действующее законодательство предусматривает ужесточение ответственности в случае подделки паспорта гражданина или удостоверения, предоставляющего права или освобождающего от обязанностей, в целях их использования или сбыта таких документов. В данном случае речь идет о документах, на основе которых лицо может вступать в различные правоотношения, а при его подделке – масштаб негативных последствий для общества и государства значительно увеличивается.

Кроме того отметим, что ст. 327 УК РФ предусматривает ответственность как для тех, кто изготавливает и подделывает документы, так и для тех, кто их приобретает и в дальнейшем использует. Организованный характер данной деятельности отражается в таких квалифицирующих признаках как совершение преступного деяния группой лиц по предварительному сговору или организованной группой, а также в целях совершения преступления на территории Российской Федерации либо с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение.

Составы преступных деяний, регламентированные в ст. 327 УК РФ могут совершаться как в единичном формате, так и по совокупности. Также на практике распространяются ситуации, когда подделка документов осуществляет совместно с иным преступным функционированием. Санкции, предусмотренные в ст. 327 УК РФ характеризуются качественным многообразием,

начиная от ограничения свободы на срок до 2 лет и заканчивая лишением свободы на срок от 2 до 6 лет. В качестве дополнительного наказания определяется штраф в размере до 80 тыс. руб.

Характеризуя уголовно-правовые меры следует отметить их эффективность, о чем свидетельствует практика привлечения виновных лиц к ответственности. Ст. 327 УК РФ в полной мере учитывает направления развития современной противоправной практики в данной сфере. В правовой литературе высказывается критика в отношении используемых в данной уголовно-правовой норме терминов, которые не раскрыты в действующем законодательстве. Так, например, наиболее дискуссионным определяется отсутствие законодательных определений для терминов «официальный документ», «подделка», а также возникающих сложностей использования терминов «подложный» и «поддельный» [5, с. 94]. Однако в рамках представленного исследования видится необходимым отметить наличие Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17.12.2020 № 43 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 324 - 327.1 Уголовного кодекса Российской Федерации» в котором детально раскрываются содержательные характеристики вышеназванных понятий и особенности их применения при квалификации преступных деяний анализируемой направленности [6]. Усложнение уголовно-правовых норм в данном случае видится обоснованным.

Уголовно-правовые меры имеют ярко выраженный предупредительный характер, поскольку за счет закрепления соразмерных наказаний за преступные деяния уголовно-правовые нормы демонстрируют масштаб правовых последствий для лиц, которые потенциально задумываются о совершении подобного преступления. В контексте предупреждения преступлений, связанных с изготовлением и использованием подложных документов, существует проблема фрагментарной информированности российского населения об актуальных тенденциях развития противоправной практики в данной сфере. В целом расширение практики информирования в данном случае как раз и содействует реализации предупредительного потенциала уголовно-правовых мер, поскольку за счет, например, трансляции в СМИ ситуаций привлечения конкретных лиц к ответственности за подобные деяния может побудить других лиц к критической оценке собственных действий.

Профилактика и предупреждение преступлений направлено на комплексную работу с обществом в целях выработки нетерпимости к противоправному поведению различной направ-

ленности. В случае с подделкой документов, данная противоправная деятельность во многом развивается именно благодаря тому, что в российском обществе существует спрос на подобные незаконные услуги. Причин тому множество, начиная от реального отсутствия у конкретных лиц соответствующего официального документа и также отсутствием оснований для его правомерного получения, и заканчивая подделкой документов в контексте развития иной преступности. Наиболее распространенными в данном случае являются ситуации, когда лица совершают преступления и в целях сокрытия используют подложные документы для выезда за границу. Однако на практике встречаются и ситуации, когда спрос на подделку документов возникает из-за бюрократических процессов в органах государственной власти, и лицам с низким уровнем правовой культуры и грамотности видится привлекательным нелегальными способами приобрести соответствующий документ. Подобная практика активно развивается, например, в медицинской сфере, начиная с подделки рецептов на препараты и заканчивая подделкой больничных листов и прочих документов, необходимых для предъявления где-либо. В условиях пандемии новой коронавирусной инфекции активно развивалась практика подделки сертификатов о болезни, прививках и прочих медицинских документов. В данном контексте работа с населением в части информирования об актуальных тенденциях привлечения к ответственности также представляется перспективным.

В современных реалиях также наблюдается иная тенденция, связанная с распространением практики использования подложных документов среди отдельных категорий населения. К таковым относятся иностранные граждане, которые совершают практически половину преступных деяний исходя из данных статистики за последние годы. Распространенность подобного преступного поведения связана с особенностями их правового режима нахождения на территории российского государства, который предусматривает миграционный учет в компетентных органах, наличие документов на осуществление трудовой деятельности и т.д. Использование подложных документов в данном контексте также активно развивается в рамках незаконной миграции. Однако уголовно-правовые меры применяются к лицам вне зависимости от их гражданства, в связи с чем для указанной проблемы в целях повышения эффективности предупреждения преступлений, связанных с изготовлением и использованием подложных документов, видится необходимым вести активную индивидуальную и коллективную работу с лицами, пребывающими в Россию. Также особое практическое значение

приобретает контрольная деятельность органов власти, на которые возложены полномочия по контролю в сфере миграции.

Таким образом, предупреждение преступлений, связанных с изготовлением и использованием подложных документов, в настоящее время осуществляется в рамках совокупности организационно-правовых мер, направленных на устранение факторов и обстоятельств, способствующих формированию и развитию преступности указанной направленности. Однако данная деятельность характеризуется фрагментарностью осуществления. С одной стороны, при наличии эффективных правовых мер, их применения сопряжено с низким качеством организационного, информационного и аналитического воздействия. Перспективным представляется дальнейшее прикладное изучение заявленной проблематики в целях совершенствования действующих предупредительных механизмов.

Список литературы:

- [1] Глухова, Д. А. Преступная деятельность в структуре механизма преступления и ее особенности при совершении мошенничества, сопряженного с использованием подложного документа / Д. А. Глухова // Вестник Воронежского института МВД России. 2023. № 4. С. 315-322.
- [2] Данные судебной статистики. URL: <https://cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 20.04.2025).
- [3] Кравченко, Р. М. Уголовно-правовая оценка подделки процессуальных документов / Р. М. Кравченко // Криминалист. 2024. № 3(48). С. 39-44.
- [4] Крылова, Н. А. Значение заключения эксперта как источника доказательств по уголовным делам, связанным с подделкой документов / Н. А. Крылова // Актуальные проблемы уголовного процесса и криминалистики: Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Иркутск, 16 февраля 2024 года. Иркутск: Всероссийский государственный университет юстиции, 2024. С. 81-86.
- [5] Павлюченко, Е. Ю. Уголовная ответственность за подделку, изготовление или оборот поддельных документов, государственных наград, штампов, печатей, бланков: совершенствование законодательной регламентации / Е. Ю. Павлюченко // Новизна. Эксперимент. Традиции. 2024. Т. 10, № 1(25). С. 87-95.
- [6] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.12.2020 № 43 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 324 - 327.1 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 2020. № 296.

[7] Состояние преступности в Российской Федерации за январь - декабрь 2022 года. URL: <https://media.mvd.ru/files/application/5130663> (дата обращения: 20.04.2025).

[8] Состояние преступности в Российской Федерации за январь - декабрь 2023 года. URL: <https://media.mvd.ru/files/application/5095078> (дата обращения: 20.04.2025).

[9] Состояние преступности в Российской Федерации за январь - декабрь 2024 года. URL: <https://media.mvd.ru/files/application/9209203> (дата обращения: 20.04.2025).

Spisok literatury:

[1] Gluhova, D. A. Prestupnaya deyatel'nost' v strukture mekhanizma prestupleniya i ee osobennosti pri sovershenii moshennichestva, sopryazhennogo s ispol'zovaniem podlozhnogo dokumenta / D. A. Gluhova // Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii. 2023. № 4. S. 315-322.

[2] Dannye sudebnoj statistiki. URL: <https://cdep.ru/?id=79> (data obrashcheniya: 20.04.2025).

[3] Kravchenko, R. M. Ugolovno-pravovaya ocenka poddelki processual'nykh dokumentov / R. M. Kravchenko // Kriminalist". 2024. № 3(48). S. 39-44.

[4] Krylova, N. A. Znachenie zaklyucheniya eksperta kak istochnika dokazatel'stv po ugovnym delam, svyazannym s poddelkoj dokumentov / N. A. Krylova // Aktual'nye problemy ugovnogo processa

i kriminalistiki: Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii s mezhdunarodnym uchastiem, Irkutsk, 16 fevralya 2024 goda. Irkutsk: Vserossijskij gosudarstvennyj universitet yusticii, 2024. S. 81-86.

[5] Pavlyuchenko, E. Yu. Ugolovnaya otvetstvennost' za poddelku, izgotovlenie ili oborot poddel'nykh dokumentov, gosudarstvennykh nagrad, shtampov, pechatej, blankov: sovershenstvovanie zakonodatel'noj reglamentacii / E. Yu. Pavlyuchenko // Novizna. Eksperiment. Tradicii. 2024. T. 10, № 1(25). S. 87-95.

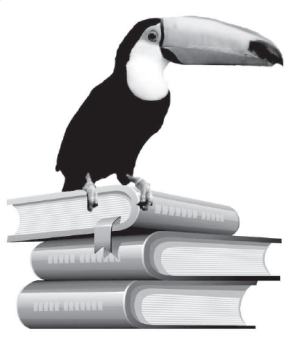
[6] Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 17.12.2020 № 43 «O nekotorykh voprosakh sudebnoj praktiki po delam o prestupleniyah, predusmotrennykh stat'yami 324 - 327.1 Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii» // Rossijskaya gazeta. 2020. № 296.

[7] Sostoyanie prestupnosti v Rossijskoj Federacii za yanvar' - dekabr' 2022 goda. URL: <https://media.mvd.ru/files/application/5130663> (data obrashcheniya: 20.04.2025).

[8] Sostoyanie prestupnosti v Rossijskoj Federacii za yanvar' - dekabr' 2023 goda. URL: <https://media.mvd.ru/files/application/5095078> (data obrashcheniya: 20.04.2025).

[9] Sostoyanie prestupnosti v Rossijskoj Federacii za yanvar' - dekabr' 2024 goda. URL: <https://media.mvd.ru/files/application/9209203> (data obrashcheniya: 20.04.2025).

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

МАЗДОГОВА Заира Зауровна,
профессор кафедры ГиГПД
Северо-Кавказского института (филиал)
Краснодарского университета МВД России,
кандидат политических наук,
e-mail: mail@law-books.ru

ПРЕСТУПНОСТЬ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ: ПРИЧИНЫ И РЕШЕНИЯ

Аннотация. В статье рассматриваются основные проблемы и направления деятельности по профилактике экстремизма. Приводятся факторы, способствующие экстремистской деятельности, цели, достигаемые при противодействии ей, определяются задачи и проблемы. Приводятся виды информационного обеспечения профилактики экстремизма, задачи, решаемые при ее осуществлении. Рассмотрены уровни профилактики экстремизма.

Ключевые слова: несовершеннолетние, молодежь, экстремизм, виктимология, профилактика экстремизма, воспитание, преступление.

MAZDAGOVA Zaira Zaurvna,
professor of the Department of State and Public
Administration of the North Caucasian Institute
(branch) of the Krasnodar University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
candidate of political sciences

YOUTH CRIME: CAUSES AND SOLUTIONS

Annotation. The article examines the main problems and directions of activities for the prevention of extremism. Factors contributing to extremist activity are given, the goals achieved in countering it, tasks and problems are determined. The types of information support for the prevention of extremism, the tasks solved in its implementation are given. The levels of extremism prevention are considered.

Key words: minors, youth, extremism, victimology, prevention of extremism, education, crime.

Говоря о проблеме профилактики преступности в среде несовершеннолетних и молодежи, нельзя не подчеркнуть, что международное сообщество, включая Россию, до сих пор не достигло ощутимых положительных результатов. Особую озабоченность вызывает распространенность среди молодежи экстремистских настроений. Члены соответствующих организаций активно используют новые технологии, в том числе сеть Интернет, для распространения экстремистских материалов, привлечения в свои ряды новых членов и координации противоправной деятельности. Количество лиц, разделяющих экстремистские взгляды, увеличивается за счет беспризорных и безнадзорных несовершеннолетних, которые стали возможны вследствие недостатков в воспитании молодого поколения, которые были и всегда будут, а значит, будут негативные последствия [1].

Рассматривая организацию профилактической работы в образовательных организациях следует отметить наличие нескольких уровней, на которых нужно организовывать данное направление. Охарактеризуем основные уровни:

- подростки и молодежь всей страны. На общем уровне эффективнее производить общепрофилактические мероприятия, которые связаны с повышением уровня и качества жизни подрастающего поколения. Также меры должны решать проблемы высокого показателя незащищенности и невостребованности, способствуют адекватному самовыражению заданной группе лиц;
- дети, подростки, молодежь «группы риска». Здесь необходима более точечная работа по профилактике конкретных ситуаций, из-за которых данная группа может начать осуществлять экстремистскую деятельность.

- Как правило это:
- молодые люди, имеющие зависимости;
- молодые люди, имеющие отклонения в интеллектуальном развитии;
- «золотая молодежь»;
- подростки, склонные к агрессии и физическому способу решения трудностей; представители уличных, неформальных, религиозных, политических организаций и т.д.

Факторами экстремизма и терроризма с точки зрения психологического аспекта являются:

1. общегрупповые:
 - наличие установок, предубеждений родителей;
 - установки и взгляды референтной группы;
 - убеждения авторитетных лиц;
 - повышенный стресс.
2. Личностные факторы:
 - личностные качества (наличие внушаемости, агрессивности, особенности протекания различных психических процессов);
 - эмоциональные особенности (повышенная возбудимость, депрессия и т.д.)

Помимо вышесказанного, при организации работы с подростками и молодежью требуется учитывать их возрастные особенности и социально-экономические аспекты. Считается, что наиболее критическим становится период 11-14 лет.

Это связано с психологическими и социальными факторами. В это время наиболее активно развивается самосознание [2], обостряются чувства справедливости и каждый ищет свой смысл жизни и определяет ее ценность. В это время человек ищет свою социальную группу для установления социальной идентичности, которая позволяет ему ощущать свою приверженность к тем или иным идеалам. В это время психика особенно не стабильна и человек склонен к тому, чтобы подвергаться манипуляциям и внушению [3].

Профилактика экстремизма и терроризма среди детей, подростков и молодежи направлена на:

- повышение качества эмоциональной среды в образовательной организации;
- обеспечение пространства для активного позитивного взаимодействия;
- стимулирование творческого развития детей, подростков и молодежи;
- обеспечение положительного опыта самореализации в образовательном учреждении;
- помощь в социализации личности и включение в социально-культурное пространство Родины;

- процесс формирования толерантности, ответственности и иных качеств гражданина страны;
- разработка систем психокоррекционной работы по профилактике агрессии, проблем в социальном взаимодействии, и т.д.;
- снижение негативных паттернов поведения, развитие рефлексии;
- помощь при выходе из деструктивных организаций и субкультур;
- выявление лиц «группы риска»;
- выявление потенциальных экстремистов, коррекция их поведение и устранение негативных факторов воздействия.

Условия, при которых осуществляется профилактика экстремизма и терроризма в образовательных организациях:

- обеспечение просветительской работы в организациях образования (с педагогами, слушателями, администрацией);
- использование сочетания индивидуальных и групповых форм работы;
- создание комплексного подхода к воспитанию и оказанию профилактических мер;
- системный, комплексный подход к реализации непрерывной профилактической работы по противодействию экстремизму и терроризму;
- обеспечение воспитательной работы по направлению патриотического воспитания и социализации;
- обеспечение направленности на всех участников процесса образования;
- создание условий для взаимодействия педагогов с родительской общественностью и специалистами, в том числе правовыми структурами;
- обучение педагогов эффективным формам профилактики экстремизма и терроризма в рамках;
- организация благоприятного психологического климата в образовательном учреждении;
- обеспечение условий для гармоничной самореализации личности;
- взаимодействие с различными объединениями продуктивной направленности (культурными, молодежными и т.д.);
- создание возможностей для влияния на социализацию и развитие коммуникации подрастающего поколения;
- развитие социальной активности и умения конструктивно решать конфликты;
- разработка схем последовательной психокоррекционной работы, связанной с агрессивным поведением, умением общаться и взаимодействовать с людьми, развивать

навыки саморегуляции и рефлексии [4], а также способствовать выработке толерантного отношения к людям и сообществам.

В заключение отметим, что молодежная преступность в молодежной среде продолжает развиваться и трансформироваться, поэтому задача борьбы с ней является важной и достаточно сложной. Ключевым элементом успеха является совершенствование подходов и механизмов, которые позволят правоохранным органам более эффективно предупреждать и противодействовать преступности [5]. Для этого важно развивать международное сотрудничество, повышать профессиональный уровень сотрудников правоохранных органов и совершенствовать законодательство в области борьбы с преступностью.

Список литературы:

[1] Зеленов Ю.Н. Педагогическая профилактика экстремистских проявлений в молодежной среде. Москва: ФГКУ «ВНИИ МВД России», 2021. 264 с.

[2] Кубякин Е.О. Молодежный экстремизм в условиях информатизации и глобализации социума: постановка проблемы // Историческая и социально-образовательная мысль. 2018. №4. С. 122-131.

[3] Кузнецов А.В. Противодействие вовлечению молодежи в деструктивные организации // Полицейская деятельность. 2020. №3. С. 91-98.

[4] Машекуашева М.Х., Кочесокова З.Х. Формирование профессиональной компетентности сотрудников полиции: контекстный подход. Право и управление. 2024. № 11. С. 191-193.

[5] Петрова Н.А. Психологические особенности вовлечения молодежи в экстремистскую деятельность // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2021. №2. С. 72-79.

[6] Сундиев И.Ю. Информационные технологии в деятельности экстремистских организаций // Вестник Национального антитеррористического комитета. 2019. №1. С. 154-162.

Spisok literatury:

[1] Zelenov Yu.N. Pedagogicheskaya profilaktika ekstremistskih proyavlenij v molodezhnoj srede. Moskva: FGKU «VNII MVD Rossii», 2021. 264 s.

[2] Kubyakin E.O. Molodezhnyj ekstremizm v usloviyah informatizacii i globalizacii sociuma: postanovka problemy // Istoricheskaya i social'no-obrazovatel'naya mysl'. 2018. №4. S. 122-131.

[3] Kuznecov A.V. Protivodejstvie вовлечению молодежи в деструктивные организации // Policejskaya deyatel'nost'. 2020. №3. S. 91-98.

[4] Mashekuasheva M.H., Kochesokova Z.H. Formirovanie professional'noj kompetentnosti sotrudnikov policii: kontekstnyj podhod. Pravo i upravlenie. 2024. № 11. S. 191-193.

[5] Petrova N.A. Psihologicheskie osobennosti вовлечения молодежи в экстремистскую деятельность // Psihopedagogika v pravoohranitel'nyh organah. 2021. №2. S. 72-79.

[6] Sundiev I.Yu. Informacionnye tekhnologii v deyatel'nosti ekstremistskih organizacij // Vestnik Nacional'nogo antiterroristicheskogo komiteta. 2019. №1. S. 154-162.

ЮРКОПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

РЯБКО Наталья Владимировна,
преподаватель кафедры административного права
Ростовского юридического института МВД РФ,
кандидат юридических наук, доцент,
e-mail: ttriabko@mail.ru

ОСМАНОВ Мухамед Мартинович,
старший преподаватель кафедры
организации правоохранительной деятельности
Северо-Кавказского института повышения
квалификации сотрудников МВД (филиал)
Краснодарского университета МВД России,
кандидат педагогических наук,
подполковник полиции,
e-mail: muhamedosmanov8@gmail.com

МЕДВЕДЕВ Владислав Викторович,
преподаватель кафедры тактико-специальной
Краснодарского университета МВД России,
старший лейтенант полиции,
e-mail: Vladislav-medvedev@mail.ru

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ФИНАНСИРОВАНИЮ ЦИФРОВОГО ТЕРРОРИЗМА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ И МЕХАНИЗМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Аннотация. Автором в своей работе исследуются основные направления противодействия финансированию цифрового терроризма, проблемы обеспечения эффективной профилактики преступлений в данной сфере, пути их разрешения и причины проявления, источники, каналы и способы их снабжения, применяемые правоохранительными органами меры противодействия с применением международно-правовых основ и процессуальных механизмов борьбы с финансированием терроризма.

Ключевые слова: финансирование, терроризм, правоохранительные органы, правовые нормы, международный акт, противодействие, преступности, интернет, федеральное устройство, закон, профилактика.

RYABKO Natalia Vladimirovna,
Lecturer of the Department of Administrative Law
Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor

OSMANOV Mukhamed Martinovich,
Senior Lecturer at the Department of Organization of Law Enforcement Activities
of the North Caucasus Institute for Advanced Training of Ministry
of Internal Affairs Officers (branch) of the Krasnodar University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Candidate of Pedagogical Sciences,
Police Lieutenant Colonel

MEDVEDEV Vladislav Viktorovich,
Lecturer of the Department of Tactical-Special
Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Senior Police Lieutenant

COUNTERACTION TO THE FINANCING OF DIGITAL TERRORISM IN THE RUSSIAN FEDERATION: LEGAL PROBLEMS AND MECHANISMS OF INTERACTION

Annotation. *The author in his work examines the main directions of counteraction to the financing of digital terrorism, the problems of ensuring effective prevention of crimes in this area, ways of their resolution and causes of manifestation, sources, channels and methods of their supply, measures of counteraction applied by law enforcement agencies with the use of international legal frameworks and procedural mechanisms for combating the financing of terrorism.*

Key words: *financing, terrorism, law enforcement agencies, legal norms, international act, counteraction, crime, Internet, federal structure, law, prevention.*

Для организации и осуществления эффективной борьбы с террористической деятельностью принципиальное значение имеет наличие развитой правовой базы.

Регламентация в рамках правового поля существует не только в отношении контртеррористических механизмов, но и на их результативное функционирование оказывает влияние состояние правовой системы конкретного государства в целом.

Важнейшей основой противодействия террористической деятельности в Российской Федерации выступает Конституция, которая с одной стороны закрепляет базовые положения, недопустимые для нарушения, на которые, как правило, и ориентированы террористические проявления, с другой стороны – конституционные положения имеют организационно-процессуальную направленность в контексте закрепления федеративного устройства и системы органов государственной власти, а также их основных полномочий.

Отметим, что Конституция РФ также признает верховенство норм международного права, что делает актуальным рассмотрение в рамках правовых основ антиэкстремистской деятельности не только внутригосударственных актов, но и международных договоров.

В данном контексте следует отметить, что в рамках заявленной проблематики практическое значение имеют как общеправовые международные документы, так и международные акты специальной направленности.

Следует отметить, что проблемы борьбы непосредственно с финансированием терроризма достаточно давно актуализировались и на международном уровне.

Международный документ также закрепляет необходимость для государств, принявших данную конвенцию, регламентировать в своей национальной правовой системе не только меры ответственности за финансирование терроризма, но и механизмы борьбы с анализируемым противоправным явлением.

В данном контексте непосредственно речь идет о комплексном государственном воздействии, как в части преследования виновных лиц и назначении им справедливого наказания, так и предупреждения развития подобной противоправной практики на территории различных государств.

В тексте международного акта содержатся алгоритмы взаимодействия государств в подобных ситуациях, что позволяет вырабатывать единые подходы межведомственного взаимодействия.

Еще одним международным актом, представляющим интерес в рамках заявленной проблематики, является Модельный закон «О противодействии финансированию терроризма», принятый на двадцать седьмом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ 16 ноября 2006 года.

В указанном документе финансирование терроризма определяется как «предоставление или сбор средств либо оказание финансовых услуг с осознанием того, что они предназначены для финансирования организации, подготовки и совершения хотя бы одного из деяний, определяемых нормами национального законодательства как преступления террористического характера, либо для обеспечения террористической организации» [1].

Указанный международный акт в большей степени уделяет внимание компетенциям разных органов государственной власти, в рамках которых подчеркивается актуальность направлений борьбы с финансированием терроризма. Особое практическое значение имеют подходы, связанные с регламентацией обязательного контроля в отношении операций с денежными средствами или иным имуществом.

Однако несмотря на достаточно прикладные подходы важно отметить, что указанный международный акт носит рекомендательный характер и используется государствами-участниками СНГ по собственному усмотрению с учетом специфики национальных правовых систем.

В настоящее время созданы отдельные международно-правовые основы и процессуальные механизмы борьбы с финансированием терроризма.

С одной стороны, указанные механизмы позволяют государствам-членам соответствующих международных организаций объединять свои силы по борьбе с анализируемым противоправным явлением, с другой стороны – данные механизмы весьма фрагментарны, поскольку по-прежнему сохраняются различные национальные подходы к противодействию финансированию терроризма в различных государствах.

Проводя анализ российского законодательства контртеррористической направленности следует отметить, что борьба с указанным противоправным явлением регламентируется целым рядом нормативно-правовых актов.

В первую очередь необходимо отметить наличие в российской правовой системе специализированных актов, а именно Федерального закона «О противодействии терроризму».

Данный федеральный закон имеет принципиальное значение для теоретико-правового осмысления заявленной проблематики, поскольку закрепляет целый ряд базовых понятий, используемых в рамках контртеррористической деятельности.

Так, например, из определения понятия «террористическая деятельность» наглядно видно не только содержательное многообразие рассматриваемого явления, но и тот факт, что финансирование является неотъемлемым элементом современного терроризма, что еще больше актуализирует теоретико-правовое осмысление заявленной проблематики.

Кроме того, указанный федеральный закон детально определяет механизмы борьбы с указанным противоправным явлением. В действующем законодательстве противодействие терроризму определяется как деятельность органов государственной власти, органов публичной власти федеральных территорий и органов местного самоуправления, а также физических и юридических лиц по:

1. предупреждению терроризма, в том числе по выявлению и последующему устранению причин и условий, способствующих совершению террористических актов (профилактика терроризма);
2. выявлению, предупреждению, пресечению, раскрытию и расследованию террористического акта (борьба с терроризмом);
3. минимизации и (или) ликвидации последствий проявлений терроризма.

Определение вышеназванных направлений в качестве основных видится справедливым, поскольку для эффективной борьбы с анализиру-

емым преступным поведением необходимо не только результативно выявлять и расследовать совершенные деяния, но и постоянно осуществлять профилактико-предупредительную деятельность в отношении факторов, способствующих распространению террористических взглядов и идей в обществе.

Российский законодатель сознательно акцентирует внимание на субъектном составе указанной деятельности, который характеризуется качественным многообразием.

В контртеррористическую деятельность в настоящее время вовлечены далеко не только органы власти, но и представители гражданского общества, поскольку без участия последних крайне тяжело достичь целей осуществляемого воздействия.

Определение вышеназванных направлений также весьма справедливо, что позволяет конкретизировать цели и задачи отдельных направленностей, а также специфику субъектного состава.

Помимо указанного федерального закона в качестве специализированного акта в рамках заявленной проблематики следует отметить Концепцию противодействия терроризму в Российской Федерации, утвержденную Президентом РФ в 2009 году.

Данный акт закрепляет основные принципы государственной политики в области противодействия терроризму в Российской Федерации, цель, задачи и направления дальнейшего развития общегосударственной системы противодействия терроризму в Российской Федерации.

В рамках заявленной проблематики следует отметить, что в Концепции противодействия терроризму в Российской Федерации среди основных тенденций современного терроризма определяется повышение уровня финансирования террористической деятельности и материально-технической оснащенности террористических организаций.

Также подчеркивается, что для повышения результативности борьбы с терроризмом необходимо получение упреждающей информации о планах террористических организаций по совершению террористических актов, деятельности по распространению идеологии терроризма, источниках и каналах финансирования, снабжения оружием, боеприпасами, иными средствами для осуществления террористической деятельности [2].

Таким образом, борьба с финансированием терроризма способствует опережающему контртеррористическому воздействию.

Особое внимание в рамках заявленной проблематики следует уделить тому, что финансирование терроризма фигурирует в Кодексе Россий-

ской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) и в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ), что объективно обусловлено спецификой лиц, привлекаемых к соответствующим разновидностям юридической ответственности.

Важно отметить, что диспозиция административных и уголовной норм в данном случае весьма схожи в части определения содержательных характеристик финансирования терроризма.

Однако ст. 15.27.1 КоАП РФ предусматривает ответственность юридических лиц за оказание финансовой поддержки терроризму, в то время как ч. 1.1 ст. 205.1 УК РФ предусматривает ответственность физических лиц. Важно отметить, что административная ответственность появилась сравнительно недавно (с марта 2022 года), что объективно обусловлено активизацией вовлечения юридических лиц в процесс финансирования террористической деятельности в последние годы.

Действующая административно-правовая норма предусматривает санкцию в виде штрафа в размере от 10 до 16 млн. руб. [3].

Согласно примечанию к ст. 205.1 УК РФ под финансированием терроризма следует понимать предоставление или сбор средств либо оказание финансовых услуг с осознанием того, что они предназначены для финансирования организации, подготовки или совершения хотя бы одного из преступлений, предусмотренных статьями 205, 205.1, 205.2, 205.3, 205.4, 205.5, 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279 и 360 УК РФ, либо для финансирования или иного материального обеспечения лица в целях совершения им хотя бы одного из этих преступлений, либо для обеспечения организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации), созданных или создаваемых для совершения хотя бы одного из этих преступлений [4]. Кроме того, совершенно справедливо в судебной практике подчёркивается тот факт, что финансирование терроризма может производиться не только в денежной форме, но и любыми материальными средствами (например, предметы обмундирования, экипировки, средства связи, лекарственные препараты, жилые либо нежилые помещения, транспорт и др.).

Систематическое отчисление или разовые взносы в общую кассу используются для приобретения недвижимости или оплаты стоимости ее аренды, а также предоставление денежных средств, предназначенных для подкупа должностных лиц [5].

Важно отметить, что ранее проанализированное определение финансирования терро-

ризма используется и в Федеральном законе «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма», который регулирует отношения граждан Российской Федерации, иностранных граждан и лиц без гражданства, организаций, осуществляющих операции с денежными средствами или иным имуществом и т.д.

В данном контексте особое значение приобретает эффективное взаимодействие правоохранительных органов с представителями банковского сектора, которое в настоящее время процессуально регламентируется законодательством, в том числе в части возможности предоставления информации об операциях, перемещениях денежных средств по счетам по соответствующим запросам.

В основном правоохранительные органы выявляют лишь те способы финансирования терроризма, которые можно совершить одноэтапно, не обладая при этом специальными знаниями или навыками.

В сложно-структурированной деятельности по преступлениям о финансировании терроризма не редко следователю не удается выявить какой-то сложный способ совершения преступления.

Современная следственная и судебная практика наглядно демонстрирует заинтересованность террористических организаций в получении именно денежных средств, поскольку их дальнейшее использование осуществляется уже непосредственно из нужд решения конкретных задач, возникающих в рамках функционирования соответствующего преступного сообщества.

Однако несмотря на то, что речь в данном случае идет все о тех же переводах, чаще всего именно в безналичной форме, сложность выявления подобных операций также высока.

Следует сделать вывод о том, что органы внутренних дел в настоящее время активно вовлечены в осуществление борьбы с финансированием цифрового терроризма, однако сама специфика преступной деятельности обуславливает наличие ряда сложностей, в том числе в рамках выявления фактов совершения вышеназванных деяний.

Несмотря на то, что в настоящее время в региональной практике имеются весьма успешные примеры выявления и расследования такого рода уголовных дел, противоправная деятельность гораздо масштабнее, нежели та, что попадает в поле зрения правоохранительных органов.

Следовательно, финансирование данной преступной деятельности достаточно активно, но осуществляется в серьезно завуалированном формате, что не позволяет сотрудникам компе-

тентных органов оперативно выявлять и пресекать подобное противоправное функционирование.

С учетом специфики существующей практики финансирования цифрового терроризма требуется совершенствование навыков сотрудников органов внутренних дел, а также техническое оснащение указанных органов новейшим информационным и цифровым оборудованием.

Важно отметить, что органы внутренних дел в рамках заявленной проблематики имеют существенный потенциал в части осуществления профилактико-предупредительной работы.

В первую очередь в настоящее время значительно актуализируется проведение комплексной аналитической работы по вопросам развития финансирования цифрового терроризма на территории российского государства, что предполагает и ставит необходимым активное вовлечение сотрудников органов внутренних дел в информационно-пропагандистскую деятельность и в настоящий момент в российском государстве имеется весьма обширная правовая база для организации и осуществления контртеррористической деятельности.

Список литературы:

[1] Модельный закон о противодействии финансированию терроризма (Принят в г. Санкт-Петербурге 16.11.2006 Постановлением 27-6 на 27-ом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ) // Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств-участников Содружества Независимых Государств. 2007. N 39 (часть 1). С. 254 - 281.

[2] Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации (утв. Президентом РФ 05.10.2009) // Российская газета. 2009. № 198.

[3] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 №

195-ФЗ (ред. от 08.07.2024, с изм. от 18.07.2024) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

[4] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 12.06.2024) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

[5] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» (ред. от 03.11.2016) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 4.

Spisok literatury:

[1] Model'nyj zakon o protivodejstvii finansirovaniyu terrorizma (Prinyat v g. Sankt-Peterburge 16.11.2006 Postanovleniem 27-6 na 27-om plenarnom zasedanii Mezhpारlamentskoj Assamblei gosudarstv-uchastnikov SNG) // Informacionnyj byulleten'. Mezhpारlamentskaya Assambleya gosudarstv-uchastnikov Sodruzhestva Nezavisimy'x Gosudarstv. 2007. N 39 (chast' 1). S. 254 - 281.

[2] Konceptiya protivodejstviya terrorizmu v Rossijskoj Federacii (utv. Prezidentom RF 05.10.2009) // Rossijskaya gazeta. 2009. № 198.

[3] Kodeks Rossijskoj Federacii ob administrativny'x pravonarusheniyax ot 30.12.2001 № 195-FZ (red. ot 08.07.2024, s izm. ot 18.07.2024) // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2002. № 1 (ch. 1). St. 1.

[4] Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 13.06.1996 № 63-FZ (red. ot 12.06.2024) // Sobranie zakonodatel'stva RF. 1996. № 25. St. 2954.

[5] Postanovlenie Plenuma Verxovnogo Suda RF ot 09.02.2012 № 1 «O nekotory'x voprosax sudebnoj praktiki po ugolovny'm delam o prestupleniyax terroristicheskoj napravlenosti» (red. ot 03.11.2016) // Byulleten' Verxovnogo Suda RF. 2012. № 4.

ТЛУПОВА Асият Владимировна,
кандидат юридических наук,
преподаватель кафедры организации
правоохранительной деятельности
Северо-Кавказского института повышения квалификации
(филиал) Краснодарского университета МВД России,
старший лейтенант полиции,
e-mail: asiyat@mail.ru

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 150 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РФ «ВОВЛЕЧЕНИЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО В СОВЕРШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ»

Аннотация. Вопросы вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений является актуальной проблемой. Ввиду особой уязвимости несовершеннолетних и их подверженности влиянию, этот вид преступной деятельности наносит значительный ущерб несовершеннолетним и обществу в целом. В соответствии с положениями Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ), данное деяние получает свою правовую оценку в статье 150, которая устанавливает ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления

В настоящей статье рассмотрены ключевые аспекты правовой характеристики состава преступления, предусмотренного ст. 150 УК РФ, анализ законодательства, судебной практики, предложены рекомендации по совершенствованию правоприменения.

Ключевые слова: несовершеннолетний, субъект преступления, преступление, Уголовный кодекс, объективная сторона, вовлечение, объект преступления, вина, мотив, субъективная сторона, наказание.

TLUPOVA Asiyat Vladimirovna,
candidate of legal sciences,
teacher of the department of organization law enforcement
North Caucasian Institute advanced training (branch)
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia,
senior police lieutenant

ON THE QUESTION OF THE LEGAL CHARACTERISTICS OF THE COMPOSITION OF A CRIME PROVIDED FOR BY ARTICLE 150 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION «INVOLVING A MINOR IN THE COMMITMENT OF A CRIME»

Annotation. The problem of involving minors in committing crimes is a pressing issue. Due to the particular vulnerability and susceptibility of adolescents to influence, this type of criminal activity causes significant harm to minors and society as a whole. In accordance with the provisions of the Criminal Code of the Russian Federation (CC RF), this act receives its legal assessment in Article 150, which establishes liability for involving a minor in committing a crime

This article examines the key aspects of the legal characteristics of the composition of this crime, analyzes legislation, judicial practice and offers recommendations for improving law enforcement.

Key words: minor, subject of crime, crime, Criminal Code, objective side, involvement, object of crime, guilt, motive, subjective side, punishment.

Статья 150 УК РФ предусматривает основной, квалифицированный и особо квалифицированный составы. Основной состав является простым по структуре и представлен частью 1 ст. 150 УК РФ: вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления путем обещаний, обмана, угроз или иным способом, совершенное лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста. Квалифицированный состав закреплен частью 2, а особо квалифицированный – частями 3 и 4 указанной статьи УК РФ [1].

Объектом преступления, предусмотренного ст. 150 УК РФ, является общественная безопасность и общественный порядок, а также здоровье и нравственное воспитание несовершеннолетних. Нарушение этих ценностей посягает на нормальное функционирование социальных институтов, в том числе семьи, школы, ответственных за воспитание и становление личности ребенка.

Объективная сторона преступления заключается в действиях, направленных на вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления. Важно отметить, что данное преступление является оконченным с момента совершения указанных действий (склонение, уговоры и т.д.), вне зависимости от того, было ли преступление, к совершению которого склоняли несовершеннолетнего, доведено до конца. При совершении деяния, указанного в статье 150 УК РФ, важную роль играет действие, составляющие объективную сторону преступления, связанного с привлечением несовершеннолетнего к его совершению. Под подобными действиями подразумеваются действия взрослого, направленные на стимулирование потерпевшего к совершению преступления. Законодательство не устанавливает строгий перечень способов такого вовлечения.

При этом не имеет значения для квалификации деяния по данной статье роль, которую субъект преступления отводил несовершеннолетнему (исполнитель, пособник и т.д.).

В диспозиции ч. 1 статьи 150 УК РФ, наряду с обещанием, речь идет о таких понятиях, как «обман» и «угрозы», в контексте совершения преступлений с участием несовершеннолетних. Обманом признается умышленное искажение или сокрытие истины с целью ввести потерпевшего в заблуждение. Обман может быть, как словесным (путем сообщения недостоверной информации), так и действием, которое вводит в заблуждение потерпевшего. Примерами обмана несовершеннолетнего может быть ситуация, когда взрослое лицо убеждает его, что он не понесет уголовной ответственности за преступление из-за своего возраста.

Суд при рассмотрении дел в отношении несовершеннолетних будет учитывать наличие обмана и его влияние на поведение несовершеннолетнего. Обман может рассматриваться как обстоятельство, смягчающее вину несовершеннолетнего и влияющее на определение меры наказания.

Действия взрослого лица, осуществляемые с целью обмана несовершеннолетнего и введения его в заблуждение, могут иметь серьезные последствия. Обман может привести к тому, что несовершеннолетний совершит преступление, даже не осознавая его противоправности.

В целях защиты несовершеннолетних от таких ситуаций, важным является обеспечение родителями и законными представителями надлежащей информированности детей о последствиях совершения преступлений, а также развития у них критического мышления и способности дифференцировать правду, обман [6, с. 162].

Угрозы, как известно, являются психическим насилием и выражаются в запугивании или обещании причинить какой-либо вред несовершеннолетнему. Угрозы могут быть ненасильственными (например, угроза разглашения сведений), и могут сопровождаться демонстрацией доказательств или компрометирующих фактов. Угроза применить насилие признается уголовно наказуемой, если у потерпевшего были реальные основания опасаться ее осуществления в отношении себя или близкого человека, домашнего питомца и т.п. Также в тексте статьи упоминается способ вовлечения несовершеннолетнего в преступление через возбуждение таких чувств, например, как чувства мести или зависти [3, с. 104].

Субъект преступления, предусмотренного ст. 150 УК РФ, является вменяемое физическое лицо, достигшее возраста 18 лет. При этом возраст потерпевшего, т.е. несовершеннолетнего, должен быть не старше 18 лет. При оценке действий взрослого лица, которое вовлекает несовершеннолетнего в преступление, необходимо обратить внимание на то, что для совершения такого преступления должен быть достигнут восемнадцатилетний возраст в соответствии с законом (специальный субъект). При этом, уголовная ответственность наступает не в день рождения, а с 0 часов следующих суток после достижения лицом данного возраста.

В случаях, когда имеются сомнения в достоверности сведений, относительно возраста как субъекта данного преступления, так и потерпевшего (несовершеннолетнего, которого вовлекли в совершение преступления), проводится судебная экспертиза.

Субъективная сторона преступления включает в себя вину лица, совершившего преступление. Статья 25 УК РФ устанавливает и раскрывает виды умысла, признаваемого в уголовном праве. Преступление считается совершенным с прямым умыслом, если лицо осознавало общественную опасность своих действий, предвидело возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий и желало их наступления. Например, если лицо желало вовлечь несовершеннолетнего в совершение преступления и осознавало опасность этого деяния, такое преступление будет признано совершенным с прямым умыслом.

По смыслу статьи 150 УК РФ можно заключить, что лицо может быть привлечено к уголовной ответственности как в случае, если оно знало о несовершеннолетии вовлеченного лица, так и, если оно должно было предвидеть это обстоятельство. Так, субъект мог знать о несовершеннолетии потерпевшего из его документов, если установлено, что у него имелся к ним доступ, он может быть знаком с семьей, знать в каком классе учится ребенок и т.п. [2, с. 85] Однако, если установлено, что лицо не знало и не могло знать о несовершеннолетии вовлеченного лица, оно не может быть привлечено к ответственности по статье 150 Уголовного кодекса Российской Федерации

Мотивы и цели, которые могут быть причиной совершения преступления, не имеют квалифицирующего значения [4, с. 114]. Эти мотивы могут быть связаны с местью, завистью, корыстью или иными побуждениями.

Анализ судебной практики показывает, что применение ст. 150 УК РФ часто сталкивается с трудностями, связанными с доказыванием факта вовлечения и степени влияния взрослого на несовершеннолетнего [5, с. 67]. Порой судебные органы недостаточно учитывают личные характеристики потерпевших и их склонности к подчинению, сопротивляемости внешним воздействиям, а также обстоятельства, способствующие вовлечению.

Для повышения эффективности правоприменения и защиты интересов несовершеннолетних представляется целесообразным:

- усовершенствовать методику доказывания субъективной стороны преступления, в частности, установление прямого умысла в действиях виновного;
- ужесточить наказание за данное преступление, увеличив минимальные и максимальные сроки лишения свободы, особенно если вовлечение сопровождалось насилием или угрозами;

- ввести дополнительные меры воспитательного воздействия на несовершеннолетних, включающих обязательные консультации с психологом и социальным работником;
- предусмотреть в Уголовном кодексе РФ дополнительные возможности для освобождения несовершеннолетних от ответственности при доказанности их зависимого и подчиненного положения совершеннолетнему лицу.

Анализ правовой характеристики состава преступления, предусмотренного ст. 150 Уголовного кодекса РФ, позволяет сделать вывод о важности комплексного подхода к защите несовершеннолетних от вовлечения в преступную деятельность. Это требует совершенствования уголовного законодательства, усиления профилактической работы и качественных изменений в механизмах правоприменения. Только через согласованные усилия государства, правоохранительных органов, школы и семьи можно создать благоприятные условия для воспитания молодежи и обеспечения безопасности нации.

Список литературы:

- [1] Уголовный кодекс Российской Федерации // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
- [2] Гарманов В.М. Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления (ст. 150 УК РФ): содержание признаков потерпевшего и особенности субъективной стороны состава преступления // Вестник Омского университета. 2018. № 4(18). С. 83-91
- [3] Осипьян А.В. Вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений или иных антиобщественных действий (уголовно-правовые и криминологические аспекты). дис. канд. юрид. наук. - Ростов н/Д, 2004. 217 с.
- [4] Осмоловская С.И. Проблемы установления и толкования признаков субъективной стороны состава преступления, предусматривающего уголовную ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления // Труды Академии управления МВД России. 2019. № 3 (51). С. 111-121
- [5] Решетникова Г.А. Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления: поиск оптимальной нормы // Судебная власть и уголовный процесс. 2022. № 1. С. 64-71.
- [6] Тихомиров А.С. Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления: особенности объективной стороны состава преступления // Законность и правопорядок в современном обществе. Сборник материалов XXXVII Международной научно-практической конференции. 2017. С. 159-163.

Spisok literatury:

[1] Ugolovnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii // SZ RF. 1996. № 25. St. 2954.

[2] Garmanov V.M. Vovlecheniye nesovershennoletnego v soversheniye prestupleniya (st. 150 UK RF): sodержaniye priznakov poterpevshego i osobennosti sub'yektivnoy storony sostava prestupleniya // Viktimologiya 4(18). 2018. S. 83-91

[3] Osip'yan A.V. Vovlecheniye nesovershennoletnikh v soversheniye prestupleniy ili inyykh antiobshchestvennykh deystviy (ugolovno-pravovyye i kriminologicheskiye aspekty). dis. kand. yurid. nauk. - Rostov n/D, 2004. 217 s.

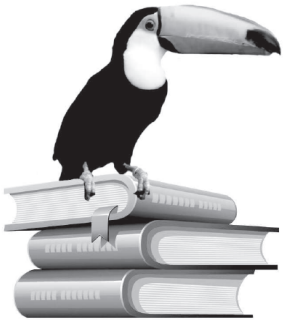
[4] Osmolovskaya S.I. Problemy ustanovleniya i tolkovaniya priznakov sub'yektivnoy storony sostava

prestupleniya, predusmatrivayushchego ugolovnuyu otvetstvennost' za vovlecheniye nesovershennoletnego v soversheniye prestupleniya // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. 2019. № 3 (51). S. 111-121

[5] Reshetnikova G.A. Vovlecheniye nesovershennoletnego v soversheniye prestupleniya: poisk optimal'noy normy // Sudebnaya vlast' i ugolovnyy protsess. 2022. № 1. S. 64-71.

[6] Tikhomirov A.S. Vovlecheniye nesovershennoletnego v soversheniye prestupleniya: osobennosti ob'yektivnoy storony sostava prestupleniya // Zakonnost' i pravoporyadok v sovremennom obshchestve. Sbornik materialov XXXVII Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. 2017. S. 159-163.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

Дата поступления рукописи в редакцию: 14.05.2025 г.

DOI: 10.24412/2224-9133-2025-5-269-273

Дата принятия рукописи в печать: 10.06.2025 г.

ЛУБЯГИН Михаил Сергеевич,
кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры уголовного
процесса и прокурорского надзора Института юстиции
Байкальского государственного университета,
e-mail: 010453@bgu.ru

КОЛЛЕГИАЛЬНЫЕ ФОРМЫ ПРОИЗВОДСТВА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА

Аннотация. В статье анализируется вопрос командных форм расследования преступлений по законодательству Республики Молдова. Установлено, что основной формой командных форм производства предварительного следствия является деятельность следственных групп. Описывается характер порядка организации и деятельности данных групп в уголовном судопроизводстве Республики Молдова. При исследовании выявлены законодательные и правоприменительные особенности нормативного регулирования производства предварительного следствия следственными группами по уголовным делам, а также в целом особенности правоприменительной деятельности, определяющей коллегиальное расследование преступлений в досудебном производстве. Кроме того, выявлены определенные положения процессуальной регламентации отдельных вопросов деятельности следственных групп, такие как срок их деятельности, а также цель создания следственных групп. Одновременно с этим определено, что коллегиальность в уголовном судопроизводстве Республики Молдова не ограничивается досудебным производством, поскольку на стадии судебного разбирательства может быть создана группа прокуроров. Вместе с тем описаны основания поручения расследования следственным группам с учетом особенностей национального законодательства. В заключении сформулированы выводы об особенностях процессуального регулирования командных форм расследования преступлений следственными группами в Республике Молдова, могут быть учтены российским законодателем при совершенствовании национальной уголовно-процессуальной политики обеспечения национальной безопасности России на современном этапе.

Ключевые слова: следственная группа, производство предварительного следствия, командная форма расследования, уголовное судопроизводство.

LUBYAGIN Michael Sergeevich,
PhD, Senior Lecturer,
of the Department of Procedure and Prosecutorial
Supervision Institute of Justice of Baikal State University

COLLEGIAL FORMS OF PRELIMINARY INVESTIGATION IN CRIMINAL CASES IN THE CRIMINAL PROCEEDINGS OF THE REPUBLIC OF MOLDOVA

Annotation. The article analyzes the issue of command forms of crime investigation under the legislation of the Republic of Moldova. It has been established that the main form of command forms of preliminary investigation is the activity of investigative groups. The nature of the organization and activity of these groups in the criminal proceedings of the Republic of Moldova is described. The study revealed the legislative and law enforcement features of the regulatory regulation of the preliminary investigation by investigative groups in criminal cases, as well as the general features of law enforcement activities that determine the collegial investigation of crimes in pre-trial proceedings. In addition, certain provisions of the procedural regulation of

certain issues of the activities of investigative groups, such as the duration of their activities, as well as the purpose of creating investigative groups, have been identified. At the same time, it was determined that collegiality in the criminal proceedings of the Republic of Moldova is not limited to pre-trial proceedings, since a group of prosecutors can be created at the trial stage. At the same time, the reasons for assigning an investigation to investigative teams are described, taking into account the specifics of national legislation. In conclusion, conclusions are formulated on the specifics of the procedural regulation of command forms of crime investigation by investigative groups in the Republic of Moldova, which can be taken into account by the Russian legislator when improving the national criminal procedure policy for ensuring Russia's national security at the present stage.

Key words: *investigative group, preliminary investigation, command form of investigation, criminal proceedings.*

Производство предварительного расследования коллегиальными формами, такими как следственные и следственно-оперативные группы, представляет собой одну из наиболее оптимальных форм взаимодействия должных лиц, осуществляющих функции по уголовному преследованию [1, с. 61]. В условиях процессуального взаимодействия следователей, включаемых в следственную группу, наиболее эффективно достигается повышение оперативности расследования тяжких и особо тяжких преступлений по уголовным делам, представляющим особую сложность [2, с. 135].

Рассматривая вопросы нормативного регулирования досудебного производства в уголовном процессе зарубежных стран для выявления определенных особенностей правоприменительной практики досудебного производства, необходимо акцентировать внимание на возможность производства по уголовным делам следственной группой по законодательству Республики Молдовы, поскольку опыт подобного регулирования при определенных условиях может быть имплементирован в российскую правоохранительную деятельность.

Кроме всего прочего, необходимо отметить, что независимо от разных обстоятельств, происходящих на международной арене, не следует ориентироваться на разрыв международных каналов взаимодействия, в особенности связанных с вопросами совместного противодействия трансграничной и транснациональной преступности [3, с. 151].

В связи с этим процессы исследования в сфере научной деятельности, как представляется, не должны ограничиваться проблемами политического характера, поскольку очевидно, что в подобных условиях возможности преступных групп и сообществ не только усиленно совершенствуются, но и активно реализуются уже в настоящее время. Совершение тяжких и особо тяжких преступлений, в частности, террористических актов, предопределяет особую потребность правоохранительных систем всех ведущих государств в эффективном противодействии

совершению подобных преступлений. Предполагается, что достижение подобной эффективности не может быть достигнуто без интеграционных механизмов международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства [4, с. 64].

В соответствии с п. 10 ст. 52 Уголовно-процессуального кодекса Республики Молдова (далее – УПК РМ) определено, что в случае сложных и объемных дел прокурор может вынести мотивированное постановление об осуществлении уголовного преследования группой офицеров по уголовному преследованию. Одновременно с этим, возможность принять решение о поручении производства расследования нескольким офицерам по уголовному преследованию закрепляется на процессуальном уровне за руководителем органа уголовного преследования. Так, в соответствии с п. d ч. 2.1 ст. 56 УПК РМ руководитель органа уголовного преследования при осуществлении своих полномочий вправе поручить с согласия прокурора производство уголовного преследования нескольким офицерам по уголовному преследованию.

Одним из отличительных положений порядка регламентации полномочий руководителя органа уголовного преследования в этой связи является предусмотренная процессуальным законом обязанность получать согласие прокурора на принятие определенных процессуальных решений. В дополнение к этому нельзя также не обратить внимание на то, что в соответствии со ст. 270 УПК РМ устанавливается, что в случае сложных и объемных дел прокурор, выходящий по отношению к прокурору, к компетенции которого относится уголовное преследование, может вынести мотивированное постановление об осуществлении уголовного преследования группой прокуроров и офицеров по уголовному преследованию, указав при этом прокурора, который будет руководить группой.

На основании вышеизложенного, необходимо выделить особенность нормативного коллегиального производства расследования по уголовным делам, обусловленную тем, что в Республике Молдова коллегиальный вид производства

может осуществляться не только офицерами по уголовному преследованию, но и должностными лицами органов прокуратуры. Данный факт закреплен в норме национального уголовно-процессуального закона, что позволяет вести речь о формировании специальных видов групп, которым поручается производство расследования, в том числе и с точки зрения процессуальной формы. При этом подобная особенность нормативного регулирования существенно отличает процесс регламентации коллегиального производства по уголовным делам по законодательству Молдовы не только от процессуальных положений российского уголовно-процессуального законодательства, но и от норм законодательства иных государств-участников СНГ.

Кроме того, коллегиальность в уголовном судопроизводстве Республики Молдова не ограничивается применимостью исключительно на стадиях досудебного производства. Так, в соответствии с ч. 1 ст. 320 УПК РМ участие прокурора в судебном разбирательстве является обязательным, и он исполняет свои обязанности в соответствии со ст. 53 УПК РМ. В судебном разбирательстве в первой инстанции участвует прокурор, руководивший уголовным преследованием или, в зависимости от обстоятельств, самостоятельно осуществлявший его по данному делу. В случае невозможности участия такового вышестоящий прокурор принимает решение об участии в заседании иного прокурора. При необходимости вышестоящий прокурор может распорядиться об участии в судебном разбирательстве группы прокуроров.

Вызывает интерес возможность формирования группы прокуроров, которая в силу решения вышестоящего прокурора может принимать участие в судебных стадиях уголовного судопроизводства. Предполагается, что подобный способ нормативной регламентации по своему сущностному содержанию ориентирован также на порядок регламентации по законодательству европейских государств.

По уголовно-процессуальному законодательству Республики Молдова предусмотрены нормативные положения, регулирующие процесс создания совместных розыскных (следственных) групп [5, с. 2]. Так, согласно ст. 540.2. УПК РМ компетентные органы, по меньшей мере, двух государств могут по взаимному согласию создать совместную розыскную группу, имеющую единую цель – оперативное и качественное расследование преступлений.

Вместе с тем в вышеназванной норме уточняется, что срок деятельности совместной группы ограничен, однако данный срок может быть продлен с согласия всех сторон, с целью осуществле-

ния уголовного преследования в одном и более государствах, создавших розыскную группу. Состав совместной розыскной группы определяется по взаимному согласию.

Вызывают научный интерес с точки зрения процессуальной природы нормативного регулирования и особенностей производства по уголовному делу следственной группой положения УПК РМ, содержащие словосочетание «срок деятельности» совместной (следственной) группы. Общеизвестно, что ни в одном уголовно-процессуальном законе государств, являющихся участниками СНГ, не содержится подобных процессуальных конструкций.

Как правило, период деятельности следственной группы ограничен сроком предварительного расследования по уголовному делу, после окончания которого следственная группа подлежит расформированию. Но положения УПК РМ, к сожалению, не конкретизируют сущность процессуальной конструкции по вопросу срока деятельности совместной (следственной) группы. Указанное обстоятельство негативным образом может отражать качественную составляющую процессуального регулирования командной формы деятельности следственных групп с точки зрения определения баланса интересов членов данных групп [6, с. 147].

Думается, что конкретизирующие положения этой конструкции могут находить свое отражение в соответствующих документах международного характера (договоры, соглашения), заключенных компетентными органами Республики Молдова с органами иных зарубежных государств – это, в свою очередь, позволит выработать единство правоприменительной практики, связанной с поручением расследования совместным следственным группам, а также может определить основные положения регламентации коллегиальных форм расследования в досудебном производстве по уголовным делам следственными группами [7, с. 143–144].

Кроме того, в ст. 540.2. УПК РМ содержится такая конструкция как, «четкая цель» деятельности совместной (следственной группы). Одновременно с этим положения УПК РМ также не конкретизируют содержание данного понятия. Что понимать под четкой целью деятельности совместной следственной группы? – подобный вопрос может возникнуть у исследователей, изучающих особенности взаимодействия субъектов уголовно-процессуальной деятельности при совместном расследовании преступлений.

На основе авторского представления представляется возможным предположить, что под «четкой целью деятельности совместной следственной группы» следует понимать деятель-

ность, основанную на взаимодействии должностных лиц соответствующих правоохранительных органов различных государств, и направленную на раскрытие преступления и достижение эффективного и качественного производства по уголовному делу, порученному в производство совместной следственной группе.

К основаниям создания совместных розыскных (следственных) групп в соответствии с ч. 2 ст. 540.2. УПК РМ относятся следующие обстоятельства:

- если в ходе уголовного преследования, осуществляемого в государстве-заявителе, возникает необходимость проведения сложного уголовного преследования, требующего мобилизации значительных ресурсов нескольких государств;
- если несколько государств осуществляют уголовные преследования, при которых необходимы согласованные и координируемые действия со стороны данных государств.

Небезынтересно отметить, что запрос о создании совместной розыскной группы может быть подан любым вовлеченным государством: группа создается в одном из государств, в котором необходимо осуществление уголовного преследования.

Участники совместной розыскной группы, назначенные органами власти Республики Молдова, считаются ее членами, а участники, назначенные иностранными государствами, – откомандированными членами.

Откомандированные члены совместной розыскной группы уполномочены присутствовать при проведении любых процессуальных действий, за исключением случаев, когда руководитель группы, исходя из особых мотивов, решает иначе (ч. ч. 5, 6, 7 ст. 540.2. УПК РМ) [8, с. 544].

Таким образом, анализируя действующее процессуальное законодательство Республики Молдова по вопросу командных форм расследования, представляется возможным сделать следующие выводы:

- основной формой командного производства предварительного следствия по уголовным делам в уголовном судопроизводстве является деятельность совместных следственных групп, состоящих из следователей;
- данная форма носит процессуальный характер, поскольку нормативное регулирование порядка создания и деятельности следственных групп закреплено в уголовно-процессуальном законе;
- помимо следственных групп предусмотрена организация группы прокуроров, своего рода, новеллы для законодательства стран-участниц СНГ;

- порядок создания и деятельности следственных групп, а также вопросы распределения полномочий руководителей следственных групп и их членов регламентированы в большей степени, чем в уголовно-процессуальном законе Российской Федерации с точки зрения регламентации организационно-тактических вопросов деятельности следственных групп в уголовном судопроизводстве и обеспечения их деятельности с позиции криминалистического сопровождения.

Полученные по результатам исследования выводы, несомненно, могут быть учтены российским законодателем при совершенствовании национальной уголовно-процессуальной политики обеспечения национальной безопасности России на современном этапе.

Список литературы:

- [1] Тарасов А. А. Международные стандарты прав человека и российское уголовное правосудие / А. А. Тарасов // Юридический вестник Самарского университета. – 2020. – № 4. – С. 61–66.
- [2] Тарасов А. А. «Бригадное расследование» в контексте общих проблем следственного аппарата в современной России / А. А. Тарасов // Правовое государство: теория и практика. – 2019. – № 1 (55). – С. 135–140.
- [3] Судакова Т. М. Междисциплинарность криминологии в контексте методологической и структурной трансформации науки / Т. М. Судакова // Всероссийский криминологический журнал. – 2022. – № 2. – С. 151–162.
- [4] Волеводз А. Г. Взаимная правовая помощь по уголовным делам: сотрудничество с государствами офшорных юрисдикций романо-германской правовой семьи (системы континентального права) / А. Г. Волеводз // Российский следователь. – 2019. – № 10. – С. 64–68.
- [5] Волеводз А. Г., Цыплакова А. Д. Международное полицейское сотрудничество: современная институциональная структура и тенденции развития / А. Г. Волеводз, А. Д. Цыплакова // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2023. – № 3. – С. 2–6.
- [6] Гриненко А. В. Взаимодействие следователя и прокурора в новых правовых реалиях / А. В. Гриненко // Известия Юго-Западного государственного университета. – 2017. – Т. 21. № 4 (73). – С. 147–153.
- [7] Клевцов К. К. Совместные (международные) следственные группы – новое направление международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства: проблемы и перспективы развития / К. К. Клевцов // Проблемы экономики и юридической практики. – 2015. – № 2. – С. 143–146.

[8] Лубягин М. С. Актуальные перспективы сотрудничества Российской Федерации и государств – участников СНГ по вопросу организации межгосударственных следственных групп / М. С. Лубягин // Всероссийский криминологический журнал. – 2022. – № 4. – С. 537–549.

Spisok literatury:

[1] Tarasov A. A. Mezhdunarodny'e standarty' prav cheloveka i rossijskoe ugovnoe pravosudie / A. A. Tarasov // Yuridicheskij vestnik Samarskogo universiteta. – 2020. – № 4. – С. 61–66.

[2] Tarasov A. A. «Brigadnoe rassledovanie» v kontekste obshhix problem sledstvennogo apparata v sovremennoj Rossii / A. A. Tarasov // Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika. – 2019. – № 1 (55). – С. 135–140.

[3] Sudakova T. M. Mezhdisciplinarnost' kriminologii v kontekste metodologicheskoy i strukturnoj transformacii nauki / T. M. Sudakova // Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal. – 2022. – № 2. – С. 151–162.

[4] Volevodz A. G. Vzaimnaya pravovaya pomoshh' po ugovny'm delam: sotrudnichestvo s gosudarstvami ofshorny'x yurisdikcij romano-ger-

manskoj pravovoj sem'i (sistemy' kontinental'nogo prava) / A. G. Volevodz // Rossijskij sledovatel'. – 2019. – № 10. – С. 64–68.

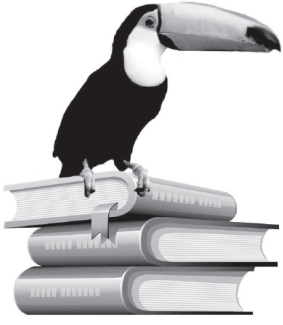
[5] Volevodz A. G., Cyplakova A. D. Mezhdunarodnoe policejskoe sotrudnichestvo: sovremennaya institucional'naya struktura i tendencii razvitiya / A. G. Volevodz, A. D. Cyplakova // Mezhdunarodnoe ugovnoe pravo i mezhdunarodnaya yusticiya. – 2023. – № 3. – С. 2–6.

[6] Grinenko A. V. Vzaimodejstvie sledovatelya i prokurora v novy'x pravovy'x realiyax / A. V. Grinenko // Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. – 2017. – Т. 21. № 4 (73). – С. 147–153.

[7] Klevczov K. K. Sovmestny'e (mezhdunarodny'e) sledstvenny'e gruppy' – novoe napravlenie mezhdunarodnogo sotrudnichestva v sfere ugovnogo sudoproizvodstva: problemy' i perspektivy' razvitiya / K. K. Klevczov // Problemy' e'konomiki i yuridicheskoy praktiki. – 2015. – № 2. – С. 143–146.

[8] Lubyagin M. S. Aktual'ny'e perspektivy' sotrudnichestva Rossijskoj Federacii i gosudarstv – uchastnikov SNG po voprosu organizacii mezhgosudarstvenny'x sledstvenny'x grupp / M. S. Lubyagin // Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal. – 2022. – № 4. – С. 537–549.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, Е-Library.

ОВЧИННИКОВ Олег Михайлович,
доктор педагогических наук, профессор,
профессор кафедры оперативно-розыскной
деятельности юридического факультета,
Владимирский юридический институт
Федеральной службы исполнения наказаний,
профессор кафедры психологии личности
и специальной педагогики
Владимирского государственного университета
имени А.Г. и Н.Г. Столетовых,
e-mail: omo33@mail.ru

МОИСЕЕВ Николай Дмитриевич,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры организации оперативно-розыскной деятельности
Академии ФСИН России,
e-mail: oleg62@yandex.ru

САУТИЕВ Адам Мухамедович,
кандидат юридических наук,
начальник кафедры оперативно-розыскной
деятельности юридического факультета
Университета ФСИН России,
e-mail: rf_sng@mail.ru

ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКОЕ МЕРОПРИЯТИЕ «НАБЛЮДЕНИЕ» В УСЛОВИЯХ ПРИНУДИТЕЛЬНОЙ ИЗОЛЯЦИИ: ДОПУСТИМОСТЬ, ЗАКОННОСТЬ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация. Статья посвящена исследованию специфики оперативно-розыскного мероприятия «наблюдение» в условиях исправительных учреждений. На основе анализа правовых и уголовно-процессуальных аспектов авторы раскрывают ключевые проблемы, связанные с проведением наблюдения в уголовно-исполнительной системе (УИС), включая необходимость соблюдения конституционных прав осужденных, использование современных технических средств, обеспечение конспирации и допустимость результатов в уголовном судопроизводстве. Особое внимание уделяется особенностям применения технических средств в ходе наблюдения и порождающимся при этом противоречиям между требованиями законности и практическими вызовами, обусловленными спецификой исправительных учреждений, объективно имеющейся ограниченностью доказательственной ценности полученных данных. В работе подчеркивается, что, несмотря на значимость наблюдения для предотвращения преступлений в местах лишения свободы, остаются нерешенными вопросы судебного контроля и адаптации правовой базы к складывающимся реалиям правоприменительной практики. Результаты исследования указывают на необходимость совершенствования законодательства, разработки методических рекомендаций и междисциплинарного подхода для повышения эффективности оперативно-розыскной деятельности в УИС.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, оперативно-розыскное мероприятие «наблюдение», исправительные учреждения, правовые аспекты, конспирация, технические средства, уголовное судопроизводство, УИС, доказательственная база, судебный контроль, права личности.

OVCHINNIKOV Oleg Mikhailovich,
Doctor of Pedagogical Sciences, Professor,
Professor of the Department of Operational Investigative Activities
of the Faculty of Law, Vladimir Law Institute Federal Penitentiary
Service Professor of the Department of Personality Psychology and Special Pedagogy
of Vladimir State University named after A.G. and N.G. Stoletov

MOISEEV Nikolay Dmitrievich,
Candidate of Law, Associate Professor of the Department
of Organization of Operational Investigative Activities
Academies of the Federal Penitentiary Service of Russia

SAUTIEV Adam Mukhamedovich,
Candidate of Law, Head of the Department
of Operational Investigative Activities, Faculty of Law, University
of the Federal Penitentiary Service of Russia

OPERATIONAL SEARCH ACTIVITY “SURVEILLANCE” IN CONDITIONS OF FORCED ISOLATION: ADMISSIBILITY, LEGALITY, PROSPECTS

Annotation. *The article is devoted to the study of the specifics of the operational investigative measure “surveillance” in correctional institutions. Based on the analysis of legal and criminal procedural aspects, the authors reveal the key problems associated with conducting surveillance in the penal correction system, including the need to respect the constitutional rights of convicts, the use of modern technical means, ensuring secrecy and the admissibility of results in criminal proceedings. Special attention is paid to the specifics of the use of technical means during surveillance and the resulting contradictions between the requirements of legality and practical challenges caused by the specifics of correctional institutions and the objectively limited evidentiary value of the data obtained. The paper emphasizes that, despite the importance of surveillance for the prevention of crimes in places of detention, issues of judicial control and adaptation of the legal framework to the evolving realities of law enforcement practice remain unresolved. The results of the study indicate the need to improve legislation, develop methodological recommendations and an interdisciplinary approach to increase the effectiveness of operational investigative activities in the criminal justice system.*

Key words: *operational investigative activity, operational investigative event “surveillance”, correctional institutions, legal aspects, conspiracy, technical means, criminal proceedings, criminal justice system, evidence base, judicial control, individual rights.*

Оперативно-розыскная деятельность (ОРД) является важнейшим инструментом обеспечения государственной и общественной безопасности. Как следует из определения, ОРД может быть осуществлена только с помощью оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ), среди которых особое место занимает «наблюдение», которое, при условии его грамотного, детального планирования и проведения может позволить получить большой объем информации, имеющей значение для раскрытия преступлений и предупреждения новых.

Наблюдение становилось объектом достаточно активного интереса со стороны многих исследователей, рассматривавших его через призму различных аспектов. Так, С.И. Захарцев и О.А. Чабукиани рассматривали правовые и организационные основы наблюдения, его место в системе ОРД, особенности проведения [1]. Авторы подчеркивают, что наблюдение является одним из наиболее эффективных методов получения оперативной информации, однако его применение требует строгого соблюдения законности.

А.Е. Чечетин анализирует теоретические аспекты наблюдения, включая его классифика-

цию, цели и задачи, делая особый акцент на судебной практике использования результатов ОРМ в уголовном судопроизводстве, выявляя наиболее острые проблемные моменты [2].

Правовые основы проведения ОРМ «наблюдение» исследуются в монографии А.И. Алексеева [3]. Автор акцентирует внимание на необходимости соблюдения конституционных прав и свобод личности при проведении наблюдения, а также на роли судебного контроля в обеспечении законности данного мероприятия.

И.С. Козлов рассматривая вопросы использования современных технологий в наблюдении, отмечает, что внедрение технических средств требует совершенствования правовой базы, чтобы исключить возможность злоупотреблений при его проведении [4].

Е.А. Смирнова сосредотачивает внимание на вопросах моральной допустимости скрытого наблюдения и его влияния на психическое состояние наблюдаемых лиц. Автор делает вывод о необходимости разработки этических стандартов проведения ОРМ [5].

Изложенное демонстрирует определенную степень разработанности проблематики, связан-

ной с проведением наблюдения, однако его специфика в условиях мест лишения свободы пока освещена недостаточно.

В местах лишения свободы наблюдение приобретает особую значимость, так как позволяет своевременно устанавливать преступное поведение осужденных, выявлять их нелегальные связи с лицами, оставшимися на свободе, и предотвращать преступления, совершаемые в условиях изоляции.

Наблюдение в исправительных колониях имеет несколько особенностей.

Во-первых, осуждённые, длительное время находясь в местах лишения свободы, становятся более внимательными к действиям сотрудников исправительных учреждений. Нередко они устанавливают контрнаблюдение за передвижениями персонала, особенно оперативных сотрудников, что значительно усложняет процесс сбора информации. Поэтому непосредственное наблюдение в таких условиях требует высокого уровня конспирации и использования комбинированных методов, включая технические средства, в сочетании с гласными и негласными приемами воздействия на объект заинтересованности.

Во-вторых, осуждённые могут предпринимать попытки умышленного дезинформирования оперативных сотрудников для последующего выявления:

- лиц, оказывающих им содействие;
- используемых специальных технических средств;
- форм и методов ОРД;
- специфики организации и методики конкретных ОРМ, в т.ч. наблюдения.

В-третьих, имеющийся у осужденных опыт преступной деятельности и частичная осведомленность о методах ОРД значительно затрудняет установление за ними длительного эффективного наблюдения.

Организация и проведение наблюдения должны опираться на ряд основополагающих принципов ОРД, которые выступают в качестве опорных ориентиров, позволяющих обеспечить его надлежащий правовой режим и полноценную эффективность.

Принцип законности в контексте ОРМ наблюдение предполагает необходимость и возможность его проведения только оперативными сотрудниками или другими лицами, по инициативе оперуполномоченного привлекаемыми к добровольному участию в данном ОРМ. Важно помнить о том, что ОРМ наблюдение может проводиться только при наличии оснований, указанных в ст.7 ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» [7], в противном случае проведенное наблюдение нельзя оформлять, как результаты ОРМ. В этом заключается один из проблемных

вопросов ОРД – оперативный сотрудник не имеет законной возможности проводить ОРМ, в т.ч., наблюдение, для того, чтобы выявить информацию, имеющую отношение к преступной деятельности, т.к. для проведения ОРМ он уже должен ей располагать. Причем степень достоверности данных сведений не имеет определяющего значения, достаточно самого факта ее получения оперативным сотрудником, чтобы приступить к проведению ОРМ по ее проверке и реализации[6]. Также для обеспечения законности наблюдения следует принимать во внимание категорию тяжести преступления, по которому проводится данное ОРМ. Если наблюдение будет ограничивать конституционные права человека, то оно должно опираться на информацию о преступлении, производство по которому предварительного следствия обязательно, иными словами это должны быть сведения о подготавливаемом, совершаемом или совершенном тяжком или особо тяжком преступлении. Естественно, в этом случае будет необходимым предварительное получение судебного разрешения на проведение наблюдения. Значимым моментом также является цель, на достижение которой направлено наблюдение – это должна быть необходимость борьбы с преступностью, что делает невозможным использование ОРД для противодействия иным противоправным проявлениям, в частности нарушения режима, административные правонарушения, дисциплинарные проступки. Не смотря на то, что в ст. 84 УИК РФ [8] закреплена задача ОРД, ориентированная на борьбу с нарушениями установленного порядка отбывания наказания, полагаем возможным осуществлять такую работу только в том случае, если нарушение режима выступает в качестве причины или условия совершения преступного деяния. Особым проблемным моментом является вопрос, связанный с пониманием возможности использования конкретных технических средств при проведении наблюдения. С одной стороны, ФЗ «Об ОРД» каких-либо ограничений в этой сфере не содержит – достаточно того, что техническое средство, используемое в проведении ОРМ, не будет представлять опасности для жизни и здоровья для других лиц, а также для окружающей среды. С другой стороны, практика показывает, что этого недостаточно для того, чтобы обеспечить полноценную законность при дальнейшем использовании результатов наблюдения. Так, нерешенным остается вопрос о допустимости использования личных технических средств, имеющихся у оперативного сотрудника для видео, аудио и фотофиксации преступных деяний. Кроме того, пронос технических средств на охраняемую территорию исправительного учреждения запрещен в соответствии с режимными требованиями. Также не вполне ясна пер-

спектива использования результатов наблюдения, содержащих сведения о преступном деянии, полученных с помощью сотового телефона, нелегально находившегося у осужденного. С формальной точки зрения описанные ситуации не противоречат положениям оперативно-розыскного законодательства в части использования технических средств, однако возможности использования таких результатов в уголовном судопроизводстве достаточно туманны и непрогнозируемы.

Принцип уважения и соблюдения прав и свобод личности при проведении наблюдения также играет весомую роль и выражается в недопустимости необоснованного ограничения законных интересов человека и гражданина при проведении данного ОРМ. Этот постулат был раскрыт нами выше, что подтверждает многогранность и, вместе с тем, взаимообусловленность и единство правовой природы принципов ОРД.

Одним из важнейших условий обеспечения результативности наблюдения в исправительных колониях является соблюдение принципа конспирации. Этот принцип играет особую роль в обеспечении безопасности лиц, участвующих в данном ОРМ и успешности проведения последующих оперативно-розыскных, режимных и иных мероприятий. Суть конспирации заключается в максимальной защите информации о ходе проведения мероприятий и скрытности действий сотрудников оперативных подразделений.

Принцип сочетания гласных и негласных методов и средств позволяет значительно повысить эффективность наблюдения и может проявляться в различных формах, в т.ч., путем побуждения объекта оперативного интереса посредством проведения гласных оперативно-розыскных и режимных мероприятий к различным эмоциональным и необдуманым действиям, которые могут свидетельствовать о его причастности к преступной деятельности, что может быть задокументировано в ходе негласного проведения наблюдения.

Для того, чтобы обеспечить необходимую практическую ценность результатов ОРМ наблюдения и возможность использования полученных документов в уголовном судопроизводстве важно сосредоточить усилия субъектов наблюдения на фиксации таких сведений, как:

- время, место, способ и другие обстоятельства совершения преступления;
- виновность лица в совершении преступления и мотивы преступления;
- обстоятельства, характеризующие личность фигуранта;
- характер и размер вреда, причиненного преступлением;

- обстоятельства, исключающие преступность и наказуемость деяния;
- обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание;
- обстоятельства, которые могут повлечь за собой освобождение от уголовной ответственности и наказания [9].

То есть наблюдение необходимо спланировать таким образом, чтобы его субъект четко понимал первоочередные сведения, подлежащие обязательной фиксации, не тратя усилия на документирование факультативных и необязательных оперативных данных.

Немаловажным будет уточнить, что в практике деятельности оперативных подразделений УИС могут возникать такие ситуации, которые не позволяют использовать результаты наблюдения в качестве элемента доказательственной базы. Как правило, это связано с имеющейся тактической нецелесообразностью или нежеланием лица, привлеченного к негласному участию в данном ОРМ, дать показания по уголовному делу в силу имеющихся обоснованных опасений за свою безопасность, либо невозможностью рассекречивания результатов данного ОРМ без ущерба для интересов оперативно-технического подразделения, проводившего наблюдение. В таких ситуациях результаты наблюдения будут иметь ориентирующее значение для оперативного сотрудника и могут быть использованы для выстраивания и планирования дальнейших ОРМ по документированию преступной деятельности объекта.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что не смотря на широкую практику проведения ОРМ наблюдение в учреждениях УИС, по-прежнему нерешенными остаются многие проблемные вопросы, связанные с пониманием возможностей использования его результатов при возбуждении и расследовании уголовного дела. Особую остроту этим дискуссионным моментам придает то, что зачастую именно результаты наблюдения содержат фактическую информацию о подготавливаемом или совершенном преступлении, составляя, по сути, ядро будущей доказательственной базы. Полагаем, что исследование и преодоление отмеченных проблемных вопросов должно стать одним из приоритетных направлений пенитенциарной науки, что позволит обеспечить надлежащую эффективность правоохранительной деятельности оперативных сотрудников УИС.

Список литературы:

[1] Захарцев, С. И. Оперативно-розыскные мероприятия и следственные действия: понятия и соотношение / С. И. Захарцев, О. А. Чабукиани. –

Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2010. – 268 с.

[2] Чечетин, А. Е. Обеспечение прав личности при проведении оперативно-розыскных мероприятий / А. Е. Чечетин ; Санкт-Петербургский университет МВД России. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2016. – 232 с.

[3] Алексеев, А.И. Правовые основы оперативно-розыскной деятельности. – М.: Проспект, 2021. – 288 с.

[4] Козлов, И.С. Правовые проблемы применения технических средств в оперативно-розыскной деятельности // Журнал российского права. – 2022. – № 5. – С. 45-52.

[5] Смирнова, Е.А. Этические проблемы оперативно-розыскной деятельности // Право и государство: теория и практика. – 2021. – № 8. – С. 33-40.

[6] Овчинников, О. М. Перспективы оперативно-розыскного изучения средств связи, изъятых в учреждениях уголовно-исполнительной системы, в дискурсе позиции Конституционного Суда Российской Федерации / О. М. Овчинников, А. М. Саутиев // Закон и право. – 2024. – № 1. – С. 242-246.

[7] Об оперативно-розыскной деятельности : Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – № 33, ст. 3349.

[8] Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 8 января 1997 г. № 1-ФЗ : принят Государственной думой 18 декабря 1996 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1997. – № 2, ст. 198.

[9] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ : принят Государственной думой 22 ноября 2001 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 52, ч. 1, ст. 4921.

Spisok literatury:

[1] Zaxarcev, S. I. Operativno-rozy'skny'e meropriyatiya i sledstvenny'e dejstviya: ponyatiya i sootnoshenie / S. I. Zaxarcev, O. A. Chabukiani. – Sankt-Peterburg : Sankt-Peterburgskij universitet Ministerstva vnutrennix del Rossijskoj Federacii, 2010. – 268 s.

[2] Chechetin, A. E. Obespechenie prav lichnosti pri provedenii operativno-rozy'skny'x meropriyatij / A. E. Chechetin ; Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii. – Sankt-Peterburg : Sankt-Peterburgskij universitet Ministerstva vnutrennix del Rossijskoj Federacii, 2016. – 232 s.

[3] Alekseev, A.I. Pravovy'e osnovy`operativno-rozy'sknoj deyatel'nosti. – M.: Prospekt, 2021. – 288 s.

[4] Kozlov, I.S. Pravovy'e problemy`primeneniya texnicheskix sredstv v operativno-rozy'sknoj deyatel'nosti // Zhurnal rossijskogo prava. – 2022. – № 5. – S. 45-52.

[5] Smirnova, E.A. E'ticheskie problemy`operativno-rozy'sknoj deyatel'nosti // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. – 2021. – № 8. – S. 33-40.

[6] Ovchinnikov, O. M. Perspektivy`operativno-rozy'sknogo izucheniya sredstv svyazi, iz`yaty'x v uchrezhdeniyax ugovovno-ispolnitel'noj sistemy`, v diskurse pozicii Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii / O. M. Ovchinnikov, A. M. Sautiev // Zakon i pravo. – 2024. – № 1. – S. 242-246.

[7] Ob operativno-rozy'sknoj deyatel'nosti : Federal'ny'j zakon ot 12 avgusta 1995 g. № 144-FZ // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. – 1995. – № 33, st. 3349.

[8] Ugolovno-ispolnitel'ny'j kodeks Rossijskoj Federacii : Federal'ny'j zakon ot 8 yanvarya 1997 g. № 1-FZ : prinyat Gosudarstvennoj dumoj 18 dekabrya 1996 g. // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. – 1997. – № 2, st. 198.

[9] Ugolovno-processual'ny'j kodeks Rossijskoj Federacii : Federal'ny'j zakon ot 18 dekabrya 2001 g. № 174-FZ : prinyat Gosudarstvennoj dumoj 22 noyabrya 2001 g. // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. – 2001. – № 52, ch. 1, st. 4921.

ЧАПЛЫГИНА Виктория Николаевна,
начальник кафедры криминалистики и
предварительного расследования в ОВД
Орловского института МВД России имени В.В. Лукьянова,
полковник полиции, кандидат юридических наук, доцент,
e-mail: victory-75@yandex.ru

РУДОВ Денис Николаевич,
заместитель начальника кафедры уголовного процесса
Белгородского юридического института МВД России
имени И.Д. Путилина, полковник полиции,
кандидат юридических наук, доцент,
e-mail: den.rudov2013@yandex.ru

НОВИКОВА Екатерина Анатольевна,
профессор кафедры уголовного процесса
Белгородского юридического института МВД России
имени И.Д. Путилина, полковник полиции,
кандидат юридических наук, доцент,
e-mail: tomchik1980@mail.ru

ИССЛЕДОВАНИЕ ГОЛОСА ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ФОНОСКОПИЧЕСКОЙ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ ГОВОРЯЩЕГО

Аннотация. Статья посвящена наиболее значимым и успешным, с точки зрения целесообразности, особенностям проведения исследования голоса, зафиксированного на конкретном носителе, предоставляемого экспертам в качестве объектов фоноскопической судебной экспертизы для всестороннего и полного анализа и идентификации личности, а также её эмоционального состояния по аудиозаписи. Подобная деятельность должна сопровождаться как теоретическими знаниями эксперта, (в том числе в области психологии) так и его умением целесообразно применять имеющиеся современные аппаратно-технические комплексы, предназначенные для подобных исследований.

Авторами констатируется, что при производстве фоноскопических экспертиз, важно уделять внимание не только содержательной составляющей сказанного, но и эмоциональному состоянию говорящего, поскольку полученная в результате исследования информация может стать источником дополнительной доказательственной базы.

Изученная авторами судебно-следственная практика свидетельствует о том, что результаты экспертных исследований, проведенных с помощью компьютеризированных аппаратных комплексов, используются органами предварительного расследования и судами в процессе доказывания и принятии итоговых решений.

По результатам исследования сформулирован вывод том, что на сегодняшний день существует множество программно-аппаратных комплексов, позволяющих произвести фоноскопическую экспертизу голоса по различным параметрам, однако стоит острая необходимость в создании систем искусственного интеллекта, позволяющих определять человеческие эмоции по его речи.

Ключевые слова: фоноскопическая судебная экспертиза, голос, аудиозапись, идентификация, речь, аппаратно-технический комплекс.

CHAPLYGINA Victoria Nikolaevna,
Head of the Department of Criminology and Preliminary
Investigation at the Department of Internal Affairs Oryol Institute
of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov
Police Colonel Candidate of Law, Associate Professor

RUDOV Denis Nikolaevich,
Deputy Head of the Department of Criminal Procedure
Belgorod Law Institute The Ministry of Internal
Affairs of Russia named after I.D. Putilin
Police Colonel Candidate of Law,
Associate Professor

NOVIKOVA Ekaterina Anatolyevna,
Candidate of Law, Associate Professor,
Professor of the Department of Criminal Procedure
Belgorod Law Institute The Ministry of Internal Affairs
of Russia named after I.D. Putilin

THE STUDY OF THE VOICE DURING THE PRODUCTION OF PHONOSCOPIC FORENSIC EXAMINATION FROM THE POINT OF VIEW OF THE EMOTIONAL STATE OF THE SPEAKER

Annotation. *The article is devoted to the most significant and successful, from the point of view of expediency, features of conducting a study of a voice recorded on a specific medium, provided to experts as objects of phonoscopic forensic examination for a comprehensive and complete analysis and identification of a person, as well as her emotional state from an audio recording. Such activities should be accompanied by both the theoretical knowledge of an expert (including in the field of psychology) Similarly, it is advisable to use the available modern hardware and technical complexes designed for such research.*

The authors state that during the production of phonoscopic examinations, it is important to pay attention not only to the substantive component of what was said, but also to the emotional state of the speaker, since the information obtained as a result of the study can become a source of additional evidence.

The forensic investigation practice studied by the authors indicates that the results of expert studies conducted using computerized hardware systems are used by the preliminary investigation authorities and the courts in the process of proving and making final decisions.

Based on the results of the study, the conclusion is formulated that today there are many software and hardware complexes that allow phonoscopic examination of the voice according to various parameters, however, there is an urgent need to create artificial intelligence systems that can determine human emotions based on his speech.

Key words: *phonoscopic forensic examination, voice, audio recording, identification, speech, hardware and technical complex.*

Аудиозапись, особенно в век информационных технологий, стала гарантом объективного фиксирования и воспроизведения звуковой информации. Нередко в рамках уголовного дела она приобретает определяющее доказательственное значение. На исследование экспертам попадают образцы аудио- и видеозаписей, зачастую низкого качества, которые содержат в себе звуковую информацию, связанную с событием преступления, а также с личностью преступника. Такие носители становятся объектами фоноскопического исследования. В его рамках производится анализ звука, в том числе голоса человека. Особую значимость представляет собой возможность распознавания звуковых эмоций говорящего, поскольку в случае отсутствия в деле необходимой доказательственной базы, записи, содержащие такие сведения, зачастую оказываются весьма информативными.

Фоноскопическая экспертиза разрешает широкий спектр вопросов [1]. Так, например, может быть дан ответ на вопрос об установлении некоторых антропометрических признаков говорящего лишь по звучанию его речи, особенно в случаях, когда удаётся обнаружить яркое выражение звуковых эмоций [2]. Также существует необходимость определения условий, при которых была произведена запись голоса, количество идентифицируемых лиц в разговоре и манеры их общения: интонацию, речевые обороты, паузы, признаки волнения, мотивационные составляющие совершённого преступления, отразившиеся в речи и т.д. [3].

Исходя из этого, считаем, что при производстве фоноскопических экспертиз важно уделять внимание не только содержанию сказанного, но и эмоциональному состоянию говорящего, так как данная информация может стать источником

дополнительной доказательственной базы, как характеризующего признака личности преступника в рамках раскрытия и расследования уголовного дела [4]. Этого можно добиться вследствие распознавания особенностей интонации, построения фраз, скорости говорения, особенностей речи, возможных дефектов [5]. Речь человека выстраивается благодаря наличию совокупности множества элементов, преобразований на различных уровнях: семантическом, лингвистическом, акустическом и артикуляционном [6,7]. Эксперту необходимо проанализировать каждый признак для того, чтобы прийти к правильному выводу. Значимость исследования уровня эмоциональности речи заключается в том, что она отражает внешние условия и факторы, влияющие на человека, его состояние в момент совершения преступления или после.

Многие учёные считают, что для производства такой экспертизы достаточно умений и навыков лишь по технологии обработки голоса, однако мы склоняемся к тому, что эксперту необходимо обладать в качестве обязательного критерия ещё и знаниями в области психологии. Для успешного выполнения поставленной задачи он должен иметь в своём арсенале помимо свободных образцов речи, которые наличествовали в процессе той или иной преступной деятельности, также и экспериментальные, полученные специально для исследования. Их сравнение позволит установить различия звучания голоса в свободной эмоциональной обстановке и при наличии контролирующего фактора, в том числе самоконтроля речи [8]. Анализ без сопоставления исходного материала со свободными образцами не позволит выявить динамику психологического состояния говорящего. В данном случае эксперту предстоит проанализировать просодические и артикуляционные признаки в аудиозаписи. [9].

Первые представляют собой существующие в фонетике особенности произношения, такие как интенсивность, длительность, тембр, паузы, ритм голоса и другие. Например, повышение интонации может говорить о вспыльчивом состоянии говорящего, степени его возбудимости.

Артикуляционными являются признаки, характеризующие движение речевых органов в процессе говорения, произношения звуков. Исследование в этой области в большей степени направлено на рассмотрение биологических особенностей, позволяющих голосу звучать. Так, при анализе эмоциональной составляющей говорящего эксперт может заметить некоторое нарушение произношения, сопровождающееся отсутствием четкости речи. Подобное возможно из-за поражения центральной и периферийной нервной системы, то есть при заболевании – дизар-

трии. Те или иные биологические нарушения позволяют наиболее точно идентифицировать человека по особенностям его речи.

Следующий этап при исследовании голоса производится путём анализа лексики говорящего. Она наиболее сильно отражает эмоциональное состояние лица, поскольку любая сказанная фраза вызывает соответствующие чувства и ощущения, придаёт ту или иную окраску в силу непринуждённости беседы. Обычно уделяется внимание употребляемым гиперболам в речи, грубым выражениям, переносному смыслу слов (например, река крови, кошёлка, волчий аппетит)[10].

Большое значение играет наличие просторечных слов, в том числе с использованием ненормативной лексики, что указывает на уровень умственно-моральной развитости человека, чей голос представлен на исследование эксперту, а также на его эмоциональность в этот момент. При этом уделяется внимание интонации. Данный признак будет иметь большое криминалистическое значение, если смысл сказанного явно не соответствует конкретной ситуации, в том числе и тем эмоциям, которые обычно должна вызывать речевая конструкция [11].

Как мы видим, эксперт-фоноскопист, кроме того, должен обладать широким кругозором знаний, однако на сегодняшний день нет единого мнения о том, какими конкретно. В идеале это и основы русского языка и языкознания во всех их проявлениях, и физиология, и психология речи, логопедия, теория вероятности, основы звукозаписи и другие [12]. Подготовка кадров осуществляется в специализированных образовательных учреждениях, в том числе системы МВД России. Однако и здесь имеется существенный недостаток, поскольку даже специализированный институт не готовит экспертов с углублёнными фоноскопическими знаниями. Освоить данную квалификацию возможно только при получении дополнительного образования, что нами видится как проблема, требующая решения в области конкретизации полномочий и спектра знаний таких специалистов. Притом, одни фоноскописты на сегодняшний день занимаются идентификацией человека по записи, а другие непосредственным исследованием самих фонограмм, что позволяет им проводить не комплексную экспертизу звука, а лишь ту, что будет ограничена рамками имеющихся знаний. На практике данный недостаток выражается в проведении экспертизы двумя экспертами, один из которых изучает голос со стороны лингвистических особенностей, а другой – со стороны технического исследования акустики звучания.

Эмоциональные особенности речи должны быть всесторонне исследованы экспертом с

использованием чувственно-рациональных, логических и математических методов познания на основе имеющихся у него лингвистических умений, навыков, а также с помощью слуха[13]. В связи с этим образцы голоса должны быть представлены на экспертизу в соответствии с особыми требованиями. Так, имеют место требования несомненности происхождения источника речи, репрезентативности и сопоставимости.

Под несомненностью понимается точное установление в ходе предварительного расследования какому лицу принадлежит тот или иной голос, на каком носителе он зафиксирован и где был изъят.

Репрезентативность представляет собой достаточность полученных при анализе звука информационных признаков, как общих, так и частных, что позволяет точно идентифицировать лицо. Соответствие данному требованию зависит от качества и размера представленной на исследование записи. Наиболее приемлемыми и допустимыми при производстве фоноскопической экспертизы будут те, которые соответствуют следующим признакам:

- идеальное время звучания разборчивого голоса должно стремиться к 5 минутам. Всё, что меньше этого времени - не желательно;
- диапазон частот должен составлять минимум 100-5000 Гц. Допускается 300-3400 Гц, однако не желательно.
- соотношение звукового сигнала и шумов в идеале должно быть от 8 до 16 дБ. При этом могут применяться специальные средства шумоочистки.

Требование сопоставимости заключается в получении таких образцов для сравнительного исследования, которые будут максимально схожи с исследуемым фрагментом записи голоса. В связи с этим имеет место учёт экспертом длительности идентификационного периода.

Кроме того, необходимо принимать во внимание тот факт, что идентификационно значимые параметры голоса человека способны изменяться в течение жизни, в связи с чем идентификационный период имеет ограниченный характер. Так, на данный признак способны повлиять: возрастные изменения, состояние здоровья, как врождённое, так и приобретённое, наличие вредных привычек или отказ от них, прохождение социализации в той или иной микросреде и другие. Например, у подростка такой период составляет около двух лет, в то время как у взрослого человека может достигать десяти лет.

Однако теоретических знаний для проведения полноценного исследования эмоционального состояния голоса человека оказывается недостаточно. В связи с этим, эксперты прибегают к

использованию специальных программных комплексов, которые должны отвечать требованиям высокого уровня передачи звукового сигнала, возможности анализа параметров частот звучащего голоса, построения графиков интонации, подсчёта тех или иных характеристик.

В современной экспертно-криминалистической деятельности имеется целый ряд аппаратных средств, позволяющих анализировать голос и его особенности в ходе фоноскопического исследования. Рассмотрим те, которые, по нашему мнению, было бы наиболее целесообразно использовать при определении эмоционального состояния голоса.

1) Аппаратный комплекс - OTEExpert. Он позволяет идентифицировать лицо по записи его речи, фиксирует тембральные и эмоциональные изменения, отражает наличие или отсутствие признаков монтажа аудиозаписи. Также имеется возможность улучшить качество звучания, произведя шумоочистку и анализ соотношения поступающего сигнала и шумов. Возможно исследование тона голоса, а также последующее экспортирование результатов в документ в виде таблиц, схем и изображений. Однако прийти к выводу об эмоциях говорящего эксперт должен в некой мере самостоятельно, на основе анализа частотных колебаний, представленных программой после обработки.

2) Комплекс ИКАР Лаб с алгоритмом спектрального представления сигнала «SIS II». Он предоставляет возможность исследования речи при помощи её анализа, сегментации и расшифровки, что позволяет производить наиболее точную идентификацию. Система позволяет качественно редактировать звуковые сигналы для последующего фоноскопического исследования. Возможно изменение частоты, разделение стереосигнала или объединение моносигналов в стереосигнал, нормализация амплитуды звучания, изменение битности и другое. Используется расшифровка текста при выделении соответствующего фрагмента записи, который может быть отмечен марками с комментариями. Если было расшифровано оба сравниваемых файла, программно-аппаратный комплекс автоматически обнаруживает совпадающие в них слова и фразы.

Также при работе в программе возможна одновременная обработка в разных окнах нескольких аудиофайлов. Система позволяет определить соотношение частот и амплитуд, шумы и помехи, а также длительность произно-

шения чистой речи. Кроме того, возможен поиск идентичных слов и звуков в разных аудиозаписях, лингвистических особенностей говорящих.

Изученная авторами судебно-следственная практика свидетельствует о том, что результаты экспертных исследований, проведенных с помощью компьютеризированного АРМ эксперта-фоноскописта ИКАР Лаб, используются органами предварительного расследования и судами в процессе доказывания.

Так, ФИО1 совершила ряд преступлений, предусмотренных ч.3 ст. 290 УК РФ. В содержательной части приговора судом отклонены доводы стороны защиты о наличии оснований для признания недопустимыми доказательствами протоколов осмотра CD-R диска с файлами аудиозаписи по мотиву нарушений, допущенных при их расшифровке. Допрошенные в суде понятые подтвердили факт осуществления расшифровки аудиозаписи и переноса содержания на бумажный носитель в их присутствии. Содержание расшифровки аудиозаписи так же сверялась с содержанием аудиозаписей в ходе судебного следствия, каких либо противоречий и разночтений не установлено. Отсутствие признаков монтажа на исследованных записях, а также соответствие частоты записи характерной для записывающего устройства Айфон подтверждены заключением эксперта. Оснований не доверять заключению у суда не имеется. Экспертное исследование цифровой копии аудиозаписей на предмет наличия признаков монтажа проведено с помощью компьютеризированного АРМ эксперта-фоноскописта «ИКАР Лаб II+» предназначенного для анализа шумоочистки и установления дословного содержания фонограмм, поиска следов монтажа фонограмм специального технического цифрового оборудования – программного комплекса, на которое суду представлено свидетельство о проверке. Количество цифрового копирования (перекопирования) на выводы эксперта об отсутствии признаков монтажа не повлияло [14].

Однако можно прийти к выводу, что данные аппаратные средства, хотя и часто применяются на практике для анализа голоса, в действительности всё же не совершенны. Они способны лишь отобразить на диаграммах параметры голоса. Определение же эмоциональной составляющей возможно при применении на их основе знаний эксперта по психологии. В связи с этим предлагается создать более усовершенствованный комплекс, который автоматически позволил бы устанавливать наличие в голосе тех или иных эмоций, делая выводы из частотной информации. За его основу могло бы лечь устройство с распознаванием различных человеческих состояний. «Эмоциональные технологии» только начинают своё

развитие в современном мире в рамках искусственного интеллекта, но могут быть в будущем использованы и для экспертно-криминалистических целей в рамках создания новых аппаратных средств. Также зачастую представленные на исследование образцы голоса не являются качественными, что искажает информацию, мешает более ясно воспринимать эмоциональный фон говорящего, в связи с чем возникает необходимость в использовании технических устройств, компенсирующих данную проблему. Для обеспечения качества входного и выходного сигналов применяется устройство «Камертон».

Таким образом, в настоящее время возможна довольно эффективная идентификация личности по голосу, которая способна установить не только общие его признаки, но и частные, такие как, например, эмоциональное состояние говорящего. Однако такой результат возможен лишь в результате качественного и всестороннего подхода к экспертизе, которая на сегодняшний день не совсем совершенна. Недостаток проявляется в отсутствии аппаратных средств, позволяющих быстро и качественно определить эмоции человека. На современном этапе такую идентификацию может произвести фоноскопист, обладающих психологическими навыками.

Однако в действительности не получается совместить в одном лице технического специалиста по анализу акустических параметров голоса и лингвиста-биолога, углубляющегося в специфику содержания речи. В то же время нет единых стандартов, которые бы определяли, какие конкретно (знания) компетенции необходимы экспертам-фоноскопистам. Они должны иметь в виду, что свойства устной речи в каждом конкретном случае носят индивидуальный характер, в связи с чем необходимо использовать в процессе исследования как теоретические знания, так и технические средства идентификации.

На сегодняшний день существует множество программно-аппаратных комплексов, позволяющих произвести фоноскопическую экспертизу голоса по различным параметрам: от коррекции шумов, до конкретной интерпретации сказанного, однако стоит острая необходимость в создании систем искусственного интеллекта, позволяющих определять человеческие эмоции по его речи.

Список литературы:

[1] Карпушкин О.С., Чаплыгина В.Н. Назначение и производство судебной экспертизы на стадии возбуждения уголовного дела: проблемы реализации и пути развития // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. 2015. № 2 (43). С. 71-73.

[2] Морозова Н.В., Денисова В.И. Вопросы коммуникативного взаимодействия следователя с участниками уголовного судопроизводства // В сборнике: Современное уголовно-процессуальное право - уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования. Сборник материалов Международной научно-практической конференции (Памяти заслуженного юриста Российской Федерации, доктора юридических наук, профессора А.П. Гуляева в связи с 90-летием со дня рождения). В 2-х частях. Орёл, 2024. С. 274-280.

[3] Матвеева Л.Ю., Прокофьева Л.П. Звуковое отражение эмоций (Инструментальные методы в фоноскопической экспертизе) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Филология. Журналистика. – 2016. – Т. 16. – №. 2.

[4] Чаплыгина В.Н. Разграничение правомерного и неправомерного психологического воздействия на стадии предварительного расследования // В сборнике: Уголовное судопроизводство России: современное состояние и перспективы развития. Материалы Международной научно-практической конференции. Краснодар, 2020. С. 401-407.

[5] Каганов А.Ш. Криминалистическая идентификация личности по голосу и звучащей речи как интегральное научно-экспертное исследование // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2019. – Т. 12. – №. 6.

[6] Чаплыгина В.Н., Гулакова И.И. Лингвокультурологический аспект подготовки следователем процессуальных документов на стадии предварительного расследования // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2020. Т. 11. № 3 (41). С. 381-386;

[7] Гулакова И.И., Чаплыгина В.Н. Выражение координационно-деятельностной функции языка в уголовном судопроизводстве // В сборнике: Современное уголовно-процессуальное право России - уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования. Сборник материалов Всероссийской конференции. 2015. С. 165-168.

[8] Сретенцев Д.Н. Исследование голоса при производстве фоноскопической судебной экспертизы // Материалы Международной научно-практической конференции «Современное уголовно-процессуальное право – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования». Орёл: ОрЮИ МВД России имени В.В. Лукьянова. 2024. Часть 2. С. 145-150

[9] Михайлов М.Я., Колышева Я.О. Звуковые эмоции при производстве фоноскопической экспертизы: особенности фиксации их отражений // Актуальные вопросы теории и практики в деятельности подразделений полиции. – 2018. – С. 8-18.

[10] Морозова Н.В. К вопросу о некоторых значимых аспектах при исследовании голоса в ходе проведения судебной фоноскопической экспертизы // В сборнике: Современное уголовно-процессуальное право - уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования. Сборник материалов Международной научно-практической конференции. К 30-летию принятия Конституции РФ. В 2-х частях. Редколлегия: К.В. Муравьев [и др.]. Орел, 2023. С. 250-253.

[11] Мазур Е.С., Алексеева Т.А. Криминалистическое значение индивидуальных признаков устной речи // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 434.

[12] Колычева А.Н., Зоз В.А. Специальные знания, используемые при назначении судебных экспертиз по преступлениям против личности и собственности // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2023. Т. 9 (75). № 4. С. 249-253.

[13] Морозова Н.В., Ермакова А.Л. Фоноскопическая экспертиза: основные принципы производства и применение в расследовании преступлений экстремистского характера // International Law Journal. 2024. Т. 7. № 3. С. 176-181.

[14] Приговор Самарского районного суда № 1-42/2021 от 19.07.2021 // <https://sudact.ru>.

Spisok literaturey:

[1] Karpushkin O.S., Chaplygina V.N. Naznachenie i proizvodstvo sudebnoj ekspertizy na stadii vozbuzhdeniya ugovnogo dela: problemy realizacii i puti razvitiya // Vestnik Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Novye gumanitarnye issledovaniya. 2015. № 2 (43). S. 71-73.

[2] Morozova N.V., Denisova V.I. Voprosy kommunikativnogo vzaimodejstviya sledovatelya s uchastnikami ugovnogo sudoproizvodstva // V sbornike: Sovremennoe ugovno-processual'noe pravo - uroki istorii i problemy dal'nejshego reformirovaniya. Sbornik materialov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii (Pamyati zasluzhennogo yurista Rossijskoj Federacii, doktora yuridicheskikh nauk, professora A.P. Gulyaeva v svyazi s 90-letiem so dnya rozhdeniya). V 2-h chastyah. Oryol, 2024. S. 274-280.

[3] Matveeva L.Yu., Prokof'eva L.P. Zvukovoe otrazhenie emocij (Instrumental'nye metody v fonoskopicheskoy ekspertize) // Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Filologiya. Zhurnalistika. – 2016. – Т. 16. – №. 2.

[4] Chaplygina V.N. Razgranichenie pravomernogo i nepravomernogo psihologicheskogo vozdejstviya na stadii predvaritel'nogo rassledovaniya // V sbornike: Ugovnoe sudoproizvodstvo Rossii: sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya.

Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Krasnodar, 2020. S. 401-407.

[5] Kaganov A.Sh. Kriminalisticheskaya identifikatsiya lichnosti po golosu i zvuchashchej rechi kak integral'noe nauchno-ekspertnoe issledovanie // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. – 2019. – T. 12. – № 6.

[6] Chaplygina V.N., Gulakova I.I. Lingvokul'turologicheskij aspekt podgotovki sledovatelem processual'nyh dokumentov na stadii predvaritel'nogo rassledovaniya // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2020. T. 11. № 3 (41). S. 381-386;

[7] Gulakova I.I., Chaplygina V.N. Vyrazhenie koordinacionno-deyatelnostnoj funktsii yazyka v ugovnom sudoproizvodstve // V sbornike: Sovremennoe ugovno-processual'noe pravo Rossii - uroki istorii i problemy dal'nejshego reformirovaniya. Sbornik materialov Vserossijskoj konferencii. 2015. S. 165-168.

[8] Sretencev D.N. Issledovanie golosa pri proizvodstve fonoskopicheskoy sudebnoj ekspertizy // Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferenciiya «Sovremennoe ugovno-processual'noe pravo – uroki istorii i problemy dal'nejshego reformirovaniya». Oryol: OrYul MVD Rossii imeni V.V. Luk'yanova. 2024. Chast' 2. S. 145-150

[9] Mihajlov M.Ya., Kolysheva Ya.O. Zvukovye emotsii pri proizvodstve fonoskopicheskoy ekspertizy:

osobennosti fiksatsii ih otrazhenij // Aktual'nye voprosy teorii i praktiki v deyatel'nosti podrazdelenij politsii. – 2018. – S. 8-18.

[10] Morozova N.V. K voprosu o nekotoryh znachimyh aspektah pri issledovanii golosa v hode provedeniya sudebnoj fonoskopicheskoy ekspertizy // V sbornike: Sovremennoe ugovno-processual'noe pravo - uroki istorii i problemy dal'nejshego reformirovaniya. Sbornik materialov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. K 30-letiyu priyatiya Konstitucii RF. V 2-h chastyah. Redkollegiya: K.V. Murav'ev [i dr.]. Orel, 2023. S. 250-253.

[11] Mazur E.S., Alekseeva T.A. Kriminalisticheskoe znachenie individual'nyh priznakov ustnoj rechi // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2018. № 434.

[12] Kolycheva A.N., Zoz V.A. Special'nye znaniya, ispol'zuemye pri naznachenii sudebnyh ekspertiz po prestupleniyam protiv lichnosti i sobstvennosti // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki. 2023. T. 9 (75). № 4. S. 249-253.

[13] Morozova N.V., Ermakova A.L. Fonoskopicheskaya ekspertiza: osnovnye principy proizvodstva i primenenie v rassledovanii prestuplenij ekstremistskogo haraktera // International Law Journal. 2024. T. 7. № 3. S. 176-181.

[14] Prigovor Samarskogo rajonnogo suda № 1-42/2021 ot 19.07.2021 // <https://sudact.ru>.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, Е-Library.

ПРИМКУЛОВ Алтынбек Асылбекович,
адъюнкт кафедры управления
органами расследования преступлений
Академии управления МВД России,
e-mail: mail@law-books.ru

СЛЕДСТВЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: НЕОБХОДИМОСТЬ СИСТЕМАТИЗАЦИИ И УНИФИКАЦИИ (ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ)

Аннотация. Статья посвящена раскрытию следственных действий в уголовном судопроизводстве, их роли и значимости для обеспечения доказательственной базы в процессе расследования преступлений.

Ключевым аспектом исследования является системный подход к следственным действиям, рассматривающий их как взаимосвязанное и организованное единство. Автор выделяет традиционные и специальные следственные действия, анализирует их классификацию в зависимости от источников, характера и формы получения информации. Подчеркивается важность закрепления перечня следственных действий в Уголовно-процессуальном кодексе Кыргызской Республики для устранения правовых пробелов и повышения эффективности их применения.

Автор обосновывает необходимость унификации понятия «следственные действия» и систематизации включенных в это понятие действий. Это позволит устранить сложности в теоретическом толковании и практической реализации, а также повысить качество расследования и правоприменительной практики.

Ключевые слова: следственные действия, специальные следственные действия, уголовное судопроизводство, доказательства, системность следственных действий, уголовно-процессуальное законодательство.

PRIMKULOV Altynbek Asylbekovich,
Associate of the Department
of Management of Crime Investigation Bodies
of the Academy of Management
of the Ministry of Internal Affairs of Russia

INVESTIGATIVE ACTIONS IN CRIMINAL PROCEEDINGS: THE NEED FOR SYSTEMATIZATION AND UNIFICATION (UNDER THE LEGISLATION OF THE KYRGYZ REPUBLIC)

Annotation. The article is devoted to the disclosure of investigative actions in criminal proceedings, their role and significance for ensuring the evidence base in the process of investigating crimes.

A key aspect of the study is a systematic approach to investigative actions, treating them as an interconnected and organized unity. The author identifies traditional and special investigative actions, analyzes their classification depending on the sources, nature and form of obtaining information. The importance of consolidating the list of investigative actions in the Criminal Procedure Code of the Kyrgyz Republic to eliminate legal gaps and increase the effectiveness of their application is emphasized.

The author justifies the need to unify the concept of “investigative actions” and systematize the actions included in this concept. This will eliminate difficulties in theoretical interpretation and practical implementation, as well as improve the quality of investigation and law enforcement practice.

Key words: investigative actions, special investigative actions, criminal proceedings, evidence, consistency of investigative actions, criminal procedure legislation.

Следственные действия носят процессуально регламентированный характер и выполняются в рамках уголовного судопроизводства специально уполномоченными лицами. Они служат основой для получения, проверки и анализа доказательств; осуществляются с соблюдением норм уголовно-процессуального права, что обеспечивает их правомерность и эффективность. Меры государственного принуждения, сопровождающие следственные действия, и обязательность документирования их осуществления направлены на обеспечение легитимности и точности.

Цель следственных действий состоит в формировании доказательственной базы, которая будет использована для установления обстоятельств преступления и последующего вынесения судебного решения [2, с. 100]. Эти действия включают как собирание доказательств, так и их анализ и проверку на соответствие требованиям закона. Следственные действия формируют целостную взаимосвязанную систему, что позволяет говорить о единстве их реализации. Посредством указанного охватываются не только процессуальные аспекты, но учитываются морально-нравственные, психологические и организационно-тактические особенности их выполнения.

Системность следственных действий обусловлена их направленностью на достижение задач уголовного судопроизводства. При этом, каждое из обозначенных действий выполняет свою роль для реализации общей задачи расследования преступлений, что позволяет рассматривать их совокупность как организованное и взаимосвязанное целое. Системность следственных действий основана на их тесной взаимосвязи с оставленными следами события, которые анализируются в ходе уголовного судопроизводства на этапе предварительного расследования. Эти следы становятся основой для формирования взаимосвязанной структуры следственных действий, направленных на их выявление, фиксацию и анализ. В рамках этой системы используется единая познавательная основа и применяются общие принципы правового регулирования, что делает её универсальной в применении.

По мнению С.А. Шейфера, теоретическая основа следственных действий имеет сложный характер. Она включает в себя взаимосвязанные уголовно-процессуальные, организационные, технические, тактические и психологические элементы, преследующие достижение одной цели – обеспечение эффективного и законного расследования. Теория следственных действий, таким образом, представляет собой многогранную концепцию, объединяющую практическую реализацию и научное осмысление доказывания, осно-

ванное на анализе выявляемых сведений о преступлении [4, с. 13-14].

Полнота и качество реализации каждого следственного действия напрямую зависят от его места в общей системе уголовного дела. Следственные действия проводятся таким образом, чтобы обеспечить логичную последовательность в получении, проверке и оценке доказательственной информации [5, с. 19]. Такая структурная согласованность делает процесс расследования последовательным и цельным, исключаям разрозненные или изолированные действия.

Отсутствие в УПК КР единого перечня следственных действий создаёт трудности как в научной интерпретации, так и в практической реализации. Эта неопределённость приводит к необходимости внесения научно обоснованных дополнений в законодательство, что могло бы способствовать унификации подходов и устранению правовых пробелов. Создание чёткого перечня следственных действий будет способствовать не только совершенствованию процесса их проведения, но и повышению эффективности расследований, что особенно важно для правоприменительной практики и научных исследований.

Действующие нормы, регулирующие производство следственных действий, не выделены в отдельный раздел уголовно-процессуального законодательства, что создает трудности как для теоретического осмысления, так и для практического применения. В частности, отсутствие отдельной статьи, содержащей обобщенное понятие и перечень следственных действий, затрудняет процессуальную деятельность, поскольку это позволяет использовать действия, не предусмотренные законом, и создает необходимость законодательного закрепления новых процедур, возникающих в практической деятельности. Следует согласиться с Е.С. Комиссаренко в том, что включение перечня следственных действий в законодательство могло бы устранить эти пробелы, способствуя унификации и четкости правоприменения [3, с. 7].

Определение нормативной дефиниции понятия «следственные действия», их роли в структуре уголовного процесса, а также установление обязательных требований к их проведению и фиксации являются ключевыми задачами для совершенствования законодательства. При этом, значимой является необходимость систематизации следственных действий, что обеспечит правовую определенность и улучшит эффективность расследования в каждом отдельном случае.

Действие может быть признано следственным, если оно обладает определенными признаками, отличающими его от других процессуаль-

ных или непроцессуальных мероприятий. Эти признаки включают строгую процессуальную регламентацию, направленность на собирание, проверку и использование доказательств, а также соответствие задачам уголовного судопроизводства.

Анализ научной литературы, норм законодательства и следственной практики позволяет отметить, что в систему следственных действий, предусмотренную действующим УПК КР [1], входят такие действия, как допрос различных участников процесса, включая одновременный допрос нескольких лиц, осмотр места происшествия, местности, помещений, документов или иных объектов. Также в перечень включены эксгумация трупа, обыск, выемка, предъявление для опознания, проведение следственного эксперимента и экспертизы. Обозначенные действия составляют основу для построения доказательственной базы и реализации задач уголовного судопроизводства.

Исходя из вышеизложенного, представляется обоснованным в Главе 21 УПК КР закрепить перечень следственных действий в отдельной норме, посвященной общим правилам их проведения, что будет способствовать преодолению трудностей в их реализации как на теоретическом уровне, так и в практической деятельности.

При этом, с учетом положений УПК КР, осуществляется разделение следственных действий на две основные группы, имеющие различное назначение и уровень процессуальной регламентации.

Первая группа включает традиционные следственные действия, составляющие основу для проведения расследования. К таким действиям относятся осмотр различных объектов, в том числе места происшествия, документов и иных материальных объектов. Также сюда входит осмотр трупа, который может быть связан с эксгумацией. Допрос, являющийся одним из ключевых инструментов следствия, может проводиться как индивидуально, так и одновременно с участием двух или более лиц, уже допрошенных ранее. Важной составляющей этой группы являются предъявление для опознания, обыск, следственный эксперимент и экспертиза.

Вторая группа представлена специальными следственными действиями, характеризующимися повышенным уровнем сложности и конфиденциальности. Специальные следственные действия обладают особой особенностью, связанной с их высокой конфиденциальностью. Информация о проведении таких мероприятий, а также о применяемых методах, как правило, не подлежит разглашению, за исключением случаев, предусмотренных законодательством. Эти дей-

ствия составляют сложную систему, которая, в свою очередь, подразделяется на два крупных блока.

К первому блоку относятся следственные действия, связанные с вмешательством в личное общение:

- 1) прослушивание переговоров;
- 2) наложение ареста на почтово-телеграфные отправления и их осмотр и (или) выемка;
- 3) получение информации о соединениях между абонентами и абонентскими устройствами или о местоположении абонентского устройства;
- 4) снятие информации с компьютеров, серверов и других устройств;
- 5) аудио-, видеоконтроль лица или места.

Ко второму блоку специальных относятся другие следственные действия:

- 1) наблюдение за лицом или местом;
- 2) проникновение и обследование нежилого помещения или иного недвижимого имущества, находящегося во владении или распоряжении лица;
- 3) получение образцов для сравнительного исследования в целях производства экспертизы;
- 4) внедрение в преступную среду и (или) имитация преступной деятельности.

В то же время контроль за совершением преступления включает в себя еще одну подсистему специальных следственных действий, которые ранее рассматривались в качестве оперативно-розыскных мероприятий. Так, контроль за совершением преступления может осуществляться в случаях наличия достаточных оснований считать, что готовится совершение тяжкого или особо тяжкого преступления, и производится в формах контролируемой поставки или контрольного закупа.

В зависимости от источников полученной информации, следственные действия делятся на:

- направленные на получение информации от различных лиц (допрос, одновременный допрос, предъявление для опознания и некоторые другие);
- направленные на получение информации из материальных объектов (осмотр, обыск, проведение экспертизы);
- направленные на получение информации как из материальных объектов, так и от отдельных лиц (следственный эксперимент).

В зависимости от характера получаемой информации следственные действия делятся на вербальные (обнаруживают и фиксируют словесно-знаковую информацию), невербальные (обнаруживают, исследуют и фиксируют эмпирические данные – свойства и состояние материальных объектов) и смешанные.

По особенностям процессуальной формы проведения следственных действия могут быть разделены на те, которые осуществляются:

- 1) по решению следователя (проведение экспертизы, проведение дистанционного опознания в режиме видеоконференции и т.п.) или без него (допрос, осмотр, следственный эксперимент, предъявление для опознания);
- 2) на основании постановления следователя, согласованного с руководителем органа предварительного расследования (выполнение специальной задачи по раскрытию преступной деятельности организованной группы или преступной организации);
- 3) по постановлению прокурора, следователя, следственного судьи, судьи, суда, определения суда (эксгумация трупа; признание; контроль за совершением преступления);
- 4) по определению следственного судьи – выделяемые исключительно в законодательстве Кыргызской Республики (о производстве эксгумации при отсутствии согласия близких родственников, супруга (супруги) покойного; о проведении осмотра жилища, а также иных объектов, находящихся в собственности или ином праве проживающих в нем лиц, при отсутствии их согласия; о производстве выемки и (или) обыска; о проведении специальных следственных действий, за исключением специальных следственных действий, указанных в ст.ст. 237-239 УПК КР);
- 5) с участием понятых (обыск или осмотр жилья, обыск личности, предъявление для опознания и т.п.) и без них (допрос);
- 6) с обязательным участием специалиста (осмотр трупа следователем, прокурором проводится при обязательном участии судебно-медицинского эксперта или врача; эксгумация трупа; допрос несовершеннолетнего лица проводится в присутствии законного представителя, педагога или психолога, а при необходимости – врача, без его участия или с его участием по усмотрению следователя);
- 7) лицом одного пола с другими участниками (освидетельствование, личный обыск) и лицами, осуществляющими предварительное расследование в предусмотренном законом порядке.

Последовательность (очередность) проведения следственных действий определяется конкретной следственной ситуацией и решается лицом, осуществляющим предварительное расследование.

Выводы. Рассмотренные следственные действия демонстрируют комплексный и системный подход к собиранию доказательственной информации в рамках уголовного судопроизводства на этапе проведения предварительного следствия. Они делятся на два основных блока: действия, связанные с вмешательством в личную сферу человека, и действия, направленные на контроль и обследование объектов или мест.

Особую важность приобретают специальные следственные действия, такие как аудио- и видеоконтроль, получение информации о соединениях между абонентами, контролируемая поставка и контрольный закуп. Они требуют строгого соблюдения конфиденциальности и процессуальных норм, что подчеркивает необходимость детальной регламентации.

Применяемое дополнительно деление следственных действий на вербальные, невербальные и смешанные подчеркивает их гибкость и направленность на получение информации различного характера.

Правила проведения следственных действий варьируются в зависимости от источников информации, характера задач и необходимости получения разрешений от соответствующих органов. Установление четкой последовательности выполнения действий определяется следственной ситуацией, что позволяет учитывать индивидуальные особенности каждого расследования.

Предлагаемое законодательное закрепление и процессуальная регламентация следственных действий направлены на повышение эффективности расследования, обеспечение защиты прав участников уголовного процесса и соответствуют принципам справедливости и законности.

Список литературы:

- [1] Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики от 28 октября 2021 года № 129 (с изменениями и дополнениями по состоянию на 19.11.2024 г.) [Электронный ресурс]. // Режим доступа: <https://cbd.minjust.gov.kg/112308/edition/21476/ru>
- [2] Князьков А.С. Об уголовно-процессуальном и криминалистическом понимании целей и задач следственного действия // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2011. – № 347. – С. 100-105.
- [3] Комиссаренко Е.С. Следственные действия в уголовном процессе России: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2005. – 28 с/
- [4] Шейфер С. А. Теория следственных действий как элемент теории доказательств // Актуальные проблемы совершенствования проведения следственных действий: Сборник научных трудов. – Ташкент: ТВШ МВД СССР, 1982. – С. 12-26.

[5] Шишкина Е.В. Условия эффективности следственных действий // Российское право: образование, практика, наука. – 2020. – №1. – С. 17-26.

Spisok literaturey:

[1] Ugolovno-processual'nyj kodeks Kyrgyzskoj Respubliki ot 28 oktyabrya 2021 goda № 129 (s izmeneniyami i dopolneniyami po sostoyaniyu na 19.11.2024 g.) [Elektronnyj resurs]. // Rezhim dostupa: <https://cbd.minjust.gov.kg/112308/edition/21476/ru>

[2] Knyaz'kov A.S. Ob ugolovno-processual'nom i kriminalisticheskom ponimanii celej i zad-

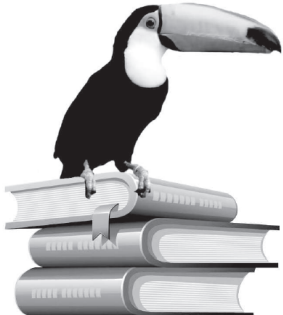
ach sledstvennogo dejstviya // Vestn. Tom. gos. un-ta. – 2011. – № 347. – С. 100-105.

[3] Komissarenko E.S. Sledstvenny'e dejstviya v ugolovnom processe Rossii: avtoref. diss. ... kand. yurid. nauk. – Saratov, 2005. – 28 s/

[4] Shejfer S. A. Teoriya sledstvenny'x dejstvij kak e'lement teorii dokazatel'stv // Aktual'ny'e problemy sovershenstvovaniya provedeniya sledstvenny'x dejstvij: Sbornik nauchny'x trudov. – Tashkent: TVSh MVD SSSR, 1982. – S. 12-26.

[5] Shishkina E.V. Usloviya e'ffektivnosti sledstvenny'x dejstvij // Rossijskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka. – 2020. – №1. – С. 17-26.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ГОФМАН Александр Анатольевич,
доцент кафедры огневой и тактико-
специальной подготовки юридического факультета
Владимирского юридического института ФСИН России,
e-mail: aqwer12345@bk.ru

ИВАНОВ Максим Валерьевич,
преподаватель кафедры физической,
огневой и тактико-специальной подготовки
Псковского филиала Университета ФСИН России,
e-mail: roza2396@yandex.ru

ДИСТАНЦИОННЫЙ НАДЗОР В УГОЛОВНО- ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ КАК НЕОБХОДИМЫЙ ФАКТОР ДЛЯ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ОПЕРАТИВНО-СЛУЖЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация. В современной научной литературе все чаще обсуждается эффективность использования дистанционных технологий для надзора за лицами, находящимися под стражей, включая подозреваемых, обвиняемых и осужденных. В контексте уголовно-исполнительной системы, этот подход предлагает новые горизонты для оперативно-служебной деятельности. Статья предлагает не только внедрение, но и закрепление в законодательстве термина «дистанционный надзор», что позволит стандартизировать его применение на практике. Детальный анализ показывает, что дистанционный надзор может существенно упростить ряд задач, стоящих перед сотрудниками уголовно-исполнительной системы. Осуществление надзора с помощью технических средств, таких как видеонаблюдение и трекинговые системы, способствует не только повышению безопасности, но и обеспечивает более эффективное управление и контроль.

Ключевые слова: пенитенциарная система, дистанционный надзор, видеонаблюдение, безопасность, сотрудники исправительных учреждений, осужденные.

GOFMAN Aleksandr Anatolyevich,
Associate Professor of the Department
of Fire and Tactical-Special Training of the Law Faculty
of the Vladimir Law Institute of the Federal
Penitentiary Service of Russia

IVANOV Maksim Valerievich,
Lecturer of the Department
of Physical, Fire and Tactical-Special Training
of the Pskov Branch of the University
of the Federal Penitentiary Service of Russia

REMOTE SUPERVISION IN THE PENAL SYSTEM AS A NECESSARY FACTOR FOR THE IMPLEMENTATION OF OPERATIONAL AND SERVICE ACTIVITIES

Annotation. The effectiveness of using remote technologies to supervise persons in custody, including suspects, accused and convicted persons, is increasingly discussed in modern scientific literature. In the context of the penal system, this approach offers new horizons for operational and service activities. The article suggests not only introducing, but also enshrining in legislation the term “remote supervision”, which will standardize its application in practice. A detailed analysis shows that remote supervision can significantly

simplify a number of tasks facing employees of the penal system. Implementation of supervision using technical means, such as video surveillance and tracking systems, not only improves security, but also ensures more effective management and control.

Key words: *penitentiary system, remote supervision, video surveillance, security, correctional officers, convicts.*

Превенция и предотвращение преступлений в местах предварительного заключения и соответствующих подразделениях - это сложный и длительный процесс, состоящий из множества управленческих и оперативных шагов. Важнейшими целями этих мер являются не только обеспечение надежной изоляции заключенных и предотвращение попыток побега, но и поддержание безопасности внутри учреждений. Система контрольных механизмов призвана создать непроницаемый щит, защищающий общество от преступных действий заключенных и обвиняемых [1, С. 45-51].

Эффективное функционирование контрольных механизмов в тюрьмах и изоляторах требует не только технических и оперативных решений, но и психологической работы с заключенными. Поддержание порядка и сплоченности среди осужденных играет ключевую роль в предотвращении инцидентов внутри учреждений. Важно учитывать индивидуальные особенности каждого заключенного и проводить профилактическую работу с теми, кто склонен к нарушениям.

Обновление стандартов контроля необходимо для эффективного противодействия угрозам, которые возникают в результате увеличения активности преступных элементов в обществе. Контроль в следственных изоляторах играет ключевую роль в поддержании порядка и безопасности, обеспечивая постоянное наблюдение за поведением подозреваемых и заключенных, что способствует соблюдению законности и предотвращению инцидентов [2, С. 24-26]. Безопасность заключенных, персонала и посетителей - приоритетная задача системы контроля.

В условиях современного организационного кризиса в органах ФСИН России становится явно ощутимым дефицит квалифицированных кадров в службах безопасности, что серьезно сказывается на эффективности контроля над заключенными. Ситуация обостряется увеличением нагрузки на существующий персонал, что существенно снижает качество надзора над осужденными [3, С. 29-32]. Однако для решения данной проблемы активно внедряются новые технологии, направленные на улучшение системы наблюдения и контроля. В частности, внедрение систем видеомониторинга и двусторонней коммуникации в следственных изоляторах, работающих по принципу «видеокамера-диспетчер», представляет собой яркий пример инноваций в сфере контроля и наблюдения.

В современном мире возрастающее значение приобретает внедрение технологий наблюдения и контроля в уголовно-исполнительных учреждениях. Такие инновации становятся важным инструментом улучшения безопасности и эффективности работы персонала. В частности, применение дистанционного надзора в следственных изоляторах Российской Федерации способствует не только повышению уровня контроля и безопасности в условиях ограниченных кадровых ресурсов, но и оптимизации работы смен дежурных.

Этот подход открывает новые возможности для современной уголовно-исполнительной системы, предоставляя возможность более точного мониторинга и контроля за происходящим в учреждениях. За счет использования современных технологий удаленного наблюдения, улучшается работа не только сотрудников, но и обеспечивается безопасность как для заключенных, так и для персонала.

Долгое время функционирование контрольных механизмов в местах предварительного заключения и соответствующих подразделениях складывалось из множества организационных и практических шагов. Эти меры целились в основном на обеспечение эффективной изоляции лиц, осужденных или обвиняемых в преступлениях, а также на предотвращение попыток бегства и недопущение внесения запрещенных предметов на территорию учреждений. Тем не менее, столь же критичной задачей является превенция и предотвращение преступлений непосредственно внутри учреждений, где находятся заключенные.

Присутствие серьезных угроз, проистекающих из углубления преступности в обществе, активности террористических групп и организованных преступных формирований, ставит вопрос о необходимости обновления стандартов контроля в системе исполнения наказаний.

Контроль в следственных изоляторах представляет собой набор организационных и практических действий, которые обеспечивают непрерывное наблюдение за поведением лиц, находящихся под следствием или отбывающих наказание, с целью поддержания законности и порядка, соблюдения установленных правил поведения, а также для гарантии безопасности заключенных, персонала и посетителей.

В текущий момент в органах ФСИН России наблюдается недостаток сотрудников в службах безопасности (режима и надзора), что отрица-

тельно влияет на контроль за лицами, находящимися под стражей. Это приводит к увеличению нагрузки на уже работающий персонал и может снижать качество надзора за особой категорией заключенных. Для улучшения ситуации активно внедряются новые технологии в деятельность связанные с наблюдением, что помогает повышать эффективность работы в данных условиях.

Примером инноваций в области контроля может служить внедрение систем видеомониторинга и двусторонней коммуникации в условиях следственных изоляторов, работающих по модели «видеокамера-диспетчер». Реализация такого подхода в определённых локациях способствует улучшению эффективности работы смен дежурных и повышению уровня контроля при ограниченных кадровых ресурсах [4, С. 64-65].

В современном мире, где технологии развиваются с каждым днём, методы надзора в уголовно-исполнительной системе также претерпевают изменения. Особенно это касается следственных изоляторов в Российской Федерации, где внедрение дистанционного надзора начинает занимать ключевую позицию. Этот подход не только способствует повышению безопасности для всех участников процесса — от подозреваемых до сотрудников учреждения, но и значительно улучшает эффективность работы персонала.

Для успешного преодоления данных проблем необходимо активное взаимодействие специалистов различных областей и участие экспертов, способных выработать адаптированные под требования сферы уголовно-исполнительной системы решения. Только таким образом можно обеспечить эффективное и безопасное внедрение дистанционного надзора в пенитенциарные учреждения.

Прогрессивные технологии наблюдения и контроля играют важную роль в уголовно-исполнительной системе, однако действующая редакция статьи 83 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации под названием «Технические средства надзора и контроля» оставляет желать лучшего. Существует значительное количество пробелов в данной статье, в частности, не хватает детального описания системы дистанционного надзора, отсутствуют технические спецификации необходимого оборудования и не объяснены особенности его использования в различных учреждениях уголовно-исполнительной системы [5, С. 321-323]. Эти недочёты в нормативной базе ставят под серьёзный вопрос успешную реализацию современных технологий в этой области.

Улучшение материально-технического обеспечения - одна из наиболее актуальных задач,

стоящих перед учреждениями уголовно-исполнительной системы. Старое оборудование или его полное отсутствие во многих УИС препятствует эффективной работе дистанционного надзора. Проблема обостряется в отдалённых районах, где обновление инфраструктуры происходит медленнее.

Внедрение дистанционного надзора позволяет более тщательно контролировать ситуацию в изоляторе, что в свою очередь способствует профилактике преступлений среди заключённых. Благодаря использованию современных технологий, возможности для надзора становятся более гибкими и масштабируемыми [6, С. 104-107].

Однако, несмотря на перечисленные преимущества, существуют и определённые сложности. К ним относятся риски технических сбоев, которые могут нарушить процесс мониторинга, и необходимость в значительных инвестициях в технологическую инфраструктуру и её обслуживание. Эти аспекты требуют тщательного планирования и учета при внедрении системы дистанционного надзора.

Таким образом, хотя внедрение дистанционного надзора в следственных изоляторах РФ демонстрирует значительные преимущества, оно также предполагает решение ряда технических и финансовых вопросов. Переход на такие современные системы должен сопровождаться адекватной подготовкой и обеспечением необходимых ресурсов, чтобы максимально использовать потенциал технологий и минимизировать возможные риски.

Особенно важно отметить, что круглосуточное наблюдение за подозреваемыми и осуждёнными в режиме реального времени позволяет не только следить за их поведением, но и оперативно реагировать на любые внештатные ситуации. Это значительно уменьшает риски возникновения конфликтов и обострений, что напрямую влияет на общую стабильность и порядок внутри исправительных учреждений.

Тем не менее, несмотря на высокую эффективность, существует потребность в постоянном усовершенствовании технологий дистанционного надзора. Важно не только укреплять их основные функции, но и разрабатывать новые подходы для минимизации потенциальных недостатков и угроз. Путем инноваций и технологического прогресса можно значительно расширить возможности этих систем, делая их более гибкими и адаптивными к изменяющимся условиям модернизации общественной безопасности.

В эпоху цифровизации пенитенциарной системы России вопросы эффективного дистанционного надзора приобретают особую актуальность. Исследования показывают, что внедрение

передовых технологий видеомониторинга сталкивается с целым комплексом организационных, технических и кадровых проблем, требующих системного решения.

Одной из ключевых проблем является когнитивная перегрузка операторов систем наблюдения. Мультиэкранный режим с одновременной трансляцией десятков видеопотоков создает информационный шум, значительно снижающий концентрацию внимания персонала. Психологи отмечают, что эффективность восприятия визуальной информации падает экспоненциально с увеличением количества одновременно контролируемых объектов, что напрямую влияет на качество надзора [7, С. 76-80].

Кадровый дефицит представляет собой не менее серьезную проблему в системе дистанционного контроля УИС. Отсутствие достаточного штата квалифицированных специалистов делает невозможным создание полноценной системы ротации операторов и формирование резервных групп быстрого реагирования. Это особенно критично при возникновении нештатных ситуаций в помещениях, находящихся под видеоконтролем.

Существующая практика показывает, что недостаточное кадровое обеспечение служб дистанционного надзора приводит к снижению оперативности реагирования на инциденты и повышает риски возникновения чрезвычайных происшествий в местах лишения свободы. Необходима комплексная программа подготовки специализированных кадров и пересмотр нормативов штатной численности сотрудников службы надзора.

Решение указанных проблем требует междисциплинарного подхода с привлечением специалистов в области эргономики, психологии труда и информационных технологий для разработки оптимальных моделей организации дистанционного надзора в учреждениях уголовно-исполнительной системы.

В современном мире технологии проникают во все сферы жизни, включая пенитенциарную систему. Однако внедрение дистанционного надзора в учреждениях УИС сталкивается с комплексом серьезных проблем.

Прежде всего, обращает на себя внимание существующий правовой вакуум в данной области. Действующая редакция статьи 83 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации, озаглавленная как «Технические средства надзора и контроля», демонстрирует значительные пробелы. В ней отсутствует детальная регламентация системы дистанционного надзора, не представлены технические характеристики необходимого оборудования и особенности его применения в различных типах учреждений уголовно-исполнительной системы. Эта нормативная

недостаточность создает серьезные препятствия для эффективного внедрения современных технологий.

Не менее значимой проблемой является материально-техническое обеспечение. Многие учреждения УИС характеризуются устаревшим оборудованием или его полным отсутствием, что делает невозможным полноценную организацию дистанционного надзора. Такая ситуация особенно критична в отдаленных регионах страны, где модернизация происходит медленнее.

Бюджетные ограничения также представляют собой существенный барьер. Комплексное оснащение следственных изоляторов и других учреждений УИС современными системами видеонаблюдения требует колоссальных финансовых вложений, которые не всегда доступны в рамках выделяемого бюджета. При этом необходимо учитывать не только стоимость первоначальной установки оборудования, но и расходы на его обслуживание, модернизацию и обучение персонала.

Особую озабоченность вызывает проблема стабильности работы систем дистанционного надзора. Бесперебойное функционирование таких систем может нарушаться по причинам, находящимся вне контроля администрации исправительного учреждения. К таким факторам относятся перебои в электроснабжении, особенно в регионах с нестабильной энергетической инфраструктурой, проблемы с передачей сигнала из-за погодных условий или технических сбоев, а также возможные кибератаки на системы безопасности [8, С. 6-9].

В заключение следует отметить, что преодоление указанных препятствий требует комплексного подхода, включающего совершенствование законодательной базы, увеличение финансирования и разработку резервных систем для обеспечения непрерывности надзора. Только при решении этих взаимосвязанных проблем возможно эффективное внедрение современных технологий дистанционного надзора в учреждениях уголовно-исполнительной системы.

Список литературы:

[1] Илюхин, С. Е. Изучение опыта дистанционного надзора в исправительных учреждениях и следственных изоляторах УИС с учетом оптимизации постов надзора / С. Е. Илюхин, О. И. Денисенко // Вестник Пермского института ФСИН России. – 2022. – № 4(47). – С. 45-51. – EDN ARWCFU.

[2] Архипочкин, В. Н. Дистанционный надзор в следственных изоляторах УИС как перспектива развития / В. Н. Архипочкин // Уголовно-исполнительная система: педагогика, психология и право:

Материалы Всероссийской научно-практической конференции (к 145-летию со дня образования уголовно-исполнительной системы Российской Федерации), Томск, 25–26 апреля 2024 года. – Томск: Федеральное казенное учреждение дополнительного профессионального образования «Томский институт повышения квалификации работников Федеральной службы исполнения наказаний», 2024. – С. 24-27. – EDN JCZHVR.

[3] Денисенко, О. И. Применение средств дистанционного надзора за осужденными, подозреваемыми и обвиняемыми на примере Красноярского края / О. И. Денисенко, А. Н. Ноев // Вестник Самарского юридического института. – 2023. – № 4(55). – С. 29-33. – DOI 10.37523/SUI.2023.55.4.005. – EDN OGVPNK.

[4] Горовой, В. В. Понятие дистанционного надзора в уголовно-исполнительной системе / В. В. Горовой // Пенитенциарная безопасность: национальные традиции и зарубежный опыт : Материалы Международной научно-практической конференции, Самара, 11–12 октября 2018 года. – Самара: Самарский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2018. – С. 64-65. – EDN YKQXNJ.

[5] Пхитиков, Р. Б. К вопросу о необходимости совершенствования контрольно-надзорной деятельности за исполнением законодательства органами и учреждениями уголовно-исполнительной системы / Р. Б. Пхитиков // Пробелы в российском законодательстве. – 2023. – Т. 16, № 4. – С. 321-325. – EDN UOICFV.

[6] Горовой, В. В. Дистанционный надзор в уголовно-исполнительной системе / В. В. Горовой, В. В. Горовой // Закон и право. – 2018. – № 9. – С. 104-107. – EDN XWOXHV.

[7] Денисенко, О. И. Дистанционный надзор за осужденными в учреждениях уголовно-исполнительной системы Российской Федерации: организационно-правовой аспект / О. И. Денисенко, И. С. Жаров, К. А. Бочкарева // Пенитенциарное право: юридическая теория и правоприменительная практика. – 2025. – № 1(43). – С. 76-80. – EDN WEWVZF.

[8] Архипочкин, В. Н. Цифровые решения при осуществлении надзора в следственных изоляторах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации / В. Н. Архипочкин // Вестник Пермского института ФСИН России. – 2024. – № 2(53). – С. 5-10. – EDN VUJBLU.

Spisok literatury:

[1] Ilyuxin, S. E. Izuchenie opy'ta distancionnogo nadzora v ispravitel'ny'x uchrezhdeniyax i sledstvenny'x izolyatorax UIS s uchetom optimizacii pos-

tov nadzora / S. E. Ilyuxin, O. I. Denisenko // Vestnik Permskogo instituta FSIN Rossii. – 2022. – № 4(47). – С. 45-51. – EDN ARWCFU.

[2] Arxipochkin, V. N. Distancionny'j nadzor v sledstvenny'x izolyatorax UIS kak perspektiva razvitiya / V. N. Arxipochkin // Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: pedagogika, psixologiya i pravo : Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii (k 145-letiyu so dnya obrazovaniya ugolovno-ispolnitel'noj sistemy Rossijskoj Federacii), Tomsk, 25–26 aprelya 2024 goda. – Tomsk: Federal'noe kazennoe uchrezhdenie dopolnitel'nogo professional'nogo obrazovaniya «Tomskij institut povы'sheniya kvalifikacii rabotnikov Federal'noj sluzhby ispolneniya nakazaniy», 2024. – С. 24-27. – EDN JCZHVR.

[3] Denisenko, O. I. Primenenie sredstv distancionnogo nadzora za osuzhdenny'mi, podozrevayemy'mi i obvinyayemy'mi na primere Krasnoyarskogo kraya / O. I. Denisenko, A. N. Noev // Vestnik Samar'skogo yuridicheskogo instituta. – 2023. – № 4(55). – С. 29-33. – DOI 10.37523/SUI.2023.55.4.005. – EDN OGVPNK.

[4] Gorovoj, V. V. Ponyatie distancionnogo nadzora v ugodovno-ispolnitel'noj sisteme / V. V. Gorovoj // Penitenciarnaya bezopasnost': nacional'ny'e tradicii i zarubezhny'j opy't : Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Samara, 11–12 oktyabrya 2018 goda. – Samara: Samarskij yuridicheskij institut Federal'noj sluzhby ispolneniya nakazaniy, 2018. – С. 64-65. – EDN YKQXNJ.

[5] Pxitikov, R. B. K voprosu o neobxodimosti sovershenstvovaniya kontrol'no-nadzornoj deyatel'nosti za ispolneniem zakonodatel'stva organami i uchrezhdeniyami ugodovno-ispolnitel'noj sistemy / R. B. Pxitikov // Probely v rossijskom zakonodatel'stve. – 2023. – Т. 16, № 4. – С. 321-325. – EDN UOICFV.

[6] Gorovoj, V. V. Distancionny'j nadzor v ugodovno-ispolnitel'noj sisteme / V. V. Gorovoj, V. V. Gorovoj // Zakon i pravo. – 2018. – № 9. – С. 104-107. – EDN XWOXHV.

[7] Denisenko, O. I. Distancionny'j nadzor za osuzhdenny'mi v uchrezhdeniyax ugodovno-ispolnitel'noj sistemy Rossijskoj Federacii: organizacionno-pravovoj aspekt / O. I. Denisenko, I. S. Zharov, K. A. Bochkareva // Penitenciarnoe pravo: yuridicheskaya teoriya i pravoprimenitel'naya praktika. – 2025. – № 1(43). – С. 76-80. – EDN WEWVZF.

[8] Arxipochkin, V. N. Cifrovye resheniya pri osushhestvlenii nadzora v sledstvenny'x izolyatorax ugodovno-ispolnitel'noj sistemy Rossijskoj Federacii / V. N. Arxipochkin // Vestnik Permskogo instituta FSIN Rossii. – 2024. – № 2(53). – С. 5-10. – EDN VUJBLU.

ШОГЕНОВ Заур Артурович,
майор полиции, преподаватель кафедры
организация правоохранительной деятельности
Северо-Кавказского института повышения квалификации
(филиал) Краснодарского университета МВД России,
e-mail: mail@law-books.ru

ПРАВОВЫЕ И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЫСТРОТЫ И ПОЛНОТЫ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные проблемы, препятствующие обеспечению быстроты и полноты предварительного следствия в уголовном процессе. Особое внимание уделяется правовому регулированию сроков расследования, функциональной перегрузке следственных органов и противоречию между скоростью и качеством предварительного расследования. Предлагаются пути совершенствования законодательства и организационных механизмов, направленных на повышение эффективности предварительного следствия.

Ключевые слова: предварительное следствие, уголовное судопроизводство, сроки расследования, эффективность, объективность, правовое регулирование, цифровизация.

SHOGENOV Zaur Arturovich,
Lecturer of the Department
of Organization of Law Enforcement Activities
North Caucasus Institute for Advanced Studies (branch)
of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
major of police

LEGAL AND FUNCTIONAL PROBLEMS OF ENSURING THE SPEED AND COMPLETENESS OF THE PRELIMINARY INVESTIGATION

Annotation. The article discusses current problems that hinder the speed and completeness of the preliminary investigation in the criminal process. Special attention is paid to the legal regulation of the investigation period, the functional overload of the investigative authorities and the contradiction between the speed and quality of the preliminary investigation. Ways to improve legislation and organizational mechanisms aimed at improving the effectiveness of the preliminary investigation are proposed.

Key words: preliminary investigation, criminal proceedings, terms of investigation, efficiency, objectivity, legal regulation, digitalization.

Введение: Предварительное следствие является одной из ключевых стадий уголовного судопроизводства, от эффективности которой напрямую зависит достижение целей правосудия. Эффективность предварительного следствия напрямую влияет на обеспечение законности, правопорядка. С одной стороны, закон требует быстрого расследования уголовных дел, с другой — полного, всестороннего и объективного установления обстоятельств преступления. Данный дуализм порождает целый ряд правовых и организационных противоречий, требующих научного осмысления. Законодатель стремится обеспечить как оперативность расследования,

так и его всесторонность и объективность (ст. 7 УПК РФ). Однако на практике соблюдение этих требований сталкивается с рядом трудностей.

Правовая регламентация сроков предварительного следствия и проблемы соблюдения разумных сроков предварительного следствия, пути решения.

Согласно статьи 162 УПК РФ, срок предварительного следствия составляет два месяца, но может быть продлён до 12 месяцев и более. [1] Однако механизм обеспечения этих сроков во многом зависит от ресурсов конкретного подразделения. Органы дознания (например, полиции) ограничены по срокам — 30 суток (или 90 в осо-

бых случаях), в то время как органы следствия могут продлевать срок до 12 месяцев и более. Это указывает на необходимость более чёткого определения критериев для продления и усиления судебного контроля за ними. Практика свидетельствует о частом продлении сроков без достаточных оснований. Согласно отчетам следственного комитета РФ за 2023 год, средняя нагрузка на одного следователя составила около 45 дел в год. [2]

Из содержания статьи 6.1 УПК РФ следует, что уголовное судопроизводство должно осуществляться в разумные сроки. Однако отсутствие чётких критериев определения «разумности» приводит к коллизиям на практике. [1]

Следственные органы зачастую сталкиваются с нехваткой кадров, технических ресурсов и перегрузкой делами, что делает соблюдение сроков затруднительным. При этом законодатель и надзирающие органы определяют, что быстрота расследования должна сочетаться с его качеством. Однако в условиях процессуального давления и статистической отчётности возникает риск проведения формального, неполного следствия. Такая практика может привести к судебным ошибкам, нарушению прав подозреваемого и потере общественного доверия к правоохранительной системе.

Многие следователи совмещают несколько функций — проведение досудебного следствия, участие в суде, взаимодействие с экспертами и другими службами. Это приводит к значительной нагрузке и снижению качества работы. Отсутствие должного взаимодействия с другими подразделениями, формальный подход и несвоевременное исполнение поручений следователя и дознавателя, а также отсутствие цифровых инструментов и защищённых коммуникаций дополнительно тормозит оперативность следствия.

Проблема сбалансированного сочетания требований к скорости и качеству расследования остаётся актуальной. Как подчёркивает В. В. Лазарев, чрезмерный акцент на сроки может снижать объективность и полноту собираемых доказательств. Это требует пересмотра подходов к оценке эффективности работы следственных органов, с акцентом на содержание, а не форму. [3]

Нормы УПК РФ относительно перечня неотложных следственных действий и процедур их оформления часто оказываются недостаточно гибкими. Это создает излишнюю бюрократизацию процесса и мешает эффективному реагированию на динамичные обстоятельства расследования. На сегодняшний день одной из проблем

стоящих перед органами дознания и следствия остается и процедура применения неотложных следственных действий, которая также подразумевает необходимость быстрого и эффективного сбора доказательств для расследования преступления. Институт неотложных следственных действий предусмотрен законодателем как один из элементов быстрого и полного расследования преступления, однако в практической деятельности в связи с отсутствием определённости сроков его применения и должностных лиц вправе принимать к производству возбужденное уголовное дело остается зачастую бездействующим.

Из статистических анализов и отчётов МВД РФ за 2023 год следует, что в органах дознания до 40% дел требуют продления сроков; до 15% дел возвращаются прокурорами по основаниям, связанным с неполнотой расследования; реабилитирующие основания (оправдательные приговоры и прекращения за отсутствием состава преступления) фиксируются чаще при сжатых сроках дознания. [4]. Эти цифры тоже свидетельствуют о конфликте между требованием быстроты и реальными условиями ведения расследования.

Ключевые сложности с которыми сталкиваются следователи и дознаватели на практике – это перегрузка сотрудников, нехватка экспертиз: ожидание заключений занимает значительную часть сроков, слабый уровень согласованности между дознанием и следствием при переквалификации дел. Кроме того, сжатые сроки часто вынуждают ограничиваться минимальным объемом доказательств.

Для решения имеющихся проблем существуют различные точки зрения, например Степанов Д.В., Шептун А.В. предлагают разные способы для устранения существующей проблемы. Считаем необходимым увеличить штатную численность помощников следователя, уточнить законодательно понятие «разумный срок» с введением объективных критериев. С учетом того, что много преступлений дистанционного характера, следует развивать информационные технологии и цифровые платформы для автоматизации рутинных процедур, с обязательным исполнением заданий и запросов направленных следователями и другими должностными лицами в возможно сжатые сроки. [5] Необходимо также постоянно повышать правовую грамотность и процессуальную культуру следователей через обучение и повышение квалификации.

В некоторых субъектах РФ, например, в Татарстане и Ханты – Мансийском автономном округе, внедряются пилотные проекты цифровизации досудебного следствия, что способствует сокращению времени подготовки документов. [6]

Заключение

Правовые и организационные проблемы предварительного следствия требуют комплексного подхода. Для обеспечения баланса между быстротой и полнотой расследования необходимо не только совершенствовать нормы уголовно-процессуального законодательства, но и реформировать институциональные механизмы, регулирующие деятельность следственных органов.

Список литературы:

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (в ред. от 01.04.2024).

[2] Доклад Генеральной прокуратуры РФ о состоянии законности и правопорядка в Российской Федерации за 2023 год. (<https://epp.genproc.gov.ru>)

[3] Лазарев В. В. Проблемы реализации принципов уголовного процесса на стадии предварительного следствия // Законность — 2023. №12

[4] Отчёт МВД Российской Федерации за 2023 год о состоянии дознания.

[5] Степанов Д. В. Предварительное следствие в уголовном процессе: проблемы и перспективы: Учебник— СПб.: Юридический центр, 2022, С.575.

[6] Сидоров П.А. Опыт цифровизации досудебного следствия: региональный аспект // Российский следователь. 2024- №3, С.22-27.

Spisok literatury:

[1] Uголовно-processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 18.12.2001 № 174-FZ (v red. ot 01.04.2024).

[2] Doklad General'noj prokuratury RF o sostoyanii zakonnosti i pravoporyadka v Rossijskoj Federacii za 2023 god. (<https://epp.genproc.gov.ru>)

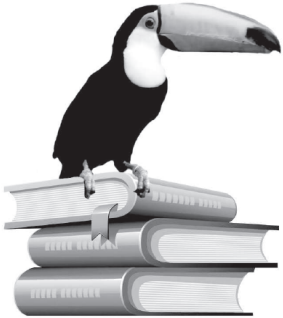
[3] Lazarev V. V. Problemy realizacii principov ugovnogo processa na stadii predvaritel'nogo sledstviya // Zakonnost' — 2023. №12

[4] Otchyot MVD Rossijskoj Federacii za 2023 god o sostoyanii doznaniya.

[5] Stepanov D. V. Predvaritel'noe sledstvie v ugovnom processe: problemy i perspektivy: Uchebnik— SPb.: Yuridicheskij centr, 2022, S.575.

[6] Sidorov P.A. Opyt cifrovizacii dosudebnogo sledstviya: regional'nyj aspekt // Rossijskij sledovatel'. 2024- №3, S.22-27.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЗОРИНА Наталья Сергеевна,
старший научный сотрудник
ФКУ НИИ ФСИН России,
e-mail: Natalya.natka2010@yandex.ru

ИННОВАЦИОННЫЕ МЕТОДЫ РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ОСУЖДЕННЫХ: СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация. Ресоциализация несовершеннолетних осужденных остается критически важной задачей для снижения рецидивизма и обеспечения успешной интеграции подростков в общество. Традиционные методы, основанные на изоляции и дисциплинарных мерах, часто оказываются недостаточно эффективными. В статье рассматриваются инновационные подходы, включая цифровые технологии, восстановительное правосудие и арт-терапию, анализируются их преимущества и вызовы внедрения. В работе рассматриваются современные подходы, включая образовательные технологии (профессиональное обучение, высшее образование в пенитенциарных учреждениях), психолого-педагогическое сопровождение (арт-терапия, когнитивно-поведенческие тренинги).

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система Российской Федерации, ресоциализация, несовершеннолетние осужденные, инновационные методы, ФСИН России.

ZORINA Natalya Sergeevna,
Researcher of the Research Institute
of the Federal Penitentiary Service of Russia

INNOVATIVE METHODS OF RESOCIALIZATION OF JUVENILE CONVICTS: MODERN APPROACHES AND PROSPECTS

Annotation. The rehabilitation of juvenile convicts remains a critical task for reducing recidivism and ensuring the successful integration of adolescents into society. Traditional methods based on isolation and disciplinary measures are often not effective enough. The article examines innovative approaches, including digital technologies, restorative justice and art therapy, analyzes their advantages and challenges of implementation. The paper examines modern approaches, including educational technologies (vocational training, higher education in penitentiary institutions), psychological and pedagogical support (art therapy, cognitive behavioral training).

Key words: penal enforcement system of the Russian Federation, re-socialization, juvenile convicts, innovative methods, Federal Penitentiary Service of Russia.

Проблема ресоциализации несовершеннолетних осужденных остается актуальной в контексте гуманизации уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. Традиционные методы исправления зачастую не учитывают психологические особенности подростков, что снижает эффективность таких мероприятий. Современное общество ставит перед пенитенциарной системой сложные задачи, связанные с ресоциализацией несовершеннолетних осужденных. Воспитательная работа с данной категорией лиц требует особого подхода, учитывающего их возрастные, психологические и социальные особенности. Инновационные методы воспитания, основанные на современных педагогических тех-

нологиях, могут стать эффективным инструментом для достижения положительных результатов. Однако их успешная реализация невозможна без создания соответствующих педагогических условий. Традиционные методы воспитания зачастую оказываются недостаточно эффективными в условиях современного общества, что требует внедрения инновационных подходов. Инновации в воспитательной работе позволяют учитывать индивидуальные особенности подростков, их потребности и интересы, а также использовать современные технологии для достижения поставленных целей [1].

Деятельность воспитательных колоний регламентируется Уголовно-исполнительным

кодексом РФ и предполагает обеспечение исправительного и корректирующего воздействия на личность подростков со сформированными устойчивыми негативными деформациями, провоцирующими противоправный характер и высокую общественную опасность поведения. ВК для несовершеннолетних правонарушителей создана государством специально для осуществления исправительного, корректирующего воздействия на личность подростков, отличающихся стойкими негативными деформациями, во многом определяющими противоправный характер и повышенную общественную опасность их поведения [2].

Образование выступает ключевым инструментом изменения ценностных установок. Программы высшего и профессионального образования, реализуемые в колониях, трансформируют статус осужденного в статус студента, что снижает стигматизацию и формирует мотивацию к самореализации. Например, эксперимент Тюменского нефтегазового университета (2006–2007 гг.) показал, что обучение по специальности «Социальная работа» способствует развитию критического мышления и ответственности [3].

Эффективность данного метода включает в себя:

- компенсация депривации через интеллектуальный и эмоциональный обмен с преподавателями.
- формирование навыков, востребованных на рынке труда (профессиональная переподготовка).
- снижение агрессии за счет удовлетворения базовых потребностей в самоактуализации.

Образование для несовершеннолетних в пенитенциарных учреждениях должно решать две задачи:

1. Восполнение академических пробелов – индивидуальные планы обучения, адаптированные под уровень знаний.
2. Профессиональная ориентация — курсы IT, столярного дела, кулинарии и других навыков, востребованных на рынке труда.

Важно отметить психолого-педагогическое сопровождение, где внедрение адаптационных технологий, таких как индивидуальные программы коррекции поведения, тренинги самоконтроля и арт-терапия, помогает преодолеть деформации личности. Особое внимание уделяется работе с семьями. Восстановление связей с родственниками, подготовка семьи к возвращению подростка. Мотивационная методика позволяет использовать когнитивно-поведенческой терапии для формирования осознанного отказа от криминальных паттернов. Арт-терапия и специализированные образовательные программы предлагают альтернативу, фокусируясь на реабилитации через творчество и знания.

Арт-терапия использует творческие процессы (рисование, театр, музыку, танцы) для выражения эмоций, которые трудно вербализовать. Её ключевые функции в работе с подростками:

1. Эмоциональная разгрузка — снижение уровня тревоги и агрессии через креативное самовыражение.
2. Развитие эмпатии — групповые занятия искусством учат понимать чувства других.
3. Самоидентификация — проективное творчество помогает осознать свои ценности и цели.

В таблице представлены методы арт-терапии воспитательной работы с несовершеннолетними осужденными.

Метод арт-терапии	Описание	Цели	Необходимые материалы	Пример активности	Примечания
Рисование/Графика	Создание изображений на темы Родины, символов государства, исторических событий	Развитие эмоциональной связи с культурой, снижение агрессии через творчество	Краски, карандаши, бумага, шаблоны флагов/гербов	«Герб моей семьи»: подростки создают личный или семейный герб, отражая ценности.	Использование нетоксичных материалов. Важно избегать шаблонов, поощряя личную интерпретацию.
Коллажирование	Композиция из вырезок, фотографий, текстов на тему патриотизма.	Формирование позитивного образа страны, интеграция личного опыта	Журналы, ножницы, клей, ватман	«Россия глазами молодежи»: создание коллажа о современных достижениях страны.	Акцент на поиск позитивных примеров (наука, спорт, искусство).
Лепка (глина, пластилин)	Создание объемных объектов, связанных с культурным наследием (памятники, народные промыслы)	Развитие мелкой моторики, осознание исторической преемственности	Глина, пластилин, инструменты для лепки.	«Символы региона»: лепка элементов традиционной культуры (например, матрешки, кремль).	Совмещение с рассказами о культурном значении объектов.

Театральные постановки	Инсценировка исторических событий или литературных произведений патриотической тематики.	Укрепление командной работы, эмоциональное проживание роли «героя».	Сценарии, костюмы, реквизит.	Мини-спектакль по мотивам подвига молодогвардейцев или событий Великой Отечественной войны.	Важно избегать идеализации насилия. Акцент на моральном выборе и гражданском долге.

Важно, чтобы условия содержания осужденных в воспитательных колониях способствовали исправлению, а не подавлению личности. Культурные и спортивные мероприятия служат повышению самооценки подростков, росту их уверенности в себе. Организация досуга, творческих кружков и спортивных секций способствуют развитию интересов и талантов подростков. Проведение занятий, направленных на изучение основ права, объяснение их прав и обязанностей, способствуют формированию у подростков законопослушного поведения, пониманию законов и последствий их нарушения, а также повышению ответственности за свои действия. Эффективность коррекционных программ напрямую связана с возможностью снижения уровня рецидивов и повышением эффективности социальной адаптации несовершеннолетних осужденных. Вместе с тем реализация подобных программ сопряжена с возможными ограничениями, включающими нехватку ресурсов и специалистов, что требует дальнейшего совершенствования системы психологической помощи в исправительных учреждениях ФСИН России [5].

Список литературы:

[1] Зорина Н.С. О некоторых аспектах инновационных методов ресоциализации несовершеннолетних осужденных / Н. С. Зорина // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права (Сорокинские чтения): Сборник статей по материалам международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 21 марта 2025 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД РФ, 2025. – С. 1308-1313.

[2] Леус, Э. В. Адаптационные технологии ресоциализации несовершеннолетних осужденных / Э. В. Леус, А. Г. Соловьев // Психология и право. – 2012. – № 3. – С. 88-98.

[3] Леонова Е.Ю. Образовательные технологии в системе ресоциализации осужденных // ТюмГНГУ. 2013.

[4] Царькова Е.Г., Зорина Н.С. Нравственно-патриотическое воспитание несовершеннолетних осужденных, отбывающих наказание в воспитательных колониях // Евразийский юридический журнал. 2024. No 5 (192). С. 497-498.

Spisok literatury:

[1] Zorina N.S. O nekotoryx aspektax innovacionnyx metodov resocializacii nesovershennoletnix osuzhdennyx / N. S. Zorina // Aktual'ny'e problemy administrativnogo i administrativno-processual'nogo prava (Sorokinskie chteniya): Sbornik statej po materialam mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Sankt-Peterburg, 21 marta 2025 goda. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskij universitet MVD RF, 2025. – S. 1308-1313.

[2] Leus, E. V. Adaptacionny'e tehnologii resocializacii nesovershennoletnix osuzhdennyx / E. V. Leus, A. G. Solov'ev // Psixologiya i pravo. – 2012. – № 3. – S. 88-98.

[3] Leonova E.Yu. Obrazovatel'ny'e tehnologii v sisteme resocializacii osuzhdennyx // TyumGNGU. 2013.

[4] Czar'kova E.G., Zorina N.S. Nравstvenno-patrioticheskoe vospitanie nesovershennoletnix osuzhdennyx, otby'vayushhix nakazanie v vospitatel'nyx koloniyax // Evrazijskij juridicheskij zhurnal. 2024. No 5 (192). S. 497-498.

ОВЧИННИКОВ Олег Михайлович,
доктор педагогических наук, профессор,
профессор кафедры оперативно-розыскной
деятельности юридического факультета,
Владимирский юридический институт Федеральной
службы исполнения наказаний профессор кафедры
психологии личности и специальной педагогики
Владимирского государственного университета
имени А.Г. и Н.Г. Столетовых,
e-mail: omo33@mail.ru

МОИСЕЕВ Николай Дмитриевич,
кандидат юридических наук доцент кафедры
организации оперативно-розыскной деятельности
Академии ФСИН России,
e-mail: oleg62@yandex.ru

САУТИЕВ Адам Мухамедович,
кандидат юридических наук,
начальник кафедры оперативно-розыскной
деятельности юридического факультета
Университета ФСИН России,
e-mail: rf_sng@mail.ru

ОПЕРАТИВНОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ СОЦИАЛЬНО УЯЗВИМЫХ КАТЕГОРИЙ ОСУЖДЕННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ

Аннотация. Статья посвящена исследованию положения социально уязвимых осужденных в учреждениях уголовно-исполнительной системы Российской Федерации и разработке рекомендаций по совершенствованию оперативного сопровождения данной категории лиц. Задачи исследования: определить критерии отнесения осужденных к социально уязвимым группам; выявить специфику положения осужденных с пониженным статусом в криминальной иерархии; проанализировать риски, связанные с их маргинализацией; предложить меры оперативно-профилактического и социально-психологического характера для их поддержки; оценить влияние криминальной субкультуры на положение данной группы осужденных и разработать методы минимизации дискриминации. Научная новизна работы заключается в комплексном рассмотрении феномена отдельных категорий социально уязвимых осужденных не только через призму криминальной субкультуры, но и с точки зрения их оперативно-розыскной значимости, психологических особенностей и возможностей ресоциализации. Систематизированы скрытые механизмы их стратификации внутри маргинальных групп, предложены практические рекомендации по их интеграции в просоциальные коммуникативные процессы.

Ключевые слова: социально уязвимые осужденные, оперативное сопровождение, криминальная субкультура, маргинализация, уголовно-исполнительная система, оперативно-профилактическая работа, ресоциализация.

OVCHINNIKOV Oleg Mikhailovich,
Doctor of Pedagogical Sciences, Professor,
Professor of the Department of Operational Investigative Activities
of the Faculty of Law, Vladimir Law Institute Federal Penitentiary
Service Professor of the Department of Personality Psychology
and Special Pedagogy of Vladimir State University
named after A.G. and N.G. Stoletov

MOISEEV Nikolay Dmitrievich,
Candidate of Law, Associate Professor
of the Department of Organization of Operational Investigative
Activities Academies of the Federal Penitentiary Service of Russia

SAUTIEV Adam Mukhamedovich,
Candidate of Law, Head of the Department
of Operational Investigative Activities, Faculty of Law,
University of the Federal Penitentiary Service of Russia

OPERATIONAL SUPPORT OF SOCIALLY VULNERABLE CATEGORIES OF PERSONS SENTENCED TO IMPRISONMENT: THEORETICAL AND APPLIED ASPECTS

Annotation. *The article is devoted to the study of the situation of socially vulnerable convicts in institutions of the penal system of the Russian Federation and the development of recommendations for improving the operational support of this category of persons. The objectives of the study are to determine criteria for classifying convicts as socially vulnerable groups; to identify the specifics of the position of low-status convicts in the criminal hierarchy; to analyze the risks associated with their marginalization; to propose measures of an operational, preventive and socio-psychological nature to support them.; to assess the impact of the criminal subculture on their situation and develop methods to minimize discrimination. The scientific novelty of the work lies in the comprehensive consideration of the phenomenon of certain categories of socially vulnerable convicts not only through the prism of criminal subculture, but also from the point of view of their operational investigative significance, psychological characteristics and opportunities for re-socialization. The hidden mechanisms of their stratification within marginal groups are systematized, and practical recommendations for their integration into prosocial communication processes are proposed.*

Key words: *socially vulnerable convicts, operational support, criminal subculture, marginalization, penal enforcement system, operational and preventive work, resocialization.*

Как известно, нормативное закрепление социально уязвимых категорий осужденных в отечественном законодательстве не отражено. Солидарны с позицией исследователей [1], придерживающихся мнения, что к данной категории следует относить лиц, которые в силу возраста, состояния здоровья, сложных жизненных обстоятельств нуждаются в социальной поддержке и защите. Некоторые авторы [2] обоснованно конкретизируют в этой категории таких лиц, как:

1. Инвалиды и лица с ограниченными возможностями здоровья.
2. Одинокие и (или) многодетные родители, воспитывающие несовершеннолетних детей или детей-инвалидов.
3. Пенсионеры по старости и граждане предпенсионного возраста.
4. Выпускники детских домов в возрасте до двадцати трех лет.
5. Лица, освобожденные из мест лишения свободы и имеющие неснятую или непогашенную судимость.
6. Беженцы и вынужденные переселенцы, в том числе лица, пострадавшие от террористических актов и боевых действий на территории Российской Федерации.

7. Малоимущие граждане.
8. Лица без определенного места жительства.
9. Граждане, признанные нуждающимися в социальном обслуживании.
10. Представители ЛГБТ-сообщества (ЛГБТ-движение является запрещенным на территории Российской Федерации).

Безусловно, большинство данных лиц, обладая специфическими социально-личностными характеристиками, требуют особого внимания со стороны персонала учреждений уголовно-исполнительной системы (далее – УИС) и нуждаются в дополнительных мерах поддержки.

Вместе с тем, полагаем необходимым отдельно выделить в социально-уязвимой категории осужденных, имеющих социально-пониженный статус, поскольку они не в полной мере охватываются категорией ЛГБТ-сообщества в силу того, что подавляющая часть этих лиц не пропагандируют и не отстаивают деструктивные асоциальные гомосексуальные ценности, поскольку стали обладателями данного статуса помимо своей воли. Самойлов С.Ф., изучая характеристику лиц, занимающие низшее положение в преступной иерархии, подчеркивает ничтожную долю осознанных гомосексуалистов среди этих осужденных [3].

К таким лицам, как правило, относятся осужденные в отношении которых был совершен акт сексуального насилия, либо которые были определены в эту категорию без такового, а также небольшая часть лиц добровольно выбравших данный статус в следствие особенностей сексуального предпочтения. Не смотря на изменчивость криминальных ценностей и норм, ряд недопустимых поступков, за совершение которых лицо определяется в эту категорию, остается неизменным, это: совершение преступления против половой свободы и неприкосновенности несовершеннолетнего, преступление в отношении матери, неоднократное нарушение запретов, установленных криминальной субкультурой (бытовой физический контакт с лицами имеющими социально пониженный статус, и используемыми ими вещами, воровство у своих, сокрытие своего неформального статуса от окружающих и т.д.). Отметим, что могут встречаться случаи, когда лидеры криминальной среды целенаправленно создают провокационные условия для отдельных осужденных (как правило, представителей бизнеса, чиновников, лиц, осужденных за мошеннические действия, т.е. имеющих устойчивую материальную поддержку, денежные ресурсы), связанные с повышенным вниманием за соблюдением ими правил криминальной субкультуры, для того, чтобы в последствии вымогать у них денежные средства под угрозой разглашения компрометирующих сведений. В таких ситуациях преувеличенное значение может придаваться субкультурным нормам, которые знают далеко не все, часть которых забыта большинством осужденных, например, нарушение порядка соблюдения специфических санитарно-гигиенических норм поведения, например, допускается мыть сначала верхнюю часть тела, потом нижнюю, но не наоборот [4].

Согласимся с мнением А.С. Морозова и С.А. Кутякина [5], что немалая часть «опущенных» приобретают свой низкий социальный статус в период отбывания наказания в воспитательных колониях, поскольку правила поведения в среде несовершеннолетних преступников отличаются наибольшей и даже необъяснимой жестокостью.

Осужденные с социально пониженным статусом вынуждены соблюдать определенные ограничения и выполнять обязанности, установленные криминальной субкультурой: проведение неприемлемых для обычных осужденных работ (уборка санузлов, канализаций, загрузка мусора); использование отдельных столов и посуды; недопустимость бытовых физических контактов с другими осужденными; расположение спальных мест у входа в спальное помещение; размещение отдельным строем при построении отряда; перемещение при движении отряда отдельной груп-

пой; посещение бани после остальных осужденных; размещение в актовом зале на последних местах, прием пищи в расположении отряда за пределами помещения для приготовления пищи и т.д.

Осужденные, имеющие социально пониженный статус, не смотря на отсутствие авторитета среди других осужденных и слабую вовлеченность в криминальные события, протекающие в отряде, тем не менее, должны представлять интерес для оперативного сотрудника, поскольку отсутствие информации о процессах, происходящих в среде данных лиц, будет закономерно способствовать осложнению обстановки внутри этой социальной группы и в учреждении, в целом.

Во-первых, доведенные до отчаяния, такие осужденные могут совершить членовредительство, суицидальные действия, преступление в отношении своего обидчика, уклонение от отбывания наказания, либо побег из учреждения УИС.

Во-вторых, по субкультурным нормам физическое наказание такого осужденного допускается осуществлять только ногами, либо с использованием каких-либо предметов, что влечет высокий риск причинения увечий, вплоть до причинения смерти этому лицу.

В-третьих, привлечение таких осужденных к работе на производстве может повлечь определенные сложности, вызванные нежеланием других осужденных работать за станком или швейной машинкой, которыми до этого пользовался отверженный осужденный.

В-четвертых, как показывает практика, такие осужденные, будучи оставленными без контроля, начинают структурировать иерархию внутри своей неформальной группы. Из числа обиженных, т.е. лиц, которые попали в данную категорию, не становясь объектом сексуального насилия, формируется, так называемый, первый стол (первая кружка), как правило, среди таких осужденных появляются неформальные лидеры этой среды. Опущенные, т.е. подвергшиеся половому насилию, образуют второй стол (вторую кружку). Так называемые «рабочие» относятся к третьему столу (третьей кружке) и формируют категорию изгоев внутри самой группы отверженных [6]. Вновь появляющиеся подкатегории социально пониженных осужденных подчиняются своим неформальным правилам: у них выделяются свои места для приема пищи, своя посуда; лидеры начинают выполнять специфические организационные и дисциплинарные функции в отношении нижних страт: они распределяют трудовые функции между осужденными, объекты уборки, контролируют соблюдение осужденными своей неформальной группы норм криминальной субкультуры, наказывают за их

нарушение, устанавливают расценки за оказание интимных услуг, распределяют полученные материальные ресурсы, в т.ч. могут формировать свой «общак», разрешают возникающие конфликтные ситуации внутри своего коллектива и представляют интересы пострадавшего осужденного своей касты в конфликтах с другими осужденными.

Не смотря на то, что ряд авторов делают вывод о том, что одной из важнейших особенностей данной касты является то, что ее представители используют для удовлетворения сексуальных потребностей представители других каст [3], следует уточнить, что практика регулярного полового насилия, возможно, имеющая место в отдельных учреждениях УИС, не соответствует идеям и ценностям криминальной субкультуры, в соответствии с правилами которой такие действия являются «неприемлемыми», поскольку они способствуют росту числа лиц, негативно относящихся к основной массе осужденных (особенно к лидерам уголовно-преступной среды, осужденным отрицательной направленности, являющихся регуляторами субкультурных межличностных отношений), подталкивая «отверженных» к установлению отношений сотрудничества с представителями администрации учреждения УИС, с помощью которых они мстят своим обидчикам.

Важно помнить о том, что сотрудники учреждения УИС вынуждены принимать во внимание наличие неформальных статусов осужденных вне зависимости от состояния оперативной обстановки в учреждении и играть по правилам, навязанным криминальной субкультурой. В частности, осужденные с социально пониженным статусом, не назначаются на должности поваров и раздатчиков пищи во избежание групповых эксцессов и массовых беспорядков в учреждении. При проведении ознакомительных бесед с осужденными, содержащимися в карантинном отделении, оперативный сотрудник в обязательном порядке должен уточнять имеющийся неформальный статус вновь прибывшего осужденного, одновременно изучая имеющиеся у осужденного татуировки, обращая особое внимание на частично сведенные или нанесенные поверх старых изображения, чтобы выявить лиц, скрывающих свой низкий социальный статус. Не смотря на то, что принудительное клеймение таких лиц находило ранее достаточно широкое распространение [3], чтобы обезопасить других осужденных от недопустимого контакта с лицом, скрывающим свой низкий статус, прибывая в другое учреждение УИС, в настоящее время такая практика постепенно уходит в прошлое.

Работа с данной категорией социально уязвимых осужденных, приобретает особую значи-

мость в силу их уникального положения в социальной структуре коллектива осужденных. Будучи исключенными из основных коммуникативных потоков, такие лица одновременно получают доступ к скрытой информации, поскольку их присутствие часто игнорируется другими осужденными, что создает условия для пассивного наблюдения за подготовкой и совершением противоправных деяний. Парадоксальным образом маргинальный статус превращает этих осужденных в потенциальных носителей ценной оперативной информации, что обусловлено как их вынужденной включенностью в периферийные социальные связи, так и частым вовлечением в противоправную деятельность в качестве второстепенных участников.

Психологический портрет данной категории характеризуется выраженной амбивалентностью: с одной стороны, присутствует устойчивая фрустрация и агрессия, вызванные постоянным давлением со стороны основной массы осужденных, с другой – острая потребность в социальном признании и установлении значимых коммуникативных контактов. Эта дихотомия создает благоприятные условия для установления доверительного взаимодействия с оперативными сотрудниками, поскольку профессионально организованное общение частично компенсирует дефицит социального признания.

Систематическая работа с отверженными осужденными, включающая регулярные контакты и содействие в решении бытовых проблем, выполняет двойную функцию: оперативно-профилактическую и социально-стабилизирующую. С одной стороны, такое взаимодействие расширяет информационные возможности оперативного сотрудника за счет получения сведений, недоступных через другие ресурсы. В социальном аспекте оно способствует переориентации маргинальных групп на легитимные способы решения проблем, снижая их зависимость от криминально-ориентированных осужденных, формируя установку на сотрудничество с администрацией учреждения.

Немаловажным направлением работы оперативного сотрудника должна стать деятельность по выявлению среди персонала учреждения лиц, допускающих унижительные, оскорбительные и иные противоправные действия в отношении осужденных, особенно относящихся к категории отверженных, поскольку такие сотрудники и работники создают благоприятные условия для формирования у осужденных-изгоев убежденности в бессмысленности надежды на администрацию учреждения в решении их проблем и укрепления готовности присоединиться к протестным действиям других осужденных если такая ситуация будет назревать.

Следующим важным аспектом служебной деятельности оперативного сотрудника является выявление осужденных, допускающих необоснованное притеснение отверженных лиц, проведение с ними профилактических бесед, привлечение к дисциплинарной и уголовной ответственности. Важно добиваться выработки единой принципиальной позиции по этому вопросу у всех сотрудников учреждения, чтобы обеспечить неотвратимость ответственности для нарушителей режима содержания. Такую профилактическую работу необходимо сочетать с привлечением к ней осужденных, имеющих авторитет среди основной массы спецконтингента, в целях доступного и полноценного разъяснения осужденным необходимости соблюдения требований, установленных уголовно-исполнительным законодательством, в том числе, через призму более понятных большинству осужденным норм криминальной субкультуры, не поощряющих беспричинное насилие к осужденным данной касты, демонстрация последствий таких поступков как для самих агрессоров, так и для остальных осужденных.

Также значимым направлением работы с осужденными с пониженным статусом является контроль за обеспечением их материально-бытовых и иных условий: предоставление индивидуального спального места, выдаваемые постельные принадлежности и одежда по сезону должны находиться в надлежащем состоянии, индивидуальных средств гигиены, обеспечение права на регулярную помывку в бане, на полноценный и регулярный прием пищи, соблюдение режима труда и отдыха, санитарно-гигиеническое обеспечение, медицинское обслуживание. Важно понимать, что надлежащее выполнение сотрудниками УИС своего должностного функционала в сочетании с определением приоритетных объектов служебной деятельности, к которым, безусловно, относятся социально уязвимые категории осужденных, является ключевым условием создания приемлемого социального климата среди осужденных и обеспечения правопорядка в учреждении.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что искоренение норм криминальной субкультуры среди осужденных представляет собой стратегически важную задачу пенитенциарной системы. Однако необходимо учитывать, что данный процесс носит сложный, многоаспектный и длительный характер в силу ряда объективных факторов. Криминальные традиции, обладающие значительной устойчивостью в условиях противодействия со стороны правоохранительных органов, приобрели характер устойчивых социально-психологических установок у значительной части осужденных. В текущих усло-

виях полная нейтрализация этих явлений представляется затруднительной ввиду их глубокой институционализации в пенитенциарной среде. Вместе с тем, системная реализация комплекса мер, включающего: целенаправленную деятельность учреждений УИС; межведомственное взаимодействие государственных органов; участие гражданского общества и социальных институтов; восстановление семейных связей осужденных неуклонно будет способствовать последовательной трансформации ценностных ориентаций, что в перспективе приведёт к снижению влияния криминальной субкультуры и её постепенной деструкции. Однако важно понимать, что реализация данной стратегии предполагает необходимость научно обоснованной методологии, ресурсного обеспечения и продолжительного временного горизонта для достижения значимых результатов.

Список литературы:

- [1] Кошкина, Н. А. Организационные аспекты медико-санитарного обеспечения пенсионеров как социально уязвимой категории осужденных / Н. А. Кошкина // Пенитенциарное право: юридическая теория и правоприменительная практика. – 2022. – № 2(32). – С. 90-93.
- [2] Звонова, А. В. Реализация пенитенциарной пробации в отношении социально-уязвимых категорий осужденных, содержащихся в исправительных центрах / А. В. Звонова, Н. Д. Моисеев, Е. А. Смбалян // Аграрное и земельное право. – 2024. – № 10(238). – С. 282-284.
- [3] Самойлов С. Ф. Социальная структура современной российской криминальной субкультуры // Социально-гуманитарное обозрение. 2018. Т. 4, № 4. С. 77-81.
- [4] Омельченко Е. Л. Красные и черные: гендерное измерение структур различия и исключения в мужских колониях // Журнал социологии и социальной антропологии. 2016. Т. 19, № 2. С. 142-158.
- [5] Морозов, А. С. Лица, занимающие низшее положение в преступной иерархии: внутригрупповое деление, особенности характеристики, права и обязанности / А. С. Морозов, С. А. Кутякин // Вестник Владимирского юридического института. – 2022. – № 2(63). – С. 56-62.
- [6] Шиков, А. А. Криминальная среда: основные понятия и терминология : толковый словарь / А. А. Шиков, А. В. Агарков, К. В. Капустин. – Владимир : Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2024. – 44 с.

Spisok literatury:

- [1] Koshokina, N. A. Organizacionny'e aspekty mediko-sanitarnogo obespecheniya pensionerov

как social'no uyazvimoj kategorii osuzhdenny'x / N. A. Koshokina // Penitenciarное право: yuridicheskaya teoriya i pravoprimeritel'naya praktika. – 2022. – № 2(32). – S. 90-93.

[2] Zvonova, A. V. Realizaciya penitenciarной probacii v otnoshenii social'no-uyazvimy'x kategorii osuzhdenny'x, soderzhashhixsya v ispravitel'ny'x centrax / A. V. Zvonova, N. D. Moiseev, E. A. Smbatyan // Agrarnoe i zemel'noe pravo. – 2024. – № 10(238). – S. 282-284.

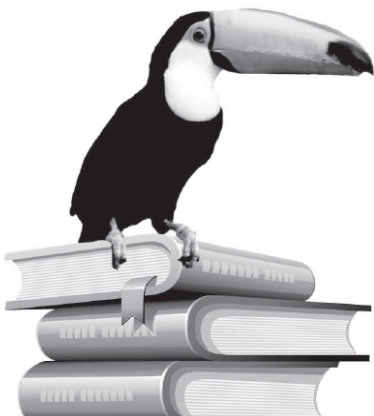
[3] Samojlov S. F. Social'naya struktura sovremennoj rossijskoj kriminal'noj subkul'tury' // Social'no-gumanitarnoe obozrenie. 2018. T. 4, № 4. S. 77–81.

[4] Omel'chenko E. L. Krasny'e i cherny'e: gendernoe izmerenie struktur razlichiya i isklyucheniya v muzhskix koloniyax // Zhurnal sociologii i social'noj antropologii. 2016. T. 19, № 2. S. 142–158.

[5] Morozov, A. S. Licza, zanimayushhie nizenshee polozhenie v prestupnoj ierarxii: vnutrigruppovoe delenie, osobennosti xarakteristiki, prava i obyazannosti / A. S. Morozov, S. A. Kutyakin // Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta. – 2022. – № 2(63). – S. 56-62.

[6] Shikov, A. A. Kriminal'naya sreda: osnovny'e ponyatiya i terminologiya : tolkovy'j slovar' / A. A. Shikov, A. V. Agarkov, K. V. Kapustin. – Vladimir : Vladimirskij yuridicheskij institut Federal'noj sluzhby ispolneniya nakazaniy, 2024. – 44 s.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

КРАПИВИН Олег Владимирович,
доцент Института Академии ФСИН России
по кафедре физической подготовки и спорта, доцент,
e-mail: o.krapivin@list.ru

ГОФМАН Александр Анатольевич,
доцент кафедры огневой и тактико-
специальной подготовки юридического факультета
Владимирского юридического института ФСИН России,
e-mail: aqwer12345@bk.ru

УВАРОВ Сергей Анатольевич,
преподаватель кафедры физической,
огневой и тактико-специальной подготовки
Псковского филиала Университета ФСИН России,
e-mail: roza2396@yandex.ru

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ОРГАНИЗАЦИИ ПОДГОТОВКИ УЧРЕЖДЕНИЙ УИС В ОБЛАСТИ ЗАЩИТЫ ОТ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЙ И ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПОЖАРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация. Целью исследования является анализ текущего состояния системы безопасности в уголовно-исполнительных учреждениях, выявление уязвимых мест в области пожарной безопасности и разработка рекомендаций по повышению ее эффективности в области защиты от чрезвычайных ситуаций. Проведенный анализ нормативно-правовых актов, специальной литературы, ведомственной статистической отчетности на основе сравнительно-правового метода, метода толкования правовых норм указывает на то, что в современном обществе безопасность и эффективное функционирование учреждений уголовно-исполнительной системы стали предметом повышенного внимания и требований к их организации. Однако, с увеличением угроз чрезвычайных ситуаций и пожарных рисков, организация подготовки данных учреждений к действию в экстремальных условиях становится вопросом первостепенной важности. Поддержание безопасности и стабильности в исправительных учреждениях – это не только гарантия правопорядка, но и защита прав и жизненно важных интересов осужденных, а также сотрудников системы исполнения наказаний.

В работе рассматриваются важные аспекты организации подготовки учреждений уголовно-исполнительной системы в области защиты от чрезвычайных ситуаций, что является актуальной темой в свете повышенной безопасности и необходимости обеспечения безопасности персонала и заключенных

Результаты: проведенное исследование специальной литературы, обзоров, информационных писем Федеральной службы исполнения наказаний позволило выделить некоторые проблемы и пути решения в области организации подготовки учреждений УИС в области защиты от чрезвычайных ситуаций и обеспечения пожарной безопасности.

Ключевые слова: пенитенциарная система, чрезвычайные обстоятельства, обеспечение пожарной безопасности, безопасность, осужденные.

KRAPIVIN Oleg Vladimirovich,
Associate Professor of the Institute of the Academy
of the Federal Penitentiary Service of Russia
in the Department of Physical Training and Sports,
Associate Professor

GOFMAN Aleksandr Anatolyevich,
Associate Professor of the Department
of Fire and Tactical-Special Training of the Law Faculty
Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

SOME ASPECTS OF THE ORGANIZATION OF THE TRAINING OF CORRECTIONAL INSTITUTIONS IN THE FIELD OF EMERGENCY PROTECTION AND FIRE SAFETY

Annotation. *The purpose of the study is to analyze the current state of the security system in penal institutions, identify vulnerabilities in the field of fire safety and develop recommendations to improve its effectiveness in the field of emergency protection. The analysis of normative legal acts, special literature, departmental statistical reporting based on the comparative legal method, the method of interpretation of legal norms indicates that in modern society, the safety and effective functioning of institutions of the penal system have become the subject of increased attention and requirements for their organization. However, with the increasing threats of emergency situations and fire risks, the organization of the preparation of these institutions for action in extreme conditions becomes a matter of paramount importance. Maintaining security and stability in correctional institutions is not only a guarantee of law and order, but also the protection of the rights and vital interests of convicts, as well as employees of the penitentiary system. The paper examines important aspects of the organization of training of institutions of the penal system in the field of emergency protection, which is an urgent topic in the light of increased security and the need to ensure the safety of staff and prisoners. Results: a study of specialized literature, reviews, and information letters from the Federal Penitentiary Service has identified some problems and solutions in the field of organizing training for correctional institutions in the field of emergency protection and fire safety.*

Key words: *penitentiary system, emergency circumstances, fire safety, security, convicts.*

В настоящей статье будет проведен анализ факторов оказывающих влияние на обеспечение пожарной безопасности уголовно-исполнительной системе, а так же факторов, влияющих на недостаточное обеспечение безопасности учреждений УИС, связанных с чрезвычайными обстоятельствами.

Отдельные аспекты организации подготовки учреждений уголовно-исполнительной системы в области защиты от чрезвычайных ситуаций ее положения были рассмотрены такими учеными, как А. М. Киселев в рамках своего диссертационного исследования «Система совершенствования профессиональной подготовки сотрудников ФСИН России к действиям в экстремальных ситуациях», В. А. Антонова «Правовое регулирование деятельности учреждений уголовно-исполнительной системы по обеспечению безопасности и правопорядка на режимных объектах в условиях чрезвычайных ситуаций» и многие другие.

Одним из наиболее актуальных направлений обеспечения безопасности в Российской Федерации и, в частности, в уголовно-исполнительной системе России, на сегодняшний день, становится подготовка учреждений и сотрудников УИС к осуществлению деятельности в различных экстремальных условиях, например, таких как чрезвычайные ситуации и различные виды пожаров.

Например, направление подготовки к действиям при пожарах становится довольно актуальным ввиду того, что неудовлетворительная работа в весенне-летнем периоде 2023 года по выполнению противопожарных мероприятий на объектах учреждений УИС привела к возникновению 21 пожара, материальный ущерб от которых превысил 140,2 млн рублей (АППГ – 4 млн рублей) [1, С. 675-676].

В указанном периоде пожары были зарегистрированы в ГУФСИН (УФСИН) по Республике Татарстан, Свердловской области (по 2 случая), республикам Бурятия, Башкортостан, Карелия, Мордовия, Забайкальскому, Краснодарскому, Приморскому, Хабаровскому краям, Вологодской, Ивановской, Иркутской, Калининградской, Костромской, Самарской, Смоленской, Тамбовской, Тверской областям (по 1 случаю) [1, С. 675-676].

Актуальной данная тема видится в связи с тем, что только за первый квартал 2024 года на объектах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации было зарегистрировано 7 пожаров (АППГ – 10), предварительный материальный ущерб превысил 800 тыс. руб. (АППГ – 585,6 тыс. руб.), гибели людей не допущено (АППГ – 2), травмирован 1 работник (АППГ – 0) [1, С. 675-676].

Для обеспечения безопасности и нормальной деятельности учреждения УИС крайне важна

работа подразделений ВПО. Эти подразделения занимаются решением ключевых задач, таких как предотвращение пожаров, тушение возгораний, ликвидация их последствий, обеспечение безопасности персонала и осужденных, а также сохранение материальных ценностей. Для достижения этих целей необходим постоянный контроль, высокое качество службы и слаженная работа подразделений ВПО.

Чрезвычайные ситуации, чрезвычайные происшествия и чрезвычайные обстоятельства представляют собой тесно связанные понятия, требующие особого внимания со стороны учреждений и органов управления информационной безопасностью. Эти термины, хотя и имеют сходные черты, но не являются идентичными. Чрезвычайная ситуация обычно описывает неблагоприятные условия, вызванные природными катаклизмами, техногенными кризисами и длительными социальными бедствиями. Одновременно понятие «чрезвычайное происшествие» фокусируется на отдельных кратковременных инцидентах, в основном криминального характера, которые резко нарушают обычный порядок работы организаций по информационной безопасности.

В свою очередь, понятие «чрезвычайное обстоятельство» является обобщающим в отношении первых двух и включает в себя как чрезвычайное происшествие, так и чрезвычайную ситуацию и применяется для определения деятельности учреждений и органов УИС по предупреждению, локализации и ликвидации последствий чрезвычайного происшествия и чрезвычайной ситуации, как отмечают И.А. Антонов и В.А. Антонов [2, С. 107-212].

Итак, на базе ФКУ ИК-6 УФСИН России по Н-ской области по средствам эмпирического исследования, был произведен анализ проблем, связанных с обеспечением пожарной безопасности, согласно которому было выявлено, что на данный момент существует проблема – недостаточный контроль за пожарной безопасностью в учреждении УИС, поскольку у инспекторов ВПО не хватает времени на тщательный контроль за обеспечением всех требований пожарной безопасности. Из-за объема служебных задач, ведение нескольких учреждений сразу, сотрудники ВПО несут свою службу с нарушениями.

Проведенный анализ системы факторов на базе указанного учреждения оказывающих влияние на обеспечение безопасности в области пожарной безопасности и чрезвычайных происшествий, связанных с обеспечением пожарной безопасности уголовно-исполнительной системы, позволяет говорить о необходимости решения следующих задач:

- во-первых, о необходимости проведения анализа актуальных угроз чрезвычайных ситуаций и пожарных рисков в уголовно-исполнительных учреждениях;
- во-вторых, изучение существующих нормативных и правовых актов, регулирующих вопросы обеспечения безопасности в данных учреждениях;
- в-третьих, необходимости анализа современных методов и технологий, используемых для защиты от чрезвычайных ситуаций и обеспечения пожарной безопасности;
- в-четвертых о необходимости разработки практических рекомендаций по улучшению системы безопасности и подготовки учреждений уголовно-исполнительной системы к экстремальным ситуациям при ЧО;
- в-пятых, несовершенство нормативной базы, связанной с обеспечением пожарной и иной безопасности в органах и учреждениях УИС.

Работа в условиях чрезвычайных ситуаций требует от сотрудников учреждений исполнения наказаний (УИС) особого режима деятельности. Важно осознавать, что в такие моменты не только увеличиваются физические и психологические нагрузки на персонал, но и происходит значительное изменение в структуре управления: могут быть созданы временные подразделения, изменяется взаимодействие с другими органами. Это влечет за собой удлинение рабочих часов и интенсификацию работы всех структур.

Учитывая вышесказанное, крайне важно, чтобы сотрудники Федеральной службы исполнения наказаний (ФСИН) России регулярно получали обучение и были готовы к действиям в нестандартных и усложненных условиях. Обучение персонала УИС можно разделить на две основные категории, каждая из которых решает свои конкретные задачи в контексте подготовки к чрезвычайным ситуациям.

Такая подготовка позволяет не только адекватно реагировать на возникающие сложности, но и укрепляет психологическую устойчивость сотрудников, что критически важно в экстремальных условиях. Поэтому подготовка к действиям в чрезвычайных обстоятельствах должна стать неотъемлемой частью профессионального развития каждого сотрудника УИС, чтобы обеспечивать безопасность и эффективность работы в любых условиях.

В настоящее время система профессионального обучения сотрудников уголовно-исполнительной системы предусматривает два основных направления. Первое направление охватывает подготовку к рутинной ежедневной работе

в условиях нормальной оперативной обстановки в учреждении УИС, второе же фокусируется на подготовке к действиям в экстренных ситуациях.

Тщательно разработанная система подготовки позволяет сотрудникам адаптироваться и эффективно выполнять свои обязанности в повседневных условиях. Обширное использование программ подготовки в учебно-методической литературе и ведомственных нормативных актах способствует стандартизации обучения. Кроме того, в рамках системы образования, учрежденной Министерством юстиции России, функционируют различные образовательные учреждения, направленные на переподготовку и повышение квалификации сотрудников уголовно-исполнительной системы.

Особое внимание уделяется подготовке к нестандартным и критическим ситуациям, что важно для оперативного реагирования на возможные чрезвычайные обстоятельства. Это направление, хоть и развивается, требует дополнительного внимания и усиления, учитывая постоянно меняющийся характер угроз и вызовов.

Таким образом, развитие и совершенствование профессиональной подготовки в уголовно-исполнительной системе является ключевым элементом в обеспечении стабильности и безопасности, как в повседневной деятельности, так и в условиях возможных экстренных ситуаций.

Важно подчеркнуть значимость практической проверки второго вида профессиональной подготовки сотрудников, работающих в уголовно-исполнительной системе. Эта тема требует дополнительного исследования и должна находить отражение не только в научных работах, но и в учебно-методических пособиях. Обучение таких специалистов должно соответствовать текущим требованиям и стандартам, что подчеркивает необходимость постоянного обновления учебных материалов и методик. Эффективность этого подхода будет способствовать повышению качества работы сотрудников и, как следствие, всей системы в целом. Итак, подготовка сил и средств уголовно-исполнительной системы должна проводиться с целью обеспечения постоянной готовности учреждений и органов ФСИН России к решению задач по предупреждению и ликвидации последствий чрезвычайных обстоятельств. В связи с этим считаем, что эта цель достигается:

- разработкой планов действий учреждений и органов ФСИН России при возникновении чрезвычайных обстоятельств;
- подготовкой (обучением) сотрудников к самостоятельным действиям и к совмест-

ным действиям в составе отдельных элементов группировки сил и средств, а также органов управления к выполнению задач при возникновении чрезвычайных обстоятельств;

- готовностью сил и средств к действиям в чрезвычайных обстоятельствах.

Д.А. Ширяев и Зиникова Д.И. отмечают, что «подготовка сотрудников уголовно-исполнительной системы базируется на общих педагогических принципах, исходных требованиях, выполнение которых обеспечивает решение поставленных задач» [3, С. 141-143].

Однако, как совершенно справедливо отмечается в научной и учебно-методической литературе, подготовка сотрудников УИС, в том числе и при проведении обучения с целью предупреждения ЧО, имеет свою специфику, которая обусловлена рядом факторов:

- проводится с людьми, которые занимаются специфической деятельностью и для участия в занятиях на время отрываются от выполнения своих непосредственных обязанностей [5, С. 69-77].
- проводится для людей, как правило, уже имеющих профессиональное образование и нередко обладающих немалым опытом решения профессиональных задач [6, С. 143-148.];
- она является именно подготовкой, а не обучением [8, С. 47-51.];
- она отличается особыми целями, задачами, организацией, содержанием, формами, методами, условиями и критериями эффективности [7, С. 294-296].

Раскрывая особенности специальной подготовки сотрудников и подразделений УИС к действиям в чрезвычайных ситуациях, важно особо выделить порядок проведения тактико-строевых занятий и групповых упражнений, а также штабных тренировок, командно-штабных учений и тактико-специальных учений.

Важной формой подготовки органов управления и учреждений ФСИН РФ к практической работе в условиях чрезвычайной ситуации являются штабные тренировки [10, С. 143-146]. Штабные тренировки предназначены:

- для обеспечения слаженности и оперативности в работе органов управления ФСИН России по руководству действиями учреждений (подразделений) и других сил при чрезвычайной ситуации;
- для совершенствования подготовки начальствующего состава по занимаемым должностям и поддержания на высоком уровне служебно-боевой готовности сотрудников органов управления;

- для выработки у сотрудников умений и навыков в проведении оперативно-тактических расчетов, анализе обстановки чрезвычайной ситуации и планировании служебной деятельности учреждения и органов ФСИН России;
- для формирования у начальствующего состава высоких морально-психологических и служебно-боевых качеств [4, С. 144-147.].

Штабные тренировки проводятся на картах (схемах, планах) в помещениях, а при необходимости и на местности. Командно-штабные учения являются формой совместного обучения руководителей и подчиненных им органов управления (оперативных штабов, управлений сводных отрядов, групп управления учреждений). Основным методом обучения на командно-штабных учениях - практическая работа.

Так же, рассматривая данный вопрос, необходимо заострить внимание на нормативном правовом регулировании данной проблематики. Нормативно-правовые основы профессиональной подготовки сотрудников УИС к действиям при ЧС необходимо рассматривать в двух аспектах:

- законодательные и ведомственные правовые акты, регламентирующие деятельность органов и учреждений УИС при возникновении чрезвычайных ситуаций (Конституция РФ, ФКЗ «О чрезвычайном положении», Уголовно-исполнительный кодекс, Закон РФ «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации», ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» [9, С. 141-143];
- подзаконные нормативные акты, непосредственно регламентирующие организацию профессиональной подготовки сотрудников, в том числе к действиям при чрезвычайных обстоятельствах (Положение о Федеральной службе исполнения наказаний; Положение об организации начального профессионального образования, переподготовки и повышения квалификации лиц рядового и начальствующего состава уголовно-исполнительной; Инструкция по планированию и подготовке сил и средств уголовно-исполнительной системы к действиям при ЧО имеющего гриф ограниченного пользования).

Основным нормативно-правовым актом, определяющим правовой статус территориальных органов и учреждений УИС, а также сотрудников, является Закон РФ «Об учреждениях и

органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации». Данный Закон закрепляет обязанности учреждений, исполняющих наказания.

Так, согласно ст. 13 Закона РФ № 5473-1 учреждения УИС обязаны создавать условия для обеспечения правопорядка и законности, безопасности осужденных, а также персонала, должностных лиц и граждан, находящихся на их территориях. Практическая реализация представленной юридической обязанности возможна только при наличии в УИС квалифицированных, высокоинтеллектуальных и физически развитых специалистов, способных действовать в любых условиях, в том числе и при осложнении оперативной обстановки. Все это может быть достигнуто только при наличии эффективной системы профессиональной подготовки сотрудников.

Обеспечение безопасности в учреждениях уголовно-исполнительной системы Российской Федерации - это важная задача, требующая урегулирования соответствующими нормами. На сегодняшний день в главе 3 Закона РФ от 21 июля 1993 года № 5473-1, касающейся правового статуса учреждений УИС, отсутствуют конкретные положения, направленные на подготовку к действиям в случае чрезвычайной ситуации.

По мнению специалистов, необходимо устранить этот пробел в законодательстве. Предлагается внести изменения в статью 13 упомянутого Закона, включив обязанность по подготовке и поддержанию постоянной готовности учреждений УИС к выполнению своих функций в условиях чрезвычайных обстоятельств. Такое дополнение позволит эффективнее реагировать на возможные угрозы и обеспечить безопасность как для персонала, так и для заключенных.

Важно отметить, что руководители учреждений УИС должны проявлять максимальную ответственность при организации профессиональной подготовки сотрудников для действий в чрезвычайных ситуациях. Это требует серьезного подхода и особого внимания к каждому этапу обучения. Помимо этого, внедрение данной нормы позволит согласовать законодательство о введении усиленной охраны с обязанностью ее поддержания, основываясь на внутренних ресурсах.

Федеральная служба исполнения наказаний РФ в настоящее время играет ключевую роль в обеспечении национальной безопасности. Ее функции включают в себя решение множества задач, связанных с управлением заключенными, применением мер юридического принуждения и поддержанием порядка в исправительных учреж-

дениях. Важно отметить, что эффективное функционирование этой службы содействует обеспечению стабильности и безопасности общества.

В случае возникновения чрезвычайных обстоятельств в учреждениях уголовно-исполнительной системы, необходимо рассматривать их как ситуации, которые серьезно влияют на работу персонала и жизнедеятельность специальных подразделений. Такие условия требуют принятия специальных мер для защиты жизни, здоровья, прав и свобод сотрудников, сохранения материальных ценностей и обеспечения восстановления нормальной оперативной деятельности объектов. Важно обеспечить надлежащий уровень безопасности и функционирования в данных критических ситуациях.

Важнейшим условием высокой эффективности действий сотрудников уголовно-исполнительной системы в чрезвычайных условиях является хорошо организованная и регулярно проводимая специальная подготовка.

Список литературы:

[1] Статистические данные ФСИН России <https://www.fsin.gov.ru/statistics/> (дата обращения 10.04.2024).

[2] Антонов И. А., Антонов В. А. Деятельность ФСИН России в условиях чрезвычайных обстоятельств: понятие, задачи, подготовка кадров / И. А. Антонов, В. А. Антонов // Вестник Санкт-Петербургского Университета МВД России. 2007. № 4 (36). С. 107-112.

[3] Ширяев Д. А., Зиникова Д.И. К вопросу о подготовке сотрудников уголовно-исполнительной системы к действиям в различных экстремальных условиях / Д. А. Ширяев, Д. И. Зиникова // Государственная служба и кадры. 2020. № 4. С. 141-143.

[4] Грищенко В. В. Особенности подготовки сотрудников правоохранительных органов к действиям при чрезвычайных обстоятельствах / В. В. Грищенко // Образование. Наука. Научные кадры. 2019. № 1. С. 144-147.

[5] Орлов, А. В. Проблемные вопросы обеспечения режима в исправительных учреждениях исходя из внутренней ограничительной сущности и механизма их действия в местах лишения свободы / А. В. Орлов // Право и образование. – 2023. – № 11. – С. 69-77. – EDN JBUDQE.

[6] Симкин, Е. А. Побег, совершаемые осужденными, отбывающими наказание в колонии-поселении: актуальные проблемы и пути решения / Е. А. Симкин, А. В. Орлов // Вестник Самарского юридического института. – 2024. – № 5(61). – С. 143-148. – DOI 10.37523/SUI.2024.32.72.001. – EDN ONZKFM.

[7] Кошелюк, Б. Е. Совершенствование правового регулирования ОРД при исполнении наказания в виде лишения свободы / Б. Е. Кошелюк, А. В. Орлов // Аграрное и земельное право. – 2024. – № 4(232). – С. 294-296. – DOI 10.47643/1815-1329_2024_4_294. – EDN ETQWYK.

[8] Ковалев, О. Г. Некоторые правовые и организационные особенности осуществления ОРД в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы / О. Г. Ковалев, А. В. Орлов // Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России : научно-практическое ежеквартальное издание. – Москва : ФКУ НИИИТ ФСИН России, 2024. – С. 47-51. – EDN SRWZJG.

[9] Ширяев Д. А., Зиникова Д.И. К вопросу о подготовке сотрудников уголовно-исполнительной системы к действиям в различных экстремальных условиях / Д. А. Ширяев, Д. И. Зиникова // Государственная служба и кадры. 2020. № 4. С. 141-143.

[10] Киселев А. М. О проблеме формирования готовности сотрудников уголовно-исполнительной системы к действиям при чрезвычайных обстоятельствах / А. М. Киселев // Человек: преступление и наказание. 2014. № 1 (84). С. 143-146.

Spisok literatury:

[1] Statisticheskie dannyye FSIN Rossii <https://www.fsin.gov.ru/statistics/> (data obrashheniya 10.04.2024).

[2] Antonov I. A., Antonov V. A. Deyatel'nost' FSIN Rossii v uchloviyax chrezvy'chajny'x obstoyatel'stv: ponyatie, zadachi, podgotovka kadrov / I. A. Antonov, V. A. Antonov // Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta MVD Rossii. 2007. № 4 (36). S. 107-112.

[3] Shiryayev D. A., Zinikova D.I. K voprosu o podgotovke sotrudnikov ugovovno-ispolnitel'noj sistemy` k dejstviyam v razlichny'x e'kstremal'ny'x usloviyax / D. A. Shiryayev, D. I. Zinikova // Gosudarstvennaya sluzhba i kadry`. 2020. № 4. S. 141-143.

[4] Grishhenko V. V. Osobennosti podgotovki sotrudnikov pravooxranitel'ny'x organov k dejstviyam pri chrezvy'chajny'x obstoyatel'stvax / V. V. Grishhenko // Obrazovanie. Nauka. Nauchny'e kadry`. 2019. № 1. S. 144-147.

[5] Orlov, A. V. Problemny'e voprosy` obespecheniya rezhima v ispravitel'ny'x uchrezhdeniyax isxoda iz vnutrennej ogranichitel'noj sushhnosti i mekhanizma ix dejstviya v mestax lisheniya svobody` / A. V. Orlov // Pravo i obrazovanie. – 2023. – № 11. – S. 69-77. – EDN JBUDQE.

[6] Simkin, E. A. Pobegi, sovershaemy'e osuzhdenny'mi, otby'vayushhimi nakazanie v kolonii-pose-

lenii: aktual'ny'e problemy i puti resheniya / E. A. Simkin, A. V. Orlov // Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta. – 2024. – № 5(61). – S. 143-148. – DOI 10.37523/SUI.2024.32.72.001. – EDN ONZKFM.

[7] Koshelyuk, B. E. Sovershenstvovanie pravovogo regulirovaniya ORD pri ispolnenii nakazaniya v vide lisheniya svobody / B. E. Koshelyuk, A. V. Orlov // Agrarnoe i zemel'noe pravo. – 2024. – № 4(232). – S. 294-296. – DOI 10.47643/1815-1329_2024_4_294. – EDN ETQWYK.

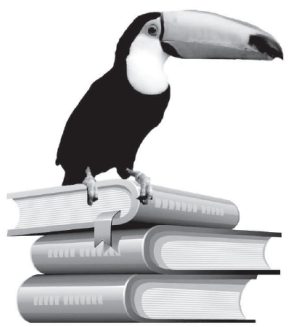
[8] Kovalev, O. G. Nekotory'e pravovy'e i organizacionny'e osobennosti osushchestvleniya ORD v ispravitel'ny'x uchrezhdeniyax ugodovno-ispolnitel'noj sistemy / O. G. Kovalev, A. V. Orlov // Nauch-

ny'e trudy FKU NII FSIN Rossii : nauchno-prakticheskoe ezhekvartal'noe izdanie. – Moskva : FKU NIIIT FSIN Rossii, 2024. – S. 47-51. – EDN SRWZJG.

[9] Shiryayev D. A., Zinikova D.I. K voprosu o podgotovke sotrudnikov ugodovno-ispolnitel'noj sistemy k dejstviyam v razlichny'x e'kstremal'ny'x usloviyax / D. A. Shiryayev, D. I. Zinikova // Gosudarstvennaya sluzhba i kadry. 2020. № 4. S. 141-143.

[10] Kiselev A. M. O probleme formirovaniya gotovnosti sotrudnikov ugodovno-ispolnitel'noj sistemy k dejstviyam pri chrezvy'chajny'x obstoyatel'stvax / A. M. Kiselev // Chelovek: prestuplenie i nakazanie. 2014. № 1 (84). S. 143-146.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 26.05.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.06.2025 г.

DOI: 10.24412/2224-9133-2025-5-315-319

ВАНЯШИН Илья Сергеевич,
преподаватель кафедры
огневой и физической подготовки
Волгодонского филиала Ростовского
юридического института МВД России,
e-mail: sledrvsn@gmail.com

ДАВИДЕНКО Алла Ивановна,
преподаватель кафедры огневой подготовки
Краснодарского университета МВД России,
кандидат педагогических наук, доцент,
e-mail: GalichA7@yandex.ru

ПШЕУЧ Байслан Хизирович,
старший преподаватель кафедры огневой подготовки
Краснодарского университета МВД России,
e-mail: alex.uvd84@mail.ru.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОНТРОЛЬ И БЕЗОПАСНОСТЬ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ В УСЛОВИЯХ МАССОВОЙ АВТОМОБИЛИЗАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Аннотация. В статье рассматривается автомобилизация как ключевой фактор общественного прогресса и развития экономики, обеспечивающий перевозки в различных сферах деятельности и способствующий интеграции регионов. Вместе с тем, стремительный рост числа транспортных средств и интенсивности дорожного движения сопровождается высоким уровнем дорожно-транспортных происшествий (ДТП), что приводит к значительным человеческим жертвам и экономическим потерям, достигающим около 2% валового национального продукта. Анализируются основные причины аварийности, включая отставание дорожной инфраструктуры, недостаточную подготовку водителей, слабое правосознание участников движения и устаревшую систему обеспечения безопасности. Особое внимание уделяется проблемам правового и организационного обеспечения государственного контроля в сфере безопасности дорожного движения, выявляется фрагментарность и несовершенство действующего законодательства, а также недостаточная координация между контролирующими органами. Результаты исследования направлены на повышение эффективности мер по снижению аварийности и обеспечению устойчивого развития транспортной системы в условиях массовой автомобилизации.

Ключевые слова: автомобилизация, безопасность дорожного движения, государственный контроль, законодательство, транспорт, аварийность, правовое регулирование, транспортная политика.

VANYASHIN Ilya Sergeevich,
lecturer of the Department of Fire and Physical Training
of the Volgodonsk branch of the Rostov Law Institute
of the Ministry of Internal Affairs of Russia

DAVIDENKO Alla Ivanovna,
lecturer of the Department of Fire Training
of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
candidate of pedagogical sciences, associate professor

STATE CONTROL AND ROAD SAFETY IN THE CONDITIONS OF MASS AUTOMOBILIZATION: PROBLEMS AND WAYS OF IMPROVEMENT

Annotation. *The article considers motorization as a key factor in social progress and economic development, providing transportation in various spheres of activity and promoting the integration of regions. At the same time, the rapid growth in the number of vehicles and traffic intensity is accompanied by a high level of road traffic accidents (RTA), which leads to significant human casualties and economic losses reaching about 2% of the gross national product. The main causes of accidents are analyzed, including the lagging road infrastructure, insufficient training of drivers, weak legal awareness of road users and an outdated safety system. Particular attention is paid to the problems of legal and organizational support for state control in the field of road safety, fragmentation and imperfection of the current legislation, as well as insufficient coordination between regulatory authorities are revealed. The results of the study are aimed at increasing the effectiveness of measures to reduce accidents and ensure sustainable development of the transport system in the context of mass motorization.*

Key words: *motorization, road safety, state control, legislation, transport, accidents, legal regulation, transport policy.*

Автомобилизация сегодня является неотъемлемой частью современного общества и одним из ключевых факторов его прогресса. Автомобильный транспорт играет фундаментальную роль в обеспечении жизнедеятельности государства и общества, удовлетворяя широкий спектр социально-экономических потребностей. Он обеспечивает эффективное функционирование промышленности, сельского хозяйства, торговли, медицины, образования, а также государственных и частных институтов, способствуя мобильности населения и развитию инфраструктуры. В глобальном масштабе автомобилизация становится фактором мировой интеграции, формируя единое цивилизационное пространство и способствуя развитию международных связей [1].

Однако стремительное увеличение числа транспортных средств и возрастающая интенсивность дорожного движения сопровождаются серьезными негативными последствиями. Одной из наиболее острых проблем современной автомобилизации является высокий уровень дорожно-транспортных происшествий (ДТП), который значительно превышает аналогичные показатели других техногенных систем. Причины высокого уровня аварийности многогранны и комплексны. Среди них - отставание дорожного строительства от темпов автомобилизации, хронический упадок дорожного хозяйства, конструктивные недостатки транспортных средств, низкий уровень подготовки водителей, снижение правосознания участников дорожного движения, а также уста-

ревшая система обеспечения безопасности на транспорте. Эти проблемы формировались на протяжении многих лет, усугубляясь недостаточной эффективностью управления, размытостью границ ответственности властных субъектов и отсутствием реального интереса к их решению [1].

В результате дорожно-транспортная аварийность приобрела масштабы общенационального бедствия, требующего консолидации усилий всех институтов гражданского общества, приоритизации соответствующих направлений государственной политики и коренных изменений в системе отраслевого управления. Необходимость внедрения инновационных методик, совершенствования законодательства, а также развития международного сотрудничества становится очевидной.

Ключевым инструментом обеспечения законности и порядка в сфере безопасности дорожного движения выступает государственный контроль. Несмотря на развитие общественных институтов и расширение сферы самоуправления, именно государство остается главным гарантом комплексного, регулярного и обязательного контроля в данной области. Только государственные органы обладают необходимыми ресурсами и полномочиями для осуществления контроля на национальном, межрегиональном и межотраслевом уровнях [2].

Вопросы эффективности и организации государственного контроля в сфере безопасности дорожного движения находятся в центре вни-

мания как практиков, так и ученых-правоведов. Однако большинство существующих исследований рассматривают государственный контроль лишь в контексте других проблем транспортной безопасности, не выделяя его как самостоятельный объект анализа. Это обуславливает необходимость проведения комплексного исследования, позволяющего выявить актуальные проблемы отраслевого контроля, проанализировать их на всех уровнях и предложить действенные пути решения.

Наше исследование основано на комплексном анализе нормативно-правовых актов, статистических данных о дорожно-транспортных происшествиях, а также на обзоре научных трудов и практических материалов по вопросам государственного контроля в транспортной отрасли. Использованы методы сравнительного правового анализа, системного подхода к оценке организационных структур и выявления проблемных зон в управлении безопасностью дорожного движения.

Рассмотрим социально-экономическое и культурное значение автомобилизации. Автомобилизация в современном обществе выступает не только как двигатель экономического роста, но и как важный социокультурный феномен. Автотранспорт обеспечивает эффективное функционирование ключевых отраслей экономики - промышленности, сельского хозяйства, торговли, медицины, образования, а также поддерживает деятельность государственных и частных институтов. Без развитой системы автомобильных перевозок невозможны ни стабильная работа предприятий и учреждений, ни полноценное удовлетворение потребностей граждан в мобильности, отдыхе, общении и доступе к услугам.

С точки зрения социокультурного развития, автомобильный транспорт способствует интеграции регионов, преодолению этнических и культурных различий, формированию единого информационного и экономического пространства. Глобально автомобилизация становится фактором мировой интеграции, способствуя развитию международных связей и формированию единого цивилизационного пространства.

Государственный контроль является основным инструментом обеспечения законности и правопорядка в сфере безопасности дорожного движения. Несмотря на развитие общественных институтов, именно государство обладает необходимыми ресурсами и полномочиями для комплексного и регулярного контроля, способного охватить все уровни - от федерального до муниципального [2].

Однако анализ показывает, что существующая система государственного контроля далека

от совершенства. Даже при наличии современных концепций, нормативных актов и организационных преобразований, результаты их функционирования зачастую неудовлетворительны. Причина кроется не только в несовершенстве законодательства, но и в недостаточном исполнении уже принятых норм, а также в отсутствии системного подхода к организации контроля.

Правовые основы государственного контроля в сфере безопасности дорожного движения определяются Конституцией РФ, федеральными законами, подзаконными актами и положениями об органах исполнительной власти. За последние годы нормативная база претерпела значительные изменения: появились новые направления контрольной деятельности, уточнены задачи и функции субъектов контроля, устранены некоторые правовые коллизии. Однако эти изменения происходят слишком медленно и часто носят фрагментарный характер, не формируя единой концептуальной системы [4].

Большинство аспектов государственного контроля регулируются ведомственными актами, что приводит к разнородности и несогласованности правоприменительной практики. Особенно остро ощущается дефицит правового регулирования в вопросах ведомственного контроля, межведомственного взаимодействия, сертификации транспортных средств и распределения полномочий между различными органами власти.

В законодательстве также присутствуют противоречия и коллизии. Например, законы «О дорожном движении» [5] и «Об автомобильном транспорте» [6] относят органы местного самоуправления к системе государственного контроля, несмотря на их негосударственный статус, в то время как некоторые министерства и ведомства, осуществляющие ведомственный контроль, остаются вне правового поля.

Не менее серьезной проблемой является несовершенство организации системы контроля. Действующее законодательство содержит противоречивые положения относительно субъектов контроля, их полномочий и сфер ответственности. В результате круг участников контроля чрезвычайно широк: от главы государства до местных исполнительных органов, от профильных министерств до специализированных инспекций.

Система государственного контроля, по сути, состоит из трех уровней:

- Общие органы государственной власти (Президент, Кабинет Министров, органы исполнительной власти субъектов РФ и местного самоуправления), осуществляющие общий надзор и координацию;
- Отраслевые органы (Министерство инфраструктуры, Министерство образования,

Министерство здравоохранения и др.), для которых обеспечение безопасности дорожного движения не является основной функцией, но которые вовлечены в процесс в рамках своей специализации;

- Специализированные органы (Государственная автомобильная инспекция МВД, Государственная инспекция по безопасности на наземном транспорте, Служба международных автомобильных перевозок), для которых контроль в сфере безопасности дорожного движения – основное направление деятельности.

Однако эти звенья функционируют изолированно, зачастую без должной координации и обмена информацией, что снижает эффективность всей системы.

Современная система государственного контроля страдает от отсутствия единой концептуальной модели нормотворчества. Между нормативно-правовыми актами отсутствует строгая иерархия, четкое разграничение сфер действия и логическая последовательность принятия. Это приводит к дублированию функций, пробелам в регулировании и затрудняет практическое применение законодательства.

Попытки точечных изменений и принятия новых подзаконных актов не приводят к желаемому результату, поскольку эффективность каждого такого мероприятия нивелируется общим несовершенством правовой базы и организационной структуры.

Для преодоления существующих проблем требуется не просто оптимизация отдельных нормативных актов, а проведение глубокой реформы, направленной на интеграцию законодательства в единый комплекс с четкими принципами организации, функционирования и развития системы контроля. Ключевым этапом такой реформы должно стать принятие специализированного закона о публичном контроле на автомобильном транспорте, который определит исходные основы, цели, приоритеты и структуру отраслевого контроля.

Кроме того, необходимо: внедрять современные информационные технологии для автоматизации процессов контроля и анализа данных о ДТП; развивать межведомственное взаимодействие и обмен информацией между всеми участниками системы; повышать уровень профессиональной подготовки кадров, участвующих в организации и осуществлении контроля; привлекать общественные институты к мониторингу и профилактике нарушений, а также к формированию культуры безопасного поведения на дорогах.

Проведенный анализ показывает, что существующая система государственного контроля за

безопасностью дорожного движения далека от совершенства. Несмотря на определённые успехи в развитии нормативно-правовой базы и появление новых направлений контрольной деятельности, законодательство остаётся фрагментарным, зачастую противоречивым и не обеспечивающим необходимой системности. Существенные пробелы наблюдаются в вопросах ведомственного и межведомственного контроля, сертификации транспортных средств, а также в определении статуса и полномочий субъектов контроля. Организационная структура системы также страдает от избыточной разобщённости, отсутствия четкой координации и эффективного обмена информацией между различными уровнями и органами власти.

В этих условиях становится очевидным, что точечные изменения и принятие новых подзаконных актов не способны радикально изменить ситуацию. Эффективность любых реформ будет нивелироваться общими недостатками правового и организационного базиса. Для преодоления сложившихся проблем необходима комплексная, системная реформа государственного контроля, предусматривающая интеграцию законодательства в единый, концептуально выстроенный комплекс с четкими принципами организации и функционирования. Ключевым шагом должно стать принятие специализированного закона о публичном контроле на автомобильном транспорте, который определит исходные основы, цели, приоритеты и структуру отраслевого контроля, а также станет фундаментом для дальнейшего развития системы управления безопасностью дорожного движения.

Список литературы:

- [1] Верзилин В. А., Наролина Ю. В. Совершенствование государственного управления в области обеспечения безопасности дорожного движения // РСЭУ. 2018. №2 (41).
- [2] Верзилин В. А., Бычков В. П., Прядкин В. И., Панявина Е. А., Верзилин С. В. Развитие стратегии управления в области обеспечения безопасности дорожного движения // РСЭУ. 2019. №1 (44).
- [3] Капустина Е. Г., Лимарева Е. С. Особенности правоприменительной деятельности ГИБДД МВД России в области обеспечения безопасности дорожного движения: общероссийский и региональный опыт // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2016. №4 (38).
- [4] Майоров В. И., Севрюгин В. Е. Зарубежный опыт разработки целевых комплексных программ по обеспечению безопасности участников дорожного движения // Всероссийский криминологический журнал. 2015. №4.

[5] Федеральный закон от 10 декабря 1995 г. № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения» // Российская газета. - 1995. - 26 декабря. - № 245. - Ст. 4873.

[6] Федеральный закон от 8 ноября 2007 г. № 259-ФЗ «Устав автомобильного транспорта и городского наземного электрического транспорта» // Российская газета. - 2007. - 9 ноября. - № 255. - Ст. 9.

Spisok literatury:

[1] Verzilin V. A., Narolina Yu. V. Covershenstvo vanie gosudarstvennogo upravleniya v oblasti obespecheniya bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya // RSEU. 2018. №2 (41).

[2] Verzilin V. A., Bychkov V. P., Pryadkin V. I., Panyavina E. A., Verzilin S. V. Razvitie strategicheskogo upravleniya v oblasti obespecheniya bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya // RSEU. 2019. №1 (44).

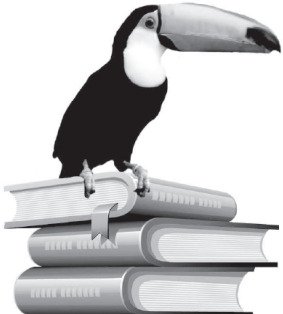
[3] Kapustina E. G., Limareva E. S. Osobennosti pravoprimeritel'noj deyatel'nosti GIBDD MVD Rossii v oblasti obespecheniya bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya: obshcherossiiskij i regional'nyj opyt // Yuridicheskaya nauka i pravoohranitel'naya praktika. 2016. №4 (38).

[4] Majorov V. I., Sevryugin V. E. Zarubezhnyj opyt razrabotki celevyh kompleksnyh programm po obespecheniyu bezopasnosti uchastnikov dorozhnogo dvizheniya // Vserossiiskij kriminologicheskij zhurnal. 2015. №4.

[5] Federal'nyj zakon ot 10 dekabrya 1995 g. № 196-FZ «O bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya» // Rossijskaya gazeta. - 1995. - 26 dekabrya. - № 245. - St. 4873.

[6] Federal'nyj zakon ot 8 noyabrya 2007 g. № 259-FZ «Ustav avtomobil'nogo transporta i gorodskogo nazemnogo elektricheskogo transporta» // Rossijskaya gazeta. - 2007. - 9 noyabrya. - № 255. - St. 9.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ГОРДЕЕВ Дмитрий Викторович,
старший преподаватель кафедры физической подготовки
Рязанского филиала Московского университет
а МВД России имени В.Я. Кикотя,
e-mail: dmitryryazan@yandex.ru

МАНДРЫКА Юлия Сергеевна,
старший преподаватель кафедры уголовного процесса
Ростовского юридического института МВД России,
подполковник полиции, кандидат педагогических наук,
e-mail: v.shanko@mail.ru

ЦАРЁВА Екатерина Сергеевна,
старший преподаватель кафедры специальных дисциплин
Крымского филиала Краснодарского университета МВД России,
кандидат психологических наук,
майор полиции,
e-mail: v.shanko@mail.ru

РОЛЬ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИЦИИ В ПРЕДОТВРАЩЕНИИ МАССОВЫХ БЕСПОРЯДКОВ: ПРАВОВЫЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ

Аннотация. Статья посвящена роли административной деятельности полиции в предотвращении массовых беспорядков, что является ключевым аспектом обеспечения общественной безопасности. Анализируются правовые и организационные аспекты этой деятельности, включая оцепление территорий, координацию с другими службами, такими как национальная гвардия и прокуратура, а также проблемы подготовки сотрудников полиции к работе в условиях повышенной опасности. Особое внимание уделяется проблемам и перспективам совершенствования законодательства для балансирования между необходимостью безопасности и правами личности, а также повышения эффективности работы правоохранительных органов через международное сотрудничество и обмен опытом. Статья предлагает рекомендации по совершенствованию административной деятельности полиции для более эффективного предотвращения и управления кризисными ситуациями.

Ключевые слова: административная деятельность полиции, предотвращение массовых беспорядков, правовые аспекты, организационные аспекты, координация с другими службами, подготовка сотрудников, обеспечение общественной безопасности.

GORDEEV Dmitry Viktorovich,
senior lecturer of the physical training department
of the Ryazan branch of the Moscow University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia
named after V. Ya. Kikot

MANDRYKA Yulia Sergeevna,
senior lecturer of the criminal procedure department
of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
police lieutenant colonel, candidate of pedagogical sciences

TSAREVA Ekaterina Sergeevna,
senior lecturer of the special disciplines department
of the Crimean branch of the Krasnodar University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
candidate of psychological sciences,
police major

THE ROLE OF POLICE ADMINISTRATIVE ACTIVITIES IN PREVENTING MASS DISORDERS: LEGAL AND ORGANIZATIONAL ASPECTS

Annotation. *The article is devoted to the role of administrative activities of the police in preventing mass riots, which is a key aspect of ensuring public safety. The legal and organizational aspects of this activity are analyzed, including cordoning off areas, coordination with other services such as the National Guard and the Prosecutor's Office, as well as the problems of training police officers to work in high-risk situations. Particular attention is paid to the problems and prospects for improving legislation to balance the need for security and individual rights, as well as increasing the effectiveness of law enforcement through international cooperation and exchange of experience. The article offers recommendations for improving administrative activities of the police for more effective prevention and management of crisis situations.*

Key words: *administrative activities of the police, prevention of mass riots, legal aspects, organizational aspects, coordination with other services, training of employees, ensuring public safety.*

Тема массовых беспорядков актуальна для научных исследований в наше время по нескольким ключевым причинам: во-первых, массовые беспорядки представляют собой серьезную угрозу общественной безопасности, общественному порядку и основам конституционного строя, что делает их предметом пристального внимания уголовно-правовой науки и криминологии; во-вторых, в современном мире массовые беспорядки часто являются проявлением системных социальных, экономических и политических кризисов, таких как неравенство в доходах, социальная изоляция, недостаток социальной мобильности, политическая репрессия. Эти факторы способствуют возникновению протестных движений, которые могут перерасти в преступные действия, угрожающие стабильности общества; в-третьих, изучение массовых беспорядков требует междисциплинарного подхода, объединяющего социологические, политические, экономические и правовые аспекты, что позволяет глубже понять причины, формы и методы противодействия этим явлениям как на национальном, так и на международном уровне, в-четвертых, практическая значимость исследований заключается в разработке эффективных мер предупреждения, профилактики и локализации массовых беспорядков, а также совершенствовании уголовного законодательства и правоприменительной практики правоохранительных органов и, в-пятых, современные массовые беспорядки часто сопровождаются использованием новых технологий, включая информационно-коммуникационные, что требует адаптации научных методов и правовых норм к новым вызовам.

Иными словами, массовые беспорядки представляют собой одну из наиболее сложных и опасных форм нарушения общественного порядка. Они могут возникать по различным причинам: социально-экономическим, политическим, этническим или культурным. В таких ситуациях административная деятельность полиции

играет ключевую роль в предотвращении и ликвидации кризисных ситуаций.

Административные меры полиции включают в себя комплекс действий, направленных на обеспечение общественного порядка и безопасности. Это включает оцепление территорий, применение специальных средств и задержание участников беспорядков. Правовые основы этих мер определяются федеральными законами, в том числе Законом «О полиции» [1] и Кодексом РФ об административных правонарушениях (КоАП РФ) [2]

В последние годы законодательство было дополнено новыми статьями, которые предусматривают административную ответственность за организацию массового одновременного пребывания и передвижения граждан в общественных местах, повлекших нарушение общественного порядка. Это указывает на усиление внимания государства к вопросам общественной безопасности и необходимости эффективной административной деятельности полиции в ликвидации массовых беспорядков.

Цель данной статьи — исследовать правовые и организационные аспекты административной деятельности полиции в предотвращении массовых беспорядков, а также предложить рекомендации по совершенствованию этой деятельности.

Правовые основы деятельности полиции по предотвращению массовых беспорядков определяются федеральными законами и другими нормативными актами. Основным законодательным актом, регулирующим деятельность полиции, является Закон «О полиции» [1], который определяет полномочия и обязанности сотрудников полиции. Согласно Закону «О полиции», полиция имеет право проводить оцепление территорий для предотвращения и пресечения массовых беспорядков. Это позволяет локализовать конфликты и предотвратить их эскалацию. Полиция также имеет полномочия по проверке докумен-

тов, задержанию лиц, нарушающих общественный порядок, и применению мер принудительного воздействия в случае необходимости.

Кодекс РФ об административных правонарушениях [2] предусматривает административную ответственность за нарушения общественного порядка, включая участие в массовых беспорядках. Статья 20.2 КоАП РФ устанавливает ответственность за организацию массового одновременного пребывания и передвижения граждан в общественных местах, повлекших нарушение общественного порядка. Это позволяет полиции оперативно реагировать на правонарушения и привлекать виновных к ответственности.

Федеральный закон «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетах» [3] регулирует порядок проведения массовых мероприятий и устанавливает требования к их организации. Полиция должна обеспечивать общественный порядок во время этих мероприятий, а также проверять соответствие их проведения установленным правилам.

Охрана общественного порядка и безопасности при массовых мероприятиях специфична тем, что она осуществляется в условиях большого сосредоточения людей.

Любое массовое мероприятие организуется государственными, профсоюзными органами, спортивными и общественными организациями, но не всегда и не на все массовые мероприятия люди приходят организовано. Они идут колоннами во главе с руководством предприятия и профсоюзным руководством. Безусловно, управлять ими с точки зрения обеспечения охраны общественного порядка намного легче, чем, скажем, болельщиками на футбольном поле, хотя и футбольный матч тоже организуется спортивными обществами. Но на него зрители покупают билеты, как правило, в индивидуальном порядке, и в подавляющем большинстве на футбольном матче люди собираются незнакомые. Если в первом случае мы можем говорить о коллективе, принимающем участие в демонстрации, то во втором случае речь идет о толпе и отдельных компаниях и группах в ней [4,6].

Все это должно учитываться как руководителями органов внутренних дел, организующими охрану общественного порядка, так и личным составом, задействованным на службу. Организационные аспекты работы полиции включают планирование и координацию действий различных подразделений с целью предотвращения и пресечения массовых беспорядков, определяется круг задач, проводится анализ оперативной обстановки и принимаются управленческие решения по организации охраны общественного порядка, оцениваются потенциальные риски и разрабатываются планы действий на случай воз-

никновения чрезвычайных ситуаций. Расставляются оцепление, происходит блокирование и фильтрация участников мероприятий. Для сосредоточения толпы и задержания активных нарушителей привлекаются специальные группы.

После выполнения задач по ликвидации (пресечению) беспорядков подразделения сосредотачиваются в местах временной дислокации, где проверяется состояние оружия, техники и другого имущества, организуются мероприятия по совершению марша в места постоянной дислокации. В последующем подводятся итоги, анализируются и оцениваются результаты проведенной операции [5,6].

Примерами эффективного применения административных мер могут служить различные массовые мероприятия, где благодаря оперативным действиям полиции удалось предотвратить эскалацию конфликтов. Например, во время крупных протестов в Москве в 2019 году полиция успешно использовала оцепление и специальные средства для локализации конфликтов и предотвращения их распространения [7,8].

Исходя из изложенного, мы видим, что правовые и организационные вопросы требуют особого внимания. Поскольку одной из ключевых задач является баланс между обеспечением общественной безопасности и защитой прав граждан, законодательство должно быть достаточно гибким, чтобы полиция могла оперативно реагировать на угрозы, не нарушая при этом права личности. Например, статья 16 Закона «О полиции» [1] предусматривает возможность оцепления территорий, но при этом требует строгого соблюдения закона и уважения прав граждан. Подготовка полицейских - важный фактор успешной деятельности. Регулярные тренировки и семинары по тактике и стратегии предотвращения массовых беспорядков, обучению использованию специальных средств и работе в условиях повышенной опасности необходимы для повышения квалификации сотрудников.

Также стоит отметить проблему информационной безопасности. Полиция должна иметь доступ к современным технологиям для мониторинга социальных сетей и других источников информации с целью своевременного выявления потенциальных угроз. Для этого требуется не только техническое оснащение, но и соответствующая законодательная база, позволяющая собирать и анализировать данные без нарушения прав граждан. Несмотря на существующие правовые нормы, их применение порой вызывает трудности. Для повышения эффективности необходимо совершенствовать законодательство, обеспечивая баланс между безопасностью и правами личности. Кроме того, успех правоприменительной деятельности зависит от качества координации между различными органами власти.

В итоге можно заключить, что административная деятельность полиции в сфере предотвращения массовых беспорядков является ключевым элементом обеспечения общественного порядка и безопасности. Правовые и организационные меры, включая оцепление, координацию действий подразделений и взаимодействие с другими службами, позволяют эффективно локализовать конфликты и предотвращать их развитие.

Список литературы:

[1] Федеральный закон «О полиции» от 07.02.2011 № 3-ФЗ. Текст Федерального закона опубликован в «Российской газете» от 8 февраля 2011 г. № 25, от 10 февраля 2011 г. № 28, в «Парламентской газете» от 11 февраля 2011 г. № 7, в Собрании законодательства Российской Федерации от 14 февраля 2011 г. № 7 ст. 900.

[2] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ. Текст Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях опубликован в «Российской газете» от 31 декабря 2001 г. № 256, в Собрании законодательства Российской Федерации от 7 января 2002 г. № 1 (часть I) ст. 1, в «Парламентской газете» от 5 января 2002 г. № 2-5.

[3] Федеральный закон от 19 июня 2004 г. № 54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях». Текст Федерального закона опубликован в «Парламентской газете» от 22 июня 2004 г. № 111, в «Российской газете» от 23 июня 2004 г. № 131, в Собрании законодательства Российской Федерации от 21 июня 2004 г. № 25 ст. 2485

[4] С.А. Бражникова, А.А. Караваев, А.И. Четверикова. Административная деятельность полиции, учебно-методическое пособие. Интернет-ресурс, URL: http://lib.eioskuimvd.ru/jirbis2/_docs_file/Эл.%20библ.%20для%20учебы/Электронные%20издания%20ВУЗов%20МВД%20России/Административное%20право/2023%20Адм.деят.полиции/Адм.деят.полиции.pdf, (дата обращения 04.04.2025)

[5] Деятельность сотрудников полиции по предупреждению, выявлению и пресечению правонарушений в период проведения публичных и массовых мероприятий/ Интернет-ресурс, URL: <https://kizil74.ru/pravovaya-politika/omvd-rossii-po-kizilskomu-raionu/novosti/novosti-2017-god/deyatelnost-sotrudnikov-policii-po-preduprezhdeniyu-vyyavleniyu-i-presecheniyu-pravonarushenii-v-period-provedeniya-publichnyh-i-massovyh-meropriyatii>, (дата обращения 04.04.2025)

[6] В.Г. Акимов. Особенности действий территориальных органов внутренних дел по предупреждению и пресечению массовых беспорядков // Вестник Московского университета МВД России. 2018. №4.

[7] Московский эксперимент. Интернет-ресурс, URL: <https://reports.ovd.info/mgd-2019>, (дата обращения: 04.04.2025).

[8] Москвичи и гости полиции. Интернет-ресурс, URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4045823>, (дата обращения: 04.04.2025).

Spisok literatury:

[1] Federal'nyj zakon «O policii» ot 07.02.2011 № 3-FZ. Tekst Federal'nogo zakona opublikovan v «Rossijskoj gazete» ot 8 fevralya 2011 g. № 25, ot 10 fevralya 2011 g. № 28, v «Parlamentskoj gazete» ot 11 fevralya 2011 g. № 7, v Sobranii zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii ot 14 fevralya 2011 g. № 7 st. 900.

[2] Kodeks Rossijskoj Federacii ob administrativnyx pravonarusheniyax ot 30 dekabrya 2001 g. № 195-FZ. Tekst Kodeksa Rossijskoj Federacii ob administrativnyx pravonarusheniyax opublikovan v «Rossijskoj gazete» ot 31 dekabrya 2001 g. № 256, v Sobranii zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii ot 7 yanvarya 2002 g. № 1 (chast' I) st. 1, v «Parlamentskoj gazete» ot 5 yanvarya 2002 g. № 2-5.

[3] Federal'nyj zakon ot 19 iyunya 2004 g. № 54-FZ «O sobraniyax, mitingax, demonstraciyax, shestviyax i piketirovaniyax». Tekst Federal'nogo zakona opublikovan v «Parlamentskoj gazete» ot 22 iyunya 2004 g. № 111, v «Rossijskoj gazete» ot 23 iyunya 2004 g. № 131, v Sobranii zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii ot 21 iyunya 2004 g. № 25 st. 2485

[4] S.A. Brazhnikov, A.A. Karavaev, A.I. Chetverikova. Administrativnaya deyatel'nost' policii, uchebno-metodicheskoe posobie. Internet-resurs, URL: http://lib.eioskuimvd.ru/jirbis2/_docs_file/EI.%20bibl.%20dlya%20ucheby/Elektronny'e%20izdaniya%20VUZov%20MVD%20Rossii/Administrativnoe%20pravo/2023%20Adm.deyat.policii/Adm.deyat.policii.pdf, (data obrashheniya 04.04.2025)

[5] Deyatel'nost' sotrudnikov policii po preduprezhdeniyu, vyavleniyu i presecheniyu pravonarushenij v period provedeniya publichnyx i massovyx meropriyatij/ Internet-resurs, URL: <https://kizil74.ru/pravovaya-politika/omvd-rossii-po-kizilskomu-raionu/novosti/novosti-2017-god/deyatelnost-sotrudnikov-policii-po-preduprezhdeniyu-vyyavleniyu-i-presecheniyu-pravonarushenii-v-period-provedeniya-publichnyh-i-massovyh-meropriyatii>, (data obrashheniya 04.04.2025)

[6] V.G. Akimov. Osobennosti dejstvij territorial'nyx organov vnutrennix del po preduprezhdeniyu i presecheniyu massovyx besporyadkov // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2018. №4.

[7] Moskovskij eksperiment. Internet-resurs, URL: <https://reports.ovd.info/mgd-2019>, (data obrashheniya: 04.04.2025).

[8] Moskvichi i gosti policii. Internet-resurs, URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4045823>, (data obrashheniya: 04.04.2025).

Дата поступления рукописи в редакцию: 30.05.2025 г.

DOI: 10.24412/2224-9133-2025-5-324-331

Дата принятия рукописи в печать: 10.06.2025 г.

ХАРЧЕНКО Ирина Владимировна,

доцент кафедры криминалистической техники
Волгоградской академии МВД России,
кандидат биологических наук, доцент,
e-mail: irina_kharchenko_irina@mail.ru

ДУСЕВА Нина Юрьевна,

начальник кафедры криминалистической техники
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент,
e-mail: nina2904@mail.ru

РЫБНИКОВ Василий Владимирович,

доцент кафедры судебно-экспертной деятельности
Восточно-Сибирского института МВД России,
e-mail: r_v_v@inbox.ru

ШЕКОВ Анатолий Александрович,

доцент кафедры химии и процессов горения ФГБОУ ВО
Сибирская пожарно-спасательная академия ГПС МЧС России,
кандидат химических наук, доцент,
e-mail: shek@inbox.ru

СОВРЕМЕННЫЕ СТИЛИ ТАТУИРОВОК: КЛАССИФИКАЦИЯ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Аннотация. В статье рассматривается понятие татуировки, ее идентификационное значение. С учетом разнообразия татуировок, а также широкого спектра их использования в обществе, авторами рассмотрены особенности современных стилей исполнения, техники их нанесения, а также художественных элементов и направленности. Обоснована высокая криминалистическая значимость современных татуировок, характеризующихся индивидуальностью, относительной устойчивостью, неизменяемостью и наглядностью. Представленные результаты исследования могут применяться лицами, проводящими расследование уголовных дел, сотрудниками оперативных подразделений, криминалистами, судебно-медицинскими экспертами при установлении личности преступника или пострадавшего, при опознании погибших или установлении личности неопознанных трупов, при решении вопроса о статусе носителя татуировки в общественной группе, религиозной принадлежности, увлечениях и предпочтениях, особенностях характера.

Ключевые слова: раскрытие и расследование преступлений, татуировка, криминалистически значимая информация, идентификация, классификация.

KHARCHENKO Irina Vladimirovna,

Associate Professor of the Department of Forensic Science
Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Candidate of Biological Sciences,
Associate Professor

DUSEVA Nina Yuryevna,

Head of the Department of Forensic Science
Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor

RYBNIKOV Vasily Vladimirovich,
Associate Professor of the Department of Forensic Science
East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

SHEKOV Anatoly Aleksandrovich,
Associate Professor of the Department
of Chemistry and Combustion Processes
Siberian Fire and Rescue Academy of the EMERCOM of Russia,
Candidate of Chemical Sciences, Associate Professor

MODERN TATTOO STYLES: CLASSIFICATION AND FORENSIC SIGNIFICANCE

Annotation. *The article discusses the concept of tattoo, its identification value. Taking into account the diversity of tattoos, as well as the wide range of their use in society, the authors consider the features of modern styles of execution, techniques of their application, as well as artistic elements and orientation. The high forensic significance of modern tattoos, characterized by individuality, relative stability, immutability and visibility, is substantiated. The presented research results can be used by persons investigating criminal cases, employees of operational units, criminologists, forensic medical experts in identifying the perpetrator or victim, in identifying the dead or unidentified corpses, in deciding on the status of the tattoo wearer in a social group, religious affiliation, hobbies and preferences, character traits.*

Key words: *crime detection and investigation, tattoo, criminalistically significant information, identification, classification.*

Введение

Под современным определением татуировки понимается преднамеренное нарушение целостности эпидермального слоя кожного покрова с помощью специально выполненных колющих, колюще-режущих инструментов с последующим внесением в полученное повреждение красящих веществ с целью получения стойких (несмываемых) и неисчезающих со временем рисунков, символов или иных буквенно-цифровых изображений.

Татуировка является индивидуальной особенностью приметой. В криминалистике татуировка используется как идентифицирующий признак при описании личности, поскольку особенности изображения татуировки и его значение зачастую позволяют следователю, криминалисту, судебно-медицинскому эксперту установить личность преступника или пострадавшего, а также может использоваться при опознании погибших или установлении личности неопознанных трупов. [1; 2].

Идентификационное значение татуировки обусловлено ее относительной устойчивостью, которая обеспечивается введением по кожу красителя, сохраняющего свой цвет за счет химического состава и глубины его введения, а также тем, что при стремлении избавиться от татуировки, независимо от способа ее нанесения, на коже остаются следы (шрамы, ожоги).

На сегодняшний день классические черно-белые татуировки продолжают оставаться наиболее распространенными. Они меньше

«выгорают» и долгое время сохраняют свое индивидуальное изображение. Помимо эстетической, они выполняют другие функции, например, показывают принадлежность и статус носителя татуировки в общественной группе, религиозную принадлежность, увлечения и предпочтения, особенности характера, отображают значимые жизненные события и другое.

Цветные татуировки более яркие, эффектные, отличаются многообразием цветовых сочетаний, хорошо запоминаются при зрительном восприятии. Яркость, стойкость изображений, их художественное исполнение зависит от качества использованных красителей и пигментов, а также от применяемых способов нанесения и профессионализма мастера.

Основными побудительными мотивами нанесения татуировок в криминальной среде можно считать следующие:

- неписанный закон принятия в определенную касту лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы;
- личное самоутверждение в группе осужденных;
- определенное тщеславие, желание показать свое превосходство над другими; свою исключительность и значимость;
- подражание вышестоящим по «рангу» или авторитетным преступникам, которые уже имеют татуировки;
- своеобразное напоминание о местах отбывания наказания, знаки солидарности с кем-либо из преступных группировок;

- своеобразный романтизм тюрьмы;
- демонстрация личного участия в криминальных организациях, в том числе в субкультуре «Арестантский уклад един» проповедующий криминальную идеологию российской организованной преступности (организация АУЕ – Постановлением Верховного суда Российской Федерации от 17 августа 2020 года признана экстремистской организацией).

Современные татуировки – это в большинстве случаев произведения живописи, нанесенные на кожу, отражающие художественные навыки и индивидуальность стиля мастера. Поэтому, по профессионально выполненной татуировке можно установить конкретного тату-мастера (тату - салона) который произвел нанесение изображения. Установление соответствующего мастера (салона) имеет определенное значение для организации оперативно-розыскных мероприятий в отношении обладателей татуировок, связанных, как правило, с установлением их личности и последующего задержания для проведения необходимых следственных действий.

В автоматизированные базы данных современных учетных программно-технических комплексов, таких как автоматизированных информационно-поисковых систем (АИПС) «Портрет», «СОВА», либо системы «Фотоучет», при фиксации учетных данных, лиц представляющих оперативный интерес, в обязательном порядке, указываются сведения о месте расположения татуировок, о их размерных характеристиках, приводятся их непосредственные изображения. Информация о способе нанесения или стиле татуировки не указывается в силу отсутствия соответствующих знаний у операторов АИПС.

В связи с этим целью работы является систематизация стилей исполнения татуировок, техники их нанесения, а также художественных элементов и направленности.

Результаты

В настоящее время татуировки выполняются в различных стилях, наносятся на любой участок тела, как в виде небольшого рисунка, так и масштабного изображения. Основу некоторых стилей современных татуировок составляют традиционные изображения, например, элементы фольклора, этнические рисунки, рисунки, используемые в татуировках моряков, и др. [3].

Среди основных стилей современных татуировок можно выделить следующие:

1. Гравюра. Для стиля характерны различные иллюстрации, мотивы, пейзажи. В основном изображаются элементы средневекового фольклора (гербы, замки, фрески), мифические герои и животные, музыкальные

инструменты, а также автомобили, механизмы, герои фильмов и комиксов и т.д. Выполняются в черном цвете, с присутствием линий и штриховок четкой формы. Наносятся на плечо, предплечье, лопатку, ноги, спину, грудь, редко на локоть, бедро, голень, может охватываться большая часть руки доходя до кисти (также в виде «рукава»).

2. Традишнл (Traditional). Основой стиля являются татуировки моряков. Долгое время данный вид татуировок был популярен в криминальных сообществах. Они просты в исполнении, рисунки имеют яркие толстые контуры и насыщенные краски, а также несут в себе определенное значение. Женщины выбирают изображения ярких бабочек, цветов, ленточек с надписями; мужчины – морские атрибуты, черепа и кресты и пр. Чаще всего наносятся на руку, на лопатки, спину, грудь, ноги.
3. Неотрадишнал (Neo traditional). Для стиля характерны четкие грани и понятные для восприятия довольно реалистичные изображения людей и животных, иногда черепов, предметов в виде поделок и игрушек, вплетенных, например, в куст розы или другое растение. Выполняются как сочетанием различных цветов красок, так и только черными красками. Наносятся на любой участок тела человека.
4. Олд скул (Old School). Для стиля характерны изображения якоря, ленты, ласточки, сердца, розы, черепа или ангела, и их сочетаний (сходны с татуировками моряков). Выполняются очень яркими красками, контуры изображений часто обводятся красителями черного цвета. Татуировки на теле могут располагаться практически в любой его части, наиболее популярные зоны: на предплечье, плече, груди, спине, ноге.
5. Нью скул (New School). Довольно новый стиль, вошедший в моду с середины 80-х годов, и стал неотъемлемой частью молодежных субкультур, экстравагантных и уверенных в себе личностей, показывающих свои предпочтения и внутренний мир. Стиль не имеет жестких ограничений в тематике и отражает философскую направленность, полет фантазии, присутствие юмора. В изображениях присутствует абстракция и граффити, зашифрованность каждого элемента (символа), используются сюжеты и персонажи мультфильмов, комиксов, компьютерных игр; рисунки сердец, крестов, цветов, черепов, огня, ангела; изображения женских профилей, лиц, разных символов тайных обществ и прочее. Рисунки объемные и четкие, хорошо заметны с дальнего

- расстояния, наносятся на любую часть тела: на грудь, предплечье, руку (также в виде «рукава»), спину, бедро и др.
6. Скетч (Sketch). Для стиля характерны изображения в виде набросков, легких эскизов, подобных карандашному рисунку, отличающиеся изящной красотой и художественностью. Это изображения крупных размеров, имеющие монохромные расцветки – портреты, рисунки животных, тонкие узоры и переплетения штрихов, которые со временем могут дополняться, дорабатываться и приукрашиваться. Наносятся на выбранный участок тела, могут быть представлены масштабными картинками во всю спину или во все тело.
 7. Домашний стиль Хендпоук (Hand Poked). Стиль хендпоук (в переводе с английского обозначает буквально «рука»-«протыкать») характеризуется использованием небольших, простых, некрасочных рисунков, имеющих зачастую неприличное содержание. Пользуется популярностью у начинающих тату-мастеров, у подростков, принадлежащих к современным субкультурам, показывает, что носитель не боится отойти от общепринятых норм и стандартов. Рисунки наносятся на разные участки тела как единичные, так и в комбинации с различными тематическими направлениями.
 8. Этника. Рисунки этнического стиля объемны и разнообразны. Татуировки яркие, бросающиеся в глаза, состоят из плавных линий и точек, которые сочетаются с резкими штрихами. Существует несколько видов этники: кельтская (в орнаментах присутствуют элементы разных растений, листья, животные), индийская (точки, мазки, индуистские божества, слоны и коровы), маори, полинезийская, май, новогвинейская (простые фигуры, которые совместно составляют весь рисунок).
 9. Трайбл (Tribble). Татуировки представлены в виде геометрических узоров и различных рисунков с четкими остроконечными, контрастными линиями, контурами и пересечениями (зарисовки животных, цветов, черепов, переплетения, кольца и т.д.) иногда с 3D эффектом. Выполняются в различной цветовой гамме от черного или серого цвета, до ярких цветов. Наносятся на любую часть тела: руки, ноги, плечи, спину.
 10. Полинезия. Татуировки в этом стиле отдаленно напоминают искусство резьбы по дереву. Рисунки состоят из множества замысловатых линий, которые извиваются, пересекаются, заворачиваются в спираль, и располагаются симметрично. Это изображения морских животных, символизирующих полинезийских мифических богов: Бога-рыбу, Бога-акулу, Бога-ящерицу и прочих.
 11. Маори. Стиль основан на традициях племени Маори, согласно которым в изображениях демонстрируется статус владельца, особенности его характера. Символы наносились методом шрамирования. Состав, способ приготовления краски, способ нанесения до сих пор хранятся в секрете. Татуировки изображают символы, знаки и узоры (ящерица, скат, солнце, акула, дельфин, черепаха), либо их сочетание, наносятся на руки, ноги, плечи и в виде «рукавов».
 12. Кельтский. Для стиля характерно наличие рисунков в виде замысловатых узоров, в которые вплетены изображения животных и лица людей. Изображения: кельтский крест, -четырёхлистный клевер, древо жизни, животные, растения, драконы. Наносятся на плечи, предплечье, в виде «рукава».
 13. Языческий. Татуировки в этом стиле используются как обереги, выполняются как в монохромной, так и в цветовой технике. В изображениях используются символы скандинавской либо славянской мифологии. Наносятся на ноги, лопатки, спину, бедра, бока, грудь, шею, плечи, руки, запястья, предплечья. Для скандинавских характерны изображения кораблей, штормов, морских чудовищ, божеств, представителей флоры и фауны, скандинавские узоры, рунические (магические) символы (например, молот Тора, рунический компас, шлем страха). Для славянских – изображения, демонстрирующие обычаи, мифы верования и приметы – это славянские руны и символы (сердце, корона, дерево, дракон и змея, солнце), божества, с растительными и животными мотивами. За основу эскизов часто берут: громовик (солнцеворот, грозовик), молви́нец, цветок папоротника.
 14. Хайда (Haida). Основой стиля стали татуировки с этническими узорами одноименного индейского племени. Применяются краски четырех цветов, имеющих свое значение: черный – означает землю; красный – кровь; синий – небо; зеленый – растительный мир. Комбинируются по два цвета (чаще черно-красный или сине-зеленый), комбинации из трех и четырех цветов не встречаются. Изображения чаще зеркальные, с плавными линиями, с соблюдением точной геометрии. На рисунках изображаются различные животные, птицы и рыбы (чаще тотемы

- индейцев). Наносятся на любую часть тела (женщинам – на руки и ноги; мужчинам – на спину или грудь).
15. В стиле майя и ацтеков. Рисунки и символы татуировок в стиле этих двух племен принципиально отличаются. В стиле ацтеков – это изображения большого размера с утонченным дизайном и разнообразием, в черно-белой и цветной гамме (боги солнца и воинов, ацтекский кинжал, крылатый бог-змея и др. в сочетании со сложными узорами). Наносятся на грудь, спину и живот, практически полностью их закрывая. В стиле майя – это изображения графических слов (глифов), расположенных рядом друг с другом, образующих целые предложения; глифы, означающие четыре элемента (Земля, Воздух, Огонь, Вода); рисунки духов, богов и животных, символы (солнце, ягуар, орел, летучая мышь, календарь майя, компас, пирамида, хрустальный череп, бог смерти и др.). Изображения монохромные или цветные, наносятся на руки, предплечье, плечо, ноги, бок, лопатку.
 16. Биомеханика. Один из молодых стилей, возник в 80-е годы. Основой изображений явились оригинальные работы швейцарского художника Гигера. Татуировки представляют собой механико-реалистичные картины на теле, являются олицетворением кибернетизации и отражением достижений компьютерных технологий. Представляют собой изображения механических деталей, микроплат, чипов, проводов; сцен из компьютерных игр в сочетании с фантастическими существами и т.п. Выполняются в черно-белой гамме. Наносятся на плечи, предплечья или от плеча до локтя, также на ноги и спину.
 17. Органика. Креативный вид татуировки, связан с биомеханикой, но содержит абстрактные элементы, близкие к природным (животные, насекомые, цветы). Используется яркая палитра красок (в некоторых случаях с цветными пигментами) с 3D-эффектами. Наносятся на руку или плечо, реже в виде «рукава».
 18. Биоорганика. Стилль является разновидностью стилей Биомеханика и Органика. Рисунки представляют собой абстрактное отображение союза природных и человеческих элементов. Выполняются в ярких, насыщенных цветах, с тщательной проработкой контура и теней рисунка.
 19. Стиппанк. Стилль также связан с биомеханикой, но изображаются паровые двигатели, механизмы с шестеренками и рычагами, обилие почерневшего от времени металла в сочетании с человеческими органами (человек-механизм). Наносятся на любую часть тела или в виде «рукава»: у женщин – плечи, щиколотки, ступни; у мужчин – руки и торс.
 20. Реализм. Стилль характеризуется высокой художественностью, точностью и реалистичностью изображения, прорисованностью каждого штриха и деталей рисунка. Основой служат изображения или фотографии близких и знаменитых людей, актеров, дополненные изображениями зверей и растений. Выполняются в любой цветовой гамме. Наносятся на различные части тела, чаще на грудь, в виде «рукава», на спину.
 21. Акварель. Рисунок напоминает акварельную живопись на теле человека. Изображения выполняются в любых тонах и цветовых гаммах, в виде обычных узоров и гармоничных, полноформатных образов. Размеры рисунков от совсем маленьких до изображений, растягивающихся по всему телу.
 22. Леттеринг (Lettering) (с английского «письмо», «надпись»). Для стиля характерны эскизы с различными шрифтами (латинский, готический, кельтский, графический или граффити, китайские иероглифы и др.) – это отдельные буквы, слова, фразы или фрагменты текста. Наносятся на руки, предплечья, запястье, ноги, живот, место под ключицей. Выполнены обычно в черном цвете.
 23. Минимализм. Стилль характеризуется изображениями, состоящими из простых и элегантных композиций геометрической формы, минимальной цветовой гаммой, малыми размерами. Наносятся изображения различных символов, животных, цветов, иллюстраций из книг.
 24. Трэш полка (Trash polka). Изображения выполняются в красных и черных тонах. Символизируют смерть, разложение, вульгарность, страх.
 25. Графика. Техника выполнения рисунка – в насыщенно-черном цвете с четкими контурами и тенями в виде линейной штриховки. Отображаются идеи классических старинных гравюр: различные животные (волки) либо насекомые (стрекозы), графические рисунки на вольную тему, растительный мир (розы, пальмы, различные деревья).
 26. Геометрия. Изображения геометрических татуировок выглядят как простой набор фигур (круг, квадрат, треугольник, прямоугольник и др.) и представляют собой геометрический эскиз с простыми и четкими линиями, с множеством острых углов и ломаных линий, вплетенных в узоры. Это рисунки с определенным сюжетом, выполненные без искажений, с математической

- точностью (цветы, животные, женская фигура и пр.). Наносятся на любой участок тела (мужчинам – на грудь, плечо и предплечье; женщинам – на руки, лодыжки, спину, ягодицы).
27. Абстракция. Изображения имеют произвольные геометрические формы и различные цветовые гаммы. Выполняются в контрастных тонах (например, в красно-чёрной гамме) с обилием острых углов и правильных фигур; либо с мягким оттенком и плавными контурами. Наносятся на разные части тела: кисти рук, плечи и предплечья, в виде «рукава».
28. Миниатюра. Небольшой неброский рисунок, нанесенный на маленький участок тела. Изображения лаконичные: самолеты, корабли, символы родных мест, созвездия, луна, сердечки, абстрактные узоры и надписи в виде штрих-кода. Выполняются в традиционном черном цвете, иногда добавляют цветные краски. Наносятся на шею, лодыжку, запястье, плечо, ключицу, живот, грудь, а также на пальцы рук и ног или даже за ушами.
29. Чикано. В основу стиля легли мотивы латиноамериканских татуировок, которые делались для лиц, принадлежащих к различным преступным группировкам и бандам. Определенные нательные рисунки использовались как опознавательные знаки членов этих группировок. Рисунки имеют четко оформленные контуры, выполняются черной тушью.
30. Блэкворк (Blackwork). Характерная особенность стиля это нанесение черной краски на большие участки тела (например, черный квадрат). Чаще всего этот стиль совмещается с другими. Может использоваться для сокрытия неудавшейся или иной татуировки. Самыми распространенными считаются геометрические фигуры, полностью залитые черной краской.
31. Дотворк (Dotwork). Главная особенность стиля – это своеобразная точечная технология выполнения татуировки. Рисунки чаще всего в виде узоров различной сложности и геометрической формы. Используют краски красного и черного цвета.
32. Лайнворк (Linework). Главной особенностью стиля является наличие в татуировке прямых линий, которые складываются в определенный рисунок (звери, геометрические фигуры, персонажи фильмов, мультфильмов, комиксов и т.д.). Наносятся красителями любых цветов, но чаще всего черного и красного цвета.
33. Орнаментальный (Ornamental). Особенность стиля – отчетливые, четкие линии, рисунок напоминает резьбу по дереву. Элементы рисунка разнообразны: плетёнки, спирали, волны, кельтский крест, узел и др.; ломанные и прямые геометрические элементы; в полинезийском направлении стиля используется морская и растительная тематика (папоротники, акулы, черепахи, совы, а также луна и солнце).
34. Барокко. В изображениях стиля преобладают роскошное выражение деталей и большое количество декоративных элементов. Рисунки представляют собой целостную картину, состоящую из сочетания причудливых фигур и странных оттенков цветов, множества узорчатых и ажурных элементов, сложных орнаментов.
35. Японский. Рисунки основаны на восточных мотивах – это изображения Будды, эскизы масок (демонические, самурайские и Ханья), самураев, тигров, драконов, цветов, змей, жабы, баку (мифический монстр), манэки-нэко («манящий кот») и другие. Фоном рисунков могут быть витражи, орнаменты, горные вершины. Цветовая гамма: черно-белые и цветные. Наносятся на плечо, предплечье, кисти рук, шею, грудь, спину, ноги, руки (в виде «рукава»).
36. Ориентал. Ориентальный стиль одна из разновидностей японского стиля. Тематика связана с восточной культурой – это изображения драконов, рыб, гейш, воинов, флоры и фауны, используются также геометрические узоры из различных несовместимых предметов с симметричными повторениями и четкими контурами. Цветовая гамма разнообразна от черно-белых изображений, до цветных с различным сочетанием ярких красок. Масштабный рисунок (с плотным закрашиванием) наносится на плечо, предплечье, руку в виде «рукава», зону над грудью, лопатку, спину, может охватывать несколько частей тела одновременно, различные участки тела.
37. Ирэдзуми. Другое слово для обозначения традиционной японской татуировки – хори-моно – буквально означает «набивание, гравирока». Татуировка выглядит как костюм, покрывает, как правило, большую часть тела, узор многоцветен, сложен, символичен по содержанию. Отличаются яркостью цвета и тщательной прорисовкой деталей.
- Следует заметить, что в криминальном мире Японии, также как и в российском, получило значительное распространение нанесение татуировок в кругу преступных сообществ. Якудза – это

организованная преступность в Японии. Представителя якудзу достаточно легко узнать именно по большим цветным татуировкам на все тело (способами, указанными выше). Причем, у каждой татуировки также есть свой смысл, и оябун – глава, обязательно накажет, если член группы набьет себе татуировку, которой не заслуживает. Так наносить татуировку дракона или тигра имеет право главы клана или самые близкие члены, рыба кои – распространённая татуировка якудзы, которая, как правило, символизирует удачу и везение, красивую девушку во всю спину или богиню Лакшми наносят якудза, занимающийся трафиком похищенных женщин, демон с ножом в зубах — лицо, доказавшее в бою, что прекрасно владеет холодным оружием, собака Фо - якудзу promышляет нелегальным игорным бизнесом.

С учетом роста трансграничной преступности, проникновением криминальных элементов на территорию Российской Федерации со стороны стран ближнего и дальнего зарубежья, тема исследования скрытого значения татуировок, отдельных элементов татуировок требует обособленного исследования с привлечением в т.ч. и иностранных специалистов.

38. Морские. Отдельная группа татуировок, рисунки которых до сих пор используются моряками в качестве оберегов и как обозначение статуса их профессиональной деятельности, а также в качестве украшения. Это изображения женщин, русалок, дельфинов, черепах, птиц, маяков, спасательных кругов, якорей, кораблей, драконов, различных морских животных (морской дьявол, обитатели подводного мира и пр.). Изображения татуировок имеют свои значения для моряков: например, гарпун (служба на рыболовном флоте); веревка вокруг запястья (палубный матрос, работающий с рыболовными снастями); ласточки (преодоление 5000 морских миль); черепаха (пересечение моряком Экватора); рыболовные снасти, крючки, гарпуны (знак отличия служащего с рыболовного судна или гарпунера); плывущий парусник (символ борьбы и движения к цели, прохождение мыса Горн) и другие. Выполняются в традиционном черном цвете и с добавлением цветных красок. Рисунки наносятся на руки (в основном морские обитатели), ноги, спину и грудь (вид на море).

В российской криминальной среде также присутствует морская тематика, к примеру, изображение «парусника» наносят гастрوليрующие воры, изображение пирата с ножом в зубах, серьгой в ухе – символизирует угрозу со стороны обладателя данной татуировки, чайка – это символ свободы, а якорь – это символ надежды.

Среди множества разновидностей татуировок в последнее десятилетие в моду вошли необычные татуировки, которые состоят из ярких флуоресцентных красок. Техника нанесения «светящихся» («неоновых» или «ультрафиолетовых») татуировок получила активное распространение в 1990-х годах. В тот период при создании изображений использовали чернила, которые содержали фосфор и цинк, представляющие серьезную опасность для организма. Сегодня составы с этим токсичным химикатом практически не используются. Профессиональные тату-салоны перешли на современные пигменты на базе сульфата цинка. В состав многих флуоресцентных красок входит специальный сухой пигмент – люминофор, который используется для художественных целей. Особая техника изготовления красок делает их чувствительными к УФ-лучам, татуировки проявляются только в ультрафиолетовом свете. Также существует множество красок с пигментами-«светонакопителями», они накапливают свет при дневном освещении и светятся в темноте. Среди существующих производителей наиболее безопасной считается краска Chameleon Black Light Tattoo Ink, однако после ее использования на теле остаются небольшие шрамы, повторяющие контур рисунка. Состав пигментов, используемых в красках, с каждым годом совершенствуется, тем не менее ни один из используемых составов на сегодняшний день не получил одобрения, даже при соблюдении всех санитарных требований, поддержания стерильности и регулярной антисептической обработки, нанесение такой татуировки может вызвать сильные аллергические реакции, а в последствии и развитие некоторых видов рака кожи.

Если татуировка сделана качественно, то эффект светящихся в темноте изображений держится в течении такого же времени, как классические татуировки. Со временем флуоресценция татуировок все же может уменьшаться (блекнуть), но полностью не исчезнет и определенные пигменты будут проявляться сероватым или зеленоватым оттенком. Если носитель такой татуировки изменит изображение путем нанесения поверх нее цветного изображения, то изображение будет выглядеть менее насыщенным и свечение исчезнет.

Светящиеся (ультрафиолетовые) татуировки наносятся на различные участки тела и в зависимости от использованных красителей и чернил, по-разному проявляются на коже человека. Рисунки могут быть разных размеров и для их создания наибольшее распространение получили такие стили, как каллиграфия, лайнворк, гравюра и геометрия.

В настоящее время существует несколько видов подобных татуировок:

1. «Светящиеся» татуировки - изображения заметны при дневном освещении и выглядят либо как обычный рисунок, либо имеют чаще всего белый цвет с сероватым оттенком. В темноте и под воздействие УФ-лучей они начинают светиться, краски становятся более яркими и насыщенными.
2. «Неоновые» татуировки – рисунки на коже невидимые при дневном освещении, но в темноте под неоновым светом или в УФ-освещении приобретают яркое свечение.

С точки зрения техники исполнения неоновые татуировки могут наноситься двумя способами:

- стандартная татуировка выполняется с применением типовых инструментов (машинки, модуля или иглы), пигмент вводится под кожу, а затем под ультрафиолетовой лампой наносится неоновая краска;
- временная татуировка выполняется путем распределения пигмента по поверхности кожи тонким роллером, без введения под кожу (устойчивость красящего вещества составляет 10-14 дней, в случае необходимости удаляется раствором на основе спирта).

Неоновые татуировки наносятся на различные участки тела, при надлежащем уходе могут сохраняться много лет, не выцветая и не теряя своих свойств.

Существует два основных типа неоновых татуировок:

- светящиеся в темноте татуировки, для нанесения которых используются чернила, поглощающие ультрафиолетовый свет и излучающие его в течение определенного периода времени, создавая эффект свечения в темноте;
- флуоресцентные татуировки, которые выполняются чернилами, которые поглощают видимый свет и излучают его на другой длине волны, создавая яркий, сияющий эффект.

Использование специальных знаний и навыков применения технико-криминалистических средств может способствовать обнаружению невидимых и слабовидимых татуировок. При освещении участков кожи УФ-лампами или УФ-фонариками такие татуировки становятся заметными.

Заключение

Резюмируя вышесказанное можно утверждать, что классификация татуировок – дело чрезвычайно сложное, в силу определенной временной изменчивости, как техники исполнения, так и их смыслового содержания. Тем не менее даже минимальный уровень знаний по данной тематике несомненно у сотрудников органов внутренних дел, проводящих дознание в рамках конкретных уголовных, административных, розыскных дел, будет способствовать установлению личности лиц, имеющих оперативный интерес, способствовать своевременному раскрытию преступлений и более полному и их всестороннему расследованию, что в конечном итоге, хоть и незначительно может снизить количество не реализованных дел.

Список литературы:

[1] Харченко И.В., Дусева Н.Ю. Татуировка как признак внешности человека и ее криминалистическое значение // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2024. № 2(70). С. 126–133.

[2] Харченко И.В., Дусева Н.Ю., Кузовлев В.Ю. Криминальные (уголовные) татуировки: понятие и криминалистическое значение // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2024. № 3(71). С. 61–65.

[3] Давыдов Е.В., Финогенов В.Ф. Современные татуировки: виды, классификация, криминалистическое значение // Судебная экспертиза. 2018. № 3 (55). С. 74–83.

Spisok literatury:

[1] Xarchenko I.V., Duseva N.Yu. Tatuirovka kak priznak vneshnosti cheloveka i ee kriminalisticheskoe znachenie // Vestnik Vserossijskogo instituta povыsheniya kvalifikacii sotrudnikov Ministerstva vnutrennix del Rossijskoj Federacii. 2024. № 2(70). S. 126–133.

[2] Xarchenko I.V., Duseva N.Yu., Kuzovlev V.Yu. Kriminal'ny'e (ugolovny'e) tatuirovki: ponyatie i kriminalisticheskoe znachenie // Vestnik Vserossijskogo instituta povыsheniya kvalifikacii sotrudnikov Ministerstva vnutrennix del Rossijskoj Federacii. 2024. № 3(71). S. 61–65.

[3] Davy'dov E.V., Finogenov V.F. Sovremenny'e tatuirovki: vidy, klassifikaciya, kriminalisticheskoe znachenie // Sudebnaya e'kspertiza. 2018. № 3 (55). S. 74–83.

МАГОМЕДОВ Абдурахман Маллаевич,
доктор биол.наук, профессор,
зав.кафедрой медицинской биологии,
e-mail: mail@law-books.ru

АБДУЛГАЛИМОВА Гурият Нурахмедовна,
к.пед.н, доцент кафедры медицинской биологии ФГБОУ ВО
«Дагестанский государственный медицинский университет»,
Россия, г. Махачкала,
e-mail: mail@law-books.ru

СЕДИРОВА Зухра Маратовна,
Студентка педиатрического факультета,
e-mail: mail@law-books.ru

АХМЕДОВА Мажидат Абдулвагабовна,
Студентка педиатрического факультета ФГБОУ ВО
«Дагестанский государственный медицинский университет»,
Россия, г. Махачкала,
e-mail: nery22@bk.ru

ВЛИЯНИЕ ПЕПСИНА В СЫРЕ

Аннотация. Данная статья рассматривает роль пепсина в сыроделии, описывая его применение в качестве коагулянта молока и влияние на формирование текстуры, вкуса и аромата сыра. Анализируется механизм действия пепсина на казеин, а также факторы, влияющие на эффективность процесса коагуляции, такие как концентрация фермента, температура, pH и наличие ионов кальция. Обсуждаются преимущества использования пепсина, включая доступность и активность в кислой среде, а также влияние на качество сыра в зависимости от чистоты фермента, дозировки и условий коагуляции. Кроме того, затрагиваются современные тенденции, такие как использование рекомбинантного пепсина. **Ключевые слова:** пепсин, казеин, сыроваренье, фермент свёртывания молока, текстура сыра, биохимия.

Ключевые слова: пепсин, казеин, сыроваренье, фермент свёртывания молока, текстура сыра, биохимия.

MAGOMEDOV Abdurakhman Mallaevich,
Doctor of Biological Sciences, Professor,
Head of the Department of Medical Biology

ABDULGALIMOVA Guriyat Nurakhmedovna,
Ph.D., Associate Professor, Department of Medical Biology,
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
“Dagestan State Medical University”
Russia, Makhachkala

SEDIROVA Zukhra Maratovna,
Pediatric student

AKHMEDOVA Mazhidat Abdulvagabovna,
Student of the pediatric faculty of the Federal State Budgetary
Educational Institution of Higher Education
“Dagestan State Medical University,”
Russia, Makhachkala

INFLUENCE OF PEPSIN IN CHEESE

Annotation. *This article examines the role of pepsin in cheesemaking, describing its use as a milk coagulant and its influence on the formation of cheese texture, taste, and aroma. The mechanism of pepsin's action on casein is analyzed, as well as factors affecting the efficiency of the coagulation process, such as enzyme concentration, temperature, pH, and the presence of calcium ions. The advantages of using pepsin are discussed, including its availability and activity in an acidic environment, as well as its impact on cheese quality depending on the purity of the enzyme, dosage, and coagulation conditions. In addition, modern trends are touched upon, such as the use of recombinant pepsin. Keywords: pepsin, casein, cheesemaking, milk-clotting enzyme, cheese texture, biochemistry.*

Key words: *pepsin, casein, cheesemaking, milk-clotting enzyme, cheese texture, biochemistry.*

Цель статьи:

Обсудить технологические аспекты: Детально рассмотреть применение пепсина в сыроделии, оптимальные условия его использования, влияние на выход и качество сыра.

Поделиться результатами исследований: Представить научные данные о свойствах пепсина, сравнить его эффективность с другими коагулянтами, предложить новые методы применения.

Продвигать инновации: Рассказать о новых видах пепсина, технологиях его производства и применения в сыроделии.

Развееьть мифы и предубеждения: Объяснить, что пепсин – безопасный и широко используемый фермент в сыроделии, развеять опасения по поводу его животного происхождения и влияния на вкус сыра.

Расширить кругозор: Рассказать о разных способах производства сыра, о роли пепсина в этом процессе, о его преимуществах и недостатках по сравнению с другими коагулянтами (например, реннином).

Помочь потребителю сделать осознанный выбор: Дать информацию о том, как определить сыр, сделанный с пепсином, на что обращать внимание при покупке, какие вкусовые характеристики можно ожидать.

Пепсин является важнейшим компонентом в процессе производства сыра, входящим в состав сычужного фермента. Этот фермент получают из слизистой оболочки сычуга (отдела желудка) телят, которые уже начали употреблять грубую пищу.

Основные функции пепсина в сыроварении:

Важное условие - пепсин необходимо использовать только в свежем виде, так как от этого зависит качество конечного продукта. На крупных производствах для каждого вида сыра существуют специальные технологические карты с указанием точного количества необходимого пепсина. [1]

Рассмотрим механизм его действия:

Основной компонент молока, с которым взаимодействует пепсин - это казеин (белок),

содержание которого в коровьем молоке достигает 3%. Следовательно пепсин является незаменимым ферментом в сыроделии, который запускает процесс преобразования молока в сыр путем коагуляции белковых компонентов.

Обеспечивает правильную текстуру готового продукта, процесс позволяет получить качественный сгусток. Из 1 литра молока получается 200-300 г готового сыра и в готовом сыре остается в ничтожных количествах сгусток, который присутствует в желудочном соке.

Пепсин гидролизует пептидные связи в белке молока – казеине, специфически расщепляя κ -казеин. Это приводит к дестабилизации мицелл казеина и их агрегации, формируя молочный сгусток. Процесс коагуляции под действием пепсина зависит от ряда факторов, включая концентрацию фермента, температуру, pH молока и наличие ионов кальция.

Текстура сыра во многом определяется тем, как именно пепсин действует на молочные белки. Чем более эффективно фермент расщепляет казеин, тем плотнее и менее влажным может быть конечный продукт. Влияние пепсина на текстуру также зависит от времени созревания сыра — в процессе старения ферменты продолжают воздействовать на белки, что влияет на аромат, вкус и текстуру сыра. Вкус сыра также может изменяться в зависимости от того, какие молекулы образуются в результате активности пепсина. Фермент расщепляет молекулы белков, что приводит к образованию аминокислот и пептидов, которые могут придавать сыру специфические ароматы и вкусы. Поэтому процесс сыроварения с использованием пепсина играет важную роль не только в текстуре, но и в органолептических характеристиках сыра. [2]

Современные подходы к использованию пепсина

Современная сыроваренная промышленность использует как традиционный пепсин животного происхождения (из желудков телят), так и его синтетические аналоги.

Микробный пепсин, получаемый с помощью генно-инженерных технологий, приобретает все

большую популярность, так как он имеет более широкий спектр применения и может быть использован для создания сыров, которые подходят для вегетарианцев. Использование микробного пепсина дает возможность улучшить технологические параметры производства, а также создать сыры с уникальными свойствами. Кроме того, микробный пепсин может быть более устойчивым к различным условиям процесса производства, что делает его удобным для массового производства. [3]

Давайте рассмотрим различия в текстуре и вкусе сыров в зависимости от используемого коагулянта или добавки:

Сыр с пепсином: Может иметь слегка горьковатый привкус, особенно при длительном созревании. Текстура может быть менее эластичной, иногда немного рыхлой или крошащейся, по сравнению с сырами на реннине.

Сыр с реннином (сычужный фермент): Обладает более чистым, сливочным, нежным вкусом. Текстура обычно более эластичная, упругая, гладкая.

Сыр с тахи́ни: Тахи́ни не используется как коагулянт. Если тахи́ни добавляется в уже готовый сыр, то он приобретает ореховый вкус и более кремообразную, иногда даже пастообразную текстуру.

Сыр с кальциевым хлоридом: Сам по себе кальциевый хлорид не влияет на вкус, но он способствует лучшему створаживанию молока, что может положительно сказаться на текстуре сыра, делая ее более плотной и упругой.

Сыр с уксу́сом: Уксус, как и другие кислоты (например, лимонный сок), может использоваться для створаживания молока. Сыры, сделанные с использованием уксуса, часто имеют кисловатый привкус и более рассыпчатую, зернистую текстуру. Они обычно не подвергаются длительному созреванию. Такие сыры часто используются в выпечке или в качестве основы для других блюд.

Важно понимать, что вкус и текстура сыра зависят не только от коагулянта, но и от множества других факторов, таких как тип молока, технология производства, время созревания, добавки и т.д. Поэтому даже сыры, сделанные с одним и тем же коагулянтом, могут значительно отличаться друг от друга. [4]

По результатам опроса, проведенного среди студентов Дагестанского государственного медицинского университета, сыр, изготовленный с использованием пепсина, получил высокие оценки благодаря приятному вкусу, привычной текстуре, сливочности сыра, твердости и характерному аромату.

Вместо пепсина для свертывания молока при производстве сыра можно использовать

несколько других ферментов или натуральных добавок. Вот несколько популярных заменителей пепсина:

1. Реннин (ренин)

Реннин — это фермент, который часто используется в сыроварении и является основным заменителем пепсина. Он обычно получается из желудков молочных телят, хотя также доступны микробные и растительные формы реннина. Реннин действует аналогично пепсину, разрушая белки молока, в частности казеин, что приводит к образованию сгустка. Это самый распространенный заменитель пепсина в сыроварении.

Примечание: Микробный и растительный реннин (например, получаемый из грибов или растений) подходит для вегетарианцев и может быть использован в производстве сыра без использования животного происхождения ферментов.

2. Ферменты растительного происхождения

Некоторые растения содержат ферменты, которые могут использоваться в сыроварении для свертывания молока:

Фига (инжир): Фига содержит ферменты, которые обладают коагулирующим действием и могут быть использованы для свертывания молока.

Артишок: Листья артишока содержат ферменты, которые могут использоваться для свертывания молока, аналогично пепсину.

Гороховый фермент: В некоторых странах извлеченный из гороха, для создания растительных сыров использует растительный фермент.

3. Лимонный сок или уксус

Если вы хотите заменить пепсин в сыроварении в домашних условиях и сделать сыр без использования ферментов, можно использовать кислоты, такие как лимонный сок или уксус. Эти вещества могут подкислять молоко и вызывать сворачивание казеина. Это метод подходит для приготовления мягких сыров, таких как рикотта или панир.

Примечание: Этот способ не даст такой плотности и текстуры, как использование пепсина или реннина, но может быть хорош для простых домашних сыров.

4. Тахи́ни (паста из кунжута)

Тахи́ни — это паста, получаемая из кунжутных семян, которая обладает коагулирующими свойствами.

Она также используется в некоторых рецептах сыра как альтернатива ферментам, включая пепсин.

5. Калийный или кальциевый хлорид

Иногда для создания твердой массы используется кальциевый хлорид, который помогает в коагуляции молочных белков, особенно в комби-

нации с другими кислотами или ферментами. Этот метод обычно применяется в промышленном производстве сыров.

Доступность: В некоторых регионах ферменты животного происхождения (пепсин реннин) могут быть дорогими или труднодоступными, в таком случае растительные и кислотные заменители могут быть хорошим выбором.[5]

Качество сыра, полученного с использованием пепсина, зависит от ряда факторов, включая:

Чистота фермента: Присутствие примесей в препарате пепсина может негативно повлиять на вкус и аромат сыра.

Дозировка: Неправильная дозировка пепсина может привести к образованию слишком мягкого или слишком твердого сгустка, что скажется на текстуре сыра.

Условия коагуляции: Температура, pH и время коагуляции влияют на эффективность действия пепсина и, следовательно, на качество сыра.

Взаимодействие с другими ингредиентами: Пепсин может взаимодействовать с другими компонентами молока и стартовых культур, влияя на вкус, аромат и текстуру сыра.[6]

Рецепт: Приготовление домашнего сыра с пепсином

Ингредиенты:

Молоко (желательно свежее, необработанное) — 4 литра

Пепсин (в порошке или в жидкой форме) - 1/4 чайной ложки (или в соответствии с инструкциями на упаковке)

2 Соль — по вкусу (примерно 1-2 чайные ложки)

Лимонный сок или уксус — 2-3 столовые ложки (для подкисления молока, если необходимо)

Вода — 1/4 стакана (для растворения пепсина)

Оборудование: кастрюля с толстым дном, термометр для измерения температуры молока марля или сырная ткань для отцеживания, формы для сыра (по желанию), ложка или венчик для перемешивания.

Этапы приготовления:

1. Подготовка молока: Налейте молоко в кастрюлю и поставьте на плиту. Постепенно нагревайте молоко до температуры 32-35°C. Это оптимальная температура для активации пепсина.

Если молоко не обладает естественной кислотностью, добавьте 2-3 столовые ложки лимонного сока или уксуса, чтобы слегка подкислить молоко. Это поможет пепсину лучше действовать на казеин.

2. Подготовка пепсина: Если пепсин в порошке, растворите его в 1/4 стакана холодной кипяченой воды. Если у вас жидкий пепсин, следуйте инструкции на упаковке для определения правильной дозы. Когда молоко достигнет нужной температуры, добавьте раствор пепсина в молоко и аккуратно перемешайте.
3. Коагуляция молока: После добавления пепсина и перемешивания оставьте молоко при температуре 32-35°C на 45 минут до 1 часа. За это время молоко начнет сворачиваться, образуя сгусток. Вы должны увидеть, как молоко разделяется на густой сгусток и сыворотку.
4. Нарезка сгустка: Когда сгусток сформируется, с помощью ножа или длинного ножа нарежьте его на кубики размером 2-3 см. Это поможет ускорить процесс отделения сыворотки.
5. Отделение сыворотки: Очень аккуратно нагревайте сгусток на слабом огне, чтобы температура не превышала 38-40°C. Это поможет сыворотке отделяться от сырной массы. Через 10-15 минут аккуратно перемешайте сырную массу, чтобы сыворотка продолжала отделяться.
6. Отцеживание и формирование сыра: Когда сыворотка отделится, переложите сырную массу в марлю или сырную ткань, чтобы отделить остатки сыворотки.
7. Завяжите марлю и повесьте на несколько часов, чтобы лишняя сыворотка стекла.
8. Соление и прессование (по желанию): После того как излишки сыворотки стекают, сыр можно слегка посолить. Если вы хотите, чтобы сыр был более плотным, можно поместить его в форму для сыра и слегка прессовать, чтобы придать нужную форму.
9. Завершение процесса: Через несколько часов (или в зависимости от желаемой плотности сыра) сыр можно извлечь из формы и поставить в холодильник для дальнейшего созревания. Время созревания зависит от вида сыра, но для мягких сыров достаточно нескольких часов, а для твердых сортов — несколько дней или недель.

Советы: Важно соблюдать правильную температуру молока и пепсина, так как это влияет на эффективность свертывания молока. Если молоко не сворачивается, возможно, вы добавили недостаточно пепсина или температура была слишком низкой. [7]

В заключение, пепсин остается незаменимым инструментом в сыроварении, обеспечивая как технологическую эффективность, так и высокое качество продукта, что делает его важным

объектом исследования для дальнейших улучшений в производственной практике. Делает процесс приготовления доступным для домашнего использования, положительно влияет на микрофлору кишечника, способствует развитию полезных бактерий, сохраняет максимальное количество питательных веществ, витаминов и микроэлементов, возможность получения правильной текстуры, качество конечного продукта, скорость созревания сыра, количество полезных веществ в готовом продукте, вкусовые характеристики - определяет вкусовые особенности готового продукта, качество продукта - влияет на физические показатели сыра (упругость, способность к разрезанию)

Пепсин в сыроделии играет ключевую роль в процессе створаживания молока.

Список литературы:

- [1] Сайт: <https://www.nature.com/articles/146796a0>
- [2] Pepsin versus Rennet in Cheese Making, Harvey M. Merker
- [3] Malcata, F. X., & Oliveira, J. C. (2008). Cheese Chemistry, Physics and Microbiology. Springer.
- [4] Fox, P. F., & McSweeney, P. L. H. (2004). Advanced Dairy Chemistry: Volume 1: Proteins. Springer.
- [5] Gänzle, M. G., & Follador, S. A. (2012). Fermentation and functional properties of cheeses Focus on the-role of proteolysis. International Dairy Journal, 22(1-2), 87-94

[6] Berger, A. S., & Lema, C. P. (2014). Rennet and its role in the dairy industry: A review of its composition and functionality. Journal of Dairy Science, 97(7), 3833-3843.

[7] Effect of chymosin/pepsin ratio on milk coagulation and physical properties of model cheese - ScienceDirect

Spisok literatury:

- [1] Сайт: <https://www.nature.com/articles/146796a0>
- [2] Pepsin versus Rennet in Cheese Making, Harvey M. Merker
- [3] Malcata, F. X., & Oliveira, J. C. (2008). Cheese Chemistry, Physics and Microbiology. Springer.
- [4] Fox, P. F., & McSweeney, P. L. H. (2004). Advanced Dairy Chemistry: Volume 1: Proteins. Springer.
- [5] Gänzle, M. G., & Follador, S. A. (2012). Fermentation and functional properties of cheeses Focus on the-role of proteolysis. International Dairy Journal, 22(1-2), 87-94
- [6] Berger, A. S., & Lema, C. P. (2014). Rennet and its role in the dairy industry: A review of its composition and functionality. Journal of Dairy Science, 97(7), 3833-3843.
- [7] Effect of chymosin/pepsin ratio on milk coagulation and physical properties of model cheese - ScienceDirect

ЮРКОМПАНИ
www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

ФАКОВ Азамат Мухажидович,
доцент кафедры деятельности ОВД в особых условиях
Северо-Кавказского института МВД России (филиал)
Краснодарского университета МВД РФ,
e-mail: fakov_1984@mail.ru

СПЕЦИАЛЬНО-КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ МЕРЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ФИНАНСИРОВАНИЮ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация. Противодействие преступности включает в себя различные направления и уровни воздействия на нее. Одним из направлений противодействия преступности, в том числе террористического характера, является профилактика ее проявлений. В общем понимании термин «профилактика» толкуется как совокупность мер, направленных на сохранение и укрепление нормального состояния, порядка. Целью деятельности по профилактике преступности является воздействие путем реализации комплекса общих и специальных мер на факторы детерминации преступности и личность преступника на ранних стадиях формирования и реализации преступного поведения.

Специфика финансирования террористической деятельности как системной преступной деятельности, образующей самостоятельную криминальную практику, определяет необходимость реализации комплекса разноплановых мер, направленных как на устранение, ослабление и минимизацию воздействия факторов детерминации данного вида преступной деятельности, так и на лиц, ее осуществляющих.

Ключевые слова: профилактика, противодействие, преступность, финансирование, террористическая деятельность.

FAKOV Azamat Mukhazhidovich,
Associate Professor of the Department
of Internal Affairs Activities in Special Conditions
North Caucasus institute for advanced studies (branch)
of the Krasnodar University of the Ministry
of internal affairs of Russia

SPECIAL CRIMINOLOGICAL MEASURES TO COUNTER TERRORIST FINANCING

Annotation. Crime prevention includes various areas and levels of impact on it. One of the directions of countering crime, including terrorism, is the prevention of its manifestations. In a general sense, the term “prevention” is interpreted as a set of measures aimed at maintaining and strengthening a normal state of order. The purpose of crime prevention activities is to influence, through the implementation of a set of general and special measures, the factors of crime determination and the identity of the criminal at the early stages of the formation and implementation of criminal behavior. The specifics of financing terrorist activities as a systemic criminal activity that forms an independent criminal practice determine the need to implement a set of diverse measures aimed at eliminating, weakening and minimizing the impact of factors determining this type of criminal activity, as well as on those who carry it out.

Key words: prevention, counteraction, crime, financing, terrorist activity.

Существует множество целей противодействия преступлениям, основная из которых – ее минимизация. Одним из методов может выступать в данном случае выявление и ликвидация факторов детерминации преступности. Кроме этого, следует отметить эффектив-

ность воздействия на конкретную личность, которые склонны к совершению преступления, и особенности его поведения.

Отмеченное выше определяет основные направления специально-криминологического противодействия общей преступности, и в част-

ности рассматриваемой категории преступных действий - финансирование террористической деятельности, т.е. осуществление специально-криминологического противодействия на двух уровнях - общем и индивидуальном.

Организационно-правовые меры создают соответствующие базовые предпосылки для реализации специально-криминологических мер противодействия финансированию террористической деятельности. При этом система данных мер характеризуется тесной взаимосвязью и взаимообусловленностью. Специально-криминологические меры органично дополняют организационно-правовые меры противодействия финансированию террористической деятельности, непосредственно воздействуя на криминогенные факторы с целью устранения, ослабления или нейтрализации их воздействия, а также на лиц, вовлеченных или вовлекаемых в совершение противоправного деяния.

Вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что под специально-криминологическим противодействием финансированию террористической деятельности в нашей работе подразумевается определенная работа уполномоченных субъектов, основной целью которой является выявление факторов детерминации указанного вида преступной деятельности, а также способов минимизации их криминогенного воздействия, на выявление лиц, причин и условий совершения такого преступления и способов их устранения, а также установления лиц, вовлеченных или вовлекаемых в нее с целью профилактики, предотвращения и пресечения их преступного поведения.

В соответствии с законом специально-криминологические меры противодействия терроризму, в т.ч. финансированию террористической деятельности, должны соответствовать определенным основополагающим требованиям, а именно: приоритета защиты прав и законных интересов лиц; неотвратимости наказания за осуществление террористической деятельности; системности и комплексности использования политических, информационно-пропагандистских, социально-экономических, правовых и специальных мер и иных мер [1, Ст. 2].

Поскольку финансирование террористической деятельности является элементом системы террористической деятельности и более общей системы терроризма, факторы детерминации данного вида преступной деятельности, соответственно, и меры противодействия ему во многом охватываются системой факторов детерминации и мер противодействия терроризму в целом. Учитывая обширный интерес научного сообщества к проблеме детерминации и противодействия терроризму, целесообразно уделить внимание

мерам, непосредственно направленным на противодействие финансированию террористической деятельности как специфической криминальной практики, реализуемым в то же время с учетом ее системных связей с террористической деятельностью и иными видами преступности.

Как было установлено нами в ходе исследования, в целях финансирования террористической деятельности преступниками используются две группы технологий - технологии без использования финансового инструментария, а также технологии с использованием финансового инструментария, такого, как традиционные и нетрадиционные финансовые учреждения, неформальные финансово-расчетные системы (услуги перевода денег и ценностей (УПДЦ), а также виртуальные активы. При этом на совершение преступлений путем банковских переводов и переводов через альтернативные системы платежей приходится более половины (52%) случаев совершения исследуемого преступления. Также следует учитывать, что одним из наиболее распространенных вариантов комбинирования преступником различных видов технологий финансирования террористической деятельности является сочетание приемов и способов физического перемещения денег или иного имущества при осуществлении сбора средств с использованием различного финансового инструментария, прежде всего, банковских учреждений при осуществлении предоставления средств с целью осуществления террористической деятельности. Указанное обуславливает необходимость реализации технических мер противодействия финансированию террористической деятельности, прежде всего, такими субъектами, как кредитные организации и иные финансовые институты.

Следует отметить, что на необходимость реализации технических мер противодействия обороту финансовых активов, как одну из основных мер противодействия финансированию террористической деятельности, указали 82,6% опрошенных нами экспертов.

Среди технических мер противодействия финансированию террористической деятельности, реализуемых кредитными организациями и иными финансовыми институтами, следует выделить технические меры и процедуры идентификации клиентов, осуществляющих финансовые операции.

Наиболее остро проблема идентификации клиентов, осуществляющих финансовые операции, стоит относительно операций с виртуальными активами [2, С. 101-108.].

Помимо надлежащей идентификации клиента необходима реализации технических мер,

направленных на оценку рисков деятельности клиента и осуществляемых им финансовых операций, в т.ч. финансовых инструментов, используемых для их осуществления.

Всем известно, что крайней формой проявления экстремизма является терроризм, обеспечение противодействия незаконной деятельности, а конкретно финансированию, невозможно без профилактических мер разнообразных проявлений экстремизма [3].

Ранее нами было отмечено, что стратегические направления специально-криминологического противодействия финансированию террористической деятельности, выделяемые в соответствии с объектом воздействия (факторы детерминации преступности и личность преступника) определяют необходимость его осуществления, как на общем, так и на индивидуальном уровнях [4, С. 25-30.].

Индивидуальное предупреждение, как целенаправленное воздействие на сознание и волю, и в конечном итоге на поведение человека, является квинтэссенцией, персональной конкретизацией общесоциальных и специально-криминологических мер противодействия преступности. Основными задачами индивидуального предупреждения преступности выступают следующие: выявление круга лиц, поведение которых свидетельствует о возможности совершения преступлений и их идентификация; изучение данных лиц и установление источников криминогенного воздействия и криминализации их личности; учет данных лиц и разработка методик и осуществление индивидуального прогнозирования их преступного поведения; осуществление индивидуального коррекционного воздействия [5, С. 385.].

Кроме того, одной из мер предупреждения преступной деятельности является систематический анализ результатов реализации мер индивидуального воздействия и последующее контролирование поведения указанных лиц. Данный контроль следует осуществлять в случае осуждения за совершение преступления, и после отбывания наказания.

Реализация мер индивидуального предупреждения преступлений требует соблюдения таких принципов превентивной деятельности, как принципы своевременности и индивидуализации. При этом принцип индивидуализации определяет необходимость учета при осуществлении индивидуального предупредительного воздействия не только особенностей личности конкретного человека, но и специфики преступного поведения, на предупреждение которого данное воздействие и направлено.

При реализации мер индивидуального предупреждения в отношении лиц, вовлекаемых в финансирование террористической деятельно-

сти, необходимо принимать во внимание, что часто в последующем имеет место вхождение такого лица в состав членов террористической организации. Это должно учитываться сотрудниками правоохранительных органов в том числе в связи с возможным использованием данного лица в целях получения информации о составе и деятельности террористической организации.

Следует отметить, что 23,1% опрошенных нами экспертов в качестве одной из основных мер противодействия финансированию террористической деятельности указали на надлежащее методологическое обеспечение субъектов противодействия.

По данным исследования, проведенного А.А. Абрамовой, 69% следователей СК РФ и следователей и оперативных сотрудников органов безопасности испытывали серьезные затруднения при расследовании финансирования терроризма [6, С. 68.].

Прежде всего, необходимо совершенствование методик выявления и расследования фактов финансирования террористической деятельности. При этом сотрудники, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, а также расследование фактов финансирования террористической деятельности, должны быть ориентированы как на применение преступниками технологий, связанных с использованием финансового инструментария, так и на технологии финансирования, не связанные с его использованием.

Как было установлено нами в ходе исследования, основным способом совершения финансирования террористической деятельности все же является личная передача денежных средств (43,5%). Преступления совершаются как правило единолично (87%) в городах (77%), а местом их совершения в половине случаев выступает место жительства преступника (24,5%) или общественные места (22%). Указанное определяет приоритет оперативно-розыскных мер (использования форм и методов оперативно-розыскной деятельности и негласной работы) при осуществлении противодействия финансированию террористической деятельности, особенно на индивидуальном уровне [7, С. 319-326].

Полученные в ходе исследования данные о криминологической характеристике исследуемого вида преступной деятельности позволяют существенным образом усовершенствовать имеющиеся методики выявления и расследования финансирования террористической деятельности и повысить эффективность деятельности правоохранительных органов в указанной сфере.

Таким образом, на основании изложенного можем сделать следующие выводы.

Стратегические направления специально-криминологического противодействия финан-

сированию террористической деятельности, выделяемые в соответствии с объектом воздействия (факторы детерминации и личность преступника), определяют необходимость его осуществления как на общем, так и на индивидуальном уровнях.

Комплекс технических мер противодействия финансированию террористической деятельности, реализуемых кредитными организациями и иными финансовыми институтами, должен охватывать меры и процедуры идентификации клиентов, меры, направленные на оценку рисков деятельности клиента и осуществляемых им финансовых операций, а также меры, выявления и оперативного блокирования операций, потенциально связанных с финансированием террористической деятельности.

Список литературы:

[1] Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» // Собр. законодательства РФ. 2006. № 11. Ст. 1146.

[2] Гаврилин Ю.В., Бедеров И.С. Установление личности владельцев цифровой валюты // Труды Академии управления МВД России. 2021. № 4 (60).

[3] Петрянин А.В. Противодействие преступлениям экстремистской направленности: уголовно-правовой и криминологический аспекты: дис. ... доктора юрид. наук. М. 2014. 501 с.; Базарбаев А.С. Противодействие финансированию терроризма: уголовно-правовой и криминологический аспекты: По материалам Кыргызской Республики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Москва, 2004. 25 с.; Магомедов Д.Д. Противодействие финансированию терроризма: значение зарубежного опыта для российского законодательства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Санкт-Петербург, 2006. 23 с.

[4] Факов А.М. Индивидуальное предупреждение финансирования террористической деятельности // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2024. № 3 (65).

[5] Криминология / Под общ. ред. А.И. Долговой. М., 1997.

[6] Абрамова А.А. Криминалистическая методика расследования финансирования терроризма: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.12. М., 2022.

[7] Игнатов А.Н. Понятие и общая характеристика личности преступника // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2019. Т. 5 (71). № 1.

Spisok literatury:

[1] Federal'nyj zakon ot 6 marta 2006 g. № 35-FZ «O protivodejstvii terrorizmu» // Sobr. zakonodatel'stva RF. 2006. № 11. St. 1146.

[2] Gavrilin Yu.V., Bederov I.S. Ustanovlenie lichnosti vladel'cev cifrovoj valyuty // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. 2021. № 4 (60).

[3] Petryanin A.V. Protivodejstvie prestupleniyam e'kstremskoj napravlenosti: ugovno-pravovoj i kriminologicheskij aspekty: dis. ... doktora yurid. nauk. M. 2014. 501 s.; Bazarbaev A.S. Protivodejstvie finansirovaniyu terrorizma: ugovno-pravovoj i kriminologicheskij aspekty: Po materialam Ky'rgy'zskoj Respubliki: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.08. Moskva, 2004. 25 s.; Magomedov D.D. Protivodejstvie finansirovaniyu terrorizma: znachenie zarubezhnogo opy'ta dlya rossijskogo zakonotvorchestva: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.08. Sankt-Peterburg, 2006. 23 s.

[4] Fakov A.M. Individual'noe preduprezhdenie finansirovaniya terroristicheskoy deyatel'nosti // Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii. 2024. № 3 (65).

[5] Kriminologiya / Pod obshh. red. A.I. Dolgovoj. M., 1997.

[6] Abramova A.A. Kriminalisticheskaya metoda rassledovaniya finansirovaniya terrorizma: dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.12. M., 2022.

[7] Ignatov A.N. Ponyatie i obshhaya xarakteristika lichnosti prestupnika // Ucheny'e zapiski Kry'mskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki. 2019. T. 5 (71). № 1.

АРТЕМЬЕВ Роман Дмитриевич,
студент, Дальневосточный федеральный университет,
Юридическая школа,
e-mail: artemev.rd@dvfu.ru

РУСИНА Олеся Николаевна,
студентка, Дальневосточный федеральный университет,
Юридическая школа,
e-mail: rusina.on@dvfu.ru

МИХАЙЛОВ Макар Сергеевич,
студент, Дальневосточный федеральный университет,
Юридическая школа,
e-mail: mikhailov.ms@dvfu.ru

Научный руководитель:
КИМ Евгения Федоровна,
старший преподаватель кафедры трудового и экологического права
Дальневосточного федерального университета,
e-mail: kim.ef@dvfu.ru

ПРОБЛЕМА ПРАВОВОГО СТАТУСА ПЛАТФОРМЕННЫХ РАБОТНИКОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. Настоящая статья посвящена исследованию правового регулирования платформенной занятости в Российской Федерации и за рубежом. Платформенная занятость рассматривается как динамично развивающийся, но недостаточно урегулированный сегмент рынка труда.

В работе анализируются ключевые характеристики платформенной занятости, включая трёхстороннюю структуру отношений (платформа – исполнитель – клиент), высокую степень гибкости и отсутствие традиционных трудовых гарантий. Также приводятся статистические данные о распространённости платформенной занятости в Российской Федерации и в мировом масштабе.

Особое внимание уделяется противоречиям в судебной практике, связанным с квалификацией отношений между платформами и исполнителями, а именно с определением их правовой природы (трудовые или гражданско-правовые отношения). Проводится сравнительный анализ подходов к регулированию платформенной занятости в Германии, Соединённых Штатах Америки и Китайской Народной Республике.

Кроме того, рассматривается дискуссия о необходимости принятия специального законодательства или внесения изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации для урегулирования отношений в сфере платформенной занятости.

В заключение статьи предлагаются меры по совершенствованию правового регулирования платформенной занятости. В частности, рекомендуется закрепление статуса платформенных работников, а также расширение их социальных гарантий при сохранении гибкости данной формы занятости.

Ключевые слова: платформенная занятость, онлайн-платформы, трудовые отношения, социальные гарантии, регулирование.

ARTEMEV Roman Dmitrievich,
student, Far Eastern Federal University,
Law School

RUSINA Olesia Nikolaevna,
student, Far Eastern Federal University,
Law School

THE PROBLEM OF THE LEGAL STATUS OF PLATFORM WORKERS IN THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. This article is devoted to the study of the legal regulation of platform employment in the Russian Federation and abroad. Platform employment is considered as a dynamically developing but insufficiently regulated segment of the labor market.

The paper analyzes the key characteristics of platform employment, including a three-way relationship structure (platform-performer-client), a high degree of flexibility, and the absence of traditional labor guarantees. Statistical data on the prevalence of platform employment in the Russian Federation and on a global scale are also provided.

Particular attention is paid to the contradictions in judicial practice related to the qualification of relations between platforms and performers, namely, the definition of their legal nature (labor or civil relations). A comparative analysis of approaches to regulating platform employment in Germany, the United States of America, and the People's Republic of China is carried out.

In addition, there is a discussion about the need to adopt special legislation or amend the Labor Code of the Russian Federation to regulate relations in the field of platform employment.

In conclusion, the article suggests measures to improve the legal regulation of platform employment. In particular, it is recommended to consolidate the status of platform workers, as well as expand their social guarantees while maintaining the flexibility of this form of employment.

Key words: platform employment, online platforms, labor relations, social guarantees, regulation.

Внедрение цифровых технологий привело к созданию ранее неизвестных нам видов отношений, возникших между гражданами, заказчиками и цифровыми онлайн платформами с целью выполнения определенных видов работ и услуг. Такая гибкая форма, как платформенная занятость, является простым и доступным способом получения дохода для человека. В 2024 г. в Институте социальной политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» было проведено масштабное исследование российской платформенной занятости, направленное на измерение ее распространенности, социально-демографических и экономических характеристик занятых, а также вклада платформенной занятости в экономическую активность населения. Проведенное исследование показало, что в 2022–2023 гг., согласно оценкам Всемирного банка, комбинирующим информацию из нескольких источников, в платформенную занятость были включены порядка 154–435 млн чел., или от 4,4 до 12% мировой рабочей силы в зависимости от метода их учета. Кроме того наблюдается рост как общего охвата платформенной занятости, так и ее разнообразий, а именно в регулярной и эпизодической. В настоящий момент в России единственным источ-

ником официальных оценок распространенности платформенной занятости является программа обследования рабочей силы (ОРС) Росстата. Согласно данным опросов этой программы и данным Центра стратегических разработок с 2021 по 2023 год тоже отмечается рост занятых платформенных работников. Важно отметить, что для более чем 5 млн человек эта деятельность стала единственным источником заработка. [1]

Таким образом, становится заметно, что платформенная занятость в России растет. В среднем респонденты тратят на нее 10 часов в неделю, но основная занятость требует около 29 часов. Безработные, женщины в декрете и учащиеся чаще рассматривают работу на различных платформах как альтернативу. К основным преимуществам данной формы занятости относятся возможность самостоятельного планирования рабочего времени и дистанционный характер трудовой деятельности. Но есть и недостатки. К их числу по большей части относится нестабильный доход и отсутствие больничных. При этом преимущества платформенной занятости оцениваются более высоко (получают более высокие оценки по 4-балльной шкале поддержки), чем ее недостатки.

Ключевой проблемой в платформенной занятости для всех стран является определение правильного правового статуса платформенно занятых, недопущение дискриминации их прав и предоставление им определенного перечня государственных социальных гарантий, при этом крайне важно сохранить гибкость правового регулирования платформенной занятости. При правовом регулировании этого вида правоотношений существуют риски перекалфикации их в трудовые, что может стать препятствием для развития платформенной занятости.

До настоящего момента не существует универсального нормативно закрепленного в международном поле определения платформенной занятости. Национальные органы управления и международные организации предлагают различные формулировки. Мы выбрали наиболее подходящее определение платформенной занятости из зарубежной юридической литературы.

Платформенная занятость — это нестандартная форма занятости с использованием онлайн-платформ и цифровых технологий для посредничества между индивидуальными поставщиками услуг (исполнителей, зарегистрированных на платформе) и покупателями. [2, с. 10]

Среди основных характеристик платформенной занятости можно выделить: во-первых то, что это оплачиваемая деятельность, организованная через онлайн-платформу. Вторым ключевым признаком является трехстороннее взаимодействие: онлайн-платформа, клиент и исполнитель. Следующим признаком является использование приложения (технологии), принадлежащей онлайн-платформе. Такая работа ведется на контрактной основе, она разбита на задачи и услуги предоставляются по запросу. Что касается приравнивания такого формата работы к традиционным трудовым отношениям, стоит сказать, что платформенная занятость не вписывается в стандартную схему трудовых отношений («работник — работодатель»). На данный момент отношения между исполнителем, предоставляющим услуги от лица платформы, и её владельцем оформляются не трудовым, а гражданско-правовым договором.

Первая попытка отделить платформенную занятость от иных видов отношений в сфере труда была предпринята в законопроекте № 275599-8 «О занятости населения в Российской Федерации» от 11.01.2023, первая редакция которого предусматривала внедрения нового вида занятости — платформенной занятости. Однако из принятой редакции законопроекта данные нормы были исключены. С марта 2024 года рабочая группа экспертного сообщества, бизнеса и Министерства труда и социальной защиты готовит законопроект о регулировании платформен-

ной занятости. Его положения направлены на регулирование отношений между платформой и занятыми в службах такси, доставки еды, грузоперевозок, почтовых и курьерских службах. Регулирование распространится только на информационные системы, которые включены в реестр платформ, ведение которого будет возложено на Федеральную налоговую службу. Согласно законопроекту, отношения между платформой и занятыми не признаются трудовыми и регулируются Гражданским кодексом Российской Федерации. С занятыми на платформе и платформой будет заключаться гражданско-правовой договор. При этом занятым на платформе будет присвоен особый правовой статус, не пересекающийся с правовым статусом самозанятого.

При этом Минтруд планирует в будущем легализовать платформенную занятость в рамках трудового законодательства и добавить в ТК РФ соответствующие нормы, чтобы трудовые гарантии распространялись и на исполнителей, работающих от лица компаний-агрегаторов.

Кроме того, судебная практика по регулированию платформенной занятости неоднозначна, а решения инстанций даже внутри одной страны нередко противоречат друг другу.

Так, исполнитель обратился в суд с требованием установить факт трудовых отношений. В иске указал, что перевозил пассажиров и багаж на легковом такси. Автомобиль он использовал по договору аренды с партнером интернет-платформы. При этом заказы на перевозку истец получал согласно договору на оказание услуг по предоставлению доступа к интернет-приложению, который он заключил с компанией-агрегатором. Суд поддержал компанию. Он указал, что из документов нельзя сделать вывод, что между сторонами возникли трудовые отношения. Работник не подчинялся действующим правилам внутреннего трудового распорядка, не зависел от работодателя, ему не создавали условия труда, и он не был интегрирован в организационную структуру компании (апелляционное определение Мосгорсуда от 22.11.2019 по делу № 33-53437/2019).

В данном конкретном случае суд обратил внимание на то, насколько зависимым является работник от платформенной компании. В этом деле истец использовал платформу только с целью поиска клиентов и не подчинялся правилам внутреннего трудового распорядка и в целом никак не зависел от своего «Работодателя», на основе чего судом был сделан вывод об отсутствии трудовых отношений между истцом и платформенной компанией.

В другом деле Гражданин выполнял функции курьера по доставке заказанных блюд через мобильное приложение. Он подал иск об уста-

новлении факта трудовых отношений и взыскании заработной платы. Суд удовлетворил требования. Он отметил, что исполнителю выдали должностную инструкцию, направляли пройти медосмотр, а задания по доставке он получал у сотрудника организации. При этом адреса доставки фиксировали в путевых листах. Все это указывает на то, что между сторонами возникли трудовые отношения (решение Петроградского районного суда г. Санкт-Петербурга от 07.07.2020 по делу № 2–1656/2020).

В данном случае все обстоятельства указывают на зависимость работника от платформенной компании, и суд усмотрел в этом трудовые отношения.

Продолжая рассуждать о проблеме правильной квалификации статуса занятого в сфере платформенной занятости обратимся к зарубежному опыту. Платформенные занятые могут охватываться как категорией «трудоустроенный сотрудник», так и категориями «неформальный занятый»/ «самозанятый», что создает правовую неопределенность. Это приводит к активному судебному вмешательству в разных странах для определения их статуса.

В зарубежных странах для определения платформенного работника используется термин «Краудворкер» – что означает исполнитель, который работает на специальных платформах, где заказчики размещают задания для большого количества потенциальных работников. В зависимости от структуры отношений с платформой лицо может выступать как работник или как самозанятый.

Так в Германии Федеральный суд по трудовым спорам признал, что базисное соглашение между краудворкером и оператором Интернет-платформы, которое уполномочивает его на принятие заказов, но которое не содержит обязательства краудворкера к принятию заказов, может образовывать бессрочные трудовые отношения. Однако решающее значение имеет организационная структура онлайн-платформы. Трудовые отношения имеют место, если пользователь не может свободно определять свою деятельность в отношении места, времени и содержания. Но следует иметь в виду, что Федеральный суд по трудовым спорам не указал, что любой краудворкер автоматически является работником. Варианты оформления отношений могут быть различными и необходимо в каждом конкретном случае проверять имеются ли трудовые отношения.[3, с. 23]

В США на большинстве цифровых платформ используются договоры присоединения, исключающие трудовые отношения. Это означает, что их содержание определяется платформой в одностороннем порядке. Другая сторона — провайдеры услуг — может только принять или

отказаться. Цифровые платформы используют подходящие формулировки для того, чтобы избежать трактовки в пользу установления трудовых отношений между ними и подрядчиками. Однако в юрисдикции отмечаются инициативы, направленные на урегулирование статуса платформенных занятых. В США провайдеры услуг все чаще оспаривают свой статус в пользу отнесения их к сотрудникам, работающим по трудовым договорам.

В 2018 году в США произошел следующий случай: бывший водитель службы курьерской службы доставки подал коллективный иск против компании в Верховный суд округа Лос-Анджелес. Он утверждал, что компания неправильно квалифицировала водителей как независимых подрядчиков, был поднят вопрос о надлежащем стандарте квалификации статуса. Далее, уже Верховный суд Калифорнии постановил, что водители являются наемными работниками и что бремя доказывания того, что наемный работник является независимым подрядчиком лежит на работодателе. В результате суд принял решение об установлении трехчастного теста для сертификации независимых подрядчиков. Условия теста звучат таким образом:

- 1) Работник свободен от контроля и руководства нанимающего лица как по контракту, так и фактически.
- 2) Работник выполняет работу, которая выходит за рамки обычного бизнеса нанимающего лица.
- 3) Работник обычно занимается самостоятельно установленным видом деятельности, профессией или бизнесом того же характера, что и работа, выполняемая для нанимателя.

Таким образом, только при доказательстве данных условий работодателем есть возможность установить, что наемный работник является независимым подрядчиком,

Далее в США была предпринята попытка на федеральном уровне принять правила по определению статуса платформенных занятых. Однако данная попытка урегулирования провалилась из-за противоречий. Министерство труда США объявило, что финальное Правило от 7 января 2021 г. отменено, обосновывая это тем, что правило, в случае принятия, будет иметь негативный эффект как для работников, так и для предприятий. Итак, можно с уверенностью говорить, что в США данный вопрос является таким же дискуссионным, как и в Российской Федерации. [3, с. 30]

В КНР при оформлении отношений с платформенными занятыми используются разные модели, что создает правовую неопределенность:

- 1) Заключение платформой договора об оказании услуг с организацией, которая высту-

пает в качестве работодателя и предоставляет работников в распоряжение платформы.

- 2) Заключение платформой договора об оказании информационных услуг с организацией, имеющей в своем штате работников, которые затем выполняют заказы от платформы.
- 3) Заключение трудового договора между платформой и гражданином, действующим по ее поручению и за счет ее средств. При использовании подхода применяются положения Закона КНР «О труде».
- 4) Заключение платформой договора об оказании услуг между платформой и гражданином. При заключении договора об оказании услуг гражданин работает на себя, может принимать заказы или отказываться от них, выступая в качестве клиента платформы, и оплачивая ей предоставление информации, как правило, в размере 20–30 % от цены выполненного заказа.

Такая размытость критериев приводит к тому, что платформы начинают избегать трудовых договоров для экономии на социальных гарантиях.

Наличествуется судебная практика, связанная со спорами относительно наличия или отсутствия фактических трудовых отношений между платформой и платформенным занятым. При вынесении решения по данной категории дел суды изучают степень автономности платформенного занятого от поступающих указаний (заявок) платформы. В одном из дел суд указал, что курьер и курьерская служба находятся в трудовых отношениях, так как курьер занимается приемом и доставкой отправок, получает оплату в зависимости от количества принятых и доставленных отправок. Кроме того, он использует транспортные средства и униформу компании, осуществляет доставку согласно установленному графиком в пределах района, назначенного компанией, и имеет низкую самостоятельность в работе.

В споре между группой водителей такси и платформой, на которой водитель осуществлял свою трудовую деятельность, суд указал, что между сторонами отсутствуют трудовые отношения, а заключен договор оказания услуг водителя по экспресс перевозке. Тот факт, что платформа устанавливает обязательные для водителей правила поведения и отчетности, был истолкован судом не как свидетельство наличия трудовых отношений, а как исполнение компанией обязанности по соблюдению требований Временных мер по управлению Бизнес-услугами онлайн-бронирования такси. Следовательно, можно сделать вывод что судебная практика в КНР довольно

близка по содержанию с судебной практикой в Российской Федерации. В заключение, по международной практике можно сказать, что платформенная занятость является неотъемлемой частью экономики каждой из стран и требует более качественного правового регулирования. [3, с. 32]

На сегодняшний день можно констатировать, что нормативно-правовое регулирование новых форм занятости существенно отстает от стремительного технологического развития. В юридической науке сформировалось несколько подходов к правовому регулированию платформенной занятости в Российской Федерации. Часть исследователей считает нецелесообразным принятие нового федерального закона, посвященного цифровым платформам. Они полагают, что внесение соответствующих изменений в действующий Трудовой кодекс Российской Федерации (ТК РФ) будет достаточным для регулирования вопросов, связанных с цифровой занятостью. Другие ученые высказывают мнение о недостаточности внесения изменений в ТК РФ для полного урегулирования новой формы занятости. Они аргументируют необходимость принятия отдельного федерального закона о цифровых платформах, который конкретизировал бы все особенности правового статуса платформенных работников и их взаимоотношений с работодателями. Также в юридической литературе встречается точка зрения, согласно которой обеспечение прав платформенных работников должно осуществляться непосредственно платформами, предоставляющими услуги по трудоустройству. Согласно этому подходу, платформы должны нести ответственность за предоставление социальных гарантий и уплату налогов за своих работников.

В заключении можно сказать, что некоторые перечисленные меры могут быть использованы для разрешения данного вопроса. В частности, необходимо:

1. Разработать и принять специальный федеральный закон, закрепляющий легальное определение платформенной занятости и статуса занятого, а также регулирующий отношения в данной сфере.
2. Обязать платформы-работодатели предоставлять определенные социальные гарантии своим работникам, включая право на минимальный уровень оплаты труда, право на предоставление оплачиваемого отдыха, право на обязательное страхование от несчастных случаев и другие гарантии.

Мы полагаем, что только комплексное применение вышеуказанных мер позволит обеспечить наиболее эффективное и справедливое регулирование платформенной занятости в современных условиях.

Список литературы:

[1] – Платформенная занятость в России: динамика распространенности и ключевые характеристики занятости / Авт. коллектив: О. В. Синявская, С. С. Бирюкова, Д. Е. Карева, Д. А. Стужук; URL: https://acp.org/upload/Analytics/15.%20Доклад_ПЗ_2024_ВШЭ.pdf

[2] – Платформенная занятость: определение и регулирование / Авт. коллектив: О. В. Синявская, С. С. Бирюкова, А.П. Аптекарь, Е.С. Горват, Н.Б. Грищенко, Т.Б. Гудкова, Д.Е. Карева; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Институт социальной политики. — М.: НИУ ВШЭ, 2021 URL: <https://clck.ru/3MACFQ>. 10 с.

[3] – Платформенная занятость: вызовы и возможные решения // 2022 Фонд «Центр стратегических разработок» (ЦСР) // URL: <https://www.csr.ru/upload/iblock/6ca/krk89ha0yxx3ystja243obvc7ly8bntv.pdf>

[4] – О. В. Зайцева Платформенная занятость: сущность, тенденции развития и особенности оценки // Вестник ВГТУ. 2024. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/platformennaya-zanyatost-suschnost-tendentsii-razvitiya-i-osobennosti-otsenki> (дата обращения: 06.04.2025).

[5] – Рожкова А. Ю. СЕТЕВАЯ И ПЛАТФОРМЕННАЯ ЗАНЯТОСТЬ ТРУДА: ПРАВА РАБОТНИКОВ // Вестник ННГУ. 2022. №6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/setevaya-i-platformennaya-zanyatost-truda-prava-rabotnikov> (дата обращения: 06.04.2025).

[6] – Попенкова, Д. К. Регулирование прав работников на платформах / Д. К. Попенкова // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2022. – № 11–2. – С. 326–330. – DOI 10.17513/vaael.2569. – EDN MISWAR.

[7] – Забелина Ольга Викторовна, Сергеева Мария Вячеславовна Платформенная занятость в Российской Федерации: масштабы, правовые особенности и тенденции развития // Социально-трудовые исследования. 2024. №4 (57). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/platformennaya-zanyatost-v-rossiyskoy-federatsii-masshtaby-pravovye-osobennosti-i-tendentsii-razvitiya> (дата обращения: 06.04.2025).

Spisok literatury:

[1] – Platformennaya zanyatost' v Rossii: dinamika rasprostranennosti i klyuchevye xarakteristiki zanyaty' / Avt. kolektiv: O. V. Sinyavskaya, S. S. Biryukova, D. E. Kareva, D. A. Stuzhuk; URL: https://aczp.org/upload/Analytics/15.%20Doklad_PZ_2024_VShE.pdf

[2] – Platformennaya zanyatost': opredelenie i regulirovanie / Avt. kolektiv: O. V. Sinyavskaya, S. S. Biryukova, A.P. Aptekar', E.S. Gorvat, N.B. Grishenko, T.B. Gudkova, D.E. Kareva; Nacional'ny'j issledovatel'skij universitet «Vysshaya shkola e'konomiki», Institut social'noj politiki. — M.: NIU VShE, 2021 URL: <https://clck.ru/3MACFQ>. 10 s.

[3] – Platformennaya zanyatost': vy'zovy i vozmozhny'e resheniya // 2022 Fond «Centr strategicheskix razrabotok» (CzSR) // URL: <https://www.csr.ru/upload/iblock/6ca/krk89ha0yxx3ystja243obvc7ly8bntv.pdf>

[4] – О. В. Зайцева Platformennaya zanyatost': sushhnost', tendencii razvitiya i osobennosti ocenki // Vestnik VGTU. 2024. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/platformennaya-zanyatost-suschnost-tendentsii-razvitiya-i-osobennosti-otsenki> (data obrashheniya: 06.04.2025).

[5] – Rozhkova A. Yu. SETEVAYA I PLATFORMENNAYA ZANYATOST' TRUDA: PRAVA RABOTNIKOV // Vestnik NNGU. 2022. №6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/setevaya-i-platformennaya-zanyatost-truda-prava-rabotnikov> (data obrashheniya: 06.04.2025).

[6] – Popenkova, D. K. Regulirovanie prav rabotnikov na platformax / D. K. Popenkova // Vestnik Altajskoj akademii e'konomiki i prava. – 2022. – № 11–2. – S. 326–330. – DOI 10.17513/vaael.2569. – EDN MISWAR.

[7] – Zabelina Ol'ga Viktorovna, Sergeeva Mariya Vyacheslavovna Platformennaya zanyatost' v Rossijskoj Federacii: masshtaby, pravovy'e osobennosti i tendencii razvitiya // Social'no-trudovy'e issledovaniya. 2024. №4 (57). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/platformennaya-zanyatost-v-rossiyskoy-federatsii-masshtaby-pravovye-osobennosti-i-tendentsii-razvitiya> (data obrashheniya: 06.04.2025).

Дата поступления рукописи в редакцию: 16.05.2025 г.

DOI: 10.24412/2224-9133-2025-5-347-353

Дата принятия рукописи в печать: 10.06.2025 г.

АЛЕКСЕЕВА Ангелина Александровна,

Студент Юридической школы
Дальневосточного федерального университета,
e-mail: alekseeva.aaleks@dvfu.ru

ГРЕХОВА Кристина Ярославовна,

Студент Юридической школы
Дальневосточного федерального университета,
e-mail: grekhova.ky@dvfu.ru

Научный руководитель:

ПРИСЕКИН Андрей Валерьевич,

И.О. заведующего кафедрой трудового
и экологического права ФГАОУ ВО «ДФУ»,
кандидат юридических наук,
доцент почетный работник судебной системы РФ,
Федеральный судья в почетной отставке,
e-mail: mail@law-books.ru

ОСОБЕННОСТИ РЕГУЛИРОВАНИЯ ДИСТАНЦИОННОЙ РАБОТЫ В СОВРЕМЕННОМ ТРУДОВОМ ПРАВЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация. В статье рассматриваются правовые аспекты дистанционной работы в Российской Федерации, анализируются нормы Трудового кодекса РФ и судебная практика. Выявляются основные проблемы регулирования удаленной занятости и предлагаются возможные пути совершенствования законодательства.

Ключевые слова: трудовое право, дистанционная работа, удаленная занятость, цифровизация, судебная практика, ТК РФ.

ALEKSEEVA Angelina Alexandrovna,

Student of the Law School
of the Far Eastern Federal University,

GREKHOVA Kristina Yaroslavovna,

Student of the Law School

Scientific supervisor:

PRISEKIN Andrey Valerevich,

Acting Head of the Department
of Labor and Environmental Law of FSAEI HE "FEFU",
Candidate of Law, Associate Professor,
Honorary Worker of the Judicial System
of the Russian Federation,
Federal Judge in Honorary Retirement

FEATURES OF REMOTE WORK REGULATION IN MODERN LABOR LAW: PROBLEMS AND PROSPECTS

Annotation. *The article examines the legal aspects of telecommuting in the Russian Federation, analyzes the norms of the Labor Code of the Russian Federation and judicial practice. The main problems of remote employment regulation are identified and possible ways to improve legislation are proposed.*

Key words: *labor law, teleworking, remote employment, digitalization, judicial practice, Labor Code of the Russian Federation.*

С распространением цифровых технологий удалённая работа становится всё более востребованной. Внедрение новых технологических решений способствует формированию высококвалифицированных кадров, способных эффективно работать вне традиционного офиса. Однако правовое регулирование дистанционного труда в России сталкивается с рядом сложностей, включая размывание границ рабочего времени, контроль за исполнением обязанностей, защиту персональных данных, а также трудности в доказательстве переработок.

Как отмечает Е. В. Киселева, рост интереса к дистанционной занятости наблюдается в периоды экономических кризисов и увеличения безработицы, когда поиск альтернативных форм трудоустройства становится особенно актуальным. Эти факторы способствуют популяризации удаленной работы как нетипичной, но перспективной модели занятости [4, с. 163]. В нашей стране дистанционная занятость получила особо широкое распространение в период коронавирусной инфекции.

В 2013 г. в российском законодательстве была введена в действие гл. 49.1 ТК РФ. С её помощью, на законодательном уровне было определено понятие дистанционной работы, установлена возможность взаимодействия между работниками и работодателем с помощью электронного документооборота, а также предусмотрен ряд правовых и технических аспектов осуществления дистанционной работы (особенности заключения, изменения и расторжения трудового договора).

Так, ст. 312.1 ТК РФ определяет дистанционную (удаленную) работу как выполнение определенной трудовым договором трудовой функции вне места нахождения работодателя, его филиала, представительства, иного обособленного структурного подразделения (включая расположенные в другой местности), вне стационарного рабочего места, территории или объекта, прямо или косвенно находящихся под контролем работодателя, при условии использования для выполнения данной трудовой функции и для осуществления взаимодействия между работодателем и работником по вопросам, связанным с ее выполнением, информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет», и сетей связи общего пользования [12].

Ст. 312.1 ТК РФ позволяет определить ключевые признаки, позволяющие отличать дистанционную работу от других видов:

1. Отсутствие привязки к рабочему месту работодателя — трудовая функция осуществляется работником вне стационарного рабочего места, территории или объекта, прямо или косвенно находящихся под контролем работодателя.
2. Использование цифровых коммуникаций — дистанционная работа осуществляется с использованием информационно-телекоммуникационных сетей общего пользования, в том числе при помощи сети «Интернет», с ее помощью работник может взаимодействовать с работодателем, по вопросам, связанным с выполнением своей трудовой функции.

К числу основных преимуществ дистанционной формы занятости для работников можно отнести: снижение времени, затрачиваемого на поездки до места работы; гибкий график и возможность работы в комфортных для конкретного работника условиях и отсутствие определенного дресс-кода. Появляется возможность участвовать на рынке труда людям с ограниченными возможностями, студентам, пенсионерам. К тому же, у работника с дистанционной формой занятости появляется больше времени на взаимодействие с семьей. Удаленная занятость позволяет снижать и уровень безработицы в государстве [1, с. 2].

Дистанционная занятость имеет существенные достоинства и для работодателя, в частности: снижение расходов за счет аренды помещения, организации рабочих мест, коммунальных услуг, обслуживающего персонала, возможность найти профессионала в другом городе или даже стране, что в итоге может повлиять на увеличение производительности труда.

Одной из крупных консалтинговой компаний было проведено исследование преимуществ и рисков, которые может повлечь для компании перевод сотрудников на дистанционные формы занятости. Привлекательность дистанционного труда для сотрудников прежде всего состоит в гибком графике, возможности самостоятельно организовывать свое рабочее время [4, с. 163].

Однако существуют и минусы, которые ставят традиционную работу в более выгодное положение. К таким недостаткам можно отнести:

отсутствие стабильности и гарантий на начальном этапе работы, необходимость самодисциплины и ответственности работника, ограниченные возможности карьерного роста, дефицит личного общения с коллегами.

Работодателю следует учитывать, что дистанционному работнику предстоит столкнуться со следующими трудностями: невозможность сосредоточиться на работе в домашней обстановке в связи с наличием отвлекающих факторов, коммуникационные барьеры, возникающие при отсутствии общения с коллегами.

Исходя из всего вышесказанного, можно сделать вывод, что работник, принимая решение о переходе на дистанционную форму занятости, должен учесть все преимущества и недостатки дистанционной работы, сопоставить их со своими возможностями, так же как и работодатель должен учитывать риски, которые связаны с принятием на работу дистанционного работника.

Несмотря на наличие преимуществ дистанционной работы как для работника, так и для работодателя дистанционный труд в России менее распространен, чем в зарубежных странах. Данное обстоятельство связано с наличием проблем правового регулирования дистанционной формы труда, прежде всего, с установлением определенных изъятий из правового статуса дистанционных работников, влекущих их меньшую защищенность по сравнению с работниками, работающих на своем стационарном рабочем месте. В отношении условий труда дистанционных работников не проводится специальная оценка условий труда, что негативно отражается на их правах. В обязанности работодателя не входит проведение медосмотров; обеспечение режима труда и отдыха, проведение инструктажа по охране труда [4, с. 164].

Таким образом, при анализе правовых аспектов дистанционной работы можно выделить ряд существенных проблем.

Во-первых, отсутствует механизм коллективной защиты. В законодательстве не разработаны способы участия дистанционных работников в профсоюзной деятельности, которые позволили бы эффективно защищать их права, а также не предусмотрены особенности проведения коллективных переговоров для рассматриваемой категории работников. Это приводит к тому, что суды отказывают в удовлетворении исков о признании профсоюзов дистанционных работников, ссылаясь на отсутствие единого рабочего места как препятствие для коллективных действий, а работодатели вполне правомерно не предоставляют дистанционным работникам платформы для онлайн-голосования по коллективным договорам. Конечно же, в данных ситуациях права дистанционных работников достаточно

сильно ограничены в сравнении с работниками других категорий, однако работодатели и суды действуют в рамках законодательства ввиду отсутствия регламентированных процедур.

Для решения этих проблем возможно законодательное закрепление в ТК РФ права дистанционных работников на создание профсоюзов и участие в них в цифровом формате, установление обязанности для работодателя предоставлять онлайн-платформы для коллективных переговоров (например, через корпоративные системы), признание легитимности электронных собраний, голосований и подписей под коллективными требованиями и определение порядка уведомления работодателя о коллективных действиях через цифровые каналы. Также необходимо внести поправки и Федеральный закон “О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности” [15], а именно включить дистанционных работников в перечень категорий, имеющих право на создание профсоюзов без территориальной привязки с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, обеспечивающих идентификацию участников.

Во-вторых, глава 49.1 ТК РФ не определяет особенности регулирования труда с участием несовершеннолетних, что вызывает трудности в процессе правоприменения. Законодательство в данном случае не содержит каких-либо ограничений по возрасту, применяемых к дистанционным работникам, как следствие, не предусматривает для них и особых гарантий. Труд несовершеннолетних является особым объектом правового регулирования и с учетом современных условий социально-трудовые права таких работников должны быть надежно защищены. Законодательство должно учитывать и тот фактор, что дистанционная работа требует высокого уровня самоорганизации и самодисциплины, что требует немалых усилий и от взрослого человека, а от несовершеннолетних работников в гораздо большей степени, поскольку большинство из них не обладает данными качествами в достаточной развитой мере. [6, с. 468]. К тому же, на сегодняшний день возникают вопросы: как работодателю контролировать условия работы несовершеннолетнего? количество часов работы? работу в ночное время? Принимая на дистанционную работу несовершеннолетнего, работодатель понимает, какие риски он несет (например, взыскание компенсации с работодателя по иску несовершеннолетнего или его родителей о нарушении условий труда/переработках и т.д.). В таком случае работодатель задумается, стоит ли ему принимать на работу такое лицо.

С целью снижения рисков для работодателя, повышения гарантий для несовершенно-

него работника законодательный пробел можно восполнить путем внесения норм, связанных с автоматизированным контролем рабочего времени с помощью специальных программ, запретом на работу в ночное время с технической блокировкой доступа, кроме того, обязанности работодателей раз в несколько месяцев запрашивать из школы справку об успеваемости несовершеннолетнего работника для возможности последующего пересмотра контроля за режимом и объемом работы такого лица.

В-третьих, одной из ключевых проблем дистанционной работы является обеспечение конфиденциальности персональных данных (далее — ПДн). В отличие от офисного формата, удаленные сотрудники часто используют личные устройства и ненадежные каналы связи, что увеличивает риски утечек.

Основные проблемы в сфере защиты ПДн:

1. Работник для выполнения своих трудовых функций зачастую использует личные устройства, что может ставить под угрозу сохранение конфиденциальной информации предприятия. Работодатель не всегда может контролировать уровень защиты персональных данных на личных компьютерах сотрудников. Также отсутствует единый стандарт шифрования и VPN-доступа.
2. Передача данных происходит через незащищенные каналы, что также способствует утечке данных. Используются публичные мессенджеры (WhatsApp, Telegram) для рабочих переговоров, которые не могут предоставить гарантий защиты персональных данных как для работодателя, так и для работника. При этом отсутствует и регламентация хранения данных в облачных сервисах (Google Drive, Яндекс.Диск).
3. Из-за вышеперечисленных проблем возникают сложности при увольнении, так как бывший сотрудник может сохранить доступ к корпоративным данным. Для этого необходимо дистанционное удаление информации с личных устройств, из-за чего появляется проблема технической реализации данного процесса.

В настоящее время появляется достаточно много судебной практики и трудовых споров по защите ПДн дистанционных работников.

Так, например, в Апелляционном определении СК по гражданским делам Санкт-Петербургского городского суда от 10 января 2023 г. по делу № 33-862/2023 [3] указывается, что сотрудник, работающий дистанционно, был уволен в соответствии с пп. «в» п. 6 ч. 1 ст. 81 ТК РФ за разглашение коммерческой тайны. Незадолго до этого работодатель уведомил мужчину о намере-

нии сократить его должность. После чего сотрудник сообщил, что является отцом малолетнего ребенка и планирует оформить отпуск по уходу за ребенком. Позже в процессе выполнения должностных обязанностей мужчина направил файлы с конфиденциальной информацией на личную почту сервиса google. В этот же день он получил требование объясниться по поводу пересылки сведений на личную почту. Также от него потребовали выполнения обязанностей в офисе (в указанный период мужчина работал удаленно). Сотрудник подал заявление на отпуск по уходу за ребенком, приложив необходимые документы, однако работодатель отказал в предоставлении отпуска. После этого мужчина был уволен за дисциплинарное нарушение. В ответ на это работник обратился в суд и просил восстановить его в должности, взыскать средний заработок за время вынужденного прогула и компенсацию морального вреда в 1 млн руб.

Однако суды отказали в удовлетворении его иска. Согласно п. 43 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17 марта 2004 г. № 2 для увольнения по пп. «в» п. 6 ч. 1 ст. 81 ТК РФ работодатель должен доказать, что:

- разглашенные сведения относятся к охраняемой тайне;
- они стали известны работнику в связи с его обязанностями;
- работник был обязан не разглашать эти сведения [10].

Чтобы режим коммерческой тайны считался установленным, обладатель информации должен принять меры, указанные в ч. 1 ст. 10 Федерального закона от 29 июля 2004 г. № 98-ФЗ «О коммерческой тайне» [13]. В данном случае суд указал, что работник был ознакомлен с положением о конфиденциальной информации в организации и взял на себя обязанность не копировать, не вывозить или не высылать из помещений фирмы любую конфиденциальную информацию с помощью почты, средств электронной связи, материальных носителей, телефонов, компьютеров и т. д.

Суд также отметил, что сервис gmail.com, принадлежащий Google LLC, согласно политике конфиденциальности, имеет право сохранять, использовать и передавать данные, включая содержимое писем, что следует из условий использования Google. Переслав документы (сведения о сотрудниках, контакты клиентов) с корпоративной электронной почты на личную, истец предоставил доступ к ним третьему лицу - компании Google, тем самым нарушил правила конфиденциальности работодателя. Ответчик запретил передачу коммерческой тайны и персональных данных сотрудников на внешние платформы,

включая gmail.com. Пересылка конфиденциальной информации на личную почту является разглашением, даже если третьи лица не ознакомились с этой информацией. Поэтому, по мнению суда, увольнение сотрудника было правомерно.

При этом наличия в трудовом договоре обязанности работника по соблюдению режима коммерческой тайны недостаточно, рассмотрим пример из судебной практики.

В Определении Первого кассационного суда общей юрисдикции от 17.04.2023 №88–12649/2023 [8] суд отказал работодателю во взыскании убытков с бывшего работника, который трудоустроился к конкурентам и использовал клиентскую базу. Организация настаивала на том, что бывший работник незаконно использовал ее интеллектуальную собственность, благодаря чему фирма-конкурент получила контракты на крупную сумму.

Судьи пришли к выводу, что организация не предприняла достаточных мер для защиты сведений, которые считала коммерческой тайной. Работодатель не смог доказать, что установил режим коммерческой тайны в отношении информации, содержащейся в базе клиентов и потенциальных клиентов, а также принял меры по охране конфиденциальной информации в рамках трудовых отношений.

Судебная практика показывает, что проблемы защиты персональных данных при дистанционной работе требуют не только технических, но и правовых решений. Необходима гармонизация норм трудового права, ФЗ «О персональных данных» [14] и отраслевых стандартов информационной безопасности.

Для минимизации рисков необходимо обязательное включение в трудовой договор положений о защите ПДн (какие программы используются, как удаляются данные при увольнении), четкого перечня разрешенных и запрещенных сервисов для работы. Также внедрение корпоративных стандартов, например, об обязательном использовании шифрованных почтовых сервисов.

И конечно, законодательные инициативы, а именно — введение типового регламента по кибербезопасности для удаленных работников, упрощение процедуры привлечения к ответственности за утечки (включая блокировку несанкционированного доступа).

В-четвертых, существует сложность при доказывании переработок дистанционных работников. Она связана с отсутствием четкого механизма учета рабочего времени. Учет переработок при дистанционной работе зависит от того, установлен ли определенный режим рабочего времени и отдыха в трудовом договоре (ст. 312.4 ТК РФ).

Если режим не определен, то дистанционный работник самостоятельно устанавливает продолжительность рабочей недели, время начала и окончания работы, время перерывов в работе, чередование рабочих и нерабочих дней. В этом случае работодателю невозможно квалифицировать те или иные периоды работы как работу в выходной день или сверхурочную работу.

Если режим определен, то на дистанционного работника распространяются положения ст. ст. 99 и 113 ТК РФ, регламентирующие порядок привлечения к сверхурочной работе и работе в выходные и нерабочие праздничные дни.

В отличие от офисной работы, где применяются табели учета, системы электронного пропуска, камеры наблюдения, при дистанционном формате работодателя часто используют программы учета рабочего времени (Time Doctor, Kickidler), скриншоты экрана и логи в корпоративных мессенджерах.

Но как работодателю проверить количество часов рабочего времени дистанционного работника и может ли он устанавливать программы для мониторинга рабочего времени? Мнение судов по данному вопросу различается.

Например, в Определении Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 21.12.2021 №88–22767/2021 [7] судьи признали незаконным приказ работодателя о возложении на работника обязанности вести хронометраж своего рабочего времени. Работодатель издал такой приказ в целях проведения управленческого аудита. Судьи подтвердили незаконность приказа, поскольку он возлагал на работника обязанности, не предусмотренные трудовым договором, а это запрещено статьей 60 ТК РФ.

При этом есть судебная практика, в которой суды поддерживают контроль за использованием рабочего времени со стороны работодателей для дистанционных сотрудников (Апелляционное определение Московского городского суда от 24.08.2012 по делу №11–18398) [2].

Безусловно, в данной области необходимо также внесение законодательных изменений: введение обязательного формата цифрового учета переработок для дистанционных сотрудников, закрепление презумпции доверия к данным работника при конфликте систем учета, а также упрощенный порядок электронного подтверждения сверхурочных работ (например, через Госуслуги).

Внесение таких изменений позволит обеспечить защиту дистанционных работников и предоставить им гарантию, по которой за сверхурочную работу будут полагаться соответствующие выплаты, что будет мотивировать работников. Также и работодатель сможет отслеживать,

сколько именно времени работник потратил на выполнение трудовой функции, оценивать уровень его производительности и показатель эффективности.

В-пятых, ТК РФ не предусматривает особый порядок расторжения трудового договора дистанционных работников, что порождает ряд проблем. Внесение в трудовую книжку записи о дистанционной работе необходимо сделать обязательным условием договора, с целью предупреждения возможных проблем при исчислении трудового стажа. Считаем обоснованным и внесение таких изменений, как: закрепление возможности использования электронной трудовой книжки в качестве основной, введение автоматизированного учета задач в период 14-тидневной отработки (чтобы работодатель мог контролировать реальное выполнение работником задач в указанный срок), закрепление обязанностей удаления служебной информации с личных устройств под угрозой применения санкций, а также возврата оборудования работодателю в четко определенный срок. Появление таких нормативных положений поможет избежать судебных споров, а в случае необходимости обращения в суд — приведет к единству правоприменительной практики и уверенности обеих сторон в наличии различных гарантий для каждого из них.

Особого внимание требует вопрос оплаты труда при удаленной работе. Работники отличаются по результативности и интенсивности труда, стрессоустойчивости, поэтому производительность их труда сложно оценить. В зарубежных странах существуют специально разработанные программы по оплате труда, например, в Великобритании применяются программы Хэлси, Ганта и другие. По программе Ганта нормативное время для выполнения задания специально устанавливается на уровне, требующем больших усилий для выполнения. При таких условиях работник, не сумевший выполнить задание в нормативное время, получает гарантированную, заранее установленную зарплату, но при выполнении задания в меньший срок заработок устанавливается на более высоком уровне, например, в 100% от базового уровня. Следовательно, заработок возрастает сильнее, чем выработка, всякий раз, когда работник укладывается в установленное нормативное время или работает еще быстрее. Четкий механизм оплаты труда не порождает необходимости применения работодателем дополнительных усилий для оценки производительности труда работника, кроме того, он позволяет стимулировать работника и поощрять его.

Но помимо законодательных пробелов существуют и иные факторы, сдерживающие развитие дистанционного труда в России. Например, многие работодатели негативно относятся к

такому формату работы, по той причине, что они не могут подвергнуть работника систематическому контролю, а это значительно снижает эффективность работы. Согласно исследованиям, многие работодатели подвержены влиянию стереотипного мнения: эффективна только та работа, которая выполняется в офисе.

Таким образом, для более эффективного функционирования дистанционного труда в России и его широкого распространения необходима разработка более совершенной законодательной базы, регулирующей дистанционную занятость, и устранение существующих пробелов в правовом регулировании.

Список литературы:

- [1] Анненко, П.В. Опыт применения дистанционной занятости в зарубежных компаниях / П.В. Анненко // HUMAN PROGRESS. - 2018. - N 10. - С. 1-7.
- [2] Апелляционное определение Московского городского суда от 24.08.2012 по делу № 11-18398 // garant.ru
- [3] Апелляционное определение СК по гражданским делам Санкт-Петербургского городского суда от 10.01.2023 по делу № 33-862/2023 // garant.ru
- [4] Киселева, Е.В. Развитие дистанционного труда в России: преимущества и недостатки / Е.В. Киселева // Известия Алтайского государственного университета. - 2018. - N 6. - С. 162-164.
- [5] Кузнецова, Н.И., Чернова, Ю.А. Специфика, основные направления и функции современной дидактической системы дистанционного обучения взрослых / Н.И. Кузнецова, Ю.А. Чернова // Экономические и гуманитарные исследования регионов. - 2020. - N 6. - С. 55-61.
- [6] Лютов, Н.Л. Дистанционный труд: опыт европейского союза и проблемы правового регулирования в России / Н.Л. Лютов // Совершенствование законодательства. - 2018. - N 10. - С. 30-39.
- [7] Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 21.12.2021 №88-22767/2021 // garant.ru
- [8] Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 17.04.2023 №88-12649/2023 // garant.ru
- [9] Парягина, О.А., Барнакова, Е.В. Дистанционный труд: особенности и проблемы правового регулирования / О.А. Парягина, Е.В. Барнакова // ГлаголЪ правосудия. - 2017. - N 2. - С. 3-6.
- [10] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.03.2004 N 2 (ред. от 24.11.2015) «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» // КонсультантПлюс: справ. правовая система. Версия Проф. М.

[11] Слугина, М.В., Яворская, С.А. Проблемные аспекты правового регулирования труда дистанционных работников в России / М.В. Слугина, С.А. Яворская // Аллея науки. - 2020. N 4. - С. 446-471.

[12] «Трудовой кодекс Российской Федерации» от 30.12.2001 N 197-ФЗ (ред. от 07.04.2025) // КонсультантПлюс: справ. правовая система. Версия Проф. М.

[13] Федеральный закон «О коммерческой тайне» от 29.07.2004 N 98-ФЗ // КонсультантПлюс: справ. правовая система. Версия Проф. М.

[14] Федеральный закон «О персональных данных» от 27.07.2006 N 152-ФЗ // КонсультантПлюс: справ. правовая система. Версия Проф. М.

[15] Федеральный закон «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности» от 12.01.1996 N 10-ФЗ (последняя редакция) // КонсультантПлюс: справ. правовая система. Версия Проф. М.

Spisok literatury:

[1] Annenko, P.V. Opyt primeneniya distancionnoj zanyatosti v zarubezhnyh kompaniyah / P.V. Annenko // HUMAN PROGRESS. - 2018. - N 10. - S. 1-7.

[2] Apellyacionnoe opredelenie Moskovskogo gorodskogo suda ot 24.08.2012 po delu № 11–18398 // garant.ru

[3] Apellyacionnoe opredelenie SK po grazhdanskim delam Sankt-Peterburgskogo gorodskogo suda ot 10.01.2023 po delu № 33–862/2023 // garant.ru

[4] Kiseleva, E.V. Razvitie distancionnogo truda v Rossii: preimushchestva i nedostatki / E.V. Kiseleva // Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta. - 2018. - N 6. - S. 162-164.

[5] Kuznecova, N.I., Chernova, Yu.A. Specifika, osnovnye napravleniya i funkcii sovremennoj didakticheskoy sistemy distancionnogo obucheniya vzros-

lyh / N.I. Kuznecova, Yu.A. Chernova // Ekonomicheskie i gumanitarnye issledovaniya regionov. - 2020. - N 6. - S. 55-61.

[6] Lyutov, N.L. Distancionnyj trud: opyt evropejskogo soyuza i problemy pravovogo regulirovaniya v Rossii / N.L. Lyutov // Sovershenstvovanie zakonodatel'stva. - 2018. - N 10. - S. 30-39.

[7] Opredelenie Vos'mogo kassacionnogo suda obshchej yurisdikcii ot 21.12.2021 №88–22767/2021 // garant.ru

[8] Opredelenie Pervogo kassacionnogo suda obshchej yurisdikcii ot 17.04.2023 №88–12649/2023 // garant.ru

[9] Paryagina, O.A., Barnakova, E.V. Distancionnyj trud: osobennosti i problemy pravovogo regulirovaniya / O.A. Paryagina, E.V. Barnakova // Glagol' pravosudiya. - 2017. - N 2. - S. 3-6.

[10] Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 17.03.2004 N 2 (red. ot 24.11.2015) "O primenении sudami Rossijskoj Federacii Trudovogo kodeksa Rossijskoj Federacii" // Konsul'tantPlyus: справ. pravovaya sistema. Versiya Prof. M.

[11] Slugina, M.V., Yavorskaya, S.A. Problemye aspekty pravovogo regulirovaniya truda distancionnyh rabotnikov v Rossii / M.V. Slugina, S.A. Yavorskaya // Alleya nauki. - 2020. N 4. - S. 446-471.

[12] "Trudovoj kodeks Rossijskoj Federacii" ot 30.12.2001 N 197-FZ (red. ot 07.04.2025) // Konsul'tantPlyus: справ. pravovaya sistema. Versiya Prof. M.

[13] Federal'nyj zakon "O kommercheskoj tajne" ot 29.07.2004 N 98-FZ // Konsul'tantPlyus: справ. pravovaya sistema. Versiya Prof. M.

[14] Federal'nyj zakon "O personal'nyh daniy" ot 27.07.2006 N 152-FZ // Konsul'tantPlyus: справ. pravovaya sistema. Versiya Prof. M.

[15] Federal'nyj zakon "O professional'nyh soyuzah, ih pravah i garantiyah deyatel'nosti" ot 12.01.1996 N 10-FZ (poslednyaya redakciya) // Konsul'tantPlyus: справ. pravovaya sistema. Versiya Prof. M.

СТРОГОВИЧ Юрий Николаевич,
старший научный сотрудник
Научно-исследовательского института ФСИН России,
e-mail: strogovich.u.n@fsin.gov.ru

МЕДВЕДЕВА Инна Николаевна,
научный сотрудник
Научно-исследовательского института ФСИН России,
e-mail: medvedeva.i.n@fsin.gov.ru

О ЗАКОНОДАТЕЛЬНОМ РЕГУЛИРОВАНИИ НАСТАВНИЧЕСТВА В СФЕРЕ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

Аннотация. В статье дан краткий анализ вступившей в законную силу с 1 марта 2025 года новой статьи Трудового кодекса Российской Федерации, устанавливающей особенности регулирования труда работников, являющихся наставниками. Показан «рамочный» характер данной статьи, предложены некоторые меры, направленные на конкретизацию ее общих положений. В качестве примера представлен фрагмент дополнительного соглашения к трудовому договору с работником-наставником.

Ключевые слова: наставник, правовое регулирование, работник, работодатель, оплата труда, совмещение.

STROGOVICH Yuri Nikolayevich,
Senior researcher the Research Institute
of the Federal Penitentiary Service of Russia

MEDVEDEVA Inna Nikolaevna,
Researcher of the Research Institute
of the Federal Penitentiary Service of Russia

ON LEGISLATIVE REGULATION OF MENTORING IN THE FIELD OF LABOR RELATIONS

Annotation. The article gives a brief analysis of the new article of the Labour Code of the Russian Federation, which came into force on 1 March 2025 and establishes the specifics of regulating the labour of employees who are mentors. It shows the 'framework' nature of this article and proposes some measures aimed at specifying its general provisions. A fragment of an additional agreement to a labour contract with a mentor employee is presented as an example.

Key words: mentor, legal regulation, employee, employer, remuneration of labour, combination.

В начале несколько слов о предыстории вопроса. По причине происшедших фундаментальных (наверное, можно сказать даже революционных) изменений в политическом и социально-экономическом устройстве нашей страны институт наставничества в течение предшествующих примерно 40 лет фактически находился в забвении, сохраняясь формально, при этом весьма незначительно влияя на процесс становления и совершенствования профессионально подготовленных кадров, особенно, молодых, не имеющих достаточного трудового опыта и профессиональных навыков.

Однако за последние 5-7 лет состояние дел в этой сфере постепенно начало меняться. Отметим в этой связи, в частности, такие факты, как учреждение в 2018 году знака отличия «За наставничество». Далее, в рамках реализации национальных целей и стратегических задач развития Российской Федерации по итогам заседания Совета по реализации государственной политики в сфере защиты семьи и детей и заседания Государственного Совета Российской Федерации по вопросу повышения роли и престижа педагога и наставника Президентом Российской Федерации были утверждены перечни поручений, в

соответствии с которыми, в частности, Правительству Российской Федерации поручалось представить предложения законодательного характера, предусматривающие определение понятий наставник, наставничество, порядок регулирования связанных с наставничеством трудовых отношений, включая возможность материального стимулирования работников в связи с осуществлением наставничества.

Результатом реализации этих поручений стало дополнение главы 55 Трудового кодекса Российской Федерации, посвященной особенностям регулирования труда некоторых категорий работников», статьей 351.8 «Особенности регулирования труда работников, выполняющих работу по наставничеству в сфере труда».

Следует отметить, что в общем массиве немалого количества научных статей, посвященных наставничеству, вопросам правового регулирования в этой сфере особого внимания не уделялось (в числе немногих источников укажем на статьи [1-5]). Это, впрочем, вполне объясняется тем обстоятельством, что до вступления в силу с 1 марта 2025 г. статьи 351.8 ТК РФ, регулирование наставничества в сфере трудовой деятельности осуществлялось, как правило, локальными нормативными актами работодателя.

Заметим при этом, что в сфере федеральной государственной службы ситуация изначально была несколько иной. В соответствии с федеральными законами, регулирующими службу в ряде правоохранительных органов, вопросы, связанные с наставничеством (в первую очередь, в части, касающейся не столько наставника, сколько наставляемого, порядка его индивидуального обучения в период прохождения испытательного срока и особенностей его правового положения) регулируются ведомственными нормативными правовыми актами. В части федеральной государственной гражданской службы вопросы наставничества регулируются изданным в соответствии с поручением Президента Российской Федерации Положением о наставничестве на государственной гражданской службе Российской Федерации. Однако в рамках данной статьи более подробно вопроса о регулировании наставничества в сфере федеральной государственной службы касаться не будем.

Перейдем теперь к анализу содержания рассматриваемой нами новеллы в трудовом законодательстве, обратив при этом внимание на то, во-первых, что субъектом законодательной инициативы в данном случае стало не Правительство Российской Федерации, что прямо вытекало из поручения Президента Российской Федерации, а группа сенаторов Российской Федерации и депутатов Государственной Думы, и, во-вторых, что

внесение рассматриваемого дополнения в ТК РФ преследовало две основные цели: законодательное закрепление гарантий работникам-наставникам и популяризация института наставничества.

В части первой статьи 351.8 ТК РФ дано определение понятия наставничества. Какие характерные черты этого определения можно отметить? Во-первых, наставничество определено как работа специфического характера, заключающаяся в оказании помощи наставляемому в овладении им профессиональными навыками. Во-вторых, выполнение наставником этой работы возможно только на основании его письменного согласия на предложение работодателя, после этого фактически трансформирующееся в поручение.

В части второй данной статьи в достаточно общем виде регламентируется вопрос оформления соглашения, достигнутого между работником-наставником и работодателем об осуществлении наставничества. Как можно понять из формулировки данной статьи это соглашение может быть, как непосредственно включено в текст трудового договора, так и оформлено в виде дополнительного соглашения к трудовому договору. На наш взгляд, первый вариант (о фиксации функции наставничества непосредственно в трудовом договоре) сформулирован очень удачно, что вызывает некоторые вопросы. Так, например, то ли речь идет о трудовом договоре, заключаемом с вновь принимаемым на работу работником, на которого помимо прочего возлагается еще и функция наставничества (что, скорее всего, именно так и подразумевалось законодателем), то ли речь идет о перезаключении трудового договора, в новой версии которого должна быть зафиксирована функция наставничества (что маловероятно, но теоретически возможно). Что же касается конкретного наполнения функции наставничества, то в этой части также имеются вопросы. Если со сроком все понятно, поскольку функция наставничества, естественно, носит срочный характер, будучи ограничена определенным, как правило, сравнительно небольшим периодом времени; более или менее понятно и с ее (функции) содержанием (ее наполнение конкретным содержанием относится к прерогативе работодателя), то с формой выполнения работы по наставничеству возникают вопросы. В частности, не вполне понятно, что в данном случае понимается под формой, какие формы допустимы (или какие формы могут быть) и др.

Частями третьей – пятой рассматриваемой статьи предусмотрена возможность (но не обязанность, что важно отметить) устанавливать соответствующими правовыми актами размеры и условия осуществления выплат за наставниче-

ство работникам как бюджетных, так и иных организаций, с учетом содержания/объема работы по наставничеству и с фиксацией всего этого в трудовом договоре или дополнительном соглашении к трудовому договору.

Последней, шестой частью статьи 351.8 ТК РФ предусмотрено право сторон досрочно отказаться от своих обязательств (наставнику – от осуществления наставничества, работодателю – от своего поручения, отменив его с предупреждением наставника не менее чем за три рабочих дня). Заметим, что о сроке уведомления работодателя наставником о своем намерении отказаться от осуществления наставничества в данной норме вообще не упоминается.

Отметим, также, что с учетом общих положений трудового законодательства об особенностях регулирования труда основные вопросы, связанные с реализацией прав, обязанностей и ответственности работников в связи с осуществлением ими деятельности по наставничеству, регулируются в соответствии с общими правилами, предусмотренными ТК РФ.

Проведенный выше краткий анализ позволяет высказать достаточно обоснованное, на наш взгляд, предположение о том, что законодательное регулирование института наставничества во многом, за некоторыми исключениями, аналогично законодательному регулированию института совмещения профессий (должностей).

Учитывая во многом рамочный характер рассматриваемой статьи ТК РФ и отмеченные в ней недостатки (неточности, пробелы), в целях их восполнения и конкретизации ряда ее положений работодателям в качестве рекомендации может быть предложено издание локального нормативного акта, утверждающего, например, Положение о наставничестве, в котором можно было бы с необходимой степенью подробности зафиксировать, в частности, порядок осуществления наставничества, права, обязанности и ответственность субъектов наставничества (наставника, наставляемого и работодателя, точнее, его уполномоченных представителей) в связи с осуществлением деятельности по наставничеству. При этом отсутствие в статье 351.8 ТК РФ отсылки на локальный нормативный акт работодателя не является препятствием, поскольку в пределах своей компетенции работодатель имеет право на принятие локальных нормативных актов.

В качестве примера приведем фрагмент дополнительного соглашения к трудовому договору с работником-наставником:

1. В соответствии со статьями 60.2, 151 и 351.8 Трудового кодекса Российской Федерации Работнику (именуемому в дальнейшем – Наставник) поручается выполнение в течение установленной продолжительности

рабочего дня наряду с работой, определенной трудовым договором, дополнительной работы по наставничеству Работника (именуемого в дальнейшем – Наставляемый) за дополнительную оплату.

2. Наставнику поручается выполнение следующих дополнительных трудовых обязанностей:
 - Ознакомление Наставляемого со структурой организации, условиями работы, трудовыми правами, трудовыми обязанностями, видами ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение трудовых обязанностей, локальными нормативными актами, требованиями к корпоративному поведению в организации.
 - Ускорение процесса профессиональной адаптации Наставляемого.
 - Стимулирование Наставляемого к эффективной профессиональной деятельности, способности выполнять трудовые обязанности качественно и самостоятельно, а также к развитию и повышению профессионального уровня.
 - Помощь в совершенствовании и закреплении у Наставляемого морально-этических качеств (сознательного, добросовестного, ответственного отношения к исполнению трудовых обязанностей, уважительного отношения к коллегам и иным гражданам, понимания необходимости соблюдения правил и норм корпоративной этики).
 - Помощь Наставляемому в освоении теоретических знаний, практических навыков и опыта, полученных от Наставника в процессе трудовой деятельности.
 - Оценка теоретических знаний и практических навыков Наставляемого в выполнении трудовых обязанностей.
3. Возлагаемые на Наставника дополнительные обязанности выполняются им в период с 03 марта 2025 года по 29 августа 2025 года включительно.
4. Наставник с Положением о наставничестве ознакомлен.
5. За выполняемые по настоящему Дополнительному соглашению дополнительные трудовые обязанности Наставнику в соответствии с утвержденным Положением об оплате труда работников организации устанавливается ежемесячная выплата в размере ____ в месяц.
6. Наставник имеет право досрочно отказаться от осуществления им наставничества, предупредив Работодателя в письменной форме не менее чем за три рабочих дня, а Работодатель – досрочно отменить поручение об осуществлении наставничества,

предупредив об этом Наставника не менее чем за три рабочих дня.

7. Наставник в срок не позднее чем за три рабочих дня до окончания срока наставничества (пункт 3 настоящего Дополнительного соглашения) представляет Работодателю в письменном виде справку с выводами относительно результатов наставничества (прохождения Наставляемым испытательного срока).
8. Изменения, установленные настоящим Дополнительным соглашением, вступают в силу с 3 марта 2025 года.
9. Дополнительное соглашение является неотъемлемой частью Трудового договора, составлено в двух экземплярах, имеющих одинаковую юридическую силу.

Список литературы:

[1] Дукманов М.В. Нормативное регулирование наставничества в системе адаптации личности в трудовой (служебной) деятельности // Вестник Академии права и управления. 2017. № 4(49). С. 113-116.

[2] Бузыкина О. В., Рузавина А. С. К вопросу о правовом статусе наставника в трудовых отношениях // Бизнес. Образование. Право. 2020. № 2 (51). С. 256–259.

[3] Малахова О.В., Лозинская С.И. Наставничество в системе государственной гражданской службы Российской Федерации(региональный опыт) // Вестник государственного и муниципального управления № 1 (16).2015. С. 82-90.

[4] Шестеряков И.А. Социально-правовые аспекты наставничества: история и современность // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2024. № 2. С. 99-108.

[5] Строгович Ю.Н., Звягина А.В. О совершенствовании института наставничества в уголовно-исполнительной системе // Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание. Москва. 2024. С.14-21.

Spisok literatury:

[1] Dukmanov M.V. Normativnoe regulirovanie nastavnichestva v sisteme adaptatsii lichnosti v trudovoi (sluzhebnoi) deiatel'nosti // Vestnik Akademii prava i upravleniia. 2017. № 4(49). S. 113-116.

[2] Buzykina O. V., Ruzavina A. S. K voprosu o pravovom statuse nastavnika v trudovykh otnosheniakh // Biznes. Obrazovanie. Pravo. 2020. № 2 (51). S. 256–259.

[3] Malakhova O.V., Lozinskaya S.I. Nastavnichestvo v sistemegosudarstvennoi grazhdanskoisluzhby Rossiiskoi Federatsii(regional'nyi opyt) // Vestnik gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniia № 1 (16).2015. S. 82-90.

[4] Shesteriakov I.A. Sotsial'no-pravovye aspekty nastavnichestva:istoriia i sovremennost' // Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA). 2024. № 2. S. 99-108.

[5] Strogovich Yu.N., Zviagina A.V. O sovershenstvovanii instituta nastavnichestva v ugolovno-ispolnitel'noi sisteme // Nauchny trudy FKU NII FSIN Rossii. Nauchno-prakticheskoe ezhekvartal'noe izdanie. Moskva. 2024. S.14-21.

ЮРКОПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

ВАСИЛЬЧЕНКО Наталия Викторовна,
старший преподаватель, кафедра права,
факультет гуманитарных наук, экономики и права,
Азовский государственный педагогический университет,
РФ, г. Бердянск,
e-mail: mail@law-books.ru

ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НЕЛЕГАЛЬНОЙ ЗАНЯТОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. Проблема правового противодействия нелегальной занятости трудовых мигрантов в условиях цифровизации экономики и развития социально-экономических связей со государствами-членами ЕАЭС выходит на новый уровень. Об этом свидетельствует статистика органов МВД. Развитию неформального сектора труда способствует платформенная занятость и рост числа самозанятых. Для отдельных отраслей экономики нелегальные трудовые мигранты имеют стратегическое значение, так как работа без трудовых договоров позволяет экономить на социальных расходах. Попытки определить с органами и лицами, способными регулировать и контролировать социально-трудовые отношения, продолжаются, но оцениваются пока как малоэффективные.

Целью статьи является анализ актуальных проблем правового противодействия нелегальной занятости в Российской Федерации в контексте миграционной политики.

Методика. Достоверность полученных результатов исследования обеспечивается теоретическим анализом научной литературы, формально-юридическим методом, анализом статистических данных и анализом зарубежного опыта правового регулирования. Анализ позволил установить, что правовое регулирование социально-трудовых отношений нового типа с помощью традиционного трудового договора, в которых задействована иностранная рабочая сила, могут негативно повлиять на рынок труда, и увеличение социальной финансовой нагрузки на государство. Сделан вывод, что значительные административные барьеры регулирования рынка труда детерминируют появление серых схем трудоустройства нелегальных мигрантов. Основываясь на мнениях ученых, сформулировано заключение о том, что применение цифровых технологий облегчает процесс правового регулирования трудовых отношений с иностранцами, и отменяет потребность в оказании отдельных государственных услуг, сокращая бюджетные расходы.

Ключевые слова: трудовые правоотношения, субъекты трудового права, неформальная занятость, формы занятости, трудоустройство, заемный труд, аутстафтинг, противодействие нелегальной занятости.

VASILCHENKO Natalia,
Senior Lecturer, Department of Law,
Faculty of Humanities, Economics and Law,
Azov State Pedagogical University,
Berdyansk, Russian Federation

SELECTED ISSUES OF COUNTERING ILLEGAL EMPLOYMENT IN THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. The problem of legal counteraction to illegal employment of migrant workers in the context of the digitalization of the economy and the development of socio-economic ties with the EAEU member states is reaching a new level. This is evidenced by the statistics of the Ministry of Internal Affairs. The development of the informal labor sector is facilitated by platform employment and the growing number of self-employed. Illegal labor migrants are of strategic importance for certain sectors of the economy, since working without employment contracts allows you to save on social expenses. Attempts to identify bodies and individuals capable of regulating and controlling social and labor relations are continuing, but they are still assessed as ineffective.

The purpose of the article is to analyze the current problems of legal counteraction to illegal employment in the Russian Federation in the context of migration policy.

The methodology. The reliability of the research results is ensured by the theoretical analysis of scientific literature, the formal legal method, the analysis of statistical data and the analysis of foreign experience in legal regulation. The analysis allowed us to establish that the legal regulation of a new type of social and labor relations through a traditional employment contract involving foreign labor can negatively affect the labor market and increase the social financial burden on the state. It is concluded that significant administrative barriers to labor market regulation determine the emergence of gray employment schemes for illegal migrants. Based on the opinions of scientists, the conclusion is formulated that the use of digital technologies facilitates the process of legal regulation of labor relations with foreigners, and eliminates the need for the provision of certain public services, reducing budget expenditures.

Key words: labor relations, subjects of labor law, informal employment, forms of employment, employment, borrowed labor, outstaffing, counteraction to illegal employment.

Актуальность. Повышение стоимости ресурсов при росте инфляции и удорожании кредитов традиционно детерминируют рост неформальной занятости. Значительное по силе влияние на социально-трудовые отношения оказывают так же международные санкции, которые введены против Российской Федерации.

Неформальная занятость охватывает достаточно широкий диапазон социально-экономических явлений, которые влияют на экономический рост, формирование прослойки среднего класса, благосостояние населения.

В условиях дефицита хорошо оплачиваемых должностей сфера неформальной занятости и неформального трудоустройства становится для некоторых граждан социально значимыми. Кроме того, это явление выступает ключевой проблемой рынка труда, так как снижает налоговую базу и снижает социальные гарантии. Низкий уровень пенсионного обеспечения для отдельных категорий граждан привел к тому, что до 2 миллионов пенсионеров заняты в неформальном трудовом секторе.

Однако, основной проблемой, на наш взгляд, является уход работодателей с рынка (продажа или закрытие бизнеса), либо сокращение производственных затрат, сокращение штата работников, что означает увольнение и последующий рост безработицы.

Внимания заслуживает также уровень правового и управленческого механизма миграционной политики в РФ. По данным ФМС РФ за 2023 год: в стране находилось 6 млн. въехавших мигрантов и от 1,5-3 млн. нелегальных трудовых мигрантов. По оценкам исследователей, от 4 до 8 млн. мигрантов задействовано в неформальном секторе. Таким образом, появляется прослойка нелегальных трудовых рабочих – прекариат [6].

Эта категория населения легко интегрируется в неформальную экономику, которая, конечно, так же является частью национальной экономики и играет немаловажную роль в становлении и развитии конкретных отраслей,

например, сельское хозяйство, торговля, строительство и др. Однако уровень социальных трудовых гарантий и прозрачности налогообложения в таком секторе низкий.

Часть экономики, которая отражает работу лиц, не имеющих официальную работу, не поддается сопоставлению и измерению, например, в статистических показателях. Согласно данным Росстата за 2024 г., в неформальной занятости участие принимает 9,6 млн. граждан. Но мы понимаем, что любые показатели неофициального трудоустройства, всегда имеют погрешность в неточности.

Современным фактором в социально-трудовых отношениях, который приводит к дефициту кадров в реальном секторе экономики, является цифровизация. Следует признать, что социально-трудовые отношения постепенно оформляются в прекаризованный институт, игнорирующий классический трудовой договор. Цифровые технологии серьезно меняют структуру социально-трудовых отношений. Динамичное распространение получают гибкие и нестандартные формы занятости, существенно размывающие модель стандартных трудовых отношений и побуждающие развитие их правового регулирования.

Социально-экономические условия в век цифровизации диктуют праву необходимость обоснования правового статуса новых видов участников трудовых правоотношений. Среди них – оператор цифровой платформы занятости, выступающий в качестве налогового агента для занятых на платформе граждан, или фрилансер, который может как сотрудничать с работодателем в рамках определенных форм занятости, так и самостоятельно нанимать к себе на работу других специалистов. При этом следует подчеркнуть, отдельные цифровые платформы для фриланс и коворкинга могут обеспечивать трансграничное сотрудничество, в том числе использование трудового потенциала мигрантов, что так же ставит перед трудовым правом определенные про-

блемы. Поэтому приходится признавать, что постиндустриальное информационное общество в современных условиях создает предпосылки для развития субъектного состава трудового права и новых видов трудовых договоров, а так же новых организационных условий, например, таких, как платформенная занятость.

В совокупности перечисленное создает риски для экономики государства и развития человеческого капитала в условиях снижения уровня правовых гарантий занятости населения, использования неформального сектора, в том числе с участием трудовых мигрантов.

Целью статьи является анализ актуальных проблем правового противодействия нелегальной занятости в Российской Федерации в контексте миграционной политики.

Методика. Достоверность полученных результатов исследования обеспечивается теоретическим анализом научной литературы, формально-юридическим методом, анализом статистических данных и анализом зарубежного опыта правового регулирования. Правовой анализ основывается на нормативных положениях Трудового кодекса РФ, Налогового кодекса РФ, подзаконных актов, регулирующих органы МВД РФ.

Результаты и обсуждение. С учетом неопределённости правовой терминологии, объясняющей сущность неформального рынка труда, оценка ее масштабов и параметров усложняется. Занятость относится к важнейшим макроэкономическим показателям. Работа без оформления трудового договора подрывает финансовую базу государства. Неформальная экономика демонстрирует экспоненциальный рост: за 2023-2024 гг. прирост неформально занятых граждан составил более 12%. Россия занимает лидирующие позиции по числу принятых иностранных граждан, реализующих свои социально-трудовые права. Эта категория трудящихся не всегда отличается законопослушностью, по отношению к ним работодатель часто нарушает правила оформления трудовых правоотношений. Ежегодно в стране фиксируется 1,5-3 млн. иностранных граждан, работающих неофициально без регистрации. Это отрицательно влияет на рынок труда, на искажение показателей статистики, в результате чего бюджет несет потери в виде неплаченных пошлин и платежей. Незаконная миграция, теневая занятость и нелегальная занятость в совокупности являются компонентами теневого рынка труда.

Следует констатировать факт неравномерной концентрации иностранных работников. Привлекательными для них являются регионы Центрального, Северо-западного, Южного и Сибирского федеральных округов. По мнению исследо-

вателей, уровень их неформальной занятости составляет 48-50%. Однако, в отраслевом разрезе уровень неформальной занятости тоже проявляется неравномерно, так как в РФ появились отрасли-лидеры, которые зависят от труда нелегальных работников. На их социально трудовое положение существенно влияют незнание русского языка и трудового законодательства РФ. Усложняет правовое положение нелегальных трудовых мигрантов частые поправки в миграционное и трудовое законодательство, что деформирует правоприменительную практику и их легализацию [2].

Правовому противодействию нелегальному трудоустройству иностранных граждан служит правоохранительный и правоприменительный функционал органов МВД. Правотворческая функция выражается в принятии проектов федеральных законов и других актов. Так, например, по инициативе МВД был внесен проект нового правового режима – высылки нелегальных мигрантов, незаконно пребывающих, проживающих и работающих на территории РФ [2]. С 2025 года функционирует реестр контролируемых лиц, в отношении которых действует широкий перечень ограничительных мер, побуждающих отказаться от неформальной занятости. Содержание правоприменительной функции МВД выражается в проведении оперативно-розыскной деятельности, в процессе которой осуществляется проверка законности привлечения иностранцев к трудовой деятельности. Нарушение установленных правил и ограничений влечет применение административной ответственности, как на работодателя, та и на иностранных граждан, нелегально работающих.

Отдельную группу проблем для рынка труда представляют самозанятые иностранные граждане, которые трудятся у физических лиц без лицензии на осуществление предпринимательской деятельности, но при этом не производят отчислений в Фонд пенсионного и социального страхования Российской Федерации (Социальный фонд России). Распространение и внедрение цифровых технологий привело к тому, что самозанятые иностранные граждане стали участниками нетипичных форм трудовых отношений в форме заемного и дистанционного труда, аутстаффинга и аутсорсинга. Отсутствие должного правового регулирования этих форм трудоустройства иностранцев порождает проблемы правоприменительной практики и государственного контроля за трудовыми отношениями, и ставит под угрозу национальный рынок труда, усложняет его мониторинг [5].

Обращение к мнениям исследователей показывает, что решение этого вопроса может

вызвать неоднозначные последствия. Так, Ф.И. Мирзабалаева и О.В. Забелина, изучив зарубежный опыт правового регулирования платформенной занятости, пришли к выводу о том, что попытки внедрить правовые меры регулирования занятости на платформах приводят к отрицательным последствиям для всех участников платформенных трудовых отношений. В таких ситуациях государство получает на обременение безработных лиц, фрилансеры лишаются источника дохода, а бизнес уходит с рынка. На практике доказано, что внедрение новых публично-правовых норм, устанавливающих социальные гарантии для фрилансеров в обязательном порядке, приводит к тому, что транзакции сокращаются как и сам рынок платформенных услуг. Так, например, в 2020 г. в Канаде власти признали курьеров зависимыми подрядчиками, и обязал платформу, на которой они работали, оказывать меры социальной поддержки. Итогом принятых мер стал уход крупного игрока из рынка Канады. Обсуждение принятия в 2021 г. в Испании закона о курьерах потребовало от онлайн-платформ идентификации курьеров, занятых в доставке, как наемных работников. Инициатива предложена для повышения уровня социальной защищенности персонала, в том числе и трудовых мигрантов из других стран. Пока этот закон обсуждался, компания оператор платформы Deliveroo покинула испанский рынок доставки. Основное объяснение такому поведению заключается в том, что в долгосрочной перспективе потенциальной доходности недостаточно, а для реализации социальных гарантий для курьеров необходимы инвестиции, которые непропорциональны будущим доходам. Альтернативой для выхода из кризиса регулирования является создание негосударственного страхового продукта посредством софинансирования платформой и самозанятыми выбранных дополнительных социальных гарантий, объем которых будет зависеть от объема выполненных заказов, цифровой репутации, оцененной заказчиками [7]. Есть и удачные примеры: в ряде стран ЕС заработала программа социального страхования для компании Uber, разработанная страховой компанией AXA, гарантирующая курьерам и водителям социальные гарантии.

Трудовой кодекс РФ в отношении заемного труда устанавливает запрет (статья 56.1 ТК РФ), потому что он связан с налоговыми нарушениями и нарушением трудовых прав работников. Если все же работника нужно привлечь для работы в интересах заказчика, то можно заключить договор о предоставлении труда работников (персонала) в соответствии с гл. 53.1 ТК РФ — это и будет аутстаффингом [1].

Направление работника к другому работодателю особо востребовано в сферах клининга,

общепита, производства и строительства. Несмотря на отсутствие четких границ между перечисленными формами трудовых отношений, выступающих результатом нестабильных экономических связей, только аутсорсинг признается легальной формой трудоустройства [9].

Однако осуществлять такое трудоустройство могут только организации, имеющие право на осуществление деятельности по предоставлению труда работников (персонала).

В системе усовершенствования отношений формальной занятости и правового статуса трудовых мигрантов немаловажную роль играют обязанности органов исполнительной власти, в частности Министерства внутренних дел Российской Федерации, которое занимается обеспечивает законность и правопорядок, снижение противоправной деятельности.

Буквально недавно в научных кругах обсуждался вопрос создания специализированных организаций по трудоустройству иностранных граждан в РФ. Законодательное решение найдено: подписан Указ Президента Российской Федерации от 2 апреля 2025 года № 205 «О совершенствовании государственного управления в сфере миграции», в котором регламентируются организационные вопросы создания Службы по вопросам гражданства и регистрации иностранных граждан МВД России и усовершенствования нормативно-правового регулирования правоотношений. Однако, данная Служба только в начале своей деятельности.

Недостаточным является опыт и квалификация у персонала организаций, которые предоставляют услугу трудоустройства, вследствие чего могут нарушаться права, как работодателей, желающих легально трудоустроить иностранцев, так и у самих иностранцев. По этим причинам до сих пор приоритет отдается серым посредникам. Решить такую проблему видится возможным посредством льгот и преференций для работников и работодателей. Для этого есть достаточно формальных оснований, так как статья 227.1 НК РФ устанавливает, что «общая сумма налога с доходов иностранных граждан подлежит уменьшению на сумму авансовых платежей, которые уплатили иностранные налогоплательщики в период действия патента [3]. Это позволит решить проблемы выпадающих доходов.

Для совершенствования практики противодействия нелегальной трудовой миграции, по мнению отдельных исследователей, необходимо усовершенствовать государственный контроль за соблюдением законодательства. Так, Т.А. Прудникова предлагает использовать в отношении иностранных граждан биометрию персональных данных, что позволит оперативно принять ограничительные меры и идентифицировать лич-

ность иностранца. Развивая эти идеи А.С. Прудников считает, что с внедрением цифровых технологий отдельные виды государственных услуг в сфере миграции исчезнут (например, талон об уведомлении о регистрации временного пребывания). Одновременно эти новшества будут способствовать повышению качества предоставляемых иностранцам государственных услуг и сокращению расходов бюджета [4]. Участие РФ в ряде международных соглашений, касающихся временной деятельности иностранных граждан накладывает на нее определенную ответственность [8]. Иностранные граждане государств-участников ЕАЭС имеют сравнительно больше предпочтений, касающихся участия в трудовой деятельности на территории РФ.

Выводы. Подводя итоги данного исследования, мы видим, что проблема противодействия неформальному рынку труда в контексте миграционной политики является многогранной. Во многом этому способствует цифровые технологии, и развитие нестандартных форм занятости, не требующих заключения трудового договора. Благодаря этим тенденциям расширяется перечень участников трудовых отношений, в числе которых платформы занятости, их операторы, фрилансеры и самозанятые граждане. Гибкие и нестандартные формы занятости привлекают иностранных граждан, а доступность платформенных цифровых услуг удовлетворяют потребности работодателей.

Репрессивные административно-правовые механизмы преодоления проблемы нелегальной трудовой занятости иностранных рабочих в полной мере не решают, но оказывают определенное стимулирующее влияние.

Анализ зарубежного опыта показывает, что внедрение новых норм права, устанавливающих социально-трудовые гарантии для фрилансеров в обязательном порядке, приводит к сокращению транзакций и рынков платформенных услуг, потому что реализация таких гарантий требует больших инвестиций.

Современное развитие законодательного регулирования трудоустройства мигрантов и пресечения нелегальной занятости обеспечит управление в сфере правоохранительной деятельности, налогообложения, предоставления цифровых услуг и международно-правового сотрудничества, что даст в перспективе положительный результат правовой защиты всех участников трудовых правоотношений.

Список литературы:

[1] Аутстаффинг, аутсорсинг, заемный труд: почему бизнесу надо знать отличия // РБК. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://](https://companies.rbc.ru/news/kS5aN8CiKB/autstaffing-autsorsing-zaemnyj-trud-pochemu-biznesu-nado-znat-otlichiya/)

companies.rbc.ru/news/kS5aN8CiKB/autstaffing-autsorsing-zaemnyj-trud-pochemu-biznesu-nado-znat-otlichiya/ (дата обращения: 03.05.2025).

[2] Вдовиченко Л. Н. Социальные аспекты миграционной политики / Л. Н. Вдовиченко // Материалы XXII Международной конференции памяти профессора Л.Н. Когана «Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования». — Екатеринбург: УрФУ, 2019. — С. 220-231.

[3] Дутов П.О., Ермакова М.В. Роль МВД России и его территориальных органов в обеспечении экономической безопасности Российской Федерации в контексте противодействия неформальной занятости иностранных граждан // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. – 2025. – №1. – С.91-94.

[4] Дутов П.О. О некоторых вопросах реализации пилотного проекта по привлечению в организованном порядке граждан Республики Узбекистан к трудовой деятельности на территории Российской Федерации / П.О. Дутов // Криминологический журнал. – 2024. – №1. – С.42-48.

[5] Дутов П.О. Реализация государственной миграционной политики противодействия незаконной трудовой миграции: основные проблемы и перспективы / П.О. Дутов // Образование. Наука. Научные кадры. – 2021. – №4. – С.93-95.

[6] Логинова Л.В. Прекаризация в системе социально-трудовых отношений: проблемы и перспективы институционализации / Л.В. Логинова // Вестник Санкт-Петербургского университета. – 2016. – №3. – С.34-47.

[7] Мирзабалаева Ф.И., Забелина О.В. Регулирование платформенного труда: гибкий баланс государственных гарантий и саморегулирования // Экономика труда. – 2022. – №3. – С.587-604.

[8] Прудникова Т.А. Трудовая деятельность иностранных граждан и лиц без гражданства на примере Российской Федерации и ряда государств содружества независимых государств: особенности и актуальные вопросы / Т.А. Прудникова // Вестник Московского университета МВД России. – 2021. – №4. – С.224-227.

[9] Чернова Г.Ш., Пономарева Е.В. К вопросу о соотношении заемного труда, аутсорсинга и аутстаффинга // Инновационная наука. – 2016. – №4-4. – С.168-171.

Spisok literatury:

[1] Autstaffing, outsorsing, zaemnyj trud: pochemu biznesu nado znat' otlichiya // RBK. – [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: [https://](https://companies.rbc.ru/news/kS5aN8CiKB/autstaffing-autsorsing-zaemnyj-trud-pochemu-biznesu-nado-znat-otlichiya/)

[2] Vdovichenko L. N. Social'nye aspekty migracionnoj politiki / L. N. Vdovichenko // Materialy XXII Mezhdunarodnoj konferencii pamyati professora L.N. Kogana «Kul'tura, lichnost', obshchestvo v sovremennom mire: metodologiya, opyt empiricheskogo issledovaniya». — Ekaterinburg: UrFU, 2019. — S. 220-231.

[3] Dutov P.O., Ermakova M.V. Rol' MVD Rossii i ego territorial'nyh organov v obespechenii ekonomicheskoy bezopasnosti Rossijskoj Federacii v kontekste protivodejstviya neformal'noj zanyatosti inostrannyh grazhdan // Vestnik Vserossijskogo instituta povysheniya kvalifikacii sotrudnikov Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii. — 2025. — №1. — S.91-94.

[4] Dutov P.O. O nekotoryh voprosah realizacii pilotnogo proekta po privlecheniyu v organizovanom poryadke grazhdan Respubliki Uzbekistan k trudovoj deyatel'nosti na territorii Rossijskoj Federacii / P.O. Dutov // Kriminologicheskij zhurnal. — 2024. — №1. — S.42-48.

[5] Dutov P.O. Realizaciya gosudarstvennoj migracionnoj politiki protivodejstviya nezakonnoj tru-

dovoj migracii: osnovnye problemy i perspektivy / P.O. Dutov // Obrazovanie. Nauka. Nauchnye kadry. — 2021. — №4. — S.93-95.

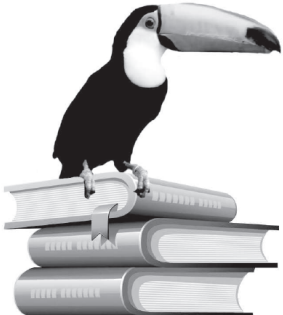
[6] Loginova L.V. Prekarizaciya v sisteme social'no-trudovyh otnoshenij: problemy i perspektivy institucionalizacii / L.V. Loginova // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. — 2016. — №3. — S.34-47.

[7] Mirzabalaeva F.I., Zabelina O.V. Regulirovanie platformennogo truda: gibkij balans gosudarstvennyh garantij i samoregulirovaniya // Ekonomika truda. — 2022. — №3. — S.587-604.

[8] Prudnikova T.A. Trudovaya deyatel'nost' inostrannyh grazhdan i lic bez grazhdanstva na primere Rossijskoj Federacii i ryada gosudarstva sodruzhestva nezavisimyh gosudarstv: osobennosti i aktual'nye voprosy / T.A. Prudnikova // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. — 2021. — №4. — S.224-227.

[9] Chernova G.Sh., Ponomareva E.V. K voprosu o sootnoshenii zaemnogo truda, autsorsinga i autstaffinga // Innovacionnaya nauka. — 2016. — №4-4. — S.168-171.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ШИЧКО Алексей Романович,
студент, Дальневосточный федеральный университет,
Юридическая школа,
e-mail: shichko.aro@dvfu.ru

САВВАТЕЕВ Сергей Владимирович,
студент, Дальневосточный федеральный университет,
Юридическая школа,
e-mail: savvateev.sv@dvfu.ru

СУРКОВ Артём Николаевич,
студент, Дальневосточный федеральный университет,
Юридическая школа,
e-mail: surkov.an@dvfu.ru

Научный руководитель:
КИМ Евгения Федоровна,
Старший преподаватель кафедры трудового и экологического права
Дальневосточного федерального университета,
e-mail: kim.ef@dvfu.ru

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ВЫПЛАТЫ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ ЦИФРОВЫМИ РУБЛЯМИ

Аннотация. Внедрение цифрового рубля как новой формы национальной валюты открывает перспективы для модернизации финансовых расчетов, включая выплату заработной платы. Однако данный процесс требует комплексного анализа различных правовых аспектов, связанных с переходом на цифровые выплаты. В статье исследуются ключевые вопросы соответствия трудовому законодательству, защиты прав работников. Авторы рассматривают действующую нормативно-правовую базу, выявляют пробелы в регулировании и предлагают меры по адаптации законодательства к новым цифровым реалиям. На основе проведенного анализа формулируются рекомендации по совершенствованию правовых механизмов, регулирующих выплату заработной платы в цифровых рублях.

Ключевые слова: цифровой рубль, национальная валюта, заработная плата, трудовое право, права работника.

SHICHKO Alexey Romanovich,
student, Far Eastern Federal University, Law School

SAVVATEEV Sergey Vladimirovich,
student, Far Eastern Federal University, Law School

SURKOV Artem Nikolaevich,
student, Far Eastern Federal University, Law School

Scientific supervisor:
KIM Evgeniya Fedorovna,
Senior Lecturer at the Department of Labor and Environmental Law
Far Eastern Federal University

LEGAL ASPECTS OF PAYMENT OF WAGES IN DIGITAL RUBLES

Annotation. The introduction of the digital ruble as a new form of national currency opens up prospects for the modernization of financial settlements, including the payment of wages. However, this process requires a comprehensive analysis of various legal aspects related to the transition to digital payments. The article

examines key issues of compliance with labor legislation and protection of workers' rights. The authors review the current regulatory framework, identify regulatory gaps, and propose measures to adapt legislation to the new digital realities. Based on the analysis, recommendations are formulated to improve the legal mechanisms governing the payment of wages in digital rubles.

Key words: *digital ruble, national currency, wages, labor law, employee rights.*

Развитие цифровых финансовых технологий и внедрение центральными банками цифровых валют создает новые правовые реалии в сфере трудовых отношений. В 2021 году Банк России представил Концепцию цифрового рубля [1], определив его как третью форму национальной валюты наряду с наличными и безналичными деньгами. Одним из потенциальных направлений использования цифрового рубля является выплата заработной платы, что может повысить эффективность расчетов между работодателями и работниками. Однако реализация данной инициативы требует решения ряда правовых вопросов. Целью статьи является их анализ, а также выявление пробелов в регулировании и разработка рекомендаций по совершенствованию законодательства.

Согласно Концепции Банка России [1], цифровой рубль является обязательством Центрального банка и обладает свойствами денежного средства. Это отличает его от криптовалют и иных цифровых активов, не имеющих обеспечения. Цифровой рубль представляет собой электронную форму национальной валюты, эмитируемую Банком России и функционирующую на основе распределенных реестровых технологий. Его ключевыми характеристиками являются обеспечение государством, централизованный контроль эмиссии и обращения, а также возможность использования как в онлайн-, так и в офлайн-режимах.

В отличие от криптовалют, цифровой рубль не обладает анонимностью в полном объеме, что позволяет государственным органам осуществлять финансовый мониторинг. Отличие цифровых рублей от безналичных денег заключается в том, что они хранятся на платформе Центрального банка Российской Федерации, а не на счетах коммерческих банков, как безналичные рубли [2].

Законодатель включил цифровой рубль в объекты гражданских прав посредством внесения изменений в гражданское законодательство Федеральным законом от 24 июля 2023 г. № 339-ФЗ. Согласно указанному нормативно-правовому акту, цифровой рубль, как и безналичные денежные средства, относится к категории имущественных прав.

Кроме того, цифровой рубль может рассматриваться как законное средство платежа, что подтверждается положениями Гражданского кодекса Российской Федерации (ч. 1 ст. 140), где

указано, что платежи на территории России осуществляются путем наличных и безналичных расчетов, включая расчеты цифровыми рублями. В то же время Трудовой кодекс Российской Федерации (ТК РФ) не содержит прямых упоминаний о цифровом рубле. Статья 131 ТК РФ устанавливает: «Выплата заработной платы производится в денежной форме в валюте Российской Федерации (в рублях)». Поскольку цифровой рубль представляет собой новую форму российской валюты, его использование для выплаты заработной платы не противоречит общему положению ст. 131 ТК РФ.

Дополнительным аргументом в пользу допустимости таких выплат служит позиция Центрального банка, изложенная в Концепции цифрового рубля [1]. В документе подчеркивается, что счета Федерального казначейства не будут иметь ограничений на обмен безналичных рублей на цифровые, что создает правовую и техническую возможность применения цифрового рубля в том числе для расчетов с работниками.

Таким образом, в рамках трудовых отношений цифровой рубль, будучи законным средством платежа, может рассматриваться как допустимая форма выплаты заработной платы. Однако для полной правовой определенности требуется внесение соответствующих уточнений в трудовое законодательство. Основным шагом должно стать нормативное закрепление цифрового рубля в качестве одной из форм выплаты заработной платы, с одновременным установлением правовых гарантий для работников и четким определением обязанностей работодателей.

Ключевым вопросом является возможность работника определить форму выплаты вознаграждения за труд. Имеет ли работник право отказаться от получения заработной платы цифровыми рублями? На такую возможность указывает Трудовой кодекс РФ: в статьях 131, 135 и 136 установлен договорный режим определения формы зарплаты, порядка её получения. Кроме того, согласно разъяснениям Центрального банка [3] выбор формы получения заработной платы является правом работника. Данное положение распространяется на все денежные операции: граждане смогут самостоятельно выбирать, какую форму рубля использовать — наличную, безналичную или цифровую [3]. Также представляется возможным полностью отказаться от такой формы выплат без каких-либо последствий.

Что касается непосредственного использования цифрового рубля в трудовых отношениях, можно выделить ряд проблемных вопросов его введения. В частности, организация выплаты заработной платы в цифровых рублях требует от работодателя выполнения обязанности по информированию работника о новых условиях выплат. Данная обязанность вытекает из принципа добровольности выбора формы выплаты, закрепленного в статьях 131 и 136 Трудового кодекса РФ, а также из общих норм о защите трудовых прав. Работник должен получать полную и достоверную информацию, позволяющую ему принять осознанное решение о переходе на цифровые выплаты.

Исходя из этого, представляется целесообразным возложить на работодателя обязанность по разъяснению технических аспектов использования цифрового рубля, включая порядок открытия кошелька, авторизации и безопасного хранения средств. Не менее важным является информирование о правовых условиях, в частности о возможности отказа от цифровой формы выплат в любой момент без применения каких-либо санкций, а также о праве на беспрепятственную конвертацию цифровых рублей в наличные или безналичные денежные средства. Особое внимание следует уделить разъяснению потенциальных рисков, таких как утрата доступа к кошельку или возможные технические сбои платформы Центрального банка.

Отсутствие должного информирования может повлечь признание выплат незаконными, привлечение работодателя к административной ответственности по статье 5.27 Кодекса об административных правонарушениях РФ, а также возникновение судебных споров с требованиями о компенсации морального вреда.

Целесообразно разработать типовую форму уведомления, которая бы содержала все существенные условия и особенности такого способа выплат. Надлежащее информирование работников является важной гарантией защиты их прав при внедрении новых форм денежных расчетов в трудовые отношения.

Для детализации порядка выплаты заработной платы в цифровых рублях необходимо принятие ряда подзаконных актов. В компетенцию Минтруда России должно входить установление правил документального оформления таких выплат, включая требования к электронным платежным документам и цифровым подписям. Отдельного регулирования требует вопрос фиксации момента исполнения обязательств работодателя, особенно в случаях технических сбоев платформы цифрового рубля. Совместные разъяснения Минтруда и Банка России должны определить перечень обязательных реквизитов пла-

тежа, правила исчисления сроков выплаты заработной платы, а также механизмы защиты прав работников при возникновении спорных ситуаций.

Переходя к анализу гарантий надежности расчетов, следует отметить, что декларируемые Центральным банком Российской Федерации преимущества цифрового рубля в части обеспечения сохранности и безопасности средств требуют критического осмысления в контексте трудовых правоотношений. В частности, возникает комплекс правовых проблем, связанных с определением субъекта ответственности при нарушении сроков выплаты заработной платы вследствие технических сбоев платформы цифрового рубля.

В традиционной системе расчетов ответственность за задержку заработной платы четко регламентирована статьей 236 Трудового кодекса РФ, предусматривающей материальную ответственность работодателя в виде денежной компенсации. Однако при переходе на цифровой рубль возникает правовая неопределенность в вопросах распределения ответственности между работодателем и Центральным банком как оператором платежной платформы.

Анализ судебной практики по схожим делам показывает, что, например, технические сбои в работе системы программного обеспечения продавца (банка), не являющийся следствием действия непреодолимой силы, не освобождает его от ответственности перед клиентом за неисполнение обязательств [4], а как было сказано выше, цифровой рубль является обязательством ЦБ.

Как указано в Приложении к письму «О форме договора счета цифрового рубля между оператором платформы цифрового рубля и пользователем платформы цифрового рубля» [5], технические сбои в работе системы цифрового рубля могут быть квалифицированы как обстоятельства непреодолимой силы (форс-мажор) только в случае, если они одновременно являются чрезвычайными и непредотвратимыми при данных условиях.

Отдельно отмечено, что сторона договора вследствие действия обстоятельств непреодолимой силы, должна доказать, что: 1) обязательство не исполнено из-за обстоятельства, которое находится вне ее контроля; 2) она не могла в момент заключения договора разумно предвидеть это обстоятельство или его последствия для исполнения договора; 3) она не могла избежать или преодолеть такое обстоятельство или его последствия [5].

В иных ситуациях работодатель, как сторона трудового договора, остается обязанным обеспечить своевременную выплату заработной платы, даже если задержка вызвана техниче-

скими проблемами на стороне оператора платформы. Это следует из принципа своевременности выплаты заработной платы закреплённом в ТК РФ.

Таким образом, описанные нормы ставят работодателя и работника в правовую неопределённость. В случае технического сбоя работодатель может быть вынужден использовать альтернативные способы выплаты (например, перечисление на банковские счета работников или выплату наличными), что должно быть предусмотрено в локальных нормативных актах организации. При этом подразумевается, что дополнительные расходы работодателя, связанные с изменением способа выплаты, не могут быть основанием для освобождения от обязанности выплаты компенсации за задержку заработной платы.

Особого внимания заслуживает вопрос о возможности регрессного требования работодателя к Центральному банку как оператору платформы. В настоящее время законодательство не содержит четких механизмов возмещения убытков, понесенных работодателем из-за технических сбоев системы цифрового рубля. Это создаёт правовые риски для работодателей и требует внесения соответствующих изменений в нормативную базу, регулирующую функционирование цифрового рубля.

Перспективным направлением развития законодательства могло бы стать введение специального страхового механизма на случай технических сбоев платёжной системы, а также четкое определение условий, при которых технические неисправности признаются форс-мажорными обстоятельствами. Это позволило бы сбалансировать интересы всех участников правоотношений — работников, работодателей и Центрального банка как оператора системы цифрового рубля.

Таким образом, внедрение цифрового рубля в систему выплаты заработной платы, несмотря на формальное соответствие нормам гражданского и трудового законодательства, требует существенной доработки правового регулирования. Ключевыми проблемами остаются отсутствие четкого механизма распределения ответственности при технических сбоях, необходимость законодательного закрепления гарантий добровольного выбора формы выплат и разработки специальных процедур документального оформления. Для практической реализации цифровых выплат необходимо внести соответствующие изменения в Трудовой кодекс РФ, разработать подзаконные нормативные акты и создать эффективный механизм защиты прав работни-

ков, что позволит обеспечить баланс интересов всех участников трудовых отношений в условиях цифровой трансформации экономики.

Список литературы

[1] – Цифровой рубль: концепция Центрального Банка Российской Федерации [Электронный доступ] // Центральный банк РФ. — Режим доступа: www.cbr.ru/analytics/d_ok/dig_ruble/ (Дата обращения: 18.05.2025).

[2] – Трегуб Илона Владимировна, Аксенова Елизавета Олеговна Цифровой рубль: сущность и перспективы применения в России // Финансовые рынки и банки. 2023. №11.

[3] – Цифровой рубль [Электронный ресурс] // Банк России. - URL: <https://www.cbr.ru/faq/dr> (дата обращения: 19.05.2025).

[4] – Позиция ВС РФ: Сбой программного обеспечения продавца (банка), не являющийся следствием действия непреодолимой силы, не освобождает его от ответственности перед клиентом за неисполнение обязательств Определение Верховного Суда РФ от 02.04.2024 N 46-КГ24-1-К6 и другие акты высших судов Применимые нормы: п. 3 ст. 401 ГК РФ, ст. 16 Закона РФ от 07.02.1992 N 2300-1.

[5] – Приложение к письму «О форме договора счета цифрового рубля между оператором платформы цифрового рубля и пользователем платформы цифрового рубля».

Spisok literatury

[1] – Tsifrovoy rubl': kontseptsii Tsentral'nogo Banka Rossiiskoi Federatsii [Elektronnyi dostup] // Tsentral'nyi bank RF. — Rezhim dostupa: www.cbr.ru/analytics/d_ok/dig_ruble/ (Data obrashcheniia: 18.05.2025).

[2] – Tregub Ilona Vladimirovna, Aksenova Elizaveta Olegovna Tsifrovoy rubl': sushchnost' i perspektivy primeneniia v Rossii // Finansovye rynki i banki. 2023. №11.

[3] – Tsifrovoy rubl' [Elektronnyi resurs] // Bank Rossii. - URL: <https://www.cbr.ru/faq/dr> (data obrashcheniia: 19.05.2025).

[4] – Pozitsiia VS RF: Sboi programmnogo obespecheniia prodavtsa (banka), ne iavliaiushchiisya sledstviem deistviia nepreodolimoj sily, ne osvobozhdaet ego ot otvetstvennosti pered klientom za neispolnenie obiazatel'stv Opredelenie Verkhovnogo Suda RF ot 02.04.2024 N 46-KG24-1-K6 i drugie akty vysshikh sudov Primenimye normy: p. 3 st. 401 GK RF, st. 16 Zakona RF ot 07.02.1992 N 2300-1.

[5] – Prilozhenie k pis'mu «O forme dogovora scheta tsifrovogo rublia mezhdru operatorom platformy tsifrovogo rublia i pol'zovatelem platformy tsifrovogo rublia».

Дата поступления рукописи в редакцию: 12.05.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.06.2025 г.

DOI: 10.24412/2224-9133-2025-5-368-372

ЖМУРОВ Дмитрий Витальевич,
к.ю.н., доцент кафедры уголовного права и криминологии
Байкальского государственного университета (г. Иркутск),
e-mail: zdevraz@ya.ru

СУЩНОСТНЫЕ ПРИЗНАКИ КИБЕРЖЕРТВ

Аннотация. В статье предлагается комплексный анализ феномена кибержертвы как самостоятельного субъекта цифрового пространства. Автор исследует основные признаки современных кибержертв: инфраструктурную зависимость от базовых цифровых ресурсов, дуалистическую природу (сочетание материального и виртуального начал), распределённое «тело», интерфейсную воплощённость, а также экстерриториальность-экстемпоральность и неопределённость правового статуса. Кроме этого, рассмотрены специфические факторы виктимизации для физических лиц, включая амбивалентность и виктимные личностные качества (внушаемость, доверчивость, отсутствие культуры информационной безопасности). Анализируются различные подходы к определению и характеристикам кибержертв, что позволяет предложить расширенную концепцию их природы и выделить отличительные признаки, выходящие за рамки традиционных виктимологических моделей.

Ключевые слова: кибержертва, киберпреступление, цифровая идентичность, кибервиктимология, информационная безопасность, интерфейс, децентрализация, DAO.

ZHMUROV Dmitry Vitalievich
PhD in Law, Associate Professor,
Department of Criminal Law and Criminology,
Baikal State University (Irkutsk)

THE ESSENTIAL CHARACTERISTICS OF CYBERVICTIMS

Annotation. The article offers a comprehensive analysis of the phenomenon of cyber victim as an independent subject of digital space. The author examines the main features of modern cyber victims: infrastructural dependence on basic digital resources, dualistic nature (combination of material and virtual principles), distributed 'body', interface embodiment, as well as extraterritoriality-existtemporality and uncertainty of legal status. In addition, the specific factors of victimisation for physical persons are considered, including ambivalence and victimised personal qualities (suggestibility, gullibility, lack of information security culture). Different approaches to the definition and characteristics of cyber victims are analysed, which allows us to propose an expanded concept of their nature and highlight distinctive features that go beyond traditional victimological models.

Key words: cybervictimisation, cybercrime, digital identity, cybervictimology, information security, interface, decentralisation, DAO.

Понятием «кибержертва» охватывается субъект (организация, группа, индивид, иной актор цифрового пространства), пострадавший от киберпреступления.

Анализ научной литературы показывает, что несмотря на разнообразие подходов к пониманию кибержертв [1,2], в ее характеристиках можно выделить ряд общих признаков, позволяющий рассматривать данную группу субъектов как самостоятельную и обособленную. Среди таковых:

1. инфраструктурная зависимость как базовое условие существования и операционной деятельности кибержертв. Эта особенность проявляется в критической (экзистенциальной) связи природы кибервиктимизации и феномена кибержертв с такими фундаментальными ресурсами, как энергоснабжение, сетевые коммуникации и вычислительные мощности;
2. дуалистическая (гибридная) природа кибержертв соотносится со смешанным или мно-

гокомпонентным характером реальности, в которой происходит ее формирование и функционирование. Кибержертва является результатом взаимодействия двух миров: физического и информационно-цифрового. Логика её формирования предполагает, что причинение вреда, к примеру, физической личности происходит посредством компрометации её цифровой идентичности («виртуального Я», цифровой проекции) или в ходе негативного взаимодействия с этой идентичностью (в чате или социальной сети, на форуме, ином медийном пространстве). Указанный дуализм проявляется также в специфической зависимости потенциальной или реализуемой виктимности от технологических факторов. Дело в том, что положение жертвы обусловлено несколькими компонентами. Первый из них – это персональная уязвимость лица-оператора или пользователя компьютера. Второй – потенциальная незащищенность и несовершенство компьютерных систем в вопросах безопасности. В ряде случаев аппаратные бреши имеют куда большее значение, чем любопытство, неосмотрительность и противоправное поведение жертвы. В случаях, когда от киберпреступления страдает «иной субъект», реализованный в программном коде (например, DAO), ущерб также обнаруживает себя в материальном мире: блокируются финансовые потоки, останавливаются производственные процессы, нарушается репутация людей, стоящих за автономной организацией. Поэтому субъективный опыт кибервиктимизации всегда разворачивается между телесно-вещественной и информационно-семиотической реальностью;

3. распределенность или утрата целостной «локальной» точки существования кибержертвы. Данные, учетные записи, сервера, узлы распределённого реестра образуют ее «рассредоточенное тело». Это понятие наилучшим образом описывает эту новую онтологию. Учетная запись в социальной сети, банковский аккаунт, сохраненные файлы на удаленном сервере, даже репутация, формируемая цифровыми следами – все это фрагменты существования личности или иного цифрового субъекта. Они могут быть географически разнесены на тысячи километров, храниться на оборудовании, не принадлежащем кибержертве, и управляться алгоритмами, не до конца ей понятными. Для физических лиц возникает своеобразная децентрализация собственного «Я»:

отход от восприятия собственного тела и сознания в качестве единого локализованного центра. Персональная идентичность, активы, социальные связи и даже когнитивные процессы (например, память, делегированная облачным хранилищам) оказываются распределены. Это не просто «представительства» личности в сети, а активные, функциональные части ее расширенного бытия. Когда происходит взлом или утечка таких данных, человек переживает подобное как прямое посягательство на себя, даже если его физическое тело не пострадало. Фраза «меня взломали» – далеко не метафора. Она является констатацией факта нарушения границ распределённого «Я». Для нечеловеческих акторов (ИИ-агентов или смарт-контрактов) разрушение любой ноды (Нода – это компьютер или устройство, подключённое к блокчейн-сети, которое хранит копию всего блокчейна или его части и участвует в процессе проверки и распространения транзакций), оракула (Оракул в блокчейне – это сторонний сервис, который соединяет блокчейн с внешними источниками данных) или децентрализованного программного компонента приводит к утрате функциональности.

«Распределенное тело» таким образом создает множество точек входа для злоумышленников. Атака может быть направлена не на «ядро» (физический организм или центральный сервер), а на любой из его рассредоточенных компонентов;

4. интерфейсная воплощенность кибержертвы означает, что ее формирование и бытие неотделимо от специфических коммуникативных каналов, через которые она взаимодействует с миром (интерфейсов).

Для человека, находящегося в цифровой среде – это графический пользовательский интерфейс (GUI), голосовой интерфейс ассистента (VUI) или даже тактильный отклик контроллера.

Для программного обеспечения, сервиса или бота – это API (Application Programming Interface) или его способ взаимодействия с другими программами, т.н. «протоколы общения», «входы» и «выходы».

Для IoT-устройства интерфейсом является панель управления, мобильное приложение, а также сетевые порты и протоколы, через которые идет обмен данными.

Любая кибератака, будь то на человека или на систему, должна происходить через какой-либо интерфейс. Зловредное ПО попадает через интерфейс загрузки или открытия файла, фишинг

говое письмо эксплуатирует интерфейс электронной почты и веб-браузера, DDoS-атака нацелена на сетевые интерфейсы сервера и т.п. Без интерфейса нет точки приложения силы для злоумышленника.

Чем больше интерфейсов у субъекта (человека или системы), тем больше потенциальных точек для атаки. Многочисленные аккаунты, подключенные устройства, открытые API – все это расширяет «интерфейсное тело» и, следовательно, уязвимость кибержертвы. При этом физические пользователи часто не всегда осознают интерфейсы, через которые они взаимодействуют (например, фоновые сетевые соединения, API сторонних сервисов, используемых приложением и проч.).

Таким образом, признание интерфейсной воплощенности как неотъемлемого атрибута любого актора цифрового пространства позволяет глубже понять механизмы кибервиктимизации. Кибержертва – это не абстрактная сущность; она всегда конкретна и ее уязвимость материализуется именно в точках ее соприкосновения с цифровым миром, то есть в ее интерфейсах;

5. экстерриториальность и экстемпоральность жертв означает их пространственную и временную разобщенность с преступником. Во-первых, жертвы чаще всего находятся на значительном удалении от делинквента. Преступники целенаправленно используют эту возможность, предпочитая действовать вне пределов юрисдикции последней. Такое трансграничное поведение значительно усложняет процесс расследования и привлечения виновных к ответственности, поскольку требует международного сотрудничества, сопряженного с бюрократическими и правовыми барьерами. Стремление минимизировать риски уголовного преследования является ключевым мотивом для выбора удаленных целей [3]. Во-вторых, упоминая об экстемпоральности следует иметь в виду, что время атак и время обнаружения их последствий у кибержертв порой разнесены, что может создавать эффект «отложенного воздействия» (хотя подобное нередко встречается и при традиционных формах криминальной деятельности);
6. неопределенность статуса подразумевает сложность или невозможность признания всех кибержертв юридически значимыми субъектами в рамках существующего правового поля. Эта ситуация возникает, когда кибержертвами становятся субъекты, которые не соответствуют традиционным категориям физических или юридических лиц.

Одним из существующих уже сегодня примеров являются децентрализованные автономные организации (DAO), работающие на базе блокчейн-технологий. Эти «образования» управляются с помощью смарт-контрактов, у них нет централизованного руководства и зарегистрированных физических адресов. Ключевой вопрос регулирования их деятельности заключается в том, обладают ли эти субъекты достаточным количеством характеристик, чтобы быть признанными новой правовой сущностью или возможно регулирование последних без субъектного свойства? В данный момент большинство правовых систем не признают DAO самостоятельными юридическими лицами, однако некоторые предлагают применение к ним нормативной базы, характерной для обществ с ограниченной ответственностью [4]. Пока происходят подобные дискуссии DAO уже не раз оказывались жертвами хакеров. Одним из наиболее известных таких случаев является хищение криптовалюты у венчурного фонда «The DAO» на сумму 50 миллионов долларов США (2016). Этот инцидент, являющийся одним из крупнейших взломов в истории, в конечном итоге привел к краху данного объединения [5].

Таким образом, неопределенность статуса является свойством некоторых кибержертв, которые не могут быть отнесены ни к физическим, ни к юридическим лицам. Такое свойство характеризует правовую и регулятивную неопределенность, сложности с признанием или защитой прав, а также поднимает вопрос об адаптивности правового регулирования в условиях быстро развивающихся цифровых технологий. Несмотря на то, что сегодня нет задокументированных случаев, когда искусственный интеллект или цифровой организм признавались жертвой киберпреступления, эта практика, вероятно, может стать следующим этапом эволюции ИИ и других цифровых сущностей.

Анализ научной литературы позволил выявить также ряд признаков, которые, однако, не носят всеобъемлющего характера, будучи специфичными для определенных категорий субъектов, подвергшихся виктимизации, прежде всего – физических лиц. Для формирования исчерпывающего представления о характеристике кибержертв, данные признаки будут рассмотрены ниже. Среди них:

- преобладающая виктимная амбивалентность, т.е. повышенный риск возникновения кибержертв среди тех пользователей, кто сам в первую очередь допускает противо-

правное или неэтичное сетевое поведение. К примеру, желание сэкономить на лицензионном программном обеспечении побуждает некоторых людей скачивать бесплатные версии программ из сомнительных источников. В Интернете широко распространены пиратские приложения, фильмы, музыка и другой нелегальный контент, однако подобные файлы нередко содержат вредоносный код. Геймерам предлагаются бесплатные или взломанные версии популярных игр, зачастую уже инфицированные. Те, кто посещает сайты, распространяющие порнографические материалы, в т.ч. запрещённые, могут стать объектом отслеживания и шантажа. Лица, демонстрирующие провокационное сексуальное поведение или участвующие в распространении интимного контента, часто становятся жертвами вымогателей. Встречаются схемы, когда жертве предлагаются бесплатные утилиты или «предосудительные» инструкции для взлома различных сервисов, позволяющих настроить бесплатный интернет, получить доступ к платным подпискам, сгенерировать случайные номера кредитных карт и проч. [6].

Злоумышленники в своих целях используют склонность людей к аморальным поступкам, стремление обойти закон и получить выгоду без особых усилий или затрат. Исследования показывают, что более половины жертв киберпреступлений (53%) проявляют противоправное или аморальное поведение [7];

- специфические виктимогенные личностные качества [8, 9] такие как внушаемость, доверчивость, беспечность, беззаботность по отношению к защите своих конфиденциальных данных; формирование поведенческих стереотипов, снижающих осторожность при использовании средств ИКТ (например, передача ключей, паролей третьим лицам); стремление к быстрому заработку и безвозмездному получению благ без приложения усилий; отсутствие надлежащих средств защиты компьютерной системы; незнание способов совершения киберпреступлений и проч.;

Следует отметить, что в настоящее время проведен ряд исследований, посвященных кибержертвам - физическим лицам. При этом надо принимать в расчет, что универсальный виктимологический портрет подобного индивида, составить достаточно сложно. Этому способствуют разнообразные и часто взаимоисключающие характеристики.

В частности, в сфере экономической киберпреступности жертвами чаще становятся муж-

чины и женщины в возрасте от 18 до 34 лет, характеризующиеся повышенной доверчивостью и высокой активностью при использовании социальных сетей, электронной почты, электронных кошельков, а также систем дистанционного банковского обслуживания. Представленная группа пользователей, как правило, отличается низким уровнем культуры информационной безопасности и игнорированием средств компьютерной защиты [10].

Жертвы «насильственных» посягательств в Интернете (киберпреследование, кибербуллинг, детская порнография, оскорбления) более агрессивны, тревожны и относятся к экстернальному типу, в отличие от группы ненасильственных жертв, которые имеют более низкие показатели по шкалам агрессивности, тревожности и относятся к интернальному типу [11].

Ф.С. Сафуанов описывает некоторые психологические свойства жертв кибержертв. По его мнению, их отличает специфический симптомокомплекс индивидуально-психологических особенностей, включающий беспокойство, неуверенность в себе, подверженность настроению, неусидчивость, неустойчивость настроения, гневливость; определенные способы совладания и психологические защиты в психотравмирующих ситуациях, а именно поиск эмоциональной социальной поддержки, фокусировку на эмоциях, самоограничение и проекцию [11].

Проведённый анализ показал, что феномен кибержертвы отличается высокой сложностью и многоаспектностью. В условиях цифровизации основными её характеристиками выступают распределенность, инфраструктурная и интерфейсная зависимость, а также дуалистическая природа. Значимым становится не только классический антропоцентричный подход, но и учёт неклассических субъектов - программных агентов, DAO и иных цифровых акторов. Особое внимание необходимо уделять правовым вопросам: существующая система регулирования часто не способна быстро реагировать на появление новых субъектов киберпространства, что снижает эффективность защиты прав и восстановления нарушенного статуса. В будущем требуется более гибкая и адаптивная модель правового признания и защиты жертв киберпреступлений, ориентированная как на человека, так и на цифровые и смешанные субъекты.

Список литературы:

- [1] Дремлюга Р.И., Коробеев А.И., Федоров А.В. Кибертерроризм в Китае: уголовно-правовые и криминологические аспекты // Всероссийский криминологический журнал. 2017. № 3 (11). С. 607-614

[2] Бочкарева Е.В., Стренин Д.А. Теоретико-правовые аспекты кибербуллинга // Всероссийский криминологический журнал. 2021. № 1 (15). С. 91–97.

[3] Бушуев А.Л., Деревцова И.В., Мальцева Ю.А., Терентьева В.Д. Роль информационной безопасности в условиях цифровой экономики // Baikal Research Journal. 2020. Т. 11, № 1. DOI: 10.17150/2411-6262.20.11(1).6

[4] DAO в российском правовом поле // Адвокатская газета. URL: <https://www.advgazeta.ru/obavleniya/post-relizy/dao-v-rossiyskom-pravovom-pole/> (дата обращения 12.05.25)

[5] Децентрализованная автономная организация // Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Децентрализованная_автономная_организация (дата обращения 12.04.2025)

[6] Способы проникновения вредоносных программ в систему. Энциклопедия Касперского // Официальный сайт «Лаборатории Касперского». URL: <https://encyclopedia.kaspersky.ru/knowledge/how-malware-penetrates-systems/> (дата обращения: 18.01.2024)

[7] Бессонов В.А. Виктимологические аспекты предупреждения преступлений в сфере компьютерной информации: диссертация ... кандидата юридических наук. Нижний Новгород, 2000. 249 с.

[8] Антонян Е.А., Клещина Е.Н. Кибервиктимность // Вестник Пермского института ФСИН России. 2019. №3. С. 5-10.

[9] Жакупжанов А.О. Виктимологические факторы киберпреступности // Алтайский юридический вестник. 2019. №3 (27). С. 75-82.

[10] Простосердов М.А. Экономические преступления, совершаемые в киберпространстве, и меры противодействия им: диссертация ... кандидата юридических наук. Москва, 2016. 232 с.

[11] Сафуанов Ф.С., Докучаева Н.В. Особенности личности жертв противоправных посягательств в Интернете // Психология и право. 2015. Том 5. №4. С. 80-93.

Spisok literatury:

[1] Dremlyuga R.I., Korobeev A.I., Fedorov A.V. Kiberterrorizm v Kitae: ugolovno-pravovye i kriminologicheskie aspekty // Vserossiiskij kriminologicheskij zhurnal. 2017. № 3 (11). С. 607-614

[2] Bochkareva E.V., Strenin D.A. Teoretiko-pravovye aspekty kiberbullinga // Vserossiiskij kriminologicheskij zhurnal. 2021. № 1 (15). С. 91–97.

[3] Bushuev A.L., Derevcova I.V., Mal'ceva Yu.A., Terent'eva V.D. Rol' informacionnoj bezopasnosti v usloviyah cifrovoj ekonomiki // Baikal Research Journal. 2020. Т. 11, № 1. DOI: 10.17150/2411-6262.20.11(1).6

[4] DAO v rossijskom pravovom pole // Advokat-skaya gazeta. URL: <https://www.advgazeta.ru/obavleniya/post-relizy/dao-v-rossiyskom-pravovom-pole/> (data obrashcheniya 12.05.25)

[5] Decentralizovannaya avtonomnaya organizaciya // Vikipediya. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Decentralizovannaya_avtonomnaya_organizaciya (data obrashcheniya 12.04.2025)

[6] Sposoby proniknoveniya vredonosnyh programm v sistemu. Enciklopediya Kasperskogo // Oficial'nyj sajт «Laboratorii Kasperskogo». URL: <https://encyclopedia.kaspersky.ru/knowledge/how-malware-penetrates-systems/> (data obrashcheniya: 18.01.2024)

[7] Bessonov V.A. Viktimologicheskie aspekty preduprezhdeniya prestuplenij v sfere komp'yuternoj informacii: dissertaciya ... kandidata yuridicheskikh nauk. Nizhnij Novgorod, 2000. 249 с.

[8] Antonyan E.A., Kleshchina E.N. Kiberviktimnost' // Vestnik Permskogo instituta FSIN Rossii. 2019. №3. С. 5-10.

[9] Zhakupzhanov A.O. Viktimologicheskie faktory kiberprestupnosti // Altajskij yuridicheskij vestnik. 2019. №3 (27). С. 75-82.

[10] Prostoserдов M.A. Ekonomicheskie prestupleniya, sovershaemye v kiberprostranstve, i mery protivodejstviya im: dissertaciya ... kandidata yuridicheskikh nauk. Moskva, 2016. 232 s.

[11] Safuanov F.S., Dokuchaeva N.V. Osobennosti lichnosti zhertv protivopravnyh posyagatel'stv v Internetе // Psihologiya i pravo. 2015. Tom 5. №4. С. 80-93.

ТАКОВ Асланбек Заурбекович,
преподаватель кафедры огневой подготовки,
капитан полиции СКИПК (филиал),
Краснодарского университета МВД России,
e-mail: mail@law-books.ru

КРИМИНАЛЬНЫЕ СУБКУЛЬТУРЫ В ЗАКРЫТЫХ ОНЛАЙН-СООБЩЕСТВАХ: АНАЛИЗ КОММУНИКАЦИИ В TELEGRAM-КАНАЛАХ

Аннотация. В данной статье исследуется феномен формирования и функционирования криминальных субкультур в закрытых онлайн-сообществах с особым фокусом на коммуникационную платформу Telegram. На основе анализа имеющихся исследований и социологического материала рассматриваются особенности виртуальной криминальной субкультуры, механизмы вовлечения новых участников, специфический язык, символика и поведенческие паттерны. Особое внимание уделяется методам шифрования и анонимизации, используемым для обеспечения безопасности и координации противоправной деятельности. Проанализированы социально-психологические аспекты формирования идентичности внутри таких сообществ и методы противодействия их распространению.

Ключевые слова: криминальная субкультура, закрытые онлайн-сообщества, Telegram, киберпреступность, цифровая криминология, виртуальная идентичность, социальные сети, теневой интернет, методы шифрования, контркультура.

TAKOV Aslanbek Zaurbekovich,
Teacher of the Department of Fire Training,
Captain of the SKIPK police (branch),
Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

CRIMINAL SUBCULTURES IN CLOSED ONLINE COMMUNITIES: AN ANALYSIS OF COMMUNICATION IN TELEGRAM CHANNELS

Annotation. This article examines the phenomenon of formation and functioning of criminal subcultures in closed online communities with a special focus on the Telegram communication platform. Based on the analysis of existing research and sociological material, the features of the virtual criminal subculture, mechanisms for involving new participants, specific language, symbols and behavioral patterns are considered. Particular attention is paid to encryption and anonymization methods used to ensure security and coordinate illegal activities. The socio-psychological aspects of identity formation within such communities and methods of counteracting their spread are analyzed.

Key words: criminal subculture, closed online communities, Telegram, cybercrime, digital criminology, virtual identity, social networks, shadow Internet, encryption methods, counterculture.

Развитие информационных технологий и распространение мессенджеров с улучшенными функциями шифрования привело к формированию новых форм криминальных сообществ, существенно отличающихся от традиционных преступных групп. Закрытые онлайн-каналы, и, в частности, Telegram-сообщества, становятся привлекательной площадкой для формирования и распространения криминальных субкультур благодаря таким функциям как ано-

нимность, отсутствие централизованной модерации и возможность быстрого распространения контента [2, 2022, с. 47].

Традиционное понимание криминальной субкультуры как системы ценностей, норм, традиций и образцов поведения, характерных для криминального сообщества, претерпевает значительные изменения в цифровую эпоху. Виртуальная криминальная субкультура представляет собой более динамичное и гибридное образова-

ние, сочетающее в себе элементы традиционного криминального мира с особенностями цифровой коммуникации и сетевого взаимодействия [19, с. 89].

Согласно Николаеву и Сидоренко, виртуальная криминальная субкультура – это «совокупность социокультурных практик, реализуемых в онлайн-пространстве и направленных на консолидацию участников криминальных сообществ, трансляцию криминальных ценностей и координацию противоправной деятельности» [18, с. 34].

В отличие от традиционных криминальных субкультур, виртуальные сообщества характеризуются:

- Отсутствием территориальной привязки и возможностью глобального распространения
- Высокой скоростью адаптации к изменяющимся условиям
- Гибридной идентичностью участников, сочетающей элементы реальной и виртуальной личности
- Использованием технических средств защиты от внешнего контроля
- Формированием специфического цифрового арго и визуальной символики [9, с. 112]

Среди различных коммуникационных платформ Telegram занимает особое место благодаря комбинации технических характеристик, делающих его привлекательным для криминальных сообществ. Исследование Петровой и Васильева выделяет следующие факторы, способствующие распространению криминальных субкультур в Telegram:

1. Многоуровневое шифрование, затрудняющее доступ к переписке даже для правоохранительных органов
2. Возможность создания закрытых каналов с различными уровнями доступа
3. Функция самоуничтожающихся сообщений
4. Отсутствие централизованной модерации содержимого
5. Возможность быстрого создания резервных каналов в случае блокировки
6. Встроенные инструменты монетизации [20, с. 76-77]

По данным международного исследования «Digital Underworld Report 2024», Telegram остается лидером среди мессенджеров по количеству выявленных криминальных каналов, опережая Signal и Discord [28, с. 45]. Это объясняется не только техническими особенностями платформы, но и её позиционированием как защитника свободы информации и противника цензуры, что способствует формированию определенного идеологического фрейма для оправдания противоправной деятельности.

Анализ криминальных Telegram-каналов позволяет выделить несколько основных категорий сообществ в зависимости от их основной деятельности:

1. Наркоторговля – наиболее распространенный тип криминальных сообществ в Telegram. Такие каналы используются для рекламы, координации «закладок» и расчетов с использованием криптовалют. По данным исследования Соколова, в России ежегодно блокируется более 24 000 таких каналов, однако в течение 48 часов около 70% из них восстанавливают деятельность на новых адресах [24, с. 92].
2. Финансовые преступления – сообщества, специализирующиеся на мошеннических схемах, фишинге, продаже украденных данных, координации кардинга и отмывании денежных средств. Данный сегмент демонстрирует наиболее активный рост – исследование Лебедева показывает увеличение количества таких каналов на 56% за период 2022-2024 гг. [13, с. 128].
3. Хакерские сообщества – каналы, посвященные обмену информацией о уязвимостях, торговле вредоносным ПО и координации кибератак. Характерной особенностью таких сообществ является иерархическая структура с разграничением доступа в зависимости от подтвержденных навыков участников [10, с. 201].
4. Экстремистские группы – сообщества, распространяющие радикальную идеологию и координирующие противоправные действия. По данным ФСБ России, за 2022-2023 годы было выявлено более 5000 Telegram-каналов экстремистской направленности [16, с. 45].
5. Торговля оружием и запрещенными предметами – узкоспециализированные каналы с жесткими правилами доступа и проверкой участников. Согласно исследованию Мельниковой, такие сообщества обычно имеют многоступенчатую систему верификации новых членов и часто требуют рекомендации от существующих участников [14, с. 76].

Исследование Романова и Корниенко (2023) показывает, что крупные криминальные сообщества в Telegram обычно имеют сложную многоуровневую структуру, включающую:

1. Открытые каналы – выполняют функцию «витрины» и используются для первичного привлечения аудитории. Содержат легитимный или условно легитимный контент, часто с использованием эзопова языка и скрытых отсылок.

2. Закрытые чаты первого уровня* – доступны после прохождения первичной проверки (обычно оплаты взноса или рекомендации). Содержат более конкретную информацию о предлагаемых услугах/товарах.
3. Закрытые чаты второго уровня – доступны только проверенным участникам. Используются для непосредственной координации противоправной деятельности.
4. Приватные P2P-коммуникации – индивидуальное взаимодействие между участниками для проведения конкретных операций [21, с. 154-156].

Такая структура обеспечивает безопасность сообщества и затрудняет внедрение правоохранительных органов. По данным Центра исследования киберпреступности, среднее время существования криминального Telegram-канала до обнаружения правоохранительными органами составляет от 6 до 8 месяцев, что значительно превышает аналогичный показатель для других платформ [29, с. 67].

Одним из ключевых элементов криминальной субкультуры в закрытых онлайн-сообществах является формирование особого языка коммуникации, выполняющего как идентификационную, так и криптографическую функцию. Исследование Морозовой (2023) выявило следующие особенности цифрового аргумента в криминальных Telegram-каналах:

1. Гибридная терминология – сочетание традиционного криминального жаргона с неологизмами из IT-сферы. Например, «скамить» (от англ. scam – мошенничать), «пробивать» (искать информацию в базах данных), «дроп» (подставное лицо для получения денег/товаров) [17, с. 112].
2. Кодовые обозначения для товаров и услуг – использование метафор и аллюзий для обозначения запрещенных товаров. Например, «краски» (наркотические вещества), «библиотека» (база украденных данных), «инструменты» (вредоносное ПО).
3. Визуальная семиотика – использование особых эмодзи и символов для передачи закодированных сообщений. Например, определенные комбинации эмодзи могут обозначать тип товара, его качество и условия доставки.
4. Контекстуальные аббревиатуры – создание многозначных сокращений, понятных только посвященным. Например, «ПНД» может расшифровываться по-разному в зависимости от контекста сообщения.

Согласно исследованию Архипова и Кирилловой, скорость обновления лексикона в криминальных Telegram-каналах значительно выше, чем в традиционной криминальной среде – до

15-20% словарного запаса обновляется ежеквартально, что затрудняет мониторинг таких каналов автоматизированными системами [1, с. 78].

Виртуальные криминальные сообщества характеризуются высокой степенью саморегуляции и внутреннего контроля. Исследование Федорова (2023) выявило следующие механизмы поддержания порядка в таких группах:

1. Система репутации – важнейший элемент регулирования. Участники имеют рейтинги, основанные на истории транзакций, проверенных навыках и «послужном списке» в сообществе. Потеря репутации фактически означает исключение из криминальной экономики [25, с. 201].
2. Арбитраж споров – в крупных сообществах существуют специальные арбитры, решающие конфликты между участниками. Их решения имеют обязательную силу благодаря механизмам виртуального и реального принуждения.
3. «Черные списки» – системы оповещения о недобросовестных участниках, часто синхронизированные между различными каналами. Попадание в такой список означает «виртуальную смерть» – невозможность продолжать деятельность под прежним идентификатором.
4. Иерархические системы доступа – распределение участников по уровням доверия с соответствующими правами. Продвижение в иерархии требует подтверждения лояльности и профессиональных навыков.

По данным анонимного опроса участников криминальных онлайн-сообществ, проведенного Крыловым и Александровым (2022), 76% респондентов отметили, что внутренние правила сообществ они считают более обязательными к исполнению, чем официальное законодательство, а 62% указали, что боятся наказания со стороны сообщества больше, чем уголовного преследования [12, с. 145].

Процесс вовлечения в криминальные онлайн-сообщества сопровождается формированием особой девиантной цифровой идентичности. Исследование Волковой выделяет следующие этапы этого процесса:

1. Этап первичного интереса – знакомство с субкультурой через открытые источники, часто маскирующиеся под легитимный контент (например, обсуждение криптовалют, информационной безопасности и т.д.).
2. Этап нормализации девиации – постепенное привыкание к криминальным практикам через их репрезентацию как формы протеста, альтернативного заработка или интеллектуального вызова.

3. Этап интеграции – принятие норм и ценностей сообщества, формирование новой социальной идентичности, основанной на принадлежности к «избранной» группе.
4. Этап закрепления – активное участие в деятельности сообщества, повышение статуса, материальное и психологическое подкрепление девиантного поведения [3, с. 167-170],[26, с. 45].

Криминальные сообщества в Telegram используют многоуровневые системы защиты от обнаружения и внедрения. Исследование Козлова и Терентьева (2023) выделяет следующие основные технические меры:

1. Многоуровневая анонимизация доступа – использование комбинации VPN, TOR и прокси-серверов для маскировки реального IP-адреса.
2. Верификация участников – применение специальных ботов для проверки новых членов, включая тесты на «человечность» и техническую компетентность.
3. Системы раннего оповещения – специальные боты, мониторящие активность правоохранительных органов и предупреждающие о потенциальных угрозах.
4. Регулярная миграция каналов – плановая смена адресов и наименований каналов с автоматическим оповещением проверенных участников [8, с. 178-182].

Особую роль играет интеграция криптовалютных инструментов для обеспечения безопасных финансовых транзакций. По данным исследования Bright et al. (2023), более 87% криминальных Telegram-каналов используют криптовалюты как основной способ расчета, причем наблюдается переход от биткоина к более анонимным альтернативам, таким как Monero и Zcash [27, с. 92].

Для координации действий и защиты от автоматизированного мониторинга криминальные сообщества используют следующие технические решения:

1. Временные координационные каналы – создание каналов с ограниченным временем существования для проведения конкретных операций.
2. Децентрализованные системы оповещения – распределенные сети оповещения, функционирующие по принципу «gossip protocol» (сплетни), когда информация распространяется от узла к узлу.
3. Контрразведывательные меры – регулярное распространение дезинформации для выявления информаторов и создания «информационного шума».

4. Использование стеганографии – скрытие информации внутри обычных изображений и медиафайлов.

Согласно исследованию Смирнова, эффективность таких технических мер настолько высока, что для успешного внедрения в криминальное сообщество правоохранительным органам требуется в среднем от 4 до 7 месяцев подготовительной работы [23, с. 112].

Законодательство большинства стран в настоящее время адаптируется к вызовам, связанным с криминальными онлайн-сообществами. Исследование Романовского и Карповой выделяет следующие основные правовые инструменты:

1. Расширение понятия «преступное сообщество» – включение в него виртуальных объединений без явной иерархической структуры, но с признаками координации противоправной деятельности.
2. Криминализация администрирования криминальных каналов – введение уголовной ответственности за создание и администрирование платформ, используемых для координации преступлений.
3. Международное сотрудничество – создание механизмов оперативного обмена информацией между правоохранительными органами разных стран.
4. Правовые механизмы доступа к зашифрованной информации – различные модели законодательного регулирования, от обязательства хранить ключи шифрования до запрета определенных видов шифрования [22, с. 178-185].

Однако эффективность правовых механизмов ограничена транснациональным характером криминальных онлайн-сообществ и техническими возможностями обхода блокировок. По данным Института правовых исследований, только 23% возбужденных дел о криминальных Telegram-каналах доходят до судебной стадии, и лишь 11% завершаются обвинительным приговором [7, с. 56].

Наряду с правовыми механизмами, все более значимую роль играют технологические методы противодействия криминальным онлайн-сообществам. Исследование Коновалова и Дмитриева (2024) выделяет следующие основные подходы:

1. Анализ цифровых следов – использование алгоритмов машинного обучения для выявления признаков криминальной активности в открытых частях мессенджеров.
2. Лингвистический анализ – автоматическое выявление криминального жаргона и пат-

тернов коммуникации, характерных для определенных видов преступной деятельности.

3. Сетевой анализ – выявление скрытых связей между участниками и каналами на основе анализа метаданных.
4. Внедрение в криминальные сообщества – использование специально подготовленных оперативных сотрудников или информаторов [11, с. 201-207].

Особый интерес представляет развитие технологий выявления ботов и автоматизированных аккаунтов, используемых для координации криминальной деятельности. По данным исследования Zhang et al., современные алгоритмы позволяют с точностью до 82% идентифицировать автоматизированные аккаунты, связанные с криминальными сообществами [30, с. 145].

Проведенный анализ демонстрирует, что криминальные субкультуры в закрытых онлайн-сообществах представляют собой сложный социотехнический феномен, сочетающий элементы традиционной криминальной субкультуры с возможностями цифровых коммуникационных платформ.

Telegram-каналы, благодаря особенностям технической реализации и идеологической позиции создателей, стали одной из ключевых платформ для формирования и распространения таких субкультур. Криминальные сообщества в Telegram характеризуются многоуровневой структурой, сложными системами верификации участников, специфическим языком коммуникации и эффективными механизмами социального контроля.

Психологические механизмы вовлечения в такие сообщества основаны на формировании особой девиантной цифровой идентичности и использовании методов психологического манипулирования, особенно эффективных в отношении молодежи.

Технические аспекты функционирования криминальных Telegram-каналов включают многоуровневые системы анонимизации, криптовалютные инструменты и сложные методы координации деятельности, что существенно затрудняет работу правоохранительных органов.

Правовые механизмы противодействия криминальным онлайн-сообществам демонстрируют ограниченную эффективность в силу транснационального характера явления и технических возможностей обхода блокировок. Более перспективными представляются технологические методы, основанные на анализе цифровых следов, лингвистическом и сетевом анализе.

Дальнейшие исследования в данной области требуют междисциплинарного подхода, соче-

тающего методы криминологии, социологии, психологии, лингвистики и информационной безопасности. Особое внимание следует уделить разработке превентивных мер, направленных на снижение привлекательности криминальных онлайн-сообществ для молодежи и повышение цифровой грамотности населения.

Список литературы:

- [1] Архипов А.В., Кириллова Н.П. Лингвистические особенности коммуникации в криминальных онлайн-сообществах // Вестник криминологии. 2022. 5 (2). С. 67-85.
- [2] Бурова Е.М., Жмуров Д.В. Особенности формирования криминальных субкультур в мессенджерах // Социологические исследования. №7. 2022. С. 45-59.
- [3] Волкова Т.Н. Психологические механизмы формирования девиантной цифровой идентичности // Психология и право. 2024. 14 (1). С.162-178.
- [4] Давыдов С.Г., Смирнова О.М. Методы психологического манипулирования в криминальных Telegram-каналах // Вопросы психологии. 2023. №4. С. 205-218.
- [5] Европол. Отчет о киберпреступности в Европе. 2024. Гаага: European Cybercrime Centre. URL: <https://www.dw.com/ru/evropol-vidit-rosturovna-kiberprestupnosti-v-es/a-69737932> (дата обращения: 24.03.2025)
- [6] Иванов М.С., Петров Н.В. Технические аспекты координации деятельности в криминальных онлайн-сообществах // Информационная безопасность. 2023. 11 (3). С. 240-255.
- [7] Институт правовых исследований. Эффективность правовых мер противодействия киберпреступности: статистический анализ. М.: ИПИ, 2023.
- [8] Козлов А.И., Терентьев В.Е. Технические средства обеспечения анонимности в криминальных Telegram-каналах // Вопросы кибербезопасности. 2023. 8 (4). С. 175-190.
- [9] Козловский Д.В. Трансформация криминальной субкультуры в цифровую эпоху // Криминологический журнал. 6 (2). 2023. С. 105-120.
- [10] Комаров И.Л., Зимин О.В. Структура и функционирование хакерских сообществ в защищенных мессенджерах // Вопросы безопасности. 2023. 5 (1). С. 195-211.
- [11] Коновалов А.С., Дмитриев П.Н. Технологические методы противодействия криминальным онлайн-сообществам // Российский следователь. 2024. №2. С. 198-212.
- [12] Крылов В.В., Александров И.П. Нормы и санкции в криминальных онлайн-сообществах: социологический анализ // Социологический журнал. 2022. 28 (2). С. 130-149.

[13] Лебедев И.А. Динамика развития финансовых киберпреступлений в России 2022-2024 // Вестник экономической безопасности. 2024. №1. С. 124-138.

[14] Мельникова О.Е. Особенности торговли запрещенными предметами в закрытых онлайн-сообществах // Криминологические исследования. 2022. №4(2). С. 70-85.

[15] Министерство внутренних дел РФ. Статистика киберпреступлений в Российской Федерации за 2023 год. Москва: МВД РФ. 2024. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/dejatelnost/statistics> (дата обращения: 24.03.2025)

[16] Министерство юстиции РФ. Отчет о деятельности по противодействию экстремизму в информационной среде. Москва: Минюст РФ. 2023. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/documents/7826/> (дата обращения: 24.03.2025)

[17] Морозова Е.А. Семиотические аспекты коммуникации в криминальных Telegram-каналах // Вопросы языкознания. 2023. №5. С. 110-125.

[18] Николаев А.В., Сидоренко Е.Л. Виртуальная криминальная субкультура: понятие и особенности // Юридическая наука и практика. 2022. №18 (1). С. 30-42.

[19] Овчинский В.С. Криминология цифрового мира. Москва: Норма. 2021. – 177 с.

[20] Петрова Н.И., Васильев А.М. Технические особенности Telegram как фактор распространения криминальных сообществ // Информационное право. 2022. №3. С. 72-85.

[21] Романов И.В., Корниенко О.П. Структурные особенности криминальных сообществ в защищенных мессенджерах // Криминологический журнал. 2023. № 6(4). С. 150-165.

[22] Романовский Г.Б., Карпова А.С. Правовые механизмы противодействия криминальным онлайн-сообществам: сравнительно-правовой анализ // Правоведение. 2023. № 67 (2). С. 175-190.

[23] Смирнов Д.А. Оперативно-розыскная деятельность в отношении закрытых онлайн-сообществ: проблемы и перспективы // Оперативник. 2024. №1(37). С. 105-120.

[24] Соколов В.Н. Наркотоорговля в Telegram: масштабы и методы противодействия // Наркоконтроль. 2023. №2. С. 85-98.

[25] Федоров И.А. Социальный контроль в виртуальных криминальных сообществах // Вестник социологии. 2023. №14 (2). С.198-215.

[26] Машекуашева М.Х. О значимости информационно-психологической защиты индивида и социума: особенности воздействующего потенциала. Право и управление. 2024. № 2. С. 375-377.

[27] Bright D., Brewer R., Kershaw S. Cryptocurrency Use in Online Illicit Markets // Journal of Cybercrime Studies. 2023. №15(2). P. 85-99.

[28] Harris J., Williams T., Cooper S. Digital Underworld Report 2024. London: International Centre for Cybercrime Research. 2024.

[29] Miller R., Chen J. Law Enforcement Challenges in Monitoring Encrypted Communications // International Journal of Police Science & Management. 2023. № 25 (2). P. 61-78.

[30] Zhang L., Wang H., Johnson D. Detection of Automated Accounts in Criminal Telegram Channels: A Machine Learning Approach // Digital Investigation. 2023. № 44. P. 140-156.

Spisok literatury:

[1] Arhipov A.V., Kirillova N.P. Lingvisticheskie osobennosti kommunikacii v kriminal'nyh onlajn-soobshchestvah // Vestnik kriminologii. 2022. 5 (2). S. 67-85.

[2] Burova E.M., Zhmurov D.V. Osobennosti formirovaniya kriminal'nyh subkul'tur v messendzherah // Sociologicheskie issledovaniya. №7. 2022. S. 45-59.

[3] Volkova T.N. Psihologicheskie mekhanizmy formirovaniya deviantnoj cifrovoj identichnosti // Psihologiya i pravo. 2024. 14 (1). S.162-178.

[4] Davydov S.G., Smirnova O.M. Metody psihologicheskogo manipulirovaniya v kriminal'nyh Telegram-kanalah // Voprosy psihologii. 2023. №4. S. 205-218.

[5] Evropol. Otchet o kiberprestupnosti v Evrope. 2024. Gaaga: European Cybercrime Centre. URL: <https://www.dw.com/ru/evropol-vidit-rost-urovna-kiberprestupnosti-v-es/a-69737932> (data obrashcheniya: 24.03.2025)

[6] Ivanov M.S., Petrov N.V. Tekhnicheskie aspekty koordinacii deyatel'nosti v kriminal'nyh onlajn-soobshchestvah // Informacionnaya bezopasnost'. 2023. 11 (3). S. 240-255.

[7] Institut pravovyh issledovanij. Effektivnost' pravovyh mer protivodejstviya kiberprestupnosti: statisticheskij analiz. M.: IPI, 2023.

[8] Kozlov A.I., Terent'ev V.E. Tekhnicheskie sredstva obespecheniya anonimnosti v kriminal'nyh Telegram-kanalah // Voprosy kiberbezopasnosti. 2023. 8 (4). S. 175-190.

[9] Kozlovskij D.V. Transformaciya kriminal'noj subkul'tury v cifrovuyu epohu // Kriminologicheskij zhurnal. 6 (2). 2023. S. 105-120.

[10] Komarov I.L., Zimin O.V. Struktura i funkcionirovanie hakerskih soobshchestv v zashchishchennyh messendzherah // Voprosy bezopasnosti. 2023. 5 (1). S. 195-211.

[11] Konovalov A.S., Dmitriev P.N. Tekhnologicheskie metody protivodejstviya kriminal'nyh onlajn-soobshchestvam // Rossijskij sledovatel'. 2024. №2. S. 198-212.

[12] Krylov V.V., Aleksandrov I.P. Normy i sankcii v kriminal'nyh onlajn-soobshchestvah: sociologicheskij analiz // Sociologicheskij zhurnal. 2022. 28 (2). S. 130-149.

- [13] Lebedev I.A. Dinamika razvitiya finansovykh kiberprestupleniy v Rossii 2022-2024 // Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti. 2024. №1. S. 124-138.
- [14] Mel'nikova O.E. Osobennosti torgovli zapreshchennymi predmetami v zakrytykh onlajn-soobshchestvakh // Kriminologicheskie issledovaniya. 2022. №4(2). S. 70-85.
- [15] Ministerstvo vnutrennih del RF. Statistika kiberprestupleniy v Rossijskoj Federacii za 2023 god. Moskva: MVD RF. 2024. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/deyatelnost/statistics> (data obrashcheniya: 24.03.2025)
- [16] Ministerstvo yusticii RF. Otchet o deyatelnosti po protivodejstviyu ekstremizmu v informacionnoj srede. Moskva: Minyust RF. 2023. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/documents/7826/> (data obrashcheniya: 24.03.2025)
- [17] Morozova E.A. Semioticheskie aspekty kommunikacii v kriminal'nykh Telegram-kanalah // Voprosy yazykoznaniiya. 2023. №5. S. 110-125.
- [18] Nikolaev A.V., Sidorenko E.L. Virtual'naya kriminal'naya subkul'tura: ponyatie i osobennosti // Yuridicheskaya nauka i praktika. 2022. №18 (1). S. 30-42.
- [19] Ovchinskij V.S. Kriminologiya cifrovogo mira. Moskva: Norma. 2021. – 177 s.
- [20] Petrova N.I., Vasil'ev A.M. Tekhnicheskie osobennosti Telegram kak faktor rasprostraneniya kriminal'nykh soobshchestv // Informacionnoe pravo. 2022. №3. S. 72-85.
- [21] Romanov I.V., Kornienko O.P. Strukturnye osobennosti kriminal'nykh soobshchestv v zashchishchennykh messendzherah // Kriminologicheskij zhurnal. 2023. № 6(4). S. 150-165.
- [22] Romanovskij G.B., Karpova A.S. Pravovye mekhanizmy protivodejstviya kriminal'nykh onlajn-soobshchestvam: sravnitel'no-pravovoj analiz // Pravovedenie. 2023. № 67 (2). S. 175-190.
- [23] Smirnov D.A. Operativno-rozysknaya deyatelnost' v otnoshenii zakrytykh onlajn-soobshchestv: problemy i perspektivy // Operativnik. 2024. №1(37). S. 105-120.
- [24] Sokolov V.N. Narkotorgovlya v Telegram: masshtaby i metody protivodejstviya // Narkokontrol'. 2023. №2. S. 85-98.
- [25] Fedorov I.A. Social'nyj kontrol' v virtual'nykh kriminal'nykh soobshchestvakh // Vestnik sociologii. 2023. №14 (2). S.198-215.
- [26] Mashekuasheva M.H. O znachimosti informacionno-psihologicheskoy zashchity individua i sociuma: osobennosti vozdeystvuyushchego potentsiala. Pravo i upravlenie. 2024. № 2. S. 375-377.
- [27] Bright D., Brewer R., Kershaw S. Cryptocurrency Use in Online Illicit Markets // Journal of Cybercrime Studies. 2023. №15(2). P. 85-99.
- [28] Harris J., Williams T., Cooper S. Digital Underworld Report 2024. London: International Centre for Cybercrime Research. 2024.
- [29] Miller R., Chen J. Law Enforcement Challenges in Monitoring Encrypted Communications // International Journal of Police Science & Management. 2023. № 25 (2). P. 61-78.
- [30] Zhang L., Wang H., Johnson D. Detection of Automated Accounts in Criminal Telegram Channels: A Machine Learning Approach // Digital Investigation. 2023. № 44. P. 140-156.

ЮРКОМПАНИ
www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

ШОРОВ Аслан Алексеевич,
Преподаватель кафедры огневой подготовки
Северо-Кавказского института повышения квалификации
(филиал) Краснодарского университета МВД России,
подполковник полиции,
e-mail: mail@law-books.ru

О ВОПРОСЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Аннотация. Современное общество не может обходиться без электронных средств связи. Они задействованы не только для простого общения между людьми, но и используются практически во всех организациях и государственных службах для хранения и обмена информацией. Органы МВД РФ проводят масштабные действия по блокировке опасных ресурсов, выявлению экстремистов, профилактике преступлений, однако побороть данное явление полностью или значительно снизить риск его возникновения не получается. Число преступлений постоянно растет, несмотря на высокий уровень борьбы с ними. В исследовании рассмотрен ряд вопросов, касающихся исследованию деятельности органов внутренних дел по разработке и эффективному применению методов и технологий по противодействию преступным проявлениям в информационном пространстве, а также борьбы подразделений органов внутренних дел с преступлениями в глобальном информационном пространстве.

Ключевые слова: эксперты, сеть Интернет, персонификация, пользователь, социальные сети, Интернет-ресурсы, специалисты в области IT- почты, киберпреступления.

SHOROV Aslan Alekseevich,
Lecturer of the Department of Firearms Training
North Caucasian Institute for Advanced Studies (branch)
of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Police Lieutenant Colonel

ON THE ISSUE OF COMBATING CRIMES ON THE INTERNET

Annotation. Modern society cannot do without electronic means of communication. They are used not only for simple communication between people, but are also used in almost all organizations and government services for storing and exchanging information. The bodies of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation carry out large-scale actions to block dangerous resources, identify extremists, and prevent crimes, but it is not possible to completely overcome this phenomenon or significantly reduce the risk of its occurrence. The number of crimes is constantly growing, despite the high level of combating them. The study examines a number of issues related to the study of the activities of internal affairs bodies in the development and effective application of methods and technologies to combat criminal manifestations in the information space, as well as the fight of internal affairs units against crimes in the global information space.

Key words: experts, Internet, personification, user, social networks, Internet resources, IT-mail specialists, cybercrimes.

Для того чтобы пользоваться Интернетом, не нужно иметь специальных знаний, достаточно иметь любое устройство, способное к нему подключиться, это практически каждый смартфон, планшет или компьютер.

Абонентская плата небольшая, что позволяет использовать этот практически бесплатный источник для распространения своих идей с максимальной скоростью и большим охватом аудитории.

Для преступников важно сохранение анонимности, сам Интернет и специальные программы шифрования позволяют им это сделать. Злоумышленники могут быстро обмениваться информацией, общаться с большим количеством пользователей вне зависимости от их физического местонахождения [2].

Для профилактики преступлений в Интернет можно выполнять следующие действия:

- Подготовить законодательную базу государства, дающую возможность правоохранительным органам противодействовать преступникам в киберпространстве.
- Создавать сайты или пользоваться социальными сетями для работы с населением, например, обсуждения террористической угрозы и проблем, связанных с ней. Гражданин должен знать, как действовать, если он столкнется с террористами в Интернете.
- Должна проводиться контртеррористическая пропаганда, иллюстрирующая, за что на самом деле борются террористы, какие на самом деле у них цели, как они обманывают граждан и искажают факты.

Необходимо разрушить романтизированный положительный образ, созданный преступниками для себя.

Работа должна охватывать максимальное число граждан. Чем шире будет аудитория правоохранительных органов, тем лучше, поэтому не стоит забывать про социальные сети [3].

Можно использовать подготовленные видео-ролики, мультфильмы, клипы, формирующие доверие к представителям правопорядка, объясняющие сложные обороты закона в простой форме. Правоохранители должны вести с молодежью диалог, поднимать уровень функциональной грамотности, доверия к собственной стране, государственной власти.

Институты гражданского общества совместно с правоохранительными органами играют большую роль в профилактике преступлений подобного рода. Общество может предупреждать преступления, а правоохранительные органы сталкиваются с проблемой уже после того, как преступные действия были совершены.

В заключение отметим, что: таким образом, в обществе может формироваться неприятие самих идей, а за правоохранителями останется задача предупреждения и борьбы с преступными проявлениями.

Социально-психологические установки отдельных людей в данном понимании играют ключевую роль. Все меры воздействия можно разделить на:

- Первичные – это «оперативная профилактика», в которую входит устранение условий, при которых появляются экстремистские идеи. Это мониторинг поведения индивидов, их внешнего вида, применения различной запрещенной символики, высказываний, вовлеченность в деструктивные группы и выявление экстремистских и социально-психологических установок в обществе и определенных индивидов.
- Проведение мер профилактического характера. Они направлены на формирование

положительных взглядов в обществе, например, путем воспитания.

Рассматриваемый вопрос, проникнется им, то эффект будет значительным, так как человек будет иметь собственный взгляд на информацию, примет ее или отвергнет. Если убеждение даст минимальный эффект, то мы получим нейтральную оценку или собственную позицию, отличную от желаемой.

Эмоционально обусловленное восприятие позволяет получить направленный эффект быстро за счет эмоций испытуемого. Для этого проводят тщательный отбор информации, она должна быть интересной, свежей, актуальной, отражать интересующую проблему [4].

Восприятие информации всегда проходит через осмысление, принятие либо отвержение.

Для того чтобы заинтересовать определенную целевую группу, информация должна иметь для нее актуальность. Даже одно и то же содержание преподносят по-разному, в зависимости от возраста аудитории, а также некоторых других особенностей. Для такого подхода нужна научная база, доказательства, которые заставят аудиторию задуматься, поверить и принять информацию [5]. Убеждающее воздействие достигает своей цели при использовании понятных лозунгов, которые нельзя интерпретировать по-разному, обращаться к жизненному опыту аудитории, взаимодействовать с ней, создавать ощущение причастности, использовать общие интересы, приоритеты.

Опережающий рост числа киберпреступлений над количеством раскрытых, снижение объема возврата денежных средств по итогам проведенных следственных действий, говорит о том, что в деятельности правоохранительных органов есть проблемы. Отсюда можно сказать о том, что противодействие рассматриваемому виду преступлений не утратило своей значимости и требует перехода на качественно новый уровень достижения, которого возможно исключительно посредством совершенствования научно-методического обеспечения деятельности органов внутренних дел, а также активации их взаимодействия с иными государственными структурами, финансовыми организациями, операторами сотовой связи, а также компаниями, предоставляющими услуги электронной почты, социальных сетей и мессенджеров.

Грамотное обеспечение и проведение оперативно-розыскных мероприятий при расследовании преступлений с использованием мобильных средств связи является ключевым элементом работы сотрудников органов внутренних дел по выявлению и раскрытию данных преступлений [6].

Поэтому для эффективного расследования преступных деяний анализируемой категории важно работать по алгоритму, который включает в себя не только создание методического обеспечения оперативно-розыскных мероприятий, но и разработку оперативных планов с использованием современных технологий и методик.

Сравнительный анализ российского и зарубежного опыта позволяет выделить как общие тенденции, так и национальные особенности в подходах к противодействию.

К общим тенденциям можно отнести:

- усиление координирующей роли государства в противодействии;
- комплексный подход, сочетающий профилактические, силовые и реабилитационные меры;
- развитие международного сотрудничества;
- активизацию борьбы с преступлениями в интернет;
- совершенствование правовой базы противодействия данным преступлениям.

Список литературы:

[1] Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» (с изменениями и дополнениями) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 11. Ст. 1146.

[2] Магомедов М.Н. Возможности использования инфокоммуникационных технологий в сфере противодействия терроризму // Пробелы в российском законодательстве. 2022. Т. 15. No 4. С. 141-144.

[3] Маркидан А.А. О противодействии идеологии терроризма в сети Интернет // Ростовский научный журнал. 2017. No 12. С. 103-108.

[4] Машекуашева М.Х. Террористические преступления: особенности психологического эффекта. Международный научный вестник. 2023. No 2. С. 58-60.

[5] Мовчан А.В. Профилактика и противодействие пропаганде экстремизма среди молодежи в сети интернет // Право. Экономика. Безопасность. 2017. No 3 (11). С. 72-73.

[6] Морозов А.В. Использование финансового анализа для целей противодействия отмыванию доходов и финансированию терроризма // Финансы и кредит. 2008. No 34 (322). С. 60-64.

[7] Машекуашева М.Х. О значимости информационно-психологической защиты индивида и социума: особенности воздействующего потенциала. Право и управление. 2024. № 2. С. 375-377.

Spisok literatury:

[1] Federal'nyj zakon ot 06.03.2006 № 35-FZ «O protivodejstvii terrorizmu» (s izmeneniyami i dopolneniyami) // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2006. № 11. St. 1146.

[2] Magomedov M.N. Vozmozhnosti ispol'zovaniya infokommunikacionnyh tekhnologij v sfere protivodejstviya terrorizmu // Probely v rossijskom zakonodatel'stve. 2022. T. 15. No 4. S. 141-144.

[3] Markidan A.A. O protivodejstvii ideologii terrorizma v seti Internet // Rostovskij nauchnyj zhurnal. 2017. No 12. S. 103-108.

[4] Mashekuasheva M.H. Terroristicheskie prestupleniya: osobennosti psihologicheskogo effekta. Mezhdunarodnyj nauchnyj vestnik. 2023. No 2. S. 58-60.

[5] Movchan A.V. Profilaktika i protivodejstvie propaganda ekstremizma sredi molodezhi v seti internet // Pravo. Ekonomika. Bezopasnost'. 2017. No 3 (11). S. 72-73.

[6] Morozov A.V. Ispol'zovanie finansovogo analiza dlya celej protivodejstviya otmyvaniyu dohodov i finansirovaniyu terrorizma // Finansy i kredit. 2008. No 34 (322). S. 60-64.

[7] Mashekuasheva M.H. O znachimosti informacionno-psihologicheskoy zashchity individa i sociuma: osobennosti vozdeystvuyushchego potenciala. Pravo i upravlenie. 2024. № 2. S. 375-377.

КОДЗОВ Теймураз Нашудинович,
преподаватель кафедры огневой подготовки,
старший лейтенант полиции СКИПК (филиал),
Краснодарского университета МВД России,
e-mail: mail@law-books.ru

КРИМИНАЛЬНЫЕ РИСКИ МЕТАВСЕЛЕННЫХ: ПРЕСТУПЛЕНИЯ В ВИРТУАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Аннотация. В данной статье проводится комплексный анализ потенциальных и существующих криминальных рисков, связанных с развитием метавселенных и виртуальной реальности. Детально исследуются основные типы преступных деяний, совершаемых в виртуальных пространствах, включая экономические преступления, кражу виртуальной собственности, нарушения интеллектуальных прав, виртуальное насилие и преследование. Особое внимание уделяется правовым и юрисдикционным проблемам расследования и квалификации преступлений в метавселенных, с учетом трансграничного характера данных правонарушений и отсутствия единообразной международно-правовой базы. На основе анализа существующих подходов и прецедентов предложены концептуальные методы развития нормативно-правовой базы для эффективного регулирования деятельности в виртуальных мирах и обеспечения надежной защиты пользователей от противоправных действий. Рассматриваются психологические и социальные последствия виртуальных преступлений, а также технические и организационные меры по их предотвращению.

Ключевые слова: Метавселенная, виртуальная реальность, киберпреступность, цифровая собственность, виртуальное насилие, юрисдикция, цифровые доказательства, аватар, виртуальные активы, NFT, иммерсивные технологии, правовое регулирование, кибербезопасность.

KODZOV Teimuraz Nashudinovich,
Lecturer at the Department of Fire Training,
Senior Lieutenant of the SKIPK Police (branch),
Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

CRIME RISKS OF METAVERSES: CRIMES IN VIRTUAL REALITY

Annotation. This article provides a comprehensive analysis of potential and existing criminal risks associated with the development of metaverses and virtual reality. The main types of criminal acts committed in virtual spaces are examined in detail, including economic crimes, theft of virtual property, intellectual property violations, virtual violence and stalking. Particular attention is paid to the legal and jurisdictional issues of investigating and qualifying crimes in metaverses, taking into account the cross-border nature of these offenses and the lack of a uniform international legal framework. Based on the analysis of existing approaches and precedents, conceptual methods for developing a regulatory framework for the effective regulation of activities in virtual worlds and ensuring reliable protection of users from illegal actions are proposed. The psychological and social consequences of virtual crimes, as well as technical and organizational measures to prevent them, are considered.

Key words: Metaverse, virtual reality, cybercrime, digital property, virtual violence, jurisdiction, digital evidence, avatar, virtual assets, NFT, immersive technologies, legal regulation, cybersecurity.

Концепция метавселенной, впервые представленная в научно-фантастической литературе, в частности в романе Нила Стивенсона «Snow Crash» (1992), стремительно трансформируется в реальность благодаря беспрецедентному технологическому прогрессу в области виртуальной и дополненной реальности, облач-

ных вычислений и блокчейна [5, с. 23]. Метавселенная представляет собой не просто отдельную технологию или платформу, а целую экосистему взаимосвязанных виртуальных пространств, образующих параллельный цифровой мир. Леонов определяет метавселенную как «постоянно действующее виртуальное пространство, в кото-

ром люди взаимодействуют друг с другом и с цифровыми объектами через свои аватары, с ощущением присутствия в едином общем пространстве» [5, с. 25].

Крупные технологические компании, включая Meta (бывший Facebook), Microsoft, Epic Games, Nvidia и Roblox, инвестируют десятки миллиардов долларов в создание инфраструктуры и технологий для иммерсивных виртуальных пространств [7, с. 112]. По прогнозам аналитиков, приведенным Назаровым и Ефимовой, рынок метавселенных может достичь 800 миллиардов долларов к 2030 году, охватывая различные сектора экономики: от развлечений и социальных коммуникаций до образования, здравоохранения и промышленного проектирования [7, с. 115].

В этих постоянно действующих виртуальных мирах пользователи не только взаимодействуют посредством аватаров и формируют социальные связи, но и осуществляют полноценную экономическую деятельность. Они приобретают цифровые активы, включая виртуальную недвижимость, предметы искусства в форме NFT (невзаимозаменяемых токенов), виртуальную одежду для аватаров и многое другое. В некоторых метавселенных, таких как Decentraland и The Sandbox, участки виртуальной земли продаются за суммы, эквивалентные сотням тысяч долларов США, а виртуальные мероприятия могут собирать миллионы участников.

По мере развития метавселенных и экспоненциального увеличения количества пользователей неизбежно возникают новые формы криминальной активности, требующие как теоретического осмысления, так и разработки практических механизмов противодействия [10, с. 78].

«Виртуальные миры создают уникальные условия для появления новых видов правонарушений, которые сложно классифицировать в рамках традиционных уголовно-правовых категорий» [11].

Проблематичность квалификации и расследования преступлений в виртуальной реальности обусловлена целым комплексом факторов: размытостью границ между физическим и цифровым мирами, трансграничным характером деятельности, анонимностью или псевдонимностью пользователей, недостаточной разработанностью законодательной базы и сложностью соотношения виртуальных действий с их реальными последствиями. Как отмечает Архипов, «правоприменительная практика в отношении виртуальных миров находится в зачаточном состоянии, а существующие правовые доктрины не всегда адекватно отражают специфику виртуальных взаимодействий» [1, с. 87].

Виртуальные миры формируют собственные экономические системы, основанные на

цифровых активах и внутренних валютах, которые приобретают реальную рыночную стоимость. Согласно исследованию Lehdonvirta и Castronova, годовой оборот внутриигровых валют и виртуальных товаров уже превышает 50 миллиардов долларов, а темпы роста этого сегмента цифровой экономики составляют более 20% в год [8, с. 45]. В метавселенных наблюдается формирование полноценных экономических отношений, включающих производство, распределение, обмен и потребление виртуальных благ, которые все чаще интегрируются с традиционной экономикой.

Экономическая активность в метавселенных создает привлекательную среду для различных форм преступной деятельности. Lehdonvirta отмечает, что «виртуальная экономика представляет собой не менее привлекательную цель для преступников, чем реальная, поскольку виртуальные активы имеют реальную стоимость, а уровень защиты зачастую ниже» [8, с. 48]. Среди наиболее распространенных видов экономических преступлений в метавселенных можно выделить следующие:

1. Кража виртуальных объектов и ценностей представляет собой одно из наиболее распространенных правонарушений. В отличие от традиционных краж в физическом мире, хищение виртуальных объектов часто осуществляется путем несанкционированного доступа к учетным записям пользователей, использования уязвимостей в программном обеспечении или методов социальной инженерии. Например, в 2021 году в метавселенной Roblox была зафиксирована серия краж виртуальных предметов общей стоимостью более 300 тысяч долларов США, когда злоумышленники использовали фишинговые схемы для получения доступа к учетным записям пользователей [8, с. 52]. В виртуальных мирах, функционирующих на базе блокчейна, как The Sandbox и Decentraland, объектами хищения становятся криптовалюты и NFT-токены, представляющие право собственности на виртуальные земельные участки, здания и предметы искусства.
2. Мошенничество при осуществлении транзакций в метавселенных принимает разнообразные формы, включая продажу несуществующих виртуальных объектов, мошеннические инвестиционные схемы и манипуляции с рыночной стоимостью цифровых активов. Дремлюга приводит пример схемы «руг пулл» (rug pull), когда разработчики виртуального проекта привлекают значительные инвестиции в виртуальные активы, после чего исчезают вместе с привлеченными средствами [2, с. 69]. Исследователь отмечает, что «подобные схемы становятся

все более изощренными и часто маскируются под легитимные бизнес-проекты в метавселенных» [2, с. 70]. Особой проблемой является создание фиктивных виртуальных рынков и аукционных площадок, имитирующих реальные торговые платформы, с целью обмана пользователей.

3. Отмывание денег через NFT и криптовалюты становится новым вызовом для правоохранительных органов. Преступники используют невзаимозаменяемые токены и криптовалюты в метавселенных для отмывания доходов, полученных преступным путем. Механизм включает приобретение виртуальных активов за «грязные» деньги, многократную перепродажу этих активов через цепочку подставных аккаунтов и последующую конвертацию в легальные финансовые инструменты [8, с. 57]. Lehdonvirta и Castronova отмечают, что «анонимность транзакций и отсутствие эффективного регулирования делают метавселенные идеальной средой для финансовых преступлений нового поколения» [8, с. 58].
4. Нарушение прав интеллектуальной собственности в метавселенных приобретает массовый характер. Овчинский указывает на растущую проблему незаконного копирования и распространения виртуальных объектов, защищенных авторским правом [9, с. 76]. Особую сложность представляет пиратство в отношении цифрового искусства, 3D-моделей и дизайнерских решений для аватаров. В метавселенной Decentraland были зафиксированы случаи создания контрафактных виртуальных бутиков известных модных брендов, где продавались неавторизованные цифровые копии реальных предметов одежды и аксессуаров [9, с. 77].

Как отмечает Дремлюга Р.И., основной проблемой квалификации экономических преступлений в метавселенных является неопределенный правовой статус виртуальных объектов [2, с. 67]. В разных юрисдикциях виртуальная собственность рассматривается по-разному: либо как имущественное право, либо как нематериальный актив, либо вообще не признается объектом правовой защиты. Например, в Южной Корее и Тайване судебная практика признает виртуальные объекты предметом кражи, в то время как в большинстве европейских стран такие действия могут квалифицироваться только как неправомерный доступ к компьютерной информации [2, с. 68].

Дремлюга Р.И. подчеркивает, что «отсутствие единого подхода к определению правового статуса виртуальных объектов создает значительные трудности для правоприменителей и порождает ситуации, когда одно и то же деяние

может быть признано преступлением в одной юрисдикции и полностью законным в другой» [2, с. 69]. Это приводит к формированию «юрисдикционных убежищ» для киберпреступников, специализирующихся на экономических преступлениях в метавселенных.

В метавселенных наблюдаются различные формы агрессивного поведения против виртуальных представителей пользователей, которые, несмотря на цифровую природу, оказывают реальное психологическое воздействие на жертв. Исследование, проведенное Patel и Bailenson, показало, что 72% женщин-пользователей VR-платформ сталкивались с преследованием и домогательствами, причем 36% опрошенных сообщили о серьезных психологических последствиях таких инцидентов [13, с. 203]. Ученые установили корреляцию между интенсивностью иммерсивного опыта в виртуальной реальности и степенью психологического воздействия негативных взаимодействий.

Виртуальное домогательство и преследование приобретают в метавселенных новые формы, связанные с особенностями иммерсивных технологий. Карпова отмечает, что «ощущение физического присутствия в виртуальном пространстве усиливает травматический эффект от нежелательных действий сексуального характера, направленных на аватар пользователя» [3, с. 117]. В метавселенных зафиксированы многочисленные случаи, когда аватары злоумышленников совершали действия, имитирующие сексуальное насилие, в отношении аватаров других пользователей [13, с. 205]. Особенно уязвимыми становятся пользователи, использующие тактильные контроллеры и костюмы с обратной связью, которые могут передавать физические ощущения от виртуальных взаимодействий.

Захват аватара и кража цифровой личности представляют серьезную угрозу для пользователей метавселенных. В отличие от традиционной кражи персональных данных, захват аватара позволяет злоумышленнику в реальном времени действовать от имени жертвы в виртуальном пространстве. Patel и Bailenson описывают случаи, когда захваченные аватары использовались для распространения дезинформации, мошенничества и нанесения репутационного ущерба [13, с. 207]. Проблема усугубляется тем, что в большинстве метавселенных аватары воспринимаются другими пользователями как аутентичное представление реального человека, что повышает уровень доверия к действиям захваченного аватара.

Психологическое насилие и угрозы в метавселенных часто принимают более интенсивные формы по сравнению с традиционными социальными платформами. Slater и Sanchez-Vives отме-

чают, что «пространственное соприсутствие в виртуальной реальности создает мощный эффект социального давления и делает психологические атаки более эффективными» [14, с. 58]. Исследователи выявили, что угрозы, высказанные в иммерсивной виртуальной среде, вызывают более интенсивную физиологическую реакцию (измеренную через показатели кровяного давления, пульса и гальванической реакции кожи), чем аналогичные угрозы, полученные через текстовые сообщения или социальные сети [14, с. 59]. Карпова подчеркивает, что «виртуальная виктимизация может приводить к реальным последствиям в виде тревожных расстройств, депрессии и даже посттравматического стрессового расстройства» [3, с. 120].

Создание дипфейков и манипуляция виртуальным образом становятся распространенными формами преступлений против личности в метавселенных. Технологии синтеза реалистичных изображений и голоса на основе искусственного интеллекта позволяют создавать поддельные репрезентации реальных людей в виртуальном пространстве. Овчинский описывает случаи использования дипфейков для компрометации пользователей путем демонстрации их аватаров, совершающих неэтичные или незаконные действия [9, с. 80]. Особую опасность представляет возможность манипуляции записями виртуальных взаимодействий, что затрудняет использование таких записей в качестве доказательств при расследовании преступлений.

Жертвы преступлений против личности в метавселенных часто испытывают реальные психологические травмы, хотя сами действия происходят в виртуальном пространстве. Slater и Sanchez-Vives документально подтвердили, что эмоциональные реакции на события в иммерсивной виртуальной среде аналогичны реакциям на реальные события за счет эффекта присутствия (*sense of presence*) [14, с. 56]. Исследователи провели эксперименты с использованием функциональной магнитно-резонансной томографии и обнаружили, что мозг активирует те же нейронные цепи при восприятии угрозы в виртуальной реальности, что и при реальной опасности [14, с. 57].

Карпова отмечает существенную проблему в расследовании преступлений против личности в метавселенных: «отсутствие физических следов и очевидных материальных последствий зачастую приводит к недооценке серьезности таких преступлений правоохранными органами» [3, с. 122]. Исследовательница подчеркивает необходимость пересмотра критериев оценки ущерба от виртуальных преступлений против личности, с учетом долгосрочных психологических последствий для жертв.

Трансграничный характер метавселенных создает фундаментальные юрисдикционные проблемы, которые выходят за рамки традиционных подходов международного права. Архипов отмечает, что «виртуальные миры существуют в пространстве, не привязанном к конкретной территории, при этом их физическая инфраструктура (серверы, датацентры) может располагаться в различных странах, а пользователи и операторы находятся в разных юрисдикциях» [1, с. 90]. Это порождает сложный комплекс правовых коллизий при определении применимого права и компетентных органов для расследования преступлений.

Керимов А.Д. выделяет три основных подхода к определению юрисдикции в отношении преступлений в метавселенных, сформировавшихся в международной практике [4, с. 40]:

Территориальный подход основан на местонахождении серверной инфраструктуры метавселенной и предполагает применение законодательства страны, где физически расположены серверы. Однако этот подход становится все менее эффективным с развитием распределенных и облачных технологий, когда данные метавселенной могут быть распределены между дата-центрами в десятках стран.

Персональный подход фокусируется на гражданстве или месте постоянного проживания участников виртуального взаимодействия (как преступника, так и жертвы). Керимов указывает на ограниченность данного подхода в ситуациях, когда преступление затрагивает множество пользователей из разных стран [4, с. 41].

Подход на основе эффекта предполагает определение юрисдикции по месту наступления вредных последствий преступления. Reed отмечает, что данный подход наиболее адекватен природе виртуальных взаимодействий, но создает риск параллельного преследования в нескольких юрисдикциях [12, с. 114].

На практике правоохранные органы сталкиваются с серьезными трудностями при определении подсудности преступлений в метавселенных. Архипов приводит пример дела о краже виртуальных активов в метавселенной Decentraland, когда правоохранные органы трех стран (США, Нидерландов и Сингапура) одновременно заявили о своей юрисдикции, поскольку серверы платформы находились в США, потерпевший - в Нидерландах, а подозреваемый - в Сингапуре [1, с. 93].

Существующие правовые механизмы демонстрируют ограниченность применения к метавселенным по нескольким ключевым причинам:

Уголовное законодательство большинства стран не содержит специальных норм о престу-

плениях в виртуальных мирах. Керимов А.Д. подчеркивает, что «правоприменители вынуждены адаптировать традиционные составы преступлений к принципиально новым общественным отношениям, что создает риски как чрезмерной криминализации, так и возникновения пробелов в уголовно-правовой защите» [4, с. 43]. Например, квалификация виртуального насилия над аватаром как преступления против личности сталкивается с проблемой определения объекта преступного посягательства, поскольку аватар формально не является физическим телом человека.

Доказывание субъективной стороны преступления затруднено разграничением игрового и реального умысла. Овчинский В.С. отмечает сложность разграничения действий, совершаемых в рамках игровой механики, и действительно преступного поведения [9, с. 78]. В метавселенных, имитирующих военные действия или криминальную среду (как, например, некоторые зоны в Roblox или GTA RP), насильственные действия в отношении аватаров других пользователей могут быть частью игрового процесса. Определение момента, когда игровое поведение трансформируется в реальное преступление, представляет серьезную правовую проблему.

Проблема идентификации преступника усугубляется анонимностью в метавселенных. В отличие от традиционных социальных сетей, многие метавселенные не требуют использования реальных персональных данных и позволяют создавать полностью анонимные аккаунты, особенно если они интегрированы с блокчейн-технологиями. Полякова и Антонова отмечают, что «установление связи между виртуальной и реальной личностью преступника часто требует комплексных технических мероприятий, включающих анализ метаданных, IP-адресов и биометрических характеристик поведения в виртуальной среде» [10, с. 200].

Как указывает Керимов А.Д., необходима разработка специализированных правовых норм, учитывающих особенности виртуальных взаимодействий и цифровых активов [4, с. 45]. Исследователь предлагает концепцию «виртуального правового пространства» с собственными принципами регулирования, адаптированными к специфике метавселенных. В рамках данной концепции предлагается создание международных стандартов квалификации преступлений в виртуальной реальности и формирование специализированных международных органов для координации расследований трансграничных киберпреступлений нового поколения.

Reed С. развивает идею «техничко-правового регулирования» метавселенных, предполагающую интеграцию правовых норм непосред-

ственно в программный код виртуальных платформ [12, с. 118]. Такой подход позволяет автоматизировать правоприменение и предотвращать значительную часть потенциальных правонарушений на техническом уровне.

Расследование преступлений в метавселенных требует специфических подходов к сбору и анализу цифровых доказательств, которые существенно отличаются от традиционных методов криминалистики. Особую сложность представляет необходимость фиксации событий, происходящих исключительно в виртуальном пространстве, и установление их связи с реальными субъектами [10, с. 203].

Полякова Т.А., Антонова Е.К. выделяют следующие основные методы сбора доказательств при расследовании преступлений в метавселенных [10, с. 204-206]:

Запись действий в виртуальном пространстве является первичным и наиболее важным методом фиксации доказательств. В отличие от традиционных компьютерных преступлений, где объектом анализа выступают файлы или данные, в метавселенных ключевое значение имеет последовательность действий и взаимодействий аватаров. Исследователи отмечают, что «фиксация виртуальных действий должна осуществляться с нескольких точек обзора, включая перспективу потерпевшего, перспективу подозреваемого и общий план места виртуального происшествия» [10, с. 205]. Существенной проблемой является обеспечение аутентичности записей, поскольку современные технологии позволяют манипулировать аудиовизуальным контентом. Для решения этой проблемы предлагается использование криптографических методов верификации целостности записей и привлечение независимых свидетелей из числа других пользователей метавселенной.

Анализ метаданных и сетевого трафика позволяет установить фактические обстоятельства виртуальных взаимодействий на техническом уровне. Taylor и O'Hara подчеркивают, что «сетевые пакеты данных, передаваемые между клиентским устройством и серверами метавселенной, содержат объективную информацию о действиях пользователей, которая не может быть легко фальсифицирована» [15, с. 83]. Криминалистический анализ сетевого трафика позволяет восстановить хронологию событий, идентифицировать участников взаимодействия и определить технические параметры устройств, используемых подозреваемыми.

Изучение журналов серверов и клиентских устройств представляет собой традиционный, но эффективный метод сбора доказательств. Большинство платформ виртуальной реальности

ведут подробные логи действий пользователей, включая перемещения аватаров, взаимодействия с объектами и коммуникации с другими участниками. Полякова и Антонова отмечают, что «серверные логи обладают высокой доказательственной ценностью, поскольку находятся под контролем оператора платформы и доступ к ним со стороны рядовых пользователей ограничен» [10, с. 207]. Однако получение доступа к серверным логам часто требует судебного решения и сотрудничества с администрацией платформы, что может быть затруднено в случае нахождения серверов в другой юрисдикции.

Использование встроенных инструментов мониторинга платформ становится все более распространенным методом сбора доказательств. Современные метавселенные, такие как Horizon Worlds от Meta и VRChat, включают функции автоматической фиксации нарушений правил платформы с использованием алгоритмов искусственного интеллекта. Такие системы могут автоматически выявлять потенциально противоправное поведение (агрессивные действия, преследование, нарушение приватности) и создавать соответствующие отчеты. Taylor и O'Hara отмечают, что «данные автоматизированных систем мониторинга могут служить отправной точкой для исследования, но требуют верификации другими методами для использования в качестве доказательств в суде» [15, с. 85].

Полякова Т.А., Антонова Е.К. подчеркивают, что «эффективное расследование преступлений в метавселенных требует комплексного подхода и одновременного использования всех доступных источников цифровых доказательств» [10, с. 208]. Исследователи отмечают особую важность сохранения цепочки доказательств (chain of custody) при работе с цифровыми данными из метавселенных, поскольку любое нарушение в процедуре сбора и хранения может привести к признанию доказательств недопустимыми в суде.

Существенной проблемой остается разработка стандартов процессуального оформления доказательств, полученных в метавселенных. Taylor и O'Hara отмечают отсутствие унифицированных подходов к процессуальной фиксации виртуальных событий и подчеркивают необходимость разработки международных протоколов расследования таких преступлений [15, с. 90].

Сбор и анализ цифровых доказательств при расследовании преступлений в метавселенных требуют специализированных методик и технических инструментов. Многоуровневый подход к сбору доказательств, предложенный Taylor и O'Hara, представляется наиболее эффективным, однако его практическая реализация осложняется отсутствием унифицированных стандартов и протоколов расследования.

Список литературы:

- [1] Архипов В.В. Виртуальное право: основные проблемы нового направления юридических исследований // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2021. № 2. С. 84-103.
- [2] Дремлюга Р.И. Преступления в виртуальных мирах: новые криминологические угрозы // Всероссийский криминологический журнал. 2022. Т. 16, № 1. С. 62-72.
- [3] Карпова Д.Н. Киберпреступность и виртуальная виктимизация: социологический анализ // Социологические исследования. 2020. № 8. С. 115-127.
- [4] Керимов А.Д. Правовое регулирование метавселенных: проблемы и перспективы // Государство и право. 2023. № 4. С. 38-49.
- [5] Леонов А.В. Метавселенная: от научной фантастики к социальной реальности // Вопросы философии. 2022. № 7. С. 18-32.
- [6] Mulware J. Cybersecurity in Immersive Virtual Environments: Challenges and Solutions // Journal of Information Security. 2022. Vol. 13. P. 124-139.
- [7] Nazarov A., Efimova S. The Economics of Virtual Worlds: Metaverse Market Analysis // Journal of Digital Economy. 2023. Vol. 5, No. 2. P. 103-118.
- [8] Lehdonvirta V., Castronova E. Virtual Economies: Design and Analysis. Cambridge: MIT Press, 2022. - 298 p.
- [9] Овчинский В.С. Преступность в метавселенных: новые вызовы для криминологии // Журнал российского права. 2022. № 5. С. 72-84.
- [10] Полякова Т.А., Антонова Е.К. Особенности расследования преступлений в виртуальной реальности // Российский следователь. 2023. №6. С. 197-209.
- [11] Машекуашева М.Х. О значимости информационно-психологической защиты индивида и социума: особенности воздействующего потенциала. Право и управление. 2024. № 2. С. 375-377.
- [12] Reed C. Internet Law: Text and Materials. Cambridge: Cambridge University Press, 2022. 406 p.
- [13] Patel K., Bailenson J.N. The Psychological Impact of Virtual Reality Harassment // Virtual Reality. 2023. Vol. 27, No. 2. P. 193-211.
- [14] Slater M., Sanchez-Vives M.V. Enhancing Our Lives with Immersive Virtual Reality // Frontiers in Robotics and AI. 2022. Vol. 3. P. 48-63.
- [15] Taylor E., O'Hara K. Digital Forensics in Virtual Environments // Digital Investigation. 2023. Vol. 44. P. 78-92.

Spisok literatury:

- [1] Arhipov V.V. Virtual'noe pravo: osnovnye problemy novogo napravleniya yuridicheskikh issledovanij // Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Pravovedenie. 2021. № 2. S. 84-103.

[2] Dremlyuga R.I. Prestupleniya v virtual'nyh mirah: novye kriminologicheskie ugrozy // Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal. 2022. T. 16, № 1. S. 62-72.

[3] Karpova D.N. Kiberprestupnost' i virtual'naya viktimizaciya: sociologicheskij analiz // Sociologicheskie issledovaniya. 2020. № 8. S. 115-127.

[4] Kerimov A.D. Pravovoe regulirovanie metavselennyh: problemy i perspektivy // Gosudarstvo i pravo. 2023. № 4. S. 38-49.

[5] Leonov A.V. Metavselennaya: ot nauchnoj fantastiki k social'noj real'nosti // Voprosy filosofii. 2022. № 7. S. 18-32.

[6] Mulware J. Cybersecurity in Immersive Virtual Environments: Challenges and Solutions // Journal of Information Security. 2022. Vol. 13. P. 124-139.

[7] Nazarov A., Efimova S. The Economics of Virtual Worlds: Metaverse Market Analysis // Journal of Digital Economy. 2023. Vol. 5, No. 2. P. 103-118.

[8] Lehdonvirta V., Castronova E. Virtual Economies: Design and Analysis. Cambridge: MIT Press, 2022. - 298 p.

[9] Ovchinskij V.S. Prestupnost' v metavselennyh: novye vyzovy dlya kriminologii // Zhurnal rossijskogo prava. 2022. № 5. S. 72-84.

[10] Polyakova T.A., Antonova E.K. Osobennosti rassledovaniya prestuplenij v virtual'noj real'nosti // Rossijskij sledovatel'. 2023. №6. S. 197-209.

[11] Mashekuasheva M.H. O znachimosti informacionno-psihologicheskoy zashchity individua i sociuma: osobennosti vozdeystvuyushchego potentsiala. Pravo i upravlenie. 2024. № 2. S. 375-377.

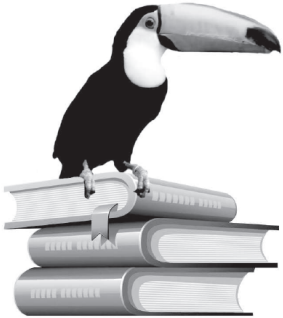
[12] Reed C. Internet Law: Text and Materials. Cambridge: Cambridge University Press, 2022. 406 p.

[13] Patel K., Bailenson J.N. The Psychological Impact of Virtual Reality Harassment // Virtual Reality. 2023. Vol. 27, No. 2. P. 193-211.

[14] Slater M., Sanchez-Vives M.V. Enhancing Our Lives with Immersive Virtual Reality // Frontiers in Robotics and AI. 2022. Vol. 3. P. 48-63.

[15] Taylor E., O'Hara K. Digital Forensics in Virtual Environments // Digital Investigation. 2023. Vol. 44. P. 78-92.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ПРОХОРОВА Евгения Николаевна,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного процесса
Калининградского филиала
Санкт-Петербургского университета
МВД России,
e-mail: tyurina39@mail.ru

РОЛЬ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ПРЕДОТВРАЩЕНИИ ДИСТАНЦИОННОГО МОШЕННИЧЕСТВА

Аннотация. В статье рассматриваются возможности применения искусственного интеллекта для противодействия дистанционному мошенничеству. Автор анализирует основные механизмы работы ИИ-систем, используемых для выявления и пресечения мошеннических схем и предлагает возможные пути решения проблемы. В результате исследования автор приходит к выводу, что наиболее эффективным методом противодействия дистанционному мошенничеству является комплексный подход, позволяющий предложить сбалансированные решения для внедрения ИИ в антифрод-стратегии.

Ключевые слова: искусственный интеллект, языковая модель, правоохранительная деятельность, правоохранительная система, цифровизация, киберпространство, дистанционное мошенничество.

PROKHOROVA Evgeniya Nikolaevna,
Associate Professor of the Department
of Criminal Procedure of the Kaliningrad branch
of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Candidate of Law, Associate Professor

THE ROLE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN PREVENTING REMOTE FRAUD

Annotation. The article discusses the possibilities of using artificial intelligence to counter remote fraud. The author analyzes the main mechanisms of operation of AI systems used to identify and prevent fraudulent schemes, and suggests possible solutions to the problem. As a result, the author came to the conclusion that the most effective method of countering remote fraud is an integrated approach that allows offering balanced solutions for implementing AI in anti-fraud strategies.

Key words: artificial intelligence, language model, law enforcement, digitalization, law enforcement system, cyberspace, remote fraud.

С развитием цифровых технологий виды осуществления мошенничества набирают обороты и приобретают новые изощренные формы: фишинговые письма и сайты, имитирующие банки и государственные учреждения, вишинг (голосовой фишинг), фрод в онлайн-банкинге, социальная инженерия – реальность с которой сталкивается, пожалуй, каждый. При этом традиционные методы борьбы с данной угрозой (черные списки, ручная модерация) оказываются недостаточно эффективными.

По словам представителя Министерства внутренних дел И.В. Волк: «Кибермошенничества составляют 40% от числа всех преступлений, произошедших в РФ в 2024 году [2]».

Одной из популярных среди мошенников схем являются симбоксы и использование региональных операторов связи для хищения денег с банковских счетов и их последующего перевода в Украину и другие страны. Эта преступная схема сочетает в себе технические ухищрения и организационные лазейки, например регистрацию сим-карт на подставных лиц.

Для того чтобы понимать как противодействовать такому роду преступлений, разберем основные понятия. Симбокс представляет собой устройство, которое аккумулирует работу базовой станции оператора, может перехватывать смс-сигналы, подменять номера и обходить двухфакторную аутентификацию. Для этих целей

мошенники покупают или регистрируют большое количество сим-карт на подставных лиц, используют услуги дропперов, что позволяет им маскировать реальные номера для исключения отслеживания их местонахождения, обходить блокировки и перехватывать коды подтверждения из банков.

Далее мошенники получают доступ к онлайн-банкам жертв через фишинг и «слитые» базы данных, перехватывают смс подтверждение транзакций и выводят денежные средства через цепочку подставных банковских карт или криптовалюту.

Украденные деньги переводят на карты украинских банков, обналичивают или переводят на криптовалютные «холодные» кошельки или же покупают электронную валюту (Bitcoin, Monero) с последующим выводом через украинские обменники или зарубежные биржи.

Оптимальным решением для противодействия преступлениям с использованием цифровых технологий является внедрение искусственного интеллекта (ИИ), который открывает новые возможности для выявления, предупреждения и расследования дистанционных преступлений.

Основными направлениями применения ИИ в системе противодействия дистанционному мошенничеству являются: автоматизированный анализ большого объема данных (необычные переводы, мониторинг социальных сетей и мессенджеров на предмет подозрительной активности, попытки обхода двухфакторной аутентификации), распознавание фишинга и фейковых сайтов (текста писем и сообщений, логотипов низкого качества), обнаружение вишинга, выявление ложных аккаунтов в социальных сетях (спам, использование чужих фото), предсказательная аналитика, анализ цифровых следов.

В мировой практике ИИ уже активно используется для противодействия дистанционному мошенничеству. США применяют ИИ для анализа финансовых отчетов и выявления мошеннических схем. «Казначейство США объявило об успешном использовании ИИ для предотвращения мошеннических платежей. В 2024 году они вернули и предотвратили более 4 миллиардов долларов, что значительно больше, чем 652,7 миллиона в предыдущем году. Такие успехи стали возможными благодаря внедрению ИИ и машинного обучения, которые позволяют анализировать большие объемы данных и выявлять скрытые паттерны мошеннической активности [5]».

При этом в США бремя доказательства лежит на банке-эмитенте. «При таком законодательстве бизнесы имеют мощную финансовую мотивацию неформально разбираться — как технически произошло конкретное мошенничество [3]».

В Российской Федерации также делаются шаги в этом направлении. Например, разрабатываются алгоритмы для банковского сектора экономики и Министерства внутренних дел Российской Федерации.

Так, Министерством цифрового развития Российской Федерации совместно с правоохранительными органами и Банком России разработан пакет законопроектов, направленных на защиту граждан от мошеннических схем с использованием информационных технологий. Пакет включает около тридцати мер. В частности, граждане смогут запретить оформление кредитов и займов онлайн на свое имя через «Госуслуги» или банковские приложения. Кроме того, кредитные организации будут обязаны проводить более тщательную проверку заемщиков, включая анализ кредитной истории, банковского счета, на который планируется перевод денежных средств, и запрет на перечисление микрозаймов на счета третьих лиц.

При этом стоит обратить внимание на значимую проблему, заключающуюся в «дырявости» со стороны персонала банков данных. Потенциальная угроза исходит от того, кто использует информацию, содержащуюся в цифровом профиле и куда ее могут продать. Так, по мнению председателя правления «Сбера» Станислава Кузнецова: «Основным источником утечек оказались вовсе не кредитные организации, как считалось ранее. На них приходится всего 2%. Больше всего утечек допустили интернет-магазины и медицинские учреждения [4]».

В качестве шага, позволяющего повысить эффективность механизма противодействия дистанционному мошенничеству может рассматриваться высокотехнологичный надзор, сущность которого заключается в создании на основе комплексной оптимизации, цифровой платформы по организации взаимодействия по противодействию дистанционному мошенничеству.

Данная платформа должна быть реактивна, т.е. быстро и эффективно реагировать на изменения, обрабатывая запросы с минимальной задержкой даже при высокой нагрузке, а также должна продолжать работать при сбоях. При выявлении посредством ИИ преступного воздействия на человека, она обязана блокировать нежелательную коммуникацию и соответственно блокировать вывод денежных средств с счетов потерпевших или кредитные средства банка. В последующем формируя цифровое досье, с занесением в него информации о кейсе с расчетом транка, мошенников и дропперов, а также с лишением цифровой свободы.

Таким образом, искусственный интеллект становится важным союзником правоохранительных органов в борьбе с киберпреступностью,

но его применение должно быть прозрачным и подконтрольным человеку. «Основное внимание должно быть сосредоточено не на описании всевозрастающих возможностей техники, а на обеспечении безопасного существования и развития человека в условиях повсеместного использования технологий [1]», обеспечивая баланс между эффективностью борьбы с дистанционным мошенничеством и защитой прав граждан, которые являются уязвленными в цифровом пространстве.

Список литературы:

[1] Журавлева О.О., Кабытов П.П., Мощная О.В. и др. Право и виртуальное пространство: монография. отв.ред. Тихомиров Ю.А. Москва: Проспект, 2025. 176 с.

[2] На кибермошенничества в РФ пришлось 40% от всех преступлений в 2024 года. <https://www.interfax.ru/russia/1003799> (дата обращения: 17.04.2025 г.).

[3] Борьба с мошенниками в США. <https://dzen.ru/a/XskXPOKFD3frKBbZ> (дата обращения: 16.04.2025 г.).

[4] Минцифры разработало план по борьбе с мошенниками. Он включает 30 мер <https://www.rbc.ru/life/news/674592b19a79475bc773f5a7> (дата обращения 17.04.2025 г.).

[5] Искусственный интеллект против мошенничества: достижения Казначейства США https://dapp.expert.ru/news/ru_ai-against-fraud-u-s-treasury-s-achievements (дата обращения: 16.04.2025 г.).

Spisok literary:

[1] Zhuravleva O.O., Kaby'tov P.P., Mocznaya O.V. i dr. Pravo i virtual'noe prostranstvo: monografiya. otv.red. Tixomirov Yu.A. Moskva: Prospekt, 2025. 176 s.

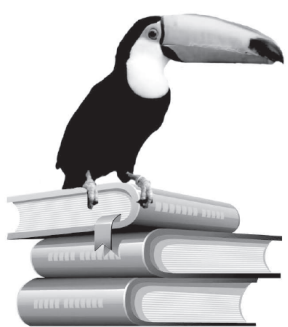
[2] Na kibermoshennichestva v RF prishlos' 40% ot vsex prestuplenij v 2024 goda. <https://www.interfax.ru/russia/1003799> (data obrashheniya: 17.04.2025 g.).

[3] Bor'ba s moshennikami v SShA. <https://dzen.ru/a/XskXPOKFD3frKBbZ> (data obrashheniya: 16.04.2025 g.).

[4] Mincifry` razrabotalo plan po bor'be s moshennikami. On vklyuchaet 30 mer <https://www.rbc.ru/life/news/674592b19a79475bc773f5a7> (data obrashheniya 17.04.2025 g.).

[5] Iskusstvenny`j intellekt protiv moshennichestva: dostizheniya Kaznachejstva SShA https://dapp.expert.ru/news/ru_ai-against-fraud-u-s-treasury-s-achievements (data obrashheniya: 16.04.2025 g.).

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ШИГАЛУГОВА Марьяна Хасановна,
старший преподаватель кафедры ОПД,
подполковник полиции,
e-mail: mail@law-books.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ БОРЬБЫ С ТЕЛЕФОННЫМ И ИНТЕРНЕТ-МОШЕННИЧЕСТВОМ

Аннотация. Активное развитие телефонного и интернет-мошенничества наблюдается во многих современных государствах, и в последние годы проблема масштабного распространения подобного преступного поведения значительно актуализировалась в России. В рамках представленного исследования проанализированы современные методы и схемы мошеннических действий с использованием телефонов и сети «Интернет». Особое внимание уделено рассмотрению мер, принимаемых со стороны государства в целях снижения масштабов распространенности телефонного и интернет-мошенничества в современных международных и внутригосударственных реалиях. На основе проведенного анализа автор приходит к выводу о том, что современные механизмы борьбы с телефонным и интернет-мошенничеством до недавнего времени характеризовались разрозненностью и фрагментарностью введения и применения, что напрямую связано с поиском наиболее эффективных организационно-правовых моделей, в связи с чем отмечается перспективность создания государственной информационной системы противодействия правонарушениям, совершаемым с использованием информационных и коммуникационных технологий.

Ключевые слова: телефонное и интернет-мошенничество; борьба с преступностью; мошеннические схемы; государственная информационная система противодействия правонарушениям, совершаемым с использованием информационных и коммуникационных технологий; российское законодательство.

SHIGALUGOVA Maryana Khasanovna,
Senior Lecturer, Department of OPD,
Police Lieutenant Colonel

TOPICAL PROBLEMS OF COMBATING TELEPHONE AND INTERNET FRAUD

Annotation. The active development of telephone and Internet fraud is observed in many modern states, and in recent years the problem of the large-scale spread of such criminal behavior has become significantly relevant in Russia. Within the framework of the presented study, modern methods and schemes of fraudulent activities using phones and the Internet were analyzed. Particular attention is paid to the consideration of measures taken by the state in order to reduce the prevalence of telephone and Internet fraud in modern international and domestic realities. Based on the analysis, the author concludes that modern mechanisms for combating telephone and Internet fraud until recently were characterized by fragmentation and fragmentation of introduction and use, which is directly related to the search for the most effective organizational and legal models, in connection with which it is noted the prospect of creating a state information system to counter offenses committed using information and communication technologies.

Key words: telephone and Internet fraud; fighting crime; fraudulent schemes; state information system for combating offenses committed using information and communication technologies; Russian legislation.

Современный человек активно использует различные информационно-коммуникационные технологии во многих сферах жизнедеятельности, что объективно обусловлено техническим прогрессом и развитием информа-

ционным общества в российском государстве. Указанные технологии претерпевают активное совершенствование, и в значительной степени качественно влияют на жизнь людей. Однако с положительным влиянием также возникают

угрозы противоправных деяний, практика которых значительно интенсифицировалась в последние годы не только в России, но и по всему миру.

Представленное исследование видится необходимым посвятить проблемам телефонного и интернет-мошенничества, которые наиболее актуальны для современной российской правоохранительной практики. По данным МВД России в последние годы наблюдается рост количества преступлений совершенных с использованием информационно телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации. В 2024 году их количество достигло 765,4 тыс., что на 13,1% больше показателей 2023 года. Примечательным является также распространенность совершения указанных деяний в большей степени посредством использования сети «Интернет» (в 2024 году четыре преступления из пяти (84,8%) совершаются с использованием сети «Интернет» - 649,1 тыс., что на 23,2% больше чем в 2023 году) и средств мобильной связи (в 2024 году – почти половина (45,2%) указанных преступных деяний, а именно 346 тыс., что на 14,3% больше чем в 2023 году) [4]. Статистические данные наглядно демонстрируют масштаб и темпы роста и развития преступной деятельности в указанной сфере.

Несмотря на то, что в целом практика подобного мошенничества не является новой для российского населения, она характеризуется динамикой совершенствования средств и методов преступного посягательства, а также активной трансформацией схем преступного функционирования. Телефонное и интернет-мошенничество представляет собой сложную организованную деятельность преступных сообществ, направленную на хищение чужого имущества. В условиях повсеместной информатизации и цифровизации хищение предполагает получение доступа к персональным данным и личным кабинетам индивидов в целях завладения их имуществом.

Современные правоведы активно исследуют проблемы телефонного и интернет-мошенничества, однако важно подчеркнуть их междисциплинарный характер, в связи с чем по заявленной тематике также имеется множество работ социологов, психологов, техников, которые через призму специфики познания и осмысления соответствующей отрасли прямо или косвенно разрабатывают вопросы борьбы с указанными разновидностями мошенничества. На наш взгляд именно комплексный подход в рамках заявленной проблематики выступает основой организации и осуществления эффективной борьбы с телефонным и интернет-мошенничеством.

Как отмечалось ранее, мошеннические схемы и применяемые методы отличаются каче-

ственным многообразием. Рассмотрим наиболее распространенные из них. Фишинг – вид мошенничества, который достаточно давно начал развиваться в интернет-пространстве, и к настоящему моменту не только не потерял своей актуальности, а лишь расширился в отношении мобильной связи. Большинство современных людей встречались с фишинговыми письмами на электронной почте или ссылками на поддельные сайты, которые могут рассылаться через социальные сети, мессенджеры и т.д. Однако в случае подобных рассылок мошенники крайне ограничены в части влияния на жертв, в связи с чем сформировалась обширная практика голосового фишинга. Звонки от службы безопасности банков с дальнейшим переключением на сотрудников различных органов государственной власти, в том числе правоохранительной направленности – все это является классической схемой деятельности фишеров, основная цель которых заполучить личные данные, и сведения о банковских счетах и картах, необходимые для доступа к денежным средствам [2, с. 161].

В рамках фишинга в настоящее время используются не только рассылки, но и за счет завладения доступом к контактам индивидов осуществляется общение от имени известных им лиц. Это могут быть близкие люди или коллеги, руководство, которые в дальнейшем также переключают на общение с другими людьми в зависимости от контекста в каждой конкретной ситуации.

Целый ряд мошеннических схем связаны с банковскими переводами и оплатами. Так, в последние годы развивается практика, когда индивиду приходит оповещение о переводе денежных средств от конкретного лица, позднее с ним связывается сотрудник банка и сообщает об ошибке и необходимости возврата денежных средств для чего требуется подтверждение персональных данных и производимых действий. Мошеннические запросы на оплату также реализуются за счет ошибочного счета или подозрительных действий в рамках его получения, что требует незамедлительной связи с представителем банка по конкретному номеру [3, с. 66].

Важно отметить, что в современных реалиях активной трансформации мошеннической практики со стороны государства организовывается целый ряд оперативных мер по противодействию указанному преступному функционированию. Примером таких мер может стать возможность с 1 марта 2025 года установления самозапрета на получение кредитов и займов в финансовых организациях. Несмотря на то, что данная возможность реализуется всего несколько месяцев, ей уже воспользовались более 10 млн.

российских граждан. Как справедливо отмечают А.П. Алексеева и О.И. Белокобыльская «отсутствие у потенциальных жертв преступления физической возможности выполнить требования мошенников о переводе денег на их счета будет способствовать сокращению уровня преступности и стабилизации ситуации в данной сфере» [1, с. 68].

Для борьбы с телефонным мошенничеством с 1 апреля 2025 года действует ограничение количества сим-карт, зарегистрированных на физических лиц. Для российских граждан их количество составляет 20 сим карт, а для иностранных граждан – 10 сим карт. Кроме того, в указанной сфере с 1 сентября планируется расширить практику установления самозапретов и закрепить возможность таковых в отношении оформления договоров на мобильную связь через Портал государственных услуг Российской Федерации или в многофункциональных центрах.

Важно отметить, что современные механизмы борьбы с телефонным и интернет-мошенничеством до недавнего времени характеризовались разрозненностью и фрагментарностью введения и применения, что напрямую связано с поиском наиболее эффективных организационно-правовых моделей. Учитывая определенную результативность и одобрительное восприятие со стороны населения подобных мер с 1 июня 2025 года планируется их систематизация, которая будет проведена на создания государственной информационной системы противодействия правонарушениям, совершаемым с использованием информационных и коммуникационных технологий. Указанная система аккумулирует около 30 мер борьбы с телефонным и интернет-мошенничеством, которые характеризуется комплексным воздействием на различные сферы жизнедеятельности современного человека. Наиболее актуальными представляются следующие:

- создание единой системы для банков, органов государственной власти и операторов информационных систем, а также агрегаторов, в рамках которой указанные субъекты получают возможность оперативного обмена сведениями о подозрительных номерах и счетах мошенников;
- введение обязанности для банков проверки наличия признаков выдачи средств в банкоматах без добровольного согласия, при выявлении которых выдача соответствующих средств в размере не больше 50 тыс. руб. в сутки ограничивается на 48 часов, а в отношении переводов денежных средств – в случае получения банками от Банка России информации, содержащейся в базе данных о случаях и попытках осуществления пере-

водов денег без добровольного согласия клиента ограничивается выдача денег через банкоматы до 100 тыс. руб. в месяц;

- закрепление возможности наделения близких лиц статусом уполномоченного, что предполагает доступность подтверждения денежных переводов в пользу третьих лиц и получения наличных средств как со счетов индивида, так и через банкоматы;
- введение запрета, распространяемого на компании и государственных служащих по использованию иностранных мессенджеров при общении с гражданами, в целях обеспечения информационно безопасности;
- введение обязательной маркировки звонков, на основе которой закрепляется возможность для абонентов установления запретов на рекламные обзвоны;
- закрепление возможности использования при взаимодействии с агрегаторами единой биометрической системы для аутентификации [5].

На основе исследования противоправной практики и современных мер по борьбе с телефонным и интернет-мошенничеством видится необходимым выделить следующие проблемы:

- 1) недостаточная информированность граждан, в том числе представителей наиболее уязвимых по отношению к мошенническим действиям категорий населения (пенсионеры, дети, подростки). Несмотря на то, что данное информирование активно проводится в настоящее время, масштабы и активность трансформации противоправной практики имеет опережающий характер, что предопределяет необходимость дальнейшей интенсификации государственного функционирования в данном направлении.
- 2) низкий уровень информационной и цифровой грамотности, как применительно к отдельным наиболее уязвимым категориям населения, так и в целом в отношении новейших технологий. Российское население активно использует смартфоны, планшеты и прочие гаджеты, однако далеко не всегда индивиды обладают необходимыми знаниями и навыками о реагировании на мошеннические посягательства.
- 3) ярко выраженный организованный характер развития телефонного и интернет-мошенничества на территории российского государства, поддерживаемый со стороны зарубежных государств. В настоящее время данная проблема наглядно проявляется в условиях обострения геополитического конфликта с Украиной. Кроме того, значительно осложняет процессы выявле-

ния, пресечения и расследования преступных деяний указанной направленности тот факт, что они, как правило, совершаются с территории других государств.

Данная деятельность, безусловно, имеет важнейшее практическое значение, однако комплексное противодействие указанной преступности с учетом ее масштабов и интенсивности развития в настоящее время возможно лишь посредством применения целого комплекса мер (правовых, организационных, информационных, культурных и иных). В данном направлении наблюдается определенный прогресс в связи с созданием государственной информационной системы противодействия правонарушениям, совершаемым с использованием информационных и коммуникационных технологий.

Список литературы:

[1] Алексеева, А. П. Право граждан на само-запрет получения потребительских кредитов или займов: проблемы и перспективы реализации / А. П. Алексеева, О. И. Белокобыльская // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 1(75). С. 65-69.

[2] Копылов, В. В. Голосовой фишинг / В. В. Копылов, О. М. Прокофьев, А. В. Гайдашов // Актуальные проблемы публичного права: Сборник научных трудов IV Международной научно-практической конференции, Владимир, 17 ноября 2022 года. Том Выпуск 17. Владимир: КопиА-Сервис, 2023. С. 158-165.

[3] Сергеев, А. Ю. Мошенничество в цифровом обществе в условиях социальных изменений / А. Ю. Сергеев, О. В. Широкова // Цифровая социология. 2023. Т. 6, № 1. С. 59-71.

[4] Состояние преступности в Российской Федерации за январь - декабрь 2024 года // Официальный сайт МВД России [Электронный ресурс]

URL: <https://media.mvd.ru/files/application/9209203> (дата обращения: 03.05.2025).

[5] Федеральный закон от 01.04.2025 № 41-ФЗ «О создании государственной информационной системы противодействия правонарушениям, совершаемым с использованием информационных и коммуникационных технологий, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2025. № 14. Ст. 1574.

Spisok literatury:

[1] Alekseeva, A. P. Pravo grazhdan na samozapret polucheniya potrebitel'skih kreditov ili zajmov: problemy i perspektivy realizacii / A. P. Alekseeva, O. I. Belokobyl'skaya // Vestnik Kaliningradskogo filiala Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2024. № 1(75). S. 65-69.

[2] Kopylov, V. V. Golosovoj fishing / V. V. Kopylov, O. M. Prokof'ev, A. V. Gajdashov // Aktual'nye problemy publichnogo prava: Sbornik nauchnyh trudov IV Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Vladimir, 17 noyabrya 2022 goda. Tom Vypusk 17. Vladimir: KopiA-Servis, 2023. S. 158-165.

[3] Sergeev, A. Yu. Moshennichestvo v cifrovom obshchestve v usloviyah social'nyh izmenenij / A. Yu. Sergeev, O. V. Shirokova // Cifrovaya sociologiya. 2023. T. 6, № 1. S. 59-71.

[4] Sostoyanie prestupnosti v Rossijskoj Federacii za yanvar' - dekabr' 2024 goda // Oficial'nyj sajt MVD Rossii [Elektronnyj resurs] URL: <https://media.mvd.ru/files/application/9209203> (data obrashcheniya: 03.05.2025).

[5] Federal'nyj zakon ot 01.04.2025 № 41-FZ «O sozdanii gosudarstvennoj informacionnoj sistemy protivodejstviya pravonarusheniyam, sovershaemym s ispol'zovaniem informacionnyh i kommunikacionnyh tekhnologij, i o vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii» // Sobra-
nie zakonodatel'stva RF. 2025. № 14. St. 1574.

ГЕДУГОШЕВ Ратмир Русланович,
кандидат педагогических наук,
старший преподаватель кафедры огневой подготовки,
подполковник полиции СКИПК (филиал),
Краснодарского университета МВД России,
e-mail: mail@law-books.ru

КИБЕРМЕСТЬ: ТРАНСФОРМАЦИЯ МЕСТИ В ЭПОХУ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Аннотация. В статье рассматривается трансформация преступлений, совершаемых из мести, под влиянием цифровых технологий в современном обществе. Проведен детальный анализ новых форм мстительного поведения, таких как киберсталкинг, распространение интимных изображений без согласия и доксинг, с учетом их специфических характеристик и механизмов воздействия на жертв. Исследованы психологические, социальные и технологические факторы, способствующие значительному росту числа цифровых преступлений из мести в последнее десятилетие. Особое внимание уделено проблеме анонимности в сети как ключевому элементу, усиливающему виктимизацию жертв и обеспечивающему безнаказанность правонарушителей. Проанализированы существующие правовые пробелы и сложности в регулировании подобных деяний в российской и международной юридической практике. Выявлены основные препятствия для эффективного расследования и судебного преследования таких преступлений. Предложены комплексные направления профилактики цифровых преступлений из мести, включающие законодательные инициативы, технологические решения и образовательные программы.

Ключевые слова: месть, цифровые преступления, киберсталкинг, порноместь, доксинг, кибербуллинг, цифровая виктимология, интернет-анонимность, цифровая этика, интимное насилие, онлайн-преследование, цифровая безопасность, киберугрозы, правовое регулирование интернета.

GEDUGOSHEV Ratmir Ruslanovich,
Candidate of Pedagogical Sciences,
Senior Lecturer at the Department of Fire Training,
Lieutenant Colonel of the SKIPK Police (branch),
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia

CYBERSMATCH: THE TRANSFORMATION OF REVENGE IN THE DIGITAL AGE

Annotation. The article examines the transformation of revenge crimes under the influence of digital technologies in modern society. A detailed analysis of new forms of vengeful behavior, such as cyberstalking, non-consensual distribution of intimate images and doxing, is conducted, taking into account their specific characteristics and mechanisms of influence on victims. Psychological, social and technological factors contributing to the significant increase in the number of digital revenge crimes in the last decade are examined. Particular attention is paid to the problem of anonymity on the network as a key element that increases the victimization of victims and ensures impunity for offenders. The existing legal gaps and difficulties in regulating such acts in Russian and international legal practice are analyzed. The main obstacles to effective investigation and prosecution of such crimes are identified. Comprehensive areas for the prevention of digital revenge crimes are proposed, including legislative initiatives, technological solutions and educational programs.

Key words: revenge, digital crimes, cyberstalking, revenge porn, doxxing, cyberbullying, digital victimology, internet anonymity, digital ethics, intimate violence, online stalking, digital security, cyber threats, legal regulation of the internet.

Месть как мотив противоправного поведения существовала на протяжении всей истории человечества, уходя корнями в древнейшие социальные практики и находя отражение в культурных, религиозных и правовых традициях различных обществ. Однако в цифровую эпоху она приобрела принципиально новые формы и беспрецедентные масштабы. Технологический прогресс создал уникальные возможности для причинения вреда через виртуальное пространство, что отразилось в появлении специфических типов преступлений из мести, отличающихся особой разрушительностью и длительностью воздействия на жертву [1, с. 42].

Согласно исследованию Д.С. Волкова, цифровая месть характеризуется особой продолжительностью воздействия на жертву и потенциально неограниченной аудиторией свидетелей, что многократно усиливает психологический урон и создает эффект непрекращающейся травматизации [2, с. 87].

Актуальность изучения данного феномена обусловлена стремительным ростом числа подобных правонарушений во всем мире. По данным масштабного мониторингового исследования А.В. Карповой, только в 2023 году количество зарегистрированных случаев цифровых преступлений из мести выросло на 34% по сравнению с предыдущим годом, причем наиболее значительный рост наблюдался в возрастной группе 18-25 лет [3, с. 112]. Этот тревожный тренд отражает как широкую доступность цифровых инструментов для реализации мстительных намерений, так и недостаточность существующих правовых и социальных механизмов сдерживания таких действий.

Детальный анализ форм мстительного поведения позволяет лучше понять природу данного феномена и разработать эффективные стратегии противодействия.

1. Распространение интимных изображений без согласия («порноместь») представляет собой публикацию или распространение частных интимных материалов без согласия изображенного на них лица, обычно бывшего романтического партнера. М.И. Ежов в своей монографии отмечает, что психологический ущерб от подобных действий часто превышает вред от традиционных форм насилия и может приводить к тяжелым последствиям вплоть до суицида [4, с. 56]. Согласно его исследованиям, жертвы порномести испытывают комплекс тяжелых психоэмоциональных реакций, включая острое чувство стыда, унижения, потерю контроля над собственной жизнью, социальную изоляцию и длительные депрессивные состояния.

Подчеркивается, что в контексте порномести технологии работают как усилитель травматического воздействия – материалы могут мгновенно распространяться, легко копироваться и сохраняться на множестве устройств, что делает практически невозможным их полное удаление [4, с. 58]. Приватные изображения часто становятся доступны коллегам, друзьям, родственникам и потенциальным работодателям жертвы, что приводит к разрушению социальных связей и профессиональной репутации.

2. Киберсталкинг включает систематическое преследование жертвы с использованием цифровых каналов коммуникации. Это может проявляться в форме постоянных нежелательных сообщений, комментариев, мониторинга активности в социальных сетях, взлома аккаунтов, установки шпионского программного обеспечения на устройства жертвы и других форм навязчивого вторжения в цифровое пространство человека. Масштабное исследование Н.А. Петровой показало, что в 79% случаев киберсталкинга преследователями являются бывшие романтические партнеры, причем длительность такого преследования может достигать нескольких лет [5, с. 143].

Петрова выделяет несколько стадий киберсталкинга из мести: от первоначального сбора информации о жертве до эскалации, когда виртуальное преследование перерастает в реальные угрозы физической безопасности. Особенностью киберсталкинга является его проникающий характер – цифровые технологии позволяют преследователю быть постоянно «присутствующим» в жизни жертвы, что создает ощущение отсутствия безопасного пространства и постоянной уязвимости», – отмечает исследователь [5, с. 145].

3. Доксинг — публикация личной идентифицирующей информации (адреса, телефона, места работы, данных о членах семьи и т.д.) с целью подвергнуть человека преследованию в реальной жизни. С.В. Малышев в своей работе подчеркивает возрастающую роль доксинга как инструмента мести в межличностных конфликтах [6, с. 211]. Доксинг представляет особую опасность, поскольку переносит конфликт из виртуального пространства в физическую реальность, создавая угрозу не только для репутации, но и для физической безопасности жертвы и ее близких.

Малышев выделяет два основных типа доксинга из мести: таргетированный, направленный на конкретного человека, с которым у преступника существует личный конфликт, и инструментальный, используемый как способ мобилизации третьих лиц для преследования жертвы. Во вто-

ром случае публикация личных данных часто сопровождается ложными обвинениями, призванными вызвать негативную реакцию у определенных групп людей.

Процедура доксинга обычно включает несколько этапов: сбор информации из открытых и закрытых источников, систематизацию и верификацию данных, и, наконец, публикацию в формате, максимально облегчающем их использование для преследования жертвы. Современные технологии значительно упростили процесс сбора и анализа персональных данных, сделав доксинг доступным практически для любого пользователя с базовыми навыками работы в интернете [6, с. 217].

4. Дефамация в сети включает распространение ложных сведений, порочащих честь и достоинство человека, через интернет-платформы. О.Д. Семенова отмечает, что цифровая клевета отличается особой скоростью распространения и сложностью опровержения, что делает ее мощным инструментом нанесения репутационного ущерба [7, с. 98]. В контексте преступлений из мести дефамация часто принимает форму создания фальшивых профилей жертвы в социальных сетях или на сайтах знакомств с компрометирующим контентом, распространения сфабрикованных свидетельств о противоправных действиях или аморальном поведении, массовой рассылки порочащих сведений коллегам, друзьям и родственникам жертвы.

Исследователь выделяет особую категорию дефамационных атак, направленных на профессиональную репутацию, которые могут включать фабрикацию негативных отзывов от якобы клиентов или коллег, создание поддельных документов, свидетельствующих о профессиональных нарушениях, и другие формы подрыва деловой репутации.

Последствия цифровой дефамации могут быть катастрофическими для профессиональной и личной жизни жертвы, особенно учитывая, что поисковые системы долго сохраняют и индексируют негативную информацию, которая может появляться при поиске имени человека в течение многих лет.

Анализируя психологические механизмы, лежащие в основе цифровых преступлений из мести, необходимо отметить несколько ключевых факторов, которые способствуют трансформации обычного межличностного конфликта в деструктивное поведение в цифровом пространстве.

Эффект онлайн-растормаживания, детально описанный в исследованиях Ю.Р. Тарасова, представляет собой психологический фено-

мен, при котором в цифровой среде значительно уменьшаются внутренние барьеры, препятствующие асоциальному поведению [8, с. 76]. Тарасов выделяет несколько ключевых компонентов этого эффекта: воспринимаемая анонимность, невидимость, асинхронность коммуникации, минимизация авторитета и диссоциативное воображение, при котором онлайн-взаимодействия воспринимаются как происходящие в отдельной от реальной жизни плоскости [8, с. 78].

Согласно исследованию В.А. Кольцова, до 68% людей, совершающих акты цифровой мести, никогда не решились бы на подобные действия в реальной жизни [9, с. 124]. Исследователь провел серию глубинных интервью с лицами, признавшимися в совершении цифровых преступлений из мести, и выявил, что многие из них воспринимали свои действия как «виртуальные», не полностью осознавая реальность причиняемого вреда. Цифровые средства коммуникации создают иллюзию игрового пространства, в котором стандартные моральные ограничения воспринимаются как необязательные.

Социальные сети и цифровые платформы создают эффект «публичного наказания», когда акт мести происходит на глазах у многочисленной аудитории, что существенно усиливает урон для репутации и психологического благополучия жертвы. А.В. Карпова в своем исследовании отмечает, что публичность является ключевым фактором, усиливающим травматический эффект цифровой мести – жертва переживает не только сам акт мести, но и реакцию социального окружения на него [3, с. 116]. При этом важно учитывать, что в цифровой среде аудитория потенциально не ограничена, а распространение информации происходит экспоненциально, охватывая не только существующие, но и потенциальные социальные контакты жертвы.

И.В. Дорофеев, изучавший мотивационные аспекты цифровых преступлений из мести, отмечает, что публичность цифровой мести является одним из ключевых мотивирующих факторов для правонарушителя, который стремится не просто причинить вред жертве, но и продемонстрировать свою власть над ней, унижить ее в глазах значимых других [10, с. 89]. Таким образом, социальные сети усиливают эффект публичного наказания и способствуют эскалации мстительного поведения.

Дорофеев выделяет несколько типичных мотивационных паттернов цифровой мести: восстановление справедливости (субъективно воспринимаемой), стремление к восстановлению контроля над ситуацией или бывшим партнером, желание добиться признания своей значимости через демонстрацию способности причинить вред, компенсация нарциссической травмы и

прямое стремление к причинению страданий в ответ на пережитые негативные эмоции. При этом субъективная интерпретация «справедливости» часто искажена и не соответствует общепринятым нормам, что приводит к непропорциональной реакции на реальный или воображаемый вред.

Важно отметить значимый гендерный аспект проблемы цифровых преступлений из мести. Исследование Л.А. Черкасовой демонстрирует, что женщины в 2,4 раза чаще становятся жертвами цифровых преступлений из мести, особенно связанных с распространением интимных изображений [11, с. 203]. Черкасова связывает этот дисбаланс с устойчивыми гендерными стереотипами, двойными стандартами в отношении сексуального поведения и склонностью к объективации женского тела в массовой культуре. Даже в цифровой среде сохраняются и воспроизводятся традиционные паттерны гендерного насилия, приобретая новые технологические формы.

Черкасова также подчеркивает, что последствия цифровых преступлений из мести для женщин часто оказываются более тяжелыми из-за повышенного риска стигматизации в обществе, склонном обвинять жертв. Женщины, ставшие мишенью порномести, часто сталкиваются с осуждением и обвинениями в непредусмотрительности, легкомыслии или провокационном поведении, что усиливает травматический эффект и затрудняет поиск социальной поддержки.

Правовое регулирование цифровых преступлений из мести сталкивается с рядом существенных проблем, обусловленных как трансграничной природой интернета, так и быстрой эволюцией технологий, опережающей развитие законодательства. Законодательная база многих стран, включая Россию, демонстрирует значительное отставание от цифровых реалий и новых форм противоправной деятельности.

П.Р. Андреев в своей работе указывает на фрагментарность правового регулирования киберпреступлений, мотивированных местью, что проявляется в отсутствии специализированных составов преступлений, адекватно отражающих специфику таких деяний [12, с. 167]. Исследователь отмечает, что правоохранительные органы часто вынуждены квалифицировать подобные действия по статьям, изначально не предназначенным для регулирования цифровых правонарушений, что приводит к неадекватным мерам наказания и сложностям в доказывании вины.

Андреев проводит детальный анализ российского законодательства и выявляет, что цифровые преступления из мести могут квалифици-

роваться по различным статьям УК РФ, включая ст. 128.1 (клевета), ст. 137 (нарушение неприкосновенности частной жизни), ст. 138 (нарушение тайны переписки), ст. 272 (неправомерный доступ к компьютерной информации) и некоторые другие. Однако ни одна из этих статей не учитывает в полной мере специфику цифровых преступлений из мести, их комплексный характер и особую тяжесть последствий для жертвы [12, с. 169].

Проблема идентификации преступника в цифровой среде часто препятствует эффективному расследованию. По данным масштабного исследования Г.С. Бельского, только 23% заявлений о цифровых преступлениях из мести приводят к установлению личности правонарушителя, и лишь в 17% случаев дело доходит до суда [13, с. 134]. Исследователь связывает это с рядом факторов: широкой доступностью технологий анонимизации, недостаточным уровнем технической подготовки сотрудников правоохранительных органов, отсутствием специализированных подразделений по расследованию цифровых преступлений в региональных структурах МВД и низким приоритетом подобных дел в общей системе расследований.

Бельский отмечает, что «сложность идентификации преступника усугубляется возможностью использования публичных сетей Wi-Fi, анонимных прокси-серверов, VPN-сервисов и сети Tor, что делает практически невозможным установление IP-адреса и местоположения правонарушителя стандартными методами» [13, с. 136]. Кроме того, многие социальные сети и мессенджеры не требуют верификации личности пользователя, что позволяет создавать фейковые аккаунты для совершения противоправных действий.

Отдельной проблемой является сбор и фиксация доказательств. Цифровые следы могут быть легко уничтожены или модифицированы, а использование анонимайзеров и VPN затрудняет отслеживание источника противоправных действий. Бельский подчеркивает, что «для эффективного сбора цифровых доказательств необходимо специализированное программное обеспечение и навыки компьютерно-технической экспертизы, которыми обладают далеко не все подразделения правоохранительных органов, особенно на региональном уровне» [13, с. 138].

Д.С. Волков обращает внимание на психологические барьеры, препятствующие жертвам обращаться в правоохранительные органы: «Жертвы цифровых преступлений из мести часто испытывают стыд, смущение и опасения, что обращение в полицию приведет к еще большей огласке деликатных аспектов их личной жизни» [2, с. 93]. Это особенно характерно для случаев

порномести, когда жертвы опасаются, что материалы будут рассматриваться в ходе следствия и судебного процесса, что усугубит их травматический опыт.

Волков также отмечает проблему недостаточной информированности сотрудников правоохранительных органов о специфике цифровых преступлений из мести: «Жертвы часто сталкиваются с непониманием серьезности проблемы, советами ‘просто игнорировать’ или даже обвинениями в провоцировании конфликта, что снижает вероятность обращения за помощью в будущем» [2, с. 95].

Для эффективного противодействия цифровым преступлениям из мести необходим комплексный подход, включающий как технологические, так и социально-психологические меры, направленные как на потенциальных жертв, так и на общество в целом.

Н.А. Петрова предлагает развернутую модель «цифровой гигиены», включающую образовательные программы по безопасному поведению в сети, управлению цифровой идентичностью и защите личных данных [5, с. 146]. Исследователь подчеркивает необходимость внедрения подобных программ в систему образования начиная со школьного возраста, когда формируются базовые паттерны онлайн-поведения. Превентивное образование должно включать не только технические аспекты безопасности, но и этические вопросы цифровых взаимоотношений, понимание концепции согласия и уважения к приватности других людей [5].

Технологические решения также играют важную роль в противодействии цифровым преступлениям из мести. А.В. Карпова отмечает эффективность специализированных алгоритмов для выявления и блокировки материалов, распространяемых без согласия [3, с. 117]. В частности, исследователь описывает перспективность технологий хеширования изображений, которые позволяют автоматически выявлять и блокировать повторные публикации уже идентифицированного неправомерного контента даже при частичном изменении изображения. Такие технологии уже успешно внедряются крупными социальными платформами и демонстрируют значительный потенциал для превентивной защиты от порномести.

Карпова также подчеркивает важность совершенствования механизмов оперативного реагирования платформ на жалобы пользователей: Скорость удаления неправомерного контента критически важна для минимизации ущерба жертве, поэтому необходимо развивать как автоматизированные системы мониторинга, так и процедуры рассмотрения жалоб в режиме прио-

ритетного реагирования. Исследователь предлагает концепцию «цифрового спасательного круга» – комплекса мер экстренного реагирования, активируемых при выявлении случаев цифровой мести, включая оперативное удаление контента, блокировку дальнейшего распространения, уведомление потенциально затронутых платформ и предоставление технической и психологической поддержки жертве.

Значительный потенциал имеет развитие специализированных служб поддержки жертв цифровых преступлений из мести. По мнению Е.Д. Иванова, «психологическая поддержка и юридическое сопровождение позволяют существенно снизить негативные последствия для жертв и повысить вероятность привлечения правонарушителей к ответственности» [14, с. 92]. Иванов описывает успешный опыт создания междисциплинарных центров помощи жертвам цифровых преступлений, объединяющих психологов, юристов, специалистов по информационной безопасности и социальных работников.

Комплексный подход в сопровождении жертв позволяет решать несколько задач одновременно: оказание экстренной психологической помощи, юридическое консультирование и представительство интересов в правоохранительных органах, техническая помощь в фиксации доказательств и удалении неправомерного контента, а также социальная реинтеграция и восстановление репутации. Исследователь подчеркивает, что эффективность таких центров значительно повышается при наличии прямых контактов с администрацией популярных интернет-платформ и специализированными подразделениями правоохранительных органов.

О.Д. Семенова акцентирует внимание на необходимости развития реабилитационных программ для жертв цифровых преступлений из мести: Последствия таких преступлений часто имеют долгосрочный характер и требуют системной психологической работы, направленной на преодоление травматического опыта, восстановление самооценки и формирование адаптивных стратегий совладания с последствиями виктимизации [7, с. 102]. Исследователь предлагает модель ступенчатой реабилитации, включающую кризисное вмешательство, последующую терапию травмы и долгосрочное сопровождение процесса социальной реинтеграции.

П.Р. Андреев подчеркивает необходимость совершенствования законодательной базы для эффективного противодействия цифровым преступлениям из мести: Современное законодательство должно учитывать специфику цифровой среды и предусматривать адекватные меры ответственности за новые формы противоправ-

ного поведения [12, с. 174]. Исследователь предлагает ввести специальный состав преступления, охватывающий различные формы цифровой мести, с учетом таких квалифицирующих признаков, как масштаб распространения материалов, тяжесть последствий для жертвы и степень продуманности действий.

Г.С. Бельский отмечает необходимость создания специализированных подразделений в структуре правоохранительных органов, фокусирующихся на расследовании цифровых преступлений: Эффективное противодействие современным формам киберпреступности требует не только соответствующей технической оснащенности, но и специфических знаний и навыков у сотрудников, ведущих расследование [13, с. 139]. Исследователь предлагает развивать систему непрерывного обучения сотрудников правоохранительных органов современным методам цифровой криминалистики и расследования киберпреступлений.

Важно отметить, что решение проблемы цифровых преступлений из мести невозможно без трансформации культурных норм и этических стандартов в отношении приватности, согласия и ответственного поведения в сети. Как справедливо отмечает О.Д. Семенова, «технологический прогресс должен сопровождаться соответствующим развитием цифровой этики и культуры взаимоуважения в виртуальном пространстве» [7, с. 103]. Формирование новой культуры цифровых взаимоотношений, основанной на принципах уважения автономии личности, осознанного согласия и ответственности за свои действия, является необходимым условием для снижения распространенности цифровых преступлений из мести и минимизации их негативных последствий [16].

В конечном итоге, преодоление проблемы цифровых преступлений из мести требует скоординированных усилий всех заинтересованных сторон: исследователей, законодателей, правоохранительных органов, технологических компаний, образовательных учреждений и гражданского общества. Только комплексный подход, учитывающий технологические, правовые, психологические и социокультурные аспекты проблемы, может привести к значимому снижению распространенности этого деструктивного феномена и минимизации его негативного влияния на жизнь современного общества.

Список литературы:

- [1] Агафонов А.И. Киберпреступность: новые вызовы в цифровую эпоху // Вопросы криминологии. 2022. № 3. С. 40-54.
- [2] Волков Д.С. Психология мести в виртуальном пространстве // Журнал психологических исследований. 2023. № 2. С. 85-99.

[3] Карпова А.В. Статистический анализ преступлений, мотивированных местью, в российском сегменте интернета // Вестник криминологии. 2024. № 1. С. 110-124.

[4] Ежов М.И. Порноместь как форма гендерного насилия: социологический анализ // Социологические исследования. 2021. № 5. С. 52-67.

[5] Петрова Н.А. Киберсталкинг в межличностных отношениях: причины и последствия // Психология и право. 2022. № 4. С. 140-152.

[6] Малышев С.В. Доксинг как инструмент мести и запугивания: правовые аспекты // Юридический вестник. 2023. № 2. С. 208-223.

[7] Семенова О.Д. Цифровая диффамация: особенности распространения и противодействия // Правоведение. 2022. № 3. С. 95-107.

[8] Тарасов Ю.Р. Эффект онлайн-расторжения в цифровой коммуникации // Психологический журнал. 2021. № 6. С. 73-86.

[9] Кольцов В.А. Трансформация агрессивного поведения в цифровой среде // Вестник психологии. 2023. № 3. С. 120-135.

[10] Дорофеев И.В. Мотивационные аспекты преступлений из мести в киберпространстве // Криминологический журнал. 2022. № 4. С. 85-98.

[11] Черкасова Л.А. Гендерные аспекты кибервиктимизации // Женщина в российском обществе. 2023. № 2. С. 198-212.

[12] Андреев П.Р. Пробелы в правовом регулировании киберпреступлений в России // Журнал российского права. 2021. № 5. С. 163-177.

[13] Бельский Г.С. Проблемы расследования преступлений в виртуальном пространстве // Уголовный процесс. 2022. № 7. С. 128-140.

[14] Иванов Е.Д. Реабилитация жертв цифровых преступлений: междисциплинарный подход // Виктимология. 2023. № 4. С. 88-101.

[15] Зуева О.Н. Международный опыт противодействия киберпреступлениям из мести // Международное уголовное право и правосудие. 2021. № 3. С. 71-85.

[16] Машекуашева М.Х. О значимости информационно-психологической защиты индивида и социума: особенности воздействующего потенциала. Право и управление. 2024. № 2. С. 375-377.

Spisok literatury:

- [1] Agafonov A.I. Kiberprestupnost': novye vyzovy v cifrovuyu epokhu // Voprosy kriminologii. 2022. № 3. S. 40-54.
- [2] Volkov D.S. Psihologiya mesti v virtual'nom prostranstve // Zhurnal psihologicheskikh issledovaniy. 2023. № 2. S. 85-99.
- [3] Karpova A.V. Statisticheskij analiz prestuplenij, motivirovannyh mest'yu, v rossijskom segmente interneta // Vestnik kriminologii. 2024. № 1. S. 110-124.

[4] Ezhov M.I. Pornomest' kak forma gender-nogo nasiliya: sociologicheskij analiz // Sociologicheskije issledovaniya. 2021. № 5. S. 52-67.

[5] Petrova N.A. Kiberstalking v mezhlichnostnyh otnosheniyah: prichiny i posledstviya // Psihologiya i pravo. 2022. № 4. S. 140-152.

[6] Malyshev S.V. Doksing kak instrument mesti i zapugivaniya: pravovye aspekty // Yuridicheskij vestnik. 2023. № 2. S. 208-223.

[7] Semenova O.D. Cifrovaya diffamaciya: osobennosti rasprostraneniya i protivodejstviya // Pravo-vedenie. 2022. № 3. S. 95-107.

[8] Tarasov Yu.R. Effekt onlajn-rastormazhivaniya v cifrovoj kommunikacii // Psihologicheskij zhurnal. 2021. № 6. S. 73-86.

[9] Kol'cov V.A. Transformaciya agressivnogo povedeniya v cifrovoj srede // Vestnik psihologii. 2023. № 3. S. 120-135.

[10] Dorofeev I.V. Motivacionnye aspekty prestuplenij iz mesti v kiberprostranstve // Kriminologicheskij zhurnal. 2022. № 4. S. 85-98.

[11] Cherkasova L.A. Gendernye aspekty kiber-viktimizacii // Zhenshchina v rossijskom obshchestve. 2023. № 2. S. 198-212.

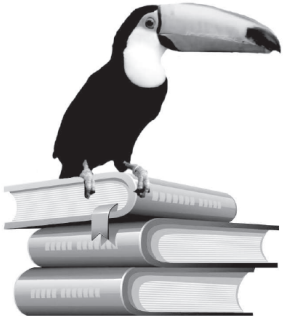
[12] Andreev P.R. Probely v pravovom regulirovanii kiberprestuplenij v Rossii // Zhurnal rossijskogo prava. 2021. № 5. S. 163-177.

[13] Bel'skij G.S. Problemy rassledovaniya prestuplenij v virtual'nom prostranstve // Ugolovnyj process. 2022. № 7. S. 128-140.

[14] Ivanov E.D. Reabilitaciya zhertv cifrovych prestuplenij: mezhdisciplinarnyj podhod // Viktimologiya. 2023. № 4. S. 88-101.

[15] Zueva O.N. Mezhdunarodnyj opyt protivodejstviya kiberprestupleniyam iz mesti // Mezhdunarodnoe ugolovnoe pravo i pravosudie. 2021. № 3. S. 71-85.

[16] Mashekuasheva M.H. O znachimosti informacionno-psihologicheskoy zashchity individa i sociuma: osobennosti vozdeystvuyushchego potentsiala. Pravo i upravlenie. 2024. № 2. S. 375-377.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

ХАВПАЧЕВ Алим Залидович,
старший преподаватель кафедры ОПД
Северо-Кавказского института повышения квалификации
(филиал) Краснодарского университета МВД России,
подполковник полиции,
e-mail: mail@law-books.ru

КИБЕРБУЛЛИНГ И КИБЕРСТАЛКИНГ: ПРОБЕЛЫ В ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ЗАЩИТЕ

Аннотация. В статье рассматриваются феномены кибербуллинга и киберсталкинга как формы цифрового насилия, представляющие серьезную угрозу психологическому благополучию граждан в современном информационном обществе. Проведен комплексный анализ существующего законодательства по защите жертв этих явлений в России и ряде зарубежных стран, включая США, Великобританию, Германию и Японию. На основе систематизации эмпирических данных и критического анализа правоприменительной практики выявлены существенные пробелы в правовом регулировании, включая отсутствие специализированных норм в российском законодательстве, проблемы трансграничной юрисдикции в киберпространстве, технологические сложности идентификации правонарушителей и доказывания факта правонарушения. Рассмотрено влияние цифровой анонимности и псевдонимности на эффективность правового регулирования.

Ключевые слова: Кибербуллинг, киберсталкинг, цифровое насилие, информационная безопасность, законодательная защита, правовое регулирование, интернет-пространство, персональные данные, психологическое насилие, цифровая анонимность, международное сотрудничество, ответственность интернет-платформ.

KHAYPACHEV Alim Zalidovich,
Senior Lecturer, Department
of OPD North Caucasus Institute for Advanced Studies (branch),
Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Police Lieutenant Colonel

CYBERBULLYING AND CYBERSTALKING: GAPS IN LEGAL PROTECTION

Annotation. The article examines the phenomena of cyberbullying and cyberstalking as forms of digital violence that pose a serious threat to the psychological well-being of citizens in the modern information society. A comprehensive analysis of the existing legislation on the protection of victims of these phenomena in Russia and a number of foreign countries, including the United States, Great Britain, Germany and Japan, is carried out. Based on the systematization of empirical data and a critical analysis of law enforcement practice, significant gaps in legal regulation are identified, including the lack of specialized norms in Russian legislation, problems of cross-border jurisdiction in cyberspace, technological difficulties in identifying offenders and proving the fact of an offense.

Key words: Cyberbullying, cyberstalking, digital violence, information security, legislative protection, legal regulation, Internet space, personal data, psychological violence, digital anonymity, international cooperation, responsibility of Internet platforms.

Развитие информационных технологий и расширение цифрового пространства привели к трансформации социального взаимодействия и созданию новой коммуникационной реальности, в которой наряду с очевидными преимуществами возникли специфические формы

девиантного поведения, включая кибербуллинг и киберсталкинг. Данные феномены, будучи цифровыми модификациями традиционных форм психологического насилия, приобрели ряд уникальных характеристик, связанных с особенностями виртуальной среды: анонимность, отсут-

ствие территориальных границ, масштабируемость воздействия, перманентность цифрового следа и вирусное распространение контента.

Острота проблемы подтверждается множеством эмпирических исследований. По данным исследования Лаборатории Касперского, проведенного в 2023 году, каждый пятый российский подросток сталкивался с кибербуллингом, а 18% взрослых респондентов сообщали о случаях киберсталкинга [3, с. 42]. При этом значительная часть случаев цифрового насилия остается вне поля зрения официальной статистики из-за нежелания жертв обращаться в правоохранительные органы, что связано с низкой эффективностью существующих механизмов защиты.

Кибербуллинг представляет собой намеренное агрессивное поведение в цифровой среде, направленное на причинение психологического вреда жертве. Как отмечают А.А. Баранов и С.В. Рожина, кибербуллинг отличается от традиционной травли тем, что он не имеет временных и пространственных ограничений, может осуществляться круглосуточно, проникая в те сферы жизни жертвы, которые ранее были защищены от агрессивного воздействия [1, с. 18]. Исследователи выделяют несколько основных форм кибербуллинга: флейминг (обмен эмоционально насыщенными оскорбительными сообщениями), харассмент (систематическая отправка оскорбительных сообщений), очернение (распространение ложной информации), имперсонация (использование чужой идентичности), раскрытие личной информации без согласия, исключение из онлайн-сообществ, киберсталкинг и хеппислеппинг (запись и распространение видео с реальным насилием).

Киберсталкинг – это систематическое преследование лица с использованием цифровых технологий, включая отслеживание активности в социальных сетях, нежелательные контакты, сбор и использование личной информации с целью запугивания или установления контроля над жертвой. Ю.П. Зинченко и Л.А. Шайгерова подчеркивают, что киберсталкинг характеризуется использованием электронных средств коммуникации для установления настойчивого нежелательного контакта, который вызывает у жертвы обоснованные опасения за свою безопасность и создает атмосферу психологического давления [8, с. 127]. В отличие от кибербуллинга, киберсталкинг часто является продолжением преследования в реальной жизни или может перерасти в физическое преследование.

Масштаб проблемы цифрового насилия значительно увеличился в последние годы, что связано как с общей цифровизацией общественных отношений, так и с конкретными социальными явлениями, такими как пандемия COVID-19.

По данным исследования Н. Бартоломью и соавторов, частота случаев кибербуллинга выросла на 70% с начала пандемии COVID-19, что связано с усилением роли цифровых коммуникаций в период социальной изоляции и ограничительных мер [2, с. 312]. Авторы отмечают, что увеличение времени, проводимого в сети, в сочетании с повышенным психологическим стрессом создало благоприятные условия для роста агрессивного поведения в цифровой среде [2, с. 315].

А.А. Бочавер и К.Д. Хломов в своем исследовании установили, что распространенность кибербуллинга среди российских подростков составляет от 20% до 25% в зависимости от региона, при этом девочки чаще становятся жертвами, а мальчики – агрессорами [3, с. 39]. Авторы также выявили корреляцию между опытом традиционной травли и вовлеченностью в кибербуллинг, что подтверждает взаимосвязь реального и виртуального насилия.

Согласно отчету Европейского института гендерного равенства за 2023 год, 10% женщин и 6% мужчин в странах ЕС становились жертвами киберсталкинга. При этом исследование выявило гендерные различия в формах цифрового насилия: женщины чаще сталкиваются с сексуализированными формами агрессии, включая распространение интимных изображений без согласия и сексуальные домогательства, в то время как мужчины чаще становятся объектами угроз физического насилия и очернения профессиональной репутации [6, с. 58].

Особую тревогу вызывает тот факт, что цифровое насилие оказывает серьезное негативное влияние на психологическое благополучие жертв. Исследования показывают связь между опытом кибербуллинга и развитием депрессии, тревожных расстройств, снижением самооценки и суицидальными тенденциями, особенно среди подростков [1, с. 20]. Киберсталкинг приводит к развитию посттравматического стрессового расстройства, параноидальных реакций и существенному снижению качества жизни жертв [8, с. 130].

В российском законодательстве отсутствуют специальные нормы, направленные на противодействие кибербуллингу и киберсталкингу, что создает существенные трудности для правовой защиты пострадавших. А.И. Савельев отмечает, что правовая система России не успевает адаптироваться к технологическим изменениям и новым формам девиантного поведения в цифровой среде, что приводит к использованию неспециализированных правовых инструментов для защиты от кибербуллинга и киберсталкинга [12, с. 73].

Жертвы цифрового насилия вынуждены использовать общие положения Уголовного

кодекса РФ, такие как статья 128.1 (клевета), статья 119 (угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью), статья 137 (нарушение неприкосновенности частной жизни), статья 138 (нарушение тайны переписки), статья 110 (доведение до самоубийства) и статья 110.1 (склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства). Однако данные нормы не учитывают специфику цифрового пространства и часто оказываются неэффективными.

Как подчеркивают И.А. Нестерова и О.А. Кузнецова, применение норм о клевете к случаям кибербуллинга ограничено необходимостью доказывания заведомой ложности распространяемых сведений, что часто не является возможным в контексте цифровой среды, где грань между фактами и оценочными суждениями размыта [11, с. 215]. Авторы также отмечают сложности с применением норм о доведении до самоубийства, поскольку для квалификации деяния требуется доказать причинно-следственную связь между действиями обвиняемого и суицидальным поведением потерпевшего, что представляет значительные трудности в условиях множественных онлайн-взаимодействий жертвы.

Гражданский кодекс РФ также предусматривает возможность защиты чести, достоинства и деловой репутации (статья 152), однако данные нормы имеют ограниченное применение в случаях кибербуллинга. И.А. Нестерова и О.А. Кузнецова указывают, что «требования о компенсации морального вреда в случаях кибербуллинга сталкиваются с проблемой доказывания размера вреда, поскольку суды часто недооценивают психологический ущерб, причиняемый цифровым насилием» [11, с. 217].

Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» регулирует вопросы блокировки противоправного контента, но процедура является сложной и длительной, что снижает эффективность защиты пострадавших. Ю.А. Чернышева отмечает, что механизм внесудебной блокировки распространяется на ограниченный перечень категорий информации и не охватывает многие формы кибербуллинга, а судебная процедура блокировки требует значительного времени, в течение которого вредоносный контент продолжает оказывать травмирующее воздействие на жертву [13, с. 98]. Автор также указывает на недостатки существующего механизма «права на забвение», который мог бы быть эффективным инструментом защиты от кибербуллинга, но в текущей реализации имеет существенные ограничения.

Особенно острой проблемой является отсутствие законодательного регулирования

ответственности социальных сетей и других интернет-платформ за распространение контента, связанного с кибербуллингом и киберсталкингом. М.В. Якушев и И.С. Иванов подчеркивают, что российское законодательство не устанавливает специальных обязанностей для интернет-платформ по модерации контента, связанного с цифровым насилием, и не предусматривает эффективных механизмов привлечения платформ к ответственности за бездействие в случаях выявления такого контента [15, с. 135].

В ряде зарубежных стран приняты специальные законы для борьбы с кибербуллингом и киберсталкингом, учитывающие специфику цифровой среды и обеспечивающие более эффективную защиту пострадавших.

В США действует федеральный закон о киберпреследовании (Cyberstalking Law), а также специальные нормы в законодательстве отдельных штатов. А.К. Жарова отмечает, что «федеральное законодательство США устанавливает уголовную ответственность за киберпреследование в рамках статьи 18 USC § 2261A, которая охватывает действия, направленные на причинение эмоционального стресса с использованием электронных средств коммуникации» [7, с. 182].

На уровне штатов приняты специализированные законы о кибербуллинге, особенно в образовательной среде. Например, в штате Нью-Йорк действует Закон о достоинстве для всех учащихся (Dignity for All Students Act), который устанавливает обязанности образовательных учреждений по предотвращению и реагированию на случаи кибербуллинга, а также предусматривает административную ответственность для школ, не выполняющих эти обязанности [7, с. 184].

В Великобритании существует Закон о домогательствах (Harassment Act), который был дополнен положениями о киберсталкинге. С. Эллисон и Б. Харрингтон указывают, что «британское законодательство о домогательствах эволюционировало от традиционного понимания сталкинга как физического преследования к признанию цифровых форм домогательства, что позволило эффективно применять существующие правовые механизмы к случаям киберсталкинга» [14, с. 67].

Особенно важным шагом стало принятие Закона о злоупотреблениях в цифровой сфере (Online Safety Bill), который устанавливает обязанности интернет-платформ по защите пользователей от вредоносного контента, включая кибербуллинг и киберсталкинг. Закон предусматривает значительные штрафы для компаний, не выполняющих эти обязанности, и создает специализированный регулирующий орган для контроля за соблюдением требований закона [14, с. 70].

Германия в 2021 году ввела уголовную ответственность за кибербуллинг в рамках Закона о борьбе с преступностью в интернете (Gesetz zur Bekämpfung des Rechtsextremismus und der Hasskriminalität), что позволило более эффективно защищать права пострадавших. К. Густафссон отмечает, что «немецкий закон устанавливает ответственность не только для непосредственных исполнителей кибербуллинга, но и для интернет-платформ, которые не удаляют противоправный контент после получения уведомления» [5, с. 203].

Важным элементом немецкого подхода является Закон о совершенствовании правоприменения в социальных сетях (Netzwerkdurchsetzungsgesetz, NetzDG), который устанавливает жесткие требования к социальным платформам по удалению противоправного контента. Согласно закону, платформы с более чем 2 миллионами пользователей в Германии обязаны удалять «явно противоправный» контент в течение 24 часов после получения уведомления, а другие виды незаконного контента – в течение 7 дней [5, с. 205].

Япония приняла специальный Закон о предотвращении издевательств (Prevention of Bullying Act), который включает положения о кибербуллинге и предусматривает ответственность для интернет-платформ. Е.А. Климова подчеркивает, что японский закон фокусируется на профилактике кибербуллинга в образовательной среде и устанавливает обязанности школ по разработке политик противодействия цифровому насилию и поддержке пострадавших учеников [10, с. 112].

Основным пробелом российского законодательства является отсутствие специальных норм, определяющих понятия кибербуллинга и киберсталкинга и предусматривающих ответственность за эти действия. А.И. Савельев отмечает, что «отсутствие законодательного определения кибербуллинга и киберсталкинга создает правовую неопределенность, затрудняющую квалификацию деяний и формирование единообразной правоприменительной практики» [12, с. 78].

Использование общих правовых норм для защиты от цифрового насилия сталкивается с проблемой их несоответствия специфике киберпространства. Нормы о клевете требуют доказательства распространения заведомо ложных сведений, в то время как кибербуллинг часто включает оскорбительные оценочные суждения. Нормы о угрозах требуют доказательства реальности намерений причинить вред, что сложно установить в контексте анонимных интернет-коммуникаций. Нормы о нарушении неприкосновенности частной жизни не охватывают многие формы цифрового насилия, не связанные с распространением личной информации [12, с. 79].

Трансграничный характер интернета создает сложности при определении юрисдикции правоохранительных органов, что является серьезным пробелом в правовом регулировании цифрового насилия. В.С. Карпов указывает, что, если правонарушитель находится в другой стране или использует серверы, расположенные за пределами национальной юрисдикции, привлечение его к ответственности становится практически невозможным без эффективных механизмов международного сотрудничества [9, с. 154].

Необходимо законодательное закрепление понятий «кибербуллинг» и «киберсталкинг», а также введение специальных составов правонарушений в уголовное и административное законодательство. А.И. Савельев предлагает «разработать дифференцированную систему ответственности за различные формы цифрового насилия, учитывающую тяжесть последствий, систематичность действий, возраст и уязвимость жертвы, а также другие обстоятельства» [12, с. 82].

Автор подчеркивает необходимость создания специальных процессуальных механизмов, адаптированных к особенностям цифровой среды: «Традиционные процедуры сбора и фиксации доказательств часто неэффективны в случаях цифрового насилия, что требует разработки специальных методик расследования и правил оценки доказательств, учитывающих технологические особенности интернет-коммуникаций» [12, с. 83].

Для решения проблем юрисдикции требуется развитие международных соглашений о сотрудничестве в борьбе с киберпреступностью. В.С. Карпов предлагает «унификацию законодательства разных стран в области противодействия кибербуллингу и киберсталкингу, включая гармонизацию определений противоправных деяний, процедур сбора доказательств и механизмов правовой помощи» [9, с. 160].

В.С. Карпов также отмечает перспективность развития международных механизмов идентификации пользователей интернета: «Создание глобальной системы верификации личности пользователей с сохранением возможности псевдонимного, но не анонимного присутствия в сети могло бы существенно повысить эффективность противодействия цифровому насилию без чрезмерного ограничения свободы выражения мнения».

По примеру Германии и других стран следует установить обязанности интернет-платформ по оперативному реагированию на жалобы о кибербуллинге и киберсталкинге, а также предусмотреть ответственность за неисполнение этих обязанностей. К. Густафссон отмечает, что немецкий опыт показывает эффективность установле-

ния конкретных сроков реагирования на жалобы и значительных штрафов для платформ, не выполняющих эти требования [5, с. 208].

М.В. Якушев и И.С. Иванов предлагают «разработать детальные требования к политикам модерации контента и процедурам рассмотрения жалоб о цифровом насилии, которые должны быть обязательными для всех платформ, работающих в российском сегменте интернета» [15, с. 141]. Авторы подчеркивают важность создания эффективных механизмов контроля за соблюдением этих требований, включая обязательность публикации отчетов о мерах по противодействию цифровому насилию и возможность проведения независимых аудитов.

Особое внимание авторы уделяют необходимости установления обязанностей платформ по предоставлению информации о предполагаемых агрессорах правоохранительным органам и пострадавшим: «Необходимо создать упрощенную процедуру получения данных о пользователях, предположительно причастных к кибербуллингу и киберсталкингу, которая бы обеспечила баланс между защитой пострадавших и правом на конфиденциальность» [15, с. 142].

Важным направлением является повышение цифровой грамотности населения, особенно детей и подростков. Ю.П. Зинченко и Л.А. Шайгерова подчеркивают, что образовательные программы должны включать информацию о рисках в цифровой среде, способах защиты от кибербуллинга и киберсталкинга, а также правовых механизмах реагирования на цифровое насилие [8, с. 135].

Авторы отмечают необходимость развития специализированных программ обучения для сотрудников правоохранительных органов, судей, адвокатов и других специалистов, работающих с случаями цифрового насилия: «Профессиональная подготовка должна включать как технические аспекты расследования преступлений в цифровой среде, так и психологические особенности цифрового насилия и его влияния на жертв» [8, с. 136].

Ю.П. Зинченко и Л.А. Шайгерова также подчеркивают важность развития программ поддержки пострадавших от цифрового насилия: «Необходимо создание специализированных сервисов психологической помощи жертвам кибербуллинга и киберсталкинга, а также повышение осведомленности общества о серьезности данной проблемы и необходимости поддержки пострадавших» [8, с. 137].

Опыт зарубежных стран, таких как Германия, Великобритания и Япония, может служить ориентиром при разработке соответствующих правовых механизмов, однако необходимо учи-

тывать национальные особенности правовой системы и цифровой среды. Особенно перспективным представляется немецкий подход к регулированию ответственности интернет-платформ, британский опыт создания специализированного регулирующего органа в сфере онлайн-безопасности и японская модель профилактики кибербуллинга в образовательной среде.

Своевременное устранение законодательных пробелов позволит создать эффективную систему защиты от кибербуллинга и киберсталкинга, что особенно важно в условиях растущей цифровизации общества и увеличения рисков психологического насилия в интернет-пространстве. При этом необходимо обеспечить баланс между защитой пострадавших и сохранением фундаментальных прав и свобод, включая свободу выражения мнения и право на конфиденциальность, что представляет сложную, но необходимую задачу для современного правового регулирования.

Список литературы:

- [1] Баранов А.А., Рожина С.В. Кибербуллинг: психологические последствия и профилактика // Психология в образовании. 2021. №2. С. 12-24.
- [2] Бартоломью Н., Кларк М., Виндер Р. Рост кибербуллинга в период пандемии COVID-19: анализ и рекомендации // Журнал социальной психологии. 2022. №4. С. 308-320.
- [3] Бочавер А.А., Хломов К.Д. Кибербуллинг: особенности, распространенность и связь с другими формами насилия // Психологическая наука и образование. 2023. №3. С. 35-49.
- [4] Воронин М.Ю., Петрянин А.В. Проблемы выявления и расследования преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей // Юридическая наука и практика. 2022. №4. С. 82-93.
- [5] Густафссон К. Немецкий подход к регулированию кибербуллинга: анализ эффективности // Международное обозрение права. 2023. №2. С. 198-212.
- [6] Европейский институт гендерного равенства. Кибернасилие против женщин и девочек: отчет о исследовании. Вильнюс, 2023. 124 с.
- [7] Жарова А.К. Правовая защита от киберсталкинга: опыт США и перспективы для России // Информационное право. 2021. №3. С. 178-186.
- [8] Зинченко Ю.П., Шайгерова Л.А. Психологические аспекты киберсталкинга и методы противодействия // Национальный психологический журнал. 2022. №2. С. 124-138.
- [9] Карпов В.С. Международно-правовые аспекты борьбы с киберпреступностью // Международное публичное и частное право. 2023. №4. С. 150-162.

[10] Климова Е.А. Законодательное регулирование кибербуллинга в Японии и Южной Корее // Право и государство: теория и практика. 2023. №5. С. 104-115.

[11] Нестерова И.А., Кузнецова О.А. Гражданско-правовые способы защиты от кибербуллинга // Вестник гражданского права. 2022. №2. С. 210-225.

[12] Савельев А.И. Проблемы правового регулирования отношений в сети Интернет: кибербуллинг и защита персональных данных // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2022. №3. С. 70-85.

[13] Чернышева Ю.А. Правовые аспекты противодействия распространению противоправной информации в сети Интернет // Информационное право. 2023. №2. С. 94-102.

[14] Эллисон С., Харрингтон Б. Эволюция законодательства о киберсталкинге в Великобритании // Европейский журнал уголовного права. 2022. №3. С. 60-73.

[15] Якушев М.В., Иванов И.С. Правовое регулирование деятельности интернет-платформ: ответственность за противоправный контент // Законодательство. 2023. №6. С. 132-142.

Spisok literatury:

[1] Baranov A.A., Rozhina S.V. Kiberbulling: psixologicheskie posledstviya i profilaktika // Psixologiya v obrazovanii. 2021. №2. S. 12-24.

[2] Bartolom'yu N., Klark M., Vinder R. Rost kiberbullinga v period pandemii COVID-19: analiz i rekomendacii // Zhurnal social'noj psixologii. 2022. №4. S. 308-320.

[3] Bochaver A.A., Hlomov K.D. Kiberbulling: osobennosti, rasprostranennost' i svyaz' s drugimi formami nasiliya // Psixologicheskaya nauka i obrazovanie. 2023. №3. S. 35-49.

[4] Voronin M.Yu., Petryanin A.V. Problemy vyyavleniya i rassledovaniya prestuplenij, sovershaemyh s ispol'zovaniem informacionno-telekommunikacionnyh setej // Yuridicheskaya nauka i praktika. 2022. №4. S. 82-93.

[5] Gustafsson K. Nemeckij podhod k regulirovaniyu kiberbullinga: analiz effektivnosti // Mezhdunarodnoe obozrenie prava. 2023. №2. S. 198-212.

[6] Evropejskij institut gendernogo ravenstva. Kibernasilie protiv zhenshchin i devochek: otchet o issledovanii. Vil'nyus, 2023. 124 s.

[7] Zharova A.K. Pravovaya zashchita ot kiberstalkinga: opyt SShA i perspektivy dlya Rossii // Informacionnoe pravo. 2021. №3. S. 178-186.

[8] Zinchenko Yu.P., Shajgerova L.A. Psixologicheskie aspekty kiberstalkinga i metody protivodejstviya // Nacional'nyj psixologicheskij zhurnal. 2022. №2. S. 124-138.

[9] Karpov V.S. Mezhdunarodno-pravovye aspekty bor'by s kiberprestupnost'yu // Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo. 2023. №4. S. 150-162.

[10] Klimova E.A. Zakonodatel'noe regulirovanie kiberbullinga v Yaponii i Yuzhnoj Koree // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2023. №5. S. 104-115.

[11] Nesterova I.A., Kuznecova O.A. Grazhdansko-pravovye sposoby zashchity ot kiberbullinga // Vestnik grazhdanskogo prava. 2022. №2. S. 210-225.

[12] Savel'ev A.I. Problemy pravovogo regulirovaniya otnoshenij v seti Internet: kiberbulling i zashchita personal'nyh dannyh // Pravo. Zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki. 2022. №3. S. 70-85.

[13] Chernysheva Yu.A. Pravovye aspekty protivodejstviya rasprostraneniyu protivopravnoj informacii v seti Internet // Informacionnoe pravo. 2023. №2. S. 94-102.

[14] Ellison S., Harrington B. Evolyuciya zakonodatel'stva o kiberstalkinge v Velikobritanii // Evropejskij zhurnal ugovnogo prava. 2022. №3. S. 60-73.

[15] Yakushev M.V., Ivanov I.S. Pravovoe regulirovanie deyatel'nosti internet-platform: otvetstvennost' za protivopravnyj kontent // Zakonodatel'stvo. 2023. №6. S. 132-142.

ТАТАРИНОВ Константин Анатольевич,
кандидат экономических наук, доцент,
доцент кафедры менеджмента и сервиса,
Байкальский государственный университет,
e-mail: tatarinov723@gmail.com

ЭКСТРЕМИЗМ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

Аннотация. Социальные сети коренным образом изменили общение людей, позволив мгновенно делиться информацией и получать к ней доступ. Однако, эти же платформы с успехом используют экстремистские организации для распространения крайних взглядов и вербовки. В ответ крупные соцмедиа внедрили алгоритмы выявления и удаления радикального контента, а правительства развитых стран совершенствуют правовую базу для борьбы с сепаратистами. В будущем, при переходе к Web 3.0 и использовании технологии блокчейн, и связанной с ней децентрализацией, деятельность экстремистских группировок станет более агрессивной, а отслеживание и удаление вредоносного контента замедлится. Переход к децентрализованным медиаплатформам затруднит модерацию и облегчит распространения экстремистских материалов, особенно среди молодежи. В статье рассматривается эволюция инструментов экстремистской пропаганды начиная от мемов и заканчивая неотличимыми от реальных поддельных видеоматериалов. Акцент делается на резком повышении коммуникативности экстремистских лидеров за счет использования моделей генеративного интеллекта. В заключение приводятся меры противодействия распространению противоправного контента в Интернете, включающие снижение анонимности пользователей и профилактические программы в школах и вузах страны.

Ключевые слова: экстремизм, генеративный искусственный интеллект, крайне правые мемы, анонимность пользователей, эхо-камера, радикализация, технология блокчейн, нелегитимный контент.

TATARINOV Konstantin Anatolyevich,
Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor, Associate Professor of the Department
of Management and Service,
Baikal State University

EXTREMISM IN THE DIGITAL AGE

Annotation. Social media has fundamentally changed people's communication, allowing them to instantly share and access information. However, these same platforms are successfully used by extremist organizations to spread extreme views and recruit. In response, major social media outlets have implemented algorithms to identify and remove radical content, and governments in developed countries are improving the legal framework to combat separatism. In the future, with the transition to Web 3.0 and the use of blockchain technology and related decentralization, the activities of extremist groups will become more aggressive, and the tracking and removal of malicious content will slow down. The transition to decentralized media platforms will make moderation more difficult and facilitate the dissemination of extremist materials, especially among young people. The article examines the evolution of extremist propaganda tools, starting with memes and ending with indistinguishable from real fake videos. The emphasis is on dramatically increasing the communication skills of extremist leaders through the use of generative intelligence models. The conclusion provides measures to counter the spread of illegal content on the Internet, including reducing the anonymity of users and preventive programs in schools and universities in the country.

Key words: extremism, generative artificial intelligence, far-right memes, user anonymity, echo chamber, radicalization, blockchain technology, illegitimate content.

Введение

Стремительный рост социальных сетей позволил людям выражать себя и общаться с другими со схожими интересами. Уникальные функции онлайн-платформ дают возможность создавать личные аккаунты и делиться фотографиями или недавними действиями, а также взаимодействовать с пользователями различных сообществ, комментируя их посты или ставя лайки увлекательному контенту. Пропаганда, в политическом контексте — это информация, распространяемая через СМИ с целью убедить людей пожертвовать своими личными интересами или даже своей жизнью ради чего-то более важного. Экстремистские группировки умело используют сетевые сообщества в распространении своих радикальных взглядов и вербовке людей по всему миру. Создавая онлайн-эхо-камеры, они беспрепятственно воздействуют на уязвимых людей более эффективными способами, чем ранее это делали через печатные СМИ, телевидение и радио. Кроме того, виртуальный мир — это более мощный инструмент для охвата гораздо большей и более разнообразной аудитории, где изменение общественного мнения ведет к изменению поведения большой массы людей. Для мобилизации сторонников ультраправых взглядов и вдохновения на акты насилия используются вербовочные видеоролики, пропагандистские нарративы и прямые трансляции агрессивных действий. Для привлечения молодой аудитории широко применяются мемы и визуальные эффекты. Мем или «запоминающаяся идея» как «заразная» информация быстро распространяется среди молодежи и сильно влияет на их поведение в сети. Визуальные эффекты нацелены на лиц, которые чувствуют себя бесправными, изолированными или маргинализированными в своем окружении [1]. Сила успешных мемов в их «вирусности», что позволяет охватить большое количество людей за короткий промежуток времени. Большинство мемов задумано как невинные творческие композиции с определенным чувством юмора. Учитывая огромную популярность юмористических изображений, неудивительно, что экстремистские группировки используют их в своей онлайн-пропаганде, ведь они позволяют им распространять свою идеологию очень тонко и с оттенком иронии. Кроме того, цифровые шутки становятся популярными только тогда, когда они заходят слишком далеко или являются шокирующими. Явно экстремистские интернет-мемы обычно распространяются только в закрытых и зашифрованных чатах и через гейм-форумы. Большинство «забавных картинок» — это пограничный контент, который не является явно экстремистским или нарушающим правила, но рассматривается властями как нежелательный.

Крайне правые мемы часто демонстрируют антисемитизм или ненависть к евреям. Самый известный антисемитский мем «счастливый торговец» использует образы многовековой давности (кипа, длинный нос, окладистая борода, злая улыбка и потирание рук). Кроме того, в подобных мемах отрицается Холокост (вывеска на воротах входа в концлагерь одного из мемов была заменена в переводе с немецкого с «работа освобождает тебя» на «зарабатывай деньги»). Другой популярной темой в экстремистских мемах является расовая дискриминация и предполагаемое превосходство «белой расы». Здесь демонстрируется различия между человеческими расами в уровне IQ и физических характеристиках. Например, на картинке представлены две фотографии обезьян, а ниже текст «без разницы», и с объяснением, что первая — это обезьяна, а вторая — человек с темным цветом кожи [2].

Онлайн-пропаганда людей, чувствующих себя отчужденными в реальном мире, подталкивает к противоправным действиям. Когда агитаторы окружают аудиторию сообщениями, совпадающими с их существующими взглядами, тогда абстрактные запрещенные идеи становятся нормой. Злоумышленники применяют множество тактик для вербовки, начиная с размещения экстремистского контента в закрытых сообществах и заканчивая безобидными онлайн-беседами в общедоступных веб-пространствах. Радикализация жертвы начинается незаметно с выполнением простейших заданий и постепенно усиливается по мере установления дружеских отношений. Как только уровень доверия достигает приемлемого значения рекруту внушаются экстремистские взгляды через приватные чаты.

Прописанная в законе ответственность платформ общения за вербовку террористов и экстремистскую пропаганду стала важнейшим направлением в борьбе с онлайн-радикализмом. Соцсети обязаны выявлять и удалять экстремистский контент до того, как он сможет распространиться. Большую помощь в автоматизации процесса пометки контента, нарушающего правила сообщества, оказывает искусственный интеллект (ИИ). Алгоритмы ИИ сопоставляют видео и изображения, на предмет соответствия шаблонам, уже известным экстремистским материалам. Кроме того, используются технологии хэширования идентификации контента, связанного с экстремизмом. Когда инструменты ИИ с трудом отличают законный политический дискурс от экстремистского контента, на помощь приходят команды модераторов-людей, которые быстро выявляют любые формы вредоносной онлайн-активности.

Кроссплатформенное сотрудничество также позволяет быстрее идентифицировать и удалять экстремистский контент

на нескольких платформах одновременно. В противовес действиям крупных соцсетей экстремистские группировки переносят свой контент на новые платформы, где большая часть сообщений зашифровано. Хотя шифрование на основе технологии блокчейна важно для защиты частной жизни, оно представляет серьезную проблему для правоохранительных органов, так как традиционные механизмы надзора становятся менее эффективными.

Цель статьи — проанализировать современные тенденции проявления экстремизма в цифровой среде и предложить меры по противодействию его распространению.

Методика исследования

В данной статье использовались систематизированные и обобщенные данные из избранных источников, а также были проанализированы российские законы и подзаконные акты, касающиеся экстремистской деятельности. Среди методов и подходов в исследовании были использованы: общеправовые, общенаучные и частнонаучные (формально-юридический) методы, а также ситуационный, экспертный и прогнозный подходы.

Результаты исследования

В научной юридической литературе ставится вопрос о проблемах распространения и развития цифрового экстремизма, а также методах противодействия ему.

В. А. Перов считает, что наибольшее распространение экстремистская пропаганда получает в даркнете, являющимся практически неподконтрольным и привлекающим преимущественно молодежь [3].

Р. Р. Карданов отмечает три проблемы противодействия экстремизму в информационной среде: ориентация антиэкстремистской деятельности только на выявление и пресечение без профилактико-предупредительных решений; вовлечение в экстремистские преступления несовершеннолетних; сложность запрета доступа к конкретным материалам экстремистской направленности из-за VPN [4].

В. А. Юртаев говорит о том, что большую роль в снижении количества преступлений экстремистской направленности, совершенных с использованием сети Интернет, играет блокировка Роскомнадзором ссылок на интернет-ресурсы [5].

Э. Ю. Пороховой, М. Д. Иванова предлагают автоматическую «зачистку» аккаунтов тех лиц, которые ведут незаконные действия (агитацию, вербовку, пропаганду) в социальных сетях, как наиболее эффективное использование технологии ИИ в правоохранительной деятельности [6].

И. В. Федосеева, А. А. Ковалева, Н. С. Федосеев рассматривают два основных способа ведения экстремистской деятельности: манипуляция сознанием с целью вовлечения неокрепших умов в противозаконную деятельность и применение IT-технологий для курирования экстремистских группировок [7].

Ю. С. Кухарев акцентирует внимание на профилактику экстремизма среди молодежи через патриотическое воспитание, круглые столы по укреплению межэтнической толерантности и молодежные форумы, где граждане могут высказать свою личную позицию касательно различных государственных событий [8].

С. К. Хабинов делает вывод о том, что, привлекая молодежь через социальные сети, экстремистские организации создают «культ личности» и представляют свою идеологию как единственной правильной. При этом создается атмосфера страха, ненависти и неопределенности, что позволяет контролировать мысли молодых людей через такую лживую информацию [9]. В этом отношении очень важным является Указ Президента Российской Федерации от 29 мая 2020 г. № 344 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года», нацеленный на возраст от 14 до 35 лет и предусматривающий профилактические антиэкстремистские меры через систему российского образования.

С. Н. Алферов выделяет необходимость международно-правового сотрудничества в борьбе с экстремизмом, так как в настоящее время у мирового сообщества нет единого подхода к пониманию экстремизма и способов противодействия ему [10].

А. А. Сошин, Е. М. Якимович полагают, что выявлять и пресекать противоправные экстремистские деяния должен участковый уполномоченный, так как он имеет непосредственный контакт с лицами склонными к подозрительной активности [11].

С. М. Кочои предлагает пересмотреть репрессивно-карательное направление антиэкстремистского уголовного законодательства, а также включить оправдание нацизма в понятие экстремистской деятельности [12].

Пользователи классических социальных сетей часто выступают против ограничений на чувствительные или злободневные темы, так как практически во всех странах осуществляется существенный контроль над публикуемыми материалами. Децентрализованные сети устраняют центральные органы власти и позволяют пользователям устанавливать свои собственные правила цензуры. Социальные приложения dApps используют разные подходы к хранению данных в блокчейне и вознаграждают пользователей

криптовалютой за создание, кураторство и взаимодействие с контентом, который являются общедоступным, безопасным и неизменяемым. В настоящее время все мировые социальные сети хранят информацию на своих серверах и эти данные используются для анализа предпочтений пользователей и показа целевой рекламы. Соцмедиа на базе Web 3.0 функционируют аналогично традиционным онлайн-сообществам, но управляются пользователями автономно с помощью децентрализованных консенсусных протоколов. Проблемы нарушения конфиденциальности данных и чрезмерной цензуры контента в этих децентрализованных структурах легко решаются с помощью predetermined алгоритмов или протоколов. Автономное развитие данных платформ происходит без центра по сбору и хранению данных, что позволяет устанавливать свои собственные правила по отношению к создаваемому ими контенту. Утечка данных благодаря процессу аутентификации на блокчейне практически не возможна. Для эффективного пресечения распространения насильственного экстремизма во всем мире через Интернет необходимо достижение правильного баланса между технологиями и человеческим пониманием свободы слова. Прозрачность данных, публично хранящихся в блокчейне, облегчает наблюдение за злоумышленниками в режиме реального времени. Технология блокчейн предлагает потенциальные преимущества для усилий по борьбе с экстремизмом. Применение методов анализа больших объемов данных и обработки естественного языка позволяет получить новое представление о радикалах и понять сложную глобальную природу экстремизма. Web 2.0 дает беспрецедентные возможности подключения к сети и создания контента, но уязвим перед экстремистскими группировками в распространении противоправного контента и в вербовке, что заставляет платформы модерировать контент и ограничивать свободу выражения мнений. Web 3.0 расширяет права и возможности пользователей, но создает сложности с отслеживанием и удалением вредоносного контента. Проблемы масштабируемости, присущие Web 3.0, потенциально ограничивают охват экстремистской пропаганды по сравнению с платформами Web 2.0. Однако, полагаться исключительно на новейшие технологии неблагодарно. Необходимо международное сотрудничество, чтобы не допустить чрезмерное «принуждение» во взглядах.

Способствуя призывам к насилию во имя любых идеологий, Интернет служит виртуальным местом сбора злоумышленников по всему миру для продвижения идеологий насильственного экстремизма, включая вербовку людей в группы. При этом возникает риск того, что такие люди

будут радикализированы и в последующем попадут в воинствующие экстремистские онлайн-группы. Радикализация — это постепенный процесс, посредством которого люди получают моральные или инструментальные оправдания насилия для достижения социально-экономической, политической или религиозной цели. К факторам риска радикализации можно отнести социально-демографические (безработицу, гендерные факторы, молодость), психологические (кровная месть, психические расстройства, низкая самооценка) и контекстуальные (криминальное прошлое, социальная изоляция, онлайн-увлечения) характеристики. Многие люди не подвержены влиянию контента, создаваемого воинствующими экстремистскими группами. Другие, напротив ищут насильственный экстремистский контент, что может послужит спусковым механизмом к насильственным действиям.

Интернет обеспечивает быстрый и легкий доступ к огромному количеству насильственного экстремистского контента для очень широкой аудитории, в результате чего, с течением времени, люди постепенно теряют чувствительность к актам насилия и радикальные идеи становятся нормой жизни. Алгоритмы рекомендаций еще больше насыщают новостную ленту нелегитимным контентом, создавая «эхо-камеру», лишенную альтернатив. Постепенное погружение в запрещенные онлайн-форумы, где контент разнообразнее и качественнее, может иметь аналогичный эффект. Регулярность обновления и адаптируемость контента способствует тому, что «воинствующие» лица постоянно находятся «на передовой» событий и способны в любой момент «встать в строй». Онлайн-экстремистские сообщества способствуют социальной категоризации, определяя идентичность человека и ведя его к поляризации взглядов. Такие сообщества также создают пренебрежительные мнения о аутгруппах, возлагая на них вину за маргинализацию и социальное отчуждение. Давление со стороны сверстников в онлайн-группах поощряют к разрыву связей с друзьями и семьей, смещают моральные запреты и создают склонность к насилию. Групповая идентичность в итоге полностью вытесняет индивидуальную и ослабляет моральную ответственность. Деиндивидуации также способствует анонимность, которая в том числе и укрепляет чувство безопасности и безнаказанности [13].

По мнению автора, особое внимание стоит уделить такому ядовитому явлению как «экстремизм ИИ». Настольные (го, шахматы, сеги) игры долгое время являлись «дрозофилой ИИ». Сегодня ИИ выигрывает дипломатические игры у людей, объединив модель стратегического мышления с языковой моделью. Большие языковые

произвели «смену парадигмы» в анализе и генерации текстов и создали беспрецедентный уровень достоверности подделок аудио- и видеоконтента. Без всякого сомнения, такую мощную, многогранную и разноплановую технологию злоумышленники будут использовать в своих гнусных целях. Потенциал генеративных моделей ИИ для дезинформации и нанесения вреда очевиден сразу. Глубоко поддельные изображения и видео в настоящее время составляют жанр онлайн-порноиндустрии, а фальшивые новости, созданные с помощью языковых моделей, воспринимаются идеологически настроенной аудиторией как реальные. Сгенерированные фотографии теперь появляются в сети, когда происходят политически спорные события, например, «арест» Дональда Трампа. Генераторы изображений могут создавать множество картинок, на которых показано, как одна группа людей наносит вред или оскорбляет другую, или ведет себя предосудительно. Экстремистская группа, желая спровоцировать конфликт между двумя государствами, может создать видеозаписи, на которой политический лидер одной страны высмеивает население второй страны.

Модели ИИ, генерирующие контент, могут создать устойчивую и насыщенную дезинформацией среду для целевой аудитории, в которой большое количество более или менее заслуживающего доверия контента направляется в определенные онлайн-экосистемы. Генеративный ИИ позволяет экстремистским пропагандистам не только штамповать больше контента, но и создавать его на большем количестве языков и визуальных жанров. Одним из наиболее важных узких мест в онлайн-коммуникации экстремистов является нехватка квалифицированных и преданных своему делу сотрудников, необходимых для создания желаемого объема «привлекательной» пропаганды. Генеративный ИИ решает эту проблему, так как создает не только больше контента, но и делает это быстрее и с меньшими затратами человеческого труда. Кроме того, он предлагает новые идеи и «творческие озарения» [14]. Однако преимущества ИИ сопряжены с сопутствующими рисками. Во-первых, когда контент производится массово, он становится очень низкого качества, особенно в сочетании с ботом, который напрямую распространяет этот контент без минимальной проверки человеком. Во-вторых, возникает опасность легитимности идеологического контента, так как стоимость репутационного ущерба может оказаться слишком высокой. Эти опасения могут быть еще более усилены доктринальными правилами использования ИИ. Поэтому влиятельные экстремистские лица избегают ИИ в своих личных коммуникациях, а исполь-

зуют его только в периферийных надстройках для развития аккаунтов. В-третьих, это снижение достоверности, так как синтетический контент менее аутентичен и может даже не набрать требуемую популярность. Таким образом генеративные модели ИИ вряд ли будут использоваться в массовом масштабе экстремистскими акторами.

Заключение

Роль Интернета в распространении насильственного экстремизма в настоящее время будет только возрастать. Одним из эффективных мер борьбы с экстремизмом является снижение анонимности пользователей (принудительная проверка личности через государственные порталы или внедрение многофакторной аутентификации при создании учетной записи). Анонимность в Интернете существенно снижает моральные запреты и побуждает людей вести себя так, как они этого не сделали бы в реальном мире. Опасения по поводу того, что снижение анонимности в Интернете негативно скажется на неприкосновенности частной жизни и свободе слова являются несостоятельными. Еще одним способом борьбы с крайними взглядами является дискредитации идеологий и действий воинствующих экстремистов путем демистификации их сообщений для демонстрации лжи, лицемерия и несоответствия действительности. Такие действия замедляют развитие проблемных идеологий и нейтрализуют провокации, сделав призывы к насилию ущербными. Когда люди подробно узнают о расизме, то они с большей вероятностью выступят против него. Такие контрнарративные кампании наиболее эффективны с людьми, находящимися на ранних стадиях фанатизации, чем с теми, кто уже придерживается укоренившихся догматических взглядов. Образовательные подходы в школах и вузах также могут быть направлены на повышение осведомленности об онлайн-рисках и повышению устойчивости к насильственным экстремистским сообщениям.

Религия является источником мотивации и вдохновения для подавляющего большинства людей во всем мире, которые действуют в духе великодушия и доброты, поэтому важно противостоять растущему утверждению о том, что именно религия — это причина насилия. Межконфессиональные диалоги религиозных лидеров на глобальном уровне также могут способствовать противодействию насильственному экстремизму.

Список литературы:

[1] Defence Against Terrorism Review [Электронный ресурс]. <https://www.tmmm.tsk.tr/publication/datr/volumes/Vol.1-2025.pdf> (дата обращения: 27.05.2025).

[2] Memes as an online weapon [Электронный ресурс]. https://english.nctv.nl/binaries/nctv-en/documenten/publications/2024/08/01/far-right-memes-undermining-and-far-from-recognizable/NCTV_Memes+as+an+online+weapon_English+version+May+2024.pdf (дата обращения: 26.05.2025).

[3] Перов, В. А. Распространение экстремизма в сети «Интернет». Проблемы и противодействие / В. А. Перов // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. – 2016. – № 4(14). – С. 61-62.

[4] Карданов, Р. Р. Актуальные проблемы борьбы с экстремизмом в информационной среде / Р. Р. Карданов // Пробелы в российском законодательстве. – 2023. – Т. 16, № 5. – С. 87-91.

[5] Юртаев, В. А. Интернет-экстремизм и молодёжь: тенденции и последствия / В. А. Юртаев // Вопросы российской юстиции. – 2021. – № 12. – С. 448-457.

[6] Пороховой, Э. Ю. Актуальные вопросы профилактики и противодействия экстремизму в сети интернет / Э. Ю. Пороховой, М. Д. Иванова // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2021. – № 4. – С. 35-39.

[7] Федосеева, И. В. Роль социальных сетей в формировании экстремизма / И. В. Федосеева, А. А. Ковалева, Н. С. Федосеев // Специальная техника и технологии транспорта. – 2023. – № 20. – С. 393-401.

[8] Кухарев, Ю. С. О практике противодействия идеологии экстремизма среди студентов вузов / Ю. С. Кухарев // Педагогический журнал. – 2023. – Т. 13, № 1-1. – С. 405-411. – DOI 10.34670/AR.2023.21.19.047.

[9] Хабинов, С. К. Характеристика способов совершения преступлений экстремистской направленности, совершенных в молодежной среде / С. К. Хабинов // Baikal Research Journal. – 2024. – Т. 15, № 2. – С. 524-530. – DOI 10.17150/2411-6262.2024.15(2).524-530.

[10] Алферов, С. Н. Практические механизмы реализации мер по борьбе с экстремизмом / С. Н. Алферов // Академический юридический журнал. – 2024. – Т. 25, № 1(95). – С. 158-166. – DOI 10.17150/1819-0928.2024.25(1).158-166.

[11] Сошин, А. А. Роль участковых уполномоченных полиции в противодействии экстремистской деятельности / А. А. Сошин, Е. М. Якимова // Baikal Research Journal. – 2022. – Т. 13, № 1. – DOI 10.17150/2411-6262.2022.13(1).30.

[12] Кочои, С. М. О качестве уголовно-правового регулирования ответственности за экстремизм и идеологический экстремизм / С. М. Кочои // Всероссийский криминологический журнал. – 2022. – Т. 16, № 2. – С. 240-247. – DOI 10.17150/2500-4255.2022.16(2).240-247.

[13] Understanding and preventing internet-facilitated radicalisation [Электронный ресурс]. https://www.aic.gov.au/sites/default/files/2023-06/ti673_understanding_and_preventing_internet-facilitated_radicalisation.pdf (дата обращения: 25.05.2025).

[14] AI extremism: technologies, tactics, actors [Электронный ресурс]. <https://voxpath.eu/wp-content/uploads/2024/04/DCUPN0254-Vox-Pol-AI-Extremism-WEB-240424.pdf> (дата обращения: 25.05.2025).

Spisok literatury:

[1] Defence Against Terrorism Review [Elektronnyj resurs]. <https://www.tmmm.tsk.tr/publication/datr/volumes/Vol.1-2025.pdf> (data obrashcheniya: 27.05.2025).

[2] Memes as an online weapon [Elektronnyj resurs]. https://english.nctv.nl/binaries/nctv-en/documenten/publications/2024/08/01/far-right-memes-undermining-and-far-from-recognizable/NCTV_Memes+as+an+online+weapon_English+version+May+2024.pdf (data obrashcheniya: 26.05.2025).

[3] Perov, V. A. Rasprostranenie ekstremizma v seti "Internet". Problemy i protivodejstvie / V. A. Perov // Rassledovanie prestuplenij: problemy i puti ih resheniya. – 2016. – № 4(14). – S. 61-62.

[4] Kardanov, R. R. Aktual'nye problemy bor'by s ekstremizmom v informacionnoj srede / R. R. Kardanov // Probely v rossijskom zakonodatel'stve. – 2023. – Т. 16, № 5. – S. 87-91.

[5] Yurtaev, V. A. Internet-ekstremizm i molodyozh': tendencii i posledstviya / V. A. Yurtaev // Voprosy rossijskoj yusticii. – 2021. – № 12. – S. 448-457.

[6] Porohovoj, E. Yu. Aktual'nye voprosy profilaktiki i protivodejstviya ekstremizmu v seti internet / E. Yu. Porohovoj, M. D. Ivanova // Problemy pravohranitel'noj deyatel'nosti. – 2021. – № 4. – S. 35-39.

[7] Fedoseeva, I. V. Rol' social'nyh setej v formirovanii ekstremizma / I. V. Fedoseeva, A. A. Kovaleva, N. S. Fedoseev // Special'naya tekhnika i tekhnologii transporta. – 2023. – № 20. – S. 393-401.

[8] Kuharev, Yu. S. O praktike protivodejstviya ideologii ekstremizma sredi studentov vuzov / Yu. S. Kuharev // Pedagogicheskij zhurnal. – 2023. – Т. 13, № 1-1. – S. 405-411. – DOI 10.34670/AR.2023.21.19.047.

[9] Habinov, S. K. Harakteristika sposobov soversheniya prestuplenij ekstremistskoj napravlenosti, sovershennyh v molodezhnoj srede / S. K. Habinov // Baikal Research Journal. – 2024. – Т. 15, № 2. – S. 524-530. – DOI 10.17150/2411-6262.2024.15(2).524-530.

[10] Alferov, S. N. Prakticheskie mekhanizmy realizacii mer po bor'be s ekstremizmom / S. N.

Alferov // Akademicheskij yuridicheskij zhurnal. – 2024. – T. 25, № 1(95). – S. 158-166. – DOI 10.17150/1819-0928.2024.25(1).158-166.

[11] Soshin, A. A. Rol' uchastkovykh upolnomochennykh policii v protivodejstvii ekstremistskoj deyatel'nosti / A. A. Soshin, E. M. Yakimova // Baikal Research Journal. – 2022. – T. 13, № 1. – DOI 10.17150/2411-6262.2022.13(1).30.

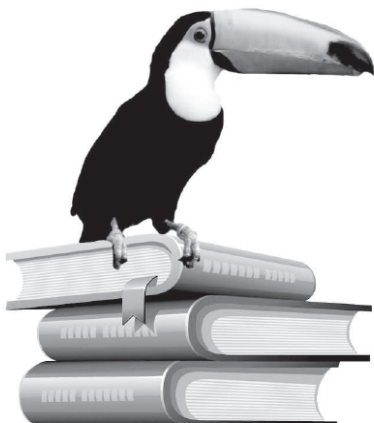
[12] Kochoi, S. M. O kachestve ugovorno-pravovogo regulirovaniya otvetstvennosti za ekstremizm i ideologicheskij ekstremizm / S. M. Kochoi // Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal. – 2022. – T. 16,

№ 2. – S. 240-247. – DOI 10.17150/2500-4255.2022.16(2).240-247.

[13] Understanding and preventing internetfacilitated radicalisation [Elektronnyj resurs]. https://www.aic.gov.au/sites/default/files/2023-06/ti673_understanding_and_preventing_internet-facilitated_radicalisation.pdf (data obrashcheniya: 25.05.2025).

[14] AI extremism: technologies, tactics, actors [Elektronnyj resurs]. <https://voxpole.eu/wp-content/uploads/2024/04/DCUPN0254-Vox-Pol-AI-Extremism-WEB-240424.pdf> (data obrashcheniya: 25.05.2025).

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

КОРКИН Максим Сергеевич,
Студент, Дальневосточный Федеральный Университет,
e-mail: korkin.ms@dvfu.ru

Научный руководитель:
КОРЧАГИН Анатолий Георгиевич
И.о. заведующего кафедрой
конкурентного и предпринимательского права
Юридической школы ДВФУ,
кандидат юридических наук, доцент,
e-mail: mail@law-books.ru

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ НЕЙРОСЕТЕВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В КОНТЕКСТЕ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ: ПРАВОВЫЕ ПАРАДИГМЫ, ЭТИЧЕСКИЕ ДИЛЕММЫ И РЕГУЛЯТОРНЫЕ ВЫЗОВЫ

Аннотация. Стремительное развитие нейросетевых технологий и их интеграция в ключевые сферы общественной жизни — от экономики до государственного управления — ставят перед правовыми системами новые вызовы. Несмотря на очевидный технологический прогресс, правовое регулирование деятельности, связанной с использованием искусственного интеллекта, остается фрагментарным, что создает правовые коллизии и этические дилеммы. Вопросы авторства контента, сгенерированного алгоритмами, ответственности за вред, причиненный автономными системами, а также защиты персональных данных требуют неотложного законодательного решения. В Российской Федерации, как и в большинстве иных государств, статус нейросетей до сих пор не урегулирован на законодательном уровне. Обсуждаемые идеи, такие как наделение искусственного интеллекта статусом квазисубъекта или разработка специальных режимов ответственности, отражают попытки адаптировать правовые конструкции к технологическим реалиям. Однако отсутствие четких критериев охраны алгоритмически генерируемых объектов, а также пробелы в регулировании процессов обучения нейросетей усугубляют правовую неопределенность.

Ключевые слова: Нейросеть; Авторское право; Этические аспекты искусственного интеллекта; Цифровая трансформация.

KORKIN Maksim Sergeevich,
Student, Far Eastern Federal University

Scientific supervisor:
KORCHAGIN Anatoly Georgievich,
Acting Head of the Department of Competitive and Business Law
of the FEFU Law School, Candidate of Law, Associate Professor

ON THE ISSUE OF LEGAL REGULATION OF NEURAL NETWORK TECHNOLOGIES IN THE CONTEXT OF DIGITAL TRANSFORMATION: LEGAL PARADIGMS, ETHICAL DILEMMAS AND REGULATORY CHALLENGES

Annotation. The rapid development of neural network technologies and their integration into key areas of public life — from economics to public administration — pose new challenges to legal systems. Despite the obvious technological progress, the legal regulation of activities related to the use of artificial intelligence (AI) remains fragmented, which creates legal conflicts and ethical dilemmas. The issues of authorship of content generated by algorithms, liability for harm caused by autonomous systems, as well as the protection of personal data require urgent legislative solutions. In the Russian Federation, as in most other countries, the status

of neural networks is still not regulated at the legislative level. The ideas discussed, such as giving AI the status of a quasi-entity or developing special liability regimes, reflect attempts to adapt legal structures to technological realities. However, the lack of clear criteria for the security of algorithmically generated objects, as well as gaps in the regulation of neural network learning processes exacerbate legal uncertainty.

Key words: *Neural network; Copyright; Ethical aspects of artificial intelligence; Digital transformation.*

Правовое регулирование деятельности, связанной с применением технологий искусственного интеллекта представляет собой актуальный объект исследования в контексте взаимодействия правовых и цифровых парадигм. В Российской Федерации проблематика формирования соответствующей нормативной базы выделяется в качестве самостоятельного направления правовой науки, требующего системного анализа и доктринального осмысления. Центральное место в дискуссии занимают вопросы определения субъектного состава правоотношений, возникающих при создании продуктов интеллектуальной деятельности с использованием алгоритмов машинного обучения. Параллельно требуют правового осмысления вопросы распределения имущественных и неимущественных прав между участниками процесса создания таких объектов, включая разработчиков алгоритмов, пользователей технологических платформ и инициаторов генерации контента. Необходимость разработки специальных правил в сфере авторского права обусловлена спецификой взаимодействия человека и искусственного интеллекта, а также отсутствием в действующем законодательстве прямых норм, регламентирующих статус продуктов, созданных без непосредственного участия человеческого труда. Дополнительные исследования требуют аспекты гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный в результате функционирования нейросетевых систем, а также проблемы обеспечения баланса между стимулированием технологий и защитой традиционных прав участников правоотношений. Указанные вопросы формируют комплексный характер правового регулирования, требующего как совершенствования законодательства, так и развития соответствующей правоприменительной практики.

К числу наиболее острых проблем в контексте правового регулирования деятельности, связанной с применением нейросетевых технологий, относится установление критериев правовой охраны результатов, генерируемых с помощью искусственного интеллекта. Определение субъектов, обладающих правомочиями в отношении таких объектов, а также границ их имущественных и неимущественных прав, требует законодательного уточнения. Необходимость разграничения прав создателей алгоритмов машинного обучения и пользователей соответствующих технологических платформ обусловлена отсутствием в

действующем законодательстве Российской Федерации четких норм, регламентирующих статус продуктов, созданных без непосредственного участия человеческого творчества. Спорным остается вопрос о возможности квалификации результатов деятельности нейросетей как объектов интеллектуальной собственности, соответствующих критериям охраны, предусмотренным ГК РФ. В этой связи особую актуальность приобретает проблема установления роли человека в процессе создания контента, в рамках чего требуется определить, в каких случаях лицо, инициировавшее генерацию объекта или участвующее в его редактировании, может быть признано автором, что предполагает анализ правовых последствий взаимодействия человеческого фактора и алгоритмических процессов, а также разработку критериев, позволяющих отличить автоматизированное создание контента от творческой деятельности, защищаемой нормами авторского права. Решение указанных вопросов требует не только внесения изменений в законодательство, но и формирования правоприменительной практики, учитывающей специфику технологий искусственного интеллекта. При этом сохраняется необходимость обеспечения баланса между защитой прав правообладателей и стимулированием технологий, что подчеркивает комплексный характер рассматриваемой правовой проблематики.

Функционирование нейросетевых технологий и сопряженных с ними процессов демонстрирует объективную потребность в адаптации правовых механизмов к специфике алгоритмических решений, применяемых для генерации цифрового контента. Традиционные правовые конструкции, сформированные в эпоху аналоговых технологий, не учитывают особенностей взаимодействия человека и искусственного интеллекта, что порождает правовые коллизии, прежде всего в сфере определения авторства и исключительных прав. Продукты, созданные интеллектуальными системами, де-факто становятся объектами гражданского оборота, однако их правовой статус остается неурегулированным. Несмотря на активную дискуссию в профессиональном сообществе [1, 2, 3.] относительно возможности распространения на такие объекты режима интеллектуальной собственности, отсутствие четких законодательных критериев охраны создает правовую неопределенность, что затрудняет реализацию прав как разработчиков алгоритмов, так и

пользователей платформ, задействующих нейросети для создания контента. Существующие пробелы в правовом регулировании требуют безотлагательного устранения на уровне государственной политики. Необходима разработка нормативных стандартов, которые бы учитывали специфику алгоритмической генерации объектов, устанавливали критерии их соответствия требованиям охраны и определяли субъектный состав правоотношений. При этом законодательные меры должны быть направлены на гармонизацию интересов правообладателей, технологических компаний и общества, обеспечивая баланс между защитой прав и стимулированием цифровой трансформации.

На международном уровне правовое регулирование деятельности, связанной с использованием нейросетевых технологий, характеризуется фрагментарностью и отсутствием унифицированных подходов [4]. Большинство государств пока не располагают комплексной нормативной базой, способной охватить все правовые аспекты применения искусственного интеллекта, включая вопросы интеллектуальной собственности, ответственности за вред и защиту данных. Несогласованность национальных правовых систем создает риски правовой неопределенности, особенно в условиях трансграничного использования алгоритмических решений. Современные вызовы требуют не только разработки новых международных стандартов, но и модернизации действующих нормативных актов с учетом специфики технологий машинного обучения. В этой связи особую значимость приобретает координация усилий государственных институтов, международных организаций и профессионального сообщества, направленных на формирование единых принципов регулирования. Отсутствие глобальных правовых механизмов усиливает необходимость участия России в международных дискуссиях по стандартизации норм, регулирующих использование искусственного интеллекта. Так, указанное позволит не только минимизировать правовые коллизии, но и создать условия для интеграции отечественных технологических решений в мировое цифровое пространство на справедливых и прозрачных началах.

Этическая проблематика, связанная с внедрением нейросетевых технологий, представляет собой неотъемлемый элемент правового регулирования, требующий отдельного рассмотрения. Вопросы соблюдения конфиденциальности персональных данных, предотвращения алгоритмической дискриминации, обеспечения прозрачности и объяснимости решений, принимаемых искусственным интеллектом, приобретают ключевое значение в контексте защиты прав и свобод личности. Особую остроту приобретает проблема этических стандартов, регламентирую-

щих использование данных, включая риски их несанкционированной обработки, манипулятивного воздействия на пользователей или формирования предвзятых алгоритмов. В этой связи правовое регулирование должно быть дополнено системой этических норм, устанавливающих обязательные принципы ответственного использования технологий. Например, включение требования к объективности алгоритмов, предотвращению конфликтов интересов разработчиков и пользователей, а также обеспечению подотчетности лиц, принимающих решения на основе данных, генерируемых искусственным интеллектом. Интеграция этических стандартов в правовую систему требует формирования институтов общественного контроля, разработки корпоративных кодексов поведения и внедрения процедур аудита алгоритмических систем. При этом необходимо учитывать, что этические императивы, такие как справедливость, прозрачность и уважение человеческого достоинства, должны лежать в основе как законодательных инициатив, так и практики применения нейросетей.

Сложности правового регулирования нейросетевых технологий и иных систем искусственного интеллекта обуславливают необходимость повышения активности законодателя в разработке адаптивных нормативных решений. Технологическая динамика, превышающая скорость правотворчества, создает риски правового вакуума, который может быть преодолен только через интеграцию экспертного потенциала различных субъектов общественных отношений. Формирование эффективного диалога между разработчиками алгоритмических систем, пользователями технологий, правозащитными организациями и научным сообществом становится ключевым условием баланса между инновациями и правовыми гарантиями. Такое взаимодействие позволит учитывать интересы всех участников правоотношений: с одной стороны, обеспечивая защиту прав личности и общественных интересов, с другой — снимая правовые барьеры для технологического прогресса.

Таким образом, правовое регулирование деятельности, связанной с использованием нейросетевых технологий и систем искусственного интеллекта, выступает ключевым инструментом формирования безопасной и этически ориентированной среды для их внедрения [5]. Сложность правового регулирования обусловлена многоаспектностью рассматриваемых отношений, включая вопросы интеллектуальной собственности, гражданско-правовой ответственности, конфиденциальности данных, этических стандартов и трансграничного применения технологий, что требует комплексного подхода, сочетающего модернизацию законодательства, развитие международного сотрудничества, внедрение меха-

низмов общественного контроля и адаптацию правоприменительной практики. Особое внимание следует уделить гармонизации национального законодательства с международными стандартами [6], так как указанное будет способствовать минимизации правовых коллизий и обеспечению интеграции российских действий в сфере искусственного интеллекта в глобальное цифровое пространство. Создание эффективной системы правового регулирования нейросетей возможно только через синтез междисциплинарных знаний, включая правовые, технические и этические аспекты, а также через интеграцию интересов всех участников правоотношений.

Начиная с 2023 года в Российской Федерации наблюдается интенсификация процессов правового регулирования нейросетевых технологий [7], что обусловлено необходимостью адаптации правовой системы к вызовам цифровой эпохи. Особое внимание законодателя и профессионального сообщества направлено на вопросы авторского права применительно к контенту, сгенерированному искусственным интеллектом. Введение в действие ряда нормативных актов, включая поправки в ГК РФ и специализированные подзаконные акты, отражает стремление государства установить четкие критерии охраны таких объектов. Актуализация дискуссий о правах участников процесса создания контента с использованием нейросетей связана с необходимостью разграничения прав разработчиков алгоритмов, пользователей платформ и лиц, иницирующих генерацию данных. Правовая доктрина и судебная практика пока не выработали единообразного подхода к квалификации роли человека в таких процессах, что порождает неопределенность в вопросах признания авторства и распределения исключительных прав. В контексте указанных изменений особую значимость приобретает проблема ответственности за нарушения, связанные с использованием нейросетевых технологий, что включает как гражданско-правовые аспекты, так и вопросы административной и уголовной ответственности при создании контента, нарушающего общественные интересы или безопасность. Таким образом, правовая реформа в сфере искусственного интеллекта, начатая в 2023 году, требует дальнейшего развития через внесение уточнений в законодательство, публикацию разъяснительных писем государственных органов и формирование практико-ориентированных судебных прецедентов. Только системный подход позволит создать сбалансированную нормативную базу, стимулирующую технологические инновации и одновременно обеспечивающую защиту прав участников цифровых отношений.

Вопросы определения правообладателей материалов, созданных с использованием нейро-

сетевых технологий остаются в центре правовой дискуссии [8]. В отечественной доктрине и правоприменительной практике начинает формироваться подход [9], согласно которому правообладателем генерируемого контента может признаваться пользователь, осуществляющий легитимное использование алгоритмов искусственного интеллекта и формулирующий исходные запросы для их работы. Однако правовая природа самого процесса создания контента нейросетью продолжает вызывать дискуссии. Современное законодательство не наделяет искусственный интеллект статусом субъекта права, что исключает возможность признания за нейросетями авторских прав. Данная правовая коллизия порождает «серые зоны» в регулировании, особенно в контексте использования нейросетями защищенных результатов интеллектуальной деятельности третьих лиц без соответствующих лицензий. Например, алгоритмы, обученные на массивах данных, содержащих охраняемые произведения, могут воспроизводить их элементы в генерируемом контенте, что ставит под сомнение законность как самого процесса обучения, так и результатов генерации. Рост числа судебных споров, связанных с нарушением исключительных прав в сфере нейросетевых технологий, подчеркивает острую необходимость законодательного урегулирования. Судебная практика пока не демонстрирует единообразия в подходах к квалификации таких правоотношений, что усиливает правовую неопределенность. Важным шагом могло бы стать введение специальных норм, регулирующих взаимодействие правообладателей исходных материалов и разработчиков нейросетей, включая механизмы коллективного управления правами и стандарты добросовестного использования.

Важным этапом формирования правовой базы нейросетевых технологий в Российской Федерации является разработка и принятие ожидаемых поправок к ГК РФ, направленных на урегулирование статуса продуктов, созданных с использованием искусственного интеллекта. Законодательные изменения призваны устранить правовую неопределенность в вопросах охраны таких объектов, установив четкие критерии их квалификации как результатов интеллектуальной деятельности. Особое внимание уделяется регламентации использования промышленных данных для обучения алгоритмов, включая условия их сбора, обработки и коммерциализации. Предлагаемые нормы направлены на создание баланса между защитой исключительных прав правообладателей исходных данных и стимулированием технологического прогресса. В частности, обсуждается введение специальных механизмов, регулирующих доступ к массивам данных для обучения нейросетей, в том числе через институты лицензирования и коллективного управления

правами, что позволит снизить риски нарушений интеллектуальных прав при одновременном обеспечении легитимности процессов машинного обучения. В профессиональном сообществе подчеркивается необходимость формирования универсального подхода к авторскому праву, адаптированного к специфике алгоритмической генерации контента, что включает разработку критериев, позволяющих определять, в каких случаях генерируемый контент может быть признан объектом права интеллектуальной собственности, а также установление пределов ответственности за его использование. Актуальным остается вопрос о взаимосвязи правового регулирования с этическими стандартами, что требует интеграции норм, обеспечивающих прозрачность алгоритмов и недопущение злоупотреблений. Ожидается, что новые правовые механизмы не только минимизируют правовые коллизии, но и создадут условия для инновационного развития отрасли. В этой связи особую значимость приобретает синхронизация национального законодательства с международными стандартами, что позволит укрепить позиции российских технологических решений на глобальном рынке. Реализация указанных мер станет ключевым шагом в построении устойчивой системы регулирования, гармонизирующей интересы правообладателей и разработчиков.

Ключевой вопрос заключается в определении, может ли алгоритм рассматриваться в качестве автора или его деятельность должна трактоваться как инструментальная, подконтрольная человеку. Современная правовая доктрина склоняется к позиции, что авторство предполагает наличие человеческого волеизъявления и творческого вклада, что исключает признание искусственного интеллекта самостоятельным правообладателем. Однако отсутствие унифицированных критериев оценки роли человека в процессе генерации контента сохраняет правовую неопределенность. В частности, не урегулированным остается вопрос о статусе произведений, созданных с минимальным участием человека. Практика демонстрирует, что алгоритмы, обученные на массивах данных, содержащих объекты интеллектуальной собственности, могут воспроизводить их элементы в генерируемом контенте, что создает риски плагиата и несанкционированного использования. Для минимизации таких рисков требуются специальные нормы, регламентирующие условия сбора и обработки данных, включая требования к их легитимности, а также механизмы ответственности за нарушения. Необходимость адаптации законодательства к технологическим реалиям подчеркивается ростом числа судебных споров, связанных с алгоритмической генерацией контента. В этой связи актуальной задачей становится разработка правовых стан-

дартов, которые бы учитывали специфику машинного обучения, обеспечивали защиту исключительных прав правообладателей и, как было изложено выше, одновременно не препятствовали технологическому прогрессу.

Этические проблемы, возникающие в контексте применения нейросетевых технологий, представляют собой неотъемлемый элемент правового регулирования, требующий комплексного подхода [10]. Проникновение искусственного интеллекта в социальные, экономические и политические процессы усиливает значимость вопросов, связанных с алгоритмической прозрачностью, недискриминационностью решений и защитой автономии личности. Отсутствие эффективных механизмов этического контроля создает риски манипулятивного воздействия на общественное мнение, формирования предвзятых моделей поведения или нарушения конфиденциальности персональных данных. Правовое регулирование должно быть направлено на установление стандартов объективности алгоритмов, включая требования к проверке данных на предмет систематических ошибок и обеспечению подотчетности разработчиков. Не менее значимым является вопрос прозрачности решений, принимаемых искусственным интеллектом. «Черный ящик» нейросетевых систем затрудняет идентификацию причин принятия тех или иных решений, что подрывает доверие к технологиям и осложняет реализацию правовой защиты в случае нарушений. В этой связи необходима разработка норм, обязывающих раскрывать логику функционирования алгоритмов, а также создание институтов независимой экспертизы их деятельности. Этические императивы также требуют регулирования использования нейросетей в контексте информационной безопасности. Риски несанкционированной обработки биометрических данных, анализа поведенческих паттернов или глубокой фальсификации контента (deepfake) ставят под угрозу фундаментальные права личности, включая право на неприкосновенность частной жизни.

В Российской Федерации правовое регулирование искусственного интеллекта остается в стадии формирования, что обусловлено отсутствием четкого законодательного закрепления статуса таких систем. В профессиональном сообществе активно обсуждаются концепции правовой квалификации искусственного интеллекта, включая идею наделения его статусом квазисубъекта, обладающего ограниченными правами и обязанностями. Однако вопросы распределения ответственности за действия, совершенные алгоритмами, остаются дискуссионными. Особую сложность представляет установление субъекта ответственности в случаях, когда решения искусственного интеллекта приводят к нарушению

прав третьих лиц или общественных интересов. Законодательные инициативы, как ожидается, будут направлены на интеграцию отечественной правовой системы с международными подходами, включая опыт регулирования автономных систем и алгоритмической прозрачности. В заключение необходимо подчеркнуть, что правовое регулирование деятельности, связанной с нейросетевыми технологиями, представляет собой одну из центральных задач современной правовой науки. Ускоренное внедрение искусственного интеллекта в экономику, государственное управление и социальную сферу требует не только модернизации действующих нормативных актов, но и создания новых институтов, способных учитывать специфику взаимодействия человека и искусственного интеллекта. Этические вызовы, включая риски манипуляции данными, алгоритмической дискриминации и подавления плюрализма мнений, требуют включения в правовое поле механизмов этического контроля и общественного участия. Решение указанных проблем возможно только через синтез усилий законодателей, доктрины, авторов технологий и экспертов в области этики, что позволит сформировать сбалансированную нормативную базу, которая будет обеспечивать защиту охраняемых законом публичных интересов и национальной безопасности.

Список литературы:

- [1] Тарарышкина Ирина Сергеевна, Тюрин Михаил Игоревич защита авторских прав в эпоху нейросетей: вызовы и подходы // Право и государство: теория и практика. 2023. №10 (226).
- [2] Плешаков Е. А., Просвирнина М. И. Проблема авторства произведения, созданного нейросетью // Образование и право. 2023. №7.
- [3] Жукова Анастасия Евгеньевна, Куров Аркадий Евгеньевич цифровой успех chatgpt: кому принадлежит право на результат интеллектуальной деятельности // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2023. №2.
- [4] Диденко Артем Николаевич, Кудakov Андрей Дмитриевич, Кудакowa Елизавета Андреевна необходимость международного соглашения о правах на результаты интеллектуальной деятельности, созданные при работе с искусственным интеллектом // Образование и право. 2023. №6.
- [5] Шахназаров Б. А. Правовое регулирование отношений с использованием искусственного интеллекта // Актуальные проблемы российского права. 2022. №9 (142).
- [6] Журавлева Алена Владимировна современные проблемы определения правосубъектности искусственного интеллекта // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2022. №2.

[7] Канзачаков А. В. Правовое регулирование деятельности с использованием нейросетей // Экономика и управление: опыт и новые решения в эпоху трансформаций. 2024. №1.

[8] Сварчевский Константин Геннадьевич, Сварчевский Константин Геннадьевич место нейросети в российском праве // Образование и право. 2024. №3.

[9] Разин Александр Владимирович нейросети и проблема авторства // Научно-исследовательские исследования. 2024. №1.

[10] Космина А. В. Искусственный интеллект: некоторые правовые проблемы // Образование и право. 2022. №7.

Spisok literatury:

- [1] Tarary'shkina Irina Sergeevna, Tyurin Mixail Igorevich zashhita avtorskix prav v e'poxu nejrosetej: vy'zovy i podhody // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2023. №10 (226).
- [2] Pleshakov E. A., Prosvirnina M. I. Problema avtorstva proizvedeniya, sozdannogo nejroset'yu // Obrazovanie i pravo. 2023. №7.
- [3] Zhukova Anastasiya Evgen'evna, Kurov Arkadij Evgen'evich cifrovoj uspek chatgpt: komu pri nadlezhit pravo na rezul'tat intellektual'noj deyatel'nosti // Vestnik yuridicheskogo fakul'teta Yuzhnogo federal'nogo universiteta. 2023. №2.
- [4] Didenko Artem Nikolaevich, Kudakov Andrej Dmitrievich, Kudakova Elizaveta Andreevna neobxodimost' mezhdunarodnogo soglasheniya o pravax na rezul'taty intellektual'noj deyatel'nosti, sozdan-ny'e pri rabote s iskusstvenny'm intellektom // Obrazovanie i pravo. 2023. №6.
- [5] Shaxnazarov B. A. Pravovoe regulirovanie otnoshenij s ispol'zovaniem iskusstvennogo intellekta // Aktual'ny'e problemy rossijskogo prava. 2022. №9 (142).
- [6] Zhuravleva Alena Vladimirovna sovremennyye problemy opredeleniya pravosub'ektnosti iskusstvennogo intellekta // Gumanitarnyye, social'no-e'konomicheskie i obshhestvenny'e nauki. 2022. №2.
- [7] Kanzachakov A. V. Pravovoe regulirovanie deyatel'nosti s ispol'zovaniem nejrosetej // E'konomika i upravlenie: opyt i novyye resheniya v e'poxu transformacij. 2024. №1.
- [8] Svarchevskij Konstantin Gennad'evich, Svarchevskij Konstantin Gennad'evich mesto nejroseti v rossijskom prave // Obrazovanie i pravo. 2024. №3.
- [9] Razin Aleksandr Vladimirovich nejroseti i problema avtorstva // Nauchovedcheskie issledovaniya. 2024. №1.
- [10] Kos'mina A. V. Iskuststvennyj intellekt: nekotorye pravovy'e problemy // Obrazovanie i pravo. 2022. №7.

ТИХОМИРОВ Андрей Андреевич,
магистрант Юридического факультета,
Финансовый университет при Правительстве
Российской Федерации,
e-mail: aatikhomirov02@mail.ru

Научный руководитель:
РУЗАКОВА Ольга Александровна,
д.ю.н., профессор, профессор Кафедры
правового регулирования экономической деятельности
Юридического факультета Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации,
e-mail: oaruzakova@fa.ru

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА И ПРОБЛЕМЫ ЗАКРЕПЛЕНИЯ ЦИФРОВЫХ ПРАВ В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Аннотация. Цифровым правам среди современных публикаций уделяется значительный объем внимания. Не в последнюю очередь причиной тому является не сформировавшаяся до настоящего времени концепция правового режима таких прав, а также механизма их закрепления в законодательстве. Не решен однозначно вопрос о систематизации цифровых прав и их соотношении с другими категориями гражданского права. В рамках статьи поставлен ряд вопросов, ответы на которые требуются для определения вектора развития правового регулирования. Такими принципиально значимыми отправными положениями названы вопросы о правовой природе цифровых прав; о соотношении цифровых прав и бездокументарных ценных бумаг; о соотношении цифровых прав и цифровой рубль. В данном исследовании, ввиду ограниченного объема публикации, анализируется только часть проблематики, создавая почву для продолжения научной проработки данной тематики.

Методы исследования – анализ, описание и систематизация данных по проблеме исследования, конкретно-исторический анализ и элементы сравнительно-правового и системно-структурного исследования.

Изучение вопроса показало, что с точки зрения своей природы цифровые права не могут признаваться отдельными объектами гражданских прав, поскольку представляют собой специфический способ закрепления имущественного права – цифровой. По итогам исследования сформулированы выводы о развитии законодательства по следующим направлениям: несмотря на то, что поддержана позиция сторонников непризнания цифровых прав в качестве отдельного имущественного права, предложено не корректировать ст. 128 ГК РФ ввиду отсутствия прямого влияния на правовое регулирование такого законодательного решения; обоснована корректировка легального определения цифровых финансовых активов для конкретизации в нем сущности феномена и частичного снятия дискуссионности данного вопроса; поддержано мнение о необходимости отказа от использования термина «цифровая валюта» в пользу термина «криптовалюта».

Ключевые слова: правовое регулирование, объекты гражданских прав, цифровые права, цифровая валюта, цифровые финансовые активы, бездокументарные ценные бумаги, цифровой рубль, криптовалюта, совершенствование законодательства.

TIKHOMIROV Andrey Andreevich,
Master's student at the Faculty of Law, Financial University
under the Government of the Russian Federation

Scientific supervisor:
RUZAKOVA Olga Alexandrovna,
Doctor of Law, Professor, Professor of the Department
of Legal Regulation of Economic Activity, Faculty of Law
Financial University under the Government of the Russian Federation

THE LEGAL NATURE AND PROBLEMS OF SECURING DIGITAL RIGHTS IN RUSSIAN LEGISLATION

Annotation. A significant amount of attention is paid to digital rights among modern publications. Last but not least, the reason for this is the concept of the legal regime of such rights that has not yet been formed, as well as the mechanism for their consolidation in legislation. The issue of the systematization of digital rights and their relationship to other categories of civil law has not been resolved unequivocally. The article raises a number of questions, the answers to which are required to determine the vector of development of legal regulation. Such fundamentally significant starting points include questions about the legal nature of digital rights; the relationship between digital rights and undocumented securities; and the relationship between digital rights and the digital ruble. Due to the limited volume of the publication, this study analyzes only a part of the problem, creating the ground for continued scientific study of this topic.

Research methods – analysis, description and systematization of data on the research problem, concrete historical analysis and elements of comparative legal and system-structural research.

The study of the issue has shown that, from the point of view of their nature, digital rights cannot be recognized as separate objects of civil rights, since they represent a specific way of consolidating property rights – digital. Based on the results of the study, conclusions were drawn about the development of legislation in the following areas: despite the fact that the position of supporters of non-recognition of digital rights as a separate property right was supported, it was proposed not to adjust Article 128 of the Civil Code of the Russian Federation due to the lack of direct influence on the legal regulation of such a legislative decision; The article substantiates the adjustment of the legal definition of digital financial assets in order to specify the essence of the phenomenon in it and partially remove the controversy of this issue; the opinion is supported on the need to abandon the use of the term “digital currency” in favor of the term “cryptocurrency”.

Key words: legal regulation, objects of civil rights, digital rights, digital currency, digital financial assets, undocumented securities, digital ruble, cryptocurrency, improvement of legislation.

Введение.

Каждый год цифровая трансформация демонстрирует все более впечатляющие показатели. Можно предположить, что уже сейчас ни один гражданин, организация или публичная структура не оказываются не вовлеченным в ту или иную цифровую инициативу. В изменяющейся реальности традиционные социальные, общественные и политические институты должны принять цифровую трансформацию, чтобы оставаться актуальными, используя ее преимущества для решения своих задач. Поручения Президента РФ и в целом внимание публичного сектора к цифровым проектам, которые уже реализуются в России или запланированы к запуску, показывают, что сейчас самое подходящее время – обратиться на данную область пристальное внимание с позиции российской науки, для того, чтобы оценить достигнутые законодателем результаты по нормированию отношений с участием цифровых инструментов, а также определить для него потенциально требующие внимания участки общественных отношений.

Небывалое распространение цифровизации в практическом поле стимулирует законодателя, который методично включает прилагательное «цифровой» и различные его производные во все нормативные документы. Не стали исключением и основополагающие категории, к примеру, объекты гражданских прав. Однако, изменяя

термины, надлежащее их разъяснение, а также четкое размежевание с другими юридическими явлениями он не производит, что осложняет как научное осмысление, так и практическое применение цифровых сущностей, повсеместно вовлекаемых в гражданский оборот.

Правовое регулирование отношений с их участием, в особенности, в части новых финансовых инструментов, в России складывается достаточно сложно, зачастую выстраиваясь от «практики» к «правовым нормам», подтверждением чему служит недавний пример постепенного включения цифровых инструментов в трансграничные финансовые расчеты с последующей корректировкой законодательства на основе накопленного опыта. В частности, в марте 2025 г. Центробанк России выступил с инициативой о совершенствовании правового регулирования оборота цифровых валют, о чем направил предложения в Правительство РФ.

Однако банкротство FTX в 2022 г. и возникшие в связи с ним колоссальные потери криптоинвесторов подтверждают, что имеющим цифровую природу активам как финансовому инструменту свойственны те же риски, что и традиционным активам, а также специфические особенности, проистекающие из их сущностных свойств.

Цифровые права нуждаются в нормативном опосредовании для того, чтобы в дальнейшем

была возможность корректировать юридически значимые операции с их участием. Следовательно, их правовой режим нуждается в научном анализе, строгой систематизации и точном отражении в правовом регулировании.

Исходя из широко заявленной проблематики, в рамках данной статьи выбрано для исследования несколько проблемных зон. В частности, предпринимается попытка ответить на следующие вопросы: о правовой природе цифровых прав; о соотношении цифровых прав и бездокументарных ценных бумаг; о соотношении цифровых прав и цифрового рубля.

Основная часть.

Адекватное правовое оформление и определение места в имеющемся правовом регулировании для новых явлений и процессов невозможно без научного осмысления проблематики и прохождения дискуссионного процесса, позволяющего с разных сторон оценить нормативный потенциал явления и произвести его правовую идентификацию.

Правовая природа цифровых прав однозначную оценку в литературе пока не получила. Так, отдельные исследователи называют их новизной объектов гражданских прав, следуя в этом смысле концепции, заложенной законодателем в структуру ст. 128 ГК РФ [1].

Другая группа исследователей разделяет мнение о недостаточности основания отнесения цифровых прав в разряд самостоятельных объектов гражданских прав [2]. Среди специалистов-сторонников такой концепции, распространен взгляд на цифровое право как форму фиксации или цифровой способ закрепления имущественного права [3]. В частности, ЦФА трактуются ими как цифровые аналоги уже существующих финансовых инструментов: акций, облигаций, векселей, займов и прочих активов.

Мы считаем, что более аргументированной выглядит позиция второй группы цивилистов. Приведем в подтверждение ряд аргументов.

Во-первых, для появления нового объекта гражданских прав должна сложиться объективная необходимость, когда существующие и признанные юридические категории (объекты гражданских прав) не способны отразить и вместить в себе рассматриваемый феномен. Исходя из ст. 141.1 ГК РФ, цифровые права представляют собой ни что иное как «обязательственные и иные права», осуществлять и распоряжаться которыми возможно только в рамках информационной системы. В частности, В.А. Суханов говорит об условном закреплении термина «цифровые права» среди объектов гражданских прав, что никак не соответствует их сущности [4].

Во-вторых, обособление таких прав объясняется возможностью осуществления имущественных прав лишь с помощью специальных технологий в пределах известных информационных систем. Между тем, такие информационные системы содержательно не меняют осуществляемое права, а скорее накладывают отпечаток на его форму.

В-третьих, в результате цифровизации какие-либо принципиально отличные от прежде существовавших имущественных прав не возникло. Л.Ю. Василевская по этому поводу справедливо подчеркивает, что продуктом цифровизации является не новое имущественное право, а отличный от прежних способ их фиксации и учета [5].

Обозначенными тезисами не исчерпывается аргументация сторонников второй позиции, однако, приведенная совокупность обоснований является серьезным доказательством спорного характера решения законодателя, воплощенного в поименовании цифровых прав в одном ряду с самостоятельными объектами гражданских прав. На наш взгляд, высказано достаточно рациональных аргументов за то, что отдельный объект гражданских прав у нас не возник, однако, исключение его упоминания из ст. 128 ГК РФ также не способно внести принципиальной определенности в правовой режим цифровых прав, но сохранение термина способно иметь идеологическое влияние, ввиду чего корректировка законодательства в данной части видится не актуальной.

Среди имущественных прав с цифровыми правами в одной последовательности также размещены бездокументарные ценные бумаги и безналичные денежные средства. По правилам классификации, данные явления должны быть порядковыми для того, чтобы были соблюдены законы классической логики. Исходя из этого, в продолжение первого вопроса поставим второй, заявленный на рассмотрение в рамках настоящей статьи. Суть проблемы состоит в том, что указание в одном ряду цифровых прав и бездокументарных ценных бумаг резонно обозначает вопрос об их соотношении между собой, особенно с учетом выделенного в отдельном законе специального определения понятия «цифровые финансовые акты», которые, по прямому указанию законодателя, включают удостоверение возможности осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам.

Большинство исследователей сходится во мнении о том, что цифровые права в виде ЦФА представляют собой цифровую форму бездокументарных ценных бумаг [6].

В пояснительной записке к законопроекту № 424632-7 авторы документа подчеркивали близость сущностей цифровых прав и ценных бумаг [7]. Вполне закономерно, что появившееся в

Федеральном законе от 31.07.2020 № 259-ФЗ определение ЦФА сформулировано по модели определения ценных бумаг, закрепленного в ст. 142 ГК РФ.

Следовательно, в обоих случаях речь идет о способе удостоверения имущественных прав. Ключевым различием, вытекающим из их определений, является наличие посредника, поскольку в случае с ценными бумагами он обязательно присутствует (депозитарий, регистратор), тогда как в случае с цифровыми правами их ореолом существования выступает информационная система.

В литературе справедливо обращено внимание на некорректное отражение сущности ЦФА в его легальном определении [8]. Законодатель использует в ч. 2 ст. 1 Федерального закона от 31.07.2020 № 259-ФЗ термин «включающие» применительно к четырем разновидностям прав, в противовес к определению ценных бумаг, закрепленному в ст. 142 ГК РФ, где говорится об удостоверении обязательственных и иных прав. Исправление данной неточности требует замены слова «включающие» в ч. 2 ст. 1 Федерального закона от 31.07.2020 № 259-ФЗ на термин «удостоверяющие». Аналогичные изменения необходимы в ч. 1 ст. 5.1, ч. 1 ст. 10.1 данного закона.

Третий вопрос, который требуется рассмотреть в рамках настоящего исследования, касается соотношения цифровых прав с цифровым рублем, который также упоминается в числе объектов, однако, законодатель его позиционирует как видовое понятие по отношению к безналичным денежным средствам. Соотношение понятий требует учета легального определения цифровой валюты, данного ч. 3 ст. 1 Федерального закона от 31.07.2020 № 259-ФЗ. В данном определении упоминание возможности исполнения такой валютой платежных функций, как и в целом использование в названии слова «валюта» (направляющего к ст. 140 ГК РФ), дает основания для признания ее денежной природы (роль меры стоимости).

Между тем, однозначно этот вопрос не решен, свидетельством чему является ст. 14 Федерального закона от 31.07.2020 № 259-ФЗ, запрещающая исполнять цифровой валютой обязанность по оплате в рамках сделок. Судебная практика этот подход поддерживает. В Определении Верховного Суда РФ № 48-КГ21-3-К7 от 01.06.2021 по делу № 2-5227/2019 высшая судебная инстанция закрепила принцип, что криптовалюта (условная виртуальная учетная единица) не может являться средством платежа, но может выступать в роли предмета сделки [9].

Цифровые рубли и цифровую валюту сближает наличие у одной функции денег, а у второй – квази-денежной роли, вытекающей из возмож-

ности выполнения платежной функции как альтернативный вариант расчета при согласии второй стороны сделки. Это различие, впрочем, выступает проявлением волевого решения национального законодателя, а потому какие-либо научные противоречия в обратном не усматриваются.

Существенным различием выступает то, что первые являются «прямой ответственностью» Центрального банка, тогда как вторая существует как децентрализованная форма. Первый обеспечивает прозрачность, а вторая – анонимность.

Безусловно, появление и цифрового рубля, и цифровой валюты требует серьезного переосмысления функций национальной валюты. Решение остается за законодателем, только ему в конечном счете определять, куда эволюционирует нормативная регламентация расчетных инструментов. Отсутствие стройной концепции на этот счет явно свидетельствует о том, что текущее регулирование представляет промежуточную версию себя. Однако в данном вопросе медлить не стоит, поскольку рынок уже показал свое отношение и, действуя в отрыве от законодателя, активно использует цифровые валюты в качестве средства платежа [10]. До появления принципиального нормативного решения данного вопроса мы предлагаем поддержать мнение Е.С. Туешовой и скорректировать используемый сегодня термин «цифровая валюта» на «криптовалюта» (несмотря на его разговорно-обиходный стиль [пояснительная записка, 7]), для исключения заблуждения относительно ее правовой природы.

Заключение.

Итак, проведенное исследование показало, что гражданское законодательство в настоящее время находится не в самой оптимальной форме. Анализ научных рассуждений, мотивировок и доказательств подтверждает, что в ближайшее время изменения в законодательство должны быть продолжены. Некоторые аспекты, которые предлагается учесть в процессе предстоящего реформирования правового регулирования, сводятся к следующему:

- 1) цифровизация породила новую, «цифровую» форму существования имущественных прав, что, однако, не свидетельствует о появлении нового объекта гражданских прав;
- 2) требуется скорректировать определение ЦФА путем замены слова «включающие» в ч. 2 ст. 1 Федерального закона от 31.07.2020 № 259-ФЗ на термин «удостоверяющие», что частично снимет вопросы относительно их правовой природы;

3) предложено в законодательстве заменить термин «цифровая валюта» на «криптовалюта» для придания четкого отграничения цифрового рубля.

Список литературы:

[1] Гринь О.С. Обязательственные отношения по поводу цифровых объектов гражданских прав // Lex russica. 2020. Т. 73. № 10(167). С. 21 - 31.

[2] Дерюгина Т.В. К вопросу о сущностных характеристиках и правовой природе цифрового права // Труды Института государства и права РАН / Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS. 2022. Т. 17. № 2. С. 35-54.

[3] Ефимова Л. Г. Токен как виртуальный объект гражданского права // Банковское право. 2020. № 3. С. 42 - 48.

[4] Суханов Е.А. О гражданско-правовой природе «цифрового имущества» // Вестник гражданского права. 2021. № 6. С. 7 - 29.

[5] Василевская Л.Ю. Токен как новый объект гражданских прав: проблемы юридической квалификации цифрового права // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 5. С. 111 - 119.

[6] Александрова Н. С. Соотношение понятий «цифровые права», «цифровая валюта» и «цифровой финансовый актив» // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 6. С. 28 - 31.

[7] Законопроект № 424632-7 «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/424632-7> (дата обращения: 15.05.2025).

[8] Ионцев М.А. О природе цифровых прав и низковолатильных цифровых валют // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2024. № 9. С. 114 - 122.

[9] Определение Верховного Суда РФ № 48-КГ21-3-К7 от 01.06.2021 по делу № 2-5227/2019. URL: https://www.vsr.ru/lk/practice/stor_pdf/2004696 (дата обращения: 16.05.2025).

[10] Туешова Е.С. Цифровой рубль и цифровая валюта: дискурс о соотношении понятий // Legal Concept = Правовая парадигма. 2024. Т. 23. № 4. С. 85 - 91/

Spisok literatury:

[1] Grin' O.S. Obyazatel'stvennye otnosheniya po povodu cifrovyyh ob'ektov grazhdanskih prav // Lex russica. 2020. Т. 73. № 10(167). С. 21 - 31.

[2] Deryugina T.V. K voprosu o sushchnostnykh harakteristikah i pravovoy prirode cifrovogo prava // Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN / Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS. 2022. Т. 17. № 2. С. 35-54.

[3] Efimova L. G. Token kak virtual'nyj ob'ekt grazhdanskogo prava // Bankovskoe pravo. 2020. № 3. С. 42 - 48.

[4] Suhanov E.A. O grazhdansko-pravovoy prirode «cifrovogo imushchestva» // Vestnik grazhdanskogo prava. 2021. № 6. С. 7 - 29.

[5] Vasilevskaya L.Yu. Token kak novyj ob'ekt grazhdanskih prav: problemy yuridicheskoy kvalifikatsii cifrovogo prava // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2019. № 5. С. 111 - 119.

[6] Aleksandrova N. S. Sootnoshenie ponyatij «cifrovye prava», «cifrovaya valyuta» i «cifrovoy finansovyj aktiv» // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2021. № 6. С. 28 - 31.

[7] Zakonoproekt № 424632-7 «O vnesenii izmenenij v chasti pervuyu, vtoruyu i stat'yu 1124 chasti tret'ej Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/424632-7> (data obrashcheniya: 15.05.2025).

[8] Ioncev M.A. O prirode cifrovyyh prav i nizkovolatil'nyh cifrovyyh valyut // Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina. 2024. № 9. С. 114 - 122.

[9] Opredelenie Verhovnogo Suda RF № 48-KG21-3-K7 ot 01.06.2021 po delu № 2-5227/2019. URL: https://www.vsr.ru/lk/practice/stor_pdf/2004696 (data obrashcheniya: 16.05.2025).

[10] Tushova E.S. Cifrovoy rubl' i cifrovaya valyuta: diskurs o sootnoshenii ponyatij // Legal Concept = Pravovaya paradigma. 2024. Т. 23. № 4. С. 85 - 91/

ШЕРИЕВ Альберт Малильевич,
старший преподаватель кафедры СД,
подполковник полиции,
e-mail: mail@law-books.ru

ЦИФРОВЫЕ АКТИВЫ КАК ПРЕДМЕТ ВЗЯТКИ: ВЫЗОВЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Аннотация. В статье исследуется проблема квалификации передачи цифровых активов в качестве предмета взятки. Анализируются доктринальные подходы к определению правовой природы криптовалют и иных цифровых активов, а также рассматриваются актуальные вопросы, возникающие в правоприменительной практике при расследовании и рассмотрении дел о взяточничестве с использованием цифровых активов. Особое внимание уделяется проблемам доказывания факта передачи и получения взятки в форме цифровых активов, а также определению их стоимости. В работе анализируются существующие подходы к решению данных проблем в России и за рубежом. На основе проведенного анализа формулируются предложения по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики в целях повышения эффективности противодействия коррупционным преступлениям, совершаемым с использованием цифровых активов.

Ключевые слова: взятка, криптовалюта, цифровые активы, цифровая валюта, предмет взятки, коррупция, доказывание, блокчейн, квалификация преступлений, стоимость цифровых активов.

SHERIEV Albert Malilievich,
Senior Lecturer, Department of SD,
Police Lieutenant Colonel

DIGITAL ASSETS AS A SUBJECT OF A BRIBE: CHALLENGES OF LAW ENFORCEMENT

Annotation. The article examines the problem of qualifying the transfer of digital assets as a subject of a bribe. The doctrinal approaches to determining the legal nature of cryptocurrencies and other digital assets are analyzed, as well as topical issues arising in law enforcement practice in the investigation and consideration of cases of bribery using digital assets. Particular attention is paid to the problems of proving the fact of transferring and receiving a bribe in the form of digital assets, as well as determining their value. The paper analyzes the existing approaches to solving these problems in Russia and abroad. Based on the analysis, proposals are formulated for improving legislation and law enforcement practice in order to increase the effectiveness of combating corruption crimes committed using digital assets.

Key words: bribe, cryptocurrency, digital assets, digital currency, subject of a bribe, corruption, proof, blockchain, qualification of crimes, value of digital assets.

Введение. Постановка проблемы.

Стремительное расширение сферы применения цифровых технологий, а также появление инновационных финансовых инструментов, в частности, криптовалют и других цифровых активов, формируют новые задачи для правовой системы. Эти задачи касаются как адаптации существующих норм права, так и формирования принципиально новых подходов к регулированию общественных отношений, складывающихся в этой сфере. Особую остроту приобретает вопрос о возможности квалификации цифровых активов в качестве предмета взятки. Это обусловлено их

потенциальной способностью использоваться как средство платежа и накопления, а также относительной анонимностью операций, что существенно затрудняет отслеживание и идентификацию транзакций.

Несмотря на все более широкое распространение цифровых активов, в российском законодательстве до настоящего времени не сформировано четкое определение их правового статуса. Данное обстоятельство порождает неопределенность относительно возможности признания их предметом взятки. Ответственность за получение взятки в виде денег, ценных бумаг,

иногое имущества, либо в виде незаконного оказания услуг имущественного характера, предоставления имущественных прав предусмотрена статьей 290 Уголовного кодекса Российской Федерации [1]. Однако прямое отнесение цифровых активов к одной из вышеуказанных категорий вызывает существенные затруднения, что, в свою очередь, требует глубокого доктринального осмысления и выработки унифицированных подходов в правоприменительной практике. Нерешенность этого вопроса обуславливает ряд проблем в правоприменительной деятельности, которые связаны с квалификацией деяний, где предметом выступают цифровые активы. К таким проблемам относятся: доказывание факта передачи и получения цифровых активов в качестве взятки, а также определение их стоимости для установления размера взятки. Эти обстоятельства, в свою очередь, определяют актуальность данного исследования, а также необходимость всестороннего анализа обозначенных проблем для выработки научно обоснованных предложений по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики.

Основные положения работы.

Комплексный анализ проблем квалификации передачи цифровых активов как предмета взятки, а также выработка научно обоснованных предложений по их решению составляют цель настоящего исследования. Для достижения данной цели необходимо решить ряд задач. Во-первых, исследовать доктринальные подходы к определению правовой природы цифровых активов. Во-вторых, проанализировать действующее законодательство и правоприменительную практику в части, касающейся квалификации деяний, связанных с передачей цифровых активов в качестве взятки. В-третьих, выявить и проанализировать трудности, возникающие в процессе доказывания факта передачи и получения взятки в форме цифровых активов, а также определения их стоимости. В-четвертых, изучить зарубежный опыт в области регулирования оборота цифровых активов, а также их использования в качестве предмета взяточничества. В-пятых, разработать предложения по совершенствованию российского законодательства и правоприменительной практики для повышения эффективности противодействия коррупционным преступлениям, совершаемым с использованием цифровых активов.

В качестве методологической основы исследования выступает диалектический метод познания, который позволяет рассматривать проблему использования цифровых активов в качестве предмета взятки в ее развитии и взаимосвязи с иными правовыми явлениями. Наряду

с диалектическим методом в работе применялись общенаучные методы, такие как анализ, синтез, обобщение, индукция и дедукция, а также частнонаучные методы, в частности, формально-юридический, сравнительно-правовой и системно-структурный. Эмпирическую базу исследования формируют материалы опубликованной судебной практики, статистические данные о коррупционных преступлениях, а также сведения, размещенные на официальных сайтах государственных органов, уполномоченных на осуществление деятельности по противодействию коррупции.

В доктрине уголовного права на сегодняшний день не выработано единой позиции относительно правовой природы цифровых активов. Ряд ученых склоняются к тому, что их следует рассматривать как одну из разновидностей «иногое имущества», которое упомянуто в диспозиции статьи 290 УК РФ [7]. Эта позиция аргументируется тем, что цифровые активы обладают определенной экономической ценностью и могут выступать объектом гражданских прав. Так, Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [2] признает цифровой финансовый актив имуществом в электронной форме, которое создано с использованием шифровальных (криптографических) средств. Иные авторы придерживаются мнения, что цифровые активы надлежит рассматривать как «имущественные права», поскольку они представляют собой право требования, обращенное к эмитенту или иному обязанному лицу [8]. Данный подход нашел свое отражение в статье 141.1 Гражданского кодекса Российской Федерации [3], введенной Федеральным законом от 18 марта 2019 г. N 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» [4]. Указанная статья относит к объектам гражданских прав цифровые права, под которыми понимаются названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам. Существует также точка зрения, согласно которой цифровые активы не могут быть признаны ни имуществом, ни имущественными правами в их традиционном понимании, а представляют собой особый объект гражданских прав, который нуждается в специальном правовом регулировании [9].

Анализ действующего российского законодательства свидетельствует о том, что законодателем до настоящего времени не выработан

однозначный подход к определению правового статуса цифровых активов. В области правового регулирования цифровых финансовых инструментов в Российской Федерации ключевым нормативным актом выступает Федеральный закон № 259-ФЗ [2]. Этот законодательный акт устанавливает правовые рамки для взаимоотношений, формирующихся в процессе эмиссии, фиксации и циркуляции цифровых финансовых активов. Кроме того, он детализирует специфику функционирования операторов информационных систем, обеспечивающих эмиссию указанных активов, а также операторов, осуществляющих их обмен.

Важно отметить, что, несмотря на свою основополагающую роль, упомянутый закон не содержит дефиниции цифровых активов как таковых. Вместо этого он оперирует понятием цифровой валюты, интерпретируя ее как комплекс электронных данных, представленных в форме цифрового кода или обозначения, которые интегрированы в информационную систему. Цифровые валюты могут предлагаться к использованию или же фактически применяться в качестве платежного инструмента. При этом они не имеют статуса официальной денежной единицы Российской Федерации, валюты иного государства или международной денежной либо расчетной единицы. Также, цифровая валюта, согласно данному закону, может выступать в качестве инвестиционного инструмента.

Особенностью цифровой валюты, в рамках регулирования, установленного Федеральным законом № 259-ФЗ, является отсутствие лица, несущего обязательства перед каждым владельцем электронных данных, составляющих цифровую валюту. Исключение составляют операторы и/или узлы информационной системы, на которых лежит обязанность обеспечения соответствия процедуры эмиссии электронных данных и, в предусмотренных законом случаях, внесения записей об этих данных в информационную систему ее установленным правилам. Они обеспечивают, чтобы процедура выпуска цифровых данных, а также, где это определено законом, внесение сведений о них в систему соответствовали установленным правилам.

Следовательно, действующее законодательство не позволяет однозначно отнести цифровые активы ни к одной из категорий, которые перечислены в статье 290 УК РФ, что порождает неопределенность в вопросе о возможности их признания предметом взятки.

Отсутствие четко определенного правового статуса цифровых активов влечет за собой ряд трудностей при квалификации деяний, связанных с их передачей в качестве взятки. Прежде всего, возникает вопрос о том, может ли передача циф-

ровых активов рассматриваться как «получение взятки» в рамках статьи 290 УК РФ. Как уже упоминалось ранее, диспозиция данной статьи предусматривает ответственность за получение денег, ценных бумаг, иного имущества, либо в виде незаконного оказания услуг имущественного характера, предоставления имущественных прав. Если исходить из предположения, что цифровые активы представляют собой «иное имущество», то их передача в качестве взятки может быть квалифицирована по статье 290 УК РФ. Однако подобный подход требует признания цифровых активов имуществом в гражданско-правовом смысле, что, как было показано ранее, является предметом дискуссий. Если же рассматривать цифровые активы как «имущественные права», то их передача также может быть квалифицирована по статье 290 УК РФ. Вместе с тем, в этом случае необходимо установить, что передаваемые цифровые активы представляют собой именно имущественные права, то есть права требования к эмитенту или иному обязанному лицу. Если цифровые активы не будут признаны ни имуществом, ни имущественными правами, их передача в качестве взятки не может быть квалифицирована по статье 290 УК РФ. В таком случае потребуются внесение изменений в уголовное законодательство, прямо предусматривающих ответственность за получение взятки в виде цифровых активов.

Вторая проблема заключается в определении момента окончания преступления. При передаче взятки в виде цифровых активов момент окончания преступления может трактоваться по-разному, в зависимости от того, как определяется правовая природа цифровых активов. Если цифровые активы рассматриваются в качестве «иного имущества», то преступление следует считать оконченным в момент фактического зачисления цифровых активов на криптокошелек взяткополучателя. Если же цифровые активы рассматриваются как «имущественные права», то момент окончания преступления может определяться моментом получения взяткополучателем возможности распоряжаться цифровыми активами, например, моментом получения приватного ключа от криптокошелька.

Расследование уголовных дел о взяточничестве, где предметом выступают цифровые активы, связано с рядом специфических сложностей. Эти сложности обусловлены особенностями функционирования криптовалют и иных цифровых активов. Одной из ключевых проблем является доказывание факта передачи и получения взятки в форме цифровых активов. В отличие от традиционных форм взяточничества, при которых факт передачи денежных средств или иного имущества может быть зафиксирован посред-

ством проведения оперативно-розыскных мероприятий, транзакции с цифровыми активами осуществляются в децентрализованной среде, при этом, зачастую, носят анонимный характер. Для доказывания факта передачи взятки в форме цифровых активов необходимо установить криптокошельки взяткодателя и взяткополучателя, а также подтвердить факт перевода цифровых активов между этими кошельками. Данные действия могут быть осуществлены путем анализа данных блокчейна, в котором хранится информация обо всех транзакциях с цифровыми активами. Однако анонимность транзакций, а также использование миксеров и иных средств сокрытия информации о владельцах криптокошельков существенно затрудняют выполнение этой задачи.

Кроме того, возникают затруднения, связанные с идентификацией владельцев криптокошельков. Для установления личности взяткодателя и взяткополучателя может потребоваться проведение комплекса оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий, которые направлены на получение информации о пользователях криптобирж, а также иных платформ, предоставляющих услуги по обмену и хранению цифровых активов. Еще одна проблема связана с определением стоимости цифровых активов, которые были переданы в качестве взятки. Волатильность курсов криптовалют, а также отсутствие унифицированного подхода к оценке стоимости иных цифровых активов существенно затрудняют определение размера взятки, что, в свою очередь, имеет определяющее значение для квалификации преступления, а также назначения наказания. Для решения данной проблемы могут применяться различные методы оценки стоимости цифровых активов, которые основываются на рыночных котировках, экспертных оценках или иных данных. При этом выбор конкретного метода оценки должен быть обоснован в каждом конкретном случае с учетом всех обстоятельств дела.

В ряде зарубежных стран уже имеется определенный опыт в сфере регулирования оборота цифровых активов, а также борьбы с их использованием в коррупционных целях. В частности, в Соединенных Штатах Америки Комиссия по ценным бумагам и биржам (SEC) рассматривает некоторые виды цифровых активов как ценные бумаги, что влечет за собой применение к ним соответствующего законодательства, в том числе в части, относящейся к ответственности за коррупционные преступления [12]. В Европейском Союзе действует Пятая директива по борьбе с отмыванием денег (5AMLD), которая распространяет требования по идентификации клиентов, а также мониторингу транзакций на постав-

щиков услуг, которые связаны с виртуальными валютами [13]. В Японии криптовалюта признается законным платежным средством, а операции с ними регулируются законодательством о платежных услугах [14]. Изучение зарубежного опыта может быть полезным для совершенствования российского законодательства, а также правоприменительной практики в сфере противодействия коррупционным преступлениям, которые совершаются с использованием цифровых активов.

На основании проведенного анализа представляется целесообразным сформулировать следующие предложения по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики.

Во-первых, первоочередным направлением совершенствования законодательства в рассматриваемой сфере представляется модификация Уголовного кодекса Российской Федерации. В частности, целесообразно инкорпорировать в статью 290 УК РФ, регламентирующую ответственность за получение взятки, положение, устанавливающее наказуемость данного деяния, совершенного с использованием цифровых активов. Под цифровыми активами, в целях реализации предлагаемых изменений, надлежит понимать не только цифровые финансовые активы и цифровую валюту в интерпретации, установленной Федеральным законом № 259-ФЗ, но и иные цифровые права, легитимность которых признается на основании положений федерального законодательства. Расширительное толкование термина «цифровые активы» обусловлено необходимостью охвата всего спектра объектов, которые потенциально могут быть использованы в качестве предмета взятки в цифровой среде.

Во-вторых, внести изменения в Федеральный закон № 259-ФЗ, предусмотрев обязанность операторов информационных систем, в которых осуществляется выпуск цифровых финансовых активов, и операторов обмена цифровых финансовых активов идентифицировать пользователей и предоставлять информацию о транзакциях с цифровыми активами по запросам правоохранительных органов в случаях, предусмотренных законодательством о противодействии коррупции.

В-третьих, разработать методические рекомендации по расследованию дел о взяточничестве с использованием цифровых активов, в которых урегулировать вопросы, связанные с доказыванием факта передачи и получения взятки в форме цифровых активов, определением их стоимости, а также взаимодействием с компетентными органами иностранных государств по вопросам оказания правовой помощи по уголовным делам данной категории.

В-четвертых, в рамках совершенствования законодательства о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма, рассмотреть вопрос о распространении требований данного законодательства на операции с цифровыми активами, в том числе в части, касающейся идентификации клиентов и мониторинга транзакций.

В-пятых, Пленуму Верховного Суда РФ подготовить разъяснения по вопросам квалификации преступлений, связанных с использованием цифровых активов в качестве предмета взятки, уделив особое внимание определению момента окончания преступления и вопросам оценки стоимости цифровых активов.

Выводы. Заключение.

Применение цифровых активов как средства для дачи взятки представляет собой серьезную проблему для правоохранительной системы. Неопределенность правового статуса цифровых активов, анонимность транзакций и изменчивость их курсов создают существенные трудности для квалификации таких деяний, доказывания факта передачи и получения взятки, а также определения ее размера. Для повышения эффективности борьбы с коррупционными преступлениями, совершаемыми с применением цифровых активов, требуется совершенствование законодательства и правоприменительной практики. Внесение изменений в уголовное законодательство, законодательство о цифровых финансовых активах, а также о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, наряду с разработкой методических рекомендаций по расследованию дел данной категории и подготовкой соответствующих разъяснений Пленума Верховного Суда РФ позволят сформировать правовую основу для эффективного противодействия использованию цифровых активов в коррупционных целях. Дальнейшее доктринальное исследование проблем, связанных с использованием цифровых активов в преступной деятельности, а также обобщение правоприменительной практики по данной категории дел будут способствовать выработке новых подходов к противодействию коррупции в условиях цифровой экономики.

Список литературы:

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // Собрание законодательства РФ, 17.06.1996, № 25, ст. 2954.
[2] Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные

законодательные акты Российской Федерации» (ред. от 25.10.2024) // Собрание законодательства РФ, 03.08.2020, № 31 (часть I), ст. 5018.

[3] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ, 05.12.1994, № 32, ст. 3301.

[4] Федеральный закон от 18.03.2019 № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 25.03.2019, № 12, ст. 1224.

[5] Шаймарданов Т.Р., Погодин А.В. Криптовалюта как объект гражданских прав // *Universum: экономика и юриспруденция*. 2022. №12-1 (99). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriptovalyuta-kak-obekt-grazhdanskih-prav> (дата обращения: 13.01.2025).

[6] Савельев, А. И. Криптовалюты в системе объектов гражданских прав / А. И. Савельев // *Вестник гражданского права*. – 2021. – № 3. – С. 30-63.

[7] Никонов П.В. Цифровые финансовые активы и цифровая валюта, как предмет взяточничества // *Искусство правоведения. The art of law*. 2023. №1 (5). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovye-finansovye-aktivy-i-tsifrovaya-valyuta-kak-predmet-vzyatochnichestva> (дата обращения: 13.01.2025).

[8] Асатрян Х.А., Христюк А.А. Проблемы определения предмета взяточничества и особенности его выявления в современных реалиях // *Всероссийский криминологический журнал*. 2022. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-opredeleniya-predmeta-vzyatochnichestva-i-osobennosti-ego-vyyavleniya-v-sovremennyh-realiyah> (дата обращения: 13.01.2025).

[9] Коренная А.А., Тыдыкова Н.В. Криптовалюта как предмет и средство совершения преступлений // *Всероссийский криминологический журнал*. 2019. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriptovalyuta-kak-predmet-i-sredstvo-soversheniya-prestupleniy> (дата обращения: 13.01.2025).

[10] Тарновский А.А., Коваленко Е.В., Мазняк В.К. Проблемы квалификации преступления при даче взятки в криптовалюте // *Образование и право*. 2022. №11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-kvalifikatsii-prestupleniya-pri-dache-vzyatki-v-kriptovalyute> (дата обращения: 13.01.2025).

[11] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 N 24 (ред. от 24.12.2019) «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» // *Бюллетень Верховного Суда РФ*, N 9, сентябрь, 2013.

[12] U.S. Securities and Exchange Commission. (2022). Report of Investigation Pursuant to Section 21(a) of the Securities Exchange Act of 1934: The DAO.

[13] Directive (EU) 2018/843 of the European Parliament and of the Council of 30 May 2018 amending Directive (EU) 2015/849 on the prevention of the use of the financial system for the purposes of money laundering or terrorist financing, and amending Directives 2009/138/EC and 2013/36/EU.

[14] Payment Services Act. (Act No. 59 of June 24, 2009). (Japan).

Spisok literaturey:

[1] Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 13.06.1996 № 63-FZ (red. ot 28.12.2024) // Sobranie zakonodatel'stva RF, 17.06.1996, № 25, st. 2954.

[2] Federal'nyj zakon ot 31.07.2020 № 259-FZ «O cifrovyyh finansovyh aktivah, cifrovoj valyute i o vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii» (red. ot 25.10.2024) // Sobranie zakonodatel'stva RF, 03.08.2020, № 31 (chast' I), st. 5018.

[3] Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' pervaya) ot 30.11.1994 № 51-FZ (red. ot 08.08.2024) // Sobranie zakonodatel'stva RF, 05.12.1994, № 32, st. 3301.

[4] Federal'nyj zakon ot 18.03.2019 № 34-FZ «O vnesenii izmenenij v chasti pervuyu, vtoruyu i stat'yu 1124 chasti tret'ej Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii» // Sobranie zakonodatel'stva RF, 25.03.2019, № 12, st. 1224.

[5] Shajmardanov T.R., Pogodin A.V. Kriptovalyuta kak ob"ekt grazhdanskih prav // Universum: ekonomika i yurisprudenciya. 2022. № 12-1 (99). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriptovalyuta-kak-obekt-grazhdanskih-prav> (data obrashcheniya: 13.01.2025).

[6] Savel'ev, A. I. Kriptovalyuty v sisteme ob"ektov grazhdanskih prav / A. I. Savel'ev // Vestnik grazhdanskogo prava. – 2021. – № 3. – S. 30-63.

[7] Nikonov P.V. Cifrovye finansovye aktivy i cifrovaya valyuta, kak predmet vzyatochnichestva //

Iskusstvo pravovedeniya. The art of law. 2023. № 1 (5). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovye-finansovye-aktivy-i-tsifrovaya-valyuta-kak-predmet-vzyatochnichestva> (data obrashcheniya: 13.01.2025).

[8] Asatryan H.A., Hristyuk A.A. Problemy opredeleniya predmeta vzyatochnichestva i osobennosti ego vyyavleniya v sovremennyh realiyah // Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal. 2022. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-opredeleniya-predmeta-vzyatochnichestva-i-osobennosti-ego-vyyavleniya-v-sovremennyh-realiyah> (data obrashcheniya: 13.01.2025).

[9] Korennaya A.A., Tydykova N.V. Kriptovalyuta kak predmet i sredstvo soversheniya prestuplenij // Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal. 2019. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriptovalyuta-kak-predmet-i-sredstvo-soversheniya-prestupleniy> (data obrashcheniya: 13.01.2025).

[10] Tarnovskij A.A., Kovalenko E.V., Maznyak V.K. Problemy kvalifikatsii prestupleniya pri dache vzyatki v kriptovalyute // Obrazovanie i pravo. 2022. № 11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-kvalifikatsii-prestupleniya-pri-dache-vzyatki-v-kriptovalyute> (data obrashcheniya: 13.01.2025).

[11] Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 09.07.2013 N 24 (red. ot 24.12.2019) «O sudebnoj praktike po delam o vzyatochnichestve i ob inyh korruptsionnyh prestupleniyah» // Byulleten' Verhovnogo Suda RF, N 9, sentyabr', 2013.

[12] U.S. Securities and Exchange Commission. (2022). Report of Investigation Pursuant to Section 21(a) of the Securities Exchange Act of 1934: The DAO.

[13] Directive (EU) 2018/843 of the European Parliament and of the Council of 30 May 2018 amending Directive (EU) 2015/849 on the prevention of the use of the financial system for the purposes of money laundering or terrorist financing, and amending Directives 2009/138/EC and 2013/36/EU.

[14] Payment Services Act. (Act No. 59 of June 24, 2009). (Japan).

СТАРЧЕНКО Антон Сергеевич,
аспирант, Новосибирский государственный
университет экономики и управления,
e-mail: mail@law-books.ru

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И ПРАВО 2050: КАКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ПОНАДОБИТСЯ В ЭПОХУ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА?

Аннотация. В статье исследуются перспективы развития правового регулирования искусственного интеллекта в контексте ожидаемого появления искусственного общего интеллекта (AGI) к середине 21 века. Автор анализирует фундаментальные проблемы, которые AGI создаст для существующего ныне правовых систем, включая вопросы правосубъектности искусственного интеллекта, механизмов правоприменения и трансформации основных отраслей права. Особое внимание уделяется трем ключевым аспектам: проблеме признания правосубъектности автономных систем, трансформации трудового права и права интеллектуальной собственности в условиях массовой автоматизации.

В работе доказывается, что существующие парадигмы окажутся неадекватными для регулирования отношения с участием AGI, что потребует принципиально новых юридических конструкций. На основе анализа современных тенденций в регулировании искусственного интеллекта и экспертных прогнозов развития технологий предлагается концепция «адаптивного правового регулирования».

Статья содержит сравнительный анализ перспективных моделей регулирования AGI, разрабатываемых в ЕС, США и Китае, а также оценивает возможность создания международно-правовых стандартов для AGI.

Результаты исследования показывают, что к 2050 году потребуются формирование новой междисциплинарной отрасли права – право искусственного интеллекта, которая будет включать специальные нормы о цифровой правосубъектности и защите прав человека в условиях технологической сингулярности. Работа представляет интерес для юристов, специалистов по искусственному интеллекту и политиков, участвующих в формировании стратегий технологического развития.

Ключевые слова: искусственный интеллект, искусственный общий интеллект (AGI), правосубъектность искусственного интеллекта, цифровое право.

STARCHENKO Anton Sergeevich,
Postgraduate student,
Novosibirsk State University of Economics and Management

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND LAW 2050: WHAT KIND OF LEGISLATION WILL BE NEEDED IN THE ERA OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE?

Annotation. The article examines the prospects for the development of legal regulation of artificial intelligence in the context of the expected emergence of artificial general intelligence (AGI) by the middle of the 21st century. The author analyzes the fundamental problems that AGI will create for the existing legal systems, including issues of the legal capacity of artificial intelligence, law enforcement mechanisms and the transformation of the main branches of law. Particular attention is paid to three key aspects: the problem of recognizing the legal capacity of autonomous systems, the transformation of labor law and intellectual property law in the context of mass automation.

The work proves that existing paradigms will be inadequate to regulate relations involving AGI, which will require fundamentally new legal structures. Based on the analysis of modern trends in the regulation of artificial intelligence and expert forecasts of technology development, the concept of “adaptive legal regulation” is proposed.

The article contains a comparative analysis of promising models of AGI regulation developed in the EU, USA and China, and also assesses the possibility of creating international legal standards for AGI.

The results of the study show that by 2050, it will be necessary to form a new interdisciplinary branch of law - the law of artificial intelligence, which will include special rules on digital legal capacity and the protection of human rights in the context of technological singularity. The work is of interest to lawyers, artificial intelligence specialists and politicians involved in the formation of strategies for technological development.

Key words: *artificial intelligence, artificial general intelligence (AGI), legal capacity of artificial intelligence, digital law.*

Современные темпы развития искусственного интеллекта ставят перед правовыми системами всего мира беспрецедентные проблемы, масштаб которых будет только возрастать по мере приближения к середине 21 века.

По данным последних исследований OpenAI, вероятность создания искусственного общего интеллекта (AGI) - систем, превосходящих человеческий интеллект в большинстве когнитивных задач - к 2050 году оценивается в 35-50% [1]. Это потребует не просто адаптации существующих правовых норм, а создания принципиально новых регуляторных подходов и, возможно, формирования совершенно новой отрасли права.

Основная проблема заключается в том, что современные правовые системы создавались для регулирования отношений между людьми или, в крайнем случае, между людьми и простыми техническими системами. AGI же представляет собой качественно новый субъект, обладающий такими характеристиками как способность к самостоятельному обучению и адаптации, элементы самосознания, автономность принятия решений и даже возможность творческой деятельности. Все это делает традиционные правовые конструкции, основанные на принципах вины, умысла и причинно-следственной связи, малоприменимыми к новым реалиям.

Одним из наиболее острых вопросов становится проблема правосубъектности AGI. Европейский парламент еще в 2017 году в своей резолюции по гражданско-правовым нормам в области робототехники рассматривал возможность введения специального статуса «электронного лица» для автономных систем [2]. Однако с AGI ситуация осложняется тем, что такие системы потенциально могут претендовать не на ограниченную, а на полную правосубъектность, сопоставимую с человеческой. Это ставит перед юристами фундаментальные вопросы: может ли AGI быть стороной в договоре, нести ответственность за правонарушения, выступать в суде? Особую сложность представляет проблема деликтоспособности - способности нести ответственность за причиненный вред. Если современные системы искусственного интеллекта рассматриваются как

инструмент в руках человека, то AGI по определению будет обладать значительной автономией в принятии решений, что требует пересмотра традиционных подходов к установлению ответственности.

Не менее значительные изменения произойдут в сфере трудового права. Исследования Frey и Osborne показывают, что к 2050 году AGI сможет заменить 40-60% существующих профессий [3]. Это приведет не только к массовой безработице, но и к появлению принципиально новых правовых феноменов, таких как «робот-работодатель» или «искусственный индивидуальный предприниматель». Уже сейчас обсуждается необходимость введения системы универсального базового дохода, но к середине века потребуются гораздо более радикальные решения, включая возможно пересмотр самой концепции трудовых отношений. Особую проблему составит защита прав «человеческих работников» в условиях конкуренции с AGI, не требующими отдыха, не подверженными стрессу и способными работать 24/7.

Сфера интеллектуальной собственности также ожидают кардинальные изменения. Современные правовые системы уже сталкиваются с проблемами определения авторства произведений, созданных искусственным интеллектом, но с появлением AGI эти вопросы выйдут на новый уровень. Можно ли будет признавать авторские права за системой, способной к самостоятельному творчеству? Как регулировать патенты на изобретения, сделанные AGI без участия человека? Возможным решением может стать разработка модели коллективного авторства или создание специального режима «интеллектуальной собственности искусственного интеллекта».

Разные страны и регионы уже сегодня вырабатывают различные подходы к регулированию искусственного интеллекта, и эти различия будут только усиливаться по мере приближения к эпохе AGI. Европейский подход, вероятно, сохранит свою ориентацию на защиту прав человека и концепцию подчиненности искусственного интеллекта человеческому контролю [2][5]. Американская модель, скорее всего, останется в рамках

принципа технологической нейтральности с акцентом на саморегулирование отрасли и развитие прецедентного права [12].

Китайская система, по всей видимости, пойдет по пути жесткого государственного контроля над AGI с возможным введением систем социального рейтинга для самих искусственных интеллектов [7]. Эти различия могут привести к серьезным правовым конфликтам на международной арене, особенно если AGI начнет пересекать государственные границы в цифровом пространстве.

В качестве перспективных решений уже сейчас предлагаются концепции адаптивного регулирования, включающие динамические правовые нормы, способные эволюционировать вместе с технологиями, регуляторные песочницы для тестирования новых правовых подходов в ограниченной среде, а также системы алгоритмического аудита. На международном уровне обсуждается возможность создания Конвенции ООН по AGI и глобального этического кодекса для искусственных интеллектов [9]. Технические решения могут включать юридически значимые блокчейн-реестры для фиксации действий AGI, встроенные правовые ограничители и системы объяснимого ИИ, способные обосновать свои решения на языке, понятном человеку [10].

К 2050 году, скорее всего, сформируется новая отрасль «права искусственного интеллекта», которая будет включать специальные нормы о цифровой правосубъектности, алгоритмической ответственности и защите прав человека в условиях технологической сингулярности. Эта отрасль будет носить междисциплинарный характер, объединяя традиционную юриспруденцию с компьютерными науками, когнитивистикой и философией. Особое значение приобретет развитие кибернетической юриспруденции - направления, изучающего правовые аспекты взаимодействия человека и искусственного интеллекта. Международные стандарты в этой области станут необходимым условием для предотвращения правовых конфликтов и обеспечения безопасного развития AGI.

Список литературы:

- [1] Bostrom N. Superintelligence: Paths, Dangers, Strategies // Oxford University Press. – 2014. – P. 328.
- [2] European Parliament. Resolution on Civil Law Rules on Robotics (2015/2103(INL)) // URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-8-2017-0051_EN.html (дата обращения: 23.05.2025).
- [3] Frey C.B., Osborne M.A. The Future of Employment: How Susceptible Are Jobs to Computerisation? // Technological Forecasting and Social Change. Vol. 114. – 2021. – P. 254-280.
- [4] OpenAI (2023) // URL: <https://cdn.openai.com/papers/gpt-4.pdf> (дата обращения: 23.05.2025).
- [5] European Commission. Proposal for an AI Liability Directive. COM (2022) // URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex-52022PC0496> (дата обращения: 23.05.2025).
- [6] Tegmark M. Life 3.0: Being Human in the Age of Artificial Intelligence // Knopf. – 2017. – P. 384.
- [7] Artificial Intelligence Index Report 2023 // URL: https://hai-production.s3.amazonaws.com/files/hai_ai-index-report_2023.pdf (дата обращения: 23.05.2025).
- [8] Russell S. Human Compatible: Artificial Intelligence and the Problem of Control // Viking. – 2019. – P. 352.
- [9] UNESCO Recommendation on the Ethics of Artificial Intelligence // URL: <https://www.unesco.org/en/articles/recommendation-ethics-artificial-intelligence> (дата обращения: 23.05.2025).
- [10] US Algorithmic Accountability Act of 2023. // URL: Text - S.2892 - 118th Congress (2023-2024): Algorithmic Accountability Act of 2023 | Congress.gov | Library of Congress (дата обращения: 23.05.2025).
- [11] Dignum V. Responsible Artificial Intelligence: How to Develop and Use AI in a Responsible Way // Springer. – 2019. – P.126.
- [12] Future of Life Institute. Asilomar AI Principles // URL: <https://futureoflife.org/open-letter/ai-principles/> (дата обращения: 23.05.2025).

Spisok literatury:

- [1] Bostrom N. Superintelligence: Paths, Dangers, Strategies // Oxford University Press. – 2014. – P. 328.
- [2] European Parliament. Resolution on Civil Law Rules on Robotics (2015/2103(INL)) // URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-8-2017-0051_EN.html (дата обращения: 23.05.2025).
- [3] Frey C.B., Osborne M.A. The Future of Employment: How Susceptible Are Jobs to Computerisation? // Technological Forecasting and Social Change. Vol. 114. – 2021. – P. 254-280.
- [4] OpenAI (2023) // URL: <https://cdn.openai.com/papers/gpt-4.pdf> (дата обращения: 23.05.2025).
- [5] European Commission. Proposal for an AI Liability Directive. COM (2022) // URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex-52022PC0496> (дата обращения: 23.05.2025).
- [6] Tegmark M. Life 3.0: Being Human in the Age of Artificial Intelligence // Knopf. – 2017. – P. 384.

[7] Artificial Intelligence Index Report 2023 // URL: https://hai-production.s3.amazonaws.com/files/hai_ai-index-report_2023.pdf (data obrashcheniya: 23.05.2025).

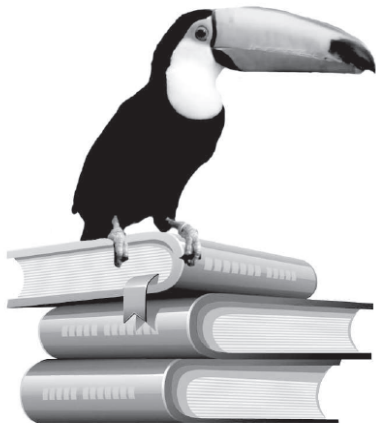
[8] Russell S. Human Compatible: Artificial Intelligence and the Problem of Control // Viking. – 2019. – P. 352.

[9] UNESCO Recommendation on the Ethics of Artificial Intelligence // URL: <https://www.unesco.org/en/articles/recommendation-ethics-artificial-intelligence> (data obrashcheniya: 23.05.2025).

[10] US Algorithmic Accountability Act of 2023. // URL: Text - S.2892 - 118th Congress (2023-2024): Algorithmic Accountability Act of 2023 | Congress.gov | Library of Congress (data obrashcheniya: 23.05.2025).

[11] Dignum V. Responsible Artificial Intelligence: How to Develop and Use AI in a Responsible Way // Springer. – 2019. – P.126.

[12] Future of Life Institute. Asilomar AI Principles // URL: <https://futureoflife.org/open-letter/ai-principles/> (data obrashcheniya: 23.05.2025).

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ
www.law-books.ru

ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Дата поступления рукописи в редакцию: 08.05.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.06.2025 г.

DOI: 10.24412/2224-9133-2025-5-438-442

ТУТУКОВ Альберт Юрьевич,
старший преподаватель кафедры ДООУ,
e-mail: mail@law-books.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ БОРЬБЫ С НЕЛЕГАЛЬНОЙ МИГРАЦИЕЙ

Аннотация. В представленной статье проанализировано современное состояние механизмов борьбы с нелегальной миграцией. Акцентируется внимание на развитии преступной практики организации нелегальной миграции и иных форм содействия незаконному проживанию иностранцев в России, в связи с чем рассмотрены новеллы уголовного законодательства в указанной сфере. На основе проведенного анализа сделан вывод о прогрессивном состоянии современных правовых механизмов борьбы с нелегальной миграцией, и наличии ряда проблем в организационных механизмах. Сформулированы предложения по их решению.

Ключевые слова: нелегальная миграция, причины и условия нелегальной миграции, миграционная политика, организация незаконной миграции, борьба с преступностью.

TUTUKOV Albert Yuryevich,
Senior Lecturer,
Department of Preschool Education

TOPICAL ISSUES OF COMBATING ILLEGAL MIGRATION

Annotation. The presented article analyzes the current state of the mechanisms for combating illegal migration. Attention is focused on the development of the criminal practice of organizing illegal migration and other forms of facilitating the illegal residence of foreigners in Russia, in connection with which the novelties of criminal legislation in this area are considered. Based on the analysis, a conclusion was made about the progressive state of modern legal mechanisms to combat illegal migration, and the presence of a number of problems in organizational mechanisms. Proposals for their solution are formulated.

Key words: illegal migration, causes and conditions of illegal migration, migration policy, organization of illegal migration, fight against crime.

Российская Федерация является привлекательным государством для иностранных граждан, которые достаточно в больших количествах приезжают для реализации различных своих интересов. Трудовая, образовательная и иная миграция активно развиваются в российском государстве. По данным Федеральной службы государственной статистики в 2024 году миграционный прирост в России составил 568,5 тыс. человек – 4,081 млн прибывших минус 3,513 млн выбывших. По сравнению с 2023 годом прирост увеличился в 2,8 раза: тогда превышение прибывших над выбывшими составило 203,6 тыс. человек [4]. Подобная статистика демонстрирует лишь миграционные процессы, осуществленные в соответствии с требованиями действующего

российского законодательства, однако важно отметить, что также наблюдается и существенный рост нелегальной миграции.

Причины миграционных процессов как в случае с легальной, так и в случае с нелегальной миграцией отличаются качественным многообразием, начиная от социально-экономических (например, поиск достойного заработка, улучшение социальных условий) и политических (миграция в связи с политической нестабильностью, вооруженными конфликтами), а заканчивая личностными (поиск развития, образовательные цели). Однако нелегальная миграция имеет существенные негативные последствия, начиная от развития противоправной практики на территории российского государства различной направ-

ленности, и заканчивая усложнением ситуации на рынке труда и перенаселением отдельных регионов.

Под нелегальной миграцией в рамках представленного исследования видится необходимым рассматривать процессы пребывания иностранных граждан и лиц без гражданства на территории российского государства с нарушением требований действующего миграционного законодательства. Важно отметить, что в России предусмотрены различные правовые режимы пребывания и проживания иностранных граждан и лиц без гражданства, что предполагает наличие организационных процедур по их учету. Кроме того, осуществление трудовой и иной профессиональной деятельности в России для указанных лиц также сопряжено с наличием ряда документов и специфики их действия. В связи с вышеизложенным, основными причинами нелегальной миграции являются следующие:

- отсутствие необходимых документов для легального пребывания и проживания на территории российского государства;
- наличие проблем в трудовой и профессиональной деятельности, не позволяющих осуществлять ее в России;
- противоправная деятельность в государстве, гражданином которого является иностранец, а миграция в Россию осуществляется в целях сокрытия от преследования;
- сложности прохождения административных процедур, связанных с миграционным учетом, в том числе из-за несоответствия законным основаниям пребывания и проживания в России;
- незнание законодательных требований и использование опыта других иностранцев, практикующих нелегальную миграцию и т.д.

Важной составляющей развития нелегальной миграции на территории российского государства является наличие организованной противоправной деятельности граждан РФ, которые различными способами содействуют мигрантам в части незаконно пересечения границы и дальнейшего нахождения в России. Подобное содействие осуществляется в следующих формах: организация въезда на территорию РФ или незаконного транзитного проезда, изготовление поддельных документов, фиктивная регистрация по месту жительства, фиктивная постановка на учет и т.д.

Согласно официальной статистике МВД России, в последние годы наблюдается существенный рост преступлений, связанных с нелегальной миграцией. В данном случае речь идет в первую очередь об организации незаконной миграции, что в Российской Федерации является уголовно-наказуемым деянием (ст. 322.1 УК РФ). В 2024 году количество случаев привлечения к

ответственности по указанной статье выросло на 71 % и составило 3320 деяний [3]. Наибольший количественный формат демонстрирует преступная практика по фиктивной постановке на учет иностранцев или лиц без гражданства по месту пребывания в Российской Федерации, ответственность за которую предусмотрена ст. 322.3 УК РФ: в 2024 году данных преступлений было зарегистрировано 36110, что на 3,3 % больше, чем в 2023 году. Практика привлечения к ответственности за фиктивную регистрацию вышеназванных лиц по месту жительства (ст. 322.2 УК РФ) также демонстрирует незначительный прирост – в 2024 году было зарегистрировано 4003 преступления, что на 3,5 % больше показателей 2023 года. Представленная статистика наглядно демонстрирует масштабы распространения преступной практики, связанной с нелегальной миграцией. В рамках данного исследования видится необходимым сконцентрировать внимание непосредственно на вышеназванных преступных деяниях, поскольку именно за счет масштабов и интенсификации их совершения создается благоприятная среда для развития нелегальной миграции в России.

Важно отметить, что в современной правовой науке проведено множество исследований, затрагивающих проблемы нелегальной миграции. Одни правоведы акцентируют внимание на отдельных административных механизмах обеспечения законности миграционных процессов [1, с. 160], другие исследуют современные тенденции совершенствования причин и условий нелегальной миграции [5, с. 35], третьи отмечают угрозы национальной безопасности, создаваемые в рамках развития данного противоправного функционирования иностранных граждан на территории российского государства [2, с. 110]. Все вышеназванные темы обладают высокой степенью научной и практической значимости, однако в рамках представленного исследования видится необходимым сконцентрировать внимание на актуальных вопросах борьбы с незаконной миграцией через призму преступного содействия ее осуществлению.

Борьба с нелегальной миграцией осуществляется за счет совокупности действий органов государственной власти, направленных не только на выявление и пресечение противоправной деятельности, но и на профилактико-предупредительное воздействие, а также минимизацию негативных последствий ее проявлений. В данном случае исходя из анализа статистических данных МВД России следует сделать вывод о том, что выявление и пресечение деятельности, направленной на содействие осуществлению незаконной миграции, обладает высокой степенью эффективности, что позволяет оперативно при-

влекать к ответственности виновных лиц и в некоторой степени снизить доступность услуг по незаконному сопровождению пребывания и проживания иностранцев и лиц без гражданства на территории российского государства вопреки действующим законодательным требованиям.

Привлекательность организационного содействия незаконной миграции со стороны российских граждан ориентировано на получение материальной выгоды от незаконного совершения необходимых для иностранцев юридически значимых действий. Российские граждане в данном случае обладают необходимыми ресурсами (недвижимостью, транспортными средствами, связями с сотрудниками компетентных органов, которые также за вознаграждение совершают противоправные действия). Кроме того, на практике встречаются ситуации так называемого «комплексного» предоставления услуг по организации незаконной миграции, включающих незаконный въезд на территорию РФ и выдачу всех необходимых поддельных документов, в том числе о фиктивной постановке на учет и фиктивной регистрации по месту жительства. Отметим, что в данной сфере спрос рождает предложения, и организация незаконной миграции активно трансформируется под потребности мигрантов.

Борьба с нелегальной миграцией неразрывно связана с эффективностью правового регулирования данной сферы. Важно отметить, что в последние годы в миграционное законодательство было внесено множество изменений, что объективно обусловлено изменением современных миграционных потоков. В контексте возникновения вызовов и угроз национальной безопасности российского государства, развитие преступной практики содействия нелегальной миграции требует своевременного совершенствования института уголовной ответственности в данной сфере. В ноябре 2024 года в уголовное законодательство был внесен ряд значимых изменений:

- ст. 322.1 УК РФ дополнена квалифицирующими признаками – организация незаконного въезда и пребывания на территории РФ: с использованием служебного положения; в целях совершения преступного деяния в РФ или сокрытия другого деяния или облегчения его совершения; с использованием поддельных документов, а также посредством изъятия и (или) уничтожения документов, удостоверяющих личность; с использованием сети «Интернет» [6];
- ст. 322.1 УК РФ дополнена особо квалифицирующим признаком – совершение деяния

организованной группой или в целях совершения тяжких или особо тяжких преступлений на территории российского государства [6];

- закрепление возможности применения конфискации по ст. 322.1 УК РФ в случае совершения деяния из корыстных побуждений [7];
- ужесточение ответственности по ст. 322.1 УК РФ – до 15 лет лишения свободы с возможностью применения дополнительных наказаний в виде штрафа размером до 5 млн. руб. и лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до 10 лет [6];
- ужесточение ответственности по ст. ст. 322.2, 322.3 УК РФ – до 5 лет лишения свободы [6].

С учетом вышеназванных новелл уголовного законодательства видится необходимым охарактеризовать современное состояние института ответственности в анализируемой сфере как соответствующие современным реалиям преступной практики и ее интенсификации. При этом ужесточение уголовной ответственности за организацию незаконной миграции и совершение иных действий в части сопровождения незаконного пребывания иностранцев и лиц без гражданства на территории российского государства одновременно выполняет ряд функций. Во-первых, закрепление соразмерных правовых последствий для виновных лиц. Во-вторых, профилактическое воздействие, проявляющееся в потенциальных правовых последствиях для лиц, которые задумываются о совершении соответствующих деяний. В-третьих, конфискация позволяет возместить ущерб, нанесенный интересам российского государства в связи с распространением подобной противоправной практики.

Однако если правовые механизмы борьбы с нелегальной миграцией характеризуются прогрессивным состоянием, то организационные механизмы в данной сфере демонстрируют ряд проблем, среди которых на наш взгляд основной является относительная эффективность проводимой контрольно-надзорной деятельности в сфере миграции. Подобная ситуация, с одной стороны, объективно обусловлена большой нагрузкой компетентных подразделений в условиях роста миграционных потоков. С другой стороны, в указанном функционировании часто наблюдается формальность проводимых контрольных и надзорных мероприятий, что способствует развитию противоправной практики анализируемой направленности. Кроме того, как отмечалось ранее, сотрудники уполномоченных

на ведение миграционного учета органов вовлекаются в содействие незаконной миграции в различных формах (введение в заблуждение, коррупционные проявления и др.).

Анализируя современные направления борьбы с нелегальной миграцией следует обратить внимание на профилактику и предупреждение развития подобного противоправного поведения. Данная деятельность предполагает, как правило, информационно-просветительскую и консультационную работу с иностранными гражданами и лицами без гражданства, пребывающими на территорию российского государства. Основными аспектами данного функционирования выступает информирование указанных лиц о существующих законодательных требованиях и особенностях их проживания и правомерного поведения. Данная деятельность на практике осуществляется компетентными органами власти и общественными организациями, связанными с правозащитной деятельностью в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства.

В рамках представленного исследования видится целесообразным акцентировать внимание на необходимости развития профилактики и предупреждения распространения преступного поведения, связанного с нелегальной миграцией, среди российского населения. Те лица, которые занимаются организацией незаконной миграции, фиктивными постановками на учет и регистрацией по месту жительства четко осознают противоправность данных действий, однако далеко не все из них в полной мере критически оценивают объем правовых последствий, предусмотренных действующим отраслевым законодательством, в том числе с учетом последних изменений. В данном контексте перспективным представляется активное распространение в СМИ и иных информационных ресурсах сведений о фактах привлечения к ответственности лиц по ст. 322.1 – 322.3 УК РФ.

Сознательное отношение общества к необходимости борьбы с нелегальной миграцией также следует рассматривать в качестве перспективного направления противодействия подобному противоправному функционированию. Активные и ответственные граждане могут осуществлять помощь в части своевременного выявления незаконных мигрантов и лиц, занимающихся организационным содействием таким мигрантам, и сообщать о них в компетентные органы, а именно – территориальные подразделения Главного управления по вопросам миграции МВД России. В условиях повсеместной информатизации и цифровизации соответствующую информацию можно направить даже в удаленном формате, что максимально удобно и

позволяет в кратчайшие сроки привлечь внимание компетентных подразделений к существующим проблемам и организовать оперативное их реагирование. Однако крайне малое количество представителей общественности знают о подобных возможностях, в связи с чем видится целесообразным активизировать подобное информирование населения в целях дальнейшего вовлечения сознательных граждан и общественных организаций в борьбу с нелегальной миграцией и деяниями, осуществляемыми российскими гражданами в целях содействия подобной противоправной практики.

Как отмечалось ранее, масштабное распространение нелегальной миграции в российском государстве создает серьезные угрозы национальной безопасности, которые проявляются в том числе и в увеличении количества преступлений, совершаемых иностранцами и лицами без гражданства, которые незаконно проживают в России. Если в случае миграции с учетом законодательных требований указанные лица подпадают под контрольную деятельность компетентных органов, то в случае с незаконными мигрантами значительно осложнено расследование дел с их участием. Подобные лица на протяжении длительного времени могут совершать противоправные деяния различной степени тяжести и избегать наказания.

Таким образом, на основе проведенного анализа следует сделать вывод о том, что для борьбы с нелегальной миграцией недостаточно взаимодействия исключительно с иностранными лицами и лицами без гражданства, находящимися на территории российского государства вопреки требованиям действующего законодательства. Основное внимание в настоящее время необходимо обратить на развитие преступной практики организации нелегальной миграции и иных форм содействия незаконному проживанию иностранцев в России. Организованный характер и масштабы подобного функционирования в условиях увеличения миграционных потоков создают серьезные угрозы национальной безопасности и стабильному развитию Российской Федерации, что предопределяет приоритетное значение эффективной борьбы с подобным преступным поведением как посредством его выявления и оперативного пресечения, так и в опережающем формате – за счет совершенствования механизмов профилактики и предупреждения распространения противоправных идей указанной направленности среди российского населения.

Список литературы:

[1] Васильева, С. В. Административное выдворение как мера государственно-властного

воздействия на нелегальную миграцию / С. В. Васильева, Н. Н. Федоскин // Вестник экономики и права. 2024. № 95. С. 155-162.

[2] Долгиев, М. М. Защита внутренней национальной безопасности уголовно-правовыми средствами / М. М. Долгиев, М. М. Долгиева // Государство и право. 2024. № 5. С. 108-113.

[3] Состояние преступности в Российской Федерации за январь - декабрь 2024 года // Официальный сайт МВД России. URL: <https://media.mvd.ru/files/application/9209203> (дата обращения: 25.04.2025).

[4] Социально-экономическое положение России 2024 // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Soc_pol_RF-2024.rar (дата обращения: 25.04.2025).

[5] Торбенко, С. Д. Незаконная миграция: причины, последствия и пути преодоления / С. Д. Торбенко // Миграционное право. 2024. № 2. С. 34-36.

[6] Федеральный закон от 09.11.2024 № 383-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2024. № 46. Ст. 6911.

[7] Федеральный закон от 09.11.2024 № 387-ФЗ «О внесении изменения в статью 104.1 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2024. № 46. Ст. 6915.

Spisok literatury:

[1] Vasil'eva, S. V. Administrativnoe vydvorenie kak mera gosudarstvenno-vlastnogo vozdejstviya na nelegal'nuyu migraciyu / S. V. Vasil'eva, N. N. Fedoskin // Vestnik ekonomiki i prava. 2024. № 95. S. 155-162.

[2] Dolgiev, M. M. Zashchita vnutrennej nacional'noj bezopasnosti ugovovno-pravovymi sredstvami / M. M. Dolgiev, M. M. Dolgieva // Gosudarstvo i pravo. 2024. № 5. S. 108-113.

[3] Sostoyanie prestupnosti v Rossijskoj Federacii za yanvar' - dekabr' 2024 goda // Oficial'nyj sajt MVD Rossii. URL: <https://media.mvd.ru/files/application/9209203> (data obrashcheniya: 25.04.2025).

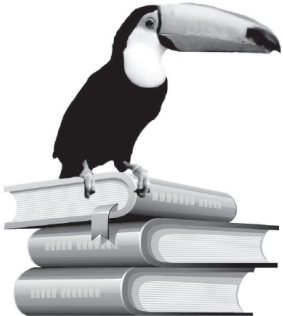
[4] Social'no-ekonomicheskoe polozhenie Rossii 2024 // Oficial'nyj sajt Federal'noj sluzhby gosudarstvennoj statistiki. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Soc_pol_RF-2024.rar (data obrashcheniya: 25.04.2025).

[5] Torbenko, S. D. Nezakonnaya migraciya: prichiny, posledstviya i puti preodoleniya / S. D. Torbenko // Migracionnoe pravo. 2024. № 2. S. 34-36.

[6] Federal'nyj zakon ot 09.11.2024 № 383-FZ «O vnesenii izmenenij v Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii i stat'yu 151 Ugolovno-processual'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii» // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2024. № 46. St. 6911.

[7] Federal'nyj zakon ot 09.11.2024 № 387-FZ «O vnesenii izmeneniya v stat'yu 104.1 Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii» // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2024. № 46. St. 6915.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

НАРЕНКОВА Арина Александровна,
Магистрант Института открытого образования
Финансового университета при Правительстве
Российской Федерации,
e-mail: anarenkova@yandex.ru

НЕУСТОЙКА КАК ЧАСТНО-ПРАВОВОЙ МЕХАНИЗМ ЗАЩИТЫ ПРАВ УЧАСТНИКОВ ДОЛЕВОГО СТРОИТЕЛЬСТВА МНОГОКВАРТИРНЫХ ДОМОВ

Аннотация. В статье рассматривается механизм применения неустойки в целях защиты прав участников долевого строительства. Анализируется природа возникновения неустойки. Рассматриваются виды неустойки. Приводится судебная практика по вопросу взыскания неустойки с застройщиков, основаниям снижения размера неустойки. Исследуется вопрос применения неустойки в период действия моратория. Подчеркивается значение неустойки в качестве меры защиты прав участников долевого строительства.

Ключевые слова: неустойка, долевое строительство, застройщик, участник долевого строительства.

NARENKOVA Arina Alexandrovna,
Master's student of the Institute of Open Education
of the Financial University under the Government
of the Russian Federation

FORFEIT AS A PRIVATE-LAW MECHANISM OF PROTECTION OF RIGHTS OF PARTICIPANTS OF SHARED CONSTRUCTION OF APARTMENT BUILDINGS

Annotation. The article deals with the mechanism of application of forfeit in order to protect the rights of participants of shared construction. The nature of occurrence of forfeit is analyzed. Types of forfeit are considered. Judicial practice on the issue of collecting penalties from developers, grounds for reducing the amount of penalties is given. The question of application of contractual penalty during the moratorium period is studied. The importance of the penalty as a measure of protection of the rights of participants of share construction is emphasized.

Key words: contractual penalty, share construction, developer, participant of share construction.

Введение

Право на жилище является одним из важнейших конституционных прав человека. В настоящее время сохраняется тенденция превосходства городских агломераций над сельскими, что, в свою очередь, делает предпочтительнее строительство и покупку многоквартирных домов над индивидуальным жилищным строительством.

В связи с достаточно высокой стоимостью объектов недвижимости, граждане все чаще приобретают недвижимость посредством участия в долевом строительстве. На данный момент такой способ приобретения объектов недвижимости является одним из самых доступных.

Согласно данным Генеральной Прокуратуры Российской Федерации в 46 регионах пол-

ностью решена проблема восстановления прав участников долевого строительства. Вместе с этим имеют место быть нарушения прав участников долевого строительства. По данным Фонда развития территорий наибольшее количество нарушений прав участников долевого строительства зафиксировано в следующих субъектах: Московская область (22,1 тыс. человек), Ленинградская область (16,3 тыс. человек), Краснодарский край (11,8 тыс. человек), Новосибирская область (5,5 тыс. человек), Красноярский край (4,4 тыс. человек).

В настоящее время в Едином реестре проблемных объектов числятся 93 домов, по которым требуется восстановление прав граждан - участников долевого строительства.

В связи с включением в законодательство норм, направленных на защиту прав участников долевого строительства, применением публично-правовых механизмов защиты, введением федеральных и региональных мер восстановления прав участников долевого строительства, количество нарушений в рассматриваемой сфере уменьшилось, но вместе с тем актуальным вопросом является применение частно-правовых механизмов защиты. Одним из таких механизмов защиты является неустойка.

Цель и задачи

Целью статьи является анализ правовых механизмов взыскания неустойки в части защиты прав участников долевого строительства.

Методы

Методологической основой исследования послужили общенаучные и частно-научные методы – анализ, синтез, аналогия, классификация, дедукция, индукция, конкретизация, обобщение материалов исследования.

Результаты и обсуждение

С этимологической точки зрения термин «неустойка» происходит от глагола «стоять». Данный глагол употреблялся в памятниках древнерусского права как обязательство исполнения своих обещаний. Соответственно, при применении к глаголу частицы «не», получается противоположное значение, которое означает неисполнение своих обязательств.

Неустойка как способ обеспечения исполнения обязательств не является новейшей разработкой российского законодателя. Впервые неустойку применяли во времена расцвета Древнего Рима или *stipulatio poenae*. Неустойка выражалась в устной договоренности уплаты дополнительных денежных средств в случае просрочки уплаты основного обязательства.

В Русской Правде неустойка впервые используется в 47 статье Троицкого списка Пространной редакции. Согласно этой норме с виновного в нарушении обязательства можно было взыскать не только долг, но и штраф при нарушении срока уплаты.

Аналогичные неустойке термины применяются во многих известных средневековых источниках права, например в Судебнике 1497 г., Псковской Судной Грамоте, Соборном Уложении 1649 г.

В Своде Законов Российской Империи неустойка была закреплена в 1913 г. Размер неустойки был жестко оговорен и не подлежал изменению и в судебном порядке.

Гражданский кодекс РСФСР 1922 г. определяет неустойку в качестве альтернативной мерой исполнения обязательств, Гражданский кодекс 1964 г. закрепляет зачетный характер неустойки и определяет, что убытки можно взыскать только в размерах непокрытых неустойкой.

Новый виток развития долевого строительства связан с распадом СССР. В связи с нестабильной экономической ситуацией, дефицитным бюджетом, был разработан механизм строительства многоквартирных домов за счет привлечения средств граждан.

Механизм привлечения средств граждан для строительства многоквартирных домов не был детально урегулирован законодательством, в Гражданском кодексе отсутствовали (и сейчас отсутствуют) положения, регулирующие участие в долевом строительстве, а применялись положения статьи 421, устанавливающей принцип свободы договора, тем самым сложившаяся ситуация позволила застройщикам заключать договоры с гражданами на различных условиях. Это все привело к значительным нарушениям прав граждан, возросло количество недостроенных домов.

В 2004 году был принят Федеральный закон от 30 декабря 2004 года № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости», вступивший в силу 1 апреля 2005 года. Закон регулирует отношения, связанные с привлечением денежных средств на основании договоров участия в долевом строительстве.

Понятие неустойки определено в статье 330 Гражданского кодекса Российской Федерации. Под неустойкой понимается денежная сумма, уплачиваемая в случае неисполнения обязательств стороной, допустившей неисполнение, в пользу другой стороны. Основания уплаты неустойки определяются не только законом, но и могут быть определены договором. Неустойка уплачивается независимо от наличия убытков.

Дискуссионным является вопрос по поводу разграничения понятий неустойки, штрафа и пени. Гражданский кодекс Российской Федерации данные понятия отождествляет. Среди доктринальных позиций имеется единое мнение о том, что вышеупомянутые термины являются разновидностью обязательств, применяемых в случае ненадлежащего или неисполнения обязательств.

Ю.Р. Колдина указывает на то, что пеня и штраф являются разновидностями неустойки и имеют общую правовую природу. [4, с. 212].

Большинство исследователей сходятся на мнении о штрафной природе неустойки. Напри-

мер, Т.И. Илларионова, указывает, что «неустойка выполняет главную функцию штрафного влияния на виновное лицо» [3, с. 69].

В правовой науке имеются различные подходы к классификации неустойки. В.Г. Гриб, Н.В. Балакшин выделяют четыре вида неустойки в зависимости от возможности возмещения убытков: альтернативная, штрафная, зачётная и исключительная [1, с. 84].

Альтернативная неустойка позволяет лицу, чьи права нарушены, осуществить право выбора требования взыскания неустойки или понесенных убытков.

Штрафная неустойка применяется при грубых нарушениях обязательств и позволяет взыскать и неустойку, и убытки со стороны, нарушившей обязательство.

Зачётная неустойка позволяет требовать возмещения убытков, непокрытых неустойкой.

Исключительная неустойка не позволяет взыскать от должника понесенные кредитором убытки.

Авторы выделяют еще два вида неустойки по критерию субъекта установления. По данному критерию различают неустойку, предусмотренную законодательству, и неустойку, предусмотренную договором.

А.В. Шипнягов кроме названных видов неустойки выделяет в самостоятельные виды неустойки судебную неустойку и товарную неустойку [6, с. 89].

В цивилистической науке имеется дискуссия по поводу правовой природы неустойки. Большинство ученых считают, что неустойка является акцессорным обязательством. Вместе с этим имеется мнение о том, что неустойка является мерой гражданско-правовой ответственности. Ставя точку в этой дискуссии Ю.В. Рогова отмечает: «Неустойка представляет собой акцессорное обязательство, которое обеспечивает исполнение главного (основного) обязательства. Одновременно неустойка является также мерой ответственности, которую кредитор применяет к должнику в случае нарушения последним своих обязательств» [5, с. 92].

Федеральный закон от 30 декабря 2004 года № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости» является основным нормативно-правовым актом, регулирующим общественные отношения, возникающие в процессе долевого строительства. Данным Федеральным законом предусмотрена уплата застройщиком законной неустойки в следующих случаях:

1. В соответствии с частью 2 статьи 6 застройщик обязан уплатить неустойку в случае несвоевременной передачи объекта доле-

вого строительства участнику. Размер неустойки составляет одну трехсотую ключевой ставки Банка России, а если участником долевого строительства является физическое лицо, то размер неустойки составляет одну стопятидесятую от ключевой ставки. Застройщик освобождается от уплаты неустойки если нарушение срока передачи объекта долевого строительства было вызвано уклонением участника долевого строительства от подписания акта. Иные размеры неустойки применяются при нарушении срока передачи уникального объекта недвижимости. Так, в случае нарушения передачи объекта на срок не более 30 месяцев, застройщик уплачивает неустойку в размере одной трехсотой ставки, но не более пяти процентов от цены договора.

2. В соответствии с частью 8 статьи 7 застройщик несет обязанность по уплате неустойки за нарушение сроков устранения недостатков объекта, исполнения требований о соразмерном уменьшении цены договора, возмещении затрат участников за устранение дефектов объекта. Размер неустойки рассчитывается от суммы затрат на устранение недостатков и составляет одну трехсотую от ставки рефинансирования. Если участником долевого строительства является физическое лицо, то неустойка уплачивается в двойном размере, но не может превышать сумму, необходимую для устранения недостатков. Размер неустойки рассчитывается от цены договора в случае, если дефекты объекта долевого строительства являются основаниями для признания дома аварийным.

Требование о выплате участнику долевого строительства неустойки обеспечивается залогом.

Согласно статье 333 Гражданского кодекса Российской Федерации размер неустойки может быть снижен, если должник докажет, что ее размер явно несоразмерен последствиями нарушения обязательств.

Московский городской суд в Апелляционном определении от 26.06.2024 № 33-24217/2024 также отказал в удовлетворении требований о взыскании неустойки ссылаясь на то, что в период действия моратория начисление неустойки не осуществляется.

По вопросу снижения размера неустойки, взыскиваемой с застройщиков, суды, в частности Московский городской суд в Апелляционном определении от 22.08.2023 по делу № 33-33782/2023, приходят к выводу о том, что к компетенции судов

первой инстанции относится рассмотрение вопроса об установлении соразмерности размера неустойки с нарушением обязательств.

Н.Б. Игнатова указывает на то, что: «Застройщик обязан представить доказательства, которые однозначно свидетельствуют о несоразмерности неустойки, заявленной истцом, последствиям просрочки исполнения застройщиком своих обязательств» [2, с. 514].

В Определении Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 12.03.2020 по делу № 88-3874/2020 суд указывает на то, что согласие участника долевого строительства на перенос срока ввода объекта в эксплуатацию само по себе не является основанием для снижения неустойки, взыскиваемой с застройщика.

В целях правильного расчета суммы неустойки Верховный Суд в Определении Судебной коллегии по гражданским делам от 01.06.2021 № 10-КГ21-3-К6, 2-460/2020 указывает на то, что расчёт неустойки следует производить от цены договора долевого участия, а не от цены уступки права требования.

В части срока исковой давности по требованиям о взыскании неустойки с застройщика суды указывают на то, что положения Гражданского кодекса, устанавливающие, что, в случае истечения срока исполнения главного требования, то истекает срок исполнения дополнительного требования не применяются, если объект долевого строительства был передан в пределах срока исковой давности. К такому выводу пришел Верховный Суд в Определении Судебной коллегии по гражданским делам от 28.09.2021 № 41-КГ21-29-К4. В мотивировочной части указано, что срок исковой давности по требованию о взыскании неустойки исчисляется отдельно по каждому просроченному платежу, определяемому применительно к каждому дню просрочки.

В настоящее время действует мораторий, освобождающий застройщиков от уплаты неустойки. За последние пять лет мораторий вводился три раза и действовал в следующие сроки:

- 03.04.2020-01.01.2021 (на основании Постановления Правительства РФ от 02.04.2020 № 423);
- 29.03.2022-30.06.2023 (на основании Постановления Правительства РФ от 26.03.2022 № 479);
- 22.03.2024-30.06.2025 (на основании Постановления Правительства РФ от 18.03.2024 № 326).

Такая мера позволяет снизить риск возникновения несостоятельности застройщиков, тем самым снизить процент недостроенного жилья. Вместе с этим, вводимая мера ухудшает права участников долевого строительства.

Верховный суд Российской Федерации в Определении Судебной коллегии по гражданским делам от 25.02.2025 по делу № 5-КГ24-163-К2 разъясняет порядок взыскания неустойки с застройщика в период действия моратория. В рассматриваемом судебном деле застройщиком были нарушены сроки передачи объекта долевого строительства.

Участник долевого строительства после соблюдения претензионного порядка урегулирования споров обратился в суд с требованием о взыскании неустойки за период нарушения срока передачи объекта, компенсации морального вреда, штрафа в размере 50 % от присужденной суммы.

Суд первой инстанции вынес решение о взыскании с застройщика неустойки, компенсации морального вреда и госпошлины, во взыскании штрафа было отказано. При вынесении решения суд ссылаясь на то, что если срок добровольного удовлетворения требований потребителя истекает в период действия моратория, то взыскать штраф от присужденной суммы в соответствии с п. 6 ст. 13 Закона о защите прав потребителей не представляется возможным. Суды апелляционной и кассационной инстанции оставили решение суда первой инстанции в силе.

Верховный Суд Российской Федерации отменил принятые акты по делу в части отказа во взыскании с застройщика штрафа и направил на новое рассмотрение в суд первой инстанции. В мотивировочной части указано, что если срок добровольной уплаты неустойки застройщиком истекает до даты начала действия моратория, то независимо от даты принятия судебного акта требования о взыскании неустойки подлежат удовлетворению с отсрочкой исполнения на дату после окончания действия моратория. Если истечение срока добровольного удовлетворения требований участника долевого строительства приходится на период действия моратория, то требования о взыскании неустойки не подлежат удовлетворению.

Заключение

Можно сделать вывод о том, что неустойка является одним из действенных механизмов защиты прав участников долевого строительства. Анализ законодательства и судебной практики показал, что несмотря на существование данного механизма, участники долевого строительства сталкиваются с некоторыми проблемами во взыскании неустойки.

Таким образом, исследование механизма взыскания неустойки с застройщика является актуальной задачей, которая требует комплексного подхода.

Список литературы:

[1] Гриб В.Г., Балакшин Н.В. Эволюция института неустойки в российском и международном гражданском праве // Юридическая наука. 2024. № 1. С. 84-86

[2] Игнатова Н.Б. Применение судами ст. 333 ГК РФ к спорам, вытекающим из договора участия граждан в долевом строительстве // Уральский журнал правовых исследований. 2019. № 4. С. 509-517.

[3] Илларионова Т.И. Механизм действия гражданско-правовых охранительных мер: учебное пособие / Т.И. Илларионова. – Свердловск: Урал. ун-т. 1980. С. 62-76.

[4] Колдина Ю.Р. Неустойка как способ защиты прав имущественного интереса субъекта // Вопросы российской юстиции. 2021. № 11. С. 209-214.

[5] Рогова Ю.В. К вопросу об обеспечении исполнения застройщиком-банкротом обязательств по договору участия в долевом строительстве неустойкой и сроке исковой давности по требованию о неустойке // Вестник арбитражной практики. 2021. № 4. С. 88 - 98.

[6] Шипнягов А.В. Комплексное исследование сложившихся в доктрине российского гражданского права оснований классификации неустоек и теоретических подходов к выделению отдельных её видов // Международный научный журнал «ВЕСТНИК НАУКИ». 2021. Т. 4. № 3 (36). С. 77-93.

Spisok literatury:

[1] Grib V.G., Balakshin N.V. Evolyuciya instituta neustojki v rossijskom i mezhdunarodnom grazhdanskom prave // Yuridicheskaya nauka. 2024. № 1. S. 84-86

[2] Ignatova N.B. Primenenie sudami st. 333 GK RF k sporam, vytekayushchim iz dogovora uchastiya grazhdan v dolevom stroitel'stve // Ural'skij zhurnal pravovyh issledovaniy. 2019. № 4. S. 509-517.

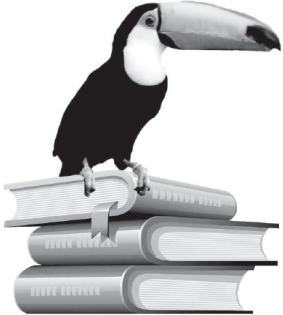
[3] Illarionova T.I. Mekhanizm dejstviya grazhdansko-pravovyh ohranitel'nyh mer: uchebnoe posobie / T.I. Illarionova. – Sverdlovsk: Ural. un-t. 1980. S. 62-76.

[4] Koldina Yu.R. Neustojka kak sposob zashchity prav imushchestvennogo interesa sub»ekta // Voprosy rossijskoj yusticii. 2021. № 11. S. 209-214.

[5] Rogova Yu.V. K voprosu ob obespechenii ispolneniya zastrojshchikom-bankrotom obyazatel'stv po dogovoru uchastiya v dolevom stroitel'stve neustojkoj i sroke iskovoj davnosti po trebovaniyu o neustojke // Vestnik arbitrazhnoj praktiki. 2021. № 4. S. 88 - 98.

[6] Shipnyagov A.V. Kompleksnoe issledovanie slozhivshihsya v doktrine rossijskogo grazhdanskogo prava osnovanij klassifikacii neustoeok i teoreticheskikh podhodov k vydeleniyu otidel'nyh eyo vidov // Mezhdunarodnyj nauchnyj zhurnal «VESTNIK NAUKI». 2021. T. 4. № 3 (36). S. 77-93.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

СИМАЧКОВА Наталья Николаевна,

кандидат исторических наук,
доцент кафедры менеджмента и экономической теории,
ФГБОУ ВО «Уральский ГАУ», г. Екатеринбург,
e-mail: nikolina73@yandex.ru

ЧУПИНА Ирина Павловна,

доктор экономических наук, профессор кафедры философии,
ФГБОУ ВО «Уральский ГАУ», г. Екатеринбург,
e-mail: irinacupina716@gmail.com

ЗАРУБИНА Елена Васильевна,

кандидат философских наук, доцент кафедры философии,
ФГБОУ ВО «Уральский ГАУ», г. Екатеринбург,
e-mail: ethos08@mail.ru

ЖУРАВЛЕВА Людмила Анатольевна,

кандидат философских наук, доцент
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: zhuravleva08@gmail.com

ФЕТИСОВА Анастасия Викторовна,

старший преподаватель,
кафедры менеджмента и экономической теории,
ФГБОУ ВО «Уральский ГАУ», г. Екатеринбург,
e-mail: nikolina73@yandex.ru

К ПРОБЛЕМЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПУБЛИЧНОГО СЕРВИТУТА В ЗЕМЕЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Аннотация. Различные аспекты правового регулирования публичного сервитута в земельном законодательстве представляют собой сложную проблему, требующую внимательного анализа и обобщения. Публичный сервитут является одним из важных институтов земельного права, который обеспечивает государству право пользования определенной частью земельного участка для общественных нужд. В связи с изменяющимися социально-экономическими условиями и появлением новых потребностей общества, необходимо постоянное совершенствование законодательства, регулирующего данный вид отношений.

Анализ существующих нормативных актов и практики применения публичного сервитута позволяет выявить необходимость внесения изменений и дополнений в действующее законодательство. Важно учесть интересы всех заинтересованных сторон – как государства, так и обладателей земельных участков, на которых может быть установлен публичный сервитут. Необходимо также обеспечить баланс между общественной пользой и защитой частных прав собственности на земельные участки.

В статье рассматриваются проблемы правового регулирования публичных сервитутов в земельном законодательстве. Публичный сервитут устанавливается нормативно-правовыми актами РФ, субъекта РФ, органов местного самоуправления в случаях, если это необходимо для обеспечения интересов государства, местного самоуправления или местного населения, без изъятия земельных участков.

Ключевые слова: сервитут, публичный сервитут, частный сервитут, Гражданский кодекс, Земельный кодекс.

SIMACHKOVA Natalia Nikolaevna,

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
of the Department of Management and Economic Theory,
Ural State Agrarian University, Yekaterinburg

CHUPINA Irina Pavlovna,
Doctor of Economics,
Professor of the Department of Philosophy,
Ural State Agrarian University, Yekaterinburg

ZARUBINA Elena Vasilyevna,
Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor of the Department of Philosophy,
Ural State Agrarian University, Yekaterinburg

ZHURAVLEVA Lyudmila Anatolyevna,
Candidate of Philosophy, Associate Professor
Ural State agricultural university

FETISOVA Anastasia Viktorovna,
Senior Lecturer,
Department of Management and Economic Theory,
Ural State Agrarian University, Yekaterinburg

ON THE PROBLEM OF LEGAL REGULATION OF PUBLIC EASEMENT IN LAND LEGISLATION

Annotation. Various aspects of the legal regulation of public easement in land legislation are a complex problem that requires careful analysis and discussion. Public easement is one of the important institutions of land law, which provides the state with the right to use a certain part of the land for public needs. Due to the changing socio-economic conditions and the emergence of new needs of society, it is necessary to continuously improve the legislation governing this type of relationship.

An analysis of existing regulations and the practice of applying public easement makes it possible to identify the need for amendments and additions to the current legislation. It is important to take into account the interests of all stakeholders – both the state and the owners of land plots on which a public easement may be established. It is also necessary to ensure a balance between the public benefit and the protection of private land ownership rights.

The article discusses the problems of legal regulation of public easements in land legislation. A public easement is established by regulatory legal acts of the Russian Federation, a subject of the Russian Federation, and local self-government bodies in cases where it is necessary to ensure the interests of the state, local self-government, or the local population, without seizing land.

Key words: easement, public easement, private easement, Civil Code, Land Code.

Сервитут (от латинского *servitus, servitutis* — подчинённое положение) — ограниченное право пользования чужой вещью в земельных отношениях (в дореволюционной русской правовой терминологии — право участия частного). Право ограниченного пользования чужим земельным участком (сервитут) регулируется статьей 23 Земельного кодекса РФ[1].

Древнейшее римское право уже предусматривало сервитут, как фиксированное в обычаях или законе и строго ограниченное право пользования чужой вещью. Наиболее древними и существенными были сервитуты, предусматривающие следующие права: проход через соседний участок, провоз груженых повозок, прогон скота, отвод воды с участка соседа.

Помимо этого: предписывалось принятие мер к собственнику участка, если тень деревьев, расположенных на нем, причиняла вред сосед-

нему участку; разрешалось собирать падающие с соседнего участка желуди; существовал пастбищный сервитут. В отношении городских земель примером сервитутов были следующие права: пристройка к чужому дому; право опереть свою стену на стену дома соседа; право владельца участка на то, чтобы не позволять соседу своими застройками создавать затенения, ухудшать общий вид и т. п.

Земельная реформа 90-х годов XX столетия привела к возникновению прав на землю, таких как частная собственность, аренда. Также для граждан появилось право пожизненного наследуемого владения земельными участками. Указанные права на землю были предусмотрены Земельным кодексом РСФСР от 1991 года, другими принятыми в тот период законами и указами Президента Российской Федерации. Восстановления института сервитутов нормативные право-

вые акты, которые были приняты в начальной (активной) стадии земельной реформы, не предусматривали.

Первое упоминание сервитута в постсоветском законодательстве содержалось в Указе Президента Российской Федерации «Об Основных положениях Государственной программы приватизации государственных и муниципальных предприятий в Российской Федерации после 1 июля 1994 года», в пункте 4.10 которого предусматривалось, что для продаваемых застроенных земельных участков устанавливаются публичные сервитуты, в соответствии с которыми собственники этих участков должны обеспечить: безвозмездное и беспрепятственное использование объектов общего пользования; возможность доступа на участок соответствующих муниципальных служб для ремонта объектов инфраструктуры; возможность размещения на участке межевых и геодезических знаков и подъездов к ним. Однако, понятие «сервитут» указанный выше документ не раскрывал[1].

Появление земельного сервитута в современном отечественном праве связано с принятием первой части Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), в главе 17 которого достаточно детально определены содержание сервитута, особенности его установления, сохранения при переходе прав на обремененный им участок, прекращения, а также обременения сервитутом зданий и сооружений (статьи 274–277). Хотя нормы указанной главы не вступали в силу до 2001 года, институт сервитута был восстановлен. Также это право предусматривали иные (действовавшие с 1994 года) нормы ГК РФ (статьи 131, 216 и другие) и принятые в 1990-е годы федеральные законы[2].

ГК РФ относит сервитут к вещным правам, что позволяет распространить на этот институт все признаки вещных прав – вещь, как объект, бессрочность, право следования, абсолютная защита вещных прав и др.[3].

Однако, окончательное формирование института земельных сервитутов в его нынешнем виде произошло в результате принятия Земельного кодекса Российской Федерации в 2001 году (далее – ЗК РФ), статья 23 которого разделила земельные сервитуты на частные (устанавливаемые в соответствии с гражданским законодательством) и публичные, подробно урегулировав основания и порядок их установления[1].

Частный сервитут относится к частным лицам и организациям, которые урегулируют свои правоотношения в процессе эксплуатации соседних участков. Публичный сервитут устанавливается в таких случаях, когда речь идет об интересах государства в целом, отдельных его органов или местного населения.

В отличие от частного сервитута, устанавливаемого либо соглашением сторон, либо на основании решения суда, публичный сервитут устанавливается органами власти или местного самоуправления.

В настоящее время недостаточно четко определена правовая природа сервитута. Ни в Гражданском кодексе РФ, ни в Земельном кодексе РФ не прописано понятие (определение) сервитута. Понимание сервитута как явления строится через признаки или через цели, для чего или ради чего он устанавливается. Отсюда следует вывод, что сервитут ограничивает права собственника вещи, в силу того, что другое лицо не имеет возможности пользоваться своим имуществом не иначе как путем ограничения прав другого собственника. Но на практике не всегда суды устанавливают, была ли возможность использования имущества без установления сервитута[2].

Сервитут возникает в силу договора, акта публичного органа власти (прим. авторов – акт государственного органа или органа местного самоуправления не нуждается в государственной регистрации. При этом возникающее на его основе право на сервитут вступает в силу только после его регистрации в ЕГРП) или в силу судебного. Так, например, истцы обратились в суд с иском к ООО «Евроком», в котором просят признать внесенные в государственный кадастр сведения о местоположении границ земельного участка с кадастровым номером ..., расположенного по адресу: <адрес>, район <адрес>, кадастровой ошибкой, исключив из государственного кадастра сведения о местоположении границ данного земельного участка.

Кроме того, истица просит предоставить право ограниченного пользования (сервитут) частью принадлежащего ООО «Евроком» на праве собственности земельного участка с кадастровым номером ... в границах существующего проезда для обеспечения прохода (проезда) через земельный участок к земельному участку с кадастровым номером ..., расположенному по адресу: местоположение установлено относительно ориентира, расположенного в границах участка, почтовый адрес ориентира: <адрес>, район <адрес>, без ограничения по времени.

К земельным участкам, принадлежащим истцам на праве собственности, существует единственный подъезд через земельный участок, принадлежащий ООО «Евроком». В связи с этим истцы просят предоставить им право ограниченного пользования частью земельного участка с кадастровым номером ... для организации прохода и проезда к своим земельным участкам [6].

Что касается судебного акта как основания возникновения сервитута, то по мнению М. А.

Рожковой, судебный акт приводит к возникновению обязательственного правоотношения только в сочетании с иными юридическими фактами.

Мы считаем, что следует не согласиться с М.А. Рожковой, так как, в силу ст. 8 ГК РФ, гражданские права и обязанности могут возникать и из судебного решения. Законодатель, включив судебное решение в перечень оснований для возникновения гражданских прав и обязанностей, тем самым устранил спорность в дискуссии о возможности признания судебного решения в качестве юридического факта, порождающего возникновение сервитутных отношений [2].

Так, если собственник отказывается заключить договор об установлении сервитута или стороны не могут прийти к соглашению о его условиях, то сервитут может быть установлен на основании вступившего в силу судебного решения. В этом случае истец должен доказать, что оптимальное использование земли или иной недвижимости невозможно без обременения сервитутом чужого недвижимого имущества. Так, суд может установить сервитут, учитывая экспертным путём обоснованное отсутствие реальной разумной возможности обеспечения правомерных потребностей истца иным способом. Основанием установления сервитута является необходимость обеспечения в том числе прохода и проезда через соседний земельный участок [3].

При этом в качестве условия установления сервитута закон требует, чтобы эти нужды не могли быть обеспечены без ограничения прав собственника. Кроме того, собственник недвижимости, требующий установления сервитута, должен обосновать и документально подтвердить необходимость предоставления ему ограниченного права пользования соответствующим земельным участком для определенных целей и невозможность использовать свое имущество без установления права ограниченного пользования испрашиваемым земельным участком; а также то, что осуществление сервитута будет наименее обременительным для земельного участка, в отношении которого заявлена просьба об установлении сервитута. Так, по одному из дел ответчик отказался в добровольном порядке от заключения соглашения об установлении частного временного сервитута, при этом не представил доказательств, свидетельствующих о наличии иного способа беспрепятственно пользоваться принадлежащим истцу недвижимым имуществом; суд с учетом отсутствия доказательств нарушения прав ответчика как собственника земельного участка с кадастровым номером ..., в случае установления истцу частного сервитута, посчитал необходимым установить сервитут в на условиях, предложенных истцом (границы, стоимость) [4].

Таким образом, еще раз подтверждается теоретический вывод, что для суда важнейшим критерием принятия решения об установлении сервитута являются требования законности, разумности, справедливости и целесообразности его установления: не лишает ли обременение сервитутом собственника спорного земельного участка возможности владеть, пользоваться и распоряжаться своим земельным участком?

Кроме вышеизложенного, возникают иные вопросы регулирования сервитута. В частности, в российском законодательстве отсутствует четкое понимание правовой природы и юридических (правовых) характеристик договора об установлении сервитута [5].

Вместе с тем, при проведении анализа земельных споров, решаемых органами местного самоуправления, наблюдается несовершенство земельного законодательства, которая проявляется в том, что ЗК РФ акцентирует внимание только на гражданах, а предписания, применяемые уполномоченными органами, содержащие нецелесообразны дублирования отдельных положений. В частности, полномочиями решать земельные споры относительно соблюдения гражданами правил добрососедства наделены как областные, так и сельские, поселковые, городские советы. Чтобы субъекты нарушенных земельных прав могли ориентироваться, в какой орган они могут обратиться за защитой этих прав, на законодательном уровне, в частности в ЗК, необходимо четко и понятно закрепить конкретные критерии разграничения полномочий указанных органов. К тому же, оперируя таким общим термином как «граждане» законодатель вносит путаницу: непонятно, кого именно он имеет в виду - граждан РФ, иностранцев или лиц без гражданства. Этот вопрос можно было бы решить путем принятия на законодательном уровне (по решению земельных споров) термина «физические лица» [7].

К сожалению, современное земельное законодательство не только не предусматривает четкой процедуры рассмотрения советами земельных споров, но и определяет единообразие проведения такой процедуры по сравнению с органами государственной исполнительной власти, хотя известно, что названные органы являются различными по своему правовому статусу.

Для установления публичного сервитута не требуется согласие владельца земельного участка, а так же не заключается с ним и соглашение. Права лиц, использующих земельный участок на основании публичного сервитута, определяются законом или иным нормативным правовым актом, которым установлен данный сервитут (п. 2 ст. 41 ЗК РФ). Публичный сервитут, согласно

п. 2 ст. 23 ЗК РФ, может быть установлен решением исполнительного органа государственной власти или органа местного самоуправления в целях обеспечения государственных или муниципальных нужд, а также для нужд местного населения без изъятия земельных участков[2,3].

В судебной практике содержится довольно большое количество различных дел, суть которых сводится к установлению публичного сервитута [6].

То есть, в данном случае, можно говорить о примере регулирования публичного сервитута, в том числе, с использованием судебного урегулирования. Кроме того, установленный сервитут считается бессрочным, так как право прохода к указанному водному объекту будет осуществляться до тех пор, пока не образуется новый, более благоприятный вариант прохода[5].

По установлению публичного сервитута в судебной практике отмечается следующее:

- если публичный сервитут еще не прошел госрегистрацию, указанное не означает, что лицо, применительно к ЗУ которого устанавливается публичный сервитут, не может обратиться в суд с заявлением об оспаривании документа, которым устанавливается сервитут (п. 35 Обзора судебной практики ВС РФ, утв. Президиумом ВС РФ 28.03.2018 № 1);
- отсутствие нормативного правового документа об установлении публичного сервитута не препятствует собственнику объекта, которому требуется сервитут, использовать возможность его установления в судебном порядке (п. 4 Обзора);
- суды указывают на необходимость опубликования нормативного правового акта, которым устанавливается публичный сервитут (постановление АС МО от 04.07.2018 № Ф05-7784/2018 по делу № А41-70563/2017);
- ТСЖ-1 не может обратиться с иском об установлении публичного сервитута в случаях, если доступ к дому возможен только через арки другого дома, находящегося в ведении ТСЖ-2, поскольку в данном случае имеется в виду защита не публичного, а частного (жильцов ТСЖ-1) интереса (постановление АС УО от 04.07.2018 № Ф09-3404/18 по делу № А50-7657/2017) [6].

Отстоять свои права собственнику при наложении публичного сервитута в реальности очень трудно. Суды первой инстанции часто отклоняют иски. Примером является следующий случай. В границах села N установили публичный временный сервитут на проход граждан (проезд) к водоему и берегу. Собственник М. подал иск в административный суд с намерением оспорить

данный нормативный акт: право ограниченного пользования его земельными участками возникло у неограниченного круга лиц; у местной администрации были другие возможности организации свободного проезда (прохода) к водоему. Первой судебной инстанцией иск был отклонён на том основании, что сервитут не зарегистрирован, а значит официально не существует, и стало быть нет и предмета для спора. М. обратился в следующую инстанцию — Верховный Суд РФ (коллегию по административным делам). Коллегия отменила решение первого суда и возвратило дело на повторное рассмотрение, указав на нарушения: кодекса административного производства КАС (п. 1 ч. 2 ст. 1) о рассмотрении и разрешении гражданских и административных дел, оспаривающих нормативные акты; ч. 1 ст. 208 КАС РФ — о праве граждан и юридических лиц обращаться с исковыми заявлениями, если они считают, что данные нормативные акты нарушают их права и интересы; п. 8, ст. 23 ЗК РФ — о защите своих прав в суде лицами, чьи интересы были нарушены после установления публичного сервитута. Основаниями для пересмотра дела являются: Решение Верховного суда (обзор №35): Даже если публичный сервитут не зарегистрирован в Росреестре, это не может препятствовать рассмотрению искового заявления судом и признанию недействительным нормативного акта, который установил данное обременение. Ст. 47, ч. 2 и 3 постановления N 131-ФЗ, принятое в 2003 г.: Муниципальные НПА вступают в силу сразу после опубликования. Граждане должны иметь возможность ознакомиться с ними (кроме сведений, ограниченных законом) [1].

Земельный сервитут - это право ограниченного пользования чужим земельным участком, он занимает особое место среди вещных прав на землю. Действующее российское законодательство не содержит единый перечень сервитутных прав, однако подразделяет сервитуты на 2 основных типа, публичные и частные. Рассмотрение данного вопроса, выявило только ряд проблем, требующих своего разрешения. Это позволяет сделать вывод о необходимости дальнейшего развития и совершенствования данного института.

Список литературы:

- [1] Земельный кодекс Российской Федерации» от 25.10.2001 N 136-ФЗ
- [2] Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ) от 30 ноября 1994 года N 51-ФЗ
- [3] Градостроительный кодекс Российской Федерации» от 29.12.2004 N 190-ФЗ (ред. от 26.12.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2025)

[4] Беспалов Ю.Ф. Досудебные процедуры урегулирования споров: путеводитель по судебной практике: научно-практическое пособие. Москва: Проспект, 2017. 140 с.

[5] Вахитов Д.Р. Управление земельными ресурсами в городах на основе земельно-кадастровых систем: монография. Москва: Русайнс, 2017. 101с.

[6] Обзор судебной практики по делам об установлении сервитута на земельный участок (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26 апреля 2017 г.)

[7] Постановление от 4 июля 2018 г. по делу № А50-7657/2017 Арбитражный суд Уральского округа (ФАС УО)

Spisok literatury:

[1] Zemel'ny'j kodeks Rossijskoj Federacii" ot 25.10.2001 N 136-FZ

[2] Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (GK RF) ot 30 noyabrya 1994 goda N 51-FZ

[3] Gradostroitel'ny'j kodeks Rossijskoj Federacii" ot 29.12.2004 N 190-FZ (red. ot 26.12.2024) (s izm. i dop., vstup. v silu s 01.01.2025)

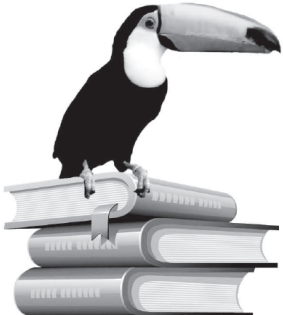
[4] Bepalov Yu.F. Dosudebny'e procedury uregulirovaniya sporov: putevoditel' po sudebnoj praktike: nauchno-prakticheskoe posobie. Moskva: Prospekt, 2017. 140 s.

[5] Vaxitov D.R. Upravlenie zemel'ny'mi resursami v gorodax na osnove zemel'no-kadastry'x sistem: monografiya. Moskva: Rusajns, 2017. 101s.

[6] Obzor sudebnoj praktiki po delam ob ustanovlenii servituta na zemel'ny'j uchastok (utv. Prezidiumom Verxovnogo Suda RF 26 aprelya 2017 g.)

[7] Postanovlenie ot 4 iyulya 2018 g. po delu № А50-7657/2017 Arbitrazhny'j sud Ural'skogo okruga (FAS UO)

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ОБРАЗЦОВА Валентина Игоревна,
кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры гражданского права
Федерального государственного автономного
образовательного учреждения высшего образования
«Московский государственный юридический университет
имени О. Е. Кутафина (МГЮА)»,
адвокат, член Адвокатской палаты
Московской области,
e-mail: v9035285237@gmail.com

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОКАЗАНИЯ ГОСТИНИЧНЫХ УСЛУГ

Аннотация. В статье рассматриваются правовое регулирование оказания гостиничных услуг. Автор исследует проблемы защиты прав потребителей при заключении и исполнении договора о предоставлении гостиничных услуг. В статье содержится анализ судебной практики по рассматриваемым проблемам.

Ключевые слова: потребитель, гостиничная услуга, потребительский договор, договор возмездного оказания услуг, исполнитель, заказчик, договор о предоставлении гостиничных услуг.

OBRAZTSOVA Valentina Igorevna,
candidate of Juridical Sciences,
Senior Lecturer of the Department of Civil Law
of the Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
«Moscow State Law University named after O.E. Kutafin (MSAL)»,
advocate, member of the Moscow region
chamber of Lawyers applicant.

LEGAL REGULATION OF THE PROVISION OF HOTEL SERVICES

Annotation. The article discusses the legal regulation of the provision of hotel services. The author explores the problems of consumer protection when concluding and executing a contract for the provision of hotel services. The article contains an analysis of judicial practice on the issues under consideration.

Key words: consumer, hotel service, consumer agreement, contract for the provision of paid services, contractor, customer, contract for the provision of hotel services.

Оказание гостиничных услуг, в первую очередь, регулируется Гражданским кодексом Российской Федерации (далее - ГК РФ). Более детально требования к данному виду услуг раскрыты в Постановлении Правительства РФ от 18 ноября 2020 г. № 1853 «Об утверждении Правил предоставления гостиничных услуг в российской Федерации» [7] (далее – Правила №1853). Гостиничные услуги предоставляются исполнителем на основании договора.

Договор о предоставлении гостиничных услуг следует считать разновидностью договора возмездного оказания услуг, следовательно, к нему применяются нормы главы 39 ГК РФ. По мнению Л.В. Санниковой суждение о том, что правила главы 39 ГК РФ распространяются на гостиничные услуги, не является корректным.

Такой формальный подход к определению правовой природы данных обязательств, складывающихся в сфере обслуживания, противоречит их существу. В основе гостиничного обслуживания лежит предоставление помещения для временного размещения граждан. Это основная обязанность лица, осуществляющего этот вид деятельности. Услуги, предоставляемые гражданину при размещении в гостинице, являются по своему характеру дополнительными, их характер, перечень, качество зависят, прежде всего, от самого помещения. Здесь объект обязательства является комплексным, поэтому отнесение его к типу обязательств по возмездному оказанию услуг представляется не бесспорным [4].

Договор о предоставлении гостиничных услуг по правовой природе является консенсу-

альным, возмездным, двусторонне обязывающим. В случае заключения договора с потребителем или с заказчиком – физическим лицом, не являющимся индивидуальным предпринимателем, данный договор будет публичным.

Существенным условием договора о предоставлении гостиничных услуг является его предмет. Понятие «гостиничной услуги» определяется в ст. 1 Федерального закона от 24 ноября 1996г. №132-ФЗ «Об основах туристической деятельности в Российской Федерации» [8], согласно которому это комплекс услуг по предоставлению физическим лицам мест для временного проживания в гостинице и иных услуг, предусмотренных Правилами предоставления гостиничных услуг в Российской Федерации, утвержденными Правительством Российской Федерации, которые предоставляются индивидуальными предпринимателями и юридическими лицами. При этом требования к гостиничным услугам, в том числе к их объему и качеству, определяются по соглашению сторон договора о предоставлении гостиничных услуг и не должны противоречить требованиям, установленным федеральными законами или иными нормативными правовыми актами Российской Федерации. По просьбе потребителя без дополнительной оплаты исполнитель обязан обеспечить также следующие виды услуг: вызов скорой помощи; пользование медицинской аптечкой; доставка в номер корреспонденции, адресованной потребителю, по ее получении; побудка к определенному времени; предоставление кипятка; иные услуги по усмотрению исполнителя.

Жмулина Д.А. полагает, что гостиничная услуга представляет собой комплекс действий услугодателя (гостиничной компании), направленный на удовлетворение потребности услугополучателя (постояльца) в комфортном временном размещении в гостинице и связанном с ним обслуживании. Гостиничная услуга обладает следующими признаками: обязательное наличие в содержании гостиничной услуги двух составляющих - материальной составляющей и составляющей обслуживания; гостиничная услуга может быть оказана и потреблена только в специальном месте - в гостинице; обязательное наличие у услугодателя профессионального опыта в области гостеприимства [3]. А.А. Абдурахманов и О.В. Пикуцкая полагают, что гостиничная услуга является комплексной услугой, многогранна, ее нужно рассматривать как единую сложную услугу, в состав которой входят: 1) услуги, предшествующие заключению договора исполнителем с заказчиком (бронирование номера, оформление проживания в гостинице); 2) размещение потребителя в номере, а также оказание услуг, предоставление которых входит в цену номера (места в

номере); 3) дополнительные услуги, в том числе которые не включены исполнителем в цену номера, но они оказываются на территории гостиницы. Эти услуги могут быть предоставлены потребителю за отдельную плату и с его согласия (услуги химчистки, прачечной, массажного кабинета, бара, ресторана, салона красоты, телефонной связи, пункта проката автомобилей, бюро путешествий и экскурсий, сауны, солярия и др.) [1]. И.С. Белоусова в качестве составляющих гостиничной услуги выделяет услуги проживания, питания и дополнительные услуги, перечень которых услуг неограничен и может включать в себя: бронирование и продажу авиа-, железнодорожных билетов, визовую поддержку, заказ такси, услуги прачечной и химчистки, организацию экскурсий, заказ театральных билетов, парковку, услуги СПА, салона красоты и др [2].

Для оказания данного вида услуг у гостиницы должна быть действующая классификация средств размещения, за исключением случаев, предусмотренных ч. 11 ст. 5.1 Федерального закона от 24 ноября 1996г. №132-ФЗ «Об основах туристической деятельности в Российской Федерации». Классификация мест размещения осуществляется в соответствии с Постановлением Правительства РФ от 27 декабря 2024г. № 1951 «Об утверждении положения о классификации средств размещения» [9] (далее – Постановление Правительства РФ №1951), а также Постановлением Правительства РФ от 27 декабря 2024г. № 1952 «Об утверждении Правил классификации средств размещения и Правил формирования и ведения единого реестра объектов классификации в сфере туристской индустрии» [10] (далее – Постановление Правительства РФ №1952).

Средства размещения подразделяются на типы, к которым требования для включения в реестр классифицированных средств размещения установлены в Приложении №1 Постановления Правительства РФ № 1951. Выделяются следующие типы средств размещения:

1. «гостиницы» - средства размещения, в которых предоставляются услуги средств размещения и которые используются для временного размещения и обеспечения временного проживания физических лиц в помещениях (номерах), в том числе многоместных, расположенных в здании (строении), части здания (строения) с отдельным входом или в нескольких зданиях, строениях (корпусах) при условии наличия отдельного входа в здание, строение (корпус), объединенных одной территорией, находящихся под единым управлением юридического лица или индивидуального предпринимателя, осуществляющего деятельность, связанную с использованием

гостиницы, и являющегося собственником (арендатором) средства размещения или лицом, уполномоченным собственником средства размещения или собственниками помещений (номеров) в составе средства размещения. К гостиницам могут относиться отели (городские, загородные, курортные и другие), мотели, ботели, апарт-отели, хостелы, пансионаты и иные аналогичные средства размещения, в том числе модульные некапитальные средства размещения.

2. «санатории» - средства размещения санаторно-курортных организаций, в которых предоставляются услуги средств размещения, услуги по временному проживанию физических лиц в помещениях (номерах), расположенных в здании (зданиях), части здания, и услуги по санаторно-курортному лечению.
3. «базы отдыха» - средства размещения, в которых предоставляются услуги средств размещения, услуги по организации досуга и отдыха и которые используются для временного размещения и обеспечения временного проживания физических лиц в отдельных зданиях, строениях и сооружениях, расположенных на едином земельном участке или смежных земельных участках. К базам отдыха могут относиться туристские базы, «глэмпинги», модульные некапитальные и иные аналогичные средства размещения.
4. «кемпинг» - средства размещения, представляющие собой территорию с обозначенными границами и контролируемым доступом, которая используется для временного размещения физических лиц и обеспечения временного проживания на оборудованных и благоустроенных участках территории, на которых могут предоставляться для размещения в том числе некапитальные строения (сооружения). На территории кемпинга допускается наличие зданий (строений и сооружений) и иного имущества, предназначенного для административно-хозяйственных целей, размещения санитарных узлов, пунктов общественного питания.

Гостиницам и санаториям может быть присвоена определенная категория при условии соответствия определенным требованиям, установленным в Приложении №2 Постановления Правительства РФ № 1951, и балльным оценкам согласно Приложений № 3,4 Постановления Правительства РФ № 1951, в соответствии с Постановлением Правительства РФ № 1952. Для присвоения определенной категории данные сред-

ства размещения оцениваются по системе звезд, в которой высшая категория – «пять звезд», низшая – «одна звезда».

Для всех средств размещения предусматриваются различные категории номеров, используемых для временного размещения физических лиц и обеспечения их временного проживания: номер «высшей категории» (сюит, апартамент, люкс, джуниор сюит, студия), «первая категория (стандарт)», «вторая категория», «третья категория», «четвертая категория», «пятая категория». Требования к каждой категории номера установлены в Постановлении Правительства РФ № 1951.

Статьей 14.39 КоАП РФ предусмотрена ответственность за предоставление гостиничных услуг без свидетельства о присвоении гостинице определенной категории, установленной положением о классификации гостиниц, либо использование в рекламе, названии гостиницы или деятельности, связанной с использованием гостиницы, категории, не соответствующей категории, указанной в таком свидетельстве, в виде предупреждения или наложения административного штрафа на должностных лиц в размере от 30 000 до 50 000 руб.; на юридических лиц - от 1/40 до 1/25 совокупного размера суммы выручки от реализации всех товаров (работ, услуг) за календарный год, предшествующий году, в котором было выявлено административное правонарушение, либо за предшествующую дате выявления административного правонарушения часть календарного года, в котором было выявлено административное правонарушение, если правонарушитель не осуществлял деятельность по реализации товаров (работ, услуг) в предшествующем календарном году, но не менее 50 000 рублей.

На исполнителя возлагается обязанность по доведению до потребителя информации об оказываемых им услугах.

Существенным условием договора о предоставлении гостиничных услуг является цена. Под ценой номера (места в номере) понимается стоимость временного проживания и иных сопутствующих услуг, определенных исполнителем, оказываемых за единую цену. Исполнитель устанавливает цену номера (места в номере), перечень услуг, которые входят в цену номера (места в номере), а также порядок и способы оплаты номера (места в номере). При этом цена номера (места в номере) соответствующей категории должна быть одинаковой для всех потребителей, за исключением случаев, когда законодательством Российской Федерации или локальными нормативными актами исполнителя допускается предоставление льгот и преимуществ для отдельных категорий потребителей.

Возможно установление посуточной и (или) почасовой оплаты проживания. При посуточной оплате проживания плата за проживание в гостинице рассчитывается за сутки, определяемые в соответствии со временем заезда и временем выезда (расчетным часом). При заселении потребителя менее чем за 12 часов до установленного времени заезда (ранний заезд) и последующим проживанием в гостинице исполнитель вправе взимать плату с потребителя в размере, не превышающем плату за половину суток.

Для оказания иных платных услуг, не входящих в цену номера (места в номере), необходимо согласие потребителя. Исполнитель не вправе без согласия потребителя оказывать иные платные услуги, не входящие в цену номера (места в номере). При осуществлении расчетов с потребителем исполнитель выдает потребителю кассовый чек или документ, оформленный на бланке строгой отчетности. При введении государственного регулирования стоимости гостиничных услуг (гостиничного обслуживания) в период проведения мероприятий (церемоний) может быть установлена максимальная стоимость для определенной категории гостиницы.

В договоре о предоставлении гостиничных услуг необходимо определить период проживания в гостинице, а также указать время заезда и время выезда (расчетный час). Исполнитель вправе установить предельный срок проживания в гостинице, одинаковый для всех потребителей. Расчетный час определяется исполнителем с учетом местных особенностей и специфики деятельности. Разница между временем выезда потребителя из номера и заезда потребителя в номер не может составлять более 3 часов.

Договор о предоставлении гостиничных услуг заключается в письменной форме. Соблюдение формы возможно одним из способов:

1. путем составления одного документа (в том числе электронного), подписанного двумя сторонами;
2. подтверждения исполнителем заявки, направленной заказчиком (потребителем) исполнителю;
3. в случае совершения заказчиком (потребителем) действий, направленных на получение услуг (в том числе уплата заказчиком (потребителем) соответствующей суммы исполнителю).

При этом при направлении заявки форма и порядок устанавливаются исполнителем с обязательной возможностью установить, что заявка исходит от заказчика или потребителя. Исполнитель при наличии в заявке даты соответствующих свободных номеров (мест в номере) направляет заказчику уведомление – подтверждение бронирования. С момента получения заказ-

чиком (потребителем) данного уведомления договор считается заключенным. При этом в случае отсутствия свободных номеров, соответствующих заявке, исполнитель вправе отказать в заключении договора.

Интересным представляется следующее судебное дело. Истцом при заселении в гостиницу подписана регистрационная карта, которая признается договором об оказании гостиничных услуг, по условиям которого истец дал согласие произвести оплату гостиничных услуг, подтвердил, что ознакомлен с тарифами, правилами проживания в гостинице и пользование гостиничными услугами, при заселении истец предоставил ответчику паспортные данные, получил электронный ключ от номера, фактически воспользовался гостиничными услугами, ответчик принятые на себя обязательства по предоставлению гостиничных услуг исполнил, пришел к выводу об отсутствии оснований для признания договора оказания гостиничных услуг незаключенным [11].

Сторонами договора о предоставлении гостиничных услуг являются исполнитель и заказчик (потребитель).

Исполнителем могут быть юридические лица, филиалы иностранного юридического лица, включенные в государственный реестр аккредитованных филиалов, представительств иностранных юридических лиц, или индивидуальный предприниматель, предоставляющие потребителю гостиничные услуги. Гостиничная деятельность не относится к видам деятельности, подлежащей лицензированию (ст. 12 Федерального закона от 04 мая 2011 г. № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» [12]), однако в отношении указанной деятельности установлен уведомительный порядок начала осуществления предпринимательской деятельности (п. 1 Приложения № 1 к Правилам представления уведомлений о начале осуществления отдельных видов предпринимательской деятельности и учета указанных уведомлений, утвержденный Постановлением Правительства РФ от 16 июля 2009 г. № 584 [13]).

Заказчиком может выступать физическое или юридическое лицо или индивидуальный предприниматель, имеющие намерение заказать или приобрести либо заказывающие или приобретающие гостиничные услуги в пользу потребителя – физического лица.

Заселение в гостиницу потребителя осуществляется при предъявлении им документа, удостоверяющего личность в соответствии с законодательством Российской Федерации. Для граждан Российской Федерации также может применяться идентификация и (или) аутентификация с использованием единой биометрической системы. Заселение в гостиницу несовершенно-

летних граждан, не достигших 14-летнего возраста, осуществляется на основании документов, удостоверяющих личность находящихся вместе с ними родителей (усыновителей, опекунов), сопровождающего лица (лиц), при условии предоставления таким сопровождающим лицом (лицами) согласия законных представителей (одного из них), а также свидетельств о рождении этих несовершеннолетних граждан. Заселение в гостиницу несовершеннолетних граждан, не достигших 14-летнего возраста, осуществляется на основании документов, удостоверяющих личность находящихся вместе с ними родителей (усыновителей, опекунов), сопровождающего лица (лиц), при условии предоставления таким сопровождающим лицом (лицами) согласия законных представителей (одного из них), а также свидетельств о рождении этих несовершеннолетних граждан. Заселение в гостиницу несовершеннолетних граждан, достигших 14-летнего возраста, в отсутствие рядом с ними законных представителей осуществляется на основании документов, удостоверяющих личность этих несовершеннолетних граждан, при условии предоставления согласия законных представителей (одного из них).

Потребителями могут быть как граждане Российской Федерации, так и иностранные граждане или лица без гражданства, имеющие намерение заказать или приобрести либо заказывающее или приобретающее и (или) использующее гостиничные услуги для личных и иных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности. По месту пребывания в гостинице граждане Российской Федерации подлежат регистрации в соответствии с Правилами регистрации и снятия граждан Российской Федерации с регистрационного учета по месту пребывания и по месту жительства в пределах Российской Федерации, утвержденными постановлением Правительства Российской Федерации от 17 июля 1995 г. № 713 «Об утверждении Правил регистрации и снятия граждан Российской Федерации с регистрационного учета по месту пребывания и по месту жительства в пределах Российской Федерации и перечня лиц, ответственных за прием и передачу в органы регистрационного учета документов для регистрации и снятия с регистрационного учета граждан Российской Федерации по месту пребывания и по месту жительства в пределах Российской Федерации» [14]. Иностранные граждане и лица без гражданства должны быть поставлены на учет по месту пребывания в гостинице, в соответствии с Правилами осуществления миграционного учета иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации, утвержденными постановлением Правительства Российской Федерации от 15 января 2007 г. № 9 «О порядке осуществления

миграционного учета иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» [15].

Заказчику (потребителю) предоставлено право одностороннего отказа от исполнения договора в любое время при условии оплаты исполнителю фактически понесенных им расходов. Данное право является общим и предусмотрено п.1 ст. 782 ГК РФ, ст. 32 Закона РФ от 07 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» [16] (далее – Закон о защите прав потребителей), п. 30 Правил №1853. При этом исполнитель обязан довести до сведения потребителя порядок отмены бронирования.

При этом в одном из судебных дел отмечено, что положениями ст. 782 ГК РФ, ст. 32 Закона РФ от 07 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» и Правил предоставления гостиничных услуг в Российской Федерации, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 18 ноября 2020 г. № 1853 не предусмотрена возможность возврата потребителю уплаченных им по договору оказания услуг денежных средств путем внесения их на какой-либо депозит не предусмотрена возможность возврата потребителю уплаченных им по договору оказания услуг денежных средств путем внесения их на какой-либо депозит... ответчиком не представлено доказательств, подтверждающих несение фактических расходов, связанных с исполнением условий договора, в связи с чем суд признал требования истца о взыскании денежных средств, уплаченных по договору об оказании услуг по бронированию номеров в размере 70 000 руб. обоснованными [17].

В заключении необходимо отметить, что в законодательстве РФ не содержится определения договора о предоставлении гостиничных услуг. Исходя из изложенного можно предложить авторское определение данного договора, а именно по договору о предоставлении гостиничных услуг исполнитель (индивидуальный предприниматель или юридическое лицо) обязуется оказать комплекс услуг по предоставлению физическим лицам мест для временного проживания в гостинице или иных услуг, предусмотренных Правилами предоставления гостиничных услуг в Российской Федерации, утвержденными Правительством Российской Федерации, а заказчик обязуется оплатить эти услуги.

Список литературы:

- [1] Абдурахманов А.А., Пикуцкая О.В. Правовое регулирование оказания гостиничных услуг // Сервис plus. 2010. № 3. С. 34–39.
- [2] Белоусова И.С. Гостиничная индустрия как комплексная составляющая индустрии туризма и гостеприимства. URL: <http://www.moluch.ru/archive/91/19419/>

[3] Жмулина Д.А. Правовое регулирование деятельности по оказанию гостиничных услуг. дис. канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2009. С. 7 - 8.

[4] Санникова Л.В. Услуги в гражданском праве России. М., 2006. С. 89-90.

[5] Определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 25 марта 2025г. № 88-2148/2025// СПС КонсультантПлюс.

[6] Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 28 августа 2024 г. по делу № 88-23404/2024// СПС КонсультантПлюс.

[7] Постановление Правительства РФ от 18 ноября 2020 г. № 1853 «Об утверждении Правил предоставления гостиничных услуг в российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 47. Ст. 7552.

[8] Федеральный закон от 24 ноября 1996г. №132-ФЗ «Об основах туристической деятельности в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1996. № 49. Ст. 5491.

[9] Постановление Правительства РФ от 27 декабря 2024г. № 1951 «Об утверждении положения о классификации средств размещения» // Собрание законодательства РФ. 2025. № 1. Ст. 18.

[10] Постановление Правительства РФ от 27 декабря 2024г. № 1952 «Об утверждении Правил классификации средств размещения и Правил формирования и ведения единого реестра объектов классификации в сфере туристской индустрии» // Собрание законодательства РФ. 2025. № 1. Ст. 19.

[11] Определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 25 марта 2025г. № 88-2148/2025// СПС КонсультантПлюс.

[12] Федеральный закон от 04 мая 2011 г. № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 19. Ст. 2716.

[13] Постановление Правительства РФ от 16 июля 2009 г. № 584 «Об уведомительном порядке начала осуществления отдельных видов предпринимательской деятельности» // Собрание законодательства РФ. 2009. № 30. Ст. 3823.

[14] Постановлением Правительства Российской Федерации от 17 июля 1995 г. № 713 «Об утверждении Правил регистрации и снятия граждан Российской Федерации с регистрационного учета по месту пребывания и по месту жительства в пределах Российской Федерации и перечня лиц, ответственных за прием и передачу в органы регистрационного учета документов для регистрации и снятия с регистрационного учета граждан Российской Федерации по месту пребывания и по месту жительства в пределах Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1995. № 30. Ст. 2939.

[15] Постановлением Правительства Российской Федерации от 15 января 2007 г. № 9 «О порядке осуществления миграционного учета иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2007. № 5. Ст. 653.

[16] Закон РФ от 07 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» // Собрание законодательства РФ. 1996. № 3. Ст. 140.

[17] Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 28 августа 2024 г. по делу № 88-23404/2024// СПС КонсультантПлюс.

Spisok literatury:

[1] Abduraxmanov A.A., Pikuczkaya O.V. Pravovoe regulirovanie okazaniya gostinichny`x uslug // Servis plus. 2010. № 3. S. 34–39.

[2] Belousova I.S. Gostinichnaya industriya kak kompleksnaya sostavlyayushhaya industrii turizma i gostepriimstva. URL: <http://www.moluch.ru/archive/91/19419/>

[3] Zhmulina D.A. Pravovoe regulirovanie deyatel'nosti po okazaniyu gostinichny`x uslug. dis. kand. yurid. nauk. Sankt-Peterburg, 2009. S. 7 - 8.

[4] Sannikova L. V. Uslugi v grazhdanskom prave Rossii. M., 2006. S. 89-90.

[5] Opredelenie Devyatogo kassacionnogo suda obshhej yurisdikcii ot 25 marta 2025g. № 88-2148/2025// SPS Konsul'tantPlyus.

[6] Opredelenie Chetvertogo kassacionnogo suda obshhej yurisdikcii ot 28 avgusta 2024 g. po delu № 88-23404/2024// SPS Konsul'tantPlyus.

[7] Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 18 noyabrya 2020 g. № 1853 «Ob utverzhdenii Pravil predostavleniya gostinichny`x uslug v rossijskoj Federacii» // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2020. № 47. St. 7552.

[8] Federal'nyj zakon ot 24 noyabrya 1996g. №132-FZ «Ob osnovax turisticheskoy deyatel'nosti v Rossijskoj Federacii» // Sobranie zakonodatel'stva RF. 1996. № 49. St. 5491.

[9] Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 27 dekabrya 2024g. № 1951 «Ob utverzhdenii polozheniya o klassifikacii sredstv razmeshheniya» // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2025. № 1. St. 18.

[10] Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 27 dekabrya 2024g. № 1952 «Ob utverzhdenii Pravil klassifikacii sredstv razmeshheniya i Pravil formirovaniya i vedeniya edinogo reestra ob`ektov klassifikacii v sfere turistskoj industrii» // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2025. № 1. St. 19.

[11] Opredelenie Devyatogo kassacionnogo suda obshhej yurisdikcii ot 25 marta 2025g. № 88-2148/2025// SPS Konsul'tantPlyus.

[12] Federal'nyj zakon ot 04 maya 2011 g. № 99-FZ «O licenzirovanii otdeľny`x vidov deyatel'nosti» // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2011. № 19. St. 2716.

[13] Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 16 iyulya 2009 g. № 584 «Ob uvedomitel'nom poryadke nachala osushhestvleniya otdel'ny'x vidov predprinimatel'skoj deyatel'nosti» // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2009. № 30. St. 3823.

[14] Postanovleniem Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 17 iyulya 1995 g. № 713 «Ob utverzhdenii Pravil registracii i snyatiya grazhdan Rossijskoj Federacii s registracionnogo ucheta po mestu prebyvaniya i po mestu zhitel'stva v predelax Rossijskoj Federacii i perechnya licz, otvetstvenny'x za priem i peredachu v organy registracionnogo ucheta dokumentov dlya registracii i snyatiya s registracionnogo ucheta grazhdan Rossijskoj Federacii po mestu

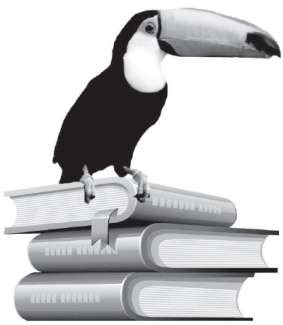
prebyvaniya i po mestu zhitel'stva v predelax Rossijskoj Federacii» // Sobranie zakonodatel'stva RF. 1995. № 30. St. 2939.

[15] Postanovleniem Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 15 yanvarya 2007 g. № 9 «O poryadke osushhestvleniya migracionnogo ucheta inostranny'x grazhdan i licz bez grazhdanstva v Rossijskoj Federacii» // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2007. № 5. St. 653.

[16] Zakon RF ot 07 fevralya 1992 g. № 2300-1 «O zashhite prav potrebitel'ev» // Sobranie zakonodatel'stva RF. 1996. № 3. St. 140.

[17] Opredelenie Chetvertogo kassacionnogo suda obshhej yurisdikcii ot 28 avgusta 2024 g. po delu № 88-23404/2024// SPS Konsul'tantPlyus.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЧЕРНЫХ Никита Валерьевич,
Орловский государственный университет
им. И.С. Тургенева,
e-mail: chernykh.nikita.v@gmail.com

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ПРИМЕНЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО РЕЖИМА ПРИ ЗАКУПКЕ УСЛУГ, РЕЗУЛЬТАТОМ КОТОРЫХ ЯВЛЯЕТСЯ ПОСТАВКА ТОВАРА

Аннотация. В настоящей статье исследуется порядок и рассматривается проблема осуществления закупок услуг по производству продукции, используемых в случае, когда реестр российской промышленной продукции не содержит позиции с техническими характеристиками, соответствующими потребности.

Ключевые слова: государственные закупки, национальный режим, контрактная система.

CHERNYKH Nikita Valeryevich,
Oryol State University named after I.S. Turgenev

ON CERTAIN ISSUES OF APPLICATION OF NATIONAL TREATMENT IN THE PROCUREMENT OF SERVICES RESULTING IN THE DELIVERY OF GOODS

Annotation. This article investigates the procedure and considers the problem of the implementation of procurement of services for the production of products used when the register of Russian industrial products does not contain positions with technical characteristics corresponding to the need.

Key words: public procurement, national treatment, contract system.

В силу действующих положений российского законодательства о государственных и муниципальных закупках, а именно ст. 14 Федерального закона от 05.04.2013 N 44-ФЗ [1] (далее – Закон 44-ФЗ), а также законодательства о закупках отдельных видов юридических лиц, связанных с государством, а именно ст. 3.1-4 Федерального закона от 18.07.2011 N 223-ФЗ [2] (далее – Закон 223-ФЗ) на территории страны действует институт содействия отечественному предпринимательству. Указанные нормы посвящены описанию понятия «Национальный режим», который по общему правилу представляет собой предоставление иностранным производителям, а также лицам, оказывающим услуги и выполняющим работы, равные условия для участия в системе государственных и муниципальных закупок наряду с российскими предпринимателями.

Одновременно с этим, Правительство Российской Федерации наделено полномочиями по принятию в отношении отдельных групп товаров, работ, услуг (далее – ТРУ) специальных мер, направленных на обеспечение импортозамещения и технологического суверенитета государства. К числу таких мер относятся ограничения и

запреты закупок государственными и муниципальными органами, а также бюджетными учреждениями и иными организациями, перечень которых содержится в ч. 2 ст. 1 Закона 223-ФЗ, товаров иностранного происхождения, а также работ и услуг, соответственно выполняемых и оказываемых иностранными лицами. В том случае, если на закупаемые группы товаров не распространяются требования о предоставлении ограничений и запретов на закупки иностранных ТРУ, по общему правилу в отношении российских ТРУ предоставляются преимущества. Запрет в данном случае представляет собой необходимость отказывать от заключения контракта всем участникам, которые предлагают ТРУ иностранного происхождения, а ограничения предписывают заказчикам отклонять от допуска к участию в закупочной процедуре всех участников, которые предлагают к поставке иностранные ТРУ в том случае, когда была подана хотя бы одна заявка на участие (при условии ее соответствия требованиям извещения). Преимущество, в свою очередь, означает предоставление «улучшения» ценового предложения российского участника на пятнадцать процентов, что обеспечивает призна-

ние его победителем в случае, если его базовое предложение без учета преимущества отличается в худшую сторону от предложения иностранного участника менее чем на пятнадцать процентов.

С целью унификации и систематизации разрозненных норм о порядке предоставления преимуществ для отечественных, а также ограничений и запретов для иностранных ТРУ, было принято Постановление Правительства РФ от 23.12.2024 N 1875 [3] (далее – ПП РФ 1875). Данный НПА, помимо прочей информации, содержит сведения о соответствующих группам ТРУ кодах Общероссийского классификатора продукции по видам экономической деятельности (далее – ОКПД2), введенного в действие. ТРУ разделены на два перечня в двух приложениях к ПП РФ 1875, на которые соответственно распространяются запреты и ограничения на закупку иностранных ТРУ.

Несмотря на то, что данный подход за последние годы успел устояться, у него все еще существует ряд проблем и коллизий, которые могут приводить к неоднозначным с правовой точки зрения ситуациям.

Так, запрет и ограничение на закупку иностранных товаров предусматривают условие о необходимости заказчика отклонять от участия в закупке заявки, содержащие предложения о поставке товаров, произведенных за пределами России и ЕАЭС. Подтверждением происхождения такого товара из таких государств является предоставление в составе заявки на участие в закупочной процедуре номера реестровой записи из реестра российской промышленной продукции для товаров, произведенных на территории Российской Федерации или евразийского реестра промышленных товаров государств - членов Евразийского экономического союза для товаров, произведенных на территории любой страны ЕАЭС, за исключением Российской Федерации (далее при совместном упоминании – реестры).

Однако такой порядок предоставления национального режима не всегда возможно соблюсти на практике. Может сложиться ситуация, когда необходимый товар с соответствующими потребностями Заказчика характеристиками не удастся обнаружить в указанных ранее реестрах. В свою очередь, производители зачастую готовы изготавливать продукцию «под заказ», однако вносить каждое уникальное изделие в реестр нередко представляется нецелесообразным из-за нерегулярности такой потребности у заказчиков.

Данная проблема характерна, например, для рынка производства мебели, т.к. зачастую для формирования планировки помещений не всегда подходят готовые решения, а требуется

наличие, например, специфических габаритов, которые не соответствуют характеристикам, заявленным производителями изначально.

В этой связи при условии наличия запрета на закупку иностранных товаров, у заказчика отсутствует возможность соблюсти требования законодательства. При условии наличия ограничений на закупку иностранных товаров, в свою очередь, возникают дополнительные риски участия в конкурентной процедуре недобросовестных поставщиков, которые могут декларировать соответствие предлагаемого товара данным, указанным в реестровой записи при его фактическом несоответствии. В таком случае факт несоответствия подтверждается зачастую лишь на этапе поставки. Учитывая сроки инициации претензионного процесса, расторжения контракта и проведения в дальнейшем новой закупочной процедуры, а также риски повторения аналогичной ситуации уже с другим поставщиком, необходимо наличие порядка, позволяющего отказаться от запретов/ограничений ввиду отсутствия необходимого товара в реестрах.

П-п «а» п. 5 ПП РФ 1875 для таких случаев предусматривает возможность для заказчиков несоблюдения запрета на закупку иностранной продукции при условии наличия соответствующих разрешений Министерства промышленности и торговли РФ, которые предоставляются индивидуально под каждую закупочную процедуру при наличии существенных оснований. Однако у такого способа решения проблемы имеется существенный недостаток – значительное время ожидания подготовки письменно оформленного документа от сотрудников Министерства, что зачастую может не соотноситься с запланированными сроками реализации проектов.

В свою очередь, в п-п. «з» и «и» п. 5 ПП РФ 1875 предусмотрена возможность неприменения запрета при закупках малого объема. Однако данное условие не всегда возможно соблюсти без риска дробления закупки, что также является нарушением требований Закона 44-ФЗ.

В этой связи логичным представляется еще один способ – возможность замены кода ОКПД2 на иной соответствующий предмету закупки, в том числе замена вида предмета закупки. Так, в случае наличия у заказчика потребности в закупке продукции, на которую распространяются запрет или ограничение закупок товаров иностранного происхождения, но при этом реестры не содержат информации о таких товарах с необходимыми характеристиками, возможно заменить предмет закупки на услуги по производству необходимой продукции.

Указанное актуально в том числе при необходимости обеспечения потребности в мебели.

На коды ОКПД2, описывающие мебель как готовую продукцию, распространяются либо ограничения, либо запреты закупок товаров иностранного происхождения. Однако, на услуги по изготовлению мебели соответствующие ограничения не накладываются. В этой связи неприменение ограничения или запрета может считаться легитимным.

Однако на практике зачастую такой подход оценивается как некорректный. Так, Управление федеральной антимонопольной службы по Свердловской области решением по жалобе № 066/06/105-973/2025 [4] установила, что, поскольку ограничения в соответствии с ПП РФ 1875 распространяются в том числе на товары, которые поставляются заказчику при выполнении работ или оказания услуг, такое ограничение следует устанавливать в том числе при закупке услуг по изготовлению такой продукции.

Как указывалось ранее, ПП РФ 1875 предусматривает необходимость применения национального режима в отношении закупок товаров, в том числе поставляемых при выполнении работ и оказании услуг. Стоит учитывать, в рассматриваемом случае товар поставляется не в процессе, а в результате оказания услуг. Однако, законодательство России указанные понятия не разграничивает.

В свою очередь, ФАС России сформировало перечень критериев для признания товара поставляемым. В письме ФАС России от 25.06.2020 N ИА/53616/20 [5] содержится указание на то, что в случае, когда товар передается по акту или по товарной накладной, а также ставится на баланс организации, такой товар следует считать поставляемым. Аналогичной позиции придерживается О. Гурин [6].

Однако, вышеуказанное письмо не разрешает рассматриваемую коллизию в полной мере, т.к. посвящено разграничению понятий «поставляемый товар» и «используемый товар». В этой связи представляется целесообразным разделить понятия «поставляемый в процессе оказания услуг» и «поставляемый в результате оказания услуг».

Также из абз. 1-2 п. 3.1 Информационного письма Минфина России от 31.01.2025 N 24-01-06/8697 [7] следует, что запрет и ограничения распространяются на те ТРУ, которые содержатся в специальных перечнях, а также если их наименования напрямую включены в объект закупки. Учитывая, что объектом закупки в данном случае будет выступать оказание услуги, в результате которого будет поставлен товар, данный вопрос остается неоднозначным.

В связи с вышесказанным, представляется логичным включение в перечни ограничений и

запретов в соответствии с ПП РФ 1875 в том числе и производство разного рода продукции. Такой подход потребует дополнительной адаптации текста Постановления Правительства, однако позволит заказчикам при необходимости чаще взаимодействовать напрямую с изготовителями, что значительно упростит их работу, а также положительно скажется на экономии бюджетных средств за счет снижения количества лиц, участвующих в цепочке увеличения стоимости.

Список литературы:

[1] Федеральный закон от 05.04.2013 N 44-ФЗ (ред. от 26.12.2024) «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // СЗ РФ. 2013. № 14 - Ст. 1652; 2024. № 53 (Часть I), Ст. 8494;

[2] Федеральный закон от 18.07.2011 N 223-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» // СЗ РФ. 2011. № 30 (ч. 1), ст. 4571; 2024. № 33 (Часть II), ст. 5014;

[3] Постановление Правительства РФ от 23.12.2024 N 1875 (ред. от 18.02.2025) «О мерах по предоставлению национального режима при осуществлении закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, закупок товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» // СЗ РФ. 2024. № 53 (Часть I), ст. 8704; 2025. № 8, ст. 776;

[4] Решение УФАС России по Свердловской области по жалобе № 066/06/105-973/2025 // опубликовано на официальном сайте Единой информационной системы в сфере закупок по адресу в сети Интернет <https://zakupki.gov.ru/epz/complaint/card/documents.html?id=2424507>;

[5] Письмо ФАС России от 25.06.2020 N ИА/53616/20 «По вопросу установления требований к составу заявки (поставляемый, используемый товар)» // «Ценообразование и сметное нормирование в строительстве». 2020. N 8;

[6] Гурин О. Ответы на вопросы о применении Постановления Правительства РФ от 23.12.2024 N 1875 // Прогосзаказ.рф. 2025. N 2. С. 69 – 84;

[7] Информационное письмо Минфина России от 31.01.2025 N 24-01-06/8697 «О применении положений постановления Правительства Российской Федерации от 23 декабря 2024 г. N 1875 «О мерах по предоставлению национального режима при осуществлении закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, закупок товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» // «Ценообразование и сметное нормирование в строительстве». 2025. N 3.

Spisok literatury:

[1] Federal'nyj zakon ot 05.04.2013 N 44-FZ (red. ot 26.12.2024) \»O kontraktnoj sisteme v sfere zakupok tovarov, rabot, uslug dlya obespecheniya gosudarstvennyh i municipal'nyh nuzhd\» // SZ RF. 2013. № 14 - St. 1652; 2024. № 53 (Chast' I), St. 8494;

[2] Federal'nyj zakon ot 18.07.2011 N 223-FZ (red. ot 08.08.2024) \»O zakupkah tovarov, rabot, uslug ot del'nymi vidami yuridicheskikh lic\» // SZ RF. 2011. № 30 (ch. 1), st. 4571; 2024. № 33 (Chast' II), st. 5014;

[3] Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 23.12.2024 N 1875 (red. ot 18.02.2025) \»O merah po predostavleniyu nacional'nogo rezhima pri osushchestvlenii zakupok tovarov, rabot, uslug dlya obespecheniya gosudarstvennyh i municipal'nyh nuzhd, zakupok tovarov, rabot, uslug ot del'nymi vidami yuridicheskikh lic\» // SZ RF. 2024. № 53 (Chast' I), st. 8704; 2025. № 8, st. 776;

[4] Reshenie UFAS Rossii po Sverdlovskoj Oblasti po zhalobe № 066/06/105-973/2025 // opub-

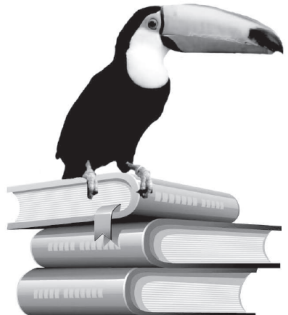
likovano na oficial'nom sajte Edinoj informacionnoj sistemy v sfere zakupok po adresu v seti Internet <https://zakupki.gov.ru/epz/complaint/card/documents.html?id=2424507>;

[5] Pis'mo FAS Rossii ot 25.06.2020 N IA/53616/20 \»Po voprosu ustanovleniya trebovanij k sostavu zayavki (postavlyaemyj, ispol'zuemyj tovar)\» // \»Cenoobrazovanie i smetnoe normirovanie v stroitel'stve\». 2020. N 8;

[6] Gurin O. Otveti na voprosy o primenenii Postanovleniya Pravitel'stva RF ot 23.12.2024 N 1875 // Progoszakaz.rf. 2025. N 2. S. 69 – 84;

[7] Informacionnoe pis'mo Minfina Rossii ot 31.01.2025 N 24-01-06/8697 \»O primenenii polozhenij postanovleniya Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 23 dekabrya 2024 g. N 1875 \»O merah po predostavleniyu nacional'nogo rezhima pri osushchestvlenii zakupok tovarov, rabot, uslug dlya obespecheniya gosudarstvennyh i municipal'nyh nuzhd, zakupok tovarov, rabot, uslug ot del'nymi vidami yuridicheskikh lic\» // \»Cenoobrazovanie i smetnoe normirovanie v stroitel'stve\». 2025. N 3.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

БОНДАРЕНКО Павел Константинович,
Аспирант Российского государственного университета
правосудия имени В.М. Лебедева,
e-mail: mail@law-books.ru

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ РЕГУЛИРОВАНИЯ ОРГАНИЗАЦИИ И ПЕРЕВОЗКИ ГРУЗОВ В ПРЯМОМ СМЕШАННОМ СООБЩЕНИИ

Аннотация. Автором в данной научной статье проводится исследование прямой смешанной перевозки посредством использования нескольких видов транспортно-правовой инфраструктуры, проводится сравнительный анализ с обычными видами перевозки грузов, приводятся требования норм действующего гражданского кодекса и транспортного законодательства.

Проводится анализ различных специфических черт перевозки груза, рассматривается усложненный субъектный состав, специфика ее оформления, особенности исчисления срока и произведения расчетов, проводится анализ общественных отношений, возникающих в процессе организации и осуществления прямых смешанных перевозок, регулируемых нормами гражданского законодательства Российской Федерации.

Ключевые слова: перевозка, сертификация, груз, прямое смешанное сообщение, договор, грузополучатель, грузоотправитель, обязательство, транспортная услуга, грузовладелец, дефиниция, перевалка, транспортная накладная, оператор, комбинированная перевозка, ответственность, закон.

BONDARENKO Pavel Konstantinovich,
Postgraduate student of the Russian State University
of Justice named after V.M. Lebedev

ON SOME FEATURES OF CONTRACTUAL REGULATION OF THE ORGANIZATION AND TRANSPORTATION OF GOODS IN DIRECT MIXED TRAFFIC

Annotation. In this scientific article, the author conducts a study of direct mixed transportation using several types of transport and legal infrastructure, conducts a comparative analysis with conventional types of cargo transportation, provides requirements of the norms of the current civil code and transport legislation, focuses on various specific features of cargo transportation, considers the complex subject composition, the specifics of its execution, features of calculating the term and making payments, analyzes public relations arising in the process of organizing and implementing direct mixed transportation regulated by the norms of the civil legislation of the Russian Federation.

Key words: transportation, certification, cargo, direct mixed traffic, contract, consignee, consignor, obligation, transport service, cargo owner, definition, transshipment, consignment note, operator, combined transportation, liability, law.

Глобализация экономики и интенсификация международных торговых отношений на современном этапе предопределяют возрастающую значимость смешанных видов осуществления перевозок и логистических систем, обеспечивающих бесперебойное перемещение грузов между различными географическими точками.

Прямая смешанная перевозка (ПСМ), предполагающая использование нескольких видов транспорта по единому документу, становится

ключевым элементом транспортно-правовой инфраструктуры.

Перевозка груза – это фактические, юридические действия перевозчика по доставке груза, в пользу грузоотправителя, в соответствии с которой перевозчик должен совершить своевременное доставление груза, а грузоотправитель обязан оплатить предоставляемую услугу.

Вместе с тем, правовое регулирование данного вида перевозок сопряжено с комплексом юридических коллизий, обусловленных необхо-

димостью согласования норм, регламентирующих деятельность разнородных транспортных систем, а также сформирования баланса интересов всех участников правоотношений в указанной сфере предоставления услуг.

Важной значимостью рассматриваемого договорного регулирования прямых смешанных перевозок в рамках гражданского законодательства Российской Федерации является его обусловленность следующими специфическими факторами:

- неполнота правовой базы: несмотря на кодификацию основных положений в Гражданском кодексе РФ (ГК РФ), отдельные аспекты ПСМ регулируются отраслевыми уставами и международными соглашениями, что создаёт риски правовой неопределённости.
- некоторые сложности возникающие в процессе реализации: рост числа споров, связанных с распределением ответственности между перевозчиками, требующей ясного разъяснения норм ГК РФ в сфере смешанных перевозок.
- финансовая значимость: эффективное правовое регулирование прямых смешанных перевозок непосредственно оказывающих прямое воздействие на конкурентоспособность национальной логистики в условиях трансграничного предпринимательства.

Важное значение в комплексном исследовании договорных механизмов, предполагающих прямую смешанную перевозку, со ссылкой на положения действующего ГК РФ, заключается в определении дилемм правоприменительной практики и выработки определенных рекомендаций, как методов и средств по минимизации различных сложностей возникающих при реализации прямых смешанных перевозок различными путями сообщений.

На основании изложенного становится актуальным и необходимым проведение исследования рассматриваемого вопроса с целью выработки наиболее эффективных рекомендаций с целью минимизации проблем и сложностей в данной сфере, вследствие чего становится целесообразным осуществление следующих действий:

- 1) необходимо определить правовую природу договора ПСМ и его место в системе транспортных обязательств.
- 2) провести анализ особенностей распределения ответственности между сторонами принимающими участие в осуществлении перевозки в соответствии с требованиями и нормами действующего ГК РФ.
- 3) определить возникающие различные разногласия между общими положениями

гражданского законодательства и специальными транспортными положениями.

- 4) Выработать предложения и рекомендации по совершенствованию правового регулирования прямых смешанных перевозок.

В ходе проводимого исследования в рамках данной научной статьи, также проводится анализ общественных отношений, возникающих в процессе организации и осуществления прямых смешанных перевозок, регулируемых нормами гражданского законодательства Российской Федерации, в последующим регулирующие договорные обязательства в прямом смешанном сообщении, а также научные методы и судебная практика.

Правоотношениям по перевозке груза присущи следующие признаки: отнесение данной деятельности к разряду услуг, договорной характер обязательства по перевозке груза, а также обязательственно-правовой и эквивалентно-возмездный характер отношений, складывающихся между сторонами данного договора.

Эти черты определяют перевозку груза как гражданско-правовую категорию.

Разновидностью перевозки груза в ее классическом понимании, в котором она представлена в ст. 785 ГК РФ, является перевозка груза в прямом смешанном сообщении.

Ее специфика заключается в том, что она осуществляется несколькими видами транспорта по единому транспортному документу, составленному на весь путь следования груза.

Несмотря на эту особенность, нельзя не выделить наличие следующих признаков, свойственных всем видам перевозок, в том числе и перевозкам в прямом смешанном сообщении, а именно:

- 1) указанные виды перевозок относятся к категории услуг и не связаны с созданием новых вещей, предметов.
- 2) рассматриваемые виды перевозок осуществляются по договору, являющееся единственным законным основанием, установленным ГК для оформления данных сделок.
- 3) отношения между участниками договора смешанной перевозки груза так же, как и обычной, представляют из себя обязательственно-правовой характер, поскольку субъективное право в этих отношениях заключается в праве грузоотправителя требовать должного поведения от перевозчика – выполнения перевозки.

Помимо всего прочего, данные договора являются эквивалентно-возмездными за оказанную соперевозчиками услугу грузовладелец уплачивает им вознаграждение.

Наряду с перечисленными признаками, общим для всех видов перевозок как в прямом

смешанном сообщении, так и обычным перевозкам свойственны отличительные особенности, относящую ее к самостоятельной форме правового регулирования.

Вместе с тем, усложненный субъектный состав влияет на другую особенность рассматриваемых отношений и процесс согласования заявки на смешанную перевозку груза и в отличие от обычных видов перевозок занимает больше времени.

В качестве следующей черты перевозки груза в прямом смешанном сообщении можно выделить выполнение каждым из соперевозчиков своей части перевозки в соответствии со «своей» нормативной базой.

Это связано с тем, что отдельным видам транспорта присущи свои технические возможности, поэтому перевозки бывают различные по объему и длительности осуществления, что порождает еще одну особенность, как специфика определения срока перевозки груза в прямом смешанном сообщении, который по своей сути является сложным и состоит из законодательно установленных сроков перевозок соответствующими видами транспорта на своих участках.

Каждый из видов отличается определенными временными характеристиками, в связи с этим при определении срока перевозки каким-либо транспортом исходят из расчетов на основании правил исчисления срока доставки грузов, действующих на дату расчета.

В общий срок перевозки груза в прямом смешанном сообщении включается и то время, которое отводится на перевалку груза, сбора мелких доставок.

Следующей рассматриваемой специфической чертой видов перевозок, будет особая форма ответственности соперевозчиков при ненадлежащем выполнении или невыполнении условий договора смешанной перевозки.

Проведённое исследование позволяет не только систематизировать теоретические знания о договорных аспектах ПСМ, но и предложить практические решения для снижения рисков в транспортно-логистической деятельности. Результаты работы могут быть использованы в правоприменительной практике, а также в образовательном процессе при изучении транспортного права.

Проведённое исследование договорного регулирования перевозок в прямом смешанном сообщении (ПСМ) позволило выявить ключевые особенности правового механизма, закреплённого в Гражданском кодексе РФ, а также обозначить проблемные аспекты, требующие законодательной и доктринальной корректировки, в частности касаясь следующего:

1. Правовая природа договора ПСМ сочетает признаки публичного, реального и возмездного обязательства, но отличается уникальной сложностью, обусловленной участием множества субъектов и использованием различных видов транспорта. Судебная практика подтверждает трактовку ПСМ как единого обязательства, что соответствует потребностям современной логистики.
 2. Ответственность сторон в ПСМ базируется на принципах солидарности (ст. 799 ГК РФ) и презумпции вины перевозчика (ст. 796 ГК РФ). Однако ограничение размера возмещения стоимостью груза, указанной в накладной, зачастую не покрывает реальных убытков грузовладельцев, что порождает экономические риски.
 3. Коллизии между ГК РФ и отраслевыми уставами создают правовую неопределённость. Например, противоречия в правилах расчёта ущерба между Воздушным кодексом и нормами ГК РФ осложняют унификацию ответственности.
 4. Отсутствие законодательного закрепления статуса оператора ПСМ, который мог бы централизованно координировать этапы перевозки и нести ответственность перед клиентом.
 5. Сложности в доказывании вины конкретного перевозчика из-за недостаточной прозрачности процессов передачи груза между видами транспорта.
 6. Регулирования, требующая гармонизации норм ГК РФ, транспортных уставов и международных конвенций:
 - Ввести в ГК РФ понятие «оператор смешанной перевозки» по аналогии с международной практикой (Конвенция ООН 1980 г.), возложив на него функции страхования рисков и координации этапов доставки.
 - Унифицировать правила ответственности, установив единый порядок расчёта ущерба для всех видов транспорта с учётом рыночной стоимости груза.
 - Внедрить обязательное использование цифровых платформ для оформления электронных накладных и трекинга грузов, что повысит прозрачность и упростит доказывание вины.
 - Разработать руководящие разъяснения Пленума ВС РФ, устраняющие противоречия в толковании норм о солидарной ответственности и регрессных требованиях.
- Таким образом, договорное регулирование прямых смешанных перевозок в Российской Федерации, оставаясь динамично развивающейся областью права, требует системного подхода к устранению существующих пробелов.

Практически только посредством интеграции законодательных, технологических и практических механизмов возможно достижение баланса интересов всех сторон и обеспечение устойчивого развития транспортной инфраструктуры.

Список литературы:

[1] Федеральный закон от 08.08.2024 № 288-ФЗ «О прямых смешанных (комбинированных) перевозках» (Вступает в силу с 01.09.2025. Устанавливает правила оформления единого транспортного документа, порядок заключения договоров и ответственность сторон)

[2] Проект Федерального закона «О прямых смешанных перевозках» (подготовлен Минтрансом России 03.07.2017)

[3] Приказ Минтранса России от 13.01.2025 № 4 «Об установлении Перечня допускаемых для перевозок в прямом смешанном сообщении...»

[4] Устав железнодорожного транспорта РФ (ФЗ № 18-ФЗ от 10.01.2003)

[5] Романов О.Е. «О взаимоотношениях и ответственности лиц, исполняющих перевозку в прямом смешанном сообщении» // «Юрист», 2023, № 8

[6] Левушкин А.Н., Кузьмина И.К. «Заключение, изменение и исполнение узлового соглашения» // «Транспортное право», 2023, № 4

[7] Морозов С.Ю. «Правовые проблемы организации смешанных перевозок» // Журнал транспортного права, 2022.

Spisok literatury:

[1] Federal'nyj zakon ot 08.08.2024 № 288-FZ \\\O pryamyh smeshannyh (kombinirovannyh) perevozkah\\ (Vstupayet v silu s 01.09.2025. Ustanavlivaet pravila oformleniya edinogo transportnogo dokumenta, poryadok zaklyucheniya dogovorov i otvetstvennost' storon)

[2] Proekt Federal'nogo zakona \\\O pryamyh smeshannyh perevozkah\\ (podgotovlen Mintransom Rossii 03.07.2017)

[3] Prikaz Mintransa Rossii ot 13.01.2025 № 4 \\\Ob ustanovlenii Perechnya dopuskaemyh dlya perevozk v pryamom smeshannom soobshchenii...\\

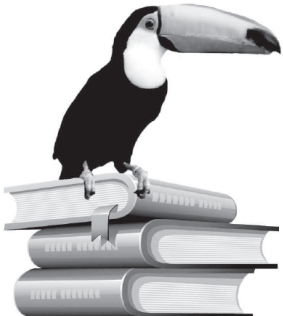
[4] Ustav zheleznodorozhnogo transporta RF (FZ № 18-FZ ot 10.01.2003)

[5] Romanov O.E. \\\O vzaimootnosheniyah i otvetstvennosti lic, ispolnyayushchih perevozku v pryamom smeshannom soobshchenii\\ // \\\Yurist\\, 2023, № 8

[6] Levushkin A.N., Kuz'mina I.K. \\\Zaklyuchenie, izmenenie i ispolnenie uzlovogo soglashiya\\ // \\\Transportnoe pravo\\, 2023, № 4

[7] Morozov S.Yu. \\\Pravovye problemy organizatsii smeshannyh perevozk\\ // Zhurnal transportnogo prava, 2022.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

СТРОКИН Александр Геннадьевич,
Аспирант института «Аспирантура и Докторантура»
Московского государственного юридического университета
им. О.Е. Кутафина,
e-mail: strokin97@mail.ru

Научный руководитель:
МАЛЕИНА Марина Николаевна,
Профессор, д.ю.н.,
e-mail: mail@law-books.ru

РАЗВИТИЕ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТНОШЕНИЙ В СФЕРЕ ОБЩЕСТВЕННОГО ПИТАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. Значимость общественного питания с каждым годом возрастает не только в Российской Федерации, но и во всем мире. Открываются новые кафе и рестораны, запускаются сервисы по доставке готовых блюд из заведений общественного питания, развивается онлайн-торговля продукцией общественного питания. Существенно растет спрос и на выездное обслуживание, именуемое кейтерингом. В настоящем исследовании проанализированы особенности гражданско-правового регулирования сферы общественного питания и причины, по которым происходили изменения в правовом регулировании общественного питания на каждом из этапов исторического развития.

Выделены три основных этапа развития общественных отношений в сфере общественного питания: дореволюционный этап (XVIII в. – 1917 г.), советский этап (1917 г. – 1991 г.), современный период (1991 г. – по настоящее время).

Ключевые слова: общественное питание, ресторан, столовая, предприятие общественного питания, доставка питания, продажа готовых блюд, кейтеринг, договор оказания услуг общественного питания.

STROKIN Alexander Gennadievich,
Postgraduate student of the Institute of Postgraduate
Studies and Doctoral Studies of the O.E. Kutafin
Moscow State Law University

Scientific supervisor:
MALEINA Marina Nikolaevna,
Professor, Doctor of Law

DEVELOPMENT OF CIVIL LAW REGULATION OF PUBLIC CATERING RELATIONS IN THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. The importance of public catering is increasing every year, not only in the Russian Federation, but throughout the world. New cafes and restaurants are opening, services for the delivery of ready meals from catering establishments are being launched, and online sales of catering products are developing. The demand for on-site services, called catering, is also growing significantly. This study analyzes the specifics of the civil law regulation of public catering and the reasons why there have been changes in the legal regulation of public catering at each stage of historical development.

There are three main stages in the development of public relations in the field of public catering: the pre-revolutionary stage (XVIII century – 1917), the Soviet stage (1917 – 1991), and the modern period (1991 – present).

Key words: catering, restaurant, canteen, catering company, food delivery, sale of ready meals, catering, catering services contract.

Введение

Отрасль общественного питания, а также связанные с ней сервисы по доставке и реализации питания, сейчас находятся на своем историческом пике по количеству потребителей, объемах реализованной продукции и открытых кафе, ресторанов, баров и т.д. Согласно статистическим данным в 2024 году самую большую часть интернет-покупок среди всех товаров, представленных на рынке товаров и услуг, заняла доставка готовой еды, блюд и продуктов питания [1]. Совокупный оборот рынка доставки общественного питания составил 591,2 миллиарда рублей за первое полугодие 2024 г. Стремительно растет и количество заведений общественного питания. Только за 2024 г. количество заведений общественного питания в городах-миллионниках выросло на 98 000 заведений [2].

С другой стороны, правовое регулирование общественного питания не претерпевает каких-либо серьезных изменений.

Анализ тенденций развития правового регулирования в сфере общественного питания позволяет понять и будущие возможные изменения нормативного регулирования в данной области.

Историческое развитие правового регулирования отношений в области общественного питания пережило три этапа. Первым является дореволюционный этап. Вторым следует признать советский этап. Третьим – современный этап развития правового регулирования в сфере общественного питания.

Материалы и методы исследований

В процессе проведения данного исследования использовались доктринальные материалы отечественных ученых, посвященные истории развития правового регулирования общественных отношений в сфере общественного питания.

В ходе исследования применялись такие методы как: синтез, анализ, историко-правовой метод, сравнительно-правовой метод, формально-юридический метод и другие.

Результаты и обсуждения

1. Дореволюционный этап развития правового регулирования общественного питания (XVI в. – 1917 г.)

Первыми массовыми заведениями общественного питания были корчмы. В них посетители не только потребляли пищу и напитки, но и активно участвовали в политической жизни, принимали участие в собраниях, заслушивали указы и постановления [3].

Со второй половины XVI в. в Москве появляются одни из первых кабаков, например, кабак «Неугасимая свеча» в Кремле, кабак «Большой

царев кабак» у Каменного моста. В 1651 г. кабаки были переименованы в «кружечные дворы», а в дальнейшем в 1765 г. в «питейные дома» [4].

Наибольшего развития сфера общественного питания в дореволюционный период достигает в начале XX в. На тот период в Санкт-Петербурге насчитывалось 1647 заведений общественного питания, а в Москве – 1181 заведений, причем были представлены различные по уровню заведения: начиная от буфетов и чайных, заканчивая дорогими ресторанами.

В дореволюционный период правовое регулирование сферы общественного питания являлось разрозненным и несистематизированным. Правовые акты регулировали различные вопросы в сфере без какой-либо кодификации. Например, в дореволюционный период появились нормы, которые запрещали харчевням реализовывать спиртные напитки, регулировали предоставление в кабаках закусок и их ассортимент и т.д. [5]. В Положении о питейном сборе 1861 г. закреплялось, что в питейных домах в качестве закуски можно было предоставлять только хлеб [6]. В новой редакции статей Устава о питейном сборе 1868 г. правило было изменено и в питейных домах было разрешено подавать холодные закуски, но не более 4 сортов за один раз [7].

К середине XIX века в Российской империи были уже представлены различные виды предприятий общественного питания, включая как недорогие точки реализации готовой продукции, так и элитные рестораны [8].

Возникают и первые аналоги доставки общественного питания и реализации готовой продукции, а также появляется их правовое регулирование. Положением о пошлинах за право торговли и других промыслов 1863 г. предусматривалось правовое регулирование продажи готовой продукции и ее разнос/доставка до места назначения [9]. Согласно разделу первому Положения о пошлинах, розничная продажа хлеба, фруктов, ягод на рынках, площадях и причалах не облагалась пошлинами, но, в свою очередь, главой 3 Положения устанавливалось, что все заведения общественного питания, существовавшие на тот момент (положение называет трактиры, рыбные садки, торговые бани, постоялые дворы, корчмы, съестные лавочки), облагались пошлинами.

Отмечая особенности регулирования предоставления общественного питания в дореволюционный период, следует заметить, что в данной сфере не было единого нормативного правового акта, который регулировал деятельность предприятий общественного питания и был бы для них всех единым законом. Каждый вид предприятия регулировался отдельным нормативным актом. Например, деятельность трактиров регу-

лировалась «Положением о трактирных заведениях» от 04.07.1861 г. [10], «Положением о трактирном промысле» от 08.06.1893 г. [11]. Деятельность трактиров, не реализующих спиртные напитки, а также столовых, чайных регулировалась «Уставом союза трактиров без крепких напитков, чайно-столовых, чайных и кухмистерских города России с пригородами» [12].

Указанные положения разрешали всем гражданам открывать заведения общественного питания, если они надлежащим образом оплатили сборы в акцизное управление [13]. Закреплялись и иные фундаментальные положения относительно деятельности трактиров, столовых, ресторанов и т.д.

Основополагающим нормативным актом в конце XIX века являлся Свод Законов Российской Империи. В нем были закреплены отдельные нормы, затрагивавшие сферу общественного питания. Так, в Своде Законов Российской империи в XIII томе в Уставе об обеспечении народного продовольствия были закреплены положения о ценообразовании в сфере общественного питания. В V томе, который называется Свод уставов о пошлинах, регулировались правила о выпуске и реализации алкогольной продукции. Иных норм, регулировавших сферу исследуемых правовых отношений, Свод Законов Российской империи не содержал.

Нельзя не отметить проект Гражданского уложения 1906 года, который, хоть и не вступил в силу, но являлся фактически проектом кодифицированного нормативного правового акта в сфере гражданских отношений, в котором, в том числе были нормы о договорах [14]. Например, Книга пятая проекта была полностью посвящена обязательственному праву, а именно общим положениям о договорах, исполнению и прекращению обязательств. Раздел второй был посвящен отдельным видам договоров. Гражданско-правовой договор в сфере общественного питания не был поименован в проекте Гражданского уложения, однако другие названные нормы проекта могли быть применены к гражданско-правовым отношениям в сфере общественного питания.

Наибольшего развития сфера общественного питания в дореволюционный период достигает в начале XX в. На тот период в Санкт-Петербурге насчитывалось 1647 заведений общественного питания, а в Москве – 1181 заведение, причем были представлены различные по уровню заведения: начиная от буфетов и чайных, заканчивая дорогими ресторанами.

2. Советский этап развития правового регулирования общественного питания (1917 г. – 1991 г.).

Сфера общественного питания тяжело пережила период революции 1917 г. и гражданской войны. Многие известные рестораны и трактиры были национализированы. 27 октября 1917 года Советом Народных комиссаров был издан декрет «О расширении прав городских самоуправлений в продовольственном деле», в соответствии с которым «городское самоуправление имеет право собственным, не подлежащим обжалованию, постановлением, взять под надзор и руководство все или некоторые торговые и торгово-промышленные предприятия, в том числе лавки, рестораны, трактиры и проч.» [15]. Так, в 1918 году в Петрограде был национализирован ресторан «Скутари», на месте которого была открыта бесплатная столовая для детей [16].

На долгое время гражданский оборот был сильно ограничен, свободные товарно-денежные отношения почти полностью прекратились. Такое ограничение не могло не сказаться на сфере общественного питания.

В 1918 г. Московским городским советом был учрежден «Комитет общественного питания». Комитет занимался созданием столовых для солдат и бездомных. В том же 1918 г. прошел первый всероссийский съезд работников и служащих трактирного промысла. По результатам съезда у сотрудников отрасли общественного питания остался выбор либо находить новую работу, либо работать в составе общественного питания в советской системе, которая существенно отличалась от ресторанного обслуживания, которое было ранее.

В 1923 г. с введением Новой экономической политики было образовано товарищество «Нарпит» (Народное питание) по постановлению Совета труда и обороны. В ведение Нарпита переходили столовые и иные предприятия общественного питания. Целью Нарпита была замена всех частных заведений и ресторанов, которые еще сохранялись в то время, на предприятия общественного питания, то есть буфеты, столовые и т.д. Вначале товарищество «Нарпит» показывало неудовлетворительные результаты по количеству открытых новых столовых и по уровню обслуживания граждан. Советские столовые удовлетворяли потребность в еде, но не были тем местом, где человек мог отдохнуть и получить наслаждение от приема пищи. [17].

На XIV съезде Всесоюзной коммунистической партии, состоявшемся в декабре 1925 г., был определен курс на дальнейшую социалистическую индустриализацию, что фактически стало приговором для частного предпринимательства и свободной реализации общественного питания, в частности.

В начале 1940-х г. советский общепит окончательно оформился в отдельный институт совет-

ского общества. Существовала не только пищевая промышленность, но и комплекс культурных практик, которые были восприняты миллионами советских граждан. Советский гражданин мог питаться в столовых на ежедневной основе, посещать буфеты и чайные [18].

В годы Великой Отечественной войны сфера общественного питания переживала свои тяжелейшие годы. В СССР было установлено нормирование продовольствия и произошло введение карточек на продовольствие. Впервые продовольственные карточки были установлены в Москве, далее по всей территории СССР. Приказом Народного Комиссариата Торговли Союза ССР от 13 ноября 1942 г. № 380 были введены единые формы карточек на территории СССР, а также установлены единые условия их получения [19]. В условиях нормирования продовольствия большая часть кафе, буфетов, ресторанов были закрыты. Осталось лишь незначительное число заведений в крупных городах (Москва, Пермь, Новосибирск, Владивосток). Действовали столовые и пункты продовольствия, которые и организовывали питание граждан. Возрождение заведений общественного питания началось в 1944 году [20].

В послевоенный период советское общество и экономика восстанавливалась после военных действий. К 1950 г. уровень продаж основных продовольственных товаров сравнялся с довоенным уровнем.

В 1956 г. предложения по усовершенствованию сферы общественного питания были объединены в постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР № 306 от 01.03.1956 г. «О мероприятиях по улучшению работы предприятий общественного питания» [21]. В Постановлении были выделены недостатки в работе предприятий в сфере общественного питания, такие как: недостаточное количество заведений общественного питания и небольшая пропускная способность этих заведений; невысокое качество приготовления пищи; низкая культура обслуживания; недостаточное количество необходимой техники для приготовления блюд. Данный нормативный акт закреплял необходимые мероприятия по улучшению сферы на нормативном уровне, такие как: плановое строительство новых заведений, оснащение предприятий необходимой техникой, а также вводил новые услуги, такие как: введение в столовых, буфетах, кафе и закусочных самообслуживания посетителей; закреплял увеличение предоставления обедов на дом не менее, чем в три раза.

Гражданско-правовое регулирование общественного питания в советский период основывалось на Гражданском кодексе РСФСР 1922 г. [22] и Гражданском кодексе РСФСР 1964 г. [23] в

дальнейшем. Указанные кодексы содержали основополагающие нормы о регулировании гражданско-правовых договоров, в том числе договоров возмездного оказания услуг и договоров подряда, и принципы гражданско-правовых отношений, но не регулировали детально отношения в сфере общественного питания.

Деятельность в сфере общественного питания регулировалась значительным количеством приказов министерств и ведомств, основными из которых являются приказ Министерства Торговли СССР от 09.07.1974 г. № 147 «Об утверждении основных правил работы предприятий общественного питания» [24], приказ Министерства Торговли СССР от 14 августа 1980 г. № 214 «Об утверждении положения о порядке отнесения ресторанов, кафе, баров и других предприятий общественного питания к предприятиям соответствующих категорий по уровню обслуживания и размерам оценок» [25].

Указанные приказы закрепляли списки услуг, которые подлежало оказывать предприятиям общественного питания, в том числе кафе, барам, ресторанам, столовым и т.д. в зависимости от их категории. Например, для ресторанов была установлена обязательная организация свадеб и банкетов. Также обязательным был вызов такси по просьбе посетителя, предоставление телефонной связи по просьбе посетителя. Определялся также и ассортимент блюд в заведениях общественного питания. В ресторанах в меню должно было быть представлено не менее двадцати горячих блюд, пяти позиций супов, тринадцати закусок. По крепким напиткам в ресторане должно было быть представлено не менее пяти позиций коньяков, трех позиций игристых и столовых вин, пяти позиций водки.

Таким образом, правовое регулирование сферы общественного питания все еще оставалось разрозненным и недостаточно урегулированным и в Советский период. Приказы Министерства Торговли СССР не могли заменить закон и, хоть и играли значительную роль в регулировании указанной сферы, но носили в большей степени рекомендательный характер, о чем свидетельствует текст отдельных норм.

3. Современный этап правового регулирования общественного питания (1991 г. – по настоящее время).

С восстановлением рыночной экономики существенно возрос спрос и на общественное питание вне дома, а именно на услуги ресторанов, кафе, баров и т.д. С тех пор отрасль общественного питания является одной из самых быстрорастущих, хотя и сильно подверженной кризисам и зависящей от уровня благосостояния граждан [26] [27].

Существенным изменением в правовом регулировании общественного питания следует признать появление Закона РФ от 07.02.1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» [28]. До этого понятие «потребитель» также было известно доктрине, однако оно не было закреплено на законодательном уровне, соответственно, потребитель не был наделен правами, которые он приобрел с начала действия Закона РФ «О защите прав потребителей». Отношения в сфере общественного питания регулируются им, прежде всего главой I (Общие положения), в которой закрепляются основные положения о качестве товаров, работ, услуг, правах и обязанностях исполнителей и потребителей; главой II (Защита прав потребителей при продаже товаров потребителям); главой III (Защита прав потребителей при выполнении работ (оказании услуг)).

Необходимо отметить Гражданский кодекс РФ, а именно главу 34 (аренда), главу 38 (договор подряда), главу 39 (возмездное оказание услуг). Данные нормы непосредственно относятся к гражданско-правовому регулированию сферы общественного питания [29].

Еще одним законом, который на сегодняшний день регулирует общественные отношения в сфере питания, является Федеральный закон «О качестве и безопасности пищевых продуктов» от 02.01.2000 г. № 29-ФЗ [30]. Указанный нормативный правовой акт регулирует скорее не гражданско-правовые отношения в сфере питания, а закрепляет обязательные требования к качеству и безопасности продуктов. Тем не менее, в ст. 26.1 названного Федерального закона имеется указание на гражданско-правовую ответственность за нарушение указанного нормативного правового акта. Также закон в ст. 15, 16, 18, 19 устанавливает требования к безопасности и качеству пищевой продукции при ее реализации, упаковке, хранении, перевозке, а также в ст. 6 ограничивает компетенцию государственных органов при мониторинге и государственном регулировании качества и безопасности продуктов питания.

Одним из специальных нормативных актов, который регулирует взаимоотношения сторон по договору услуг общественного питания, является Постановление Правительства РФ от 21.09.2020 г. № 1515 «Об утверждении Правил оказания услуг общественного питания» [31]. Указанное Постановление Правительства РФ отменило действовавшее длительный период до него Постановление Правительства РФ от 15.08.1997 г. № 1036 «Об утверждении Правил оказания услуг общественного питания» [32]. В Правилах описывается порядок предоставления информации потребителю услуг общественного питания, а

также порядок оказания таких услуг. Контроль за исполнением указанного постановления возлагается на Федеральную службу по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека. Указанное постановление является фактическим дополнением Закона РФ «О защите прав потребителей в РФ», уточняющим сферу его применения и проецируя ее на отношения в сфере общественного питания.

В современных условиях для восполнения пробелов в правовом регулировании принимаются различные государственные стандарты. Например, «ГОСТ 30389-2013. Межгосударственный стандарт. Услуги общественного питания. Предприятия общественного питания. Классификация и общие требования» (вместе с «Минимальными требованиями к предприятиям (объектам) общественного питания различных типов») (введен в действие Приказом Росстандарта от 22.11.2013 N 1676-ст) [33], «ГОСТ 31985-2013. Межгосударственный стандарт. Услуги общественного питания. Термины и определения» (введен в действие Приказом Росстандарта от 27.06.2013 N 191-ст) [34]. Названные стандарты, безусловно, направлены на улучшение сферы общественного питания, однако их соблюдение не является обязательным. Тем не менее, если положения включены в договор, то они становятся обязательными для сторон такого договора и приобретают обязательный для сторон характер.

Представляется, что дальнейшее развитие сферы общественного питания и необходимость ее более детального правового регулирования, приведут к созданию и принятию Федерального закона в сфере общественного питания, в котором в одном из подразделов будет закреплено гражданско-правовое регулирование данной отрасли.

Выводы

Анализ исторического и современного развития правового регулирования отношений в сфере общественного питания позволяет сделать вывод о том, что указанные отношения на протяжении всей истории развивались значительно быстрее, чем их правовое регулирование. При активном развитии сервисов по доставке еды, продаже готовых блюд в сети Интернет, правовое регулирование этих отношений отсутствует. Такое отставание в нормативном регулировании затрудняет взаимодействие между хозяйствующими субъектами, а также осложняет взаимоотношения с потребителями, и вносит правовую неопределенность, которая имеет негативное влияние на развитие сферы общественного питания.

Список литературы:

- [1] Еда обогнала гаджеты и одежду по объему покупок в Интернете. Инфографика [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/22/08/2024/66c59d049a79476de85b5852?utm_source=vk&utm_medium=social&utm_campaign=preview (дата обращения: 10.01.2025 г.).
- [2] Количество заведений общепита в городах-миллионниках за год выросло почти до 98 000 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.forbes.ru/biznes/524244-kolicestvo-zavedenij-obsepita-v-gorodah-milionnikah-za-god-vyroslo-pochti-do-98-000> (дата обращения: 10.01.2025 г.).
- [3] Малышкина Е.А. Эволюционный путь развития индустрии общественного питания в дореволюционной России // Социально-экономические явления и процессы. 2014. №2. С. 72-78.
- [4] Казаченко Б. «Веселие пити» // Наука и жизнь. 2006. № 2. С. 104-109.
- [5] Долгих Е.В. К истории повседневности: очерк потребления спиртных напитков в России (конец XV в. - 1936 г.) // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2015. №5/6. С. 20-25.
- [6] Положение о питейном сборе 4 июля 1861 г. // ПСЗ. Собр. II. Т. 26. 1861 г. № 37197. П. 269.
- [7] Новая редакция статей Устава о питейном сборе. 18 июня 1868 г. // ПСЗ. Собр. II. Т. 43. 1868 г. № 46003. П. 278.
- [8] Долгих Е.В. К истории повседневности: развитие общественного питания в России в XVI-XX вв. // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2019. №2. С. 20-23.
- [9] Положение о пошлинах за право торговли и других промыслов 1863 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2, отделение 1. 1863. Т. 38. № 39118. СПб., 1866. С. 4-7.
- [10] Положение о трактирном промысле 8 июня 1893 года. М., 1893.
- [11] Положение о трактирных заведениях. СПб, 1886.
- [12] Устав союза владельцев трактиров без крепких напитков, чайно-столовых, чайных и кухмистерских города Санкт-Петербурга с пригородами. СПб, 1912.
- [13] Щеглова Э.С. Нормативно-правовое положение ресторанов Сибири во второй половине XIX века: региональный аспект // Молодой ученый. 2023. №24. С. 339-342.
- [14] Гражданское уложение. Проект Высочайше учрежденной Редакционной Комиссии по составлению Гражданского Уложения. (С объяснениями, извлеченными из трудов Редакционной Комиссии) / Под ред. И. М. Тютрюмова / Сост. А. Л. Саатчиан. СПб.: Изд. Кн. маг. «Законоведение», 1910. Т. I. XV, 1215
- [15] Постановление СНК о расширении прав городских самоуправлений в продовольственном деле. 27 октября (9 ноября) 1917 г. // Декреты..., т. 1, с. 26-29.
- [16] Очерки истории Ленинграда. М.-Л., 1964. Т. 4. С. 152 - 153.
- [17] Савельев А.В. Особенности развития ресторанного дела в Советской России в условиях новой экономической политики: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. М., 2009. С. 136-137.
- [18] Глущенко И. Роль государственной власти в формировании культуры питания в СССР 1920-1930-х гг.: Дис. ... канд. культурологии. М.: РГГУ, 2014. С. 56.
- [19] Приказ Народного Комиссариата Торговли Союза ССР от 13 ноября 1942 г. № 380 «Об упорядочивании карточной системы на хлеб, некоторые продовольственные и промышленные товары» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.prilib.ru/item/1354355?mode=full> (дата обращения: 08.01.2025 г.).
- [20] Ильющенко Д. Об особенностях общественного питания в СССР в условиях борьбы с фашизмом // ГОСУДАРСТВЕННАЯ СЛУЖБА, 2015, №3 (95).
- [21] Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР № 306 от 1 марта 1956 г. «О мероприятиях по улучшению работы предприятий общественного питания» // ЦГА г. Москвы. Ф. Р-453. Оп. 1. Д. 558. Л. 1.
- [22] Постановление ВЦИК от 11.11.1922 (с изм. от 02.02.1923) «О введении в действие Гражданского кодекса РСФСР» (вместе с «Гражданским кодексом РСФСР») // СПС «Консультант плюс» (дата обращения: 01.03.2025 г.).
- [23] Закон РСФСР от 11.06.1964 «Об утверждении Гражданского кодекса РСФСР» (вместе с Кодексом) // Ведомости ВС РСФСР. 1964. № 24. Ст. 407 (утратил силу).
- [24] Приказ Министерства Торговли СССР от 09.07.1974 N 147 «Об утверждении Основных правил работы предприятий общественного питания» // СПС «Консультант Плюс».
- [25] Приказ Министерства Торговли СССР от 14 августа 1980 г. № 214 «Об утверждении положения о порядке отнесения ресторанов, кафе, баров и других предприятий общественного питания к предприятиям соответствующих категорий по уровню обслуживания и размерам оценок» // СПС «Консультант Плюс».
- [26] Акимова Р.А. Анализ состояния и тенденции развития рынка общественного питания в России // Молодой ученый. 2021. №10. С. 51-53.

[27] Власова О.В. Рынок общественного питания в России: особенности и тенденции // Экономические исследования. 2019. С. 17-23.

[28] Федеральный закон Российской Федерации «О защите прав потребителей» от 07 февраля 1992 № 2300-1 // Российская газета. 1992 г. с изм. и допол. в ред. от 04.08.2023 г.

[29] Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть вторая от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 13.12.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 5. Ст. 410.

[30] Федеральный закон Российской Федерации «О качестве и безопасности пищевых продуктов» от 02 января 2000 № 29-ФЗ // Российская газета. 2000 г. № 5. с изм. и допол. в ред. от 13.07.2020 г.

[31] Постановление Правительства Российской Федерации «Об утверждении Правил оказания услуг общественного питания» от 21 сентября 2020 г. № 1515 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020 г. № 39. Ст. 6085.

[32] Постановление Правительства РФ от 15.08.1997 г. N 1036 (ред. от 04.10.2012) «Об утверждении Правил оказания услуг общественного питания» // СПС «Консультант плюс» (дата обращения: 01.03.2025 г.).

[33] ГОСТ 30389-2013. Межгосударственный стандарт. Услуги общественного питания. Предприятия общественного питания. Классификация и общие требования» (вместе с «Минимальными требованиями к предприятиям (объектам) общественного питания различных типов»). М.: Стандартинформ, 2014. С. 16.

[34] ГОСТ 31985-2013. Межгосударственный стандарт. Услуги общественного питания. Термины и определения» (введен в действие Приказом Росстандарта от 27.06.2013 N 191-ст) // Consultant.ru URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_165477/ (дата обращения: 01.03.2025).

Spisok literatury:

[1] Eda obognala gadzhety i odezhdu po ob"emu pokupok v Internetе. Infografika [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/22/08/2024/66c59d049a79476de85b5852?utm_source=vk&utm_medium=social&utm_campaign=preview (data obrashcheniya: 10.01.2025 g.).

[2] Kolichestvo zavedenij obshchepita v gorodah-millionnikah za god vyroslo pochti do 98 000 [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: URL: <https://www.forbes.ru/biznes/524244-kolichestvo-zavedenij-obsepita-v-gorodah-milionnikah-za-god-vyroslo-pochti-do-98-000> (data obrashcheniya: 10.01.2025 g.).

[3] Malyshkina E.A. Evolyucionnyj put' razvitiya industrii obshchestvennogo pitaniya v dorevolucionnoj Rossii // Social'no-ekonomicheskie yavleniya i processy. 2014. №2. S. 72-78.

[4] Kazachenko B. «Veseliye piti» // Nauka i zhizn'. 2006. № 2. S. 104-109.

[5] Dolgih E.V. K istorii povsednevnosti: ocherk potrebleniya spirtnyh napitkov v Rossii (konec XV v. - 1936 g.) // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8. Istoriya. 2015. №5/6. S. 20-25.

[6] Polozhenie o pitejnom sbore 4 iyulya 1861 g. // PSZ. Sobr. II. T. 26. 1861 g. № 37197. P. 269.

[7] Novaya redakciya statej Ustava o pitejnom sbore. 18 iyunya 1868 g. // PSZ. Sobr. II. T. 43. 1868 g. № 46003. P. 278.

[8] Dolgih E.V. K istorii povsednevnosti: razvitie obshchestvennogo pitaniya v Rossii v XVI-XX vv. // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8. Istoriya. 2019. №2. S. 20-23.

[9] Polozhenie o poshlinah za pravo trgovli i drugih promyslov 1863 g. // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobr. 2, otd-nie 1. 1863. T. 38. № 39118. SPb., 1866. S. 4-7.

[10] Polozhenie o traktirnom promysle 8 iyunya 1893 goda. M., 1893.

[11] Polozhenie o traktirnyh zavedeniyah. SPb, 1886.

[12] Ustav soyuza vladel'cev traktirov bez krepkih napitkov, chajno-stolovyh, chajnyh i kuhmisterskih goroda Sankt-Peterburga s prigorodami. SPb, 1912.

[13] SHCHeglova E.S. Normativno-pravovoe polozhenie restoranov Sibiri vo vtoroj polovine XIX veka: regional'nyj aspekt // Molodoj uchenyj. 2023. №24. S. 339-342.

[14] Grazhdanskoe ulozhenie. Proekt Vysochajshe uchrezhdennoj Redakcionnoj Komissii po sostavleniyu Grazhdanskogo Ulozheniya. (S ob"yasneniyami, izvlechennymi iz trudov Redakcionnoj Komissii) / Pod red. I. M. Tyutryumova / Sost. A. L. Saatchian. SPb.: Izd. Kn. mag. «Zakonovedenie», 1910. T. I. XV, 1215;

[15] Postanovlenie SNK o rasshirenii prav gorodskih samoupravlenij v prodovol'stvennom dele. 27 oktyabrya (9 noyabrya) 1917 g. // Dekrety..., t. 1, s. 26-29.

[16] Ocherki istorii Leningrada. M.-L., 1964. T. 4. S. 152 - 153.

[17] Savel'ev A.V. Osobennosti razvitiya restorannogo dela v Sovetskoj Rossii v usloviyah novoj ekonomicheskoy politiki: dis. ... kand. ist. nauk: 07.00.02. M., 2009. S. 136-137;

[18] Glushchenko I. Rol' gosudarstvennoj vlasti v formirovanii kul'tury pitaniya v SSSR 1920-1930-h gg.: Dis. ... kand. kul'turologii. M.: RGGU, 2014. S. 56.

[19] Prikaz Narodnogo Komissariata Torgovli Soyuza SSR ot 13 noyabrya 1942 g. № 380 «Ob uporyadochivanii kartochnoj sistemy na hleb, nekotorye prodovol'stvennye i promyshlennye tovary» [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://www.prlib.ru/item/1354355?mode=full> (data obrashcheniya: 08.01.2025 g.).

[20] Il'yushchenko D. Ob osobennostyah obshchestvennogo pitaniya v SSSR v usloviyah bor'by s fashizmom // GOSUDARSTVENNAYA SLUZHBA, 2015, №3 (95).

[21] Postanovlenie CK KPSS i Soveta Ministrov SSSR № 306 ot 1 marta 1956 g. «O meropriyatiyah po uluchsheniyu raboty predpriyatij obshchestvennogo pitaniya» // CGA g. Moskvy. F. R-453. Op. 1. D. 558. L. 1.

[22] Postanovlenie VCIK ot 11.11.1922 (s izm. ot 02.02.1923) «O vvedenii v dejstvie Grazhdanskogo kodeksa R.S.F.S.R.» (vmeste s «Grazhdanskim kodeksom R.S.F.S.R.») // SPS «Konsul'tant plyus» (data obrashcheniya: 01.03.2025 g.).

[23] Zakon RSFSR ot 11.06.1964 «Ob utverzhdenii Grazhdanskogo kodeksa RSFSR» (vmeste s Kodeksom) // Vedomosti VS RSFSR. 1964. № 24. St. 407 (utratil silu);

[24] Prikaz Ministerstva Torgovli SSSR ot 09.07.1974 N 147 «Ob utverzhdenii Osnovnyh pravil raboty predpriyatij obshchestvennogo pitaniya» // SPS «Konsul'tant Plyus»;

[25] Prikaz Ministerstva Torgovli SSSR ot 14 avgusta 1980 g. № 214 «Ob utverzhdenii polozheniya o poryadke otneseniya restoranov, kafe, barov i drugih predpriyatij obshchestvennogo pitaniya k predpriyatiyam sootvetstvuyushchih kategorij po urovnyu obsluzhivaniya i razmeram ocenok» // SPS «Konsul'tant Plyus»;

[26] Akimova R.A. Analiz sostoyaniya i tendencii razvitiya rynka obshchestvennogo pitaniya v Rossii // Molodoj uchenyj. 2021. №10. S. 51-53.

[27] Vlasova O.V. Rynok obshchestvennogo pitaniya v Rossii: osobennosti i tendencii // Ekonomicheskie issledovaniya. 2019. S. 17-23.

[28] Federal'nyj zakon Rossijskoj Federacii «O zashchite prav potrebitel'ev» ot 07 fevralya 1992 № 2300-1 // Rossijskaya gazeta. 1992 g. s izm. i dopol. v red. ot 04.08.2023 g.

[29] Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii. CHast' vtoraya ot 26.01.1996 № 14-FZ (red. ot 13.12.2024) // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 1996. № 5. St. 410.

[30] Federal'nyj zakon Rossijskoj Federacii «O kachestve i bezopasnosti pishchevyh produktov» ot 02 yanvarya 2000 № 29-FZ // Rossijskaya gazeta. 2000 g. № 5. s izm. i dopol. v red. ot 13.07.2020 g.

[31] Postanovlenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii «Ob utverzhdenii Pravil okazaniya uslug obshchestvennogo pitaniya» ot 21 sentyabrya 2020 g. № 1515 // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 2020 g. № 39. St. 6085.

[32] Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 15.08.1997 g. N 1036 (red. ot 04.10.2012) «Ob utverzhdenii Pravil okazaniya uslug obshchestvennogo pitaniya» // SPS «Konsul'tant plyus» (data obrashcheniya: 01.03.2025 g.).

[33] GOST 30389-2013. Mezhhgosudarstvennyj standart. Uslugi obshchestvennogo pitaniya. Predpriyatiya obshchestvennogo pitaniya. Klassifikaciya i obshchie trebovaniya" (vmeste s "Minimal'nymi trebovaniyami k predpriyatiyam (ob"ektam) obshchestvennogo pitaniya razlichnyh tipov"). M.: Standartinform, 2014. S. 16.

[34] GOST 31985-2013. Mezhhgosudarstvennyj standart. Uslugi obshchestvennogo pitaniya. Terminy i opredeleniya" (vveden v dejstvie Prikazom Rosstandarta ot 27.06.2013 N 191-st) // Consultant. ru URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_165477/ (data obrashcheniya: 01.03.2025).

JURCOMPANI
www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

ТУРОВСКИЙ Николай Сергеевич,
аспирант, Российский университет дружбы народов
г. Москва,
e-mail: nikolasturovsky@gmail.com

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СТАНДАРТЫ И РЕКОМЕНДАЦИИ В СФЕРЕ ФАКТОРИНГА

Аннотация. В настоящей научной статье автор рассматривает особенности международно-правового регулирования факторинга, международные стандарты и рекомендации в данной области. Автор исследует ключевой документ, осуществляющий правовое регулирование вопроса, – это Конвенцию УНИДРУА, а также некоторые иные правовые источники. В заключении научной статьи автор также кратко отмечает ряд проблемных моментов, актуальных для современного международно-правового регулирования факторинга и разного рода факторинговых операций как таковых. Объектом исследования являются особенности международно-правового регулирования факторинга, международные стандарты и рекомендации в данной области. Целью исследования является комплексный, последовательный анализ особенностей международно-правового регулирования факторинга, международные стандарты и рекомендации в данной области. Методы исследования: это формально-юридический, компаративистский, сравнительный анализ, диалектический, статистический, математический, обобщение, конкретизация, систематизация, дедукция, иные методы теоретического и практического уровней научного познания. Научная новизна исследования заключается в подготовке комплексного исследования, формировании авторских выводов относительно особенностей международно-правового регулирования факторинга, международные стандарты и рекомендации в рассматриваемой области. Данная научная статья, таким образом, будет полезна теоретикам, практикам, обучающимся и профессорско-преподавательскому составу гуманитарных и иных направлений подготовки, а также более широкому кругу читателей, интересующихся особенностями международно-правового регулирования факторинга, международные стандарты и рекомендации в данной области в контексте изучения проблем правоприменения в целом.

Ключевые слова: факторинг, правовое регулирование, современное состояние, международное частное право, рекомендации, конвенции, международные стандарты, общая характеристика.

TUROVSKY Nikolay Sergeevich,
PhD student,
Peoples' Friendship University of Russia,
Moscow

INTERNATIONAL STANDARDS AND RECOMMENDATIONS IN THE SPHERE OF FACTORING

Annotation. In this scientific article, the author examines the features of international legal regulation of factoring, international standards and recommendations in this area. The author examines the key document implementing legal regulation of the issue - the UNIDROIT Convention, as well as some other legal sources. In the conclusion of the scientific article, the author also briefly notes a number of problematic issues that are relevant for the modern international legal regulation of factoring and various kinds of factoring operations as such. The object of the study is the features of international legal regulation of factoring, international standards and recommendations in this area. The purpose of the study is a comprehensive, consistent analysis of the features of international legal regulation of factoring, international standards and recommendations in this area. Research methods: formal legal, comparative, comparative analysis, dialectical, statistical, mathematical, generalization, specification, systematization, deduction, and other methods of theoretical and practical levels of scientific knowledge. The scientific novelty of the study lies in the preparation of a comprehensive study, the formation of the author's conclusions regarding the features of international legal regulation of factoring, international standards and recommendations in the area under consideration. This scientific article will

therefore be useful to theorists, practitioners, students and faculty of humanitarian and other areas of training, as well as a wider range of readers interested in the features of international legal regulation of factoring, international standards and recommendations in this area in the context of studying the problems of law enforcement in general.

Key words: factoring, legal regulation, current state, international private law, recommendations, conventions, international standards, general characteristics.

Одним из значительно распространенных в современной российской практике договоров является договор факторинга, пришедший из зарубежной практики. Так, сущность факторинга подразумевает реализацию совокупности финансовых услуг, сторонами которых являются фактор (т.е., факторинговая компания или банковская кредитная организация – покупатель требования), кредитор как поставщик товара, а также покупатель товара – дебитор. Предполагается, что торговая деятельность

участников сделки ведется на условиях отсрочки платежа [3].

Договор факторинга имеет целый ряд преимуществ для поставщика, покупателя, фактора, и поэтому получил такое распространение в российской практике. Однако в зарубежной торговле стал известен еще раньше, уже в середине 19 века доказав свою практическую эффективность. Так довольно быстро возникла необходимость в формировании соответствующего правового регулирования (схема 1).

Схема 1. Поэтапная реализация договора факторинга

Сначала факторинг широко распространился по Северной Америке, во второй половине 20 века став более известным уже в странах Европы. Собственно, к этому привела значительная экспансия американских производителей и поставщиков в европейские государства. В результате было создано 2 крупнейших факторинговых компании – IFG («International Factors Group») и FCI («Factors Chain International»), которые постепенно глобально распространили свое влияние не только на национальном, но и на международном уровне. FCI отмечает, что и сегодня объемы применения факторинговых операций продолжают ежегодно расти, а мировой оборот таких сделок показывает стабильный рост в 2-2,5 раза, и наибольшей популярностью пользуется внутренний факторинг [2; 4].

Соответственно, именно широкое практическое распространение факторинга впоследствии привело к разработке и принятию первого и актуального по сей день ключевого источника правового регулирования – это принятая в 1988 г. в

Оттаве Конвенции Международного института унификации частного права (УНИДРУА) о международном факторинге (далее – Конвенция УНИДРУА). Данную Конвенцию эксперты справедливо называют самым существенным правовым источником, регламентирующим факторинговые отношения на международном уровне.

Итак, в основе понимания сущности международного факторинга – 2 его разновидности, это однофакторная и двухфакторная модели. Первая, в свою очередь, также подразделяется на 2 типа.

Факторинг по прямому импорту на практике применяется в ситуации купли-продажи иностранных товаров, предназначенных непосредственно для последующей перепродажи, его сущность заключается в предоставлении импортеру денежных средств, направляющихся на погашение задолженности перед поставщиком. В данной ситуации в роли посредника выступает какое-либо кредитно-финансовое учреждение, либо организация. В свою очередь, продукция,

полученная в рамках данной сделки, реализуется третьим лицам или конечным потребителям – зависит от конкретной разновидности торговой деятельности. Предполагается, что взаиморасчеты с фактором осуществляются через поступающую выручку [6].

Соответственно, факторинг по прямому экспорту подразумевает реализацию при отправке товаров за рубеж, и клиенту в такой ситуации предоставляется отсрочка платежа. Предполагается, что клиент является налоговым агентом иностранного государства. Если происходит неисполнение платежных обязательств в рамках данной сделки, то ответственность за такие действия (вернее, бездействия) берет на себя непосредственно продавец. Другое название таких сделок – это факторинговые операции с регрессом.

Двухфакторная модель факторинга на практике реализуется одновременно с привлечением двух посредников, каждый из которых представляет, соответственно, свою сторону. Так, первый фактор сотрудничает с экспортером на своей территории, другой – контролирует реализацию сделки за границей. В данной ситуации мы наблюдаем дополнительное обеспечение контракта, которое позволяет сделке быть более устойчивой и стабильной, а ее участникам – более уверенным в совершении тех или иных правовых действий [6].

В российском правовом поле международный факторинг не регламентирован, хотя положения о факторинговых операциях содержатся в главе 43 Гражданского кодекса РФ. Основным источником правового регулирования, собственно, и выступает упомянутая выше Конвенция УНИДРУА, участником которой Россия является с 01.03.2015 г.

Структурно Конвенция УНИДРУА включает следующие актуальные положения:

- общая характеристика договора факторинга;
- случаи применения положений Конвенции на практике;
- права и обязанности, ответственность сторон факторинговой операции;
- положения о последующей переуступке;
- особенности ратификации, принятия, утверждения, присоединения к Конвенции;
- иное.

Предполагается, что данный документ был принят как результат унификации имеющихся правил и норм для повышения эффективности международной торговли и инвестиционных правоотношений.

Важным элементом правового регулирования выступает также разработанная УНИДРУА

совокупность принципов, на которых базируется международный факторинг как таковой. В частности, в числе ключевых необходимо назвать следующие: добровольный характер участия сторон в подобных сделках, равенство сторон правоотношений, прозрачность, открытость и информированность, презюмирующаяся защита прав покупателя (должника), ответственность за недействительность требований, возможность передачи (переуступки) прав в рамках такого договора, а также иные. Предполагается, что наличие в международном праве такой совокупности принципов позволяет более детально и качественно регламентировать правоотношения в рамках факторинговых операций, особенно на наднациональном уровне [2; 4].

Конвенция УНИДРУА, таким образом, представляет собой унифицированный свод положений, регулирующих опыт и практику различных национальных правовых систем, соответствующих требованиям современного международного экономического оборота. Важнейшая задача Конвенции – создание особого правового режима, который адекватным образом учитывал бы интересы всех трех сторон факторинговой сделки.

Следующим важным правовым документом выступает принятая в 2001 г. Генеральной Ассамблеей ООН Резолюция регулирования переуступки дебиторской задолженности в международной торговле (далее – Резолюция). Данный документ включает положения относительно реализации совокупности законных инструментов защиты прав кредиторов, процедуры передачи прав требования долга от одного лица к другому в рамках реализации внешнеторговых операций. Среди наиболее важных моментов данного документа: профильный понятийный аппарат, установление порядка уведомления должников о смене кредитора, положения о сохранении прав и обязанностей кредитора при переуступке права требования, иное. Данная Резолюция, таким образом, также позволяет обеспечить стабильность и упорядоченность факторинговых и смежных операций в международной торговле, способствует более эффективной защите прав участников сделок, в конечном итоге, дает поступательное развитие всей международной торговле в целом.

Еще один стратегически важный документ – это принятые в 2018 г. Правила международной факторинговой деятельности (GRIF), принятые членами FCI и IFG. Данный документ, в отличие от предыдущих, не имеет общеобязательного правового значения, носит рекомендательный характер, однако содержит совокупность значимых положений о международном факторинге. Отме-

тим, что данный документ, в отличие от других, указанных выше, не имеет официального перевода на русский язык [8].

Рассмотрим особенности содержания и структуры данного источника. Так, структура документа включает следующие составные элементы:

- общие положения;
- переуступка дебиторской задолженности;
- кредитные риски;
- права и обязанности участников правоотношений;
- заявления, гарантии и обязательства;
- иное, в т.ч. положения о возмещении убытков и нарушении данных Правил.

Документ, таким образом, регламентирует реализацию факторинговых операций достаточно комплексно, системно, одновременно устанавливая характерные особенности для факторинговых сделок различных видов. Мы можем наблюдать довольно продуманную структуру, и содержание документа, к чему его создатели пришли через почти 50-летний практический опыт реализации факторинга. С конца 80-х годов 20 века к зарубежной практике добавились и особенности применения факторинга в современных российских реалиях.

Помимо общепринятых правовых источников, необходимо также назвать среди документов правового регулирования ряд локальных актов, принятых профильными международными организациями и также выступающими в качестве источниковой базы. Кратко проанализируем ключевые из них.

Например, это документы Международной факторинговой группы (далее – IFG) – первой созданной в мировой практике ассоциации факторинговых организаций (1963 г.). Посредничество и развитие двухфакторных международных сделок – основное направление деятельности данного объединения, которое в настоящее время насчитывает более 150 стран-участниц. Данная международная организация принимает следующие разновидности правовых источников:

- стандарты обслуживания;
- правила реализации факторинговых схем;
- программы обучения для сотрудников факторинговых операций;
- иные [7].

Одним из актуальных направлений деятельности IFG выступает тесное взаимодействие с другими международными и национальными организациями, которые прямо или косвенно участвуют в формировании базы правового регулирования. Например, это британская Ассоциация структурированного финансирования, Европейский инвестиционный фонд и другие аналогичные структуры.

В свою очередь, FCI – это вторая по своим характеристикам крупнейшая международная организация, объединяющая несколько сотен различных факторинговых компаний мира, также имеющая ключевой целью функционирования развитие различных факторинговых инструментов (1968 г.). Эксперты отмечают, что к настоящему времени именно данная Ассоциация – самая многочисленная и значительная по объемам ее участников. Также основным для нее выступает развитие международного двухфакторного факторинга. Во исполнение своих функций FCI также принимает профильные локальные акты.

CFA – Ассоциация торгового финансирования (1944 г.) – к сегодняшнему дню объединяет более 300 участников, при этом большая часть таких субъектов – это разного рода небанковские кредитно-финансовые организации и структуры. В отличие от перечисленных выше объединений, CFA видит главной целью деятельности общее развитие мировой индустрии факторинговых сделок, совершенствование законодательных и организационно-управленческих механизмов в данной области. Ассоциация обладает филиалами на территории 15 государств мира, реализует разработку и принятие профильных ведомственных актов [3].

Уже упомянутая выше ABFA (Великобритания, 1976 г.) – один из наиболее ярких примеров функционирования национальных факторинговых объединений, причем созданная изначально как группа британских факторов, призванная защищать их права, свободы, законные интересы в таких сделках. Впоследствии ABFA получила свое значительное развитие, и с 2006 г. распространила влияние на территорию всего Соединенного Королевства. На сегодня ABFA объединяет в себе порядка 50 различных факторинговых организаций, однако имеет только национальный формат взаимодействия, хотя может служить качественным примером для заимствования другими странами мира, ведь факторинг сегодня крайне развит и популярен в большинстве государств [3].

Еще одним примером национального факторингового объединения, действующего в пределах одного региона, выступает Восточно-европейская факторинговая ассоциация (ВЕФА, 2001 г.). Штаб-квартиры данной структуры и сейчас располагается в Москве. В настоящее время ВЕФА объединяет более 500 представителей различных факторинговых организаций из более чем 35 государств мира. ВЕФА занимается консультативной, научно-практической, образовательной, иной профильной деятельностью, также участвует в разработке предложений по совершенствованию законодательного регулирования факторинга.

Проанализируем также самый «свежий» документ в правовом регулировании правоотношений данной области – это Модельный закон УНИДРУА о факторинге (далее – Модельный закон), принятый в мае 2023 г. Разработчики данного документа отмечают, что его разработка и принятие направлены на совершенствование и актуализацию правового регулирования факторинговых правоотношений, на формирование качественно нового правового поля, где могли бы эффективно действовать участники таких правоотношений. В частности, Модельным законом предусматривается, что при регулировании факторинговых сделок особое внимание необходимо уделить определению дебиторской задолженности, оборотных процедур и поступлений. Правовой режим факторинговых сделок рассматривается авторами документа как самостоятельный и автономный, а факторинговые операции, соответственно, как независимая разновидность гражданско-правовых сделок. Отмечается, что государствам необходимо стимулировать развитие и распространение факторинговых сделок на национальном уровне, укреплять правовую базу, в т.ч. на основании новых принципов, установленных Модельным законом. Интересно, что, хотя Модельный закон во многом дублирует положения Типового закона ЮНСИТРАЛ или соответствует структуре, тем не менее, он значительно короче по объему, из него исключены правила, которые фактически не имеют отношения к факторинговым операциям. В целом же, необходимо отметить, что разработчиками документа учтены и практика реализации положений Конвенции УНИДРУА, в т.ч. в целом практика реализации факторинговых сделок, так и актуальные проблемные аспекты в данной области [11].

Кратко перечислим далее иные источники международно-правового регулирования реализации факторинговых операций:

- Венская конвенция о договорах международной купли-продажи товаров (1980 г.);
- документы Комиссии ООН по праву международной торговли (ЮНСИТРАЛ);
- Пояснительная записка к Конвенции ООН об уступке дебиторской задолженности в международной торговле;
- Конвенция УНИДРУА «О международном финансовом лизинге»;
- иные [8].

Для российского правового поля большинство перечисленных документов также являются правовыми источниками, поскольку, в соответствии с ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, выступают частью национальной правовой системы России. Однако ключевым источником правового регулирования сегодня является все же ГК РФ, составляющий, в конечном итоге, единую норматив-

но-правовую базу для более активного внедрения договора факторинга в современную российскую практику.

Отметим, что на международном уровне правовое регулирование факторинговых операций уже отличается своей стабильностью, хотя подвергается периодическим корректировкам и актуализации.

Кратко отметим ключевые выводы по результатам представленного научного исследования по теме.

Предметом изучения в данной научной статье являются международные стандарты и рекомендации в сфере регулирования факторинговых операций. Наиболее детально автором исследуется профильная Конвенция УНИДРУА, которая с самого момента ее принятия в 1988 г. и до настоящего времени выступает ключевым источником правового регулирования рассматриваемых правоотношений [2; 4].

Кроме того, автором были исследованы некоторые другие тематические источники, принимаемые как на международном уровне в целом, так и на территориях. К примеру, автором отмечаются в качестве важных регламентирующих документов акты, принимаемые ВЕФА или иными региональными ассоциациями, также исследованы и другие источники разного уровня.

Автор пишет о том, что сегодня факторинговые операции получают все большее распространение на практике – сначала это было актуально для американских производителей и поставщиков, далее тенденция распространилась уже на европейских контрагентов. С конца 80-х годов 20 века факторинг получил активное применение и в России, где в настоящее время факторинговые операции – часть договорной системы, включена в положения ГК РФ.

Таким образом, сегодня международные стандарты и рекомендации в области факторинговых правоотношений отличается следующими характеристиками:

- комплексность и системность;
- общность и одновременно точечность;
- многосоставность;
- профильный характер;
- совокупность источников локального, ведомственного, регионального, общедерзального уровней;
- иное [9].

Отмечается, что международно-правовое регулирование факторинговых сделок в настоящее время постоянно корректируется и видоизменяется, актуализируется. Полагаем, дальнейшее распространение факторинговых правоотношений приведет впоследствии и к развитию правового регулирования как такового.

Список литературы:

- [1] Долинская В.В. Новеллы Гражданского кодекса РФ о финансовых сделках: обзор основных положений // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. N 6. С. 3 - 8.
- [2] Конвенция УНИДРУА по международным факторинговым операциям (заключена в г. Оттаве 28.05.1998). Бюллетень международных договоров. 2015. № 7.
- [3] Кравчук В.В. Тенденции развития мирового рынка факторинга [Электронный ресурс] – Режим доступа: – URL: <http://lib.i-bteu.by/bitstream/handle/22092014/5955/Kravchuk%20В.В.%20Тенденции%20развития.pdf?sequence=1&isAllowed=y>
- [4] Лапицкий К.А., Попов Д.С., Ломаев А.Д., Никулин А.А. Обеспечения надежности цепочек поставок с помощью международного факторинга: Инновационная экономика и современная наука: матер. междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. А. А. Зарайский. – Саратов: ООО «ЦПМ «Академия бизнеса», 2022. – С. 67-69.
- [5] Леднев М.В., Покаместов И.Е. Факторинг: учебное пособие. – М.: НИЦ ИНФРА-М, 2021. – 132 с.
- [6] Мокров Г.Г. Применение процедуры отложенного определения таможенной стоимости методом по цене сделки с ввозимыми товарами при несовпадении валюты контракта и валюты платежа // Таможенное дело. 2022. N 3. С. 15 - 19.
- [7] Покаместов, И. Е. Факторинг: учебное пособие / И.Е. Покаместов, М.В. Леднев. — 2-е изд., испр. и доп. — Москва: ИНФРА-М, 2025. — 132 с.
- [8] Прокофьев А.С. Факторинг: российское законодательство и Конвенция УНИДРУА // Журнал российского права. 2012. N 7. С. 133 - 140.
- [9] Хао Л. Поиск новых рынков и партнеров для расширения международного присутствия факторинговых компаний // Экономика и социум. – 2024. – № 11. – С. 118-127.
- [10] Шабаль Ю.А. Функции факторинга в современном обществе: Беларусь и Европа: историко-культурное наследие и современность: материалы II междунар. науч.-практ. онлайн-конференции, г. Минск, 1 апреля 2021 г. / Бел. гос. пед. ун-т им. М. Танка; редкол.: А. В. Торхова [и др.]; В. П. Скок (отв. ред.). – Минск: БГПУ, 2021. – С. 135-139.
- [11] Модельный закон УНИДРУА о факторинге от 10-12 мая 2023 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: – URL: <https://www.unidroit.org/instruments/factoring/model-law-on-factoring/>

Spisok literatury:

- [1] Dolinskaya V.V. Novelty` Grazhdanskogo kodeksa RF o finansovy`x sdelkax: obzor osnovny`x polozhenij // Zakony` Rossii: opy`t, analiz, praktika. 2018. N 6. S. 3 - 8.
- [2] Konvenciya UNIDRUA po mezhdunarodny`m faktoringovy`m operaciyam (zaklyuchena v g. Ottave 28.05.1998). Byulleten` mezhdunarodny`x dogovorov. 2015. № 7.
- [3] Kravchuk V.V. Tendencii razvitiya mirovogo ry`nka faktoringa [E`lektronny`j resurs] – Rezhim dostupa: – URL: <http://lib.i-bteu.by/bitstream/handle/22092014/5955/Kravchuk%20V.V.%20Tendencii%20razvitiya.pdf?sequence=1&isAllowed=y>
- [4] Lapiczkiy K.A., Popov D.S., Lomaev A.D., Nikulin A.A. Obespecheniya nadezhnosti cepochek postavok s pomoshh`yu mezhdunarodnogo faktoringa: Innovacionnaya e`konomika i sovremennaya nauka: mater. mezhdunar. nauch.-prakt. konf. / отв. red. A. A. Zarajskij. – Saratov: ООО «CzPM «Akademiy`a biznesa», 2022. – С. 67-69.
- [5] Lednev M.V., Pokamestov I.E. Faktoring: uchebnoe posobie. – М.: NICz INFRA-M, 2021. – 132 s.
- [6] Mokrov G.G. Primenenie procedury` otlozhennogo opredeleniya tamozhennoj stoimosti metodom po cene sdelki s vvozimy`mi tovarami pri nesovpadenii valyuty` kontrakta i valyuty` platezha // Tamozhennoe delo. 2022. N 3. S. 15 - 19.
- [7] Pokamestov, I. E. Faktoring: uchebnoe posobie / I.E. Pokamestov, M.V. Lednev. — 2-e izd., ispr. i dop. — Moskva: INFRA-M, 2025. — 132 s.
- [8] Prokof`ev A.S. Faktoring: rossijskoe zakonodatel`stvo i Konvenciya UNIDRUA // Zhurnal rossijskogo prava. 2012. N 7. S. 133 - 140.
- [9] Xiao L. Poisk novy`x ry`nkov i partnerov dlya rasshireniya mezhdunarodnogo prisutstviya faktoringovy`x kompanij // E`konomika i socium. – 2024. – № 11. – S. 118-127.
- [10] Shabal` Yu.A. Funkcii faktoringa v sovremennom obshhestve: Belarus` i Evropa: istoriko-kul`turnoe nasledie i sovremennost`: materialy` II mezhdunar. nauch.-prakt. onlajn-konferencii, g. Minsk, 1 aprelya 2021 g. / Bel. gos. ped. un-t im. M. Tanka; redkol.: A. V. Torxova [i dr.]; V. P. Skok (otv. red.). – Minsk: BGPU, 2021. – S. 135-139.
- [11] Model`ny`j zakon UNIDRUA o faktoringe ot 10-12 maya 2023 g. [E`lektronny`j resurs] – Rezhim dostupa: – URL: <https://www.unidroit.org/instruments/factoring/model-law-on-factoring/>

МИНАСЯН Гоар Микаеловна,
Кандидат юридических наук,
доцент кафедры правового
регулирующего экономической деятельности
Финансового университета при Правительстве РФ,
e-mail: GMMinasyan@fa.ru/ 89168873770

ПРОБЛЕМЫ ОБРАЩЕНИЯ ВЗЫСКАНИЯ НА ЗАЛОГОВОЕ ТРАНСПОРТНОЕ СРЕДСТВО, КОНФИСКОВАННОЕ В ПОЛЬЗУ ГОСУДАРСТВА

Аннотация. Особенность данного исследования заключается в том, что оно посвящено одному из важных способов обеспечения надлежащего исполнения обязательств – залого, обращению взыскания на залоговое транспортное средство, когда такое имущество конфисковано в рамках уголовного дела в пользу государства.

На данный период времени сложилась неоднозначная судебная практика по гражданским делам об обращении взыскания на залоговый автомобиль, когда имеется приговор суда о конфискации предмета залога как мера ответственности, в частности, за управление транспортным средством в состоянии опьянения.

Значимость работы заключается в том, что обосновывается необходимость законодательного закрепления нормы о возможности обращения взыскания на предмет залога в пользу залогодержателей при наличии вступившего в законную силу приговора суда о конфискации этого имущества, поскольку залог не прекращается, а происходит смена собственника.

Ключевые слова: залог, залоговое транспортное средство, обращение взыскания, конфискация залогового автомобиля, прекращение залога.

MINASYAN Goar Mikaelovna,
Candidate of Law,
Associate Professor of the Department of Legal Regulation
of Economic Activity of the Financial University
under the Government of the Russian Federation

PROBLEMS OF FORECLOSURE ON A COLLATERAL VEHICLE CONFISCATED IN FAVOR OF THE STATE

Annotation. The peculiarity of this study is that it is devoted to one of the important ways of ensuring the proper fulfillment of obligations – a pledge, foreclosure on a pledged vehicle when such property is confiscated as part of a criminal case in favor of the state.

At the present time, there is an ambiguous judicial practice in civil cases on foreclosure on a collateral vehicle, when there is a court verdict on confiscation of the collateral as a measure of liability, in particular, for driving a vehicle while intoxicated.

The significance of the work lies in the fact that it substantiates the need for legislative consolidation of the norm on the possibility of foreclosure on the subject of the pledge in favor of the pledgees in the presence of a court verdict that has entered into legal force on the confiscation of this property, since the pledge is not terminated, but a change of owner occurs.

Key words: pledge, pledged vehicle, foreclosure, confiscation of pledged vehicle, termination of pledge.

Залог движимого имущества регулируется нормами Гражданского кодекса Российской Федерации, а именно параграфом 3 главы 23 кодекса.

Залогом может обеспечиваться исполнение договорных обязательств, а также обязательств, возникших из иных оснований, например, обязательств вследствие причинения вреда, обяза-

тельств по возврату неосновательного обогащения или полученного по недействительной сделке (статьи 307.1, 334 ГК РФ).

Ненадлежащее исполнение обязательств – это нарушение условий договора, в результате чего возникают негативные правовые последствия. Например, если в качестве обеспечения исполнения обязательств заключён договор залога, у залогодержателя появляется возможность на обращения взыскания на предмет залога при ненадлежащем исполнении обязательств по договору.

Обращение взыскания на предмет залога – процедура, в результате которой залогодержатель подтверждает свое право на преимущественное удовлетворение требований за счет стоимости заложенного имущества. Факт обращения взыскания имеет материально-правовые последствия: залогодержатель приобретает право реализовать предмет залога. При реализации предмета залога залогодержатель удовлетворяет требования по основному обязательству за счет стоимости заложенного имущества, в результате чего прекращаются право залога и обеспеченное им обязательство (полностью или в соответствующей части).

Согласно п. 65 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2023 № 23 «О применении судами правил о залоге вещей» по смыслу п. 1 ст. 348 ГК РФ, если иное не предусмотрено договором залога, залогодержатель вправе обратиться взыскание на предмет залога в судебном порядке без предварительного обращения к должнику с требованием исполнить обеспеченное залогом обязательство, без направления претензии. Равным образом не требуется предъявления иска о понуждении к исполнению обязательства, обеспеченного залогом, поскольку факт его неисполнения должником, сумма долга и период просрочки обязательства могут быть установлены судом при разрешении иска об обращении взыскания на предмет залога с соблюдением общих требований о распределении обязанности по доказыванию этих обстоятельств.

Если залогодатель не является должником по обеспеченному залогом обязательству, требования об обращении взыскания на предмет залога и о взыскании задолженности по обеспеченному залогом обязательству могут быть предъявлены в суд как одновременно для совместного рассмотрения, так и отдельно друг от друга. В последнем случае к участию в деле об обращении взыскания на заложенную вещь в качестве третьего лица, не заявляющего самостоятельного требования, может быть привлечен должник по обеспеченному залогом обязательству (ст.43 ГПК РФ).

Таким образом, согласно разъяснениям Верховного Суда РФ при нарушении любых условий кредитного договора кредитор может обратиться взыскание на транспортное средство без предъявления требования о взыскании задолженности, однако при отчуждении заемщиком предмета залога данный порядок меняется.

В соответствии с п. 2 ст. 346 ГК РФ залогодатель не вправе отчуждать предмет залога без согласия залогодержателя, если иное не предусмотрено законом или договором и не вытекает из существа залога. В случае отчуждения залогодателем заложенного имущества без согласия залогодержателя применяются правила, установленные подпунктом 3 п. 2 ст. 351, подпунктом 2 п. 1 статьи 352, ст. 353 ГК РФ, т.е. кредитор вправе потребовать досрочного исполнения обеспеченного залогом обязательства или, если его требование не будет удовлетворено, обратиться взыскание на предмет залога.

Взыскание на предмет залога, по общему правилу, может быть обращено в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения должником обеспеченного залогом обязательства (пп. 1 и 2 ст. 348 ГК РФ).

Однако в силу неоднозначного понимания и применения норм гражданского законодательства о залоге право залогодержателя на обращение взыскания на предмет залога в виде автомобиля становится нереализуемым при конфискации данного имущества в пользу государства.

Федеральные законы от 14.07.2022 № 257-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» и № 258-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 150 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» ужесточают ответственность за нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств водителями, лишенными права управления транспортными средствами. Вводится уголовная ответственность за управление транспортным средством лицом, лишенным права управления транспортными средствами и подвергнутым административному наказанию или имеющим судимость. В качестве возможной дополнительной меры в отношении правонарушителей, привлекаемых к уголовной ответственности, установлена возможность конфискации транспортного средства.

В соответствии с п. «д» ч.1 ст. 104.1 УК РФ конфискация имущества представляет собой принудительное безвозмездное изъятие и обращение в собственность государства на основании обвинительного приговора следующего имущества – транспортного средства, принадлежащего обвиняемому и использованного им при совершении трех видов преступлений:

1. управление транспортным средством в состоянии опьянения лицом, подвергнутым административному наказанию или имеющим судимость (ст. 264.1 УК РФ);
2. нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию и лишенным права управления транспортными средствами (ст. 264.2 УК РФ);
3. управление транспортным средством лицом, лишенным права управления транспортными средствами и подвергнутым административному наказанию или имеющим судимость (ст. 264.3 УК РФ).

Верховный суд РФ установил, что конфискация имущества, указанного в ст. 104.1 УК РФ, по общему правилу, является обязательной мерой уголовно-правового характера, и подлежит применению судом (в вышеуказанных случаях) при наличии двух условий: что транспортное средство принадлежит обвиняемому и оно использовалось им при совершении преступления, предусмотренного статьями 264.1, 264.2, или 264.3 УК РФ.

К такому выводу Верховный Суд РФ пришел после пересмотра постановления Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 01.03.2023 № 77-913/2023, согласно которому материалы уголовного дела были направлены на новое рассмотрение в части конфискации залогового транспортного средства на основании п. 11 постановления Пленума Верховного Суда РФ №17 от 14.06.2018 «О некоторых вопросах, связанных с применением конфискации в уголовном судопроизводстве», согласно которому в описательно-мотивировочной части обвинительного приговора, постановленного в общем порядке, следует приводить доказательства того, что имущество, подлежащее конфискации, получено в результате совершения преступления или является доходами от этого имущества либо использовалось или предназначалось для использования в качестве орудия, оборудования или иного средства совершения преступления либо для финансирования терроризма, экстремистской деятельности (экстремизма), организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации), а также обоснование решения о конфискации имущества (пункты 4.1 и 5 статьи 307 УПК РФ).

Суд кассационной инстанции отметил, что суд, разрешая вопрос о судьбе арестованного по делу автомобиля, должен мотивировать вывод о необходимости конфискации транспортного средства, не достаточно указывать лишь то, что автомобиль принадлежит подсудимому и был использован при совершении преступления,

предусмотренного ч. 1 ст. 264.1 УК РФ. Постановление указанного суда от 01.03.2023 № 77-913/2023 было отменено Верховным Судом РФ.

В целом судебная практика складывается не в пользу залогодержателей.

Позиция Первого кассационного суда общей юрисдикции о том, что транспортное средство, принадлежащее обвиняемому и использованное им при совершении преступления, предусмотренного ст. 264.1 УК РФ, подлежит конфискации уже закреплено в Определении Верховного Суда РФ от 10.08.2023 № 12-УДП23-5-К6.

Таким образом, наличие залогового обременения не препятствует конфискации транспортных средств (в частности, данная позиция содержится в постановлениях Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 02.03.2023 № 77-1178/2023, Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 02.08.2023 № 77-3367/2023), даже когда залогодержателем получены исполнительные листы и ведется процедура обращения взыскания на залоговый автомобиль в рамках исполнительного производства.

Однако нужно учитывать, то в соответствии с п. 1 ст. 353 ГК РФ, в случае перехода прав на заложенное имущество от залогодателя к другому лицу в результате возмездного или безвозмездного отчуждения этого имущества либо в порядке универсального правопреемства залог сохраняется.

Следовательно, обращение спорного автомобиля в собственность государства не прекращает залог, а происходит лишь смена собственника автомобиля.

Право собственности государства на конфискованное имущество возникает с момента вступления в законную силу приговора или решения суда либо с момента издания постановления административного органа о конфискации (независимо от фактической передачи имущества государственному органу).

Таким образом, независимо от перехода права собственности на вещь к третьим лицам (физическому лицу, юридическому лицу, государству в лице соответствующих органов) залогодержатель не утрачивает право обратиться на нее взыскание по долгу.

Согласно п.1 Постановления Правительства РФ от 05.06.2008 N 432 (ред. от 04.10.2024) «О Федеральном агентстве по управлению государственным имуществом» федеральное агентство по управлению государственным имуществом (Росимущество) является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по управлению федеральным имуществом (за исключением случаев, когда указанные полномочия в соответствии с законодательством Россий-

ской Федерации осуществляют иные федеральные органы исполнительной власти), функции по организации продажи приватизируемого федерального имущества, реализации имущества, арестованного во исполнение судебных решений или актов органов, которым предоставлено право принимать решения об обращении взыскания на имущество, функции по реализации конфискованного, движимого бесхозного, изъятого и иного имущества, обращенного в собственность государства в соответствии с законодательством Российской Федерации, функции по оказанию государственных услуг, функции по обособленному учету имущества, созданного и (или) приобретенного в результате реализации программ, подпрограмм, проектов и мероприятий Союзного государства, находящегося на территории Российской Федерации, права на которое переданы после их завершения государственным заказчикам - координаторам, государственным заказчикам либо исполнителям таких программ, подпрограмм, проектов и мероприятий от Российской Федерации, и правоприменительные функции в сфере имущественных и земельных отношений.

В силу залога кредитор по обеспеченному залогом обязательству (залогодержатель) имеет право в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения должником этого обязательства получить удовлетворение из стоимости заложенного имущества (предмета залога) преимущественно перед другими кредиторами лица, которому принадлежит заложенное имущество (залогодателя).

В п.1 ст. 352 ГК РФ указаны основания прекращения залога, однако конфискация имущества в соответствии со ст. 243 ГК РФ не является основанием для прекращения залога. В указанной статье не предусмотрено такое основание прекращения залога как обращение залогового имущества в доход государства в связи с его конфискацией в порядке ст. 104.1 УК РФ, однако подпункт 10 п.1 ст. 352 ГК РФ оставляет перечень оснований прекращения залога открытым, указывая на иные случаи, предусмотренные законом или договором.

В соответствии с п.1 ст. 6 ГК РФ в случаях, когда предусмотренные пунктами 1 и 2 ст. 2 ГК РФ отношения прямо не урегулированы законодательством или соглашением сторон и отсутствует применимый к ним обычай, к таким отношениям, если это не противоречит их существу, применяется гражданское законодательство, регулирующее сходные отношения (аналогия закона).

В соответствии с п.2 ст.41 ФЗ от 16.07.1998 №102-ФЗ «Об ипотеке (залоге недвижимости)» в случаях когда имущество, являющееся предметом ипотеки, изымается у залогодателя государ-

ством в виде санкции за совершение преступления или иного правонарушения (конфискация), ипотека сохраняет силу и применяются правила статьи 38 настоящего Федерального закона. Однако залогодержатель, интересы которого не могут быть в полной мере защищены применением этих правил, вправе потребовать досрочного исполнения обеспеченного ипотекой обязательства и обращения взыскания на конфискованное имущество.

Применяя аналогию закона сам по себе факт конфискации спорного автомобиля в порядке ст. 104.1 УК РФ, который является предметом залога по кредитному договору, не является основанием для прекращения залога. Иное будет означать безосновательное лишение добросовестного залогодержателя права на удовлетворение требований в связи с неисполнением заемщиком обязательств.

Вышеизложенное позволяет сделать однозначный вывод о том, что при конфискации залогового транспортного средства в пользу государства залог не прекращается, следовательно, залогодержатель вправе обратиться на него взыскание в силу положения п. 1 ст. 353 ГК РФ о сохранении залога при переходе права на заложенное имущество.

Думается, данное предложение подлежит закреплению на законодательном уровне для исключения судебных ошибок при рассмотрении требований залогодержателей об обращении взыскания на залоговый автомобиль и обеспечения баланса интересов государства и залогодержателей.

Список литературы:

- [1] Рассказова Н.Ю. Новое в регулировании залоговых отношений // Арбитражные споры. 2012. № 3. С. 115 - 130.
- [2] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2023 № 23 «О применении судами правил о залоге вещей».
- [3] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14.06.2018 №17 «О некоторых вопросах, связанных с применением конфискации в уголовном судопроизводстве».
- [4] Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 10.08.2023 № 12-УДП23-5-К6.
- [5] Федеральные законы от 14.07.2022 № 257-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» и № 258-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 150 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»
- [6] Справка о результатах применения уголовного и уголовно-процессуального законода-

тельства судами, входящими в кассационный округ, за первый квартал 2023 г. — Первый кассационный суд общей юрисдикции. Утверждено Президиумом Первого кассационного суда общей юрисдикции 25 апреля 2023 г.

Spisok literaturey:

[1] Rasskazova N.Yu. Novoe v regulirovanii zalogovykh otnoshenij // Arbitrazhny'e spory. 2012. N 3. S. 115 - 130.

[2] Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 27.06.2023 № 23 «O primenении sudami pravil o zaloge veshhej».

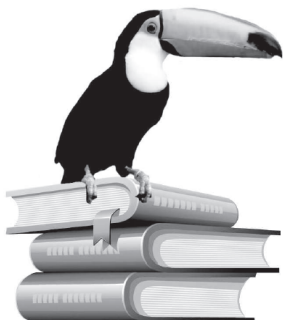
[3] Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 14.06.2018 №17 «O nekotorykh voprosakh, svyazannykh s primeneniem konfiskatsii v ugovnom sudoproizvodstve».

[4] Opreделение Sudebnoj kollegii po ugovny'm delam Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 10.08.2023 № 12-UDP23-5-K6.

[5] Federal'ny'e zakony ot 14.07.2022 № 257-FZ «O vnesenii izmenenij v Kodeks Rossijskoj Federacii ob administrativnykh pravonarusheniyakh» i № 258-FZ «O vnesenii izmenenij v Ugovnyj kodeks Rossijskoj Federacii i stat'i 31 i 150 Ugolovno-processual'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii»

[6] Spravka o rezul'tatax primeneniya ugovnogo i ugovno-processual'nogo zakonodatel'sta sudami, vxodyashhimi v kassacionnyj okrug, za pervyj kvartal 2023 g. — Pervyj kassacionnyj sud obshhej yurisdikcii. Utverzhdeno Prezidiumom Pervogo kassacionnogo suda obshhej yurisdikcii 25 aprelya 2023 g.

ЮРКОПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, Е-Library.

САЯПИН Сергей Петрович,
кандидат юридических наук, научный сотрудник сектора
гражданского и предпринимательского права
Института государства и права РАН,
e-mail: spsayapin@yandex.ru

О РАЗЛИЧНЫХ ЭКОНОМИКО-ПРАВОВЫХ ПОДХОДАХ К КЛАССИФИЦИРОВАНИЮ КРАУДФАНДИНГА

Аннотация. В работе проанализированы существующие подходы к классификации краудфандинга и предложена авторская классификация, основанная на критерии наличия или отсутствия встречного предоставления. Выделены две основные группы правоотношений: краудфандинг со встречным предоставлением (модели предпокупки, кредитования и корпоративного краудфандинга) и краудфандинг без встречного предоставления (модель пожертвования). Дополнительно обоснована необходимость классификации по признаку места осуществления (в сети Интернет и вне ее). Подчеркивается значимость предложенной классификации для определения правовой природы краудфандинговых отношений, выявления специфики их гражданско-правового регулирования и разработки практических рекомендаций. Сформулирован вывод о том, что предложенный подход способствует более ясному пониманию и правовому регулированию различных моделей краудфандинга.

Ключевые слова: классификация краудфандинга, краудлендинг, краудинвестинг, коммерческий и некоммерческий краудфандинг, обратное предоставление, альтернативное финансирование.

SAYAPIN Sergey Petrovich,
PhD in Jurisprudence,
Researcher Civil and Business Law Sector Institute
of State and Law of the Russian Academy of Sciences

ON DIFFERENT ECONOMIC AND LEGAL APPROACHES TO CATEGORIZE CROWDFUNDING

Annotation. The paper analyzes the existing approaches to the classification of crowdfunding and proposes the author's classification based on the criterion of presence or absence of counter-provision. Two main groups of legal relations are identified: crowdfunding with counter-provision (models of pre-purchase, lending and corporate crowdfunding) and crowdfunding without counter-provision (donation model). Additionally, the necessity of classification on the basis of the place of implementation (on the Internet and off the Internet) is substantiated. The significance of the proposed classification for determining the legal nature of crowdfunding relations, identifying the specifics of their civil law regulation and the development of practical recommendations is emphasized. The conclusion that the proposed approach contributes to a clearer understanding and legal regulation of various models of crowdfunding is formulated.

Key words: classification of crowdfunding, crowdfunding, crowdfunding, crowdfunding, commercial and non-commercial crowdfunding, reverse granting, alternative financing.

Представленные в отечественных и зарубежных научных исследованиях классификации краудфандинга строятся на различных основаниях и рассматриваются их авторами с разной степенью детализации и обоснования. Традиционно краудфандинг разделяют на две основные формы:

- коммерческий краудфандинг;
- некоммерческий краудфандинг.

Основная цель лиц, участвующих в финансировании проекта в коммерческом краудфандинге, заключается в получении прибыли, в то время как в некоммерческом краудфандинге получение прибыли от реализации краудфандингового проекта не является самоцелью.

В научных исследованиях встречаются упоминания и о промежуточной (переходной) форме краудфандинга. Суть сводится к тому, что суще-

ствуют цели, которые с самого начала не могут быть в полной мере отнесены только лишь к одной из двух упомянутых выше форм краудфандинга, ввиду того, что в долгосрочной перспективе неясно трансформируется ли цель в коммерческий или некоммерческий вид. Известным зарубежным исследователем, упоминающим такой подход, является И. Хемер. С позиций И. Хемера классификация краудфандинга по основанию цели имеет следующий вид:

- коммерческий краудфандинг;
- некоммерческий краудфандинг;
- промежуточная или переходная форма краудфандинга [1].

Наиболее известная и общепринятая в зарубежном правовом и экономическом сообществах классификация краудфандинга получила своё подробное изложение в работе К.С. Брэдфорда [2]. Следует сказать, что здесь, по сути, также заложено разделение на коммерческую и некоммерческую формы краудфандинга, так как основанием построения классификации служит наличие или отсутствие предоставления тому лицу, которое осуществляет финансирование краудфандингового проекта, однако, промежуточная или переходная форма краудфандинга здесь отсутствует. Указанная классификация состоит из следующих пяти классификационных групп (моделей) краудфандинга:

- краудфандинг по модели пожертвования (от англ. donation model);
- краудфандинг по модели получения награды (от англ. reward model);
- краудфандинг по модели предпокупки товара (от англ. pre-purchase model);
- краудфандинг по модели кредитования (от англ. lending model);
- краудфандинг по модели капитала (от англ. equity model).

В реализации краудфандинга по модели пожертвования лицо, осуществляющее финансирование краудфандингового проекта, не приобретает взамен ничего. К.С. Брэдфорд также указывает на две особенности данной модели краудфандинга:

- во-первых, данная модель краудфандинга связана с тем, что жертвователю не может возвратиться те деньги, которые он пожертвовал на реализацию некоммерческого краудфандингового проекта;
- во-вторых, мотив получателя денежных средств не всегда в полной мере совпадает с мотивом лица, которое осуществило передачу ему этих денежных средств (т.е. финансировало его). Получатель денежных

средств имеет возможность реализовать полученные деньги не только на некоммерческий, но и на коммерческий проект.

Краудфандинг по модели получения награды и по модели предпокупки товара К.С. Брэдфорд разделяет между собой, однако указывает на их сходство и тесную взаимосвязь. Краудфандинг по модели получения награды предполагает, что участники краудфандинга, осуществляющие передачу денежных средств получают взамен некоторую награду. Награда, как правило, является небольшой и недорогой, например цепочка для ключей или брелок.

По мнению К.С. Брэдфорда модель предпокупки товара является самой распространенной. Как и в краудфандинге по модели вознаграждения, лица, осуществляющие финансирование проекта, не получают финансовую отдачу. Результатом реализации проекта станет продукт, изготовленный автором проекта. Например, если предприниматель производит музыкальный альбом на cd-дисках, участники получают этот cd-диск с музыкальным альбомом или право купить cd-диск по меньшей цене после завершения этого проекта.

В соответствии с кредитной моделью краудфандинга (в цивилистической и экономической литературе еще известной как краудлендинг, от англ. crowdlending), лицо, осуществляющее финансирование проекта, предоставляет денежные средства организатору проекта на временной основе, ожидая через определенный ими промежуток времени погашения долга. В первом случае организатор проекта помимо уплаты основного долга обязуется уплатить проценты на средства, которые он берет в кредит. Во втором случае лицо, осуществляющее финансирование проекта имеет право только на получение возврата своего основного долга, без получения процентов на его сумму.

Краудфандинг по модели капитала (известный также как акционерный краудфандинг, от англ. crowdinvesting) предполагает получение лицами, осуществляющими финансирование такого проекта, доли (акций) в организации или доли в прибыли организации. К.С. Брэдфорд упоминает об исследовании краудфандинговой деятельности по результатам которой было отмечено, что треть всех краудфандинговых площадок в сети Интернет работают по модели акционерного краудфандинга.

В других известных зарубежных работах, где представлены классификации краудфандинга, можно найти в чем-то аналогичные, но с некоторыми особенностями, К.С. Брэдфорду

подходы. Например, в рабочем докладе И. Дженика, Т. Лаймана и А. Нава представлена следующая классификация краудфандинга:

- краудфандинг по модели пожертвования (от англ. donation-based crowdfunding);
- краудфандинг по модели получения вознаграждения (от англ. reward-based crowdfunding);
- краудфандинг по модели предоставления денежных средств в долг (от англ. debt crowdfunding);
- краудфандинг по модели приобретения акций компании (от англ. equity crowdfunding) [3].

Как видим, в целом, данная структура схожа со структурой классификации краудфандинга К.С. Брэдфорда. Основанием её построения, как и в предыдущем примере, является наличие или отсутствие представления тому лицу, которое осуществляет финансирование определенного краудфандингового проекта. Однако её авторы пошли по пути объединения модели получения награды и модели предпкупки товара по классификации К.С. Брэдфорда.

И. Дженик, Т. Лайман и А. Нава отмечают, что вознаграждение за финансирование краудфандингового проекта часто принимает форму своего рода «знака признательности» (например, автограф художника, упоминание имени лица, осуществляющего финансирование проекта в его титрах, если например это документальный фильм, или указание его имени на вещи, которая будет произведена в результате реализации проекта) или предварительной оплаты продукта или услуги в соответствии с количеством приобретенного товара или объемом услуги посредством финансирования. Как отмечают авторы, краудфандинг на основе получения вознаграждения тесно связан с краудфандингом по модели пожертвования, а иногда и входит в ту же категорию.

Другим примером служит подход, изложенный в работе З. Кауфмана, Т. Кэссенджера, Х. Трегер. Сохраняя сущностный принцип разделения краудфандинга на коммерческую и некоммерческую формы, определяя классификацию в рамках основания наличия или отсутствия предоставления тому лицу, которое осуществляет финансирование определенного краудфандингового проекта, авторы исследования останавливаются на двух модельной структуре классификации краудфандинга, в которую входят:

- краудфандинг, осуществляемый в целях сбора пожертвований;
- краудфандинг, осуществляемый в целях получения инвестиций от финансирования краудфандингового проекта [4].

Переходя к анализу способов классификации краудфандинга в отечественной правовой и экономической литературе необходимо отметить, что классификации российских авторов нередко основаны на упомянутых нами выше зарубежных подходах, что проявляется:

- в использовании терминов видов краудфандинга, принятых в зарубежной литературе;
- в распределении краудфандинга на классификационные группы по основаниям принятыми зарубежными авторами.

Однако, необходимо отметить, что соответствующих российских работах присутствуют и авторские подходы и разработки. Предпринимаются попытки осмыслить сущность того или иного вида краудфандингового правоотношения. Несомненно, есть понимание того, что краудфандинг это система правоотношений. Притом, что каждое обладает присущими ему особенностями, проявляющимися в гражданско-правовом регулировании.

Также полагаю, что наличие основы в виде зарубежных работ по краудфандингу, в общем, и по классификации краудфандинга, в частности, не должно пониматься как призыв к противопоставлению. Наоборот, необходимо активно использовать всю имеющуюся теоретическую базу.

Клинов А.О. предлагает рассматривать пять моделей краудфандинга:

- первая модель именуется благотворительной,
- вторая – условно-возвратной,
- третья – модель предварительного приобретения,
- четвертая – краудинвестинг,
- пятая – краудлендинг [5].

Подход Клинова А.О. в целом согласуется с подходами к классификации краудфандинга С. Брэдфорда и И. Дженика, Т. Лаймана, А. Нава.

Е. Архипов предлагает сразу несколько критериев для классификации краудфандинга [6]. Их общей основой является условие, согласно которому краудфандинг может быть либо возмездным, либо безвозмездным. Возмездный краудфандинг предполагает какое-либо встречное предоставление «донору» (т.е. по терминологии Е. Архипова лицу, проект которого финансируется) со стороны реципиента (т.е. со стороны лица, которое осуществляет финансирование краудфандингового проекта). Второй вид (безвозмездный) исключает такую возможность.

Котенко Д.А. классифицирует только три вида краудфандинга:

- первый вид именуется безвозмездным или условно безвозмездным краудфандингом;

- второй – условно возвратным краудфандингом;
- третий – безусловно возвратным (инвестиционным) краудфандингом [7].

Джамалдинова М.Д. и Дук А.Ю. предлагают классифицировать краудфандинг по двум основаниям:

- по цели проекта (например, проект, направленный на реализацию социальных или культурных целей);
- по виду вознаграждения для спонсоров (краудфандинг, где вознаграждение для лиц, финансирующих проект отсутствует, либо действует нефинансовое вознаграждение, либо действует финансовое вознаграждение (в этом случае, краудфандинг именуется краудинвестингом). Краудинвестинг автор в свою очередь разделяет на: модель роялти, народное кредитование и акционерный краудфандинг) [8].

Данный подход, с нашей точки зрения, вызывает некоторые вопросы, в частности, не совсем ясно носит ли указанный в п.1 перечень целей краудфандингового проекта закрытый характер или он открыт для внесения иных целей? Не совсем ясно видны отличия между бизнес-проектом и креативным проектом. Возникают и другие справедливые вопросы, например: может ли социальный или политический проект одновременно креативным или последний является своего рода отдельным видом проектов? Как их классифицировать между собой?

Также, не совсем ясно – в чем будет заключаться вознаграждение лица, в том случае, если договор займа будет беспроцентным? Кроме того, договор займа по общему правилу прямо предполагается беспроцентным в случаях, когда такой договор заключен между гражданами, в том числе индивидуальными предпринимателями, на сумму, не превышающую ста тысяч рублей.

Несколько иной, но, вместе с тем, также не бесспорной, является точка зрения Сивакс А.Н. По мнению ученого классификация краудфандинга имеет следующий вид:

- краудфандинговые проекты, предусматривающие нефинансовое вознаграждение;
- краудфандинговые проекты, предусматривающие финансовое вознаграждение [9].

Краудфандинговые проекты, предусматривающие нефинансовое вознаграждение, по мнению Сивакс А.Н., возможно далее классифицировать на благотворительные проекты (медицинские, политические, социальные) и проекты с дальнейшим вознаграждением. Краудфандинговые проекты, предусматривающие финансовое вознаграждение классифицируются на три модели: модель роялти, краудлендинг (т.е. креди-

тование юридических лиц, физических лиц и народное кредитование), акционерные краудфандинг.

К предложенной классификации краудфандинга также возникают довольно веские вопросы. Например, разделение краудфандинговых правоотношений, предусматривающих финансовое и нефинансовое вознаграждение, противоречит практике, согласно которой многие краудфандинговые правоотношения строятся по модели договора дарения (и, в частности, по договору пожертвования как его виду), который в принципе не предусматривает встречного предоставления. При наличии встречной передачи вещи или права либо встречного обязательства договор не признается дарением. К такому договору применяются правила о признании недействительной мнимой и притворной сделок.

В связи с этим, в классификации Сивакс А.Н., как минимум, отсутствует вид краудфандинговых проектов, которые в принципе не предусматривают какого-либо вознаграждения.

Указанные выше классификации краудфандинга этим не исчерпываются. Однако уже на основании проведенного частичного анализа можно сделать сформулировать определенные выводы:

- как среди зарубежных, так и среди отечественных ученых-исследователей не сложилось какого-либо целостного мнения относительно классификации краудфандинга. Возможно, такой единой классификации и в принципе может не быть?;
- в научной литературе приводятся различные основания для классифицирования краудфандинга: исходя из цели проекта, исходя из типа обратного предоставления для лиц, осуществляющих финансирование краудфандингового проекта, а также множество иных оснований;
- наиболее общепризнанной за рубежом и в России классификацией краудфандинга является подход, изложенный, в работах С. Брэдфорда и И. Дженика, Т. Лаймана, А. Нава;
- наиболее известные отечественные подходы к классификации краудфандинга, по большей части, основываются на принципах, изложенных в зарубежной литературе по краудфандингу, в частности, на приведенных нами выше работах С. Брэдфорда и И. Дженика, Т. Лаймана, А. Нава. Однако и в некоторых российских исследованиях по краудфандингу прослеживается особый, авторский подход, с той или иной степенью обоснования.

С учетом вышеизложенного, а также исходя из результатов проведенного анализа, полагаю возможным классифицировать правоотношения по краудфандингу на две основные группы:

- правоотношения по краудфандингу со встречным предоставлением;
- правоотношения по краудфандингу без встречного предоставления.

Основанием для такой классификации будет юридическая категория обратного предоставления.

В целом, такой подход не противоречит упомянутым нами выше классификациям, изложенным в работах С. Брэдфорда и И. Дженика, Т. Лаймана, А. Нава, но, вместе с тем, имеет более простую и ясную линию разграничения.

В правоотношения по краудфандингу без встречного предоставления предлагаем включать только одну модель краудфандинга – модель пожертвования (от англ. donation-based crowdfunding) по классификации И. Дженика, Т. Лаймана, А. Нава.

В перечне правоотношений по краудфандингу со встречным предоставлением предлагаю рассматривать следующие три модели по классификации И. Дженика, Т. Лаймана, А. Нава:

- модель предпокупки (от англ. pre-purchase model) по договору купли-продажи с предварительной оплатой товара;
- модель кредитования (от англ. lending model) по договору займа;
- модель корпоративного краудфандинга (от англ. equity model) по договору купли-продажи ценных бумаг.

В краудфандинге по модели предпокупки обязательство будет состоять в передаче товара. В краудфандинге по модели кредитования обязательство будет заключаться в возврате долга и уплаты процентов (или без уплаты таковых, в соответствии с условиями конкретного договора). Модель корпоративного краудфандинга обязательство будет состоять в передаче ценных бумаг организации.

Полагаю, что помимо указанных выше классификаций, может быть вполне юридически функциональна и следующая классификация краудфандинга:

- краудфандинг, осуществляемый в сети Интернет;
- краудфандинг, осуществляемый вне сети Интернет.

Несмотря на то, что большая часть краудфандинговых правоотношений реализуется с использованием сети Интернет, полагаю, что краудфандинг может осуществляться не только с применением информационно-телекоммуникационных технологий, но и с использованием тради-

ционных средств массовой информации (телевидение, радиовещание, публикация информации в газетах, журналах и др.), а также вообще без них. Поэтому субъекты и объекты правоотношений в сфере краудфандинга, а также содержание таких правоотношений и ответственность субъектов гражданско-правовых отношений в сфере краудфандинга следует анализировать исходя из указанного деления.

Список литературы:

- [1] Hemer, J. A Snapshot on Crowdfunding. – URL: https://www.isi.fraunhofer.de/content/dam/isi/dokumente/ccp/unternehmen-region/2011/ap_r2_2011.pdf (дата обращения: 23.05.2025).
- [2] Bradford, C. Steven. Crowdfunding and the Federal Securities Laws. – URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1916184 (дата обращения: 25.05.2025).
- [3] Jenik, I., Lyman, T., Nava, A. Crowdfunding and Financial Inclusion. – URL: <https://www.cgap.org/sites/default/files/Working-Paper-Crowdfunding-and-Financial-Inclusion-Mar-2017.pdf> (дата обращения: 25.05.2025).
- [4] Kaufman, Z. D., Kassinger, Th., Traeger, H. Democratizing Entrepreneurship: An Overview of the Past, Present, and Future of Crowdfunding. – URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2211698 (дата обращения: 25.05.2025).
- [5] Клинов А.О. Правовое регулирование краудфандинга в России и за рубежом // Закон. 2018. № 2. С. 90 – 105.
- [6] Архипов Е. Понятие и правовая природа краудфандинга // Актуальные проблемы предпринимательства. Сборник статей. Выпуск IV. По ред. К.Ю.Н. А.Е. Молотникова. – 2015. – С. 18 – 19.
- [7] Котенко Д.А. Краудфандинг – инновационный инструмент инвестирования // Закон. – 2014. – № 5. – С. 140 – 145.
- [8] Джамалдинова М.Д., Дук А.Ю. Краудфандинг как новая форма инновации в инвестировании // Вопросы региональной экономики. – 2016. – № 1 (26). – С. 27 – 33.
- [9] Сивакс А.Н. Краудфандинг как специфический вид краудсорсинга // Вестник Самарского государственного экономического университета. – 2015. – № 11 (133). – С. 30 – 34.

Spisok literatury:

- [1] Hemer, J. A Snapshot on Crowdfunding. – URL: https://www.isi.fraunhofer.de/content/dam/isi/dokumente/ccp/unternehmen-region/2011/ap_r2_2011.pdf (data obrashcheniya: 23.05.2025).
- [2] Bradford, C. Steven. Crowdfunding and the Federal Securities Laws. – URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1916184 (data obrashcheniya: 25.05.2025).

com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1916184 (data obrashcheniya: 25.05.2025).

[3] Jenik, I., Lyman, T., Nava, A. Crowdfunding and Financial Inclusion. – URL: <https://www.cgap.org/sites/default/files/Working-Paper-Crowdfunding-and-Financial-Inclusion-Mar-2017.pdf> (data obrashcheniya: 25.05.2025).

[4] Kaufman, Z. D., Kassinger, Th., Traeger, H. Democratizing Entrepreneurship: An Overview of the Past, Present, and Future of Crowdfunding. – URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2211698 (data obrashcheniya: 25.05.2025).

[5] Klinov A.O. Pravovoe regulirovanie kraudfandinga v Rossii i za rubezhom // Zakon. 2018. № 2. S. 90 – 105.

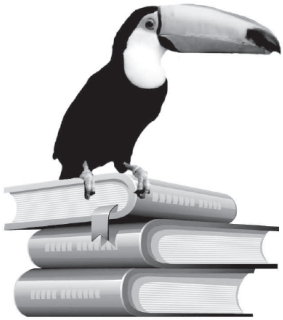
[6] Arhipov E. Ponyatie i pravovaya priroda kraudfandinga // Aktual'nye problemy predprinimatel'skogo prava. Sbornik statej. Vypusk IV. Po red. K.yu.n. A.E. Molotnikova. – 2015. – S. 18 – 19.

[7] Kotenko D.A. Kraudfanding – innovacionnyj instrument investirovaniya // Zakon. – 2014. – № 5. – S. 140 – 145.

[8] Dzhamaaldinova M.D., Duk A.Yu. Kraudfanding kak novaya forma innovacii v investirovanii // Voprosy regional'noj ekonomiki. – 2016. – № 1 (26). – S. 27 – 33.

[9] Sivaks A.N. Kraudfanding kak specificheskij vid kraudsorsinga // Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta. – 2015. – № 11 (133). – S. 30 – 34.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ВЕСЕЛКОВА Е.Е.,

д.ю.н., профессор кафедры
гражданского права и процесса РГУСоцТех,
e-mail: mail@law-books.ru

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ОСОБЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ЗОН НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Аннотация. В данной статье автором рассматриваются последние изменения в законодательстве об особых экономических зонах, уделяется внимание нововведениям Федерального закона «Об особых экономических зонах».

Ключевые слова: особые экономические зоны, иностранные инвесторы, иностранные инвестиции, государственно-частное партнерство.

VESELKOVA E.E.,

Doctor of Law,
Professor of the Department of Civil Law and Procedure
of the Russian State University of Social Technologies

ON THE ISSUE OF LEGAL REGULATION OF SPECIAL ECONOMIC ZONES AT THE PRESENT STAGE

Annotation. In this article, the author examines the latest changes in the legislation on special economic zones, paying attention to the innovations in the Federal Law "On Special Economic Zones".

Key words: special economic zones, foreign investors, foreign investment, public-private partnership.

Введение. Особые экономические зоны в России являются важным элементом инфраструктуры инновационной деятельности. Они представляют собой часть территории Российской Федерации, которая определяется Правительством Российской Федерации и на которой действует особый режим осуществления предпринимательской деятельности, а также может применяться таможенная процедура свободной таможенной зоны.[1]

Иностранные компании работают в России давно. Россия с ее колоссальными природными ресурсами, недорогой рабочей силой и громадным потенциалом потребительского рынка всегда была привлекательна для бизнеса. Сегодня наша страна вызывает еще больший интерес иностранного бизнеса из дружественных стран, поскольку рынок динамично развивается, растет материальное благосостояние граждан и внутриполитическая ситуация становится относительно прогнозируемой. Стоит отметить, что в последние годы создание особых экономических зон стало одним из направлений реформ в России.

Цель данной статьи состоит в исследовании теоретических и практических вопросов правового обеспечения функционирования особых экономических зон в РФ в настоящее время. Достижение поставленной цели предопределило необходимость решения следующих задач:

- рассмотрение истории правового регулирования ОЭЗ в России;
- исследование изменений в законодательстве об ОЭЗ на современном этапе.

Методологической основой исследования стали общенаучные и частно-научные методы правового анализа и синтеза, используемые в отечественной и зарубежной правовой науке: формально-юридический, системно-правовой, исторический, сравнительно-правовой, формально-логический, а также общеправовые методы толкования правовых норм и методов специальных юридических дисциплин.

С конца 80-х годов прошлого века, то есть в эпоху Союза Советских Социалистических Республик, и до настоящего времени развитие данного института прошло сложный путь. Многие

проблемы объяснялись отсутствием четкой законодательной базы, что было устранено вступлением в силу 25 августа 2005 года Федерального закона № 116-ФЗ от 22 июля 2005 года «Об особых экономических зонах в Российской Федерации». Данный Федеральный закон позволил официально закрепить правовое положение, порядок создания, функционирования и ликвидации особых экономических зон, в также перечислены основные законодательные акты, регламентирующие отношения в сфере деятельности особых экономических зон и подлежащие корректировке в связи с принятием Закона «Об особых экономических зонах в Российской Федерации». Механизм особых экономических зон предполагает преференции по трем ключевым для бизнеса направлениям: государственное финансирование создания инфраструктуры, формирование дружественной среды администрирования в особых экономических зонах, основанной на внедрении технологии «одного окна», налоговые и таможенные льготы. Именно сочетание этих факторов делает режим особых экономических зон привлекательным для инвесторов.

Данный закон начал регулировать деятельность промышленно-производственной особой экономической зоны и технико-внедренческой особой экономической зоны. Туристско-рекреационное направление было предложено проработать дополнительно и внести в Закон в виде поправок. Позднее в 2007 году к указанным типам ОЭЗ была добавлена портовая особая экономическая зона. Стоит отметить, что согласно изменениям, внесенным ФЗ от 04.08.2023 N 448-ФЗ, туристско-рекреационные ОЭЗ, созданные до 01.09.2023 и расположенные в границах особо охраняемых природных территорий, функционируют до истечения срока, на который они созданы (продлению не подлежат), с учетом режима особой охраны указанных территорий.

Закон «Об особых экономических зонах» неоднократно менялся, дополнялся, что свидетельствует об активном оклике государства на меняющиеся условия для ведения бизнеса в условиях внутригосударственной и геополитической обстановки. Однако, несмотря на это, законодательство об особых экономических зонах до сих пор нуждается в доработке. Вполне предсказуемо, что внесение поправок, изменений в Федеральный закон «Об особых экономических зонах» будет происходить и в дальнейшем, постепенно, по мере накопления как положительного, так и отрицательного опыта функционирования зон в России.

В рамках процесса динамичного и устойчивого развития экономики России, создания инновационной инфраструктуры главные усилия направляются на создание благоприятного инвестиционного и предпринимательского климата.

Анализ вступивших в силу с 1 января 2025 года изменений в Федеральный закон «Об особых экономических зонах» свидетельствует о том, что современная политика российского правительства в сфере регулирования инвестиционной деятельности в особых экономических зонах направлена на привлечение как отечественных, так и зарубежных инвесторов. Оценивая льготы, предоставляемые частным инвесторам на территории особых экономических зон, можно утверждать, что инвестиции в особые экономические зоны пользуются в России серьезной поддержкой государства.

Для привлечения инвесторов на эти площадки регионы используют федеральные инструменты поддержки. К ним относятся не только уже ставшие привычными льготы по налогу на прибыль, имущество и землю, возможность уплаты пониженных страховых взносов, но инфраструктурные бюджетные и специальные казначейские кредиты, а также реструктуризация долга перед государственным бюджетом при направлении средств на развитие инвестиционных проектов. [2]

Изменение геополитической ситуации послужило смещению вектора внутреннего развития страны. После ввода санкций зарубежные компании действовали по одному из трех сценариев: продажа своего бизнеса, передача бизнеса в управление российскому менеджменту и адаптация деятельности с поправкой на изменившиеся международные реалии. Предпочтительнее оказался последний вариант из упомянутых, то есть работу покинувших РФ иностранных компаний продолжают уже российские управляющие. Одним из многочисленных примеров является компания Viola (ранее Valio): после смены руководства компания продолжила активно инвестировать в развитие. Суммарный объем годовых инвестиций Viola в 2023 году составил около 250 млн руб. Этот год стал рекордным в инвестиционной истории компании. При этом, по мнению экспертов, тенденция к снижению доли иностранных инвесторов будет сохраняться наряду с усилением курса на импортозамещение. [4]

Федеральный закон для оптимизации системы управления особыми экономическими зонами закрепил возможность создания кластера, для чего по решению Правительства РФ объединяются несколько особых экономических зон одного или нескольких типов.

Идея повышения конкурентоспособности национальной экономики на основе реализации кластерных стратегий не нова. В своем первом выступлении перед американским Конгрессом Президент Барак Обама, отмечая важность реализации инновационной стратегии для процветания нации, указал на необходимость поддержа-

ния процессов динамического взаимодействия между крупными и малыми компаниями, университетами, финансовыми структурами на основе кластерных стратегий, реализуемых, прежде всего, на региональном уровне, которые способны придать динамизм экономике страны в целом. Аналогичные шаги предпринимаются и в странах Европейского Союза, где кластерные стратегии также рассматриваются в качестве важнейшего инструмента инновационного развития этого региона.[5]

В России, начиная с 2000 года, в ряде регионов также формируются инновационные кластерные инициативы. Например, в Москве в критически важных отраслях были созданы межотраслевые кластеры — фармацевтики, фотоники и электромобилестроения. В них вошли более 70 компаний из 200, производство которых размещается в ОЭЗ «Технополис Москва». Продукция этих предприятий дает высокую добавочную стоимость и позволяет быстро создавать условия для развития предпринимательских инициатив, проведения совместных разработок, создания инновационных предприятий и формирования полноценных производственных цепочек. [6] Как показывает российский опыт, реализация кластерной политики способствует росту конкурентоспособности бизнеса за счет реализации потенциала эффективного взаимодействия участников кластера, связанного с их географически близким расположением, включая расширение доступа к инновациям, технологиям, «ноу-хау», специализированным услугам и высококвалифицированным кадрам, а также снижением транзакционных издержек, обеспечивающим формирование предпосылок для реализации совместных кооперационных проектов и продуктивной конкуренции.

Заключение. На сегодняшний день институт особых экономических зон проходит новый этап пересмотра и ревизии. Инвестиционная привлекательность данной формы государственно-частного партнерства очевидна, что доказано и международным, и российским опытом. Изменения, внесенные в закон об особых экономических зонах, являются неоспоримыми мерами поддержки инвесторов и призваны «поддержать

интерес последних к укреплению инвестиционной привлекательности отечественной экономики, что является одним из ключевых аспектов стратегии социально-экономического развития России».[7]

Список литературы:

- [1] Федеральный закон «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» от 22.07.2005 N 116-ФЗ (последняя редакция) \ КонсультантПлюс Дата обращения 02.05.2025
- [2] Точки роста - Коммерсантъ Дата обращения 28.04.2025
- [3] Фурщик М., Ушаков Е. Перспективы особых экономических зон в условиях финансового кризиса//Менеджмент и Бизнес-Администрирование. № 3. 2009.
- [4] Сайт: www.Bestreferat.ru (Дата обращения 18.04.2025)
- [5] Фатиева, И. А. Правовой статус особых экономических зон: проблемы и перспективы нормативного регулирования / И. А. Фатиева. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2021. — № 8 (350). — С. 141-145. — URL: <https://moluch.ru/archive/350/78684/> (дата обращения: 30.04.2025).

Spisok literatury:

- [1] Federal'nyj zakon «Ob osoby`x e'konomicheskix zonax v Rossijskoj Federacii» ot 22.07.2005 N 116-FZ (poslednyaya redakciya) \ Konsul'tantPlyus Data obrashheniya 02.05.2025
- [2] Tochki rosta - Kommersant` Data obrashheniya 28.04.2025
- [3] Furshhik M., Ushakov E. Perspektivy` osoby`x e'konomicheskix zon v usloviyax finansovogo krizisa//Menedzhment i Biznes-Administrirovanie. № 3. 2009.
- [4] Sajt: www.Bestreferat.ru (Data obrashheniya 18.04.2025)
- [5] Fatieva, I. A. Pravovoj status osoby`x e'konomicheskix zon: problemy` i perspektivy` normativnogo regulirovaniya / I. A. Fatieva. — Tekst: neposredstvennyj // Molodoj uchenyj. — 2021. — № 8 (350). — S. 141-145. — URL: <https://moluch.ru/archive/350/78684/> (data obrashheniya: 30.04.2025).

Дата поступления рукописи в редакцию: 22.05.2025 г.

DOI: 10.24412/2224-9133-2025-5-497-499

Дата принятия рукописи в печать: 10.06.2025 г.

ОНДАР Елена Романовна,
аспирантка 4 курса заочной формы обучения
АНО ВО «Российской университет
адвокатуры и нотариата имени Г.Б. Мирзоева»,
e-mail: mail@law-books.ru

Научный руководитель:
ШАГИЕВА Розалина Васильевна,
доктор юридических наук, профессор,
e-mail: mail@law-books.ru

ТУВИНСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ И ЕЁ ЗНАЧИМОСТЬ В СОСТАВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. Статья исследует становление и развитие государственности Республики Тыва в составе Российской Федерации, начиная с периода независимой Тувинской Народной Республики (1921 г.) до современного статуса субъекта РФ. Рассматриваются ключевые этапы интеграции Тувы, её геополитическая, культурная и экономическая значимость, а также особенности конституционного развития. Особое внимание уделено роли республики в укреплении федеративных отношений и сохранении национальной идентичности.

Ключевые слова: Республика Тыва, государственность, российский федерализм, геополитика, культурное наследие, конституционное развитие, интеграция.

ONDAR Elena Romanovna,
graduate student of the 4th year of correspondence education
ANO HE "Russian University
bar and notary named after G.B. Mirzoev"

Scientific supervisor:
SHAGIEVA Rozalina Vasilievna,
Doctor of Law, Professor

TUVAN STATEHOOD AND ITS SIGNIFICANCE WITHIN THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. The article explores the formation and development of statehood of the Republic of Tyva within the Russian Federation, starting from the period of the independent Tuva People's Republic (1921) to the modern status of a subject of the Russian Federation. The key stages of Tuva's integration, its geopolitical, cultural and economic significance, as well as the peculiarities of constitutional development are considered. Particular attention is paid to the role of the republic in strengthening federal relations and preserving national identity.

Key words: Republic of Tyva, statehood, Russian federalism, geopolitics, cultural heritage, constitutional development, integration.

Государственность Республики Тыва формировалась в рамках российской политической системы, пройдя путь от независимой Тувинской Народной Республики (1921 г.) до современного статуса субъекта РФ. Этот процесс отражает особенности развития малых народов в

условиях геополитических изменений XX-XXI вв. Зарождение тувинской государственности связано с событиями 1918 года, когда 18 июня совместное заседание съездов русского и тувинского населения Урянхайского края приняло Договор о самоопределении Тувы [6, с. 8-29].

После периода политической нестабильности, включавшего оккупацию войсками Колчака и освобождение края Красной армией, в 1921 году при поддержке РСФСР был провозглашен суверенитет Тувы [7, с. 137-143]. Исторический путь Тувы отражает эволюцию от самоопределения (1918-1921) через независимую государственность (1921-1944) к интеграции в СССР и современной России. Присоединение 1944 года носило добровольный характер и соответствовало нормам международного права того периода [3, с. 55-68].

Современный этап развития тувинской государственности ознаменовался принятием в 1993 году новой конституции республики, которая установила официальное наименование «Республика Тыва» и закрепила статус тувинского языка, как государственного наряду с русским. В декабре того же года Конституция РФ [2], вступившая в силу, официально утвердила данное название, определив правовые основы функционирования республики как равноправного субъекта Российской Федерации с особым статусом, учитывающим национально-культурные особенности тувинского народа. Следует отметить, что Конституция Республики Тыва 1993 года была принята ранее Конституции РФ, что обусловило наличие ряда правовых расхождений. В частности, положения о суверенитете республики, её праве на выход из состава РФ (право сепарации), регулировании вопросов воинской обязанности и введения чрезвычайного положения требовали гармонизации с федеральным законодательством [8, с. 412-417]. В целях устранения данных противоречий была разработана новая редакция Конституции, прошедшая процедуру общественного обсуждения и утверждённая 6 мая 2001 года на всенародном референдуме [1]. Принятый документ сохранил прогрессивные нормы предыдущей редакции, одновременно устранив несоответствия с правовой системой РФ.

Исторический путь становления тувинской государственности отражает устойчивую тенденцию к сохранению национально-культурной идентичности, что проявляется в бережном отношении к традициям, обычаям и государственным праздникам. Важным элементом этой политики является День Конституции Республики Тыва, учреждённый в честь принятия Основного закона на всенародном референдуме 6 мая 2001 года.

Конституция 2001 года закрепила ключевые принципы государственного устройства республики в рамках общероссийской федеративной системы. Среди значимых изменений – законодательное закрепление равнозначности наименований «Республика Тыва» и «Тува», устранение положений о суверенитете в пользу укрепления единства с Российской Федерацией, а также при-

дание русскому и тувинскому языкам равного государственного статуса. Важным шагом стала унификация системы управления: должность президента республики была упразднена, а главой региона стал председатель правительства, назначаемый президентом России. Данные преобразования способствовали интеграции Тувы в правовое и административное пространство страны при сохранении её культурной самобытности.

Республика Тыва занимает особое место в системе российского федерализма, что определяется её уникальным историческим путём, этнокультурной спецификой и геополитической ролью. Включение Тувы в состав СССР (1944 г.) и её последующая трансформация в субъект РФ демонстрируют гибкость российской модели федерализма, сочетающей национальную автономию с общегосударственной интеграцией.

1. Геополитическая и стратегическая значимость.

Тыва играет ключевую роль в обеспечении российских интересов в Центрально-Азиатском регионе. Её протяжённая граница с Монголией (свыше 1000 км) делает республику важным звеном в системе приграничного сотрудничества, безопасности и экономического взаимодействия. Через Тыву развиваются транзитные связи с Монголией и Китаем, что соответствует стратегическим задачам евразийской интеграции [4, с. 3276-3286].

Кроме того, успешная интеграция тувинского народа в российское правовое и культурное пространство при сохранении национальной идентичности служит примером эффективности национальной политики РФ. Это укрепляет позиции России в Центральной Азии как государства, способного гармонизировать межэтнические отношения.

2. Культурно-цивилизационное значение.

Тыва вносит существенный вклад в культурное многообразие России, сохраняя уникальные традиции тувинского народа – единственного тюркского этноса, исповедующего тибетский буддизм. Такие явления, как горловое пение (хоомей), народные промыслы и кочевая культура, имеют не только региональное, но и международное значение.

Конституционно закреплённое двуязычие (русский и тувинский языки) обеспечивает сохранение языковой идентичности при интеграции в общероссийское образовательное и научное пространство. Этот опыт может быть полезен для других национальных регионов РФ.

3. Экономическая роль в федеративной системе.

Тыва обладает значительным природно-ресурсным потенциалом (уголь, золото, кобальт),

который при рациональном освоении может способствовать развитию экономики Сибири и страны в целом. Традиционное животноводство и экологически чистое производство укрепляют продовольственную безопасность региона. Развитие транспортной инфраструктуры (включая проекты железнодорожного сообщения) усилит транзитную роль республики, а туристический потенциал (природные заповедники, культурные памятники) способствует диверсификации экономики [5, с. 116-125].

Таким образом, государственность Республики Тыва в составе РФ – это пример успешного сочетания национальной автономии с общефедеративными интересами. Её геополитическое положение, культурное наследие и экономические перспективы делают республику важным элементом российской государственности. Дальнейшее развитие региона должно основываться на укреплении федеративных принципов, эффективном использовании ресурсного потенциала и сохранении уникального культурного наследия тувинского народа. Интеграция опыта Тувы в федеральную национальную политику может способствовать укреплению межэтнического согласия и устойчивому развитию других национальных субъектов РФ.

Список литературы:

- [1] Конституция Республики Тыва (ред. от 04.05.2023) // СПС КонсультантПлюс, 2025.
- [2] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС КонсультантПлюс, 2025.
- [3] Дамдынчап, В.М. Формирование нормативно-правовой базы Тувинской народной республики (1921-1944) // Вестник КИГИ РАН. – 2018. – №1 (35). – С. 55-68.
- [4] Мадюкова, С. А. Региональные особенности института национальной политики в республике Тыва / С. А. Мадюкова // Вопросы политологии. – 2022. – Т. 12, № 10(86). – С. 3276-3286.
- [5] Матвеева, Е.В., Астахов О.Ю., Сат А.В. Особенности политической культуры республики тыва в условиях тренда государства на формирование традиционных ценностей // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. – 2024. – № 3. – С. 116-125.
- [6] Моллеров Н.М. О добровольности, правомерности и своевременности вхождения ТНР в состав СССР и РСФСР (К 80-летию исторического события) // Азиатские исследования: история и современность. – 2024. – № 11. – С. 8-29.

[7] Ондар, Е.М. Исторические особенности формирования тувинской государственности / Е.М. Ондар // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». – 2016. – № 1. – С. 137-143.

[8] Опай-Оол, А. Р. История становления государства и права Республики Тыва / А. Р. Опай-Оол // Законность и правопорядок: история, современность, актуальные проблемы: материалы VII Всероссийской межвузовской студенческой научной конференции, Москва, 03 декабря 2022 года. – Москва: Московский педагогический государственный университет, 2023. – С. 412-417.

Spisok literatury:

- [1] Konstitutsiya Respubliki Tyva (red. ot 04.05.2023) // SPS KonsultantPlyus, 2025.
- [2] Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii (prin-yata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993 s izmeneniyami, odobrennymi v khode obshcherossiyskogo golosovaniya 01.07.2020) // SPS KonsultantPlyus, 2025.
- [3] Damdynchap, V.M. Formirovanie normativno-pravovoy bazy Tuvinskoy narodnoy respubliki (1921-1944) // Vestnik KIGI RAN. – 2018. – №1 (35). – S. 55-68.
- [4] Madyukova, S. A. Regionalnye osobennosti instituta natsionalnoy politiki v respublike Tyva / S. A. Madyukova // Voprosy politologii. – 2022. – T. 12, № 10(86). – S. 3276-3286.
- [5] Matveeva, E.V., Astakhov O.Yu., Sat A.V. Osobennosti politicheskoy kultury respubliki Tyva v usloviyakh trenda gosudarstva na formirovanie traditsionnykh tsennostey // Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Politologiya. – 2024. – № 3. – S. 116-125.
- [6] Mollerov N.M. O dobrovolnosti, pravomer-nosti i svoevremennosti vkhogdeniya TNR v sostav SSSR i RSFSR (K 80-letiyu istoricheskogo sobytiya) // Aziatskie issledovaniya: istoriya i sovremennost. – 2024. – № 11. – S. 8-29.
- [7] Oндар, Е.М. Istoricheskie osobennosti formirovaniya tuvinskoy gosudarstvennosti / Е.М. Oндар // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya «Istoriya i filologiya». – 2016. – № 1. – S. 137-143.
- [8] Opay-Ool, A. R. Istoriya stanovleniya gosudarstva i prava Respubliki Tyva / A. R. Opay-Ool // Zakonnost i pravoporyadok: istoriya, sovremennost, aktualnye problemy : materialy VII Vserossiyskoy mezhvuzovskoy studencheskoy nauchnoy konferentsii, Moskva, 03 dekabrya 2022 goda. – Moskva: Moskovskiy pedagogicheskiy gosudarstvennyy universitet, 2023. – S. 412-417.

МЕЛЬНИКОВ Евгений Александрович,
доцент кафедры экономических и финансовых
расследований ВШГА МГУ имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия,
кандидат юридических наук,
e-mail: evgmelnikov.1985@mail.ru

НЕЗАКОННЫЕ ДЕЙСТВИЯ В ОТНОШЕНИИ ИМУЩЕСТВА, ПОДВЕРГНУТОГО ОПИСИ ИЛИ АРЕСТУ ЛИБО ПОДЛЕЖАЩЕГО КОНФИСКАЦИИ (СТ. 312 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ): ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ ОБЪЕКТА ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Аннотация. Статья посвящена дискуссионным вопросам определения основного непосредственного объекта преступления, предусмотренного ст. 312 УК РФ. В статье обосновывается, что объект данного преступления зависит от специфики данного общественно-опасного деяния и обстоятельств, при которых оно было совершено. От объекта преступления зависит возможность освобождения от уголовной ответственности в случае снятия ареста.

Ключевые слова: арест, имущество, уголовное преследование, преступления против правосудия, присвоение, растрата, сокрытие, конфискация.

MELNIKOV Eugene Altksandrovich,
Associate Professor of the Department
of economic and financial investigations of the Higher school
of public audit of Lomonosov Moscow
State University, PhD in Law

ILLEGAL ACTIONS IN RELATION TO PROPERTY SUBJECTED TO INVENTORY OR ARREST OR SUBJECT TO CONFISCATION (ARTICLE 312 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION): DISCUSSION ISSUES OF THE OBJECT OF THE CRIME

Annotation. The article is devoted to the controversial issues of determining the main direct object of a crime under Article 312 of the Criminal Code of the Russian Federation. The article substantiates that the object of this crime depends on the specifics of this socially dangerous act and the circumstances under which it was committed. The possibility of exemption from criminal liability in case of lifting the arrest depends on the object of the crime.

Key words: arrest, property, criminal prosecution, crimes against justice, embezzlement, misappropriation, concealment, confiscation.

Безусловно, стоит согласиться с мнением, что без исполнения судебных постановлений, вступивших в законную силу, «весь предшествующий процесс судебной защиты нарушенных или оспариваемых прав, свобод или законных интересов становится бессмысленным, а право на доступ к правосудию нереализованным» [1, с. 405]. Именно поэтому исполнение судебных решений стоит рассматривать как самостоятельную функцию уголовного судопро-

изводства, без реализации которой невозможно достижение его целей и задач.

В УПК РФ реализована концепция «соединенного процесса», которая подразумевает, что в уголовном судопроизводстве наряду с публичным иском может быть рассмотрен и гражданский иск. При этом гражданский иск имеет акцессорный характер по отношению к уголовному делу. Концепция «соединенного» процесса не является универсальной. В законодательстве

ряда стран (например, Англия, США) реализована иная модель – когда одно деяние при определенных обстоятельствах становится основанием для инициирования двух самостоятельных не зависящих между собой процессов: уголовного и гражданского [2]. В связи с этим достижение материальной цели уголовного судопроизводства – «установления для конкретного случая существования права государства на наказание и эвентуально тех пределов, в которых оно подлежит осуществлению» [3, с.21], не зависит от разрешения гражданского иска и последующего исполнения судебного постановления в этой части. Поэтому уголовно-правовые меры обеспечения исполнения гражданского иска в уголовном судопроизводстве по большому счету не относятся к уголовно-правовым мерам обеспечения целей и назначения уголовного судопроизводства.

Однако в ряде случаев арест может улавливаться, например, в отношении имущества, имеющего статус вещественного доказательства, либо имущества, подлежащего последующей конфискации по приговору суда. В данном случае ст.312 УК РФ уже может рассматриваться как мера уголовно-правового обеспечения целей и назначения уголовного судопроизводства. При этом преступление, предусмотренное ст. 312 УК РФ, может посягать на различные группы общественных отношений в зависимости от обстоятельств, при которых оно было совершено.

Преступление, предусмотренное ч.2 ст.312 УК РФ, по нашему мнению, посягает на общественные отношения, характеризующие авторитет правосудия. В данном случае данное посягательство связано с уклонением от исполнения приговора суда, вступившего в законную силу. По основному непосредственному объекту посягательства данное преступление концептуально не отличается от преступлений, предусмотренных ст.313 – ст. 315 УК РФ.

В уголовном судопроизводстве преступление, предусмотренное ч.1 ст. 312 УК РФ, может быть совершено на различных стадиях. В тех случаях, когда оно совершается на этапах предшествующих вступлению приговора в законную силу, мы не во всех случаях можем говорить о посягательстве на авторитет правосудия – даже несмотря на то, что арест в данном случае в качестве обеспечительной меры устанавливается постановлением суда. В досудебных стадиях уголовного судопроизводства суд выполняет функцию судебного контроля и проверяет, прежде всего, законность избрания этой меры процессуального принуждения. Поэтому принципиально разными нам представляются следующие ситуации.

Если на имущество обвиняемого в ходе предварительного производства в качестве обеспечительной меры постановлением суда наложен арест, оно передано обвиняемому на ответственное хранение в установленном порядке, и это имущество в последующем им растрачено, то им будет совершено посягательство, направленное на воспрепятствование осуществлению правосудия, т.е. на динамику процесса. Однако если при тех же обстоятельствах третье лицо – служащий кредитной организации совершит банковскую операцию с денежными средствами (вкладами) этого обвиняемого, то он не исполнит обязательные для него требования судебного постановления, в связи с чем совершит посягательство на авторитет правосудия, т.е. на статику процесса.

Подобный подход к определению объекта преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 312 УК РФ, имеет сугубо практическое значение. Если в последующем арест будет отменен уполномоченным лицом или органом (например, ввиду того, что в данной мере процессуального принуждения отпала необходимость или её установление было признано незаконным), то обвиняемый, растративший арестованное ранее имущество, должен быть освобожден от уголовной ответственности (объекту охраны не причинён ущерб), в тоже время, в отношении служащего кредитной организации, такое решение теоретически может быть принято лишь в случае, когда арест будет отменен ввиду его незаконности.

Интересен вопрос об объекте преступления, предусмотренного ч.1 ст. 312 УК РФ, в случае наложения ареста на имущество судебным приставом-исполнителем в целях исполнения судебного постановления (приговора, решения), вступившего в законную силу. Представляется, что норма, предусмотренная ч.1 ст. 312 УК РФ, прежде всего, установлена в целях обеспечения исполнения судебного акта. Однако, например, передача арестованного имущества третьему лицу в нарушение запрета, установленного судебным приставом-исполнителем, может в действительности не привести к невозможности исполнения судебного акта, либо создать какие-либо потенциальные препятствия для его исполнения. При этом объективная сторона деяния, предусмотренного ч.1 ст. 312 УК РФ, формально будет выполнена.

По нашему мнению, деяние предусмотренное, ч.1 ст. 312 УК РФ, должно, в конечном итоге, потенциально затруднять, либо делать невозможным исполнение судебного акта, вступившего в законную силу, а не просто формально нарушать законные предписания судебного пристава-исполнителя в части действий с вверенным

имуществом, подвергнутому аресту: «... суды первой и апелляционной инстанции, признавая Ч. виновной в незаконной передаче имущества, подвергнутого описи и аресту, оставили без внимания вопрос о том, является ли вменяемое Ч. деяние общественно опасным, тогда как из материалов дела следует, что ей была инкриминирована передача всего 2 межкомнатных дверей, установленных в квартире и находящихся длительное время в эксплуатации, стоимостью 5000 рублей. При этом вредных последствий данное деяние не повлекло, так как двери имелись в наличии, находились по месту ответственного хранения арестованного имущества, впоследствии были перемещены по новому месту жительства Ч.» [4].

Другими словами, не всегда нарушение нормальной законной деятельности органов принудительного исполнения может рассматриваться как посягательство на интересы правосудия, особенно в тех случаях, когда такое деяние потенциально не затрудняет исполнение судебного постановления, либо делает его исполнение невозможным. Примечательно, что суды первой и апелляционной инстанции в своих постановлениях указали, что Ч. своими действиями «нарушила нормальную деятельность суда по отправлению правосудия» [4]. Однако суд кассационной инстанции при пересмотре дела с указанным утверждением не согласился.

Представляется, что обозначенного подхода стоит придерживаться, в том числе при разграничении деяний, предусмотренных ст. 17.14 КоАП РФ и ст. 312 УК РФ. Как показал анализ правоприменительной практики суды по-разному подходят к толкованию объективной стороны рассматриваемых деяний: «Доводы кассационной жалобы адвоката о привлечении Н.В. к ответственности дважды по одному и тому же факту были предметом рассмотрения суда апелляционной инстанции и обоснованно отвергнуты с приведением мотивов принятого решения. Как правильно указал суд, по ч. 1 ст. 17.14 КоАП РФ Н.В. привлечен за нарушение должником законодательства об исполнительном производстве, выразившееся в невыполнении законных требований судебного пристава-исполнителя о предоставлении транспортного средства, тогда как объективной стороной преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 312 УК РФ, за совершение которого осужден Н.В., является сокрытие имущества, подвергнутого описи или аресту, совершенное лицом, которому это имущество вверено, путем перемещения арестованного автомобиля с места хранения в неустановленное место» [5]. Нам представляется, что в приведенном примере привлечение лица по ст. 17.14 КоАП РФ является избыточным. Очевидно, что если лицо совершило преступле-

ние, предусмотренное ч.1 ст. 312 УК РФ, путем сокрытия имущества, то оно не сможет его и предъявить. Таким образом, ч.1 ст. 312 УК РФ в этой части поглощает объективную сторону деяния, предусмотренного ст.17.14 КоАП РФ.

Данный вывод подтверждается следующим примером из правоприменительной практики. Лицо не выдало судебному приставу-исполнителю ноутбук, на который ранее им был наложен арест. Вверенный ноутбук был передан лицом своей дочери в пользование. Данное лицо было привлечено к ответственности по ст. 17.14 КоАП РФ и по ч.1 ст. 312 УК РФ. Пересматривая дело в порядке кассационного производства Президиум Московского областного суда указал:

«К. осуждена по ч. 1 ст. 312 УК РФ за совершение тех же действий, за которые она ранее была привлечена к административной ответственности по ч. 1 ст. 17.14 КоАП РФ.

Кроме того, суд установил, что К. совершила передачу ноутбука своей дочери К.Н.Д., которая ранее пользовалась данным имуществом. Из постановления о наложении ареста на имущество следует, что пользование ноутбуком было не запрещено.

Как видно из материалов дела, после возбуждения уголовного дела 11 октября 2012 года К. добровольно выдала судебному приставу-исполнителю ноутбук, на который ранее был наложен арест, ею погашена задолженность в полном объеме» [6]. Дело было направлено на новое рассмотрение.

Принципиальным отличием второй ситуации является то обстоятельство, что своими действиями обвиняемая не создала реальных препятствий к исполнению судебного акта. Именно поэтому вопрос о виновности данного лица в совершении преступления, предусмотренного ч.1 ст. 312 УК РФ, был поставлен судом кассационной инстанции под сомнение.

В связи изложенным представляется спорной позиция ФССП России, что деяние, имеющее признаки преступления, предусмотренного ч.1 ст. 312 УК РФ, не может быть признано малозначительным ввиду незначительной стоимости растрченного, отчужденного, скрытого или переданного имущества [7]. Нам представляется, что подобный подход не учитывает специфику объекта рассматриваемого состава преступления. Если, например, растрата какого-то имущества в действительности не оказала значительного влияния на возможность исполнения судебного решения (например, когда при сумме обязательства в 1 000 000 рублей было растрчено имущество оценочной стоимостью в 100 рублей), мы не видим реальных препятствий для признания такого деяния малозначительным.

В контексте описанных ситуаций в доктрине ведется дискуссия о возможной частичной декриминализации ч.1 ст. 312 УК РФ [8, с.31-37]. В рамках данной дискуссии заслуживает внимание предложение провести дифференциацию административной и уголовной ответственности в зависимости от того привело ли нарушение порядка обращения с вверенным имуществом, подвергнутому аресту, к утрате возможности удовлетворения за счет этого имущества требований исполнительного документа [9, с.421].

Это корреспондирует позиции специалистов, которые в качестве основного непосредственного объекта преступления, предусмотренного ст.312 УК РФ, рассматривают общественные отношения, характеризующие «реализацию судебного акта в связи с арестом имущества или денежных средств (вкладов) либо конфискацией имущества» [10, с. 54].

По нашему мнению, нельзя относить к основному непосредственному объекту рассматриваемого преступления (ст. 312 УК РФ) общественные отношения, характеризующие «нормальную деятельность органов по исполнению судебного акта в связи с арестом имущества или денежных средств (вкладов) либо специальной конфискацией имущества» [11]. Подобный подход может вести к необоснованной криминализации широкого спектра деяний, связанных с нарушением порядка хранения имущества, подвергнутого описи или аресту, которые не обладают необходимой степенью общественной опасности. Это косвенно подтверждает тот факт, что в случае если судебный акт в последующем отменен в ходе проверочного производства, то предшествующая такой отмене растрата (отчуждение, сокрытие или передача) имущества, на которое был наложен арест судебным приставом-исполнителем, в целях обеспечения исполнения этого акта, не может рассматриваться как преступление и вести к уголовной ответственности по ч.1 ст. 312 УК РФ [12]. Это касается и тех случаев, когда арест наложен в целях обеспечения приговора суда:

«...поскольку арест на имущество накладывался с целью исполнения обвинительного приговора, а Рыбаков В.А. по предъявленному обвинению был оправдан и уголовное дело № прекращено, следует признать, что правовые основания для применения указанной меры процессуального принуждения отсутствовали. При таких обстоятельствах, суд пришел к правильному выводу о том, что действия Рыбакова В.А. по дарению объектов недвижимости сыну, не образуют состав преступления, в связи с чем утверждения государственного обвинителя К.И.Н. об обратном следует признать несостоятельными» [13].

Таким образом, основной непосредственный объект преступления, предусмотренного ч.1 ст. 312 УК РФ, может различаться в зависимости от специфики самого общественно-опасного деяния и обстоятельств при которых оно было совершено. Объект преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 312 РФ, не зависит от способа совершения общественно-опасного деяния и его специфики. В качестве него выступают общественные отношения, характеризующие авторитет правосудия. Дополнительный непосредственный объект рассматриваемого преступления - общественные отношения собственности физических или юридических лиц, государства [14, с.1035].

Список литературы:

- [1] Гессен И. В., Жуйков В. М. Судебная реформа в прошлом и настоящем. М.: Статут, 2007. 415 с.
- [2] Курс уголовного судопроизводства / Под ред. Л.В. Головки. М.: Статут, 2016 // СПС «Консультант плюс».
- [3] Полянский Н.Н. Цель уголовного процесса. Ярославль: Тип. Ярославского кредитного союза кооперативов, 1919. 36 с.
- [4] Постановление Президиума Ростовского областного суда от 30 мая 2019 г. № 44у-93/2019 // СПС «КонсультантПлюс»
- [5] Постановление Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 16 августа 2023 г. по делу № 77-3440/2023 // «КонсультантПлюс».
- [6] Постановление Президиума Московского областного суда от 16 июля 2014 г. № 396 по делу № 44у-216/2014 // СПС «Консультант-Плюс».
- [7] Методические рекомендации по выявлению и расследованию преступлений, предусмотренных статьей 312 Уголовного кодекса Российской Федерации (утверждены ФССП России 25 апреля 2012 года № 04-7) // СПС «Консультант-Плюс».
- [8] Плаксина Т.А. Незаконные действия в отношении имущества, подвергнутого описи или аресту (ч. 1 ст. 312 УК РФ): оценка возможности и обоснованности частичной декриминализации // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2013. № 4 (14). С.31-37.
- [9] Преступления против правосудия (гл. 31 УК РФ): монография / под ред. Н.А. Лопашенко. М., 2023. 560 с.
- [10] Друзин А.И. Воспрепятствование исполнению судебного акта. Ульяновск: Ульяновский дом печати, 2001. 184 с.
- [11] Калегов Р.В. Проблемы применения статьи 312 «Незаконные действия в отношении имущества, подвергнутого описи или аресту либо подлежащего конфискации» УК РФ в исполни-

тельном производстве // Практика исполнительного производства. 2007. № 5-6. // СПС «КонсультантПлюс».

[12] Постановление Президиума Пензенского областного суда от 14 февраля 2019 г. по делу № 44у-5/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

[13] Апелляционное постановление Орловского областного суда от 25 мая 2017 г. по делу № 22-708/17 // URL: <https://xn--90afdbaav0bd1afy6eub5d.xn--p1ai/27172646/extended>

[14] Энциклопедия уголовного права. Т.28. Преступления против правосудия – Издание профессора Малинина – Спб: МИЭП при МПА ЕврАзЭС. Спб., 2017. 1124 с.

Spisok literaturey:

[1] Hesse I.V., Zhuikov V.M. Judicial reform in the past and present. M.: Statute, 2007. 415 s.

[2] Course of criminal proceedings/Ed. L.V. Golovko. M.: Statute, 2016//SPS "Consultant Plus."

[3] Polyansky N.N. Purpose of the criminal trial. Yaroslavl: Type. Yaroslavl Credit Union of Cooperatives, 1919. 36 pp.

[4] Resolution of the Presidium of the Rostov Regional Court of May 30, 2019 No. 44u-93/2019//SPS "ConsultantPlus"

[5] Ruling of the Sixth Court of Cassation of General Jurisdiction of August 16, 2023 in case No. 77-3440/2023//ConsultantPlus.

[6] Resolution of the Presidium of the Moscow Regional Court of July 16, 2014 No. 396 in case No. 44u-216/2014//SPS "ConsultantPlus."

[7] Guidelines for identifying and investigating crimes under Article 312 of the Criminal Code of the

Russian Federation (approved by the FSSP of Russia on April 25, 2012 No. 04-7)//SPS ConsultantPlus.

[8] Plaksina T.A. Illegal actions in relation to property subjected to inventory or arrest (part 1 of article 312 of the Criminal Code of the Russian Federation): assessment of the possibility and validity of partial decriminalization//Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2013. № 4 (14). S.31-37.

[9] Crimes against justice (Chapter 31 of the Criminal Code of the Russian Federation): monograph/ed. N.A. Lopashenko. M., 2023. 560 s.

[10] Druzin A.I. Obstruction of the execution of a judicial act. Ulyanovsk: Ulyanovsk Press House, 2001. 184 pp.

[11] Kalgov R.V. Problems of the application of Article 312 "Illegal actions in relation to property subjected to inventory or arrest or subject to confiscation" of the Criminal Code of the Russian Federation in enforcement proceedings//Practice of enforcement proceedings. 2007. No. 5-6 .//SPS "ConsultantPlus."

[12] Resolution of the Presidium of the Penza Regional Court of February 14, 2019 in case No. 44u-5/2019//SPS "ConsultantPlus."

[13] Appeal ruling of the Oryol Regional Court of May 25, 2017 in case No. 22-708/17//URL: <https://xn--90afdbaav0bd1afy6eub5d.xn--p1ai/27172646/extended>

[14] Encyclopedia of Criminal Law. T.28. Crimes against justice - Publication of Professor Malinin - St. Petersburg: MIEP at the IPA EurAsEC. St. Petersburg, 2017. 1124 pp.

ЮРКОПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОПАНИ»

издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

ШУШЕНАЧЕВА Евгения Николаевна,
студент факультета юриспруденции РГСУ,
e-mail: mail@law-books.ru

СОШЕНКО Марина Владимировна,
доцент кафедры экологии и природоохранной деятельности РГСУ,
e-mail: mail@law-books.ru

ШМЫРЕВ Виктор Иванович,
доцент кафедры экологии и природоохранной деятельности РГСУ,
e-mail: mail@law-books.ru

АРСЛАНБЕКОВА Флура Файзрахмановна,
доцент кафедры экологии и природоохранной деятельности РГСУ,
e-mail: mail@law-books.ru

КЛИМОВА Елена Владимировна
доцент кафедры экологии и природоохранной деятельности РГСУ,
e-mail: mail@law-books.ru

РОЛЬ ДОЛЖНОЙ ОСМОТРИТЕЛЬНОСТИ ОБЩЕСТВА В СИСТЕМЕ КОНТРОЛЯ ЗА ФИНАНСОВО-ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ ОБЩЕСТВА

Аннотация. На основе критического осмысления аналитических документов и научных публикаций в данной статье исследованы источники российского права, демонстрирующие механизм реализации должной осмотрительности в системе контроля за финансово-хозяйственной деятельностью общества, результаты которого свидетельствуют о необходимости цифрового регулирования и разработки нормативных актов в сфере осуществления финансового контроля. Предметом исследования выступили подходы к обеспечению должной осмотрительности общества в рамках влияния системы контроля общества на его финансово-хозяйственную деятельность, негативные и позитивные свойства внедрения новых информационных технологий в области финансового контроля, их правовое регулирование, равно как, и развитие этой отрасли в будущем. Сделан вывод о необходимости разработки комплекса нормативно-правовых актов в отношении механизма финансового контроля и институтов, направленных на оптимизацию должной осмотрительности хозяйственных обществ в Российской Федерации.

Ключевые слова: должная осмотрительность, правовое обеспечение, финансовый контроль, система контроля.

SHUSHENACHEVA Evgenia Nikolaevna,
student of the Faculty of Jurisprudence of the Russian State Social University

SOSHENKO Marina Vladimirovna,
Associate Professor, Department of Ecology and Environmental Protection, RSSU

SHMYREV Viktor Ivanovich,
Associate Professor, Department of Ecology and Environmental Protection, RSSU

ARSLANBEKOVA Flura Fayzirakhmanovna,
Associate Professor, Department of Ecology and Environmental Protection, RSSU

KLIMOVA Elena Vladimirovna,
Associate Professor, Department of Ecology and Environmental Protection, RSSU

THE ROLE OF THE COMPANY'S DUE DILIGENCE IN THE SYSTEM OF CONTROL OVER THE COMPANY'S FINANCIAL AND BUSINESS ACTIVITIES

Annotation. Based on a critical understanding of analytical documents and scientific publications, this article examines sources of Russian law that demonstrate the mechanism for implementing due diligence in the system of control over the financial and economic activities of a company, the results of which indicate the need for digital regulation and the development of regulations in the field of financial control. The subject of the study was approaches to ensuring due diligence of the company within the framework of the influence of the company's control system on its financial and economic activities, the negative and positive properties of the introduction of new information technologies in the field of financial control, their legal regulation, just like, and the development of this industry in the future. It was concluded that it is necessary to develop a set of regulatory legal acts regarding the financial control mechanism and institutions aimed at optimizing the due diligence of business entities in the Russian Federation.

Key words: due diligence, legal support, financial control, control system.

Введение

Современный этап развития Российской Федерации характеризуется значительным усилением роли государства в управлении экономикой и активизацией мер по борьбе с коррупцией и правонарушениями в бюджетной сфере. Тем не менее, именно в контексте глобализации и экономических вызовов, с которыми непосредственно сталкивается страна, необходимость рационального и эффективного управления финансовыми потоками становится особенно актуальной.

На сегодняшний день, исследование организации внутренних отношений, а именно должной осмотрительности внутри системы контроля за финансово-хозяйственной деятельностью общества по-прежнему является неотъемлемым условием стабильного и предсказуемого функционирования субъекта хозяйственной деятельности. Оно играет значительную роль не только в бюджетных правоотношениях, но и в качестве одного из элементов надлежащего мониторинга, инструмента реализации регуляторной функции среди субъектов финансовой системы, тем самым отражая значимость законности и эффективности использования финансовых средств и ресурсов, находящихся в распоряжении организаций в рамках финансовой системы государства. Так или иначе, в условиях цифровой трансформации российской экономики, активного роста электронной коммерции и нестабильной геополитической ситуации проявление должной осмотрительности становится не только ключевым элементом эффективного управления рисками, но и первостепенным инструментом опосредующим обоснование финансовых операций, включая, но не ограничиваясь, подтверждение обоснованности расходов для учета в налогооблагаемой базе, оформления вычетов и возврата налогов на добавленную стоимость (далее по тексту «НДС»), который предполагает соблюдение принципов добросовестности и прозрач-

ности в бизнесе, а также тщательной проверки всех связанных документов. Тем не менее, проблема, связанная с толкованием правовых норм, их логическим противоречием, сосредоточенных в данной области правоотношений до сих пор представляет собой острый вопрос в юридическом сообществе, равно, как и отсутствие закрепления финансового контроля на законодательном уровне.

Методология

Методологической основой исследования является комплекс научных методов познания, таких как системный, статистический, исторический, правовой, сравнительно-правовой, логический, диалектический, формально-юридический подход, историко-правовой анализ и другие методы исследования. Автором были исследованы материалы и источники различной научной литературы по предлагаемой теме, проанализированы нормативно-правовые акты Российской Федерации, в том числе основные положения Бюджетного кодекса РФ¹, Налогового кодекса РФ², Постановления Пленума Высшего арбитражного суда РФ № 53 «Об оценке арбитражными судами обоснованности получения налогоплательщиком налоговой выгоды»³, Приказа ФНС

¹ Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ (ред. от 13.07.2024, с изм. от 30.09.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998 г. № 31, ст. 3823.

² Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 29.11.2024, с изм. от 21.01.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.02.2025) // Российская газета, 01.07.2003, № 126.

³ Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 12.10.2006 № 53 «Об оценке арбитражными судами обоснованности получения налогоплательщиком налоговой выгоды» // «Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации», 12, 2006. // СПС «Консультант Плюс».

России № ММ-3-06/333@ «Об утверждении Концепции системы планирования выездных налоговых проверок»¹, Письма Федеральной налоговой службы РФ № БВ-4-7/3060@ «О практике применения статьи 54.1 Налогового кодекса Российской Федерации»², которые позволили более детально изучить вопрос механизма реализации и роли проявления должной осмотрительности в системе контроля за финансово-хозяйственной деятельностью общества, а также обозначить проблемы, возникающие в сфере реализации указанного механизма в век цифровых технологий.

Основная часть

Говоря об истоках вопроса должной осмотрительности, а в частности, сложившейся системы контроля за финансово-хозяйственной деятельностью обществ в России, иначе именуемого как «финансовый контроль», стоит отметить, что проблема в отношении него не возникла внезапно. Его начало можно отнести ко второй половине XVII века с учреждением первой государственной росписи (бюджета) в 1680 году, когда термин «государственный бюджет» заменялся понятием «государева казна». При этом, несколько позже реформы Петра I изменили структуру контроля: он упразднил Думу, передав функции Сенату, а Ближняя канцелярия занималась сверкой финансовых отчетов и законностью расходов, в то время как Сенат проводил высшую ревизию государственных затрат [1, С. 241]. Эти изменения стали основополагающими для формирования более структурированной системы контроля, способствующей улучшению управления государственными финансами [4, С. 1437].

Спустя столетие, а именно, 8 сентября 1802 года, учреждение Министерства финансов стало ключевым этапом в финансовом контроле, обеспечивая управление казенными ресурсами, а спустя девять лет был издан манифест Александра I от 28 января 1811 года, где тот создал Главное управление ревизии государственных счетов для контроля доходов и расходов на основе документальной проверки [5, С. 89]. С использованием подлинных бухгалтерских книг и отчетов анализировалось соответствие доходов и расходов установленным законодательством нормам, соблюдение правил расходования финансовых

средств, а также точность ведения учета. В случае обнаружения нарушений Главное управление имело право на применение взысканий к виновным, что способствовало повышению уровня ответственности среди служащих и обеспечивало более строгий контроль за расходованием бюджетных ресурсов.

Наряду с этим, на протяжении двух столетий, финансовый контроль преобразовывался и дополнялся правовыми нормами параллельно как политико-идеологическим, так и экономическим изменениям в стране. Однако, анализ предшествующих источников позволяет установить то, что его сущность на протяжении процесса формирования так и осталось неизменной, где он представляет собой систему мероприятий, направленных на проверку целесообразности, законности и эффективности использования финансовых средств и ресурсов организаций, что однозначно позволяет не только контролировать соблюдение норм, но и формировать рекомендации по улучшению финансового управления со стороны государства или же со стороны ответственных лиц в организации.

Между тем, на настоящий момент времени в условиях современного рынка, отличающегося высокой конкуренцией и разнообразием бизнес-моделей, хозяйственные организации должны уделять особое внимание случаям, требующим повышенной бдительности при подготовке документов, подтверждающих факты сделок, к которым относятся операции с новыми организациями, контрагентами с негативной репутацией и аффилированными лицами для налоговой оптимизации.

В этом контексте важно обратить внимание на положения пункта 1 статьи 54.1 Налогового кодекса РФ (далее по тексту «НК РФ»), который указывает, что искажение налогового и бухгалтерского учета, а также фиктивные операции ведут к признанию уменьшения налога неправомерным, что подчеркивает необходимость соблюдения принципов добросовестности и прозрачности в бизнесе, а также тщательной проверки всех связанных документов. К слову, отраженная выше норма была введена в 2017 году и запустила ряд изменений в финансово-хозяйственной деятельности обществ, в частности, должной осмотрительности, где представляет собой важный инструмент в борьбе с недобросовестными практиками в сфере налогообложения, направленная на устранение искажений, возникающих в процессе формирования налоговой базы. Основной задачей статьи является предотвращение случаев, когда налогоплательщики, искажая сведения в своей отчетности, уменьшают свои налоговые обязательства и, как следствие, суммы, подлежащие уплате в бюджет.

¹ Приказ Федеральной налоговой службы от 30 мая 2007 г. № ММ-3-06/333@ «Об утверждении Концепции системы планирования выездных налоговых проверок» (с изменениями и дополнениями) // Финансовая газета. 21.06.2007 г. № 25.

² Письмо Федеральной налоговой службы РФ от 10.03.2021 № БВ-4-7/3060@ «О практике применения статьи 54.1 Налогового кодекса Российской Федерации» // СПС «Консультант-Плюс».

Согласно статье 54.1 НК РФ, налогоплательщик может учитывать фактически понесенные расходы при выполнении двух условий:

1. Неуплата налога не должна быть основной целью сделки, что требует добросовестной коммерческой практики.

2. Обязательства по контракту должны исполняться либо самим налогоплательщиком, либо третьими лицами, если это предусмотрено.

Несоблюдение этих условий лишает права на вычет НДС и может привести к серьезным последствиям, где также важны обстоятельства, не служащие основанием для правонарушений, в частности, подписание документов неуполномоченными лицами и нарушения налогового законодательства контрагентами, как следствие, необходимости комплексного анализа конкретной ситуации, а не механического применения норм. В марте 2021 года ФНС России в письме № БВ-4-7/3060@ представила рекомендации для налоговых органов по оценке деятельности налогоплательщиков в контексте статьи 54.1 НК РФ, где следует учитывать реальность операции, деловую цель, исполнение обязательства надлежащим лицом.

Заслуживающим внимание является то, что статья 54.1 направлена на предотвращение злоупотреблений, связанных с формальным документооборотом между «техническими» компаниями, где отсутствие ресурсов у контрагента не всегда указывает на его «технический» статус, так как возможно привлечение третьих лиц для исполнения обязательств. Предметно обращаясь к судебной практике, подчеркнем, что арбитражные суды отклоняли доводы инспекций о невозможности ведения бизнеса из-за отсутствия персонала, подчеркивая допустимость контрактных отношений с другими компаниями¹. Таким образом, квалификация контрагента как «технической» компании является ключевой для определения налоговых последствий для налогоплательщика. Более того, ФНС подчеркивает, что «правовые последствия зависят от типа контрагента и взаимодействия с ним, что требует тщательного анализа обстоятельств сделок для подтверждения законности налоговых вычетов», иными словами, выбор мер и необходимой информации о контрагенте должен основываться на специфике налогоплательщика и характере его сделок.

В связи с этим, ФНС выделяет несколько признаков, указывающих на недостаточную коммерческую осмотрительность налогоплательщика:

¹ Письмо Федеральной налоговой службы РФ от 10.03.2021 № БВ-4-7/3060@ «О практике применения статьи 54.1 Налогового кодекса Российской Федерации» // СПС «Консультант-Плюс».

1. Неизвестный адрес контрагента — отсутствие информации о реальном адресе и производственных мощностях может говорить о недостаточной проверке перед сделкой.

2. Отсутствие подтверждающих документов — нехватка лицензий и разрешений указывает на высокие риски и необходимость дополнительной проверки.

3. Недостаток взаимодействия — отсутствие коммуникации между сторонами во время согласования условий может привести к недопониманию.

4. Неисполнение обязательств — отсутствие оплаты или использование «безденежных» расчетов сигнализирует о скрытых рисках.

5. Отсутствие защиты прав — пассивность налогоплательщика в защите своих интересов может указывать на недостаточную активность.

Дополнительно, отметим что необходимость активного подхода к проверке контрагентом подтверждается в частности правоприменительной практикой, где «должная осмотрительность включает получение информации о контрагенте из таких ресурсов, как «Система профессионального анализа рынков и компаний» (СПАРК), а также запрос правоустанавливающих документов²». При этом, по справедливому замечанию Верховного Суда «добросовестный налогоплательщик, надлежащим образом вступивший в правоотношения, имеет право ожидать выполнения всех налоговых обязательств контрагентом»³.

Тем не менее, «правильно оформленные первичные учетные документы, соответствующие Федеральному закону № 402-ФЗ, не всегда служат достаточным подтверждением реальности контрагента», - отмечают в своей работе Ю.В. Лебедев и Н.Н. Батищева [2, С. 4]. Вместе с тем, Ю.А. Лихотина приводит «необходимость комплексного подхода к оценке организаций в контексте должной осмотрительности» [3, С. 44]. При этом, к одним из ключевых факторов, влияющих на подтверждение реальности контрагента, выступают стоимость основных средств, наличие сотрудников, адрес регистрации и информацию о руководстве, которые непосредственно могут служить индикаторами надежности.

Проблемный аспект заключается в том, что на данный момент проявление должной осмотрительности выступает не только одной из самых бюрократизированных областей в рамках системы контроля, которое занимает немало времени как у специалистов соответствующего

² Постановление Федерального Арбитражного суда Московского округа от 28.01.2013 по делу № А40-62435/12-116-140 // СПС «Консультант Плюс».

³ Определение Верховного Суда РФ от 15.12.2021 по делу № А40-131167/2020 // СПС «Консультант Плюс».

звена, осуществляющих контроль по поручению организации, так и сотрудников государственных органов, которые как раз-таки являются частью системы контроля и пресечения, выявления правонарушений, но и одного из новоявленных институтов, который продолжает дополняться правовыми нормами и разъяснению соответствующих органов по причине осуществления ими финансового контроля.

Дополнительно, дефиниция и задачи «финансового контроля» по сей день не конкретизированы в действующем законодательстве, в связи с чем взаимосвязь с институтом должной осмотрительности при осуществлении соответствующих контрольных проверочных мероприятий усложняется, что соответственно находит свое отражение в разработке единого нормативно-правового акта, который объединит вышеуказанные нормы и заполнит соответствующие пробелы в нормах права.

Результаты

Проведенный анализ позволяет нам сделать вывод, что существует острая необходимость не только в уточнении положений, касающихся финансового контроля в части определения его сущности, задач и полномочий, но и в разработке единого нормативно-правового акта, который объединит нормы, касающиеся финансового контроля, в том числе в части критериев, механизма и санкций в отношении нарушения проявления должной осмотрительности со стороны хозяйственных обществ, что определенно позволит уточнить созданную целостную систему, в которой все элементы будут работать в унисон, обеспечивая высокую степень контроля и прозрачности.

Заключение

В современных условиях проявление должной осмотрительности требует не только внимательного, но и инновационного подхода с учетом актуальных тенденций цифровизации, где доказательства соблюдения принципов должной осмотрительности экономическими субъектами при выборе контрагента предоставляют налогоплательщикам возможность обосновать свои решения и, при необходимости, оспорить доначисления и санкции со стороны фискальных органов в судебном порядке.

Обоснованным представляется то, что систематизация и расширение методологии должной осмотрительности в рамках системы контроля за финансово-хозяйственной деятельностью общества создают опосредованные условия для комплексной оценки экономических субъектов, с которыми планируется взаимодействие, где указанный подход позволяет суще-

ственно снизить риски, связанные с потенциальными финансовыми потерями и репутационными угрозами.

Резюмируя вышеизложенное, именно законодатели, осуществляя разъяснительную работу, должны создать все необходимые условия для того, чтобы экономические субъекты могли эффективно реализовывать принципы должной осмотрительности. Это может быть достигнуто через разработку единого нормативного правового акта, в свою очередь, повысит уровень осведомленности и компетенции участников рынка, а также оптимизируют функционирование системы финансового контроля.

Список литературы:

- [1] Дудиева И.Р., Политов И.В. Эволюция государственного финансового контроля в России // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2017. Том 7. № 1А. С. 238-248.
- [2] Лебедев Ю.В., Батищева Н.Н. Метод должной осмотрительности // Southern Almanac of Scientific Research. - 2019. - № 9. - С. 4-6.
- [3] Лихотина Ю.А. Критерий должной осмотрительности в концепции необоснованной налоговой выгоды с учетом изменений налогового законодательства // Финансовое право. - 2020. - №5. - С. 43-46.
- [4] Мифтахова Ч.А. Ахметшин Э.М. История государственного финансового контроля в эпоху дворцовых переворотов // Экономика и социум - 2014 № 4 (13) – С. 1427 - 1433.
- [5] Телепнева А.В. Возникновение и развитие ревизии в системе государственного контроля России Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России 2006 № 4 (32) С. 86 - 92.

Spisok literatury:

- [1] Dudieva I.R., Politov I.V. Evolution of state financial control in Russia//Economy: yesterday, today, tomorrow. 2017. Volume 7. No. 1A. S. 238-248.
- [2] Lebedev Yu.V., Batishcheva N.N. Due diligence method//Southern Almanac of Scientific Research. - 2019. - № 9. - S. 4-6.
- [3] Likhovina Yu.A. Due diligence criterion in the concept of unreasonable tax benefit, taking into account changes in tax legislation//Financial law. - 2020. - №5. - S. 43-46.
- [4] Miftakhova Ch.A. Akhmetshin E.M. History of state financial control in the era of palace coups// Economy and Society - 2014 No. 4 (13) - S. 1427-1433.
- [5] Telepneva A.V. The emergence and development of revision in the system of state control of Russia Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia 2006 No. 4 (32) P. 86-9

КУДРЯШЕВА Ольга Юрьевна,
магистр факультета юриспруденции и правового регулирования РГСУ,
e-mail: mail@law-books.ru

СОШЕНКО Марина Владимировна,
доцент кафедры экологии и природоохранной деятельности РГСУ,
e-mail: mail@law-books.ru

ШМЫРЕВ Виктор Иванович,
доцент кафедры экологии и природоохранной деятельности РГСУ,
e-mail: mail@law-books.ru

АРСЛАНБЕКОВА Флура Файзирахановна,
доцент кафедры экологии и природоохранной деятельности РГСУ,
e-mail: mail@law-books.ru

КОВЕРКИНА Елена Владимировна,
старший преподаватель кафедры экологии
и природоохранной деятельности РГСУ,
e-mail: mail@law-books.ru

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА КРУПНЫХ СДЕЛОК В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. Отталкиваясь от критического осмысления научных публикаций и нормативно-правовых актов, в данной статье рассматриваются источники российского права, отражающие понятие, сущность и механизм совершения крупных сделок в рамках различных организационно-правовых форм системы юридических лиц в Российской Федерации, характеризующихся прямым влиянием со стороны государства и демонстрирующие механизм реализации контроля в области правового регулирования, результаты которого свидетельствуют о необходимости совершенствования нормативного регулирования в отношении сопоставления «критериев» сделки в качестве «крупной», ровно как, и соответствующего механизма её материализации в рамках деятельности организаций.

Ключевые слова: крупная сделка, взаимосвязанные сделки, критерии отграничения, правовое регулирование механизма крупных сделок.

KUDRYASHEVA Olga Yuryevna,
Master of the Faculty of Jurisprudence and Legal Regulation
of the Russian State Social University

SOSHENKO Marina Vladimirovna,
Associate Professor,
Department of Ecology and Environmental Protection, RSSU

SHMYREV Viktor Ivanovich,
Associate Professor,
Department of Ecology and Environmental Protection, RSSU

ARSLANBEKOVA Flura Fayzirakhmanovna,
Associate Professor,
Department of Ecology and Environmental Protection, RSSU

KOVERKINA Elena Vladimirovna,
Senior Lecturer,
Department of Ecology and environmental activities of the RSSU

LEGAL NATURE OF MAJOR TRANSACTIONS IN THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. Starting from a critical understanding of scientific publications and regulatory legal acts, this article examines the sources of Russian law, reflecting the concept, essence and mechanism of major transactions within the framework of various organizational and legal forms of the system of legal entities in the Russian Federation, characterized by direct influence from the state and demonstrating the mechanism for implementing control in the field of legal regulation, the results of which indicate the need to improve regulatory regulation regarding the comparison of the "criteria" of the transaction as "large," exactly as, and the corresponding mechanism for its materialization within the framework of the activities of organizations.

Key words: large transaction, interrelated transactions, delimitation criteria, legal regulation of the mechanism of large transactions.

Введение

На сегодняшний день, на фоне интенсивного роста внутри экономического пространства особо заметен подход законодателя в части поиска инновационных способов финансового взаимодействия, непосредственно осуществляемых в рамках системы юридических лиц и соответствующих организационно-правовых форм, в частности, правовые решения модернизации деятельности внутри и между хозяйственных обществ, в том числе по отношению к урегулированию конфликтов. Последние представляют собой одну из ключевых тем обсуждения как в двух плоскостях - правовой и экономической, в особенности с учетом политико-экономического опыта предшествующих годов и перехода на электронные средства взаимодействия участников обществ.

В свою очередь, рассматриваемый институт крупной сделки в отраслевом контексте действующего законодательства и его правовая природа приобретает особое значение в рамках правового режима хозяйственных обществ государства, характеризующиеся специфическими условиями деятельности, в том числе применимых правовых механизмов ее заключения, где последние не должны допускать возможность наступления риска признания заключаемых условий сотрудничества недействительными.

Методология

В качестве методологической основы исследования выступает комплекс научных методов познания, таких как системный, исторический, правовой, сравнительно-правовой, логический, диалектический, формально-юридический подход, историко-правовой анализ и другие методы исследования. Автором были исследованы материалы и источники различной научной литературы по предлагаемой теме, проанализированы нормативно-правовые акты Российской Федерации, в том числе основные положения Гражданского кодекса Российской Федерации

(далее по тексту «ГК РФ»), Федерального закона № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» (далее по тексту «ФЗ «Об АО»)¹, Федерального закона № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (далее по тексту «ФЗ «Об ООО»)², Федерального закона № 161-ФЗ «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях» (далее по тексту «ФЗ «О ГУП»)³, Основ законодательства о нотариате⁴, Письма ФНП от 01.09.2014 № 2405/03-16-3 «О направлении пособия по удостоверению нотариусом принятия общим собранием участников хозяйственного общества решения и состава участников общества, присутствовавших при его принятии»⁵, которые позволили более детально изучить вопрос правовой природы и механизма реализации крупной сделки и обозначить проблемы, возникающие в сфере её идентификации в норме права.

Основная часть

На настоящий момент времени, институт крупных сделок является относительно новым

¹ Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «Об акционерных обществах» // Собрание законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 1.

² Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ (ред. от 02.07.2021, с изм. 25.02.2022) «Об обществах с ограниченной ответственностью» // Собрание законодательства РФ. 1998. № 7. Ст. 785.

³ Федеральный закон от 14.11.2002 № 161-ФЗ (ред. от 22.04.2024) «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях» // Собрание законодательства Российской Федерации. 02.12.2002 г. № 48 ст. 4746.

⁴ Основы законодательства Российской Федерации о нотариате (утв. ВС РФ 11.02.1993 № 4462-1) (ред. от 24.07.2023) // Ведомости съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 11.03.1993 г., № 10, ст. 357.

⁵ Письмо ФНП от 01.09.2014 № 2405/03-16-3 «О направлении пособия по удостоверению нотариусом принятия общим собранием участников хозяйственного общества решения и состава участников общества, присутствовавших при его принятии» // Федеральная нотариальная палата [Электронный ресурс] — URL: https://notary-rd.ru/sites/default/files/_2405_от_01.09.14.pdf (дата обращения 11.09.2024).

явлением, поскольку в качестве источника опосредованных упоминаний о нем значится исключительно в ФЗ «Об АО», изданном незадолго до начала XXI столетия.

Вместе с тем, по мере развития нового государственного строя и соответствующих организаций параллельно возникла острая потребность в надлежащей регламентации совершения сделок внутри и между различного рода хозяйственных обществ, где в качестве основной цели регулирования выступило обеспечение защиты вышеупомянутых обществ от возможного наступления риска в части их отчуждения или приобретения как по неадекватно низкой или же высокой стоимости, как следствие, указанный институт разработан и продолжает развиваться для соответствующей правовой охраны имущественных интересов юридических лиц не зависимо от их принадлежности к той или иной организационно-правовой структуре, что в том числе выступает в качестве сущности крупной сделки.

Обращаясь к ч. 1 ст. 46 ФЗ об «ООО» отметим, что под крупной сделкой законодателем интерпретируются понимаются те «договорные отношения, которые выходят за пределы сделок, осуществляемые предприятием в рамках ведения обычной хозяйственной деятельности»¹, где имущественная стоимость указанных сделок должна непосредственно быть выше четверти балансовой стоимости активов предприятия. Как можем заметить, понятие крупной сделки занимает центральное место в корпоративном праве и находится в тесной связи с категориями «взаимосвязанные сделки» и «обычная хозяйственная деятельность». Крупная сделка, как правило, оказывает значительное влияние на финансовое положение и организационную структуру предприятия, что делает её объектом повышенного внимания со стороны законодательства. В этой связи следует обратить внимание на то, что законодательство стремится предотвратить манипуляции, которые могут возникнуть при попытке разделить одну крупную сделку на несколько мелких, чтобы избежать необходимости получения одобрения со стороны органов управления компании, тем самым подчеркивает значимость четкого определения взаимосвязанности сделок, что, в свою очередь, требует глубокого анализа их содержания и целей.

Далее перейдем к одному из значимых предметов анализа, а именно, признаков сделок, свидетельствующих о взаимосвязанности, которые подробно разъяснены в пункте 14 Постановления Пленума Верховного Суда Российской

Федерации от 26 июня 2018 года № 27 «Об оспаривании крупных сделок и сделок, в совершении которых имеется заинтересованность»² (далее по тексту «ППВС № 27»), где взаимосвязанность может быть подтверждена «стремлением к единой хозяйственной цели». Иными словами, если все переданные в рамках нескольких сделок активы находятся в руках одного лица, это также указывает на их взаимосвязанность, что опять-таки возвращает нас к первому фактору; краткий временной интервал, то бишь заключение сделок в сжатые сроки может указывать на наличие единой хозяйственной цели и на то, что они представляют собой единый комплекс действий.

Из представленного разъяснения следует, что перечень признаков взаимосвязанных сделок далеко не исчерпывающий, что соответственно открывает довольно широкие возможности для развития судебной практики и научных исследований в данной области.

Считаем необходимым акцентировать внимание на том, что еще незадолго до принятия ППВС № 27 в правовой среде со стороны заинтересованных лиц, научных деятелей и экспертов в рассматриваемой области предпринимались неоднократные попытки в части идентификации критериев для квалификации сделок хозяйственных обществ как взаимосвязанных, в частности, в своих трудах О.Б. Голованов выделял такие параметры, как «цель и предмет сделок», а также соотносил к «проблемным» те, где правообладателем становится одно и то же лицо»³.

Как исходя из широкого понимания сделки, так и согласно определению закона непосредственное установление признаков взаимосвязи в рамках заключения сделок представляет собой актуальную и многогранную проблему, которая требует внимательного анализа с точки зрения корпоративного права. Одним из значимых подходов к данной теме является позиция С.Б. Соловьева, который выделяет ряд ключевых характеристик, позволяющих отнести сделки к категории взаимосвязанных, в частности, согласно его мнению, «к таким сделкам следует относить те, которые заключены в течение короткого периода, осуществлены одними и теми же лицами, имеют идентичные условия и одинаковый характер обязательств сторон, а также влекут для общества аналогичные последствия» [5]. Предложенный подход акцентирует внимание на временных рам-

¹ Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ (ред. от 02.07.2021, с изм. 25.02.2022) «Об обществах с ограниченной ответственностью» // Собрание законодательства РФ. 1998. № 7. Ст. 785.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.06.2018 №27 // Российская газета. 06 июля 2018. №145.

³ Голованова О.Б. Крупные сделки и их последствия / О.Б. Голованова // Игровой бизнес: бухгалтерский учет и налогообложение. 2008. №3 // [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/5485538/> (дата обращения 11.09.2024)

ках, идентичности сторон и условиях сделок, что позволяет более точно определить их взаимосвязь и выявить ключевые аспекты, влияющие на правовую квалификацию. На наш взгляд, учитывая значимость этих факторов, можно утверждать, что их анализ способствует более глубокому пониманию природы сделок и их взаимосвязи в контексте хозяйственного оборота.

В то же время, несмотря на разнообразие теоретических подходов, выработанных различными исследователями, в качестве фундаментального вердикта по результатам анализа существующих академических материалов и соответствующего перечня нормативно-правовых актов выступает то, что истолкование единого и исчерпывающего понятия «взаимосвязанные сделки» представляет собой достаточно витиеватую дилемму, что обусловлено множеством факторов, включая специфику различных правовых систем, отраслей деятельности хозяйственных обществ, включая, но не ограничиваясь практическим применением ими норм, в результате которых в совокупности преобладающая часть специфических особенностей и деталей в отношении признака взаимосвязанности сделок остаются неопределенными и требуют дальнейшего изучения.

Нельзя не заметить, что на сегодняшний день в отечественном законодательстве закреплены соответствующие положения в отношении сделок, выходящих за пределы обычной хозяйственной деятельности (далее по тексту «пределы»), которое неразрывно с дефиницией «крупная сделка», раскрывающая в свою очередь «от обратного», иными словами определяется через вышеупомянутые сделки, которые не выходят за пределы, где как следствие, указанный подход позволяет правоприменителям и участникам гражданского оборота более четко ориентироваться в правовых нормах, касающихся крупных сделок и их взаимосвязи. Однако, несмотря на существующие нормы, в практике возникают трудности, связанные с интерпретацией и применением указанных положений, где необходимость в более детальном и системном подходе к определению признаков взаимосвязанных сделок остается актуальной, поскольку в условиях быстро меняющегося экономического и правового ландшафта важно иметь четкие критерии для квалификации сделок, что соответствующим образом позволит избежать правовых коллизий, повысить правовую определенность, тем самым не подорвав экономическую составляющую организаций в связи с их недостоверным выявлением со стороны третьих лиц. В то же время Верховный суд РФ в п. 9 ППВС № 27 отразил, что «сделка, совершенная юридическим лицом, считается классической до тех пор, пока не будет доказано

иное»¹, следовательно, она должна носить необычный характер для деятельности предприятия, оказывающей существенное влияние на дальнейшее его функционирование и прекращение.

В данном контексте важнейшим аспектом является исследование юридической природы рассматриваемых сделок, поскольку выводы, полученные в результате анализа, непосредственно влияют на подход к правовому регулированию данных операций. В этой связи возникает необходимость детального изучения вопроса о том, следует ли классифицировать их как гражданско-правовые сделки или же рассматривать в качестве договоров с уникальной правовой природой. В то же время учитывая специфику имущественных отношений организаций, необходимо обратиться к положениям Гражданского кодекса РФ (далее по тексту «ГК РФ»), регулирующим понятие и признаки сделок.

В соответствии со ст. 153 ГК РФ, под сделкой понимаются «действия граждан и юридических лиц, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей», к ключевым признакам которой прямо соотносятся внешнее выражение воли лица, вызывающее определенные правовые последствия, законность сделки, ее совершение субъектом гражданского права, соблюдение формы, в том числе ее направленность на возникновение, изменение и прекращение гражданских прав и обязанностей. Данные положения гражданского права находят свое применение и в сфере корпоративных отношений, в частности, при заключении организациями различного рода соглашений, в том числе договоров, из чего следует, что сделки, совершенные внутри организаций наряду с корпоративно-правовыми нормами, отраслевым законодательством, подчиняются и общим гражданско-правовым требованиям к сделкам.

Наряду с этим, дискуссионным вопросом является отсутствие единого подхода и разброс критериев «крупной сделки», которые опосредованно создают индивидуальные интерпретации данной дефиниции для различных юридических лиц. Тем не менее, для ряда организаций имущественная обособленность играет важную роль, однако механизмы ее защиты остаются недостаточно разработанными, но в любом случае нормативные положения о крупных сделках призваны предотвратить возможный вывод имущества.

В данном контексте считаем целесообразным отметить позицию Е.А. Суханова, сославшись на то, что «главное в юридическом лице не

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.06.2018 № 27 // Российская газета. 06 июля 2018. №145.

то, что есть печать и директор, а то, что есть имущество, которым оно будет отвечать перед кредиторами» [6]. Далее, как отмечает Е.В. Загребая «крупная сделка, требующая одобрения с целью предотвратить вывод части имущества и охраны имущественных интересов юридического лица, должна применяться для подавляющего числа юридических лиц» [3, С. 47].

Согласно Постановлению ПВС № 27, «крупным сделкам в то же время соотносятся сделки, связанные с правами на использование результатов интеллектуальной деятельности»¹, где крайне важно наличие качественного критерия, иначе она не будет квалифицирована как таковая.

В отсутствие четких законодательных критериев некоторые общества могут включать «несколько взаимосвязанных сделок», тогда как для других достаточно одной. Однако, А.В. Габов отмечает, что «для бюджетных учреждений крупная сделка включает несколько взаимосвязанных, в отличие от автономных, тем самым указанные различия не имеют осмысленного характера», подчеркивая необходимость более логичного подхода в законодательстве [1, С. 30]. Следует обозначить, что в теории права, равно как, и в отраслевых правовых науках дефиниция «взаимосвязанные сделки» рассматриваются под разным углом, в связи с чем Н.И. Карповой было выдвинуто предложение о «необходимости устранения пробелов в законодательстве через интеграцию признаков крупных сделок в устав автономного учреждения» [4, С. 17]. Однако создание индивидуальных перечней взаимосвязанных сделок в уставах может значительно усложнить процесс их формирования, как следствие, учредителю нового учреждения предстоит непростая задача — заранее определить исчерпывающий перечень таких сделок.

В этой связи особо подчеркнем, что определение крупных сделок формировалось под воздействием ФЗ «Об АО», который, в свою очередь, ввел термин «крупная сделка». В контексте других юридических лиц акцент смещается на количественные критерии, что способствует увеличению числа таких сделок. Эти фактические обстоятельства определили то, что можно выделить ключевые характеристики, которые выступают отличительными чертами от иных гражданско-правовых сделок, которым относятся выход за пределы; балансовая стоимость имущества, являющегося объектом сделки, превышает 25% балансовой стоимости активов общества согласно данным бухгалтерской отчетности на последнюю отчетную дату; связана с приобретением и/или отчуждением имущества; может

включать обязанность передать имущество во временное владение и/или пользование, в том числе результатов интеллектуальной деятельности.

Вместе с тем, в соответствии с ч. 4 ст. 78 ФЗ «Об АО», под сделками, не выходящими за пределы, понимаются любые сделки, заключаемые при осуществлении деятельности соответствующим обществом или другими организациями, осуществляющими аналогичные виды деятельности, независимо от того, заключались ли такие сделки ранее данным обществом, если они не приводят к прекращению деятельности общества, изменению ее вида или существенному изменению ее масштабов. В продолжение, следует отметить, что применение положения следует рассматривать только при самостоятельных условиях сделки, соответствующих критерию существенности, в связи с чем возникает потребность в разработке четких критериев для определения крупных сделок и предотвращения негативных последствий.

Результаты

Проведенный анализ позволяет нам сделать вывод, что в сложившейся экономической ситуации вплоть до настоящего момента времени выявление критериев крупной сделки, равно как, и её идентификации на наш взгляд является достаточно проблематичной процедурой с рядом особенностей, что обусловлено в соответствии с изложенной юридической техникой в нормативных правовых актах, где нами была выявлена неопределенность термина «взаимосвязанные сделки», которые, в свою очередь, находятся в сопоставлении спорной дефиниции, а также ее критериев, которые при возникновении соответствующего спора могут быть определены судом по аналогии с ранее рассмотренными спорами, среди которых «крупная сделка» может обладать иными свойствами, исходя из рода деятельности организации или же заключенных ею сделок, тем самым влияя на правовую природу крупных сделок и затягивая процесс доказывания действительности совершения крупной сделки, включая соблюдения соответствующего порядка одобрения и заключения организацией на стороне которой лежит эта обязанность, не говоря о признании такой сделки недействительной.

В связи с вышеизложенным, полагаю необходимым внести в нормативно правовые акты следующие изменения с целью совершенствования правового регулирования крупных сделок, в том числе интерпретации ее правовой природы:

- 1) Внести изменения в ч. 1 ст. 46 ФЗ «об ООО», в частности, дополнить ее абзацем 3 в части уточнения критериев для определе-

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.06.2018 №27 // Российская газета. 06 июля 2018. №145.

ния сделок как крупных, а именно, какие изменения в масштабах деятельности организаций должны быть доказаны для отнесения сделки к категории крупной по качественному признаку и критерию могут использоваться для оценки изменений в деятельности общества, чтобы предотвратить негативные последствия для хозяйственных обществ в следующей редакции:

«предусматривающая существенное изменение масштабов общества, прекращение его деятельности, вида деятельности, независимо от того, совершались ли такого рода сделки в деятельности организации ранее (в том числе передача в аренду основного производственного актива общества или существенное изменение региона деятельности или рынков сбыта).»

Дополнительно ввести в пп.3 ч. 1 ст. 78 ФЗ «Об АО» вышеуказанную оговорку.

Таким образом, данная поправка исключит разрозненность интерпретаций вышеуказанных законодательных норм, тем самым закрепит существенно важные аспекты, неотъемлемые от определения сделки как крупной.

2) Внести изменения в ст. 46 ФЗ «об ООО», а именно, дополнить её ч. 9 в части дефиниции «взаимосвязанных сделок» в следующей редакции:

«9. Для целей настоящего Федерального закона под взаимосвязанными сделками, понимаются любые сделки, заключаемые одними и теми же лицами в течении короткого периода на идентичных условиях при осуществлении деятельности соответствующим обществом либо иными организациями, осуществляющими аналогичные виды деятельности, если такие сделки влекут для общества аналогичные последствия.»

Аналогично, дополнить ст. 78 ФЗ «Об АО» ч. 5 в следующей редакции:

«5. Для целей настоящего Федерального закона под взаимосвязанными сделками, понимаются любые сделки, заключаемые одними и теми же лицами в течении короткого периода на идентичных условиях при осуществлении деятельности соответствующим обществом либо иными организациями, осуществляющими аналогичные виды деятельности, если такие сделки влекут для общества аналогичные последствия.»

Предлагаемая поправка, касающаяся понятия «взаимосвязанных сделок», представляет собой важный шаг к более точному и корректному определению термина «крупная сделка» и направлено на устранение существующих неопределенностей, которые в настоящее время наблюдаются в правоприменительной практике, ровно как, и на повышение правовой ясности в данной области.

Заключение

Подводя итог всему вышесказанному, по причине того, что хозяйственные общества могут создаваться в разных формах, начиная от акционерных обществ и обществ с ограниченной ответственностью до государственных и муниципальных унитарных предприятий, каждая из организационных форм выдвигает свои требования для совершения крупных сделок, правовая природа которых может различаться в зависимости от условий и формы документов.

Тем не менее, наблюдаемая тенденция изменений в корпоративной отрасли нормативно-правовых актов является косвенным свидетельством того, что государство заинтересовано в отношении имеющихся корпоративно-правовых сделок, включая крупные, где последние предусмотрены выполнять основную функцию – обеспечение защиты активов предприятий от риска их отчуждения по неадекватно низкой цене или приобретения по необоснованно высокой стоимости и, как следствие, ориентировано на охрану имущественных интересов юридических лиц, вне зависимости от их организационно-правовой структуры. Поскольку крупная сделка, как правило, оказывает значительное влияние на финансовое положение и организационную структуру предприятия, она становится объектом повышенного внимания со стороны законодательства.

Список литературы

[3] Габов А.В. Сделки с заинтересованностью в практике акционерных обществ: проблемы правового регулирования. М., 2005 – 411 с.

[4] Голованова О.Б. Крупные сделки и их последствия / О.Б. Голованова // Игровой бизнес: бухгалтерский учет и налогообложение. 2008. №3 // [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/5485538/> (дата обращения 11.09.2024)

[5] Загребаяева Е.В. Сделки, совершаемые юридическими лицами в особом порядке: определение единого подхода // Право и экономика 2021. № 7 (401). С. 47-59.

[6] Карпова Н.И. Гражданско-правовой статус автономного учреждения по законодательству Российской Федерации: автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.03 / Карпова Надежда Ивановна; [Место защиты: Рос. гос. социал. ун-т]. - Москва, 2010. - 28 с.

[7] Соловьев С.Б. Одобрение крупных сделок / С.Б. Соловьев // Российский налоговый курьер. 2018. № 19 // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.lawmix.ru/bux/41103> (дата обращения 11.09.2024)

[8] Суханов Е.А. Перспективы развития гражданского законодательства в России: планы и современные реалии. URL: <http://www.consultant.ru/law/interview/sukhanov/> (дата обращения: 30.10.2024).

Spisok literatury:

[1] Gabov A.V. Sdelki s zainteresovannost'yu v praktike akcionernyh obshchestv: problemy pravovogo regulirovaniya. M., 2005 – 411 s.

[2] Golovanova O.B. Krupnye sdelki i ih posledstviya / O.B. Golovanova // Igornyy biznes: buhgalterskiy uchet i nalogoblozhenie. 2008. №3 // [Elektronnyy resurs]. URL: <http://base.garant.ru/5485538/> (data obrashcheniya 11.09.2024)

[3] Zagrebaeva E.V. Sdelki, sovershaemye yuridicheskimi licami v osobom poryadke: opredelenie edinogo podhoda // Pravo i ekonomika 2021. № 7 (401). S. 47-59.

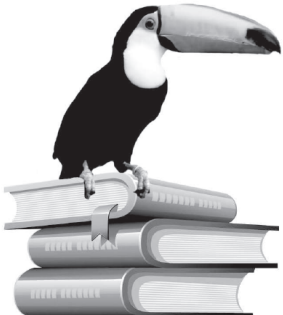
[4] Karpova N.I. Grazhdansko-pravovoy status avtonomnogo uchrezhdeniya po zakonodatel'stvu

Rossijskoj Federacii: avtoreferat dis. ... kandidata yuridicheskikh nauk: 12.00.03 / Karpova Nadezhda Ivanovna; [Mesto zashchity: Ros. gos. social. un-t]. - Moskva, 2010. - 28 s.

[5] Solov'ev S.B. Odobrenie krupnyh sdelok / S.B. Solov'ev // Rossijskiy nalogovyy kur'er. 2018. № 19 // [Elektronnyy resurs]. URL: <https://www.lawmix.ru/bux/41103> (data obrashcheniya 11.09.2024)

[6] Suhanov E.A. Perspektivy razvitiya grazhdanskogo zakonodatel'stva v Rossii: plany i sovremennyye realii. URL: <http://www.consultant.ru/law/interview/sukhanov/> (data obrashcheniya: 30.10.2024).

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ГРУДЦЫНА Людмила Юрьевна,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры конституционного и
международного права ВГУЮ (РПА Минюста России),
Председатель Московской городской коллегии адвокатов «Норма права»,
Почетный адвокат России,
арбитр Арбитражного центра при РСПП, эксперт РАН,
e-mail: ludmilagr@mail.ru
ORCID 0000-0001-7731-724X

ТАРЫГИНА Дарья Александровна,
адвокат Адвокатской палаты Московской области,
адвокат Московской городской коллегии адвокатов «Норма права»,
e-mail: dasha_tarigina@mail.ru

ДОСУДЕБНАЯ МЕДИАЦИЯ КАК ВАЖНАЯ ЧАСТЬ ДОСУДЕБНОГО РАЗРЕШЕНИЯ СПОРОВ В КИТАЕ

Аннотация. В статье авторы делают обзор видов (народная, судебная, коммерческая, профессиональная, онлайн) медиации в Китае. Досудебная медиация в Китае является эффективным инструментом, интегрированным в правовую систему, сочетает традиционные методы урегулирования конфликтов с современными технологиями, что делает её популярной среди бизнеса и граждан. Китай активно лидирует в цифровизации медиации, делая её основным инструментом для бизнеса и граждан. Отдельно авторы отмечают, что народная медиация в Китае представляет собой важный инструмент поддержания социального порядка, сочетающий традиционные ценности конфуцианского примирения с современными правовыми механизмами. Несмотря на недостатки, система остается ключевым элементом китайской модели разрешения споров.

Ключевые слова: медиация, Китай, досудебная медиация, народная медиация, судебная медиация, альтернативное разрешение споров.

GRUDTSINA Ludmila Yurievna,
Doctor of Law, Professor, Professor of the Department
of Constitutional and International Law of VGUYU
(RPA of the Ministry of Justice of Russia),
Chairman of the Moscow City Bar Association “Norm of Law”,
Honorary Lawyer of Russia, arbitrator of the Arbitration Center
under the Russian Union of Industrialists and Entrepreneurs,
expert of the Russian Academy of Sciences

TARYGINA Daria Alexandrovna,
lawyer of the Moscow Region Bar Association,
lawyer of the Moscow City Bar Association “Norm of Law”

PRE-TRIAL MEDIATION AS AN IMPORTANT PART OF CHINA'S PRE-TRIAL DISPUTE RESOLUTION

Annotation. In the article, the authors review the types (folk, judicial, commercial, professional, online) of mediation in China. Pre-trial mediation in China is an effective tool integrated into the legal system, combines traditional methods of conflict resolution with modern technologies, which makes it popular among businesses and citizens. China is actively leading in the digitalization of mediation, making it the main tool for business and citizens. Separately, the authors note that popular mediation in China is an important tool for

maintaining social order, combining the traditional values of Confucian reconciliation with modern legal mechanisms. Despite the shortcomings, the system remains a key element of China's dispute resolution model.

Key words: *mediation, China, pre-trial mediation, folk mediation, judicial mediation, alternative dispute resolution.*

В Китае досудебная медиация (*sù qián tiáojiě*) начиная с 2012 г. является важной частью системы альтернативного разрешения споров (ADR) и активно поощряется государством для снижения нагрузки на суды и поддержания социальной гармонии. Досудебная медиация в Китае регулируется Конституцией КНР [1], Законом о медиации КНР (2021), Гражданско-процессуальным кодексом КНР и локальными нормативными актами.

Виды досудебной медиации:

Народная медиация – через комитеты местных жителей.

Судебная медиация – проводится при судах, но до официального принятия иска.

Коммерческая/профессиональная медиация – через специализированные центры (например, при торговых палатах).

Онлайн-медиация – с 2017 г. развиваются платформы типа «ODR» (Online Dispute Resolution).

Рассмотрим данные виды медиации более подробно.

Народная медиация в Китае – это внесудебный механизм урегулирования споров в Китае, основанный на примирении сторон с участием нейтральных посредников. Этот институт является частью системы «социального управления», направленной на снижение нагрузки на суды и поддержание социальной стабильности. Народная медиация осуществляется на основании принципов добровольности (участие сторон основано на согласии), бесплатности (важно, что медиация не требует оплаты, что обеспечивает ее доступность для абсолютного большинства населения в КНР), гибкости (процедура менее формальна, чем судебная) и социальной ориентированности (справедливости). Комитеты народной медиации создаются при: местных администрациях (городских, сельских); предприятиях; общественных организациях. В их состав входят представители местных властей, уважаемые члены сообщества (старейшины, ветераны), а также юристы и активисты [4].

Правовую базу народной медиации составляют:

– Закон «О народной медиации» (2010 г., с поправками 2021 г.) – основной нормативный акт [2].

– Положения о комитетах народной медиации – регулируют деятельность медиаторов.

– Гражданско-процессуальный кодекс КНР – признаёт медиационные соглашения, имеющие силу судебных решений после их удостоверения судом.

Процедура народной медиации состоит из 5 этапов, в числе которых: подача заявления – одна из сторон обращается в комитет; выбор медиатора – стороны могут согласовать кандидатуру; переговоры – медиатор выслушивает позиции, предлагает решения; заключение соглашения – при успешном урегулировании; удостоверение в суде (при необходимости) – для придания соглашению обязательной силы. С помощью народной медиации в Китае могут разрешаться семейные споры (разводы, наследство), соседские конфликты (земельные вопросы, шум), а также трудовые споры.

Важно отметить, что начиная с 2010 г. применение народной медиации, во-первых, снижает нагрузку на суды – до 75% споров решается через медиацию, во-вторых, поддерживает социальную стабильность – предотвращает эскалацию конфликтов, а сочетаясь с «социалистическим верховенством права», отражает китайскую модель «правления добродетелью». Народная медиация в Китае представляет собой важный инструмент поддержания социального порядка, сочетающий традиционные ценности конфуцианского примирения с современными правовыми механизмами. Несмотря на недостатки, система остается ключевым элементом китайской модели разрешения споров [6].

Судебная медиация в Китае представляет собой процедуру урегулирования споров при участии суда, где судья или уполномоченный медиатор помогает сторонам достичь добровольного соглашения. В отличие от народной медиации, судебная медиация интегрирована в судебный процесс и может применяться на любой стадии рассмотрения дела.

Ключевыми особенностями данного вида медиации являются следующие: медиативная процедура проводится под контролем суда (но не всегда самим судьёй); она сочетает элементы медиации и судебного разбирательства; соглашение имеет силу судебного решения после утверждения судом; применяется в гражданских, коммерческих, семейных и некоторых административных спорах.

Формами судебной медиации в Китае являются: медиация, проводимая судьёй – судья

выступает в роли посредника до или во время судебного заседания; *медиация с привлечением внешних специалистов* (суд делегирует процедуру профессиональным медиаторам или народным медиационным комитетам), *онлайн-медиация* – через специализированные платформы (например, «Smart Court»).

Этапы судебной медиации в Китае классифицируются на:

Инициирование – суд предлагает медиацию, стороны могут согласиться или отказаться.

Выбор медиатора – судья, внешний эксперт или коллегиальный орган.

Проведение переговоров – обсуждаются возможные компромиссы.

Заключение соглашения – если стороны приходят к консенсусу.

Утверждение судом – соглашение приобретает силу судебного решения.

Сферами применения судебной медиации являются, в первую очередь, гражданские и коммерческие споры (долги, договоры, собственность), семейные конфликты (разводы, опека над детьми), трудовые споры, а также мелкие уголовные дела (примирение по делам частного обвинения).

Преимуществами судебной медиации являются: а) скорость – позволяет быстрее разрешить спор, чем обычный судебный процесс, б) гибкость – стороны могут предложить нестандартные решения, в) снижение конфликтности – медиация способствует сохранению отношений, г) обязательная сила соглашения – после утверждения судом оно подлежит принудительному исполнению. Вместе с тем, в Китае до сих пор недостаточно квалифицированных медиаторов (особенно – в китайских провинциях), а также нерешенной проблемой следует назвать ограниченную прозрачность данной процедуры (например, некоторые решения принимаются без достаточного публичного контроля) [4].

Судебная медиация в Китае является важным элементом правовой системы, сочетающим гибкость внесудебного урегулирования с юридической силой судебного решения. Она дополняет народную медиацию, обеспечивая более широкие возможности для разрешения конфликтов. Несмотря на некоторые проблемы, этот институт продолжает развиваться, отражая общий курс Китая на гармонизацию общества и снижение судебной нагрузки.

Коммерческая (профессиональная) медиация в Китае – это специализированный механизм внесудебного урегулирования споров между предприятиями, предпринимателями и другими

участниками коммерческой деятельности с привлечением профессиональных медиаторов.

Ключевые особенности данного вида медиации состоят в следующем:

Добровольность – стороны сами выбирают медиатора и условия процедуры.

Конфиденциальность – процесс и результаты не разглашаются без согласия сторон.

Профессионализм – медиаторы имеют юридическое или бизнес-образование и опыт в коммерческих спорах.

Гибкость – стороны могут согласовать нестандартные условия урегулирования.

Правовую базу применения коммерческой (профессиональной) медиации в Китае составляют:

Закон КНР «О медиации» (2010 г., с поправками 2021 г.) – регулирует общие принципы медиации, включая коммерческую.

Правила Верховного народного суда о медиации (2021 г.) – уточняют применение медиации в коммерческих спорах.

Международные стандарты – Китай признаёт Сингапурскую конвенцию ООН о медиационных соглашениях (2020 г.), что упрощает исполнение международных медиационных решений.

Видами коммерческой медиации являются: внутренняя коммерческая медиация – споры между китайскими компаниями, международная коммерческая медиация – споры с участием иностранных предприятий, отраслевая медиация – специализированные центры (например, для IT, строительства, финансов) [7].

Основными институтами реализации коммерческой медиации являются:

Китайский центр международного коммерческого медиарования (CICMC) как ключевая государственная платформа.

Шанхайский международный центр медиации (SCIMC), который специализируется на спорах в зоне свободной торговли.

Частные медиационные центры (например, при Китайской арбитражной комиссии, CIETAC).

Процедура коммерческой медиации состоит из пяти этапов: 1) заключение медиационного соглашения – стороны договариваются о правилах; 2) выбор медиатора – из списка аккредитованных специалистов; 3) проведение переговоров – медиатор помогает найти компромисс; 4) подписание соглашения – если стороны приходят к консенсусу; 5) исполнение – добровольное или через суд/арбитраж (при необходимости). Важно отметить, что в последние годы в Китае наметились важные тенденции, в числе которых: цифровизация (онлайн-медиация через платформы типа «Smart Court»), развитие международной

медиации (Китай продвигает свои центры как альтернативу западным) и сотрудничество с Гонконгом и Сингапуром (создание трансграничных механизмов урегулирования споров).

Сравним коммерческую (профессиональную) медиацию с другими видами медиации в Китае (табл. 1).

Таблица 1. Сравнение коммерческой (профессиональной) с другими видами медиации в Китае

Критерий	Коммерческая медиация	Народная медиация	Судебная медиация
Участники	Бизнес, предприниматели	Физические лица, местные споры	Любые стороны в судебном процессе
Медиаторы	Профессионалы (юристы, эксперты)	Общественники, старейшины	Судьи или приглашённые медиаторы
Стоимость	Платная (но дешевле суда)	Бесплатная	Бесплатная или низкая стоимость
Сила соглашения	Может быть утверждено судом/арбитражем	Требуется удостоверение в суде	Имеет силу судебного решения

Таким образом, можно сделать вывод о том, что коммерческая медиация в Китае – перспективный инструмент для бизнеса, особенно в условиях роста международных сделок. Она предлагает баланс между гибкостью и юридической защищённостью, но требует дальнейшего развития инфраструктуры и повышения доверия со стороны предпринимателей. Государство активно поддерживает этот институт, что делает его важной частью китайской системы альтернативного разрешения споров (ADR).

Онлайн-медиация в Китае – это электронная процедура урегулирования конфликтов через интернет-платформы с использованием видеосвязи, чатов и цифровых документов. Правовую основу данного вида медиации составляют:

Закон «О медиации» (2010 г., в ред. 2021 г.) – допускает дистанционные процедуры.

Директива Верховного народного суда (2021 г.) – регулирует онлайн-медиацию в судебной системе.

Правила кибербезопасности и защиты данных – обеспечивают конфиденциальность.

Ключевыми платформами для осуществления онлайн-медиации являются, «**Smart Court**» как официальная система судов КНР (интеграция с судебной медиацией, а также возможность подачи заявлений и подписания соглашений с ЭЦП); **платформы коммерческих медиационных центров** (например, China International Commercial Court (CICC) для трансграничных спо-

ров; частные сервисы (e.g., Alibaba Mediation Center для e-commerce); **WeChat-медиация** (через мини-программы в WeChat (напр., «Судебный WeChat» в Гуандуне). Сферами применения онлайн медиации являются: коммерческие споры (контракты, поставки), потребительские жалобы (особенно в e-commerce), различные семейные и трудовые конфликты, а также международные споры (с участием иностранных компаний).

Процедура осуществления онлайн медиации в Китае состоит из нескольких этапов: 1) подача заявления через электронную систему; 2) верификация сторон по ID или бизнес-регистрации; 3) выбор медиатора из аккредитованного списка; 4) сессии в Zoom/WeMeeting с записью (по согласию сторон); 5) электронное подписание соглашения с юридической силой [5].

Преимуществами онлайн медиации, на наш взгляд, являются: во-первых, ее доступность (возможность участия в процедурах онлайн медиации из любой точки мира), во-вторых, скорость — средний срок разрешения спора составляет сейчас в Китае 7–14 дней, в-третьих, снижение затрат (нет необходимости в очных встречах), в-четвертых, государственная поддержка (интеграция с «цифровыми судами»). Но, вместе с тем, помимо преимуществ, для развития процедур онлайн медиации в Китае существуют определенные проблемы, например, технические барьеры – требуется стабильный интернет, доверие к проце-

дуре - некоторые участники предпочитают очный формат, вопросы кибербезопасности - риски утечек данных. Трендами развития в ближайшие годы будут: ИИ-медиация - тестируются алгоритмы для первичного анализа споров; блокчейн

для соглашений - например, платформа Hangzhou Internet Court; расширение на международные споры — синхронизация с Сингапурской конвенцией ООН. Сравним онлайн медиацию с офлайн медиацией в табл. 2.

Таблица 2. Сравнение онлайн медиации с традиционной (офлайн) медиацией в Китае

Критерий	Онлайн-медиация	Офлайн-медиация
Сроки	1–3 недели	1–6 месяцев
Стоимость	На 30–50% дешевле	Выше (логистика, аренда залов)
География	Без ограничений	Локальный формат
Гибкость	Круглосуточный доступ к материалам	Фиксированное расписание

На основании вышеизложенного сделаем следующие выводы.

Во-первых, Китай активно лидирует в цифровизации медиации, делая её основным инструментом для бизнеса и граждан. Онлайн-формат сочетает эффективность традиционных методов с технологическими преимуществами, хотя требует доработки в части безопасности и доверия. В ближайшие годы стоит ожидать дальнейшего роста этого сегмента, особенно в международных спорах [4].

Во-вторых, суть процедуры досудебной медиации заключается в том, что стороны могут обратиться в медиативный орган до подачи иска в суд [3]. Если соглашение достигнуто, оно может быть удостоверено судом и получить силу исполнительного листа. Если медиация не удалась – дело передается в суд. Преимуществами такого вида медиации являются: быстрота (сроки медиации обычно 15–30 дней), экономия на судебных расходах, гибкость и конфиденциальность. В некоторых регионах Китая до 40-60% гражданских споров разрешаются через досудебную медиацию. Китайские суды активно направляют дела на медиацию через системы «многоступенчатого разрешения споров».

В-третьих, коммерческая медиация в Китае – перспективный инструмент для бизнеса, особенно в условиях роста международных сделок.

Она предлагает баланс между гибкостью и юридической защищённостью, но требует дальнейшего развития инфраструктуры и повышения доверия со стороны предпринимателей. Государство активно поддерживает этот институт, что делает его важной частью китайской системы альтернативного разрешения споров (ADR).

Список литературы:

- [1] КНР. Конституция (1982). Конституция Китайской Народной Республики. — URL: https://chinalaw.center/constitutional_law/china_constitution_revised_2018_russian (дата обращения: 21.05.2025).
- [2] КНР. Законы. Гражданский процессуальный кодекс: Закон Китайской Народной Республики: [принят 9 апреля 1991 г.: в ред. от 28 ноября 2007 г.]. — URL: https://chinalawinfo.ru/procedural_law/law_civil_procedure (дата обращения: 04.05.2025).
- [3] Грудцына Л.Ю. Цифровизация правосудия в США: Case Management Electronic Case Files (CMECF) и Public Access to Court Electronic Records (PACER) // Право и управление. 2025. № 2. С. 114.
- [4] Грудцына Л.Ю. Электронное правосудие в Китае // Международный научный вестник. 2025. № 2. С. 28.
- [5] Даньшин А.В. Институт медиации в традиционном Китае (X-XIX вв.). / А.В. Даньшин //

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2014. — 12 (50). — с. 42-46.

[6] Калашникова С.И. Медиация в сфере гражданской юрисдикции / С.И. Калашникова — М.: InfotropicMedia, 2011. — 304 с.

[7] Коростелева Ю.А., Симоновский Д.А. Правовое регулирование медиации в Китае: краткий обзор // Международный научно-исследовательский журнал. 2023. № 6 (132). С. 12.

Spisok literary:

[1] PRC. Constitution (1982). Constitution of the People's Republic of China. - URL: https://chinalaw.center/constitutional_law/china_constitution_revised_2018_russian (access date: 21.05.2025).

[2] PRC. Laws. Civil Procedure Code: Law of the People's Republic of China: [adopted on April 9, 1991: as amended on November 28, 2007]. - URL:

https://chinalawinfo.ru/procedural_law/law_civil_procedure (access date: 04.05.2025).

[3] Grudtsina L.Yu. Digitalization of Justice in the USA: Case Management Electronic Case Files (CMECF) and Public Access to Court Electronic Records (PACER) // Law and Management. 2025. № 2. S. 114.

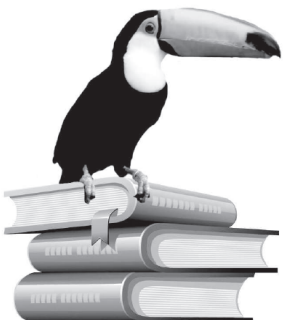
[4] Grudtsina L.Yu. Electronic justice in China / /International Scientific Bulletin. 2025. № 2. S. 28.

[5] Danshin A.V. Institute of Mediation in Traditional China (X-XIX centuries) ./A.V. Danshin//Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice. — 2014. — 12 (50). — с. 42-46.

[6] Kalashnikova S.I. Mediation in the field of civil jurisdiction/S.I. Kalashnikova - M.: InfotropicMedia, 2011. — 304 с.

[7] Korosteleva Yu.A., Simonovsky D.A. Legal regulation of mediation in China: a brief overview// International Research Journal. 2023. № 6 (132). S. 12.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, Е-Library.

ДУБЕНЬ Андрей Кириллович,
кандидат юридических наук,
старший научный сотрудник
Института государства и права РАН,
e-mail: k.duben@mail.ru

ФИЛОСОФИЯ ПРАВА МАРКСИЗМА: ИСТОРИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация. В статье исследуются основные направления становления и развития теории марксизма, обосновывается роль и значения теории марксизма в философии права, истории и теории государства и права. Автор рассматривает основные направления государственно-правовых воззрений представителей советской и европейской школы. Исследуются основные подходы к понятию «государство» и «права», делается вывод, что понимание государства и права в советской и западноевропейской школе марксизма разнятся и имеют отдельные походы и свойства? выраженные в диалектическом и историческом материализме, понимаю классовых структур общества и социоаксиологических подходов к праву. Актуальность обусловлена тем, что историческое развитие государств и национальных правовых систем продемонстрировали формирование и развитие различных учений о законах природы и общества, одним из ярких таких направлений в начале XX века стало марксистское учение. Методологической основой исследования стала система современных общенаучных и частно-правовых методов, с использованием следующих общенаучных методов: анализа и синтеза, абстрагирования и моделирования, наблюдения, обобщения, описания, классификации и др. Основными выводами проведенного исследования является то, что учения марксизма в теории и истории государства и права занимают важное значение в современной юридической науке, поскольку философия права исходит из базовых позиций учений марксизма. Сторонники марксизма в теории и истории государства и права, рассматривают право как своеобразную надстройку над экономическим базисом общества, которая отражает волю господствующего социального (экономического) класса в конкретно-исторических условиях. Важно отметить, что понимания государства и права в советской и западноевропейской школе марксизма разнятся и имеют отдельные походы и свойства, выраженные в диалектическом и историческом материализме, понимаю классовых структур общества и социоаксиологических подходов к праву. Вместе с тем марксистский философско-правовой дискурс свидетельствует о том, что марксистские учения позволяют понять и спрогнозировать процессы, происходящие в обществе и государстве.

Ключевые слова: марксизм, неомарксизм, историография, политико-правовые учения, научная школа, философия права, теоретические подходы, цивилизационные подходы, государство, право.

DUBEN Andrey Kirillovich,
PhD in Law, Senior Researcher
Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences

MARXIST PHILOSOPHY OF LAW: HISTORY AND PROSPECTS

Annotation. The article explores the main directions of the formation and development of Marxist theory, substantiates the role and significance of Marxist theory in the philosophy of law, and the history and theory of the state and law. The author examines the main directions of state and legal views of representatives of the Soviet and European schools. The study investigates the primary approaches to the concept of “state” and “law”, concluding that the understanding of the state and law in the Soviet and Western European schools of Marxism differ and possess distinct approaches and characteristics expressed in dialectical and historical materialism, the understanding of class structures in society, and socio-axiological approaches to

law. The relevance of the topic is determined by the fact that the historical development of states and national legal systems has demonstrated the formation and evolution of various teachings about the laws of nature and society, one of the prominent directions in the early 20th century being Marxist theory. The methodological basis of the research consists of a system of modern general scientific and private legal methods, utilizing the following general scientific methods: analysis and synthesis, abstraction and modeling, observation, generalization, description, classification, and others. The main conclusions of the conducted research indicate that Marxist teachings in the theory and history of the state and law occupy significant importance in contemporary legal science, as the philosophy of law originates from the basic positions of Marxist teachings. Supporters of Marxism in the theory and history of the state and law view law as a peculiar superstructure over the economic base of society, which reflects the will of the dominant social (economic) class under specific historical conditions. It is important to note that the understandings of the state and law in the Soviet and Western European schools of Marxism differ and possess distinct approaches and characteristics, expressed in dialectical and historical materialism, the understanding of class structures in society, and socio-axiological approaches to law. At the same time, the Marxist philosophical and legal discourse indicates that Marxist teachings allow for the understanding and forecasting of processes occurring in society and the state.

Key words: *Marxism, neo-marxism, historiography, political and legal doctrines, scientific school, philosophy of law, theoretical approaches, civilizational approaches, state, law.*

На современном этапе общественного развития использование информационных технологий являются необходимым элементом функционирования правового, социального государства. Информационные технологии используются государственными органами для повышения качества работы и внедрены во многие сферы деятельности и процессы, включая управление налогами и сборами, межведомственный электронный документооборот с применением электронной подписи, переход на единую платформу оказания государственных и муниципальных услуг в электронном виде и многое другое.

Философия права занимает особое положение в современной гуманитарной науке, о чем свидетельствует ее характеристика как специфического вида практической философии, которая, в свою очередь, отвечает потребностям общества и государства, при этом онтологические и антропологические знания отвечают на экономические, политические, социальные и культурно-нравственные реалии. Такие оценки могут казаться идеалистическими ввиду того, что исследования в современной юридической науке опираются на известные философские концепции [1, с. 153]. Рассматривая историографическую модель познания мира, философские идеи о человеке и обществе, возникнув в древнем мире на этапе формирования человеческой цивилизации, сформировали общие постулаты о должном праве. Марксизм сегодня приобретает особую актуальность в условиях трансформации права, изменения миропорядка и нового цивилизационного развития общества, в этой связи современная философия права ориентируется на материалистическую парадигму, включая исторический материализм, данные методы сформиро-

ваны и получили развитие в контексте марксистской философской традиции. Историческое развитие государств и национальных правовых систем продемонстрировали формирование и развитие различных учений о законах природы и общества, одним из ярких таких направлений в начале XX века стало марксистское учение. Как справедливо отмечал академик В.С. Нерсисянц, генезис и развитие учений Маркса и Энгельса о государстве и праве был подготовлен совокупностью экономических и общественно-политических событий, которые происходили на рубеже XIX в. в западноевропейской истории. Свои основные суждения и выводы были отражены в «Манифесте Коммунистической партии» - программе Союза коммунистов.

По мнению родоначальников теории марксизма, капитализм достиг своего пика и более не может справиться с теми средствами производства и обмена, которые вызрели в процессе буржуазных отношений. Марксистская политико-юридическая концепция складывалась не без влияния выдающихся французских историков и философов О. Тьерри, О. Минье, Ф. Гизо и др. Политико-правовые учения того периода способствовали к формированию новых идей о государстве и праве посредством изучения государственного строя, правовых установлений от материальных условий общественной жизни, от происходившей в истории борьбы классов. Таким образом, политические, правовые и социальные институты, сформировавшиеся в обществе, способствовали определить содержание юридической нормы, которая отражает общественный строй [2, с. 507].

Современная школа марксизма не ограничивается анализом традиционного набора марксистских взглядов на право, ряд философ-

ско-правовых и теоретических построений марксистского толка находят свое отражение в научных трудах современных отечественных ученых. К примеру, В.М. Сырых рассматривает философские и теоретические аспекты материалистической доктрины права [3], О.Э. Лейст обосновал марксистскую теорию права как позитивистскую [4], А.И. Клименко в своих работах марксизм исследует в социоаксиологическом подходе [5]. Таким образом, современная школа при формировании различных подходов актуализирует марксистские идеи для современной философии права, которая вместе с различными подходами к праву образует новый смысловой контекст развития марксистских идей.

Отдельные идеи, развитые классическим марксизмом, активно обсуждается в творчестве многих наших современников, особенно затрагиваются вопросы экономического развития, также популярным направлением является ссылка на научно-технологический уклад, который по сути представляет собой выстроенную трактовку права в духе марксизма. Рассматривая историко-правовые аспекты возникновения марксистских учений, важно обратить внимание на тот факт, что научное и философское творчество Карла Маркса находилось под влиянием гегелевского учения до 1842 г., когда он впервые упоминает об обнаруженных расхождениях между идеальной теорией и правовой практикой конституционной монархии [6, с. 356].

В научных трудах прослеживаются черты идеализма, например, в «Дебатах о свободе печати», где К. Маркс характеризует законы как «положительные, ясные, всеобщие нормы, в которых свобода приобретает безличное, теоретическое, независимое от произвола отдельного индивида существование, а свод законов рассматривается как библия свободы народа». Таким образом, ученый рассматривает закон как норму, которая защищает человека и гражданина от действий, не основанных на правовых правилах, нарушающие принцип законности и подрывающие верховенство права, тем самым категория свободы играет ключевую роль в исследуемом учении, поскольку действительным К. Маркс признает лишь закон, предоставляющий свободу и выражающий тем самым право. Следует заметить, что классики марксизма не только восприняли принципы гегелевской философии, но в отличие от других левых гегельянцев, рассматриваемые принципы не оставили в том виде, в каком они даются у Гегеля [7, с. 20]. К. Маркс в целом соглашался с основными положениями гегелевской философии, так по мнению ученого: «Что в передовых странах является уже практическим распадом современных государственных порядков, то в Германии, где этих порядков еще даже и

нет, является пока критическим распадом философского отражения этих порядков. Немецкая философия права и государства – единственная немецкая история, стоящая на уровне официальной новой современности» [8, с. 404].

Вопросам права в марксистских учениях уделялось особое внимание. Представители исследуемых учений полагали, что право – это возведенная в закон воля экономически господствующего класса, такой класс всегда составляет количественное меньшинство в обществе, но имеет возможность навязать последнему свою волю, закрепив ее в форме закона, который служит в данном случае одним из средств закрепления классового господства [9]. Родоначальники учения, Маркс и Энгельс, рассматривали различные аспекты государства, права и закона с позиций классовой борьбы [10, с. 323]. По мнению ученых, преступление они определяют не как «простое нарушение права и закона», а как «борьбу изолированного индивида против господствующих отношений» [11, с. 258-259]. Таким образом, прослеживается условность не только преступления как общественного опасного деяния, но и буржуазной «законности», которая способна изменить содержание на противоположное, следовательно, навязываемые классом угнетателей, являются «...не более как буржуазными предрассудками, за которыми скрываются буржуазные интересы» [12, с. 434]. В своих учениях Маркс допускает не только существование обычного права, но и подразумевает его закрепление наряду с правом позитивным. Следовательно, обычное право представляет собой не только предтечу и источник позитивного права, но и его дополнение в государственный период: «При господстве всеобщих законов разумное обычное право есть не что иное, как обычай установленного законом права, ибо право не перестало быть обычаем от того, что конституировалось как закон, – оно перестало быть только обычаем... право превратилось в закон, потому что обычай стал государственным обычаем». Таким образом, ученый как основоположник теории выразил идею официального закрепления правового плюрализма. Философско-правовые аспекты марксистских учений свидетельствуют о том, что марксистская теория права – это онтологическая концепция, которая исходит из того, что нельзя разрывать и противопоставлять сущее и должное, факт и норму, фактические и надстраивающиеся над ними правовые отношения.

Сравнительно-правовой анализ доказывает, что марксизм как отдельное учение, противоположен юридическому позитивизму с его отождествлением права с правопорядком. Концепция Маркса и Энгельса в своей теоретической и философской трактовке права не отрицает его

связи с социальными идеалами, нравственными нормами, равно как и необходимость ценностного подхода к праву.

Сторонники марксизма в теории и истории государства и права, рассматривают право как своеобразную надстройку над экономическим базисом общества, которая отражает волю господствующего социального (экономического) класса в конкретно-исторических условиях [13]. В частности, ученый Е.Б. Пашуканис в своих научных работах отмечал, что «историческая эволюция несет с собой не только смену содержания норм и смену институтов права, но и развитие правовой формы как таковой». Таким образом, рассматривая различные аспекты теории марксизма, выделяется рабовладельческое, феодальное, капиталистическое, социалистическое право, которое включают в себя разные типы права в зависимости от общественно-экономической формации [14, с. 14]. Для восполнения пробелов марксизма, советские ученые внесли особый вклад в развитии исследуемых учений. К примеру, как уже ранее отмечалось, теоретическое наследие Е.Б. Пашуканиса определило дальнейшее теоретическое направление в советском государстве и праве.

В частности, ученый воспользовался работами наиболее прогрессивного на тот момент течения - социологического позитивизма, поскольку данная школа права была наиболее близка к марксизму. Многие советские ученые стремились эти различия примирить, так за неприятие революции их называли «легальными марксистами» (Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, П.Б. Струве, С.Л. Франк и др.). Для Е.Б. Пашуканиса основная идея построения понятия права и институтов позитивного права строилась вокруг экономических законов. Это объясняется тем, что ученый не предлагал развитого понятийного аппарата и не опирался на количественные методы. Правовая школа ученого базировалась на марксистском положении, буржуазное право является наиболее развитым и исторически последним типом права в советском государстве. К примеру, в научном труде «Критике Готской программы» Маркс утверждал, что формально равное буржуазное право фактически есть право неравенства, данный вывод делался на том основании, что право выступает в качестве равной меры индивидов, от природы неравных по своим способностям и качествам. Следовательно, буржуазное право отражало несправедливость капитализма и подлежало упразднению при переходе к коммунизму, при этом в данном контексте у коммунистического общества право существует как право неравенства. Таким образом, будучи индивидуальным собственником, человек с необходимостью должен существовать в рамках

права, коллективная собственность делает право ненужным, т.е. полностью освобождает личность [15, с. 49].

Согласно правовым позициям Е.Б. Пашуканиса, право, как социальное явление возникает, формируется, развивается и существует только на базе товарного обмена, в этой связи право является буржуазным институтом, регулирующий отдельные социально-экономические отношения. При капитализме в государстве товарные отношения достигают своего полного развития и становятся независимыми, обретая автономность, следовательно, буржуазное право есть своего рода идеал, в виде высшей формы организации юридической материи, которая позволяет в дальнейшем регулировать товарные отношения внутри государства. Таким образом, по мнению Е.Б. Пашуканиса отмирание буржуазного права приведет к отмиранию права как социального института. Рассматривая советскую школу права, стоит обратить внимание и на западноевропейские правовые исследования.

Представителем марксистского течения является видный социолог и ученый Никос Пуланзас, чье творчество видится особенно значимым в рассматриваемом контексте, который представляет школу теоретического антигуманизма, основанная на десубъективирующем структуралистском подходе. Н. Пуланзас, исследуя феномен политической власти и сущность социальных классов в условиях капитализма, рассматривает государство как фактор сплочения формации в единое целое, так и структурой, в которой сосредоточиваются противоречия различных формационных уровней [16, р. 45]. В этой связи, главной функцией государства является сплочение формации, что особенно важно в реалиях капитализма, где господствующий способ производства навязывает другим способам свою структуру.

В отличие от идей Е.Б. Пашуканиса, Н. Пуланзас анализировал государство и политические институты как часть общей структуры капиталистического государства. В трудах ученого прослеживается идеи структуралистского марксизма, исследователь занимался не только абстрактными описаниями, но и эмпирически анализировал политические системы конкретных режимов. Никос Пуланзас исследуя роль права и государства определяет, что в настоящее время все «тесно окружены государством, чья максимально детализированная практика демонстрирует его связь с конкретными и крайне точными интересами, и в то же время, пока буржуазия извлекает множество преимуществ с такого государства, оно далеко не всегда находится в согласии с нами», такой позиции характеризуя современный государственный строй как «авторитарный этатизм» [17, р. 12].

Следовательно, государство обладает не только возможностью контролировать целое поколение знания, но и тем, каким образом это знание может быть использовано, государство, посредством права «разъединяет» атомизированных индивидов как юридических субъектов и объединяет в рамках народа-нации.

Таким образом, марксизм является средой формирования идеи единства политики, философии и науки, марксистские идеи в приложении к философии науки нашли свое закрепление. Проанализировав учения Е.Б. Пашуканиса и Н. Пуланзаса можно выделить общие черты: марксизм является наиболее прогрессивной и эффективной формой общественного устройства, который предполагает последовательное материалистическое истолкование мира. На сегодняшний день, учения марксизма в теории и истории государства и права занимают важное значение в современной юридической науке. Важно отметить, что понимания государства и права в советской и западноевропейской школе марксизма разнятся и имеют отдельные походы и свойства, выраженные в диалектическом и историческом материализме, понимаю классовых структур общества и социоаксиологических подходов к праву. Вместе с тем марксистский философско-правовой дискурс свидетельствует о том, что марксистские учения позволяют понять и спрогнозировать процессы, происходящие в обществе и государстве.

Список литературы:

- [1] Трансформация парадигмы права в цивилизационном развитии человечества: доклады членов РАН / под общ. ред. чл.-корр. РАН А.Н. Савенкова. М.: ИГП РАН, 2019. 408 с.
- [2] История политических и правовых учений: учебник для вузов / под общ. ред. чл.-корр. РАН, доктора юридических наук, профессора В. С. Нерсисянца. 2-е изд., стереотип. М.: Издательская группа Норма-Инфра, 1998. 944 с.
- [3] Алтынбасов Б.О., Сырых В.М. Материалистическая теория права о механизме перевода права из возможности в действительность // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. 2023. № 1(72). С. 13-23.
- [4] Лейст О.Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права. М.: «Зерцало», 2008. 246 с.
- [5] Клименко А.И. Марксистские основания современной философии права // Труды Института государства и права РАН. 2020. Т. 15. № 6. С. 58-76.
- [6] Маркс К. Письмо А. Руге от 5 марта 1842 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 1962. Т. 27. С. 746.

[7] Савенков А.Н. Философия права и становление российского государства-цивилизации: монография. М.: Наука, 2024. 739 с.

[8] Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. 1 изд. Институт Маркса и Ф. Энгельса. Т. 1. М.; Л.: 1928. 678 с.

[9] Пашенцев Д.А. Парадоксы закона: идеи Бруно Леони в современной историко-правовой интерпретации // Российская юстиция. 2025. № 2. С. 15-21.

[10] Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. М.: Политиздат, 1988. 589 с.

[11] Маркс К. Процесс против Рейнского окружного комитета демократов // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 1957. Т. 6. 800 с.

[12] Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 1955. Т. 4.

[13] Пашуканис Е.Б. Общая теория права и марксизм. 3-е изд. М.: Издательство коммунистической академии, 1927. 128 с.

[14] Стучка П.И. Введение в теорию гражданского права. — М.: Издательство коммунистической академии, 1927. 230 с.

[15] Жуков В.Н. Марксистская социология права первых лет советской власти: М.А. Рейснер, П.И. Стучка, Е.Б. Пашуканис // Право и государство: теория и практика. — 2014. № 1(109). С. 43-50.

[16] Poulantzas N. Pouvoir politique et classes sociales de l'état capitaliste. Paris: F. Maspero, 1968. 204 p.

[17] Poulantzas N. State, Power, Socialism. London: Verso, 1980. 280 p.

Spisok literatury:

- [1] Transformation of the paradigm of law in the civilizational development of mankind: reports of members of the Russian Academy of Sciences/under the general. ed. Corr. RAS A.N. Savenkova. M.: IGP RAS, 2019. 408 pp.
- [2] History of political and legal teachings: textbook for universities/under the general. ed. Corr. RAS, Doctor of Law, Professor V. S. Nersesyan. 2nd ed., stereotype. M.: Norma-Infra Publishing Group, 1998. 944 pp.
- [3] Altynbasov B.O., Syrykh V.M. Materialistic theory of law on the mechanism of transferring law from possibility to reality//Bulletin of the Institute of Legislation and Legal Information of the Republic of Kazakhstan. 2023. № 1(72). S. 13-23.
- [4] Leist O.E. Essence of Law. Problems of theory and philosophy of law. M.: "Mirror," 2008. 246 pp.
- [5] Klimenko A.I. Marxist foundations of the modern philosophy of law//Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 2020. VOL. 15. № 6. S. 58-76.

[6] Marx K. Letter to A. Ruge dated March 5, 1842//Marx K., Engels F. Works. 1962. VOL. 27. S. 746.

[7] Savenkov A.N. Philosophy of law and the formation of the Russian state-civilization: monograph. M.: Nauka, 2024. 739 p.

[8] Marx K., Engels F. Collected Works. 1 ed. Marx and F. Engels Institute. VOL. 1. M.; L.: 1928. 678 p.

[9] Pashentsev D.A. Paradoxes of the law: the ideas of Bruno Leoni in the modern historical and legal interpretation//Russian justice. 2025. № 2. S. 15-21.

[10] Marx K., Engels F. German ideology. M.: Politizdat, 1988. 589 p.

[11] Marx K. Process v. Rhine District Committee of Democrats//Marx K., Engels F. Writings. 1957. T. 6. 800 s.

[12] Marx K., Engels F. Manifesto of the Communist Party//Marx K., Engels F. Works. 1955. VOL. 4.

[13] Pashukanis E.B. General legal theory and Marxism. 3rd ed. M.: Publishing House of the Communist Academy, 1927. 128 s.

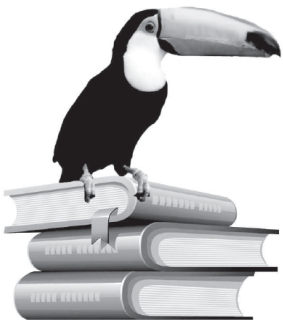
[14] Knock P.I. Introduction to civil law theory. - M.: Publishing House of the Communist Academy, 1927. 230 s.

[15] Zhukov V.N. Marxist sociology of law of the first years of Soviet power: M.A. Reisner, P.I. Stuchka, E.B. Pashukanis//Law and State: Theory and Practice. — 2014. № 1(109). S. 43-50.

[16] Poulantzas N. Pouvoir politique et classes sociales de l'état capitaliste. Paris: F. Maspero, 1968. 204 p.

[17] Poulantzas N. State, Power, Socialism. London: Verso, 1980. 280 p.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

МАШЕКУАШЕВА Маргарита Хасанбиевна,
доцент кафедры государственных и
гражданско-правовых дисциплин
Северо-Кавказского института (филиал)
Краснодарского университета МВД России,
кандидат психологических наук,
e-mail: mail@law-books.ru

ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ ПРОТИВОБОРСТВО В ИНФОРМАЦИОННОЙ СРЕДЕ: ВЫЗОВЫ И УГРОЗЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация. Распространение идеологии экстремизма - одна из острейших проблем современной России. Экстремизм все чаще проявляется в политической, экономической, социальной и религиозной сферах жизнедеятельности общества. Сегодня возникла острая необходимость определения глубинных причин и факторов, способствующих ее распространению. Террористические организации обладают достаточно большим денежным балансом и в состоянии предложить интересующему их человеку щедрое вознаграждение за его помощь. Администраторы сайтов террористической направленности могут управлять своими ресурсами удаленно, за счет этого они могут находиться где угодно, вести комфортную жизнь, даже где-то официально работать.

Ключевые слова: терроризм, экстремизм, пропаганда, идеология, информационная безопасность.

MASHEKUASHEVA Margarita Khasanbievna,
Associate Professor of the Department of State and Civil Law
Disciplines of the North Caucasus Institute (branch)
of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Candidate of Psychological Sciences

IDEOLOGICAL CONFRONTATION IN THE INFORMATION ENVIRONMENT: CHALLENGES AND THREATS TO NATIONAL SECURITY

Annotation. The spread of the ideology of extremism is one of the most acute problems of modern Russia. Extremism is increasingly manifested in the political, economic, social and religious spheres of society. Today, there is an urgent need to determine the underlying causes and factors contributing to its spread. Terrorist organizations have a fairly large cash balance and are able to offer a person of interest a generous reward for his help. Administrators of terrorist sites can manage their resources remotely, due to this they can be anywhere, lead a comfortable life, even officially work somewhere.

Key words: terrorism, extremism, propaganda, ideology, information security.

Для осуществления преступной деятельности экстремистским и террористическим организациям нужен только компьютер и выход в Интернет, часто используются ноутбуки, так как они обладают достаточной мобильностью, при необходимости их можно взять с собой или быстро избавиться. Террористические группировки могут создавать различные страницы и сайты в Интернете. Это могут быть как бесплатные хостинги или страницы в социальных сетях, так и профессиональные сайты на платных

хостингах. Они могут быть хорошо оформлены, отредактированы, иметь красивый дизайн, навигацию[1].

Главная задача такого ресурса - быстро донести информацию для сочувствующих. Они постоянно обновляются, отражают реакцию на определенные мировые события и новости. Сайты могут быть ориентированы на различную аудиторию, например, делить ее по возрасту, интересам, социальным группам, и национальности и т.д.

Социальные сети дают возможность не только размещать материалы и проводить работу с аудиторией в целом, но и вербовать отдельных пользователей, общаясь с ними в личной переписке. Террористы имеют в своих рядах грамотных специалистов-вербовщиков, обладающих достаточными познаниями для того, чтобы не только расположить отдельных людей к себе, но и заставить их проникнуться идеей террористического движения и работать на себя [2]. Кроме этого, группировкам важно создать о себе положительное мнение. Если народ начнет поддерживать их, появятся сочувствующие, будет легче вести преступную деятельность, осуществлять борьбу с государством, так как люди начнут помогать финансово и физически, укрывать преступников от правоохранительных органов.

Для привлечения новых членов используются любые доступные источники информации, начиная от простых статей в Интернете и заканчивая компьютерными играми, популяризирующими образ террориста [3]. Все материалы радикального характера буквально пропитаны насильем и направлены на разрушение.

Преступники могут подтасовывать факты, трактовать их намеренно неверно, очерняя противника и выставляя в выгодном свете себя. Они насаждают агрессию между разными слоями населения, национальностями или людьми с разным вероисповеданием. Основной смысл большинства идей в том, что избранная аудитория в чем-то превосходит других людей и имеет право на их истребление. Пропаганду они адресуют наиболее уязвимым слоям общества: это может быть молодежь или маргинально настроенные граждане, например, безработные, лица с неустойчивой психикой, имеющие обиды на Родину, семью, каких-то людей, пережившие унижения или страдания [4]. Подобного рода личные проблемы являются благодатной почвой для насаждения радикальных идей. Особое внимание стоит уделить возрастным группам, с которыми работают террористы. Учитывать также нужно этнические факторы, религиозные особенности аудитории, являющейся их конечной целью.

Тактический арсенал информационных экстремистов составляют различные экстремистские методики, направленные на противопоставление религий, народов, убеждений, идеологий, доступ к которым сегодня можно легко получить во всемирной паутине. Основным оружием информационного экстремизма является повреждение коммуникаций с целью появления хаоса в информационном обществе, а методом – воздействие на огромную по своим масштабам Интернет-аудиторию посредством размещения в сети материалов экстремистской направленности:

аудио-и видео- сообщений, документальных фильмов, текстовых материалов, а также ведение пропаганды и агитации посредством личного общения через визуальные средства общения глобальной сети. К таковым относятся многочисленные социальные сервисы, мессенджеры, форумы и микроблоги.

В настоящее время проблемы обеспечения информационно безопасности в Российской Федерации имеют первостепенное стратегическое значение для обеспечения национальной безопасности страны. При этом система информационной безопасности должна включать следующие три компонента:

- информационно-правовой (наличие соответствующей нормативной базы, определяющей защиту интересов личности, общества и государства в информационной сфере);
- информационно-технический (защита информационной сферы от несанкционированных воздействий);
- информационно-психологический (психологическая безопасность и защита гражданина от негативного информационного воздействия).

В настоящее время ведение информационных войн между странами стало обычным явлением и основной составляющей национальной политики многих государств. Примеров можно привести достаточно много.

Это информационные войны, направленные на формирование отрицательного международного общественного мнения посредством ведения массовой дезинформации, которые были развернуты против Ирака, Ливии, Сирии непосредственно перед военным вторжением в эти страны. События, происходящие на Украине, ясно показали, что против России ведётся масштабная агрессивная информационная война, угрожающая национальной безопасности нашей страны.

Очевидно, что в современном мире приоритетное стратегическое значение имеет весьма развитое информационное пространство. Одной из важнейших задач в вопросах обеспечения национальной безопасности является анализ и контроль информационных потоков, цель которого –своевременное выявление и разоблачение агрессивных информационных фантомов. Среди основных задач, которые решаются руководителями экстремистских организаций с помощью использования социальных платформ, – деятельность по вербовке новобранцев. Она заключается в создании на основе информационно-манипулятивных технологий наиболее привлекательного образа своего сайта с целью привлечь

пользователей и вызвать у них желание вступить в преступную группу. Почему именно посредством глобального информационного пространства экстремистские организации проводят пропаганду радикальных идей и организуют так называемый «онлайн-рекрутинг» новобранцев? Как упоминалась выше, причина кроется в широких возможностях киберпространства, которое не ограничено ни пространственными, ни временными, ни организационными и технологическими рамками. У пользователей глобальной сети есть возможность находится на связи круглосуточно, с любых географических точек, сохраняя при этом анонимность.

Поскольку отсутствует прямой контакт между экстремистами и пользователями социальных платформ, преступниками могут без ограничений использоваться все необходимые инструменты манипулятивной техники, с помощью которой обеспечивается неосознанность действий большинства вовлекаемых, их непонимание своего участия в экстремистской деятельности.

Своих сторонников в социальных сетях активисты преступных организаций называют такими же воинами джихада, как и бойцов сирийских группировок. Все начинается по отработанной схеме, с безобидного бытового общения в чатах социальных сервисов, постепенно оно переходит в обучение по религиозным вопросам, далее подопечные вступают в закрытые группы, имеющие высокий уровень криптозащиты, где уже на завершающем этапе и происходит окончательная вербовка. После этого, с учетом личности завербованного, определяется где и в каких целях можно его использовать.

Список литературы:

[1] Коркмазов А.В. О роли социальных сетей в распространении молодежного экстремизма и меры противодействия // Журнал прикладных исследований. 2022. № 5-2. С. 188-191.

[2] Арамисов А.А. Специфика профилактики экстремизма в высших учебных заведениях // Евразийский юридический журнал. 2024. № 6 (193). С. 427-429.

[3] Битов А.А. Некоторые проблемы противодействия проявлениям экстремистских настроений в молодежной среде // Пробелы в российском законодательстве. 2024. Т. 17. № 4. С. 160-165.

[4] Токбаев А.А., Шомахов А.К. Информационный терроризм как глобальная проблема современности // Евразийский юридический журнал. 2023. № 1 (176). С. 362-363.

Spisok literatury:

[1] Korkmazov A.V. O roli social'nyh setej v rasprostranenii molodezhnogo ekstremizma i mery protivodejstviya // Zhurnal prikladnyh issledovanii. 2022. № 5-2. S. 188-191.

[2] Aramisov A.A. Specifika profilaktiki ekstremizma v vysshih uchebnyh zavedeniyah // Evrazijskij yuridicheskij zhurnal. 2024. № 6 (193). S. 427-429.

[3] Bitov A.A. Nekotorye problemy protivodejstviya proyavleniyam ekstremistskih nastroyenij v molodezhnoj srede // Probely v rossijskom zakonodatel'stve. 2024. T. 17. № 4. S. 160-165.

[4] Tokbaev A.A., Shomahov A.K. Informacionnyj terrorizm kak global'naya problema sovremenosti // Evrazijskij yuridicheskij zhurnal. 2023. № 1 (176). S. 362-363.

JURCOMPANI

www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

ЗИГАНШИНА Екатерина Андреевна,
магистр факультета юриспруденции и правового регулирования РГСУ,
e-mail: mail@law-books.ru

СОШЕНКО Марина Владимировна
доцент кафедры экологии и природоохранной деятельности РГСУ,
e-mail: mail@law-books.ru

ШМЫРЕВ Виктор Иванович,
доцент кафедры экологии и природоохранной деятельности РГСУ,
e-mail: mail@law-books.ru

АРСЛАНБЕКОВА Флура Файзирахмановна
доцент кафедры экологии и природоохранной деятельности РГСУ,
e-mail: mail@law-books.ru

КОВЕРКИНА Елена Владимировна
старший преподаватель кафедры
экологии и природоохранной деятельности РГСУ,
e-mail: mail@law-books.ru

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫХ КОМПАНИЙ

Аннотация. В статье рассматриваются проблемные аспекты деятельности публично-правовых компаний в Российской Федерации, характеризующихся прямым влиянием со стороны государства и демонстрирующие механизм реализации контроля в области правового регулирования, результаты которого свидетельствуют о необходимости совершенствования нормативного регулирования, в частности, реформирования существующей системы в отношении прав и обязанностей публично-правовых компаний, равно как, и специфики использования, в том числе её ресурсов в области внешнего и внутреннего государственного контроля.

Ключевые слова: публично-правовая компания, публичные субъекты, автономия воли, некоммерческая организация.

ZIGANSHINA Ekaterina Andreevna,
Master of the Faculty of Jurisprudence and Legal Regulation
of the Russian State Social University

SOSHENKO Marina Vladimirovna,
Associate Professor, Department of Ecology and
Environmental Protection, RSSU

SHMYREV Viktor Ivanovich,
Associate Professor, Department of Ecology and
Environmental Protection, RSSU

ARSLANBEKOVA Flura Fayzirakhmanovna,
Associate Professor, Department of Ecology
and Environmental Protection, RSSU

KOVERKINA Elena Vladimirovna,
Senior Lecturer, Department of Ecology and Environmental Protection,
Russian State Social University

PROBLEMS AND PROSPECTS OF STATE INFLUENCE ON THE ACTIVITY OF PUBLIC LAW COMPANIES

Annotation. *The article discusses problematic aspects of the activities of public law companies in the Russian Federation, characterized by direct influence from the state and demonstrating the mechanism for implementing control in the field of legal regulation, the results of which indicate the need for improved regulation, in particular, reform of the existing system with regard to the rights and obligations of public law companies, as well as the specifics of use, including its resources in the field of external and internal state control.*

Key words: *public law company, public entities, autonomy of will, non-profit organization.*

Введение

На текущий момент времени в рамках экономической и правовой трансформации нашего государства в качестве одной из перечня приоритетных, долгосрочных задач выступает создание и реализация эффективной системы организационно-правовых форм юридических лиц, что в свою очередь подразумевает как обеспечение соответствующей оптимизации действующей структуры со стороны государственной законодательной власти, так в том числе и значительного сокращения их общего количества, что, непосредственно в параллельном соотношении позволит акцентировать материальные и нематериальные средства по отношению к созданию качественной выборки наиболее экономически целесообразных Российской Федерации правовых конструкций.

Вместе с тем, в условиях динамично изменяющейся экономической среды роль публично-правовых компаний как организационно-правовой формы, закрепившейся в действующем законодательстве не столь давно, становится особенно важной, поскольку они как связующее звено между обеспечивают необходимую гибкость и адаптивность в управлении государственными ресурсами, и реализации государственной политики где, их публичный характер назначения формирует правовой статус и определяет специфику взаимодействия с другими участниками имущественного оборота. Последнее, в свою очередь, требует от публично-правовых компаний высокой степени ответственности и прозрачности в своих действиях, что способствует укреплению доверия как со стороны общества, так и государства.

Тем не менее, ввиду новоявленности указанной организационно-правовой формы в отраслевом законодательстве по сей день возникают вопросы правоприменения в части его тесного взаимодействия с государством в рамках механизма управления и контроля, что, соответственно требует глубокого осмысления и пересмотра действующих норм.

Методология

Методологической основой исследования является комплекс научных методов познания, таких как системный, статистический, правовой, логический, диалектический, формально-юридический подход, историко-правовой анализ и другие методы исследования. Автором были исследованы материалы и источники различной научной литературы по предлагаемой теме, проанализированы нормативно-правовые акты Российской Федерации, в том числе основные положения Гражданского кодекса РФ¹ (далее по тексту «ГК РФ»), Федерального закона № 236-ФЗ «О публично-правовых компаниях» (далее по тексту «ФЗ № 236»)², Федерального закона № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях»³, Указов Президента РФ⁴, Постановлений Правительства РФ⁵, письма Минфина № 03-01-01/08-176⁶ и иных документов, которые позволили более детально изучить

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024, с изм. от 31.10.2024) // Российская газета. 08.12.1994 г. № 238-239.

² Федеральный закон от 03.07.2016 № 236-ФЗ (ред. от 30.12.2021, с изм. от 14.07.2022) «О публично-правовых компаниях в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 04.07.2016. № 27 (Часть I). С. 4169.

³ Федеральный закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ (ред. от 13.12.2024) «О некоммерческих организациях» // Собрание законодательства Российской Федерации. 15.01.1996 № 3 ст. 145.

⁴ Указ Президента РФ от 11.05.2024 № 326 (ред. от 17.06.2024) «О структуре федеральных органов исполнительной власти» // Собрание законодательства Российской Федерации. 27.01.2020 г. N 4 ст. 346.

⁵ Постановление Правительства РФ от 15.06.2018 № 682 (ред. от 14.03.2025) «Об утверждении Положения о Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 10.06.2013 г. № 23 ст. 2923.

⁶ Письмо Минфина РФ от 16 июня 2003 г. № 03-01-01/08-176 О порядке проведения реорганизации и ликвидации федеральных органов исполнительной власти и федеральных учреждений // Российская газета. 2003. № 28.

вопрос механизма реализации государственного воздействия на деятельность рассматриваемого субъекта, обозначить проблемы и перспективы их разрешения.

Основная часть

Публично-правовая компания представляет собой новое понятие, непосредственно введенное в отраслевой оборот корпоративного права в качестве подотрасли гражданского законодательства Российской Федерации, а именно ФЗ № 236, которое было направлено преимущественно на упорядочение правового регулирования в области государственных компаний и корпораций, рассматривая их как основной структурный элемент общества.

Надлежит отметить, что публично-правовые компании в первую очередь представляют собой уникальный институт, который сочетает в себе элементы государственного управления и некоммерческой деятельности, направленный на реализацию интересов общества и государства, чье правовое положение, имущество и функции требуют глубокого анализа, в том числе осознания их роли в современной экономике и правовой системе Российской Федерации.

В качестве специфической особенности публично-правовых компаний выступает особый перечень полномочий, предоставленных со стороны государства, где публично-правовые компании вправе самостоятельно, в сравнении с другими некоммерческими организациями посредством преобразования, устанавливать иной, отличный от законного, режим имущества и его перехода на безвозмездной основе. Данная тенденция отражает стремление законодателя к большей гибкости и учету специфики деятельности рассматриваемых образований в вопросах управления и распоряжения активами, что является важным аспектом развития российского законодательства. Следовательно, данный факт ставит под сомнение целесообразность классификации публично-правовых компаний как некоммерческих организаций.

Вместе с тем, модель регулирования отношений в рамках деятельности публично-правовых компаний нуждается в учете ее правовой природы, а именно некоммерческой составляющей со стороны законодательной ветви власти, не говоря о требованиях, предусмотренных ст. 2 ГК РФ, определяющей сущность предпринимательской деятельности. Если отталкиваться от предположения, что предпринимательская деятельность охватывает более широкий спектр, чем коммерческая, то возникает ряд правовых коллизий, возникающих при разграничении публично-правовых компаний и государственных корпо-

раций. Вышеизложенное позволяет установить, что на определенном этапе развития системы юридических лиц в рамках протекающих событий в Российской Федерации, присвоение публично-правовым компаниям статуса некоммерческих организаций представляется оптимальным вариантом их интеграции в вышеуказанную структуру.

Говоря о государственном воздействии на деятельность публично-правовых компаний, особо отметим, что одной из основных задач последних является проведение государственной политики, включающей в себя не только реализацию стратегий и инициатив, направленных на решение актуальных социальных, но и экономических проблем, тем самым деятельность публично-правовых компаний напрямую зависит от «задач», поставленных перед или со стороны государства. При этом, публично-правовые компании могут играть ключевую роль в формировании и реализации программ, способствующих развитию инфраструктуры, социальной сферы и других важных направлений, где в том числе могут выступать в качестве посредников, обеспечивая эффективное взаимодействие между государственными органами и населением, как следствие выступая звеном в цепочке элементов, способствующих улучшению доступности и качества услуг, таких как здравоохранение, образование, транспорт и другие.

Дополнительно в данном аспекте нельзя не упомянуть управление государственным имуществом со стороны рассматриваемой организационно-правовой формы, где эффективное администрирование активов государства позволяет не только сохранять их ценность, но и обеспечивать их рациональное использование, тем самым публично-правовые компании могут обеспечивать разработку и внедрение стратегий, направленных на оптимизацию управления ресурсами, что в свою очередь способствует повышению финансовой устойчивости и эффективности работы государственных структур. Тем не менее на текущий момент времени существует обоснованная гипотеза, что положение ст. 6 ФЗ № 236 формально закрепляет за ними право собственности на используемое имущество. Однако, несмотря на наличие этого формального признака, фактические условия эксплуатации и управления активами могут существенно ограничивать возможности компании, что соответственно подчеркивает необходимость более четкого определения их статуса.

Наряду с этим, предложенное законодательное регулирование не позволяет однозначно определить статус имущества публично-правовых организаций, в связи с чем В.П. Мозолин

высказывает мнение о том, что «имущество государственной корпорации, как и публично-правовой организации, следует рассматривать как временно переданное этой организации государством, продолжая оставаться единым и неделимым» [2, С.22]. Эта теория представляется наиболее адекватной в контексте модели, предложенной законодателем, поскольку она подчеркивает связь между государством и публично-правовыми компаниями, а также необходимость более глубокого понимания их роли в экономической системе.

Что касается государственного контроля за деятельностью публично-правовых компаний, то согласно ст. 9 и ч. 15 и 16 ст. 9 ФЗ № 236 они обязаны «создавать системы внутреннего контроля и службы внутреннего аудита», что непосредственно позволяет обеспечить более высокий уровень прозрачности и подотчетности, а также способствует выявлению и предотвращению возможных нарушений. Кроме того, в отношении упомянутых конструкций контроля существует обязательность аудита годовой бухгалтерской и консолидированной отчетности, что способствует формированию более полной картины о деятельности публично-правовых компаний и их влиянии на экономику для последующего опосредованного регулирования со стороны государства. Тем не менее, особое внимание в законе уделяется использованию временно свободных средств, где согласно ст. 18 ФЗ № 236-ФЗ, они «должны быть направлены на инвестиционную деятельность, по результатам которой также формируется отчет», тем самым способствуя активному использованию ресурсов и их перераспределению в рамках экономики. Кроме того, предусмотрен внешний государственный аудит публично-правовых компаний, реализуемый Счетной палатой РФ и предназначенный обеспечить объективность и независимость оценки их деятельности, что, как следствие, способствует повышению доверия со стороны государства и сторонних инвесторов.

Анализ отраслевого законодательства в отношении рассматриваемых субъектов позволяет утверждать, что существующие организационно-правовые формы не всегда адекватно отвечают требованиям государственного участия в гражданском обороте и решению управленческих задач, где в рамках практического применения законодательных норм сталкиваются с ограниченными полномочиями в распоряжении имуществом, что соответствующим образом может препятствовать их способности оперативно реагировать на возникающие проблемы в финансовой деятельности, которые как следствие могут привести к затруднениям в реализации проектов,

требующих быстрой адаптации к изменяющимся условиям рынка и потребностям общества. Таким образом, актуальность вопроса о необходимости дальнейшей оптимизации и реформирования структуры управления становится очевидной.

Вместе с тем, были выявлены проблемы, связанные с юридическим оформлением и функционированием созданной формы. Как указывают исследователи А.В. Еремеев и И.А. Федорова, к таким проблемам относятся «недостаточный контроль за их деятельностью, что иногда приводит к неэффективному использованию государственного имущества, ограниченный круг полномочий, отсутствие системы комплексного целевого планирования и учредительных документов, а также низкая эффективность управления по сравнению с частным сектором и потенциальная коррупционная емкость» [3, С. 99]. Эти недостатки подрывают доверие к государственным институтам и ставят под сомнение их способность эффективно выполнять возложенные на них задачи.

Несогласованность действующих норм, в том числе было выявлено в сопоставлении регулирующей деятельности публично-правовых компаний закона и ГК РФ, где в соответствии со ст. 6 ФЗ № 236, имущество таких организаций принадлежит им на праве собственности, что предоставляет им полномочия владения, пользования и распоряжения своим имуществом в соответствии с положениями ст. 209 ГК РФ. Как отмечает Ю.А. Зайцева, данное положение «подчеркивает стремление государства предоставить этой форме юридического лица более широкий объем прав на имущество по сравнению с государственными учреждениями или унитарными предприятиями» [1, С. 21]. Это свидетельствует о значительной тенденции в развитии государственного управления, где публично-правовые компании становятся ключевыми субъектами в реализации публичных функций, но в то же время еще не обладают полной свободой в осуществлении своих правомочий как собственника, где в качестве основного камня преткновения выступает предписанная норма об использовании имущества исключительно для достижения публичных целей и выполнения возложенных на компанию публично-правовых полномочий.

Результаты

Проведенный анализ позволяет нам сделать вывод, что на текущий момент времени во взаимоотношениях государства и публично-правовых компаний необходимо произвести ряд изменений, которые, в частности, включают в себе не только уточнение целей, задач и функций новообразованных форм и их место в системе юриди-

ческих лиц, но и опосредованное регулирование имущественных отношений и соответствующего контроля.

В связи с вышеизложенным, полагаю необходимым внести в нормативно правовые акты следующие изменения с целью совершенствования правового регулирования статуса публично-правовых компаний во взаимодействии с государственными структурами:

Внести изменения в ч. 5 ст. 2 ФЗ № 236-ФЗ в следующей редакции:

«5. Публично-правовая компания может быть создана в целях проведения государственной политики, предоставления государственных услуг, управления государственным имуществом, обеспечения модернизации и инновационного развития экономики, осуществления контрольных, управленческих, общественно полезных функций и полномочий в отдельных сферах и отраслях экономики, предусмотренных локальными нормативными актами публично-правовой компании на основании целей и задач реализуемой государственной политики и реализации особо важных проектов и государственных программ, в том числе по социально-экономическому развитию регионов, в целях выполнения иных функций и полномочий публично-правового характера и осуществления предпринимательской деятельности в соответствии с п. 5, 6, 10 ст. 5 настоящего Закона, если иные цели не предусмотрены не предусмотрены правовыми актами Президента Российской Федерации.»

Внесение изменений в указанную норму оптимизирует взаимодействие государства с публично-правовыми компаниями и гражданами, повышая осведомленность о публичных целях и способствуя экономическому росту, где опосредованно закрепит критерии использования ресурсов компаний, устраняя правовые неопределенности и споры, а также повысит прозрачность, что важно для удовлетворения требований общества к открытости государственных структур.

2. Закрепить публично-правовые компании как одну из форм юридических лиц в 4 главе ГК РФ, дополнив раздел «7. Некоммерческие унитарные организации» подразделом 5 и нормами, предопределяющими значение, правовое положение и имущественный характер публично-правовых компаний.

Данная поправка четко разграничит публично-правовые компании и государственные корпорации, устранив правовые неопределенности и споры, возникающие из неоднозначной интерпретации этих категорий, тем самым позволив более точно определить статус и функции орга-

низаций, что улучшит правоприменительную практику и повысит правовую определенность. В результате, ожидается более эффективное функционирование как публично-правовых компаний, так и государственных корпораций, что в свою очередь будет способствовать стабильности правовой среды в стране.

3. Внести изменения в ч. 3 ст. 20 ФЗ № 236-ФЗ в следующей редакции:

«3. Нормативным правовым актом, предусматривающим реорганизацию публично-правовой компании, должны быть, в частности, определены порядок и сроки опубликования отчета или отчетов о распоряжении денежными средствами и другим имуществом, принадлежащими публично-правовой компании на дату принятия решения о реорганизации публично-правовой компании.

При этом предусматривается направление уведомления о планируемой или осуществляемой процедуре реорганизации со стороны публично-правовой компании третьим лицам, с которыми осуществляется или планируется осуществление взаимодействия, в срок, позволяющий предпринять соответствующие меры для начала, изменения или прекращения условий взаимодействия, а также нормативно правового акта, указанного в настоящей статье». Внесение поправки в ФЗ № 236-ФЗ установит уведомительный порядок для третьих лиц, что поможет предотвратить злоупотребления и защитить права. Это также обеспечит возможность своевременного реагирования на изменения в условиях взаимодействия сторон.

Заключение

Подводя итог всему тому, что было сказано выше, отметим, что Закон о публично-правовых компаниях стал отправной точкой для реализации оптимизации действующего законодательства, обеспечив регламентацию порядка создания и функционирования новой организационно-правовой формы юридических лиц — публично-правовых компаний, где инициатива, стоящая за принятием данного законопроекта, направлена как на упрощение процедур, связанных с образованием и деятельностью юридических лиц, так и на повышение их конкурентоспособности в современных экономических условиях. Однако, отсутствие четкого определения термина в законодательстве создало правовые неопределенности, затрудняющие понимание их роли и функций в системе гражданского и отраслевого законодательства.

Проведенный в рамках настоящего исследования анализ отраслевого законодательства, отражает, что публично-правовые компании

могут рассматриваться как важный инструмент управления экономическими процессами, что подчеркивает их значимость в контексте государственной экономической политики, а их статус в преимущественной степени схож по своим функциям к государственным корпорациям, где в том числе аналогичным образом соотнесена направленность на обеспечение создания посредством публично-правовых компаний других юридических лиц — как коммерческих, так и некоммерческих, что непосредственно открывает новые перспективы для реформирования их роли в системе государственного управления и взаимодействия с частным сектором.

Список литературы:

[1] Зайцева Ю. А. Конституционно-правовые основы создания и деятельности публично-правовых компаний / В кн.: «Конституция Российской Федерации и современный правопорядок». Московская юридическая неделя. Материалы XV Международной научно-практической конференции. В 5-ти частях. М., 2019. 10 с.

[2] Мозолин В.П. Правовой статус государственной корпорации и юридическая природа

права собственности на принадлежащее ей имущество // Журнал российского права. 2009. № 1. С. 20-26.

[3] Федорова, И.А., Публично-правовые компании как новый способ участия Российской Федерации в гражданско-правовых отношениях / 336 И. А. Федорова, А. В. Еремеев // Экономика. Право. Общество. - 2018. - № 3 (15). - С. 98-103.

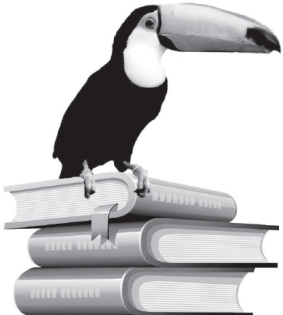
Spisok literatury:

[1] Zaitseva Yu. A. Constitutional and legal basis for the creation and activities of public law companies/In the book: "The Constitution of the Russian Federation and the modern rule of law." Moscow Legal Week. Materials of the XV International Scientific and Practical Conference. In 5 parts. M., 2019. 10 s.

[2] Mozolin V.P. Legal status of a state corporation and the legal nature of ownership of its property//Journal of Russian Law. 2009. № 1. S. 20-26.

[3] Fedorova, I.A., Public law companies as a new way of participation of the Russian Federation in civil law relations/336 I. A. Fedorova, A. V. Ereemeev// Economics. Right. Society. - 2018. - № 3 (15). - S. 98-103.

**ЮРИДИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ЮРКОМПАНИ»**

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

КУДРЯШЕВ Артем Анатольевич,
магистр факультета юриспруденции и правового регулирования РГСУ,
e-mail: mail@law-books.ru

СОШЕНКО Марина Владимировна,
доцент кафедры экологии и природоохранной деятельности РГСУ,
e-mail: mail@law-books.ru

ШМЫРЕВ Виктор Иванович,
доцент кафедры экологии и природоохранной деятельности РГСУ,
e-mail: mail@law-books.ru

АРСЛАНБЕКОВА Флура Файзирахмановна
доцент кафедры экологии и природоохранной деятельности РГСУ,
e-mail: mail@law-books.ru

КЛИМОВА Елена Владимировна
доцент кафедры экологии и природоохранной деятельности РГСУ,
e-mail: mail@law-books.ru

КОРПОРАТИВНЫЙ КОНТРОЛЬ И УПРАВЛЕНИЕ: ПОНЯТИЕ И ПРИНЦИПЫ

Аннотация. Статья посвящена анализу понятийного аппарата в правовом регулировании корпоративного управления и контроля. Актуальность исследования предопределена стремительным развитием коммерческого сектора и соответствующей организации отношений, складывающихся внутри деятельности общества, где контроль и управление в сфере владения, пользования и распоряжения имуществом отличаются не только разноплановостью правового регулирования, но и первостепенной ролью в обеспечении стабильности и благополучия компании. При этом, как показывает практика, в условиях стремительного развития и изменения бизнес-моделей, традиционные правовые нормы часто оказываются недостаточно эффективными для регулирования указанных видов организации, что влечет за собой не только многочисленные нарушения прав физических и юридических лиц, но и упущенные шансы на последующее развитие, проблемы в применении законов и замедление экономического и научного прогресса.

Ключевые слова: правовое регулирование, корпоративный контроль, корпоративное управление, управление рисками.

KUDRYASHEV Artem Anatolyevich,
Master of the Faculty of Jurisprudence and Legal Regulation
of the Russian State Social University

SOSHENKO Marina Vladimirovna,
Associate Professor, Department of Ecology and Environmental Protection, RSSU

SHMYREV Viktor Ivanovich,
Associate Professor, Department of Ecology and Environmental Protection, RSSU

ARSLANBEKOVA Flura Fayzirakhmanovna,
Associate Professor, Department of Ecology and Environmental Protection, RSSU

KLIMOVA Elena Vladimirovna,
Associate Professor, Department of Ecology and Environmental Protection, RSSU

CORPORATE CONTROL AND MANAGEMENT: CONCEPT AND PRINCIPLES

Annotation. *The article is devoted to the analysis of the conceptual apparatus in the legal regulation of corporate governance and control. The relevance of the study is predetermined by the rapid development of the commercial sector and the corresponding organization of relations within the activities of society, where control and management in the field of ownership, use and disposal of property are distinguished not only by the diversity of legal regulation, but also by the primary role in ensuring the stability and well-being of the company. At the same time, as practice shows, in conditions of rapid development and change in business models, traditional legal norms are often not effective enough to regulate these types of organization, which entails not only numerous violations of the rights of individuals and legal entities, but also missed chances for subsequent development, problems in the application of laws and slowdown in economic and scientific progress.*

Key words: *legal regulation, corporate control, corporate governance, risk management.*

Введение

На настоящий момент времени, хоть и возникновение корпоративного права в России стало предметом углубленного анализа со стороны цивилистов, что привело к активному изучению концепции «управления», но последняя до сих пор не нашла ясного юридического толкования и соответствующего отражения в нормативно-правовых актах, в том числе остается неунифицированной в юридической литературе, что обусловлено множеством интерпретаций исследователей, что подчеркивает сложность и многогранность данного явления.

Вместе с тем, корпоративное управление следует рассматривать как одно из ключевых достижений XX века, играющее центральную роль в развитии рыночной экономики, значение которого трудно переоценить, поскольку оно не только регулирует внутренние процессы управления в организациях, но и способствует формированию эффективных механизмов взаимодействия между различными заинтересованными сторонами, где непосредственное определение основ корпоративного управления, его участников и ключевых принципов, включая, но не ограничиваясь контролем, является критически важным для правового анализа и решения практических задач в данной области. В свою очередь, обращение к понятию «контроля» служит отправной точкой для изучения элементов корпоративного управления, установленного нормативно-правовыми актами, которое далеко не всегда обладало тем набором свойств и направленностью, присущих ему в современных условиях и характеризующихся устойчивым развитием и цифровой революцией, когда происходят изменения в образе жизни и рабочих процессах людей.

Вышеизложенное подчеркивает актуальность исследования корпоративного права и управления, в особенности в условиях динамично меняющегося рынка и растущей сложности взаи-

модействий между участниками экономики страны, где крайне необходимо глубокое понимание основ корпоративного управления, что способствует эффективной деятельности организаций.

Методология

Методологическая основа исследования включает в себя комплекс научных методов познания, таких как системный, исторический, правовой, сравнительно-правовой, логический, диалектический, формально-юридический подход, историко-правовой анализ и другие методы исследования. Автором были исследованы материалы и источники различной научной литературы по предлагаемой теме, проанализированы нормативно-правовые акты Российской Федерации, в том числе основные положения Гражданского кодекса Российской Федерации (далее по тексту «ГК РФ»)¹, Федерального закона № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» (далее по тексту «ФЗ «Об АО»)², Федерального закона № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (далее по тексту «ФЗ «Об ООО»)³, которые позволили более детально изучить вопрос правовой природы корпоративного управления и контроля, равно как и выявить правовые коллизии, имеющиеся в норме права.

Основная часть

Термин «структура управления», введенный экономистом Оливером Уильямсоном в 1975 году, представляет собой первооснову для кон-

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 13.12.2024) // Российская газета. 08.02.1996. № 25.

² Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «Об акционерных обществах» // Собрание законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 1.

³ Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ (ред. от 02.07.2021, с изм. 25.02.2022) «Об обществах с ограниченной ответственностью» // Собрание законодательства РФ. 1998. № 7. Ст. 785.

цепции «корпоративного управления», которая стала предметом серьезного научного анализа. Впервые официальное определение термина «корпоративное управление» было предложено экономистами Евгением Ф. Фамой и Майклом С. Дженсенсом в 1983 году. Однако, несмотря на почти 40 лет с момента введения, существующее понятие корпоративного управления остается неопределенным и лишено единого определения, но что известно точно - оно направлено на привлечение инвесторов посредством внедрения режимов, способствующих эффективному функционированию на рынке, и на разумное ограничение полномочий взаимодействующих в организации лиц.

Вместе с тем, на сегодняшний день данные определения, сформированные со стороны научного юридического сообщества можно условно разделить на следующие три категории, среди которых выделяется абстрактное повествование, то есть акцент смещается на концептуальных и философских аспектах; узконаправленные – с фокусом на конкретных механизмах управления и более широкие, в частности охватывающие социальный и экономический контекст управления. Такое разнообразие подходов подчеркивает необходимость дальнейшего исследования и уточнения концепции корпоративного управления, что имеет важное значение как для практики, так и для теории в области управления организациями.

В данном контексте считаем особо значимым обозначить то, что наиболее унифицированная дефиниция корпоративного управления в части содержательного аспекта, в частности, со слов Л. Зингалеса представляет «сложную систему ограничений, формирующую процесс фактического распределения прибыли по квази-ренте, генерируемой компанией» [1, С.4].

В изучении корпоративного управления существует множество подходов к его определению, которые учитывают различные факторы, включая внешние элементы и субъекты, где в отличие от узких определений, акцентирующих внимание на экономических аспектах, более широкие формулировки рассматривают социальное воздействие внешних факторов и внутренние органы корпорации. Тем не менее, несмотря на разнообразие теоретических определений, многие из которых демонстрируют ключевые элементы объекта исследования, в частности, субъекты, объект и содержание, наличие узких концепций со стороны теоретиков подчеркивают экономические причины, в то время как широкие понятия часто оказываются расплывчатыми, затрудняя понимание управления, а точнее, его сущности.

В свою очередь, считаем необходимым упомянуть позицию Е.А. Суханова, который отмечает, что «под системой корпоративного управления понимается система и компетенция органов корпораций как юридических лиц» [11, С.203]. Дополнительно, в отношении данного феномена в рамках исследования, а именно выявления его многогранности и сложно структурного содержания надлежит отметить утверждение И.С. Шиткиной, где «корпоративное управление представляет собой совокупность способов воздействия или процесс, организующий деятельность корпораций как особой организационно-правовой формы юридического лица» [13, С. 26]. В то же время, в отличие от ранее упомянутых определений, зарубежные источники выделяют два уровня корпоративного управления, где в широком смысле это представляет собой комплексное изучение механизмов, регулирующих корпоративную власть, включая различные аспекты взаимодействия между акционерами, управляющими и другими заинтересованными сторонами, а в узком смысле данный подход сосредоточен на анализе процессов делегирования полномочий профессиональным менеджерам, а также на механизмах контроля за их деятельностью, что позволяет более глубоко понять динамику управления и ответственности в корпоративной среде. Тем самым происходит разграничение между правом собственности и правом хозяйственного ведения, где как следствие корпоративный менеджмент фокусируется на аспектах хозяйственного ведения, подчеркивая важность предоставления полномочий собственниками корпораций, в то время как корпоративное управление акцентирует внимание на праве собственности и надлежащем контроле за менеджерами.

Тем не менее, обращаясь к непосредственному регулированию корпоративного управления в государстве, следует отметить Письмо Банка России, в содержании которого упомянут Кодекс корпоративного управления (далее по тексту «ККУ»), выступающий не только связующим инструментом направления компании, но и одним из элементов контроля посредством инкорпорации его положений в внутренние документы [14]. В рамках ККУ корпоративное управление в первую очередь является «системой взаимоотношений между исполнительными органами, советом директоров, акционерами и другими сторонами, структурно распределенными на права акционеров, функционирование совета директоров, роль корпоративного секретаря, система вознаграждения, управление рисками, раскрытие информации и информационная политика в связи с чем, к принципам данного управления можно отнести: справедливость, прозрачность, подотчетно-

сти и социальной ответственности. Сказанное позволяет заключить то, что принципы корпоративного управления демонстрируют тенденции и цели, направленные на создание прозрачной и ответственной бизнес-среды, способствующей устойчивому развитию и защите интересов всех заинтересованных сторон.

В то же время, как представляется на первый взгляд, обращение к дефиниции «контроля» являет собой отправную точку в изучении элементов рассмотренного нами ранее корпоративного управления, установленного нормативно-правовыми актами нашей страны, однако, оно далеко не всегда обладало тем перечнем свойств и направленностью, которые присущи ему сейчас – в век устойчивого развития, роста информационной доступности, изменения образа жизни и работы людей под влиянием цифровой революции. Наряду с этим дает понимание длительности истории данного метода в русскоязычной среде, восходящей к XVIII веку, в совокупности произошедших изменений данной категории и заимствованному еще из французского языка, обозначая «проверку» или «наблюдение» [15].

Однако, не взирая на достаточно многочисленный перечень научных исследований в этой области, «контроль» зачастую воспринимается исключительно в публично-правовом аспекте, что существенным образом накладывает ограничения на его толкование, в связи с чем целесообразно провести анализ его двух основных разновидностей, где имеет место быть публично-правовой и частноправовой контроль, что однозначно подчеркивает важность комплексного подхода к исследованию контроля, охватывающего как публичные, так и частные аспекты правового регулирования. В данном контексте Н.М. Коршунов отмечает, что «внедрение публичного права в частноправовое регулирование создает особые юридические процедуры и порядок защиты прав» [8, С. 230]. Нельзя не согласиться с этим утверждением, поскольку вмешательство государства в контроль допустимо в строго ограниченных рамках и условиях, где непосредственное сохранение «хрупкого равновесия» между частным и публичным правом является ключевым в рамках сложившихся взаимодействия сторон. Тем не менее, контроль внутри корпорации в рамках корпоративного управления аналогично должен осуществляться посредством механизмов саморегулирования на основе устава и внутренних документов, что обеспечит эффективное управление и защиту интересов участников, минимизируя риск излишнего государственного вмешательства.

Особое значение в свете новых задач государственного регулирования приобретает публично-правовой контроль, который согласно

положениям нормы Федерального закона № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» (далее по тексту «ФЗ № 248») а именно ст. 1 определяется как «деятельность, направленная на профилактику нарушений, их выявление и устранение последствий»¹. В данном контексте особо отметим, что корпоративное управление с участием государства неотъемлемо от контрольно-проверочных мероприятий, охватывающих предпринимательскую деятельность с ориентиром обеспечения баланса указанных прав.

Согласно мнению В. П. Беляева, «контроль осуществляется уполномоченными органами, которые проверяют соответствие деятельности нормативным требованиям, анализируют результаты управления и принимают меры по предотвращению нарушений» [4, С.74]. Е. А. Кочерин акцентирует внимание на том, что «контроль должен обеспечивать приближение фактического исполнения к запланированным результатам» [9, С.348]. Таким образом, публично-правовой контроль заключается в действиях уполномоченных органов, которые проверяют соответствие деятельности нормативным предписаниям, анализируют результаты управления и принимают меры по пресечению нарушений, что подчеркивает его значимость и необходимость в современном обществе для обеспечения правопорядка и стабильности [6, С.46].

Помимо вышеизложенного, следует отметить, что государственная контрольная деятельность, по мнению Д. Б. Алексеева, является «двуединонаправленной функцией, направленной на обеспечение законности, повышение качества государственной власти и защиту безопасности хозяйственной деятельности граждан и организаций. Эта позиция подчеркивает важность стабильного функционирования рынка и свободного предпринимательства» [2, С.1135]. Иными словами, В. Г. Бессарабов определяет государственный контроль как «деятельность уполномоченных органов, направленную на проверку соблюдения законодательства и оценку целесообразности управленческих решений, что затрагивает интересы граждан и юридических лиц» [5, С.131].

Обращаясь непосредственно к позициям судов, сложившихся на текущий момент времени, в первую очередь подчеркнем позицию судебной коллегии Конституционного Суда Российской Федерации (далее по тексту «Конституционный Суд»), который в рамках разрешения спора сослался на нормы основного закона страны, а

¹ Федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ (ред. от 28.12.2024) «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 03.08.2020 г. № 31 (часть I) ст. 5007.

именно ст. 10, 114 Конституции, где «контроль относится к ведению органов исполнительной власти»¹². Так, контроль со стороны государства – это в первую очередь система действий органов власти, направленных на выявление и предотвращение нарушений с подачи предпринимателей и соответствующих организаций, что способствует обеспечению законности в экономической деятельности и защите интересов как государства, так и граждан. Это свидетельствует о широких диспозитивных возможностях, предоставленных законодателем органам власти в сфере регулирования их имущественных и/или управленческих отношений внутри АО и/или ООО, что подтверждается и позицией высшей судебной инстанции.

В данном контексте следует упомянуть «регулятор» указанного вида контроля, который частично сосредоточен в положениях Федерального закона № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» (далее по тексту – «ФЗ № 294»), в свою очередь содержащий не только гарантии организаций, но и правовые основы взаимодействия с соответствующими органами³.

Из сказанного становится очевидным то, что в нашей стране до конца не выстроилась соответствующая система контроля со стороны государства, что подтверждается не только содержанием ФЗ № 294 в части отсутствия конкретизации перечня видов контроля, но и специ-

фических условий проведения контрольных мероприятий. В этой связи А.М. Тарасов справедливо отмечает, что «существует скорее совокупность контрольных органов и регламентирующих их деятельность правовых актов, чем полноценная система» [12, С.29].

В современном правовом контексте особое внимание следует уделить недавно принятому ФЗ № 294. Несмотря на его значимость, данный нормативный акт, к сожалению, содержит ряд недостатков, касающихся защиты прав предпринимателей, как указано было нами ранее.

Дополнительно отметим, что в его содержании помимо контроля отсутствует четко обозначенная цель, а также вводится понятие «обязательные требования», которые сводятся к условиям, ограничениям, запретам и обязанностям, как указано в подпункте 1 пункта 1 статьи 10 Федерального закона № 247-ФЗ «Об обязательных требованиях в Российской Федерации» (далее по тексту «ФЗ № 247»)⁴. Как следует из текста статьи, данный подход можно охарактеризовать как излишне строгий, что вызывает необходимость его пересмотра, особенно в аспекте обременения субъектов контроля обязанностью самостоятельно устанавливать фактические обстоятельства дела, поскольку при анализе соответствующего федерального закона следует отметить, что его действие не распространяется на соблюдение эмитентами норм законодательства об АО и ценных бумагах, а также на корпоративные отношения внутри АО (подпункт 10 пункта 4 статьи 2 ФЗ № 294).

Несмотря на то что гражданско-правовой контроль не поддерживается силой публичного принуждения, контролируемые субъекты обязаны нести риски, связанные с невыполнением требований контролирующего лица [7, С.4]. В случаях, когда частный контроль оказывается недостаточным, его функции дополняются публичным контролем. Таким образом, частный контроль демонстрирует приоритет благодаря своей гибкости и способности адаптироваться к специфике частных отношений. Корпоративный контроль, по мнению О. А. Беляевой, «является ключевым аспектом корпоративных отношений, позволяющим участникам влиять на подконтрольные организации» [3, С. 320]. С. Д. Могилевский и Е. А. Егорова акцентируют внимание на том, что эти отношения следует рассматривать как управленческие, а не только связанные с правом собственности [10, С.5]. Целесообразно сде-

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 06.04.2004 № 7-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 2 статьи 87 Кодекса торгового мореплавания Российской Федерации и Постановления Правительства Российской Федерации от 17 июля 2001 года № 538 «О деятельности негосударственных организаций по лоцманской подводке судов» в связи с жалобой Международной общественной организации «Ассоциация морских лоцманов России» и автономной некоммерческой организации «Общество морских лоцманов Санкт-Петербурга» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. № 15. Ст. 1519.

² Постановление Конституционного Суда РФ от 31.05.2005 № 6-П «По делу о проверке конституционности Федерального закона «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» в связи с запросами Государственного Собрания - Эл Курултай Республики Алтай, Волгоградской областной Думы, группы депутатов Государственной Думы и жалобой гражданина С.М. Шевцова» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2005. № 23. Ст. 2311.

³ Федеральный закон от 26.12.2008 № 294-ФЗ (ред. от 26.12.2024) «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» (с изм. и доп.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 29.12.2008 г. № 52 (часть I) ст. 6249.

⁴ Федеральный закон от 31.07.2020 № 247-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «Об обязательных требованиях в Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации (pravo.gov.ru). 31.07.2020 №. 0001202007310002.

лать вывод о том, что концепция корпоративного контроля в юридической науке остается неопределенной, в первую очередь ввиду того, что дефиниции «господство» и «определяющее влияние» не имеют четкого содержания, что тем самым затрудняет их интерпретацию. Кроме того, следует подчеркнуть, что действующее законодательство не предлагает унифицированного определения корпоративного контроля.

Результаты

Проведенный анализ позволяет нам сделать вывод, что в сложившейся экономической ситуации вплоть до настоящего момента времени дефиниция и принципы корпоративного контроля в рамках корпоративного управления до сих пор не закреплены в нормативных правовых актах, хотя и являются неотъемлемым элементом любой организации. В связи с вышеизложенным, полагаем необходимым внести в нормативно правовые акты следующие изменения с целью совершенствования правового регулирования контроля, в том числе интерпретации ее правовой природы:

Внести изменения в ФЗ «Об АО», дополнив статью 47 частью 4 в следующей редакции:

«1. Гражданско-правовой контроль (частноправовой контроль) за деятельностью акционерного общества осуществляется в рамках реализации субъективных прав и исполнения обязанностей контролирующими субъектами.

2. Контроль осуществляется на основе принципов координации и субординации различных действий в отношении подконтрольного субъекта, включая само общество, его структурные подразделения, а также зависимые от него физические и юридические лица.

3. Основной целью гражданско-правового контроля является установление соответствия между фактическими и ожидаемыми результатами деятельности акционерного общества в соответствии с действующим законодательством, уставом общества и внутренними документами.

4. Гражданско-правовой контроль представляет собой специфический феномен частноправовых взаимоотношений между субъектами, основанный как на принципах частноправовой координации, так и на принципах частноправовой субординации.

5. Акционерное общество обязано создать условия для эффективного осуществления гражданско-правового контроля, включая предоставление необходимой информации и доступа к документам, связанным с его деятельностью, в целях обеспечения прозрачности и подотчетности».

Вместе с тем, предлагается ввести вышеуказанные нормы в части корпоративного кон-

троля в ФЗ «Об ООО», дополнив статью 33 частью 3 в следующей редакции:

«3. 1) Общие собрания участников общества осуществляют гражданско-правовой контроль (частноправовой контроль) за деятельностью общества, что представляет собой реализацию субъективных прав и исполнение обязанностей контролирующими субъектами.

2) Контроль осуществляется на основании принципов координации и субординации различных действий в отношении подконтрольного субъекта, включая само общество, его структурные подразделения, а также зависимые от него физические и юридические лица.

3) Основной целью данного контроля является установление соответствия между фактическими и ожидаемыми результатами деятельности общества в соответствии с действующим законодательством, уставом общества и внутренними документами.

4) Гражданско-правовой контроль представляет собой специфический феномен частноправовых взаимоотношений между субъектами, основанный как на принципах частноправовой координации, так и на принципах частноправовой субординации.

5) Участники общества обязаны создавать условия для эффективного осуществления гражданско-правового контроля, включая предоставление необходимой информации и доступа к документам, связанным с деятельностью общества, с целью обеспечения прозрачности и подотчетности».

Внесение указанной поправки в законы повысит прозрачность деятельности компаний, укрепляя доверие акционеров и заинтересованных сторон, где строго регламентированные принципы контроля создадут механизмы подотчетности для руководства, способствуя выявлению правонарушений и оказывая содействие непосредственному развитию корпоративного управления, как следствие, повышению конкурентоспособности обществ.

Заключение

Подводя итог всему вышесказанному, контроль и управление имуществом являются ключевыми элементами, обеспечивающими стабильность и устойчивость корпоративных структур, где «корпоративное управление» охватывает сложную систему «сдержек и противовесов», функционирующую между управленческими органами и государственными инструментами, направленными на предотвращение злоупотреблений и защиту прав акционеров с целью соответствующей защиты интересов всех участников, достижении необходимых финансовых и опера-

ционных показателей, что способствует созданию устойчивой и конкурентоспособной бизнес-среды.

В свою очередь, отсутствие четкого законодательного определения термина «контроль» создает правовую неопределенность, подчеркивая необходимость эффективного правового обеспечения этих процессов, не говоря о проблемах реализации контрольных функций внутри организаций, которые могут приводить к конфликтам интересов, что негативно сказывается на их функционировании, в связи с чем разработка рекомендаций по совершенствованию правового регулирования контрольных отношений представляется необходимой для повышения эффективности функционирования хозяйствующих субъектов и минимизации рисков, связанных с недобросовестными действиями.

Нельзя не согласиться с тем, что эффективное управление и контроль являются неотъемлемыми составляющими успешного функционирования акционерных обществ и других корпоративных структур. Улучшение правового регулирования, внедрение современных методов контроля и активное взаимодействие между всеми заинтересованными сторонами создадут прочную основу для устойчивого развития корпоративного сектора в России.

Список литературы:

- [1] Zingales L. Corporate Governance // NBER Working Paper. 1997. No. 6390. P. 4.
- [2] Алексеев Д. Б. Система государственной контрольной деятельности // Административное и муниципальное право. 2015. № 11. С. 1131-1137.
- [3] Аюрова А.А., Беляева О.А., Вильданова М.М. и др. Юридические лица в российском гражданском праве: монография. Виды юридических лиц в российском законодательстве (в трёх томах, том второй) (отв. ред. А.В. Габова). - М.: «Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М», 2022. 352 с.
- [4] Беляев В. П. Контроль и надзор как формы юридической деятельности6 вопросы теории и практики: дисс.... д-ра юрид. наук. Саратов, 2006. 436 с.
- [5] Бессарабов В. Г. Государственный контроль. Прокурорский надзор в России // монография/ В.Г. Бессарабов - Москва : Юрлитинформ, 2019. – 243 с.
- [6] Богославский Е. А. Контроль и надзор как форма реализации правовой политики – М.: НИИ ИЭП. 2015. 122 с.
- [7] Грабко О.В. Классификация гражданско-правового контроля // Власть Закона. 2018. N 2. С. 198 - 202.

[8] Коршунов Н. М. Конвергенция частного и публичного права: проблемы теории и практики. М.: Норма: ИНФРА-М, 2014. 238 с.

[9] Кочерин Е. А. Основы государственного и управленческого контроля / Е. А. Кочерин; Фонд контрольных исслед. - Москва: Филинь, 2000. – 375 с.

[10] Могилевский С.Д., Егорова М.А. Корпоративная защита как отражение сущности корпоративных прав // Гражданское право. 2015. № 1. С. 3 - 6.

[11] Суханов Е.А. Сравнительное корпоративное право. М., 2014. С. 203.

[12] Тарасов А.М. Государственный контроль: сущность, содержание, современное состояние // Журнал российского права. 2002. № 1. С. 26 -36.

[13] Шиткина И.С. Корпоративное право России: состояние и вектор развития // Вестник Московского университета. Серия 11. Право – 2017 – С. 3 – 28.

[14] Центральный банк Российской Федерации: официальный сайт // [Электронный ресурс] URL: <https://cbr.ru/publ/vestnik/ves140418040.pdf>. (Дата обращения 28.09.2024).

[15] Этимологические онлайн-словари русского языка: // [Электронный ресурс] URL: <https://lexicography.online/etymology/%D0%BA/%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D1%82%D1%80%0%BE%D0%BB%D1%8C> (дата обращения 25.10.2024).

Spisok literatury:

- [1] Zingales L. Corporate Governance // NBER Working Paper. 1997. No. 6390. P. 4.
- [2] Alekseev D. B. System of state control activities//Administrative and municipal law. 2015. № 11. S. 1131-1137.
- [3] A.A. Ayurova, O.A. Belyaeva, M.M. Vildanova et al. Legal entities in Russian civil law: monograph. Types of legal entities in Russian legislation (in three volumes, volume two) (rev. ed. A.V. Gabov). - M.: “Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation: INFRA-M,” 2022. 352 pp.
- [4] Belyaev V.P. Control and supervision as a form of legal activity6 questions of theory and practice: diss. Dr. Jurid. sciences. Saratov, 2006. 436 pp.
- [5] Bessarabov V. G. State control. Prosecutor’s supervision in Russia//monograph/V.G. Bessarabov - Moscow: Yurlitinform, 2019. - 243 s.
- [6] Bogoslavsky E. A. Control and supervision as a form of implementation of legal policy - M.: Research Institute of IEP. 2015. 122 s.
- [7] Grabko O.V. Classification of civil control// Power of Law. 2018. N 2. S. 198-202.

[8] Korshunov N. M. Convergence of private and public law: problems of theory and practice. M.: Norm: INFRA-M, 2014. 238 pp.

[9] Kocherin E. A. Fundamentals of State and Management Control/E. A. Kocherin; Control Coronavirus Fund. - Moscow: Filin, 2000. - 375 s.

[10] Mogilevsky S.D., Egorova M.A. Corporate protection as a reflection of the essence of corporate rights//Civil law. 2015. № 1. S. 3-6.

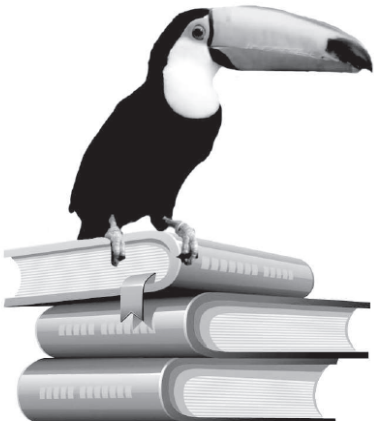
[11] E.A. Sukhanov. Comparative corporate law. M., 2014. S. 203.

[12] Tarasov A.M. State control: essence, content, current state//Journal of Russian law. 2002. № 1. S. 26 -36.

[13] Shitkina I.S. Corporate Law of Russia: State and Vector of Development//Bulletin of Moscow University. Series 11. Law - 2017 - S. 3 - 28.

[14] Central Bank of the Russian Federation: official website//[Electronic resource] URL: <https://cbr.ru/publ/vestnik/ves140418040.pdf>. (Accessed on 28.09.2024).

[15] Russian Language Etymological Online Dictionaries ://[Electronic Resource] URL: <https://lexicography.online/etymology/%D0%BA/%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D1%82%D1%80%D0%BE%D0%BB%D1%8C> (accessed date 25.10.2024).

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

ПРАВО и УПРАВЛЕНИЕ

научно-правовой журнал

(№ 5 май)

2025 год

Подписано в печать 10.06.2025.
Формат 60х90/8. Печ. л. 68,25. Тираж 100 экз. Заказ № 48.

Отпечатано в типографии ИП Миронова В. В.
г. Орехово-Зуево Московской области, ул. Ленина, д.102.